

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. XII, part 3

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg

«Nauka»

2016

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XII, часть 3

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург

«Наука»

2016

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский.

Т. XII. Ч. 3. I. Исследования по балканистике. II. Лингвистическая судебная экспертиза: типы, методы, решения. III. Varia / Ред. М. Л. Кисилиер, И. Е. Кузнецова, А. Ю. Русаков. СПб.: Наука, 2016. — 837 с.

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-039726-2

РЕДКОЛЛЕГИЯ

«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),
PhD Assoc. Prof. A. Varentsen / А. Барентсен (Нидерланды,
Амстердамский ун-т), член-корр. РАН Н. Б. Вахтин, д. филол. наук
М. Д. Воейкова, член-корр. РАН Е. В. Головкин, PhD Prof. L. Grenoble /
Л. Гренобль (США, ун-т Чикаго), PhD, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь),
к. филол. наук А. Ю. Кожевников, д. филол. наук В. М. Круглов,
член-корр. РАН С. А. Мызников, д. филол. наук, проф. В. И. Подлеская
(Москва, РГГУ), PhD Prof. J. Russell / Дж. Рассел (США, Гарвардский ун-т),
д. филол. наук А. Ю. Русаков, д. филол. наук, проф. А. Н. Соболев
(заместитель председателя), к. филол. наук С. С. Сай, к. филол. наук
А. Ю. Урманчиева, д. филол. наук, проф. В. С. Храковский,
Dr. habil. Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Финляндия, ун-т Хельсинки)

Редакторы тома: М. Л. Кисилиер, А. Ю. Русаков (раздел I);
И. Е. Кузнецова (раздел II)

Ответственные за выпуск от редколлегии: Е. В. Головкин, А. Ю. Урманчиева
Рецензенты тематических частей: М. В. Домосилецкая, Ф. А. Елоева,
П. А. Кочаров, А. В. Шацков (раздел I); А. В. Вольнская, Е. Н. Геккина,
В. А. Ефремов, Н. В. Козловская (раздел II)

Выпуск подготовлен при поддержке гранта РГНФ «Корпусные исследования балканских языков» № 14-04-00581

Материалы доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН:
https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XII_3.pdf

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-039726-2

© Коллектив авторов, 2016.

© ИЛИ РАН, 2016.

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2016.

Исследования по балканистике

**Лингвистическая судебная
экспертиза: типы, методы,
решения**

Varia

Часть I

Исследования по балканистике

ОТ РЕДАКТОРОВ

Предлагаемый читателю раздел можно рассматривать как очередное представление работ петербургских балканистов. Балканские исследования в Петербурге проводятся на базе, по крайней мере, трех научных учреждений: Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра общего языкознания, Греческий институт филологического факультета) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН¹. Они регулярно организуют и проводят диалектологические и этнографические экспедиции² и конференции, среди которых стоит выделить секцию «Балканистика. Византистика. Неоэллинистика» ежегодной Международной филологической научной конференции и аналогичную секцию Международной конференции студентов-филологов³. Важнейшей особенностью научных проектов, реализуемых петербургскими балканистами, является открытость и междисциплинарность. К проектам активно привлекаются молодые и начинающие исследователи, а в ходе их реализации налаживаются связи с коллегами из Москвы и других стран (в первую очередь — Албании, Греции и США).

На русском языке наиболее значительные результаты находят свое отражение в словарях и монографиях [Домосилецкая 2002; Кисилиер (отв. ред.) 2009; Соболев 2013], в томах «Малого диалектологического атласа балканских языков» (МДАБЯ), выходящих в рамках совместного проекта издательств «Наука» (Санкт-Петербург) и

¹ Развитию балканистических исследований в этих учреждениях главным образом способствовала научная и педагогическая деятельность Агнии Васильевны Десницкой.

² Например, при участии ИЛИ РАН ежегодно проводятся экспедиции на Балканы под руководством А. Н. Соболева, исследователи из МАЭ РАН, ИЛИ РАН и СПбГУ в течение нескольких лет собирали полевой материал в греко- и албаноязычных селах Украины (руководители — Е. В. Перехвальская, А. А. Новик, М. Л. Кисилиер), а Греческий институт филологического факультета СПбГУ, начиная с 2010 г. организовал более двадцати экспедиций в места компактного проживания носителей цаконского диалекта новогреческого языка на Пелопоннесе в Греции (руководитель — М. Л. Кисилиер).

³ Обе секции проводятся в Греческом институте филологического факультета СПбГУ (www.hellenicinstitutе.ru), первая — в марте, вторая — в апреле.

«Verlag Otto Sagner» (Мюнхен), а также в виде статей в ведущих лингвистических журналах (например, «Вопросы языкознания») или в тематических сборниках и коллективных монографиях (например: [Русаков (отв. ред.) 2006; МДАБЯ 2013]). Настоящий раздел в журнале «Acta Linguistica Petropolitana», посвященный балканистике, можно рассматривать как продолжение этой традиции. Редакторы раздела трактуют термин ‘балканистика’ в широком его понимании, включая сюда и проблемы новогреческих диалектов, находящихся за пределами Балкан. Нам представляется, что привлечение новогреческого диалектного материала не только поможет по-новому взглянуть на сам материал, избавив его от «греческой исключительности», но и будет полезным для балканистики в целом, поскольку позволит более четко определить географические и хронологические границы многих лингвистических явлений.

Раздел «Исследования по балканистике» открывает статья Л. А. Герд и М. Л. Кисилиера (с. 13), в которой на документах из афонских монастырей демонстрируется возможность проведения диалектологических исследований в диахронии.

Этнолингвистическое описание Н. Г. Голант (с. 27) рассказывает о некоторых сюжетах, связанных с румынской народной мифологией. Материал, представленный в статье, был собран в округах Вылча, Горж и Мехединць (Олтения) и Бузэу (Мунтения).

М. В. Домосилецкая (с. 41) публикует результаты лексикографического исследования, в котором прослеживает закономерности в народном наименовании дикой мальвы (*Malva silvestris*) и дикого и посевного артишока (*Cynara scolymus* и *cardunculus*) на материале девяти балканских языков.

Работа А. С. Дугушиной (с. 67) написана по результатам экспедиций в албаноязычные села Украины (см. сн. 2) и посвящена изучению цикла родинной обрядности.

На примере фотоколлекции Ю. В. Ивановой Д. С. Ермолин (с. 75) демонстрирует, как можно использовать фотоматериалы прошлых лет в ходе проведения современного полевого исследования у албаноязычных жителей Украины.

Л. Н. Каминская уже много лет изучает «Словарь» С. Палласа, созданный при Екатерине II, и в своей работе (с. 83) обсуждает принципы графического представления фонетики албанских лексем, для записи которых использовалась кириллица.

Статья М. Л. Кисилиера (с. 93) посвящена аналитическим формам настоящего времени и имперфекта в цаконском диалекте новогреческого языка. Автор выдвигает предположение о том, что эти формы представляют собой не результат иноязычного влияния, а неожиданное развитие определенных внутренних предпосылок, заложенных в греческом языке вообще.

В работе М. Л. Кисилиера, А. А. Новика и А. Н. Соболева (с. 111) представлены предварительные этнолингвистические и диалектологические наблюдения из Дропула (Албания), собранные в 2009 г. Предпринятое описание позволяет сделать вывод о том, что греческий диалект Дропула, по-видимому, принадлежит к северногреческому диалектному ареалу, однако, находясь на периферии, утратил или, наоборот, не развил некоторые особенности, общие для других северногреческих диалектов.

Е. А. Литвин (с. 135) анализирует фольклорные мотивы, характерные для текстов колыбельных песен, написанных на диалектах итальянского и греческого языков области Саленто (южная Италия).

В статье М. С. Морозовой (с. 147) представлены наблюдения над лексическими особенностями албанского диалекта села Жовтневое Болградского района Одесской обл.

М. С. Морозова, Т. А. Архангельский, М. А. Даниэль и А. Ю. Рузаков (с. 169) затрагивают ряд прикладных и теоретических задач, связанных с Национальным корпусом албанского языка, созданным албанистами СПбГУ в тесном сотрудничестве с московскими коллегами: расширение объема, разработка морфологического стандарта и пополнение грамматического словника.

Работа А. А. Новика (с. 191) описывает знахарские практики в трех селах Запорожской обл. (Украина) с албанским и смешанным албанским и гагаузским населением.

В статье В. В. Панова (с. 201), рассматриваются формы прогрессива в грико (одном из греческих диалектов Южной Италии). Автор выдвигает предположение о существовании южноитальянского языкового союза, включавшего греческие, итальянские, и, возможно, албанские диалекты, распространенные на юге Италии.

В исследовании В. В. Федченко (с. 215) анализируются нормообразующие функции константинопольского диалекта новогреческого языка, в котором, согласно наблюдениям автора, плохо различимы архаизмы и диалектизмы.

И наконец, немецкий неозллинист и издатель средневековых текстов Ганс Айденайер (с. 245) размышляет о соотношении «устного» и «письменного» в греческой традиции, которую он предлагает рассматривать как неразрывность связи гармонии, ритма и слова.

Редакторы выражают признательность Н. Н. Казанскому, благодаря которому раздел «Исследования по балканистике» вообще смог появиться на свет, Д. А. Кочарову и О. Н. Николаенковой, давшим много ценных советов по транскрибированию диалектных примеров, М. В. Домосилецкой, Ф. А. Елоевой, М. С. Морозовой, П. А. Кочарову, А. Н. Соболеву и А. В. Шацкову, высказавшим много полезных замечаний по окончательному варианту раздела, Кэтрин Стаматис, вычитавшей и исправившей английские аннотации и названия, и, конечно же, А. В. Андрееву, подготовившему оригинал-макет.

Литература

- Домосилецкая 2002 — М. В. Домосилецкая. Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь. Скотоводческая лексика. СПб.: Наука, 2002.
- Кисилиер (отв. ред.) 2009 — М. Л. Кисилиер (отв. ред.). Язык и культура мариупольских греков. Т. 1. Лингвистическая и этнокультурная ситуация в селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб.: Алетейя, 2009.
- МДАБЯ 2013 — А. А. Новик, А. Н. Соболев (ред.). Голоборда (Gollobordë), Албания. СПб. — München: Наука — Verlag Otto Sagner, 2013.
- Русаков (отв. ред.) 2006 — А. Ю. Русаков (отв. ред.). Проблемы балканской филологии. Сборник статей. СПб.: Наука, 2006.
- Соболев 2013 — А. Н. Соболев. Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. Т. 1. *Homo balcanicus* и его пространство. СПб. — München: Наука — Verlag Otto Sagner, 2013.

Л. А. Герд, М. Л. Кисилиер

*СПБНИ РАН — СПбГУ, Санкт-Петербург, СПбГУ — ИЛИ РАН,
Санкт-Петербург*

АКТЫ ИЗ АФОНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ КАК МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА¹

Один из парадоксов греческой диалектологии заключается в следующем: довольно хорошо известны и расклассифицированы древнегреческие диалекты (см., например: [Buck 1955; Horrocks 1997: 7–16; Χριστίδης (επιστ. ελμ.) 2001: 281–371]; с грехом пополам описаны новогреческие диалекты [Newton 1972; Κοντοσόπουλος 2001; Trudgill 2003; Ralli 2006], а что происходило между этими двумя крайними точками, практически неизвестно. Существует распространенная гипотеза, согласно которой эллинистическое койне уничтожило древнегреческие диалекты, а потом (начиная с X–XII вв.) стали появляться уже новогреческие диалекты [Κοντοσόπουλος 2010: 188]. Несмотря на очевидную ошибочность этой точки зрения², даже она постулирует существование диалектного членения в греческом языке средних веков и более позднего времени. Однако об этих средневековых диалектах практически ничего неизвестно.

Пожалуй, единственным исключением до последнего времени можно было считать языки литератур Критского и Кипрского

¹ В основе статьи лежат доклады, прочитанные на Рабочей конференции по греческой диалектологии (Греческий институт филологического факультета СПбГУ / ИЛИ РАН, 28.05.2012) и Colloquium Balticum XI Lundense (Лундский университет [Швеция], 8–10.11.2012). Авторы статьи благодарят Критона Хрисохойдиса (Центр национальных исследований, Византийский институт, г. Афины) за предоставленные материалы, коллег из Лундского университета (Швеция) — Карин Бломквист и Василиса Сабатакиса — за ценные замечания по докладу, а также О. Н. Николаенкову (СПбГУ) за помощь при подготовке статьи.

² Вероятно, современный цаконский и критский диалекты восходят к дорийскому, ряд древнегреческих фонетических (и, возможно, даже просодических) черт, нехарактерных для стандартного новогреческого, наблюдаются в понтийском, кипрском, грико и проч. Большое количество особенностей, наблюдаемых в современных новогреческих диалектах, обусловлено их контактами на каком-то этапе развития с другими балканскими языками.

Возрождения и отчасти Константинополя, по сути, представлявшие собой наддиалектные койне, по которым, впрочем, можно было в общем проследить историю развития соответствующих диалектов.

Отдельные черты локальных языковых вариантов отмечаются в литературных текстах. Например, в «Морейской хронике» (ок. XIV в.) удалось обнаружить следующие формы:

⇒ *ὀλπίζω* ‘надеюсь’ [Chr. Mor. 2, 25] vs. н.-греч. *ἐλπίζω*; ср.: карп. *oríǰo* [Рылик 2013: 54], понт. (Кромни) *ὀγῶ* [Οἰκονομίδης 1958: 28] vs. н.-греч. *εγῶ*, зап.-крит. *ὄffēros* ‘пустой’ vs. вост.-крит. *έffēros* [Κοντοσόπουλος 1988: 65], друпул. *ὀksu* ‘снаружи’ vs. н.-греч. *έξω* [Кисилиер и др. 2016: 127];

⇒ *ένι* <быть.PRS.3.SG> [Chr. Mor. passim] vs. н.-греч. *είναι*; ср.: цак.³ *éni* (см. также ниже с. 19);

⇒ *έ-λάλ-ει* <PST-болтать.IPFV-PRS.3SG> в значении ‘говорит’ [Chr. Mor. 273] наравне с глаголом *λέγω*⁴.

Особый интерес представляет пара примеров *κόντος* ‘граф’ [Chr. Mor. 8046] и *κουντέσσα* ‘графиня’ [Chr. Mor. 8045], где даже в заимствованных словах проявляется традиционное, прежде всего для большинства северногреческих диалектов сужение /o/ в /u/ в безударной позиции (ср.: [Кисилиер 2013: 84, 85]). Несмотря на ярко выраженный диалектный характер подобных примеров, они не могут быть использованы в качестве материала при исследовании средневекового состояния греческих диалектов в связи с малочисленностью и бессистемностью.

В 2004 г. в Кембридже были начаты работы над проектом, посвященным описанию греческого языка средних веков, под руководством Дэвида Холтона и Джоффри Хоррокса. По мнению участницы этого проекта Ио Манолессу, в результате работы со средневековыми текстами будут созданы карты фонетических и морфологических изоглосс, представляющих развитие соответствующих диалектных явлений в диахронии [Manolessou 2010: 24]. Появление подобных карт, несомненно, станет прорывом как в новогреческой

³ Приводимые здесь и далее примеры из цаконского диалекта были собраны в ходе экспедиций 2010–2015 гг.

⁴ Вероятно, в эпоху эллинистического койне глагол *λαλώ* (*λαλέω*) в ряде регионов начал конкурировать и даже вытеснять другой (более распространенный) глагол речевой деятельности — *λέγω*. В некоторых диалектах, в частности, в кипрском и цаконском, *λαλώ* сумел полностью заменить *λέγω*.

диалектологии, так и в неоэллинистике в целом, однако, как представляется, это произойдет не очень скоро. Тем не менее, некоторые источники, которые, вероятно, будут использованы в проекте [Manolessou 2010: 27], уже сейчас могут быть введены в научный оборот и заметно обогатить современные представления об истории новогреческих диалектов. Одним из таких источников являются документы из афонских монастырей о купле / продаже земель в разных частях Греции.

Афонские монастыри еще с X в. являлись крупнейшими землевладельцами: византийские императоры и знатные военачальники даровали им поместья в Македонии и Фракии, причем эти имена, как правило, не облагались налогами. Земля самого Афонского полуострова также была поделена между монастырями, что нередко вызывало имущественные споры. История этих взаимоотношений нашла свое отражение в актах, хранящихся в монастырских архивах, — это ценнейший источник по экономической истории Византии. Особую ценность представляют подписи под актами — игуменов, членов афонского совета главных старцев монастырей (так называемого Протата). В византийский период, да и позднее, по этим подписям можно установить наличие в братии монастырей лиц негреческих этнических групп — славян, грузин, которые иногда подписывались на своих языках, ведь Афон традиционно был местом, куда устремлялись христиане из всего восточно-православного мира. Благодаря уникальной сохранности афонских архивов, большинство из которых никогда не разорялось, сегодня есть замечательная возможность проследить за изменением владений монастырей. Акты византийского периода начали издаваться в Петербурге еще в начале XX в. В. Э. Регелем, Эдвардом Курцем и В. Н. Кораблевым в сотрудничестве с французским ассомпционистом⁵ Луи Пти⁶. С 1968 г. афонские акты являются предметом тщательного изучения коллектива исследователей (Николаоса Икономидиса, Жака Лефорта, Дионисии Папахрисанфу, Поля Лемерля, Жака Бомпэра и др.), которые

⁵ Ассомпционисты (иначе ассумпционисты) — католическая монашеская конгрегация (создана в 1845 г.), одной из основных задач которой является поддержка христианского образования.

⁶ В частности, были изданы акты Эсфигменского монастыря [Petit, Regel 1906], Зографа [Regel et al. 1907], Хиландара [Petit, Korablev 1912], Филофеева монастыря [Regel et al. 1913].

выпускают серию «Archives de l'Athos» — дипломатическое издание греческих актов каждого монастыря, снабженное детальным палеографическим, реальным, просопографическим, географическим комментариями, а также альбомом факсимиле. Работа над серией продолжается до сих пор. Акты поствизантийского времени, к сожалению, еще не стали предметом такой скрупулезной работы. Между тем в османский период афонские монастыри получили от султанов почти такие же привилегии, какие имели при византийских императорах,— была подтверждена автономия Афона и его освобождение от налогов. В XVII–XVIII вв. афонским монастырям были дарованы обширные поместья в Молдавии и Валахии, которые составляли почти $\frac{1}{3}$ территории княжеств. Огромные доходы, получаемые с этих поместий (метохов), и пожертвования частных лиц позволяли монастырям не только осуществлять широкомасштабные строительные программы, успешно поддерживать скриптории и иконописные мастерские, но и приобретать новые угодья в Македонии и на островах Эгейского моря. Кроме того, монастыри выполняли роль нотариальных контор и банков — частные лица обращались к ним как к гарантам имущественных сделок и отдавали на хранение свои деньги, а монастыри, в свою очередь, пускали их в оборот и получали прибыль.

Акты из афонских монастырей, в сущности, являются договорами. Они написаны курсивом, как правило — под диктовку, оформлены в соответствии с традиционным формуляром, а подписи под ними являются автографами и заслуживают отдельного внимания. Практически на всех актах указываются дата заключения договора и место расположения передаваемого участка, что часто является указанием на место жительства человека, составляющего договорной документ. Таким образом, исследователям предоставляется уникальная возможность расположить наблюдаемые языковые особенности и хронологически, и топографически. Для настоящего исследования были случайным образом отобраны шесть документов, датированных от 1668 до 1727 гг., с Хиоса, из Македонии, с Лесбоса, Санторини и Крита (см.: Источники на с. 26). Этого материала, конечно же, недостаточно, чтобы проследить диалектные изоглоссы, однако цель настоящего исследования в другом: продемонстрировать, что в актах с Афона наблюдаются такие языковые черты, которые могут быть использованы при изучении греческих диалектов поствизантийского периода.

Язык актов с Афона отличается крайней неоднородностью. Одни акты написаны в традиционной византийской манере, без грубых ошибок, с использованием датива:

- (1) τῶ ἐν τῶ Ἁγί-ω Ὄρη-ει
 DEF.M.SG.DAT в DEF.M.SG.DAT святой-М.SG.DAT гора-SG.DAT
 κει-μέν-ω
 лежать-PTCP.PASS-M.SG.DAT
 ‘[монастырю,] расположенному на Афоне (букв. Святой Горе),’
 [A086]

древнегреческих глагольных флексий: ἤξεύρω-ο <знать-IPF.3PL> ‘[отцы] знали/умели’ [A276]; см. также ниже с. 20; ср.: д.-греч. ἔ-λεγω-ον <PST-говорить-IPFV-IPF.3SG> ‘[они] говорили’⁷; и даже инфинитива, правда, с отпадением конечного /-п/:

- ⇒ [ἤ-θελ-α] ἔχ-ει <PST-хотеть-PST.1SG> иметь-INF> ‘[я хотел] иметь’ [A274] vs. д.-греч. ἔχειν;
 ⇒ [ἔ-θελ-α] πάγ-η <PST-хотеть-PST.1SG> идти.PFV-INF> ‘[я хотел] отправиться’ [A274] vs. д.-греч. πάγειν.

Другие, напротив, демонстрируют явные орфографические ошибки, связанные, по большей части, с утратой в греческом вокализме противопоставления по долготе / краткости и открытости / закрытости (и, в частности, ошибки, связанные с итацизмом). Вот некоторые примеры:

- ⇒ ἤμει ‘[я] есть’ [A270] vs. н.-греч. εἶμαι;
 ⇒ ἀλέμηνε ‘[Евпраксия] осталась’ [A270] vs. н.-греч. ἀλέμεινε;
 ⇒ ἦτη ‘или же’ [A274] vs. д.-греч. ἦτοι;
 ⇒ ἰς ‘в’ [A276] vs. греч. εἰς;
 ⇒ στύλ-ετε <посылать.PFV-IMP.2PL> ‘пошлите’ [A276] vs. н.-греч. στείλετε;
 ⇒ θυγαταῖρα ‘дочь’ [A270] vs. н.-греч. θυγατέρα;
 ⇒ [νὰ] πάγ-ο <[SBJV=] идти.PFV-PRS.1SG> ‘пойду’ [A274] vs. греч. [νὰ] πάγω;
 ⇒ [νὰ] πολεμ-ίς-ο <[SBJV=] сражаться-PFV-PRS.1SG> ‘сражусь’ [A274] vs. н.-греч. [νὰ] πολεμήσω;
 ⇒ ἐγώ ‘я’ [A274] vs. н.-греч. εγώ;

⁷ Можно предположить, что в форме ἤξεύρω конечный /-п/ отсутствует, так как следующее слово начинается с носового: ἤξεύρω μόνον.

⇒ *χωρίς* ‘без’ [A276] vs. н.-греч. *χωρίς*;

⇒ *πως* ‘как’ [A276] vs. н.-греч. *πως*.

Иногда встречаются разные варианты написания одной и той же лексемы:

⇒ *ἤμπορ-ή* <мочь-PRS.3SG> ‘может’ [A086] и *ἔμπορ-ῶ* <мочь-PRS.1SG> ‘могу’ [A253];

⇒ *ἔ-θελ-α* и *ἦ-θελ-α* <PST-хотеть-PST.1SG> ‘[я] хотел’ [A274],

из которых последний совпадает со стандартным вариантом.

В ряде случаев (например: *θιγαταῖρα*) очевидным образом проявляется гиперкоррекция. Некоторые особенности, типа *φεύγ-οντας* <убегать-CVB> ‘убегая’ [A270], вместо ожидаемого *φεύγοντας*, следует, вероятно, объяснять не диалектным происхождением, а сознательной архаизацией.

Во всех случайно отобранных для настоящего исследования документах, независимо от общезыковых и стилистических особенностей, встречаются отдельные черты, которые можно трактовать как диалектные. Они проявляются, прежде всего, на уровне фонетики:

1. Выпадение /i/ в безударной позиции: *γυνο* ‘голый’ [A083–084] vs. н.-греч. *γυινό*; это явление считается одной из наиболее ярких изоглосс, выделяющих северногреческие диалекты, например: сев.-гр. *ρθαг* ‘кувшин’ vs. н.-греч. *πιθάρι* (ср.: [Newton 1972: 16])⁸.

2. Нерегулярный переход древнегреческого [o:]⁹ в [o], а не в [u], как в большинстве новогреческих диалектов. Этот переход, прежде всего, проявляется в окончании генитива:

⇒ *τοῦ γέρ-ω* <DEF.M.SG.GEN старик-SG.GEN> ‘старика’ [A252] vs. н.-греч. *του γέρου*;

⇒ *τοῦ Τζάν-ο* <DEF.M.SG.GEN Иоанн-SG.GEN> [A270] vs. греч. *τοῦ Ἰωάννου*¹⁰.

Аналогичное явление наблюдалось в кипрском диалекте древнегреческого языка: д.-кипр. *Πάφ-ω* <Пафос-SG.GEN> vs. атт. *Πάφου* [Παναγιώτου 2001: 311].

⁸ Выпадение безударного /i/ фиксируется и в диалекте приазовских греков (т. н. румейском языке): румейск. *sp'it'* ‘дом’ vs. н.-греч. *οπιτι* [Кисилиер 2012: 358].

⁹ В классическом древнегреческом языке звук [o:] обозначался с помощью диграфа *ου*.

¹⁰ Как видно из приведенных примеров, в артикле перехода [o:] > [o] нет.

3. Мена /o/ на /e/: *ἐκονόμος* ‘управляющий’ [A270] вместо *οἰκονόμος* (то есть /e-/ вместо /i-/); ср.: понт.¹¹ *ἀνεχτόκαρδος* ‘искренний’ [Οἰκονομίδης 1958: 46] vs. н.-греч. *ανοιχτόκαρδος*.

4. Нерегулярный переход /j/ в /ǰ/ перед гласным:

⇒ *τοῦ Τζάνου* [A086], *τοῦ Τζάνο* [A270] < греч. *τοῦ Ἰωάννου*;

⇒ *τοῦ Δημητριτζάνου* [A270] < греч. *τοῦ Δημητριωάννου*.

Важно подчеркнуть, что данная черта фиксируется не только в документе с о-ва Лесбос, где ее появление можно объяснить итальянским (генуэзским) влиянием, но и в документе из Македонии.

5. Появление геминат: *θέλλ-ουν* <хотеть-PRS.3PL> ‘хотят’ [A083–084] vs. н.-греч. *θέλουν*; ср.: кипр. *ύλλος* ‘весь’ vs. н.-греч. *όλος* [Вяткина 2015: 16 (сн. 17)].

6. Озвончение /s/ (в сочетании /t/ + /s/) перед гласным:

⇒ *ἔτζι* ‘так’ [A083–084; A270; A274] vs. н.-греч. *έτσι*;

⇒ топоним *Ἀλονίτζη* [A270] < *Αλονίτση*.

Подобный пример зафиксирован и в цаконском диалекте: *ἄέα* ‘дом’ < *ἄεα* vs. н.-греч. *κελί* ‘камера, келья’ (здесь наблюдается цитакизм с последующим озвончением).

7. Ближе к фонетическим чертам стоят особенности представления отдельных лексем:

⇒ *ἐγκεῖνη* ‘та’ [A252] vs. н.-греч. *εκείνη*, ср.: цак. *éngini* ‘она’;

⇒ *ἔναι* <быть.PRS.3SG> [A083–084] vs. н.-греч. *εῖναι*; вероятно, в этом примере можно говорить о переходе древнегреческого [e:]¹² в [e]; ср.: цак. *épi* <быть.PRS.3SG>, а также скир./ман./кипр. *éne* [Вяткина 2015: 22], понт. *étupe* <быть.PST.1SG> [Елоева 2004: 80] vs. н.-греч. *ἦμουν*. Как известно, в большинстве греческих диалектов произошел переход [e:] > [i];

⇒ [*νά*] *ἦν* <[SBJV=] быть.PST.3SG> [A270] vs. н.-греч. [*να*] *εῖναι*; предположительно здесь сначала безударный /-e/ перешел в /-i/ (/íne/ > *íni/), который потом отпал. Тогда в этом примере можно усматривать известную изоглоссу, выделяющую

¹¹ Пример зафиксирован в понтийском говоре, который был распространен на территории современного г. Юние (Турция).

¹² В классическом древнегреческом языке для обозначения [e:] использовался диграф *ει*.

- северногреческие диалекты, тем более что документ, из которого приведен пример, происходит из Македонии¹³;
- ⇒ *ἐ-πωρ-έσ-α* <PST-мочь-PFV-PST.1SG> ‘[я] смог’, *πωρ-έσ-ω* <мочь-PFV-PRS.1SG> ‘смогу’ [A274] vs. н.-греч. *μλόρεσα* и [θα/να] *μλορέσω* соответственно; ср.: румейск. *pur-ú* <мочь-PRS.1SG> ‘могу’ (см. также ниже с. 22);
- ⇒ *ἴξεύρ-εται* <знать-PRS.PASS.3SG>, *ἴξεύρ-ο* <знать-PST.3PL> [A276]; ср.: н.-греч. *ξέρω* ‘знать’. Появление протетического гласного и переход корневого гласного в дифтонг в корне глагола представлены в ряде северногреческих диалектов, например, в диалектах Восточной Румелии, Фракии, о-ва Хиос и в константинопольском диалекте [Федченко 2016: 227]¹⁴.

8. Переход начального /a-/ в /e-/ в аористе: *ἐγόρασ-α* <купить.PFV-PST.1SG> ‘[я] купил’ [A274] vs. н.-греч. *αγόρασα*; ср.: понт. *ἔκ[ου]σ-α* <слышать.PFV-PST.1SG> ‘[я] услышал’ [Oikonomíδης 1958: 275] вместо н.-греч. *ἄκουσα*.

9. Особое окончание 3 л. ед. ч. пассивного имперфекта: *εὐρίσκ-ετον* <находить.IPFV-IPF.PASS.3SG> ‘[он] находился’ [A083–084] vs. н.-греч. *ευρισκόταν*; ср.: карп. *e-lúnn-eton* <PST-мыть.IPFV-IPF.PASS.3SG> ‘[он] мылся’ [Рылик 2013: 69], ю.-ит. *e-fén-eto* <PST-казаться.IPFV-IPF.PASS.3SG> ‘казалось’ [Вяткина 2015: 26]. Очевидно, здесь сохраняется древнегреческая флексия медиопассивного имперфекта (*εὐρίσκειτο*)¹⁵. Важно отметить, что в документе A083–084 встречается итальянский текст, поэтому можно предположить, что параллель с формой на греческом диалекте Южной Италии неслучайна.

10. Форма глагола ‘быть’ в имперфекте: *ἦτον* ‘был [старец Никодим]’ [A270] vs. н.-греч. *ἦταν*; ср.: понт. (Имера, Санта) *ἔτον*,

¹³ Справедливости ради надо отметить, что сужение безударного /e/ в /i/ встречается не только в северногреческих диалектах. Например, в Новом Галикарнасе (центральный Крит) зафиксирована форма *i-ríγ-atene* <PST-идти.PFV-PST.1PL> ‘[мы] пошли’ наравне с *e-ríγ-atene* [Κοντοσόπουλος 1988: 109].

¹⁴ Стоит, правда, высказать следующее соображение: диалект Константинополя в XVII–XVIII вв. превратился в своего рода литературное койне. Поэтому появление форм типа *ἴξεύρεται*, *ἴξεύρο* в других диалектах, вероятно, свидетельствует об авторитете константинопольского диалекта, и эти формы не стоит рассматривать как диалектную особенность.

¹⁵ Появление конечного /-π/ в *εὐρίσκειτον*, скорее всего, связано с тем, что следующее слово начинается с гласного: *εὐρίσκειτον ὄπισω*.

ἔτονε, (Караперци, Халдия) ἤτονε [Οἰκονομίδης 1958: 333], карп. *iton* [Рылик 2013: 68].

11. Лексема *καμπά* ‘поле’ [A086] < ит. *campo* встретила в документе с Лесбоса, бывшем зоной гетуэзского влияния. Как известно, все греческие диалекты, находившиеся в сфере влияния итальянцев, неизбежно вбирали в себя большое количество итальянских лексем. Так произошло, например, в критском [Федченко 2004: 65] и кипрском диалектах [Συμεωνίδης 2006: 145–149], а также в диалекте о–ва Карпатос [Рылик 2013: 71–72].

12. Возможно, диалектизмом является форма *πελι* в словосочетании *πελι πολέμισο* [A276]; ср. с одной из моделей аналитической формы будущего времени: *θέλ-ει πολεμήσ-ω* <хотеть.IPFV-PRS.3SG сражаться.PFV-PRS.1SG> ‘хочу/буду сражаться’ (ср.: [Абдрахманова 2002: 51; Joseph, Pappas 2002; Markopoulos 2005: 182]. Интересно, что в одном из вариантов акритской песни на диалекте приазовских греков, записанной кириллицей Э. В. Хаджиновым в 1970–71 гг., встречается форма *пель* [Кисилиер 2008: 182 и сл.], которая, вероятно, соответствует новогреческому глаголу *θέλ-ει* <хотеть-PRS.3SG>¹⁶. Впрочем, нельзя исключать, что *πελι* — это просто ошибка переписчика¹⁷.

В рассмотренных актах с Афона удалось обнаружить ряд черт, которые, по-видимому, следует считать не диалектными, а просторечными в связи с тем, что они характерны для большинства новогреческих диалектов и лишены четкой географической привязки:

13. Смешение /г/ и /л/: *Γληγώρης* [A086] vs. н.-греч. *Γρηγώρης / Γρηγόρης*; ср.: кипр. *Ievóli ver* ‘револьвер, пистолет’ vs. н.-греч. *ρεβόλβερο*; крит. (Аногия) *ἰάδι* ‘масло’ [Vergis, Terkourafi 2013: 507] vs. н.-греч. *λάδι*, карп. *kártses* ‘носки’ [Рылик 2013: 65] vs. н.-греч. *κάλτσες*, дропул. *brúfa* ‘богатые’ [Кисилиер и др. 2016: 129] vs. н.-греч. *πλούσια*, цак. *yrúsa* ‘язык’ vs. н.-греч. *γλώσσα*, н.-греч. *αδελφός / αδερφός* ‘брат’. Нередко это явление связано с метатезой: крит. (Новый Галикарнас) / карп. *faraklós* ‘лысый’ [Κωντοσόπουλος 1988: 153; Рылик 2013: 65] vs. н.-греч. *φαλακρός*.

¹⁶ Можно предположить, что в румейской форме произошло отпадение безударного /-i/ (**reli* > *пель*-∅), характерное для диалекта приазовских греков (см. сн. 8).

¹⁷ Остается надеяться, что комплексное исследование афонских актов позволит понять, случайные ли это описки или диалектный материал.

14. Появление аугмента/расширения начального гласного в исторических временах независимо от количества слогов и места ударения:

- ⇒ *ἐ-πωρ-έσ-α* <PST-мочь-PFV-PST.1SG> ‘[я] смог’ [A274] vs. н.-греч. *μλόρεσα*;
- ⇒ *ἐ-βουλ-ήθηκ-α* <PST-хотеть-PRF.PASS-PST.1SG> ‘[я] захотела’ [A253];
- ⇒ *ἡγόρασ-εν* <купить.PFV-PST.3SG> ‘[монах Иоаким] купил’ [A083–084] vs. н.-греч. *αγόρασε*.

В большинстве диалектов появление аугмента не связано с ударениями: понт. *ἐ-βοήθεσ-α* <PST-помогать.PFV-PST.1SG> ‘[я] помог’ [Οἰκονομίδης 1958: 275], карп. *e-lúnn-eton* <PST-мыть.IPFV-IPF.PASS.3SG> ‘[он] мылся’ [Рылик 2013: 69], крит. *e-káθ-udone* <PST-сидеть.IPFV-IPF.PASS.3SG> ‘[он] сидел’ [Κωντοσόπουλος 1988: 184], ю.-ит. *e-fén-eto* <PST-казаться.IPFV-IPF.PASS.3SG> ‘казалось’, пелоп.-ион. *e-kám-ame* <PST-делать.IPFV-PST.1PL> ‘[мы] делали’, хиос. *e-rétn-umi* <PST-брать.IPFV-IPF.1SG> ‘[я] брал’ [Вяткина 2015: 26], цак. *e-péts-e* <PST-говорить.PFV-AOR.3SG> ‘[он] сказал’.

15. Исчезновение геминат:

- ⇒ *ἄλος* ‘другой’ [A086], *ἄλο* ‘другое (ср. р.)’, *ἀλοῦ* ‘в другом месте’ [A276] < д.-греч. *ἄλλος*;
- ⇒ *γραῖμα* ‘письмо’ [A276] < д.-греч. *γράμμα*;
- ⇒ *τοῦ Τζάνου* [A086], *τοῦ Τζάνο* [A270] < греч. *τοῦ Ἰωάννου*;
- ⇒ *τοῦ Δημητριτζάνου* [A270] < греч. *τοῦ Δημητριωάννου*.

Исчезновение геминат едва ли стоит рассматривать как изоглоссу, так как данное явление характерно для стандартного новогреческого и всех его диалектов, за исключением некоторых диалектов юго-восточной группы (ср.: [Кисилиер 2013: 85]).

Итак, акты с Афона предоставляют исследователю интереснейший языковой материал по фонетике, морфологии и даже лексике, частично отражающий известные диалектные явления (например, падение безударного /i/ или появление геминат), а частью дающий возможность установить новые изоглоссы (окончания имперфекта, формы глагола ‘быть’). Не вызывает сомнений, что подробное изучение афонского материала позволит создать,

более или менее, адекватный атлас греческих диалектов XVI–XVIII вв.¹⁸ Одной из основных трудностей этой работы станет прочтение документов. Представляется, что наиболее реальный путь преодоления указанной трудности — сотрудничество диалектологов с историками-специалистами по афонским актам, имеющими большой опыт по их чтению. Хочется надеяться, что этот интереснейший материал, наконец, войдет в историческую грамматику новогреческого языка и в новогреческую диалектологию.

Список условных сокращений

= — показатель клитики; 1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; атт. — аттический; вост.-крит. — восточнокритский; греч. — греческий; д.-греч. — древнегреческий; д.-кипр. — древнекипрский; дропул. — дропульский; ед. ч. — единственное число; зап.-крит. — западнокритский; ит. — итальянский; карп. — карпатосский; кипр. — кипрский; крит. — критский; л. — лицо; ман. — маниотский; н.-греч. — новогреческий; пелоп.-ион. — пелопоннесско-ионийский; понт. — понтийский; румейск. — румейский; сев.-гр. — северногреческий; скир. — скиросский; ср. р. — средний род; хиос. — хиосский; цак. — цаконский; ю.-ит. — южноиталийский; AOR — аорист; *Chr. Mor.* — «Морейская хроника»; CVB — конверб/деепричастие; DAT — датив; DEF — определенная форма/показатель определенности; GEN — генитив; IMP — императив; INF — инфинитив; IPF — имперфект; IPFV — имперфектив; M — мужской род; PASS — неактивный залог; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRF — перфект; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число.

¹⁸ Можно упомянуть две удачные попытки привлечения рукописных источников для изучения новогреческой диалектологии — работы Панайотиса Паппаса [Pappas 2004], который на материале рукописей из Вазелонского монастыря показывает, что в средневековом понтийском союз *ἴνα* и частица *να* вызывали препозицию местоименного дополнения, и Петроса Карацареаса [Karatsareas 2011], предпринявшего весьма успешное историческое описание каппадокийского диалекта. Однако именно архивы монастырей Афона позволят описать диалектную ситуацию в Греции прошлых веков в целом, а не просто изучить историю развития локальных языковых вариантов.

Литература

- Абдрахманова 2002 — Д. Р. Абдрахманова. Оформление грамматики будущего времени в новогреческом языке и его диалектах. Дипломная работа. СПбГУ, СПб., 2002.
- Вяткина 2015 — А. О. Вяткина. Релевантные и иррелевантные признаки (к проблеме изоглос в новогреческой диалектологии). Дипломная работа. СПбГУ, СПб., 2015.
- Елоева 2004 — Ф. А. Елоева. Понтийский диалект в синхронии и диахронии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
- Кисилиер 2008 — М. Л. Кисилиер. «Песня о Яннисе и змее» у греков Приазовья // Научные чтения — 2006. Материалы конференции. Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность» (Т. 7). СПб., 2008. С. 180–188.
- Кисилиер 2012 — М. Л. Кисилиер. Румейский язык и новогреческие диалекты // Индоевропейское языкознание и классическая филология XVI, 2012. С. 355–368.
- Кисилиер 2013 — М. Л. Кисилиер. Новогреческая диалектология: достижения и проблемы // Вопросы языкознания 2, 2013. С. 83–98.
- Кисилиер и др. 2016 — М. Л. Кисилиер, А. А. Новик, А. Н. Соболев. Этнолингвистические и диалектологические наблюдения из Дропула (Албания). По материалам российской экспедиции 2009 г. // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII, 3, 2016. С. 111–134.
- Рылик 2013 — П. А. Рылик. Новогреческие говоры о-ва Карпатос на материале народных песен и спонтанной речи. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. МГУ, М., 2013.
- Федченко 2004 — В. В. Федченко. Стихотворения Стефана Сахликиса. Дипломная работа. СПбГУ, СПб., 2004.
- Федченко 2016 — В. В. Федченко. Свидетельства о греческом языке Константинополя // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII, 3, 2016. С. 215–245.
- Buck 1955 — C. D. Buck. The Greek Dialects. Chicago: Chicago University Press, 1955.
- Horrocks 1997 — G. C. Horrocks. Greek. A History of the Language and its Speakers. London — NY: Longman, 1997.
- Joseph, Pappas 2002 — B. D. Joseph, P. A. Pappas. On some recent views concerning the development of the Greek future system // Byzantine and Modern Greek Studies 26, 2002. P. 247–273.
- Karatsareas 2011 — P. Karatsareas. A Study of Cappadocian Greek Nominal Morphology from a Diachronic and Dialectological Perspective. Dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Wolfson College, Cambridge, 2011.

- Manolessou 2010 — I. Manolessou. Modern Greek dialectology and the grammar of Medieval Greek // A. Ralli, B. D. Joseph, M. Janse, A. Karasimos (eds.). Proceedings. 4th International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory (MGDLT4), Chios, 11–14 June 2009. Patras: University of Patras, 2010. P. 24–30.
- Markopoulos 2005 — T. Markopoulos. The Category ‘Future’ in Greek: A Diachronic Investigation of Three Future-Referring Periphrastic Forms. Dissertation. Trinity College, Cambridge, 2005.
- Newton 1972 — B. Newton. The Generative Interpretation of the Dialect. A Study of Modern Greek Phonology. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Pappas 2004 — P. Pappas. Medieval Greek object pronouns and analogical change: a response to Condoravdi and Kiparsky (2001) // Journal of Greek Linguistics 5, 2004. P. 127–157.
- Petit, Korablev 1912 — Actes de l’Athos. No. V. Actes de Chilandar, publiés par le R. P. Louis Petit et B. Korablev // Византійскій Временникъ XIX, 1 [Приложение], 1912. С. 369–651.
- Petit, Regel 1906 — Actes de l’Athos. No. III. Actes d’Eosphigménou, publiés par le R. P. Luis Petit et W. Regel // Византійскій Временникъ XII, 1 [Приложение], 1906.
- Ralli 2006 — A. Ralli. Syntactic and morphosyntactic dialectal phenomena in Modern Greek: the state of the art // Journal of Greek Linguistics 7, 2006. P. 121–159.
- Regel et al. 1907 — Actes de l’Athos. No. IV. Actes de Zographou, publiés par W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev // Византійскій Временникъ XIII, 1 [Приложение], 1907.
- Regel et al. 1913 — Actes de l’Athos. No. VI. Actes de Philothée, publiés par W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev // Византійскій Временникъ XX, 1 [Приложение], 1913.
- Trudgill 2003 — P. Trudgill. Modern Greek dialects. A preliminary classification // Journal of Greek Linguistics 4, 2003. P. 45–64.
- Vergis, Terkourafi 2013 — N. Vergis, M. Terkourafi. Rhoticization and gender stereotyping in a rural community in Crete // M. Janse, B. Joseph, A. Ralli, M. Bagriacik (eds.). Proceedings. 5th International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory (MGDLT5), Ghent, Belgium. September 20–22, 2012. Patras: University of Patras, 2013. P. 499–523.
- Κοντοσόπουλος 1988 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. Γλωσσικός Άτλας της Κρήτης. Ηράκλειον: Πανεπιστημιακές Εκδόσεις Κρήτης, 1988.
- Κοντοσόπουλος 2001 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. Διάλεκτοι και ιδιώματα της Νέας Ελληνικής. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη, 2001.
- Κοντοσόπουλος 2010 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. Οι Νεοελληνικές διάλεκτοι // Μ. Ζ. Κοπιδάκης (επιστ. επιμ.). Ιστορία της Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα: Μορφωτικό Ίδρυμα Εθνικής Τράπεζας, 2010. Σ. 188–190.

- Οικονομίδης 1958 — Δ. Ή. Οικονομίδης. Γραμματική τῆς Ἑλληνικῆς διαλέκτου τοῦ Πόντου. Ἐν Ἀθήναι: Ἀκαδημία Ἀθηνῶν, 1958.
- Παναγιώτου 2001 — Α. Παναγιώτου. Ἀρκαδοκυπριακή // Α.-Φ. Χριστίδης (επιστ. επιμ.). Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσας. Ἀπό τῆς αρχῆς ἕως τὴν ὑστερὴ ἀρχαιότητα. Θεσσαλονίκη: Ἰνστιτούτο Νεοελληνικῶν Σπουδῶν — Ἰδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 2001. Σ. 308–314.
- Συμεωνίδης 2006 — Χ. Π. Συμεωνίδης. Ἱστορία τῆς Κυπριακῆς διαλέκτου. Λευκωσία: Κέντρο Μελετῶν Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου, 2006.
- Χριστίδης (επιστ. επιμ.) 2001 — Α.-Φ. Χριστίδης (επιστ. επιμ.). Ἱστορία τῆς ἑλληνικῆς γλώσσας. Ἀπό τῆς αρχῆς ἕως σῆμερα. Θεσσαλονίκη: Ἰνστιτούτο Νεοελληνικῶν Σπουδῶν — Ἰδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 2001.

Источники

- A083–084 — завещание с итальянской записью и комментарием; датируется 1709 г.
- A086 — акт дарения участка в Митилине; датируется 1727 г.
- A252 — акт дарения участка в Мегали Вигла (Македония), отец дарительницы родом с Хиоса; датируется 1665 г.
- A253 — акт о приобретении участка рядом с церковью Георгия Критского; датируется 1668 г.
- A270 — акт, посвященный участку в Алонице рядом с Димитрицей; акт связан с монастырем Мегали Вигла (Македония) и датируется 1690 г.
- A274 — вероятно, начало документа A276.
- A276 — пространный рассказ о приключениях на Санторине, где находился дом рассказчика; датируется 1688 г.

Н. Г. Голант

МАЭ РАН, Санкт-Петербург

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУМЫН ОЛТЕНИИ
И МУНТЕНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ В ВЫЛЧУ,
ГОРЖ, МЕХЕДИНЦЬ И БУЗЭУ)¹**

В данной статье сделана попытка представить сводную информацию о некоторых сюжетах, связанных с народной мифологией. Материал был собран во время экспедиций, проводившихся на территории Олтении и Мунтении (эти исторические области на юге современной Румынии в XIV — сер. XIX в. образовывали княжество Валахия). Экспедиции проводились в рамках проектов «Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура во взаимодействии» (2006–2008 гг.) и «Карпато-балканская культурно-языковая общность в балканской перспективе» (2009–2011 гг.). Имели место экспедиции в коммуну Мэлая (жудец Вылча, Олтения) — август 2006 г., Н. Г. Голант; в с. Сэрата-Монтеору коммуны Мерей и с. Дара коммуны Пьетроаселе (жудец Бузэу, Мунтения) — октябрь 2007 г., А. А. Плотникова; в коммуну Мынзэлешть (жудец Бузэу, Мунтения) — январь 2008 г., Н. Г. Голант; в коммуны Половрадзь и Байя-де-Фьер (жудец Горж, Олтения) — май–июнь 2009 г., А. А. Плотникова, Н. Г. Голант; и в коммуну Поноареле (жудец Мехединць, Олтения) — сентябрь 2010 г., Н. Г. Голант.

У румын чрезвычайно развиты представления о «живых мертвецах», или «вампирах», широко распространенные в Карпато-Балканском регионе. ‘Ходячий мертвец’ может именоваться *strigoi*² или *toroi / muroi*. В коммуне Мэлая (Вылча) был зафиксирован только термин *strigoi*; в Половрадзь (Горж), Поноареле (Мехединць) и Мынзэлешть (Бузэу) — оба термина. В Половрадзь и Поноареле чаще

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» по проекту «Карпато-балканские территориальные диалекты: реконструкция традиционной культуры по данным языка».

² Здесь и далее в статье примеры приводятся в румынской орфографии.

употребляется термин *moroi / muroi*. Жители коммуны Мынзэлешть упоминали о том, что термином *strigoi* обозначается 'живой мертвец' в облике человека, термином *moroi* 'живой мертвец' в облике животного, чаще всего — черной кошки или козы.

Термин *strigoi* является дериватом от *strigă* 'ведьма, злой дух' и, вероятно, имеет латинское происхождение — от лат. *striga* 'старая колдунья, ведьма' [Ciorănescu 2007: 752; Dicționarul explicativ 1998: 1028]. На территории Карпато-Балканского региона сходные термины встречаются у албанцев (*shtrigë* 'ведьма') и словенцев: *štriga, štrigno* [Ciorănescu 2007: 758]. Термин *muroi / moroi* находит аналогии в ряде славянских языков, ср.: серб. / хорв. / словен. / пол. *mora*, алб. *morë*, н.-греч. *μόρα* [Ciorănescu 2007: 522]. Нужно отметить, что в ряде местностей Румынии термин *moroi* употребляется для обозначения существа, в которое воплотилась душа младенца, умершего некрещеным, тогда как в тех населенных пунктах юго-запада Румынии, где оба термина употребляются для обозначения одного и того же персонажа, вероятно, следует предполагать проникновение термина *strigoi* в речь местных жителей из литературного языка [Ciorănescu 2007: 522; Hedeşan 1998: 9–10].

В качестве возможных причин превращения покойника в «вампира» называют тот факт, что через покойника перескочила кошка, или же кошка прошла под столом, на котором лежит покойник (Половрадж — Горж; Поноареле — Мехединць; Дара — Буззу), внезапную смерть, без исповеди и причащения, и особенно без зажженной свечи (Мэлая — Вылча; Поноареле — Мехединць; Мынзэлешть — Буззу), занятия ворожбой (Мэлая, Мынзэлешть; подробнее см.: [Голант 2008; Голант, Плотникова 2012]).

В Мэлае (Вылча) причиной превращения человека в вампира (после смерти) считалось его рождение «в сорочке» (букв. 'в шапочке' — *cu tichie*). В Половрадж (Горж) те, кто рожден «в сорочке» (*cu chitie* 'в шапочке'), также считаются опасными людьми, однако представлений о том, что после смерти им суждено стать вампирами, зафиксировано не было. Поверия об особых свойствах человека, родившегося «в рубашке», сходные с теми, что были зафиксированы в Мэлае, встречаются также у славян, в частности, представление о возможном превращении такого человека в вампира или «мору» известны у сербов и у хорватов в Далмации, представление о его способности к глазу — у сербов в западной Сербии, у поляков, у укра-

инцев и белорусов Полесья [Плотникова 2009b; 2016]. Встречаются и другие возможные причины превращения покойника в вампира: человек во время чьих-либо похорон повернулся спиной к покойнику (Мынзэлешть — Бузэу) или душа умершего в тот период, когда тело лежит в доме, либо попала в какую-либо пустую посуду (Мынзэлешть — Бузэу), либо заглянула в зеркало (Мынзэлешть, Сэрата-Монтеору, с. Грабичина коммуны Скорцоаса — Бузэу); смерть младенца до крещения (Мынзэлешть — Бузэу) или просто ранняя смерть (Поноареле — Мехединць [Голант, Плотникова 2012]).

По словам информантов, лицо «живого мертвеца» остается румяным, «красным», как будто кровь продолжает циркулировать в его теле (Мэлая — Вылча, Половраджь — Горж), его рот может быть полон крови (Половраджь — Горж); также он может лежать в гробу, перевернувшись лицом вниз (Мэлая — Вылча, Половраджь — Горж, Мынзэлешть — Бузэу). Считается, что «живой мертвец» может забрать с собой (на тот свет) всех своих родственников (Мэлая — Вылча, Половраджь — Горж) и, по некоторым сведениям, также соседей и даже домашних животных (Мэлая — Вылча). Для того чтобы предотвратить это, нужно вскрыть могилу и забить в сердце предполагаемого «живого мертвеца» гвоздь или иглу (Мэлая — Вылча, Половраджь — Горж [Голант 2008; Голант, Плотникова 2012]).

Известны также «превентивные меры», которые должны препятствовать превращению покойника в «живого мертвеца». В Мэлае (Вылча) с этой целью в гроб могли положить иголку, ветку или шип какого-либо колючего кустарника и девять камешков; в Поноареле (Мехединць) — натереть гроб чесноком или положить в гроб колышек, к которому привязывали коня, «чтобы покойник крутился около могилы и не приходил домой». В Мэлае (Вылча) и Половраджь (Горж) были зафиксированы сведения, согласно которым еще в недавнем прошлом покойнику, который, как считалось, мог стать «вампиром», прокалывали сердце еще перед похоронами [Голант 2008; Boteanu, Borloveanu 2003: 382–383].

Во всех обследованных населенных пунктах были зафиксированы представления о существах, пожирающих луну, которые именуются *vârcolaci* (ед. ч. *vârcolac*); в коммуне Поноареле (Мехединць) встречается форма мн. ч. *vârcolași*; в коммуне Мынзэлешть (Бузэу) встретился также вариант *zvârcolac* (*zvârcolaci*). Термин *vârcolac* — славянского происхождения, этимологически связанный со словом

волк и, по-видимому, пришедший в румынский язык из болгарского (ср.: болг. *върколак*, серб.-хорв. *вукодлак*, чеш. *vlkodlak*, пол. *wilkolak*, укр. *вовкулак*, бел. *воўколак*, рус. *волколак* [Ciorănescu 2007: 838–839; Dicționarul explicativ 1998: 1152; Гура, Левкиевская 1995]). Среди балканских народов данный термин встречается также у греков (*βρुकόλακας*) и албанцев: *virvolak* [Климова 2008; Ciorănescu 2007: 838–839]. Для румын типично употребление лексемы *vârcolac* именно в значении ‘демон, пожирающий солнце или луну’ [Ghinoiu 2001: 207; Ghinoiu (coord. gen.) 2001: 355–356, 2003: 390–391, 2004: 398, 2009: 377–378; Ciorănescu 2007: 838–839; Nicolau, Huluță (eds.) 2000: 290–291]. Гораздо реже у румын (главным образом в Трансильвании) встречается употребление этого термина в его изначальном значении ‘человек-волк’ или в значении ‘вампир’, характерном для многих балканских славян и для греков [Nicolau, Huluță (eds.) 2000: 290–291; Ghinoiu (coord. gen.) 2003: 390–391; Dicționarul explicativ 1998: 1152].

Описать внешний вид *vârcolaci*, *-i* информанты, как правило, не могут. По словам некоторых информантов, эти существа выглядят как змеи (Мэлая — Вылча; Мынзэлешть — Бузэу) или как огромные черви (Мэлая — Вылча), однажды встретилось утверждение, что они красивы (Поноареле — Мехединць). Встречается утверждение, что они пожирают луну из-за людских грехов (Половрадзь — Горж, Мынзэлешть — Бузэу), в частности, из-за того, что многие девушки теряют девственность до брака (Мынзэлешть — Бузэу). Это утверждение смыкается с распространенным у румын, в частности, у жителей Мунтении, представлением о том, что эти существа — души заложных покойников — внебрачных детей, убитых матерями [Ghinoiu (coord. gen.) 2009: 377–378], которое, однако, в обследованных населенных пунктах зафиксировано не было.

К «общеевропейским» мифологическим персонажам относятся также существа, аналогичные южнославянским вилам. В обследованных населенных пунктах встретились такие наименования этих существ, как *iele*, *-le*, или *ele*, *-le* — термин представляет собой эвфемизм и может быть переведен как ‘они’, но, в отличие от местоимения ж. р. мн. ч. *ele*, может употребляться с определенным артиклем: *elele* (села коммуны Мынзэлешть, Сэрата-Монтеору — Бузэу; Поноареле — Мехединць, Половрадзь, Байя-де-Фьер — Горж), *ale sfinte* — букв. ‘те святые’ (Мэлая — Вылча, Половрадзь — Горж),

cele sfinte ‘те святые’ (Половраджь — Горж) или *sfinte, -le* ‘святые’ (Половраджь — Горж), *ale frumoase* ‘те красивые’ (Поноареле — Мехединць; Байя-де-Фьер — Горж), *zâne, -le* (Сэрата-Монтеору, с. Бышчень коммуны Мынзэлешть — Бузэу; Поноареле — Мехединць). Последнее наименование в большей степени характерно для сказок [Голант 2008; Голант, Плотникова 2012].

Термин *zâne, -le* (мн. ч.; ср.: алб. *zanë, -a*) — едва ли не единственное не-эвфемистическое наименование подобных существ [Ghinoiu 2001: 161–162, 214]³. Все остальные упомянутые наименования всегда употребляются в мн. ч. и являются эвфемизмами (ср.: румынские наименования из других областей Румынии: *dânsele* ‘они’ (ж. р.), *doamne, -le* ‘госпожи’, болг. *живи-здрави, сладки-медени* и др. [Muşlea, Bîrlea 1970: 214–215; Плотникова 2003; 2004: 203]. Возникновение подобных табуистических обозначений связано, вероятно, со стремлением задобрить эти демонические существа [Плотникова 2003].

По словам информантов, эти существа танцуют (водят хороводы) на холмах, и в тех местах, где они танцевали, на земле можно увидеть круги, образованные высохшей (Половраджь — Горж, Мынзэлешть — Бузэу), выжженной (Мэлая — Вылча; с. Бышчень коммуны Мынзэлешть — Бузэу) или вытоптанной травой (Мынзэлешть — Бузэу), травой более темного цвета (Мэлая — Вылча, Поноареле — Мехединць) или часто растущими мелкими грибами (Половраджь — Горж). Танец этих существ, как и место, где можно увидеть их следы, называется *horă* (Мэлая — Вылча, Половраджь — Горж, Мынзэлешть — Бузэу) или *joc* (Половраджь — Горж; Сэрата-Монтеору, с. Грабичина коммуны Скорцоаса — Бузэу) — оба термина обозначают танец; *au jucat ielele* ‘танцевали еле (*iele*)’ (Поноареле — Мехединць [Голант 2008; Голант, Плотникова 2012]).

Утверждение о том, что на то место, где танцевали эти существа, нельзя наступать, встретилось в Половраджь, Поноареле и

³ *Зына* (рум. *zână*, молд. *dzână*, арум. *dzîná*, мегл.-рум. *zônă*) — мифологический персонаж, представляемый в образе прекрасной женщины, наделенной сверхъестественными силами и даром бессмертия, фея [Dicţionarul explicativ 1998: 1182; Ciorănescu 2007: 854]. Термин *zână* возводят к имени богини Дианы (*Dîāna*) [Dicţionarul explicativ 1998: 1182; Meyer-Lübke 1935: 2624; Rosetti 1947: 352] или к лат. *divīna* ‘божественная’ [Densusianu 1901: 102; Philippide 1894: 138]. Встречается также его сопоставление с алб. *zanë*, сард. *yana*, ит./прован. *jana*, аст. *xana* и порт. *jā* [Ciorănescu 2007: 854].

Мынзэлешть; в Мэлае этого представления, по-видимому, нет. В коммуне Половраджь (Горж) была записана информация о том, что в прошлом люди, желавшие уберечь ближних от опасности, увидев место, на котором, по их мнению, побывали «те святые» (*ale sfinte*), отмечали его грудой камней, в середину которой помещали обрубок дерева или крест. По словам некоторых информантов из Половраджь, «те святые» (*ale sfinte*) танцуют в тех местах, где зарыты клады.

Распространено представление о том, что человеку опасно слышать голоса этих существ. Так, по сведениям из Половраджь (Горж), человек, оказавшийся ночью поблизости от места, где они танцуют, и услышавший их пение, сойдет с ума или будет парализован. По сведениям из округа Бузэу (Сэрата-Монтеору, с. Грабичина коммуны Скорцоаса), человек, услышавший их голоса (пение), ни в коем случае не должен им отвечать. Часто встречается утверждение, что *еле* (*iele*) представляют опасность в первую очередь для парней и молодых мужчин (Мынзэлешть — Бузэу), особенно для неженатых и не имеющих подруг (Поноареле — Горж). В Мэлае (Вылча) однажды встретилось упоминание о пастушкэ, которого *ale sfinte* захватили, когда он пас овец, и который с тех пор играет на волынке (*cimpoi*), под звуки которой они танцуют. Болезнь, вызванная этими существами, может обозначаться выражением *ești lovit de iele* ‘тебя ударили *еле* (*iele*)’ — так могли говорить о рассеянном человеке (Мынзэлешть — Бузэу; Поноареле — Мехединць). Считалось, что воздействие этих существ может стать причиной психического расстройства (Половраджь — Горж, Мынзэлешть — Бузэу), паралича (Половраджь — Горж, Мынзэлешть — Бузэу), утраты способности говорить (Мынзэлешть — Бузэу [Голант 2008; Голант, Плотникова 2012]).

Все информанты утверждали, что эти существа появляются по ночам. По вопросу о том, в какой именно календарный период они появляются, единого мнения нет, однако чаще всего говорится, что они активны в ночь праздника Иванова дня (*Sânziene*): Мэлая — Вылча, Половраджь — Горж, с. Грабичина коммуны Скорцоаса — Бузэу). В Мэлае (Вылча) встретилось также утверждение, что эти существа активны в период Русалий, в Половраджь (Горж) — утверждение о том, что их следы можно увидеть и на снегу [Голант 2008; Голант, Плотникова 2012].

Во всех обследованных населенных пунктах существует представление о змее, покровительствующей дому, широко

распространенное в Карпато-Балканском регионе, а также в Малой Азии [Плотникова 2004: 232–339; Иванова 2009]. Эта змея-покровитель дома именуется *șarpele casei* ‘змея дома’ (повсеместно), *șarpe de casă* (Мэлая — Вылча, Сэрата-Монтеору, Дара — Бузэу), *șerpele cășii* (Половрадзь — Горж), *al cășii* ‘домашний, относящийся к дому’ (Половрадзь — Горж). Жители всех обследованных пунктов говорили о том, что эта змея не ядовита и не причиняет вреда людям, а также о том, что ее нельзя убивать, так как это может принести несчастье. Впрочем, встречались случаи, когда кто-то из информантов сообщал, что ему приходилось убивать такую змею, и никакого несчастья не произошло (сведения из коммуны Поноареле — Мехединць). Многие информанты из обследованных населенных пунктов на территории Олтении говорили о своем резко отрицательном отношении к змеям, в частности, приводя поверье о том, что змея (уж) высасывает молоко у коров [Голант 2008; Голант, Плотникова 2012].

В ряду «общевалканских» мифологических персонажей, представления о которых удалось зафиксировать в обследованном населенном пункте, стоят также демоны судьбы, которых румыны, и в частности — местные жители, именуют *ursitoare, -le* — ед. ч. лит. *ursitoare, -a* (Мэлая — Вылча, Половрадзь — Горж; села Мынзэлешть и Меледик коммуны Мынзэлешть, Сэрата-Монтеору, с. Грабичина коммуны Скорцоаса — Бузэу), *ursători, -le* — ед. ч. *ursătoare, -a* (Мэлая — Вылча; Половрадзь — Горж), *ursitori, -le* — ед. ч. *ursitoare, -a* (Мэлая — Вылча; Половрадзь — Горж; Мынзэлешть — Бузэу; Поноареле — Мехединць), *ursătoare, -le, ursătoare, -a* (Половрадзь — Горж); *cele trei ursători* ‘те три *урсэторы*’ (Мэлая — Вылча), *ăle sfinte* (Мэлая — Вылча [Голант 2008; Голант, Плотникова 2012]. Последний термин, совпадающий с наименованием женских мифологических существ, аналогичных южнославянским вилам, встречается и в некоторых других населенных пунктах округа Вылча [Ghinoiu (coord. gen.) 2001: 26]. Термин *ursitoare, -le* и его варианты распространены в Румынии повсеместно. Александру Чорэнеску и авторы «Толкового словаря румынского языка» [Dicționarul explicativ 1998] связывают происхождение этого термина, образованного от глагола *a ursi* (вариант — *a ursa*) ‘предназначать, предопределять’, с новогреческим глаголом *ορίζω* ‘определять, ограничивать’. Чорэнеску упоминает в этой связи и болгарский глагол *орисвам* [Ciorănescu 2007: 821; Dicționarul explicativ 1998: 1140–1141].

Подобные персонажи — демоны судьбы, представляемые чаще всего в образе трех женщин, характерны также для мифологии балканских славян — болгар, македонцев, сербов, черногорцев, хорватов. Большинство наименований этих существ у южных славян, как и у румын, являются дериватами от лексем с общей семантикой ‘присуждать, нарекать, определять’ (*орисници, урисници, наречници, реченици, суђеници* и др. [Плотникова 2004: 243–249]).

Большинство информантов говорили о трех демонах судьбы — *ursitoare* (повсеместно), изредка встречались утверждения, согласно которым их семь или двенадцать (Мэлая — Вылча). Прихода демонов судьбы ожидают на третью ночь после рождения ребенка (Половраджь — Горж; Поноареле — Мехединць; Сэрата-Монтеору, Дара — Бузэу) или в первую же ночь после рождения (Мэлая — Вылча; Мынзэлешть — Бузэу [Голант 2008; Голант, Плотникова 2012]).

Демоны судьбы должны предопределить судьбу, характер, способности и личные качества новорожденного. В ожидании прихода демонов судьбы семья новорожденного готовит для них стол (*masă*). На стол помещают различные предметы, с помощью которых пытаются «смоделировать» желаемые качества и / или желаемое будущее ребенка, и угощение, которым надеются умиловить демонов судьбы.

В качестве угощения на стол могут положить хлеб — по словам некоторых информантов, это специальный хлеб (*azimă*), который посыпают сахаром (Половраджь — Горж), калачи (Поноареле — Мехединць), пироги (Мынзэлешть — Бузэу), молоко (Половраджь — Горж, Мынзэлешть — Бузэу), сыр (Половраджь — Горж, Мынзэлешть — Бузэу), мясо (Половраджь — Горж), борщ (Мынзэлешть — Бузэу), вино (Половраджь — Горж, Мынзэлешть — Бузэу), фруктовую водку (Половраджь — Горж), «сладкую воду» (Поноареле — Мехединць). В коммуне Мынзэлешть (Бузэу) однажды встретилось утверждение, что на столе не должно быть мяса и фруктовой водки, которая якобы является «дьявольским напитком» [Голант, Плотникова 2012]. В коммунах Половраджь (Горж) и Поноареле (Мехединць) был зафиксирован обычай, согласно которому на следующее утро угощение (в Половраджь — хлеб с сахаром и вино, в Поноареле — калачи и «сладкую воду») делят между тремя соседскими детьми. По словам информантов из Поноареле, угощения раздают двум мальчикам и одной девочке, если младенец — мальчик, и двум девочкам и одному мальчику, если ребенок — девочка.

Кроме угощений, на стол, сервированный для демонов судьбы, могут класть овечью шерсть (Мэлая — Вылча; см.: [Голант 2008]). По утверждению румынского исследователя Иона Гиною, шерсть на стол помещают для того, чтобы демоны судьбы (*ursitoarele*) спряли более длинную нить жизни [Ghinoiu 2001: 200–201]. Также на стол могут класть клещи и другие инструменты, чтобы ребенок вырос хорошим хозяином (Половраджь — Горж), книги и письменные принадлежности для успехов в учебе (Половраджь — Горж, Дара — Бузэу), деньги и золото ради богатства (Дара — Бузэу [Голант, Плотникова 2012]).

По словам некоторых информантов, стол для демонов судьбы накрывают и в настоящее время. Это делают в доме, в той комнате, где будет спать ребенок — несмотря на то, что в наши дни роженица и ребенок в этот период, как правило, еще находятся в больнице (Половраджь — Горж; Мынзэлешть — Бузэу [Голант, Плотникова 2012]).

Большинство информантов утверждали, что демонов судьбы нельзя увидеть. Лишь изредка встречаются сведения об их внешнем виде, например, о том, что это «три пожилые благообразные женщины» (села коммуны Мынзэлешть, с. Грабичина коммуны Скорцоаса — Бузэу), о том, что они одеты в черные (Сэрата-Монтеору, с. Грабичина коммуны Скорцоаса — Бузэу) или в белые одежды (Половраджь — Горж [Голант, Плотникова 2012]).

Согласно сведениям из коммуны Мэлая (Вылча), одна из демонов судьбы — румынка (*româncă*), другая — венгерка (*unguroaică*) или, по другой версии, еврейка (*jidancă*), а третья — цыганка (*țigancă*). «Румынку» считают самой доброй, а «цыганку» — самой злой из трех предсказательниц. О человеке, которому не везет, говорят: «Цыганка тебе судит злую судьбу» («*Țiganca te ursază rău*»; см.: [Голант 2008]). В качестве отдаленной аналогии можно упомянуть тот факт, что у болгар в южной Болгарии и в Добрудже встречаются такие наименования демонов, в которых превращаются души умерших рожениц и беременных женщин, как *арменки*, *арменци*, *ерменки*, *ерменлийки* [Плотникова 2009а: 52]; у бессарабских болгар — *ерменци* (термин зафиксирован автором в с. Чийшия Болгардского р-на Одесской обл.).

Встречаются былички о предсказаниях демонов судьбы, которые сбываются, несмотря на все усилия людей помешать этому. Так, быличка, записанная А. А. Плотниковой от жительницы с. Дара коммуны Пьетроаселе (Бузэу), рассказывает о пастухе, который случайно оказался в доме женщины, которая родила, и услышал прорицание

демонов судьбы о том, что он возьмет в жены родившуюся девочку. Пастух решил, что он не может на ней жениться, поскольку он уже взрослый, а она маленькая, и посадил ее на кол на заборе. Девочка выжила и не выходила замуж, пока не пришел ее сватать этот пастух, как обещала предсказательница. После свадьбы пастух спросил жену, откуда у нее отметина. Тогда все выяснилось, и они поняли, что предсказание сбылось [Голант, Плотникова 2012]. В коммуне Поноареле (Мехединць) была зафиксирована быличка о том, как к одному новорожденному пришли демоны судьбы (*ursitori*) и напорочили ему смерть «от белого коня». Кто-то из домашних услышал это пророчество, и родители ребенка не стали заводить лошадей и вообще старались держать сына подальше от них. Когда мальчик подрос, он поехал учиться в город, и там ему на голову упала вывеска какого-то бара или кафе с надписью, в которой упоминался белый конь (*calul alb*), и убила его.

Мифологическими существами, также связанными с родильной обрядностью, являются *babiți* (ж. р.) — демоны, которые могут причинить вред новорожденному. Данный термин, который удалось зафиксировать в Мэлае (Вылча) и в Половраджь (Горж), несомненно, имеет славянское происхождение. Так, аналогичные мифологические персонажи обозначаются термином *бабице* у сербов в восточных районах Сербии и в Косово [Плотникова 2009а: 52]. В Половраджь о ребенке, который не мог спать и постоянно плакал, говорили: *e lovit din babiți* — букв. ‘его ударили из *бабúць (babiți)*’. Причиной этого считалось то, что мать этого ребенка нарушила какой-либо из запретов, существовавших для рожениц, например, занималась прядением до истечения шести недель после родов. В ответ на просьбу описать, как выглядели *бабúць (babiți)*, информанты из Половраджь отвечали, что эти существа выглядят как безобразные женщины или мужчины. В Мэлае описания этих существ зафиксированы не были.

В коммуне Поноареле (Мехединць) был зафиксирован эфемистический термин *maicile* ‘матушки’, обозначающий любые болезни. В других обследованных населенных пунктах он не встречался⁴.

Представление о персонификации чумы (*ciumă*, -а) в виде старой женщины встретилось в Мынзэлешть (Бузэу) и в Поноареле (Мехединць). По словам информантов из Мынзэлешть, чуму

⁴ Ср. термин *майки*, употребляющийся в том же значении у болгар в Родопах [Плотникова 2009а: 52].

представляли в виде старой уродливой женщины, которая могла войти куда угодно. Признаком прихода чумы считался беспричинный лай собак. По словам некоторых местных жителей, чума приходила во время войн с турками. В коммуне Поноареле бытует легенда о «рубаше чумы» (*cămașa ciunii*). Чума якобы пришла в дом одной вдовы, у которой (во время эпидемии чумы) болел ребенок, и попросила ту сшить ей рубашку. Чума пообещала оставить в живых сына этой женщины и вообще уйти, если та за ночь сошьет ей рубашку. Вдова созвала соседок, и они вместе ткали, кроили и шили всю ночь, и к утру рубашка была готова. Этой легендой мотивирован один из местных топонимов — один из холмов в окрестностях коммуны именуется «Dealul cămășii» ‘Холм рубахи’. Существует также поговорка «*Lucrează ca la cămașa ciunii*» ‘Работают, как над рубашкой чумы’. Ее употребляют, когда говорят о человеке, спешно выполняющем какую-либо работу. С событиями этой легенды местные жители связывают и празднование «пятницы чумы» (*Vineriștea ciunii*). «Пятница чумы» является семейным (и в то же время общесельским) праздником. В каждом из сел коммуны — своя «пятница чумы» (в период с начала августа (или, по другим сведениям, с Ильина дня) до дня св. Параскевы). На этот праздник многие семьи устраивают застолье, на которое приходят родственники и знакомые из соседних сел. Подают по традиции постную пищу — фасоль, постные голубцы и т. д. (пятница — постный день), однако сейчас кроме всего этого на столах может появляться и мясо. Представление о «рубаше чумы» (*cămașa ciunei, ia ciunei*) существует во многих регионах Румынии, в частности, в Мунтении, Олтении, Трансильвании, Марамуреше, на Буковине. Изготовление такой рубахи было самым распространенным магическим средством, которое, как считалось, могло остановить эпидемию чумы. Все операции по изготовлению рубахи (пряжение, тканье, раскрой, шитье) должны были быть выполнены в течение одних суток или одной ночи [Candrea 1999: 165–167; Evseev 2001: 31, 37; Ghinoiu 2001: 49].

Обычай изготавливать рубаху в течение одного дня в случае эпидемии встречается также у болгар, венгров и трансильванских немцев (саксонцев) [Толстая 2004; Candrea 1999: 167]. У сербов в окрестностях Пирота (восточная Сербия) известен обычай изготавливать «рубашку-однодневку» (*кошуља једноданка*) в тех случаях, когда было очевидно, что приближается война, и все мужчины, уходившие

на войну, пролезали через эту рубаху — это должно было уберечь их от гибели. У болгар в Пиринском крае и у македонцев в западной Македонии существовал обычай с целью уберечься от чумы изготавливать за одну ночь полотно (макед. *чумино платно*), под которым потом пролезали все жители села. У белорусов средством от мора считалось «однодневное полотенце», под которым проходили все жители села, после чего полотенце сжигали [Толстая 2004].

В данной статье рассмотрены сюжеты, являющиеся, как представляется, одновременно и «этнографическими», и лексическими балканизмами. Одни из них, насколько можно судить по нашим полевым материалам, распространены на территории рассматриваемого региона — Валахии — практически повсеместно, другие пока удалось обнаружить лишь в одном-двух из обследованных пунктов. Уточнение ареала распространения рассмотренных явлений и обслуживающей их лексики требует дальнейшего изучения.

Список условных сокращений

алб. — албанский; арум. — арумьинский; аст. — астурийский; бел. — белорусский; болг. — болгарский; ед. ч. — единственное число; ж. р. — женский род; ит. — итальянский; лат. — латинский; лит. — литературная форма; макед. — македонский; мегл.-рум. — мегленорумынский; мн. ч. — множественное число; молд. — молдавский; н.-греч. — новогреческий; пол. — польский; порт. — португальский; прован. — провансальский; рум. — румынский; рус. — русский; сард. — сардинский; серб. — сербский; словен. — словенский; укр. — украинский; хорв. — хорватский; чеш. — чешский.

Литература

- Голант 2008 — Н. Г. Голант. Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, область Олтения) // А. А. Плотникова (отв. ред.). Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 271–322.
- Голант, Плотникова 2012 — Н. Г. Голант, А. А. Плотникова. Этнолингвистические материалы из Мунтении (округ Бузэу, села коммун Мерей, Мынзэлешть, Пьетроаселе, Скорцоаса) // А. А. Плотникова (отв. ред.). Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Вып. 2. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 361–427.

- Гура, Левкиевская 1995 — А. В. Гура, Е. Е. Левкиевская. Волколак // Н. И. Толстой (ред.). Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 418–420.
- Иванова 2009 — В. В. Иванова. Змея — Джинн-Предок. Анатолийский взгляд на хранителя дома // М. А. Родионов (отв. ред.). Азиатский бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 151–160.
- Климова 2008 — К. А. Климова. Балканские концепты в народной мифологии современной Греции и славянобалканского ареала // Л. Э. Калнынь (отв. ред.). Исследования по славянской диалектологии. Вып. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 251–266.
- Плотникова 2003 — А. А. Плотникова. Южнославянские персонажи типа *вила* в свете «балканского» на Балканах // И. А. Седакова, Т. В. Цивьян (отв. ред.). Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М.: Индрик, 2003. С. 228–248.
- Плотникова 2004 — А. А. Плотникова. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.
- Плотникова 2009a — А. А. Плотникова. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009.
- Плотникова 2009b — А. А. Плотникова. Рубашка // Н. И. Толстой (ред.). Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 489–490.
- Плотникова 2016 — А. А. Плотникова. «Рубашечка» и «постелька» новорожденного (электронный документ). (<http://www.rastko.rs/rastko/delo/11708>)
- Толстая 2004 — С. М. Толстая. Обыденные предметы // Н. И. Толстой (ред.). Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 487–489.
- Boteanu, Borloveanu 2003 — C. Boteanu, D. Borloveanu. Ponoarele. Craiova: Ed. MJM, 2003.
- Candrea 1999 — I. A. Candrea. Folclorul medical român comparat. Privire generală. Medicina magică. Iași: Polirom, 1999.
- Ciorănescu 2007 — A. Ciorănescu. Dicționarul etimologic al limbii române. Ed. îngrijită și trad. din limba spaniolă, de T. Ș. Mehedinți și M. Popescu. București: Săcolum I. O., 2007.
- Densusianu 1901 — O. Densusianu. Histoire de la langue roumaine. Vol. I. Les origines. Paris: Leroux, 1901.

- Dicționarul explicativ 1998 — Dicționarul explicativ al limbii române. Ediție a II-a. București: Univers Enciclopedic, 1998.
- Evseev 2001 — I. Evseev. Dicționar de simboluri și arhetipuri culturale. Timișoara: Amarcord, 2001.
- Ghinoiu 2001 — I. Ghinoiu. Panteonul românesc. Dicționar. București: Univers Enciclopedic, 2001.
- Ghinoiu (coord. gen.) 2001 — I. Ghinoiu (coord. gen.). Sărbători și obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului etnografic român. Vol. I. Oltenia. București: Ed. Enciclopedică, 2001.
- Ghinoiu (coord. gen.) 2003 — I. Ghinoiu (coord. gen.). Sărbători și obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului etnografic român. Vol. III. Transilvania. București: Ed. Enciclopedică, 2003.
- Ghinoiu (coord. gen.) 2004 — I. Ghinoiu (coord. gen.). Sărbători și obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului etnografic român. Vol. IV. Moldova. București: Ed. Enciclopedică, 2004.
- Ghinoiu (coord. gen.) 2009 — I. Ghinoiu (coord. gen.). Sărbători și obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului etnografic român. Vol. V. Dobrogea, Muntenia. București: Ed. Enciclopedică, 2009.
- Hedeșan 1998 — O. Hedeșan. Șapte eseuri despre strigoi. Timișoara: Marineasa, 1998.
- Meyer-Lübke 1935 — W. Meyer-Lübke. Romanisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1935.
- Mușlea, Bîrlea 1970 — I. Mușlea, O. Bîrlea. Tipologia folclorului din răspunsurile la chestionarele lui B. P. Hașdeu. București: Minerva, 1970.
- Nicolau, Huluță (eds.) 2000 — I. Nicolau, C. Huluță (eds.). Credințe și superstiții românești după Artur Gorovei și Gh. F. Ciușanu. București: Humanitas, 2000.
- Philippide 1894 — Al. Philippide. Istoria limbii române. Principii de istoria limbii. Iași: Tipografie Națională, 1894.
- Rosetti 1947 — Al. Rosetti. Mélanges de linguistique et de philologie. Bucarest — Copenhagen: Editions de l'Académie Roumain, 1947.

М. В. Домосилецкая

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ЗАМЕТКИ ПО БАЛКАНСКОМУ ГЕРБАРИЮ: МАЛЬВА И АРТИШОК (К НАЗВАНИЯМ МОЛОКОСВЕРТЫВАЮЩИХ РАСТЕНИЙ В БАЛКАНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ)

1. Предварительные замечания

Разведение мелкого рогатого скота и связанное с ним молочное производство — важнейшие для Балкан традиционные сферы хозяйствования. Неудивительно поэтому, что изготовление квашеного разными способами молока и сыроварение как способ его сохранения и консервации являлся и является до сих пор традиционным занятием и у трансгумирующих пастухов, и у полностью оседлого населения как в самом Балканском регионе, так и шире — в Юго-Восточной Европе в целом¹.

В народных практиках существует несколько видов свертывания молока, в основном это: а) **кислое** свертывание и б) свертывание путем **коагуляции ферментом**. Второй способ — более поздний, возникший как результат того, что еще в глубокой древности люди начали использовать разнообразные случайно найденные **ферменты**, обнаружив, что молоко коагулирует, если в него добавлять различные части растений (кору, семена, цветки, сок и т. д.), или свернувшееся молоко из желудка козлят и ягнят, или слизистую

¹ См. в качестве иллюстрации «Лексический вопросник» к «Малому диалектологическому атласу балканских языков» (МДАБЯ), где разделу «Молочное производство и молочная пища» посвящено 107 вопросов [Домосилецкая и др. 1997: 67–69]. Как показали полученные полевые материалы (описание сетки пунктов и фамилии коллекторов и обработчиков полевого материала, собранного в рамках экспедиций по программе МДАБЯ, см., в частности: [Соболев 2003: 15–16]), во всех двенадцати балканских пунктах атласа данная лексико-семантическая группа оказалась представлена в максимально полном виде. К сожалению, следует отметить, что вопросы по растительным ферментам, используемым в традиционном молочном производстве, в вопросник МДАБЯ не вошли.

оболочку их желудка, точнее, его 4-го отдела — сычуга. Скорее всего, это открытие могло произойти в условиях жаркого климата в летне-осенний период при перевозке молока в сосудах из шкур и тканей органов животных.

Полагают, что растительные молокосвертывающие ферменты (растительные протеазы) люди применяли в самые древние времена, и они являются, очевидно, наиболее старым средством, использовавшимся для свертывания молока (по сравнению с ферментами животного происхождения и грибковыми культурами) [Теплы и др. 1980: 236–237]. Луций Колумелла 7-ую книгу своего известного труда «О сельском хозяйстве» [Columella 1954: 230–319] целиком посвятил молочному производству и изготовлению сыров. В ней, в частности, он предлагал свертывать молоко не только сычугом ягненка или козленка, но и цветком чертополоха, семенами сафлора², соком смоковницы³ (из свежих побегов или путем надреза зеленой коры) [Columella 1954: 255–256].

Из всех представителей флоры, обладающих **потенциальной способностью** к свертыванию молока [Теплы и др. 1980: 238], в данной работе будут проанализированы наименования только двух — это *Malva silvestris* ‘мальва дикая’ и *Cynara scolymus* ‘артишок посевной’ и *Cynara cardunculus* ‘артишок дикий или испанский’. Они в равной степени могли использоваться на **всей** обширной территории Балканского полуострова⁴.

Задачей данной работы является установить, закрепился ли в народной фитонимии балканских языков и диалектов такой реальный признак этих растений, как способность к свертыванию молока: если да, то в какой степени; если нет, то какие иные мотивационные «направляющие» легли в основу тех или иных местных фитонимов.

² Сафлор — *Carthamus tinctorius* ‘сафлор красильный, дикий шафран, красильный чертополох’.

³ Получить полное представление обо всех аспектах использования смоковницы в древней Италии можно в работе: [Грошева 2011].

⁴ О балканских наименованиях **главного** молокосвертывающего растения региона — *Galium verum* ‘подмаренник настоящий’ — см.: [Домосилецкая 2016]. Балканские фитонимы для встречающихся на полуострове и обладающих коагулирующими свойствами *Ficus carica* ‘инжир, смоковница, фиговое дерево, винная ягода и проч.’ и *Carduus* ‘чертополох’ здесь рассматриваться не будут; о них см. уже опубликованные работы: [Грошева 2011; Колосова 2009: 234–247].

2. *Malva silvestris* (*M. vulgaris*) ‘мальва дикая, мальва лесная’

Характерной особенностью всех видов мальв является наличие у них массы растительной слизи во внутренних вместилищах, а также большого количества вяжущих веществ в составе всего цветка в целом, что и придает молокосвертывающие способности данному роду растений.

Латинское родовое наименование растения *malva*, проникшее во многие европейские языки, восходит к д.-греч. *μάλβαξ / μαλάχη* ‘мальва’ от *μαλάσσω / μαλθάσσω*, атт. *μαλάττω* ‘размягчать, разминать, ослаблять, раздавливать, смягчать, умерять, облегчать, исцелять’. Неясно, какое из качеств растения могло лечь в основу древнего наименования: номинация осуществилась либо а) по целебной слизи, имеющейся у мальвы в обилии, либо б) по осклизлому состоянию ее вареного стебля и корня, либо в) по эффекту облегчения болезни, которую этим растением лечили, часто применяя в качестве смягчающего и отхаркивающего средства. Предпринимались также попытки усматривать в д.-греч. *μαλάχη* некий палеобалканский догреческий осколок [Откупщиков 1988: 124] либо «средиземноморское слово», относящееся в неясному доиндоевропейскому субстрату, наподобие слов для обозначения ‘мака’ (д.-греч. *μήκων*), ‘кипариса’ (греч. *κυπάρισσος*), ‘яблока’ (д.-греч. *μήλον*, лат. *mālum* [> алб. *mollë*]) [Chantraine 1968: 600, 662, 694; Meyer-Lübke 1972: 5274]. Современные новогреческие названия мальвы — *μαλάχη / μολόχα* [Хориков, Малев 1980: 493, 524].

Классификация мотивировок для балканских наименований мальвы может выглядеть следующим образом.

2.1. По внешним особенностям растения

2.1.1. *Наличие большого количества слизи.* Лит. болг. *слез*, диал. болг. *сляз, сляс, слезянка, слезен, слезене*, макед. *слез*, диал. макед. *шляз, ш’лас, сл’ас, слезен* [Давидов, Явашев 1939: 205–206], серб. *слез*, диал. серб. *слиз, склез, шъез, слезовача, слезник, слезена, слезеновац, слезник* и др. [Симоновић 1959: 290–291], хорв. *slez*, диал. хорв. *sljez, šljez, sliz, sklez, slezник, zlezник, slezovina, slezovača* и др. [Šugar 2008: 631; Šulek 1879: 361–362; Vajs 2003: 166] (все < п.-слав. **slězъ*).

2.1.2. *Окраска цветков.* Важно подчеркнуть частое неразличение в народном сознании носителей балканских языков таких

разновидностей мальвы, как мальва шток-розовая, мальва дикая (лесная), мальва круглолистная, мальва Линнея и др. Все эти виды распространены по Средиземноморскому побережью, встречаются почти повсеместно и в глубине Балканского полуострова, в регионе Карпат и сопредельных районов — на склонах, на пустырях, в развалинах, вдоль дорог и заборов, около жилищ, в огородах. Все имеют длинный стебель, цветки с пятью лепестками — от розовых и лиловых до темно-багровых, густо-фиолетовых — с продольными полосками более темного цвета. **Темный цвет цветков** большинства мальв сыграл определяющую роль в формировании ряда двусоставных фитонимов, где в основу лег этот определяющий признак⁵; см.: сев.-алб. *mullagë e zezë* букв. ‘мальва черная’, диал. алб. *lulëgjaku* букв. ‘цветок крови’ (сравнение с темной пурпурной венозной кровью), *patlixhan i egër* букв. ‘баклажан дикий’ (метафорическое сравнение с не вызывающей двусмысленного прочтения окраской широко распространенного в регионе овоща < тур. *patlıcan* ‘баклажан’) [Krasniqi et al. 2003: 180], диал. рум. (Марамуреш) *floricele negrîi* букв. ‘цветочки черные’ [Borza 1968: 107]; диал. болг. *син сляз* ‘синяя мальва’ [Давидов, Явашев 1939: 205]; серб./хорв. *crni slez*, *crni sljez*, *црни слез* (*шлез*) ‘черная мальва’ и др. [Симоновић 1959: 290; Софрић 1990: 200; Šugar 2008: 631].

Однако, несмотря на наличие таких двусоставных номинаций, как *mullagë e zezë* и *crni slez*, *црни шлез*, можно высказать предположение, что именно темный цвет является безусловным маркером в большей части народных балканских фитонимов для мальвы. Родовые именованья алб. *mëllagë*, болг. и макед. *слез*, *молоха*, болг. *ружа*, *камилка*, н.-греч. *μολόχα* и проч. — сами по себе в повседневном сознании носителей народной речи **уже подразумевают** темную или по крайней мере ярко-розовую, лиловую окраску цветков. Для обозначения конкретных видов этого растения, выделяемых народным сознанием, чаще используется гипероним ‘мальва’ с соответствующими определителями. К примеру, *Malva rotundifolia* ‘мальва круглолистная’, отличающаяся самыми вкусными съедобными семенами: диал. болг. *бял слез*, *бяла ружа*, *дробен сляз*, *питомен* (*питоми*) *сляз* [Давидов, Явашев 1939: 205–206], рум. *nalbă mărunță* букв. ‘мальва мелкая’ [Borza 1968: 107].

⁵ Еще одна интересная особенность растения, связанная с цветом — когда мальву сушат с целью получения лечебного сырья, листья ее синеют.

Попутно стоит отметить, что темно-пурпурный сок цветков мальв, содержащий мальвин, применяется в виноделии для подкрашивания и придания нужного оттенка виноградным винам. Однако это качество растения вообще не нашло отражения в балканских наименованиях мальвы.

2.1.3. *Тонкие крупные трепещущие лепестки.* Цветы всех мальв имеют в пазухах листьев по пять глубокоыемчатых лепестков, колышущихся на ветру, что облекает их в народном сознании в образ трепещущего крыла (бабочки): диал. болг. *окрилче, окрилич, окрел, окрелче* [Давидов, Явашев 1939: 205] < *окриля* < *крило*. Возможно, сюда же относится диал. болг. *квалица* [Давидов, Явашев 1939: 205] — контаминация корня *крил-* и *квалица* ‘королева’, где присутствует образная оценка красоты цветков мальвы.

2.1.4. *Метафорическое представление цветков в образе шляпы, шапки.* Диал. хорв. *klobcicovje, srćni klobuk*, диал. серб. *клубцицовје* [Симоновић 1959: 291; Šulek 1879: 147, 374]; ср.: серб. *клубук* ‘шляпа, шапка’.

2.1.5. *Высокий стоячий стебель (до 150 см высотой), украшенный наверху цветками.* Диал. рум. *creață* [Borza 1968: 107]; ср. исходную семантику *creață* ‘гребень, хохолок, вершина, верхушка’ (< лат. *crista* ‘хохолок, гребешок у птиц, пучок, перо на шлеме, султан’). Сюда же можно отнести метафору-сравнение с тополем (*Populus*), в особенности с высоким стройным пирамидальным тополем (*Populus pyramidalis*). Это диал. серб. *јаблан* (лит. серб. *јаблан* ‘тополь’), *дивји панел, довји панел* букв. ‘дикий тополь’ [Симоновић 1959: 290–291]; диал. хорв. *divji papel* [Šulek 1879: 532]. При этом важно указать здесь на возможное устное или письменное влияние немецкого; ср. немецкие народные названия разных видов мальв, включающие компонент *Pappel* ‘тополь’ — *Käsepappel, Wilde Käsepappel, Pappelchen, Rosenpappel, Kohlpappel, Hasenpappel* и др. [Симоновић 1959: 290; Borza 1968: 107; Krasniqi et al. 2003: 180].

2.1.6. *Сходство с другими травянистыми растениями (не семейства Malva!).* Диал. болг. *ружа, дива ружа, ружан* и др. [Явашев 1905: 37], диал. хорв. *ružica (prikomorska)* букв. ‘розочка (придомовая)’ [Šulek 1879: 345] (< лат. *rosa/roza*). В основу именования положен образ бросающегося в глаза **крупного красивого** яркоокрашенного цветка округлой формы, отдаленно напоминающего розу не очень махровых форм: ср. здесь также южнославянские

наименования *Helianthemum vulgare* ‘ладанник’ — болг. *ружица* [Давидов, Явашев 1939: 178] и хорв. *žuta ružica* [Šulek 1879: 522]. Ладанник — это растение, очень схожее по своим пятилепестковым цветкам с шиповником и часто именуемое иначе ‘скальной розой’ или ‘каменной розой’.

2.2. По реальным или приписываемым свойствам растения, используемым человеком или отражающимся на жизни человека

2.2.1. *Способность растения створаживать молоко.* Приходится констатировать, что во всем собранном обширном балканском лексическом материале удалось обнаружить **только два** румынских фитонима, чья внутренняя форма могла бы соответствовать представлению о молокосвертывающих свойствах растения — *cașul popii* букв. ‘сыр попа’ и *caș* ‘сыр’ [Vorza 1968: 107]. Хотелось бы видеть в них отражение хоть и не ярко выраженной, но все же некоторой способности растения сворачивать свежее молоко. Однако данные народные названия очевидно связаны с другой, более яркой, характеристикой мальв — наличием у них съедобных нежных семян, в основном у мальвы круглолистной (см. раздел 2.2.2).

2.2.2. *Приятный вкус съедобных семян.* Мотивировать название может также приятный вкус съедобных семян, собранных в плод-коробочку, часто с удовольствием поедаемых детьми. При этом метафорическое восприятие их вкуса может быть основано на двух ассоциациях:

1. нежный вкус свежего неферментированного мягкого сыра (что не уникально для Балкан; см. западноевропейские народные названия мальв — нем. *Käsemalve*, англ. *cheeses*): рум. (повсеместно народное) *cașul popii* букв. ‘сыр попа’ и (Мунтения) *caș* ‘сыр’ [Vorza 1968: 107].

2. вкус (сладких) выпечных изделий круглой формы: диал. рум. *colăcel* ‘калачик, кренделек’ (диминутив) < *colac* ‘калач, крендель; круг; обод’ (< болг. *колак*, *колач*, макед. *колак*, серб. *колач*), *colăceii-babei* / *colăceii babii* (мн. ч.) ‘старухины калачики / бабкины калачики’, *covrigel* ‘бараночек, бубличек’ (диминутив) < *covrig* ‘бублик, баранка’ (< болг. *ковриг*), *turtele* (мн. ч.) ‘лепешки’ (< *turtă* ‘лепешка’ < лат. **turta* < *torta* ‘плетеный круглый хлеб’) [Vorza 1968: 107], диал. серб. / хорв. (Босния) *kolutić* букв. ‘колечки’ [Симоновић 1959: 290; Šugar 2008: 300], тур. *ebegümesi* ‘мальва,

гибискус' [Мустафаев, Щербинин 1972: 385] < *ebe* 'повитуха' + *göteç / güteç* 'чурек, сдобная лепешка, хлеб, коврига, каравай', то есть 'коврижка, каравай повитухи' (отсюда диал. болг. *ябан-гюмеджи*; см. раздел 2.6).

2.2.3. *Форма съедобных семян* — круглая плоская, похожа на зеленые пуговицы: диал. рум. (Мунтения) *bănuți, bănuței* [Borza 1968: 107] букв. 'денежки, монетки' < *ban* 'мелкая монета', мн. ч. *banî* 'деньги'.

2.2.4. *Лечебные свойства растения.*

1. слизистое вяжущее вещество, имеющееся в изобилии в растении, помогает, в частности, при воспалении горла, зева, трахеите; для полоскания или лечебного напитка в народе использовали либо настой, либо свежесжатый сок растения: диал. серб./хорв. *guščija trava, гушчија трава, гушћерњак* [Симоновић 1959: 290; Софрић 1990: 200; Šulek 1879: 107] < *гуштер* 'круп, воспаление гортани'.

2. использование в качестве **мази**: диал. болг. (северо-западные говоры, Плевен) *мъзалка* [Cholioltshev 1990: 65]. Название оправдано тем, что в традиционной медицине растение применялось не только как внутреннее смягчающее и отхаркивающее средство, но и в виде мази для наружных смазываний при заболеваниях и повреждениях кожи и более глубоких внутренних тканей.

2.3. *По символическим свойствам растения и этиологическим легендам («рука Бога, божья ручка»)*

Сюда можно отнести болгарское диалектное номенклатурное словосочетание *божья ручица* [Давидов, Явашев 1939: 206], используемое в народе для наименования многих видов мальв, относимых им к «божьим травам»: *Malva pallida* 'мальва восточная', *Malva officinalis* 'алтей лекарственный', *Malva vulgaris* 'мальва дикая'⁶. Можно предположить, что к упоминанию имени Бога в наименовании могло привести восприятие растения

⁶ Интересно отметить, что в болгарском языке к классу как «божьих», так и «богородичных» трав относится еще одно волокнистое (лубяное) растение рода мальвовых — *Abutilon avicennae* 'канатник', с очень схожими с мальвой цветками; см.: болг. *божа ручица, богородична ручица* [Давидов, Явашев 1939: 85–86]. Вообще же в соседствующих и кое-где взаимоналагающихся балканославянском и восточнороманском регионах наблюдается явная однотипная тенденция — мифологический образ руки Богородицы несут в основном два типа растений: *Anastatica hierochuntica* 'иерихонская роза, перекати-поле' (рум. *mîna-Maicii-Domnului* [Butură 1979: 156] букв. 'рука матери Господа' и болг. *богородична ручичка*,

как лекарственного, обволакивающего, приносящего облегчение при кашле, как легочном, так и бронхиальном, болезнях желудочно-кишечного тракта, ожогах, заболеваниях кожи, ранах и др.

2.4. Использование окказиональных или трудно объяснимых метафор-мотивировок

ВОЛ: диал. макед. (западные говоры, Дебар) *волово око*, *воло-око* [Давидов, Явашев 1939: 205–206]. Пожалуй, благодаря ее высокому стеблю и крупным цветам мальву можно отнести к так называемым «воловым» растениям, поскольку при их номинации «принималась во внимание величина животного», то есть вола, с образом которого и происходило эксплицитное сравнение [Дубровина 2010: 62–63].

ВЕРБЛЮД: болг. *камилка*, *камиляк*, *камилско цвете*, *камилче* и др. [Давидов, Явашев 1939: 205–206]; о происхождении фитонима см. раздел 2.6.

ИНДЮК, ИНДЮШКА (серб. *пура* ‘индюшка’, *ћурак* ‘индюк’, *ћурећи* ‘индюшечий’): диал. серб. *пурја трава*, *ћурећа трава*, *ћурчија трава* [Симоновић 1959: 290–291; Софрић 1990: 200] и диал. серб. / хорв. (босн.) *purja trava* [Šugar 2008: 566; Šulek 1879: 320].

Также можно лишь строить догадки о мотивации диал. болг. (Омуртаг — Тырговиштская обл.) *пелеш* [Давидов, Явашев 1939: 205]; ср.: диал. болг. *пелеш* ‘мочка уха’,

богородична ручица [Давидов, Явашев 1939: 99] — уподобление по форме кисти руки высохшим растениям, привозимой христианскими и мусульманскими паломниками с Ближнего Востока) и семейство орхидных — *Gymnadenia conopsea* ‘кокушник’ (рум. (в Молдове) *mîna Maicii Domnului* [Borza 1968: 260] букв. ‘рука матери Господа’ и болг. *богородична ручица*, *богородична рука* [Давидов, Явашев 1939: 177]), *Orchis maculata* ‘ятрышник пятнистый’ (рум. *mîna-Maicii-Domnului* букв. ‘рука матери Господа’ и диал. болг. *богородична ручичка*). В сербском же, в отличие от болгарского и дако-румынского, *рукой* (*ручкой*) *Богородицы* также именуют (помимо иерихонской розы) *Hypericum perforatum* ‘зверобой продырявленный’; см.: диал. серб. *богородична рука*, *госпина ручица*, *марина ручица* [Симоновић 1959: 522, 544, 608]. О мотивации именем Богоматери этих растений, имеющих темные крапинки, уподобляемые пятнам менструальной крови см.: [Колосова 2009: 93–94]. Арум. *mîna a li Stă Mărie* букв. ‘рука святой Марии’ [Papaşagi 1963: 695] обозначает совершенно иное растение — *Alisma plantago-aquatica* ‘частуха обыкновенная’ или ‘водный подорожник’. Название у арумын может быть связано с образом девы Марии по двум причинам: либо поскольку частуха применяется в народной медицине (а большинство «богородичных растений» именно таковы), либо из-за своих мелких ослепительно белых мелких цветочков, напоминающих капли молока. О возможности подобной мотивации (грудное молоко девы Марии) у других растений см.: [Колосова 2009: 94].

‘различные народные украшения, в основном из монет’ < п.-слав. **pelešь* < *pelexъ*; ср.: укр. *пелех* ‘прядь волос’. Может быть, здесь наблюдается нечто параллельное по внутренней мотивации румынским мунтянским фитонимам мальвы *bănuți, bănuței* букв. ‘денежки, монетки’.

Единично встретилось диал. рум. *vărsat* [Borza 1968: 107]. Если принять во внимание, что в литературном румынском у *vărsat* значение — ‘оспа’, можно предположить, что тут имеет место либо окказиональное именование, либо полное забвение мотивировки.

2.5. Экспрессивные образования

Экспрессивные образования представлены крайне ограниченным числом фитонимов, например: диал. болг. (Великотырновская обл.) *пампулка, пампуляк* [Давидов, Явашев 1939: 205–206].

2.6. Контактное влияние

В именовании мальвы большое влияние на балканские языки и диалекты оказал греческий:

1. д.-греч. *μαλάχη* и *μάλβαξ* ‘мальва’ > н.-греч. *μαλάχη* и *μολόχα* ‘мальва’ (ср. также: *μολόχορτο* ‘герань, пеларгония’) > алб. *mëllaga* (повсеместно) [Lloshi 2010: 505; Sejdiu 1989: 39], арбреш. *mllag* [Scutari 2005: 56], диал. рум. *mălagă* [Borza 1968: 107], арум. *mălagă / mălaçă / muloahă* [Papañagi 1963: 662–663⁷, 710–711], диал. болг. (Великотырновская обл.) *молофа / молоха*, макед. (Висока, Солунско) *молоха / мулофа* [Давидов, Явашев 1939: 205–206]; см. также макед. *мулоха* ‘пеларгония, герань душистая’.

2. д.-греч. *κάμηλος* ‘верблюд’ > визант. греч. *καμήλα* > болг. *камила* > болгарское народное повсеместное название мальвы: *камиляк*, диал. (Южная и Западная Болгария) *камилско цвете*, (Южная Болгария / Ловеч) *камилче / камилка / камилек*, (Южная Болгария / Свиленград) *камилник / камилняк* [Давидов, Явашев 1939: 205–206]. Не исключена и контаминация в болгарском двух рефлексов — визант. греч. *καμήλα* и н.-греч. *χαμομήλι* ‘ромашка’, *χαμομήλιά* ‘шалфей’ (< лат. *chamomilla* ‘ромашка’). При этом термин *дзанкамила*,

⁷ С точки зрения Таке Папахаджи, решающее влияние на арумунские именованья цветка здесь оказал албанский фитоним (*mëllaga*), который в первых двух формах выступил опосредующим звеном между греческим и арумунским. Арум. *muloahă* мог происходить непосредственно из греч. *μολόχα*.

зафиксированный во Врачанской обл. на северо-западе Болгарии [Давидов, Явашев 1939: 205], остается из-за форманта *дзан*- до конца не ясным.

Некоторое число балканских фитонимов носит на себе следы непосредственного влияния народной латыни. Лат. *rosa* / *roza* отразилось как заимствованный фитоним именно для **обозначения мальвы** в диал. болг. *ружа* / *ружан* [БЕР 2002: 338]⁸ и в макед. (юго-восточные области Республики Македония, пограничные с Грецией) *ружин* / *ружино* [Пеев 1979: 123]. Арум. *ruçiță* 'мальва' [Paparagi 1963: 910], скорее всего, восходит к болг. *ружица* 'ладанник (*Helianthemum vulgare*)' о внешнем сходстве которого с мальвой см. раздел 2.1.6. Латинский же термин *malva* нашел свое естественное продолжение в восточнороманских фитонимах — арум. *nalbă* [Paparagi 1963: 726] и рум. *nalbă* и *mălăuț*, последнее — с диминутивным суффиксом *-uț* [Borza 1968: 107; Butură 1979: 163].

Турецкая составляющая в именовании мальвы на Балканах не слишком значительна — широко представлена только одним составным образованием **canbul*, глубоко укоренившимся в болгарской и македонской народной речи в виде собственных славянских производных. Данное образование встречается в Южной и Восточной Болгарии и на юге Македонии. Это диал. болг. (Верхнефракийская низменность) *камбула*, *камбуля*, *камбулиш*, *камбулеш*, (Сливенская обл.) *камбулишиак*, (Южная Болгария, Родопы, Рильская планина) *камбулишник*, макед. (юг — Гевгелия, Дойран) *камбула* [Давидов, Явашев 1939: 205–206]. Судя по широте территории распространения, лексема могла проникнуть через

⁸ Интересно, что в многочисленных болгарских говорах *ружа* служит для обозначения не только многих разновидностей мальвы (и, естественно, самой розы — *rosa*), но и других **красивоцветущих** растений — в основном, с крупными **волнистыми, неровными и загибающимися лепестками** или усиленно **махровых** форм: *Althaea rosea* 'штокроза розовая', *Aster chinensis* 'астра китайская', *Calendula officinalis* 'календула лекарственная', *Chrysanthemum indicum* 'хризантема индийская', *Inula* 'девясил', *Iris germanica* 'ирис германский', *Helianthemum vulgare* 'солнцецвет', *Papaver rhoeas* 'мак самосейка' и др. [БЕР 2002: 338; Давидов, Явашев 1939: 500]. Особое сближение усматривается с *Verbascum thapsus* 'коровяком обыкновенным' — внешне напоминающим мальву и в ряде говоров имеющим обозначение *ружа*. Это растение также с **высоким стеблем**, с кистью небольших пятилепестковых цветков, схожих с цветками мальвы, только желтого цвета.

разговорное городское османо-турецкое койне. Этимология южнославянского слова не совсем ясна. По-видимому, исходная несущфигированная форма *камбула* могла возникнуть благодаря контаминации *камилка*, *камиляк* и др. с турецкими лексемами *can* ‘душа’, ‘милый, душевный’ и диал. *bula (bola, bulla, bavulla, bila, bolla* и др.) ‘тётка по материнской линии, жена брата отца, тетьа, госпожа’ (> диал. болг. *була* ‘турчанка’, ‘жена старшего брата’, ‘старуха’, макед. *була* ‘турчанка’, серб. *була* ‘замужняя турчанка’), то есть нечто вроде ‘душечка, душенька’. Эта модель не единична на Балканах; см.: серб. *цанибула* и диал. *чанибула*, *чамбула* ‘дикий мак’ [Симоновић 1959: 687, 691]. Интересно, что и макед. и болг. *камбула* и *камбуля* также могут обозначать ‘мак самосейка’ (*Papaver rhoeas*) и ‘чистотел большой’ (*Chelidonium majus*). Если между маком и мальвой еще можно наблюдать большое сходство в отношении структуры и формы лепестков, но в отношении мальвы и чистотела этого сказать никак нельзя.

Помимо вышеописанного **canbul*, к турцизмам можно отнести уже упомянутые в разделе 2.1.2 алб. *patlixhan i egër* ‘баклажан дикий’ [Krasniqi et al. 2003: 180] (< тур. *patlıcan* ‘баклажан’) и в 2.2.2 (п. 2) диал. болг. *ябан-гюмеджи* [Давидов, Явашев 1939: 205] (< тур. *ebegümesi* ‘гибискус, мальва’).

2.7. Предварительные выводы

Итак, способность мальв к **свертыванию молока** практически **не отражена** в балканской фитонимии (за исключением двух диалектных румынских слов — и то весьма предположительно). Это вполне объяснимо, так как коагуляторные свойства мальв носят не столь ярковыраженный характер, как у фигового дерева, чертополоха и подмаренника, используются в хозяйстве для створаживания не в массовом порядке, а весьма ограниченно. На первый план народное сознание выносит иные свойства этого растения: присутствие большого количества слизи; форму лепестков и окраску цветков; высокий стоячий стебель; наличие съедобных семян, ассоциирующихся по вкусу либо с сыром, либо со сладкой выпечкой; свойства растения, направленные на излечение горла, избавление от кашля и др. Как показывает анализ, относительно широкое распространение в балканском регионе получила модель метафорического переноса ‘(сладкое) выпечное изделие круглой форм’ > ‘семена мальвы’ > ‘мальва’: румынский — сербский / хорватский

(боснийский) — турецкий. Исключительно южнославянской ареал охватывает модель с внутренней формой ‘слизь’: болгарский — македонский — сербский — хорватский. Особо следует указать на сербохорватский ареал, где встречаются уникальные в данной номинации для Балкан образы **тополя, шляпы / шапки, индюка (индюшки)**; только здесь находит отражение важнейшее для человека полезное свойство *Malva officinalis* — способность к излечению болезней горла, глотки, верхних дыхательных путей. Большое разнообразие единичных мотивировок, не встречающихся более нигде на Балканах, характерно для богатого болгарского диалектного материала: ‘верблюд’, ‘крыло’, ‘роза’, ‘божья ручка’, ‘мазать’ и др.

Весьма существенное влияние греческой лексемы *μαλάχη / μολόχα* сказалось на центральных и восточных районах Балканского полуострова. В албанском и арумьинском лексема встречается повсеместно, на территории Болгарии — в восточно-болгарских балканских говорах (Велико Тырново) и в Греции — в нижневардарских говорах юго-восточного македонского диалекта.

3. *Cynara* ‘артишок’

Здесь одновременно будут рассмотрены балканские наименования для двух видов артишока — *Cynara*⁹ *scolymus*¹⁰ ‘артишок посевной / колючий / настоящий’ и *Cynara cardunculus* ‘артишок дикий / испанский’ или ‘кардон’. Для свертывания овечьего и козьего молока используется водная вытяжка (настой или отвар) мягкого цветоложа обоих видов артишока.

Зоны их произрастания в целом совпадают — оба распространены в обширном регионе Средиземноморья. Артишок испанский в диком виде на Балканах довольно редок, встречается в основном в Южной Европе и Северной Африке, но крайняя северная граница его распространения доходит и до Хорватии. Особенно популярен он при ферментации козьих и овечьих сыров

⁹ Может быть связано 1) либо с древнегреческим глаголом *κνῶω* ‘наскребывать, натирать, соскребывать, сцарапывать’, что отражает колючесть «шишки» артишока, 2) либо с *κύων, κυνός* ‘собака’ — поскольку внешние чешуи «головки» своими заостряющимися концами напоминают собачьи клыки. См. также *κνῶρα* (предположительно) ‘шиповник’, то есть экспрессивная номинация «собачье растение = колючее растение».

¹⁰ Ср.: д.-греч. *σκόλυμος* ‘артишок’.

в Португалии и Испании, а также в Италии (Сардиния, Аbruццо). Артишок же настоящий (колючий) — *Cynara scolymus* — в дикорастущем состоянии вообще неизвестен. Считается, что он выведен тысячелетия назад от своего дикого предка — кардона (*Cynara cardunculus*) — и высоко ценился как овощ еще в античном мире [Новак 1985: 395; Тахтаджян (ред.) 1981: 474]. Неудивительна поэтому популярность артишока на Балканах именно в Греции.

Внешнее сходство этих растений чрезвычайно велико: оба относительно колючи¹¹, обертка зеленой «головки» словно составлена из заостряющихся чешуй; оба в процессе цветения выбрасывают цветки, очень сильно напоминающие сине-фиолетовые соцветия чертополоха (*Carduus*). Артишок настоящий отличается от своего дикого «собрата» кардона лишь более высоким стеблем — до 2 м высотой (у дикого артишока — максимум 1,5 м), меньшей колючестью и бóльшим размером своих «головок», более толстыми основаниями листьев и, естественно, большей урожайностью. Оба вида артишока возделывают как овощную культуру и употребляют в пищу — собирают нераскрывшиеся корзинки-«бутоны» будущего цветка. Разница заключается в том, что у настоящего (колючего, посевного) артишока съедобными считаются основания нераскрывшихся корзинок-цветолож («шишек», «головок» артишока) вместе с утолщенными основаниями чешуй нижних рядов обертки, а у испанского (дикого) артишока — мясистые черешки прикорневых листьев.

На Балканах явно обозначаются две обширные зоны распространения двух разных номинаций для артишока, охватывающие практически все языки и диалекты полуострова. Это, во-первых, территория с лексемой *ARTIŠOK, проникшей с юго-запада европейского континента, с Иберийского полуострова, и, во-вторых, — зона с лексемой *ANGINAR, распространившейся с юго-востока, с самого юга Балканского полуострова, с территории Греции.

В основу первого наименования *ARTIŠOK лег признак колючести, заостренности чешуй обертки растения. Лишь кратко упомянем три предлагавшиеся арабские этимологии данной лексемы, в трансформированном облике проникшей в разные языки Европы: 1) араб. *al-khurshūf* собственно ‘артишок’; 2) араб. *al-charšōf* ‘колючка, щетина’ [Фасмер 1964: 89]; 3) араб. *ардишоки* ‘земляной

¹¹ Несмотря на одно из своих названий ‘артишок колючий’, *Cynara scolymus* все же значительно уступает по этой характеристике *Cynara cardunculus*.

шип, колючка' [Давидов, Явашев 1939: 149]. Ср. ниже тождественные по ассоциации и близкие по внутренней форме **исконные** наименования артишока в: диал. алб. *ferrë gomari* букв. 'колючка осла' [Susuri 2006: 66], диал. болг. *четка* 'артишок' [Давидов, Явашев 1939: 149] — метафора < 'щетка', диал. серб. *питома боца* 'домашняя, культивированная колючка' [Симоновић 1959: 157], диал. хорв. (о. Хвар) *sikavac* [Šugar 2008: 619–620; Šulek 1879: 354]; см. раздел 3.1.

Арабское слово в максимальной степени фонетического приближения сохранилось в исп. *alcachofa* и порт. *alcachofra*, а далее через итальянский — *articiocco*, *carciofo* — вошло разными путями во многие европейские языки: франц. *artichaut*, нем. *Artischocke* (= *Bergdistel*), дат. *artiskok*, англ. *artichoke*, венг. *articsóka*, пол. *karczoch*, словен. *artičoka*, рус. *артишок* [Балашев 1970: 83]. В балканском регионе отразилось в: алб. *artiçok*, *artichoke* [Lloshi 2010: 8], болг. *артишок*, *артичок*, хорв. *artišoka*, диал. *artičok*, *arćičok*, *ratičok*, *artičoka*, *ardečoka*, *ardečovka*, *rdečovka*, *artičovka*, *arćičili* [Лома (уредн.) 2003: 217; Šulek 1879: 513; Vajs 2003: 252], серб. *артишока*, диал. *артишок*, *артичока*, *артичовка*, *артичок*, *артичак*, *арћок*, *артићок*, *артићока*, *артићовка*, *ардечовка*, *ардечока*, *ратичок*, *рдечовка*, *вртићок* и мн. др. [Симоновић 1959: 157]. Как показывает материал, сербские и хорватские слова данного корня распространены в основном на ближней к Адриатике территории западных икавских и восточногерцеговинских диалектов штокавского наречия и в чакавских и диалектах Хорватии, то есть налицо результат непосредственного контактного заимствования из венец. *artichioco* [Лома (уредн.) 2003: 217], как и в албанском.

В основу второго наименования *ANGINAR также положен признак колючести; см. сн. 9 о д.-греч. *κνῶω* 'наскребывать, натирать, соскребывать, сцарапывать' и *κινῶρα* предположительно 'шиповник'. Слово перешло в лат. *cinara* / *сунара* 'артишок'. Затруднительно говорить о несомненном происхождении из одного источника в отношении н.-греч. *αγκινῶρα*, *κινῶρα* алб. *angjinare* [Lloshi 2010: 5], *hinarë* [Ciorănescu 2001: 39], *hinardh* [Kostallari (kryered.) 1984: 427]; арум. *ang'inare*, *anghinare*, *anghinarâ*, *kinarâ*, *kinarâ*, *kinâri* [Papaahagi 1963: 109, 603; Vrabie 2000] и рум. *anghinare*, *anghinarie*, *anghină*, *angină* (валашские формы) [Borza 1968: 55]. Что касается новогреческих и албанских

слов, в данном случае можно рассуждать как об их древнегреческом, так и латинском происхождении¹². Относительно же дакорумынских диалектов и арумынского — как о латинском наследии, так и о новогреческом влиянии. Если рассматривать диал. и устар. болг. *ангинария*, *ингинари* [Давидов, Явашев 1939: 149] и тур. *enginar* [Мустафаев, Щербинин 1972: 27], то они, несомненно, вошли из новогреческого, в хозяйственном обиходе носителей которого растение носит традиционный и не столь экзотический характер. Непосредственно к турецкому восходят албанские диалектные формы типа *engjinar*, молд. *anghinar* и болгарские — совр. *ангинар* и устар. *енгинар*.

Помимо двух лексем *ARTIŠOK и *ANGINAR, на Балканах можно выделить еще два чужеродных по происхождению слова, оказавших не меньшее влияние на местные диалекты, но на более ограниченной территории.

*CARD- (< ит. *cardone*, *cardo* ‘чертополох’ < лат. *cardus*, *carduus* ‘чертополох, артишок’) обнаруживается в *karda*, *kardun*, *gardun*, *zardun*, *карда*, *кардун* — в штокавском наречии сербско-хорватского континуума на побережье Адриатики [Šugar 2008: 194, 282; Šulek 1879: 85, 151; Vajs 2003: 253].

Итальянское влияние можно усмотреть и в алб. калабр. *skallier* [Lloshi 2010: 300; Scutari 2005: 39] и в редкой румынской лексеме *scolim* [Seche, Seche 1982: 43] < ит. *cardoscolimo* ‘артишок (дикий)’ (< лат. *cardus* + **scolymus* < *σκόλυμος* предположительно ‘артишок’); а также диал. рум. *carciofoi* [Seche, Seche 1982: 43] < ит. *carciofo* ‘артишок’.

Особо следует остановиться на турецкой лексеме KENGEL (KENGER) ‘артишок’ [Юсипова 2005: 333], диал. CENGER [Гирфанова и др. 2015], оказавшей значительное влияние на балканскую фитонимическую лексику, однако не перенесшей к западу своего первоначального значения (см. прежде всего: арум. *kingher* ‘колючка, терний’ [Papaḡagi 1963: 604] и мегл.-рум. *ghinghiar*, *ghinghir* ‘колючее травянистое растение’, где произошло обобщение и имел место переход в ботанически аморфное понятие). В болгарском терминологичность лексемы сохранилась,

¹² Алб. *hinarë* и суффиговое *hinarḡh* могли быть заимствованы также из арумынского (типа *kinarā*) либо из новогреческого (*κινάρια*).

однако слово закрепилось за иными **колючими растениями**: разг. болг. *генгер*, диал. *гингер* ‘татарник колючий (*Onopordum acanthium*)’ [Давидов, Явашев 1939: 222], диал. *кенкер* ‘колючее растение’, а также в Родопях *генгер* ‘чертополох шиповатый или мощный (*Carduus acanthoides*)’, отсюда также диал. *дженгирия*, *дженгеруен*, *дженгируен* ‘небесно-синий’, ‘оранжевый’. Турецкая суффиксированная форма *kengerli* (диал. *cengerli*) ‘артишок (*Cynara scolymus*); гунделия (*Gundelia tournefortii*)’¹³ дала диал. болг. *жингерлия* ‘синяя краска’. Тур. *gengerlik*, диал. *gengellik* ‘заросли чертополоха’ было также заимствовано в диал. болг. *генгерлик* для отражения схожего понятия ‘заброшенное место, обросшее густой травой’ [Гирфанова и др. 2015].

Несмотря на обилие заимствованных, хотя и вполне усвоенных слов — см., в частности, собственные славянские суффиксальные образования типа диал. серб./хорв. *ardečovka* (см. выше в этом разделе), диал. серб./хорв. *kardun* и др. (см. выше в этом разделе) — все же накопленный материал обнаруживает некоторое количество исконных в каждом из языков наименований данного растения, которые могут быть определенным образом сгруппированы по мотивационным признакам.

3.1. Колючесть чешуй головки артишока и кончиков крупных перисто-рассеченных листьев

Для отражения этого качества растения используются понятия ‘колючка’ и ‘щетка, щетина’ как совокупность колючек: алб. *ferrë gomari* букв. ‘колючка осла’ [Lloshi 2010: 90; Susuri 2006: 66], болг. *четка* (метафорический перенос с *четка* ‘щетка’; см. выше в разделе 3), диал. хорв. *sjekavac* [Šugar 2008: 619–620] (метафорический перенос с ‘колючка’; ср.: серб. *секнути* ‘кольнуть, ужалить’ > *секало* ‘ножницы’, *секач* ‘зубило’, *секутић* ‘зуб-резец’ и др.), *питома боца* [Šugar 2008: 620] букв. ‘домашняя, возделываемая колючка’ (< *боцати* ‘колоть, жалить’, *бочка* ‘булавка’).

3.2. Форма нераскрывшегося соцветия-«шишки»

Эта форма напоминает носителям языка круглый початок: алб. *koçan i egër* букв. ‘початок дикий’ [Lloshi 2010: 155], где *koçan* <

¹³ Гунделия — внешне схожее с чертополохом, татарником и проч. растение, с сильно шиповатыми листьями; головка его соцветия, в отличие от прочих названных, не лиловая, а желтоватая; кстати, на Туринской плащанице были обнаружены следы пыльцы именно гунделии. Данный факт дает основание для версии, что именно это растение служило терновым венцом Иисуса Христа.

тур. *koçan* ‘початок, колосовидное соцветие’, ‘сердцевина, кочерыжка’. Сюда же можно отнести и редкое албанское наименование артишока — *rrëkuall* < префикс *rrë-* < *për-* + искон. *kalli* ‘початок’ [Orel 1998: 383].

Стоит отметить также интересные параллельные албанское и сербское диалектные наименования артишока, в основе которых заложена метафора-уподобление вертикальному светильнику, факелу. Оба слова распространены в зоне непосредственных массовых албано-сербских контактов. Это диал. алб. (Косово) *linardh* [Krasniqi et al. 2003: 90] и диал. серб. *свјетлица* [Симоновић 1959: 157]. Албанское слово скорее всего соотносится с зафиксированным Экремом Чабеем гер. *linar* ‘свет, источник света, светильник’, что параллельно алб. калабр. *l'ixnī*, *l'ixnar*, *xil'nar*, а также алб. сицил. *çërnar*, *çnar* [Çabej 2014: 235] < н.-греч. *λυχνάρι*, *λυχνός* ‘светильник, лампада’, *λυχνία* ‘лампа’. Суффикс *-dh/-th* весьма частотен при образовании отыменных имен: *këpurdhë* ‘гриб’ < **këpur*, *druth* ‘гнев’ < *droe*, *dre* ‘страх’.

3.3. Сходство с другими травянистыми (колючими) растениями

В сознании носителей балканских диалектов возникало сравнение артишока прежде всего с чертополохом (*Carduus*), а также со сходными по общему облику и по колючести бодяком (*Cirsium*), осотом (*Sonchus*), дурнишником (*Xanthium*) и другими сорными растениями¹⁴: алб. *angjinare e rrëkuallt* букв. ‘артишок чертополоха’, *artiçok rrëkuall* букв. ‘артишок чертополох’ [Krasniqi et al. 2003: 89–90] (о *rrëkuall* см. раздел 3.2), диал. хорв.¹⁵ *vrtni stričak* букв. ‘садовый бодяк/чертополох’ (ср.: *strič* ‘бодяк полевой (*Cirsium arvense*)’, *stričak* ‘чертополох колючий (*Carduus acanthoides*)’, *crveni stričak* ‘чертополох поникающий (*Carduus nutans*)’¹⁶), *pitomi oset* (Далмация, Босния)

¹⁴ Об обширном семантическом микрополе «Чертополох как название целой группы колючих сорняков» см.: [Колосова 2009: 234–247], где автор указывает на то, что фонетически схожие фитонимы внутри одного языка могли обозначать **разные** не только виды, но и целые роды колючих сорных растений.

¹⁵ Все хорватские слова здесь и ниже в данном абзаце см. по: [Šugar 2008: 448, 664; Vajs 2003: 252–253].

¹⁶ См. также: *stric*, *strič*, *pasij stric*, *pesij stric* [Šulek 1879: 505], *nacju стриц*, *nećju стриц*, *стриц*, *стричак* [Симоновић 1959: 97] — все в родовом значении *Carduus*.

(*oset, osat* ‘чертополох (*Carduus*)’¹⁷) *pitomi ošlebad, pitomi ošljebad* ‘домашний чертополох’ (*ošlebad* — букв. ‘ослиная колючка’ < *ošl-* ‘осел’ + *bad* — общеславянский корень *bod / bud / bad*, отражающий понятие колючести, колкости, будь то действие, признак или предмет¹⁸); диал. серб. *питома боца* ‘домашняя колючка, домашний дурнишник’ [Симоновић 1959: 157] (*боца* ‘дурнишник (*Xanthium*)’, ср. также: диал. *боцка, боцак, бодца* ‘чертополох (*Carduus*)’ [Симоновић 1959: 97]).

Внешняя близость большого ряда сорных, однако красивоцветущих, в основном лиловым цветом, колючек, привела также к обратному явлению: в ряде говором произошел перенос с названия артишока на другие, с точки зрения наивного носителя языка, схожие растения; см.: *дивљи артичок*, что в чакавском хорватском диалекте на о. Лошинь означает неразличимые для его носителей чертополох (*Onopordum Illyricum*), расторопшу пятнистую (*Silybum marianum*), а также более далекое от них толстянковое растение — молодило кровельное (*Sempervivum tectorum*) [Лома (уредн.) 2003: 217]. Сходство последнего с артишоком заключается в толстых, очень густых многолистных плотных розетках до 15 см в диаметре, напоминающих «шишку» артишока. Интересен и семантический перенос в чакав. *патићока* ‘вид картофеля’ [Лома (уредн.) 2003: 217] < венец. *artichioco*.

3.4. Уникальные модели наименования

Особняком стоят диал. серб. *драгушица* и диал. хорв. *dragušica* [Симоновић 1959: 157; Šugar 2008: 168; Šulek 1879: 72]. Явная связь фитонима со славянским корнем положительной коннотации *drag-* не совсем понятна. Предположительно ее можно объяснить съедобностью растения.

Отдельно надо остановиться на редком македонском наименовании артишока испанского (*Cynara cardunculus*), указанном у Симоновича — *гливар* [Симоновић 1959: 697]. Можно сопоставить с серб. *гљива* ‘гриб, губка, трут, *Agaricus*¹⁹’, словен. *gliva*

¹⁷ Не исключено, что в говоре подразумевалась эксплицитная связь с **любым другим** (колючим и неколючим) **сорняком**; ср.: лит. серб. *осатка* ‘тимефеевка (*Phleum*)’ — сорное злаковое растение.

¹⁸ О данном славянском корне в семантическом поле «Колючие сорняки» см. подробно: [Колосова 2009: 236].

¹⁹ *Agaricus* — род шампиньон семейства шампиньоновых (агариковых).

‘древесная губка’, чеш./словац. *hliva* ‘пыльная губка’, укр. *глива* ‘губка, *Agaricus*’, рус. *глива* ‘сорт груш, бергамот’, что родственно литов. *gleivės* (мн. ч. *gleivos*) ‘слизь’, *gleiveti* ‘покрываться слизью’, латыш. *glīve* ‘цветение воды, зеленая слизь на воде’, греч. *γλοῖος* [Фасмер 1964: 412] ‘смола, камедь, клейкое вещество, клей’²⁰. Весьма соблазнительно было бы усмотреть здесь в качестве результата семантического развития наложение двух понятий ‘крупный плод типа груши’ и ‘головка (корзинка, цветоложе, «шишка») колючего растения’ с последующим переносом названия на все растение, как это произошло в болг. *ябълки, трънова гулия* ‘колючник бесстебельный (*Carlina acanthifolia*)’ (при болг. *гулия* ‘земляная груша’²¹) [Колосова 2009: 240].

Как показывает уже описанный материал, для различения (если это необходимо) двух видов артишока в стандартных языках, а также в диалектах используются атрибутивные конструкции, где обычно маркированным является обозначение *Cynara cardunculus*: алб. *angjinare e egër* ‘артишок дикий’, *koçan i egër* ‘початок дикий’, *angjinare e rrëkuallt, artiçok rrëkuall* ‘артишок чертополох’, хорв. *dovja ardeçoka, divja ardeçovka, divji arćićili*, серб. *дивја артичак, дивји арћок, довја ардечовка, довја ардечока, шпанска артичока, питома боца* и др.

3.5. Предварительные выводы

Итак, языки, относящиеся к балканскому ареалу, находятся на пересечении **двух потоков** — западного и восточного — проникновения в Европу как культуры возделывания и использования артишока, так и самих обозначающих его фитонимов. Эти потоки на Балканах (и шире — в Юго-Восточной Европе) выразились в усвоении главным образом четырех лексем: *ARTIŠOK и *CARD- — «пришельцев» с Апеннин, *ANGINAR — грецизма с самого юга Балканского полуострова и семантически периферийной KENGEL/KENGER.

Приходится констатировать, что способность данного растения к **свертыванию молока** совсем **не отражена** в балканской фитонимии, что может объясняться поздним усвоением данной культуры в народном быту²². Традиция использования артишока как

²⁰ О значениях южнорус. *глива* как ‘род груши, дули’, ‘бергамот; кукиш’ писал и В. И. Даль [1955: 355].

²¹ Ср.: *топинамбур (Helianthus tuberosus)*, *солнечный корень, иерусалимский артишок* и другие русские названия.

²² В вопросе о преемственности культуры артишока между Древней Грецией и современной Грецией еще предстоит разобраться.

коагулятора молока, сохраняющаяся, в частности, на Иберийском полуострове, не была донесена вместе с растением до Юго-Восточной Европы.

Ареал распространения **собственных, незаимствованных** фитонимов для обозначения артишока среди балканских языков очень показателен. Он наглядно свидетельствует о пути проникновения данной сельхозкультуры и относительно раннем времени ее адаптации в регионе — это ближайшие к Апеннинам области Албании и территория сербско-хорватского континуума на побережье Адриатики. Среди собственных мотивационных моделей образования следует прежде всего выделить модели албанского языка, в котором (в единственном на Балканах!) на первый план выдвигается форма цветка, воспринимаемая метафорически. В зоне североалбанско-сербских контактов возникла также метафора — уподобление светильнику. Сербские, хорватские и албанские фитонимы объединяет в этой номинации кроме того заложенный в них признак колючести и подразумеваемое яркое сходство с другими колючими растениями, а порой и полное их неразличение.

4. Заключение

Итак, проведенный ономаσιологический и этимологический анализ показал, что способность данных растений к свертыванию молока по-разному отражена в балканской фитонимии: от полного ее забвения при именовании **артишока** и до очень маловероятных ее отголосков в дакороманских диалектах при именовании **мальвы**. Ни артишок, ни мальва не воспринимаются носителями балканских языков и диалектов как молокосвертывающие растения. При этом в повседневном сознании коагулирующие свойства этих растений **затмеваются** и **замещаются** иными. На первый план в большинстве случаев выдвигаются следующие мотивационные признаки: присутствие большого количества слизи (**мальва** — во всех южнославянских языках балканского региона), наличие съедобных сладких семян характерной формы (**мальва** — модель метафорического переноса '(сладкое) выпечное изделие круглой формы' > 'семена мальвы' > 'мальва' в румынском, сербскохорватском и турецком), колючесть и большое сходство с другими колючими растениями наподобие чертополоха (**артишок** — албанский, сербский, хорватский, болгарский) и т. п.

Что касается доли взаимных заимствований в формировании данных фитонимов, надо заметить следующее. В названиях *Malva silvestris* на Балканах обнаруживается сильная донационность греческого разных периодов его существования (*μαλάχη* и *μολόχα*, *κάμηλος* и *καμήλα*), причем в основном в западных и центральных районах полуострова (албанский, арумьинский, болгарский, западные македонские говоры), что совпадает с одним из центров иррадиации так называемых «балканизмов». Очень «проницаемым» для заимствований оказалось наименование **артишока** (*Cynara*) во многих языках и диалектах Балкан. В нем, как в зеркале, видна специфическая балканская константа — противопоставление балканского востока балканскому западу [Русаков, Соболев 2008: 6]. Наблюдаются два четких направления — западное и восточное — проникновения на полуостров как культуры использования артишока, так и обозначающих его фитонимов: *ARTIŠOK и *CARD — романизмов с Аппенин, *ANGINAR — грецизма с самого юга Балканского полуострова и турцизма KENGEL/KENGER. Ареал распространения **исконных** фитонимов для обозначения артишока среди балканских языков также очень красноречив и свидетельствует об относительно раннем времени адаптации данной культуры именно в этих областях — Албания и территория сербско-хорватского континуума на побережье Адриатики.

В заключение несколько слов о **турецкой** составляющей обследованного малого фрагмента фитонимической лексики Балкан. Во-первых, следует подчеркнуть незначительность этой составляющей при именовании **мальвы** (глубоко укоренившиеся в болгарской и македонской народной речи собственные образования от составного **canbul*) и несколько большее ее влияние при именовании **артишока** (< *kengel/kenger*). Во-вторых, можно полагать, что обнаруженные турцизмы *genger* (*cenger/kengel/kenger*), *koçan* и др. проникли в языки Юго-Восточной Европы из турецкой народной речи, а не из *orta türkçe* — литературного языка средних классов, поскольку все (за исключением только одного — *patlıcan* ‘баклажан’) являются исконными тюркскими словами, не арабского и не персидского происхождения.

Список условных сокращений

алб. — албанский; алб. калабр. — албанский калабрийский; алб. сицил. — албанский сицилийский; англ. — английский; араб. — арабский; арбреш. — арбрешские говоры Италии; арум. — арумынский; атт. — аттический; болг. — болгарский; босн. — боснийский; венг. — венгерский; венец. — венецианский; гег. — гегский; греч. — греческий; д.-греч. — древнегреческий; дат. — датский; диал. — диалектная форма/лексема; исп. — испанский; ит. — итальянский; лат. — латинский; латыш. — латышский; лит. — литературная форма; литов. — литовский; макед. — македонский; мегл.-рум. — мегленорумынский; мн. ч. — множественное число; молд. — молдавский; н.-греч. — новогреческий; нем. — немецкий; п.-слав. — праславянский; пол. — польский; порт. — португальский; разг. — разговорная форма; рум. — румынский; рус. — русский; сев.-алб. — североалбанский; серб. — сербский; слав. — славянский; словац. — словацкий; словен. — словенский; совр. — современная форма; тур. — турецкий; укр. — украинский; устар. — устаревшая лексема; франц. — французский; хорв. — хорватский; чакав. — чакавский; чеш. — чешский.

Литература

- Балашев 1970 — Л. Л. Балашев (ред.). Словарь полезных растений на двадцати европейских языках. М.: Наука, 1970.
- БЕР 2002 — М. Рачева, Т. А. Тодоров (ред.). Български етимологичен речник. Т. VI. Пускам–Словар. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2002.
- Гирфанова и др. 2015 — А. Х. Гирфанова, Ю. А. Лопашов, С. Петрович, Н. Л. Сухачев. Тюркизмы в языках Юго-Восточной Европы. (Опыт сводного описания историко-лексикологических и этимологических данных). Рукопись. 2015.
- Грошева 2011 — А. В. Грошева. Смоковница (лат. *FĪCUS*) // Индоевропейское языкознание и классическая филология XV, 2011. С. 112–127.
- Давидов, Явашев 1939 — Б. Давидов, А. Явашев. Материали за български ботаничен речник. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1939.
- Даль 1955 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 (А–З). М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Набрано и напечатано со второго издания (СПб. — М., 1880–1882).
- Домосилецкая 2016 — М. В. Домосилецкая. Заметки по балканскому гербарии: *Galium verum* подмаренник настоящий. В печати.

- Домосилецкая и др. 1997 — М. В. Домосилецкая, А. В. Жугра, Г. П. Клепикова. Малый диалектологический атлас балканских языков: Лексическая программа. СПб.: ИЛИ РАН, 1997.
- Дубровина 2010 — С. Ю. Дубровина. Зоонимные названия растений. Воловики и «воловы травы» // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований VI, 1, 2010. С. 62–68.
- Колосова 2009 — В. Б. Колосова. Лексика и символика славянской народной ботаники. М.: Индрик, 2009.
- Лома (уредн.) 2003 — А. Лома (уредн.). Етимолошки речник српског језика. Т. 1. Београд: Српска академија наука и уметности [Институт за српски језик САНУ], 2003.
- Мустафаев, Щербинин 1972 — Э. М.-Э. Мустафаев, В. Г. Щербинин. Русско-турецкий словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972.
- Новак 1985 — Ф. А. Новак. Иллюстрированная энциклопедия растений. Прага: Артја, 1985.
- Откупщиков 1988 — Ю. В. Откупщиков. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л.: ЛГУ, 1988.
- Пеев 1979 — К. Пеев. Дојранскиот говор // Македонистика 2, 1979. 3–191.
- Русаков, Соболев 2008 — А. Ю. Русаков, А. Н. Соболев. Субстанциально-функциональная теория балканского языкового союза и славянские языки. Доклад. XIV Международный съезд славистов (Охрид, Македония, 10–16 сентября 2008). СПб.: Наука, 2008.
- Симоновић 1959 — Др. Симоновић. Ботанички речник. Имена биљака. Београд: Издавачка установа српске Академије наука, 1959.
- Соболев 2003 — А. Н. Соболев. Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск. München: Biblion Verlag, 2003.
- Софрић 1990 — П. Софрић. Главније биље у народном веровању код нас Срба. Београд: БИГЗ, 1990.
- Тахтаджян (ред.) 1981 — А. Л. Тахтаджян (ред.). Жизнь растений. Т. V (2). М.: Просвещение, 1981.
- Теплы и др. 1980 — М. Теплы, Я. Машек, Я. Гавлова. Молокосвертывающие ферменты животного и микробного происхождения. М.: Пищевая промышленность, 1980.
- Фасмер 1964 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Прогресс, 1964.
- Хориков, Малев 1980 — И. П. Хориков, М. Г. Малев. Новогреческо-русский словарь. М.: Русский язык, 1980.
- Юсипова 2005 — Р. Р. Юсипова. Турецко-русский словарь. М.: Русский Язык Медиа, 2005.
- Явашов 1905 — А. Явашов. Принос към българската народна ботаничка медицина // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина 21, 1905. 1–62.

- Borza 1968 — Al. Borza. Dicționar etnobotanic. București: Editură Academiei, 1968.
- Butură 1979 — V. Butură. Enciclopedie de etnobotanică românească. București: Editură științifică și enciclopedică, 1979.
- Çabej 2014 — E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes. Bleu V. Tiranë: Akademia e Shkencave e Republikës së Shqipërisë [Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë], 2014.
- Chantraine 1968 — P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris: Klincksieck, 1968.
- Cholioltshev 1990 — Ch. Cholioltshev. Onomasiologische und derivative Struktur der Bulgarischen Phytonyme (Beitrag zu Bulgarischen volkstümlichen Phytonymie). Wien: Verein „Freunde des Hauses Wittgenstein“, 1990.
- Ciorănescu 2001 — A. Ciorănescu. Dicționarul etimologic al limbii române. București: Sæculum, 2001.
- Columella 1954 — Columella. On Agriculture. Volume II. Books 5–9 [Loeb Classical Library 407]. Cambridge — MA: Harvard University Press, 1954.
- Kostallari (kryered.) 1984 — A. Kostallari (kryered.). Fjalor i shqipes së sotme. Tiranë: Akademia e Shkencave e Republikës së Shqipërisë [Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë], 1984.
- Krasniqi et al. 2003 — F. Krasniqi, B. Ruci, J. Vangjeli, L. Susuri, A. Mullaj, Q. Pajazitaj. Fjalor i emrave të bimëve — Dictionary of plant names. Tiranë — Prishtinë: ASHASH [Instituti i Kërkimeve Biologjike] — ASHAK [Seksioni i Shkencave të Natyrës], 2003.
- Lloshi 2010 — Xh. Lloshi. Fjalor i emrave të bimëve dhe të kafshëve shqip-latinisht dhe latinisht-shqip. Tiranë: Logos-A, 2010.
- Meyer-Lübke 1972 — W. Meyer-Lübke. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Universitätsverlag Carl Winter, 1972.
- Orel 1998 — V. Orel. Albanian Etymological Dictionary. Leiden — Boston — Köln: Brill, 1998.
- Papahagi 1963 — T. Papahagi. Dicționarul dialectului aromîn general și etimologic. București: Editură Academiei Republicii Populare Romîne, 1963.
- Scutari 2005 — P. Scutari. I nomi delle piante nella comunità albanese del Pollino lucano. Università della Calabria: Centro Editoriale e Librario, 2005.
- Seche, Seche 1982 — M. Seche, L. Seche. Dicționarul de sinonime al limbii române. București: Editură Academiei Republicii Populare Romîne, 1982.
- Sejdiu 1989 — Sh. Sejdiu. Çështje të onomasiologjisë fitonimike romane dhe ballkanike. Prishtinë: Rilindja, 1989.
- Šugar 2008 — I. Šugar. Hrvatski biljni imenoslov. Zagreb: Matica Hrvatska, 2008.
- Šulek 1879 — B. Šulek. Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb: Dionička tiskara, 1879.
- Susuri 2006 — L. R. Susuri. Fjalor i bimëve bujqësore, pyjore dhe barojave. Prishtinë: Akademia e Shkencave dhe e Arteve e Kosovës, 2006.

Vajs 2003 — N. Vajs. Hrvatska povijesna fitonimija. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2003.

Vrabie 2000 — E. Vrabie. An English-Aromanian (Macedo-Romanian) Dictionary. Trumbull: The University of Mississippi, 2000.

А. С. Дугушина

МАЭ РАН, Санкт-Петербург

ВРЕДОНОСНЫЕ СИЛЫ И ЖЕНЩИНА В ЦИКЛЕ РОДИННОЙ ОБРЯДНОСТИ АЛБАНЦЕВ ПРИАЗОВЬЯ

В традиционной культуре албанцев Приазовья¹ цикл родинной обрядности и место женщины в нем неразрывно связаны с представлениями о злых силах и вредоносной магии. Беременность, роды и послеродовое состояние женщины можно рассматривать не только в виде ее физических трансформаций в реальном жизненном пространстве, но и как поэтапное пребывание в мире потустороннем, «ином», который в народных воззрениях являет собой мир отрицательный. Пребывание в новом для женщины состоянии и одновременное соприкосновение с миром неизведанного — характерные атрибуты переходных состояний (рождение, свадьба, смерть), традиционно коррелирующие с представлениями об опасности [Левкиевская 2002: 18–19]. Концепт опасности фигурирует на каждом этапе родинного цикла.

Многие исследователи склонны относить к комплексу практик, связанных с родами, и свадебный цикл, в котором ритуальные действия в отношении невесты функционально направлены на обеспечение потомства в молодой семье [Байбурин 1997; Кашуба, Мартынова 1995: 107; Петреска 2008: 60]. У албанцев Приазовья во время свадебной церемонии невесте давали подержать на руках грудного младенца-мальчика, чтобы в семье скоро появились дети, преимущественно — мальчики [Будина 2000: 254]. Опасность утраты фертильности окружала молодую невестку с момента

¹ Албанцы переселились в пределы Российской империи в 1811 г. из-за османского гнета на землях Балканского полуострова. До прихода на российскую территорию (сперва в Буджак, а затем в начале 60-х гг. XIX в. в Приазовье) албанцы несколько веков (ориентировочно с XVI в.) прожили в восточной Болгарии в тесном соседстве с болгарями и гагаузами, также впоследствии мигрировавшими в Россию. Изначальным местом проживания албанцев Приазовья принято считать юго-восточную часть Албании — современные области Корча, Дёвол, Колёня.

вхождения после свадьбы в дом мужа до появления первого ребенка, в связи с чем в этот период отмечается актуализация магических действий, нацеленных на защиту невестки от дурного глаза [Xhagolli 2007: 92]. В течение всего срока беременности женщину преследует опасность потерять ребенка. Поэтому известны и очень устойчивы у многих народов запреты для беременной, нарушение которых влечет за собой трагические последствия. Непосредственная близость к смерти, а значит, и непосредственное соприкосновение с «иным» миром, наступает для женщины во время родов. Распространенный в разных народных традициях «мотив раскрытой могилы» [Баранов 2001: 21] в культуре албанцев Приазовья выражается верованием о том, что женщины в этот момент «одной ногой в могиле» [ПМА 2008]. И наконец, риск утраты новорожденного ребенка и одновременная причастность женщины к миру зла в период «нечистоты» появляются на последнем, постродовом, этапе.

Цепочке сменяющих друг друга состояний женщины соответствует смена источника и объекта опасных действий, что, в целом, свойственно характеру контакта потусторонних сил с человеком [Виноградова 2000: 51]. В случае родин становление объектом или источником опасности зависит от степени соприкосновения женщины с «иным» миром. В период беременности женщина наиболее доступна для злых сил. После преодоления процесса родов и параллельного прохождения через потусторонний мир она принимает на себя свойственные ему признаки.

Для беременной женщины система бытовых и ритуальных запретов объясняется, в первую очередь, заботой о ней, но не в меньшей степени — ритуальной изоляцией от привычного мира, в котором появляются источники опасности [Байбурин 1997: 8]. Беременность является тайной, недоступной для окружающих людей. Албанские женщины скрывали округлившийся живот фартуком. При этом свое положение женщины утаивали не только от людей вне семейного круга, но и от близких. Особенно этот запрет касался мужчин и старших детей. Но если мужчины в семье соблюдали ритуал утаивания беременности, то дети из-за непонимания могли открыто задавать вопросы. В таком случае мать отвечала иносказательно: *Поела борща, а потом фасоли сырой* [ПМА 2010]. Когда ребенок родился, детям говорили: *Вот купили ребенка, или Пошли до колодца, потом к речке, поймали и принесли девочку/мальчика* [ПМА 2009].

Необходимость скрывать беременность объясняется тем, что вербальная реакция людей может обернуться сглазом и навредить ребенку в утробе или матери. Особенно сильно такие формы речевой кодификации отмечаются в преддверии родов, поскольку в это время беременная уже не может не являться объектом пристального внимания [Власкина 2001: 63]. В данном случае источник опасности «опредмечен», и ритуальные предписания направлены на то, чтобы минимизировать эту опасность. Беременные стараются меньше появляться на людях, избегать общения вне дома, они не участвуют в сельских праздниках и обрядах (например, день села или похороны). Подобные предписания лишний раз не встречаются с чужими людьми ограничивают и свободу перемещений в собственном доме. Беременная невестка освобождалась от тяжелой домашней работы (принести воды из колодца, выстирать белье, покормить скотину) и в связи с этим реже выходила во двор, где вероятность встречи с односельчанами была высока.

Опасные взаимоотношения беременной и окружающих людей не ограничиваются только общением. Особое положение женщины в этот период подчеркивается снисхождением ко всем ее просьбам и желаниям. Мотив отказа, противоречащий данному правилу, сопрягается в традиционных представлениях с целым спектром вредоносных действий. В частности, если человек отказывает беременной в угощении, которого ей захотелось, это грозит появлением у женщины или ребенка физических изъянов. В случае, если беременная украдкой взяла то, в чем ей отказали,— на теле у ребенка появится родимое пятно в виде украденного предмета. Вместе с тем, отказ якобы провоцирует появление под мышкой у беременной кожного образования в виде огурца, которое не сойдет до тех пор, пока она не получит (не съест) желаемого.

Другие запреты в отношении беременной женщины не подразумевают конкретного источника опасности и состоят в особом регламентировании ее поведения. Нельзя пользоваться ножницами, шить, переступать через кочергу, порог, нитевидные предметы (веревки, шланги), смотреть на огонь, стричь волосы, наступать на пепел, выбранный из печи, и др. В данном случае в традиционной картине мира имеют место представления о неизвестных злых силах, способных навредить, если правила не соблюдать: ребенок запутается в пуповине, родится со сросшимися пальцами, больным или мертвым.

Тесная связь ребенка и матери обнаруживается в выборе беременной продуктов питания. Считается, что в этот период женщина ест именно то, что «просит» ребенок. Любопытство к тому, каким будет ребенок, беременная женщина удовлетворяет через соотнесение своих желаний с желаниями ребенка. То, что «он ест», провоцирует будущую мать наделять его зависящими от этого качествами и характеристиками: прихотлив / неприхотлив, избирателен / ест все подряд, сытый / голодный, худой / полный и др. Такая интерпретация предпочтений в еде беременной указывает на попытку имитировать пока не существующие взаимоотношения матери и ребенка. И в этом контексте отказ от еды, которую «просит» ребенок, может вредоносно сказаться на его будущем: изменить его характер, отлучить от материнской груди, лишить аппетита, что в традиционных воззрениях противоречит благополучию ребенка.

При приближении родов опасность, сопровождающая женщину на протяжении всего времени, связанного с деторождением, возрастает. В сущности, момент родов напрямую ассоциируется с ее вхождением в потусторонний мир, полный угроз и смертельной опасности [Цивьян 1990: 179]. Разумеется, это объясняется естественными причинами: ребенок входит в «этот» мир через муки и боли женщины. Более того, до 40-х гг. XX в. родовспоможение происходило с помощью повитух, которые не всегда обладали достаточными медицинскими знаниями, и нередко были случаи смертельного исхода матери и / или ребенка. Однако не менее значимым представляется и мифологический аспект родового процесса. Рождение ребенка как части «иного», неизведанного мира знаменует собой и непосредственный контакт матери с этим миром. Враждебность иного мира подчеркивается рядом опасных испытаний для матери: трудные, долгие роды, риск кровотечения, рождение увечного, мертвого ребенка и собственно смерть роженицы. Встреча с «иным» миром следует за прощанием с миром реальным. Из дома выгоняли всех домочадцев и приглашали обратно только после окончания родов. Стремление скрыть от посторонних роды переключается с известными у восточных и южных славян ритуальными прощаниями с родственниками, соседями, со всем белым светом [Байбурин 1997: 7], а также пространственной изоляцией роженицы на время родов в поле, в хлеву или в бане. Приазовские албанцы рожали в доме на *pat* — глинобитном настиле, сооруженном вдоль стен по периметру комнаты.

Роды как процесс соприкосновения с миром зла допускают присутствие только посвященных людей. В комнате, где происходили роды, могла находиться только повитуха, выступая в качестве посредника между мирами. С одной стороны, она сопровождала роженицу в потусторонний мир, с другой — принимала из него нового человека. Общая участь нахождения роженицы и повитухи в «чужом» мире и спасительная помощь повитухи подчеркивается мифологическими параллелями с пребыванием в загробном мире. Согласно албанским верованиям, на похороны повитухи все женщины, рожавшие с нею, приносят платок, который повязывают на руке покойной. Женщины верили, что на том свете повитуха узнает их по платку и протянет той женщине, которая его дарила, чтобы провести с собой по правильному пути в мире ином. По другим данным, свекровь тоже могла помогать принимать роды. Но ей, скорее, отводилась ритуальная роль принятия ребенка в семью: она, например, пеленала младенца в старую рубаху отца, что символизировало утверждение прямых кровных связей [Иванова 1995: 276].

Действия, которые совершала повитуха, были нацелены, в первую очередь, на физическое облегчение родов. Однако в этих действиях выделяется и определенный магический аспект. Перед тем как принимать роды, повитуха мыла руки, нагревала воду и читала молитву Богородице, призывая защитить роженицу и обеспечить ей легкое разрешение от бремени. Противостояние «чужому» миру, которым в этом смысле является утроба матери, из которой ребенок появляется на свет, происходит за счет усиления признаков открытости мира реального: развязываются узлы на рубахе роженицы, отпираются замки в доме для того, чтобы облегчить встречу человека из «того» мира с миром «этим» [Цивьян 1990: 180].

Разрешение женщины от бремени не означает полного разрыва с миром опасностей. Наоборот, соприкоснувшись физически и мифологически с миром иного, женщина становится частью или представителем «этого» мира. Опасность вернуться в «тот» мир состоит в послеродовых болезнях, недугах роженицы (кровотечение, родильная горячка, заражение, простуда, смерть). Тесная связь роженицы с потусторонним миром четко очерчена временными рамками. Первая из них — трехдневный срок. В этот период дом посещают мифологические существа — предсказатели судьбы, роженице сняты вещие сны, сюжет которых связан с будущей судьбой ребенка, ей

может являться Бог или Богородица и давать указания. Сакральный характер этой связи подчеркнут запретом для роженицы с кем-то делиться информацией, полученной из «того» мира.

Для окончательного разрыва с опасностью женщине требуется сорок дней, и это финальная пространственно-временная граница ее связи с потусторонним миром. Для окружающих роженица нечистая, грязная, способная принести зло и несчастья. У роженицы нельзя ничего брать из рук, брать взаймы, есть с ней из одной посуды, ее взгляд способен покалечить, ей нельзя принимать участие в общем домашнем хозяйстве (месить хлеб, доить корову, готовить пищу). В этот период жизненное пространство женщины сужается: она не выходит за пределы своего двора, а если вынуждена выйти, ее не впустят в пределы чужого дома. Верования в отношении нечистоты роженицы обнаруживают устойчивость с течением времени, и те из них, которые утратили актуальность, перешли в иную сферу с аналогичной родинной семантикой. В наше время, например, в доме, где появился приплод у скота, хозяин откажет гостю в просьбе одолжить необходимое, опасаясь причинить беду.

Обладание вредоносной силой, свойственной потусторонним существам, в то же время оставляет роженицу незащищенной в мире реальном, мире людей. В сорокадневный период она особенно чувствительна к взгляду. Например, считается, что в том случае, если кто-то посидит на кровати роженицы, у нее пропадет молоко.

Рассмотрение связи человека с вредоносными силами потустороннего мира, конечно, не ограничивается контекстом родинного цикла и обозначением в качестве объекта женщины. Отдельный сюжет представляет собой положение новорожденного ребенка между двумя мирами, образы мифологических существ, вступающих с ним в контакт. Параллели обнаруживаются в противопоставлении мира людей и «неживого» мира в похоронном цикле [Ермолин 2011: 179]: третий и девятый поминальные дни, окончательное расставание с миром на сороковой день и др. В этом смысле важно, что взаимодействие двух миров реализуется на протяжении всего жизненного пути, и смыслы, которые они несут, формируют картину мира, разграничивают зоны жизни, задают ей новые измерения и представляют человека в разных ипостасях.

Литература

- Байбурин 1997 — А. К. Байбурин. Родинный обряд у славян и его место в жизненном цикле // Живая старина 2, 14, 1997. С. 7–9.
- Баранов 2001 — Д. А. Баранов. Родинный обряд: время, пространство, движение // С. Ю. Неклюдов (отв. ред.), Е. А. Белоусова (сост.). Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С. 9–30.
- Будина 2000 — О. Р. Будина. Научный отчет об экспедиционной работе Приазовского отряда в 1973 г. // З. П. Соколова (отв. ред.). Итоги полевых исследований. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 239–255.
- Виноградова 2000 — Л. Н. Виноградова. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000.
- Власкина 2001 — Т. Ю. Власкина. Мифологический текст родин // С. Ю. Неклюдов (отв. ред.), Е. А. Белоусова (сост.). Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С. 61–78.
- Ермолин 2011 — Д. С. Ермолин. Похоронный обряд Приазовских албанцев (по материалам фотоиллюстративного фонда отдела европеистики и архива МАЭ) // М. В. Банкович (ред.). Культурное наследие народов Европы. Сборник музея антропологии и этнографии. Т. LVII. СПб.: Наука, 2011. С. 156–215.
- Иванова 1995 — Ю. В. Иванова. Албанцы // Н. Н. Грацианская, А. Н. Кожановский (отв. ред.). Дети в обычаях и обрядах народов зарубежной Европы. Т. 1. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 262–309.
- Кашуба, Мартынова 1995 — М. С. Кашуба, М. Ю. Мартынова. Югославянские народы // Н. Н. Грацианская, А. Н. Кожановский (отв. ред.). Дети в обычаях и обрядах народов зарубежной Европы. Т. 1. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 102–180.
- Левкиевская 2002 — Е. Е. Левкиевская. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002.
- Петреска 2008 — В. Петреска. Етнографија на современиот семеен живот во македонското семејство. Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков», 2008.
- Цивьян 1990 — Т. В. Цивьян. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990.
- Xhagolli 2007 — A. Xhagolli. Etnologjia dhe folklori shqiptar. Vlorë: Triptik, 2007.

Источники

- ПМА 2008 — А. С. Дугушина. Экспедиция к албанцам Приазовья. Полевые материалы автора. Полевая тетрадь Июль. 2008.
- ПМА 2009 — А. С. Дугушина. Экспедиция к албанцам Приазовья. Полевые материалы автора. Полевая тетрадь Июль–август. 2009.
- ПМА 2010 — А. С. Дугушина. Экспедиция к албанцам Приазовья. Полевые материалы автора. Полевая тетрадь Август. 2010.

Д. С. Ермолин

МАЭ РАН, Санкт-Петербург

**ФОТОКОЛЛЕКЦИЯ Ю. В. ИВАНОВОЙ ПО АЛБАНЦАМ
ПРИАЗОВЬЯ В ФОТОАРХИВЕ ИЭА РАН: ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗУЧЕНИЯ ДЛЯ ЛИНГВИСТОВ И ЭТНОГРАФОВ**

Как известно, работа в библиотеках и архивах является необходимым этапом научно-исследовательского процесса, однако довольно часто результаты деятельности наших предшественников сами становятся объектом изучения. Именно такой случай представляет собой фотоколлекция, хранящаяся в Фотоархиве Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА), которую Юлия Владимировна Иванова¹ привезла в 1949 г. из экспедиции в албанские села Приазовского р-на Запорожской области (УССР).

Фотоколлекция Ю. В. Ивановой за прошедшие десятилетия не была должным образом атрибутирована и описана в соответствии с современными правилами визуальной и музейной антропологии, и, как следствие, эти материалы до настоящего времени не были введены в научный оборот. На данный момент представляется необходимым изучить и снабдить научным комментарием богатейший фотоиллюстративный фонд Ю. В. Ивановой, собранный за время экспедиционных исследований в албанских селах Приазовья в послевоенный период. Фотографии, сделанные Ю. В. Ивановой в 1949 г., являют собой совершенно уникальный комплекс сведений по культуре быта, традиционному жилищу, костюму, промыслам, праздничной культуре, способный пролить свет на состояние традиционной культуры албанцев Украины шесть десятилетий тому назад. Таким

¹ Юлия Владимировна Иванова (1922–2006) — советский и российский этнограф, специалист по традиционной культуре албанцев и греков. Ю. В. Иванова много лет работала в Институте этнографии АН СССР (впоследствии ИЭА РАН), входила в редколлегию журналов «Советская этнография» и «Этнографическое обозрение», читала лекции в ведущих вузах страны (МГИМО, СПбГУ), занималась экспедиционной и собирательской деятельностью. Она автор ряда монографий и большого количества статей, посвященных источниковедению, обычному праву и традиционной культуре албанцев и греков.

образом, многоплановая работа с материалами Ю. В. Ивановой и снабжение их научным комментарием позволит ввести данную фотокolleкцию в качестве нового полевого источника по лингвистике, этнографии и этнической истории албанцев.

На конференциях, проходивших в декабре 2011 г. в ИЭА и в феврале 2012 г. в МАЭ, прозвучали доклады, в которых в общих словах описывалась ценность данной фотокolleкции и значимость ее изучения для отечественной албанистики, были установлены корреляции между фотоматериалами Ю. В. Ивановой и предметно-иллюстративными коллекциями по албанцам Украины, хранящимися в Кунсткамере [Ермолин 2012]. В настоящей публикации не затрагивается опубликованное ранее. Желающие могут ознакомиться с упомянутой статьей, а внимание здесь сконцентрировано на двух аспектах — во-первых, на этнотематической характеристике фотокolleкции, то есть перечисляются и охарактеризовываются те сюжеты и темы, на которые распадается весь массив фотоматериала, и, во-вторых, подробнее рассматривается возможность использования фотографий Ю. В. Ивановой в этнографических и лингвистических полевых исследованиях.

Говоря об этнотематике фотокolleкции, стоит отметить, что ее материалы достаточно подробно иллюстрируют разные стороны жизни албанцев в конце 1940-х гг. Вот полный перечень тем и сюжетов, которые удалось выделить при работе с материалами коллекции:

- а) свадебная обрядность;
- б) праздничная культура и танцевальная традиция;
- в) средства передвижения и орудия труда;
- г) быт и утварь;
- д) жилище, хозяйственные постройки и здания;
- е) занятия населения, профессии;
- ж) ткачество, вышивка, кружева;
- з) типажи и портреты;
- и) одежда.

Пожалуй, было бы неверным особо выделять какой-либо блок фотографий, однако нельзя не остановиться на снимках, сделанных на традиционной албанской свадьбе. На тридцати девяти фотографиях Ю. В. Иванова запечатлела не только такие ключевые моменты

свадебной обрядности, как поход жениха за невестой или встречу молодых родней жениха, но и обряды, свадебные игры и танцы, которые в прошлом были обязательными элементами свадебных торжеств: танец девушек впереди свадебной процессии; старинный танец *тостамедто*, исполняемый пожилыми женщинами на встрече молодых у дома жениха, шуточные обряды в понедельник (приготовление молодой женой лепешек, катание молодыми на тачке бабушки и перенос дядьки в корзине, угощение вином дядьки, забравшегося на дерево). Отдельно представлены фотографии участников свадебного обряда в праздничных костюмах. Все эти материалы являются бесценным дополнением к описаниям албанского свадебного комплекса, сделанным в разные годы исследователями, работавшими и работающими в албанских селах на Украине — Н. С. Державиным [1948: 161–164], самой Ю. В. Ивановой [1981: 98–103] и О. Р. Будиной [1984: 24–25], а также А. А. Новиком [2003; 2004].

Другой вопрос, который хотелось бы затронуть в настоящей статье, связан с использованием архивных фотографий в экспедиционной работе. В мировой науке этот методологический подход многократно встречался в антропологических исследованиях. В монографиях и статьях таких авторов, как, например, Джон и Малкольм Коллиеры [Collier, Collier 1986; Collier 2003], Билл Бравман [Bravman 1990], Джоанна Шерер [Scherer 2003] и др., изложены теоретические и практические аспекты применения старой архивной фотографии при проведении полевого исследования. Итак, каковы же перспективы применения фотоколлекции Ю. В. Ивановой в качестве инструмента при сборе полевого лингвистического и этнографического материала в современных албанских поселениях Украины? Во-первых, снимки были сделаны в 1949 г., шестьдесят три года назад, то есть люди 1930-х гг. рождения, которые сейчас могут выступить в роли информантов и консультантов, с большой долей вероятности помнят особенности своей культуры в интересующий исследователь хронологический период. Во-вторых, известно, что большинство фотографий было сделано в с. Георгиевке, и этот факт можно учитывать при проведении исследований в настоящее время — демонстрация фотоснимков в разных селах может дать интересный материал по локальной идентичности и взаимоотношениям между жителями албанских сел. Именно старая фотография с ее эффектом «ментальной телепортации» способна лучше самых подробных

анкет и вопросников создать ту благоприятную для работы «в поле» атмосферу, когда респондент проникается доверием к этнографу.

Поскольку на фотографиях Ю. В. Ивановой достаточно много внимания уделено предметам материальной культуры (постройки, утварь, одежда), их демонстрация может быть полезна для фиксации албанских лексем, ушедших вместе с реалиями — увидев на фотографии предмет, человек может вспомнить и слово, которым он обозначался. Возможно, среди этих лексем будут архаичные, а значит, показательные для исследований в области албанской диалектологии. Кроме этого, продуктивной может быть методика записи нарративов на диалекте в ситуации, когда информант в своих описаниях исходит из того, что видит на фотографии — возможности этого приема также неоднократно описывались диалектологами, применявшими архивное фото в полевой работе.

Для этнографа использование старых фотографий является не в меньшей степени продуктивным. Объемный массив фотоматериала, сделанного на албанской свадьбе, предоставляет большой спектр возможностей работы именно по этой теме. Взяв фотографию и действия, запечатленные на ней, за точку отсчета, можно задавать вопросы: «Как было раньше?», «Когда это перестали делать?», «Что стали делать вместо этого?». Такая методика будет способствовать фиксации обрядности в ее динамической трансформации.

Вторая группа снимков, использование которых также может быть перспективным, — портреты и типажи представителей местного населения. Возможно, старожилы смогут узнать односельчан, запечатленных на фотографиях, и рассказать об их судьбе, о своих занятиях, об участии в жизни села. Велика также вероятность того, что и сейчас живы те люди, которые были сфотографированы молодыми. Например, в архиве имеются фотографии пожилого мужчины с седой бородой, который, бесспорно, привлек внимание самой Ю. В. Ивановой (см. рис. 1 на с. 80). Сейчас ни его имя, ни род деятельности неизвестны, также отсутствуют какие-либо биографические данные, но местные жители, вероятно, могут помочь получить необходимую информацию. Помимо информации, полезной для атрибутирования фотографий с его изображением, возможно, удастся узнать, кто он и чем запомнился в селе. Важен также следующий вопрос: являлось ли ношение бороды пожилыми мужчинами в албанских селах в первой половине XX в. неким правилом или же исключением, а, может быть,

маркером принадлежности к определенной профессиональной или социальной группе?

Фотографируя предметы и события, Ю. В. Иванова фиксировала состояние культуры албанцев, причем этот материал во многом не зависит от конкретных исследовательских тем (в отличие от интервью, конструируемого собирателем в зависимости от интересующей его проблематики) — случайно попавшее в кадр в 1949 г. может стать темой для изучения в начале XXI в. Так, на фотографии, атрибутированной, как «Группа колхозников–албанцев на празднике», изображена повернувшаяся спиной женщина, из-под платка которой видны тонкие косы (см. рис. 2 на с. 81). Такой тип прически, очевидно, является архаичным и не бытует в настоящее время. Оттолкнувшись от этого снимка, собиратель может расспросить современную албанку не только об этом типе прически, но и о других, использовавшихся повседневно, а также в праздничных и ритуально-обрядовых контекстах (например, при переходе из одной социальной категории в другую или в состоянии траура).

За минувшие шесть десятилетий значительным образом поменялись жизненный уклад и мода, привычки и ориентиры, ценности и идеалы. В этом отношении не просто интересным, но и научно информативным представляется эмоциональная реакция на увиденное изображение и его восприятие. Эти реакции стоит учитывать, а также фиксировать вербальные комментарии, чтобы впоследствии подвергнуть их антропологическому анализу. Этот вид работы позволит узнать отношение представителей разных возрастных и гендерных групп к своей культуре в тот период, когда она была куда более «традиционной», чем в настоящее время и, соответственно, уровень ее престижности для современных албанцев. Реакции могут варьировать от ностальгии и одобрения «уклада стариков» до критики и насмешек.

Подводя итог, еще раз хотелось бы заметить, что архивный фотоснимок как особый вид полевого этнографического источника представляет собой развернутую картину действий, происходивших в прошлом, позволяет современному исследователю принять участие в рабочей ситуации включенного наблюдения и со скрупулезной точностью описать когда-то запечатленное «в поле». Тому же, кто наблюдает фотографии в научных сборниках, монографиях или в рамках докладов, данный вид источника порой может сказать

Рис. 1. Костюм пожилого албанца. 1949 г. Фото Ю. В. Ивановой. Ф. 43.
Оп. 39. Нег. 21664. Фотоархив ИЭА РАН.

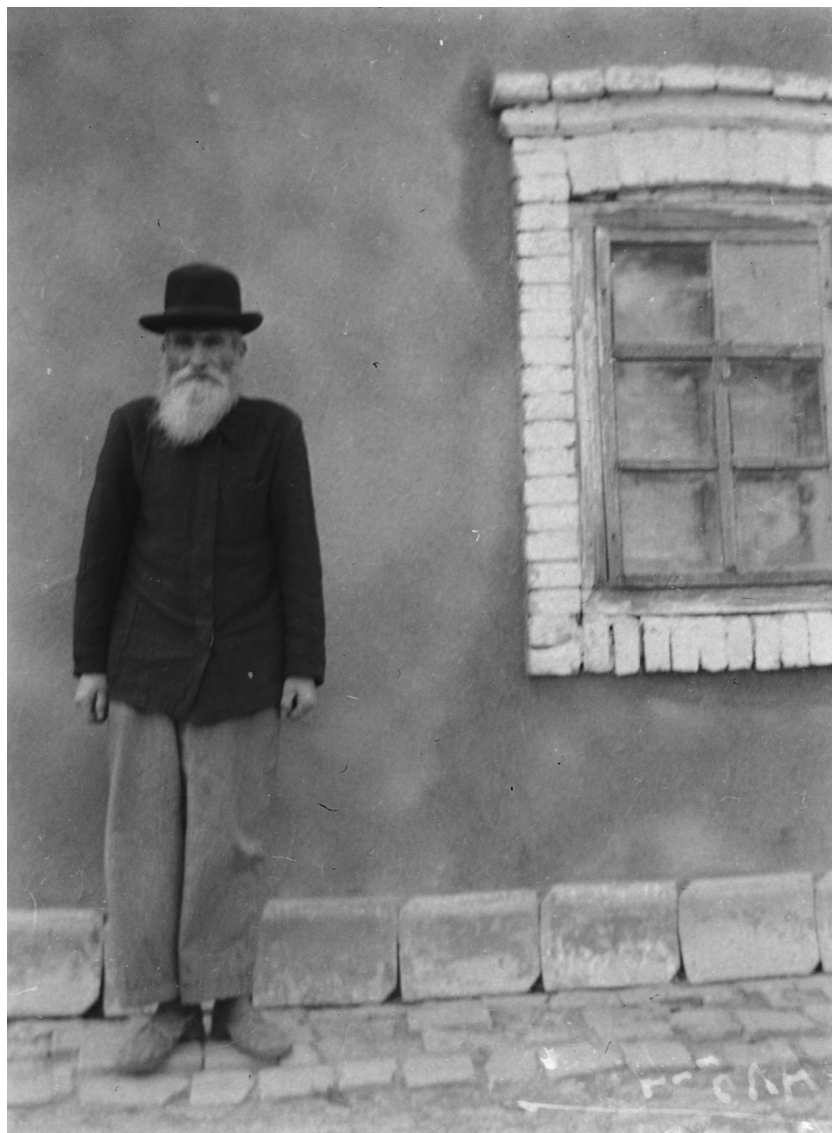

Рис. 2. Группа колхозников-албанцев на празднике. 1949 г. Фото Ю. В. Ивановой. Ф. 43. Оп. 39. Нег. 21591. Фотоархив ИЭА РАН.

больше, чем самые эксплицитные описания. Именно поэтому работа с фотоколлекцией Ю. В. Ивановой является актуальной задачей, решение которой позволит ввести в научный оборот обширный пласт этнографического материала, дающего представление о состоянии культуры албанцев Приазовья в послевоенный период.

Литература

- Будина 1984 — О. Р. Будина. О соотношении общих и локальных традиций (на примере балканских этнических групп на Украине и в Молдавии) // Советская этнография 2, 1984. С. 15–27.
- Державин 1948 — Н. С. Державин. Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР // Советская этнография 2, 1948. С. 156–169.
- Ермолин 2012 — Д. С. Ермолин. Фотоколлекция Ю. В. Ивановой по албанцам Украины в архиве ИЭА РАН: перспективы изучения для МАЭ РАН // Ю. К. Чистов (отв. ред.). Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 103–111.
- Иванова 1981 — Ю. В. Иванова. Тенденция развития этнических групп в многонациональной среде (на примере албанских поселений на юге Украины в XIX–XX вв.) // Советская этнография 4, 1981. С. 95–107.
- Новик 2003 — А. А. Новик. Свадебная обрядность у албанцев Приазовья (по материалам экспедиций последних лет) // Ю. В. Кривошеев, М. В. Ходяков (ред.). Университетские Петербургские Чтения. 300 лет Северной столице. СПб.: Изд-во «Знаменитые универсанты», 2003. С. 751–758.

- Новик 2004 — А. А. Новик. Албанские поселения на юге Украины. Свадебная обрядность в Приазовье в контексте сохранения традиций // В. К. Волков, А. Ю. Русаков (отв. ред.). Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08–03.09.2004). СПб.: Наука, 2004. С. 200–216.
- Bravman 1990 — В. Bravman. Using of old photographs in interview: some cautionary notes about silences in fieldwork // *History in Africa* 17, 1990. P. 327–334.
- Collier 2003 — J. Collier. Photography and visual anthropology // P. Hocking (ed.). *Principles of Visual Anthropology*. Berlin — NY: Mouton de Gruyter, 2003. P. 235–254.
- Collier, Collier 1986 — J. Collier, M. Collier. *Visual Anthropology. Photography as a Research Method*. New Mexico: University of New Mexico Press, 1986.
- Scherer 2003 — J. Scherer. Ethnographic photography in anthropological research // P. Hocking (ed.). *Principles of Visual Anthropology*. Berlin — NY: Mouton de Gruyter, 2003. P. 201–216.

Л. Н. Каминская

СПбГУ, Санкт-Петербург

АЛБАНСКИЙ МАТЕРИАЛ В «СЛОВАРЕ» ПЕТЕРА СИМОНА ПАЛЛАСА: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ФОНЕТИКИ

Первый российский многоязычный словарь, вышедший в свет в 1787 и 1789 гг., «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы» под редакцией Петра Симона Палласа [1787; 1789], отразил уровень развития фонетических представлений, характерный для лингвистической науки XVIII в.

В соответствии с распространенными научными идеями этого времени этимологические схождения базировались, прежде всего, на внешнем созвучии слов [Гордина 2006: 163–166], поэтому в создаваемых словарях и, в частности, в «Словаре» Палласа вопросам передачи точного произношения слов уделялось большое внимание.

В общей сложности корпус «Словаря» включает 285 русских слов с переводом на двести языков (об истории создания «Словаря» и его албанской составляющей см.: [Каминская 2010]). Для записи «перевода» использовались буквы русского алфавита, которые выступают в качестве своего рода знаков универсальной фонетической транскрипции. В Предисловии к первой части «Словаря», написанном по-латински и на русском языке, Паллас [1787: s. p.] отмечает, что слова изображены «Российскими буквами сходственно с самим выговором тех народов и соответственно с произношением того языка, на коем они написаны», и добавляет: «для показания точного произношения всех сих языков **нет лучше и способнее всех Европейских азбук, как Российская** (выделение мое — Л. К.), что сколь бы странно с первого виду другим народам ни казалось, однако с помощью Греческой весьма легко ей изучиться можно. А дабы еще более в том доставить способности, то присоединил я объяснение сих букв на других Европейских языках». Между латинским и русским предисловиями Паллас включает «*Explicatio litterarum Alphabeti Rossici*», то есть описывает произношение русских букв. Текст «*Explicatio litterarum*

Alphabeti Rossici» написан по-латински: слева в столбик приводятся буквы русского алфавита, справа дается объяснение их употребления в «Словаре» в качестве знаков фонетической транскрипции.

Паллас объясняет употребление русских букв в «Словаре», приводя соответствия из греческого, латинского, германских (немецкого и английского) и реже романских (французского и итальянского) языков. Важно отметить, что, в принципе, он понимает разницу между буквой и звуком речи. Передача звукового значения русских букв посредством латинских, а также при помощи ссылок на чтение соответствующих букв в других европейских языках была характерна для лингвистической науки того времени: подобное описание русских звуков встречается, например, в «Русской грамматике» Генриха Вильгельма Лудольфа [Гордина 2006: 194]¹.

Албанский язык является одним из двухсот языков, представленных в «Словаре», и идет под номером 45. Албанский корпус лексем включает 268 единиц². Поскольку фонетическая система албанского языка существенно отличается от русской, интересно выявить, в какой степени графический облик албанских лексем отражает их звуковой состав и насколько принципы фонетической записи слов, декларированные в «Словаре» Палласа, оказались применимы к албанскому материалу. Ниже будут рассмотрены некоторые наиболее интересные случаи (подробнее о принципах фонетической передачи иноязычной лексики в «Словаре» Палласа см.: [Каминская 2013]).

Из вокалической системы албанского языка определенный интерес представляет передача гласного /y/ с помощью графических возможностей русского языка. Гласный, соответствующий албанскому /y/, в русской звуковой системе отсутствует. В материалах «Словаря» можно обнаружить различные способы передачи этого звука, в большей или меньшей степени отражающие его звучание. В одиннадцати случаях с предполагаемым /y/ представлены следующие способы передачи этого гласного (см. таблицу 1 на с. 86).

¹ Примечательно, что уже через год, в появившемся втором издании «Словаря» под редакцией Янковича де Мариево [1790] «точному выговору» иностранных слов стало придаваться гораздо большее значение.

² Из 285 слов 17 не имеют перевода на албанский язык: *весна, осень, зима, родины, пол, иго, судно, кит, гром, черно, живо, рад, что, кем, да, где, здесь*; об албанской составляющей «Словаря» см.: [Altimari, Kaminskaja 2010].

Максимально приближенным к произношению можно считать графическое отображение /y/ как двухграфемное сочетание *ÿ* и использование диакритики *ÿ̇* в следующих лексемах:

⇒ *дÿю* (275³) 'два'; ср.: алб. *dy*;

⇒ *скÿоть* (183) 'латы'; ср.: алб. *shqyt*⁴

В двух случаях имеет место транслитерация, искажающая звучание этого гласного:

⇒ *бруля* (34) 'локоть'; ср.: алб. *bërryl*;

⇒ *дунья* (74) 'шар'; ср.: алб. *dynja*

В остальных лексемах звук /y/ передан русской графемой *и*:

⇒ *си* (20) 'глас'; ср.: алб. *sy*;

⇒ *фити* (28) 'горло'; ср.: алб. *fyti*;

⇒ *фримъ* (70) 'дух'; ср.: алб. *frymë*;

⇒ *или* (77) 'звезда'; ср.: алб. *ylli*;

⇒ *пилъ* (139) 'луг'; ср.: алб. *pyll* 'лес';

⇒ *атире* (254) 'им'; ср.: алб. *atyre*;

⇒ *кисъ* (270) 'как'; ср.: алб. *qysh*

В этих примерах представляется неправомерным говорить о возможном отражении в «Словаре» делабиализации /y/ > /i/, явлении, встречающемся в тосском чамерийском и ляберийском говорах, а также в восточных говорах центральной Гегнии [Gjinari 1988: 44].

Можно высказать предположение, что разнообразие способов представления албанского лабиализованного гласного переднего ряда верхнего подъема /y/ свидетельствует о попытках максимально адекватно передать его особенности при помощи графических средств русского языка.

В системе согласных наиболее интересные вопросы также связаны с передачей албанских звуков, не имеющих соответствия в фонетической системе русского языка, который, соответственно, не имеет графических возможностей для их представления. Так, например, происходит с межзубными согласными /θ/ и /ð/ (см. таблицу 2 на с. 87).

³ Здесь и далее числа в скобках обозначают номер соответствующего русского слова в словаре. Русские слова-леммы даются в орфографии «Словаря» Палласа.

⁴ Интересно, что в словаре не используется при передаче этой фонемы знак *ÿ̇*, о котором в «*Explicatio litterarum Alphabeti Rossici*» говорится, что он «будет произноситься как *ÿ̇*» [Паллас 1787: s. p.].

Таблица 1. Варианты отображения /y/

согласный	графема	примеры
/y/	ïy	дïу (алб. <i>dy</i>)
	ю̇	скю̇ть (алб. <i>shqyt</i>)
	у {	бруля (алб. <i>bërryl</i>)
		дунья (алб. <i>dynja</i>)
	и {	си (алб. <i>sy</i>)
		фити (алб. <i>fyti</i>)
		фримъ (алб. <i>frymë</i>)
		или (алб. <i>ylli</i>)
		пилъ (алб. <i>pyll</i>)
		атице (алб. <i>atyre</i>)
	кись (алб. <i>qysh</i>)	

В «Словаре» для звука /θ/ (отображаемого в албанской графике как *th*) в большинстве случаев используется буква *ф*:

- ⇒ **фони** (37) ‘ногти’; ср.: алб. *thoi*;
- ⇒ **феретъ** (53) ‘голос’; ср.: алб. *thërret*;
- ⇒ **фанъ** (58) ‘слово’; ср.: алб. *thanë*;
- ⇒ **керфиза** (137) ‘сук’; ср.: алб. *kërthiza* ‘пупок, середина’;
- ⇒ **фекеръ** (142) ‘овес’; ср.: алб. *thekër* ‘рожь’;
- ⇒ **фумбъ** (177) ‘гвоздь’; ср.: алб. *thumb* ‘шип’;
- ⇒ **кфель** (114) ‘глубина’; ср.: алб. *kthellë* ‘глубокий’

В двух случаях в позиции конца слова /θ/ обозначено графемой *в*. При этом, исходя из особенностей русской графики и орфографии, *в* читается как [f]:

- ⇒ **ггевъ** (133) ‘листья’; ср.: алб. *gjethe*;
- ⇒ **дривъ** (140) ‘жито’; ср.: алб. *drithë*

Один раз встречается использование фиты для передачи межзубного согласного. В «*Explicatio litterarum Alphabeti Rossici*» именно эта русская буква предназначается для передачи межзубного спиранта⁵:

- ⇒ **өы** (153) ‘свинья’; ср.: алб. *thi*

⁵ Ср.: «как такая же буква греков и *th* англичан» [Паллас 1787: s. p.].

Звонкий межзубный /ð/ (передающийся в современном албанском графемой *dh*) в большинстве слов, включая конечную позицию, передан в «Словаре» русской буквой *д*:

- ⇒ *деиба* (29) ‘зуб’; ср.: алб. *dhëmba*;
- ⇒ *урдуронъ* (66) ‘власть’; ср.: алб. *urdhuron*;
- ⇒ *дїеть* (283) ‘десять’; ср.: алб. *dhjetë*;
- ⇒ *имадь* (206) ‘велико’; ср.: алб. *i madh*;
- ⇒ *бардь* (208) ‘бело’; ср.: алб. *bardhë*;
- ⇒ *дердь* (241) ‘лить’; ср.: алб. *derdh*

Однако однажды для передачи /ð/ использована *в*:

- ⇒ *ве* (97) ‘земля’; ср.: алб. *dhe*

Таблица 2. Варианты отображения /θ/ и /ð/

согласный	графема	примеры	
/θ/	ϕ	<i>фони</i>	(алб. <i>thoi</i>)
		<i>фереть</i>	(алб. <i>thërret</i>)
		<i>фанъ</i>	(алб. <i>thanë</i>)
		<i>керфиза</i>	(алб. <i>kërthiza</i>)
		<i>фекеръ</i>	(алб. <i>thekër</i>)
			<i>фумбъ</i>
	ϕϕ	<i>реϕфель</i> ‘круг’	(алб. <i>rreth</i>)
	в	<i>ггевъ</i>	(алб. <i>gjethe</i>)
		<i>дривъ</i>	(алб. <i>drithë</i>)
	ө	<i>өы</i>	(алб. <i>thi</i>)
/ð/	д	<i>деиба</i>	(алб. <i>dhëmba</i>)
		<i>урдуронъ</i>	(алб. <i>urdhuron</i>)
		<i>дїеть</i>	(алб. <i>dhjetë</i>)
		<i>имадь</i>	(алб. <i>i madh</i>)
		<i>бардь</i>	(алб. <i>bardhë</i>)
			<i>дердь</i>
	в	<i>ве</i>	(алб. <i>dhe</i>)

Важно отметить, что в материалах «Словаря» не встретилось случаев графического л в на месте албанского /ð/, что свидетельствует об отсутствии смешения фонем /ð/ и /ʎ/, характерного для группы северо-западных гегских говоров [Десницкая 1968: 84]. Можно

сделать предварительный вывод о том, что область распространения северо-западных гегских говоров, по всей видимости, не являлась местом сбора лексического материала для «Словаря». Вероятно, впрочем, что процесс смешения /ǰ/ и /t/ начался уже после периода сбора материалов для албанской части «Словаря» Палласа.

Среднеязычные смычные /с/ и /ʃ/ (передаваемые в современном албанском графемами *q* и *gj* соответственно) можно считать наиболее специфическими албанскими согласными. Вызывает интерес разнообразие в способах передачи этих звуков графическими средствами русского языка (см. таблицу 3 на с. 90).

Согласный /с/ в подавляющем большинстве случаев в «Словаре» передается буквой *к*:

- ⇒ *кїель* (2) ‘небо’; ср.: алб. *qiell*;
- ⇒ *факи* (17) ‘лицо’; ср.: алб. *faqe*;
- ⇒ *керникъ* (22) ‘ресницы’; ср.: алб. *qerpikë*;
- ⇒ *кїафъ* (32) ‘шея’; ср.: алб. *qafë*;
- ⇒ *кїюместъ* (47) ‘молоко’; ср.: алб. *qumësht*;
- ⇒ *верекетъ* (134) ‘плоды’; ср.: алб. *bereqet* ‘злаки’;
- ⇒ *кенъ* (154) ‘собака’; ср.: алб. *qen*;
- ⇒ *керъ* (178) ‘воз’; ср.: алб. *qerre*;
- ⇒ *скїуть* (183) ‘латы’; ср.: алб. *shqyt*;
- ⇒ *мекеси* (192) ‘лад’; ср.: алб. *miqësi*;
- ⇒ *икуки* (210) ‘красно’; ср.: алб. *i kuq[i]*;
- ⇒ *паки* (219) ‘благ’; ср.: алб. *paqi* ‘мир’

Единичными являются случаи передачи звука /с/ графемами *т*, *х* и *г*:

- ⇒ *молефате* (26) ‘щеки’; ср.: алб. *mollëzat e faqes*;
- ⇒ *нехинтъ* (284) ‘сто’; ср.: алб. *njëqind*;
- ⇒ *нигиндъ* (284) ‘сто’; ср.: алб. *njëqind*

Примечательно, что в материалах «Словаря» не встретилось ни одного случая передачи /с/ русской буквой *ч*.

Наибольшее многообразие наблюдается в «Словаре» при передаче звонкого среднеязычного согласного /ʃ/ (*gj* — в современной албанской графике)⁶:

1. с помощью *г*:

- ⇒ *гюнъ* (30) ‘язык’; ср.: алб. *gjuhë*

⁶ Скорее всего, это свидетельствует о стремлении максимально точно отразить качественные характеристики этой фонемы и «специфичность» ее звучания.

2. с помощью *гъ*:

⇒ *гьясть* (279) 'шесть'; ср.: алб. *gjashtë*

3. с помощью *гї*:

⇒ *гїакъ* (45) 'кровь'; ср.: алб. *gjak*;

⇒ *аргїантъ* (123) 'серебро'; ср.: алб. *argjend*;

⇒ *гїать* (204) 'высоко'; ср.: алб. *gjatë* 'длинный'

4. с помощью *гг*:

⇒ *ггиста* (36) 'пальцы'; ср.: алб. *gishta*;

⇒ *ггятъ* (117) 'длина'; ср.: алб. *gjatë*;

⇒ *ггевъ* (133) 'листья'; ср.: алб. *gjethe*

5. с помощью *ггї*:

⇒ *ггїумъ* (59) 'сон'; ср.: алб. *gjumë*

6. с помощью *гк*:

⇒ *гкюни* (41) 'колени'; ср.: алб. *gjuni*;

⇒ *менгкесъ* (89), 'утро'; ср.: алб. *mëngjes*

7. с помощью *гкї*:

⇒ *гкїаль* (220) 'зло'; ср.: алб. *gjall* 'живой'

При анализе албанского материала «Словаря» Палласа встает интересный вопрос о том, определяется ли описанная выше вариативность в передаче албанских звуков русскими буквами стремлением максимально точно воспроизвести произношение слов албанского языка, или она отражает особенности тех письменных источников, которыми пользовались составители «Словаря». Не исключено, что точное установление источников позволит ответить на этот вопрос.

Список условных сокращений

алб. — албанский; s. p. — sine pagina.

Таблица 3. Варианты отображения /с/ и /ʃ/

согласный	графема	примеры
/с/	к	<i>кїель</i> (алб. <i>qiell</i>)
		<i>факи</i> (алб. <i>faqe</i>)
		<i>керпикъ</i> (алб. <i>qerrikë</i>)
		<i>кїафъ</i> (алб. <i>qafë</i>)
		<i>кїоместъ</i> (алб. <i>qumësht</i>)
		<i>верекетъ</i> (алб. <i>bereqet</i>)
		<i>кенъ</i> (алб. <i>qen</i>)
		<i>керъ</i> (алб. <i>qerre</i>)
		<i>скїотъ</i> (алб. <i>shqyt</i>)
		<i>мекеси</i> (алб. <i>miqësi</i>)
		<i>икуки</i> (алб. <i>i kuq[i]</i>)
<i>паки</i> (алб. <i>paqi</i>)		
	<i>т</i>	<i>молефате</i> (алб. <i>mollëzat e faqes</i>)
	<i>х</i>	<i>нехинтъ</i> (алб. <i>njëqind</i>)
	<i>ц</i>	<i>нигиндъ</i> (алб. <i>njëqind</i>)
/ʃ/	<i>ц</i>	<i>гюнъ</i> (алб. <i>gjuhë</i>)
	<i>ць</i>	<i>гьясть</i> (алб. <i>gjashtë</i>)
	гї	<i>гїакъ</i> (алб. <i>gjak</i>)
		<i>аргїантъ</i> (алб. <i>argjend</i>)
		<i>гїать</i> (алб. <i>gjatë</i>)
	гг	<i>ггиста</i> (алб. <i>gjishta</i>)
		<i>ггятъ</i> (алб. <i>gjatë</i>)
		<i>ггевъ</i> (алб. <i>gjethe</i>)
	<i>ггї</i>	<i>ггїумъ</i> (алб. <i>gjumë</i>)
	гк	<i>гкюни</i> (алб. <i>gjuni</i>)
<i>менгкесъ</i> (алб. <i>mëngjes</i>)		
<i>гкї</i>	<i>гкїаль</i> (алб. <i>gjall</i>)	

Литература

- Гордина 2006 — М. В. Гордина. История фонетических исследований (от античности до возникновения фонологической теории). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
- Десницкая 1968 — А. В. Десницкая. Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука, 1968.

- Каминская 2010 — Л. Н. Каминская. Албанская составляющая в лингвистических материалах словаря С. Палласа // Вестник СПбГУ. Серия 9 «Филология. Востоковедение. Журналистика» 4, 2010. С. 125–134.
- Каминская 2013 — Л. Н. Каминская. Словарь С. Палласа «Linguarum totius orbis vocabularia comparative Augustissimæ cura collecta» (1787, 1789 гг.) как источник фонетического исследования // Verbum 4, 2013. С. 70–78.
- Паллас 1787 — Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе перьвое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Часть перьвая. Въ Санктпетербургѣ: Типография Шнора, 1787.
- Паллас 1789 — Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе перьвое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Часть вторая. Въ Санктпетербургѣ: Типография Шнора, 1789.
- Янкович де Мариево 1790 — Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ, 1790.
- Altimari, Kaminskaia 2010 — F. Altimari, L. Kaminskaia. Sul lessico Albanese nel Vocabularium Catharinæ // A. Mendicino, N. Pranterà, C. Citraro (cur.). Atti del Convegno “Parole. Il lessico come strumento per organizzare e trasmettere gli etno-saperi”. 2–4 luglio 2009. Università della Calabria. Rende: Centro Editoriale e Librario [Università della Calabria], 2010. P. 37–50.
- Gjinari 1988 — J. Gjinari. Dialektilogjia shqiptare. Tiranë: Shtëpia botuese e librit universitar, 1988.

М. Л. Кисилиер

СПбГУ — ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ И ИМПЕРФЕКТА В ЦАКОНСКОМ ДИАЛЕКТЕ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА¹

Цаконский диалект, сохранившийся в округе Южная Кинурия на Пелопоннесе, принято считать одной из загадок новогреческой диалектологии. Хотя на уровне лексики этот диалект не так уж и своеобразен [Кисилиер 2012; 2017], его пока трудно включить в общую классификационную схему новогреческих диалектов, поскольку многие наблюдаемые в нем явления лишь фиксируются в существующих описаниях [Περνός, Κωστάκης 1933; Perno 1934; Κωστάκης 1951; 1999; Кисилиер 2014], не получая необходимой интерпретации. Не исключено, что именно поэтому некоторые особенности цаконского кажутся не только плохо сопоставимыми с данными других новогреческих диалектов, но и представляются, на первый взгляд, вообще результатом иноязычного влияния. Подобное впечатление касается прежде всего фонетики и морфологии глагола. Если в области фонетики все еще не были предприняты какие-либо шаги, которые бы помогли хоть отчасти проанализировать удивительные метаморфозы, делающие цаконскую лексику совершенно неузнаваемой для носителей других диалектов², то в области глагольной морфологии

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФНФ (проект «Типология аналитических форм глагола (на материале германских языков, древнеармянского, новогреческого языка и его диалектов)» № 14-04-00394). Автор благодарит А. Н. Соболева и В. А. Плунгяна за ценные предложения и идеи на этапе обсуждения поднимаемой в статье темы. К сожалению, не все их удалось здесь реализовать. Отдельная благодарность участникам экспедиций в Цаконию в 2010–2016 гг. — Д. В. Агафоновой, С. В. Выдриной, А. А. Драгункиной и В. В. Федченко — за помощь в сборе и обработке использованного диалектного материала.

² Исследования Михаила Деффнера [Deffner 1881], Юбера Перно и Фанасиса Костакиса [Περνός, Κωστάκης 1933: 12–17; Perno 1934: 45–154; Κωστάκης 1951: 31–62; 1999: 23–46] ограничиваются перечислением фонетических особенностей, наблюдаемых в цаконском. Даже появившаяся относительно недавно диссертация Агафоклиса Хараламбопулоса [Χαραλαμπίδουλος 1980] отличается лишь использованием более современных методов фонетического анализа и предлагает отдельные комментарии социолингвистического характера; см. также: [Кисилиер, Федченко 2011: 263–264].

ситуация заметно лучше. На данный момент удалось установить, по крайней мере, два важных факта:

1. По-видимому, перфект в цаконском диалекте не является «новейшим» заимствованием из стандартного новогреческого, поскольку он обладает определенными особенностями, прежде всего — формальными³, но, возможно, и семантическими, которые еще ждут тщательного описания и анализа. Таким образом, есть основания отнести цаконский к тем новогреческим диалектам, у которых перфект есть⁴.

2. Никосу Лиосису [Liosis 2010] удалось сопоставить глагольные формы, употребляемые в цаконском для выражения потенциалиса и ирреалиса, с аналогичными формами в других диалектах и в стандартном новогреческом и прийти к выводу, что для цаконского характерен «смешанный» принцип образования форм потенциалиса и ирреалиса, то есть комбинируются модели, характерные для разных диалектных вариантов.

Впрочем, основная особенность цаконской глагольной морфологии — знаменитые аналитические формы для выражения настоящего времени и имперфекта — несмотря на исследования [Aerts 1965; Liosis 2011], до сих пор ставит перед исследователем множество вопросов.

(1a)	<i>éma</i>	<i>éx-a</i>	<i>ǰí-a</i>	<i>éma</i>
	быть.PST.1SG	иметь-PTCP.F.SG	три-N	быть.PST.1SG
	<i>éx-a</i> . .	<i>ǰi z-i</i>	<i>tse n'a</i>	<i>ǰát-i</i>
	иметь-PTCP.F.SG	два сын-PL	и один.F	дочь-SG.NGEN
	<i>ǰn⁹</i>	<i>gam-ú-a</i>	[неразб.]	<i>t^hon</i>
	быть.PRS.3SG	жить-PTCP-F.SG		в.DEF.M.SG.ACC

³ В частности, в отличие от стандартного новогреческого в цаконском при образовании форм пассивного перфекта может использоваться только вспомогательный глагол 'быть', а не 'иметь'. При этом смысловой глагол независимо от залога часто выступает в форме пассивного причастия: *éni éx-u padr-ef^h-é* <быть.PRS.1SG иметь-PTCP.M.SG жениться-PTCP.PASS-M.SG> '[я] женился' и *éni padr-ef^h-é* <быть.PRS.1SG жениться-PTCP.PASS-M.SG> '[меня] женили'; ср.: [Выдрина 2008: 20]. Вероятно, эта особенность напрямую связана с отсутствием синтетических форм презенса и имперфекта в цаконском.

⁴ Такими диалектами, в частности, являются северногреческие; см.: [Архив 1998–2000].

В (1а) и (1б) используются аналитические формы как настоящего времени (*éni gamúa* и *éni éxa* в примере (1а)), так и имперфекта (*éna éxa* (1а), *éki píu*, *éki théu*, *éki fǵáxu*, *éki éxu* в примере (1б)).

Аналитические формы образуются с помощью глагола ‘быть’ в соответствующих лицах настоящего времени или имперфекта и активного или пассивного причастия настоящего времени в номинативе. Род и число причастия определяется родом и числом субъекта (например, ж. р.: *éni gamúa*, *éni / éna éxa* в (1а) и м. р.: *éki píu*, *éki théu*, *éki fǵáxu*, *éki éxu* в примере (1б))⁶. Иногда говорящий частично фонетически редуцирует вспомогательные глаголы: *éna éxa*, *enⁱ éxa* (1а), *ek^j éxu* (1б), *e juríza* (4). Указанное явление очень характерно для спонтанной речи. Говорящий иногда пропускает вспомогательный глагол. В отдельных случаях причастие может стоять и перед вспомогательным глаголом:

- (2) *a-ú-∅^{r7}* *éniⁱ*
 говорить.IPFV-PTCP-M.SG быть.PRS.1SG
 ‘говорю’

По-видимому, список глаголов, при которых возможна постпозиция вспомогательного глагола, ограничен. Не исключено, что он

⁶ Справедливости ради необходимо отметить, что однажды во время интервью информант употребил синтетическую форму имперфекта рядом с аналитической:

- (i) *ta prót-a kambzí-a p^h émai pí-nde*
 DEF.N.PL первый-N.PL ребенок-PL что быть.PST.1PL делать-PTCP.M.PL
i sát-i i kambzí-∅ ta=ván-ame to
 или дочь-SG.NGEN или ребенок-SG 3.N.PL=клясть.IPFV-PST.1PL DEF.N.SG
ónoma-∅ ta peθer-á tse tu peθer-ú
 имя-SG DEF.F.SG.OBL свекровь-SG и DEF.M.SG.GEN свекр-SG.GEN
 ‘Первым детям, которых мы рожали — будь то дочь или сын — [мы] давали имена (букв. имя) свекрови и свекра’ [Tsak_038]

С точки зрения цаконской грамматики окончание *-ame* в форме *váname* — это флексия аориста, ср.: *e-zá-kame* <PST-идти.PFV-AOR.1PL>, однако *ván* — основа имперфектива (форма аориста должна выглядеть *e-val-ikame* <PST-клясть.PFV-AOR.1PL>). В стандартном новогреческом, как известно, у имперфекта и аориста одинаковые окончания, и время можно определить только по основе: имперфект *βάλλ-αμε* <бросать.IPFV-PST.1PL> ‘[мы] бросали’ и аорист *βάλλ-αμε* <бросать.PFV-PST.1PL> ‘[мы] бросили’. Во время интервью информант иногда сбивался на новогреческий, очевидно, опасаясь, что собиратели его не поймут, и в итоге, употребил новогреческую форму.

⁷ Звук /r/, по-видимому, вставляется во избежание гиага.

исчерпывается глаголом ‘говорить’. Остается также невыясненным, возможна ли препозиция причастия ж. р.⁸

На данный момент цаконский является единственным новогреческим диалектом, в котором фиксируются аналитические формы для настоящего времени и имперфекта. Более того — и это самое удивительное — в нем отсутствуют иные (то есть синтетические) глагольные формы для выражения настоящего времени и имперфекта. Цаконские аналитические формы **настоящего времени** обладают всеми семантическими характеристиками, обычно свойственными формам настоящего времени. У них обнаруживается хабитуальное значение:

(3a) *íni éⁿg-u-nde ap to mái*
 быть.PRS.3PL приехать.IPFV-PTCP-PL от DEF.NF.SG.NGEN май
méx^fi to septé^mv³i
 до DEF.NF.SG.NGEN сентябрь
 ‘[Жители Прастоса каждый год] приезжают [в Прастос] с мая по сентябрь’ [Tsak₀₁₇]

(3б) *jatsí s=éⁿi đ³aváz-a ta*
 почему 3PL.ACC=быть.PST.1SG читать.IPFV-PTCP.F.SG DEF.N.PL
elinik-á ó-i bor-ú-a ta
 греческий-N.PL NEG-быть.PRS.1SG мочь-PTCP-F.SG DEF.N.PL

⁸ С. В. Выдрина, проводившая полевое исследование в марте 2008 г. в цаконском селе Тирос, приводит пример, где вспомогательный глагол и причастие расположены дистантно:

(ii) *éni prefú ka xorénga*
 быть.PRS.3SG очень хорошо танцевать.IPFV-PTCP.F.SG
 ‘[Она] очень хорошо танцует.’ [Выдрина 2008: 16]
 (Здесь и далее примеры цит. в МФА.)

Впрочем, С. В. Выдрина не дает ссылку на информанта, а указывает, что пример **одобрен** информантом, то есть, по-видимому, пример был порожден исследователем, а позже проверен у носителя диалекта. В диалектном материале, собранном в ходе серии экспедиций 2010–2016 гг., в записях спонтанной речи не удалось обнаружить ни одного похожего случая. Более того, как свидетельствует собранный материал, даже местоименная клитика не разрывает аналитическую форму и ставится перед вспомогательным глаголом: *s=éⁿi đ³aváza* ‘их читаю’ (пример (3б)). Таким образом, нет оснований утверждать, что вспомогательный глагол обладает свойством отделимости.

éma^ə *kaŋ^h-imén-i* *én-a* *mín-a*
 быть.PST.1PL сидеть-PTCP.PASS-M.PL один.NF-NGEN месяц-SG
ba tánu kⁱ émai kám-unde
 там наверху и быть.PST.1PL трудиться-PTCP.M.PL

‘⟨...⟩ три часа пешком идти [туда] и три возвращаться обратно.
 [Мы] сидели ⟨один⟩ месяц там наверху и трудились’

[Tsak_005]

(66) *e-zá-t^hse* *se nⁱa... se nⁱa* *xór-a-∅*
 PST-идти.PFV-AOR.3SG в INDF.F в INDF.F деревня-SG.NGEN
óra p^h éki kas-ímen-e én-a
 там где быть.PST.3SG сидеть-PTCP.PASS-M.SG INDF.NF-NGEN
jég-u
 старик-SG

‘[Он] пришел в... в какую-то деревню ⟨туда⟩, где сидел старик’

[Tsak_074b_1]

В других примерах имперфект употребляется вместо ожидаемого аориста. Так, в (7) глагольная форма в имперфекте описывает однократное действие и имеет явный оттенок перфективности:

(7) *i* *yoní-e=namu* *íngⁱə* *fkⁱá-nde*
 DEF.PL.NOM родитель-PL=POSS.1PL быть.PST.3PL делать-PTCP.M.PL
to *yám-o*
 DEF.M.SG.ACC свадьба-SG

‘Родители наши [нам] сделали свадьбу’¹⁰ [Tsak_017]

В примере (8) формы имперфекта и аориста фактически являются однородными сказуемыми:

(8) *e-yír-tse* *katá pa ts^e* *e-fonⁱá-e*
 PST-поворачивать.PFV-AOR.3SG вниз там и PST-кричать-AOR.
ve mariyó mariyó éa tsⁱ es .3SG
 эй Мариго Мариго давай что быть.PRS.2SG

¹⁰ Стоит отметить, что и по-русски подобное употребление возможно: *Наши родители нам делали свадьбу* (пример подсказан А. Н. Соболевым).

<i>θέ-υ</i>	<i>έα</i>	<i>οὔι</i>	<i>έα</i>	<i>οὔι</i>	<i>έκι</i>
хотеть-PTCP.M.SG	давай	сюда	давай	сюда	быть.PST.3SG
<i>fon'á-nd-υ</i>	<i>ta</i>		<i>γυνέκ-α=σι</i>		
кричать-PTCP-M.SG	DEF.F.SG.OBL		женщина-SG.ACC=POSS.3SG		

‘[Он] обернулся туда и закричал: «Эй, Мариго! Мариго!» — «Ну, чего хочешь?» — «Поди сюда, поди сюда» — позвал [он] свою жену’

[Tsak_074b_1]

Интересно, что в одном контексте употреблены две формы от одного глагола: *efon'áe* (аорист) и *éki fon'ándυ* (имперфект). Объяснить подобные случаи употребления имперфекта непросто. По-видимому, подходить к вопросу о соотношении имперфекта и аориста (сюда же можно добавить и перфект) следует не исключительно на цаконском материале, а в рамках комплексного анализа видовременных отношений в стандартном новогреческом, где, несмотря на отдельные исследования (см., например: [Hedin 1987; Μόζερ 1994]), взаимная дистрибуция указанных времен, в целом, непонятна.

Происхождение аналитических форм в цаконском остается загадкой. В древнегреческом лаконском диалекте (одном из дорийских диалектов), прямым «потомком» которого, как принято считать, является цаконский [Κωντοσόλουλος 2010: 191], настоящее время и имперфект выражались синтетически [Méndez Dosuna 2001]. Вероятно, аналитические формы развились в цаконском к византийскому периоду¹¹. Возможно, на их появление и развитие повлияли другие

¹¹ Никос Лиосис [Liosis 2011: 474f] вслед за [Aerts 1965: 106–109] считает, что цаконские аналитические формы следует считать инновациями. Важнейшим доводом здесь служит утверждение о том, что цаконцы достаточно поздно приняли христианство (ср.: [Сюзюмов 1974: 211]), а большинство аналитических форм, фиксируемых в византийский период, приходится на агиографические и религиозные тексты (см. ниже примеры (11) и (12)). Данный довод представляется недостаточно убедительным. Во-первых, цаконский, несомненно, контактировал с эллинистическим койне, благодаря чему основным глаголом речевой деятельности стал [*éni*] *ai* ‘говорю’, восходящий к д.-греч. *λαλώ* (*λαλέω*) ‘болтать’, а не какой-либо дериват от глагола *λέγω* ‘говорить’, как это случилось в некоторых других диалектах новогреческого языка, например, в кипрском. Принято считать, что употребление *λαλώ* в значении ‘говорить’ распространилось в грекоязычном мире в первые века новой эры в связи с распространением эллинистического койне. Во-вторых, некоторые ранневизантийские агиографические тексты передавали особенности разговорного языка своего времени (см. сн. 14).

языки, в которых используются аналитические формы для настоящего времени и имперфекта. Таким языком мог стать, например, итальянский (в частности, венецианский диалект), с которым цаконский активно контактировал и даже заимствовал значительное количество лексики [Кисилиер 2012: 267; Кисилиер 2017: 118–119]. Нельзя исключать также влияния со стороны албанского языка, о тесных контактах с которым можно судить по лексическим заимствованиям [Кисилиер 2012: 266; Кисилиер 2017: 115–116]. Впрочем, предположение об иноязычном влиянии нельзя рассматривать как исчерпывающее объяснение, тем более что и другие новогреческие диалекты не менее активно контактировали с итальянским (например, критский и кипрский) и со славянскими языками (например, лесбосский и фессалийский), однако ни в одном из них аналитические формы для настоящего времени и имперфекта не зафиксированы¹². Кроме того, цаконский не контактировал ни с одним языком, в котором бы вообще не было синтетических форм настоящего времени и имперфекта.

Резонно предположить, что в цаконском были какие-то внутренние предпосылки для развития аналитических форм настоящего и имперфекта. Эти предпосылки, хотя и получили развитие только в цаконском, скорее всего, должны были бы иметь более или менее общегреческий характер. Так, огромное количество примеров с перифрастическими конструкциями для выражения имперфекта обнаруживаются в «Новом Завете»:

- (9) *Kaì ἦν διδάσκ-ων τὸ*
 и быть.PST.3SG учить.IPFV-PTCP.PRS.M.SG.NOM DEF.N.SG.NGEN
καθ' ἡμέρ-αν ἐν τῷ ἱερ-ῶ
 каждый день-SG.ACC в DEF.NF.SG.DAT храм-SG.DAT
 'И [Иисус] учил каждый день в храме' (Лс 19:47)

Эти перифрастические конструкции образуются по той же модели, что и в цаконском: глагол 'быть' в имперфекте и причастие настоящего времени в соответствующем роде и числе. Можно

¹² Следует, однако, отметить, что цаконский является одним из немногих новогреческих диалектов, где причастия не адъективировались, а употребляются предикативно. Впрочем, неясно, что здесь первично: сохранение предикативного употребления причастий, способствовавшее появлению аналитических форм, или возникновение аналитических форм, благодаря которым предикативное употребление причастий возможно в цаконском до сих пор.

предположить, что в «Новом Завете», в отличие от цаконского, процесс грамматикализации находится на более ранней стадии развития, так как еще нет запрета на разрыв составляющих внутри конструкции:

- (10) *Kaì ἦσαν οἱ μαθηταὶ Ἰωάννου*
 и быть.PST.3PL DEF.M.PL.NOM ученик-PL.NOM Иоанн-GEN
καὶ οἱ Φαρισαῖοι
 и DEF.M.PL.NOM фарисей-PL.NOM
ἠστειῶντες
 поститься.IPFV-PTCP.PRS.M.OBL-M.PL.NOM
 ‘И ученики Иоанна, и фарисеи постились’ (Mc 2:18)

Традиционно грамматики «Нового Завета» трактуют это явление как семитизм [Blass, Debrunner 1990: 285–287; Turner 1976]. Гудмунд Бьёрк, посвятивший отдельную книгу перифрастическим конструкциям с глаголом ‘быть’ в греческом языке [Björck 1940], отмечает, что сочетание глагола-связки в имперфекте с причастием чаще всего встречается в «Евангелии от Луки», и называет подобные перифрастические конструкции прогрессивными. Ему также принадлежит важное наблюдение о том, что конструкции с глаголом ‘быть’ имеют греческие корни (ср.: [Moulton 1919: 225–228]) и связаны с народной нарративной традицией. Действительно, как показывают количественные данные, приведенные Крисом Карагунисом [Caragounis 2004: 177], сочетание *ἦν διδάσκων* в функции имперфекта встречается в древнегреческом и до «Нового Завета» (например, дважды у Полибия)¹³, однако именно в «Новом Завете» и в апокрифических текстах отмечается пик его употребления (например, восемнадцать раз в «Евангелии от Марка», двадцать раз в «Евангелии от Луки», шесть раз в «Деяниях апостола Фомы»). Согласно Крису Карагунису, конструкция *ἦν διδάσκων* встречается и позже, в частности, однажды в VI в. у Иоанна Малалы [Caragounis 2004: 177]. Кроме того, сочетания глагола-связки в имперфекте и причастия удалось обнаружить в крайне популярном ранневизантийском патерике начала VII в. «Луге Духовном», написанном Иоанном Мосхом¹⁴:

¹³ В [Blass, Debrunner 1990: 285–287] также фиксируются единичные примеры сочетаний глагола-связки в имперфекте и причастия у Эпикура и в эллинистических папирусах.

¹⁴ Создавая «Луг Духовный», Иоанн Мосх, по-видимому, передает разговорный язык образованного духовенства своего времени. Возможно, именно это стало одной из главных причин невероятной популярности патерика: сохранилось

(11)	Ἦν	δέ	οὗτ-ος	ὁ
	быть.PST.3SG	EMPH	этот.M.NOM-M.SG.NOM	DEF.M.SG.NOM
	γέρον	ἑάσ-ας		τήν
	старец-SG.NOM	покидать.AOR-PTCP.AOR.M.SG.NOM		DEF.F.SG.ACC
	ίδί-αν	ἐπισκοπ-ήν	διὰ	τόν
	свой-F.SG.ACC	епископия-SG.ACC	из-за	DEF.M.SG.ACC
	θε-όν,	καί	ἔλθ-ών	πλησίον
	Бог-SG.ACC	и	идти.AOR-PTCP.PRS.M.SG.NOM	близко
	κώμ-ης		ἐπιλεγ-ομέν-ης	
	деревня-SG.GEN		называть.IPFV-PTCP.PRS.PASS-F.SG.GEN	
	Βεταναβάρ-εως		(ἀφέστ)ηκ-εν	δέ
	Ветанавария-SG.GEN		отстаивать.PRF-PST.3SG	EMPH
	τοῦ	ἁγί-ου	Ἰορδάν-ου	ὠς
	DEF.NF.SG.GEN	святой-NF.SG.GEN	Иордан-GEN	около
	σημεί-οις	ἕξι),	ἡσυχάζ-ων	
	знак-PL.DAT	шесть	подвязаться.IPFV-PTCP.PRS.M.SG.NOM	

‘Этот старец оставил ради служения Богу свою епископию и, придя к селению под названием Ветанавария (которое находится на расстоянии шести миль от святого Иордана), там поселился в уединении’ [PG 2952A12–B1]

В примере (11) обнаруживаются две перифрастические конструкции: ἦν <...> ἑάσας и ἦν <...> ἡσυχάζων (обе выделены полужирным шрифтом). Первая, несомненно, является аналитической формой плюсквамперфекта. Вторую некоторые исследователи предлагают понимать как аналитическую форму перфекта [Mihevč-Gabrovec 1960: 67]. С подобной интерпретацией трудно согласиться. Более предпочтительно было бы рассматривать ἦν <...> ἡσυχάζων как перифрастическую конструкцию со значением имперфекта. Тогда в (11) проявляется классическое согласование времен (независимый таксис): более удаленное от момента речи действие выражается плюсквамперфектом, а менее удаленное — имперфектом.

145 рукописей, содержащих текст целиком или в отрывках; кроме того, известно огромное количество переводов на другие языки, первые из которых были приняты почти сразу после написания текста (подробнее о «Луке Духовном» см.: [Кисилиер 2011]). Примеры из «Лука Духовного» цитируются по «Греческой патрологии» (PG), по изданию [Migne 1863].

Перифрастические конструкции со значением имперфекта, состоящие из глагола ‘быть’ с причастием, фиксируются в греческом языке и значительно позже. Брайан Джозеф [Joseph 2000: 144], например, сообщает об их использовании в переводе «Ветхого Завета», появившемся в Константинополе в 1547 г. Распространение подобных конструкций можно объяснять двояко: либо влиянием библейской традиции (как языка «Нового Завета», так и непосредственных гебраизмов), либо тем, что они связаны, как отмечалось выше, с народной нарративной традицией. Известно, что такого рода перифразы с прогрессивным значением использовались в латыни сначала в раннехристианских переводах с греческого, а потом уже и в оригинальных текстах [Haverling 2008: 100–101], а также и в церковнославянских текстах, в которых появление перифрастических конструкций далеко не всегда связано с непосредственным влиянием библейской традиции [Плунгян 2012]. Таким образом, ничто не мешает предположить, что перифрастические конструкции со значением имперфекта могли попасть и в цаконский, если не в дохристианское время, то в ранневизантийский период. Остается, правда, несколько существенных вопросов:

1. Можно ли считать перифрастические конструкции, приведенные в примерах (9)–(11) аналитическими формами имперфекта? Действительно, довольно часто вспомогательный глагол и причастие не расположены контактно, причем и в (10), и в (11) дистанция между ними значительна. Необходимо, впрочем, уточнить, насколько для аналитической формы важна «спаянность» компонентов. Например, компоненты формы пассивного плюсквамперфекта, которая в грамматиках древнегреческого языка традиционно трактуется как аналитическая, могут быть расположены на значительном расстоянии друг от друга:

(12)	<i>τὰ</i>		<i>κτίσιμα-τα</i>		<i>τὰ</i>
	DEF.N.PL.NGEN		здание-PL.NGEN		DEF.N.PL.NGEN
	<i>δημόσι-α</i>				<i>ἀν-φκοδομ-οὔντο·</i>
	общественный-PL.NGEN				вновь-строить.IPF-IPF.PASS.3PL
	<i>ἦν</i>	<i>γὰρ</i>	<i>ἐκ</i>	<i>τοῦ</i>	<i>σεισμο-οῦ</i>
	быть.PST.3SG	ибо	из	DEF.NF.SG.GEN	землетрясение-SG.GEN
	<i>ἡ</i>		<i>πόλις</i>		
	DEF.F.SG.NOM		город-SG.NOM		

συλλεσ-οῦσ-α

обрушиваться. AOR-PTCP.PRS.F-F.SG.NOM

‘... вновь отстраивались общественные здания, ибо город из-за землетрясения был разрушен’ [PG 2885D5–2888A2]

2. Чем аналитические формы имперфекта отличались от соответствующих синтетических форм? Большинство исследователей приписывает формам с глаголом ‘быть’ прогрессивное значение. Представляется, что такой подход имеет под собой не столько реальные основания, сколько желание показать их отличие от синтетических форм. Скорее всего, определить значение синтетических форм возможно лишь путем сопоставления с соответствующим латинским и древнеславянским материалом (ср.: [Плунгян 2012]). В цаконском у аналитических форм иногда проявляется неожиданные значения. Так в примере (1а) вместо настоящего времени употреблен имперфект. Если это, конечно, не странная оговорка информанта (кстати, говорящего на диалекте, по общему утверждению, лучше, чем на стандартном новогреческом), можно предположить, что, употребляя имперфект, говорящий хочет сказать, что «у нее **было и есть** трое детей», то есть придает аналитической форме имперфекта значение перфекта.

Большинство вопросов пока так и остаются без ответов. Неизвестно, откуда взялись аналитические формы настоящего времени¹⁵. Неясно (и, скорее всего, так и останется невыясненным), как аналитические формы вытеснили синтетические и почему данный процесс произошел только в цаконском диалекте. Тем не менее, принципиально важной представляется идея о том, что аналитические формы не просто случайное иноязычное заимствование, а развитие неких предпосылок, заложенных в греческом языке вообще. Эти предпосылки отчасти проявлялись на разных этапах развития греческого языка, но только в цаконском произошла грамматикализация и появились такие неожиданные для греческого аналитические формы настоящего времени и имперфекта.

¹⁵ Остроумным представляется предположение Христоса Тзитзилиса [Tzitzielis 2017], по мнению которого в цаконском синтетические формы настоящего времени не исчезли, а перешли из индикатива в конъюнктив, например, в (16): *πα=οτ-ᾶν^j* <SB|V=видеть-PFV.3SG.SB|V> (ср.: [Haspelmath 1998]). Очевидно, впрочем, что такое объяснение не годится для аналитических форм имперфекта.

Список условных сокращений

= — показатель клитики; 1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; д.-греч. — древнегреческий; ж. р. — женский род; м. р. — мужской род; н.-греч. — новогреческий; *неразб.* — неразборчиво (о дешифровке); ACC — аккузатив; AOR — аорист; DAT — датив; DEF — определенная форма/показатель определенности; EMPH — показатель эмфазы; F — женский род; GEN — генитив; INDF — неопределенная форма/показатель неопределенности; IPF — имперфект; IPFV — имперфектив; Lc — «Евангелие от Луки»; M — мужской род; Mc — «Евангелие от Марка»; N — средний род; NEG — отрицание; NF — неженский род; NGEN — негенитив; NN — несредний род; NOM — номинатив; OBL — косвенный падеж; PASS — неактивный залог; PFV — перфектив; PG — «Patrologia Graeca»; PL — множественное число; POSS — посессивность (притяжательное местоимение); PRF — перфект; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число.

Литература

- Выдрина 2008 — С. В. Выдрина. Видовременная система цаконского диалекта новогреческого языка. Дипломная работа. СПбГУ, СПб., 2008.
- Кисилиер 2011 — М. Л. Кисилиер. Местоименные клитики в «Луге Духовном» Иоанна Мосха. СПб.: Алетейя, 2011.
- Кисилиер 2012 — М. Л. Кисилиер. Цаконские стереотипы // А. Х. Гирфанова, С. В. Иванов, Н. Н. Казанский, Е. Р. Крючкова, А. И. Фалилеев (ред.). *Varietas delectans*. Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 262–271.
- Кисилиер 2014 — М. Л. Кисилиер. Цаконский диалект: новый взгляд // В. Ф. Выдрин, Н. В. Кузнецова (отв. ред.). От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 330–348.
- Кисилиер 2017 — М. Л. Кисилиер. Лексические особенности цаконского диалекта новогреческого языка: Предварительные наблюдения и перспективы исследования // Вопросы языкознания 1, 2017. С. 105–136.
- Кисилиер, Федченко 2011 — М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. К вопросу о мягких согласных в цаконском диалекте новогреческого языка // *Индоевропейское языкознание и классическая филология XV*, 2011. С. 259–266.
- Плунгян 2012 — В. А. Плунгян. К семантике аналитических конструкций с причастиями в эллинистическом койне. Доклад, прочитанный на заседании семинара проблемной группы по теории грамматики. Ин-т языкознания РАН, Москва, 14 мая 2012 г.

- Сюзюмов 1974 — М. Я. Сюзюмов. Συμεωνίδης Χ. Π. Οί Τζάκωνες και ή Τζακωνία. Рецензия // Византийский временник 36, 1974. С. 210–212.
- Aerts 1965 — J. Aerts. *Periphrastica*. Amsterdam: Hakert, 1965.
- Björck 1940 — G. Björck. *HN ΔΙΔΑΣΚΝ*: Die periphrastischen Konstruktionen im Griechischen. Uppsala — Leipzig: Almqvist & Wiksells Boktryckeri-A.-B. — O. Harrassowitz, 1940.
- Blass, Debrunner 1990 — F. Blass, A. Debrunner. *Grammatik des neutestamentlichen Griechisch*. Bearbeitet von F. Rehkopf. 17. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990.
- Caragounis 2004 — C. C. Caragounis. *The Development of Greek and the New Testament: Morphology, Syntax, and Textual Transmission* [Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament 167]. Tübingen: Mohr Siebeck, 2004.
- Deffner 1881 — M. Deffner. *Zakonische Grammatik*. Vol. I. Lautlehre. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1881.
- Haspelmath 1998 — M. Haspelmath. *The semantic development of old presents: new futures and subjunctives without grammaticalization* // *Diachronica* 1, 1998. P. 29–62.
- Haverling 2008 — G. V. M. Haverling. *On the development of actionality, tense, and viewpoint from Early to Late Latin* // F. Josephson, I. Söhrman (eds.). *Interdependence of Diachronic and Synchronic Analyses*. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 73–104.
- Hedin 1987 — E. Hedin. *On the Uses of the Perfect the Pluperfect in Modern Greek* [Studia Graeca Stockholmiensia 6]. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1987.
- Joseph 2000 — B. D. Joseph. *Processes of spread for syntactic constructions in the Balkans* // L. Tzitzipis, C. Symeonidis (hrsg.). *Balkan Linguistik: Synchronie und Diachronie*. Thessaloniki: Aristoteles Universität Thessaloniki, 2000. P. 139–150.
- Liosis 2010 — N. Liosis. *Counterfactuality in the Tsakonian dialect: a contribution to the history of ήθελα and ήμουν* // A. Ralli, B. D. Joseph, M. Janse, A. Karasimos (eds.). *Proceedings. 4th International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory (MGDLT4)*, Chios, 11–14 June 2009. Patras: University of Patras, 2010. P. 111–123.
- Liosis 2011 — N. Liosis. *Auxiliary verbs and the participle in the Tsakonian dialect: towards a periphrastic verbal system* // K. Chatzopoulou, A. Ioannidou, S. Yoon (eds.). *Proceedings of the 9th International Conference on Greek Linguistics (ICGL 9)*, University of Chicago, Chicago, Illinois, 29–31 October 2009. Ohio: Ohio State University, 2011. P. 469–479.
- Méndez Dosuna 2001 — J. Méndez Dosuna. Δωρικές Διάλεκτοι // Α.-Φ. Χριστίδης (επιστ. επιμ.). *Ιστορία της Ελληνικής γλώσσας*.

- Από της αρχές έως την ύστερη αρχαιότητα. Θεσσαλονίκη: Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών — Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 2001. Σ. 326–338.
- Migne 1863 — J.-P. Migne. *Patrologiæ cursus completus. Series Græca*. Vol. LXXXVII, 3. Paris: J.-P. Mine, 1863.
- Mihevč-Gabroveč 1960 — E. Mihevč-Gabroveč. *Études sur la syntaxe de Joannes Moschos*. Ljubljana, 1960.
- Moulton 1919 — J. H. Moulton. *A Grammar of New Testament Greek. Vol. I. Prolegomena*. 3rd edition with corrections and additions. Reprint. Edinburgh: T. & T. Clark, 1919.
- Perno 1934 — H. Pernot. *Introduction à l'Étude du Dialecte Tsakonien* [Collection de l'Institut Néo-Hellénique de l'Université de Paris 2]. Paris: Les Belles Lettres, 1934.
- Turner 1976 — N. Turner. *The quality of the Greek of Luke-Acts* // J. K. Elliott (ed.). *Studies in New Testament Language and Text*. Leiden: Brill, 1976. P. 387–400.
- Κοντοσόπουλος 2010 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. *Κατωιταλική και Τσακωνική* // Μ. Ζ. Κοπιδάκης (επιστ. επιμ.). *Ιστορία της Ελληνικής γλώσσας*. Αθήνα: Μορφωτικό Ίδρυμα Εθνικής Τράπεζας, 2010. Σ. 190–192.
- Κωστάκης 1951 — Θ. Π. Κωστάκης. *Σύντομη Γραμματική της Τσακωνικής Διαλέκτου* [Collection de l'Institut Français d'Athènes 35]. Αθήνα: Institut Français d'Athènes, 1951.
- Κωστάκης 1999 — Θ. Π. Κωστάκης. *Γραμματική της Τσακωνική διαλέκτου (περιφέρεια Λεωνιδίου-Πραστού)* // *Χρονικά των Τσακωνών ΙΕ'*, 1999.
- Μόζερ 1994 — Α. Μόζερ. *Ποιόν και απόψεις του ρήματος* [Παρουσία 30. Παράρτημα]. Αθήνα: Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών, 1994.
- Περνό, Κωστάκης 1933 — Ου. Περνό, Θ. Π. Κωστάκης. *Σύντομος Γραμματική τῆς Τσακωνικῆς Διαλέκτου*. Ἀθήναι, 1933.
- Τζιτζιλής 2017 — Χ. Τζιτζιλής. *Η τσακωνική διάλεκτος* // Χ. Τζιτζιλής (επιστ. επιμ.). *Οι νεοελληνικές διάλεκτοι*. Θεσσαλονίκη: Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών. В печати.
- Χαραλαμπίδης 1980 — Α. Α. Χαραλαμπίδης. *Φωνολογική ανάλυση τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου*. Διδακτορική διατριβή πού ὑποβλήθηκε στή Φιλοσοφική Σχολή τοῦ Ἀριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. Ἀριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, Θεσσαλονίκη, 1980.

Источники

- Архив 1998–2000 — Архив МДАБЯ в МАЭ «Кунсткамера» РАН. Греция, Западная Македония, село Эратира. Собиратели: А. Б. Борисова, А. Н. Соколов, В. В. Зайковский, Т. А. Зайковская, Ю. А. Лопашов. Материал собран в 1998–2000 гг.
- Tsak_005 — Информанты: Мария Х. и Христос К., 81 г., с. Мелана. Собиратель и первичная дешифровка: В. В. Федченко. Длительность записи: 3 ч. 28 мин. 1 сек.
- Tsak_017 — Информант: Ставрулла П., 84 г., с. Прастос. Собиратель и первичная дешифровка: М. Л. Кисилиер. Длительность записи: 1 ч. 2 мин. 47 сек.
- Tsak_031 — Информант: Елени Т., 79 л., с. Мелана. Собиратели: С. В. Выдрина, М. Л. Кисилиер и В. В. Федченко. Первичная дешифровка: М. Л. Кисилиер. Длительность записи: 46 мин. 2 сек.
- Tsak_038 — Информант: Дзелина В., 75 л., с. Прастос. Собиратель и первичная дешифровка: В. В. Федченко. Длительность записи: 1 ч. 51 мин. 28 сек.
- Tsak_074b_1 — Информант: Йоргос П., 73 г., с. Васкина. Собиратели: Д. В. Агафонова, А. А. Драгункина и М. Л. Кисилиер. Первичная дешифровка: А. А. Драгункина. Длительность записи: 15 мин. 6 сек.

М. Л. Кисилиер, А. А. Новик, А. Н. Соболев

*СПбГУ — ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, МАЭ РАН — СПбГУ,
Санкт-Петербург, ИЛИ РАН — СПбГУ, Санкт-Петербург —
Марбургский университет, Марбург*

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ИЗ ДРОПУЛА (АЛБАНИЯ). ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2009 ГОДА¹

1. Балканские экспедиции Российской академии наук: цели и задачи

Центральная проблема науки о языках и культурах народов Балканского полуострова (балканского языкознания и балканской антропологии) состоит в нерешенности вопроса об общих для Евразии и специальных для Балкан процессах языковой и культурной конвергенции и дивергенции, познание которых ценно для получения научного представления о древних и современных поликультурных и многоязычных обществах. Российские балканисты из Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), из Института лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН)² концентрируют свое внимание на комплексном изучении балканской конвергентной группы языков и культур на уровне территориальных диалектов и локальных вариантов культур, вводя в научный оборот абсолютно новые

¹ В основу статьи положены доклады, прочитанные на секции «Балканистика. Неоэллинистика. Византистика» XLI международной филологической конференции (Греческий институт СПбГУ, 16–17 марта 2012 г.) и на 1-й международной конференции по албанско-греческим исследованиям (Тирана, 24–25 марта 2012 г.; албаноязычную версию см.: [Kisilier et al. 2013]). Авторы благодарят О. Н. Николаенкову за ряд важных уточнений, а также Аристотеля Спирос и В. В. Федченко за помощь в переводе диалектных примеров.

² Первоначально в рамках международного научного проекта «Малый диалектологический атлас балканских языков (МДАБЯ)» / «Kleiner Balkansprachatlas (KBSA)».

аутентичные системно организованные материалы, собранные непосредственно в поле по специально разработанным программам [Плотникова 1996; Домосилецкая и др. 1997; Соболев и др. 1997; Новик 2009; Соболев 2009; Колосова, Домосилецкая 2010]. В результате многолетней деятельности созданы, обрабатываются и постоянно пополняются экспедиционные текстовые, аудио- и видеоархивы по балканским языкам и культурам (см. архивы МДАБЯ, МАЭ РАН и Греческого института филологического факультета СПбГУ), заложены основы предметной коллекции и компьютерной базы данных в МАЭ РАН, а также реализуется серия публикаций в российских и зарубежных издательствах.

Преимущества использования программ-вопросников в ходе экспедиций заключаются в том, что по ним могут быть собраны системно организованные сведения, сопоставимые между собой и с их аналогами, что позволяет не только полно описать конкретный диалект и конкретную локальную культуру, но и определить их место на лингвогеографической и этнографической карте региона в кругу других. В отличие от создававшегося в 1990-е гг. «Малого диалектологического атласа балканских языков», ориентированного на получение и анализ максимального по объему, абсолютно сопоставимого в межязыковом и культурном плане материала по минимальному числу наиболее репрезентативных диалектов балканских языков вне зон современных этнических и лингвистических контактов, новые балканские экспедиции РАН с 2008 г. проходят именно там, где как раз наблюдается тесное и интенсивное межэтническое и лингвистическое взаимодействие, формируются особые малые этнические группы [Соболев, Русаков 2005], а «переформатирование» старого диалектного ландшафта, традиционной культуры и этнической структуры идет наиболее ускоренными темпами. Процессы взаимодействия славян и албанцев в восточной Албании и западной Македонии, албанцев и арумын в южной Албании, греков и албанцев в Эпире (южной Албании и северо-западной Греции), греков и арумын, греков и славян, арумын и славян в северной Греции и т. д. могут быть моделью как для научной реконструкции этноязыковых процессов в античности, средние века, новое и новейшее время, так и для прогнозирования хода подобных процессов в будущем.

Цель экспедиционной работы в различных районах запада Балкан состоит в сборе необходимого и достаточного материала

по этнокультурной интерференции для ответа на вопрос, являются ли обследуемые микрорегионы-краины местами этнической, лингвистической и культурной дивергенции, конвергенции и синтеза в целом и в каких сферах в частности. Одним из районов языкового и культурного взаимодействия греков и албанцев, христиан и мусульман является Дропул (алб. *Dropull*, н.-греч. *Δερόπολη*) в Республике Албания, где в сентябре 2009 г. проводились полевые исследования [АМАЭ 2009a;b]. В течение двух дней были записаны интервью в дрополитском селе Лонго (или Лонгос — алб. *Llongo*, н.-греч. *Λόγγος*)³.

В данной статье представлен аутентичный, но пока еще не полный материал по языку и локальной культуре Верхнего Дропула, а также формулируются некоторые задачи в связи с его дальнейшей интерпретацией в общегреческом и общевосточноевропейском контексте.

2. Дропул и научные дискуссии в связи с его греческим населением

Здесь нет возможности детально представить ход и результаты ведущейся в албанской и греческой науке дискуссии о лингво- и этногенезе населения Дропула, которая довольно развернуто изложена в публикации Филиппа Лициоса [Λίτσιος 2009]. Основным предметом спора является автохтонность грекоязычного населения крайности, в пользу которой должны говорить эфиротские черты ее диалекта; напротив, южногреческие и аттические черты могут свидетельствовать о его относительно позднем миграционном характере. В албанской науке, как отмечает Лициос, принято считать, что «исторические и лингвистические данные свидетельствуют о том, что жители Дропула греческой национальности пришли в эту область в XVIII в. как крестьяне албанских феодалов» [Buda (red.) 1985: 211; Λίτσιος 2009].

3. Антропологические наблюдения из Дропула

Предметно-вещевой код традиционной культуры греков Дропула демонстрирует поразительную сохранность архаичных элементов, которые можно отнести к маркерам этнической идентичности.

³ Село состоит из кварталов *Vasomaxalás*, *Dangomaxalás*, *Ráxi*, *Mesúra*, *Dekomaxalás*. Информанты: Ангели Виргиния (1934 г. р., учительница начальных классов), Ольга Кольо (ок. 70 лет, крестьянка), Пётрос Кольо (ок. 70 лет, крестьянин). Интервью проводились по-гречески и по-албански; было установлено, что степень владения последним у пожилых женщин может быть невысокой.

Проживая в окружении иноязычных сел либо в одних населенных пунктах с представителями других этносов (в первую очередь — албанским, в меньшей степени — арумьским), греки сумели сохранить те черты условно называемой материальной культуры, которые принято считать знаковыми в плане обеспечения и обустройства жизни индивидуума и социума.

В греческих селах Верхнего Дропула до сегодняшнего дня отличительной особенностью домов местных жителей остаются деревянные потолки и деревянные полы, что практически уходит из быта албанцев. Сами носители традиции зачастую вовсе не осознают, что из широкого выбора возможностей обустройства дома и украшения интерьера они останавливаются на тех вариантах, которые устойчиво бытуют в греческой традиции на протяжении многих веков и характерны как для греков Балканского полуострова и островов, так и для греков диаспоры (например, мариупольских и понтийских греков). Предпочтения и представления о престижности демонстрируют высокую степень устойчивости у греческого населения Дропула.

В домах греков также сохраняется мебель из дерева, крытого прозрачным (золотистым) лаком, деревянные предметы украшения интерьера⁴. Все эти «мелочи» зачастую остаются без внимания самих носителей традиционной культуры. Однако их наличие или отсутствие в доме сообщает об этнической принадлежности хозяина дома, то есть можно говорить о прохождении определенной изопрагмы в зоне контактов греков и албанцев Верхнего Дропула.

Другой важный отличительный элемент традиционной культуры греков Дропула — гипертрофированное использование синего и голубого цветов в интерьере жилища, в тканье, различных видах рукоделия, декоративно-прикладном искусстве.

Так, в убранстве домов греков Дропула встречаются старые половики, тканые на примитивных станках или вязанные крючком. Подобные половики, лишь за одним исключением, мало отличаются от изделий албанских рукодельниц, а также ближайших соседей — арумь, македонцев и др. Исключение это показательно — среди пестрой цветовой гаммы половиков

⁴ Имеются в виду настенные панно, резные фигуры святых, настольные композиции.

преобладают голубой и синий цвета (о доминировании этого цвета см.: [Новик, Перехвальская 2004]). Именно синий — излюбленный цвет греков Греции, цвет их традиционного костюма, чаще других встречающийся и в прикладном искусстве [Новик 2007]. Синий цвет отличает наряды и предметный мир эллинов от реалий соседних балканских народов. Очень значимо, что синий цвет продолжает доминировать и у греков Дропула, представляя некоторый континуитет этноэстетических и этнопсихологических предпочтений и установок.

В сфере рукоделия мастериц Дропула обращает на себя внимание частое обращение к технике ришелье. Данный вид шитья получил распространение в этих местах не ранее XIX в., однако прочно обосновался в мастерских и частных домах этой краины Албании. Изделия с ажурной вышивкой (ришелье) — занавески, наволочки, покрывала, полотенца, скатерти, салфетки и проч. — встречаются в убранстве домов очень часто. Тонкая хлопчатобумажная ткань с изысканным узором ришелье наиболее импонирует местным вкусам. Данные вещи характерны для региона от г. Гирокастра до границы с Грецией и далее, переходя в области соседней страны. Подобное рукоделие бытует у всего населения в этой местности — независимо от того, греки это или албанцы. Однако такой вид рукоделия отличает убранство местных домов от украшения домов соседей — албанцев других краин, которые предпочитают традиционно украшать свои жилища ткаными полотнищами и коврами с доминантой красного цвета.

В плане сохранения традиционной культуры важным видится факт продолжения бытования традиционной одежды и ее элементов в повседневной жизни. Именно комплекс костюма отличает греков Дропула как от соседей-албанцев, так и от греков, живущих в других регионах. Традиционный костюм несет на себе всю смысловую и знаковую нагрузку, содержащую дифференцирующие признаки в плане этнической и локальной принадлежности данной общности. Греки Дропула считают свой костюм самым красивым в Албании [АМАЭ 2009b: 74]. Полный комплекс традиционного костюма (как женского, так тем более и мужского) в ежедневном быту встретить уже невозможно даже в самых удаленных селах. Тем не менее, отдельные элементы сохраняются и, что особенно важно, воспринимаются носителями

греческой идентичности как яркий маркер этнической принадлежности. Оставляя в стороне вопросы происхождения того или иного элемента одежды, можно констатировать факт бытования женских головных уборов, фартуков, которые представляются их владельцами как греческие, в ряде сел Дропула. Полный же комплекс женского традиционного костюма можно увидеть на свадьбах.

Одним из хозяйственных занятий населения является сбор трав. В летнее-осенний период, когда травы созревают на местных склонах, местные жители отправляются за лекарственными растениями с полотняными торбами, собирают их, сушат в тени во дворах, а затем сдают в аптеку в городе. Вырученные деньги служат подспорьем для семейного бюджета. В с. Лонго в доме Ольги и Христоса Михали собирателям удалось понаблюдать за процессом сушки шалфея [АМАЭ 2009b: 71].

В плане социальной жизни интересен следующий факт. Многие греки, уехав из Дропула в Грецию на заработки, заработав пенсию, возвращаются или мечтают вернуться в родное село (данное явление весьма распространено в самой Греции). Для сравнения, албанцы либо переезжают в город в молодости навсегда, либо отправляются в курбет, чтобы вернуться в село после определенного срока, либо насовсем уезжают в старости к детям из села в город.

4. Традиционная духовная культура

По элементам обрядовой системы можно установить связи с иными регионами Балкан, не обязательно грекоязычными⁵. Интересно сопоставление календарных обычаев, терминологии греков Дропула с обычаями и терминологией соседних албанцев-христиан и мусульман. Некоторые признаки окажутся недифференциальными, то есть общебалканскими⁶, общехристианскими⁷ или

⁵ Имеются в виду те регионы Балкан, где отмечаются те же календарные дни, где имеются те же ритуалы, где имеется то же мифологическое осмысление обрядов и ритуалов.

⁶ Первое марта и мартеница (*mártis*), но при этом отсутствие легенды о мартовской старухе; вера в призраков (*ifómata* букв. 'тени').

⁷ Некоторые пасхальные ритуалы: карнавал перед Великим Постом (*apókries*), обычай битья яиц на Пасху (*fingr-ís-ane ta avy-á kókin-a* <бить-1PF-PST.3PL DEF.N.PL.NGEN яйцо-PL.NGEN красный-N.PL.NGEN> '[они] били красные яйца'), хлеба

общегреческими⁸. Иные признаки укажут на связи между группами населения в прошлом⁹. Важно, что отрицательная информация об отсутствии признака *X* в локальной культуре может иметь не меньшее значение, чем данные о его наличии в ней¹⁰; из этого следует необходимость полного, системного, а не фрагментарного, дифференциального обследования локальной культуры. В результате можно будет отделить элементы, унаследованные из протосостояния, от элементов, благоприобретенных в ходе контактов.

5. Образцы диалектных текстов [АОЭ 2009]¹¹

5.1. *áju vasíli*¹²

(1a)	<...>	<i>brostá</i>	<i>apó ta</i>	<i>vasilí-ú</i>	<i>pijén-a^m</i>
		перед	от	DEF.N.PL.NGEN Василий-GEN	идти.IPFV-PST.1PL
	...	<i>mazév-omastane</i>		<i>jíro</i>	<i>s-tí</i>
		собирать.IPFV-IPF.1PL.PASS		вокруг	в-DEF. F.SG.ACC

с орнаментом сверху (*karvél-es me sfracíd-a apó páno* <буханка-PL.NGEN с печать- SG.NGEN от наверху>); праздники вроде Крещения (*ta fóta* или самой процедуры крещения — *ajazmós*) и Благовещения (*vangelizmó*).

⁸ В частности, мотивировка ношения мартеницы — «чтобы не загореть на солнце»; заимствованная через турецкий арабская лексема *vakúf* как термин для обозначения церковной земельной собственности; поговорка: *aj sáva savapón-i aj varvár-a / varvár-as varvarón-i aj níkóla-s paraóp-i* <святой Савва кутать.в.саван.IPFV-PRS.3SG святой Варвара-NGEN морозить.IPFV.3SG святой Николай-NOM прятать.IPFV-PRS.3SG> ‘святой Савва одевает землю в [снежный] саван, святая Варвара морозит, святой Николай прячет’; ср.: *Βαρθάρα βαρβαρώνει, Σάββας σαβανώνει, ἅη Νικόλας παραχώνει* [Πολίτης 2013: 242].

⁹ Например, обходы села (*lazáruðes*); пасхальные шествия (*karnaváli*); некоторые виды новогодних гаданий, наличие хлеба св. Василия; поверья в легкую руку (*rodárikó*), редкое для Балкан отсутствие поверья о мартовской старухе, но наличие локального дискурса о месяце март; ритуальные тексты также могут быть узколокальными, как и обычай резать ко дню св. Георгия именно козленка (*ta kásikí-a ta jurí-ú* <DEF.N.PL.NGEN козленок-PL.NGEN DEF.N.PL.ACC Георгий-GEN>).

¹⁰ Например, отсутствие считающихся общегреческими поверий о каликан-дзарах — мифологических существах, живущих в Нижнем мире и точащих зубами Дерево, которое держит Землю. В мир людей они приходят на Святки, а за это время Дерево восстанавливается.

¹¹ Информант: Ангéли Виргíния (см. сн. 3); собиратели: А. А. Новик, А. Н. Соболев.

¹² Расшифровка: А. Н. Соболев и М. Л. Кисилиер; здесь и далее перевод: М. Л. Кисилиер и В. В. Федченко, глоссирование: М. Л. Кисилиер.

γουνί-ά *πέγ-αμανε* *άπο* *ελί-ά*
 очаг-SG.NGEN брать.IPFV-PST.1PL от олива-SG.NGEN
φίλ-α *ке ... ке* *ρίχν-αμανε* *ς-τə*
 лист-PL.NGEN и и кидать.IPFV-PST.1PL в-DEF.F.SG.ACC
 ... *ς-τί* *γουνί-ά* *ке* *ρίχν-αμανε* *ке ...*
 в-DEF.F.SG.ACC очаг-SG.NGEN и кидать.IPFV-PST.1PL и
ке *πραΰς-αριζ-αν* *αφτ-ά* *πραΰς* *πραΰς* <...>
 и искриться.IPFV-PST.3PL 3-N.PL.NGEN прац прац
 ‘<...> перед праздником святого Василия мы шли... [мы] шли...
 собирались вокруг очага, брали листья оливы... и кидали в
 очаг, и кидали, и они искрились прац прац’ (14:27–14:44)

- (16) <...> *θα=κσιμ^bέρον-ε* *τιν* *άλ-ι*
 FUT=рассветать.IPFV-PST.3SG DEF.F.SG.ACC другой-F.SG.NGEN
μέρ-α *ο* *áj-οz* *vasíli-ς*
 день-SG.NGEN DEF.M.SG.NOM святой-M.SG.NOM Василий-SG.NOM
το *βράδι-∅* *прin* *κσιμερός-ι*
 DEF.N.SG.NGEN вечер-SG.NGEN до рассветать.PFV-PRS.3SG
το *βράδι-∅* *πιјέν-αμανε* *ς-τίz*
 DEF.N.SG.NGEN вечер-SG.NGEN идти.IPFV-PST.1PL в-DEF.F.PL.ACC
 ... *ελί-ά* ... *ελί-ά* *κσερ-ς* *ςε*
 олива-SG.NGEN олива-SG.NGEN знать-PRS.2SG в
έν-α *δένδρ-ο* *ке* *κόv-αμανε*
 один.NF-N.NGEN дерево-SG.NGEN и резать.IPFV-PST.1PL
κларí-∅ *από τιν* *ελί-δ* *έν-α*
 ветка-SG.NGEN от DEF.F.SG.ACC олива-SG.NGEN INDF.NF-N.NGEN
куμάτι-∅ *ελί-ά* *ке* *μαζέv-αμαν^ρ*
 кусок-SG.NGEN олива-SG.NGEN и собирать.IPFV-PST.1PL
τα *φίλ-α* *ке* *τα=ρίχν-αμανε*
 DEF.N.PL.NGEN лист-PL.NGEN и 3.N.PL.NGEN=кидать.IPFV-PST.1PL
прóто *то=ρίχν-αμανε*
 сперва 3.N.SG.NGEN=кидать.IPFV-PST.1PL
ποl-ά *φίλ-α*
 многий-N.PL.NGEN лист-PL.NGEN
м^béса *éκí* *ке* *λέγ-αμανε* *м^mbrúf-α*
 внутри там и говорить.IPFV-PST.1PL богатый-N.PL.NGEN
rⁿ-а *м^mbrúf-α* *κατσίк^j-а*
 баран-PL.NGEN богатый-N.PL.NGEN козленок-PL.NGEN

<i>tajéy-une</i>	<i>ta</i>	<i>katsík^j-a</i>	<i>ke</i>
кормить.IPFV-PRS.3PL	DEF.N.PL.NGEN	козленок-PL.NGEN	и
<i>ta</i>	<i>arn^j-á</i>	<i>na=jé^v-un</i>	
DEF.N.PL.NGEN	баран-PL.NGEN	SBJV=становиться.PFV-PRS.3PL	
<i>pol-á</i>	<i>ke</i>	<i>áma</i>	<i>praśáriz-an</i>
многий-N.PL.NGEN	и	когда	искриться.IPFV-PST.3PL
<i>aft-á</i>	<i>prátsə</i>	<i>prátsə</i>	<i>ta=</i> ... <i>ta=</i> ...
3-N.PL.NGEN	прац	прац	3.N.PL.NGEN= 3.N.PL.NGEN=
<i>tá=ps-ane</i>		<i>i</i>	... <i>i</i>
3.N.PL.NGEN=жечь.IPFV-PST.3PL		DEF.F.SG.NOM	DEF.F.SG.NOM
<i>fo^j-á</i>	<i>áma</i>	<i>kataláv-is</i>	<i>katópi</i>
костер-SG.NGEN	если	понимать.PFV-PRS.2SG	тотчас
<i>ρίχν-amane</i>	<i>parađíyma-tos</i>	<i>xárin</i>	<i>ja tus</i>
кидать.IPFV-PST.1PL	пример-SG.GEN	ради	для DEF.M.PL.ACC
<i>anθróp-uz=mas</i>		<i>pu</i>	<i>íx-amaⁿ</i>
человек-PL.ACC=POSS.1PL		который	иметь.PST-PST.1PL
<i>s-ta</i>	<i>ksén-a</i>	<i>brúf-a</i>	
в-DEF.N.PL.NGEN	чужой-N.PL.NGEN	богатый-N.PL.NGEN	
<i>rⁿ-a</i>	<i>brúf-a</i>	<i>katsík^j-a</i>	<i>đilađí</i>
баран-PL.NGEN	богатый-N.PL.NGEN	козленок-PL.NGEN	то.есть
<i>s-to</i>	<i>spíti-∅</i>	<i>na=éx-i</i>	
в-DEF.N.SG.NGEN	дом-SG.NGEN	SBJV=иметь.PRS-PRS.3SG	
<i>pol-á</i>	<i>katsík^j-a</i>	<i>ke</i>	<i>pol-á</i>
многий-N.PL.NGEN	козленок-PL.NGEN	и	многий-N.PL.NGEN
<i>arn^j-á</i>	<i>na=jéy-une</i>		... <i>ópos</i> ...
баран-PL.NGEN	SBJV=становиться.PFV-PRS.3PL		как
<i>ópos e-ρίχν-an</i>	<i>ta</i>	<i>fil-a</i>	<i>ke</i>
как PST-кидать.IPFV-PST.3PL	DEF.N.PL.NGEN	лист-PL.NGEN	и
<i>praśaríz-ən</i>	⟨...⟩		
искриться.IPFV-PST.3PL			

‘⟨...⟩ на следующий день на рассвете наступал праздник святого Василия. Ночью, пока не рассвело,.. ночью [мы] шли к оливковым деревьям... оливковое дерево — знаешь... к одному дереву, отрезали ветку от оливы... кусок оливы и собирали листья, и кидали. Сначала [мы] кидали много листьев... туда

внутри и говорили: «[Пусть будет] много баранов, много коз!». Коз и баранов кормили, чтобы [те] преумножались. И пока они (листья) искрились «прац-прац». Их сжигали, был огонь, чтоб ты понимал. Тут же [мы] кидали, например, за наших людей, которые были на чужбине. «Много баранов, много коз!» — то есть чтобы в доме было много коз и много баранов. По мере того как кидали листья, [те] искрились (<...>’ (15:11–15:57)

5.2. *lazáruðes*¹³

(2)	<...>	<i>aft-á</i>	<i>ta</i>	<i>výaðj-a</i>
		ЭТОТ-N.PL.NGEN	DEF.N.PL.NGEN	вечер-PL.NGEN
	<i>tá=x-ume</i>		<i>ta</i>	<i>lazár-u</i>
	3.N.PL.NGEN=иметь.PRS-PRS.1PL		DEF.N.PL.NGEN	Лазарь-GEN
	<i>emís</i>	... <i>ta</i>	<i>lazár-u</i>	<i>^mbrostá ítane</i>
	1PL.NOM	DEF.N.PL.NGEN	Лазарь-GEN	перед быть.PST.3
	<i>mⁱ-a</i>	<i>vðomáð-a</i>	<i>ta</i>	<i>lazár-u</i>
	INDF.F-F.NGEN	неделя-SG.NGEN	DEF.N.PL.NGEN	Лазарь-GEN
	<i>af t-á</i>	<i>ítən</i>	<i>^mbrostá</i>	<i>apó to</i>
	3.N-PL.NGEN	быть.PST.3	перед	от DEF.N.SG.NGEN
	<i>pásxa</i>	<i>ta</i>	<i>lazár-u</i>	<i>kser-ís</i> <i>ti</i>
	Пасха	DEF.N.PL.NGEN	Лазарь-GEN	знать-PRS.2SG что
	<i>é-kan-an</i>		<i>to</i>	<i>savát-o</i>
	PST-делать-PST.3PL		DEF.N.SG.NGEN	суббота-SG.NGEN
	<i>ítan</i>	... <i>to</i>		<i>savát-o</i> <i>ke</i>
	быть.PST.3	DEF.N.SG.NGEN		суббота-SG.NGEN и
	<i>tin</i>	<i>ál-i</i>	<i>tin</i>	<i>girⁱak-í</i>
	DEF.F.SG.ACC	другой-F.SG.NGEN	DEF.F.SG.ACC	воскресение-NGEN
	<i>érx-onde</i>	<i>i</i>	<i>pasxalⁱ-á</i>	
	идти.IPFV-PRS.3PL.PASS	DEF.F.SG.NOM	пасхальные.праздники-SG.NGEN	
	<i>ja</i>	<i>pos é-kan-ane</i>	<i>ta</i>	<i>peðj-á</i>
	EMPH как	PST-делать-PST.3PL	DEF.N.PL.NGEN	ребенок-PL.NGEN
	<i>mazév-undan</i>		<i>ta</i>	<i>peðj-á</i>
	собирать.IPFV-IPF.3PL.PASS		DEF.N.PL.NGEN	ребенок-PL.NGEN
	<i>íx-ane</i>	<i>kátí</i>	<i>fkópⁱ-a</i>	<i>ke píjen-an</i>
	иметь.PST-PST.3PL	что-то	палка-PL.NGEN	и идти.IPFV-PST.3PL

¹³ Расшифровка: А. Н. Соболев и М. Л. Кисилиер.

<i>spí'i-n</i>	<i>do</i>	<i>spíti-∅</i>	<i><...></i>
дом-SG.ACC	DEF.N.SG.NGEN	дом-SG.NGEN	
<i>tá=x-an</i>		<i>étsi ke píjen-an</i>	
3.N.PL.NGEN=иметь.PST-PST.3PL		так и идти.IPFV-PST.3PL	
<i>s-to</i>	<i>spíti-∅</i>	<i>parađíyuma-tos xarin ke</i>	
в-DEF.N.SG.NGEN	дом-SG.NGEN	пример-SG.GEN ради и	
<i>jírev-an</i>	<i>avúá</i>	<i>ke é-per-ane</i>	
просить.IPFV-PST.3PL	яйцо-PL.NGEN	и PST-брать.PFV-PST.3PL	
<i>kaláfi-∅</i>	<i>é-per-ane</i>	<i>én-a</i>	
корзина-SG.NGEN	PST-брать.PFV-PST.3PL	один.NF-N.NGEN	
<i>kaláfi-∅</i>	<i>ke píjen-an</i>	<i>s-to</i>	
корзина-SG.NGEN	и идти.IPFV-PST.3PL	в-DEF.N.SG.NGEN	
<i>spíti-∅</i>	<i>ki léy-ane</i>	<i>írθ-an</i>	
дом-SG.NGEN	и говорить.IPFV-PST.3SG	идти.PFV-PST.3PL	
<i>ta</i>	<i>lázaru</i>	<i>[неразб.] sas?=kám-u?</i>	
DEF.N.PL.NGEN	Лазарь-GEN	2PL.OBL=делать-PRS.1SG	
<i>étsi</i>	<i>írθ-an</i>	<i>ta</i>	<i>lázaru?</i>
так	идти.PFV-PST.3PL	DEF.N.PL.NGEN	Лазарь-GEN
<i>írθ-an</i>	<i>ta</i>	<i>váj-a</i>	
идти.PFV-PST.3PL	DEF.N.PL.NGEN	ветка.вербы-PL.NGEN	
<i>írθ-an</i>	<i>tʰ</i>	<i>aféndi-∅=mas</i>	
идти.PFV-PST.3PL	DEF.M.SG.GEN	Господь-OBL=POSS.1PL	
<i>xríst-u</i>	<i>ta</i>	<i>páθi-a</i>	<i>aft-á</i>
Христос-GEN	DEF.N.PL.NGEN	страсть-PL.NGEN	этот-N.PL.NGEN
<i>íne</i>	<i>traγúđi-a</i>	<i>tu</i>	<i>lázaru</i>
быть.PRS.3	песня-PL.NGEN	DEF.M.SG.GEN	Лазарь-GEN
<i>e</i>	<i>[неразб.]</i>	<i>đós-e=tu=to</i>	
EMPH		давать.PFV-IMP.2SG=3.M.SG.GEN=3.N.SG.ACC	
<i>ta</i>	<i>psil-á</i>	<i>o</i>	<i>pétr-os</i>
DEF.N.PL.NGEN	мелочь-NGEN	DEF.M.SG.NOM	Петр-NOM
<i>na=miraís-i</i>	<i>ke o</i>	<i>nikukíri-s</i>	
SBJV=делить.PFV-PRS.3SG	и DEF.M.SG.NOM	хозяин-SG.NOM	
<i>tu</i>	<i>spitʰ-ú</i>	<i>xíi'a-∅</i>	<i>xrón-ja</i>
DEF.N.SG.GEN	дом-SG.GEN	тысяча-SG	год-PL.NGEN
<i>na=zís-i</i>	<i>ke</i>	<i>xtip-juś-ane</i>	<i>ta</i>
SBJV=жить.PFV-PRS.3SG	и	бить-IPF-PST.3PL	DEF.N.PL.NGEN
<i>aft-á</i>	<i>ke o</i>	<i>nikokíri-s</i>	<i>tu</i>
3-N.PL.NGEN	и DEF.M.SG.NOM	хозяин-SG.NOM	DEF.N.SG.GEN

<i>spitʰ-ú</i>	<i>é-ðin-e</i>	<i>ístera</i>	<i>én-a</i>
дом-SG.GEN	PST-давать.IPFV-PST.3SG	позже	INDF.NF-N.NGEN
<i>avɥ-ó</i>	<i>s-to</i>	<i>peðí-∅</i>	<i>én-a</i>
яйцо-SG.NGEN	В-DEF.N.SG.NGEN	ребенок-SG.NGEN	INDF.NF-N.NGEN
<i>avɥ-ó</i>	<i>é-ðin-e</i>		[неразб.] <i>ke</i>
яйцо-SG.NGEN	PST-давать.IPFV-PST.3SG		и
<i>ʃékʲ-a</i>	⟨...⟩		
монета-PL.NGEN			

‘⟨...⟩ В этот вечер у нас [день] Лазаря. [День] Лазаря. [День] Лазаря был... за неделю он был до Пасхи, день Лазаря. Знаешь, что делали в субботу? Была суббота. А в следующее воскресенье наступали пасхальные праздники. Вот что делали дети. Собирались дети с какими-то палками и ходили из дома в дом. Вот так держали [палки]. И заходили в дом, например, и просили яйца. И брали корзину... брали одну корзину и заходили в дом, и говорили: «Настал [день] Лазаря» — [неразб.] вам? пою? так — «Настал [день] Лазаря?, настало вербное воскресенье. Настали Господа нашего страсти Христовы». Вот это песни на праздник Лазаря. «Эй, дай ему мелочь, пусть Петрос поделит, а хозяин дома проживет сто лет». И стучали ими (палками). И хозяин дома потом давал ребенку яйцо, давал яйцо [неразб.] и монеты ⟨...⟩’ (23:34–24:33)

5.3. *mártis*¹⁴

(3)	⟨...⟩	<i>léy-amanē</i>	<i>étsi</i>	<i>márt-is</i>	<i>ɥðárt-is</i>
		говорить.IPFV-PST.1PL	так	март-NOM	живодер-NOM
		<i>katur-u-ðávʲ-is</i>		<i>alevt-o-paraθír-is</i>	...
		мочиться-ITFX-головня-NOM		мука-ITFX-окно-NOM	
		<i>ksér-ʲs</i>	<i>jatí</i>	<i>léy-aman</i>	<i>ja to^m</i>
		знать-PRS.2SG	почему	говорить.IPFV-PST.1PL	о DEF.M.SG.ACC
		<i>márt-i</i>	<i>márt-is</i>	<i>íne</i>	<i>ɥðárt-is</i>
		март-SG.ACC	март-SG.NOM	быть.PRS.3	живодер-NOM
		<i>ðilaðí</i>	<i>steɣnón-un</i>	<i>to</i>	<i>káθe-ti</i>
		то.есть	сушить.IPFV-PRS.3PL	DEF.N.SG.NGEN	каждый-что
		...	<i>katur-u-ðávʲʲ-is</i>	<i>é-leɣ-ane</i>	
		мочиться-ITFX-головня-NOM		PST-говорит.IPFV-PST.3PL	

¹⁴ Расшифровка: М. Л. Кисилиер.

<i>ðe^m=bor-ús-an</i>			<i>na=vγ-úne</i>
NEG=мочь-IPFV-PST.3PL			SBJV=выходить.PFV-PRS.3PL
<i>ánav-ane</i>	<i>ti</i>		<i>γonⁱ-á</i> <i>mésa</i>
зажигать.IPFV-PST.3PL	DEF.F.SG.ACC	очаг-SG.NGEN	внутри
<i>ke epiðís</i>	<i>apó pu</i>	<i>é-kan-ane</i>	<i>krijo ...</i>
и поскольку	от туда	PST-делать-PST.3PL	холодно
<i>xⁱóni-∅</i>	<i>ðe^m=bor-ús-ane</i>	<i>na=jú-ne?</i>	
снег-SG.NGEN	NEG=мочь-IPFV-PST.3PL	SBJV=выходить.PFV-PRS.3PL	
<i>ke katur-ús-ane</i>	<i>s-ta</i>		<i>ðavⁱ-á</i>
и мочиться-IPFV-PST.3PL	B-DEF.N.PL.NGEN		головня-PL.NGEN
...	<i>katálav-es</i>	...	<i>alévri-o-paraθíri-is</i>
	понимать.PFV-PST.2SG		мука-ITFX-ОКНО-NOM
...	<i>tum^bon-o-kufín-is</i>	...	<i>ðilaðí tu</i>
	барабан-ITFX-корзина-NOM		то.есть DEF.NF.SG.OBL
<i>márt-i</i>	<i>telíon-an</i>		<i>ól-a</i>
март-ACC	заканчивать.IPFV-PST.3PL		весь-N.PL.NGEN
...	<i>telíon-an</i>	<i>to</i>	<i>martⁱ</i>
	заканчивать.IPFV-PST.3PL	DEF.N.SG.NGEN	март-ACC
<i>ta</i>	<i>fasúⁱ-a</i>	<i>to</i>	<i>kalambóki-∅</i>
DEF.N.PL.NGEN	фасоль-PL	DEF.N.SG.NGEN	кукуруза-SG
<i>to</i>	...	<i>ke alevri-o-paraθíri-is</i>	<i>píjen-ane</i>
DEF.N.SG.NGEN	и	мука-ITFX-ОКНО-NOM	идти.IPFV-PST.3PL
<i>ki é-per-ane</i>		<i>apó ta</i>	<i>pánu?</i>
и PST-брат.PFV-PST.3PL		от DEF.N.PL.NGEN	верхний
[неразб.] <i>óksu</i>	<i>pu</i>	<i>é-kan-ane</i>	<i>kak-ós</i>
	снаружи что	PST-делать-PST.3PL	плохой-M.SG.NOM
<i>ker-ós</i>	<i>é-vjen-an</i>		<i>apó to</i>
погода-SG.NOM	PST-выходить.IPFV-PST.3PL		от DEF.N.SG.NGEN
<i>paraθíri-∅</i>	<i>ke é-per-ane</i>		<i>alévri ðen=i^kuðóm-une?</i>
ОКНО-SG.NGEN	и PST-брат.PFV-PST.3PL		мука NEG=???-PRS.3PL
<i>én-a</i>	...	<i>mⁱ-a</i>	<i>ḡaná^k alébra</i>
INDF.NF-N.NGEN		INDF.F-F.NGEN	глиняная.миска мука
<i>na=kám-un</i>	<i>kurkúti</i>	[неразб.]	<i>na=kámuⁿ</i>
SBJV=делать-PRS.3PL	похлебка		SBJV=делать-PRS.3PL
<i>psomⁱ-á</i>	<i>ekí ke to</i>		... <i>píjen-ane</i>
хлеб-PL.NGEN	там и DEF.N.SG.NGEN		идти.IPFV-PST.3PL
<i>páli</i>	<i>apó to</i>		<i>paraθíri-∅ ...</i>
опять	от DEF.N.SG.NGEN		ОКНО-SG.NGEN

<i>ton=íx-ane</i>		<i>ja</i>	<i>kak-ó</i>	
3.M.SG.ACC=иметь.PST-PST.3PL		для	плохой-NF.SG.ACC	
<i>to</i>	<i>márt-i</i>	<i>epiḏís</i>	<i>é-kan-e</i>	
DEF.N.SG.NGEN	март-ACC	поскольку	PST-делать-PST.3SG	
<i>kak-ós</i>	<i>ker-ós</i>	...	<i>tó=^ex-um</i>	
плохой-SG.NOM	погода-SG.NOM	3.N.SG.NGEN-иметь.PRS-PRS.1PL		
<i>étsi</i>	<i>márt-is</i>	<i>yḏárt-is</i>	<i>katur-u-ḏávl-is</i>	
так	март-NOM	живодер-NOM	мочиться-ITFX-головня-NOM	
<i>tum^ban-u-kufín-is</i>			<i>alebr-o-paraḥír-is</i>	...
барабан-ITFX-корзина-NOM			мука-ITFX-окно-NOM	
<i>éx-i</i>	<i>ke ta</i>	<i>tri:a</i>	<i>ta</i>	
иметь.PRS-PRS.3SG	и	DEF.N.PL.NGEN	три-N.NGEN	DEF.N.PL.NGEN
... <i>ta</i>	<i>onóma-ta</i>	⟨...⟩		
	DEF.N.PL.NGEN	имя-PL.NGEN		

‘⟨...⟩ [Мы] говорили так: март — живодер, мочись-на-головню, за-мукóй-в-окно. Знаешь, почему [мы так] говорили о марте? Март — живодер, потому что сушат все, что возможно. Мочись-на-головню — называли — [потому что] не могли выйти [на улицу], разводили огонь в доме, и, поскольку снаружи было холодно, снег, не могли выйти и мочились на головни, ты понял? За-мукóй-в-окно..., опустошитель корзин — потому что в марте заканчивалось все... заканчивалась в марте фасоль, кукуруза... А за-мукóй-в-окно — потому что и брали из верхнего [неразб.] наружу, поскольку была плохая погода, выходили через окно и брали муку, не [неразб.], одну глиняную миску муки, чтобы приготовить похлебку [неразб.], чтобы испечь хлеб там и... снова вылезали через окно. Март не любили, потому что погода была плохая. У нас это так: март — живодер, мочись-на-головню, опустошитель корзин, за-мукóй-в-окно — у него три имени ⟨...⟩’ (29:01–30:13)

5.4. *vangelizmó*¹⁵

(4)	⟨...⟩	<i>ta</i>	<i>vangelizm-ú</i>	<i>íne</i>	<i>s^o</i>
		DEF.N.PL.NGEN	благовещение-GEN	быть.PRS.3	в
	<i>íkuf</i>	<i>pénde</i>	<i>márt-i</i>	...	<i>proí</i>
	двадцать	пять	март-ACC		DEF.N.SG.NGEN
					утро

¹⁵ Расшифровка: А. Н. Соболев.

<i>fkón-undan</i>	<i>ta</i>	<i>peđ'-á</i>	<i>ke</i>
поднимать.IPFV-IPF.3PL.PASS	DEF.N.PL.NGEN	ребенок-PL.NGEN	и
<i>é-per-ane</i>	<i>kuđún'-a</i>	...	<i>ól-a</i>
PST-брать.PFV-PST.3PL	колокольчик-PL.NGEN		весь-N.PL.NGEN
<i>ta</i>	<i>peđ'-á</i>	...	<i>ke var-ús-an</i>
DEF.N.PL.NGEN	ребенок-PL.NGEN	и	бить-IPF-PST.3PL
<i>ta</i>	<i>kuđún'-a</i>	<i>ke</i>	<i>léy-ane</i>
DEF.N.PL.NGEN	колокольчик-PL.NGEN	и	говорить.IPFV-PST.3PL
...	<i>ke</i>	<i>píjen-ane</i>	<i>jíro s-to</i>
	и	идти.IPFV-PST.3PL	вокруг
<i>spíti-∅</i>	<i>ke</i>	<i>léy-ane</i>	<i>fevy-áfte</i>
дом-SG.NGEN	и	говорить.IPFV-PST.3PL	убегать.IPFV-IMP.2PL
<i>fíđ'-a</i>	<i>fevy-áfte</i>	<i>gufter-íts-es</i>	
змея-PL.NGEN	убегать.IPFV-IMP.2PL	ящерица-DIM-PL.NGEN	
<i>írθ-an</i>	<i>ta</i>	<i>vangelizm-ú</i>	...
идти.PFV-PST.3PL	DEF.N.PL.NGEN	благовещение-GEN	
<i>na=sas=kóps-un</i>	<i>to</i>	<i>kefáli-∅</i>	
SBJV=2PL.OBL=резать.PFV-PRS.3PL	DEF.N.SG.NGEN	голова-SG.NGEN	
<i>na=to=ríks-un</i>		<i>s-to</i>	
SBJV=3.N.SG.NGEN=кидать.PFV-PRS.3PL		B-DEF.N.SG.NGEN	
<i>potámi-∅</i>	<i>na=to=fá-n^o</i>	<i>kalogér-i</i>	
река-SG.NGEN	SBJV=3.N.SG.NGEN=есть.PFV-PRS.3PL	монах-PL.NOM	
<i>ke ximón'-∅</i>	<i>ke kalokéri-∅</i>	...	<i>píjen-ane se</i>
и зима-SG.NGEN	и лето-SG.NGEN	идти.IPFV-PST.3PL	в
...	<i>s ól-ez</i>	<i>mér'-es</i>	<i>alá íx-ane</i>
	в весь-F.PL.NGEN	сторона-PL.NGEN	но иметь.PST-PST.3PL
<i>kuđún'-a</i>	⟨...⟩		
колокольчик-PL.NGEN			

‘⟨...⟩ [Праздник] Благовещения — двадцать пятого марта. Утром дети вставали и брали колокольчики. Все дети. И звенели колокольчиками и говорили... и обходили вокруг дóма, и говорили: «Убегайте, змеи, убегайте, ящерики, пришел [праздник] Благовещения. Вам отрежут голову, бросят ее в реку, чтобы ее ели монахи зимой и летом». [Они] шли по всей деревне с колокольчиками ⟨...⟩’ (30:32–31:00)

6. Наблюдения над диалектными особенностями

Собранного на данный момент материала¹⁶, конечно же, недостаточно, чтобы предпринять полное лингвистическое описание говора Дропула, которое бы соответствовало всем возможным требованиям, однако в записанных текстах наблюдается ряд интересных особенностей, которые могут стать определяющими при выборе дальнейших направлений для исследования.

6.1. Лексика

В первую очередь стоит отметить ряд лексем, не характерных для новогреческого, по крайней мере, в его стандартной форме. Эти лексемы можно предварительным образом разделить на несколько групп.

6.1.1. Заимствования:

- ⇒ *íékʲa* ‘монеты’ (см. раздел 5.2) < алб. *lek* (денежная единица Албании);
- ⇒ *bábes* ‘участники карнавала-мужчины, переодетые в женщины’; ср.: п.-слав. *baba* [Трубачев 1974: 105–108];
- ⇒ *ханџáги* ‘нож, кинжал’ < тур. *hançer*.

6.1.2. Лексика, параллели для которой обнаруживаются в говоре Янины¹⁷ (= ян.; см.: [Κοσμάς 1997])¹⁸:

- ⇒ *vakúʃa* (мн. ч.) vs. ян. *vakúfku* ‘церковный участок’ < тур. *vakıf* ‘имущество, переданное на религиозные или благотворительные цели’;
- ⇒ *burbuléʃa* (мн. ч.) vs. ян. *burbólʲa* ‘маленькие улитки’;
- ⇒ *koʃíxʲa* (мн. ч.) — обозначает каких-то проворных птиц vs. ян. *kuʃí* ‘бег’.

6.1.3. Слова и выражения, свойственные диалекту Эпира в целом:

- ⇒ *ʃkórʲa* ‘палки’ (см. раздел 5.2) vs. *skópi* в Повле (современное название — Амбелонас) и на горе Мургана [Σπύρου 2008: 455];
- ⇒ *ta spáryana tu Xristú* ‘вид рождественских оладий’.

¹⁶ Два интервью на греческом диалекте Дропула общей длительностью более ста минут.

¹⁷ Говор Янины входит в северногреческий диалект Эпира.

¹⁸ Здесь и далее лексемы из словарей и описаний приводятся в МФА.

6.1.4. *Общегреческая лексика с узкодиалектным значением:*

- ⇒ *muśúna* ‘карнавальная маска’ vs. н.-греч. *μουσουνα* ‘морда, гримаса’;
- ⇒ *aráða* ‘забор’ vs. н.-греч. *αράδα* ‘очередь’;
- ⇒ *tʃolʹá*, *tʃ[o/u]ʹádes* (также производное *tʃolʹátika*) ‘карнавальная одежда?’; ср.: общедиалектное значение — ‘белая юбка’;
- ⇒ *bistévune* [они] подают? (о рождественских оладьях), вероятно, от н.-греч. *πιστεύω* ‘верить’; ср.: ян. *bistʹ* ‘вера’.

6.1.5. *Слова, значение и происхождение которых пока не ясно:*

- ⇒ *vróngulo* — нечто, имеющее отношение к лесу;
- ⇒ *vevufúnes* — какие-то украшения;
- ⇒ *vʹo* — возможно, связана с н.-греч. *βόδι* ‘бык’.

Не совсем понятно, к какой группе следует отнести и лексему *praśárizan* / *praśarízɛn* (см. раздел 5.1), хотя к ней можно найти параллели в других диалектах. Нельзя исключать, что *praśárizan* соответствует ян. *prafʹalaú* ‘разбрасывать/гасить искры’, хотя возможно, что это просто звукоподражательное слово.

Можно полагать, что в результате составления полного диалектного словаря диалекта Дропула будет обнаружено достаточное количество как узколокальных лексем, так и лексических параллелей между данным диалектом и другими диалектами новогреческого языка.

6.2. *Фонетика*

Помимо лексики яркими дифференциальными признаками обладают фонетические особенности диалекта.

6.2.1. *Для гласных под ударением отмечается:*

- ⇒ редукция или сужение /o/ > /u/: *núna* vs. н.-греч. *vóna* ‘баба (= бабушка)’; *trúme* vs. н.-греч. *τρῶμε* ‘едим’. Тот факт, что в Дропуле отмечено сужение гласного в ударной позиции, в то время как в северногреческих диалектах сужаются только безударные гласные, представляется особенно важным, поскольку указанное явление имеет параллели в ряде несевногреческих диалектов, например, в ца-конском: *úle* ‘весь’ (Кастаница) vs. н.-греч. *όλος* [Вяткина 2015: 37];
- ⇒ мена /e/ > /o/: *óksu* ‘снаружи’ vs. н.-греч. *έξω* (см. раздел 5.3), известная многим новогреческим диалектам (ср.: [Герд, Кисилиер 2016: 14]).

6.2.2. Безударному вокализму свойственны:

⇒ редукция или сужение /o/ > /u/: *kumáti* ‘кусок’ vs. н.-греч. *κομμάτι*; *kuréles* ‘девушки’ vs. н.-греч. *κοπέλες*; *ékuve* ‘[он] резал’ vs. н.-греч. *έκοψε*, *íkuf* ‘двадцать’ (см. раздел 5.4) vs. н.-греч. *είκοσι*; *ííγυ* ‘немного’ vs. н.-греч. *λίγο*; *ólu* vs. н.-греч. *όλο* ‘всё’. Эта особенность традиционно считается одной из основных черт северногреческих диалектов [Κοντοόπουλος 2001]¹⁹. Важно отметить, что в диалекте Дропула в речи одного информанта иногда встречается одна и та же лексема как с сужением, так и без: *fútu* и *fúro* ‘плита, печь’ vs. н.-греч. *φούρνο*; *ψ̂íádes* и *ψ̂íádes*. Имеется также множество примеров, где сужения вообще не наблюдается: *monaxí* ‘одна, одинокая’ vs. н.-греч. *μοναχή*; *mávro psomi* ‘черный хлеб’ vs. н.-греч. *μαύρο ψωμί*;

⇒ отсутствие или, по крайней мере, незначительность редукции /e/ > /i/, регулярной в северногреческих диалектах;

⇒ сильная количественная редукция /i/ и /u/ вплоть до полного выпадения: *psíla* ‘высоко’ vs. н.-греч. *ψηλά*; артикль ж. р. ед. ч. в генитиве *t̂s* vs. н.-греч. *της*; *stári* ‘пшеница’ vs. н.-греч. *σιτάρι*; *monax-í=m* <одинокий-F.SG.NGEN=POSS.1SG> ‘одна [я]’ vs. н.-греч. *μοναχή μου*. В отличие от северногреческих диалектов, для которых это явление также характерно, в Дропуле оно носит факультативный характер: с одной стороны, возможны варианты (*mártis*, *mart̂i* (см. раздел 5.3), *Mart̂s*, *Mart* ‘март’; *íkuf* (см. раздел 5.4), *íkufi* и *íkufi*), а с другой стороны, во многих случаях выпадение безударного гласного вообще не происходит: *ktinotrofía* ‘скотоводство’, *sinéx̂a* ‘продолжение’²⁰.

6.2.3. Из особенностей консонантизма интересно обратить внимание на следующие:

⇒ палатализация /s/ > /ʃ/: *íkuf* (см. раздел 5.4) / *íkuf̂i* / *íkufi* vs. н.-греч. *είκοσι*; *stári* vs. н.-греч. *σιτάρι*; *brúfa* / ^m*brúfa* ‘богатые’ (см. раздел 5.1, пример (16)) vs. н.-греч. *πλούσια*; *Aksá[ʃ]sis* vs. н.-греч. *Αξιόρχης*; *enákófa* ‘девятьсот’ vs. н.-греч. *εννιακόσια*; *parakl̂ífa* ‘сельская церковь’ vs. ян. *parakkliŝi*; [*psomi*] *starífo* ‘[хлеб]

¹⁹ Строго говоря, переход /o/ > /u/ встречается не только в северногреческих диалектах, но, например, и в цаконском: *xuzízu* ‘делящий’ vs. н.-греч. *χωρίζων* (об особенностях глагольных форм в цаконском см.: [Кисилиер 2016]).

²⁰ Нельзя, впрочем, исключать, что два последних слова — новейшие заимствования из новогреческого.

пшеничный' vs греч. [ψωμί] σταρίσιο; ср.: kalambokíjŋo 'кукурузное' (ср. р., ед. ч.) vs. н.-греч. καλαμποκίσιο, katsikíjŋo / jidíjŋo 'козье' (ср. р., ед. ч.) vs. н.-греч. κατσικίσιο / γιδίσιο;

⇒ палатализация /s/ > /ʃ/: ŋungrúsane [они] били [яйца] (см. сн. 7) vs. н.-греч. σύγκρουσαν [они] сталкивались;

⇒ палатализация /k/ > /ʃ/: duféŋi 'ружье' vs. ян. dfetŋ и н.-греч. ντουφέκι; ŋómata 'призраки' vs. н.-греч. ίσκιομα²¹;

⇒ цитакизм: tse 'и' vs. н.-греч. και, однако более частотен вариант ke;

⇒ вставка /j/ в интервокальной позиции: kŋi-j-o vs. н.-греч. κρύο 'холод'; makŋi-j-á (ср.: н.-греч. μακριά 'далеко'); Tri-j-áða (ср.: н.-греч. Τριάδα 'Троица'). В лексеме klarí-j-a (ср.: н.-греч. κλαριά 'ветки') сначала происходит вокализация /j/ со сдвигом ударения на новообразованное /i/, а затем вставка /j/ во избежание образовавшегося гиа²²;

⇒ антиципация палатальности: jíné-j-k^jes 'женщины' vs. н.-греч. γυναίκες;

⇒ фрикативной артикуляции /r/, видимо, под влиянием албанского языка: sínora, tris 'три', dekémtŋi 'декабрь';

⇒ смешение сонантов /l/ и /r/: brúfa /^mbrúfa 'богатые' (ср. р., мн. ч.; см. раздел 5.1, пример (16)) vs. н.-греч. πλούσια, фиксируемая во многих диалектах новогреческого языка [Герд, Кисилиер 2016: 21];

⇒ мена /f/ > /x/: extá 'семь' vs. н.-греч. εφτά;

⇒ мена /v/ > /ð/: karðéla 'буханка' vs. н.-греч. καρβέλι.

Многие перечисленные выше фонетические особенности близки северногреческим диалектам, однако все они носят нерегулярный характер.

²¹ Результаты палатализации очевидны в лексемах ŋolá / ŋ^o /_uádes; koj íxá; kukuréŋa 'блюдо из зажаренных кишок (спрессованных или набитых в желудок)'; vevuŋines; profkínusan [они] поклонялись vs. н.-греч. προσκυνούσαν. Палатализация носит факультативный характер, поскольку возможна вариативность типа eklifá и eklisía 'церковь', и часто она вообще не происходит: katsiká 'козлята' (см. сн. 9); sínora 'граница'.

²² Ср.: pulí-j-a 'птицы', redí-j-a 'дети' в диалекте приазовских греков [Кисилиер 2012: 361].

6.3. Морфонология и морфология

6.3.1. В области морфонологии и морфологии наиболее регулярные и интересные особенности демонстрирует **глагол**:

⇒ как и в говоре Янины, в формах имперфекта часто нарушается ограничение на постановку ударения не далее третьего слога от конца [Κοσιάς 1997: 26–27]: *pijénamane* (см. раздел 5.1, пример (16)) или *pijénamete* ‘[мы] ходили’; *xórevamete* ‘[мы] танцевали’; *íxamane* ‘[мы] имели’; *ja na=profiláyundane* ‘чтобы [они] остерегались’. Интересно, что в песне, исполняемой информантом («*Mor ðeropolítisa, mor kajméni*», 33:57–34:49), правило «трех слогов» сохраняется: *epíásane* ‘захватили [турки]’;

⇒ в аористе и имперфекте регулярно добавляется аугмент независимо от количества слогов: *epéftune* ‘[они] падали’, как и во многих других новогреческих диалектах [Герд, Кисилиер 2016: 22];

⇒ основное окончание 1 л. мн. ч. в имперфекте — *-aman[e]*, как и в говоре Янины: *kóvamane* ‘[мы] резали’ (см. раздел 5.1, пример (16)); *léyamane* ‘[мы] говорили’ (см. раздел 5.3); *révamane* ‘[мы] брали’ (см. раздел 5.1, пример (1а)); *gíxnamane* ‘[мы] бросали’ (см. раздел 5.1); *íxaman*; *jortázamane* ‘[мы] праздновали’; *tróyamane* ‘[мы] ели’; *vámeman* ‘[мы] клали’. Тем не менее, иногда возможны варианты: *kánamane* и *kánamete* ‘[мы] делали’;

⇒ к глагольным формам, оканчивающимся на *-n/*, регулярно добавляется конечный *-e/*: *xtipíúsane* ‘[они] били’ (см. раздел 5.2), *ŕungrúsane* (см. сн. 7), *epéftune*, *foríóndane* ‘[они] носили’, *kánnune* ‘[они] делают’. Впрочем, и тут возможна вариативность: *ékanane* ‘[они] делали’ (см. разделы 5.2 и 5.3) vs. *ékanan* (см. раздел 5.2).

6.3.2. *Именная морфология*, по крайней мере, на первый взгляд, близка к новогреческому стандарту. Стоит остановиться лишь на двух, вероятно, несистематических особенностях:

⇒ употребление предложной атрибутивной конструкции с посессивным значением: *ápo eíá fíla* ‘листья оливкового дерева’ (см. раздел 5.1, пример (1а)). Данное явление фиксируется и в ряде других диалектов новогреческого языка, в частности, в цаконском [Кисилиер, Федченко 2013: 426–427] и в диалекте приазовских греков [Викторова 2009: 204–205];

⇒ сохранение конечного *-n/* у существительного ср.р.: [*ja*] *to pedín* ‘для ребенка’, что свойственно южным и юго-восточным диалектам [Кисилиер 2013: 86, 91].

7. Заключение и дальнейшие перспективы

В заключение следует отметить, что до тех пор, пока отсутствуют комплексные этнодиалектологические исследования, посвященные носителям новогреческого языка и его диалектов на территории как Албании, так и Греции, и пока нет лингвистического атласа новогреческого языка²³, не будет возможности окончательно разрешить все вопросы, связанные с лингво- и этногенезом населения Дропула. Тем не менее, прогресс возможен при заполнении лакун в имеющихся познаниях об отдельных греческих и албанских краинах путем создания их полных монографических описаний. Для Нижнего и Верхнего Дропула достаточным будет, как минимум, одно лингвистическое и одно антропологическое описание. Лингвистическое описание должно охватить не только все уровни языка (особенно важным представляется составление полного диалектного словаря), но и социолингвистическую и контактно-лингвистическую проблематику.

По внутрилингвистическим параметрам, греческий говор албанской краины Дропул демонстрирует сходство с говором Янины и, по-видимому, исторически принадлежит к северногреческому диалектному ареалу. Однако, как показывают собранные данные, собственно северногреческих черт в говоре Дропула не больше, чем особенностей, демонстрирующих параллели в несевногреческих диалектах. Более того, одна из основных северногреческих изоглосс — употребление аккузатива в функции падежа косвенного дополнения — по-видимому, территорию Дропула вообще не захватывает: $\widehat{ts}=le-j$ <3SG.GEN=говорить.IPFV-PRS.3SG> ‘ей говорит’ (ср.: н.-греч. *της λέει*).

Некоторые особенности (например, вокализация /j/ с последующей вставкой «нового» /j/) имеют параллели в диалекте приазовских греков. Можно заключить, что современный говор Дропула либо постепенно утрачивает свои, возможно исконные, северногреческие черты, либо, напротив, по каким-то причинам не успел развить их в полной мере.

²³ На данный момент существует лишь атлас языковых вариантов Крита [Κοντοοβλουλος 1988].

Список условных сокращений

= — показатель клитики; ? — неточно (при дешифровке диалектной записи и при подборе значения); 1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; алб. — албанский; греч. — греческий; ед. ч. — единственное число; ж. р. — женский род; л. — лицо; мн. ч. — множественное число; н.-греч. — новогреческий; *неразб.* — неразборчиво (о дешифровке); п.-слав. — праславянский; ср. р. — средний род; тур. — турецкий; ян. — янинский; ACC — аккузатив; DEF — определенная форма / показатель определенности; DIM — диминутив; EMPH — показатель эмпазы; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; INDF — неопределенная форма / показатель неопределенности; IPF — имперфект; IPFV — имперфектив; ITFX — интерфикс; м — мужской род; N — средний род; NEG — отрицание; NF — неженский род; NGEN — негенитив; NOM — номинатив; OBL — косвенный падеж; PASS — неактивный залог; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессивность (притяжательное местоимение); PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число.

Литература

- Викторова 2009 — К. В. Викторова. Именная система (Гл. 8) // М. Л. Кисилиер (отв. ред.). Язык и культура мариупольских греков. Т. 1. Лингвистическая и этнокультурная ситуация в селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. Коллективная монография. СПб.: Алетей, 2009. С. 193–205.
- Вяткина 2015 — А. О. Вяткина. Релевантные и иррелевантные признаки (к проблеме изоглосс в новогреческой диалектологии). Дипломная работа. СПбГУ, СПб., 2015.
- Герд, Кисилиер 2016 — Л. А. Герд, М. Л. Кисилиер. Акты из афонских монастырей как материалы по исторической диалектологии греческого языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII, 3, 2016. С. 13–26.
- Домосилецкая и др. 1997 — М. В. Домосилецкая, А. В. Жугра, Г. П. Клепикова. Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа. СПб.: ИЛИ РАН, 1997.
- Кисилиер 2012 — М. Л. Кисилиер. Румейский язык и новогреческие диалекты // Индоевропейское языкознание и классическая филология XVI, 2012. С. 355–368.
- Кисилиер 2013 — М. Л. Кисилиер. Новогреческая диалектология: достижения и проблемы // Вопросы языкознания 2, 2013. С. 83–98.

- Кисилиер 2016 — М. Л. Кисилиер. Аналитические формы настоящего времени и имперфекта в цаконском диалекте новогреческого языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII*, 3, 2016. С. 93–109.
- Кисилиер, Федченко 2013 — М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. Формы генитива и замещающие их конструкции в цаконском диалекте новогреческого языка // *Индоевропейское языкознание и классическая филология XVII*, 2013. С. 418–428.
- Колосова, Домосилецкая 2010 — В. Б. Колосова, М. В. Домосилецкая. Фитонимический вопросник (рукопись). СПб.: ИЛИ РАН, 2010.
- Новик 2007 — А. А. Новик. Греки // С. Л. Кравец (отв. ред.). *Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. 7. М.: Большая Российская энциклопедия*, 2007. С. 665–667.
- Новик 2009 — А. А. Новик. Балканский ислам. Коран. Обрезание. Программы для собирания антропологического и лингвистического материала (рукопись). СПб.: МАЭ РАН, 2009.
- Новик, Перехвальская 2004 — А. А. Новик, Е. В. Перехвальская. Урумы Приазовья (очерк современной ситуации) // С. И. Михальченко (отв. ред.). *Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Вып. 6. Брянск: Брянский государственный университет*, 2004. С. 290–295.
- Плотникова 1996 — А. А. Плотникова. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: ИнСлав РАН, 1996.
- Соболев 2009 — А. Н. Соболев. Балканский ислам. Календарь и праздники. Программа для собирания антропологического и лингвистического материала (рукопись). СПб.: ИЛИ РАН, 2009.
- Соболев и др. 1997 — А. Н. Соболев, И. И. Воронина, Ю. А. Лопашов, А. Ю. Русаков. Малый диалектологический атлас балканских языков. Синтаксическая программа. СПб.: ИЛИ РАН, 1997.
- Соболев, Русаков 2005 — А. Н. Соболев, А. Ю. Русаков (ред.). *Языки и диалекты малых этнических групп на Балканах: Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 11–12 июня 2004 г.)*. СПб. — München: Наука — Verlag Otto Sagner, 2005.
- Трубачев 1974 — О. Н. Трубачев (ред.). *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1 (А-^{*}besědъlivъ)*. М.: Наука, 1974.
- Buda (red.) 1985 — A. Buda (red.). *Fjalor Enciklopedik Shqiptar. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë*, 1985.
- Kisilier et al. 2013 — M. L. Kisilier, A. A. Novik, A. N. Sobolev. *Studime etnolingvistike dhe dialektologjike në terren në Dropull, Shqipëri: Materialet e ekspeditës ruse të vitit 2009* // *Albanohellenika* 5, 2013. 153–165.
- Κοντοσόπουλος 1988 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. *Γλωσσικός Άτλας της Κρήτης. Ηράκλειον: Πανεπιστημιακές Εκδόσεις Κρήτης*, 1988.

- Κοντοσόπουλος 2001 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. Διάλεκτοι και ιδιώματα της Νέας Ελληνικής. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη, 2001.
- Κοσμάς 1997 — Ν. Β. Κοσμάς. Το γλωσσικό ιδίωμα των Ιωαννίνων. Αθήνα — Γιάννινα: Δωδώνη, 1997.
- Λίτσιος 2009 — Φ. Λίτσιος. Το χρονικό της Δρόπολης. Tiranë: Neraida, 2009.
- Πολίτης 2013 — Ν. Γ. Πολίτης. Μελέται περί τοῦ βίου καὶ τῆς γλώσσης τοῦ Ἑλληνικοῦ λαοῦ. Τ. Α'. Παροιμίαι. Β'. Αθήνα: «Εκδόσεις Πελικάνος», 2013.
- Σπύρου 2008 — Α. Η. Σπύρου. Το Ελληνικό γλωσσικό ιδίωμα της περιοχῆς Δελβίνου καὶ Αγίων Σαράντα [Βιβλιοθήκη Σοφίας Ν. Σαριπόλου 109]. Αθήνα: Πανεπιστήμιο Αθηνών, 2008.

Источники

- ΑΜΑЭ 2009a — Α. Α. Νοβικ. Отчет об экспедиционных исследованиях в Албании в августе 2009 г. Принтерный вывод. 2009 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1941. 10 л.
- ΑΜΑЭ 2009b — Α. Α. Νοβικ. Традиционная культура греков, албанцев и черногорцев в Албании. Полевые записи. Ксерокопия тетради. 2009 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1940. 76 л.
- ΑΟЭ 2009 — Α. Η. Σοβολεβ, Α. Α. Νοβικ. Dropull_Angeli_Virginia.WMA. Цифровая аудиозапись интервью // Архив отдела европеистики МАЭ. Дропул 2009.

Е. А. Литвин

РГТУ — МПШУ, Москва

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ САЛЕНТИЙСКИХ ГРЕКОВ: МОТИВЫ И ОБРАЗЫ¹

Настоящая статья представляет собой обзор текстов колыбельных песен, записанных в местности под названием «Салентийская Греция» (*Grecia Salentina*), которая расположена в южной части провинции Лечче области Апулия в южной Италии². Как и следует из названия, в этой местности, охватывающей двенадцать небольших поселков³, проживает некоторое количество носителей греческого диалекта. На протяжении XX в. большая часть населения утратила знание греческого, предпочтя ему более престижный и необходимый для поиска работы итальянский. Сейчас только представители старшего поколения (1920–30-х г. р.) все еще остаются полноценными носителями **грико** (*griko*), как они сами называют свой язык.

Респонденты 1950–60-х г. р. признаются, что даже в тех семьях, где родители говорили между собой на грико, матери предпочитали разговаривать со своими детьми на местном (салентийском) диалекте итальянского языка (так называемом *salentino*), считая, что это избавит детей от проблем, связанных с переходом на другой язык во время обучения в школе. В сборниках народной поэзии и, в частности, колыбельных, тексты на грико и на салентийском диалекте часто оказываются беспорядочно перемешанными. Это, по всей видимости, можно считать косвенным признаком билингвизма

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 14–18–00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

² Название «Саленто» не относится к какой-либо конкретной административной единице, а обозначает историческую область, включающую в себя всю провинцию Лечче, часть провинций Бриндизи и Таранто. Иными словами, Салентийский полуостров — это «каблук» итальянского «сапога».

³ К рубежу XX–XXI вв. грекоязычное население резко сократилось, и сейчас известно всего восемь-девять населенных пунктов, где местные жители и/или представители администрации говорят на грико.

информантов, хотя и сложно утверждать что-либо наверняка, так как ни в одном из сборников не приводятся списки информантов и не указывается, от кого записаны приведенные тексты. В лучшем случае в них содержится информация о месте записи.

Издания, содержащие тексты колыбельных этой местности, довольно сильно различаются как количеством текстов, так и принципами и целями составления. Имеет смысл представить эти издания подробнее⁴.

1. В работе Вито Доменико Палюмбо [Palumbo 1912] в виде иллюстраций к статье опубликованы девятнадцать текстов. Важность указанной работы связана, прежде всего, с тем, что это наиболее ранняя коллекция колыбельных. В отличие от всех позднейших составителей, Вито Доменико Палюмбо записывает тексты греческим алфавитом.

2. Издание [Miccolis 1968] состоит из тридцати двух текстов на салентийском диалекте. Перевод на литературный итальянский язык отсутствует, однако имеются короткие комментарии, посвященные диалектной лексике и местным реалиям, а также есть указания места записи. Ареал сбора охватывает несколько более широкую территорию, чем традиционно включаемая в рамки Салентийской Греции (*Grecia Salentina*).

3. Сорок четыре текста издали Рокко Априле, Густаво Буратти, Герхард Рольфс и Лина Коллела [Aprile et al. 1978], из них двадцать два — на грико и двадцать два — на салентийском диалекте. Колыбельные разделены на две группы по языковому принципу. Научное издание снабжено переводом на итальянский язык и небольшими комментариями.

4. Франко Корильяно подготовил издание, составленное, в первую очередь, для родителей, желающих поддерживать в своих детях любовь к традициям [Corigliano 2010]. Оно содержит семьдесят один текст, куда входят не только колыбельные, но и различные прибаутки, песенки и игры с детьми дошкольного возраста. Колыбельные на грико и на салентийском диалекте даны вперемешку.

⁴ Коллекции колыбельных не исчерпываются перечисленными ниже изданиями. Например, в книге Джаннино Априле «Калимера и ее песни» [Aprile 1998: 157–158] приведены десять колыбельных с итальянским переводом, однако представленные здесь тексты полностью повторяют варианты предыдущих изданий.

Издание ненаучного характера, без каких-либо ссылок на источники. Все тексты приводятся с переводом на литературный итальянский.

В настоящей статье под «текстом» как единицей исчисления понимается один куплет, состоящий, как правило, из четырех (иногда также из шести или восьми) строк. Количество **разных** текстов среди рассматриваемых здесь оказывается значительно меньшим, чем суммарное количество колыбельных во всех сборниках; часть их повторяется от издания к изданию, совпадая полностью или отличаясь лишь в незначительной мере. В ситуации исполнения колыбельной разрозненные тексты могут объединяться в единое целое, образуя длинные цепочки, но каждый раз это происходит по-разному. Колыбельные песни — жанр в значительной мере импровизационный. Куплеты могут присоединяться друг к другу, не следуя строгой логике сюжета, но, скорее, методом свободных ассоциаций, или же и вовсе не будучи никак связаны друг с другом сюжетно [Palumbo 1912; Del Giudice 1990]⁵. Некоторые исследователи склонны объяснять это прагматикой данного текста и ситуацией исполнения: убаюкивающая ребенка женщина старается не нарушить монотонное звучание песни и, закончив один куплет, начинает петь то, что ей первым приходит в голову [Palumbo 1912: 3; Del Giudice 1990]. Таким образом, даже если акт реального исполнения колыбельной длится долгое время, крайне редко встречаются сюжетно связанные цепочки длиной более двух-трех куплетов, что и отражено в рассматриваемых здесь сборниках.

При этом круг тем, встречающихся в колыбельных, ограничен, и исполнительница, пусть и импровизируя, как правило, все равно выбирает одну из уже имеющихся тематических «заготовок». Можно условно разделить тексты колыбельных на два типа: **позитивные** и **негативные**. В текстах первого типа о ребенке говорится, что он самый красивый, лучше всех остальных детей. Тексты второго типа, наоборот, содержат жалобы матери на ее тяжелую жизнь, усталость, отсутствие рядом мужа. Тексты обоих типов могут как

⁵ По мнению А. Н. Мартыновой [1974: 102], на протяжении исполнения колыбельной «нет четкого разграничения отдельных произведений». Текст, ограниченный одной ситуацией исполнения, представляет собой множество микросюжетов или минимальных сюжетных единиц, «своеобразное нанизывание мотивов, связанных между собой ассоциативно или только припевом», и существует в таком виде всего однажды, в момент исполнения; ср.: [Хафизова 1998].

обладать более или менее развернутым сюжетом, так и не иметь его вовсе, нося исключительно эмоциональный характер (о соотношении в тексте колыбельной «сюжетных» и «эмоциональных» частей см.: [Астахова 1966: 74]). К числу «позитивных» сюжетов относятся, например, рассказы о том, как ребенок прекрасен, и за это его возьмут к королю / знатной даме / на него обратит внимание дева Мария и помолится за него. Среди «негативных» можно выделить угрозы ударить плачущего ребенка, если он не замолчит, истории о том, как непослушных детей хватает какой-нибудь мифологический персонаж или дикое животное, уносит прочь, убивает, съедает и т. д. Сюжеты последнего типа преподносятся либо как нарративы о других детях в прошлом, либо в виде рассказа о том, что гипотетически может случиться с данным конкретным ребенком.

Как правило, внимание исследователей колыбельных песен чаще привлекали именно «негативные» сюжеты. Именно их противопоставляли «слащавым» литературным колыбельным. Если в литературных, авторских текстах взаимоотношения матери и ребенка описаны как некая идиллическая картина, то фольклорные колыбельные представлялись исследователям отражающими реальное положение вещей (ребенок плачет, мать в депрессии, отчаянии, не может работать, муж надолго ушел и проч.; подробнее см.: [McDowell 1977: 211–212]). Другие тексты обращали на себя внимание имплицитно содержащимися в них архаическими представлениями. Особенно яркими образцами здесь оказываются, конечно, так называемые смертные колыбельные [Головин 2003: 269–272; Савчук 1993]⁶.

В проанализированных текстах такие «негативные» сюжеты присутствуют в очень незначительном количестве и лишь в виде смутных намеков. Поэтому целесообразно обратить внимание, наоборот, на «хвалебные» сюжеты, а также на то, как очерчен круг персонажей в салентийских колыбельных. Для этого имеет смысл разделить все тексты на три тематические группы. Критерием для деления служит пространство, внутри которого происходит все описываемое в анализируемом куплете.

⁶ Смертная колыбельная — колыбельная, содержащая в себе мотив пожелания смерти ребенку. Смерть и сон при этом часто выступают синонимами (см. ниже, пример (17)). Функция таких текстов вызывала множество вопросов у этнографов и фольклористов. Заслуживающими наибольшего внимания представляются функция «отведения смерти» и ее обмана [Головин 2000: 156–177].

Первая группа текстов описывает отношения «мать — ребенок»; они происходят без свидетелей и практически без действия. Содержание каждого из них можно было бы свести к одной фразе: «Мой ребенок — самый красивый»:

ГРИКО

- (1) *To, to, to*
‘ò pedì-mmu telo evò:
‘è telo tinòn addho
ca ‘o pedì-mmu manechò
- ‘То, то, то
ребенка моего люблю я,
не люблю никакого другого,
кроме лишь моего ребенка’
- [Coriglianò 2010: 79]

- (2) *Titi, titi, titi,*
ce t’èn’ òrrio iso pedi
èn’ òrrio ‘i misciamèra,
c’ene òrrio oli e mera
- ‘Тити, тити, тити,
как красив этот ребенок;
он красив в полдень
и красив весь день’
- [Coriglianò 2010: 78]

САЛЕНТИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ

- (3) *È cchiù beddha la fija mia*
de lu sule de menzadìa
- ‘Моя дочка красивее,
чем солнце в середине дня’
- [Coriglianò 2010: 81]

Вторая группа текстов помещает ребенка в социум: он не просто красив, но выделяется среди своих сверстников. Если это девушка, то ее осыпают комплиментами, красавцу-сыну предсказывается практическая выгода в виде богатой невесты и проч. В колыбельных этого типа ребенок описывается уже не как младенец, а как взрослый. Таким образом, колыбельная принимает вид благопожелания, близкого к заговору, ее магическая функция — обеспечение ребенку счастливой жизни:

ГРИКО

- (4) *Nia, nia, nia,*
oles e mane exu’ pedìa
ce a guaddhune ‘tu ‘mbrò
kundu o pedimmi en ei tinò
- ‘Ниа, ниа, ниа,
все матери имеют сыновей
и выставляют их напоказ⁷,
но такого, как мой ребенок — нет
никого’
- [Aprile et al. 1978: 90]

САЛЕНТИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ

- (5) *Nazza, nazza, nazza,
fimmèna beddha non vae
alla chiazza
se alla chiazza scia
caricata me venia*
- ‘Нацца, нацца, нацца,
красивая женщина не ходит
на площадь,
[но] если на площадь пошла бы,
вернулась бы ко мне, полная
[комплиментов]’
- [Aprile et al. 1978: 78]

Наконец, третий тип текстов описывает ситуацию, когда ребенок настолько хорош, что на него обращают внимание даже извне сообщества:

САЛЕНТИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ

- (6) *Ninazzu, ninazzu, ninazzu,
tantu beddhu ce me lu fazzu
me lu rrubanu li turchi
e me lu portane an palazzu*
- ‘Нинаццу, нинаццу, нинаццу,
с таким красивым что мне делать?
У меня его украдут турки
И у меня унесут во дворец’
- [Aprile et al. 1978: 81]

Варианты:

САЛЕНТИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ

- (7) *Me lu pijane le striare
e me lu portane sulla razzu*
- ‘У меня его возьмут ведьмы
и у меня уведут под руку’
- [Coriglianò 2010: 76]

ГРИКО

- (8) *Nèddhi, nèddhi, nèddhi
tu to piàkane sto kastèddhi
na plosi mi signùra
ti e' nu kami 'i kkamisùla...*
- ‘Недди, недди, недди,
у меня его взяли во дворец,
чтобы он спал с госпожой,
она ему сделает рубашку...’
- [Coriglianò 2010: 75]

- (9) *Tommi, tommi, tommi,
o pedimmi 'o fane e mommi
ce 'o fane olon olo
ce e tu fikan' mancu o kolo...*
- ‘Томми, томми, томми,
моего ребенка съели момми.
Они съели его всего целиком,
не оставили от него даже попки...’
- [Aprile 1998: 91]

⁷ Букв. ‘сюда вперед’.

Пример (9) может показаться странным, однако он включен сюда на основании комментария в издании Джаннино Априле [Aprile 1998], согласно которому ребенок был украден и съеден именно потому, что он очень уж хорош. Можно предположить, что, кроме заведомо мифологических персонажей, таких, как **момми**⁸, упоминающиеся в подобных текстах люди также обладают некоторыми демонологическими чертами, поскольку являются «чужими» и принадлежат к другой этнической группе или социальному классу. Как правило, это представители более высоких социальных классов, поскольку они именно снисходят до ребенка, поражаясь его красотой или сверхъестественными способностями, как в примере (10):

	ГРИКО	
(10)	<i>Ninò, ninò, ninò patèra kanònico en' no ndo, kanònico a ti regina ce bonsinuro a to Terentò na pai na predechetsi na scascetsi to purpitò</i>	‘Нино, нино, нино, батюшка-священник должен его увидеть, священник царицы, епископ из Отранто, так как он идет молиться и разбивает [силой голоса] амвон’
		[Aprile et al. 1978: 91]

Здесь речь идет о возможной карьере, которая ждет ребенка. Интересно, что в примере (10) фиксируется едва ли не единственное упоминание населенного пункта и вообще топонима в колыбельной на грико. В текстах на салентийском диалекте встречаются названия больших городов, таких как Рим и Неаполь, в контексте близком к вышеупомянутому: создающаяся в процессе исполнения колыбельной связь ребенка с людьми, обладающими высоким статусом и живущими в большом городе, должна обеспечить ему благополучие, карьеру, богатство, и счастливую жизнь. Представляется, что упоминание чинов церковной иерархии должно еще больше усиливать апотропеическую, магическую силу, заключающуюся в тексте колыбельной:

⁸ Приблизительный аналог данного персонажа, встречающийся в русских колыбельных, — **бука, бабай, мамай**, который также может забрать ребенка или взаимодействовать с ним другими способами, иногда оказываясь чуть ли не его двойником; см., например: [Туминас 2016].

САЛЕНТИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ

- (11) *Ninà, ninà, ninà*
comu a quistu non ci nd'ha
ne' squai, nè fore regnu,

e mancu a Napuli ca è città
- ‘Нина, нина, нина,
такого как этот, больше нет,
ни здесь, ни за пределами
королевства,
ни даже в Неаполе, хоть это и
город’

[Aprile et al. 1978: 79]

- (12) *Lu picinneddhu miu, quandu nasciu* ‘Мой малыш когда родился,
lu Papa a Roma la missa cantau... Папа в Риме вершил мессу...’

[Aprile et al. 1978: 72]

вариант:

- (13) *Lu picinnèddhu miu quando nasciu* ‘Мой малыш когда родился,
lu rrè de Napuli missa dunàu, король Неаполя заказал мессу,
lu Papa poi me lu benedicìu потом Папа мне его благословил
e lu picinnu a parmi me criscìu и у меня ребенок на руках вырос’

[Coriglianò 2010: 71]

Топонимы другого типа — это, напротив, названия маленьких населенных пунктов, расположенных неподалеку, в Саленто. В некоторых текстах обнаруживаются описания того, как ребенка крестили, с указанием на конкретную, известную всем церковь. Стоит отметить, что такие упоминания встречаются почти исключительно в колыбельных на салентийском диалекте. Возможно, причина в том, что грекоязычное сообщество было слишком закрытым и деревенским и до некоторых пор не интересовалось ни Римом, ни своими соседями, а в более поздние периоды переняло тексты колыбельных на варианте итальянского языка, не переводя их на грико.

Другим примером различий между колыбельными на грико и на салентийском диалекте может быть набор персоналий христианского «пантеона». В текстах на грико упоминаются только Христос и монахи:

- ГРИКО
- (14) *To to to*
dela moneko ce pàreto,
pàreto sto kumèto
na dulezzi to Kristò
- ‘То, то, то,
приди, монах, и заberi его,
заberi его в монастырь,
чтобы он служил Христу’

Итальянские же колыбельные полны упоминаний Мадонны и разнообразных святых. Это косвенно подтверждает распространенную теорию о том, что Мадонна и святые играют наибольшую роль в католической и, в частности, итальянской низовой культуре (см., например: [Carroll 1983]), и именно к ним (а не к Христу или, тем более, Богу Отцу) чаще всего обращаются с просьбами:

САЛЕНТИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ

- (15) *La Vergine Maria de cquai passau, de lu piccinnu miu me domandau...* ‘Дева Мария здесь проходила, о моем ребенке меня спросила...’

[Aprile et al. 1978: 72]

- (16) *E ninna nanna e nanna nannarèlla sta mamma toa te face monicèlla, te face monaca de Santa Chiara cu n’ possi avìre n’ura amara!* ‘Нинна нанна, нанна наннарелла, эта твоя мама тебя сделает монашкой, монашкой Святой Кьяры, чтобы ты не знала горькой поры!’

[Corigliano 2010: 73–74]

- (17) *Dormi fiju e fànnè sonnu duce comu lu fice Diu subbra ‘lla cruce. Dormi fijuzzu e fannè sonnu chianu comu lu fice Diu e San Gatànu* ‘Спи, ребенок, спи сладким сном, как это делал Бог на кресте. Спи, сыночек, спи спокойным сном, как это делали Бог и Святой Гаэтано’

[Corigliano 2010: 74]

Последняя, жутковатая по содержанию колыбельная, тем не менее, заставляет обратить внимание на то, что образ Христа на кресте казался, видимо, недостаточно впечатляющим, и к нему для усиления впечатления был прибавлен святой. Не вполне ясно, какие именно реалии стоят за этим текстом; к тому же до сих пор не удалось найти ни святого по имени Гаэтано, который был бы распят на

кресте и культ которого был бы распространен в Саленто⁹. Сама же колыбельная относится к упомянутому выше жанру «смертных».

Некоторые святые играют строго определенную функцию, отвечая за тот или иной аспект человеческого благополучия, например, святому Себастьяну молятся от болезней:

- САЛЕНТИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ
- (18) *Nanu, nanu, nanu,* 'Нану, нану, нану,
mi lu guarda San Subistianu для меня за ним посмотрит
Святой Себастьян,
ti ogne malattia от всякой болезни
mi lu scanza lu figghiu mia он его освободит, моего ребенка'
- [Miccolis 1968: 172]

Более детально изучать тексты необходимо, имея представление об итальянской народной религиозности в целом, а не только в данном регионе, поскольку какие-то верования не являются специфическими именно для этой местности и имеют более широкое распространение. Вместе с тем проанализированные в данной статье сборники колыбельных могут внести свой вклад в изучение как религиозных верований, так и магических практик, а также мифологических представлений, присутствующих на данной территории. Они, несомненно, помогут правильно поставить вопросы при общении с информантами, что, возможно, позволит получить новые сведения о данной традиции.

Литература

- Астахова 1966 — А. М. Астахова. Импровизация в русском фольклоре, ее формы и границы в разных жанрах // Русский фольклор 10 [Специфика фольклорных жанров], 1966. С. 63–78.
- Головин 2000 — В. В. Головин. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку: Åbo Akademi University Press, 2000.

⁹ Прим. ред.: Скорее всего, имеется в виду св. Каэтан (Гаэтан) Тиенский (*Gaetano dei Conti di Tiene*, 1480–1547), основатель ордена театинцев, умерший в Неаполе. Предание говорит о том, что за семь дней до смерти св. Каэтан перенес муки **мистического распятия**: «Наш Божественный Спаситель появился перед Каэтаном и, после того как позволил тому мистическим образом принять участие в своих Страстях, объявил ему, что через семь дней пошлет за ним свою святую Мать, дабы сопроводить его в Рай» [Zinelli 1888: 212]. Таким образом, колыбельная отражает, по всей видимости, религиозные представления, актуальные для юга Италии.

- Головин 2003 — В. В. Головин. Колыбельная песня и заговор // А. Н. Анфертьев (отв. ред.), Е. О. Путилова (сост.). Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In *memoriam*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 266–278.
- Мартынова 1974 — А. Н. Мартынова. Опыт классификации русских колыбельных песен // Советская Этнография 4, 1974. С. 101–115.
- Савчук 1993 — В. В. Савчук. Приговор колыбельной // Фигуры Танатоса 3. Специальный выпуск «Тема смерти в духовном опыте человечества». Материалы первой международной конференции, С.-Петербург, 2–4 ноября 1993 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 38–44.
- Туминас 2016 — Д. Туминас. К вопросу о функции смертной колыбельной песни. (<http://www.ruthenia.ru/folklore/tuminas1.htm>)
- Хафизова 1998 — Л. Р. Хафизова. Колыбельные песни: структура и семантика (на русском материале). Дипломная работа. РГГУ, М., 1998.
- Aprile 1998 — G. Aprile. Calimera e i suoi traudia. Calimera: Ghetonia, 1998.
- Aprile et al. 1978 — R. Aprile, G. Buratti, G. Rohlf, L. Collela. Grecia Salentina: problemi e documenti. I. Cavalino: Lorenzo Capone Editore, 1978.
- Carroll 1983 — M. P. Carroll. Madonnas That Maim: Popular Catholicism in Italy Since the 15th Century. Baltimore — London: The Johns Hopkins University Press, 1983.
- Coriglianò 2010 — F. Coriglianò. Tre civette sul comò. Il mondo dell'infanzia nella tradizione grika e salentina. Lecce: Zane, 2010.
- Del Giudice 1990 — L. Del Giudice. Ninnananna-nonsense? Angoscia, sogno e caduta nella ninnananna italiana // La Ricerca Folklorica 22 [Europa zingara], 1990. P. 105–114.
- McDowell 1977 — M. B. McDowell. Folk lullabies: songs of anger, love, and fear // Women's Studies 5, 2, 1977. P. 205–218.
- Miccolis 1968 — P. M. Miccolis. Folklore Salentino: ninne-nanne // Lares III–IV, 1968. P. 165–172.
- Palumbo 1912 — V. D. Palumbo. Ninne-nanne greco-salentine // Apulia III, 3–4, 1912. P. 3–11.
- Zinelli 1888 — G. M. Zinelli. The Life of St. Cajetan, Count of Tiene, Founder of the Theatines. London: Thomas Richardson — Son, 1888.

М. С. Морозова

ИЛИ РАН — СПбГУ, Санкт-Петербург

АЛБАНСКИЙ ГОВОР СЕЛА ЖОВТНЕВОГО В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 2011–2013 ГОДОВ¹

В настоящей статье представлены некоторые результаты наблюдений, сделанных в 2011–2013 гг. в с. Жовтневое Болградского р-на Одесской области. Регион, в котором расположено село — историческая область Буджак, включающая в себя южные районы современной Молдавии и юго-западную часть Одесской области Украины, — в этническом и языковом отношении представляет довольно пеструю картину. Поэтому вплоть до настоящего времени эта территория остается объектом исследований в области этнографии, этнолингвистики, лингвистики, языковых контактов.

Украинскую часть Буджака населяют украинцы, русские, болгары, гагаузы, албанцы, молдаване. Албанцы проживают в с. Жовтневом (укр. Жовтневе; до 1944 г. и с 2016 г. — Каракурт), которое было основано, как принято считать, в 1811 г. и заселено балканскими колонистами, прибывавшими в Буджак с востока Болгарии на протяжении первой половины XIX в. Некоторое количество албанских семейств, около полувека назад переселившихся из с. Жовтневого, есть в г. Вулканешты (молд. *Vulcănești*, гагауз. *Valkaneş*) в Молдавии; несколько уроженок с. Жовтневого живет в украинском г. Вилкове [Ермолин 2012: 131]). Помимо этого, албаноязычное население имеется в трех селах Приазовского р-на Запорожской области, основанных переселенцами из Каракурта в 1862–1863 гг.

Исторической родиной нынешних албанцев Украины принято считать юго-восток современной Албании. Примерно в XV–XVI вв. часть албанского населения этих районов, вместе с одной из первых волн «арнаутского»² переселенческого движения XV–XIX вв.,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, грант № 11–04–00231а «Островные и периферийные диалекты балканских языков: грамматика и лексика».

² Согласно многочисленным свидетельствам, население нынешней Болгарии, а также Южной и Северо-Восточной Македонии называло «арнаутами» не только

мигрировала на территорию Северо-Восточной Болгарии. Оттуда в начале XIX в. албанцы переселились в Буджак, поселившись вначале в опустевшей татарской деревне Чумай на берегу реки Ялпуг, а затем — в колонии Каракурт на левой стороне озера Ялпуг [Кеппен 1861: 1–2]³. Несмотря на оторванность от основного албаноязычного ареала, современные албанцы Украины сохраняют свой язык и причисляют себя к албанскому этносу. Как отмечают исследователи, занимавшиеся изучением албанских сел Украины в прошлом столетии, украинские албанцы «называли себя арнаутами, свой язык арнаушке» [Иванова 2000: 44]. В настоящее время этноним «арнаут» и соответствующий ему лингвоним утрачены, и носители албанского говора называют себя и свой идиом следующим образом: *tán-tə bótə* <POSS.1PL-PL.NOM люди> ‘наши люди’, *ga tán-tə* <из POSS.1PL-PL.NOM> ‘из наших’; *tán-tə gǎ́úxə* <POSS.1PL-PL.NOM язык> ‘наш язык’, *zalexít s’i=tán-tə / s’i=névo* <говорить.PRS.1SG как=POSS.1PL-PL.NOM / как=1PL.NOM> ‘говорю по-нашему’. Номинации, построенные по этой модели, широко распространены и встречаются у разных этнических групп. В них эксплицитно выражено осознаваемое отличие «своих» от «чужих», противопоставление своей культурно-языковой общности — другим; ср., например, самоназвание «наши» и соответствующий лингвоним «*наш јозик*» у славян-мусульман Голоборды [Новик 2013: 179] или *a yúrús-a=namú* <DEF.F.SG.NOM язык-SG.NOM=POSS.1PL> ‘наш язык’ у цаконских греков [Кисилиер 2016: 98 (сн. 9)]⁴.

албанцев, но и славян-переселенцев «из Арнаутлука», то есть из Албании и западных областей Македонии [Маринов 1960: 607]. Таким образом, албанский элемент был не единственным в «арнаутском» переселенческом движении, хотя доля его, по всей вероятности, была весьма значительной.

³ Подробнее о появлении и расселении албанцев на территории современной Украины см.: [Жугра, Шарапова 1998; Котова 1956; Новик 2011; Морозова 2013; Voronina et al. 1996].

⁴ О. Н. Трубачев [1985: 3] отмечает, что использование «нарицательной самоидентификации» («мы», «свои», «наши», «люди») у разных народов и племен, как правило, предшествует формированию этноса и появлению соответствующего этнонима. Отсутствие (эндо)этнонима у нынешних албанцев Украины, очевидно, связано с тем, что их предки покинули пределы основного албаноязычного ареала в период позднего средневековья, когда албанская государственность и этничность еще не были окончательно сформированы. Самоназвание албанцев «*shqiptar*» закрепились довольно поздно и не могло быть известно предкам нынешних албанцев

1. Языковая ситуация в полиэтничном селе Жовтневом и функционирование албанского говора

Село Жовтневое, как и сама историческая область Буджак, на территории которой оно расположено, отличается неоднородностью этнического состава и языковой ситуации. Численно преобладают албанцы, гагаузы, болгары. Основной сферой использования титульных языков указанных этнических групп была и остается бытовая коммуникация (общение внутри семьи и с односельчанами). Однако и в этой коммуникативной сфере говорящие нередко находят более удобным использование русского языка, который получил наиболее широкое распространение в регионе во второй половине XX в. как язык высокого социального престижа (язык школьного образования, трудовой деятельности, делопроизводства, религии) и язык повседневного общения с монолингвальным русскоязычным населением⁵. В последние десятилетия в жизни сельского сообщества увеличивается доминирующая роль украинского как языка образования и делопроизводства. Следует также упомянуть, что в прошлом, в период 1856–1873 гг. (Бессарабия в составе Молдавского княжества

Украины; большинство узнало о его существовании лишь в последние десятилетия из телепередач, интернета и других источников [Новик 2011]. Экзотным «арнаут», бывший в употреблении у турок-османов, был принесен албанскими переселенцами с Балкан и впоследствии утрачен в связи с частичным размыванием албанской этничности в условиях мощного языкового и культурного влияния соседних этнических групп на территории современной Украины.

⁵ Распространение русского языка через школу и церковь началось в бессарабских колониях уже во второй половине XIX в. В Каракурте, по данным на 1879 г., было «народное училище», в 1882 г. в одном из частных домов открылась школа, а в 1897 г. было открыто одноклассное училище [Дерментли 2011: 56–59]. Большинство священников этого периода происходили из числа болгар-переселенцев, но уже в начале XX в. в бессарабских колониях появились и русские священники. Богослужение велось на церковнославянском, однако некоторые тексты (к примеру, церковные поучения) читались на болгарском и русском языках. Наиболее интенсивные контакты коренных жителей Каракурта / Жовтневого с русскоязычным населением начались после Второй мировой войны. В селе открылась школа-семилетка, где, помимо местных, работали и приезжие учителя, не знавшие локальных диалектов и говорившие только по-русски [Дерментли 2011: 96]. Абсолютная доминанция русского языка в делопроизводстве, школе, СМИ, а также повышение социальной мобильности населения, связанное с обязательной службой в армии (для юношей) и возможностью получать образование в городе, способствовали лучшему овладению русским языком и его проникновению из «высоких» коммуникативных сфер в сферу повседневного общения.

и Объединенного княжества Валахии и Молдавии) и в 1918–1940, 1941–1944 гг. (Бессарабия в составе Королевства Румынии), языком высокого социального престижа в регионе был румынский. В связи с этим еще в первые десятилетия прошлого века преподавание в школе с. Жовтневого велось по-румынски учителями-румынами.

Тем не менее, полный отказ от использования «своего языка» не был и, по нашим наблюдениям, не является характерным для исследуемого полиэтнического сообщества. Практически все жители с. Жовтневого в разной степени владеют языком / языками высокого социального престижа (русский, украинский, румынский), а также одним или несколькими титульными языками основных этнических групп, проживающих в селе (албанский, гагаузский, болгарский). Как минимум один из титульных языков является родным и усваивается детьми в семье, а овладение вторым (и / или третьим) языком происходит вне семьи, в общении с односельчанами. В случае браков между представителями разных этнических групп супруги, как правило, полностью или частично усваивают языки друг друга. Усвоение второго языка после вступления в брак особенно характерно для женщин, которым еще в прошлом веке традиция предписывала, выходя замуж, покидать родительский дом и жить в семье мужа, где вся бытовая коммуникация осуществлялась на чужом для молодой невестки языке.

Комбинации языков, составляющих языковой репертуар многоязычного жителя с. Жовтневого, различны. Например, одна из информанток (1936 г. р.) свободно владеет тремя языками: албанским (родной язык, усвоенный от родителей), гагаузским (второй язык, усвоенный после замужества) и русским (язык образования, трудовой деятельности, религии). Другая информантка (1959 г. р.) говорит на русском, албанском и болгарском языках (албанский — родной язык, а болгарский усвоен в браке). Информант (1956 г. р.) свободно владеет русским, албанским и гагаузским языками. По его словам, гагаузский он знает с детства, которое началось в отцовском доме в гагаузской **махале**, а албанский выучил уже в школьные годы, когда после смерти отца они с матерью вернулись в ее семью, проживавшую в албанском квартале⁶. Одна из пожилых информан-

⁶ Об этносоциальных отношениях в селе и ранее существовавшем делении на **махалы** — кварталы, выделяемые по этническому принципу, см.: [Ермолин 2012].

ток (1924 г. р.) сообщила, что владеет пятью языками: русским (язык образования и трудовой деятельности; свободное владение), болгарским (язык, выученный в раннем детстве от родителей; неполное владение), гагаузским (язык, выученный в детстве от мачехи; информантка продолжает использовать его, например, в общении с зятем-гагаузом; свободное владение), албанским (язык, усвоенный в общении с соседями; свободное владение) и румынским (язык, выученный в школе; неполное владение).

Как показывает исследовательская практика, значимыми факторами, определяющими степень владения языком, являются **возрастная группа и принадлежность к тому или иному поколению**. Например, в румейских селах Приазовья отмечено, что разные возрастные группы румеев (дети, подростки, люди среднего возраста, старики) характеризуются собственными нормами использования «своего» языка, и языковое поведение носителя может изменяться при переходе в другую группу⁷. При этом различия в языковой компетенции разных поколений (например, самого старшего поколения 1920-х гг. р. и младшего поколения 1990-х гг. р.) в значительной степени обусловлены и тем, что у старшего поколения в свое время было больше возможностей для овладения румейским языком, чем у современных детей и подростков [Баранова, Викторова 2009: 100].

Сходную картину представляет функционирование албанского говора в с. Жовтнево, который бытует в устной форме⁸ и демонстрирует достаточно хорошую (с собственно лингвистической точки зрения) сохранность. В языковом репертуаре представителей всех поколений албаноговорящих присутствуют, как минимум, албанский и русский языки (нередко наряду с одним или несколькими другими языками). Для представителей старшего поколения (1920-х — 1930-х гг. р.) «исходным» или «первым» языком является

⁷ В ситуации языкового сдвига для представителей старшего поколения довольно типичен возврат к коммуникации на родном языке. «Одна из причин этого, видимо, лежит в своеобразно меняющемся с возрастом отношении человека к своей собственной языковой компетенции и в изменении оценки („изменении ожидания“) со стороны окружающих» [Вахтин, Головкин 2004: 130].

⁸ В 1990-е гг. в с. Жовтнево непродолжительное время издавалась культурно-просветительская газета «Релиндя» / «Rilindja», где публикуемые тексты на говоре записывались в основном кириллицей, либо — реже — стандартной албанской графикой. При необходимости что-либо написать на говоре его носители, как правило, используют русскую кириллическую графику.

албанский говор, усвоенный в раннем детстве от старших родственников. Русский язык многие из них выучили позже в школе и свободно им владеют. Пожилые албанки признаются, что все чаще используют русский в повседневном общении с родными и соседями, однако их компетенция в албанском говоре при этом существенным образом не нарушается. Напротив, наше внимание привлекли некоторые довольно регулярные «ошибки» в русской речи информанток 1920-х — 1930-х гг. р., очевидно, связанные с неполным усвоением ими русского языка и интерферирующим влиянием родного языка. Например, нарушение согласования по роду (**молодежь пошел*); использование предложно-падежных конструкций типа **пошел в Румунии*, **жила в Румунию*⁹; употребление конструкции обладания с глаголом ‘иметь’ вместо конструкции с ‘быть’, типичной для русского языка: **Имеешь ли одну свеклу?* (ср.: диал. алб. *kʲe ʃi nʲi ʃʲukundúr?* <иметь.PRS.2SG ли один / INDF свекла.SG.ACC.INDF> ‘У тебя есть [одна] свекла?’).

Для поколений 1940-х — 1950-х и 1960-х — 1970-х гг. типично свободное владение обоими языками, русским и албанским; возможно также владение в той или иной степени третьим языком, как правило, гагаузским или болгарским. В отличие от стариков, представители среднего поколения полностью (иногда с рождения) усваивают русский язык, который имеет несомненный приоритет во всех сферах коммуникации, включая бытовое общение. Албанский говор в этой ситуации оказывается функционально вторым и используется преимущественно в общении со старшими родственниками, чья компетенция в говоре оценивается окружающими как более высокая: нередко информанты средних лет не понимают или не могут припомнить «старые слова» на говоре и в таких случаях предпочитают сослаться на знания и опыт стариков. Отмечено, что для мужчин средних лет в большей степени, чем для женщин, характерно активное использование всех языков своего репертуара, включая албанский говор, в общении не только со старшими, но и со сверстниками.

⁹ Для албанского языка характерно тождество падежных форм, употребляемых в предложных конструкциях со значением направления движения и местоположения. В литературном языке в этих контекстах употребляется форма аккузатива, а в говоре албанцев Украины — локатив: *nʲi málʲ-tə* <в лес-SG.LOC.DEF> ‘в лес, -у’ [Морозова 2013: 62].

Молодое поколение (1980-е — 1990-е гг. р.) предпочитает использовать в повседневной коммуникации русский язык. Исключением является общение с бабушками и родителями, которые зачастую сознательно говорят с молодыми на албанском говоре, чтобы те, по меньшей мере, понимали албанскую речь. Степень владения говором (способность к монологической речи на говоре, словарный запас, способность к пониманию и ведению диалога и т. п.) у представителей молодого поколения различна и во многом зависит от того, говорят ли по-албански в семье и достаточно ли сильна мотивация самих молодых албанцев, их стремление не забывать «свой» язык. Некоторые молодые информантки свободно общаются на говоре не только с бабушками и родителями, но и со своими маленькими детьми: молодые матери убеждены, что дети должны знать «свой» язык и уметь на нем говорить.

Дети и подростки (2000-е — 2010-е гг. р.), как правило, демонстрируют неполную компетенцию в говоре: могут употреблять в речи отдельные слова и фразы, считать, понимают обращенные к ним повседневные реплики и просьбы. Албаноговорящие дети в с. Жовтневом склонны достаточно высоко оценивать свое пассивное знание албанского говора («я все понимаю») и давать крайне низкие оценки активному знанию. Это не исключает возможности «возврата к родному языку» при переходе в другую возрастную группу, от которой ожидается более высокая степень владения говором.

Современную языковую ситуацию в с. Жовтневом можно определить как благоприятную для албанского говора, поскольку нынешние представители младшего поколения в большинстве случаев имеют доступ не только к доминирующему языку (языки высокого социального престижа — русский, украинский), но и к говору, обладающему более низким статусом¹⁰. Языковые установки современных молодых родителей в целом положительны по отношению к албанскому говору, и они стремятся передать его своим детям. Степень

¹⁰ Под **доступом** к языку понимается возможность удовлетворения потребности в овладении языком. Уменьшение доступа к исчезающему языку происходит, когда поколение, обладающее в нем достаточно высокой компетенцией, получает относительно широкий доступ к доминирующему языку и под влиянием собственных языковых установок (положительное отношение к доминирующему языку и отрицательное отношение к «своему») способствует тому, чтобы как можно более широкий доступ к доминирующему языку получили дети [Викторова 2007: 80]. Для

овладения говором в каждом конкретном случае индивидуальна, причем в ситуации языкового сдвига в любом поколении, включая подрастающее, неизбежна неполнота компетенции у некоторой части говорящих. Тем не менее, вероятность того, что албанский говор в с. Жовтневом будет сохраняться в том или ином виде, по крайней мере, в ближайшие десятилетия, представляется достаточно высокой.

2. Говор албанцев села Жовтневого: лексика как отражение этнических и языковых контактов

Одним из последствий языкового контакта в би- или полилингвальном сообществе становится появление в языковой системе одного (или каждого) из контактирующих идиомов иноязычных элементов, в частности, интенсивное заимствование лексики. В контактологической и типологической литературе принято выделять два основных типа лексических заимствований. Наиболее значительную часть заимствованного лексикона в любом языке составляют так называемые «культурные заимствования» (англ. *cultural borrowings*), которые обозначают новые реалии и понятия, проникающие извне в культуру носителей языка-реципиента, и входят в языковую систему по принципу «слово заимствуется вместе с реалией». Другая часть заимствований — «базовая» лексика (англ. *core borrowings*), обозначающая реалии и понятия, для которых в языке-реципиенте уже имеются собственные лексические единицы [Haspelmath 2009: 46; Myers-Scotton 2002: 41]. Заимствования этого типа замещают соответствующие исконные лексемы в языке-реципиенте (англ. *replacement* в терминологии Мартина Хаспельмата), либо употребляются параллельно с исконными лексическими единицами, не вытесняя их полностью (англ. *coexistence* [Haspelmath 2009: 50]).

Пути проникновения культурных и базовых заимствований в языковую систему неодинаковы. Культурные заимствования отличаются способностью быстро интегрироваться в заимствующей их языковой системе и, как правило, массивно

албанских сел Буджака и Приазовья подобная ситуация была типична в послевоенные годы, когда поколение албаноговорящих родителей старалось обеспечить своим детям максимально полное владение доминирующим языком, чтобы им было легче получать на нем образование и делать карьеру [Бичурина 2006; Новик 2011].

возникают как в монолингвальной речи билингвов и монолингвов, которые являются носителями языка-реципиента, так и при переключении кодов в речи билингвов. Базовая лексика, в отличие от культурной, входит в язык-реципиент постепенно и только через переключение кодов [Myers-Scotton 2002: 41]. Соответственно, употребление заимствованных единиц базового словаря характерно главным образом для речи билингвов, которые регулярно используют в общении оба своих языка.

Лексическая система рассматриваемого в этой статье албанского говора обнаруживает весьма значительное количество заимствований обоих типов, имеющих разные источники и в разное время вошедших в языковую систему. Некоторые заимствованные лексемы имеют общеалбанский или общетосский характер и возникли в говоре в домиграционный период, когда предки нынешних албанцев Украины проживали на юго-востоке современной Албании — в регионе, который с давних времен представляет собой зону интенсивных контактов албаноязычного, славяноязычного, грекоязычного и романоязычного населения. Впоследствии, в период проживания албанцев в Северо-Восточной Болгарии и в Буджаке, лексическая система говора пополнилась множеством культурных и базовых заимствований болгарского, гагаузского, румынского и русского происхождения, не имеющих соответствий на территории основного албаноязычного ареала.

2.1.

Ярким примером интенсивного заимствования лексики, традиционно относимой к базовому лексикону, в говоре албанцев с. Жовтневого является система терминов родства и свойства, которая представляет собой конгломерат собственно албанских лексем и иноязычных единиц, различных по происхождению, времени вхождения в языковую систему и тематической отнесенности. Ядро данной лексико-семантической группы в исследуемом говоре составляют общеалбанские единицы, которые являются исконными для албанского языка либо представляют собой достаточно ранние заимствования (например, латинизмы)¹¹:

¹¹ Для подбора приводимых здесь и далее лексических параллелей использованы словари [БЕР 1971; 1979; 1986; 1995; 1999; 2002; 2010; Cebotari, Dron 2002;

⇒ *dʲaβ̃*, -i — ‘мальчик, сын’, мн. ч. *dʲim*, -tə ‘мальчики, сыновья, дети’; ср.: лит. алб. *djal|ë*, -i, мн. ч. *djem*, -të; родств. лат. *filius* ‘сын’, латыш. *dēls* ‘сын’ < и.-е. **dʰēi-* ‘сосать’;

⇒ *bʲir*, -i — ‘сын’; ср.: лит. алб. *bir*, -i; родств. д.-исл. *bur* ‘сын’, готск. *barn* ‘ребенок’ и *baur* ‘сын’, литов. *bernás* ‘мальчик’, латыш. *bērnš* ‘ребенок’ < и.-е. **bʰer-* ‘рожать’;

⇒ *bʲiβ̃|e*, -a — ‘дочь’; ср.: лит. алб. *bij|ë*, -a; вероятно, образовано от *bir*, -i ‘сын’;

⇒ *vla*, -u — ‘брат’; ср.: лит. алб. *vëlla*, -i; этимология неясна, вероятно от протоалб. **swe-laudā*; родств. д.-верх.-нем. *liut* ‘народ’, слав. **lʹudъ*; некоторые исследователи (например, Франц Бопп) считали, что албанская лексема восходит к и.-е. **bʰrāter-* ‘брат’ [Orel 1998: 503];

⇒ *mót|ər*, -ra — ‘сестра’; ср.: лит. алб. *mot|ër*, -ra; родств. санскр. *mātár-*, греч. *μήτηρ*, лат. *māter*, арм. *mair*, д.-ирл. *mathir*, д.-верх.-нем. *muoter*, слав. **mati* < и.-е. **māter* ‘мать’;

⇒ *ǰónɔ|ər*, -rʲi — ‘жених, зять’; ср.: лит. алб. *dhënd|ër*, -ri; родств. литов. *žéntas*, слав. **zěť*, лат. *gener* ‘зять’;

⇒ *naʲí*, -u — ‘муж’; ср.: лит. алб. *njeri*, -u ‘человек’; родств. санскр. *nár-* ‘мужчина, муж’, арм. *air* ‘мужчина, муж, человек’ *ávnj̄r* ‘мужчина, муж’, лат. *periousus* ‘стойкий, сильный’, д.-ирл. *nert* ‘мужчины (собирательное)’;

⇒ *gru*, -ja — ‘жена’; ср.: лит. алб. *grua*, -ja; родств. греч. *γρᾱῦς* ‘старуха’ < и.-е. **ǵerə-* ‘стареть’;

⇒ *vʲix|ər*, -rʲi — ‘свекор’; ср.: лит. алб. *vjeh|ërr*, -rri ‘свекор, тещь’; родств. санскр. *śvāsúra-*, лат. *socer*, греч. *έκνυρός*, слав. **svekrъ*, литов. *šėšuras*, готск. *swaihra* и т. д.;

⇒ *vʲix|ər*, -ra — ‘свекровь’; ср.: лит. алб. *vjeh|ërr*, -rra ‘свекровь, теща’, родств. санскр. *śvaśrū-*, лат. *socrus*, греч. *έκνυρά*, арм. *skesur*, слав. **svekrу*, **svekrъve* и т. д.;

⇒ *nús|e*, -a — ‘невеста, невестка’; ср.: лит. алб. *nus|e*, -ja, протоалб. **snusā* > *nusë*, санскр. *snuṣā́* ‘невеста’, д.-верх.-нем. *snur*, д.-норв. *snor*;

Çabej 1976; 1982; 1996; 2002; 2006; 2014; Orel 1998] и материалы Албанского диалектологического атласа [ADGjSh 2008]. Сбор материала производился в ходе экспедиции 2011 г. в с. Жовтневом по лексической программе МДАБЯ «Семья и семейный этикет» [Дмосилецкая и др. 1997]. Параллели, зафиксированные в албанском идиоме Приазовья, цит. по: [Руднева 2012a;b].

⇒ *ndrⁱík|ul, -la* — ‘кума’; ср.: лит. алб. *ndrikull, -a* < лат. *mātrīcula*¹².

Как и в общеалбанском, одним из способов номинации родственников в исследуемом говоре являются притяжательные местоимения: *ḡimⁱit* ‘мои’ в значении ‘родители’ (лит. алб. *njerëzit e mi* ‘родственники, родня’, дословно ‘мои люди’; ср. также кальку *ḡúdi mói* ‘мои люди, родственники, родня’ в говоре славян-мусульман Голоборды). Особенностью говора, не характерной для албанского языка в целом, является употребление в этой функции лексикализованной артиклевой формы возвратного местоимения ‘себя’ в косвенном падеже: *i vat^fwut* ‘свой, родственник’, *a vat^fwut* ‘своя, родственница’, *tə vat^fwut* ‘свои, родственники’; ср.: лит. серб.-хорв. *svoj* ‘свой, родственник’, *svôjma* ‘родня’, лит. болг. *svoj човек* ‘свой, близкий человек’.

Большинство терминов родства и вокативов, употребляемых при обращении к родственникам, в албанском говоре с. Жовтневого представляет собой славянские (в основном болгарские) и тюркские (преимущественно гагаузские) заимствования¹³:

⇒ *sənsel^l|é, -á* — ‘род’; ср.: гагауз. *senselä*, алб. *fis*;

⇒ *tát|e, -i* — ‘отец’; ср.: алб. *at|ë, -i*, диал. алб. *tat|ë, -a*, болг. *tame, татко*, рус. *тятя, тата*, диал. укр. *тато*;

¹² В приазовских материалах Е. А. Рудневой [Руднева 2012а;б] зафиксирована также албанская лексема латинского происхождения: *fəmⁱiḡ|e / fanⁱiḡ|e, -a* ‘ребенок’ (ср.: лит. алб. *fēmij|ë, -a*; связано с лат. *famīlia* ‘семья’), которая, однако, не является частотной. Данную лексему не удалось обнаружить в с. Жовтневом; когда речь идет о ребенке, чаще всего употребляются слова *d^hal^l, -i* ‘мальчик, сын’, *ḡúr|ə, -a* ‘девочка, дочь’. Некоторые архаичные лексемы полностью утрачены: например, вместо лит. алб. *njerkë* ‘мачеха’ (< лат. *noverca*) в говоре албанцев Украины употребляется описательная номинация *a dḡjta mámo* ‘вторая мать’.

¹³ Определяя период и непосредственный источник заимствования, важно понимать, что заимствованные славянские лексемы могли войти в лексическую систему говора как до «арнаутского» переселения (общеалбанские или локальные албанские славизмы), так и после него (болгаризмы, заимствованные в говор в период пребывания на территории Болгарии или в Буджаке; русизмы, украинизмы). Тюркизмы в говоре также могут относиться либо к периоду до переселения (общеалбанские или локальные албанские турцизмы, например, *baḡḡanák, -u* ‘свояк, обращение мужей сестер друг к другу’; ср.: тур. *basanak*, лит. алб. *baxhanak*, болг. *бажанак*, гагауз. *basanak*), либо ко времени более поздних контактов с гагаузским языком (заимствования из гагаузского нехарактерны для общеалбанского и свойственны только говору албанцев Украины).

⇒ *mám|o, -u* — ‘мать’; ср.: алб. *ëm|ë, -a, mëm|ë, -a* ‘мать’, рус. и болг. *мама*, болг. зват. *мамо*;

⇒ *dʲédʲ|e / déd|o, -u* — ‘дед’; ср.: алб. *gjysh, -i*, рус. *дед*, болг. *дядо*;

⇒ *mánʲ|e, -a* — ‘бабка’; ср.: алб. *gjysh|e, -ja*, гагауз. *mali, mane*¹⁴;

⇒ *báb|o, -u* — обращение к бабушке / пожилой женщине, обращение к теще; ‘знахарка, повитуха’; ср.: алб. *gjysh|e, -ja*, рус. и болг. *баба*, диал. болг. *баба* — обращение к свекрови;

⇒ *ŕîŕŕ, -i / ŕîŕŕ|o, -u* — ‘дядя по отцу’; ср.: лит. алб. *xhaxh|ë, -a, çãç|á, -i* в тоскских диалектах, сев.-вост. гег. и среднегег. *míç|ə, -a*, ю.-гег. *çáj|ə, -a*, сев.-зап. гег. *aç, -a, urç, -i* в говоре Мирдиты и др. [ADGjSh 2008: 242], болг. *чичо*, диал. болг. *чичка*, гагауз. *atıca, çıcu*;

⇒ *úŕŕ|o, -u* — ‘дядя по матери’; ср.: лит. и диал. алб. *daj|ë, -a*, болг. *(ø)uyço / (ø)uyko*, гагауз. *dayka, uçu*;

⇒ *tót|o, -u* — ‘тетка по отцу, тетка по матери’; ср.: алб. *hall|ə, -a* ‘тетка по отцу’ и *tez|e, -ja* ‘тетка по матери’, болг. *тема*, *тетка* ‘тетка’;

⇒ *bát|e, -i* — 1) ‘старший брат’; 2) форма вежливого, почтительного обращения к старшему брату; 3) ‘старший брат мужа’; 4) обращение к старшему брату мужа; 5) добавляется к имени при обращении к мужчине, старшему по возрасту, в знак почтения и уважения; ср.: диал. болг. *бата* ‘старший брат’, *бате*, *бачо* ‘обращение к старшему брату’, гагауз. *bati, batü*;

⇒ *dragʲínkou* — 1) ‘младший брат мужа или жены’; 2) обращение к младшему брату мужа или жены; ср.: болг. *драгинко* ‘деверь, младший брат мужа’, гагауз. *draginku* ‘деверь, шурин’ (в Приазовье в том же значении используется лексема *bʲifá*; ср.: гагауз. *başa* ‘младший брат мужа’);

⇒ *kák|o, -u* — 1) ‘старшая сестра’; 2) обращение к старшей сестре; 3) ‘старшая сестра мужа’; 4) обращение к старшей сестре мужа; 5) добавляется к имени при обращении к женщине, старшей по

¹⁴ В Приазовье *málʲe* — ‘бабка по отцу’, *báb|o, -u* — ‘бабка по матери’; ср.: *málʲe, mánʲi* в разных диалектах гагаузского [Шабашов 2002: 135]. Термин *málʲe / mánʲi*, представляющий собой звательную форму от болг. *майка*, был заимствован гагаузцами у болгар [Квилинкова 2016].

возрасту, в знак почтения и уважения; ср.: болг. *кака* ‘старшая сестра’¹⁵, *како* — обращение к старшей сестре или к старшей по возрасту женщине, гагауз. *kaku*;

⇒ *kaʃín|o, -u, -a* — 1) ‘младшая сестра мужа или жены’; 2) обращение к младшей сестре мужа или жены; ср.: болг. *калина* ‘почтительное название золовки, а также других родственниц мужа’ (в албанских селах Приазовья зафиксирован термин *kʃiráts|o, -a*; ср.: болг. *кераца* (диал., устар.) — 1) ‘горожанка, госпожа’; 2) ‘способ повязывания платка у молодых девушек, невесток’ (< греч. *κεράτσα*), гагауз. *kiraṭa* ‘младшая сестра мужа’);

⇒ *jenʃiftə* — 1) ‘муж сестры’; 2) ‘муж старшей сестры’; 3) ‘муж сестры отца или сестры матери’; ср.: гагауз. *enište / eništä* (в Приазовье *tatín*; ср.: болг. *тетин* ‘муж сестры матери’)¹⁶;

⇒ *búʃ|o, -u, -a* — 1) ‘жена дяди или брата’; 2) уважительное обращение к жене дяди или брата, а также к женщине, старшей по возрасту; 3) обращение к замужней женщине; ср.: алб. *kunat|ë, -a* ‘жена брата’, *teto, -ja* ‘тетя’ (обычно в детской речи), болг. *буля* ‘невестка (жена брата), свояченица’, гагауз. *bulü*;

⇒ *kajínʃ|u* — 1) ‘брат жены’; 2) обращение к брату жены; ср.: алб. *kunat, -i*, болг. *каинче / каинчо*, гагауз. *kayinçu* ‘деверь, шурин’;

⇒ *baldʃísk|ə, -a* (в Приазовье *baldʃisk|ə, -a*) — ‘сестра жены’; ср.: лит. алб. *kunat|ë, -a*, тур. *baldiz*, болг. *балдъза / балдъзка*, гагауз. *beldeza*.

Перечисленные (относительно недавние) заимствования обладают высокой степенью освоенности в говоре, наряду с более архаичными балканизмами (например: *baṣʃanák*). Проводя границу между «своим» и «чужим» в терминосистеме родства, албанцы с Жовтневого склонны чаще противопоставлять «свою» лексику русской, редко — гагаузской, почти никогда — болгарской:

¹⁵ «Болг. *кака* ‘старшая сестра’ толкуют как слово „детского лепета“, упуская из виду некоторые родственные слова» [Трубачев 2006: 71].

¹⁶ Как отмечает А. В. Шабашов [1998: 21], основываясь на данных экспедиционной поездки в с. Жовтнево, совершенной им в 1997 г., «если в прошлом муж сестры матери и муж сестры отца (в албанском говоре — прим. М. М.) обозначались термином „т’этин“, то сейчас их, как сообщают информаторы, стало „модным“ называть „йэн’ишт’э“ (гагаузский по происхождению термин)». В локальном варианте Приазовья упомянутая гагаузская лексема не зафиксирована, и это, наряду с оценками информантов А. В. Шабашова, дает основание считать ее позднейшим заимствованием, затронувшим только албанский говор с Жовтневого.

- (1) *ʃi=rúsət* дядя мамин брат а *ʃi=néwo úŋfo*
‘по-русски — дядя, мамин брат, а по-нашему — учо’
- (2) *ʃurkʃiftə ikʲinǰí ʃi=tántə braŋfét zalaítən*
‘по-турецки (то есть по-гагаузски — прим. М. М.) — икинджи, а по-нашему брачет говорят’¹⁷

Наиболее употребительные (и не всегда собственно албанские по происхождению!) термины родства становятся для албанцев с Жовтневого маркерами, знание которых демонстрирует принадлежность к албанскому этносу и «отличает» албанца от представителей других этносов региона. Например, так воспринимается болгарское по происхождению слово *báte* ‘старший брат’; ср. с албанскими селами Приазовья, где маркированной является лексема *máŋje* ‘бабка по отцу’, известная даже детям и молодым людям, которые, как правило, практически не владеют говором, и регулярно употребляемая ими в речи на русском языке вместо русского ‘бабка, бабушка’ как образец «нашего», «албанского» слова [Руднева 2012а: 356].

2.2.

В условиях продолжающегося контакта языков и культур процесс заимствования затрагивает родинную, погребальную и свадебную терминологию, которая включает в себя как элементы базового лексикона, так и обрядовую лексику в узком смысле, обозначающую конкретные атрибуты, участников, части обряда.

Так, терминология родинной обрядности албанцев Буджака и Приазовья [Дугушина 2015] включает следующие лексемы для обозначения рожавшей или только что родившей младенца женщины:

⇒ *ʃexón|ə, -a* — ‘роженица’; ср.: лит. алб. *lehon|ė, -a*, болг. *леонка, лехунка*, арум. *lihoanǎ* ‘роженица’ [БЕР 1986: 361, 379] < греч. *λεχώνα* ‘роженица’ (от *λεγώ* ‘укладывать в постель’);

⇒ *ʃe^xús|ə, -a* — ‘роженица’; ср.: болг. *лехуса, ляхуса, лауса* и др., рум. *lehusa*, тур. *loğusa* ‘роженица’ [БЕР 1986: 361, 379] < греч. *λεχούσα* и *λεχώ, -οῦς* ‘лежащая в постели, роженица’ (от *λεγώ* ‘укладывать в постель’).

¹⁷ *ikʲinǰí, braŋfét* — ‘двоюродный брат’; ср.: гагауз. *ikinci* ‘второй’, болг. *братовчед*, диал. *братучед* ‘двоюродный брат’.

Обе лексемы представлены на албанской диалектной карте: диал. алб. *lehón*|ə, -a употребляется в тоскских, южногегских говорах и среднегегских говорах на территории Албании (кроме Дибры), а диал. алб. *ʃahús*, -a встречается в большинстве северногегских говоров на территории Македонии, Косова, Черногории, в Большой Мальсии и Дукагьине [ADGjSh 2008: 204]. Учитывая принадлежность говора албанцев Украины к севернотоскским говорам албанского языка и длительную историю контактов с болгарским, следует считать лексему *ʃexónə* ‘роженица’ в этом говоре более архаичной, а лексему *ʃeˈxúsə* с тем же значением — более поздним заимствованием из болгарского языка.

В системе наименований праздников, связанных с рождением ребенка, архаичные албанские лексемы соседствуют с поздними заимствованиями из болгарского языка, появление которых было сопряжено с изменениями самой структуры соответствующего обряда:

⇒ *poganík* — ‘праздник, который устраивают на сороковой день после рождения ребенка’; ср.: диал. алб. *poganík* / *boganík* ‘обрядовый хлеб, который разламывают над головой новорожденного и едят в третью ночь после его появления на свет’, ‘праздничный ужин по этому случаю’ < греч. (ἄ)πογονίκια ‘праздник, справляемый после рождения первенца’;

⇒ *kadéf* — ‘коллективное посещение роженицы на третий и девятый дни после рождения ребенка’; ср.: диал. болг. *кадеж* / *къдеж* ‘дым’, *кадене* ‘праздник по случаю рождения ребенка’ (Добруджа). «Двухчастная» модель празднования родин заимствована албанцами с. Жовтневого у болгар [Дугушина 2015: 211–213].

В терминологии погребальной обрядности албанцев также обнаруживаются лексемы различного происхождения, используемые для обозначения основных атрибутов «албанского» похоронного обряда (подробнее см.: [Ермолин 2011]):

⇒ *ǰúŋg*|ə, -a — ‘смертный узел’; ср.: лит. алб. *xhung*|ě, -a ‘комоч, выпуклость, узел’;

⇒ *kítik*|ə, -a — ‘букетик, который кладется в гроб покойному’; ср.: болг. *kitka* ‘букет цветов, связка, пучок’;

⇒ *jólbez*|ə, -i — ‘саван’ < гагауз. *jol* ‘путь’ и *bez* ‘ткань’ (букв. ‘ткань пути’).

На тесные связи албанцев с. Жовтневого с болгарскими и гагаузами, выразившиеся, в частности, в заключении

межэтнических браков, указывает заимствование в албанский говор болгарской и в меньшей степени гагаузской свадебной терминологии:

⇒ *prófk|ə, -a* — ‘подарок, вручаемый посаженной матерью (кумой) молодой жене через некоторое время после свадьбы, когда молодая просит у кумы прощения’; ср.: диал. болг. *прошка* ‘подарок молодоженам на свадьбу’ (Варненская обл.), ‘посещение кума молодоженами через некоторое время после свадьбы, когда молодая кланяется куму и просит у него прощения; обе стороны обмениваются подарками’ (Пирдоп, Смолско) и т. д.;

⇒ *s'íd'ánk|ə, -a* — ‘посиделки’; ср.: болг. *седянка, сидянка*;

⇒ *zést̄ra* — ‘приданое невесты в виде земли’; ср.: болг. *зестра* < рум. *zestre* ‘имущество, богатство’;

⇒ *zgodan'ík, -u* — ‘жених, обрученный’ и *zgodan'íts|ə, -a* — ‘невеста, обрученная’; ср.: сев.-болг. (с)годеник, (с)годеница;

⇒ *s'ju'ett'ís* — ‘заставить невесту говорить в доме жениха’ (комплекс обрядовых действий, которые осуществляет кума невесты) < гагауз. *söletmää* ‘заставить говорить’.

2.3.

Культурные заимствования в албанском говоре с Жовтневого довольно многочисленны и хронологически неоднородны. Более ранний пласт составляют лексемы, которые могут быть охарактеризованы как общебалканские или, по крайней мере, характерные для двух и более балканских языков. Например, лексемы говора *kamár|ə, -a* — ‘окно’¹⁸ и *dolár* ‘ниша, стенной шкафчик без дверей’¹⁹ обозначают реалии, в разное время появившиеся на Балканах. Архаичные стенные шкафы в виде ниш сегодня можно увидеть лишь в традиционных домах в Албании, в то время как створчатый шкаф стал частью обстановки албанского городского дома, а затем и крестьянского жилища не ранее XVIII–XIX вв. Учитывая это обстоятельство, грецизм *kamáre* следует считать более

¹⁸ Ср.: греч. *κάμαρα* ‘комната’, *καμάρα* ‘свод, арка, паутина’, алб. *katare* ‘стенной шкаф, ниша без дверцы’, болг. *камара* — в одном из значений ‘стенной шкаф без дверей’, диал. болг. *камарче* ‘шкафчик’.

¹⁹ От тур. *dolar* ‘шкаф’; ср.: лит. алб. *dollar* и болг. *долан* ‘шкаф’, а также в другом значении: диал. алб. (среднегег.) *dotár / dałár* ‘окно’ [ADG]Sh 2008: 348] и диал. болг. *доланка* ‘окно’ на юге Болгарии [БЕР 1971: 409].

ранним заимствованием исследуемого говора, чем турцизм *doláp*, вошедший в исследуемый говор через посредство болгарского языка в постмиграционный («болгарский» или «буджакский») период.

2.4.

Наиболее поздний пласт иноязычной лексики в албанском говоре с. Жовтневого составляют многочисленные культурные заимствования из русского языка — наименования всех реалий, вошедших в жизнь албанцев Украины в советский и постсоветский период (сельскохозяйственных машин и иных механизмов, профессий, организаций). Русизмы отличаются высокой частотностью, не имеют в говоре соответствий иного происхождения и при употреблении в албанской речи получают соответствующее грамматическое оформление. Заимствованные существительные адаптируются в соответствии с одним из типов именного склонения: *láf|k|ə, -a* ‘лавка, магазин’ — *nⁱ láf|kə-t* <в магазин-SG.LOC.DEF> ‘в магазин, -e’, *mab^jilk|ə, -a* ‘мобильный телефон’ — *mab^jilkə-n a=zbór-a* <мобильный.телефон-SG.ACC.DEF 3SG.ACC=терять.AOR-AOR.1SG> ‘я потерял мобильный телефон’, *ʃilⁱiv^jízər, -i* ‘телевизор’ — *blév-a ʃilⁱiv^jízər-nə* <покупать.AOR-AOR.1SG телевизор-SG.ACC.DEF> ‘я купил телевизор’. Глаголы заимствуются в инфинитиве и употребляются в составе конструкции «спрягаемый глагол *bun* ‘делаю’ + русский инфинитив»: *ajú mu=búr-ə zvanⁱít^j* <3SG.NOM 1SG.DAT=делать.AOR-AOR.3SG звонить> ‘он мне позвонил’. При этом для албанского говора с. Жовтневого (и говора албанцев Украины в целом) нехарактерно проникновение заимствований из русского языка в сферу обрядовой терминологии, терминологию родства и базовый лексикон в целом.

3. Заключение

Албанский говор полиэтничного села Жовтневого демонстрирует достаточно хорошую сохранность и продолжает использоваться в повседневном общении наряду с титульными языками других этнических групп, проживающих в селе.

Лексическая система говора представляет собой отражение контактов его носителей с иноязычным и иноэтничным населением, происходивших вплоть до настоящего времени. Так, с появлением новых реалий и изменениями культурно-исторического фона связано употребление в говоре общеалбанских (и общевалканских)

турцизмов и грецизмов, а также специфичных для него поздних заимствований из русского языка. Главным условием появления в культурном и базовом лексиконе албанского говора заимствованных лексем из болгарского и гагаузского языков следует считать устойчивый би- или полилингвизм — владение албанским и болгарским, албанским и гагаузским, либо всеми тремя упомянутыми языками — и отсутствие необходимости в «лингва франка» для повседневного общения между представителями разных этносов, населяющих Жовтнево. Подобная ситуация, как представляется, была характерна для с. Жовтнево в XIX — начале XX вв., и большую часть болгарских и гагаузских лексем в албанском говоре следует относить именно к этому периоду.

Современная языковая ситуация в с. Жовтнево характеризуется доминанцией русского языка и сужением языкового репертуара молодого поколения жителей села: большинство владеет русским и не более чем одним титульным языком этнических групп, проживающих в селе. Собственно лингвистическим последствием этих изменений является ослабевание албанско-гагаузско-болгарского контактноязыкового взаимодействия и, соответственно, угасание процессов заимствования гагаузских и болгарских элементов в албанский говор.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; алб. — албанский; англ. — английский; арм. — армянский; арум. — арумунский; болг. — болгарский; гагауз. — гагаузский; готск. — готский; греч. — греческий; диал. — диалектная форма/лексема; д.-верх.-нем. — древневерхненемецкий; д.-ирл. — древнеирландский; д.-исл. — древнеисландский; д.-норв. — древненорвежский; зват. — звательный падеж; и.-е. — индоевропейский; лат. — латинский; латыш. — латышский; лит. — литературная форма; литов. — литовский; мн. ч. — множественное число; молд. — молдавский; протоалб. — протоалбанский; родств. — родственная лексема; рум. — румынский; рус. — русский; санскр. — санскрит; сев.-болг. — североболгарский; сев.-вост. гег. — северо-восточный гегский; сев.-зап. гег. — северо-западный гегский; серб.-хорв. — сербохорватский; слав. — славянский; среднегег. — среднегегский; тур. — турецкий; укр. — украинский; устар. — устаревшая лексема; ю.-гег. — южногегский; ACC — аккузатив; AOR — аорист; DAT — датив; DEF — определенная

форма/показатель определенности; F — женский род; INDF — неопределенная форма/показатель неопределенности; LOC — локатив; NOM — номинатив; PL — множественное число; POSS — посессивность (притяжательное местоимение); PRS — настоящее время; SG — единственное число.

Литература

- Баранова, Викторова 2009 — В. В. Баранова, К. В. Викторова. Румейский язык в Приазовье (Гл. 4) // М. Л. Кисилиер (отв. ред.). Язык и культура мариупольских греков. Т. 1. Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 гг. СПб.: Алетейя, 2009. С. 97–112.
- БЕР 1971 — В. И. Георгиев (ред.). Български етимологичен речник. Т. I. А–З. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1971.
- БЕР 1979 — В. И. Георгиев (ред.). Български етимологичен речник. Т. II. Ъ–Крепя. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1979.
- БЕР 1986 — В. И. Георгиев (ред.). Български етимологичен речник. Т. III. Крес–Минго. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1986.
- БЕР 1995 — В. И. Георгиев, И. Дуриданов (ред.). Български етимологичен речник. Т. IV. Минго–Падам. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 1995.
- БЕР 1999 — И. Дуриданов (отг. ред.). Български етимологичен речник. Т. V. Падёж–Пуска. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 1999.
- БЕР 2002 — М. Рачева, Т. А. Тодоров (ред.). Български етимологичен речник. Т. VI. Пускам–Словар. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2002.
- БЕР 2010 — Т. А. Тодоров (отг. ред.). Български етимологичен речник. Т. VII. Слово–Терьясам. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2010.
- Бичурина 2006 — Н. М. Бичурина. Этническая самоидентификация и перспективы сохранения титульного языка (на примере албанской речевой общности Приазовья). Дипломная работа. СПбГУ, СПб., 2006.
- Вахтин, Головки 2004 — Н. Б. Вахтин, Е. В. Головки. Социолингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная Академия — Европейский университет, 2004.
- Викторова 2007 — К. В. Викторова. Языковой сдвиг как социолингвистическое явление // Н. Б. Вахтин (отв. ред.). Языковые изменения в условиях языкового сдвига. Сборник статей. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 59–85.
- Дерментли 2011 — А. К. Дерментли. Албанцы на юге Бессарабии (конец XVIII в. — 90-е гг. XX в.). Львів: Укр. академія друкарства, 2011.

- Домосилецкая и др. 1997 — М. В. Домосилецкая, А. В. Жугра, Г. П. Клепикова. Малый диалектологический атлас балканских языков: Лексическая программа. СПб.: ИЛИ РАН, 1997.
- Дугушина 2015 — А. С. Дугушина. Родины в традиции албанцев Украины: этнокультурная специфика и инокультурные элементы // М. М. Макарец, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян (ред.). Балканский тезаурус: Начало [Балканские чтения 13. Тезисы и материалы]. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015. С. 209–213.
- Ермолин 2011 — Д. С. Ермолин. Цвет на границе миров: семантика цвета в похоронной обрядности албанцев Приазовья // М. М. Макарец, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян (ред.). Балканский спектр: от света к цвету [Балканские чтения 11. Тезисы и материалы]. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2011. С. 100–104.
- Ермолин 2012 — Д. С. Ермолин. Этнокультурные стереотипы потомков балканских колонистов Буджака и Приазовья (по материалам экспедиций 2012 г.) // Музей. Традиции. Этничность 2, 2012. С. 124–134.
- Жугра, Шарапова 1998 — А. В. Жугра, Л. В. Шарапова. Говор албанцев Украины // Ю. К. Кузьменко (отв. ред.). Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. С. 117–151.
- Иванова 2000 — Ю. В. Иванова. Албанские села в Приазовье. Этнографические наблюдения за пятьдесят лет // З. П. Соколова (отв. ред.). Итоги полевых исследований. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 40–53.
- Квилинкова 2016 — Е. Н. Квилинкова. Славянские термины родства в гагаузском языке. (http://serin.su/publ/kvilinkova_e_n_slavjanskije_terminy_rodstva_v_gagauzskom_jazyke/1-1-0-14)
- Кеппен 1861 — П. Кеппенъ. Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи. Составленъ подъ руководствомъ Петра Кеппена. Санктпетербургъ: Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1861.
- Кисилиер 2016 — М. Л. Кисилиер. Аналитические формы настоящего времени и имперфекта в цаконском диалекте новогреческого языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII, 3, 2016. С. 93–109.
- Котова 1956 — Н. В. Котова. Материалы по албанской диалектологии (албанские говоры Украины) // Ученые записки Института славяноведения XIII, 1956. С. 254–287.
- Маринов 1960 — В. Маринов. Миналото от с. Девня, Провадийско, с оглед на «арнаутите» в Североизточна България // В. И. Георгиев (отг. ред.). Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски. София: Българска академия на науките, 1960. С. 591–619.

- Морозова 2013 — М. С. Морозова. Говор албанцев Украины: эволюция диалектной системы в условиях языкового контакта. Дис. ... канд. филол. наук. ИЛИ РАН, СПб., 2013.
- Новик 2011 — А. А. Новик. Самосознание албанцев Украины: исторический, лингвистический и экстралингвистический контексты // Этнографическое обозрение 5, 2011. С. 75–90.
- Новик 2013 — А. А. Новик. Вопросы идентичности // А. Н. Соболев, А. А. Новик (ред.). Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. СПб. — München: Наука — Otto Sagner Verlag, 2013. С. 177–182.
- Руднева 2012a — Е. А. Руднева. Система терминов родства в албанском говоре села Георгиевка // М. В. Домосилецкая, А. В. Жугра, М. С. Морозова, А. Ю. Русаков (ред.). Современная албанистика: достижения и перспективы. Сборник статей. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 352–362.
- Руднева 2012b — Е. А. Руднева. Система терминов родства в албанском говоре украинского Приазовья // В. А. Попов (отв. ред.). Алгебра родства. Вып. 13. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 169–186.
- Трубачев 1985 — О. Н. Трубачев. Языкознание и этногенез славян. V. Самоназвание и самосознание // Вопросы языкознания 4, 1985. С. 3–17.
- Трубачев 2006 — О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2006.
- Шабашов 1998 — А. В. Шабашов. Система родства албанцев. 2. Система родства албанцев Украины // Записки исторического факультета 7, 1998. С. 20–25.
- Шабашов 2002 — А. В. Шабашов. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса: Астропринт, 2002.
- ADGjSh 2008 — J. Gjinari, B. Beci, Gj. Shkurtaj, Xh. Gosturani. Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe. V. II. Napoli — Tiranë: Università degli Studi di Napoli L'Orientale, Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale — Akademia e Shkencave e Shqipërisë, Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 2008.
- Çabej 1976 — E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes. Bleu II. A–B. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë — Shtypshkronja «Mihal Duri», 1976.
- Çabej 1982 — E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes. Bleu I. Hyrja. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë — Shtypshkronja «Mihal Duri», 1982.
- Çabej 1996 — E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes. Bleu IV. Dh–J. Përgat. për shtyp nga S. Mansaku dhe A. Omari. Tiranë: Akademia e Shkencave e Republikës së Shqipërisë, 1996.
- Çabej 2002 — E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes. Bleu VI.

- N–Rr. Përgat. për botim nga S. Mansaku, A. Omari dhe B. Çabej. Tiranë: Akademia e Shkencave e Republikës së Shqipërisë, 2002.
- Çabej 2006 — E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes. Bleu VII. S–Zh. Përgat. për botim nga S. Mansaku, A. Omari dhe B. Çabej. Tiranë: Akademia e Shkencave e Republikës së Shqipërisë — ILAR, 2006.
- Çabej 2014 — E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes. Bleu V. K–M. Përgat. për botim nga B. Çabej, A. Omari, S. Mansaku. Tiranë: Botime Çabej, 2014.
- Cebotari, Dron 2002 — P. Cebotari, I. Dron (alcăt.). Gagauzça-rusça-romınca sözlük. Гагаузско-русско-молдавский словарь. Dicționar găgăuz-rus-român. Chişinău: Pontos, 2002.
- Haspelmath 2009 — M. Haspelmath. Lexical borrowing: concepts and issues // M. Haspelmath, U. Tadmor (eds.). Loanwords in the World's Languages: a Comparative Handbook. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 35–54.
- Myers-Scotton 2002 — C. Myers-Scotton. Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Orel 1998 — V. Orel. Albanian Etymological Dictionary. Leiden — Boston — Köln: Brill, 1998.
- Voronina et al. 1996 — I. Voronina, M. Domsileckaja, L. Sharapova. E folmja e shqiptarëve të Ukrainës. Shkup: Shkupi, 1996.

*М. С. Морозова, Т. А. Архангельский, М. А. Даниэль, А. Ю. Русаков
ИЛИ РАН — СПбГУ, Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ, Москва, ИЛИ РАН —
СПбГУ, Санкт-Петербург*

АЛБАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ¹

Одним из приоритетных направлений современной прикладной лингвистики является создание языковых корпусов, представительных по отношению к языку в разные периоды его истории и во всем многообразии его жанров, стилей, а также, в идеале, территориальных и социальных вариантов. Подобный корпус представляет собой, в первую очередь, эффективный и полезный инструмент как для осуществления синхронно-сопоставительных исследований в области лексики и грамматики, так и для изучения диахронических изменений в языке, которые можно проследить по текстам различных периодов. Другая задача корпуса — предоставление справочной информации широкому кругу пользователей, в который входят уже не только лингвисты, но и все носители языка, представленного в корпусе, а также те, кто изучает этот язык как иностранный.

Для албанского языка — индоевропейского языка, на котором говорят около восьми миллионов человек — корпуса ранее не существовало. Он начал создаваться в 2011 г. совместными усилиями специалистов из Москвы и Санкт-Петербурга². Текущая версия Албанского национального корпуса (далее АНК) доступна

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ № 14-04-00581 «Корпусные исследования балканских языков».

² Московская группа ученых во главе с В. А. Плуныяном (одним из руководителей и активных участников проектов «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ) и «Восточноармянский национальный корпус» (ВАНК)) обеспечивает программно-техническую поддержку и предоставляет консультативную помощь в решении различных вопросов, связанных с созданием и расширением АНК. Группа исследователей из Санкт-Петербурга, представляющих ИЛИ РАН и СПбГУ (руководителем которой является один из авторов настоящей статьи — А. Ю. Русаков), занимается отбором текстов и расширением текстовой базы, разработкой разметки, а также созданием грамматического словарика.

онлайн: <http://web-corpora.net/AlbanianCorpus/search/>. Объем АНК составляет почти двадцать миллионов словоупотреблений (по состоянию на декабрь 2016 г.). Текстовая база включает литературные, публицистические, научные, официально-деловые, религиозные тексты. Проект запланирован как корпус «открытого» типа (в отличие, к примеру, от Британского национального корпуса), то есть подразумевает постоянное пополнение.

1. Состав АНК: пополнение и проблемы, связанные с включением в него текстов

Для наиболее полного отображения тех или иных языковых явлений необходим лингвистический корпус, который характеризуется большим объемом и представительностью ([Даниэль и др. 2009: 10; Захаров 2005; Плунгян 2005] и др.). Соответственно, одной из задач, стоящих перед создателями АНК, является не только постоянное расширение текстовой базы корпуса, но и обеспечение пропорционального представления в нем текстов различных жанров, стилей, авторов, периодов. Соотношение между текстами разных типов при этом должно быть лингвистически осмысленным или, по крайней мере, эксплицитно обоснованным. Необходимо следить, например, за тем, чтобы, помимо текстов на стандартном албанском языке, который традиционно является основным объектом исследования и используется, прежде всего, в художественной прозе, в АНК были представлены и тексты на иных вариантах языка.

1.1. Письменные тексты

Для того чтобы корпус был действительно представительным, в него должны попасть образцы по возможности всех существующих в языке типов письменного дискурса, созданные в разные исторические периоды. Вплоть до настоящего времени работа велась над составлением и расширением основного подкорпуса, который включает тексты на современном литературном албанском языке с начала 1950-х гг. по настоящее время. В дальнейшем планируется создание в рамках АНК нескольких подкорпусов, в которые войдут тексты на формах письменного языка, бытовавших до перехода к единому литературному стандарту, а также — частично — наряду с этим стандартом. Это тексты периода албанского Национального Возрождения;

тексты на южногегском и северногегском вариантах языковой нормы; созданные до начала 1950-х гг. тексты на формах письменного языка, основанных на тоскском диалекте; литературные тексты арберешей Италии. Задачей отдаленного будущего является формирование в рамках АНК подкорпуса «ранних» текстов, созданных в период до 1840-х гг. Сохранение аутентичной орфографии в этих текстах способно сделать АНК ценным инструментом для исследования албанской письменной традиции, но подразумевает весьма кропотливую работу (в том числе технического характера) и, вообще говоря, не предусмотрено в аналогичных проектах, ориентированных в первую очередь на лексико-морфологические исследования. Так, и в НКРЯ, и в ВАНК дореформенные тексты представлены в том унифицированном виде, в котором они публикуются в современных изданиях, а не в старой орфографии.

Надо сказать, что с проблемой формальной унификации текстов разработчикам АНК приходится сталкиваться уже сейчас, в ходе создания подкорпуса текстов на современном литературном албанском языке. Как правило, сканированные тексты из открытых источников, отбираемые для включения в данный подкорпус, изобилуют искажениями разного рода, имеют расхождения в отображении пунктуационных знаков и отдельных знаков албанской графики (например, ё) и содержат многочисленные недостатки распознавания. Поэтому уже на данном этапе большинству текстов перед добавлением в АНК требуется вычитка и ручная правка.

1.2. Подкорпус устной речи

Для полного и адекватного представления о процессах, которые происходят в современном албанском языке, необходимо дальнейшее расширение рамок АНК и включение в него, наряду с письменными текстами, также и образцов устной речи — различных по степени подготовленности или спонтанности, относящихся к разным сферам общения, произнесенных в разных условиях. Источником устных текстов могут быть, например, записи интервью, радио- и телевизионных передач, а также (в идеале) записи повседневных разговоров на улице, в учреждениях и в домашней обстановке. Создание данного подкорпуса является, впрочем, задачей достаточно отдаленного будущего и в настоящей статье подробно не обсуждается.

1.3. Электронная коммуникация

Еще один тип текстов, которые могут быть включены в АНК, это так называемая «электронная коммуникация» (e-mail переписка, чаты, блоги, форумы). В такого рода текстах фактически представлено «спонтанное письменное самовыражение, дающее очень своеобразный гибрид устной и письменной речи» [Плунгян 2005: 10]. Некоторые языковые явления встречаются только или преимущественно в текстах этого типа. Именно тексты албаноязычной электронной коммуникации наиболее сложны для обработки и разметки — из-за обилия разговорных дублетов, которые обычно не используются на письме и отсутствуют в словарях, высокой орфографической вариативности и т. д.

1.4. Диалектный подкорпус

Включение в АНК диалектной речи представляет собой отдельную задачу, решение которой сопряжено с рядом проблем. Во-первых, это проблема унификации текстов, собранных и записанных в разное время и разными людьми, с использованием систем записи, которые иногда достаточно сильно отличаются друг от друга. Во-вторых, лексически и морфологически ориентированная стратегия разметки, которая характеризует АНК в целом, предполагает, что в диалектном подкорпусе будут учитываться только те отличия от литературного языка, которые имеют отношение к лексике и грамматике или отражаются на морфологических характеристиках лексем и словоформ (меняют тип словоизменения, приводят к возникновению новых типов грамматической омонимии). Фонетические и фонологические особенности, существенные для всякого диалектологического исследования, практически не находят отражения в АНК. Графическая система, используемая АНК в настоящее время (стандартная албанская графика), способна отразить лишь некоторые явления, которые, несомненно, относятся к числу фонологических диалектных различий (например, отсутствие ударного *ë* в гегских диалектах). Полноценное представление в АНК всего многообразия фонетико-фонологических особенностей албанских говоров потребует внедрения в графику дополнительных знаков — к примеру, для назальных гласных и долгих гласных, которые в гегских диалектах имеют фонологический статус. При этом нужно понимать, что использование подробной системы обозначений,

отражающей все диалектные варианты реализации фонем (см., например, в [ADGjSh 2007]), в АНК вряд ли возможно. Поэтому следует определить круг наиболее показательных и частотных фонетических явлений, которые традиционно считаются существенными для диалектного варьирования албанского языка, и разработать для них обозначения с опорой на существующие системы записи.

Одной из стратегий, на которую можно ориентироваться в этом случае, является система подачи информации в диалектном корпусе НКРЯ или Хельсинкском корпусе диалектов английского языка (Helsinki Corpus of British English Dialects). Диалектные тексты записываются стандартной орфографией, при этом запись отражает специфику устной речи (редукция, паузы хезитации и другие речевые сбои):

- (1a) Образец записи диалектного текста в диалектном корпусе НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html>):

*Здесь вот у нас на... на... лично про саму себя скажу: у нас раньше всё у нас прозвище было... э... вот мамин отец рубил избу... свою свою собственный **дом** рубил. И ему... ему это место, он **дом** этот срубил, а ему всё гьт, как придут, кто задёт гьт: «Ой! У Олександра Ласточкина как бе... в избе да как у птички в этом... в гнёздышке». Вот нас всё прозвали Ласточкины*

[Люди и их прозвища (Архангельская область, 2001)]

- (1б) Образец записи диалектного текста в одном из подкорпусов Хельсинкского корпуса диалектов английского языка (<http://www.helsinki.fi/varieng/CoRD/corpora/Dialects/editing.html>):
[Q: DID YOU DO ANY DITCHES?]

Ditches as well. They used to dug out, they uset' clean all around the ditches out, by hand = spade and shovel

Другой альтернативой, предположительно, является система отображения диалектных текстов, в которой предусмотрено два уровня записи: оригинальная диалектологическая транскрипция, в которой текст был записан и, возможно, издан (такая транскрипция может быть более или менее авторской) и полностью унифицированная запись, приближенная к албанской графике либо основанная на МФА/ИРА.

Кроме того, нужно будет обратить внимание на ряд диалектных явлений, не учтенных в начальной версии грамматического

словника и связанных, в первую очередь, с высокой степенью вариативности диалектной речи. К подобным особенностям могут быть отнесены, к примеру, диалектные отклонения от стандартного словоизменительного типа, имеющие характер аналогических переносов.

- (2) Парадигма глаголов на *-s/-t* в говоре Опара: в ед. ч. обобщена форма с конечным *-t*, а во мн. ч. парадигма образуется по образцу парадигмы «первого спряжения» на *-j* (на примере глагола *këpus* ‘обрываю’:

	говор Опара ³	литературный албанский язык
1SG	<i>këput</i>	<i>këpus</i>
2SG	<i>këput</i>	<i>këput</i>
3SG	<i>këput</i>	<i>këput</i>
1PL	<i>këpujmë</i>	<i>këputim</i>
2PL	<i>këpuni</i>	<i>këpusni</i>
3PL	<i>këpujnë</i>	<i>këputin</i>

[Десницкая 1968: 315]

Лексическая вариативность в диалектных текстах также проявляет себя в большей степени, чем вариативность лексических единиц современного албанского литературного языка. В большинстве албанских диалектов она выражается в сосуществовании нескольких лексем с одним и тем же значением, часть из которых имеет соответствия в общеалбанском, а часть является сугубо диалектной.

- (3) Варианты местоимения ‘что’ в говоре Лешни (краина Скрапар):

ç ~ çë ~ çfar ~ çar ~ çfárë ~ xhë (ср.: лит. алб. *ç’, çfarë*) ‘что’

[Соболев, Юллы 2002: 24]

Отражение в АНК этих и иных отклонений от литературной нормы потребует расширения грамматического словника. Кроме того, возникает вопрос о необходимости аннотирования случаев, существенных с точки зрения анализа особенностей диалектных текстов, то есть отражения диалектной специфики в разметке с помощью новых помет⁴.

³ Здесь и далее в этой статье диалектные примеры приводятся в стандартной албанской орфографии в соответствии с источником.

⁴ Предложения о дополнительных пометах для диалектного подкорпуса НКРЯ см., например, в [Легучий 2005].

Дополнительную трудность для лексико-морфологического анализа создают случаи нестандартного употребления словоформ, характерные как для общеалбанской разговорной речи, так и для диалектных текстов. Например, нестандартное (с точки зрения нормы) употребление одной падежной формы вместо другой: формы генитива-датива личных местоимений 1 и 2 л. мн. ч. в функции номинатива (см. пример (4а)), употребление формы номинатива-аккузатива личного местоимения 1 л. мн. ч. в функции генитива-датива (5а). Подобные словоупотребления требуют специальной интерпретации и эксплицитно сформулированного описательного решения:

ДИАЛ. АЛБ.

- (4а) *nëve* *jetó-jm* *në Lëshnje*
 1PL.GEN/DAT жить-PRS.1PL в Лешня.SG.ACC.INDF
 ‘Мы живем в Лешне’ [Соболев, Юллы 2002: 80]

ЛИТ. АЛБ.

- (4б) *ne* *jeto-jmë* *në Leshnjë*
 1PL.NOM/ACC жить-PRS.1PL в Лешня.SG.ACC.INDF
 ‘Мы живем в Лешне’

ДИАЛ. АЛБ.

- (5а) *po* *ne* *do=na=jáp-ësh* *një*
 EMPH 1PL.NOM/ACC FUT=1PL=давать-SBJV.PRS.2SG INDF
moll
 яблоко.SG.ACC.INDF
 ‘Дашь нам яблоко?’ [Соболев, Юллы 2002: 81]

ЛИТ. АЛБ.

- (5б) *po* *neve* *do=të=na=jap-ësh* *një*
 EMPH 1PL.GEN/DAT FUT-SBJV=1PL=давать-SBJV.PRS.2SG INDF
mollë
 яблоко.SG.ACC.INDF
 ‘Дашь нам яблоко?’

Наконец, лемматизация, принятая в основном корпусе, не всегда приемлема для диалектного подкорпуса. В таких случаях необходимо постулировать существование специальной (диалектной) исходной формы и лемматизировать диалектные

словоформы именно по ней. Например, для большинства тоскских (стандартных) и гегских (диалектных) причастий исходной является форма 1 л. настоящего времени «стандартного» глагола, поскольку в этом случае нет оснований считать, что в диалекте существует нелитературная лексема; скорее нужно говорить об отличном от литературного грамматическом показателе: *shko-j* <идти-PRS.1SG> ‘иду’ → лит. алб. (тоск.) *shkua-r* <идти-PTCP> ‘шедший’; диал. алб. (гег.) *shkue / shkui* <идти.PTCP> ‘шедший’. Однако причастия от глаголов на *-uaj / -uej*, по всей видимости, должны составлять исключение из этого «правила» и лемматизироваться в грамматическом словнике по литературной и диалектной леммам соответственно: лит. алб. (тоск.) *shkrua-j* <писать-PRS.1SG> ‘пишу’ → *shkrua-r* <писать-PTCP> ‘написанный’; диал. алб. (гег.) *shkrue-j* <писать-PRS.1SG> ‘пишу’ → *shkrue / shkru* <писать.PTCP> ‘написанный’.

Для представления в АНК вариативных форм существительных, например, *uji* (лит. алб., амбиген.) / *ujtë* (диал. алб., устар., ср. р.) / *ujti* (диал. алб., м. р.) <вода.SG.NOM.DEF> ‘вода’ [Buchholz, Fiedler 1987: 210; ADGjSh 2007: 209] также следует производить лемматизацию и по литературной, и по диалектной лексеме: *ujë* (лит. алб., амбиген.; диал. алб., устар., ср. р.) / *ujtë* (диал. алб., м. р.) ‘вода’.

Этот способ лемматизации, безусловно, имеет свои недостатки. Как правило, видя диалектную словоформу, можно только предполагать, как выглядит ее исходная форма и совпадает ли она с исходной формой в литературном языке. При этом вариативность в диалектах настолько высока, что словоформы, которые относятся к разным исходным формам (леммам) одной и той же лексемы, могут встретиться даже в пределах одного текста. Это характерно, к тому же, и для современной письменной речи, в особенности для языка газет и литературных произведений современных македонских и косовских албаноязычных авторов: наряду со стандартными, в тексте могут употребляться и диалектные словоформы, что в одних случаях является писательским приемом (диалектная речь персонажей) или, к примеру, способом цитирования респондентов газетного интервью, а в других, вероятно, отражает недостаточное владение литературной нормой. В такой ситуации, чтобы пользователь мог найти все интересующие его словоформы (например, все причастия, независимо от того, являются

ли они литературными или диалектными) посредством одного поискового запроса, при составлении грамматического словника АНК у диалектной леммы дается «лексическая ссылка», равная стандартизованному варианту (например: диалектная лемма *shkruej* ‘пишу’ снабжается «лексической ссылкой» *shkrualj*). Тогда среди результатов поиска по литературной лемме будут также все диалектные словоформы, исходная форма которых снабжена «лексической ссылкой».

2. Разметка в АНК

Главной особенностью любого языкового корпуса, которая отличает его от электронных библиотек и других собраний текстов в электронной форме, является его научный аппарат — **разметка** или **аннотация**. Система аннотации больших корпусов обычно включает в себя как минимум **лексико-морфологическую разметку**, которая дает пользователю возможность искать любые слова или сочетания слов по определенным морфологическим параметрам (то есть в определенной грамматической форме), а также **метатекстовую разметку**, то есть классификатор текстов по ряду метапризнаков, с учетом которых пользователь может при необходимости выбрать нужное ему подмножество текстов — пользовательский подкорпус — и осуществлять в нем дальнейший поиск.

Многие современные корпуса содержат элементы семантической и синтаксической разметки, а также некоторые другие типы лингвистической и экстралингвистической разметки (см., например: НКРЯ, ХАНКО⁵, КГТ⁶), однако для АНК эта работа является пока отдаленной перспективой. АНК содержит два основных уровня разметки: метатекстовая и лексико-морфологическая⁷. Параметры метаразметки доступны пользователю в окне «Подкорпус». Инвентарь лексико-морфологических помет расшифровывается в виде

⁵ ХАНКО — Хельсинкский аннотированный корпус русского языка, работа над которым ведется на отделении славянских и балтийских языков и литератур Хельсинкского университета.

⁶ КГТ (Корпус газетных текстов) — «Компьютерный корпус газетных текстов русского языка конца XX века», создававшийся в 2000–2002 гг. в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ.

⁷ Кроме того, тексты АНК снабжены вспомогательной разметкой (пунктуация, учет регистра), параметры которой доступны для выбора в диалоговом окне «Дополнительно» и могут быть учтены при формировании поискового запроса.

грамматических терминов в окне «Грамматика и части речи» и может быть использован для формирования поисковых запросов по грамматическим признакам. Поиск можно осуществлять по словоформе, лемме и переводу, а также по последовательности словоформ (или, точнее говоря, по одновременному вхождению в текст). В последнем случае необходимо ввести каждую из искомых словоформ в отдельной поисковой строке и задать расстояние между ними в словах. Контекст выдачи равен одному предложению, но может быть расширен до семи предложений (по три предложения слева и справа от того, в котором встретилась искомая словоформа) по запросу пользователя.

2.1. Метаразметка АНК

Метаописания документов в текущей версии АНК следуют образцу ВАНК и содержат информацию следующего характера:

- 1) автор;
- 2) название текста;
- 3) время создания текста (здесь можно задать год, либо временной период создания произведения — если оно создавалось в течение многих лет или если точный год его создания неизвестен);
- 4) сфера функционирования текста (художественная литература, нехудожественная литература, устная речь) с детализацией по жанру (для художественной литературы — рассказ, роман, пьеса; для нехудожественной — мемуары, эссе и т. п.).

На данном этапе система, существующая в АНК, на наш взгляд, достаточна для его использования, однако с расширением АНК и, соответственно, увеличением многообразия текстов разных жанров, периодов и тематик, вероятно, потребуются и дальнейшая детализация системы метаразметки. Некоторые изменения и дополнения могут быть внесены, к примеру, с опорой на метаразметку НКРЯ, которая, по-видимому, является одной из самых детальных в мировой практике (подробнее см.: [Савчук 2005]).

2.2. Морфологическая разметка АНК. Принципы обработки текстов

Разметка АНК включает в себя набор лексических и морфологических помет (тегов), приписываемых словоформам в результате обработки текстов АНК программой-лемматизатором (морфологическим парсером), а также английские переводные

эквиваленты. На странице с результатами поиска информация о каждой словоформе отображается во всплывающей подсказке⁸:

- (6) Информация о словоформе *djalin* ‘мальчика (ед. ч., аккузатив)’ в АНК:
- а) лемма (исходная форма слова): *djalë*;
 - б) словоклассифицирующие характеристики, то есть множество грамматических признаков данной лексемы: NOUN (часть речи — существительное), m (род существительного), anim (одушевленность); словоизменительные характеристики, то есть множество грамматических признаков словоформы (число, падеж, определенность существительного): sg, acc, def;
 - в) перевод: *boy*.

Так же, как и в ВАНК⁹, в основе метаязыка грамматических помет АНК находится система тегов, в целом соответствующих списку, предложенному в Лейпцигских правилах глоссирования¹⁰.

Единообразное представление информации в АНК обеспечивается **морфологическим стандартом**. Разработчики стандарта для АНК исходили из принципов, сформулированных в [Ляшевская и др. 2005]. Стандарт определяет инвентарь морфологических признаков, состав парадигмы лексемы, ее исходная форма, а также представления о грамматической норме и ее отображении в АНК. Например, стандартом для НКРЯ является «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка [1977]. Морфологический стандарт АНК основывается на «Грамматике албанского языка» Оды Бухольц и Вильфрида Фидлера [Buchholz, Fiedler 1987].

Для автоматической разметки текстов АНК используется морфологический анализатор UniParser [Архангельский 2012]. С помощью парсера всем словоформам в тексте приписывается информация об исходной форме (лемме) и о совокупности

⁸ Для одновременного вывода информации обо всех словоформах в выдаваемом контексте на экран следует выбрать параметр «глоссированный формат выдачи» в диалоговом окне «Настройки выдачи».

⁹ Подробнее о разметке, грамматическом словаре и морфологической модели ВАНК см.: [Даниэль и др. 2009].

¹⁰ Leipzig Glossing Rules. Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses (<http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>). Правила, разработанные Бернардом Комри, Мартином Хаспельматом и Бальтазаром Бикелем, представляют собой набор сокращений для наиболее распространенных грамматических категорий и имеют статус международного типологического стандарта.

грамматических признаков — при условии, что программа обнаруживает вход, соответствующий словоформе, в грамматическом словнике АНК. **Пословный принцип разметки** подразумевает, что при определении набора грамматических характеристик словоформы парсер не использует синтаксический контекст.

Для того чтобы все словоупотребления АНК идентифицировались парсером как словоформы тех или иных лексем, каждому входу словника приписывается помета, указывающая на определенный словоизменительный тип (неизменяемым частям речи приписывается, соответственно, признак неизменяемости). Классификация словоизменительных типов для АНК опирается на существующие грамматики албанского языка, прежде всего, на [Buchholz, Fiedler 1987]. Создание «понятной» парсеру формальной модели албанской морфологии в конечном итоге позволяет постепенно минимизировать процент словоформ, которые не анализируются программой (*parsing error rate*). При этом в любой момент времени в корпусе остается некоторое количество неразобранных словоупотреблений. Насколько можно судить по опыту существующих языковых корпусов, сюда относятся в первую очередь: недавние заимствования, неологизмы, словоизменительные варианты, некоторые аббревиатуры, имена собственные и узкоспециальные термины, искаженные написания и написания с использованием иных стандартов графики. Кроме того, не анализируются (или анализируются неправильно) словоформы, которые содержат искажения, возникшие при распознавании отсканированного текста, либо ошибки и опечатки, допущенные в исходных изданиях и т. п. Фрагменты текста, которые не являются собственно албанскими словоформами (например, иноязычные вставки), считаются в АНК неанализируемыми цепочками символов.

Сокращение доли словоупотреблений, не получающих морфологического разбора, будет достигаться в ходе пополнения и доработки грамматического словника АНК, который создается на основе существующих словарей албанского языка. Впоследствии грамматический словник может быть дополнен аббревиатурами, именами собственными, продуктивными компонентами сложных слов, а также некоторыми лексемами, которые отсутствуют в указанных выше источниках, но часто встречаются в корпусе — например, распространенными неологизмами.

В случае грамматической (морфологической) и лексической омонимии парсер отождествляет словоформу с несколькими грамматическими значениями (наборами грамматических признаков) и/или с несколькими леммами, приписывая ей все возможные разборы: *dhe* 'и' / *dhe* <земля.SG.NOM.INDF> 'земля' / *dhe* <земля.SG.ACC.INDF> 'землю' / *dhe* <давать.PST.2SG> '[ты] дал(а)'. В корпусе с неснятой омонимией подобные разборы имеют статус гипотетических и не являются ошибочными. Работу по (полу)автоматическому разрешению грамматической омонимии в АНК предполагается начать в ближайшем будущем. В качестве исходных данных для работы модуля, снимающего омонимию, планируется использовать небольшой корпус текстов (объемом триста тысяч словоупотреблений), обработанный программой морфологического разбора и размеченный вручную с помощью программы-дизамбигуатора. Как представляется, в результате «обучения» модуля станет возможным автоматическое снятие омонимии с высокой точностью, что позволяет в ряде случаев устранить неверные варианты морфологического разбора, но, вероятно, полностью не исключает ручной постобработки.

При этом в контекстах, где однозначное определение набора грамматических характеристик словоформы затруднено, должны сохраняться два альтернативных разбора, поскольку точка зрения пользователя АНК может отличаться от мнения разработчиков.

3. Обзор лексико-грамматических помет в АНК

Устройство разметки АНК в целом соответствует традиции описания грамматики албанского языка, но не лишено некоторых отступлений от нее, допущенных разработчиками из соображений практического удобства (в том числе исходя из особенностей технического представления грамматической информации) и на основе ряда теоретических предпосылок. Есть вероятность, что некоторые из этих нововведений могут быть непонятны пользователю, привыкшему к определенной грамматической традиции. В связи с этим одной из задач, которые предстоит решить создателям, является составление эксплицированного описания разметки, облегчающего пользователю работу с корпусом, — как предписывает базовый постулат аннотирования, сформулированный одним из создателей Британского национального корпуса (British National Corpus) Джоффри Личем: «Схема анализа,

предусмотренная в системе аннотирования — „схема аннотаций“ — должна основываться на принципах и положениях, доступных для понимания конечному пользователю»¹¹.

В текущей версии АНК лексико-грамматические признаки расшифрованы в виде общепринятых лингвистических терминов в диалоговом окне «Грамматика и части речи» и сгруппированы по категориям следующим образом:

- 1) часть речи: существительное, прилагательное, числительное, глагол, наречие, местоимение, местоименная клитика, предлог, союз, частица, глагольная формообразующая частица, препозитивный артикль, междометие;
- 2) род: мужской, женский, средний; амбивалентное существительное;
- 3) одушевленность: одушевленное / неодушевленное существительное;
- 4) число: единственное, множественное;
- 5) падеж: номинатив, генитив / датив, аккузатив, аблатив, аблатив II, локатив, безпризнаковый падеж;
- 6) определенность: определенная / неопределенная форма;
- 7) контактность (для артикля): контактная / дистантная позиция;
- 8) залог: активный / неактивный¹²;
- 9) нефинитные формы глагола: причастие;
- 10) наклонение: индикатив, императив, конъюнктив, адмиратив, оптатив;
- 11) время: аорист, имперфект, настоящее время;
- 12) лицо: первое, второе, третье.

3.1. Частеречные пометы в АНК

С одной стороны, при определении списка частеречных помет принимался во внимание пословный принцип разметки, который является основополагающим в АНК. К примеру, деление прилагательных на артиклевые и безартиклевые [Buchholz, Fiedler 1987: 316]

¹¹ «The scheme of analysis presupposed by the annotations — the annotation scheme — should be based on principles or guidelines accessible to the end-user» (*перевод М. С. Морозовой*) [Leech 1993: 275].

¹² Термин ‘неактивный залог’ (нем. Nichtaktiv) введен разработчиками АНК вслед за [Buchholz, Fiedler 1987].

было признано нецелесообразным для АНК, поскольку морфологический парсер при разборе не учитывает контекст словоупотребления. С другой стороны, в ряде случаев разработчики пошли по пути более детального представления отдельных категорий¹³. Так, трактовка местоимений подразумевает детализацию их представления в АНК с учетом наличия / отсутствия у них особой синтаксической функции (отдельной «частью речи» является местоименная клитика). Подобный подход ориентирован, прежде всего, на исследователей, интересующихся вопросами синтаксиса и морфологии, и обеспечивает возможность формулирования удобных поисковых запросов и получения подборки примеров с минимальным «шумом».

Теоретически разграничение по признаку «часть речи» должно проводиться лишь в наиболее очевидных, существенных и морфологических бесспорных случаях. В то же время существует большой класс неизменяемых слов, который трактуется словарями как лексически омонимичный (или, точнее, синтаксически полифункциональный): «частица / союз», «частица / наречие» и т. п. Например, *si* в албанском языке может выступать в функции наречия:

(7) *Si je-ni me shëndet*
как быть-PRS.2PL с здоровье.SG.ACC.INDF
‘Как ваше здоровье?’

союза:

(8) *Ish-te bë-rë si i çmendu-r*
быть.1PF-IPF.3SG делать-PTCP как DEF.M.SG.NOM сходить.с.ума-PTCP
nga gëzim-i
от радость-SG.NOM.DEF
‘Сделался словно сумасшедший от радости’

¹³ В соответствии с одним из принципов создания морфологического стандарта для языкового корпуса, «не важно, как назвать некоторое грамматическое явление, важно, чтобы оно могло быть сформулировано в виде запроса к Корпусу» [Ляшевская и др. 2005: 118]. Поэтому при разработке решений, касающихся спорных вопросов грамматики, выбор часто делается в пользу более дробного представления грамматической категории. При этом важно понимать, что детализация и того или иного грамматического значения в АНК может обладать значительной степенью субъективности. Следовательно, есть вероятность, что другой специалист может не согласиться с трактовкой грамматического значения словоформы, предлагаемой в АНК [Ляшевская и др. 2005: 112].

усложняющим языковую реальность из-за разнообразия типов образования этой падежной формы от разных основ. Представляется, что соответствующие формы следует размечать вручную в процессе снятия омонимии, принимая во внимание их низкую частотность и ограниченность сферы употребления локатива диалектными текстами.

3.3. Трактовка аналитических форм в АНК

В соответствии с пословным принципом разметки составные элементы аналитических временных форм и конструкций, широко распространенных в глагольной системе современного албанского языка, а также составные части сложных союзов и элементы сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий анализируются парсером как морфосинтаксически автономные единицы. Предложения с аналитическими конструкциями не могут быть найдены простым грамматическим запросом. Тем не менее, косвенные способы найти такие контексты существуют. Например, запрос на поиск причастий, непосредственно следующих за глаголом *kam* 'иметь' в форме настоящего времени индикатива, даст высокий процент аналитических глагольных форм перфекта актива (*kam punuar, kam shkruar* и т. п.).

К основным недостаткам подобного решения относится расхождение с традицией грамматического описания албанского языка, на которую ориентировано большинство потенциальных пользователей¹⁴, и наличие «шума» при поиске. Например, если пользователь ищет формы 2 и 3 л. ед. ч. полнозначного глагола *dua* 'хотеть' (пример (13а)), он не имеет возможности отсеять аналитические формы будущего времени (13б):

(13а) **do** *një mollë?*
хотеть.PRS.2SG INDF яблоко.SG.ACC.INDF
'Хочешь яблоко?'

(13б) **do=të=shkrua-sh**
FUT=SBJV=писать-SBJV.PRS.2SG
'напишешь'

¹⁴ В разметке текущей версии АНК в списке временных форм не представлены перфект, плюсквамперфект, будущее время; в список наклонений не включен кондиционал и т. д.

Кроме того, между компонентами аналитической формы (например, служебным элементом и глаголом в конъюнктиве) могут употребляться другие словоформы (см. пример (14a)). При формулировании сложных запросов на поиск таких форм (с указанием расстояния между компонентами аналитической формы в словах) всегда есть вероятность получить на выдаче «шум» в виде последовательностей единиц, омонимичных компонентам аналитической формы (14б).

(14a) *ata* *dua-n*
 3PL.M.NOM хотеть-PRS.3PL
të=na=e=tho-në
 SBJV=1PL.GEN / DAT=3SG.ACC=говорить-PRS.3PL
 ‘Они хотят нам это сказать’

(14б) *të* *afërm-it* *më=tho-në* *që*
 PL.DEF близкий-PL.NOM.DEF 1SG.GEN / DAT=говорить-PRS.3PL что
unë *gërhas* *shumë*
 1SG.NOM храпеть.PRS.1SG много
 ‘Близкие мне говорят, что я сильно храплю’

Проблема заключается в том, что ручное выделение такого рода аналитических единиц на корпусе большого объема невозможно, а автоматическое столкнется примерно с теми же проблемами (и тем же «шумом»), с которыми сталкивается пользователь, использующий для поиска аналитической морфологии контекстные запросы. Стоит отметить, что аналитические глагольные формы не размечаются ни в ВАНК (корпусе языка с огромным преобладанием аналитических форм спряжения), ни в НКРЯ (русские формы аналитического будущего времени).

4. Заключение

Ближайшими задачами развития АНК является наращивание объема корпуса, обеспечение его жанрового разнообразия, пополнение грамматического словника, разрешение грамматической и лексической омонимии. Итоговый продукт — Национальный корпус, полезность которого неоспорима, — будет обращен ко всем, кто интересуется вопросами структуры, функционирования и истории албанского языка или изучает его в качестве иностранного.

Список условных сокращений

= — показатель клитики; ~ — показатель вариативности; 1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; алб. — албанский; амбиген. — амбигенное существительное; гег. — гегский; диал. — диалектная форма / лексема; ед. ч. — единственное число; л. — лицо; лит. — литературная форма; м. р. — мужской род; мн. ч. — множественное число; нем. — немецкий; ср. р. — средний род; тоск. — тоскский; устар. — устаревшая форма; AVL — аблатив; AVL2 — аблатив II; асс, ACC — аккузатив; ADM — адмиратив; anim — одушевленность; def, DEF — определенная форма / показатель определенности; EMPH — показатель эмфазы; FUT — будущее время; GEN / DAT — генитив-датив; INDF — неопределенная форма / показатель неопределенности; IPF — имперфект; m, M — мужской род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; NOUN — имя существительное; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; Q — вопрос в интервью; SBJV — конъюнктив; sg, SG — единственное число; UM — беспризнаковый падеж.

Литература

- Архангельский 2012 — Т. А. Архангельский. Принципы построения морфологического парсера для разноструктурных языков. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2012.
- Даниэль и др. 2009 — М. А. Даниэль, Д. В. Левонян, В. А. Плунгян, А. Е. Поляков, С. В. Рубаков, В. Г. Хуршудян. Восточноармянский национальный корпус // Армянский гуманитарный вестник 2/3, 2, 2009. С. 9–33.
- Десницкая 1968 — А. В. Десницкая. Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука, 1968.
- Зализняк 1977 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Около 100 000 слов. М.: Русский язык, 1977.
- Захаров 2005 — В. П. Захаров. Корпусная лингвистика. Учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
- Летучий 2005 — А. Б. Летучий. Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка 2003–2005: результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 215–232.
- Ляшевская и др. 2005 — О. Н. Ляшевская, В. А. Плунгян, Д. В. Сичинава. О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка // Национальный корпус русского языка 2003–2005: результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 111–135.
- Плунгян 2005 — В. А. Плунгян. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского

- языка 2003–2005: результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 6–20.
- Савчук 2005 — С. О. Савчук. Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции // Национальный корпус русского языка 2003–2005: результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 62–88.
- Соболев, Юлы 2002 — А. Н. Соболев, Дж. Юлы. Албанский тоскский говор села Лешня (краина Скрапар). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. Marburg an den Lahn: Biblion Verlag, 2002.
- ADGjSh 2007 — J. Gjinari, B. Beci, Gj. Shkurtaj, Xh. Gosturani. Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe. Vëll. I. Napoli — Tiranë: Università degli Studi di Napoli L’Orientale, Dipartimento di Studi dell’Europa Orientale — Akademia e Shkencave e Shqipërisë, Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 2007.
- Buchholz, Fiedler 1987 — O. Buchholz, W. Fiedler. Albanische Grammatik. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1987.
- Leech 1993 — G. Leech. Corpus annotation schemes // Literary and Linguistic Computing 8, 4, 1993. P. 275–281.

А. А. Новик

МАЭ РАН — СПбГУ, Санкт-Петербург

АКЦИОНАЛЬНЫЙ КОД ЗНАХАРСКИХ ПРАКТИК АЛБАНЦЕВ И ГАГАУЗОВ ПРИАЗОВЬЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 1998–2012 ГОДОВ¹

В Приазовском районе Запорожской области Украины расположены три села с албанским и смешанным албанским и гагаузским населением: Гаммовка, Девнинское и Георгиевка. Названные поселения возникли в 1861–1862 гг. На протяжении XX в. гагаузы в названных селах владели албанским языком и были важной составляющей полиэтничного и многокультурного населения региона.

Традиционным способом врачевания детей и взрослых было и, в известной мере, остается обращение к «знающим» людям².

‘Знахарь’ на диалекте албанцев Украины звучит как *dédo*, а ‘знахарка’ — *bábo* (во множественном числе — *báboro*). Созвучие со славянскими *ded* и *баба* очевидно. Однако по-албански так называли знахарей, независимо от их возраста. В общей статистике знахарей-мужчин было очень мало. «Знающие» люди старались передать свой дар чаще женщинам. Мужчины были втянуты в общественную жизнь, работали в коллективе, всегда были на виду. Считалось, что им некогда заниматься целительством и ворожбой. А вот женщины практически до середины XX в. вели замкнутый домашний образ жизни. Они могли посвятить себя лечебным и магическим практикам, не отвлекаясь на общественные работы и т. п. И поэтому, как рассказывают информанты, навыки целительства и колдовства пытались передать именно женщинам.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ: 2015. Мероприятие 5. (Шифр ИАС 31.41.1622.2015)

² Глагол «исцелять» будет по-албански *të ndreqe* (букв. ‘поправлять, изменять’). На диалекте албанцев Приазовья ‘лечить’ — *illáŕ bun* (букв. ‘делать лекарство’), а ‘шептать’ имеет эквивалент *këndón* (букв. ‘петь’). По-гагаузски ‘лекарь’ — *iláŕŕi* или *okúŕu*, соответственно, ‘лечить’ — *iláŕŕlataa*, ‘читать, заговаривать’ — *okúmaa* [Квилинкова 2011: 503]. Гагаузские [Губогло, Квилинкова 2011] и албанские параллели на уровне лексики и терминологии в данной сфере очевидны.

«Знающие» лечили от самых разных болезней, но у каждого была своя специализация: одни брались за исцеление от грыжи, другие лечили от испуга, третьи избавляли от недугов детей. Некоторые знахари владели навыками лечить сразу от нескольких болезней. Лишь немногие лечили от очень многих болезней.

По сведениям информантов, большинство «знающих» людей лечат от болезней тремя основными способами. «Лечит каждый так, как перенял — как его научили: кто молитвою, кто воском, кто мукою. Как получил дар, так и лечит» [АОЕ 2009b].

Первый способ — с помощью *чивита* (*ma fĭvít*), твердого мелообразного вещества темно-синего цвета³. Это был наиболее распространенный способ врачевания. Главной составляющей подобной практики было «шептание» речевых формул. Процесс сопровождался либо завершался нанесением пятен *чивитом*. Точки рисовали на лбу, щеках, носу, руках и ногах ребенка или взрослого человека. Могли наносить точки и на другие части тела.

Подобная практика имела место на протяжении практически всего XX в. и лишь в последние десятилетия уступила место двум другим способам врачевания. Информанты затрудняются сказать, что представляло собой это вещество и откуда оно попадало к «знающим» людям (в действительности чаще всего использовали обычный химический карандаш). Скорее всего, оно являлось отвлекающим инструментом в ритуале, однако многие информанты верили в его целительную силу.

Вторым способом врачевания было использование воска. Данный вариант являлся, по мнению информантов, более действенным. К нему обращались в тех случаях, когда «шептание» и *чивит* не помогали.

Сеанс исцеления с помощью воска с технической точки зрения мог обставляться по-разному. Чаще всего расплавленный воск выливали в холодную воду, где он застывал. Техническими средствами в большинстве случаев были кастрюля, в которую набирали воду, и сковорода — обычно использовали старую домашнюю сковороду из чугуна. В сковороду бросали кусок пчелиного воска и разогревали на плитке или в печи. Растопленный воск аккуратно выливали в холодную воду — в ней он приобретал причудливые формы, интерпретируя которые, знахари называли причину болезни.

³ Лексема *fĭvít* также обозначает 'темно-синий цвет'.

Другой способ использования воска выглядел следующим образом: в кастрюлю наливали воду, доводили ее до горячего состояния (практически до температуры кипения), а затем бросали в нее кусок воска. Воск под воздействием температуры размякал и принимал всевозможные формы. Такой способ также считался весьма действенным, однако он требовал большего времени — в горячей воде воск меняет состояние медленнее, чем на раскаленной поверхности сковороды.

Выливание расплавленного или бросание застывшего воска в воду всегда сопровождалось молитвой — либо чтением речевых формул, либо шептанием неразборчивых фраз и т. д. У каждого знахаря был свой секрет врачевания.

Далее следовал самый важный этап исцеления с помощью воска — необходимо было интерпретировать получившуюся восковую фигуру или множество фигур и кусочков мягкой субстанции. Очень часто фигуры из воска получались размытых и неясных очертаний. В этом случае знахарю приходилось применять всю свою изобретательность и фантазию для интерпретации вышедшей фигуры, ведь пациентов приходилось убеждать в действенности своего метода. Однако, по сведениям информантов, часто их поражало сходство получавшихся в ходе описанных выше манипуляций фигур — они усматривали в них изображения испугавших их собак, лошадей, повозок и проч. Любой подобный случай получал огласку в селах и способствовал популярности того или иного знахаря.

Выливание воска сопровождалось, как уже отмечалось, чтением молитвы или произнесением особых речевых формул. Одновременно большинство знахарей сопровождало свои действия нанесением крестного знамения на воду с воском, манипуляциями с ножом или другими предметами, которые должны были обеспечить исцеление.

Бабо Катерина читала молитву и держала в руке нож. Этим ножом она крестила воздух сверху, затем крестила воду, а потом воск. Если испуг был очень сильным, то она все делала по три раза. То есть она вначале три раза крестила воздух, потом три раза крестила воду, в которой плавал воск, а потом три раза крестила сам воск — всего девять раз чертила крест ножом. Во время первого посещения она ножом воск крестила, к нему не притрагиваясь. Во второй раз ножом ближе к воску водила. А уже в третий кончиком ножа в воск тыкала, воск крестила — так испуг проходил [АОЕ 2009b].

Третий способ врачевания — сыпать муку. На данном виде целительства специализировались отдельные «знающие». Так, в с. Георгиевка была «знающая», которая могла исцелять, сея муку. Сеанс ее врачевания выглядел следующим образом. Она брала стограммовый стаканчик, насыпала в него муку, затем закрывала его марлей. Этот стакан с мукой она подносила к пупу исцеляемого и начинала символически втирать муку через марлю в пуп больному. При этом она начинала шептать заклинания. Шептала очень тихим голосом, так что разобрать и услышать было ничего почти невозможно. Отчетливо можно было услышать лишь фразу «*g'élet kəndójnə*» 'петухи поют'. Затем знахарка брала по маленькой щепотке муки и развеивала ее с помощью дыхания через голову больного, потом через одно плечо, затем через другое плечо.

Завершив первый этап врачевания, она снимала марлю со стакана. На верхнем слое оставшейся в нем муки было какое-нибудь изображение, которое надо было интерпретировать. Как правило, знахарка давала объяснения — это был испуг, а это была драка, а здесь имеет место порча и т. д. По воспоминаниям информантов, обычно она всегда безошибочно обрисовывала случившееся в жизни пациента. Если знахарка могла определить причину, то болезнь уходила. Если у *бабо* не получалось справиться с мукой и шептанием, считалось, что это не ее пациент, причину болезни нужно было искать в другом.

Далеко не все знахари позволяли увидеть сам процесс врачевания — они держали свои методы в строгой тайне. Бывало, что больных они оставляли в одной комнате, а сами проводили всевозможные манипуляции и читали молитвы или произносили речевые формулы в другой. Иногда это делалось из-за желания сохранить тайну своей практики — чтобы никто не видел самих действий и не мог разобрать слов (и таким образом перенять дар целительства без разрешения). Часто процесс врачевания скрывали из-за желания нагнать больше тайны на свое ремесло и, пользуясь современными терминами, «запрограммировать» больных на выздоровление, дав соответствующую установку.

Иногда сеанс исцеления проводился не с одним, а сразу с несколькими пациентами. Все они могли находиться в одном помещении, однако манипуляции с мукой и набор речевых формул предназначались каждому индивидуально.

Фиксируются и другие, более частные, способы лечения болезней, параллели которым можно найти на Балканах. Долгое время, пока не стала доступна современная медицина, люди, страдавшие от чирьев, волдырей, прыщей, гнойников и т. п., обращались к «знающим».

В с. Георгиевка на данных болезнях специализировалась *бабо* Наталка. Она всегда держала под потолком большое количество длинных куриных перьев. Когда к ней приходили люди, страдающие от прыщей и гнойников, она лезла под потолок, брала перо и отправлялась во двор. Там она смачивала перо в воде из корыта, из которого пила домашняя птица. Перо смачивалось независимо от того, была вода чистой или нет. Затем *бабо* Наталка начинала шептать заклинания и водила пером по покрытому чирьями или прыщами участку тела. Облегчение и исцеление наступали практически незамедлительно.

Я сама бабка. Но мне передали дар лишь на три болезни. Я могу только их лечить. А другое не умею. Вот могу гланды лечить. Это мне *бабо* Наталка дар передала. Она эти гланды лечила ложкой. А я стала рукой, вот этим пальцем. Люди, бывает, все больницы объездают, операцию сделают, а все равно не помогает. И едут тогда до меня. А мне это просто удастся — гланды лечить. Я сую палец и нащупываю там мелкие точки. Я пальцем надавливаю — эти гнойники аж трещат!

А еще бывает такой синий прыщ. Он синий-синий. Вначале вскакивает малый, а затем становится все больше и больше. Прыщ этот вскакивает на пальцах только, на руках или на ногах, может еще и на пятке. С ним мало кто может справиться. Меня лечить его научила одна бабушка. Она дар мне передала на это. Берешь ножичек и начинаешь читать молитву. Постой, вот сейчас молитву забыла — не могу вспомнить. Надо взять и тем ножичком начать чертить кресты на пороге. Чертишь кресты на пороге и читаешь молитву. Потом, как закончишь читать молитву, берешь иголку и синюю нитку. Продеваешь нитку в иголку. И дальше нитку отдаешь, а иголку оставляешь себе. И все как рукой снимет [АОЕ 2009а].

Укус бешеной собаки.

В сельской местности люди часто страдали от укусов бешеной собаки. В народном сознании бешенство не связывалось с вселением демона в собаку, как это свойственно представлениям, бытующим на Балканах. У гагаузов и албанцев Буджака и Приазовья не удалось записать рассказов на эту тему. Однако у албанцев

Украины существовала любопытная лечебная практика, призванная исцелить пострадавшего от укуса бешеной собаки человека.

До середины XX в. самым действенным способом уберечь человека от болезни был следующий. Нужно было поймать укусившую человека собаку, срезать с ее спины клочок шерсти. Затем эту шерсть надо было сжечь, а пепел приложить к ране, оставшейся от укуса. Для сравнения с ситуацией сохранения традиций народной медицины можно привести материал, собранный во время экспедиции 2008 г. в Голоборду (пограничье Албании и Македонии). Здесь у македонцев-мусульман и сейчас практикуется такой метод лечения от укусов собаки. Так, в с. Требишт удалось наблюдать, как подобным способом семидесятипятилетняя мать пыталась уберечь информанта Рамазана Садику от возможных последствий укуса собаки [АМАЭ 2008].

Бешенство человека.

Бешенство человека считалось неизлечимой болезнью. По представлениям стариков, бешенство наступало от «усталости мозга». Очевидно, информанты, как правило, не видят разницы между бешенством и сумасшествием или любыми иными психическими расстройствами.

По рассказам, старики всегда говорили о том, что некоторые люди много думают, очень себя нагружают размышлениями, все переживают — от этого и случается бешенство. Информанты, родившиеся в начале XX в., сообщают, что во времена их молодости говорили о том, что бешенство у человека вызывают лучи солнца, проникающие в мозг. Это очень интересный сюжет, если иметь в виду существование болезни, которую албанцы на Балканах ассоциируют с луной — то есть эпилепсии [Tirta 2004].

Историческая память.

Историческая память нынешних информантов сохраняет сведения о знахарстве с момента переселения албанцев и гагаузов в Приазовье в середине XIX в.

Моя прапрабабушка детей лечила. Звали ее Калина. Это она еще в 1862 г. переселилась в с. Девнинское из Бессарабии. Рассказывала, что люди детей привозили к ней на лечение. Она брала того ребенка, мальчика или кого, и несла в пópел. Раньше печки топили соломой. Она туда относила и шептала там. Что там делала, говорила, я не знаю. Но дите поправлялось. Так лечили детей [АОЕ 2011].

Плата за лечение.

За целительство у знахарки или знахаря полагалось оставлять плату. Считалось, что если не заплатишь, лечение «не возьмется». На протяжении всего XX в. самой распространенной формой платы были деньги. Понятно, что часто целителям приносили домашние продукты (яйца, крупу и т.д.). Зачастую для лечения приносили необходимые средства: муку, воду и др.

До конца XX в. общей практикой в албанских селах было оставлять деньги на свое усмотрение — кто сколько мог. Сейчас ситуация изменилась.

Вон говорят, *бабо* Мария П... цену установила. Раньше такого не было — сколько дашь. Тогда и лечение получалось. А теперь это называется **габорство**⁴ [АОЕ 2011].

Сами целители говорят, что плата для них никогда не была определяющим фактором — они просто всегда хотели помогать людям. Однако без платы, пусть даже и символической, лечение может не помочь [АОЕ 2009а].

Платили за лечение либо сами просящие, либо родственники, которые приводили больных. Деньги клали на стол, а не отдавали в руки. Именно такая передача платы считалась правильной — иначе лечение могло не «получиться». Если лечить водили сразу нескольких человек, платить полагалось ровно за каждого, одинаково как и приносить расходные средства (муку, воду и проч.).

Явление святых, Божьей Матери и Господа Бога, предсказывающих дар целительства.

Среди гагаузов и албанцев Приазовья бытуют истории о том, что способности к знахарству, умению лечить людей и т. п. может быть предсказано святыми, Божьей Матерью и самим Господом Богом.

Явление знахаря во сне.

У албанцев и гагаузов Приазовья фиксируются устойчивые рассказы о том, что знахарь, способный помочь, иногда является больному во сне. Не все целители могут помочь в лечении — даже если обычно они легко справляются с той или иной хворью. Болезнь в каждом конкретном случае индивидуальна и требует особого подхода.

⁴ От украинского *хабар* 'взятка'

Найти «своего» знахаря задача довольно сложная. Чаще всего люди отправлялись за исцелением к тем, кто пользовался лучшей репутацией в округе. Немаловажным фактором в решении отправиться к тому либо иному целителю была и психологическая совместимость. Очень ценили людей, которые могли быть приятными в общении, обходительными, обладали способностью убеждать.

Весьма важным был и эстетический фактор. Некрасивых старух и стариков побаивались на подсознательном уровне. У людей был инстинктивный страх перед уродством и глубокой старостью. К таким знахарям обращались в исключительных случаях — здесь побеждала, прежде всего, репутация умения побеждать всевозможные недуги.

Знахари против нечистой силы.

Народные целители, по общему убеждению, могли избавить от видений, привидений, ночных стуков и нечистой силы. У разных целителей были свои методы.

Молитвы.

Согласно бытующим представлениям, знахари, «знающие» люди занимаются целительством, используя молитву, определенный набор слов или словосочетаний, застывшие речевые формулы либо системный звуковой ряд, передающиеся из поколения в поколение. Такая «молитва» обычно заучивается наизусть при передаче дара. Если знахарь в состоянии ее читать над больным, значит, это «его» болезнь, то есть он в состоянии ее вылечить. Если вдруг молитва по какой-то неведомой причине «забывается» при сеансе лечения, то это явный сигнал свыше, что это не «его» болезнь, а больному следует обратиться к другому «знающему».

Очень часто, не рассчитывая на свою память, знахари записывают текст молитвы, речевые формулы и проч. на бумаге. Записанный текст хранят обычно в укромном месте — там, где его не смогут найти даже близкие.

Знахарство часто переплеталось с колдовством. Если в большинстве случаев информанты говорят о том, что некоторые «знающие» исцеляли от недугов, а другие, наоборот, приносили вред и наводили порчу, то бывало, что одни и те же лица могли как лечить, так и заниматься вредоносными практиками. Зависело это от отношения к людям — цели диктовались зачастую эмоциями.

Выводы

Полиэтничность региона, в котором живут албанцы и гагаузы (совместно с русскими, украинцами, болгарями, греками и др.), наложила отпечаток на знахарские практики. Тема знахарства и народной медицины долгие годы — в силу понятных причин — находилась в тени научных интересов ученых, исследовавших эти группы населения. Дальнейшая полевая работа и анализ полученных материалов могут помочь в освещении такой важной стороны традиционной культуры, как знахарские практики выходцев с Балканского полуострова. Особый интерес может представлять изучение балканских и тюркских мотивов как в плане обрядовой составляющей, так и в плане лексики, использования родного языка в качестве профессионального аргю.

Литература

- Губогло, Квилинкова 2011 — М. Н. Губогло, Е. Н. Квилинкова (отв. ред.). Гагаузы. М.: Наука, 2011.
- Квилинкова 2011 — Е. Н. Квилинкова. Народно-медицинская практика // М. Н. Губогло, Е. Н. Квилинкова (отв. ред.). Гагаузы. М.: Наука, 2011. С. 502–517.
- Tirta 2004 — M. Tirta. Mitologjia ndër shqiptarë. Tiranë: Shkenca, 2004.

Источники

- АМАЭ 2008 — А. А. Новик. Македонцы-мусульмане в Албании. Полевые записи. Ксерокопия с автографа. 2008 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1863. 33 л.
- АОЕ 2009а — А. А. Новик. Бурлачко: Мифология_1. Цифровая аудиозапись. 2009 // Архив отдела европейстики МАЭ. Приазовский отряд 2009. Новик А. А.
- АОЕ 2009б — А. А. Новик. Мельничук: Мифология. Цифровая аудиозапись. 2009 // Архив отдела европейстики МАЭ. Приазовский отряд 2009. Новик А. А.
- АОЕ 2011 — А. А. Новик. Шопова_СМ_мифология. Цифровая аудиозапись. 2011 // Архив отдела европейстики МАЭ. Приазовский отряд 2011. Новик А. А.

В. А. Панов

ИЯз РАН, Москва

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПРОГРЕССИВА ГРЕЧЕСКОГО ДИАЛЕКТА САЛЕНТО В АРЕАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Распространение греческих диалектов в южной Италии ограничивается двумя ареалами: первый расположен в области Калабрия, на побережье и в горах провинции Реджио-Калабрия, второй — на юге области Апулия, на территории, неофициально именуемой Саленто¹. Грекоязычные жители Саленто называют свой язык «грико» (*griko*), так же этот диалект называется и на итальянском языке. Греко-калабрийцы, по-видимому, используют то же слово, однако в итальянской традиции их говор именуется «*grecanico*» или просто «*grecso*». Ареалы изолированы друг от друга.² При значительном количестве различий, между диалектами этих двух ареалов наблюдаются некоторые сходные черты, противопоставляющие их прочим греческим диалектам. Четкого ответа на вопрос, связано ли это сходство с общностью происхождения салентийских и калабрийских греков, или же оно имеет ареальную природу, пока не существует. В целом диалект Калабрии унаследовал больше общегреческих черт и является, таким образом, более архаичным (по крайней мере, это можно с уверенностью утверждать относительно его фонетики). Так, калабрийские диалекты сохранили общегреческие фрикативные фонемы

¹ Рассматриваемая в статье зона распространения греческого языка в Саленто охватывает следующие населенные пункты провинции Лечче: Калимера, Мартиньяно, Стернатия, Дзоллино, Солето, Мартано, Корильяно-д'Отранто, Кастрияно-де-Гречи, Мельпиньяно. Все они входят в союз греческих городов, неофициально именуемый *Grecia Salentina*. Помимо материалов, указанных в библиографии, в исследовании были использованы материалы с сайта <http://ispitta.blogspot.com/> и открытые обсуждения в социальной сети Facebook на салентийском диалекте, а также тексты песен на грико.

² Исходя из данных разных источников, можно заключить, что греческий диалект Саленто гораздо «живее», чем греческий диалект Калабрии [Ralli 2012].

/θ/, /ð/ и /ç/, которые в грико претерпели различные трансформации — выпали или поменяли качество в зависимости от позиции в слове; например:

- ⇒ в начальной позиции —
гр.-калабр. [θélo] ‘хочу’ vs. грико [télo];
- ⇒ в интервокальной позиции —
гр.-калабр. [íθela] ‘[я] хотел[-a]’ vs. грико [ísela],
гр.-калабр. [meçáli] ‘большая’ vs. грико [máli],
гр.-калабр. [vráði] ‘вечер’ vs. грико [vrái].

Известно, что ареал распространения греческих диалектов в Южной Италии в прошлом был шире. Он охватывал значительно более обширные зоны в Саленто и в Калабрии, а также присутствовал на Сицилии. О существовании живого современного греческого диалекта на Сицилии нет достоверных данных, но о его недавнем присутствии свидетельствует ономастика и топонимика отдельных регионов Сицилии (в первую очередь, провинции Мессина; ср.: [Rohlf 1984; Macris 2008]).

Зона распространения греческих диалектов в исторической перспективе хорошо соотносится с распространением группы романских (итальянских) диалектов, в литературе именуемых обычно **диалектами крайнего юга** (ит. *dialetti meridionali estremi*) или диалектами **сицилийского типа** [Чельшева 2011; Rohlf 1970]. Иногда говорят даже о едином, не имеющем стандартного варианта, полидиалектном **сицилийском языке**. К этому типу принадлежат все романские диалекты Сицилии (за исключением небольшой области, где распространен галло-итальянский диалект северного типа), диалекты практически всей Калабрии и южной части Апулии (Саленто). Эта диалектная группа четко противопоставлена группе **южных** диалектов (например, диалекты провинции Бари и кампанские диалекты): в Калабрии изоглоссы, разделяющие диалектные группы, проходят по линии Никастро — Кротоне, в Апулии — по линии Таранто — Бриндизи. Примечательно, что диалекты территории, расположенной между Саленто и Калабрией — в частности, луканский диалект области Базиликата (Лукания — историческое название этой области) — принадлежат к южному, а не к крайне-южному типу; таким образом, диалекты крайнего юга не составляют непрерывного континуума.

Итальянские диалекты крайнего юга от прочих диалектов Италии отличают как фонетические, так и морфологические особенности, например:

1. этимологические рефлексы латинских гласных: [ũ], [õ] > [u], [ĩ], [ẽ] > [i]; в прочих диалектах им соответствуют закрытые [o] и [e];

2. переход [l:] > [d:]³ / [d:], характерный также для части кампанских диалектов, сардинского и корсиканского языков;

3. ослабленное использование инфинитива, а также замена инфинитива конструкциями с сериализацией или с подчинительным союзом сал./сиц. *ca* 'чтобы', калабр. *tu / mi*;

4. широкое использование аориста (в традиционной итальянской грамматике — *passato remoto*), отсутствие или малая частотность перфекта (*passato prossimo*);

5. использование в перфекте только одного вспомогательного глагола, в салентийском — 'иметь', в калабрийском — 'быть';

6. бóльшая, нежели в остальных диалектах Италии, частотность порядка слов SOV.

Наличие общих, существенных для облика диалектов крайнего юга [Чельшева 2011: 142] изоглосс на столь значительной территории нередко объясняется влиянием нелатинского субстрата. Эта идея хорошо вписывается в рамки современной теории языковых контактов: как правило, если язык в чем-то резко отличается от близкородственных языков, причиной этих отличий являются именно языковые контакты (см, например: [Aikhenvald 2007: 9–10]). Для изменений, приобретаемых языком в результате контактов, используется термин *contact-induced change*.

³ Ретрофлексный (или какуминальный) звонкий взрывной звук в литературе про диалект и на диалекте записывается как *dd*, *ddr*, *ddh*, *δδ*. Для греческих диалектов южной Италии используются варианты орфографии, стихийно сложившиеся на основе итальянского письма. Соответственно, при ближайшем рассмотрении чтение букв такое же, как в итальянском языке. При этом, греческая фонема [x] передается на письме как *x* или *ch*, звук [k] передается, как правило, буквой *k*, а не *c* (это делается во избежание смещения с *ch*, обозначающим в итальянском [k] перед [i] и [e]). В свою очередь, *c* встречается только перед [e] и [i] и передает звук [tʃ]; диграф *sc* в той же позиции отражает [ʃ]. Аффриката [ts] записывается как *tz / zz*; для ее звонкой пары [dʒ] используется *z*. Калабрийский греческий диалект, сохранивший общегреческие щелевые [θ], [ð] использует для их записи буквы греческого алфавита — *θ* и *δ* соответственно.

Действительно, на территории современных Сицилии, Калабрии и Саленто до прихода римлян и во время римского владычества проживало немало различных этносов. Территория Саленто была заселена мессапами, говорившими на языке, предположительно, иллирийской группы (на нем сохранились письменные памятники, интерпретация которых, впрочем, до сих пор остается дискуссионной); на Сицилии проживали индоевропейцы сиккулы и неиндоевропейцы сиканы; в Калабрии жили брутии (подробнее см.: [Baldi 2002: 118–196]).

Влияния языков упомянутых народов на местные романские диалекты нельзя исключать, но следует признать, что его очень трудно доказать в силу скудости имеющихся данных. Кроме того, речь идет о нескольких, причем не родственных друг другу, субстратных языках, что противоречит значительной степени гомогенности современной диалектной группы.

Очевидным кандидатом на общий для данной территории субстрат оказывается греческий язык — греческие колонии существовали здесь в большом количестве с древнейших времен (см., например: [Aprile 1994]). По-видимому, влияние греческого языка на диалекты крайнего юга отрицать невозможно: как минимум, в них имеется значительное количество лексических заимствований из греческого [Rohlf 1933; 1984; 1988].

Перечисленные выше особенности морфологии и синтаксиса также нередко списываются на греческое влияние. Так, например, можно считать типичным следующее утверждение, высказанное Евой-Марией Рембергер: «Отсутствие аналитического прошедшего времени (*passato prossimo*) в калабрийских диалектах объясняется влиянием греческого субстрата»⁴. Представляется, что подобные утверждения требуют серьезного обсуждения.

Как известно, итальянские (и вообще романские) формы аналитического перфекта являются инновацией по сравнению с латинским состоянием, причем развивались они независимо друг от друга и привели к разным результатам. То же можно сказать и о новогреческих диалектах: аналитический перфект в них является инновационной чертой и развился не во всех диалектах, при полном

⁴ «La mancanza del passato prossimo nei dialetti calabresi è a sua volta da ridurre al sostrato greco» [Remberger 2011: 135].

исчезновении форм синтетического перфекта⁵. Соответственно, отсутствие аналитического перфекта в романском калабрийском и калабрийском греческом диалекте, находящихся в контакте, не может служить доказательством исчезновения такого перфекта в романском диалекте под влиянием греческого: правильное было бы сказать, что, вероятно, ни там, ни там форма аналитического перфекта попросту не возникла. Явление, известное контактной лингвистике, которое, возможно, имеет место в рассматриваемой ситуации — поддержание *status quo* под влиянием соседнего языка. Так, в [Aikhenvald 2007: 9] обсуждается пример ирландского варианта английского, в котором для образования *Present Perfect* широко используется глагол *be* наряду с *have*. Подобная ситуация фиксируется и в самом ирландском языке, однако она имела место и в более ранний период развития английского языка: таким образом, языковые контакты помогли сохранить то, что язык уже и так имел.

Возникает подозрение, что появление структурных особенностей романских диалектов крайнего юга имеет более сложное объяснение, чем простое заимствование языковых структур из греческого языка / местных греческих диалектов. Попробуем использовать более «мелкую оптику» и рассмотреть один интересный случай структурного параллелизма между глагольными системами грико и салентийского диалекта.

Система синтетических глагольных форм индикатива в двух идиомах устроена одинаковым образом: имеются спрягаемые формы настоящего времени, аориста, имперфекта. В салентийском, в отличие от многих других идиомов крайнего юга Италии, существует аналитический перфект⁶, подобный итальянскому (с некоторыми отличиями в распределении вспомогательных глаголов):

⁵ Некоторые формы синтетического перфекта стали частью системы аориста, например: н.-греч. *μλήκα* '[я] вошел'.

⁶ Открытым остается вопрос о возможности возникновения этого типа перфекта под влиянием стандартного итальянского, однако в рамках данной статьи нет возможности его рассмотреть. Стоит лишь заметить, что приведенные здесь примеры из работ Герхарда Рольфса (2а), (2б), (9)–(11в)) были записаны в период, когда стандартный итальянский еще не имел значительного распространения в Саленто в качестве языка бытового общения (Герхард Рольфс проводил исследования в 40 е — 60-е гг. XX в.).

- (1) *spera-mi* *ca* ***aggi-u*** ***scrit-t-u***
 надеяться-PRS.1PL что иметь-PRS.1SG писать-PTCP-M.SG
giustu
 правильно
 ‘Будем надеяться, что [я] написал правильно’⁷

Аналогичная конструкция встречается и в грико [Rohlf 1977: 196]:

- (2а) *eχ-o* *fa-men-a*
 иметь-PRS.1SG есть.PFV-PTCP.PASS-N.PL
 ‘[Я] поел’
- (2б) *en* ***ene*** ***arto-men-o***
 NEG= быть.PRS.3SG приходиться.PFV-PTCP.PASS-NF.SG
 ‘[Он] не пришел’

Стоит отметить параллелизм конструкций в салентийском и грико, отличающихся от аналитического перфекта стандартного новогреческого, использующего не пассивное причастие, а специальную форму, по-видимому, восходящую к инфинитиву.

В салентийском диалекте и в грико имеются аналитические формы прогрессива настоящего и прошедшего времени. Обе формы образуются с помощью неизменяемой частицы, восходящей к глаголу ‘стоять’, расположенной перед спрягаемой формой глагола в настоящем времени или имперфекте:

САЛЕНТИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ

- (3а) *ta* ***sta*** ***ssient-i*** *ca* ***sta*** ***sonu-nu***
 но PROG слышать-PRS.2SG что PROG звонить-PRS.3PL
a-lla *port-a?*
 в-DEF.SG дверь-SG
 ‘Но слышишь, что звонят в дверь?’
- (3б) *comu* *sia* *ca* ***sta*** ***parlà-a*** *cu* *idda*
 как быть.3SG.SBJV что PROG говорить-IPF.3SG с 3.F.SG
stess-a *pigghi-àu* *e* *diss-e*
 сам-F.SG брат-АОР.3SG и сказать.PFV-АОР.3SG
 ‘Как будто бы разговаривая сама с собой, она сказала (. . .)’
 [Garissi 2004]

⁷ Здесь и далее, в случае отсутствия библиографической ссылки, примеры взяты из форумов в интернете. Они приводятся в орфографии оригинала.

- ГРИКО
- (3в) *ce s-to* *das-o* *mian* *alipun-a ste*
 и В-DEF.SG.NGEN лес-SG.NGEN INDF.F.NGEN лиса-SG PROG=
kulusa-∅ *ena-n* *ala-o*
 преследовать.IPFV-PRS.3SG INDF.NF-M.NGEN заяц-SG.NGEN
 ‘И в лесу лиса преследует зайца’

Очевидно, что частица не была заимствована из одного языка в другой, а восходит в каждом языке к соответствующему глаголу: *stari* в салентийском и *steo* в грико. Ясно, что в обоих языках имеет место продвинутая степень грамматикализации: фонетическая редукция подвергающейся грамматикализации единицы происходит именно на последних стадиях этого процесса [Heine, Kuteva 2007].

Подобная схема образования прогрессива встречается только в Саленто, причем как в романском идиоме, так и в грико. В других ареалах Италии прогрессив образуется по двум другим схемам. В южных диалектах (например, в диалекте Кампании) и в центральных диалектах (Лаций) распространена конструкция «спрягаемая форма глагола *stare* + предлог *a* + инфинитив»:

- (4) *che stai* *a* *ffà-∅?*
 что стоять-PRS.2SG чтобы делать-INF
 ‘Что делаешь?’

В тосканском диалекте (и во многих других, в том числе на южной оконечности Калабрии) конструкция состоит из спрягаемого глагола *stare* и неизменяемого герундия. Эта конструкция вошла в литературный итальянский язык:

- (5) *che cos-a stai* *fac-endo?*
 что вещь-SG стоять-PRS.2SG делать-CVВ
 ‘Что делаешь?’

«Компромиссный» вариант между салентийским прогрессивом и более северными вариантами этой конструкции обнаруживается на севере Апулии. В таблице 1 на с. 208 параллельно приведены салентийская (провинция Бриндизи) и северноапулийские парадигмы (провинция Бари)⁸.

⁸ Для наглядности в таблице также приводится спряжение полнозначного глагола *stare*.

Таблица 1. Примеры парадигм [Cruschina 2010]

	Мезанье (провинция Бриндизи)	Путиньяно (провинция Бари)	Путиньяно (провинция Бари) <i>stare</i>
	Настоящее время		
1SG	<i>sta ffattsu</i>	<i>stok a ffatsə</i>	<i>stokə</i>
2SG	<i>sta ffatfi</i>	<i>ste ffafə</i>	<i>stiə</i>
3SG	<i>sta ffatfi</i>	<i>sta ffafə</i>	<i>stiə</i>
1PL	<i>sta ffatfimu</i>	<i>sta ffafeimə</i>	<i>stamə</i>
2PL	<i>sta ffatfiti</i>	<i>sta ffafeitə</i>	<i>statə</i>
3PL	<i>sta ffannu</i>	<i>ston a ffafənə</i>	<i>stonə</i>
	Прошедшее время		
1SG	<i>sta ffatfia</i>	<i>sta ffafevə</i>	<i>stavə</i>
2SG	<i>sta ffatfivi</i>	<i>sta ffafivə</i>	<i>stivə</i>
3SG	<i>sta ffatfia</i>	<i>sta ffafevə</i>	<i>stavə</i>
1PL	<i>sta ffatfiumi</i>	<i>sta ffafemmə</i>	<i>stammə</i>
2PL	<i>sta ffatfiuvu</i>	<i>sta ffafivəvə</i>	<i>stivəmə</i>
3PL	<i>sta ffatfiunu</i>	<i>sta ffafivənə</i>	<i>stavənə</i>

В таблице примеры приводятся в орфографии источника

Нет сомнений, что в Северной Апулии употребляется та же конструкция, что и в салентийском, но в меньшей степени грамматализованная. Так, глагол *stare* все же изменяется в настоящем времени прогрессива, хотя разнообразие его форм в прогрессивной конструкции намного меньше, чем при независимом употреблении. Кроме того, в формах 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. настоящего времени между вспомогательным глаголом и личной формой глагола появляется частица *a*. Тождественна ли она частице *a*, которая обнаруживается в стандартной итальянской конструкции и восходит к лат. *ad* 'к, на' — дискуссионный вопрос. Возможно, данная частица *a* восходит к лат. *ac* — одному из вариантов латинского сочинительного союза [Cruschina 2010]. Это предположение косвенно подтверждается некоторыми фактами. Дело в том, что прогрессивная конструкция с двумя спрягаемыми глаголами является лишь одной из многих конструкций такого типа в диалектах крайнего юга, характеризующихся ослаблением инфинитива. Конструкции из двух глаголов выступают в следующих вариантах в самых

различных вариантах и с разными частицами, в том числе восходящим к сочинительным союзам: *cu/ca* ‘что’, *tu/mi/a/e* ‘чтобы’ [Rohlf 1970; Chillà 2009]. Среди них интересны две конструкции:

⇒ конструкция с союзом *tu/mi/u* ‘чтобы’ < лат. *modo, ut* ‘таким образом, что’ (Калабрия):

- (6) *tu* *po'-∅* *mu* *ti* *az-i* *si*
 2SG.NOM мочь-PRS.2SG чтобы 2SG.OBL поднять-PRS.2SG если
vvo-i
 хотеть.IPFV-PRS.2SG
 ‘Можешь встать, если хочешь’ [Chillà 2009: 125]

⇒ сериальные конструкции (Саленто)

- (7) *quando* *vo'* *stracc-u* *ogghi-u*
 когда идти.PRS.1SG уставший-M.SG хотеть-PRS.1SG
mangi-u
 есть-PRS.1SG
 ‘Когда устаю, хочу есть’

Грико, в отличие от салентийского диалекта, использует аналогичную новогреческой зависимую конструкцию с частицей *pa*:

- (8) *tel-o* *na* *mbriaceft-ò* *na* *mi*
 хотеть-PRS.1SG SBJV= напиться.PFV.PASS-PRS.1SG SBJV= NEG=
pensezz-o
 думать.PFV-PRS.1SG
 ‘Хочу напиться, чтобы не думать’

В то же время, в конструкции прогрессива, которая в салентийском диалекте является (или была в прошлом) лишь одной из возможных сериальных конструкций, грико, как уже было продемонстрировано, использует модель, идентичную салентийской конструкции:

- (9) *ste* *ku-i?*
 PROG= слышать.IPFV-PRS.2SG
 ‘Слышишь?’ [Rohlf 1977: 202]

Согласно свидетельству Герхарда Рольфа, эта конструкция прошла все ступени грамматикализации, характерные для развития прогрессива и в салентийском диалекте. В его работе для

грико зафиксированы следующие формы со спрягаемой формой глагола *steo* и союзом 'и' [Rohlf's 1977: 202]:

(10a) *ti ste-i ce kann-i?*
что PRS.2SG и делать.IPFV-PRS.2SG
'Что делаешь?'

(10б) *ste-o ce tron-o*
стоять-PRS.1SG и есть.IPFV-PRS.1SG
'Ем'

Кроме того, в грико наблюдаются промежуточные варианты, где союз сохраняется, а глагол уже не спрягается [Rohlf's 1977: 202]:

(11a) *ste ce pinn-o*
PROG= и= пить.PFV-PRS.1SG
'Пью'

(11б) *ste ce plen-ome*
PROG= и= мыть.IPFV-PRS.1SG.PASS
'Моюсь'

(11в) *ste ce hann-amo*
PROG= и= терять.IPFV-IPF.1SG.PASS
'[Я] терялся'

Таким образом, в грико, как и в салентийском диалекте, прогрессив прошел одни и те же стадии грамматикализации. Впрочем, сериальные конструкции, использующиеся в салентийском там, где в стандартном итальянском используется инфинитив, в грико отсутствуют — их функцию выполняет конъюнктив, по-видимому, существовавший в диалекте уже с древнейших времен. Трудно определить, появился ли прогрессив в грико под влиянием салентийского или наоборот. Поскольку речь идет о долгом процессе грамматикализации, следует говорить, по-видимому, о параллельном развитии при поддержке одного языка другим, то есть об ареальной черте. Безусловно, в течение последнего века грекоязычное население является абсолютным меньшинством, и грико является языком, находящимся под угрозой исчезновения, соответственно, влияние является сейчас строго односторонним: салентийский диалект и стандартный итальянский язык

Если в дальнейшем удастся собрать больше таких черт, как фонетических, так и морфосинтаксических, и продемонстрировать их ареальный характер, в перспективе, возможно, появятся основания говорить о некотором подобии **южноитальянского языкового союза**. На правомерность этой мысли косвенно указывает тот факт, что ныне миноритарные языки этого региона еще в недавнем прошлом таковыми не являлись. Из указанных в данной статье явлений очевидными кандидатами на ареальные изоглоссы наряду с формами прогрессива являются а) отсутствие аналитического перфекта в одних идиомах и использование в перфекте одного вспомогательного глагола в других, б) ослабление инфинитива и в) повсеместный переход [l:] > [d:].

Список условных сокращений

= — показатель клитики; 1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; гр.-калабр. — греко-калабрийский; ед. ч. — единственное число; ит. — итальянский; калабр. — калабрийский; л. — лицо; лат. — латинский; мн. ч. — множественное число; н.-греч. — новогреческий; сал. — салентийский; сиц. — сицилийский; AOR — аорист; CVB — конверб/деепричастие; DEF — определенная форма/показатель определенности; F — женский род; INDF — неопределенная форма/показатель неопределенности; INF — инфинитив; IPF — имперфект; IPFV — имперфектив; M — мужской род; N — средний род; NEG — отрицание; NF — неженский род; NGEN — негенитив; NOM — номинатив; O — объект; OBL — косвенный залог; PASS — неактивный залог; PFV — перфектив; PL — множественное число; PROG — прогрессив; PRS — настоящее время; PTCP — причастие; S — субъект; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число; V — глагол.

Литература

- Чельшева 2011 — И. И. Чельшева. Диалекты Италии // И. И. Чельшева, Б. П. Нарумов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: романские языки. М.: Academia, 2011. С. 90–145.
- Aikhenvald 2007 — A. Y. Aikhenvald. Grammars in contact: a cross-linguistic perspective // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Grammars in Contact: A Cross-Linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1–66.
- Aprile 1994 — R. Aprile. Grecia Salentina: origini e storia. Calimera: Ghetonìa, 1994.

- Baldi 2002 — Ph. Baldi. *The Foundations of Latin*. Berlin — NY: Walter de Gruyter, 2002.
- Chillà 2009 — L. Chillà. *La distribuzione delle infinitive nei verbi modali nella variante di Squillace // Quaderni del Dipartimento di Linguistica — Università di Firenze 19, 2009. P. 115–140.*
- Cruschina 2010 — S. Cruschina. *Beyond the stem and inflectional morphology: an irregular pattern at the level of periphrasis*. Talk presented at the conference “The Second Oxford Workshop on Romance Morphology (Ox-morph2)”. St Catherine’s College, University of Oxford, 8–10 October 2010.
- Falcone 1973 — G. Falcone. *Il romáico di Bovesia*. Milano: Istituto Lombardo di Scienze e Lettere, 1973.
- Garissi 2004 — A. Garissi. *Grammatica del dialetto leccese*. Lecce: Congedo Editore, 2004.
- Heine, Kuteva 2007 — B. Heine, T. Kuteva. *The Genesis of Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Macris 2008 — D. Macris. *Cognomi di origine greca a Messina // Messenion d’Oro 7, 2008. P. 5–16.*
- Ralli 2012 — A. Ralli. *Verbal loanblends in Griko and Heptanesian: a case study of contact morphology // Italia dialettale LXXIII, 2012. P. 111–132.*
- Remberger 2011 — E.-M. Remberger. *Morfosintassi verbale dei dialetti neogreci in Calabria // W. Breu (ed.). L’influsso dell’italiano sul sistema del verbo delle lingue minoritarie. (Resistenza e mutamento nella morfologia e nella sintassi)*. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 2011. P. 123–148.
- Rohlf s 1933 — G. Rohlf s. *Scavi linguistici nella Magna Grecia*. Roma: Collezione meridionale editrice, 1933.
- Rohlf s 1970 — G. Rohlf s. *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti in 3 volumi (Fonetica. Morfologia. Sintassi e formazione delle Parole)*. Torino: Einaudi, 1970.
- Rohlf s 1977 — G. Rohlf s. *Grammatica storica dei dialetti italogreci*. München: C. H. Bech’sche Verlagsbuchhandlung, 1977.
- Rohlf s 1984 — G. Rohlf s. *Dizionario storico dei soprannomi salentini*. Galatina: Congedo, 1984.
- Rohlf s 1988 — G. Rohlf s. *Studi linguistici sulla Lucania e sul Cilento*. Galatina: Congedo, 1988.
- Savoia 1991 — L. M. Savoia. *Alcuni elementi per una classificazione dei dialetti arbëreshë // A. Landi, P. del Puente (eds.). La lingua albanese nell’Italia meridionale. Studi e prospettive. Atti del I. Convegno di Studi sulla Lingua Albanese*. Salerno: Arte Tipografica, 1991. P. 11–52.

В. В. Федченко

СПбГУ, Санкт-Петербург

СВИДЕТЕЛЬСТВА О ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ¹

1. Предварительные замечания

На общей карте новогреческих диалектов язык Константинополя всегда занимал весьма скромное место. Для новогреческой диалектологии, чье внимание, скорее, привлекали такие экзотические диалекты, как цаконский или понтийский, язык Константинополя не представлял большого интереса из-за его близости к норме новогреческого языка.

Сложность изучения языка Константинополя заключается в неясности его статуса. С одной стороны, и исследователи, и носители этого языкового варианта придерживаются одинакового мнения и интерпретируют это языковое образование как языковой вариант, достаточно долго претендовавший на роль стандартного языка². С другой стороны, очевидно, что после малоазийской катастрофы и окончательной смены центра греческого мира, когда языковую норму начинают диктовать Афины, язык Константинополя приобретает статус локального варианта. В научной литературе применительно к языковому варианту Константинополя принято избегать термина «диалект», заменяя его выражениями «*Constantinopolitan varieties*» и выделяя отдельные языковые особенности — отклонения от современной новогреческой нормы, так называемые «*constantinopolitanisms*» [Horrocks 1997: 270; 352]. На сегодняшний день носители этого языкового варианта также всячески подчеркивают его своеобразие, обращая внимание в первую очередь на его лексическую пестроту. Таким образом, даже в интерпретации самих носителей этот язык имеет двойной статус (подробнее см.: [Федченко 2008]).

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 15–18–00062 «Формирование культуры в диаспоре (на примере еврейской, армянской и греческой диаспор)».

² Сами константинопольцы до сих пор считают себя носителями более правильного варианта новогреческого языка.

За XX в. количество носителей константинопольского диалекта существенно сократилось. После малоазийской катастрофы, согласно договору между Мустафой Кемалем Ататюрком и Элефтериосом Венизелосом от 1923 г., константинопольские греки стали единственной группой греческого населения, оставшейся на территории Турции³.

После Второй мировой войны начинается постепенное переселение константинопольских греков в Афины и другие крупные города Греции. В 1955 г. происходят массовые сентябрьские гонения греков из Стамбула, известные в греческой историографической традиции как *τα Σεπτεμβριανά*. В 1964 г. правительство Турции вынуждает граждан Греции, проживающих на территории страны, покинуть ее. Последнее масштабное переселение было спровоцировано турецким вторжением на Кипр в 1974 г. Согласно более поздним данным, на 1992 г. в Стамбуле проживало около 2 500 греков [Whitman 1992: 1]. В данной статье при описании современной ситуации, в которой находится константинопольский диалект, будут использованы материалы из интервью с бывшими жителями Константинополя, записанные в Афинах в 2007 г. Информантами явились константинопольцы из основных волн переселенцев, а также те, кто покинул Стамбул позже — в 1980-х гг.

Язык Константинополя долгое время определял норму греческого языка, однако уже к XVIII в. появляются другие конкурирующие варианты, претендующие на роль нормативного языка, поэтому принято считать, что близость к норме отличает также и некоторые другие диалекты греческого языка. В частности, подобные суждения высказывались о пелопонесско-ионийском диалекте [Browning 1983: 103; Κοντοσόπουλος 1994: 73], однако, согласно последним исследованиям (см., например: [Παντελίδης 2003]),

³ В действительности греческие языковые меньшинства остались и в других областях Турции. В обмене населением между Грецией и Турцией не участвовали греко-говорящие мусульмане, об этнической принадлежности которых до сих пор ведутся споры в греческой и турецкой историографии. Изучение этих сообществ оказывается затрудненным по политическим причинам, поскольку Турецкое государство не признает существования на его территории этнических меньшинств. Язык понтийских греков-мусульман кратко описывает Питер Макридж [Maskridge 1987]. Большое исследование, посвященное разным аспектам жизни этого сообщества, в том числе и языку, было проведено турецким исследователем Омером Асаном и издано по-гречески [Ασάν 1998]. По данным Асана, грекоязычная община в районе Трапезунда насчитывает около 300 000 человек.

- (16) *alá to k'urdán ítane mⁱ-a*
 но DEF.N.SG.NGEN зубочистка быть.PST.3SG INDF.F.SG.NGEN
léks-i pu tin=metaxiriz-úndane
 слово-SG.NGEN который 3.F.SG.ACC=использовать.IPFV-IPF.3PL.PASS
ól-i
 весь-M.PL.NOM
 'Но «зубочистка» было слово, которое употребляли все'

[Af_07_04]

В константинопольском диалекте большинство глагольных форм, заканчивающихся на /-п/, приобретают расширение /-не/ (реже /-па/)⁶, поэтому тематический гласный во всех формах пассивного имперфекта остается ударным. Письменные тексты XIX в., имевшие разговорный характер и исполнявшиеся в устной форме на улицах города, демонстрируют разные варианты постановки ударения в формах пассивного имперфекта: на корне — *κάθουμιονν* '[я] сидел' [Πνευματικάς 1853a: 3] или на тематическом гласном — *ποτιζούμιονν* '[я] поливал' [Πνευματικάς 1853b: 23]. Скорее всего, тематический гласный /у/ является результатом сужения безударного /о/⁷ и оказывается под ударением из-за последующего расширения /-не/.

В северногреческих материковых диалектах Фессалии, Македонии и в идиоме о-ва Самос⁸ также фиксируется тематический гласный /у/ в окончаниях пассивного имперфекта при ударении на корне, например, в 3 л. ед./мн. ч.: фесс. *φαίν-ουνταν* <казаться.IPFV-IPF.3SG/PL.PASS> '[он] казался/[они] казались' [Χαντζιάρας 1995: 26]. Поэтому данная особенность объединяет константинопольский диалект с северногреческими **материковыми** диалектами и противопоставляет группе северногреческих **островных** диалектов, влияние

⁶ Расширение в глагольных формах, оканчивающихся на /-п/, является характерной чертой константинопольского диалекта, наблюдаемой в речи информантов и в письменных текстах выходцев из Константинополя. Расширение может приводить: 1) к сдвигу ударения в неактивных формах имперфекта: *emborevúndane* '[он] торговал' [Af_07_04]; 2) к исчезновению приращения в 3 л. мн. ч. имперфекта или аориста (активный залог): *πήρανε* '[они] взяли' [Βασιλειάδης 1923: 7], *κλίνανε* '[они] закрыли' [Af_07_04]. В некоторых случаях в устной речи расширение может отсекается без последующего сдвига ударения и/или появления приращения: *δίναν* '[они] давали' [Af_07_01].

⁷ Это явление характерно для северногреческих диалектов в целом.

⁸ По сведениям Брайана Ньютона, в XV в. Самос был заселен носителями северногреческих диалектов [Newton 1972: 14].

которых языковой вариант Константинополя также мог испытывать. По свидетельству Пауля Кречмера [Kretschmer 1905: 337–338], в северногреческом диалекте о-ва Лесбос пассивный имперфект засвидетельствован исключительно с тематическим /о/.

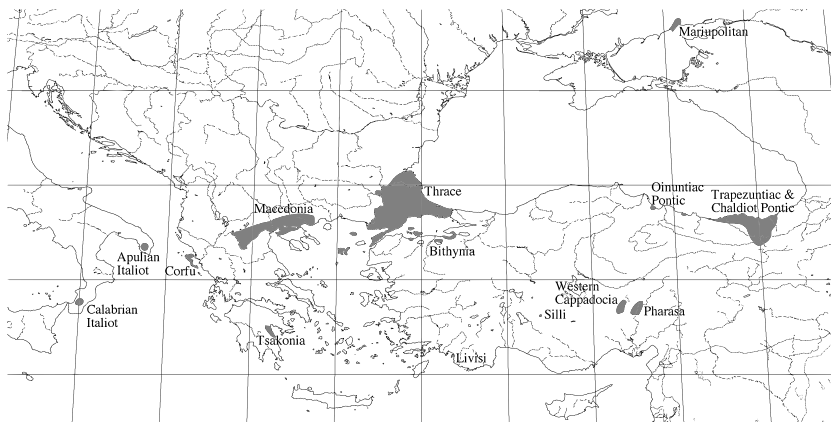
Интересно сопоставить эти данные со сведениями из грамматики Джироламо Джермано, составленной в 1622 г., которая также фиксирует формы с тематическим /и/ и приводит примеры: *ἐγραφοῦμονν* ‘меня писали’, *ἠγαλοῦμονν* ‘меня любили’ [Pernot 1907: 137]. При этом формы с тематическим /о/ полностью отсутствуют в обоих спряжениях. Джироламо Джермано провел двадцать два года на о. Хиос⁹, где занимался миссионерской деятельностью, поэтому в его грамматике можно ожидать влияние северного варианта греческого языка. Более ранняя грамматика народного греческого языка, составленная до 1550 г. Николаосом Софьяносом, напротив, дает только форму с тематическим /о/ [Legrand (ed.) 1870: 51], ориентируясь, по всей видимости, на иные представления о норме. Николаос Софьянос родился на о. Корфу, а затем переехал в Венецию. Поэтому его грамматика отражает представления о народном греческом языке, сложившиеся к XVI в. в образованных кругах итальянских греков. Таким образом, колебания тематического гласного в формах пассивного имперфекта фиксируются уже при первых попытках нормализации греческого народного языка.

2. Союз *που*

Описывая синтаксические отличия константинопольского диалекта от нормы греческого языка, Николаос Кондосопулос указывает на широкое употребление союза *που* ‘что, который’ для ввода разных типов придаточных предложений — дополнительных, цели, следствия и т. д., для которых в нормативном языке используется ряд других союзов (*ὅτι* ‘что’, *πὺς* ‘что’, *ὅταν* ‘когда’ и др.). В частности, отдельно фиксируется ввод сравнительных придаточных предложений с помощью союза *σαν που* ‘как будто’ вместо

⁹ Диалект о-ва Хиос относится к северногреческим островным диалектам, однако он выделяется из группы диалектов Додеканнеса (см., например: [Κοντοσόλουος 1994]). Отдельные его черты оказываются ближе к материковым греческим диалектам, что можно объяснить интенсивными торговыми контактами с крупными городами Османской империи, в первую очередь с Константинополем, в Новое время.

Рис. 1. Употребление *που* с большинством типов придаточных [Nicholas 1998: 265]

н.-греч. *καθώς*. Эти данные также во многом основываются на сравнении двух редакций «Моего путешествия» Янниса Психариса.

Сведения грамматик новогреческого языка по этому вопросу разнятся. Анастасиос Христидис [Χριστίδης 1982] и Джеффри Хоррокс [Hogrocks 1997: 352] считают, что союз *που* используется довольно редко и вводит исключительно определительные придаточные предложения и предложения, вводимые сказуемыми с эмотивным значением. В других случаях используется множество разных союзов: дополнительные придаточные (*ὅτι, πως*), временные (*ὅταν, ἐνὼ* ‘в то время как’) и проч. В то же время в [Holton et al. 1997: 451] обсуждаются примеры придаточных предложений с союзом *που*, вводимых глаголами речевой / мыслительной деятельности. При этом указывается, что союз *που* является маркером фактивности и обеспечивает истинность описываемых в предложении событий, тогда как предложения, вводимые союзами *ὅτι* и *πως*, представляют события желательные или возможные.

В греческих диалектах употребление придаточных предложений с союзом *που* оказывается более разнообразным. На рис. 1 представлена карта областей, в которых союз *που* получил наибольшее распространение (эти области выделены серым цветом).

Союз *που* в речи информантов из Константинополя сохраняет свои расширенные функции и вводит довольно широкий спектр придаточных предложений. Употребление союза *που* в речи выходцев из Константинополя можно проиллюстрировать

на материале разных типов придаточных предложений. Союз *που* вводит придаточные относительные:

- (2) *aft-ó* **pu** *plén-ume* *ta*
 3-N.SG.NGEN который мыть.IPFV-PRS.1PL DEF.N.PL.NGEN
pját-a *imís* *to=léγ-ame*
 тарелка-PL.NGEN 1PL.NOM 3.N.SG.NGEN=говорить.IPFV-PST.1PL
pinakoplít-i
 губка-SG.OBL
 ‘То, с помощью чего моем тарелки, [мы] называли «пинакоплитис» (губкой для мытья посуды)’
[Af_07_02-2]

По правилам стандартного новогреческого языка в примерах типа (2) должно употребляться союзное слово *ο ολοίος* ‘который’ с предлогом, хотя в современном разговорном языке употребление *που* в данной ситуации является возможным. Так, в примере (3), весьма похожем на (2), союз *που* заменяет конструкцию «*ο ολοίος* с предлогом»:

- (3) *είναι* *η* *τρίτ-η* *δουλει-ά*
 быть.PRS.3SG DEF.F.SG.NOM третий-F.SG.NGEN работа.SG.NGEN
που *κάν-ω* *αίτησ-η*
 который делать-PRS.1SG заявление-SG.NGEN
 ‘[Это] третья работа, на которую [я] подаю заявление’
[Alexoroulou 2006: 99]

Носители новогреческого языка оценивают такие предложения как неграмотные, но допустимые.

Союз *που* употребляется со значением ‘когда’:

- (4) *káthe* *xrón-o* **pu** *ḍín-an* *ta*
 каждый год-SG.ACC который давать.IPFV-PST.3PL DEF.N.PL.NGEN
ḍiplóma-ta *é-pern-e* *pénde* *orology-ákj-a*
 диплом-PL.NGEN PST-брат.ИПФВ-ПСТ.3СГ пять час-DIM-PL.NGEN
k^e *é-ḍín-e* *s* *aft-á* *pu*
 и PST-давать.ИПФВ-ПСТ.3СГ в 3-N.PL.NGEN который
výén-an *prót-a*
 выходить.ИПФВ-ПСТ.3СГ первый-N.PL.NGEN
 ‘Каждый год, когда выдавали дипломы, [он] брал пять пар часов и раздавал тем [детям], которые выходили первыми’
[Af_07_01]

По правилам современной грамматики новогреческого языка в предложении типа (4) должен быть употреблен союз *όταν*, однако указанный вариант также является допустимым.

В дополнительных придаточных, вводимых глаголами речевой/мыслительной деятельности, также используется союз *που*:

- (5a) *ḡen=θél-o* *na=to=p-o* *ja*
 NEG=хотеть-PRS.1SG SBJV=3.N.SG.NGEN=говорить.PFV-PRS.1SG для
na=mi=nomís-i *i* *neolé-a*
 SBJV=NEG=считать.PFV-PRS.3SG DEF.F.SG.NOM молодежь-SG.NGEN
i *simerin-í*
 DEF.F.SG.NOM сегоднешний-F.SG.NGEN
pu tus=mikrodíxn-o
 что 3.M.PL.OBL=унижать.IPFV-PRS.1SG
 ‘Не хочу этого говорить, чтобы современная молодежь не думала, что [я] высказываюсь о ней презрительно’ [Af_07_04]

- (5b) *nómiz-e* *pu ítan* *élin-as*
 считать.IPFV-PST.3SG что быть.PST.3SG грек-SG.NOM
 ‘[Он] думал, что [он] грек’ [Af_07_01]

В примерах (5a) и (5b) нарушается правило стандартного новогреческого языка, по которому употребление союза *που* с путативными глаголами должно указывать на то, что информация, содержащаяся в придаточном предложении, является свершившимся фактом, а не предположением агенса главного предложения [Holton et al. 2007: 458–459]; о различиях значений придаточных предложений, вводимых союзами *ότι/πως* и *που* см.: [Roussou 2012: 4]. Итак, (5a–б) недопустимы для новогреческой языковой нормы. Не исключено, что в начале XIX — конце XX вв. ограничения на употребление союза *που* в южногреческом языковом варианте были более жесткими. В частности, именно чрезмерное употребление союза *που* стало объектом критики в книге Янниса Психариса, где встречаются предложения, аналогичные (5a–б):

- (б) *Δέν εἶμαι* *τόσο νέ-ος,* *δέν εἶμαι*
 NEG быть.PRS.1SG столь молодой-M.SG.NOM NEG быть.PRS.1SG
καὶ τόσο παιδ-ί, *γὰρ νὰ νομίζ-ω*
 и столь ребенок-SG.NGEN для SBJV= считать.IPFV-PRS.1SG

ποῦ	<i>κατόρθωσ-α</i>	μ'	<i>ἀφτ-ό</i>	<i>μου</i>
что	достигать.PFV-PST.1SG	с	3-N.SG.NGEN	=POSS.1SG
τὸ	<i>βιβλί-ο</i>	νὰ	<i>λύσ-ω</i>	
DEF.N.SG.NGEN	книга-SG.NGEN	SBJV=	решать.PFV-PRS.1SG	
τὸ	<i>πρόβλημα-ᾶ</i>	ποῦ	<i>μᾶς</i>	
DEF.N.SG.NGEN	проблема-SG.NGEN	который	1PL.OBL=	
<i>βασανίζ-ει</i>	<i>ὅλ-ους</i>			
мучить.IPFV-PRS.3SG	весь-M.PL.ACC			

‘[Я] не настолько молод, не настолько ребенок, чтобы считать, что [мне] удалось с помощью этой книги справиться с той проблемой, которая беспокоит всех нас’ [Ψυχάρης 1888: γ’]

Как видно из рис. 1 на с. 220 расширенное употребление придаточных с *μου* характерно также для диалектов Восточной Румелии, распространенных в непосредственной близости к Константинополю и, по всей видимости, повлиявших на закрепление этой черты в языке города.

3. Падеж косвенного дополнения

Общей чертой языка Константинополя и всей группы северногреческих диалектов, отличающих их от новогреческой нормы, является использование личных местоимений, выступающих в роли косвенного дополнения, в аккузативе, а не в генитиве. Сегодня в речи константинопольских греков употребляются обе падежные формы и наблюдается нерегулярное чередование форм *μου / με* <1SG.GEN / ACC>, *σου / σε* <2SG.GEN / ACC>, *του / τον* <3.M.SG.GEN / ACC>, *της / την* <3.F.SG.GEN / ACC>:

- (7a) *na=su=p-o*
 SBJV=2SG.GEN=говорить.PFV-PRS.1SG
 ‘[я могу] тебе сказать’ [Af_07_01]
- (7б) *na=se=ḍín-o*
 SBJV=2SG.ACC=давать.IPFV-PRS.1SG
 ‘[я могу] тебе давать [объяснения]’ [Af_07_04]
- (7в) *θa=su=ḍíks-o*
 FUT=2SG.GEN=показывать.PFV-PRS.1SG
 ‘[я] тебе покажу’ [Af_07_04]

- (7Г) *se=ta=ḏíxn-o*
 2SG.ACC=3.N.SG.NGEN=показывать.IPFV-PRS.1SG
 ‘[я] тебе это показываю’ [Af_07_04]

В речи старшего поколения преобладает тенденция к употреблению форм аккузатива. Данная нерегулярность, с одной стороны, может быть связана с более поздним влиянием южногреческого нормативного варианта. С другой стороны, прослеживается тенденция употреблять аккузатив при наиболее частотных глаголах со значениями ‘говорить’, ‘давать’, ‘показывать’, в то время как с глаголами более высокого стиля предпочтительным оказывается генитив. Сходная тенденция закрепляется в константинопольских текстах разговорного жанра середины XIX в.:

- (8) *Kaí μὲ λέγ-ει:* *ἄκουσ-έ*
 и 1SG.ACC= говорить.IPFV-PRS.3SG слушать.PFV-IMP.2SG
με, ἔχ-ω *νὰ σοῦ* *ὀμιλήσ-ω»*
 =1SG.ACC иметь.PRS-PRS.3SG SBJV= 2SG.GEN= говорить.PFV-PRS.1SG
 ‘И говорит мне: «Послушай меня, у меня есть к тебе разговор»’
 [Πνευματικάς 1853b: 4]

В примере (8) сочетание глагола *λέω* ‘говорить’ низкого стиля с аккузативом противопоставляется глаголу высокого стиля *ὀμιλῶ* ‘разговаривать, говорить’ с генитивом. В литературных текстах поколения 1880-х гг., в частности у Александра Пападиамандиса и Георгиоса Визииноса, складывается традиция употребления личных местоимений в генитиве в авторской речи и в аккузативе — в прямой речи персонажей. За счет этого грамматическая особенность северных диалектов обыгрывается как литературный прием. Яннис Психарис выбирает для первого издания «Моего путешествия» компромиссный вариант между северной и южной нормой греческого языка и употребляет в аккузативе исключительно личные местоимения 1 и 2 л., например:

- (9а) *μὲ φαίν-εται*
 1SG.ACC= казаться.IPFV-PRS.PASS.3SG
 ‘Мне кажется’ [Ψυχάρης 1888: γ’]

- (9б) *νὰ σὲ πού-νε*
 SBJV= 2SG.ACC= говорить.PFV-PRS.3PL
 ‘Пусть тебе скажут’ [Ψυχάρης 1888: γ’]

Местоимения 3 л., выступающие в роли косвенного дополнения, последовательно используются в генитиве¹⁰. Соответственно в первом варианте «Моего путешествия» (своего рода «эталона» греческого народного языка) производится попытка совместить северные и южные диалектные тенденции, однако во второй редакции Яннис Психарис переделывает текст и выравнивает употребление личных местоимений, ориентируясь на южногреческий вариант.

4. Глагол

Из константинопольских диалектных черт, относящихся к глагольной системе и не прижившихся в норме новогреческого языка и практически не используемых в новогреческой литературе (за исключением отдельных ее образцов), следует выделить три:

⇒ особые формы некоторых типов имперфективных основ: *kófto* ‘резать’ vs. н.-греч. *κόβω*, *krífto* ‘прятать’ vs. н.-греч. *κρύβω*, *díxto* ‘показывать’ vs. н.-греч. *δείχνω*, *spróxto* ‘толкать’ vs. н.-греч. *σπρώχνω*. Подобные типы имперфективных основ встречаются в отдельных северногреческих диалектах, в частности на о. Лесбос: *kóftu*, *kríftu*, *skáftu*, *ráftu* [Kretschmer 1905: 287]. О более широком распространении данных форм свидетельствует «Грамматика» Николаоса Софьяноса, где приводится форма *κόφτω* в качестве нормативной [Legrand (ed.) 1870: 43];

⇒ более широкое, нежели в нормативном новогреческом, использование имперфективных основ с суффиксом *-sk-*; например: *mnísko* ‘помнить’ vs. н.-греч. *θυμάμαι* (ср.: д.-греч. *μνινῆσκω*), *reθνísko* ‘умирать’ vs. н.-греч. *πεθαίνω*;

⇒ образование аористных форм и форм будущего времени совершенного вида от слитных глаголов на *-áω* с помощью суффикса *-ks-*, по аналогии с основами на заднеязычный (например: *tha=rotíkso* ‘спрошу’ vs. н.-греч. *θα ρωτήσω*, *tha=zitíkso* ‘попрошу’

¹⁰ Йоргос Бабиниотис [Μπασιλιώτης 1994: 77–106] предпринимает попытку воссоздать лингвистическую логику Янниса Психариса, который, в отличие от других греческих литераторов своего времени, придерживался четкой системы при написании своего сочинения «Мое путешествие». Яннис Психарис предпочел не выражать свою языковую позицию эксплицитно, а создать текст на нормативном, с его точки зрения, языковом варианте.

vs. н.-греч. *θα ζητήσω*). Этому явлению также можно найти параллели в северногреческих диалектах, где суффикс *-ks-* оказывается продуктивным для имперфективных основ на *-z*; например, форма аориста: лесб. *ksétaksa* '[я] изучил' [Kretschmer 1905: 305] vs. н.-греч. *εξέτασα*.

Согласно наблюдениям Джеффри Хоррокса [Horrocks 1997: 449–450], перечисленные морфологические особенности характерны для языка первой версии «Моего путешествия» Янниса Психариса. Кроме того, они встречаются в общепризнанных литературных образцах константинопольского диалекта, которыми принято считать поэзию Константиноса Кавафиса и прозу Йоргоса Феотокаса (роман «Леонис» в первой редакции 1940 г.). Эти тексты являются немногочисленными примерами использования особенностей языка Константинополя в литературе, и именно они обычно используются как основной материал для изучения языка Константинополя, в частности, на них ориентируется в своем исследовании Николаос Кондосопулос [Κωντοσόπουλος 1994: 135]. Важным источником по языку Константинополя является также непрофессиональная литература: мемуарная проза и тексты низкого стиля, приближающиеся к авторскому городскому фольклору. В такого рода сочинениях указанные особенности встречаются редко, например: *διόχτουιν* 'гонят' [Πνευματικάς 1853b: 6]¹¹.

Перечисленные черты не встречаются в речи носителей константинопольского диалекта в настоящее время. Не исключено, что они утрачиваются, поскольку исключаются из языка греческой литературы. В этом случае, возможно, следует говорить о том, что для языка Константинополя сохранность диалектных черт зависит от их усвоения в письменном языке XIX–XX вв., поскольку более стойкими диалектными чертами, сохраняющимися в речи носителей на данный момент, оказываются как раз те, которые получили широкое распространение в языке греческой литературы (о формировании языка греческой литературы подробнее см.: [Кисилиер, Федченко 2011]).

В произведениях крупнейших представителей поколения 1880-х гг. — Александроса Пападиамандиса и Георгиоса Визииноса — встречаются отдельные особенности константинопольского

¹¹ Сатиры Пневматикаса были написаны для устной декламации на улицах города и опубликованы в маленьких дешевых брошюрах.

диалекта, среди которых следует в первую очередь упомянуть лексические варианты: *iksévno*¹² / *ksévno* ‘знать’ vs. н.-греч. *ξέρω*¹³. Форма *iksévno* / *ksévno* представлена в средневековых текстах и, по-видимому, является общей чертой северо-восточных греческих диалектов, в частности, диалекта Восточной Румелии и Фракии, диалекта о-ва Хиос¹⁴. Благодаря тому, что эти диалекты территориально примыкали к Константинополю, в языке Константинополя также закрепляется форма *iksévno* / *ksévno*. В целом, как видно из анализа текстов низкого стиля, включающих в себя элементы разговорного языка города, в редких случаях в языке Константинополя и в других словах отсутствует характерное для стандартного новогреческого упрощение ударного дифтонга /éu/ в /e/, например: конст. *ψεῖμα* ‘ложь’ [Πνευματικάς 1853а: 7] vs. н.-греч. *ψέμα*. Формы *ksévno* и *iksévno* являются своеобразным маркером константинопольского диалекта и употребляются информантами и по сей день [Af_07_01; Af_07_04].

В литературе XIX и даже XX вв., например, у Андреаса Каркавицаса, Элли Пападимитриу, в поэзии Одиссеаса Элитиса, Костаса Кариотакиса и др., также наблюдаются отдельные грамматические отклонения, свойственные, в первую очередь, языку Константинополя: сохранение в ряде глаголов тяжелого приращения и древнегреческой формы сильного аориста вместо новой формы, образованной с помощью перфектного суффикса /-k-/: конст. *ίντα* ‘[я] нашел’ vs. н.-греч. *βρήκα*, конст. *ίνυα* ‘[я] вышел’ vs. н.-греч. *βγήκα*. Данные формы можно охарактеризовать как диалектную черту Додеканнеса, зафиксированную, например, в диалекте о-ва Карпатос, в песнях о-вов Касос и Кос: *ήβγε η νύφη στο χορό* ‘вышла невеста танцевать’ [Музыкальный архив 2006]. Такие же формы используются и в современной речи выходцев из Константинополя. Можно предположить, что употребление форм с тяжелым приращением было гораздо более

¹² Наиболее распространенным орфографическим вариантом этой формы является *ήξεύρω*, однако возможен и другой вариант в аористе: *εἰξέυρε* [Βασιλειάδης 1923: 6].

¹³ В северо-западных диалектах этой форме соответствует вариант *ksíeru* [Baltazani, Topinzi 2010: 62], а в диалекте о-ва Лесбос употребляется нормативная форма *kséru* [Kretschmer 1905: 294].

¹⁴ У Александра Паспатиса приводится хиосский вариант новогреческой поговорки: *όποιος ξοδεύει δεκοχτώ, κι έν σοδεύει τριάντα, στην φυλακή τόν κουβαλούν κι έν ηξέύρει γιάντα* ‘Кто тратит восемнадцать и не приобретает тридцать, того волокут в тюрьму, а он ни о чем не подозревает’ [Πασπατίς 1888: 157].

распространено, и они (за исключением отдельных случаев) были вытеснены языковой нормой. Основанием для подобного предположения может служить сопоставление константинопольского материала с данными из других диалектов — Додеканнеса и Смирны, где тяжелое приращение применяется весьма последовательно.

Диалекты Смирны и Константинополя, в целом, обладают некоторыми общими чертами, которые в диалекте Смирны сохранились лучше. В воспоминаниях уроженца Смирны греческого художника и исследователя театра теней Николаоса Карцонакиса Накиса (1899–1977) можно отметить существенно большее количество форм с тяжелым приращением: *ἤπαιζε* ‘[он] играл’ vs. н.-греч. *έπαιζε*, *ἤρχοντανε* ‘[он] пришел’ vs. н.-греч. *ερχόταν*, *ἤβγε* ‘[он] вышел’ vs. н.-греч. *βγήκε* [Καρτωνάκης-Νάκης 1972]. В форме *ἤρχοντανε* можно отметить еще одну параллель с константинопольским материалом — форму пассивного имперфекта с тематическим гласным /u/.

Характерной чертой языка Константинополя считается употребление йотированной формы конъюнктива и императива, образованных от перфективной основы глагола *βλέπω* ‘видеть’: *πα=ḍ^j-ο* <SBJV=видеть.PFV-PRS.1SG> vs. н.-греч. *να δω*, *ḍ^j-es* <видеть.PFV-IMP.PFV.2SG> vs. н.-греч. *δεξ*. Эта особенность, характерная также для фракийского диалекта, встречается в текстах даже таких принципиально отличающихся друг от друга в языковом отношении писателей XIX в., как Яннис Психарис и Георгиос Визинос. В языке современных носителей подобные формы, по всей видимости, вытесняются нормализованными вариантами без /j/.

5. Позиция несогласованного определения

В современных материалах по константинопольскому диалекту присутствует синтаксическая черта, на которую исследователи до сих пор не обращали внимания — тенденция к препозиции несогласованного определения по отношению к именной группе. В первую очередь это характерно для тех случаев, когда несогласованным определением является одушевленное имя существительное:

(10a) <i>tu</i>	<i>babá-∅=mu</i>	<i>tis</i>
DEF.M.SG.GEN	отец-SG.OBL=POSS.1SG	DEF.F.SG.GEN
<i>jajá-z=mu</i>	<i>i</i>	<i>ikojén^j-a</i>
бабушка-SG.GEN=POSS.1SG	DEF.F.SG.NOM	семья-SG.NGEN

- ðilaðí tu babá-∅=mu i*
 то.есть DEF.M.SG.GEN отец-SG.OBL=POSS.1SG DEF.F.SG.NOM
mat-á íx-ane karáv^j-a ítane
 мать-SG.NGEN иметь.PST-PST.3PL корабль-PL.NGEN быть.3PL.PST
psaráð-es
 рыбаки-PL.NGEN
 ‘У семьи моей бабушки со стороны отца, то есть у папиной мамы, были лодки, [они] были рыбаками’ [Af_07_04]
- (106) *i θí-a elisávet tu*
 DEF.F.SG.NOM тетя-SG.NGEN Элисавет DEF.M.SG.GEN
peθer-í=mu i aðelf-í pu
 свекр-SG.GEN=POSS.1SG DEF.F.SG.NOM сестра-SG.NGEN который
é-min-e s-to névsexir
 PST-жить.PFV-PST.3SG в-DEF.N.SG.NGEN Невшехир
 ‘Тетя Элисавет, сестра моего свекра, которая жила в Невшехире’ [Af_07_03]

В письменных прозаических текстах также встречается употребление несогласованного определения в препозиции, если оно выражено именем собственным или одушевленным существительным:

- (11a) *ὅλ-οι ξεύρ-ετε τὸ βύζαντιν-ὸ*
 весь-N.PL.NOM знать-PRS.2PL DEF.N.SG.NGEN византийский-SG.NGEN
τῆς Μπαλουκλιώτισας τὸ ἄγιασμα-∅
 DEF.F.SG.GEN Балуклиотиса-SG.GEN DEF.N.SG.NGEN источник-SG.NGEN
 ‘Вы все знаете византийский источник Балуклиотисы’
 [Βασιλειάδης 1923: 9]
- (116) *ἐδῶ εἶνε τοῦ Κωνσταντίνου*
 здесь быть.PRS.3SG DEF.M.SG.GEN Константин-SG.GEN
αὐτοκράτορος ὁ τάφ-ος
 император.OBL-SG.GEN DEF.M.SG.NOM могила-SG.NOM
 ‘Здесь находится гробница императора Константина’
 [Βασιλειάδης 1923: 8]

Если в предложении присутствуют два разных определения, то согласованное будет употреблено перед несогласованным:

- (12) *ἐδῶ οἱ χριστιαν-οὶ διάλεξ-αν*
 здесь DEF.PL.NOM христиане-PL.NOM выбрать.PFV-PST.3PL

τόπ-ο για τὸν αἰώνι-ο τοῦ
 место-SG.NGEN для DEF.M.SG.ACC вечный-SG.NGEN DEF.M.SG.GEN
αὐτοκράτορ-ος ὕπν-ο
 император.OBL-SG.GEN сон-SG.NGEN
 ‘Здесь христиане выбрали место для вечного сна императора’
 [Βασιλειάδης 1923: 9]

В сочетании с неодушевленными существительными препозиция несогласованного определения встречается существенно реже, однако она тоже возможна:

(13) *alá ótan én-a angáθ-i pu*
 но когда INDF.NF-N.SG.NGEN колючка-SG.NGEN который
meγalón-i ke vyáz-i én-a
 расти.IPFV-PRS.3SG и выпускать.IPFV-PRS.3SG INDF.NF-N.SG.NGEN
eksoṭik-ó lulúð-i
 экзотический-N.SG.NGEN цветок-SG.NGEN
to=pandréps-is me ti
 3.N.SG.NGEN=женить.PFV-PRS.2SG с DEF.F.SG.NGEN
maryarít-a i tis maryarítas
 маргаритка-SG.NGEN или DEF.F.SG.GEN маргаритка-SG.GEN
to jén-os θa=xath-í i
 DEF.N.SG.NGEN род-SG.NGEN FUT=терять.PFV.PASS-PRS.3SG или
θa=vy-í én-a lulúð-i
 FUT=выходить.PFV-PRS.3SG INDF.NF-N.SG.NGEN цветок-SG.NGEN
teratómat-o
 уродливый-N.SG.NGEN

‘Но если колючее растение, которое вырастает и цветет экзотическим цветком, скрестить с маргариткой, или семейство маргаритки погибнет, или получится уродливый цветок’¹⁵
 [Af_07_04]

Такой порядок слов в именной группе встречается в новогреческих диалектах и обычно связан с эмфатическим выделением несогласованного определения. Однако среди примеров (10a)–(13) только в некоторых (в частности, в последнем) можно усматривать эмфазу. Данный порядок слов является обычным

¹⁵ Так информант аллегорически описывает смешанные браки.

только для каппадокийского диалекта [Ralli 2006: 127], в котором, по мнению Марка Янсе [Janse 2001], он является результатом интерференции с турецким языком. Применительно к константинопольскому диалекту, по-видимому, также справедливо говорить о турецком контактном влиянии, тем более что все опрошенные носители диалекта являются билингвами и в совершенстве владеют турецким языком. Не стоит исключать и влияние каппадокийского диалекта, так как предки некоторых информантов были родом из Каппадокии. В целом, в середине XIX в. город наполнился малоазийскими греками, заселившими старые греческие районы Константинополя — Фанари и его окрестности.

6. Лексические заимствования

Описанные выше грамматические явления, скорее, представляют собой набор отдельных форм, в употреблении которых не всегда удастся установить закономерность. Большинство из них является результатом контактов языка Константинополя с северо-восточными диалектами греческого языка. Можно предположить, что они закрепляются в языке города в XIX в. в период усилившейся миграции греческого населения с островов Эгейского моря и материковой Греции в Константинополь.

С XIX в. константинопольский диалект постепенно перестает диктовать общегреческую норму и подвергается интенсивному влиянию преимущественно соседних диалектов. На протяжении XIX в. после образования Греческого государства греки Стамбула находятся на периферии греческого мира, они продолжают оставаться тем «неспасенным» греческим населением (*αλύτρωτος Ελληνισμός*), как в Греции было принято официально называть все греческое население Османской империи еще в XIX в.

Константинопольский ученый-лексикограф Скарлатос Византиос, описывая язык, на котором говорит население Константинополя в середине XIX в., утверждает, что, по сравнению с турками и евреями, греки, за исключением представителей высшего сословия, используют худший из возможных языковых вариантов. Причину этого он видит в том, что греческое население съезжается в Константинополь из разных провинций и привозит с собой разные просторечные выражения. Для иллюстрации

безграмотности Скарлатос Византиос приводит следующие примеры неверного, с его точки зрения, произношения [Βυζάντιος 1869: 599]:

- ⇒ конст. ἀδρεφός ‘брат’ vs. н.-греч. αδελφός;
- ⇒ конст. ἀγραστίηρι¹⁶ ‘мастерская’ vs. н.-греч. εργαστήριον;
- ⇒ конст. ἀλάμου ‘сверху’ vs. н.-греч. επάνω.

В сущности, Скарлатос Византиос указывает на общую лексическую пестроту константинопольского диалекта, которой тот обязан междиалектным и межъязыковым контактам.

Непрофессиональные попытки описания языка константинопольских греков, предпринимаемые самими носителями данной языковой традиции, ограничивались созданием диалектных глоссариев. На сегодняшний день в Афинах существует два крупных общества константинопольских греков: более старое «Σύλλογος Κωνσταντινουπολιτών» ‘Общество константинопольцев’ и «Ένωση Κωνσταντινουπολιτών» ‘Объединение константинопольцев’. Эти общества занимаются различной общекультурной деятельностью, в частности, собирают данные о константинопольском диалекте. В обществах константинопольских греков в Афинах были изданы три диалектных словаря [Αλευρόπουλος 1996; Τσάμης 1998; Ψημάδης 2005], позволяющие составить некоторое представление о лексических особенностях диалекта — турецких и романских заимствованиях. Словарь Стилианоса Цамиса [Τσάμης 1998] даже снабжен диалогами на диалекте. Из попыток описания константинопольской лексики стоит упомянуть также список слов и выражений, опубликованный сравнительно недавно в [Χαρισιάδου 2007].

Греки не константинопольского происхождения отмечают, в первую очередь, лексическое своеобразие диалекта. Таким образом, можно утверждать, что в греческой культуре уже сформировался определенный стереотип константинопольской речи.

В языке сегодняшних выходцев из Константинополя используется иноязычная лексика, несвойственная современному греческому языку. В первую очередь, следует выделить пласт французской лексики, заимствованной на поздней стадии — в XIX в. К этой группе относятся слова, связанные с образованием, этикетом и светским времяпрепровождением:

¹⁶ Вариант ἀγραστίηρι Скарлатос Византиос приводит и в своем словаре с пометкой «просторечное» [Βυζάντιος 1835: 94]. В других источниках указанную форму обнаружить не удалось.

- ⇒ *ampluajé* ‘служащая’ [Af_07_04] < франц. *employé*;
- ⇒ *dekupáz* ‘резьба по дереву’ [Af_07_01] < франц. *decoupage*;
- ⇒ *demánd* ‘заявление’ [Af_07_01] < франц. *demand*;
- ⇒ *diné* ‘официальный обед’ [Af_07_01; Af_07_04] < франц. *dîner* ‘обед’;
- ⇒ *engarsón* ‘в мужской компании’ [Af_07_04] < франц. *en garçon*;
- ⇒ *filatelist* ‘филателист’ [Af_07_01] < франц. *philatelite*;
- ⇒ *karǵé* ‘квартал’ [Af_07_01] < франц. *quartier*;
- ⇒ *kǵurdán* ‘зубочистка’ [Af_07_04] < франц. *cure-dent*;
- ⇒ *madám* ‘хозяйка дома’ [Af_07_02-1] < франц. *madame*;
- ⇒ *mantalité*¹⁷ ‘менталитет’ [Af_07_04] < франц. *mentalité*;
- ⇒ *otór* ‘авторитет’ [Af_07_01] < франц. *autorité*;
- ⇒ *patisériðes*¹⁸ (мн. ч.) ‘кондитеры’ [Af_07_01] < франц. *pâtissier*;
- ⇒ *pazarí zakét* ‘показ мод’ [Af_07_01] < тур. *pazar* ‘рынок’ и франц. *jaquette* ‘пиджак’;
- ⇒ *polités* ‘вежливость / уважение’ [Af_07_01] < франц. *politesse*;
- ⇒ *restorán* ‘ресторан’ [Af_07_01] < франц. *restaurant*;
- ⇒ *sivilizé* ‘цивилизованный’ [Af_07_04] < франц. *civilisé*;
- ⇒ *fofér* ‘водитель автобуса’ [Af_07_02-1] < франц. *chauffeur* ‘водитель’ (ср.: н.-греч. *σωφέρ* ‘водитель автомобиля’);
- ⇒ *vandús* ‘продащица’ [Af_07_01] < франц. *vendeuse*;
- ⇒ *zoledám* ‘прекрасная дама’ [Af_07_04] < франц. *jolie dame*.

Французская лексика проникает даже в традиционную сферу, связанную с религиозной обрядностью. Необычным кажется появление в константинопольском диалекте лексемы *revejón* ‘ночь перед Рождеством’ [Af_07_04] < франц. *réveillon*.

¹⁷ При заимствовании не происходит прогрессивной ассимиляции: /nt/ > /nd/, как этого требует фонетика нормативного новогреческого языка. Возможно, ассимиляция отсутствует в связи с тем, что слово опознается как заимствование и за счет этого сохраняет часть фонетических особенностей языка оригинала. При критике афинской языковой нормы константинопольцы часто указывают на неграмотное произношение диграфов *мл*, *ντ*, например: *ρόμπα* ‘униформа’ /*гómba*/ vs. /*гóba*/, *σόμπα* ‘печь’ /*сómba*/ vs. /*сóba*/ [Af_07_03].

¹⁸ Это одно из немногих французских заимствований, которые адаптируются в языке и приобретают греческие падежные окончания.

Наряду со специфическими диалектными лексемами, часто используемыми в неизменяемой, неадаптированной форме, встречается также французская лексика, вошедшая в нормативный греческий язык, например:

⇒ *basklasaríá* ‘низший класс’ [Af_07_01; Af_07_03; Af_07_04] < франц. *basse classe*.

Французские заимствования принадлежат, в основном, к городской лексике, поэтому, по большей части, не имеют параллелей в соседних диалектах и составляют уникальный пласт константинопольского словаря. Именно они определяют основную лексическую специфику диалекта и сохраняются лучше, чем другие группы заимствований.

Значительная часть итальянских и венецианских лексем вошла в язык Константинополя XIX в., по-видимому, через посредничество северногреческих диалектов, например, хиосского диалекта¹⁹:

⇒ *πλουμίζω* ‘вышивать, украшать’ [Πνευματικός 1853b: 25]; ср.: хиос. *πλουμίζω* [Πασλατής 1888: 294] < лат. *plūma* ‘перо’²⁰;

⇒ *σαήτα* ‘стрела’ [Πνευματικός 1853b: 23]; ср.: хиос. *σαίττα* [Πασλατής 1888: 316] < лат. *sagitta*, ит. *saetta*;

⇒ *ζαρώ* ‘привыкать’ [Πνευματικός 1853a: 9]; ср.: хиос. *ζαρώ* [Πασλατής 1888: 160] < ит. *usare* ‘использовать’.

Другим «посредником», по-видимому, является лесбосский диалект:

⇒ *έβίβα* ‘за здоровье (тост)’ [Πνευματικός 1853a: 2]; ср.: лесб. *εβίβα* [Kretschmer 1905: 415] < ит. *evviva*;

¹⁹ В языке Константинополя XIX в. зафиксировано много заимствований из хиосского диалекта, напр:

⇒ *δεντρί* ‘деревце (диминутив)’ [Πνευματικός 1853b: 24] < хиос. *δενδρί* [Πασλατής 1888: 127];

⇒ *κτικιάζω* ‘увядать’, ‘испытывать жар’ [Πνευματικός 1853a: 3] < хиос. *χτικιάζω* [Πασλατής 1888: 391];

⇒ *γνέψμο* ‘кивок’ [Πνευματικός 1853a: 25] < хиос. *γνέμα* [Πασλατής 1888: 122];

⇒ *νοστιμάδια* ‘прелести’ [Πνευματικός 1853b: 7] < хиос. *νοστιμάδια* [Πασλατής 1888: 250].

²⁰ Как отмечает Александрос Паспатис [Πασλατής 1888: 278], этимология принадлежит Адамантиосу Кораису.

- ⇒ *κορυϊόζ-ο* <любопытный-М.СГ.АСС> ‘любопытный’, ‘забавный’ [Πνευματικός 1853а: 9]; ср.: лесб. *κουρυϊόζους* [Kretschmer 1905: 426] < ит. *curioso* ‘любопытный’;
- ⇒ *μαργιόλισα* ‘хитрая’ [Πνευματικός 1853b: 23]; ср.: лесб./фесс. *μαργιόλους* [Kretschmer 1905: 427; Χαντζιάρας 1995: 253] < венец. *mariol* ‘мошенник’;
- ⇒ *τρατάρω* ‘угощать’ [Πνευματικός 1853а: 23]; ср.: лесб. *τρατάρω* [Kretschmer 1905: 427] < ит. *trattare* ‘продавать’, ‘ухаживать (за больным)’.

Можно предположить, что под влиянием нового нормативного языкового варианта итальянские заимствования постепенно утрачивались. Тем не менее, в современном языковом материале сохранились следующие заимствования из итальянского языка:

- ⇒ *kárto* ‘четверть (часа)’ [Af_07_03] < ит. *quarto* ‘четверть’;
- ⇒ *talekvále* ‘то же самое’ [Af_07_01] < ит. *tale quale* ‘такой как; такой, который’²¹;
- ⇒ *termál* ‘горячий (источник)’ [Af_07_04] < ит. *termale* ‘тепловой’.

Несмотря на то, что все выходцы из Константинополя прекрасно владеют турецким языком и в греческом обществе существуют стереотипные представления о том, что константинопольский диалект изобилует турцизмами, турецкую лексику удалось обнаружить только в речи самой пожилой информантки [Af_07_01]:

- ⇒ *konsérva teneké* ‘консервная банка’ < тур. *teneke* ‘олово’;
- ⇒ *anadám babadám* ‘испокон веков’ < тур. *anadan babadan* ‘букв. от матери, от отца’;
- ⇒ *jabeſpará* ‘даром’ < н.-греч. *για* ‘за’, тур. *beş* ‘пять’ и *para* ‘деньги’;
- ⇒ *mezevíſja* ‘закуска’ < тур. *meze*; ср.: н.-греч. *μεζές*;
- ⇒ *koſſám* ‘великая [Турция]’ < тур. *kocam* ‘супруг’.

Практически ко всем турецким, славянским и албанским заимствованиям, встречающимся в константинопольской литературе XIX–XX вв., находятся параллели в соседних диалектах, например:

- ⇒ *τζόχνος* ‘суконный’ [Πνευματικός 1853а: 12] vs. фесс. *τσόχα* ‘сукно’ [Χαντζιάρας 1995: 475] < тур. *çoha / çuha*;

²¹ Выражение также зафиксировано в лесбосском диалекте [Kretschmer 1905: 427].

⇒ *νόμιλρε* ‘хороший (о человеке)’ [Πνευματικός 1853b: 9] vs. лесб. *νόμιλρε* [Kretschmer 1905: 431] < болг. *добър*;

⇒ *τσούλα* ‘девушка’ [Πνευματικός 1853a: 13] vs. фесс. *τσούλα* [Χαντζιάρας 1995: 474] < алб. *çirë*.

Наряду с французскими заимствованиями, уникальными для константинопольского диалекта оказываются немногочисленные заимствования из ладино:

⇒ *хахάις* ‘раввин’ [Af_07_01], *χαχάιης* [Πνευματικός 1853a: 4] < лад. *хахάι* ‘мудрец’.

Реакцией на увеличение иностранной лексики в XIX в. явились пуристические тенденции. Возможно, поэтому, а также под влиянием современной греческой нормы, сейчас в речи выходцев из Константинополя не осталось практически никаких иноязычных лексем, кроме французских. Французские заимствования, в свою очередь, являются предметом гордости данного языкового сообщества и культивируются носителями диалекта.

Интерференция с турецким и французским языками проявляется в речи информантов, не только на лексическом, но и на фонетическом уровне. Употребление шипящих /ʃ/ и /ʒ/ наблюдается в константинопольской топонимике турецкого происхождения:

⇒ *μαʃká* ‘Мачка (парк в Стамбуле, в районе Шишли)’ [Af_07_01];

⇒ *kurtulúʃ* ‘Куртулуш (район Стамбула, населенный греками)’ [Af_07_01];

⇒ *ʃiflí* ‘Шишли (район Стамбула)’ [Af_07_04].

Переход /s/ > /ʃ/ перед /j/ встретился в лексеме греческого происхождения лишь однажды:

⇒ *enʲakóʃa* ‘девятьсот’ [Af_07_02–2] vs. н.-греч. *εννεακόσια*.

Употребление шипящих характерно для всего соседнего с Константинополем региона Восточной Румелии, который также находился под сильным влиянием турецкого языка.

7. Архаизация

В османский и новейший периоды язык Константинополя развивался под постоянным влиянием тенденции к архаизации, поэтому на фонетическом и морфологическом уровнях в речи константинопольцев встречается ряд архаичных явлений. Можно предположить, что в ситуации конкуренции

с южным нормативным вариантом, которая актуальна для сообщества константинопольских греков до настоящего времени, отдельные архаичные явления культивируются информантами. К такому типу явлений можно отнести следующие:

1. Тенденция к сохранению «полногласных» форм: *eksáðelfos* ‘двоюродный брат’, *eksaðélfí* ‘двоюродная сестра’ [Af_07_01; Af_07_03; Af_07_04] vs. н.-греч. ξάδερφος, ξαδέροφη соответственно. Данная фонетическая особенность зафиксирована только в отдельных лексемах и не является регулярной.

2. В номинативе мн. ч. имена существительные и прилагательные ж. р., а также существительные м. р. на *-ης* приобретают окончание *-ε* вместо *-es* (= *ες*), как в стандартном новогреческом: *kathiyité* ‘преподаватели’ [Af_07_01; Af_07_02–1; Af_07_02–2; Af_07_05], *epoplasté* ‘судовладелец’ [Af_07_01], *vulevté* ‘депутат’ [Af_07_01], *fanaríóte* ‘житель Фанари’ [Af_07_02–1; Af_07_04], *xíóte* ‘житель о-ва Хиос’ [Af_07_02–2], *xoríáte* ‘деревенский житель’ [Af_07_02–2], *ayróte* ‘земледелец’ [Af_07_04], *mathité* ‘ученик’ [Af_07_05]. Это явление следует считать влиянием письменного архаизированного языка на устный: окончание *-ε* представляет собой древнегреческое окончание *-αι* в новогреческом произношении. В мемуарах константинопольцев встречается письменная форма этого окончания, например: *εργάται* ‘рабочие’ [Βασιλείαδης 1923: 8]. По всей видимости, архаическое окончание появляется уже в новейший период развития диалекта. Грамматики народного греческого языка XVI–XVII вв. приводят единственный возможный вариант окончания *-es* (в графике оригинала: *-αις*; см.: [Legrand (ed.) 1870: 33; Pernot 1907: 56]).

3. Сохранение архаичных форм генитива ед. ч. от некоторых типов имен существительных, принадлежавших в древнегреческом языке к первому и третьему склонению. Для константинопольского диалекта характерно употребление архаичных форм номинатива и генитива существительных ж. р. на *-ότης/-ότητα*: *ipikoótis-∅* <гражданство-SG.NOM> ‘гражданство’ [Af_07_02–1] vs. н.-греч. *υπηκοότητα*, *taftótis-∅* <удостоверение-SG.NOM> ‘удостоверение личности’ [Af_07_02–1] vs. н.-греч. *ταυτότητα*, *ipikoót-itos* <гражданство-SG.GEN> [Af_07_02–2] vs. н.-греч. *υπηκοότητας*. Можно было бы предположить, что данные формы вновь появляются в языке Константинополя в результате

распространившихся в XIX в. архаизирующих тенденций. Однако логичнее интерпретировать их как архаизмы, сохранившиеся в городском стиле, возможно, благодаря влиянию письменного официального языка. В «Грамматике» Николаоса Софьяноса [Legrand (ed.) 1870: 37] также сохраняется тип существительных ж. р. на *-της* (генитив: *-της*). Некоторые формы генитива, которые в современном греческом языке можно встретить только в названиях и застывших формулах, информанты активно употребляют: *ελλάδος* <Греция-GEN> ‘Греция’ [Af_07_02–2; Af_07_04] vs. н.-греч. *Ελλάδας* <Греция-GEN>. В текстах жителя Константинополя Никоса Василиадиса регулярно используется архаичная форма генитива для имен существительных м. р., оканчивающихся в номинативе ед. ч. на *-ης*: *τοῦ κατακτητ-οῦ* <DEF.M.SG.GEN завоеватель-SG.GEN> [Βασιλειάδης 1923: 8]²², и имен существительных, восходящих к древнегреческому третьему склонению, оканчивающихся на плавный: *ὁ αὐτοκράτωρ-Ø* <DEF.M.SG.NOM император.NOM-SG.NOM> ‘император’, *τοῦ αὐτοκράτωρ-ος* <DEF.M.SG.GEN император.OBL-SG.GEN> [Βασιλειάδης 1923: 6, 8].

4. В вокативе ед. ч. у имен существительных м. р. на *-ης* сохраняется окончание *-α*. Это явление наблюдается как в письменных текстах XIX в. — *περιηγητ-ᾶ* <путешественник-SG.VOC> ‘путешественник’ [Πνευματικός 1853а: 12], так и в языке константинопольских греков сегодня: *καθιγит-ᾶ* <учитель-SG.VOC> ‘учитель’ [Af_07_02–1].

В современном новогреческом языке данный архаичный тип образования вокатива получил широкое распространение [Holton et al. 1997: 52].

При обсуждении архаизмов в новогреческом языке следует учитывать, что в язык Константинополя они приходят двумя путями: через сознательную архаизацию или через диалектное влияние, когда архаичные формы совпадают или почти совпадают с диалектными (например, см. с. 228 о формах с тяжелым приращением). Так, сохранение полногласия (особенность 1, по-видимому, можно

²² Ранние грамматики народного греческого языка приводят разные формы генитива ед. ч. для имен существительных на *-ης*: Джироламо Джермано приводит архаичную форму с окончанием *-ου* [Pernot 1907: 58], в то время как в «Грамматике» Николаоса Софьяноса предлагается «новогреческий» вариант: *τοῦ προφήτ-η* <DEF.M.SG.GEN пророк-SG.OBL> ‘пророк’ [Legrand (ed.) 1870: 33].

признать результатом влияния пуристических тенденций и произношением, навязанным сложившейся городской языковой нормой. Соответственно, их следует отнести к более поздним изменениям, привнесенным в диалект в период языковых споров в середине XIX в. Указанные морфологические особенности (2, 3, 4), по всей вероятности, вытеснили конкурирующие демотические формы и закрепились в языке Константинополя под воздействием письменного стиля.

8. Выводы

Итак, константинопольский диалект — это городской диалект, на развитие которого повлиял ряд факторов, определивших его сегодняшнее состояние:

1. контакты с другими языками;
2. контакты с другими диалектами греческого языка, в том числе в результате миграций в Константинополь жителей из других грекоязычных областей;
3. тенденции к архаизации и попытки стандартизации.

Несмотря на эту сложную структуру, можно утверждать, что по своим особенностям константинопольский диалект стоит ближе всего к соседним диалектам, то есть к северногреческим диалектам (Восточная Румелия, Фракия), а также к диалекту о-ва Хиос.

Специалисты по новогреческой диалектологии обычно исключают константинопольский диалект из группы северногреческих диалектов, поскольку в нем нет основной фонетической изоглоссы, свойственной всем диалектам этой группы — редукции гласных /e/ и /o/ в безударной позиции. Однако наличие ярких морфологических и синтаксических изоглосс, сохраняющихся в диалекте по сегодняшний день, по-видимому, не позволяет исключать его из общедиалектной картины, даже несмотря на явные следы нормализации. Основная диалектная специфика на синхронном уровне проявляется в морфологии, синтаксисе и лексике. Часть морфологических и синтаксических явлений оказывается устойчивой к пуристическим тенденциям. Из-за недостаточной изученности средневековой греческой диалектной ситуации некоторые языковые явления плохо поддаются историко-диалектологической интерпретации.

В османский период и вплоть до конца XIX в. язык Константинополя имел нормообразующие функции и выступал в роли

северного нормативного языкового варианта. Взаимодействие константинопольского диалекта с соседними идиомами представляло собой сложный процесс взаимовлияний: городской язык усваивал диалектные черты и в то же время навязывал нормативные варианты. Поэтому часто одно и то же явление языка Константинополя может быть истолковано и как архаизм высокого стиля, и как диалектизм.

Список условных сокращений

= — показатель клитики; 1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; алб. — албанский; болг. — болгарский; венец. — венецианский; д.-греч. — древнегреческий; ед. ч. — единственное число; ж. р. — женский род; ит. — итальянский; конст. — константинопольский; л. — лицо; лад. — ладино; лат. — латинский; лесб. — лесбосский; м. р. — мужской род; мн. ч. — множественное число; н.-греч. — новогреческий; тур. — турецкий; фесс. — фессалийский; франц. — французский; хиос. — хиосский; ACC — аккузатив; DEF — определенная форма / показатель определенности; DIM — диминутив; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; INDF — неопределенная форма / показатель неопределенности; IPF — имперфект; IPFV — имперфектив; М — мужской род; N — средний род; NEG — отрицание; NF — неженский род; NGEN — негенитив; NOM — номинатив; OBL — косвенный падеж; PASS — неактивный залог; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — possessивность (притяжательное местоимение); PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число; VOC — вокатив.

Литература

- Кисилиер, Федченко 2011 — М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. О языке новогреческой литературы // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований VII*, 1, 2011. С. 409–444.
- Федченко 2008 — В. В. Федченко. Хорошо говорить по-гречески, или Переезд константинопольских греков в Афины // *Известия РГПУ им. Герцена. Аспирантские тетради* 25(58), 2008. С. 313–316.
- Alexoroulou 2006 — T. Alexoroulou. Resumption in relative clauses // *Natural Language and Linguistic Theory* 24, 1, 2006. P. 57–111.
- Baltazani, Topinzi 2010 — M. Baltazani, N. Topinzi. The phonology and phonetics of glides in North-Western Greek dialects // A. Ralli, B. D. Joseph, M. Janse, A. Karasimos (eds.). *Proceedings of 4th Modern Greek Dialects and Linguistic Theory*. Patras: University of Patras, 2010. P. 61–74.

- Browning 1983 — R. Browning. *Medieval and Modern Greek*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Holton et al. 1997 — D. Holton, P. H. Mackridge, I. Philippaki-Warbuton. *Greek: A Comprehensive Grammar of the Modern Language*. London: Routledge, 1997.
- Holton et al. 2007 — D. Holton, P. H. Mackridge, E. Φιλίππáκη-Warbuton. *Γραμματική της Ελληνικής γλώσσας*. Αθήνα: Εκδόσεις Πατάκη, 2007.
- Horrocks 1997 — G. C. Horrocks. *Greek. A History of the Language and its Speakers*. London — NY: Longman — Pearson, 1997.
- Janse 2001 — M. Janse. Cappadocian variables // M. Janse, B. D. Joseph, A. Ralli (eds.). *Proceedings of the First International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory*. Patras: University of Patras, 2001. P. 80–88.
- Kretschmer 1905 — P. Kretschmer. *Der heutige lesbische Dialect verglichen mit den übrigen nordgriechischen Mundarten*. Wien: Alfred Hölder, 1905.
- Legrand (ed.) 1870 — E. Legrand (ed.). Νικολάου Σοφιανού του Κερκυραίου γραμματική τῆς κοινῆς τῶν Ἑλλήνων γλώσσης νῦν τὸ πρῶτον κατὰ τὸ ἐν Παρισίοις χειρόγραφον. Ἀθήνησιν — Paris: Ἐν τῷ γραφείῳ τῆς Πανδώρας — Librairie Maisonneuve et Cie, 1870.
- Mackridge 1987 — P. H. Mackridge. *Greek-speaking Moslems of North-East Turkey: prolegomena to a study of the Ophitic sub-dialect of Pontic // Byzantine and Modern Greek Studies* 11, 1, 1987. P. 115–137.
- Newton 1972 — B. Newton. *The Generative Interpretation of the Dialect. A Study of Modern Greek Phonology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Nicholas 1998 — N. Nicholas. *The Story of pu: The Grammaticalisation in Space and Time of a Modern Greek Complementiser*. Completed in partial fulfilment of the degree of Doctorate of Philosophy (with coursework component). The University of Melbourne, Melbourne, 1998.
- Pernot 1907 — H. Pernot (ed.). *Girolamo Germano. Grammaire et vocabulaire du Grec vulgaire publiés d'après l'édition de 1622*. Thèse complémentaire présentée à la Faculté des lettres de l'Université de Paris. Paris: Fontenay-sous-Bois [Seine], 1907.
- Ralli 2006 — A. Ralli. *Syntactic and morphosyntactic dialectal phenomena in Modern Greek: the state of the art // Journal of Greek Linguistics* 7, 2006. P. 121–159.
- Roussou 2012 — A. Roussou. *Complements, relatives, and nominal properties*. Talk presented at the conference GIST5: “Generalizing relative strategies”. University of Ghent, 22–23 March 2012. (<http://www.gist.ugent.be/file/284>)
- Whitman 1992 — L. Whitman. *Denying Human Rights and Ethnic Identity: the Greeks in Turkey*. NY: Human Rights Watch, 1992.

- Αλευρόπουλος 1996 — Φ. Αλευρόπουλος. Λεξιλόγιο των Ελλήνων της Πόλης. Αθήνα: χ. εκδ., 1996.
- Ασάν 1998 — Ο. Ασάν. Ο πολιτισμός του Πόντου. Μεταφρ. Α. Φωτοπούλου. Θεσσαλονίκη: Κυριακίδη Αφοι, 1998.
- Βασιλειάδης 1923 — Ν. Βασιλειάδης. Θρύλοι τῆς Πόλης. Ἀθήναι: Βιβλιοπωλεῖον Λαδῖκα — Βαλιούλη, 1923.
- Βυζάντιος 1835 — Σ. Δ. Βυζάντιος. Λεξικὸν τῆς καθ' ἑμᾶς ἑλληνικῆς διαλέκτου, μεθρημηνευμένης εἰς τὸ ἀρχαῖον ἑλληνικὸν καὶ γαλλικὸν μετὰ προσθήκης γεωγραφικοῦ πίνακος τῶν νεοτέρων καὶ παλαιῶν ὀνομάτων ὑπὸ Σκαρλάτου Δ. Τοῦ Βυζαντίου. Ἐν Ἀθήναις: Ἐκ τοῦ ἐπὶ τῶν ἰδιωτ. ἔργων τμήματος τῆς Βασιλ. Τυπογραφίας, 1835.
- Βυζάντιος 1869 — Σ. Δ. Βυζάντιος. Ἡ Κωνσταντινούπολις, ἥτοι περιγραφὴ τοπογραφικὴ, ἀρχαιολογικὴ καὶ ἱστορικὴ τῆς περιωνύμου ταύτης μεγαλοπόλεως καὶ τῶν ἐκατέρωθεν τοῦ κόλπου καὶ τοῦ Βοσπόρου προαστείων αὐτῆς. Γ'. Ἀθήνησιν: Ἐκ τοῦ τυπογραφείου Ἀνδρέου Κορομηλά, 1869.
- Καρτσωνάκης-Νάκης 1972 — Ν. Καρτσωνάκης-Νάκης. Θυμάμαι τὴ Σμύρνη. Αθήνα: Το Ἑλληνικὸ βιβλίον, 1972.
- Κοντοσόπουλος 1994 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. Διάλεκτοι καὶ ἰδιώματα τῆς Νέας Ἑλληνικῆς. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη, 1994.
- Μπαμπινιώτης 1994 — Γ. Μπαμπινιώτης. Ἑλληνικὴ γλῶσσα. Παρελθόν-παρόν-μέλλον. Μελετήματα, διαλέξεις καὶ ἄρθρα (1977–1993). Αθήνα: Εκδόσεις Gutenberg, 1994.
- Παντελίδης 2003 — Ν. Παντελίδης. Το ἰδιωματικὸ στοιχεῖο στὴ γλῶσσα τῶν Απομνημονευμάτων τοῦ Θεόδωρου Κολοκοτρώνη. Ηλεκτρονικὸ βιβλίον τοῦ 6^{ου} Διεθνoῦς Συνεδρίου Ἑλληνικῆς Γλωσσολογίας, 18–21 Σεπτεμβρίου 2003. (<http://www.philology.uoc.gr/conferences/6thICGL/gr.htm>)
- Πασπατής 1888 — Α. Γ. Πασπατής. Τὸ χιακὸν γλωσσάριον ἥτοι ἡ ἐν Χίῳ λαλουμένη γλῶσσα μετὰ τινων ἐπιγραφῶν ἀρχαίων τε καὶ νέων καὶ τοῦ χάρτου τῆς νήσου. Ἐν Ἀθήναις: Ἐκ τοῦ τυπογραφείου τῶν ἀδελφῶν Περρῆ, 1888.
- Πνευματικός 1853a — Ἀ. Πνευματικός. Βουλγαροφαναριώτης ἥτοι τὰ ἀπόκρυφα τῶν ἐρωτευμένων νέων καὶ νεανίδων μετὰ διαφόρων ἐρωτικῶν γραικικῶν καὶ τουρκικῶν νέων ἀσμάτων συνταχθέντα ὑπὸ Ἀ. Πνευματικά. Ἐν Κωνσταντινούπολει: χ. εκδ., 1853.
- Πνευματικός 1853b — Ἀ. Πνευματικός. Ἠχώ τῆς Κωνσταντινουπόλεως περιέχουσα νέα ἄσματα ἐρωτικά, ἀστεία καὶ Ὀθωμανικὰ ὑπὸ Ἀναστασίου Πνευματικά. Ἐν Κωνσταντινούπολει: χ. εκδ., 1853.
- Τσάμης 1998 — Σ.-Γ. Α. Τσάμης. Εκεί στὴν Πόλη. Γλωσσάριο Κωνσταντινουπολιτικῶν ἰδιωματικῶν λέξεων. Αθήνα: Ἄλμος, 1998.
- Χαντζιάρης 1995 — Π. Δ. Χαντζιάρης. Το θεσσαλικὸ γλωσσικὸ ἰδίωμα. Γλωσσάρι — λεξικό. Αθήνα: Δημιουργία, 1995.

- Χαρισιάδου 2007 — Μ. Χαρισιάδου. Τα «πολίτικα». Αναμνήσεις και γλωσσάρι κωνσταντινουπολιτικών ιδιωματικών λέξεων και εκφράσεων // Η Κινστέρινα. Περιοδικό λόγου και τέχνης 11, 2007. Σ. 98–112.
- Χριστίδης 1982 — Α.-Φ. Χριστίδης. Πρόσθετες παρατηρήσεις για τις συμπληρωματικές προτάσεις στα Νέα Ελληνικά // Μελέτες για την Ελληνική Γλώσσα 3, 1982. Σ. 47–72.
- Ψημάδης 2005 — Ε. Γ. Ψημάδης. Έλληνο-τούρκικο λεξικό της καλής ώρας. Αθήνα: χ. εκδ., 2005.
- Ψυχάρης 1888 — Γ. Ψυχάρης. Τὸ ταξίδι μου. Αθήνα: Τυπογραφεῖο τοῦ Σ. Κ. Βλαστοῦ, 1888.
- Ψυχάρης 1905 — Γ. Ψυχάρης. Τὸ ταξίδι μου. Ἔκδοση Β΄. Αθήνα: Βιβλιοπολεῖο τῆς Ἑστίας, 1905.

Источники

- Музыкальный архив 2006 — Μουσικό Λαογραφικό Αρχεῖο Μέλπωσ Μελιέ. Ηλεκτρονικό Κέντρο Μικρασιατικῶν Σπουδῶν, Αθήνα.
- Af_07_01 — Евтерпи К. Родилась в 1910 г. в Константинополе, переехала в Афины в 1955 г. Работала с мужем в кондитерской²³.
- Af_07_02-1 — Μιλῦοσ Η. Родился в 1948 г. в Константинополе, закончил школу Зографу (*Ζωγράφειο*), служил в турецкой армии. В 1984 г. переехал в Афины; участвует в мероприятиях «Общества Константинопольцев».
- Af_07_02-2 — Ангелики Η. Родилась в 1952 г. в Константинополе, закончила «Центральную школу для девочек» (*Κεντρικό Παρθεναγωγεῖο*), переехала в Афины в 1984 г. Участвует в мероприятиях «Общества Константинопольцев».
- Af_07_03 — Μαρία Κ. Родилась в 1945 г. в Константинополе, закончила школу Запπιο (*Ζάππειο Παρθεναγωγεῖο*), в Афины переехала в 1974 г. Семья отца и матери происходят из Каппадокии: семья отца — из деревень Кесарии Каппадокийской (Μυταλαски и Αἶοσ Κωνσταντινοσ), а со стороны матери — из Карвали. Во второй половине XIX в. обе семьи переехали в Константинополь и поселились в районе Φανάρι, то есть принадлежали к так называемым «новым фанариотам». Основным занятием семьи была торговля. Работала служащей в греческой авиакомпании. Раньше была активным деятелем «Объединения Константинопольцев».
- Af_07_04 — Μαρκελλα Λ. Родилась в 1938 г. в Константинополе, переехала в Афины в 1962 г. Семья происходит из района Чаталджа. Работала в ателье в Афинах. Активный деятель «Общества Константинопольцев».
- Af_07_05 — Αδαμαντιοσ Α. Родился в 1933 г. в Константинополе, переехал в Афины в 1951 г, закончил филологический факультет Афинского университета. Редактор журнала, посвященного истории и культуре малоазийских греков.

²³ Семья Евтерпи общалась с Кемалем Ататюрком и Исметом Инёню. 243

Hans Eideneier

Köln

«ΕΝ ΑΡΧΗ ΗΝ Ο ΛΟΓΟΣ» ΚΑΙ Η ΕΥΡΩΠΑΪΚΗ ΠΑΡΕΞΗΓΗΣΗ

Της περίφημης πρώτης φράσης του Ευαγγελίου του Ιωάννη «Εν αρχή ην ο λόγος» υπάρχει μια επίσης πολύ γνωστή ερμηνεία και εξήγηση στον μονόλογο του Φάουστ στο κλασικό έργο του Johann Wolfgang von Goethe. Ο Φάουστ ανοίγει την Καινή Διαθήκη και λέει:

Γράφει εδώ «εν αρχή ην ο λόγος»!
Σκαλώνω ήδη! Με περιμένει ψόγος!
Αδυνατώ τόσο το λόγο να εκτιμήσω.
Κάπως αλλιώς πρέπει ν' αρχίσω,
Αφού με το πνεύμα ξηγώ τους αιώνους.
Πρέπει να πω: «Ην εν αρχή ο νους».
Σκέψου καλά την πρώτη λέξη,
Η πένα σου ας μην προτρέξει!
Είναι ο νους των πάντων ποιητής;
Σωστότερο θα 'ναι «εν αρχή ην η ισχύς!»
Κι όμως, ενώ πάω να το γράψω
Κι άλλο σπρώχνομαι να ψάξω.
Με το πνεύμα μόνο το νόημα θ' αλλάξεις
Και γράφω: «Ην εν αρχή η πράξις!»

(νεοελληνική μετάφραση του Πέτρου Μάρκαρη¹)

Η κλασική αυτή συζήτηση για τον λόγο δεν είναι μόνο μία από τις πιο αντιπροσωπευτικές για την ιστορία του Ευρωπαϊκού Πολιτισμού, αλλά και το καλύτερο παράδειγμα για εκείνην την ευρωπαϊκή παρεξήγηση, για την οποία ξεκινάω να σας μιλήσω.

Αν μεταφέρουμε τώρα τον «ευρωπαϊκό» αυτόν λόγο στην Ελλάδα, θα ακούσουμε άλλες απόψεις.

Πήγαινα κάποτε με το αυτοκίνητό μου από την Θεσσαλονίκη στη Χαλκιδική. Άνοιξη, ωραία μέρα, τα κέφια ανάλογα. Βάζω στο

¹ Για σχετική βιβλιογραφία παραπέμπουμε στο: [Eideneier 2006].

κασετόφωνο μια μουσική ανάλογη με την ψυχική μου ευδιαθεσία: το πέμπτο βρανδεμβούργειο κονσέρτο του Johann Sebastian Bach. Αρκετά δυνατά, ανάλογα, όπως είπαμε, με την ωραιότατη διαδρομή. Δίπλα μου ο πολύ αγαπητός μου πεθερός, Μιχάλης ο Πόντιος. Από αγένεια ή απροσεξία δεν τον είχα ρωτήσει αν του αρέσει η μουσική του Bach. Μετά από αρκετή ώρα, ευγενέστατος ο ίδιος που έβλεπε πως ήμουν στα κέφια μου και λόγω της μουσικής, αρχίζει με μια κάπως κοφτή φράση: «Σου αρέσει;» Εγώ τον βεβαιώνω πως ναι, μου αρέσει, αλλά ο κάπως απότομος τρόπος, με τον οποίο έκανε την ερώτηση, με έκανε να χαμηλώσω λιγάκι την ένταση. Μετά από λίγο όμως με ξαναρώτησε: «Τι λέει το τραγούδι;»

Εδώ σταματάμε, παρόλο που η ιστορία δε σταματάει. Αλλά η ερώτηση αυτή έδειχνε την στάση προσμονής ενός έλληνα Ευρωπαίου — που γενικά του άρεσε πολύ η μουσική — σε σχέση με έναν άλλον Ευρωπαίο, ο οποίος ξεκινούσε από μια άλλη βάση παιδείας.

Στην ορχηστρική μουσική του Bach κάτι του έλειπε, του κυρ Μιχάλη, που τον οδήγησε να κάνει την πρώτη ερώτηση: «σου αρέσει;». Από την δεύτερη ερώτηση «Τι λέει το τραγούδι;» καταλαβαίνουμε πιο καθαρά τι ήταν αυτό που του έλειπε από αυτήν τη «θαυμάσια» μουσική: ο λόγος. Μουσική χωρίς λόγο, πώς να του αρέσει; Τούτος ο πρόσφυγας Έλληνας κουβαλάει μαζί του και κρατάει μέσα στην ψυχή του μια λεπτότατη, παμπάλαια συναίσθηση των χρόνων, όταν δηλαδή η αρχαίοι ραψωδοί μπήκαν στην ιστορία, απαγγέλλοντας τα έπη τους.

Από αυτά τα παραδείγματα, του Johann Wolfgang von Goethe και του Μιχάλη Αναστασιάδη, κατανοούμε ποιες διαστάσεις πήρε ή παίρνει η ευρωπαϊκή παρεξήγηση, στην οποία αναφερόμαστε. Φαίνεται ότι πρόκειται για μια παρεξήγηση που έχει σχέση με την έλλειψη της μουσικής επένδυσης του ευρωπαϊκού λόγου.

Ο «**λόγος**» όπως τον εννοεί ο Goethe, δεν μπορεί να είναι «**λόγος**» για τον κυρ Μιχάλη, επειδή του λείπει το έτερον ήμισυ, **το μέλος**. Αλλά και η μουσική του Bach, που άκουγε ο κυρ Μιχάλης, δεν είναι μουσική, γιατί της λείπει το έτερον ήμισυ, **ο λόγος**, δηλαδή τα «**λόγια**», και φτάνουμε στο κλασικό ρητό του Πλάτωνα: «Το μέλος εκ τριών εστιν συγκείμενον, λόγου τε και αρμονίας και ρυθμού».

Ο λόγος είναι λοιπόν τόσο στενά συνδεδεμένος με τα άλλα δύο σκέλη **μέλος** και **ρυθμός**, ώστε όταν λείπει το ένα από τα τρία μέρη, δεν μπορεί να αναγνωριστεί ως «ποιητικός έντεχνος λόγος».

Και εφόσον μόνον αυτός, ο ποιητικός έντεχνος λόγος γράφεται και παραδίδεται, και όχι η καθημερινή κουβέντα, αναλαμβάνει την έννοια της ίδιας της γλώσσας. Έτσι ο αρχαιότερος Έλληνας γραμματικός, ο Διονύσιος Θράξ, που έζησε στον δεύτερο αιώνα προ Χριστού, όχι στη Θράκη, αλλά στο κέντρο του ελληνικού πολιτισμού της εποχής εκείνης, στην Αλεξάνδρεια, αρχίζει τη γραμματική του ως εξής, (εδώ σε νεοελληνική μετάφραση από τη Βαγγελιώ Θωμαδάκη):

Περί γραμματικής

Γραμματική είναι η **γνώση** που αποκτά κανείς μελετώντας αδιάκοπα όσα λέγονται συνήθως από τους ποιητές και τους συγγραφείς.

Η γνώση αυτή περιλαμβάνει τα ακόλουθα: πρώτον την **εξάσκηση στην ανάγνωση** σύμφωνα με την προσωδία, δεύτερον την **εξήγηση** σύμφωνα με τους ποιητικούς τρόπους που εμπεριέχονται στο κείμενο, τρίτον την **πρόσφορη απόδοση λέξεων** που παρουσιάζουν ιδιαιτερότητες και των πραγματολογικών στοιχείων, τέταρτον την **ανεύρεση της ετυμολογικής προέλευσης**, πέμπτον την **παρουσίαση των αναλογιών** και έκτον την **κρίση των ποιημάτων**, που είναι η πιο ελκυστική από όλες τις δραστηριότητες που σχετίζονται με την τέχνη.

Και δεν είναι καθόλου τυχαίο, πως ο όρος **ανάγνωσις** που παίζει ήδη αποφασιστικό ρόλο σ' αυτήν την πρώτη παράγραφο της Γραμματικής του Διονυσίου, είναι ο τίτλος ήδη της δεύτερης παραγράφου του έργου:

Περί αναγνώσεως

Ανάγνωση είναι η απρόσκοπτη εκφώνηση ποιημάτων ή πεζών κειμένων. Επιβάλλεται η ανάγνωση να τηρεί τους κανόνες της **υπόκρισης**, της **προσωδίας** και των **παύσεων**. Γιατί η υπόκριση μας επιτρέπει να προσεγγίσουμε τον χαρακτήρα, η προσωδία την τέχνη και οι παύσεις το νοηματικό περιεχόμενο. Έτσι θα πρέπει να είναι κανείς σε θέση να αναγιγνώσκει την τραγωδία με τον τρόπο των ηρωικών μέτρων, την κωμωδία με τον καθημερινό τρόπο, την ελεγεία με τρόπο οξύφωνο, το έπος με τόνο υψηλό, τη λυρική ποίηση μελωδικά και τα θρηνητικά άσματα με πνιγμένη φωνή και τρόπο γοερό. Αν αυτά δεν τηρηθούν, όπως προτείνεται εδώ, και ο χαρακτήρας του κάθε ποιητή διαστρεβλώνεται και η συμπεριφορά του αναγιγνώσκοντος γίνεται καταγέλαστη.

Από τέτοιες φράσεις και μόνο — για να μη ξεφύγουμε και από το θέμα μας, την ευρωπαϊκή παρεξήγηση — καταλαβαίνουμε, πόσο μια τέτοια άποψη ενός έλληνα γραμματικού απέχει από αυτά που έχουμε διδαχτεί στη Δύση εδώ και αιώνες και διδάσκουμε ακόμα και σήμερα στα σχολεία και στα πανεπιστήμιά μας.

Η ανάγνωση λοιπόν δεν είναι τίποτε άλλο από έναν τρόπο επανασυνειδοποίησης εκείνων που έχω ακούσει, θα μπορούσα να έχω ακούσει ή θα έπρεπε να έχω ακούσει. Το σχετικό ρήμα είναι το **αναγιγνώσκω**.

Σήμερα το **αναγιγνώσκω** το μεταφράζουμε απλά με το ‘διαβάζω’. Η αρχαία και μεσαιωνική σημασία είναι όμως ‘αναγνωρίζω’. Ξαναπαίρνω γνώση αυτών που έχω μάθει και ξέρω, όχι βέβαια μόνον αυτών που έχω ξαναδιαβάσει, αλλά προπαντός αυτών που έχω ξανακούσει. Όταν ο παπάς στη εκκλησία μας προαναγγέλλει το ανάγνωσμα του Ευαγγελίου, και ο ίδιος αναγιγνώσκει διαβάζοντας, και εμείς οι ακροατές αναγιγνώσκουμε ακούγοντας. Το ανα-ξανά έχει τη μεγαλύτερη σημασία. Σε καμιά άλλη ευρωπαϊκή γλώσσα το ρήμα για το διαβάζω δεν έχει αυτά τα συμφραζόμενα. Σας υπενθυμίζω απλώς πως το λατινικό *legere*, αλλά και το γερμανικό *lesen* καθώς και το αγγλικό *to read* σημαίνουν αρχικά ‘**ανιχνεύω, αποκρυπτογραφώ τα γράμματα**’, και τα ρήματα *legere* και *lesen* έχουν μεν σχέση με το ελληνικό *λέγω* και *λόγος*, όχι όμως με τη γνώση που πήρα ακούγοντας. Ο περιορισμός στον λόγο και ο αποκλεισμός των άλλων δύο στοιχείων: μέλος και ρυθμός, δηλώνονται ήδη από την ίδια τη λέξη!

Ένας άλλος όρος που πρέπει να μας απασχολήσει λίγο, είναι ο όρος **έντεχνος**. Τον αναφέραμε ήδη, αλλά πρέπει να τονίσουμε ιδιαίτερα, ότι μόνον ο έντεχνος λόγος αναγιγνώσκεται με τον τρόπο μιας ανάγνωσης όπως την περιγράψαμε. Τη στιγμή που απαγγέλλω δημόσια ή έστω και ενώπιον οποιουδήποτε ακροατή ένα κείμενο — ως ποιητής ένα ποίημα, ως ιστορικός έναν έρρυθμο και εκρητορισμένο λόγο, ως ηθοποιός ένα ρόλο τραγωδίας και κωμωδίας ή ως φιλόσοφος έναν ρητορικότατο διάλογο, απαγγέλλω ένα κείμενο που έχει ή μέτρο ή ρυθμό. Ο ακροατής αναγνωρίζει αυτό το μέτρο και αυτόν τον ρυθμό ως ανάγνωσμα που ανήκει στην τέχνη του λόγου και προϋπάρχει στην πολιτιστική του μνήμη. Όταν ο ίδιος αυτός ακροατής μιλάει ή ακούει μια καθημερινή κουβέντα τού είναι συνειδητό ότι ο λόγος αυτός δεν χρειάζεται ούτε μέτρο ούτε ρυθμό.

Στον έντεχνο αυτόν ποιητικό λόγο διακρίνουμε τρία επίπεδα ύφους: το αρχαϊζον λόγιο, το μη αρχαϊζον λόγιο, και το δημώδες ή «της Κοινής των Ποιητών» ή «της Κοινής των Αφηγητών».

Εφόσον μόνον έργα, πεζά ή ποιητικά, του έντεχνου λόγου αναγιγνώσκονται ή προορίζονται για ανάγνωσμα, τα πεζά ή ποιητικά κείμενα που δεν φτάνουν στο τρίτο επίπεδο, δηλαδή αυτό του δημώδους ύφους, και δεν μπορούν να αναγιγνώσκονται από ένα πλατύτερο κοινό, παραμένουν στην προφορική παράδοση και συνήθως και στην τοπική διάλεκτο.

Ας μην κάνουμε λοιπόν το λάθος να μιλάμε για καθημερινό λόγο στα έργα που έχουν συντεθεί έτσι ώστε να προορίζονται για ανάγωση: η γλώσσα της Καινής Διαθήκης δεν είναι — όπως διαβάζουμε σε όλα σχεδόν τα σύγχρονα εγχειρίδια για τη γλώσσα — ο καθημερινός λόγος της εποχής εκείνης. Ο Μαλάλας — *malal* σημαίνει ‘ρήτορας’ — τον 6^ο αιώνα δεν γράφει στον καθημερινό λόγο. Τα δημώδη μέρη στα Πτωχοπροδρομικά Ποιήματα του 12^{ου} αιώνα δεν είναι ο καθημερινός λόγος, όπως δεν είναι ο καθημερινός λόγος και η γλώσσα των, δήθεν λαϊκών, παραμυθιών των Χιλίων και μιας Νυχτών της Χαλιμάς. Όλα αυτά είναι έργα, το επαναλαμβάνω, γραμμένα σε επίπεδο χαμηλού, μη αρχαϊζοντος και μη λογίου ύφους της **δημώδους γραπτής Κοινής της ανάλογης εποχής**, το οποίο είναι και αυτό έντεχνος λόγος, προορισμένος για ακροατές του καιρού εκείνου — σίγουρα χαμηλότερης παιδείας. Και αν αυτήν τη μετροποίηση, τη ρυθμοποίηση, τη ρητορικοποίηση του έντεχνου λόγου από τη μεριά του ποιητή ή συγγραφέα, και την **ανάγωση**, την αναγνώριση δηλαδή από τη μεριά του ακροατή, τα ονομάζουμε και τα θεωρούμε **μελοποίηση**, τότε είμαστε πολύ κοντά, νομίζω, σε εκείνη την Πλατωνική ενότητα λόγου, μέλους και ρυθμού.

Τελικά όμως προκύπτει το ερώτημα, ποιος ευθύνεται για το ότι εμείς στην υπόλοιπη Ευρώπη κρατήσαμε μόνο τον λόγο, και χάσαμε τον τρόπο ανάγωσής του, που θα μας οδηγούσε στην ενότητα λόγου, μέλους και ρυθμού;

Αν σκαλίσουμε λίγο την ιστορία του ευρωπαϊκού πολιτισμού, θα δούμε πως το αποφασιστικό βήμα προς τον διαχωρισμό του μέλους και του ρυθμού από τον λόγο, τον είχαν κάνει ήδη οι αρχαίοι Ρωμαίοι. Εκείνοι έλεγαν τον Αισχύλο *Æschylus*, τον Σοφοκλή *Sophocles*, τον Ευριπίδη *Euripides* και τον Αριστοφάνη *Aristophanes*, τον Ηράκλειτο *Heraclitus*, τον Πλάτωνα *Plato*, τον Σωκράτη *Socrates*

και τον Αριστοτέλη *Aristoteles*, τον Δημοσθένη *Demosthenes* και τον Όμηρο *Homerus*.

Απ' αυτό και μόνο κατανοούμε ότι οι Ρωμαίοι μετέφεραν μεν στην Ρώμη τα έργα αυτών των ποιητών, φιλοσόφων και ρητόρων, όχι όμως και τον τρόπο της εκφοράς, της απαγγελίας τους δηλαδή με το σχετικό μέλος και τον σχετικό ρυθμό.

Οι αρχαίοι Ρωμαίοι της πόλεως Ρώμης θεωρούσαν την εκπαίδευση των παιδιών τους στα ελληνικά γράμματα απαραίτητη, έτσι ώστε προσλάμβαναν έλληνες δασκάλους στα σπίτια τους. Αυτή ήταν η περίφημη διγλωσσία των Αρχαίων Ρωμαίων, τα Λατινικά δηλαδή, για την χρήση στην καθημερινή επικοινωνία και τα Ελληνικά σε ότι αφορούσε στον πολιτισμό. Αυτό όμως συνέβαινε μόνο για την ελίτ κοινωνία της πολιτείας. Όσοι δεν είχαν τη ευκαιρία να διδαχτούν τα ελληνικά γράμματα, έμεναν έξω από την ανώτερη παιδεία. Αλλά ακόμα πιο σημαντικό είναι το ερώτημα, τι διδάσκονταν τελικά αυτά τα Ρωμιόπουλα. Η απάντηση είναι: τον λόγο, και συμπληρώνω: τον λόγο και μόνον τον λόγο.

Με την κατάρρευση της αρχαίας Ρώμης εξαφανίστηκε φυσικά και η ελληνική παιδεία της ανώτερης τάξης. Αλλά και η Αναγέννηση στην Ιταλία τον 14^ο ως τον 16^ο αιώνα «αναγέννησε» μόνο εκείνα τα κλασικά γράμματα που είχαν γνωρίσει οι αρχαίοι Ρωμαίοι. Οι λίγοι Έλληνες που είχαν εκπατριστεί από την Κωνσταντινούπολη ενώπιον της Οθωμανικής κατάκτησης έγιναν μεν οι πνευματικοί πατέρες της Ιταλικής Αναγέννησης, αλλά κανείς δεν ενδιαφέρθηκε, ούτε αυτήν τη φορά, στη Δύση για την μουσική επένδυση του **λόγου**.

Ο ισχύων σημερινός όρος για τέτοιου είδους ανάγνωση είναι «*performance*», που τον χρησιμοποιούμε και στα Νέα Ελληνικά, ενώ θα μπορούσαμε θαυμάσια να μιλάμε για ανάγνωσμα. Γιατί δεν τον λέμε «ανάγνωσμα»;

Όταν η Δύση με το κίνημα της Αναγέννησης ξαναθυμήθηκε όχι μόνο τα αρχαία γράμματα, αλλά και τον αρχαίο λόγο, οι Έλληνες ζούσαν υπό την οθωμανική κυριαρχία, και όταν τον 19^ο αιώνα πήραν κάποια ανάσα, καθώς διαφαίνονταν κάποια ίχνη ανεξαρτησίας — για να μην πούμε ελευθερίας — το πρώτο τους μέλημα ήταν η ανάπτυξη της παράδοσης των αρχαίων χρόνων και της κλασικής παιδείας. Εν τω μεταξύ αυτή η ενασχόληση με κλασικά αρχαία κείμενα ήταν εκατό τοις εκατό στα χέρια και στο πνεύμα της Δυτικής Ευρώπης. Και η παιδεία αυτή ακολουθούσε φυσικά τη λατινική

παράδοση. Δεν βρέθηκε τότε κανένας Έλληνας που θα μπορούσε να τους πει: μα διαβάζετε και ερμηνεύετε μόνο τον περίφημο λόγο μας, αλλά ξεχάσατε, ότι πρέπει να μάθετε και το μέλος και τον ρυθμό, που συνοδεύει απαραίτητα τον λόγο! Θα μπορούσε μάλιστα να τους πει και το άλλο: Ελάτε στις ορθόδοξες εκκλησίες μας, αν θέλετε να ακούσετε μια σωστή περφόρμανς με την ενότητα λόγου, μέλους και ρυθμού. Αλλά κι αν βρισκόταν αυτός ο άνθρωπος να τους το εξηγήσει έτσι, εκείνοι όχι μόνο δεν θα τον καταλάβαιναν, αλλά θα τον συμβούλευαν να συνέλθει και να παραδεχτεί τις υψηλοτάτου επιπέδου δικές τους γνώσεις. Έτσι συνέβη ώστε οι αρχαίες κλασικές σπουδές να γίνονται ως σήμερα με την ερμηνεία και τη σοφία της δυτικής επιστήμης και με την «λαμπρή» λατινική παράδοση, του ωμού λόγου χωρίς μουσική.

Όσο για μας! Εμάς τα γράμματα μάς τα δίδαξαν ουμανιστές φιλόλογοι, όχι φιλαρμονικοί ή φιλορρυθμικοί, ούτε φιλομουσικοί ή φιλόμουσοι. Την αρχαία εποχή ο φιλόλογος ήταν συνώνυμος με έναν πολύλαλο, δηλαδή φαφλατά, όπως επιβεβαιώνει και ο Αθήναιος, ο οποίος μας παρέδωσε και το ρητό: οίνος φιλολόγους πάντας ποιεί.

Ο δάσκαλος για τα πρώτα γράμματα λεγόταν στην αρχαία κοινωνία γραμματικός ή γραμματιστής και για τις ανώτερες σπουδές σοφός, στο Βυζάντιο ρήτορας. Και τι δίδασκαν αυτοί οι σοφοί; Ρητορική τέχνη!

Οι σημερινοί δάσκαλοι-φιλόλογοι μάς μαθαίνουν ως σήμερα να μιλάμε και να γράφουμε, αλλά δεν μας μαθαίνουν να ακούμε, να απαγγέλλουμε και να τραγουδάμε, αφού δεν είχαν μάθει οι ίδιοι να συνοδεύουν τον λόγο με αυτά.

Αυτή η ευρωπαϊκή παράδοση ερμηνείας, που λειτουργούσε πια από θέση ισχύος, οδήγησε μετά το 1836 και την Ελλάδα στην ίδια οδό διδασκαλίας του λόγου. Τόσο στη μέση παιδεία όσο και στα πανεπιστήμια τα αρχαία ελληνικά δεν διδάσκονται όπως προτείνει με τη γραμματική του ο Διονύσιος Θραξ, αλλά σύμφωνα με τη γραμματική του Adolf Kaegi. Και αν οι έλληνες δάσκαλοι της δημοτικής εκπαίδευσης προσπαθούν να συνδέσουν το μάθημά τους με τα απαραίτητα αυτά στοιχεία του λόγου, το μέλος και τον ρυθμό, το κάνουν από μια αίσθηση μάλλον, παρά με τη συνειδητή γνώση ότι αυτό επιβάλει η παράδοση. Από την αίσθηση ενός Μιχάλη Αναστασιάδη π. χ. που κάτι του λείπει από τον λόγο που διαβάζουμε. Μόλις αρχίσει τις σπουδές του ένας σημερινός φιλόλογος, αφήνει κατά

μέρος τη μουσική αυτή επένδυση και συγκεντρώνεται αποκλειστικά και μόνον στον λόγο. Η συνέπεια είναι ότι ο κλάδος Αρχαία Ελληνικά στα ελληνικά γυμνάσια κατέχει τη θέση που έχουν τα Λατινικά στα γερμανικά γυμνάσια. Ο διαχωρισμός του ποιητικού λόγου από το μέλος και τον ρυθμό και η συγκέντρωση της διδασκαλίας στον γυμνό λόγο εμποδίζει σήμερα, ακόμη και στον ελληνικό πολιτιστικό χώρο, την πρόσβαση στα παλαιότερα έργα αυτού του ελληνικού πολιτισμού.

Μόνον η ορθόδοξη εκκλησία κράτησε και κρατάει — με τις σχετικές εξελίξεις και αλλαγές, φυσικά — την παράδοση, που συνοδεύει τον λόγο με το μέλος και τον ρυθμό. Και αυτό έχει βέβαια να κάνει με την ίδια την ελληνική γλώσσα. Από την Παλαιά Διαθήκη σε μετάφραση των Εβδομήκοντα αντλεί η ορθόδοξη εκκλησία κυρίως τους ύμνους, τους ψαλμούς, που έτσι κι αλλιώς ψάλλονται. Όσο για την Καινή Διαθήκη, αυτή γράφτηκε ευθύς εξ αρχής στα ελληνικά, άρα στον έντεχνο ρυθμό του ελληνικού πεζού λόγου. Έτσι ώστε ο παπάς, προαναγγέλλοντάς μας το Ανάγνωσμα του Ευαγγελίου, ακολουθεί τον παλιό αυτόν ρυθμό όχι μόνο της γλώσσας, αλλά του ελληνικού πολιτισμού ως συνόλου.

Τόσην ώρα που μιλάμε θεωρητικά για όλα αυτά τα φαινόμενα, σας έκρυψα ένα παράδειγμα από την πράξη, με το οποίο θα καταλάβετε αμέσως την διάκριση μεταξύ προφορικού και γραπτού λόγου, καθώς και τη διάκριση μεταξύ καθημερινού και έντεχνου ποιητικού λόγου.

Στο κυπριακό επιστημονικό περιοδικό «Μικροφιλολογικά» ένας κύριος Σωτήρης Σαράκης [2006: 53] που ζει στην Αθήνα παραθέτει τις παρατηρήσεις του από τις καλοκαιρινές επισκέψεις του στο χωριό του, τα Αμπέλια, κάπου ψηλά στην Αιτωλοακαρνανία. Όταν, όπως λέει, επιστρέφει στο χωριό από το ψάρεμα στο ποτάμι και μπαίνει στο καφενείο αποκρίνεται στους ντόπιους θαμώνες λέγοντας ότι γυρίζει «απ' το ποτάμι». Κανένας ντόπιος δεν απορεί, αφού όλοι γνωρίζουν ότι ο Σωτήρης ζει στην Αθήνα και ότι στην Αθήνα έτσι μιλάνε.

Τελείως διαφορετικά θα ήταν τα πράγματα, ισχυρίζεται ο Σαράκης, αν από το ψάρεμα επέστρεφε ο αδελφός του, ο Δημητράκης, που ζει εβδομήντα χρόνια στο χωριό. Αν εκείνος έλεγε ότι γυρίζει «απ' το ποτάμι» και όχι όπως θα περίμενε κανείς με τη ντόπια προφορά «απ' του πουτάμι» όλοι οι θαμώνες του καφενείου θα είχαν

στραφεί προς το μέρος του, απορημένοι και ανήσυχoi μήπως κάτι του συμβαίνει.

Ο συγκεκριμένος Δημητράκης Σαράκης είναι όμως ταυτόχρονα διάσημος ως σπουδαίος ψάλτης στην εκκλησία και τραγουδιστής σε όλες τις γιορτές. Και όλοι γνωρίζουν πόσο όμορφα λέει το περιβόητο δημοτικό τραγούδι «Του Κίτσου η μάνα κάθονταν στην άκρη στο ποτάμι».

Και εδώ έγκειται η απορία του αδελφού του, του Σωτήρη: όταν ο Δημητράκης τραγουδάει, προφέρει ξεκάθαρα «στο ποτάμι» και όχι «στον πουτάμι». Και αυτό, προφανώς, δεν έχει σχέση με το γεγονός ότι στην Αθήνα λέμε «ποτάμι», αλλά με το ότι η έντεχνη γλώσσα του τραγουδιού ανήκει σ' ένα επίπεδο ύφους που χρησιμοποιείται υπερτοπικά. «απ' του πουτάμι» είναι η προφορική έκφραση στην τοπική διάλεκτο, που σε γενικές γραμμές δεν καταγράφεται.

Και τί μάθαμε απ' όλες τις μαρτυρίες ανά τους αιώνες; Ολόκληρη η ελληνική λογοτεχνία, πριν από τη μαζική παραγωγή του έντυπου βιβλίου, δεν ήταν λογοτεχνία για διάβασμα, αλλά για «ανάγνωση ενώπιον άλλων». Η ελληνική γλώσσα όλων των εποχών μάς παρουσιάζεται ως «αναγιγνωσκόμενη» ή «αδόμηνη», δηλαδή η λογοτεχνία ήταν ρητορευμένη, είτε σε μορφή ποίησης που απαγγελόταν από πλανόδιους αοιδούς, οι οποίοι αργότερα, στην κοινωνία της σιωπηλής ανάγνωσης, θεωρούνται πως ήταν τυφλοί, είτε στους χειμάρρους ρητορευμένων λόγων, όπως στα ιστορικά έργα του Ηρόδοτου ως στον Θουκυδίδη, είτε ως έντεχνο χορικό άσμα ή ως δραματικός διάλογος στην κλασική κωμωδία και τραγωδία, είτε ως φανταστικοί σωκρατικοί διάλογοι, τους οποίους «κατέγραψαν» ο Πλάτων και άλλοι φιλόσοφοι.

Και όταν σημερινοί φιλόλογοι κατακρίνουν τον γνωστό αναλφαβητισμό των Βυζαντινών Ρωμών του Μεσαίωνα θεωρώντας τον ως έλλειψη κουλτούρας, θα μπορούσαμε να τους απαντήσουμε: η γραφή και στα αρχαία, αλλά και στα χρόνια του Μεσαίωνα έπαιζε δευτερεύοντα ρόλο, αφού κατέγραφε μόνον τον λόγο. Κρατώντας όμως και το μέλος και τον ρυθμό, διατηρήσαμε ως σήμερα έναν τρόπο εκφοράς ποιητικών έργων, που άλλοι πολιτισμοί γύρω μας τον έχουν χάσει από καιρό.

Ο ελληνισμός αυτοπροσδιορίζεται ως σήμερα σε μεγάλο βαθμό μέσω της γλώσσας. Η ποιητική γλώσσα των Ελλήνων ήταν και είναι τόσο «επιτυχής», επειδή συντηρεί βασικά και αναγκαία στοιχεία του λόγου, το μέλος και τον ρυθμό, δηλαδή τον χορό.

Στην υπόλοιπη Ευρώπη ο λόγος αποχωρίστηκε από την μουσική, η οποία έφτασε και αυτή — ας μην το ξεχνάμε — σε μεγάλα ύψη, όπως π. χ. στο πέμπτο βρανδεμβούργειο κοντσέρτο του Johann Sebastian Bach, δίπλα στον λόγο του Johann Wolfgang von Goethe. Ή απολαμβάνουμε την ευωχία της μουσικής του Peter Iljitsch Tschai-kowski από τη μία μεριά, θαυμάζοντας αμέριστα από την άλλη την ποίηση του Alexander Sergejewitsch Puschkin.

Βιβλιογραφία

- Eideneier 2006 — H. Eideneier. Όψεις της ιστορίας της Ελληνικής γλώσσας. Από τον Όμηρο έως σήμερα. Από τη ραψωδία στο Ραπ. Αθήνα: Εκδόσεις Δημ. Ν. Παπαδήμα, 2006.
- Σαράκης 2006 — Σ. Σαράκης. Διαλεκτικά παράδοξα // Μικροφιλολογικά 20, 2006. Σ. 53–55.

Часть II

Лингвистическая судебная экспертиза: типы, методы, решения

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взаимодействие языка и права, или «*language, law and crime*», является важной прикладной проблемой, стоящей перед мировой лингвистикой [Голев 1999]. Эта проблема была сформулирована в 60-х годах XX века; ее интенсивная разработка началась в конце XX века, в западной науке — под названиями *Forensic Linguistics*¹, *Rechtslinguistik*², а в российской — лингвокриминалистика, юрислингвистика [Голев (ред.) 1999], судебное речеведение [Галяшина 2003].

С 90-х годов XX века в русле этого направления прикладной лингвистики ведутся когнитивно-семиотические исследования юридических концептов и терминов (например, [Endicott 2002]), исследования коммуникативно-прагматического аспекта использования юридического языка в судебном процессе (например, [Tiersma 1995; 1999]) и разбатываются конкретные методики (например, [McMenamin 2002; 2010]) лингвистической экспертизы [Глинская 2013].

В современной России проблема взаимоотношения языка и права актуальна вследствие конфликтогенности многих сфер жизни — от конкуренции в рыночной экономике и в избирательных кампаниях, от взаимоотношений в мировой и внутренней политике до межличностных отношений. Она стимулирована и реформой законодательства, принятием Конституции РФ с новой концепцией прав и свобод человека и гражданина. Разрешению этой проблемы служит, в частности, лингвистическая экспертиза.

Лингвистическую экспертизу в этом случае можно рассматривать как особый тип исследования речевой деятельности/речевого поведения, предназначенный для сбора доказательств по тем преступлениям и правонарушениям, где текст

¹ Термин *Forensic Linguistics* впервые использован в работах [Svartvik 1968; Frederick 1949]. В The Cambridge Encyclopedia of Language данный термин определяется следующим образом: «Forensic linguistics is the use of linguistic techniques to investigate crimes in which language data constitute part of the evidence» [Encyclopedia 1987].

² Термин *Rechtslinguistik* впервые использован в работе [Podlech 1976].

или его фрагмент выступает либо как объект покушения (например, авторский текст или фирменное / марочное наименование как знак маркетинговой индивидуализации и одновременно как продукт интеллектуальной собственности) либо, наоборот, как орудие преступления (например, распространение порочащих сведений) [Галяшина, Россинская 2005]. В таких случаях, как подчеркивал А. Р. Ратинов, никаких других источников доказательств обычно не существует [Симонов, Горбаневский 2004: 104].

Термин «лингвистическая экспертиза» распространяется на несколько аналитических процедур, выполняемых лингвистами с разными целями и в интересах разных инстанций, а также на текст, в котором оформляется эта процедура. Из них основная — судебная лингвистическая экспертиза, а «при ней» — заключение специалиста. Разница между ними важная, но имеет характер формально-правовой, а не концептуальный: первая выполняется по определению суда, второе — по запросу тяжущихся сторон и не обязательно к судебному рассмотрению.

По отечественной традиции лингвистической экспертизой именуется также исследование в рамках информационных споров, т. е. конфликтов по поводу содержания, формы или размещения информационной продукции, которые разрешаются ведомственными правоприменителями: Роскомнадзором — произведений журналистики, управлениями Федеральной антимонопольной службы — рекламы, Центральной избирательной комиссией — информационного обеспечения выборов. На периферии этого «поля» — превентивная экспертиза, заказчики которой — органы СМИ, рекламные агентства или рекламодатели — хотят во избежание конфликтов понять, соответствует ли контент требованиям законодательства.

Лингвистическая экспертиза выполняется, когда подсудным деянием, для доказательства совершения которого нужны экспертные знания, оказывается речевой деликт (например, клевета, ненадлежащая реклама, злоупотребление свободой слова) с его последствиями, вредом, им нанесенным (например, оскорблением, унижением чести и достоинства и умалением деловой репутации). Предмет судебной лингвистической экспертизы — «факты (обстоятельства), имеющие значение для уголовного либо гражданского дела и устанавливаемые на основе анализа речевой деятельности» [РФЦСЭ]. Объект — «продукты речевой деятельности (от отдельного

слова до целого текста или группы текстов), зафиксированные в письменной форме (в том числе устные тексты, записанные с помощью букв)» [РФЦСЭ].

Судебная лингвистическая экспертиза — самостоятельный и официально признанный (с 2005 г.) род судебных экспертиз, принадлежащий к классу речеведческих экспертиз (наряду с фоноскопической и почерковедческой) [Галяшина 2003]. В свою очередь он разделяется на виды (а те — на подвиды). Согласно положениям Российского Федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, дифференциация судебных лингвистических экспертиз проводится на основании задач; три ее вида — автороведческая (анализ особенностей текста как носителя информации о его авторе); смысловая, или семантическая (выявление смыслов, выраженных в тексте или его фрагменте); анализ наименований (исследование названий фирм, торговых марок, доменных имен и т. д.).

С опорой на традиционную криминалистическую классификацию судебных лингвистических экспертиз в зависимости от трех сопряженных признаков: особенностей объекта, специфики задач и спектра экспертных знаний [Россинская 2006] — выделяют такие виды судебных лингвистических экспертиз, как экспертиза рекламных текстов, текстов экстремистской направленности, официально-деловой документации и др. [Чубина 2015]. Нельзя не упомянуть и такой вид экспертизы, как экспертиза диффамации — с подвидами: экспертиза по ст. 152 ГК РФ (распространение порочащих сведений), в том числе умышленное (т. е. клевета, ст. 128.1 УК РФ) и оскорбление (КоАП, ст. 5.61).

Отметим, что в западной судебной лингвистике (как минимум в английской или в американской) конфигурация проблем несколько иная: там обсуждаются не столько классы/роды/виды экспертиз, сколько «зоны правового риска» и характерные для них задачи: «defamation» (в отечественной практике — «диффамация»), адаптация человека в поликультурной среде (например, [Coulthard, Johnson (eds.) 2010]), борьба с терроризмом (например, [Shuy 2010]), борьба с плагиатом (например, [Coulthard et al. 2010]), а также «*trademark infringement*» или «*trademark cases*» [Tiersma, Solan 2002], что в отечественном варианте соответствует экспертизе наименований.

Объединяет все эти исследования то обстоятельство, что они выполняются на основе особой концепции — теории лингвистической экспертизы. Как самостоятельное научное направление она только складывается; упомянем исследование [Леонтьев и др. 1997; Симонов, Горбаневский 2004], работы [Баранов 2007; Бринев 2009; Осадчий 2013].

Как отмечает А. Н. Баранов, «в экспертизе текста так или иначе затребованы практически все разделы теории языка», и в первую очередь, лексическая и лингвистическая семантика и лингвистическая прагматика — теория речевых актов, теория речевого воздействия и теория аргументации [Баранов 2007: 18–19]. Но в то же время для решения конкретных исследовательских задач в области лингвистической экспертизы не всегда достаточно существующих инструментов теоретической лингвистики [Бринев 2009]. Юридическая лингвистика формируется как отдельная дисциплина, поскольку «непосредственно обслуживая судебную истину, деятельность лингвиста-эксперта в настоящее время стремится иметь единые, непротиворечивые и даже устойчивые правила исследования (в том числе и в первую очередь его теоретико-методические правила)» [Голев 2009: 13].

Теория лингвистической экспертизы — это самостоятельное направление прикладной лингвистики, основанное на достижениях когнитивистики, коммуникативистики и семиотики, с собственным подходом, который обусловлен целями и задачами лингвоэкспертных процедур, с разнообразными исследовательскими алгоритмами и с собственной терминологией, комплементарной как к лингвистике, так и к юриспруденции. Теория лингвистической экспертизы имеет собственный объект, который отличен «от объекта и общего языкознания, и теории речевых актов, и социолингвистики и любой другой лингвистической дисциплины, а именно: речевую деятельность, результатом которой оказывается конфликтогенный текст, в первую очередь сам такой текст» [Мишланов и др. 2011: 7]. Наиболее важными теоретическими задачами этого направления являются разработка методологических основ, принципов и методов судебно-лингвистической экспертизы, исследования в области типологии речевых правонарушений и конфликтогенных текстов, выявление объективных критериев смысловой интерпретации речевых произведений различных жанров [Мишланов и др. 2011: 12–17].

Настоящий сборник включает работы российских исследователей, написанные на основе докладов, сделанных в рамках научно-практической конференции «Лингвистическая судебная экспертиза: теория и практика» (ИЛИ РАН, 27–29 апреля 2016 г.). Авторы публикуемых статей представляют крупные российские центры изучения теоретических оснований лингвистической экспертизы: Барнаул (Т. В. Чернышова), Кемерово (П. А. Катышев, С. В. Оленев), Москву (Е. С. Кара-Мурза,), Санкт-Петербург (В. В. Васильева, Л. Р. Дускаева, Е. Н. Геккина, В. А. Ефремов, И. Е. Кузнецова, С. М. Оленников, Т. С. Садова), Уфу (Ю. С. Фомина, Е. Е. Хазимуллина) и др. Все авторы статей являются действующими экспертами.

Сборник объединяет как работы общего характера, освещающие ряд аспектов теории и методологии лингвистической судебной экспертизы, так и конкретные исследования, основанные, в частности, на материалах поведенных авторами экспертиз. По тематическому принципу вошедшие в сборник работы могут быть сгруппированы в три блока.

Первый блок включает публикации, в которых рассматриваются наиболее актуальные вопросы общей методологии лингвистической экспертизы: проблема выбора метода и методики исследования конфликтогенного текста (статья Т. В. Чернышовой); семантическое наполнение понятия *оскорбление* в наивной и юридической картине мира (статья В. А. Ефремова); спорные вопросы лингвоэкспертной квалификации сведений как субъективных или объективных (статья Г. С. Иваненко); проблема обоснования негативного характера сведений, представленных в анализируемых текстах (статья Ю. В. Бариновой); конфликтный потенциал наименований лиц (статья Т. С. Садовой); вопрос об альтернативной интерпретации высказываний (статья Е. Н. Геккиной).

Второй блок публикаций связан с лингвистической экспертизой коммерческой рекламы и товарных знаков: статья Е. С. Кара-Мурзы посвящена актуальной проблеме теоретического осмысления и разработки методов лингвистической экспертизы коммерческой рекламы; в статье М. А. Венгранович, И. Е. Кузнецовой и Д. В. Третьяковой рассматриваются особенности лингвистической экспертизы наименований лекарств.

Третий блок образуют статьи, касающиеся лингвистической экспертизы текстов, имеющих признаки речевого вовлечения людей

в экстремистскую деятельность путем вербального побуждения. В него входят публикации П. А. Катъшева и С. В. Оленева, Е. Е. Хази-муллиной, Ю. С. Фоминой, Э. Э. Лаврик, В. В. Васильевой и Л. Р. Дускаевой, С. М. Оленникова.

Составители надеются, что материалы сборника будут полезны как лингвистам, выступающим в качестве судебных экспертов, так и ученым, представляющим другие направления лингвистики.

Выражаем глубокую признательность рецензентам — доктору филологических наук, профессору кафедры русского языка РГПУ им. А. И. Герцена Валерию Анатольевичу Ефремову, кандидатам филологических наук Наталии Витальевне Козловской, Елене Николаевне Геккиной и Анне Владимировне Волынской, оказавшим неоценимую помощь в подготовке статей к публикации. За доброжелательное внимание и поддержку особо благодарим ответственного за выпуск тома — кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника ИЛИ РАН Урманчиеву Анну Юрьевну.

Литература

- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза: теория и практика. М.: Флинта — Наука, 2007.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009.
- Галяшина 2003 — Е. И. Галяшина. Основы судебного речеведения. М.: СТЭНСИ, 2003.
- Галяшина, Россинская 2005 — Е. И. Галяшина, Е. Р. Россинская. Становление и развитие судебно-лингвистической экспертизы // Юстиция 3, 2005. С. 16–23.
- Глинская 2013 — Н. П. Глинская. Современные исследования западной юридической лингвистики: новые проблемы и подходы // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация 1, 2013. С. 152–158.
- Голев 1999 — Н. Д. Голев. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Н. Д. Голев (ред.). Юрислингвистика: проблемы и перспективы: Межвузовский сборник научных трудов. Барнаул: изд-во Алтайского университета, 1999. С. 11–58.
- Голев 2009 — Н. Д. Голев. От редактора: Взаимоотношения языка, права и истины в монографии К. И. Бринева // К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009. С. 7–14.

-
- Голев (ред.) 1999 — Н. Д. Голев (ред.). Юрислингвистика: проблемы и перспективы: Межвузовский сборник научных трудов. Барнаул: изд-во Алтайского университета, 1999.
- Леонтьев и др. 1997 — А. А. Леонтьев, В. Н. Базылев, Ю. А. Бельчиков, Ю. С. Сорокин. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой информации. М.: Фонд защиты гласности, 1997.
- Мишланов и др. 2011 — В. А. Мишланов, А. В. Голованова, В. А. Салимовский. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2011.
- Осадчий 2013 — М. А. Осадчий. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- Россинская 2006 — Е. Р. Россинская. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2006.
- РФЦСЭ — Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (официальный сайт). (<http://www.sudexpert.ru/possib/lingv.php>)
- Симонов, Горбаневский 2004 — А. К. Симонов, М. В. Горбаневский (ред.). Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. М.: Медея, 2004.
- Чубина 2015 — Е. А. Чубина. Судебная лингвистическая экспертиза рекламы: мифы и реальность // Российская школа связей с общественностью. Ежегодный альманах 6, 2015. С. 138–146.
- Coulthard, Johnson (eds.) 2010 — M. Coulthard, A. Johnson (eds.). The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. L.: Routledge, 2010.
- Coulthard et al. 2010 — M. Coulthard, A. Johnson, K. Kredens, D. Woolls. Four Forensic Linguists' Responses to Suspected Plagiarism // M. Coulthard, A. Johnson (eds.). The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. L.: Routledge, 2010. P. 523–539.
- Encyclopedia 1987 — The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge [Cambridgeshire] — New York: Cambridge University Press, 1987.
- Endicott 2002 — T. Endicott. Law and Language // J. Coleman, S. Shapiro (eds.). Jurisprudence and Philosophy of Law. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 935–968.
- Frederick 1949 — A. Frederick. Language and the Law: the Semantics of Forensic English. New York: MacMillan, 1949.
- McMenamin 2002 — G. R. McMenamin. Forensic Linguistics: Advances in Forensic Stylistics. L. — N. Y. — Washington DC: CRC Press, 2002.

-
- McMenamin 2010 — G. R. McMenamin. Forensic Stylistics. Theory and Practice of Forensic Stylistics // M. Coulthard, A. Johnson (eds.). The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. L.: Routledge, 2010. P. 487–507.
- Podlech 1976 — A. Podlech. Rechtslinguistik // D. Grimm (hrsg.). Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften. Bd. II. München: Beck, 1976. S. 105–116.
- Shuy 2010 — R. W. Shuy. The Language of Defamation Cases. New York: Oxford University Press, 2010.
- Svartvik 1968 — J. Svartvik. The Evans Statements: A Case for Forensic Linguistics. Göteborg: University of Gotenburg, 1968.
- Tiersma 1995 — P. M. Tiersma. Dictionaries and Death: do capital jurors understand mitigation? // Utah Law Review 1, 1995. P. 1–50.
- Tiersma 1999 — P. M. Tiersma. Legal Language. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1999.
- Tiersma, Solan 2002 — P. Tiersma, L. M. Solan. The Linguist on the Witness Stand: Forensic Linguistics in American Courts // Language 78, 2, 2002. (<http://muse.jhu.edu/article/19396/pdf>)

Е. С. Кара-Мурза, МГУ, Москва
И. Е. Кузнецова, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

1.

Ю. В. Баринова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОБОСНОВАНИЯ НЕГАТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИИ

Один из типовых вопросов, который ставится перед лингвистом в ходе проведения лингвистической экспертизы, таков: «Содержится ли в тексте (фрагменте текста, высказывании) негативная информация о ком-либо (чем-либо)?» Данный вопрос актуален при производстве экспертиз в рамках дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, об оскорблении и об экстремизме, а также возможен и для других категорий дел — в зависимости от поставленных на разрешение лингвистической экспертизы задач¹.

В лингвоэкспертной практике под негативной (отрицательной) информацией в общем виде понимается «информация (сведения), которая содержит отрицательные характеристики лица — юридического или физического, поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали („неписаного закона“) или с правовой точки зрения (по отношению к эксперту-лингвисту — в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции)» [Горбаневский (ред.) 2004: 26]. Лингвист, анализируя материал, на основании лексикографического, лексико-семантического и контекстологического анализа слов, словосочетаний, высказываний и текста в целом констатирует негативные смыслы. В большинстве случаев процесс установления негативного характера информации у эксперта-лингвиста затруднений не вызывает. Существует точка зрения, что для решения вопроса о негативном характере информации специальные лингвистические познания не являются

¹ В рамках данной работы негативная информация рассмотрена на материале дел о защите чести, достоинства и деловой репутации.

необходимыми вовсе, поскольку установить негативность информации способен любой носитель русского языка:

Очевидно, что в этом случае [в случае ответа на вопрос о наличии /отсутствии в спорном речевом произведении негативной информации о ком-либо] компетенция эксперта-лингвиста ограничена квалификацией модальной оценки в спорном высказывании, а этим навыком, как мы полагаем, обладает любой носитель языка, и для квалификации информации в этом аспекте не требуются специальные познания в области лингвистики, так как все: и лингвисты, и нелингвисты — имеют опыт употребления негативной оценки в своих речевых произведениях, а также речевой и неречевой опыт реакции на негативную оценку, высказанную в их адрес [Бринев 2014: 163].

В связи с этим возникает конкретный практический вопрос: является ли необходимым в заключении лингвистической экспертизы обоснование негативного характера исследуемых сведений или же достаточно самой констатации негативности информации?

По нашему мнению, в большинстве случаев для любого носителя языка негативный характер информации очевиден, а следовательно, отсутствует необходимость его обоснования. Речь идет о таких высказываниях, негативность которых определяется семантикой лексических единиц и конструкций, например: *Что же тогда произошло в учреждении, кто убил женщину-пациентку и кто понесет за это наказание — осталось невыясненным до сих пор*. Негативность данного фрагмента по отношению к упомянутому учреждению определяется значением лексемы *убить*² и значением высказывания в целом: в учреждении была убита пациентка, наказания за произошедшее никто не понес.

Тем не менее в лингвоэкспертной практике встречаются и такие случаи, когда негативный характер содержащихся в высказываниях сведений не очевиден. Среди них, например, могут быть следующие:

⇒ высказывание содержит в себе иронию, языковую игру, которые, как известно, однозначной интерпретации не поддаются, например: *Эта замечательная компания помогает пенсионерам избавиться от лишних хлопот в виде их сбережений и жить счастливо!* (высказывание может быть негативным по отношению к описываемой компании — при условии, что читатель понял иронию автора);

² «УБИТЬ. ... 1. кого. Лишить жизни, умертвить» [БТСРЯ 2000: 1363].

К вопросу о необходимости обоснования негативности информации

⇒ высказывание содержит в себе сведения, являющиеся по своей сути нейтральными, но в результате мыслительных операций читатель / слушатель может (и, очевидно, должен) прийти к негативным выводам об объекте описания, например: *В 2015 году у вице-мэра были изъяты мешки с деньгами* (высказывание может быть негативным по отношению к вице-мэру — при условии, что читатель сам придет к выводу, допустим, о незаконном способе завладения этими деньгами); *Видимо, разоблачение губернатором далеко идущих планов и интриг Сергея Иванова долго ему не будет давать покоя, и он попытается все-таки «отработать» «подаренный» ему «Ниссан Патрол»* (высказывание может быть негативным по отношению к Сергею Иванову — при условии, что читатель сам придет к выводу, например, о незаконном характере «планов» Сергея Иванова и о незаконном способе передачи ему автомобиля под видом «подарка»);

⇒ высказывание содержит в себе сведения, являющиеся по своей сути нейтральными, но контекст «превращает» нейтральную информацию в негативную;

⇒ высказывание содержит в себе сведения, являющиеся по своей сути нейтральными, но нейтральную информацию в негативную «превращают» экстралингвистические факторы.

В рамках данной работы рассматриваются последние два из перечисленных случаев, в которых обоснование негативности сведений, не очевидной на первый взгляд, представляется необходимым.

Обоснование негативности возможно при помощи анализа совокупного содержания текста и его идейно-тематической направленности, а также при помощи анализа текста с учетом экстралингвистических, внетекстовых, данных.

1.

Безусловно, интерпретация каждого конкретного высказывания и актуализированных в нем смыслов базируется на **анализе совокупного содержания речевого произведения** (хотя констатировать языковые факты можно и в извлеченном из контекста высказывании — но тогда интерпретация будет менее однозначной, будет допускать варианты). Но в данном случае речь идет не просто об актуализации посредством контекста конкретного значения слов,

фраз и высказываний, а еще и о наложении негативного смысла, не подразумевающегося в отрыве от контекста.

1.1.

Рассмотрим ряд фрагментов различных текстов, в которых негативность изначально нейтральной информации можно обосновать, анализируя содержащиеся в тексте **субъективные суждения**:

⇒ *И отсюда, похоже, появился другой конкурс от администрации района: конкурс на проектирование здания администрации не на 7000 квадратных метров, а на 700. <...> Объявляя конкурс на проектирование здания в 700 «квадратов», чиновники тем самым открыто признают, что изначально завысили свои потребности в 10 раз! Да при таком раскладе по ним тюрьма плачет!*³ (фрагмент газетной статьи; на разрешение лингвистической экспертизы поставлен вопрос о характере сведений об администрации района). В отрыве от контекста собственно в утверждениях о появлении и объявлении конкурса на проектирование здания размером в 700 квадратных метров негативных сведений об администрации района не усматривается, все составляющие высказывания лексемы семантически нейтральны. Однако в исследуемом фрагменте присутствуют субъективные суждения, которые сами по себе значимыми для дел о защите чести, достоинства и деловой репутации не являются (поскольку верифицированы быть не могут), но при этом меняют характер информации, содержащейся в анализируемых утверждениях. Логическое субъективное суждение «*чиновники тем самым открыто признают, что изначально завысили свои потребности в 10 раз*» и оценочное субъективное суждение «*при таком раскладе по ним тюрьма плачет*» вносят в исследуемый фрагмент текста негативные смыслы⁴. В данном случае толкование утверждений о появлении и объявлении нового конкурса как нейтральных на основе нейтральности смыслов

³ Здесь и далее полужирным шрифтом выделены высказывания, содержащие в себе утверждения о фактах и событиях (что значимо для дел о защите чести, достоинства и деловой репутации), негативность которых необходимо обосновать. Разрядкой выделены высказывания, которые влияют на характер информации, заключенной в анализируемых утверждениях о фактах и событиях.

⁴ «ЗАВЫСИТЬ. ... Повысить сверх реально возможного или заслуженного»; «Тюрьма плачет по ком. О том, кто заслуживает тюрьмы, уголовного наказания» [БТСРЯ 2000: 315; 837].

лексических единиц, составляющих высказывания, будет являться неверным, хотя на первый взгляд и логичным. Посредством анализа совокупного значения приведенного фрагмента (и текста в целом) лингвист аргументирует существенность данных высказываний для дела о защите чести, достоинства и деловой репутации — как содержащих утверждения о фактах и событиях, которые передают именно негативную информацию об объекте описания.

⇒ *Поскольку дело с убийством пациентки приняло весьма странный оборот, мы попробовали взять комментарии у нынешнего главного врача больницы № 2 Ивана Александрова и в областном департаменте здравоохранения. Как и следовало ожидать, и в департаменте, и в больнице комментировать ситуацию нам отказались, поскольку «данное дело правоохранительных органов». Конечно, запросы в эти ведомства мы обязательно напишем. Но фактический отказ от комментариев не добавляет доверия новому руководству больницы (фрагмент газетной статьи; поставлен вопрос о характере сведений о больнице № 2). В отрыве от контекста собственно в утверждении «в больнице комментировать ситуацию отказались» негативной семантики не заложено. Но негативную оценочность в данное утверждение о фактах и событиях вносят содержащиеся в исследуемом фрагменте субъективные суждения: комментирование ситуации руководством учреждения позиционируется как действие необходимое, обязательное, «поскольку дело с убийством пациентки приняло весьма странный оборот», соответственно, отказ от комментирования вызывает недоверие к руководству («не добавляет доверия новому руководству больницы»), т. е. не дает оснований для убежденности в честности и добросовестности руководства⁵. Таким образом, на основании анализа контекста характер сведений об отказе больницы от комментариев следует признать негативным⁶.*

⁵ «ДОВЕРИЕ ... Убежденность в чьей-л. искренности, честности, добросовестности и основанное на них отношение к кому-, чему-л.» [БТСРЯ 2000: 265].

⁶ Стоит отметить, что информация об отказе кого-либо от комментариев довольно часто является в СМИ объектом негативной интерпретации. Приведем еще несколько примеров:

– *Мы хотели переговорить по вопросам предстоящего строительства с заместителем главы администрации Александровского района Николаем Бульбой, но увы. Нам совершенно непонятно, но то ли он сам, то ли его секретарь ни в какую*

1.2.

Далее обратимся к ряду фрагментов, в которых негативность изначально нейтральной информации можно обосновать, анализируя содержащиеся в тексте утверждения об **объективных причинах негативности сведений**:

⇒ «Согласно подпункту “б” пункта 2.2. договора о конфиденциальности работник обязан не разглашать и не раскрывать публично конфиденциальные сведения, которые ему стали известны в связи с исполнением трудовых обязанностей. (...) **Начальником экономического отдела Р. В. Семеновым постоянно разглашалась информация о противоправных действиях, совершенных работниками общества. Р. В. Семенов, проводя ежедневно по 3–4 часа в финансовом отделе, громко, во всеуслышание разглашал информацию, которая ему была доступна в связи с исполнением должностных обязанностей**» (фрагмент докладной записки; поставлен вопрос о характере сведений о Р. В. Семенове). Из общего содержания докладной записки следует,

не захотели устраивать эту встречу. Иначе как объяснить все нижеследующее: **дважды мы отправляли на электронную почту вопросы, которые потребовал предоставить в письменном виде секретарь. И дважды ничего не доходило (по крайней мере, так заявляла секретарь)** — терялось где-то в недрах интернета. (...) Но мы все-таки надеемся, что господин Бульба откликнется на наш призыв и прокомментирует все изложенные выше факты и предположения (фрагмент газетной статьи; на разрешение лингвистической экспертизы поставлен вопрос о характере сведений об администрации Александровского района). Негативность выделенных полужирным шрифтом изначально нейтральных по отношению к сотрудникам администрации утверждений обосновывается субъективной отрицательной оценкой отсутствия диалога между администрацией и журналистами («увы») и положительной оценкой комментирования ситуации (Но мы все-таки надеемся, что господин Бульба откликнется на наш призыв...).

– Корреспонденты попытались узнать, что стало причиной отравления, но сделать это оказалось непросто. Сегодня лицей № 28 превратился в режимный объект. Под фильтр охранника попали все, при ком был фотоаппарат или видеокамера. Такими мерами руководство лицея попыталось сделать явное тайным. (...) **Администрация лицея все время держала глухую оборону. Журналистов в здание не пускала** (фрагмент новостного видеосюжета; поставлен вопрос о характере сведений о лицее № 28). Негативность выделенного утверждения, изначально нейтрального по отношению к руководству лицея, обосновывается негативной оценкой действий администрации как попыток «сделать явное тайным», а также общим содержанием видеосюжета, в котором сообщается о желании жителей города знать причины произошедшего.

что неразглашение конфиденциальной информации является обязанностью работников предприятия, о чем и сообщается в первом высказывании фрагмента. Следовательно, разглашение конфиденциальных сведений, которые стали известны сотрудникам в связи с исполнением ими трудовых обязанностей, является нарушением обязанности, закрепленной в договоре. Данный вытекающий из содержания докладной записки факт поясняет объективную причину негативности сведений, касающихся Р. В. Семенова.

⇒ *Во время стандартной медицинской комиссии врач медучреждения диагностировал у Н. Петрова серьёзное психическое расстройство. Справку о том, что психически болен, Н. Петров получил во время обычной медкомиссии от психиатра из первой медсанчасти Он <Н. Петров> рассказал, что ему поставили диагноз «хроническое бредовое расстройство». <...> Доказать свою вменяемость Николаю удалось только спустя несколько месяцев, пройдя независимую экспертизу в федеральном учреждении. Комиссия болезни у Н. Петрова не нашла, он доказал, что здоров. И врачам, и односельчанам* (фрагмент новостного видеосюжета; поставлен вопрос о характере сведений о первой медсанчасти). Сам по себе факт диагностирования у пациента психического расстройства не может быть интерпретирован как негативная информация о враче медучреждения, но содержащиеся в видеосюжете сведения об ошибочности диагноза раскрывают негативный характер информации о постановке диагноза врачом первой медсанчасти.

2.

Говоря о возможности учитывать в ходе лингвистической экспертизы **экстралингвистические, внетекстовые данные**, следует отметить, что, безусловно, это является выходом за пределы анализа собственно текстового объекта исследования, но в ряде случаев представляется допустимым. Под экстралингвистическими данными, учет которых необходим в ходе анализа текста, понимаются любые иные тексты, речевые произведения или обстоятельства реальной действительности, которые являются существенными для адекватного понимания и интерпретации исследуемого материала. Приведем следующий пример. На рассмотрение лингвиста была

представлена жалоба клиента банка, сообщающая о некоторых действиях сотрудника этого банка. На разрешение лингвистической экспертизы поставлен вопрос о характере этих сведений. Очевидно, что в таком случае для установления характера информации необходим учет внетекстовых данных — например, должностной инструкции указанного сотрудника. Рассмотрим конкретный фрагмент текста жалобы:

⇒ *Т. к. счет данной карты открыт в другом отделении на ул. Ленина, 71, клиенту было сказано Карасевой С. Л. обратиться именно туда и никак иначе! (. . .) Карасева С. Л. делает какой-то запрос в отделение на Ленина, 71, в течение 40 минут не получает ответа и предлагает прийти в понедельник.* При анализе этого фрагмента без учета каких-либо внетекстовых данных никакой негативной информации о С. Л. Карасевой в тексте не усматривается. Но должностная инструкция дает следующую информацию: «Ведущий специалист по обслуживанию частных лиц несет ответственность за (. . .) современное и качественное обслуживание клиентов с соблюдением утвержденных стандартов сервиса, запрещающих использование негативно окрашенных категоричных фраз и возражений при взаимодействии с клиентом». В должностной инструкции не приведены конкретные примеры запрещенных «негативно окрашенных категоричных фраз и возражений», но представляется, что фразу «*именно туда и никак иначе!*» (представленную как косвенная речь С. Л. Карасевой) можно трактовать именно как «негативно окрашенное категоричное возражение». Кроме того, необходимо оценить указанную в тексте информацию с точки зрения должностных обязанностей специалиста банка — правильны ли действия сотрудника С. Л. Карасевой, описанные в утверждениях *клиенту было сказано Карасевой С. Л. обратиться именно туда и Карасева С. Л. делает какой-то запрос в отделение на Ленина, 71, в течение 40 минут не получает ответа и предлагает прийти в понедельник.*

Возникающая в данном случае проблема выхода за пределы анализа конкретного текста и за пределы компетенции лингвиста в целом решается дополнительной оговоркой в экспертном заключении следующего содержания: при необходимости за уточнениями по поводу квалификации действий сотрудника банка с точки зрения должностной инструкции следует обратиться к компетентным в данном вопросе лицам, например, к руководству банка. Вывод в таком

случае логично сформулировать следующим образом: при условии, что с точки зрения должностной инструкции фраза *именно туда и никак иначе!* является «негативно окрашенной категоричной фразой» или «негативно окрашенным категоричным возражением», а описанные действия С. Л. Карасевой в изображенной ситуации являются неверными, исследуемые высказывания содержат негативную информацию об С. Л. Карасевой.

Итак, приведенные в качестве примеров и подобные изначально нейтральные утверждения, сопровождающиеся субъективным или объективным обоснованием негации, в том числе содержащимся во внетекстовых данных, должны признаваться подлежащими проверке на соответствие действительности **как негативные**. Таким образом, негативность сведений может выражаться лексическими единицами и конструкциями не только с отрицательной, но и с нейтральной семантикой, и в этих случаях необходимость обоснования негативности данных сведений (с помощью анализа общего содержания и идейно-тематической направленности текста или же учета экстралингвистических факторов) очевидна.

Литература

- Бринев 2014 — К. И. Бринев. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.
- БТСРЯ 2000 — С. А. Кузнецов (сост. и гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.
- Горбаневский (ред.) 2004 — М. В. Горбаневский (ред.). Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрист-консультантов. М.: Медея, 2004.

Е. Н. Геккина

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ В СЛОЖНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: ВЫБОР ИНТЕРПРЕТАЦИИ

При обсуждении лингвоэкспертной проблематики ведущим является ракурс, формируемый проекциями **ответа** языковедов на запросы судебных организаций, представителей юридического сообщества, бизнес- и госструктур, рядовых граждан. Для лингвистов общую актуальную установку при решении разных по направленности и объектам задач определяет выработка теоретических и практических стандартов, обеспечивающих проведение квалифицированных и объективированных исследований. Однако продуктивность сотрудничества специалистов в различных отраслях лингвистики, с одной стороны, а с другой — лиц, нуждающихся в сведениях с опорой на «специальные знания», определяется и внутренним вектором, стимулирующим собственно научные наблюдения и анализ.

Если из зон рефлексии, мотивирующей экспертные исследования, выделять заметные и функционально обоснованные, прежде всего можно отметить проявления динамических процессов в лексике и грамматике современного русского языка. Оценки, различающиеся по отчетливости и содержательным признакам, продуцируются также дискурсивными особенностями языковых средств и способов обозначения реалий и понятий в конкретных социальных сферах. С неизменностью обсуждаются универсальные и частные прагматические характеристики речевых произведений, предъявляемых экспертам.

Официально-деловая речь, специализированная в функционально-стилистическом отношении и закономерным образом, как форма социального сосуществования, и ввиду «попадания» в пространство динамических языковых процессов, представляет собой интересную для исследований сферу, на многие «подвижные» участки которой указывают именно те, кто сталкивается с ними в профессиональной или повседневно-бытовой деятельности.

Далее рассматриваются два конкретных случая, отражающих, во-первых, тематический авангард деловой среды, а во-вторых — актуальную и обозначенную выше проблематику экспертных исследований в русле задач по установлению смысловых характеристик речевых произведений.

В первом случае для лингвистического анализа был предъявлен фрагмент из договора поручительства, описывающий специальное правило уменьшения финансовой задолженности:

- (1) *Объем поручительства в рублях, который гарантирует Поручитель при исполнении договора, автоматически уменьшается на 100 (сто) рублей за каждый 1 (один) рубль кредиторской задолженности сверх 20 000 000 рублей по обязательствам из договоров купли-продажи долей между ООО «АБВ» и бывшими участниками общества и 170 000 000 рублей по прочей кредиторской задолженности, предъявленной должнику по обязательствам, возникшим до заключения Договора купли-продажи долей.*

Вопрос, поставленный перед лингвистом, предполагал выяснение того, какая денежная сумма является уменьшаемой величиной: 20 миллионов рублей (первая из двух заемных сумм) или 190 миллионов рублей (общее количество заемных средств)?

В судебном споре стороны занимали противоположные позиции именно потому, что различным образом отвечали на этот вопрос. Истец полагал, что в сложившейся после подписания договора ситуации уменьшается общая сумма задолженности в размере 190 миллионов рублей, а значит, сохраняется условие для возвращения ему одолженных 20 миллионов рублей. Ответчик-поручитель был уверен в другом: вычитание производится только из 20 миллионов рублей, а значит, возвращение денежных средств заимодавцу невозможно, поскольку новонайденная задолженность по размеру превосходит эту сумму.

При лингвистическом анализе был использован прием реконструкции фрагмента, включающего все семантически важные элементы описания правила, в том числе воспроизведенные с опорой на контекст (даны в квадратных скобках): *Объем поручительства уменьшается на 100 рублей за каждый 1 рубль [новонайденной] задолженности сверх названных в договоре 20 млн рублей и 170 млн рублей.*

Схематично этот вариант представлен в виде X уменьшается на Z за Y сверх A и B , где каждый символ обозначает определенное 'количество рублей'.

Итак, содержательный план фрагмента сводится к сообщению о том, что количество X образуется из суммы A и B и уменьшается на величину, выведенную при помощи пропорции Z за Y . Значит, уменьшается общее количество названных в договоре денежных средств, то есть 190 миллионов рублей. Если вернуться к позициям сторон в судебном споре, то следует признать, что толкование истца является верным, а толкование ответчика — ошибочным.

Этот случай, когда во время судебного процесса стороны при толковании текста договора прибегли к помощи лингвиста, заслуживает дополнительного комментария. Одна из сторон производила вычисления, принимая в расчет только первый компонент в отрезке *20 млн рублей и 170 млн рублей*. Закономерен вопрос: лексические и грамматические особенности фрагмента суть объективные предпосылки такой интерпретации или она является индивидуально-субъективной? Последующий комментарий и посвящен ответу на этот вопрос.

Специальное правило в его **математической сути** сводится к одному основному действию — вычитанию. Уменьшаемая величина — объем поручительства X ; вычитаемая величина устанавливается с учетом коэффициента пропорциональности Z применительно к Y — размеру новонайденной кредиторской задолженности. Если перефразировать, то правило можно изложить в следующей редакции: «При обнаружении в будущем иной кредиторской задолженности объем поручительства, названный в договоре, уменьшается на величину обнаруженной задолженности, умноженную на коэффициент 100».

Между тем **сценарий описания** правила в договоре отличаются особенности, которые требуют первоочередного упоминания. Он оперирует не тремя, а пятью величинами: наряду с уменьшаемым, вычитаемым и его коэффициентом пропорциональности упомянуты два слагаемых X — части A и B . При этом порядок упоминания величин не совпадает с последовательностью математического действия: сумма X названа первой (и занимает первую позицию в высказывании), а ее слагаемые A и B — последними (и располагаются в абсолютном конце высказывания).

Лексическое же воплощение таково, что в полной мере не отражает смысловую структуру описания и не предупреждает о том, что оно является «круговым»: отсутствуют прямые указания на соотнесенность выражений, с одной стороны — *объем поручительства*, с другой — *20 млн рублей и 170 млн рублей*, как обозначений суммы и ее слагаемых. Поскольку нет лексических единиц, предупреждающих о тавтологичности описания, то возникают условия для того, чтобы величины *X (объем поручительства)*, *A (20 млн рублей)* и *B (170 млн рублей)* воспринимались как отдельные, «независимые». Очевидно, что денотативная однотипность («денежная» семантика) сама по себе не обеспечивает дифференциации компонентов, напротив, может благоприятствовать смысловой вариативности высказывания.

Грамматическое строение описания демонстрирует схема *X уменьшается на Z за Y сверх A и B*, которая хорошо показывает его особенность, условно именуемую нами телескопичностью: компоненты выдвигаются один за другим в семантически предопределенной последовательности, призванной указать и на направление синтаксических зависимостей. Но простой порядок не обеспечивает конструктивной спаянности (или не обеспечен конструктивной спаянностью) компонентов. Они обнаруживают свободу подчинительных и сочинительных связей и могут «образовать несколько различных семантических и грамматических объединений» [Колесников 1981]. Возможность разложить высказывание на разные синтаксические конструкции («синтаксические структуры» в терминологии А. В. Гладкого [Гладкий 1985]), свидетельствует о том, что модель предложения характеризует синтаксическая омонимия.

Морфологическую реализацию модели отражает развернутая схема *X уменьшается на Z рублей за Y рублей (один рубль) сверх A рублей и B рублей*. Очевидно, что омонимичные участки создают предложные единицы *за* и *сверх*, способные проявить полисемичность в этих условиях. В частности, лексема *сверх* может обозначить количественное отношение «более [по размеру]», но допускает и указание на отношение исключения «кроме [уменьшения]». Еще одно варьируемое звено — сочетание *B рублей*: в зависимости от того, членом какого однородного ряда оно считается, главный компонент трактуется как имеющий форму родительного падежа (*сверх A рублей и B рублей*) или винительного падежа (*уменьшается на B рублей*).

Однако лексико-грамматической «свободе» препятствует числовое соотношение, выраженное компонентами *Z за Y*.

Конструктивное единство этих компонентов поддерживается лексемой *каждый* (*Z за каждый Y*); следовательно, компоненты *Z* и *Y* не обладают статусом обычного последующего компонента, какой они могли бы иметь при строгой телескопичности грамматической структуры. Предложно-именная группа *Z за Y* потенциально может обозначать определенное числовое соотношение при описании разных процедур обмена. Это могут быть повседневные ситуации купли-продажи; ср.: *продать книгу за 100 рублей, отдать 100 рублей за книгу*. Это может быть вариант, отражающий реалии мены денег во время финансовых реформ; ср.: *принимать 100 рублей медных за рубль серебра; за 1 рубль серебра давали 15 рублей медных*. Это может быть специализированная процедура измерения в денежном эквиваленте стоимости разных объектов, соотнесенных по определенному принципу; например: *взимается 50 копеек пошлины за каждые 100 рублей товара*. В анализируемом высказывании конструкция *Z за каждый Y* семантически близка последнему случаю.

Итак, конструктивное единство *Z за каждый Y* имеет отчетливые семантические рамки 'пропорциональное соотношение' и ослабляет потенциал синтаксической омонимии. К итоговому однозначному толкованию высказывания подводит общий контекст договора, проясняющий денотативные признаки всех упоминаемых денежных величин.

Тем не менее «телескопическая» композиция *X уменьшается на Z за каждый Y сверх A и B* сохраняет функциональные условия для варьирования синтаксических связей. В частности, звено *B рублей* остается сочетанием, которое может быть включено в разные ряды однородных членов. Омонимия, возникающая из-за неоднозначного выделения однородных членов, распространена [Гладкий 1985: 116] и, как очевидно, иллюстрирует проблематику, выходящую за рамки исключительно автоматической обработки текста, перевода, обучения русскому языку (об истории изучения синтаксической неоднозначности см.: [Колесников 1981; Голев, Тискова 2003; Головня 2007; Муравенко 2010]). В современном деловом языке представлены и другие образцы, демонстрирующие разнообразие типов синтаксической омонимии (см. классификацию в: [Гладкий 1985; 1998]). Следовательно, есть все основания обращаться к ним, решая актуальный вопрос о том, как синтаксическая омонимия «реально проявляет свое действие в обычной письменной речи» [Голев, Тискова 2003: 50].

Во втором «экспертном» случае для лингвистического исследования был предъявлен фрагмент текста в грантовой программе, описывающий срок одного из отчетных действий грантополучателя:

- (2) *Соискатель должен представить Фонду нотариально заверенную копию выписки из Единого государственного реестра юридических лиц, полученную не позднее 15 (пятнадцати) дней до дня ее отправления в адрес Фонда.*

Вопрос, поставленный перед лингвистом, предполагал выяснение того, каким является срок получения копии выписки из ЕГРЮЛ при условии, что она должна быть отправлена в Фонд 15 мая. Для соискателя, обратившегося за консультацией, однозначный ответ не был очевиден, поскольку рассуждения приводили его к двум, противоположным по «календарному» смыслу выводам. Первый вывод состоял в том, что копия выписки должна быть получена в срок, последним днем которого является 30 апреля; в соответствии со вторым — сделать это нужно в период с 1 по 15 мая¹.

Анализ фрагмента *не позднее 15 (пятнадцати) дней до дня ее отправления* показал, что для двувариантной интерпретации оснований нет и лексико-грамматические характеристики этой части и высказывания в целом объединяют средства и способы выражения одного определенного смыслового комплекса. Временное измерение смыслового комплекса в самом общем виде есть последовательность двух периодов и одного момента времени, исчисляемых днями. Календарное измерение последовательности осуществляется с учетом даты, установленной для последней координаты (момента времени), и количества дней, заданного для промежуточной координаты (предшествующего установленной дате периода). Для первой же координаты (периода, отделенного от установленной даты заданным количеством дней) календарно высчитывается только последний день, а начало и протяженность в качестве компонентов смыслового комплекса не задаются.

¹ Необходимо сделать оговорку, касающуюся толкования конструкции с предлогом ДО и лексемой, указывающей на день (*до дня отправления* и т. п.): здесь и далее в целях семантического единообразия принято только и только значение ‘включая названный день в обозначаемый отрезок времени’; соответственно, не рассматриваются варианты, предполагающие значение ‘не включая названный день в обозначаемый отрезок времени’.

На то, к какому из двух периодов отнесено действие 'получение копии выписки', указывает компаратив *не позднее*. Его презумптивной основой является сравнение двух временных координат по признаку поступательности: один **срок** наступает *не позднее* другого **срока**. Действие 'получение копии выписки' выполняется *не позднее*, то есть в первый по признаку поступательности срок². Затем идет второй срок, или *пятнадцатидневный* период (когда копию получать нельзя — так называемый *пресекательный срок* в терминологии юриспруденции). По его истечении выполняется действие 'отправление копии выписки' (то есть последний день второго срока и день отправления копии совпадают). Дилемма «В какой из периодов выполняется действие 'получение копии', а в какой отрезок времени этого делать нельзя?» разрешается с определенностью. Если датой действия 'отправление копии выписки' является 15 мая, то предшествующий пятнадцатидневный период имеет календарные рамки с 1 по 15 мая. Соответственно, действие 'получение копии выписки' должно быть выполнено в период, последним днем которого является 30 апреля.

Между тем описание срока действия, выполненное при помощи конструкции *НЕ ПОЗДНЕЕ... ДНЕЙ ДО ДНЯ...*, заслуживает отдельного комментария, касающегося лексико-грамматических характеристик описания и его возможных интерпретаций.

Прежде всего отметим, что вариантное истолкование срока, выраженного при помощи названной компаративной конструкции, не является индивидуальной историей. Наблюдения и результаты опроса, проведенного в рамках лингвистического эксперимента [Геккина 2015: 35], показывают, что это сложный случай для носителей русского языка, среди которых есть и обычные люди, и специалисты в таких областях, как юриспруденция и экономика, где тексты, описывающие сроки будущих действий при помощи этой конструкции, встречаются особенно часто. При этом двойко толкующие не одиноки и получают «поддержку» в лице тех, кто утверждает, что *«не знает»* ответа на вопрос о границах таким образом описанного срока. К ним добавляются, если иметь в виду несоответствие интерпретаций, уверенные толкователи, считающие, что нужное

² Ср., в частности, вариант с лексемой *в срок*, эксплицирующей семантически важный компонент: *Соискатель должен представить копию выписки, полученную в срок, не позднее 15 (пятнадцати) дней до дня ее отправления в адрес Фонда.*

действие выполняется только в предшествующий заданному моменту времени период (в анализируемом случае — с 1 по 15 мая).

Здесь обращают на себя внимание факторы, относящиеся к логике отсчета срока. Те, кто утверждает, что обсуждаемый фрагмент сообщает о майском сроке действия соискателя, толкуют фразу *не позднее пятнадцати дней до дня* как 'не больше' заданного количества дней и, соответственно, 'не далее от названной даты' (то есть 15 мая). Иначе прочитывается требование соблюдения количественные параметры периода и запрет на его удлинение. Роль играет также фактор определенности: у пятнадцатидневного промежутка все границы заданы, в сравнении же с ним предшествующий период менее определен (устанавливается конец, а в отношении начала и протяженности конкретные требования не заявлены, а значит, это произвольный в своих границах отрезок времени). Работает и экстралингвистический фактор: как рассуждают интерпретаторы, по логике вещей понятно и по другим ситуациям известно, что нужна не «старая», а «свежая» копия выписки из реестра, отражающая самое актуальное положение дел юридического лица.

Итак, очевиден тот факт, что фрагмент, описывающий срок действия при помощи конструкции НЕ ПОЗДНЕЕ... ДНЕЙ ДО ДНЯ..., получает у носителей русского языка вариантную интерпретацию, а соответственно, есть основания характеризовать эту конструкцию как открытую для множественного толкования. Какие именно особенности предопределяют ее «открытость» — вопрос резонный и, более того, актуальный в свете таких востребованных качеств деловой и, в широком смысле, практической речи, как точность и ясность. При его рассмотрении обратимся к ближайшему грамматическому контексту — ко всему корпусу конструкций с компаративом *не позднее*, описывающих сроки действий или событий.

Конструкциям с компаративом *не позднее* среди средств, указывающих на сроки, принадлежит отнюдь не периферийное место, поскольку они способны обозначать и моменты времени, и периоды, и — что особенно ценно — сочетания периодов и моментов времени, причем различной степени определенности. Широкий семантический диапазон конструкций коррелирует с множественностью их грамматических реализаций. Классификацию конструкций произведем на основе обобщенного референтного признака: обозначаемые ситуации (события) имеют временной

сценарий какого-либо типа, что позволяет объединить конструкции в четыре основные группы. Перечислим эти группы, указав на референтный признак каждой из них, и кратко охарактеризуем грамматические и лексические особенности входящих в группы конструкций, учитывая то, что для них основной коммуникативной средой является официально-деловая речь (в этот обзор, опирающийся на классификацию в [Геккина 2015: 31–36], внесены уточнения и дополнения; также сохранено ограничение: не рассматриваются компаративные конструкции с вариантом *не позже*).

1. Ситуация типа «(с)делать в определенный момент / период времени». В описаниях используется вариант союзной конструкции НЕ ПОЗДНЕЕ КАК (ЧЕМ) X -а / B + X (X -е).

Основные грамматические и лексические признаки: конструкция с союзом *как* или *чем*, выраженная либо именной группой (в форме родительного падежа), либо предложно-именной группой — предлогом *в* и формой винительного падежа (со значением ‘момент’) или предложного падежа (со значением ‘период’). В ее состав входят названия единиц измерения времени или лексемы, способные обозначить измеренное время: *час, день, месяц, год, воскресенье; первый рабочий день; намеченное время, завтра*. Примеры: *не позднее как в сентябре этого года; не позднее чем в момент возникновения требования; не позднее чем 1 октября; не позднее как завтра утром*³.

2. Ситуация типа «(с)делать в неопределенный период до определенного момента времени» (период неопределенный, так как его начало не обозначается). В описаниях используется вариант именной конструкции НЕ ПОЗДНЕЕ X -а.

Позицию X занимает именная группа с категориальным значением ‘момент времени’ в форме родительного падежа (родительного падежа). В состав группы входят названия временных единиц или дескрипция, указывающая на момент времени: *секунда, минута, час, день, сутки, месяц, год, завтра утром*. Примеры: *не позднее двадцати часов; не позднее 31 декабря; не позднее вечера*.

3. Ситуация типа «(с)делать в определенный период после определенного момента времени». В описаниях используется вариант составной конструкции НЕ ПОЗДНЕЕ... [‘период’] ПОСЛЕ... [‘момент времени’].

³ Варианты пунктуационного оформления союзных конструкций (ср. запятая, отделяющая конструкцию, может отсутствовать) не являются предметом рассмотрения в статье.

Ядерная часть конструкции имеет категориальное значение ‘период времени’, выраженное либо вводимой союзом *как (чем)* предложно-именной группой, либо беспредложной именной группой в форме родительного падежа. Состав конструкции усложняет дополнительный структурный компонент с категориальным значением ‘момент времени’, он выражен предложно-именной группой с предлогом *после* или предлогом *с(о), спустя, по (окончании, завершении)*. Этот компонент в высказываниях может занимать дистантную позицию или отсутствовать, однако его позиционные варианты не меняют сути временного сценария: отсчет периода всегда ведется от определенного момента времени (примечание: вторая часть конструкции далее дается единообразно и в сокращенном виде: ПОСЛЕ...).

Двучастное строение конструкций имеет своим следствием множественность грамматических реализаций; кроме того, вариантное толкование одной из конструкций обуславливается лексическим параметром.

Союзные реализации представлены тремя основными разновидностями.

3.1. НЕ ПОЗДНЕЕ КАК (ЧЕМ) В ТЕЧЕНИЕ X-а ПОСЛЕ...

Ядерную именную группу образует словосочетание с предлогом *в течение* и лексемами, обозначающими измеряемый промежуток времени (чаще всего это сочетание числительного и существительного — названия временной единицы): *не позднее как в течение трех суток; не позднее чем в течение десяти дней со дня получения; не позднее чем в течение одного месяца после торгов; не позднее, чем в течение семи дней после первого его обращения.*

3.2. НЕ ПОЗДНЕЕ КАК (ЧЕМ) В X-й... СРОК ПОСЛЕ...

Ядерную предложно-именную группу образует словосочетание в форме винительного падежа, включающее предлог *в* и лексему *срок*, определяемую сложным прилагательным или номинацией со значением ‘имеющий протяженность, исчисляемую единицами времени (днями, неделями, месяцами, годами и т. п.)’: *не позднее как в пятидневный срок; не позднее чем в 10-дневный срок со дня получения; не позднее чем в двухнедельный срок после выписки; не позднее чем в месячный срок со дня подачи заявления.*

3.3. НЕ ПОЗДНЕЕ КАК (ЧЕМ) ЧЕРЕЗ X ПОСЛЕ...

Ядерную именную группу образует словосочетание в форме винительного падежа, включающее предлог *через* и лексемы,

обозначающие измеряемый промежуток времени (например, сочетание числительного и существительного — названия единицы измерения времени): *не позднее как через два года; не позднее чем через пятьдесят дней со дня подписания договора; не позднее чем через четыре месяца после окончания финансового года не позднее как через сутки по окончании выборов.*

Лексический фактор, о котором упомянуто выше, обнаруживает свое действие при толковании конструкции именно из этой подгруппы. Дело в том, что сроки действий, исчисляемые днями, могут отличаться по алгоритму определения их длительности от сроков, исчисляемых часами, неделями, месяцами, годами и другими единицами времени. Из этого следует, что варианты конструкции типа *не позднее чем через три дня после дня* занимают особое положение в подгруппе по сравнению с вариантами типа *не позднее чем через три часа после начала, не позднее чем через месяц после возвращения, не позднее чем через год после выборов.* Это особое положение предупреждает о возможном отличии даже между вариантами типа *не позднее чем через семь дней после дня...* и *не позднее чем через неделю после дня...*

Алгоритм исчисления сроков в случае с часами, неделями, месяцами и годами является одним и тем же⁴, в случае же с днями он может варьироваться в зависимости от того, какой день срока считается последним. Например, в случае определения срока с помощью оборота *не позднее чем через три дня после дня...* встает вопрос о том, какой день срока — третий или четвертый — является последним? Можно ли выполнить требуемое действие в четвертый день или последним допустимым для него является третий день? Существующая практика, правоприменительная в первую очередь, показывает, что на подобные вопросы дается и тот, и другой ответ.

Две другие реализации различаются подачей ядерной части: в одном случае это обычная темпоральная именная группа,

⁴ В частности, в соответствии со статьей 192 гл. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, единый порядок исчисления сроков, выражаемых годами, месяцами и неделями, предусматривает, что последним днем срока считается соответствующее число месяца и соответствующий день недели; см.: «Срок, исчисляемый годами, истекает в соответствующие месяц и число последнего года срока; Срок, исчисляемый месяцами, истекает в соответствующее число последнего месяца срока; Срок, исчисляемый неделями, истекает в соответствующий день последней недели срока».

в другом — понятие срока эксплицируется соответствующей лексемой и ее конкретизаторами.

3.4. НЕ ПОЗДНЕЕ X-а ПОСЛЕ...

Ядерная именная группа в форме родительного падежа выражена лексемами, обозначающими измеряемый промежуток времени (чаще всего это сочетание числительного и существительного — названия временно й единицы): *не позднее 24 часов с момента задержания; не позднее 3 дней со дня принятия решения; не позднее шести месяцев после окончания проверки.*

3.5. НЕ ПОЗДНЕЕ X-го СРОКА ПОСЛЕ...

Ядерная именная группа выражена словосочетанием, включающим лексему *срок* и номинацию со значением 'имеющий протяженность, исчисляемую единицами времени (днями, неделями, месяцами, годами и т. п.)': *не позднее месячного срока с момента обращения; не позднее двухнедельного срока после вступления в должность; не позднее срока, установленного законом.*

4. Ситуация типа «(с)делать в неопределенный период перед определенным периодом до определенного момента времени». Временной сценарий ситуации включает три координаты: два последовательных периода и наступающий затем момент времени, являющий для периодов точкой отсчета. В описаниях используется вариант составной конструкции НЕ ПОЗДНЕЕ... ['период'] ДО... ['момент времени']. В состав конструкции входит структурный компонент, обозначающий 'момент времени' — последнюю координату в сценарии; он выражен предложно-именной группой с предлогом *до* (в форме родительного падежа).

4.1. НЕ ПОЗДНЕЕ КАК (ЧЕМ) ЗА... ДО...

Союзом *как (чем)* вводится ядерная предложно-именная группа в форме винительного падежа, выраженная лексемами, обозначающими измеряемый промежуток времени, и предлогом *за*: *не позднее как за три часа до погрузки, не позднее чем за восемь дней до дня голосования, не позднее чем за два месяца до устойчивого похолодания.*

4.2. НЕ ПОЗДНЕЕ X-а... ДО...

Ядерная часть выражена беспредложной именной группой в форме родительного падежа: *не позднее 15 рабочих дней до дня начала тура, не позднее двух недель до даты заезда, не позднее 12 месяцев до истечения упомянутого срока.*

Именно последняя конструкция, синтаксический дериват союзной предшественницы, положена в основу фрагмента, подвергнутого экспертному анализу. Резюмируя, отметим ее особенности в своеобразной «выписке из реестра» средств обозначения сочетаний периодов и моментов времени.

Лаконичная и внешне простая (по составу и грамматическим признакам компонентов), она обладает сложной внутренней формой. Более того, обозначаемый ею временной сценарий ситуации, как очевидно из обзора, является самым сложным из всех, какие описываются при помощи конструкций с компаративом *не позднее*. Эту сложность обуславливают количество координат (три, тогда как в других случаях одна или две), их разнородность (периоды и момент времени), разная степень определенности (первая координата задана только в финальной точке и ее протяженность является произвольной, или производным от решений субъекта действия и/или обстоятельств). Временные координаты последовательным образом располагаются на календарной оси, но их календарное исчисление производится в ретроспективном направлении. Комплект характеристик довершает корреляция временных координат и действия: из трех координат только одна легитимна для нужного действия, при этом она первая по позиции на календарной оси, но последняя в алгоритме ретроспективного исчисления.

Лексическая же «упаковка» такова, что явно выражены две другие, нелегитимные для действия координаты. На легитимный же период, в рамках которого следует выполнить нужное действие, указывает лишь компаратив *не позднее*, предусматривающий реконструкцию сравнения двух сроков и на этой — реконструктивной — основе итоговое заключение о семантической полноте словосочетания.

При оценке перцептивных свойств конструкции следует принять во внимание хронологический и функциональный признаки. С опорой на Национальный корпус русского языка и материалы СМИ, представленные в базе «Интегрум», можно утверждать, что обсуждаемый темпоратив используется в официально-деловой речи, прежде всего в юридической сфере (в текстах законов, соглашений, положений, распоряжений, договоров, приказов и т. п., в методических комментариях к ним) с начала 90-х годов XX века. Материалы первого десятилетия XXI века показывают, что сфера функционирования

конструкции все более расширяется и распространяется на официально-деловые тексты массового назначения (например, в текстах государственной компании РЖД, адресованных пассажирам поездов дальнего следования, которые при возврате билетов «*не позднее 8 часов до отправления поезда*» имеют право получить обратно денежные средства в размере стоимости проезда). То есть говорить о многолетнем опыте употребления и толкования конструкции рядовыми носителями русского языка не приходится (функциональную специфичность конструкции подчеркивает и опыт употребления предложно-именной группы с вариантом *не позже*, зафиксированной в официальных текстах, начиная с первой половины XIX века).

В послесловии к двум экспертным случаям отметим, что они наглядно иллюстрируют речевую специфику современной официально-деловой среды. Фрагменты текстов, предъявленные для анализа, демонстрируют образцы лексико-грамматического воплощения таких тематических доминант делового дискурса, как финансовые операции и сроки выполнения тех или иных действий. Подчеркнем, что деньги и сроки принадлежат категории объектов, максимально точных по своим свойствам и по способам их фиксации. Этой же презумпцией — точной фиксацией — обладают и вербальные способы их описания.

Материал свидетельствует, что вербальному описанию денежных операций и сроков может быть свойственен конструктивный лаконизм, при том что семантический план описания предполагает сложную структуру. Грамматические средства в этих условиях предельно семантизированы, и от того, является ли их связь согласованной и однозначной, зависит информационная точность всего сообщения. Точное сообщение нивелирует возможность его вариантного субъективно-индивидуального толкования. Если же такие варианты появляются, то есть основания рассматривать их как сигналы того, что грамматическая сложность описания (возможно, отражающая общую тенденцию усложнения официального дискурса [Лейчик 2003: 420]) не принимается интерпретаторами к сведению.

Литература

- Геккина 2015 — Е. Н. Геккина. Точное время в измерении компаратива *не позднее* // Верхневолжский филологический вестник 1, 2015. С. 31–36.
- Гладкий 1985 — А. В. Гладкий. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М.: Просвещение, 1985. С. 110–126.
- Гладкий 1998 — А. В. Гладкий. К процедуре построения систем синтаксических групп // Московский лингвистический журнал 4, 1998. С. 32–45.
- Голев, Тискова 2003 — Н. Д. Голев, О. В. Тискова. Омофонический и омографический фонды русского языка. Часть 5. Синтаксические омофоны и омографы как «полигон» для изучения коммуникативного функционирования русских знаков препинания // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, филология, филология и педагогика 4 (30), 2003. С. 49–53. (<http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z55.html>)
- Головня 2007 — А. И. Головня. Омонимия как системная категория языка. Минск: БГУ, 2007.
- Колесников 1981 — Н. П. Колесников. Синтаксическая омонимия в простом предложении. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1981.
- Лейчик 2003 — В. М. Лейчик. Интеллектуализация и демократизация — противоположные тенденции в развитии современного русского языка // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 420–423.
- Муравенко 2010 — Е. В. Муравенко. Что такое синтаксическая омонимия // Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2005 и 2006. М.: Изд-во МЦМНО, 2010. С. 153–162.

В. А. Ефремов

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

ОСКОРБЛЕНИЕ: НАИВНАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА¹

Актуальность обращения к речевому акту оскорбления в аспекте лингвистической экспертизы связана как минимум с тремя причинами: во-первых, с широко распространенной, в том числе и среди работников правоохранительной системы, контаминацией семантики лексемы *оскорбление* в юридическом и обиходно-бытовом значении; во-вторых, с до сих пор сохраняющимися проблемами описания оскорбления как правонарушения в лингвоэкспертном аспекте (см. не утратившую актуальность коллективную монографию [Понятия чести, достоинства 2004]); в-третьих, с анализом одного конкретного кейса, имевшего длительную судебную историю. Одновременно обращение к данному вопросу позволяет затронуть такие проблемы современной лингвистики, как разграничение терминологического и нетерминологического в семантике слова, взаимопроникновение наивной и профессиональной картины мира, взаимодействие языковых и научных знаний.

1. Наивная vs профессиональная картины мира

Понятие картины мира — одно из фундаментальных понятий современного гуманитарного, в том числе и филологического, знания. При этом на основании различных критериев выделяется множество разновидностей картин мира. Так, базовой для современных лингвистических исследований, исходящих из сложно структурированного взаимодействия языка и знаний в формировании образа окружающей действительности, становится оппозиция языковой и

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов № 15–04–00122 («Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты») и № 15–04–00318 («Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей»).

концептуальной картин мира (подробнее: [Ефремов 2009]). Однако для лингвоэкспертных исследований более существенна другая оппозиция.

В традиции московской семантической школы картина мира предстает в двух противопоставленных по отражаемому типу знаний ипостасях — наивная картина мира и научная картина мира, которые различаются по способу познания действительности: практическому, осуществляемому в процессе повседневной жизни, и теоретическому, осуществляемому с помощью специальных методов изучения действительности или отдельных ее объектов. При этом, естественно, первичной является наивная картина мира, которая а priori всегда вербализована, так как языку принадлежит функция объективации человеческого опыта и сознания. Следовательно, между понятиями «языковая картина мира» и «наивная картина мира» следует ставить знак равенства, акцентируя внимание на «донаучном» характере последней.

Основные воззрения московской семантической школы на наивную (resp. языковую) картину мира можно представить следующими тезисами.

1. Языковая картина мира — это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире [Апресян 1995: 629–630]. Следовательно, языковая картина мира предшествует остальным типам картин мира, так как человек видит мир «сквозь призму языка».

2. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира, то есть концептуализирует действительность. Выражаемые в языке значения складываются в единую систему взглядов — «наивный реализм», или «коллективную философию», которая «навязывается» как обязательная всем носителям языка.

3. Языковая картина мира «наивна» в том смысле, что она во многих деталях отличается от научной картины мира. Однако наивные представления отнюдь не примитивны, а во многих случаях не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, наивные представления о внутреннем мире человека.

4. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику, наивную этику, наивную психологию и т. д.

Наивные представления каждой из этих областей не хаотичны, а образуют определенные системы и должны единообразно описываться в словаре.

В отличие от наивной картины мира, научная картина мира представляет собой совокупность научных сведений об окружающей человека действительности, и она принципиально переводима с одного языка на другой: ср. саму возможность существования такого рода многоязычных словарей, как мультилингвальные терминологические словари. О. А. Корнилов определяет научную картину мира как «способ моделирования реальности, который существует помимо отдельных научных дисциплин (но на их основе) и характеризуется универсальностью, глобальностью охвата всех областей знания о мире, человеке и обществе» [Корнилов 2003: 9].

Вместе с тем очевидно, что четкой границы между наивной и научной картинами мира не существует, так как научные понятия являются неотъемлемой частью обыденной жизни и со школьной скамьи обогащают наивные представления человека о мире. Однако и научное знание формируется на основе обыденных знаний, что особенно хорошо отражено в истории появления и семантической эволюции терминов гуманитарных наук.

Научная картина мира находит собственное языковое отражение прежде всего в языке научных понятий, вербализованных в терминологии. Зачастую термины располагаются на границе между наивной и научной картинами мира и могут связывать их в концептуальной картине мира человека, так как в разных своих лексических значениях отражают как наивные, так и специальные знания о мире. Собственно, сам вектор становления и бытования терминов русского права и был таковым: от наивных знаний к юридическим терминам, от обычного права Древней Руси к влиянию западной законодательской традиции XVIII–XIX вв., например, немецкого пандектного права². Более того, термин можно рассматривать как языковое воплощение еще и профессиональной картины мира, которая, в свою очередь, является фрагментом или ипостасью научной картины мира.

² Ср. идею Э. Бенвениста о «реорганизации системных различий и обновлении семантического аппарата» языка [Бенвенист 1995: 27] в истории становления общеиндоевропейских социальных явлений.

Однако не следует сбрасывать со счетов тот факт, что «профессиональная языковая картина мира — это одновременно продукт научного осмысления научных понятий, принадлежащих определенной отрасли знания, и продукт обыденного мышления как результат профессионального осмысления данных научных понятий языковой личностью» [Хохлова 2013: 135]. Именно поэтому профессиональную картину мира определяют то как разновидность языковой картины мира («тот фрагмент языковой картины мира, который ограничивается какой-либо профессиональной деятельностью» [Холодилова 2009: 62]), то как разновидность научной картины мира, связанной с профессиональной принадлежностью человека: профессиональная картина мира — это «отражение в языке понятий, связанных с определенной отраслью знания» [Закирова 2012: 95]. Существует и третий подход, утверждающий, что профессиональная картина мира «представляет собой результат взаимодействия наивной картины мира, научной картины мира и мира профессии» [Стецюра 2009: 122].

Следует отметить, что исследование разных плоскостей юридической профессиональной картины мира становится все более актуальным для современной лингвистики: так, уже были описаны картина мира английских юристов [Федотова 2012], сотрудников российских правоохранительных органов [Масыч 2010] и даже профессиональная языковая личность студентов-юристов [Плотницкая 2013].

В настоящем исследовании юридическая картина мира рассматривается как частная разновидность профессиональной картины мира. Соответственно, понятие *оскорбление*, относящееся как к наивной, так и к юридической картине мира, рассмотрено сначала как элемент наивной картины мира, а затем как термин, функционирующий в юридической практике.

2. Оскорбление в наивной картине мира: лексикографический аспект

Как известно, лексикография стремится к фиксации наивно-го восприятия мира: лексикографическая интерпретация должна быть направлена на «поиски смысла» и в конечном итоге на реконструкцию наивной картины мира [Апресян 1995: 630]. Вместе с тем четкую грань между значением слова и стоящим за словом

понятием провести сложно: словарная статья в толковом словаре отражает общеупотребительное значение слова, но при этом оно может совпадает с логико-философским, понятийным содержанием.

В лингвоэкспертной практике, как и в серьезных академических исследованиях, сложилась следующая традиция: анализировать конфликтогенные тексты с помощью современных им словарей, отражающих соответствующий этап развития языка. В нашем случае наиболее показательным будет анализ словарных статей «Большого толкового словаря русского языка»:

ОСКОРБЛЕНИЕ — 1) к Оскорбить — оскорблять. *О. чувств. О. словами. О. личности. О. гражданского достоинства.* 2) Оскорбительный поступок, поведение, слова и т. п. *Нанести о. кому-л. Выслушивать, переносить оскорбления. Осыпать оскорблениями кого-л. Простить о. Личное о. Тяжелое о. Оскорбление в чей-л. адрес. Пожалуйста, без оскорблений!* [БТСРЯ: 729];

ОСКОРБИТЬ — Крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить в ком-л. какие-л. чувства. *О. чью-л. честь, гордость. Смертельно о. чье-л. достоинство. Оскорбить кого-л. действием (нанести кому-л. удары, побои).* // Осквернить, унижить чем-л. неподобающим. *О. торжественность минуты глупой выходкой. О. в лучших чувствах. О. чей-л. слух, зрение, взор* (быть крайне неприятным для чьего-л. слуха, зрения) [БТСРЯ: 729]

Как следует из анализа первой словарной статьи, оскорбление — это действие: наносить оскорбление может поведение, но оскорбительными могут быть и слова. Первое значение лексемы отсылает к словарной статье глагола *оскорбить*, дефиниция которого однозначно эксплицирует важный семантический компонент оскорбления в наивной картине мира: оскорбление относится к сфере обиды, унижения, уязвления. Действие оскорбления всегда имеет соответствующий объект, которым может быть как абстрактное понятие типа чувств, так и непосредственно оскорбляемая личность. Иллюстративный материал позволяет выделить как формы оскорбления — вербальные и невербальные (удары, побои), так и спектр задетых человеческих чувств (например, гордость, достоинство). Зона оттенков значений фиксирует особое свойство оскорбления — ‘унижение чем-л. неподобающим’. Следовательно, исходя из словарных толкований, можно выделить два вида оскорбления: оскорбление словом и оскорбление

действием. Фразеологически связанное значение характеризует воздействие на органы чувств: 'оскорбить слух, зрение, взор'.

Отметим, что, описывая специфику «щепетильной лексики» русского языка, Анна А. Зализняк приходит к интересному выводу: «Оскорбление возникает тогда, когда задета наша честь, обида — когда задето чувство. (. . .) В оскорблении участвуют социальные факторы, в обиде — индивидуальные» [Зализняк 2000: 109].

Важно отметить, что в БТСРЯ первое значение лексемы иллюстрируется предложениями из юридической сферы — *оскорбление личности* (термин) и *оскорбление гражданского достоинства* (квазитерминологичная сверхсловная номинация). Вероятный элемент юридической классификации обнаруживается и в предложениях, иллюстрирующих второе значение: *тяжелое оскорбление*.

Еще более интересен в аспекте взаимодействия наивной и юридической картин мира анализ одноименной словарной статьи из толкового словаря под ред. Д. В. Дмитриева:

ОСКОРБЛЕНИЕ

1. **Оскорблением** называют действия, направленные на то, чтобы унижить чье-либо человеческое достоинство, крайне обидеть кого-либо. *За оскорбление судей в зале судебного заседания предусмотрена уголовная ответственность. | Я подам на вас в суд за оскорбление личности.*

2. **Оскорблением** называют грубые, обидные, унижающие чье-либо человеческое достоинство слова, поступки и т. п. *Я не намерена больше выслушивать ваши оскорбления. | Любую критику в свой адрес он воспринимает как личное оскорбление. | Торговки принялись осыпать бедного воришку оскорблениями. | Назвав меня трусом, вы нанесли мне тяжелое оскорбление, которое я вам никогда не прощу* [Дмитриев (ред.) 2003: 775].

В словаре под ред. Д. В. Дмитриева приводятся два аналогичных БТСРЯ значения, первое из которых квалифицирует оскорбление как действие унижения человеческого достоинства и крайней обиды. Показательно, что иллюстративный материал этого значения представляет собой предложения, связанные исключительно с юридической сферой. Второе значение позволяет отнести к оскорблению не только обидные и унижающие достоинство, но и грубые слова и поступки.

ОСКОРБЛЯТЬ

1. Если кто-либо **оскорбляет** вас, вашу честь, гордость и т. п., значит, он говорит о вас что-либо очень плохое, обидное, грубое или же поступает по отношению к вам таким образом, чтобы унижить вас, задеть ваши чувства. *Подобные высказывания оскорбляют мою честь. | Попрошу меня не оскорблять! | св.: Только негодяй способен так оскорбить женщину. | Ты его смертельно оскорбил.*

2. Если что-либо **оскорбляет** ваш слух, зрение, взор и т. п., значит, это является крайне неприятным для вашего слуха, зрения и т. п. *Стихийно образовавшуюся в центре города помойку обнесли забором, чтобы она не оскорбляла взор городских чиновников. | св.: В этой простой мелодии было столько искреннего чувства, что она бы не оскорбила слух даже самого тонкого ценителя музыки [Дмитриев (ред.) 2003: 775].*

Как следует из данной словарной статьи, у глагола *оскорбить* есть объект (честь, гордость) и цель действия (унизить, задеть чувства). Иллюстрации отражают отрицательные элементы коммуникативной ситуации оскорбления: 1) неприятие оскорбления (*Попрошу меня не оскорблять!*), 2) адресант оскорбления как носитель отрицательных качеств (*Только негодяй способен так оскорбить женщину*), 3) оскорбление как нарушение общепринятых этических норм (тот же пример), 4) степень морального ущерба, нанесенного оскорбленному (*Ты его смертельно оскорбил*). Предметы и результаты человеческой деятельности, согласно словарным иллюстрациям, также могут оскорблять взор или слух (иллюстративная зона значения 2).

Лексикографический анализ «Русского ассоциативного словаря» также позволяет расширить представление об *оскорблении* в наивной картине мира:

ОСКОРБЛЕНИЕ личности 23; обида 7; личность 5; нанести 4; гордость, дуэль, унижение 3; жестокое, пощечина, словом, человека, чести 2; боль, бросать, врага, глубокое, грубое, *грубость*, делом, до глубины души, достоинства, драка, жестокость, и унижение, извинение, клевета, людей, мат, на всю жизнь, наглость, намеренное, невежда, невежество, незаслуженное, несносное, низость, никчемность, обсуждение, плохо, подавленность, получить, рана, ругань, сволочь!, сердце, слезы, слова, словесная атака, слышать, удар, учителю, учителя, хуже всего, это обидно, явное 1; 103 + 56 + 0 + 43 [РАС: 414]

Наиболее частотные синтагматические (*личности* (23), *нанести* (4)), а также *жестокое, личное, словом, человека, чести* (2) и парадигматические реакции (*обида* (7), *гордость, унижение* (3))

однозначно свидетельствуют об отнесении оскорбления в наивной картине мира прежде всего к эмоциональной сфере человеческой личности. Эмоциональный аспект оскорбления проявляется и в реакциях *боль, подавленность, рана, слезы, это обидно*. Социальный аспект оскорбления зафиксирован в таких реакциях, как *личность* (5), *дуэль* (3), *пощечина* (2). Одиночные реакции весьма репрезентативны в плане квалификации оскорбления. Так, по данным РАС, *оскорбление* может быть *глубоким, грубым, намеренным, незаслуженным, обидным (это обидно), явным*. Оскорбить можно (что?) *достоинство*, (чем?) *делом, словом (слова, словесная атака)*, (как?) *до глубины души, на всю жизнь*. Негативная оценка оскорбления с точки зрения общепринятых этических норм подтверждается реакциями *наглость, невежество, низость, никчемность, плохо, сволочь!, хуже всего*. Формы проявления оскорбления (вербальные и невербальные) также представлены в словарной статье в виде следующих реакций: *дуэль, пощечина, словом, делом, драка, мат, ругань, слова, словесная атака, удар*.

Интересным доказательством мысли И. Б. Левонтиной о том, что в русской наивной картине мира рядом с понятием *оскорбление* постоянно звучит идея униженности и отверженности [Левонтина 2014], становится зафиксированная в РАС двухсловная реакция *и унижение*. Как предполагает сама исследовательница, наличие данного бинома в ассоциативно-вербальной сети носителя русского языка обусловлено в том числе и прецедентными текстами («Отверженные» В. Гюго, «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского).

Итак, как следует из анализа лексикографических источников современного русского языка, оскорбление в наивной картине мира затрагивает две сферы человеческого бытия: эмоциональную и социальную. В социальной сфере оно выступает как форма межличностного контакта, связанного с негативным отношением, проявленным вербально (в словах) или невербально (в поведении). В эмоциональной же сфере оскорбление связано с унижением человеческого достоинства, что проявляется в намеренном нанесении человеку обиды, в уязвлении его чувств. Кроме того, оскорбление способно затронуть эстетический вкус человека, нарушенный неприятным ощущением от увиденного или услышанного.

Итак, *оскорбление* в лексической системе языка имеет несколько значений: 1) намеренное действие, наносящее ущерб чести

и достоинству; 2) испытываемое неприятное чувство, вызванное действием (возможно, ненамеренным), который противоречит общепринятым моральным и этическим нормам; 3) испытываемое неприятное ощущение, вызванное задетым эстетическим чувством. Отметим, что полученные данные совпадают с результатами А. В. Санникова, который на материале Национального корпуса русского языка эксплицировал в наивной картине мира три ипостаси *оскорбления*: 1) нанесение ущерба чести, 2) каузация неприятного чувства и 3) противоречие эстетическим вкусам [Санников 2006].

3. Оскорбление в юридической картине мира

Нахождение понятия *оскорбление* «на стыке языка и права» диктует необходимость четко разграничить оскорбление как высказывание с позиций лингвистики и с позиций юриспруденции [Бринев 2009: 24]. Как уже говорилось выше, право по происхождению связано с языком, оно в нем объективируется и через него познается. В обыденном сознании, как отмечает Г. В. Кусов, поведение лица, наносящего оскорбление, оценивается утилитарно, т. е. на основе бытовых этических представлений о справедливости, целесообразности и т. п. [Кусов 2011: 17–18]. В правовом дискурсе *оскорбление* должно соответствовать предписаниям закона, в котором оно квалифицируется.

Термин *оскорбление* в современной российской правоприменительной практике обнаруживается в нескольких кодексах российского законодательства, из которых актуальными с точки зрения проведения лингвистической экспертизы являются следующие:

1. Кодекс об административных правонарушениях РФ (КоАП);
2. Уголовно-исполнительный кодекс РФ (УИК);
3. Уголовный кодекс РФ (УК).

Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» уголовная ответственность за оскорбление как таковое была упразднена (за исключением ст. 148, 297, 319 и 336, оговаривающих особые ситуации с использованием оскорбления). Из состава уголовного преступления (ст. 130 УК) оскорбление было

перенесено в ст. 5.61 КоАП. Вследствие этого основным источником сведений об оскорблении становится КоАП, в котором оно практически приравнивается к унижению чести и достоинства лица.

Еще в конце XX в. было отмечено, что такие основные понятия права, как *честь*, *достоинство*, *оскорбление* и т. п., в российском законодательстве четко не определены [Понятия чести, достоинства 2004: 11]. Важно отметить, что не определены и такие ключевые для понятия *оскорбление* термины, как *унижение чести и достоинства* и *неприличная форма*, на которых оно основывается [Понятия чести, достоинства 2004: 12]. Это создает существенные затруднения при попытке однозначной трактовки правовых текстов и, следовательно, при проведении лингвистической экспертизы.

Согласно КоАП, неперенным атрибутом оскорбления является неприличная форма, в которой оно выражается («Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» (ст. 5.61, п. 1 КоАП). При этом для ситуаций, в которых имеет место публичный характер оскорбления, определяется особая, более суровая мера наказания (ст. 5.61, п. 2 КоАП).

В ряду иных правонарушений оскорбление выделяется возможностью выражения в вербальной форме. На это указывают уже перечисленные характеристики: 1) оскорбление имеет неприличную форму (невербальные средства типа жестов, мимики и телодвижений тоже могут быть оскорбительными, однако понятие *оскорбление* в зафиксированных в законе нормах имеет ярко выраженную вербальную составляющую); 2) оскорбление может появиться во время публичного выступления или встретиться в средствах массовой информации, что также свидетельствует о вербальной составляющей этого правонарушения.

Необходимо отметить, что в юридической картине мира объектом оскорбления может быть любое физическое лицо, однако, в отличие от наивной картины мира, отдельные категории граждан выделены особо:

1. Верующие, чьи религиозные чувства могут быть оскорблены (ст. 148 УК). Оскорбление в этом случае трактуется как разновидность неуважения к обществу, что характеризует рассматриваемое понятие как недопустимое, осуждаемое социумом;

2. Лица, принимающие участие в судебном разбирательстве, особенно присяжные заседатели или судьи (ст. 297 УК). Оскорбление

лица, отправляющего правосудие, относится к такому типу правонарушений, как «неуважение к суду»;

3. Представители власти (ст. 319 УК): оскорбление данной категории граждан недопустимо при исполнении ими своих должностных обязанностей;

4. Военнослужащие (ст. 336 УК). Отношения субординации между начальником и подчиненным в воинской части предполагают недопустимость оскорбления обеих сторон.

Таким образом, в нормативно-правовых актах определяются: 1) терминологическое содержание *оскорбления* и формы его существования; 2) адресат оскорбления; 3) особенности функционирования оскорбления в различных контекстах и ситуациях (судебный процесс, публичное выступление и др.); 4) этическая основа правового толкования оскорбления (например, защита законом чувств верующих); 5) мера пресечения оскорбления как способ регулирования ненормативного поведения граждан РФ. Как видно из этих положений, закон определяет именно социальный аспект оскорбления как формы межличностного контакта.

Множество дискуссионных вопросов вызывает характеристика формы оскорбления. Сообщаемые сведения сами по себе не могут быть оскорбительными: они могут соответствовать или не соответствовать действительности. Оскорбительной может считаться только языковая форма выражения сведений, то есть унижение чести и достоинства человека в неприличной форме. Для признания речевого акта оскорбительным традиционно считается обязательным наличие трех факторов: 1) используемая лексика принадлежит к разряду оскорбительной, 2) данная лексика адресована конкретному лицу, 3) она использована публично [Стернин 2011].

Однако вопрос о неприличной форме высказывания с позиций лингвоэкспертного анализа следует считать до сих пор открытым и крайне дискуссионным. Традиционно неприличными принято считать высказывания, содержащие оскорбительную лексику и фразеологию, нарушающую нормы общественных приличий. Зачастую такая лексика термируется как «недопустимая в печатном тексте», однако такой подход опровергается самой действительностью: в связи с переживаемым русским языком очередным витком вульгаризации сейчас в СМИ можно встретить уже едва ли не все «непечатные» когда-то слова.

Речевое оскорбление понимается как публичное употребление в отношении (в адрес) потерпевшего грубой, то есть оскорбительной лексики (вульгарной, бранной или нецензурной). Такая лексика понижает общественный статус лица, которому она адресована, а также раскрывает личную неприязнь к нему [Стернин 2011], однако само по себе неприязненное понижение статуса адресата еще не свидетельствует об оскорблении (см. разнообразные формы проявления в речи юмористического: ирония, сарказм и т. д.).

При этом среди инвективных лексико-фразеологических средств в рамках литературного языка есть такие единицы, которые, хотя и являются нормативными, воспринимаются как недопустимые с точки зрения общественной морали — например, *сволочь*, *подлец*, *мерзавец* и т. п. [Понятия чести, достоинства 2004: 80]. Такая бранная и вульгарная лексика, в отличие от нецензурной (пять слов и их производные), не признается «неприличной формой» в юридическом отношении, а потому некоторыми исследователями не считается порочащей честь лица или унижающей его достоинство [Стернин 2011]. Во многих коммуникативных ситуациях использование бранной лексики само по себе не является оскорблением (а только демонстрацией личной неприязни), однако потерпевший может «оскорбиться» в бытовом смысле слова. Хотя это и считается грубым нарушением этических норм, данный факт не подлежит юридическому регулированию [Стернин и др. 2013: 3], либо должен классифицироваться как иное, нежели оскорбление, правонарушение. Вообще, то, что вызывает чувство обиды, достаточно субъективно для каждого человека. Это может зависеть от мировоззрения, личных предпочтений и стремлений каждой отдельно взятой личности, однако «оскорбления» вроде «куда-то не пригласили» или «не прибавили зарплату» не рассматриваются в правоприменительной практике [Стернин и др. 2013: 27]. Здесь, по-видимому, и кроется главное расхождение представлений об оскорблении в наивной и юридической картине мира: во-первых, семантическое наполнение оскорбления в наивной картине мира явно больше (и зачастую смешивается с понятием *обида*); во-вторых, не всё, то что может оскорбить человека, является оскорблением с правовой точки зрения.

Итак, в юридической картине мира понятие *оскорбление* обладает рядом значимых признаков, которые влияют на семантическое наполнение правовой нормы: 1) направленность речевого

акта оскорбления на конкретное лицо или группу лиц (оскорбление чувств верующих); 2) особая форма речевого акта («неприличная»); 3) намерение унизить адресата (и тем самым понизить его статус в обществе); 4) публичная форма выражения; 5) последствия за совершенные деяния в виде общественного осуждения.

Приняв во внимание уже перечисленные атрибуты оскорбления, необходимо отметить также те его характеристики, которые некоторые исследователи [Кусов 2011: 27–28, 42; Понятия чести, достоинства 2004: 80] относят к правовым (хотя эти характеристики являются, скорее, социо- или лингвокультурными, нежели правовыми). В этот ряд включают: 1) умышленное нарушение табу (в языке права нет понятия *табу*, следовательно, оно находится вне юридической картины мира); 2) скрытый характер воздействия оскорбления (такой атрибут оскорбления в нормативно-правовых актах не зафиксирован и не является предметом анализа собственно лингвистической экспертизы, как и иные вопросы «воздействия» [Бринев 2009]); 3) допускаемая адресантом возможность пересечь социальную границу, по другую сторону которой находится оскорбление (этот атрибут оскорбления относится, помимо прочего, к психологическим установкам говорящего и также не учитывается в юридической практике); 4) пейоративная модификация образа адресата (искажение образа как следствие унижения чести и достоинства лица); 5) утрата оскорбленным самоуважения и позитивной самооценки, а также трудоемкий процесс восстановления утраченного социального статуса (эти вопросы также находятся вне компетенции лингвистов-экспертов).

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что тремя бесспорными атрибутами оскорбления в юридической картине мира являются: 1) факт унижения чести и достоинства лица; 2) неприличная форма выражения этого факта; 3) адресность (направленность на конкретное лицо). Кроме того, к важным характеристикам оскорбления относятся его вербальная реализация и публичность.

4. Оскорбление: сопоставительный аспект

В наивном сознании оскорбление соотносится с большим числом понятий, чем в правовом поле, что позволяет говорить о существенно более широкой семантике слова в его обиходном понимании. В бытовой сфере оскорбление низко, безнравственно, оно задевает

чувства и вызывает обиду. В обеих картинах мира оскорбление тесно связано с издевательством, при этом в юридической картине мира оскорбление может рассматриваться как одна из форм насилия.

Наивным сознанием оскорбления стратифицируется более дробно и отражает специфику восприятия оскорбления с разных сторон: по мотивированности (*случайное, намеренное*), по степени оскорбительности (*глубокое, на всю жизнь* и др.), по форме (*грубое*), в этическом аспекте (*незаслуженное, непростительное*) и т. д. Оно всегда осуждается обществом и подлежит тем или иным мерам воздействия — общественным и правовым.

Если в юридической картине мира оскорбление может быть выражено почти исключительно вербально, то в наивной картине мира оскорблением может быть что угодно.

В правовом поле не фиксируются характеристики адресанта и возможные цели нанесения оскорбления, в наивном сознании оскорбитель представляется носителем заведомо отрицательных качеств и имеет цель задеть чувства адресата.

Из юридического поля полностью исключается эстетическая сфера: здесь оскорбление не рассматривается в категориях прекрасного и безобразного; так, вне компетенции права оказывается оскорбление зрения и слуха.

В сфере права единственным зафиксированным средством выражения оскорбления является «неприличная форма» высказывания. В обиходной сфере, напротив, предстает широкий спектр частных случаев воплощения оскорбления: брань, упрек, критика, обвинения, непристойные намеки, а также конкретные физические действия: пощечина, удары, побои и др.

Наконец, полное соответствие оскорбления в обеих картинах мира обнаруживается в возможных последствиях, наступающих после его осуществления (нанесения). Уже в наивной картине мира существует представление о привлечении оскорбителя к ответственности через суд. Естественно, что в юридической картине мира меры пресечения описаны более подробно (штраф, исправительные работы, лишение свободы).

Итак, сопоставление одноименных фрагментов двух картин мира демонстрирует частичное совпадение семантики понятия оскорбление. Правовое понимание оскорбления первоначально основывалось на некоторых наивных представлениях, существовавших

и сохраняющихся в языке; вместе с тем наивное сознание включает гораздо большее число оттенков смысла и атрибутов коммуникативной ситуации оскорбления, подчеркивающих обращенность наивной картины мира к человеку, его чувствам и переживаниям.

5. Оскорбление: дело по обвинению в оскорблении представителя власти

В качестве примера смешения юридических и наивных представлений об оскорблении можно взять экспертизу, инициированную судьей в рамках иска об оскорблении работника патрульно-постовой службы пешеходом, находившимся в состоянии алкогольного опьянения и использовавшим во время длительного пребывания в отделении полиции после задержания для выяснения обстоятельств обценные слова и выражения (предметом экспертизы стали только две конструкции: *иди в п****** и *иди на х****). При этом судья был абсолютно уверен, что коммуникативная ситуация, в которой в адрес работников МВД при исполнении используются подобного рода посылы («устойчивые выражения, семантическим ядром которых является отстранение адресанта от адресата, выражение к личности адресата негативного отношения, в связи с чем предполагающее понижение социального статуса адресата и демонстрацию превосходства адресанта над адресатом: *иди ты на х****; *пошел в ж******; *шел бы ты в п****** и др.» [Изотова и др. 2016: 14]), однозначно классифицируется как оскорбление (ст. 319 УК).

Однако две независимые экспертизы смогли пролить свет на суть проблемы, в результате чего был вынесен оправдательный приговор. Как уже говорилось выше, речевой акт оскорбления предполагает, что говорящий приписывает адресату отрицательную характеристику и сознательно делает это в неприличной форме. Как правило, не вызывает сомнения отнесение к инвективной лексике обценных (нецензурных, матерных) слов. Однако в некоторых видах дискурса (в армейской речи, в речи строителей, работников низкоквалифицированных специальностей и т. п.) табуированность обценной лексики снижается или исчезает полностью, так как в таких случаях обценная лексика играет роль исключительно маркера принадлежности к определенному социуму [Понятия чести, достоинства 2004: 30, 68 и др.] и является элементом повседневной речи. Кроме того, известная

часть обценной лексики в неофициальном общении или в производственной ситуации в речи человека низкой культуры часто выступает в функции междометных ситуативных обозначений предмета разговора или адресата речи (при этом такие слова имеют аморфную (размытую) семантику, обусловленную исключительно данной ситуацией общения), или собственно междометий, выражающих эмоции говорящего, или слов — заполнителей речевых пауз. В этих коммуникативных функциях употребление обценной лексики, как правило, не предполагает интенции оскорбления со стороны говорящего [Понятия чести, достоинства 2004: 78].

В анализируемой ситуации задержания представителями власти человека в состоянии алкогольного опьянения речевое поведение последнего почти неминуемо будет сопровождаться обценной лексикой, однако использование указанных конструкций в такой коммуникативной ситуации нельзя автоматически рассматривать как речевой акт оскорбления: во-первых, потому что здесь нет приписывания адресату (полицейскому) никаких отрицательных оценок (нет классической для оскорбления синтаксической формулы *X есть Y*, в которой *X* — оскорбляемый, а *Y* — оскорбительное слово); во-вторых, с точки зрения лингвистической прагматики отсутствует интенция оскорбить (если бы она была, задержанный выбрал бы формулы типа «*Ты (есть) Y*», «*Да сам ты — Y*» и т. п., т. е. назвал бы оскорбляемого (а не отправил бы его) тем или иным словом). Следовательно, в случае задержания полицейскими человека в состоянии алкогольного опьянения семантическое и прагматическое наполнение вышеназванных конструкций имеет лишь значение ‘отстань(е) от меня, оставь(те) меня в покое’ и ‘я не хочу с вами общаться’. Иными словами, данные реплики следует классифицировать не как оскорбление, а как просьбу человека не домогаться его (*иди в п*****) и как выражение нежелания продолжить диалог (*иди на х***).

Отсутствие акта оскорбления при употреблении данных реплик подтверждается и словарями современной русской разговорной лексики, которые в качестве основного значения коллоквиализмов фиксируют ‘отказ от продолжения коммуникации’ [Химик 2004: 438, 691].

Несмотря на подчеркиваемый стилистическими пометами нецензурный и бранный характер описываемых единиц, последние не содержат в себе коммуникативных тактик и стратегий

собственно оскорбления, но лишь служат в сниженном регистре для отказа от чего-либо, для предложения покинуть то или иное место или, как в рассматриваемом случае, для пожелания отстать от говорящего и для выражения нежелания продолжать диалог.

Таким образом, анализируемые высказывания, являясь негативными по содержанию, эмоционально-экспрессивными и нормативно-сниженными по форме, не являются неприличными в данной коммуникативной ситуации (задержание), не характеризуют адресата (полицейский), не несут интенции оскорбить кого-либо, а следовательно, не носят оскорбительного характера.

Как показывает проведенный анализ, представления об оскорблении серьезно разнятся в наивной и профессиональной (юридической) картинах мира. Общими для обеих интерпретаций являются 1) понимание оскорбления как унижения чести и достоинства, 2) отнесение оскорбления к сфере межличностных контактов и 3) возможные юридические последствия оскорбления. Различными оказываются представления об этико-эстетическом воздействии оскорбления, а также о личных чувствах и переживаниях оскорбленного, которые практически не фиксируются в юридическом дискурсе. Однако, как демонстрирует проанализированный случай из реальной судебной практики, зачастую и сами юристы привносят элементы наивной концептуализации оскорбления в профессиональную картину мира.

Литература

- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды: Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 629–650.
- Бенвенист 1995 — Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс, 1995.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009.
- БТСРЯ — С. А. Кузнецов (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.
- Дмитриев (ред.) 2003 — Д. В. Дмитриев (ред.). Толковый словарь русского языка. М.: Астрель, 2003.
- Ефремов 2009 — В. А. Ефремов. «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009.

- Закирова 2012 — Е. С. Закирова. Профессиональная языковая картина мира с позиций антропологистики // *Alma mater* (Вестник Высшей школы) 6, 2012. С. 93–96.
- Зализняк 2000 — Анна А. Зализняк. О семантике щепетильности (*обидно, совестно и неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). *Логический анализ языка. Языки этики*. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 101–118.
- Изотова и др. 2016 — Т. М. Изотова, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // *Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях* 1 (41), 2016. С. 92–98.
- Корнилов 2003 — О. А. Корнилов. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.
- Кусов 2011 — Г. В. Кусов. Анализ и диагностика признаков вербального оскорбления в судебной лингвистической экспертизе (типология методика). Краснодар: Издательский Дом — Юг, 2011.
- Левонтина 2014 — И. Б. Левонтина. Оскорбление и смежные понятия в современном русском языке // *Отечественные записки* 6 (63), 2014. С. 115–128. (<http://strana-oz.ru/2014/6/oskorblenie-i-smezhnyeponyatiya-v-sovremennom-russkom-yazyke>)
- Масыч 2010 — Т. Л. Масыч. Профессиональная языковая картина мира сотрудников правоохранительных органов (на материале русского языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгогр. гос. пед. ун-т, Волгоград, 2010.
- Плотницкая 2013 — С. В. Плотницкая. Межкультурная коммуникация и формирование профессиональной языковой личности студента-юриста // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова* 3, 2013. С. 182–186.
- Понятия чести, достоинства 2004 — А. К. Симонов, М. В. Горбаневский (ред.). *Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами*. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Медея, 2004.
- РАС — Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. *Русский ассоциативный словарь*. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7 000 стимулов. М.: Астрель, 2002.
- Санников 2006 — А. В. Санников. Понятия достоинства и смирения // Ю. Д. Апресян (ред.). *Языковая картина мира и системная лексикография*. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 405–470.
- Стернин 2011 — И. А. Стернин. Речевое (бытовое) и «юридическое» оскорбление. Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов, 2011. (<http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/11/4-1-0-144>)
- Стернин и др. 2013 — И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова. Выявление признаков унижения чести, достоинства,

- умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2013.
- Стецюра 2009 — Л. В. Стецюра. Военная метафора как средство репрезентации концепта 'организм человека' в профессиональной картине мира медика // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение 13 (151), 31, 2009. С. 122–125.
- Федотова 2012 — И. М. Федотова. Формирование и развитие профессиональной картины мира юристов // Вестник МГЛУ 26 (659), 2012. С. 118–125.
- Химик 2004 — В. В. Химик. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.
- Холодилова 2009 — М. В. Холодилова. Профессиональная картина мира как результат когнитивной деятельности // Языки профессиональной коммуникации. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 61–64.
- Хохлова 2013 — И. Н. Хохлова. Понятия «языковая картина мира» и «языковая личность» в современной антрополингвистике // Казанская наука 1, 2013. С. 134–137.

Г. С. Иваненко

Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ В КОНФЛИКТНОМ ТЕКСТЕ: ВОПРОСЫ ЭКСПЕРТНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Один из вопросов лингвоэкспертной теории и практики, не теряющий своей актуальности, - дифференциация двух противопоставленных типов информации: представленной в качестве объективной или субъективной, правовая квалификация которых является определяющей в ряде судебных процессов, главным образом в делах о защите чести, достоинства, деловой репутации.

Согласно формулировке законодателя в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», «... следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения... , которые, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия действительности».

Рассмотрение проблемы критериев указанной дифференциации [Баранов 2013; Бринев 2009; Обелюнас 2012; Карагодин 2011] позволило увидеть ее новые грани, но, безусловно, спорных вопросов остается еще очень много. Настоящая статья посвящена некоторым из них. Для структурирования материала, обострения полемики и обозначения собственной позиции назовем те положения, с которыми вступаем в дискуссию, мифами. Специфика сферы лингвистической экспертизы заключается в том, что каждый экспертный текст является научным исследованием, выражающим те или иные теоретические установки, на которые опирается автор: теория и практика формируются параллельно. «Единогласно принятые» методики в этой нише пока отсутствуют, а возможно, и не могут быть установлены в силу острой дискуссионности вопроса о корреляции субъективного и объективного. Поэтому мифы

в настоящем материале — это то, с чем не согласен автор настоящей статьи и с чем сталкивается в ходе экспертной практики. Мифы распространены, но, конечно, принимаются не всеми экспертами.

1. Предварительные замечания

Оговорим, какой смысл вкладывается в номинации **субъективное** и **объективное** в настоящем материале. Во-первых, речь идет не о реальной соотнесенности содержания текста с объективной действительностью в аспекте правда/неправда, а о позиционировании представленной в тексте информации как объективной или как субъективной (субъективные и объективные компоненты смысла). Во-вторых, текст и его информационные составляющие рассматривается нами не с позиций адресанта, а с позиций адресата речевого сообщения. При таком подходе в ходе анализа текста выявляются не мотивы и побуждения автора, а извлекаемый читателем или слушателем смысл.

Сформулируем основную идею, определяющую последующие положения статьи: в лингвистической экспертизе необходимо разграничить не субъективные и объективные высказывания, а субъективные и объективные компоненты их смысла.

Отметим, что в законодательстве противопоставлены не конструктивные, не формально-грамматические, а информационные составляющие: «...следует различать имеющие место утверждения о фактах... и оценочные суждения, мнения, убеждения...» [Постановление 2005]. Игнорирование данного обстоятельства приводит к упрощенным толкованиям предложения в целом как утверждения или мнения без различения, какие именно компоненты структуры выражают информацию как субъективную, а какие — как объективную. Например, трактовка:

«Указание на отношение сообщаемой информации к своей модели мира как раз и оказывается способом включить позицию в систему убеждений, предположений, оценок и т.д. говорящего. Действительно, говоря *По моему мнению/как мне кажется/представляется/по-видимому, вся гениальность Паратова как бизнесмена сводится к организации липовых аукционов и незаконной приватизации огромных кусков государственной собственности, мы ссылаемся на свою систему представлений о действительности*» [Баранов 2007: 32–33],

по-видимому, означает, что лингвист относит приведенное высказывание к категории мнений. В то же время далее исследователем рассматриваются примеры, в которых выделяются эксплицитные и имплицитные утверждения [Баранов 2007: 43–44] и выдвигается тезис об отнесенности полученных в результате грамматических трансформаций смыслов к скрытым утверждениям. Полагаем, что и в настоящем предложении разные компоненты смысла по-разному относятся к действительности:

1. Имеет место *организация*¹ Паратовым липовых аукционов и незаконной приватизации огромных кусков государственной собственности — информация представлена как объективная.

2. Говорящий оценивает действия Паратова как *единственное проявление его гениальности* — информация представлена как субъективная, то есть говорящий допускает, что у Паратова могут быть и другие проявления гениальности, но он (говорящий) их не видит.

Именно практика целиком квалифицировать высказывания (предложения) как утверждения или как мнения является источником противоречивых квалификаций и неоправданных обобщений.

2. Миф первый: понятие «утверждение о факте» и понятия «субъективное мнение», «оценка», «предположение» коррелируют на одном логическом основании

Обозначенная корреляция определена правовым дискурсом: появившееся в Постановлении Верховного Суда от 24 февраля 2005 года, оно прочно вошло в лингвоэкспертную теорию и практику; именно к обозначенной дифференциации информации должен прийти лингвист в результате исследования. Как представляется, правовая корреляция **утверждение о факте** — **мнение** в лингвистическом аспекте включает две оппозиции: информация о факте / не о факте; утверждение / не утверждение. В [Иваненко 2006b] выделяются виды фактуальной и нефактуальной информации, отдельно рассматривается оппозиция предположение / утверждение. Идеи двухуровневой дифференциации развиваются, в частности,

¹ *Организация* — отглагольное существительное, сообщающее о действии. *Сводится* — синонимы *ограничивается*, *проявляется только в*. Ср.: *его работа ограничивается подписью документов = он только подписывает документы*.

в [Иваненко 2006а; 2010; 2012а]. В настоящем материале предлагается дуальная система корреляции, требуемой законодателем, по различным, не связанным и градуально не выстроенным двум параметрам: семантическому и грамматическому.

Первую оппозицию предлагаем назвать **когнитивно-концептуальной: фактуальная/нефактуальная**. Ни одна из противопоставленных категорий не проявляет себя каким-либо маркером, отсутствуют формальные показатели дифференциации. Отнесение к той или иной группе базируется на семантическом анализе.

Семантическая дифференциация информации на фактуальную и нефактуальную основывается, в свою очередь, на двухуровневом противопоставлении: 1) конкретные / отвлеченные смыслы, 2) внутри конкретных смыслов — четко очерченные / размытые.

Конкретные / отвлеченные смыслы в теории и практике лингвистической экспертизы, как и в естественном языке, различаются отнесенностью к миру объективного или к миру субъективного. В данном случае критерий конкретности — соотнесение номинации с чем-либо уже существующим — видимым, слышимым, осязаемым, фиксированным, внешне проявленным (*подписать, уволить, продать, купить, присутствовать*). Критерии отвлеченности — соотнесение номинации с явлением, еще не имевшим места в действительности, а только желаемым (в том числе предполагаемым в будущем), или оценка тех или иных обстоятельств, личностей, фактов (*желать, планировать, надеяться, сожалеть, мечтать*).

Рассмотрим пример.

- (1) *Парламентариев крайне возмутили налоговые схемы, используемые руководством предприятия.*

В составе данного предложения глагол *возмутили* указывает на эмоциональную реакцию парламентариев — этот компонент смысла указывает на отношение, которое отвлеченно и вдвойне субъективно: выражает реакцию неких лиц в описании этой реакции автором текста. Смысловой же компонент 'руководство предприятия использует налоговые схемы' констатирует конкретную, обладающую внешними признаками ситуацию, имевшую место в действительности, согласно представленной формулировке.

Отвлеченные смыслы в рассматриваемых конфликтных материалах можно разделить на следующие группы:

1. **Оценочные** — выражение оценок событий, явлений, лиц: *хорошо, плохо, замечательно, отлично.*

2. **Деонтические**, проявляющиеся в категориях долженствования: *должен, обязан, нужно, необходимо, следует.*

3. **Ментальные:**

⇒ **эмотивные** — сообщение о чьих-либо чувствах: *радоваться / радость, счастье, страдать, переживать, чувствовать, несчастье, горе, беда;*

⇒ **рациональные** — сообщение о чьих-либо мыслях, выражение состояний, направленных на будущее: *надеяться / надежда, намереваться / намерение, планировать / план, наметать, ждать / ожидание, стремиться / стремление, рассчитывать / расчет.*

Отвлеченные смыслы образуют субъективный компонент информации.

Конкретные компоненты семантики языковых единиц также можно разделить на две группы, противопоставленные по содержанию денотата: с **четко очерченным**, или **таксономическим, денотатом** (*не выплатил, присвоил, перевел на счет, заключил договор, собственник, сотрудник, директор, был осужден по статье, подозреваемый, уволить*) / с **размытым денотатом** (*оказать воздействие, влиять, отреагировать, возможности*). Названные термины мы употребляем вслед за Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1980] для обозначения слов, денотат которых возможно / невозможно однозначно соотнести с одной конкретной сущностью реальной действительности, а следовательно, верифицировать.

Единицы с **размытым денотатом** можно разделить на группы:

1. Слова и выражения с **субъективно** определяемой референцией, для каждого конкретного говорящего наполненные собственным смыслом, не тождественным для различных людей: понятия *счастье, несчастье, успех / неуспех, благополучный / неблагоприятный, свобода, свободный, прогресс, деградация. Он сделал ребенка неудачником* — говорит мать о воздействии отца на мировоззрение ребенка, избравшего любимую, но малооплачиваемую работу. Повидимому, участники конфликта по-разному понимают удачу — такие высказывания являются субъективными, их невозможно ни

доказать, ни опровергнуть. То же: *X душитель свободы, X подавляет справедливость*.

2. Слова и выражения, которые обозначают **сложное понятие**, сложное в смысле составленности из череды различных или варьирующихся компонентов. Например, невозможно однозначно определить, что значит *использовать административный ресурс*, какие именно действия попадают под эту номинацию.

3. Слова и выражения, обозначающие понятия без видимых внешних признаков или допускающие невидимость этих признаков, а следовательно, не имеющие критериев верификации: *Директор старается развалить школу*. Какие именно действия директора в данном случае могут подтвердить то, что он *старается*?

Конкретность / размытость денотата зависит от того значения, в котором употреблено слово, что, в свою очередь, определено контекстом:

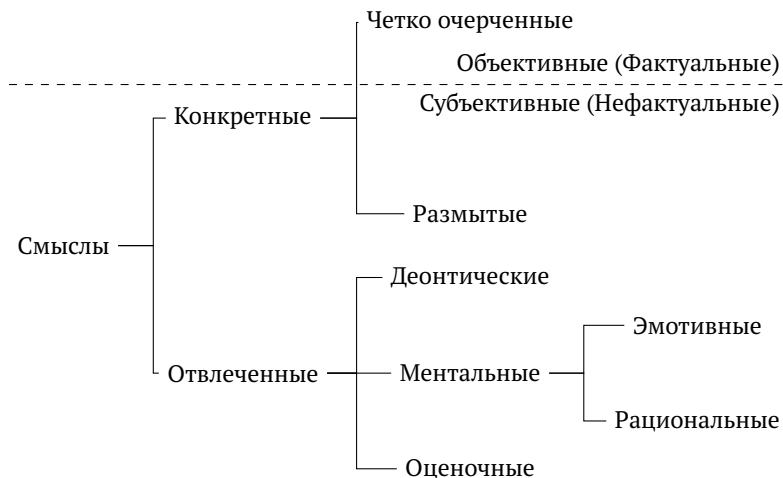
⇒ *он использовал лопату* — значение глагола *использовал* определяется конкретной, таксономической семантикой существительного *лопата*;

⇒ *он использовал власть* — значение глагола *использовал* определяется отвлеченной семантикой абстрактного существительного *власть*: денотат размытый, конкретные формы и средства осуществления обозначенного действия не определимы, а потому не верифицируемы.

Вторая оппозиция в рамках дифференциации «утверждение о факте» / «оценочное суждение, мнение» проявляет себя на **лексико-грамматическом** уровне. **Утверждение** противопоставлено **предположению**. **Маркерами предположения** являются 1) вводные конструкции и предикаты а) выражающие различную меру уверенности, б) указывающие на источник информации; 2) частицы *ли, разве, неужели* в вопросительных предложениях. Роль показателей группы б) по ряду вопросов требует отдельного рассмотрения [Иваненко 2012а], но очевидно, что конструкции типа «как считает Петров» имеют высокий потенциал предположительности.

Итак, правовая оппозиция «утверждение о факте» (группа I) / «субъективное мнение, суждение, оценка» (группа II) в речи проявляется как пара коррелятов: на семантическом уровне как противопоставленность фактуального и нефактуального, на уровне

Таблица 1. Когнитивно-семантическая классификация выражаемых смыслов

лексико-грамматическом — как противопоставленность утверждения и предположения. Правовой категории «утверждение о факте» (I) соответствуют только те компоненты смысла, которые имеют четко очерченный (таксономический) денотат и не соотносятся с маркерами субъективности.

Таблица 2. Дифференциация противопоставленных групп информации

Лексико-грамматический критерий дифференциации	Когнитивно-семантический критерий дифференциации	
	Фактуальная информация	Нефактуальная информация
Утверждение	I	II
Предположение		

3. Миф второй: о дифференциации объективной и субъективной информации по грамматическим признакам предложения и предикативной основы

В работах по теории лингвистической экспертизы доминирует, как представляется, неоправданное отождествление утверждения как когнитивно-прагматической категории и утверждения как грамматической формы представления информации.

Так, в монографии А. Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста» дано такое определение: «Утверждение — это вербально передаваемая кому-либо информация о том, что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна, причем говорящий в той или иной степени берет на себя ответственность за сообщаемое, а сама информация передается в **грамматической форме повествовательного предложения**, допускающего истинностную оценку (верификацию), которое реализуется в различных синтаксических позициях (и в функции простого предложения, и в составе сложного) **со сказуемым в индикативе** и не соотносится в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности» [Баранов 2007: 32]. В настоящем случае предлагаем обсудить выделенные нами фрагменты определения, раскрывающие проблему грамматических средств выражения утверждения.

В «Памятке для лингвистов-экспертов» грамматическая детерминированность утверждения определенными типами предложения и предиката представлена как очевидная: вопросительным предложениям, за исключением вопросительно-отрицательных предложений и риторических вопросов, отказывается в способности выражать суждение [Горбаневский 2004: 24]; утверждение понимается как грамматическая категория и связывается с грамматической формой повествовательного предложения [Горбаневский 2004: 31]. Согласно исследованию Н. В. Обелюнас, при дифференциации утверждений о факте и мнений «... фактически экспертами используется один признак — грамматическая форма повествовательного предложения» [Обелюнас 2012: 14].

Однако утверждение как сообщение о событии, как констатация факта — категория когнитивно-прагматическая, информационная. В теории речевых актов к числу базовых иллокутивных актов относятся *констатив*, коммуникативно-интенциональное содержание которого заключается в утверждении. Констатив в рассматриваемом аспекте, безусловно, как и все в языке, выражается определенными формальными средствами, которые не ограничены жестко ни формой предложения по цели высказывания, ни грамматической формой глагола, выражающего предикат.

На наш взгляд, когнитивное понятие **утверждение** (о факте, событии) следует освободить от связи с грамматической формой в аспекте противопоставления повествовательного предложения

побудительному и вопросительному, а предложения с предикатом в изъявительном наклонении глагола — предложениям с предикатом в повелительном или условном наклонении.

Для обоснования этой позиции обратимся к лингвистическим понятиям актуального членения предложения, пропозиции и пресуппозиции.

Из теории актуального членения предложения [Матезиус 1967: 239–245] следует, что деление на тему (старое утверждаемое) и рему (новое сообщаемое) не совпадает с делением членов предложения на главные и второстепенные, а также что и в побудительном, и в лично-вопросительном предложении присутствует констатирующий элемент смысла [Ковтунова 1976]. Идея сочетания в лично-диктальном вопросе запроса информации с утверждением информации содержится и в [Русская грамматика 2005].

Перенесем теорию актуального членения на юрислингвистическую теорию и практику: лично-диктальный вопрос как синтаксический конструкт содержит утверждение о каком-либо факте и вопрос о каком-либо аспекте, связанном с утверждаемой частью информации, например:

- (2) *Как / когда / с чьей помощью главе огромного предприятия удалось спрятать от налогов и от собственной бухгалтерии такую огромную сумму?*

В вопросительных предложениях такого типа рему образуют вопросительные слова и выражения *как? когда? с чьей помощью?*, побуждающие сообщить информацию о времени, способе совершения действия, других его признаках. Само же действие показано как уже осуществленное. Оно описано всей остальной частью предложения — темой, или утверждаемой частью сообщения.

Аналогичную картину наблюдаем и в побудительных предложениях: собственно побуждение, то есть призыв к воплощению в реальность чего-то пока еще не существующего, потенциального, представляют собой не все компоненты высказывания, например:

- (3) *Поинтересуйтесь биографией X, создавшего свою империю на ворованных деньгах от своего криминального прошлого.*

Побуждение к действию — рему — выражает компонент *поинтересуйтесь*. При этом тема «*X создал свою империю*

на ворованных деньгах и имеет криминальное прошлое» представляет собой сообщение о свершившемся событии (событиях).

Таким образом, используя теорию актуального членения предложения в лингвоэкспертной практике, можно определить, какой компонент синтаксической конструкции реализует собственно вопросительную и побудительную прагматику, а какой содержит сообщение о событии, то есть утверждение о факте.

В европейской и американской лингвистике с 60-х годов XX в., а с 80-х и в отечественном языкознании в работах Арутюнова [1973]; Кацнельсон [1984]; Падучева [1985]; Кобозева [2009] активно используется понятие пропозиции. Вслед за Расселом [Рассел 1999] под пропозицией понимают не грамматическую, а информационную сущность. В свете поиска методических экспертных подходов, в теории пропозиции концептуально значимое — признание способности одного предложения передать несколько информационных посылов. Например:

(4) *Не ошибитесь, когда будете выбирать между порядочным инженером Синякиным и жуликом Ахримеевым, не оплатившим десяткам поставщиков их продукцию.*

1: адресата призывают не ошибиться (утверждение о свершившемся событии отсутствует).

2: адресат будет делать выбор — действие будет иметь место в действительности, но на настоящий момент оно не является свершившимся событием (предположение-прогноз).

3: Синякин — инженер (утверждение о факте).

4: Ахримеев — не оплатил десяткам поставщиков их продукцию (утверждение о факте).

Как видим, выраженные в предложении блоки информации имеют разное отношение к действительности.

Пришедшее из логики в практику лингвистического анализа понятие пресуппозиции имеет широкий круг значений [Арутюнова 1973: 89]. В свете обсуждаемых в настоящем материале проблем представляются значимыми, как минимум, два из них.

Во-первых, трактовка пресуппозиции как информации, содержащейся в высказывании в качестве основы для его понимания. В одном из значений пресуппозиция по смыслу тождественна тому понятию, которое в теории актуального членения

называется темой. Например, *помощник депутата Большакова сказал, что...* Пресуппозицией (темой) является существование депутата Большакова и его помощника, который что-то мог сказать.

Во-вторых, логико-лингвистический феномен пресуппозиции в значении «общие знания людей об окружающем мире» [Падучева 1977] призван, в частности, реконструировать именно обыденное, типовое восприятие текста.

Одна из логических обыденных пресуппозиций — понимание предположительности всего сказанного, отнесенного к плану будущего. Сообщение о еще не свершившихся, относимых говорящим к плану будущего событиях может быть передано различными грамматическими средствами:

1) глаголом в форме будущего времени: *в следующем году предприятие не сможет выйти на новый виток развития;*

2) глаголом в форме настоящего времени со значением будущего с маркером темпоральной отнесенности — лексемой со значением будущего: *Что поделаешь? Через пару месяцев мы явно идем в минус.*

3) инфинитивом с темпоральным значением будущего: *С таким руководством идти предприятию под откос.*

Несмотря на то что говорящий во всех случаях выражает уверенность в негативном пути развития событий, с точки зрения логических пресуппозиций (житейского опыта) понятно, что любое сообщение о будущем — в каком-то смысле предположение, пусть с максимально высокой степенью вероятности. В то же время есть языковые средства, способные представить ту информацию, которая отнесена к плану будущего, как соотносимую с уже имевшей место в действительности, и тогда высказывание выражает смысл: так, скорее всего, будет, поскольку так уже было. Языковыми средствами «констативации» высказывания со сказуемым в форме будущего времени являются:

1) частицы со значением тождества (*и, тоже, также*): *Мэр поможет с тендером (1) и в этот раз (2);*

2) придаточное со значением сопоставления: *Мэр поможет с тендером (1), как это уже было (2);*

3) сопоставительный оборот: *Мэр поможет с тендером ООО «МАКС» (1), как АЭЛИТе (2);*

4) отдельное предложение, выражающее указание на тождество ситуаций: *Мэр, по-видимому, поможет с тендером (1). Так уже было (2).*

В приведенных примерах значение **констатива** собрано из компонентов (1) и (2), которые, будучи связанными синтаксически, порождают третий смысл, берущий содержание одного и форму другого:

⇒ компонент (1), сообщающий о будущем, выражает **содержание** констатива, но сам констативом не является, так как форма будущего времени относит событие к категории несвершившихся;

⇒ компонент (2), сообщающий об имеющем место тождестве, отсылает к прошлому, в котором такое событие уже имело место, придает сообщению **форму** констатива.

Порождаемый смысл: *Мэр в прошлом сделал (1).*

Традиция теории лингвистической экспертизы связывать способность предложения выражать сообщение о событии как о реальном с определенными грамматическими категориями основана на представлении о ведущей семантической роли грамматической основы в выражаемом предложением смысле. Работа со спорными текстами показывает, что как минимум применительно к сфере правовой конфликтности это не так. Существенные компоненты семантики высказывания могут не занимать позиции грамматической основы, но при этом быть выделенными другими средствами, например, обособлением. Впрочем, выделение подчеркивает, но не порождает констатив. Назовем ряд выделенных в спорных текстах позиций констативов:

1) позиция необособленного и обособленного приложения: *Когда этот взяточник Нечипоренко уйдет со своего поста? Что можно сказать о Кондратьюке — последнем криминальном острове и острове 90-х в нынешнем совете директоров?*

2) позиция необособленного и обособленного определения, выраженного причастным или адъективным оборотом: *Как главный врач больницы намеревается выполнять государственные квоты, отобранные им у больных?*

3) обособленное обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом: *Попробуйте сдвиньте с места этого человека, который, опустошив кассу одного предприятия, переходит на другое!*

Во многих случаях второстепенный член или придаточное предложение выражают объективный компонент смысла при субъективности смысла, выражаемого предикативной основной главной части, если характеризует существующий в реальности объект. Так, в приводимых далее предложениях смыслы, формируемые предикатами, субъективны; но в (1) речь идет о будущем, еще не сформированном, но моделируемом высказыванием; во (2) — о конкретном человеке, обстоятельства биографии которого представлены как объективная реальность:

1) *Давайте подготовим депутата, способного / который способен самостоятельно мыслить.*

2) *Давайте исключим из списков кандидата в депутаты X, отсидевшего / который отсидел 5 лет за мошенничество.*

4. Миф третий: метафоры относятся к категории субъективных высказываний.

Методики извлечения объективных смыслов из образных выражений, метафор, фразеологизмов разрабатываются в теории лингвистической экспертизы [Баранов 2013: 71–116], однако в экспертной практике продолжают встречаться утверждения, что все метафорическое заведомо субъективно и не может выражать объективной информации. Так, например, в лингвистическом заключении [Щурова 2011: 7] наименование матери словом *кукушка* в связи с метафоричностью признается оценочным, следовательно, отнесенным к категории субъективных мнений. В аспекте рассматриваемой проблемы существенен даже не сам вывод, а его выведение из наличия оценочных компонентов смысла приведенных номинаций. Подобная логическая схема нередко используется в исследованиях: наличие оценочности, образности, экспрессии как коннотативных составляющих языковой единицы дает основания для ее характеристики как оценочной, из чего делается вывод об отнесенности к субъективной информационной группе. Денотативная составляющая номинации остается при этом вне рассмотрения.

Металогическое наименование предмета, события, поступка построено по определенной модели: слово с наименования чего-либо конкретного переносится на основании сходства по какому-либо признаку на другой объект. Но денотат обозначения не меняется. В семантической структуре

образных выражений различных типов, согласно их внутренней форме, в обязательном порядке присутствует коннотация. Вопрос в том, каков денотат: содержит ли он номинативно-констативную сущность или же она полностью подавлена коннотацией. И если констатив имеет место, то какой он природы.

Если денотат по своей внутренней природе конкретен, то метафора в образной форме обозначает сообщение о событиях, «соответствие действительности которых можно проверить», согласно законодательной формулировке, например:

- (5) *Призвать «дымящего монстра» к ответу пытались и профессиональные экологи с правозащитниками.*

Существительное *монстр* указывает объективно на материальный объект и субъективно-образно представляет его опасным и страшным; эпитет *дымящий*, напротив, денотативно наполнен, так как соотносится с понятием *дымить* и указывает на осуществление этого действия. То есть в одной характеристике выражены а) сведение о том, что завод дымит, представленное как объективное; б) образное сравнение завода с монстром, выражающее субъективное представление автора, что он чудовище.

Дифференциация информации, представленной как субъективная и объективная, осуществляется на различных языковых уровнях. Так, некоторые синтаксические модели, обозначая крайние точки возможных интерпретаций, предполагают множественность трактовок и не утверждают ни одну из них, что является признаком субъективности информации, например:

- (6а) *Это могло быть что угодно: от недосмотра до намеренного убийства.*
- (6б) *«Политика мэра в „арбатской“ проблеме, что грозит завершиться котлованом и разрухой, как минимум, поразительно нелогична. Как максимум — превращается в попытку банальной наживы, автоматически становясь новым поводом для пристального интереса со стороны правоохранительных органов».*
- (6в) *Все возможно: само загорелось или сосед поджег.*

Макроконтекстными показателями субъективности высказывания в целом могут быть жанрово-стилистические и

дискурсивные факторы, например, жанр научной статьи, в которой все теоретические положения по законам дискурса — мнение автора, сложившееся по результатам исследования.

Таким образом, в лингвоэкспертной практике следует учитывать, что в одной языковой единице могут совмещаться объективный и субъективный компоненты смысла. При проведении лингвистической экспертизы надо отказаться от формально-грамматического подхода к дифференциации объективного и субъективного и проводить анализ высказываний, рассматривая все аспекты, определяющие вывод: семантику, грамматику, контекст. Дифференциацию объективного и субъективного следует проводить с учетом обыденного восприятия высказывания, основанного на представлениях о реальности.

Литература

- Арутюнова 1973 — Н. Д. Арутюнова. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, Серия литературы и языка XXXII, 1, 1973. С. 84–89.
- Арутюнова 1980 — Н. Д. Арутюнова. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М.: М.: Наука, 1980. (<http://mir.zavantag.com/filosofiya/883958/index.html?page=26>)
- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза: теория и практика. М.: Флинта — Наука, 2007.
- Баранов 2013 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика: учебное пособие для вузов. М.: Флинта — Наука, 2013.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009.
- Горбаневский 2004 — М. В. Горбаневский (ред.). Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юристов-консультантов. М.: Медея, 2004.
- Иваненко 2006а — Г. С. Иваненко. Грамматическая категория модальности в ее отношении к действительности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета 3, 2006. С. 98–107.
- Иваненко 2006б — Г. С. Иваненко. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации. Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2006.
- Иваненко 2010 — Г. С. Иваненко. Объективная и субъективная информация в контексте лингвистического исследования по процессам

- о защите чести и достоинства // Н. Д. Голев, Т. В. Чернышова (ред.). Юрлингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово, Барнаул: АлтГУ, 2010. С. 214–221.
- Иваненко 2012а — Г. С. Иваненко. Вторичный текст как источник правового конфликта // Филологические науки. Вопросы теории и практики 6(17), 2012. С. 54–58.
- Карагодин 2011 — А. А. Карагодин. Первая Интернет-конференция по юридической лингвистике «Право как дискурс, текст и слово» / Форум / Сообщение от 08.01.2011. (<http://konference.siberia-expert.com/forum/7-21-1>)
- Кацнельсон 1984 — С. Д. Кацнельсон. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания 4, 1984. С. 3–12.
- Кобозева 2009 — И. М. Кобозева. Лингвистическая семантика. Изд. 4. М.: УРСС, 2009.
- Ковтунова 1976 — И. И. Ковтунова. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Прогресс, 1976.
- Матезиус 1967 — В. Матезиус. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
- Обелюнас 2012 — Н. В. Обелюнас. Конфликт интерпретаций текстов в аспекте оппозиции событийной и оценочной информации (на материале текстов российских СМИ). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012.
- Падучева 1977 — Е. В. Падучева. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика 8, 1977. С. 91–124.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Постановление 2005 — Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (№ 3, от 24 февраля 2005 года).
- Рассел 1999 — Б. Рассел. Философия логического атомизма. Томск: Водолей, 1999.
- Русская грамматика 2005 — Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан (ред.). Русская грамматика. В 2-х т. address = М. Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2005.
- Щурова 2011 — И. В. Щурова. Заключение специалиста от 23 марта 2011 г. // Материалы уголовного дела 1–3/11, г. Курган.

Т. С. Садова

СПбГУ, Санкт-Петербург

**КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАИМЕНОВАНИЯ КАК
ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ:
НОМИНАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА**

С конца 90-х гг. XX в. в России усиливается поток социальных запросов на лингвистическую экспертизу как актуальное исследование фактов речевой деятельности, порожденных природной конфликтностью человеческого общения, в том числе — по причине «объективного свойства асимметрии формы и значения языкового знака, его бесконечной смысловой валентности, стремления языкового знака к обозначению широкого спектра смыслов» [Голев, Ким 2007: 238].

Совершенно очевидно, что практика (и тем более теория) лингвистической экспертизы в нашей стране еще слишком молода, чтобы служить основанием для широких обобщений и системных выводов о способах функционирования естественного языка в правовой сфере вообще и о существовании универсальных методов лингвоэкспертного исследования, в частности. Следует отметить, что многое в этом направлении уже сделано. Стараниями коллег из Кемерово, Барнаула, Москвы, Нижнего Новгорода и др. исследованы основные проблемные аспекты взаимодействия языка и права ([Голев 1998; 1999; 2002; Галяшина 2003] и др.), определены разделы юрислингвистики как теоретико-прикладной ветви современного языкознания ([Голев 2002; Осадчий 2014] и др.), наметились общие взгляды на структуру, содержание, а также источники лингвистических данных, которые бы удовлетворяли требованиям языка права и правовым нормам как таковым ([Баранов 2007; Бринев 2009] и др.).

Однако многие российские эксперты-лингвисты, и это следует признать общим явлением [Голев 2002: 14], до сегодняшнего дня работают, руководствуясь преимущественно своей профессиональной интуицией и опираясь на базовые общефилологические методы. В ряде исследований юрислингвистической тематики и вовсе

отрицается наличие каких-либо особенностей лингвоэкспертных исследований, не признается и принципиальная возможность «взаимной адаптации лингвистического и юридического понятийно-методологического аппарата» [Тарланов 2014: 76].

Между тем практическая экспертная деятельность, касающаяся широчайшего круга тем и проблем различного свойства, часто обнаруживает существенные лакуны в теоретической проработке разнообразнейших форм взаимоотношения естественного языка и языка права, безусловно имеющего особые черты. Таким образом, вопрос метода при анализе речевого факта, попавшего в сферу правовой коммуникации, стоит по-прежнему весьма остро: исследовательские инструменты «чистой лингвистики» в решении целого ряда лингвоэкспертных проблем порой оказываются недостаточными.

Конфликтность, т. е. потенциальная противоречивость функционирования номинации человека в естественной речи, общеизвестна: она может быть следствием как собственно языковых противопоставлений («диалектное — общезыковое», «оценочное — нейтральное», «оказиональное — общезыковое» и т. д.), так и противоречий, связанных с фактами прагматического порядка (речевые стратегии коммуникантов, намерение адресанта и восприятие адресата, речеповеденческие традиции говорящих и т. д.).

Из всех функций номинации лица, особенно если это предмет экспертизы, лингвист сосредоточен на оценочной, т. е. квалификационной, потому что номинация, особенно в делах по защите чести, достоинства и деловой репутации, есть **правовая квалификация**: *мошенник* — не просто оскорбительное слово, это уголовная статья; в синонимическом ряду *безобразник*, *архавровец*, *колобродник*, *гопник*, *озорник*, *хулиган* — только последнее имеет правовой статус. Синонимия в экспертной деятельности играет большую роль, а потому, на наш взгляд, чрезвычайно важно иметь «свой» словарь синонимов, демонстрирующий не столько общезыковую синонимию, сколько синонимию «правовую», представляющую ряды близких в правовом статусе слов.

Высокую степень конфликтности номинаций лица актуализируют т. н. закрытые коммуникативные сферы — военная, прежде всего.

В одном из дел о защите чести, достоинства и деловой репутации (Ст. 152 ГК РФ) лингвисту-эксперту предлагалось разобраться

в степени оскорбительности прецедентного выражения «свадебный генерал», адресованного кадровому генералу, приглашенному в качестве почетного гостя на свадьбу одного из подчиненных ему офицеров. Запрос об экспертизе, пришедший от адвоката истца, включал в себя два вопроса к эксперту: 1) *имеет ли выражение «свадебный генерал» негативную характеристику человека, имеющего в настоящее время воинское звание «генерал-майор»? 2) можно ли квалифицировать это выражение как унижающее достоинство офицера в звании генерала?* Запрос сопровождался краткой характеристикой речевой ситуации, приведшей к конфликту сторон: истец (генерал) счел себя крайне оскорбленным, поскольку не единожды одним из подчиненных ему офицеров (ответчик) был публично назван «свадебным генералом», что всякий раз вызывало смех среди гостей, большая часть которых — офицеры, находившиеся в прямом подчинении истца.

При работе над текстом заключения эксперту, безусловно, следовало учесть важнейшие моменты экстралингвистического свойства, напрямую касавшиеся сути заданных вопросов, ответы на которые с позиции «чистой лингвистики» были очевидны. С учетом строго регламентированной военной коммуникации важно было иметь в виду: а) неофициальный характер мероприятия (свадьба), при котором степень иерархически выстроенных взаимоотношений между командиром и подчиненными не столь высока; б) статус приглашения (почетный гость); в) состав участников мероприятия (большинство — подчиненные генералу офицеры); г) форму одежды присутствовавшего на свадьбе генерала (форменный мундир); д) личность ответчика (младший офицер того же полка). Вооружившись категорией уместности, принятой в общей теории культуры речи, эксперт составил заключение, максимально учитывая специфику той коммуникативной среды, в которой произошел речевой конфликт: сугубо лингвистический анализ известного выражения не дал бы объективной характеристики данной речевой ситуации и, как следствие, не определил бы квалификативного качества номинации «свадебный генерал». При этом границы компетенции лингвиста-эксперта в строгом смысле несколько расширились, а вопрос определения метода исследования остался открытым. Весьма условно его можно было определить как коммуникативно-социологический.

Несмотря на имеющееся в ст. 5.61 КоАП РФ определение **оскорбления** («унижение чести и достоинства другого лица,

выраженное в неприличной форме» [КоАП РФ 2016]), определить «оскорбительный характер» номинации человека путем собственно лингвистических методов достаточно сложно. Во-первых, каждое из слов, призванных разъяснить сущность оскорбления в данной статье КоАП, в свою очередь, имеет множественные толкования (*честь, достоинство, неприличная форма*), а потому требует отдельной лингво-правовой интерпретации. Во-вторых, **номинация лица** часто квалифицируется как **оскорбление** с точки зрения адресата, а потому во многом зависит от личностных черт «оскорбленного» — культурных, социальных, возрастных, религиозных и т. д. Иными словами, попав в поле правовой интерпретации, практически любое наименование человека, и особенно оценочное, неизбежно обретает статус квалификативной номинации, поэтому собственно лингвистическая интерпретация этого наименования не должна вступать в противоречие с правовой.

При составлении судебного экспертного заключения по любому речевому конфликту, в том числе — вызванному различной интерпретацией номинации лица, важно иметь в виду и то, что присутствующие в зале суда (по праву носителей языка) зачастую имеют свое мнение о том же языковом факте. Эксперт обязан учесть, что столкновение наивной и профессиональной лингвистики практически всегда сопутствует провозглашению лингвистической экспертизы на судебном заседании. Потому необходимо искать способы не противопоставления, а объединения (пересечения) «природного чувствования языка» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 38–60] и научного толкования речевых фактов, явившихся предметом лингвоэкспертного исследования.

Приведем пример из практики. *Любитель чужой копейки* — эта многословная номинация, адресованная одному из руководителей большого предприятия, была воспринята им как оскорбление, как жестокий урон репутации, поскольку заключалась в письме, опубликованном в местной газете. По мнению автора письма, директор уклонялся от выплат работникам законных премий, присваивая деньги себе. На стадии мирового соглашения был подключен лингвист-эксперт, который должен был убедить автора письма в том, что (цитирую задание) «огульно обвинять руководителя предприятия некорректно», что поданный руководителем иск о защите чести, достоинства и деловой

репутации «имеет явные судебные перспективы». Автор же письма утверждал, что не видит в своем тексте и — конкретно — в выражении *любитель чужой копейки* ничего оскорбительного.

Определять правоту/неправоту изложенного в письме надлежало безусловно и только суду. Дело лингвиста — на стадии мирового соглашения дать заключение о наличии «негативной оценки» в сочетании, заключенном в следующий контекст: [*Этот любитель чужой копейки* сумел создать видимость благополучия коллектива]. Ни семантико-стилистический анализ слова «любитель» в данном текстовом окружении, ни явное синекдохическое выражение *чужая копейка* в значении ‘не принадлежащие тебе деньги’ не могли убедить автора письма в том, что эта номинация имеет оценочный характер, и она, эта оценка, безусловно не положительная. Со своей стороны, оскорбленный руководитель настаивал на том, что в письме имеется явное обвинение в воровстве, хотя слова «вор» или его производных в тексте не было. Однако чувство родного языка позволяло истцу, говоря специальным языком, расширить семантическое поле анализируемой номинации. Предварительная, сугубо лексико-семантическая характеристика этого контекста, напомним, примирительного результата не дала. В желании сблизить позицию участников конфликта с мнением эксперта было решено прибегнуть к системе примитивных бинарных оппозиций, что значительно упростило задачу.

Сторонам конфликта были предложены вопросы, на которые следовало ответить письменно.

- I. *Любитель чужой копейки*. Это:
 1. Наименование человека
 2. Наименование животного.
 Если 1.
- II. *Любитель чужой копейки*. Это:
 1. Наименование внешности / возраста / телосложения человека
 2. Наименование характера / поведения / поступка человека
- III. Общественное мнение: *хорошо* — *плохо* (отметить знаками + —)
 - ⇒ *Любитель театра*
 - ⇒ *любитель денег*
- IV. Общественное мнение: *хорошо* — *плохо* (отметить знаками + —)
 - ⇒ *Любитель чужого*
 - ⇒ *нелюбитель чужого*
- V. Что звучит выразительнее, ярче? (подчеркнуть)
 - ⇒ *Он любитель чужой копейки*
 - ⇒ *Он не всем выплачивает премии*

В итоге оказалось, что обе стороны — и автор письма, и оскорбленный директор — совершенно единодушны в ответах на простые вопросы. Переводя на язык, приближенный к специальному, они обнаружили одинаковое представление о том, что номинация *любитель чужой копейки*: а) имеет оценочный компонент; б) эта оценка явно не положительная; в) носит квалификативный характер. Таким образом, природное чувство языка привело участников конфликта к единому мнению, причем срежиссированному экспертом. Были принесены необходимые извинения, произнесены обязательные в таких случаях слова, и — к удовлетворению всех — примирение сторон было достигнуто.

Приведенные и многие другие примеры из практики экспертной деятельности свидетельствуют о том, что в **теории метода**, разработке **приемов** и **методик** лингвоэкспертизы еще многое предстоит сделать, что есть необходимость в специальном терминологическом аппарате лингвоэкспертных исследований. Так, именно лингвистам следует описать и обосновать объективные и точные критерии различения **утверждения**, **мнения** и **оценки** [Обелюнас 2012], столь часто требуемые в обращениях к экспертам, особенно по ст. 152 ГК РФ (Защита чести, достоинства и деловой репутации). Юристам же необходимо эти критерии закрепить законодательно во избежание разночтений в толковании номинаций любой тематики (лица, в том числе). Иными словами, лингвистическая экспертиза должна окончательно принять статус лингво-правовой.

Литература

- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта — Наука, 2007.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. Т. I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. Барнаул: АлтГПА, 2009.
- Галяшина 2003 — Е. И. Галяшина. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // М. В. Горбаневский (ред.). Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. Ч. 2. М.: Галерея, 2003. С. 48–64.
- Голев 1999 — Н. Д. Голев (ред.). Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научн. тр. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999.

- Голев 1998 — Н. Д. Голев. На стыке языка и права (несколько тезисов по юрислингвистике) // В. А. Пищальникова (ред.). Актуальные проблемы филологии. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1998. С. 48–51.
- Голев 2002 — Н. Д. Голев. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Н. Д. Голев (отв. ред.). Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. С. 14–29.
- Голев, Ким 2007 — Н. Д. Голев, Л. Г. Ким. Коммуникативная неудача в свете теории множественности интерпретации // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 10. Новосибирск: НГУ, 2007. С. 238–248.
- КоАП РФ 2016 — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.07.2016).
- Обелюнас 2012 — Н. В. Обелюнас. Конфликт интерпретаций текстов в аспекте оппозиции событийной и оценочной информации (на материале текстов российских СМИ). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемеровский гос. ун-т, Кемерово, 2012.
- Осадчий 2014 — М. А. Осадчий. Русский язык на грани права. Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Либроком, 2014.
- Тарланов 2014 — З. К. Тарланов. Введение в судебную лингвистику: учеб. пособие. Петрозаводск: Северный филиал СФ РПА Минюста России, 2014.

Т. В. Чернышова

Алтайский государственный университет, Барнаул

АНАЛИТИКО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИЛОЛОГА И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МЕТОДА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ

Лингвоэкспертология — раздел лингвистики, направленный на изучение способов и приемов анализа текста, ставшего объектом лингвистического исследования в ходе судебного разбирательства. Основу лингвоэкспертологии составляет особый вид деятельности филолога-практика, которая получила название «аналитико-экспертной»¹.

Аналитико-экспертная деятельность в процессе лингво-экспертной деятельности включает в себя, как минимум, два этапа:

1) анализ исходного текста с учетом его **дискурсивной, коммуникативной и стилистической** специфики;

2) оценку исходного текста по результатам проведенного исследования на основе использования методов и приемов лингвистического анализа, разработанных в филологии [Чернышова 2012а: 316].

От качества лингвистического анализа, проведенного на первом этапе, — то есть от профессионально осуществленной аналитико-экспертной деятельности филолога — зависит и качество будущего экспертного заключения, и соответствие ответов эксперта

¹ Термин «аналитико-экспертная деятельность» применительно к деятельности выпускника-филолога был впервые употреблен А. А. Чувакиным в связи с описанием профильных компетенций бакалавров, обучающихся по специальности «Прикладная филология». Среди этих компетенций наряду с представлением о возможностях практического (прикладного) применения фундаментальных филологических знаний и вспомогательных филологических методик в различных сферах гуманитарной деятельности, СМИ, культуры и т. п. есть и такая: «владение методами и приемами решения практических задач в основных сферах филологической деятельности (аналитико-экспертной, редакторской, информационно-издательской, литературно-критической, литературно-творческой и др.)» [Чувакин 2010: 50–54].

поставленным перед ним вопросам. Поэтому очевидно, что проблема выбора **метода и методики исследования** исходного (спорного) текста оказывается весьма актуальной и должна решаться с учетом всей совокупности методов и приемов анализа спорного текста, разработанных отечественной и зарубежной филологией.

Часто экспертные исследования лингвистов, выполненные в государственных и негосударственных учреждениях, подвергаются критике со стороны судебных органов и лиц, имеющих отношение к теории и практике лингвоэкспертной деятельности, — как экспертов-лингвистов, так и юристов. Приведем некоторые из критических замечаний:

⇒ А. Д. Чернов, председатель Краснодарского краевого суда:

Зачастую экспертизы... страдают неполнотой, выводы эксперта неоднозначны и имеют предположительный характер. ... Нередки случаи, когда заключение эксперта плохо мотивировано и не описан ход экспертного исследования, а выводы не согласуются с порядком и методикой исследования [Чернов 2013: 10];

⇒ Е. Р. Россинская, директор Института судебных экспертиз Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина, отмечает следующие недостатки:

Отсутствие подробного описания технологии экспертного исследования², включая рекомендованную (сертифицированную) **экспертную методику**, а если таковой не имеется, ссылок на научную литературу, содержащую рекомендации по исследованию подобных объектов; отсутствие описания осуществленных экспертных экспериментов и условий их проведения [Россинская 2013: 23];

⇒ Е. И. Галяшина, профессор Института судебных экспертиз Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина:

Причины ошибок экспертов могут быть объективными (**отсутствие разработанной методики или несовершенство используемых экспертных методов**... и др.). Экспертные ошибки могут быть вызваны также субъективными причинами (профессиональная некомпетентность, упущения эксперта, небрежность, поверхностное исследование; **несоблюдение требований методик**...) [Галяшина 2013: 38].

² Здесь и далее в цитатах выделено мною. — Т. Ч.

Приведенные цитаты свидетельствуют о том, что ряд претензий касается именно методической и методологической части исследования, а также необходимости опоры лингвиста-эксперта на одобренную судебным сообществом («рекомендованную (сертифицированную) экспертную») методику анализа конфликтного текста.

Чтобы понять суть данных замечаний, попытаемся ответить на следующие вопросы в русле заявленной темы:

1) Что говорится в законодательстве РФ об основах лингвоэкспертной деятельности и как оно регулирует аналитико-экспертную деятельность в целом?

2) Кто может быть назначен судом в качестве специалиста (эксперта) по делам, связанным с информационными и документационными спорами?

3) Есть ли существенное различие между разработанными в современной лингвистике методами и приемами анализа текста и методами анализа текста в рамках судебной лингвистической экспертизы?

4) Какие методы и приемы анализа предпочтительны в ходе исследования спорного текста?

Рассмотрим каждый вопрос в отдельности.

1. Что говорится в законодательстве РФ об основах лингвоэкспертной деятельности и как оно регулирует аналитико-экспертную деятельность в целом?

Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» [Федеральный закон 2001] определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. В законе, в частности, отмечается следующее: «Задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям и прокурорам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих **специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла**» [Федеральный закон 2001]. Таким образом, в законе указано, что

содействие судебным и следственным органам в области судебной лингвистической экспертизы оказывается специалистами в какой-либо области — в нашем случае лицами, имеющими высшее филологическое образование, т. е. сотрудниками научно-исследовательских учреждений, работниками высшей школы и т. п.

2. Кто может быть назначен судом в качестве специалиста (эксперта) по делам, связанным с информационными и документационными спорами?

Ответ на этот вопрос находим в Статье 41 «Распространение действия настоящего Федерального закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами» того же закона: «В соответствии с нормами процессуального законодательства Российской Федерации судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений **лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами**».

На судебно-экспертную деятельность данных лиц распространяется действие ст. 8 «Объективность, всесторонность и полнота исследований», где, в частности, говорится следующее: «Эксперт проводит исследования объективно, **на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме**. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» [Федеральный закон 2001]. Из данной статьи следует, что **научность** лингвистического исследования в заключениях как судебных экспертов, так и специалистов, обладающих специальными знаниями, обеспечивается всей исторически сложившейся и непрерывно развивающейся системой знаний в пределах **того направления лингвистики, в русле которого работает эксперт**. Как видим, в законе нет указания на то, что специалист (или судебный эксперт) должен пользоваться преимущественно сертифицированными методиками. И это не случайно. Не будет лишним напомнить, что лингвистическая экспертиза была включена в Перечень родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учрежде-

ниях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечень экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации Минюста России, 9 марта 2006 года (т. е. всего десять лет назад), в то время как научное филологическое знание насчитывает в России не одну сотню лет. Очевидно, что теоретико-методологическую основу судебных лингвистических методик составляют базовые методы современной лингвистики.

В современной отечественной лингвистике существует много различных направлений — видимо, этим и объясняется многообразие исследовательских методик, разнообразие методов и приемов, которыми пользуется лингвист-эксперт и которые невозможно даже перечислить, а уж тем более — как-то ограничить. Очевидно, что разнообразие методик должно регулироваться — но не законодательно и не волеизъявительно, а все теми же принципами, которые обеспечивают научность, полноту и всесторонность лингвистического исследования в целом и лингвоэкспертного — в частности. И здесь нет необходимости изобретать колесо. Эти принципы очень давно известны исследователям — начиная с выбора метода, методических процедур и заканчивая построением заключения в соответствии с избранной исследовательской методикой.

Так, исследовательские методики опираются на **критерий научности**, в содержание которого входит большое число понятий, таких как **объективность, рациональность (обоснованность, доказательность)**, достоверность выводов, верифицируемость, непротиворечивость, системность, воспроизводимость и др. [Леонтович 2011: 10].

Метод в науке в целом и в лингвоэкспертной практике в частности выступает как **путь исследования**³, как

³ Ср.: «Метод — путь исследования: с позиций исследователя или с точки А (теоретических посылок) другая точка В (наблюдение) доступна благодаря выбору пути, который дает возможность проводить наблюдение и накапливать опыт... Методическая процедура, как нить Ариадны, гарантирует исследователю безопасный путь для возвращения. По ходу она обогащает его опытом — тому, кто „оглядывается назад“, она помогает иначе посмотреть на стартовую позицию и даже при решении „не возвращаться“ указывает на другие стартовые позиции. Неважно, каков путь „исследовательского путешествия“ — методическая процедура упростит фиксирование результатов и составление отчетов об экспериментах» [Тичер и др. 2009: 14].

«наборы схожих процедур, которые связывает воедино нечто общее» [Тичер и др. 2009: 20], например: общая теоретическая база, отношение к объекту исследования, эффективность и ограничения, — а при выборе методов исследования спорного текста важным оказывается и учет содержания формулировок вопросов, на которые эксперту (специалисту) предстоит ответить.

Кроме того, как отмечают исследователи,

чтобы вводить определенные процедуры и применять инструменты для сбора данных, необходимы соответствующие суперструктуры — **определенный теоретический подход**, которому исследователи считают нужным следовать и который наряду со здравым смыслом влияет на их мышление [Тичер и др. 2009: 22].

Наконец, фундаментальным правилом любой научной работы является проверка каждого способа получения результатов, всегда должна существовать возможность сравнить его и воссоздать, поскольку

любая идея, открытие, наблюдение или интерпретация должны быть записаны так, чтобы ее могли реконструировать и подтвердить другие исследователи [Тичер и др. 2009: 25].

Данное положение прямо пересекается со следующей формулировкой Федерального закона об экспертной деятельности:

Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность **проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов** на базе общепринятых научных и практических данных (выделено мною. — Т. Ч.) [Федеральный закон 2001].

Создание (разработка) методик анализа, или методических процедур [Тичер и др. 2009], позволяющих исследовать спорный текст, в том числе и обоснованность «чистой» процедуры, гарантирующей обоснованность и доказательность полученных выводов, поддерживается в научном исследовании рядом положений:

а) решением — что изучать (объект, предмет), ср.:

любое исследование (безусловно, если речь идет о научном исследовании) невозможно без определенной структуры или категорий исследования [Тичер и др. 2009: 26];

б) идеей — почему целесообразно исследовать именно этот феномен и именно этим способом (мотив исследования);

в) формулировкой целей (в случае лингвоэкспертной практики — формулировкой вопросов, на которые надо ответить эксперту):

какие методы наиболее приемлемы и/или экономичны для анализа определенного вопроса исследования [Тичер и др. 2009: 26];

г) наличием гарантий, подтверждающих возможность изучить выбранный феномен при помощи конкретных методических процедур [Тичер и др. 2009: 26].

Таким образом, на наш взгляд, приоритетное использование сертифицированных методик по сравнению с методиками, апробированными в ходе научно-исследовательской деятельности лингвистов-экспертов (специалистов), представляется искусственно созданной преградой, призванной ограничить участие специалистов в судебно-экспертной деятельности.

3. Есть ли существенное различие между разработанными в современной лингвистике методами и приемами анализа текста и методами анализа текста в рамках судебной лингвистической экспертизы?

Чтобы ответить на этот вопрос, приведем несколько примеров из заключений судебных экспертов и специалистов-лингвистов:

1. Рассмотрим фрагмент Акта экспертного исследования судебного эксперта ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте РФ» от 19.03.2013.

В тексте исследования отсутствует раздел «Методы исследования»; краткое перечисление использованных методов — без конкретизации содержания и описания использованной методики анализа материала — приведено в разделе «Внешний осмотр и описание объекта». В частности, в Акте указывается следующее: «Исследование было проведено при использовании методов лексико-семантического, контекстуального, синтагматического и прагматического анализа» (с. 3), причем в исследовании даны ссылки на источники, в которых якобы есть описание этих методов, однако все они относятся не к специальной, а к научной лингвистической литературе: Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика: уч. пособие. (М., 2007); «Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы...» под ред. М. В. Горбаневского (М., 2004), изданная

Фондом защиты гласности. Неясно, каковы исходные предпосылки использованной методики, как связаны между собой указанные методы (лексико-семантический, контекстуальный, синтагматический и прагматический). Нет ссылок на авторские методики исследования конфликтного текста. В списке литературы всего 7 единиц, из которых половина — словарные материалы.

2. Следующий фрагмент взят из Заключения судебного эксперта ЭКЦ при ГУ МВД России по Алтайскому краю:

Решение поставленных вопросов проводилось в соответствии с типовой методикой судебной лингвистической экспертизы, утвержденной в 2009 г. Методическим советом ЭКЦ МВД России и приведенной в издании «Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Часть I» (Москва, 2010). С учетом специфики актуализации синтаксического, лексического и морфологического уровней письменной речи, а также уровня дискурса были выбраны соответствующие методы лингвистического анализа:

⇒ методом концептуального анализа для интерпретации смысла текста определялись вербальные представители ключевого понятия;

⇒ методами семантико-синтаксического и лексико-семантического анализов проводилось определение значений слов, словосочетаний и предложений;

⇒ методом грамматического анализа предложений выявлялось грамматическое значение на морфологическом и синтаксическом уровнях;

⇒ методом компонентного анализа определялся семный состав слов;

⇒ методом анализа пропозиций (логико-грамматическим) определялась логическая основа грамматической структуры предложения (предикат с набором актантов), а также анализировались пропозициональные установки;

⇒ методом функционально-прагматического анализа характеризовалась иллокутивная функция высказывания и определялся тип речевого акта (с. 5).

Таким образом, в тексте заключения не только перечисляются использованные в ходе анализа методы (подчас даже избыточные в рамках заданных эксперту вопросов), но также есть и указание на одну из рекомендованных методическим советом ЭКЦ МВД России методик. Однако такое подробное описание — скорее исключение из правил, чем норма.

3. Фрагмент Экспертного заключения комиссии несудебных экспертов Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, опубликованный на сайте ГЛЭДИС:

Для решения вынесенных в определении суда вопросов был проведен: лингвостилистический, лексико-семантический и семантико-синтаксический анализ текста спорных статей с использованием методов исследования содержания текста, разработанных в лингвистической семантике и лингвистике текста.

Далее, в исследовательской части заключения, в разделе «Содержание и результаты экспертизы с указанием примененных методов» приводится список источников, раскрывающих содержание этих методов [Гильдия лингвистов-экспертов].

4. Фрагмент заключения несудебного лингвиста, опубликованный в журнале «Юрислингвистика» [Юрислингвистика 2012: 153], в котором автор исследования указывает конкретные методики, помогающие точнее описать содержание дискурсивных фрагментов, выявить роли коммуникантов, определить их речевые намерения:

В описываемом случае речь идет об установлении / неустановлении факта вымогательства... на основе анализа содержания записи разговоров двух коммуникантов с помощью прагматического анализа (установления стратегий, тактик говорящих, их ролей в коммуникации, характера субъектов, предмета речи, речевого события в параметрах прошлого — настоящего — будущего, речевого жанра).

При этом каждое наименование используемого метода сопровождается ссылкой на соответствующий научный источник. Далее перечислены и другие методы, используемые в работе:

Кроме того, были применены **семантико-синтаксический** анализ высказываний (определение типа пропозиции, семантики высказываний, цели, состава, отношений пропозиций в рамках полипропозитивных структур; **синтаксический** анализ словосочетаний, предложений и текста (определение характера синтаксической связи словоформ, типа синтаксической организации предложения, характера связей предложений текста); **стилевой** анализ высказываний (определение стилевой принадлежности лексем, словосочетаний); **контент-анализ** дискурсивных фрагментов (определение тематического и смыслового состава речи) [Юрислингвистика 2012: 153].

Таким образом, можно констатировать, что существенных различий между методами, используемыми судебными лингвистами и специалистами, нет — различия, видимо, есть в методиках анализа (по мнению специалистов, методика исследований — это совокупность подходов, способов и приемов проведения научных исследований [Кравченко и др. 2005], иными словами — некий готовый «рецепт», **алгоритм, процедура** для проведения каких-либо целенаправленных действий, **технология**), однако эффективность применяемых судебными лингвистами методик (алгоритмов, технологий) в лингвоэкспертной деятельности пока еще не подтверждена на практике.

4. Какие методы и приемы анализа предпочтительны в ходе исследования спорного текста?

Очевидно, что выбор метода исследования спорного текста обусловлен рядом факторов, среди которых можно выделить несколько групп:

1) текстовые факторы (вид текста, его структура, форма существования — устная, письменная, электронная, жанровая специфика и др.);

2) коммуникативные и дискурсивные (особенности взаимоотношения участников речевого конфликта, закрепленные конвенции речевого поведения в данной сфере, типологические особенности речевых актов, стратегии и тактики воздействия и т. д.);

3) юрислингвистические (категория спорного текста, его юридическая квалификация, количество и содержание вопросов);

4) собственно лингвистические, обусловленные целями лингвоэкспертного анализа, и научным направлением, в русле которого работает специалист, и т. д. Например, по мнению К. И. Бринева,

...цель любой судебной лингвистической экспертизы — проверка истинности/ложности (категорические выводы), возможности/невозможности (модальные положительные и отрицательные выводы) высказываний о предмете исследования, которые вытекают из вопросов, поставленных перед экспертом... Для того чтобы достигнуть описанной выше цели, лингвист вынужден решать конкретные исследовательские задачи, которые так или иначе связаны, по нашему мнению, с решением проблемы тождества...

[Бринева 2009: 52].

Применительно к лингвистической экспертизе проблема тождества возникает **в трех случаях**: первый связан с тождеством на уровне кода, второй — с тождеством на уровне пропозиционального содержания сообщения, третий — с тождеством на уровне фактических намерений производящего сообщение и достижения ими (сообщениями) поставленных говорящим целей [Бринев 2009: 53]. По мнению исследователя, в компетенцию лингвиста входит только первый случай — тождество на уровне кода, когда лингвисту приходится иметь дело со следующими проблемами:

⇒ описание кодирующих возможностей продуктов речевой деятельности, в ходе которого лингвист решает: а) задачу по установлению содержания спорного речевого произведения (текста закона, договора, инструкции), и б) задачу по установлению кодирующих возможностей словесных обозначений [Бринев 2009: 54–55]; обе эти задачи, на наш взгляд, могут быть решены на первом этапе лингво-экспертного исследования, т. е. в процессе лингвостилистического анализа текста [Чернышова 2012b];

⇒ квалификация речевого поведения говорящего через описание того варианта поведения, «который выбирает субъект речевого произведения в той ситуации, которая квалифицируется как юридический факт, влечет юридически значимые последствия»; данная задача, с одной стороны, состоит в отождествлении речевых актов (оскорбления, призыва, утверждения, угрозы), а с другой, — в отождествлении семантических характеристик высказывания (являются ли спорные высказывания утверждениями о фактах или оценочным суждением автора) [Бринев 2009: 55].

Как указывалось ранее, чтобы отобранные для анализа методические процедуры способствовали эффективности проводимого экспертного анализа, необходимо прежде всего выбрать соответствующие суперструктуры — определенный **теоретический подход**, которому исследователи считают нужным следовать и который определяет последовательность действий эксперта в ходе проводимого анализа.

Подходы к тексту как объекту анализа могут быть представлены следующим образом [Тичер и др. 2009: 56]:

1). Тексты сами по себе могут быть объектом исследования без установления их связи с объективной реальностью — интересны особенности текста как таковые.

Полагаем, что данный подход актуален на первом этапе аналитико-экспертной деятельности, когда необходимо установить объект исследования, описать его стилистические и дискурсивные особенности.

2). Тексты как высказывания, как компоненты коммуникации, на основе анализа которых формулируются утверждения о группе лиц — авторов этих текстов, т. е. тексты — показатели феноменов, в которых люди выступают носителями определенных качеств.

Данный подход уместен в тех случаях, когда есть необходимость квалифицировать речевое поведение говорящего через описание того варианта поведения, который выбирает субъект речевого произведения в зависимости от той ситуации, которая может быть квалифицирована как речевое правонарушение.

3). Тексты как явная рефлексия в коммуникации, элемент «помощи» и индикатор, который позволяет анализировать коммуникацию (или коммуникативную ситуацию), зафиксированную в данной форме [Чернышова 2012b: 174–183].

В рамках данного подхода целесообразно, например, использовать методы исследования, направленные на установления тождества различных речевых актов (оскорбления, угрозы, введения в заблуждения и т. п.).

Выбор метода исследования спорного текста, таким образом, обусловлен как экспертными задачами, так и общетеоретическими исследовательскими установками, сформировавшимися на протяжении длительного периода истории развития зарубежного и отечественного языкознания.

В настоящее время наиболее актуальными лингвистическими направлениями, в рамках которых удастся качественно и всесторонне описать свойства оцениваемого объекта, на наш взгляд, являются следующие:

1) **теория и практика речевой коммуникации**, позволяющая использовать в качестве исследовательского инструментария всю совокупность методов коммуникативных исследований (моделирование коммуникативной речевой ситуации; риторический анализ, направленный «на выявление риторических приемов и стратегий как средств эффективной коммуникации и убеждения» и др. [Леонтович 2011: 76];

2) **теория речевых актов и речевого действия**, позволяющие идентифицировать такие речевые акты, как «оскорбление», «угроза», «призыв» и др.;

3) **дискурсивная лингвистика**, использующая **дискурс-анализ** как метод, обладающий широкими возможностями и являющийся «самым разносторонним и многообразным из всех методов, позволяющих анализировать процесс человеческого общения» [Леонтович 2011: 104], а именно: участников и контекст общения, форму коммуникации, сценарии и модели общения, коммуникативные стратегии и тактики [Леонтович 2011: 112–122] и многое другое;

4) **стилистика текста**, методическим инструментарием такого стилистического описания может быть **комплексный лингвостилистический анализ** как

совокупность различных приемов анализа текста (и его языковых средств), с помощью которых в стилистике формируются знания о закономерностях функционирования языка в различных сферах общения; способы теоретического освоения наблюдаемого и выявленного в процессе исследования [Данилевская 2003].

В основе такого комплексного лингвостилистического исследования лежат:

⇒ приемы смыслового анализа, направленные на полное и глубокое понимание основной мысли речевого произведения (В. В. Одинцов, М. Я. Дымарский, Л. А. Черняховская и др.) и осуществляемое с их помощью выделение из текста логико-фактологических цепочек;

⇒ прием интерпретации смысла и толкования значений фраз текста (Т. М. Дридзе);

⇒ приемы свертывания, перефразирования (Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн), с помощью которых выявлялась логика авторского рассуждения и намерения автора текста;

⇒ приемы концептуального анализа текста, направленного на выявление наиболее важных для автора речевого произведения понятий, актуализируемых в тексте высказывания, и возможностей их интерпретации с учетом интра- и экстралингвистического контекста [Чернышова 2009: 154–195];

⇒ приемы лингвостилистического анализа, направленные на выяснение контекстуального значения языковых единиц, используемых в тексте речевого произведения, и их стилистической функции;

⇒ структурно-логический анализ текста, помогающий определить главную мысль текста (основной тезис) и поддерживающие ее аргументы;

⇒ приемы жанрового анализа текста и др.

В завершение хотелось бы отметить, что современная лингвистика накопила богатый исследовательский инструментарий, используя который, специалист-профессионал (лингвист-эксперт), анализируя спорный текст, создает аргументированное заключение, опираясь на все богатство и разнообразие теоретико-методологической базы современного знания о языке и способах его использования в речи. Вариативность подобных исследований, выполненных различными специалистами, следует признать объективной данностью прежде всего потому, что в основе исследовательского анализа спорного текста всегда лежит интерпретативный подход, поскольку понимание текста невозможно без его интерпретации. Интерпретация в филологии затрагивает две стороны: понять самому и объяснить или обосновать это понимание другим [Демьянков 2001: 309]. Попытки ограничить интерпретативные процедуры жестко заданным алгоритмом, который составляет основу большинства сертифицированных методик, часто приводит к поверхностным выводам, нарушению логики исследования текста, выходу при ответе на поставленные вопросы за пределы компетенции лингвиста-эксперта в сферу политологии, этики, психологии, социологии и т. п.

Литература

- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. Барнаул: АлтГПА, 2009.
- Галяшина 2013 — Е. И. Галяшина. Ошибки судебной лингвистической экспертизы // А. К. Симонов (ред.). Экспертизы — нерешенный вопрос российского правосудия: Пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников. М.: ФЗГ, 2013. С. 31–62.
- Гильдия лингвистов-экспертов — Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. (<http://www.rusexpert.ru/assets/files/expertizy/5.pdf>)

- Данилевская 2003 — Н. В. Данилевская. Методы лингвостилистического анализа // М. Н. Кожина (ред.). *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. М.: Флинта, 2003. (<http://enc-dic.com/stylistic/Method-lingvostilisticheskogo-analiza-213/>)
- Демьянков 2001 — В. З. Демьянков. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (илеозтнические) стратегии // Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко (отв. ред.). *Язык и культура. Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова*. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 309–324.
- Кравченко и др. 2005 — В. С. Кравченко, Е. И. Трубилин, В. С. Курасов, В. В. Куцеев. *Основы научных исследований*. Краснодар: КГАУ, 2005.
- Леонтович 2011 — О. А. Леонтович. *Методы коммуникативных исследований*. М.: Гнозис, 2011.
- Россинская 2013 — Е. Р. Россинская. К вопросу об ошибках судебной экспертизы процессуального характера // А. К. Симонов (ред.). *Экспертизы — нерешенный вопрос российского правосудия: Пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников*. М.: ФЗГ, 2013. С. 14–30.
- Тичер и др. 2009 — С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. *Методы анализа и дискурса*. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.
- Федеральный закон 2001 — Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Ст. 41. (<http://base.garant.ru/12123142/#ixzz46dhAV4An>)
- Чернов 2013 — А. Д. Чернов. Проблемы назначения и производства судебных экспертиз по гражданским, уголовным и административным делам // А. К. Симонов (ред.). *Экспертизы — болевая точка российского правосудия: Пособие для опытных и начинающих: судей, юристов, журналистов, экспертов и правозащитников*. М.: ФЗГ, 2013.
- Чернышова 2009 — Т. В. Чернышова. *Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: монография*. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Чернышова 2012a — Т. В. Чернышова. Аналитико-экспертная деятельность: аспекты подготовки филолога-практика // Н. В. Панченко, Т. В. Чернышова, А. А. Чувакин (ред.). *Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме: материалы Третьей международной научной конференции (Барнаул, 24–29 апреля 2012 г.)*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 315–318.
- Чернышова 2012b — Т. В. Чернышова. *Методы исследовательской и практической деятельности в области коммуникации и текста как важнейшая составляющая подготовки бакалавра и магистра филологии // Филология и человек 4, 2012.*

Чувакин 2010 — А. А. Чувакин. Примерная основная образовательная программа «Прикладная филология» // Информационный бюллетень Совета по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию 12, 2010.

Юрислингвистика 2012 — Юрислингвистика-I (XII). Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 2012.

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

1. Постановка проблемы: необходимость активизации рекламной экспертизы

Лингвистическая экспертиза является одним из актуальных направлений мировой, и в том числе российской, прикладной лингвистики. Этот термин охватывает несколько исследовательских процедур, из которых основная — судебная лингвистическая экспертиза (СЛЭ). Она представляет собой сравнительно новый, официально признанный с 2005 г. род экспертиз, принадлежащий к классу речеведческих (наряду с фоноскопической и почерковедческой) [Галяшина 2003]. Есть мнение, что, благодаря расширению поля ее объектов и усложнению задач, ее таксономическая позиция стала выше: предложено считать, что это класс экспертиз, разделяющийся на роды, виды и подвиды [Соколова 2015].

Согласно положениям Российского Федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, видовая дифференциация СЛЭ проводится на основании задач: автороведческая (анализ особенностей текста как носителя информации об авторе); смысловая, или семантическая (выявление смыслов, выраженных в тексте или его фрагменте, и характера воздействия на адресата или аудиторию); анализ наименований (исследование названий фирм, торговых марок, доменных имен и т. д. как средства обозначения продуктов человеческой деятельности) [<http://www.sudexpert.ru/possib/lingv.php>].

С опорой на криминалистическую классификацию СЛЭ, в зависимости от трех сопряженных признаков: особенностей объекта, специфики задач и спектра экспертных знаний [Россинская 2006: 11], предложено выделить такие виды: экспертиза рекламных текстов,

текстов экстремистской направленности, официально-деловой документации и др. [Чубина 2015]. Нельзя не упомянуть здесь экспертизу диффамации — это исходный вид лингвистической экспертизы ЛЭ; термин «диффамация», отсутствующий в терминосистеме российского права, в рабочем порядке обозначает «пучок» преступлений и правонарушений против чести, достоинства и деловой репутации физического и юридического лица через распространение порочащих сведений в личной, профессиональной или массовой коммуникации [Симонов, Горбаневский 2004].

В западной судебной лингвистике (как минимум в английской и в американской) объектом лингвоэкспертного анализа являются аналогичные криминалистические проблемы (напр., идентификация преступника по особенностям произношения), а также речевые преступления: *plagiarism, defamation, trademark infringement/ trademark cases* [Tiersma, Solan 2002: 228], «*adequacy of warning labels*» (недостовверная потребительская информация [Reza Ramezani]).

Характерна пропорция тематики докладов на апрельской конференции 2016 г. в ИЛИ РАН по лингвистической судебной экспертизе. При 21 заявленном докладе экспертизе экстремизма посвящены 8 из них, диффамации — 5, а ненадлежащей рекламе и конфликтным наименованиям — 2. Это наглядный показатель недостатка внимания к экспертизе рекламных текстов со стороны экспертного сообщества. Он обусловлен, на наш взгляд, отсутствием социального запроса на ее разработку со стороны как государственных учреждений — Федеральной антимонопольной службы (ФАС) с ее управлениями, так и рекламного сообщества и органов отраслевого самоуправления. Трудно сказать, почему это так; потому ли, что участникам информационных споров о рекламе: ее заказчикам, креаторам, правоприменителям представляется, что у судебной лингвистической экспертизы рекламы (СЛЭР) уже есть самодостаточная база — рекламоведение как разновидность коммуникативистики с сильной семиотической составляющей. Или потому, что в этой отрасли слишком силен лоббизм.

Такое положение дел не соответствует важности СЛЭР для совершенствования российской рекламы, не отвечает социальной значимости экспертного знания в потребительском обществе и невыгодно отличается от устойчивого и плодотворного интереса, какой

был в свое время проявлен и до сих пор поддерживается по отношению к экспертизам диффамационных и экстремистских текстов. Достаточно вспомнить, что пионерское исследование проблематики лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, осуществленное коллективом московских ученых под руководством акад. А. А. Леонтьева [Леонтьев и др. 1997], а также создание первого независимого экспертного учреждения ГЛЭДИС (Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, 2001) было осуществлено под патронатом Фонда защиты гласности — правозащитной организации российских журналистов.

Но до сих пор не инициировано масштабное исследование, в котором в интересах лингвистической экспертизы были бы раскрыты сущность рекламы как информационно-коммуникативного феномена, закономерности ее функционирования, специфика оформления, целенаправленные и побочные эффекты; не сформулированы собственные лингвоэкспертные установки, которые (более или менее эксплицитно) присутствуют в других видах лингвистической экспертизы. А ведь, по мнению известного медиаюриста,

хотя реклама и признаётся формой свободы слова, степень ее правовой защищенности не столь велика, как у других форм этой свободы. Другими словами, реклама подлежит ограничениям, непривычным, например, для политической информации [Рихтер 2001].

В результате замедлилось становление общепринятой методики ЛЭР со стандартным вопросником и терминологией, с приемами анализа для разных задач: идентификационных, классифицирующих, диагностических, ситуалогических. А это (среди прочего) ведет к «войне» экспертиз — когда по одному и тому же спорному тексту их выполняется несколько, а выводы противоречат друг другу [Лингвистический контроль рекламы 2012]. При этом в Постатейном комментарии ФАС к ФЗ № 38 «О рекламе» признается, что рекламное законодательство насыщено оценочными понятиями, и это затрудняет правоприменение; поэтому в тех случаях, когда информационные споры касаются восприятия и интерпретации содержательной формы рекламы: некорректных сравнений, непристойных выражений и образов и др., желательно прибегать к лингвистической экспертизе [<http://fas.gov.ru/documents/documentdetails.html?id=998>].

Но в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного суда № 58 от 08.10.12 значение ЛЭР минимизируется: «При решении вопроса об отнесении тех или иных слов к числу бранных или образов, сравнений и выражений к числу непристойных (то есть крайне предосудительных и недопустимых ввиду неприличия) и (или) оскорбительных (то есть способных причинить обиду) специальных знаний, как правило, не требуется, в связи с чем неназначение судом соответствующей экспертизы само по себе не является основанием для отмены судебного акта» [Пленум 2012].

Но это внешние причины «отставания» СЛЭ коммерческой рекламы. Есть, как нам кажется, и причина внутренняя — недостаточное развитие собственно лингвистических методик анализа рекламы как дискурса, во-первых, «продвигающего», а во-вторых, креолизованного / поликодового. Преодолением этого недостатка занимаются как в области самой СЛЭ [Кожевникова, Осадчий 2014; Яковлева 2012], так и в области лингвистического рекламоведения (по выражению О. А. Ксензенко), и шире — семиотики и медиалингвистики [Амири 2013; Ворошилова 2013; Баранов и др. 2000; Чернявская 2009].

Размышляя о становлении СЛЭ, Е. И. Галяшина написала: «Объективно необходимо было перевести данную экспертизу с уровня искусства на уровень отработанного технологического процесса, осуществляемого по единым, научно обоснованным методикам и воспроизводимым лингвистическим технологиям» [Галяшина]. Эта задача актуальна теперь и для рекламного вида СЛЭ.

Тем не менее экспертизу рекламы в России нельзя назвать невостребованной ни в практическом, ни в теоретико-методическом плане. Она применяется с середины 90-х гг., когда был принят первый отечественный закон «О рекламе» (1995) и первый кодекс профессиональной этики — «Свод обычаев и правил делового оборота рекламы на территории Российской Федерации» (1996). На сайтах многочисленных экспертных организаций среди других видов лингвистической экспертизы обязательно указывается экспертиза рекламы. ЛЭР демонстрирует внутреннее разнообразие. Так, на сайте «Центра лингвистических экспертиз» отдельно указаны: экспертиза завуалированных текстов (включая скрытую рекламу) [<http://lingex.ru/main/lingvisticheskaya-ekspertiza-zavualirovannyx-tekstov/>]; экспертиза непристойного рекламного

текста [<http://lingex.ru/main/lingvisticheskaya-ekspertiza-reklamnogo-teksta>]. Учтем, что ФЗ «О рекламе» распространяется и на средства маркетинговой индивидуализации: наименования фирм и товарных марок, а также на слоганы, эмблемы и др. Поэтому экспертиза наименований/ словесных обозначений [Горбаневский, Жарков 2014; Кузнецова 2015; Новичихина, Стернин 2013], или, по-современному, нейминговая экспертиза [Соколова 2015], которая традиционно выделяется как особый вид или даже род СЛЭ и «пересекается» с патентоведческой экспертизой объектов интеллектуальной собственности в ходе защиты авторских прав по ч. IV ГК РФ, может считаться и подвидом ЛЭР.

Лингвистические знания востребованы также в превентивной экспертизе/ в правовом тестировании [<http://sudexpa.ru/expertises/issledovanie-reclamnoi-produktcii/>].

ЛЭР давно подвергается научно-методической рефлексии [Кара-Мурза 2002]. Разрабатывается ее концепция как особого вида судебной экспертизы [Чубина 2015]; обсуждается методика ее вузовского преподавания в составе теории и практики СЛЭ — для будущих экспертов-речеведов [Чубина 2013], а также для будущих медиарботников [Кара-Мурза 2014]. Осмыслиется ее роль в защите информационных прав человека и общества [Рихтер 2001; Балахонская, Быков 2011]. Для ее производства предложены типовые вопросы — общие [Бельчиков и др. (сост.) 2010: 39] и частные — по разновидностям ненадлежащей рекламы, напр., на сайте «Судебный эксперт»; публикуются статьи по конкретным случаям [Голев, Лебедева 2010: 368–379; Костромичева 2011: 85–87].

Лингвоэкспертное сообщество озабочено многочисленными проблемами ЛЭР [Копнина 2015]. В этой статье мы предлагаем свое видение проблем лингвистической экспертизы коммерческой рекламы и концентрируемся на одном из возможных путей ее совершенствования.

2. Предпосылки: регуляция креатива в коммерческой рекламе

Прежде всего объясним терминологию и — таким образом — объект и предмет обсуждения. Реклама как «продвигающее» направление информационных технологий существует в трех разновидностях: коммерческой, социальной и политической [Щепилова 2010: 320]. Законодательной регуляции подвергаются

две первые, а третья — нет, что специально отмечено в ФЗ № 38 в статье «Сфера применения данного закона». Зато подлежит лингвистической экспертизе в ходе избирательных споров предвыборная агитация, сущностно близкая политической рекламе; она регулируется избирательным законодательством, составляя, наряду с информированием избирателей, институт информационного обеспечения выборов [Кара-Мурза 2013: 138–147].

Во всем мире реклама регулируется антимонопольным и/или рекламным законодательством, а также документами саморегуляции (кодексами):

Отношения в сфере рекламы должны строиться на принципах добросовестной конкуренции и достоверности сообщаемых сведений о товарах и услугах. (. . .) Целью конкуренции всегда является достижение преимуществ на рынке по сравнению с другими его участниками. Реклама является одним из важнейших инструментов по продвижению и сбыту товара на рынке. Поэтому в Федеральном законе «О рекламе» определены общие и специальные требования к информации, обслуживающей оборот товаров на рынке [Постатейный комментарий].

Однако на переполненном рынке товаров и услуг их производителям и продавцам приходится бороться за деньги покупателей, используя разные маркетинговые инструменты, в том числе рекламное воздействие на грани закона и беззакония. Но участникам рынка запрещено прибегать к такому необоснованному конкурентному преимуществу, как ненадлежащая реклама. В статьях законов подробно перечислены ее приемы, которых надо избегать.

Правоприменительным ведомством для рекламной индустрии является Федеральная антимонопольная служба с ее региональными управлениями. Она уполномочена возбуждать информационные споры (ИС) по поводу рекламных отношений и передавать дела в суд [Моргун 2014]. При управлениях ФАС работают экспертные советы, в том числе по рекламе; на их заседаниях решаются в том числе вопросы о назначении экспертиз. В состав совета по рекламе входят медиаюристы, представители отрасли, ведущие участники рынка, но есть и лингвисты; можно познакомиться с протоколами заседаний этого совета [<http://fas.gov.ru/counsils-list/ekspertnyij-sovet-po-reklame/>].

И если предмет информационных споров — это разнообразные проявления запрещенных приемов в рекламных произведениях, то предмет экспертного анализа — лингвосемиотические показатели этих приемов.

В информационных спорах лингвоэкспертные исследования (в том числе по заказу конфликтующих сторон) производятся в формате заключения специалиста, в судах — в формате судебной экспертизы. Они выполняются в академических институтах, в вузах или в специальных экспертных центрах. Основанием для их производства становятся решения УФАС или исковые заявления от рекламодателей-конкурентов, представителей общественности, органов саморегуляции рекламного бизнеса. В подобных документах проявляется не только правосознание наших соотечественников, но и коммуникативная рефлексия по отношению к рекламе как одному из масштабных социальных конфликтогенов. В данной статье для обозначения всех разновидностей такого исследования мы пользуемся термином «лингвистическая экспертиза» и его аббревиатурой ЛЭ как полными синонимами (кроме случаев, когда надо подчеркнуть статус экспертизы как судебной — СЛЭ).

Итак, объектом осмысления в данной статье будет ЛЭ коммерческой рекламы, а его предметом — лингвоэкспертный анализ разновидностей ненадлежащей рекламы: их текстовых механизмов и лингвосемиотических воплощений. На наш взгляд, он может способствовать признанию ЛЭР как вида речеведческих экспертиз со своими подвидами, которые соотносятся с разновидностями ненадлежащей рекламы.

3. Конфликтогенный креатив

Сначала продемонстрируем конфликтогенный потенциал коммерческой рекламы и особенности информационных споров с привлечением экспертов разного профиля, в т. ч. лингвистов. Перед нами конфликт затянувшийся, но не разрешенный, вопиющий, но вполне типичный для рыночной экономики и для рекламной коммуникации. На наш лингвоэкспертный взгляд, он свидетельствует о том, что в отсутствие официальных и формализованных лингвистических экспертиз ведомственные решения могут быть сомнительными.

Всю первую половину 2016 года в российских массмедиа широко обсуждались русские варианты рекламы «Burger King» — американской сети ресторанов быстрого питания. В январе на фоне «расистского скандала» в связи с присуждением премии «Оскар»

в соцсетях распространялся рекламный плакат, выполненный в виде коллажа: крупное изображение традиционного бургера, подносимого руками официанта, сопровождалось заголовком *Мы узнали вкусы членов Американской академии* и небольшой двойной фотографией бургеров (позитив и негатив) с надписями (соответственно) *Взять и Не взять*. Европейский офис фирмы потребовал изменить эту формулировку — получилось *Мы узнали вкусы Американской академии*; вскоре трансляция была прекращена. В марте 2016 на глобальный рынок был выпущен новый продукт — воппер (гамбургер с приправой из жгучего перца). На русском сайте этого ресторана и на его страницах в соцсетях реклама гласила *ЗЛЕЙШИЙ ВОППЕР! Остро!*; изображение «многоэтажного» бутерброда было «вписано» в дьявольскую маску, где перчики были изображены как пламенеющие глаза. А в московском метро при подключении Wi-Fi этот плакат распространялся с заголовком *ЗЛЕЙШИЙ ВОППЕР! Смотри не обострись!* В апреле началась следующая акция: на плакате, который распространялся в метро тем же способом, изображены два стаканчика с мороженым, анонс акции *Только сейчас второе мороженое бесплатно!* и заголовок *НАЛИЖЕМСЯ!* Пользователи выразили неоднозначное отношение:

- (1) Artemy Gorbatov (@gorbatov_art): «Смотри не обострись», «Налижемся» — реклама BurgerKing в Wi-Fi в метро. Когда гопники стали пиарщиками;
Анна Глушкова: *Вот она вирусная реклама!!!)) И вот мы уже обсуждаем... Вот идиоты! «Обострись»??!?... «Налижемся»??!?... Что бред? Какие идиоты делали эту рекламу? А я скажу, молодцы маркетологи)) Они не зря получили X от Бургеркинга! Цепляет! Задерживает! Вызывает эмоции! ... И хочется повозмущаться и рассказать друзьям... «Смотри какие придурки!!!» ... И фсё! Дело сделано! Мы запомнили! А еще минуту назад знать не знали про острые бургеры и второе халявное мороженое!* (правописание оригинала).

К обсуждению подключились политики: председатель комиссии Мосгордумы по здравоохранению и охране общественного здоровья Л. Стебенкова выступила против рекламы, которая «носит откровенно эпатажный характер»: «Реклама должна быть не только яркой и цепляющей, но и пристойной и не содержать в себе двусмысленные слоганы» [<http://www.newsmsk.com/article/12apr2016/ostroburger.html>]. Советник президента РФ в области

интернета Г. Клименко назвал это «дурновкусием» и юмором по-американски; но эта реклама была создана российским агентством (по информации с адвертологического сайта sostav.ru, предположительно — рекламное агентство *Fistashki*). В СМИ (от массовых до деловых и адвертологических) вышло много критических публикаций. Такой резонанс побудил московское управление ФАС провести 12 апреля 2016 г. открытое заседание экспертного совета по рекламе. Однако оба слогана не были признаны нарушающими Закон о рекламе: «Слоган „Смотри не обострись“ назвали некорректным только четыре члена совета, а 28 членов совета¹ не посчитали его оскорбительным. „То, что получается, если выбросить одну букву, не входит в число однозначно табуированных законодательством и Роскомнадзором корней,“ — комментирует старший научный сотрудник Института русского языка имени Виноградова Оксана Грунченко» — передавала RNS. Слоган «Налижемся!» не вызвал вопросов ни у одного представителя совета [<http://www.sostav.ru/publication/eksperty-fas-21827.html>]. Директор по правовым вопросам компании «Бургер Кинг» Вероника Кочиева прокомментировала: «Игра слов хоть и присутствует в рекламе, но она поддерживается изображением блюд сети, что не дает формальных поводов придрататься к креативу, а реклама скорее юморная, чем похабная» [<http://www.advertology.ru/article136426.htm>].

Через несколько дней в Твиттере стартовала новая акция: на постере два больших бургера с анонсом *Только сейчас второй «Биг Кинг» бесплатно* и заголовком: *Похоже на какое-то наедалово*. Адвертологический сайт откликнулся: «Burger King в последнее время дает много информационных поводов, благодаря своим рекламным слоганам, которые возмущают общественность» [<http://www.advertology.ru/article136426.htm>]. А в середине мая 2016 была запущена кампания продвижения нагетсов (кусочки куриного филе в панировке), основанная на сравнении цен на них в «Бургер Кинге» и в других сетях фаст-фуда. На официальном сайте и в соцсетях был размещен постер с заголовком *Привет всем, у кого дороже*, а рекламный постер для Wi-Fi был сделан как триптих: слева эта фраза, дополненная заявлением *Мы снова их сделали*; в центре изображена упаковка, в которой нагетсы (они похожи на костяшки

¹ По другим данным — 45.

пальцев) были сложены в виде общеизвестного неприличного жеста с выступающим средним пальцем; а справа изображен цыпленок в короне (бренд-персонаж) и сообщение *Мы снова вернули НАГГЕТ-СЫ 9 ЗА 69 руб.* «Вся наша реклама проверяется на соответствие законодательству о рекламе; что противоречит закону, мы не размещаем. Подходим к грани, но не переходим её. По-моему, в этот раз у нас более либерально, чем в прошлый», — заметил пресс-директор компании Иван Шестаков [<https://lenta.ru/news/2016/06/06/bk/>]. А пресс-служба управления ФАС сообщала: «На этой неделе мы разместим на нашем сайте опрос общественного мнения на предмет этичности / неэтичности этой рекламы. Жалоб не было, но мы можем возбуждать дела и на основании поступающих в управление сообщений СМИ». В опросе, по информации в СМИ, участвовали 169 человек. На вопрос *На ваш взгляд, является ли использованное изображение наггетсов недопустимым в рекламе, а именно непристойным и оскорбительным?* да ответили 36 % (60 голосов), а нет — 64 % (109 голосов) [<https://rns.online/advertising/FaS-zainteresovalas-ocherednoi-reklamoi-Burger-King-2016-05-16/>]. Поэтому по результатам майского опроса ФАС не стала возбуждать дело. А еще в преддверии апрельского открытого заседания экспертного совета ФАС ситуацию прокомментировал директор по стратегии брендингового агентства Depot WPF Фара Кучкаров:

Burger King пытается усилить определенный характер и *tone of voice* (тональность коммуникаций) в сети. Это один из способов дифференцироваться от конкурентов, от Макдоналдса и других сетей фаст-фуда, которые, в отличие от БК, не такие «характерные». Так что выделиться это точно позволит, закрепиться в сознании ЦА (целевой аудитории — *Е.К.-М.*) как «дерзкий» и «неформальный» тоже наверняка получится, привлечь внимание более молодой аудитории точно получится. А что это даст в комплексе — можно только гадать. Может, это отпугнет интеллигентную часть аудитории и БК потеряет деньги, может, это приведет в сеть «реальных пацанов» с района, которые до этого стеснялись туда ходить, и продажи поднимутся... А все остальное, в том числе вопросы этики, морали и прочего, — это субъективные суждения. Всем, как говорится, не угодишь. Лучше бы люди задумались о том, почему БК выбрал именно такую тональность и такой уровень креатива, — не в самих ли людях причина? Ведь бренды частенько идут на поводу у целевой аудитории, отражая ту реальность, которая сейчас присутствует в социуме... [<http://www.metronews.ru/novosti/ne-obostris-i-nalizhemsja-ot-burger-king-mnenie-eksperta/Tpopdh---hv5H7PVqwven6/>].

Симптоматично равнодушие к деонтологии, проявленное этим профессионалом-рекламщиком. А ведь и в законах, и в документах саморегуляции сделан отчетливый акцент на этике рекламной деятельности, на этичности контента. Вот что утверждается в Международном кодексе рекламной практики (МКРП), который был принят Международной торговой палатой в Швейцарии в 1937 г., неоднократно дорабатывался и лег в основу многих национальных законов о рекламе, в том числе российского:

Любое рекламное послание обязано быть юридически безупречным, благопристойным, честным и правдивым. Любое рекламное послание обязано создаваться с чувством ответственности перед обществом и отвечать принципам добросовестной конкуренции, обычной в коммерции. Никакое рекламное послание не должно подрывать общественное доверие к рекламе. (. . .) Кодекс, включая Нормы по рекламе для детей (. . .), подразумевает следование не только своей букве, но и духу [МКРП].

Цели действующего ФЗ «О рекламе» № 38 формулируются так:

развитие рынков товаров, работ и услуг на основе соблюдения принципов добросовестной конкуренции, обеспечение в Российской Федерации единства экономического пространства, реализация права потребителей на получение добросовестной и достоверной рекламы, создание благоприятных условий для производства и распространения социальной рекламы, предупреждение нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе, а также пресечение фактов ненадлежащей рекламы [ФЗ № 38].

Важнейшие установки рекламного законодательства и деонтологии заключаются в том, что в расчет принимаются, во-первых, не реализованные, а возможные негативные последствия:

Реклама должна оцениваться по тому действию, которое она может оказать на потребителя, с учетом конкретного рекламоносителя [МКРП].

Во-вторых и в-третьих, эти последствия рассматриваются дифференцированно — в зависимости от уровня аудитории, а также от специфических особенностей различных рекламоносителей (прессы, телевидения, радио, наружной рекламы, фильмов) и знаковых систем:

реклама, приемлемая для одного вида рекламоносителей, может оказаться неприемлемой для другого. (. . .) Кодекс распространяется на все содержание рекламы, включая все слова и числа (в письменном виде и произносимые), изображения, музыку и звуковые эффекты [МКРП].

В правоведении такой установке соответствует понятие формально-го правонарушения / преступления. Вот как оно толкуется в судебном решении: оно

считается оконченным с момента нарушения требований, установленных законодательством. В этой связи существенная угроза охраняемым общественным отношениям заключается не в наступлении каких-либо материальных последствий правонарушений, а в пренебрежительном отношении нарушителя к исполнению своих публично-правовых обязанностей. В данном случае несоответствие распространенной рекламы требованиям ФЗ «О рекламе»² нарушает права и законные интересы потребителей на получение достоверных сведений, что представляет собой существенную угрозу охраняемым правом общественным отношениям в сфере потребительского рынка. ИП Х-вым не применена та степень заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него для соблюдения норм права, установленных действующим законодательством, что свидетельствует о его виновности в совершении указанного правонарушения [Постановление № 87].

Отметим, что формальным составом характеризуются все речевые деликты — от диффамации до экстремизма. С правоприменительной точки зрения это означает, что нет необходимости ждать наступления вреда (например, такого психологического эффекта, как унижение чести и достоинства персонажа журналистского произведения или введение в заблуждение рекламополучателя), а достаточно формальных показателей, указанных в законе (т. е. содержания, оформленного в спорном тексте: информации о нарушении истцом законов, деловой этики, требований морали, выраженной в утвердительной форме, или непристойных выражений или образов в рекламе), чтобы признать текст делинквентным, а его автора или заказчика (журналиста и издание либо

² Отсутствие указания на лицо, оказывающее финансовые услуги в наружной рекламе «Золотая Русь»: *Лучшая ювелирная сеть Дальнего Востока. Ломбард, скупка, обмен старых золотых украшений на новые.*

рекламодателя) виновным. При этом для возмещения морального / репутационного ущерба (т. е. для получения денег истцом с ответчика) доказательства оказываются всё-таки нужными (например, в виде справки от врача о гипертоническом кризе, пережитом из-за публикации, или документального подтверждения ненадлежащего качества рекламируемого товара / услуги или упущенной выгоды). А с лингвоэкспертной точки зрения, основанной на коммуникативно-когнитивном подходе, это означает, что лингвист не должен анализировать перлокутивные эффекты текста — достаточно описать его комплексную семантику (это удобно делать в терминах теории речевых актов), выявив скрытую иллокутивную функцию, и на этом основании реконструировать авторскую интенцию.

4. Классификация ненадлежащей рекламы

Перейдем к описанию рекламных деликтов. Совокупность их в целом обозначается термином *ненадлежащая реклама*. Это родовое понятие трактуется в п. 4 ст. 3 ФЗ «О рекламе» «Основные понятия» как «реклама, не соответствующая требованиям законодательства Российской Федерации» ФЗ № 38. Оно конкретизируется в видовых понятиях: недобросовестная, недостоверная, незитичная, скрытая и заведомо ложная, которые раскрываются через перечисление признаков.

Недобросовестная реклама, согласно формулировкам ч. 2 ст. 5 ФЗ «О рекламе», 1) содержит некорректные сравнения рекламируемого товара с находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами; 2) порочит честь, достоинство или деловую репутацию лица, в том числе конкурента; 3) представляет собой рекламу товара, реклама которого запрещена данным способом, в данное время или в данном месте, если она осуществляется под видом рекламы другого товара, товарный знак или знак обслуживания которого тождествен или сходен до степени смешения с товарным знаком или знаком обслуживания товара, в отношении рекламы которого установлены соответствующие требования и ограничения, а также под видом рекламы изготовителя или продавца такого товара; 4) является актом недобросовестной конкуренции в соответствии с антимонопольным законодательством [ФЗ № 38].

Лингвоэкспертные вопросы по недостоверной рекламе могут быть поставлены на основании формулировок типичных задач СЛЭР:

- ⇒ исследование спорного текста с целью установления признаков рекламного текста;
 - ⇒ исследование признаков маскировки рекламного текста (например, маскировка рекламного текста под текст справочно-информационного характера);
 - ⇒ исследование спорного текста с целью установления признаков суррогатного рекламирования;
 - ⇒ исследование спорного текста с целью установления признаков недобросовестного сравнения;
 - ⇒ исследование спорного текста с целью установления его смыслового содержания;
 - ⇒ исследование композиционной или лексико-грамматической формы выражения, присущей спорному тексту;
 - ⇒ разъяснение специфики приемов языковой игры, использованных при построении спорного текста
- [Чубина 2015: 140–141].

В Постатейном комментарии к ФЗ № 38 «некорректные сравнения» толкуются как

сравнения, содержание которых составляют ошибочные, основанные на неправильном расчете, исходящие из неверных предпосылок, неправильные, не соответствующие правилам корректности и требованиям, предъявляемым к достоверности, сведения о товарах. (. . .) ФЗ «О рекламе» не запрещает сравнивать рекламируемый товар с товарами иных изготовителей или продавцов. Однако приведенное в рекламе сравнение должно быть корректным, правильным, основано на достоверных данных, а сравниваемые параметры должны быть сопоставимыми. (. . .) При некорректном сравнении рекламируемого товара с товарами других юридических лиц конкурирующие товары могут и не называться. Сравнение может производиться со всеми другими представленными на данном рынке однородными товарами [Постатейный комментарий].

Зная об этом законодательном ограничении, налагаемом фактически на рекламную стратегию «отстройка от конкурента», рекламисты прибегают к разным околичностям, которые, однако, не всегда срабатывают.

Так, Воронежское управление ФАС признало слоган *ТЕЛЕ2 — ВСЕГДА ДЕШЕВЛЕ* проявлением недобросовестной конкуренции.

Рекламодатель (фирма, предоставлявшая услуги мобильной связи) опротестовал решение в суде и заказал лингвистическую экспертизу, вопросы которой ориентировали на выявление множественности понимания этой фразы и в которой Н. Д. Голевым и Н. Б. Лебедевой был применен метод направленного психолингвистического опроса (200 респондентов — студентов-гуманитариев КемГУ). Но результаты экспертизы, в т. ч. аргумент о невозможности верифицировать оценочное суждение с частнооценочным предикатом *дешевле*, не убедили юристов кассационной инстанции; они сравнили факты (стоимость тарифов у рекламодателя и его конкурентов), обнаружили принципиальные совпадения и подтвердили мнение суда первой инстанции [<http://fas.gov.ru/documents/documentdetails.html?id=998>], фактически сведя недобросовестность к недостоверности. Много примеров сравнительной рекламы приведено в статье [Черкасова, Черкасова 2014].

Зато пример рекламы, в которой ФАС не усмотрела ничего ненадлежащего, включая некорректное сравнение, — это вышеприведенная рекламная кампания «Бургер Кинга». Задача у нее была двойная: 1) «продать» конкретные продукты и 2) закрепить имидж данного ресторана, контрастный по отношению к имиджам других сетей фаст-фуда, опирающихся на иные ценности (например, «Макдональдс» опирается на семейные). Расчет был на то, что провокационный образ бренда позволит привлечь покупателей из разных социальных групп, в т. ч. субкультурных, и покупателей с личностными субкультурными предпочтениями. Таким манером достигалась главная цель бренд-коммуникации — укреплялась известность фирмы, *publicity* (хотя бы и скандальная), без которой не бывает ее процветания, *prosperity*.

Кампания реализовалась приемами рационального и эмоционального воздействия, включая явное и тайное сопоставление, которое воплощалось многозначными средствами разных семиотик.

Сообщение *Мы снова вернули НАГГЕТСЫ 9 ЗА 69 руб.* содержало конкретную ценовую информацию с позитивным обертоном пресуппозицией очередного снижения цены. Сообщение сопровождалось умильным изображением цыпленка в бумажной короне, которая является одной из эмблем бренда «ВК». Обратить внимание на перволичное построение этого предложения — здесь первое лицо обозначает рекламодателя как участника заочной

коммуникации с рекламополучателем по поводу товара/услуги [Кара-Мурза 2012: 140–151]. А заголовочная фраза *Привет всем, у кого дороже* как бы адресована конкурентам. Она содержит неперсонифицированное и непредметное сравнение, она иронична по отношению к коммуникативному предназначению приветствия. Как и первая фраза, она рассчитана на умственную активность потенциальных потребителей, на их собственный вывод, что у данного рекламодателя этот продукт дешевле. Во второй ключевой фразе, набранной крупным шрифтом, снова меняется адресат — теперь это потребитель, которому бренд двусмысленно заявляет: *Мы снова их сделали*. Хотя вряд ли оно может быть прочитано как сообщение о том, что некоторый продукт (нагетсы) снова сделан, снова производится. В современной речевой ситуации на первый план выходит смысл ‘мы их (т. е. конкурентов по фаст-фуду) победили’, выражающий идею сравнения в спортивной, «дворовой», маскулинной стилистике. Глагол *делать* (с прямым управлением *делать кого*) в значении ‘победить’ приведен в Большом словаре русского жаргона с пометами *спорт., мол.* [БСРЖ 2001: 152], но отсутствует в [ТСРЯ 1997] и в [БТСРЯ 2000]. Таким образом, в данной рекламе сравнение касается и продуктов, и брендов. Идея доминирования бренда «БК» поддерживается визуально — стилизованным изображением агрессивного жеста «*fuck*» (он будет проанализирован ниже). Поэтому заверения пресс-директора «БК» в том, что бренд старается остаться в рамках закона, воспринимаются нами как попытка манипуляции восприятием и последующим поведением правоприменителей и медиааудитории.

Обращает на себя внимание логическая неравнозначность пунктов вышеприведенного списка недобросовестной рекламы. Это может затруднить его понимание и применение. Некорректное сравнение, как и реклама одного товара под видом другого, — это речевые техники; опорочение чести и достоинства конкурентов — это эффект речевого воздействия; недобросовестная конкуренция — интерпретативная характеристика, увязывающая правовые нормы из разных законов. Эти параметры комплементарны: два, три, четыре из них могут быть одновременно применены к одному и тому же конфликтогенному тексту. Этот список, на наш взгляд, демонстрирует невысокое качество «языка права». Подобные недостатки законодательных и, шире, любых документных текстов (от законов до патентов и пр.) подлежат особому лингвоэкспертному анализу, который используется в документационных спорах.

Обратим внимание также на соотношение второго пункта данного ФЗ «О рекламе» со статьей 152 ГК РФ о защите чести, достоинства и деловой репутации, каковая защита состоит в запрете на распространение порочащих сведений. Исследователи проводят корреляцию между речевыми правонарушениями в сферах рекламы и журналистики:

В электронных и печатных средствах массовой информации (СМИ) публицистический текст, как устный, так и письменный, может выступать как средство диффамации, то есть для подрыва репутации конкретного гражданина или юридического лица (например, в целях оскорбления или при недобросовестной конкуренции), либо чтобы опорочить честь и достоинство гражданина, очернить его доброе имя [Галяшина, Россинская 2005: 17].

Это концептуальное единство российского законодательства, в основе которого лежат конституционные права человека и гражданина. Однако случается и злоупотребление правом; в рекламной области оно может предприниматься намеренно — участниками рынка — как попытки победить конкурентов, спровоцировав ФАС на запрет их рекламы, или ненамеренно — теми представителями помимовольной аудитории, которые являются носителями каких-либо традиционных или корпоративных ценностей и усматривают в рекламе (действительно часто провокационной) их подрыв.

В июле 2011 г. было принято судебное решение по делу в отношении ООО «Плаза АвтоДар», разместившего рекламу со слоганом *Купил права? Купи машину! Плаза АвтоДар. Продажа авто. Срочный выкуп*. На плакате были изображены две красотки в стилизованной милицейской форме и с «аксессуарами»: наручниками и жезлом. Дело было возбуждено по результатам рассмотрения заявлений граждан, считающих такую рекламу оскорбительной, поскольку, по их мнению, в рекламе утверждается в качестве нормы то, что права покупаются. Реклама размещалась в конце 2010 и начале 2011 года в Волгограде, в частности, на пересечении улиц напротив поста ДПС. Комиссия Волгоградского УФАС России признала данную рекламу

ненадлежащей, а именно недобросовестной, не соответствующей закону о рекламе. Основываясь на результатах лингвистической экспертизы, комиссия антимонопольного органа сделала вывод о том, что используемая в рекламном контексте фраза «Купил права? Купи машину!» порочит деловую репутацию представителей ГИБДД как

субъектов профессиональной и общественной деятельности. В настоящее время решается вопрос о возбуждении административного производства в отношении нарушителей [<http://v1.ru/text/newsline/415254.html>].

В этом случае нам видится неблагоприятная коллизия норм, связанная в том числе с отсутствием четкого разграничения между подходами к диффамации через призму ст. 152 Гражданского Кодекса и через призму ФЗ «О рекламе». Согласно первому, в спорном тексте / фрагменте должна присутствовать информация в утвердительной форме о нарушении истцом законов, деловой этики, основных моральных норм; и эта информация должна быть относимой (указывать на конкретного человека, права которого мнятся нарушенными, прежде всего истца) — всё это выявляют лингвисты-эксперты. А суд проверяет такие утвердительные фрагменты на соответствие действительности. В случае обвинения в опорочении деловой репутации работников ГИБДД по ст. 152 ГК РФ текст должен был быть примерно таким: *Сотрудники Волгоградской ГИБДД Иванов и Петров продали права Сидорову. Сидоров, купи машину!* А в реальном тексте, с точки зрения антидиффамационной лингвистической экспертизы, полностью отсутствуют типичные показатели этого деликта; сведения выражаются намеком. А согласно стандартам разрешения дел, это прием, который не поддается верификации, и потому не может инкриминироваться. Что же касается второго подхода к опорочению (т. е. по ФЗ «О рекламе»), то его правовые характеристики невяжны, а собственные лингвоэкспертные алгоритмы отсутствуют. А значит, корректное выполнение ЛЭ оказывается под большим вопросом, что мы и наблюдаем в данном случае. Поэтому еще одна задача лингвистической экспертизы — помощь юристам в совершенствовании законодательной техники в области речевых деликтов.

Недостоверная — это (согласно ч. 3 ст. 5 ФЗ «О рекламе» «Общие требования к рекламе») «реклама, которая содержит не соответствующие действительности сведения»; далее перечисляются 20 пунктов — от преимуществ продвигаемого товара до сведений о его производителе, об условиях приобретения и употребления, о наградах и пр. В ч. 7 той же статьи 5 сказано, что «не допускается реклама, в которой отсутствует часть существенной информации

о рекламируемом товаре, об условиях его приобретения или использования, если при этом искажается смысл информации и вводятся в заблуждение потребители рекламы».

Как и в случае с недобросовестной рекламой, ставятся типичные вопросы:

При рассмотрении судами дел о недостоверной рекламе подлежит установлению и судебной оценке не только достоверность, но и характер распространенных сведений, поэтому перед экспертами могут быть поставлены следующие вопросы: «— Содержатся ли в рекламном тексте сведения о фактах и событиях? — Допускают ли языковые формы высказываний в тексте оценку с точки зрения их достоверности, соответствия действительности? — В какой форме выражены в тексте рекламы высказывания (утверждение, оценка и т. д.)? — Какое смысловое значение придается определенному слову, словосочетанию, использованному в тексте рекламы?» [Чубина 2015: 142].

Пример:

Московское управление ФАС оштрафовало мобильного оператора МТС за нарушение закона о рекламе на 300 000 рублей, говорится в сообщении ведомства. Как сказано в решении регулятора, в рекламе салонов сотовой связи оператора обнаружено нарушение п. 1 ч. 3 ст. 5 Закона о рекламе. В частности, регулятор усмотрел в телевизионном ролике противозаконную фразу «*Сколько бы вы ни искали, у нас все равно лучшие цены на смартфоны.*» (...). Ответственность за подобное правонарушение предусмотрена ч. 1 ст. 14.3 КоАП РФ.

Ведомство подчеркивает, что использование в рекламе слов «лучший», «первый», «номер один» и подобных допускается только с указанием конкретного критерия, по которому осуществляется сравнение и который имеет объективное подтверждение.

Как отмечает ФАС, в ролике МТС отмеченная фраза сопровождалась текстом в нижней части экрана: «*В период с 01.11.2015 по 31.12.2015 в салонах МТС цены на ряд смартфонов предельно снижены по сравнению с максимальными ценами на них в салонах МТС и на сайте shop.mts.ru с начала их продажи. Это позволяет считать акционные цены лучшими ценами в салонах МТС. Предложение распространяется на ряд моделей смартфонов.*» Согласно решению антимонопольного органа, данная надпись демонстрировалась так, что могла быть не замечена зрителем. Это искажало ее смысл и вводило потребителей рекламы в заблуждение.

Отмечается, что заявление в УФАС поступило от «Евросеть-Ритейл» [<http://lawtoday.ru/news/20162-fas-oshtrafovala-mts-za-reklamu-smartfonov-po-luchshim-cenam.html>].

Неэтичная реклама: это понятие в ныне действующем законе отсутствует, но коррелирует с запретом на

использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина, официальных государственных символов (. . .), религиозных символов, объектов культурного наследия (. . .) народов Российской Федерации, а также объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия [ФЗ № 38].

В «Постатейном комментарии ФАС» сказано:

Положения части 6 статьи 5 комментируемого Закона являются одними из наиболее сложных и проблемных в правоприменении. Это обусловлено тем, что «непристойность» («пристойность») и «оскорбительность» являются этическими категориями. Этические понятия более широки и менее определены, чем законодательные дефиниции, а их границы зачастую «размыты» [Постатейный комментарий].

Согласимся с этим суждением и сравним, как аналогичная норма формулируется в рекламной деонтологии — в МКРП:

Рекламное послание не должно содержать утверждений или изображений, идущих вразрез с принятыми в обществе правилами благопристойности [в ред. 1987];

а также в Российском кодексе рекламной практики и маркетинговых коммуникаций (2012):

Маркетинговая коммуникация не должна содержать какой-либо информации (в текстовой, звуковой или визуальной форме), нарушающей общепринятые принципы морали и нравственности [РКРП 2012].

Типичные вопросы по неэтичной рекламе:

— Имеются ли в тексте рекламы бранные слова и выражения, словесные конструкции с оскорбительным переносным значением или оскорбительной эмоциональной окраской? — Имеются ли в тексте рекламы высказывания, содержащие негативные оценки лица как

представителя социальной группы? — Имеются ли в тексте рекламы высказывания, содержащие негативные оценки лица как представителя определенной национальности? — Имеются ли в тексте рекламы высказывания, содержащие негативные оценки половой принадлежности лица? [Чубина 2015: 142].

Автору довелось участвовать в выполнении заключений специалистов на факультете журналистики МГУ в ответ на запросы руководства Рекламного совета России (одного из основных органов саморегуляции). Рекламный совет хотел получить аргументы для обращения в антимонопольный орган (МАП и ФАС) с целью прекращения трансляции рекламы, в которой он усматривал нарушение закона. Нам задавались вопросы о содержании и стилистических особенностях «шапки» первого номера журнала «МАХИМ» при его выходе на российский рынок: *Изданный для мужчин*. Или аналогичные вопросы по поводу звучания эхо-фразы (концовки) радиорекламы мехового магазина на Южном рынке Москвы: *Ну полный п[e/u]сец!* Мы как специалисты по медиакоммуникациям обращали внимание коллег-адвертологов на создание скандального имиджа за счет языковой игры, суть которой заключается в провоцировании ассоциаций с непристойными, матерными выражениями. Ведь именно такая языковая игра в высшей степени популярна и принята у носителей русского языка. Однако мы указывали на ненормативный характер таких экспресем, на их неприличность, т. е. описывали спорные контексты в терминах стилистики и культуры речи. А руководство органа саморегуляции, обращаясь в государственный правоприменительный орган, должно было оперировать уже правовой терминологией.

5. Методика лингвоэкспертного анализа словесных компонентов конфликтного текста

Проанализируем каждый этап полугодовой кампании «Бургер Кинга» (далее — «БК») и всю её в целом на предмет наличия выражений и образов «непристойных (то есть крайне предосудительных и недопустимых ввиду неприличия) и (или) оскорбительных (то есть способных причинить обиду)», как уточнялось в Постановлении Пленума ВАС № 58.

Обращает на себя внимание, что на каждом этапе в качестве «ударной единицы» использовался вербальный или визуальный прием, содержательно связанный с телесным низом и стилистически сниженный, — эта краска ощущается даже в окказионализмах. В первом случае, в январе, в словесном каламбуре обыгрывается многозначное слово *член*. Характерен контраст между провокационным креативом российских рекламистов и требованием изменить формулировку, которое последовало из европейского офиса бренда. Подобная самоцензура — это типичный ответ развитой профессиональной этики, который исходит изнутри корпорации, а не мотивируется извне — органом государственного принуждения, каким является ФАС.

Второй казус (мартовский) показывает, что креаторы, осознавая опасность потери возмущенных потребителей и юридического наказания, стараются минимизировать риски за счет варьирования контента, размещаемого на разных ресурсах с разной аудиторией. Для официального сайта был выбран вариант заголовка *ЗЛЕЙШИЙ ВОППЕР! Остро!* В нем содержится перевод на русский (*злейший воппер*) оригинального названия продукта (*angriest whopper*) и основной аргумент, так называемое уникальное торговое предложение (УТП), каковым выбран острый вкус: *Остро!* УТП выражено прямыми оценочными высказываниями, гиперболично, но стилистически нейтрально. А по WiFi, пользователями которой являются в основном молодые люди «без комплексов», транслировался другой текст. Косвенная оценка в его заголовке воплотилась в речевом акте предупреждения — с намеком на опасную пикантность продукта: *ЗЛЕЙШИЙ ВОППЕР! Смотри не *обострись!*

Это предупреждение построено по разговорной фразеосхеме «Смотри не + императив СВ». В рекламе «БК» в форме императива был использован глагол «обостриться». С нормативной точки зрения, это ошибка формообразования, поскольку это глагол с семантикой неконтролируемого действия. Однако с дискурсивной точки зрения, здесь имеет место экспрессема-окказионализм как намеренное нарушение сразу нескольких норм (грамматической, словообразовательной, этической), как реализация стилистической нормы рекламы. В результате целенаправленного креатива — совмещения аргумента-УТП (острый вкус воппера) и аргумента-«шокера» — получилась фраза, которая однозначно ассоциируется

(как явствует из комментариев пользователей) с обозначением дефекации, имеющим экспрессивно-просторечную окраску, передающуюся пометой *груб.* [БТСРЯ 2000: 681]. И среднестатистическому носителю русского языка, и эксперту понятно, что здесь обыгрывается фраза *Смотри не обсопись* — речевой акт предупреждения, в котором фамильярно и/или иронично выражается забота адресанта об адресате и который уместен только в неформальном субкультурном общении, но никак не в рекламе. Так что комментарий В. Кочиевой («реклама скорее юморная, чем похабная») — это саморазоблачение, проговорка по Фрейду.

И нам не кажется убедительным довод эксперта: «То, что получается, если выбросить одну букву, не входит в число однозначно табуированных законодательством и Роскомнадзором корней». Непонятно, о каком законодательстве идет речь и причем тут Роскомнадзор. Анализу экспертами ФАС подлежит рекламный текст, а значит, необходимо пользоваться терминологией закона «О рекламе» и выявлять то, что обозначается как «непристойные и оскорбительные образы и выражения». А Роскомнадзор призван отслеживать законосоответствие другого направления массовой коммуникации — журналистики, которая регулируется другими законами, прежде всего — «О СМИ». В 2014 года в него и в КоАП были внесены поправки, запрещающие лексику, которая описывается другим термином — «нецензурная». Вряд ли можно использовать формулировки из одного закона, оправдывая конфликт, регулируемый другим законом.

А вот какое содержание стоит за этими номинациями, а также за номинациями «табуированная», «неприличная», «матерная» и некоторыми другими — российское лингвоэкспертное сообщество еще не пришло к консенсусу. Наивно-этическая лексика юридизирована в нескольких речевых деликтах, но не терминологизирована; до сих пор (насколько нам известно) не составлен словарь инвективной лексики и фразеологии. Но в самой постановке этих задач и в их выполнении следует признать большие заслуги Н. Д. Голева, В. И. Жельвиса, С. А. Кузнецова, И. А. Стернина, В. В. Химика, коллектива авторов книги [Леонтьев и др. 1997; Симонов, Горбаневский 2004] и др.

Кроме того, приведенный экспертом довод не кажется убедительным потому, что сам эксперт прибег к перифразе, не произнес в эфире словоформу (*не*) *обсопись*, скрывающуюся в этом слогане и спровоцировавшую скандал. Значит, слоган действительно

провоцирует неприличные / непристойные ассоциации. А согласно духу и букве рекламных законов и кодексов, такой фразе в рекламе не место.

Однако подобный запретительный вывод лингвист имеет право сделать, только выйдя из роли эксперта и войдя в роль преподавателя или просветителя-медиакритика. Ведь, согласно стандартам правоприменения по другим речевым преступлениям, пользоваться юридизированными этико-речевыми характеристиками (напр., «непристойно» и «оскорбительно»), даже недоопределенными, уполномочены только юристы, а лингвисты должны говорить о признаках / показателях непристойности и оскорбительности.

Роль медиакритика нам, как и многим другим экспертам, тоже приходилось выполнять — например, в ответ на вопрос журналистки с канала «Россия 24», которая просила прокомментировать, что означает слоган *Похоже на какое-то наедалово!* из очередной рекламы «Бургер Кинга». Визуализация на этом плакате была традиционной: два больших бургера с анонсом акции *Только сейчас второй «Биг Кинг» бесплатно*. Мы объяснили журналистке, что значение этой фразы может показаться неясным из-за присутствия в ней окказионализма *наедалово*, значение которого, впрочем, вполне внятно — благодаря внутренней форме (от узуального глагола *наесться*), благодаря словообразовательному значению этой активизировавшейся модели; о ней (формант представлен как суффикс *-ов(о)*), наряду с другими жаргонными и разговорными, см. [Розина 2008]. А инвариант высказывания с предикатом «что-то *похоже на* что-то» имеет пропозитивное значение сравнения объектов / ситуаций и коммуникативное предназначение сообщения. Но данная фраза в присутствии окказионализма имеет обертон — она выражает удивление большим количеством еды, но его эмоциональный модус невнятен: это хорошо или плохо? Из-за такой противоречивой коннотации мы негативно оценили словесную часть креатива. Ведь дискурсивной нормой коммерческой рекламы является «позитифф» по отношению к товарам, услугам, их производителям и потребителям, в том числе в коммуникативной семантике текстов и их фрагментов: в рекламе постоянно звучат похвалы и похвальба, комплименты, обещания выгоды, и редко — угрозы и брань (пример парадоксальной угрозы в рекламе ресторана «На мельнице»: *От нас не уйдешь — закормим!*). Словообразовательная модель отглагольных существительных с формантом *-ово* (*обиралово, объедалово, разводилово, кидалово*) стилистически

снижена и оценочно насыщена: позитивно (в сетевом «Словаре синонимов» *объедалово* толкуется через *вкуснотища* и *смак*), но чаще — негативно (в том же словаре синонимы *кидалова* — *афера*, *аферизм*, *дурилово*, *жульничество*, *кидос*, *лохотрон*, *обувалово*, *разводилово* и др. [СРС]). А какую оценку возможности съесть бесплатно второй гамбургер дает окказионализм *наедалово* — непонятно... И уже после разговора с журналисткой нам удалось осознать, откуда возникло ощущение «негатива» — из-за ассоциации с матерным политическим слоганом *Поздравляем, вас нае*али*. С ним московский электорат вышел на улицы вечером 4 декабря 2011 года после выборов в Государственную думу — это было началом оппозиционной активности 2011–2012 г. Предполагаем, что именно эта эпатирующая ассоциация побудила рекламистов использовать окказионализм *наедалово*, а не узуальное (хотя и редкое) существительное *объедалово*. К сожалению, мы не можем проверить нашу догадку у самих креативщиков, хотя можно провести опрос о наличии этой ассоциации у среднестатистических носителей русского языка.

Итак, в двух рекламах «БК» была использована техника экспрессивного словообразования — «контаминация», или «скорнение»: «перемешиваются» корни стилистически нейтральные и сильно маркированные (здесь — просторечный и матерный). Это типично рекламная «приманка» и типичный конфликтоген, один из приемов двусмысленности [Амири 2013].

При этом надо признать: в том, что подобные конфликтогенные ситуации до сих пор не получили удовлетворительной лингво-экспертной трактовки, есть вина самих лингвистов-экспертов. Ведь до сих пор не реализованы задачи, поставленные в середине 90-х при разработке проблематики диффамации и актуализированные вследствие расширения проблемных полей «непристойности» и «нецензурности» за счет рекламного законодательства, а недавно и за счет новых законов: о защите детей от информации, способной нанести вред их физическому и духовному здоровью, о запрете нецензурной лексики в СМИ и в публичном исполнении произведений искусства.

Еще один прием основан на лексической двусмысленности — он реализован в заголовке *Налижемся!* в еще одной рекламной акции «БК»: предлагается два мороженных по цене одного. Но употребление этого лакомства описывается в русской речи другим однокоренным глаголом — *лизать*. Конечно, глагол *нализаться*

многозначный; в [ТСРЯ 1997: 385] и [БТСРЯ 2000: 587] он толкуется одинаково: «1. *Разг.* Вдоволь полизать. 2. (чего) *Грубо.* Напиться пьяным». Именно после появления этого плаката депутат Л. Стебенкова отметила «откровенно эпатажный характер» рекламы «БК» и предложила формулу, объединяющую дискурсивную и правовую норму рекламы: «Реклама должна быть не только яркой и цепляющей, но и пристойной и не содержать в себе двусмысленные слоганы», — а Московское УФАС было вынуждено собрать заседание экспертного совета по рекламе, закончившееся оправданием «БК». Однако эксперт, живущий в нынешней России, с легкостью предположит, что в данной фразе актуализировано второе значение. Для доказательства он может обратиться к носителям языка или проверить свою догадку по корпусам русского языка (об использовании данных корпусной лингвистики в лингвистической экспертизе см. [Баранов 2007]). В основном корпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ), включающего 109 028 документов, найдены только два, с двумя вхождениями словоформы *налижемся*: из повести Н. Г. Гарина-Михайловского и из рассказа А. С. Грина; из других корпусов НКРЯ примеров нет. К сожалению, в данный момент у нас нет доступа к корпусу русского языка, подготовленному на филологическом факультете МГУ. Так что примеров мало, но они показательны: глагол в них употреблен именно во втором значении: — *И налижемся, как красноносые старушеници, — добавила Джесси, нюхая свой бокал* [А. С. Грин. Джесси и Моргиана (1928)].

Эти примеры показывают, что креативщики намеренно использовали «алкогольный» каламбур. И на этом выводе лингвист в ипостаси эксперта должен остановиться, а лингвист как медиакритик может продолжить мысль и сказать, что вряд ли игра слов в этой рекламе может быть признана этичной, пристойной — с учетом пейоративности самого глагола и законодательных ограничений на рекламу спиртного. Но и медиакритик должен выбирать выражения — чтобы не быть обвиненным в клевете: например, в момент написания данной статьи автору было известно, что спорную рекламу «Бургер Кинга» московское УФАС признало надлежащей.

6. Методика лингвоэкспертного анализа иллюстраций в конфликтных текстах

Наконец, обратимся к анализу поликодовых механизмов эпатажной рекламы.

Реклама, приемлемая для одного вида рекламоносителей, может оказаться неприемлемой для другого. (...) Кодекс распространяется на все содержание рекламы, включая все слова и числа (в письменном виде и произносимые), изображения, музыку и звуковые эффекты,

как сказано в Международном кодексе рекламной практики [МКРП]. Вернемся к рекламе нагетсов, которая была построена на сравнении цен в «Бургер Кинге» и в других (неназванных) ресторанах. Идея превосходства над конкурентами многократно выражена словесно и поддержана визуально. Один из основных компонентов рекламного текста — изображение продукта — воплощен не иконически, как его фотография в упаковке (пэкшот), а как визуальная метафора: нагетсы в коробке сложены как бы в кулак с выставленным вверх средним пальцем. При всей своей условности жест на рекламном плакате абсолютно узнаваем. Он известен с античных времен, указывая на разные оттенки сексуальных отношений и, шире, на победу, на доминирование адресанта над адресатом. Он многозначен (использовался в т. ч. от сглаза), синонимичен междометным выражениям: ругательству-угрозе *Fuck you!* или «посыланию» *Fuck off!* ('отвали', 'пошел к черту') [Пиз, Пиз 2010: 88]. Он коммуникативно и стилистически маркирован: выполняет функцию оскорбления и имеет коннотацию оскорбительности. В рекламе акции «БК» этот жест выполнен в той же дворовой стилистике, что и заголовок *Мы снова их сделали*, и выражает ту же идею победы над конкурентами, взаимодействуя с ним по принципу согласования кодов [Яковлева 2012].

Отметим, что медиаюристы осознают и небезуспешно описывают механизмы двусмысленности, но задачу их выявления возлагают на лингвистов с привлечением мнения аудитории:

Целенаправленно рекламодателями не используются в рекламных роликах нецензурные выражения и оскорбительные образы и т. п. Чаще всего рекламодатели применяют прием ассоциативных связей, когда грубые, бранные выражения, слова, речевые обороты заменяются либо близкими фразами по звучанию, либо конструкциями лексического значения, которые имеют двойной смысл. (...)

основанием для признания рекламы оскорбительной и содержащей бранные слова должны являться соответствующие лингвистические заключения экспертов. В любом случае при квалификации указанных нарушений (ч. 6 ст. 5 Закона) ФАС (экспертный совет ФАС) вправе принимать во внимание различные материалы и документы, в т. ч. исследования специалистов, экспертов в соответствующей области знаний, заключения экспертных организаций, проводящих оценку рекламы, базируясь в своих выводах на взглядах различных групп населения [Спектор 2007].

И на примере этой кампании обнаруживается одно из самых ярких отличий рекламного правоприменения и рекламной экспертизы от аналогичных «антидиффамационных» — это учет восприятия рекламы респондентами и на стадии возбуждения информационного спора, и на стадии выполнения экспертизы. Московское УФАС организовало на сайте ФАС соцопрос, воспринимаются ли слоганы *Смотри не обострись!* и *Налижемся!* как недопустимые в рекламе, непристойные и оскорбительные, и заявило, что возбуждение спора будет зависеть от его результатов. Большинство респондентов сочло эти выражения допустимыми. Но данный опрос как аргумент, на наш взгляд, манипулятивен: во-первых, выборку вряд ли можно признать представительной и количественно, и качественно: неизвестно, насколько правдивы были респонденты в своих ответах. Во-вторых, не случайно специалист по продвижению Ф. Кучкаров намекнул на низкий культурный уровень населения в целом, целевых аудиторий «БК» и его креаторов.

Применение метода опроса вызывает у лингвистов-экспертов когнитивный диссонанс; есть мнение, что это подрывает саму идеологию экспертного исследования [Чубина 2015]. Нам эта ситуация видится как минимум недо-рефлексированной; и это тема для отдельного исследования.

Кроме того, примечательны попытки рекламодателей манипулировать восприятием поликодовых текстов оппонентами-правоприменителями: «Игра слов хоть и присутствует в рекламе, но она поддерживается изображением блюд сети, что не дает формальных поводов придаться к креативу». На наш взгляд, лингвисты-эксперты должны осознать эту стратегию в информационных спорах и учиться ей противостоять, развивая семиотику рекламы.

Продолжим перечисление разновидностей ненадлежащей рекламы, лингвосемиотические признаки/показатели которых

должны выявляться в ходе ЛЭР. В ст. 5 «Общие требования к рекламе» в ФЗ РФ № 38 (2006) ограничения и запреты наложены на ряд аргументов и приемов сюжетосложения: реклама «не должна побуждать к совершению противоправных действий; призывать к насилию и жестокости»; «формировать негативное отношение к лицам, не пользующимся рекламируемыми товарами, осуждать таких лиц» и мн. др. Был запрещен телеролик одной модели телефона Samsung, где персонажи дрались за обладание ею.

Ограничения и запреты наложены на некоторые приемы рекламирования, во-первых, для некоторых товарных категорий (лекарств и БАДов, алкогольной продукции, финансовых инструментов и др.). По просьбе юриста российского представительства одной европейской фармацевтической компании мы выполнили превентивную лингвистическую экспертизу: фирма хотела быть уверена, что ее телереклама будет соответствовать требованиям российского законодательства о рекламе, а именно пп. 1.2 ст. 24 ФЗ РФ «О рекламе» (2006): «Реклама лекарственных средств и медицинской техники не должна гарантировать положительное действие объекта рекламы, его безопасность, эффективность и отсутствие противопоказаний» [ФЗ № 38]. Анализировалась финальная фраза телеролика, которая звучала примерно так: *Лекарство X умерит жар, вылечит кашель* (точное цитирование невозможно в силу коммерческой тайны). Вопрос был поставлен так: «Гарантирует ли финальная фраза телеролика лекарственного препарата X „Лекарство X умерит жар, вылечит кашель“ положительное действие объекта рекламы, его безопасность, эффективность и отсутствие противопоказаний или не гарантирует? Описывается ли содержание этой фразы как ГАРАНТИЯ или как-либо иначе?» В этой лингвистической экспертизе мы опирались на теорию речевых актов и на синтаксическую концепцию В. В. Богданова, анализируя финальную фразу в контексте всего телеролика как поликодового текста. Мы пришли к таким выводам: эта фраза не гарантирует потенциальным потребителям положительное действие объекта рекламы, его безопасность, эффективность и отсутствие противопоказаний — она вообще ничего не гарантирует. Она не является высказыванием, реализующим речевой акт «гарантирование» и не может быть описана как «гарантия». Она не является даже таким слабым видом комиссивного типа высказывания, как «обещание». Эта фраза представляет собой иной тип высказывания,

а именно «репрезентатив / сообщение» с прямой иллюкутивной семантикой «прогноз» и с легким обертоном, с косвенной иллюкуцией обещания. Размещенная во второй, презентационной части рекламного телеролика, фраза прогнозирует положительное действие препарата и служит закономерным итогом данного рекламного произведения. А речевой акт «прогноз» соответствует закономерностям ведения рекламной коммуникации, полностью вписывается в логику ее прототипического коммуникативного сценария.

Во-вторых, ограничения налагаются на рекламу товаров для детской аудитории: нельзя побуждать детей к покупке и нельзя дискредитировать родителей в их глазах. В 2015 г. была признана ненадлежащей рекламная кампания ЦДМ, который открылся после реконструкции:

Центральный детский магазин на Лубянке, ранее известный как «Детский мир», разместил на своем канале на видеохостинге YouTube серию рекламных роликов, в которых «родители» подвергаются «пыткам» детей, требующих отвести их в торговый центр. Видео заканчивается слоганом: «Любишь ребенка? Отведи на Лубянку!» [http://www.bbc.com/russian/society/2015/03/150325_tr_detskiy_mir_ads]

Нельзя печатать ни коммерческую рекламу, ни предвыборную агитацию на обложках школьных тетрадей и дневников. Ограничено распространение рекламы через разные каналы и носители, например, рядом со школами или религиозными учреждениями.

Специальные требования предъявляются к функционированию в рекламе русского языка. Языковые ошибки в рекламе — для общественности один из основных раздражителей. См. коллекцию на адвертологическом сайте ADME.RU [<http://www.adme.ru/zhizn-marazmy/ashipki-v-reklame-185805/>]. Конечно, надо различать нарушения норм по незнанию и недомыслию и нарочитые — языковую игру для завоевания целевой аудитории:

Услуга «ЗачОт» доступна к подключению только на молодежном ТП «RED» в Салонах-магазинах МТС. Стоимость изменения тарифного плана на молодежный ТП «RED» составляет 1 у. е., стоимость подключения услуги «ЗачОт» — 0,5 у. е. Подключение и / или переход на молодежный ТП «RED» без услуги «ЗачОт» не осуществляется [<http://mobile-review.com/articles/2006/mts-student.shtml>]

Однако такая игра может быть наказуемой. В ч. 11 гл. 5 ФЗ «О рекламе» сказано, что «при производстве, размещении и распространении рекламы должны соблюдаться требования законодательства РФ, в том числе требования гражданского законодательства, законодательства о государственном языке РФ». Согласно ФЗ № 53, государственным языком России является русский язык. По факту государственным языком является только его литературная страта. Этот вывод можно сделать из такой формулировки ч. 3 ст. 1 «Русский язык как государственный язык Российской Федерации»:

Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка РФ, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством РФ³.

В ч. 3 гл. 1 ФЗ № 53 сказано:

Статус русского языка как государственного языка РФ предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, Законом РФ от 25 октября 1991 года № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами РФ (...).

И среди них (согласно гл. 3)

2) в наименованиях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности; (...) 9) в продукции средств массовой информации; 9.1) при показах фильмов в кинозалах; 9.2) при публичных исполнениях произведений литературы, искусства, народного творчества посредством проведения театрально-зрелищных, культурно-просветительных, зрелищно-развлекательных мероприятий⁴; 10) в рекламе.

Новейшая (2014 г.) редакция ч. 6 гл. 1:

При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использования слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского

³ Здесь и далее вместо полного наименования страны используется аббревиатура РФ.

⁴ Эти пункты включены с 1 июля 2014 года Федеральным Законом от 5 мая 2014 года № 101-ФЗ, которым запрещено использование в этих сферах нецензурной лексики.

литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке [ФЗ № 53].

Получается, что в рекламе нельзя допускать правописательных и грамматических ошибок, употреблять ненормативную лексику. Пример: летом 2009 года Самарское отделение УФАС признало ненадлежащей рекламу местной юридической компании «АвтоЮрист Самара» на уличных щитах; распространение было прекращено, рекламодатель подвергнут штрафу в 200 тыс. руб. Это решение было поддержано Большим жури Союза журналистов РФ (органом профессиональной этики) и местным мусульманским управлением. Свою помощь в разрешении конфликтов по поводу ДТП компания рекламировала так: *Лишают прав — не беда! Позвони — поможем всегда! Страховая дразница, денег не дает, вот такая задница — позвони, пройдет!* Приведем комментарий лингвиста, доцента кафедры русского языка Самарского университета Т. Романовой:

Возмущение УФАС вызвали два слова, употребление которых запрещено законом «О рекламе»: «дразница» нарушает нормы использования русского языка, а рифма к ней — недопустимое использование бранных слов и непристойных образов. Если б это сказал Задорнов (сатирик) по телевизору, то это были бы слова, произнесенные в определенном месте. А в наружной общедоступной рекламе это слово недопустимо.

Аналогичная услуга в тот же период рекламировалась на сайте тюменского портала автолюбителей (www.car72.ru): *Не выплачивают страховку? Страховой агент в Москве. Более 1500 выигранных дел. Суд от 5500 руб.* Этот текст построен по той же риторической схеме, он безупречно грамотен, эмоционально сдержан в доводах и законосообразен. К сожалению, нет возможности сравнить их эффективность в целевой аудитории.

Ограничено использование жаргона: «Свое „нет“ от экспертного совета рискует получить и ролик пива „Балтика“, чья реклама, по выражению ее героев, „произведет впечатление на чикс и на население“. ФАС уже направила запрос в Институт русского языка по поводу использования слова *чикса*. Как говорят знатоки жаргона, это слово означает „девицу легкого поведения или просто девицу“ » [<http://ppt.ru/news/40236>]. К сожалению, нам не удалось найти информацию о том, чем закончился этот конфликт.

Аргументация правоведов по поводу русского языка в рекламе может оказаться сомнительной. Так, в 2009 году власти Санкт-Петербурга отказали Малаховскому мяскокомбинату в размещении наружной рекламы; на билбордах изображалась копченая колбаса, по цвету и форме похожая на «гуано», а тексты были такие: *Приятно видеть его утром. Наташа, 27 лет, Санкт-Петербург*. Отказ был мотивирован странно — недопустимостью «использования в отношении продукта женского рода характеристик мужского» [<https://lenta.ru/articles/2016/03/30/slogani>].

В ФЗ «О рекламе» с идеей ограничения заимствований в ФЗ «О государственном языке» коррелирует требование информативности и достоверности: «В рекламе не допускается использование иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации» [ФЗ № 38].

Отдельной проблемой является функционирование в вышеуказанных сферах (для нас важно, что в рекламе) текстов на иностранных языках, содержание которых должно быть дублировано на русском — об этом говорится в ч. 2 ст. 3. В силу этого требования должна переводиться на русский надпись *sale* ‘распродажа’ и другая коммерческая информация. Однако это требование не распространяется «на фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания, а также теле- и радиопрограммы, аудио- и аудиовизуальные материалы, печатные издания, предназначенные для обучения государственным языкам республик, находящихся в составе Российской Федерации, другим языкам народов Российской Федерации или иностранным языкам», как говорится в ч. 3 этой же главы. С маркетинговой точки зрения, это правильное решение, обусловленное необходимостью узнаваемого присутствия брендов в жизни глобального потребительского общества. Но жителям стран, где принята не латиница, а другие алфавиты, такого рода неизбежность может показаться травмирующей — это вопрос лингвоэкологии.

Запрещена интерференция рекламы и других утилитарных знаковых систем: ей нельзя «иметь сходство с дорожными знаками или иным образом угрожать безопасности движения».

Отдельная проблема — это такое нарушение ФЗ «О рекламе», как «джинса», или «серая реклама», т. е. размещение рекламы под видом других типов текста. Такого рода деликт подлежит доказыванию через идентификационную лингвистическую экспертизу.

Эта проблема заслуживает отдельного изучения. Здесь скажем только, что, на наш взгляд лингвиста-эксперта, закономерности функционирования рекламы отражены в рекламном законодательстве недостаточно корректно, что затрудняет проведение лингвистической экспертизы: некоторые юридические характеристики рекламы противоречат ее дискурсивной специфике — и это еще одна причина отставания теории и методики ЛЭР.

7. Заключение: задачи для лингвоэкспертного сообщества

Итак, в данной статье на основании собственной лингвоэкспертной практики и опыта коллег, на основании изучения теоретико-методической литературы по ЛЭР была выявлена такая проблема ЛЭР, как недостаточность теоретического осмысления и методической разработки этого вида лингвистической экспертизы. И была выдвинута идея, что для ее разрешения необходимо, среди прочего, последовательное лингвоэкспертное описание разнообразных речевых деликтов, отображенных в ФЗ РФ «О рекламе» (2006). Смысл выполнения этой задачи в том, чтобы впоследствии, описывая эти деликты в терминах рекламоведения и лингвосомиотики, можно было разработать приемы анализа, соответствующие каждому рекламному деликту или их «блокам», и подготовить «словарь» СЛЭР, который был бы комплементарен к «словарю» рекламного законодательства.

В своем изложении мы сравнивали правовые формулировки текстовых особенностей рекламы с пунктами документов саморегуляции. Такая методика — от формулировки закона, от правового термина к реалии (к конфликтогенному тексту и его особенностям), а затем к термину лингвоэкспертному — традиционно используется в теории СЛЭ; она была основным аналитическим приемом в исследовании «Понятия чести и достоинства», когда формировалась отечественная концепция антидиффамационной экспертизы. А здесь она применена на начальной стадии формирования концепции рекламной экспертизы как вида ЛЭ.

Законодательные материалы, документы

- Пленум 2012 — Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда № 58 от 08.10.12 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона „О рекламе“». (<http://base.garant.ru/70252460/>)
- Постановление № 87 — Постановление № 87 о наложении штрафа по делу № 4–05/97 об административном правонарушении. (<http://habarovsk.fas.gov.ru/solution/8163>)
- ФЗ № 38 — Федеральный закон РФ № 38 «О рекламе». 2006. (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/)
- ФЗ № 53 — Федеральный закон РФ № 53 «О государственном языке Российской Федерации». 2005. (<http://base.garant.ru/12140387/>)

Литература

- Амири 2013 — Л. П. Амири. Текстовые деликты, или шоковые средства воздействия на потребителя в коммерческой рекламе // Медиа-скоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. Ломоносова 2, 2013. (<http://www.mediascope.ru/node/1304>)
- Балахонская, Быков 2011 — Л. В. Балахонская, И. А. Быков. Права человека и язык рекламных текстов в современной России // Философия права 4, 2011. С. 42–47.
- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта: Наука, 2007.
- Баранов и др. 2000 — А. Н. Баранов, Ю. К. Пирогова, П. Б. Паршин, А. П. Репьев, С. В. Кодзасов, Е. Г. Борисова. Рекламный текст: лингвистика и семиотика. М.: Международный институт рекламы, Издательский дом Гребенникова, 2000.
- Бельчиков и др. (сост.) 2010 — Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков (сост.). Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. М.: Роскомнадзор — ГЛЭДИС, 2010.
- БСРЖ 2001 — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2001.
- БТСРЯ 2000 — С. А. Кузнецов (ред.). Большой толковый словарь русского языка. Изд. 2. СПб.: Норинт, 2000.
- Ворошилова 2013 — М. Б. Ворошилова. Политический креолизированный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: УрГПУ, 2013.
- Галяшина 2003 — Е. И. Галяшина. Основы судебного речеведения. М.: СТЭНСИ, 2003.
- Галяшина — Е. И. Галяшина. Судебная лингвистическая экспертиза. (http://isemgua.ru/info/ling_ex/)

- Галяшина, Россинская 2005 — Е. И. Галяшина, Е. Р. Россинская. Становление и развитие судебно-лингвистической экспертизы // Юстиция 3, 2005. С. 16–23.
- Голев, Лебедева 2010 — Н. Д. Голев, Н. Б. Лебедева. Является ли некорректным сравнение в слогане «ТЕЛЕ2 — ВСЕГДА ДЕШЕВЛЕ»? // Н. Д. Голев, Т. В. Чернышова (ред.). Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово — Барнаул: АлтГУ, 2010. С. 368–379.
- Горбаневский, Жарков 2014 — М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. О некоторых методологических и юридических аспектах наименований объектов интеллектуальной собственности // Судья. Журнал судебного сообщества 5, 2014. С. 21–25. (<http://www.rusexpert.ru/public/guild/15.pdf>)
- Кара-Мурза 2002 — Е. С. Кара-Мурза. Экспертиза рекламных текстов // М. В. Горбаневский (ред.). Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002. С. 364–375.
- Кара-Мурза 2012 — Е. С. Кара-Мурза. Конфигурация коммуникативных субъектов в текстах потребительской рекламы // Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография, посвященная 80-летию проф. Г. Я. Солганика. М.: Флинта — Наука, 2012. С. 140–151. (<http://istina.msu.ru/publications/article/7719367/>)
- Кара-Мурза 2013 — Е. С. Кара-Мурза. Электоральная коммуникация и электоральный дискурс (на материале московской кампании 2013 по выборам мэра) // РЕД. Человек в информационном пространстве-2013. Ярославль: ЯрГПУ, 2013. С. 138–147.
- Кара-Мурза 2014 — Е. С. Кара-Мурза. Изучение правовой регуляции креатива в вузовском курсе лингвосомиотики рекламы // РЕД. Активные процессы в социальной и массовой коммуникации. Ярославль: ЯрГПУ, 2014. С. 328–341.
- Кожевникова, Осадчий 2014 — Е. А. Кожевникова, М. А. Осадчий. Креолизованный текст как объект судебно-лингвистической экспертизы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств 19–1, 2014. (<http://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyuy-tekst-kak-obekt-sudebno-lingvisticheskoy-ekspertizy>)
- Копнина 2015 — Г. А. Копнина. Лингвистическая экспертиза спорных рекламных текстов: российская практика // Экология языка и коммуникативная практика 2, 2015. С. 121–142.
- Костромичева 2011 — М. В. Костромичева. Лингвистическая экспертиза рекламного текста // Стилистика рекламных и PR-текстов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 25 марта 2011 г.

- Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2011. С. 85–87.
- Кузнецова 2015 — И. Е. Кузнецова. Лингвистическая экспертиза словесных обозначений // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* XI, 3, 2015. С. 670–682.
- Леонтьев и др. 1997 — А. А. Леонтьев, В. Н. Базылев, Ю. А. Бельчиков, Ю. С. Сорокин. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой информации. М.: Фонд защиты гласности, 1997.
- Лингвистический контроль рекламы 2012 — Лингвистический контроль рекламы. Форум конференции. (<http://konference.siberia-expert.com/forum/20-133-2>)
- МКРП — Международный кодекс рекламной практики МТП. (http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_85786.html)
- Моргун 2014 — А. В. Моргун. Информационные споры в связи с ненадлежащей рекламой в СМИ и кинопродукции. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. НИУ ВШЭ, Москва, 2014.
- Новичихина, Стернин 2013 — М. Е. Новичихина, И. А. Стернин. Экспертиза товарного знака. Воронеж: ВГУ, 2013. (<http://www.rusexpert.ru/public/guild/5.pdf>)
- Пиз, Пиз 2010 — А. Пиз, Б. Пиз. Новый язык телодвижений. Расширенная версия. М.: Эксмо, 2010. (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136808)
- Постатейный комментарий — Постатейный комментарий к ФЗ РФ № 38 «О рекламе». (<http://fas.gov.ru/documents/documentdetails.html?id=998>)
- Рихтер 2001 — А. Г. Рихтер. Правовое регулирование рекламы в СМИ // *Законодательство и практика масс-медиа* 10, 2001. (<http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1114972>)
- РКПР 2012 — Российский Кодекс практики рекламы и маркетинговых коммуникаций. (<http://www.akarussia.ru/download/rrk.pdf>)
- Розина 2008 — Р. И. Розина. Номинализации в разговорной речи. Материалы конференции Диалог-21. (<http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/70.htm>)
- Россинская 2006 — Е. Р. Россинская. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2006.
- Симонов, Горбаневский 2004 — А. К. Симонов, М. В. Горбаневский (ред.). Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2, перераб. и доп. М.: Медя, 2004.
- Соколова 2015 — Т. П. Соколова. Нейминговая экспертиза: организация и производство. М.: Юрлитинформ, 2015.

- Спектор 2007 — Е. И. Спектор. Комментарий к ФЗ «О рекламе» от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ. М.: Юстицинформ, 2007. (<https://www.lawmix.ru/commlaw/1085>)
- СРС — Словарь русских синонимов. (<http://edbi.ru>)
- ТСРЯ 1997 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.
- Черкасова, Черкасова 2014 — М. Н. Черкасова, Л. Н. Черкасова. Конфликтное поле рекламного дискурса: точки натяжения // Гуманитарные и социальные науки 3, 2014. (<http://www.hses-online.ru/2014/03/21.pdf>)
- Чернявская 2009 — В. Е. Чернявская. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009.
- Чубина 2013 — Е. А. Чубина. Современное состояние и перспективы развития судебной лингвистической экспертизы рекламы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки 4–2, 2013. С. 408–414.
- Чубина 2015 — Е. А. Чубина. Судебная лингвистическая экспертиза рекламы: мифы и реальность // Российская школа связей с общественностью. Ежегодный альманах. Вып. 6. М: Ассоциация преподавателей по связям с общественностью., 2015. С. 138–146.
- Щепилова 2010 — Г. Г. Щепилова. Реклама в СМИ: история, технология, коммуникация. М.: МГУ, 2010.
- Яковлева 2012 — Е. А. Яковлева. Креолизованный текст как объект юрлингвистики. (http://expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/5-1-0-144)
- Reza Ramezani — Reza Ramezani. An introduction to forensic linguistics. (<http://www.slideshare.net/RezaRamezani68/an-introduction-to-forensic-linguistics/>)
- Tiersma, Solan 2002 — P. Tiersma, L. M. Solan. The Linguist on the Witness Stand: Forensic Linguistics in American Courts // Language 78, 2, 2002. (<http://muse.jhu.edu/article/19396/pdf>)

М. А. Венгранович, И. Е. Кузнецова, Д. В. Третьякова

*Поволжский православный институт, Тольятти, ИЛИ РАН,
Санкт-Петербург, Тольяттинский государственный университет,
Тольятти*

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА НАИМЕНОВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Наименования лекарственных средств представляют собой особый тип средств идентификации, поскольку, во-первых, они являются важным элементом системы обеспечения безопасного использования лекарств, а во-вторых, в этом качестве выступают словесные обозначения, имеющие различный правовой статус [Лазарева и др. 2005]. В качестве наименований лекарств могут использоваться общеизвестные названия, к которым относятся международные и национальные непатентованные наименования, и торговые наименования, утвержденные при регистрации лекарственных препаратов в соответствии с требованиями Федерального закона «О лекарственных средствах», или зарегистрированные в качестве товарных знаков в соответствии с требованиями Федерального закона «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях происхождения товаров». При этом, используя в качестве наименования лекарства общеизвестное (непатентованное) название, производитель имеет право дополнять его собственным наименованием (полным или сокращенным), зарегистрированным в качестве товарного знака.

К каждой категории наименований предъявляются определенные требования, которые, в частности, отражены в «Методических рекомендациях по рациональному выбору названий лекарственных средств», утвержденных Департаментом государственного контроля лекарственных средств и медицинской техники Минздрава России 1 июля 2003 г. Для установления соответствия этим требованиям словесных обозначений, используемых в качестве названий лекарств, проводится лингвистическая экспертиза.

Общим требованием для любых наименований лекарств является отсутствие сходства такого наименования с названиями

ранее зарегистрированных препаратов. В отличие от других товарных знаков, где допускается использование сходных обозначений для товаров и услуг разных классов, название лекарственного препарата не может быть сходным не только с ранее зарегистрированными названиями препаратов той же химической и (или) фармакологической группы, но и с названиями лекарств других групп [Методические рекомендации].

При определении сходства или различия словесных обозначений, используемых в качестве средств индивидуализации, обычно рассматриваются признаки их фонетического, графического, ассоциативного и смыслового сходства. Проблемы, которые могут возникать при решении вопроса о сходстве и различии обозначений, и возможные пути их решения рассматриваются, в работах многих исследователей (см., например: [Галяшина 2006; Горбаневский, Жарков 2014; Кузнецова 2015]). Существенной особенностью определения сходства или различия названий лекарств является то, что смысловая составляющая при таком анализе не учитывается. Кроме того, согласно предлагаемой методике проверки заявленных названий лекарств на графическое сходство, «при подсчете составляющих слова букв (знаков) различия между сравниваемыми названиями должны составлять 3 и более букв (знаков) в любом сочетании» [Методические рекомендации], независимо от того, из какого количества букв состоят эти названия.

Во многих случаях сравниваемые наименования лекарств записаны буквами разных алфавитов, одно - кириллицей, а другое — латиницей. Проиллюстрируем это на примере сопоставления словесных обозначений *АМБРОЛ СОЛЮТАБ* и *YAMBRON*.

Заявляемое словесное обозначение *АМБРОЛ СОЛЮТАБ* состоит из двух компонентов. Элемент *АМБРОЛ* в обозначении *АМБРОЛ СОЛЮТАБ* необходимо сравнить с наименованием *YAMBRON* с целью определения возможного фонетического и графического сходства. Компонент *АМБРОЛ* не имеет в современном русском языке общепринятого денотата, зафиксированного в словарях. Однако данный компонент в языковом сознании русскоязычного потребителя может ассоциироваться с рядом слов, содержащих в своей семантике указание на приятный запах и вкус: *амбра*, *амброзия*.

С точки зрения фонетики, слова *АМБРОЛ* и *YAMBRON* имеют как признаки сходства, так и признаки отличия. Эти слова имеют

одинаковое число слогов и совпадающее звуко сочетание [мбр]. Поскольку в этих словах ударение может падать как на первый, так и на второй слог, говорить о сходстве гласных представляется некорректным. Начальные и конечные звуки в сравниваемых словах отличаются.

Анализируемые слова имеют и графические различия: в написании словесного обозначения *АМБРОЛ* используются буквы кириллического алфавита, а в написании *YAMBRON* — латинского.

Значимые графические и фонетические различия между словами *АМБРОЛ* и *YAMBRON*, а также возможность положительной ассоциации с чем-то приятным на вкус и запах, связанной с наименованием *АМБРОЛ*, оказывают определяющее влияние на восприятие сравниваемых обозначений как несхожих.

При экспертизе товарных знаков, заявленных в качестве наименований лекарственных препаратов, эксперт сталкивается с анализом словесных обозначений, созданных по моделям фармацевтической терминологии или с непосредственным её использованием. Однако зачастую названия препаратов лишь имитируют термины, включая греческие и латинские терминологические элементы и аффиксоиды либо незначимые буквосочетания. В таких случаях целесообразно проводить сравнение словесных обозначений по наличию сильных (доминирующих) словесных элементов товарного знака, т. е. охраноспособных элементов, которые осуществляют основную функцию обозначения (отличать однородные товары различных производителей) и в значительной мере определяют восприятие заявленного обозначения [Терминология 1988: 13].

Проиллюстрируем это на примере анализа двух обозначений — *Флебофа* и *ФЛЕБОДИА*. Выполненные кириллицей, оба словесных обозначения являются искусственными образованиями и не имеют в современном русском языке общепринятого денотата. В слове *Флебофа* можно выделить части *флебо-* и *-фа*. Обозначение *ФЛЕБОДИА* также допускает деление на части *флебо-* и *-диа*.

Элемент *ФЛЕБО-*, выделяемый в составе обоих наименований, используется в ряде медицинских терминов и названий лекарственных препаратов: *НЕОТОН ФЛЕБО*, *ФЛЕБОГАММА*, *ФЛЕБОТОН* и т. п. Аффиксоид *флебо-* имеет значение 'относящийся к венам, связанный с их заболеванием' [Козулина и др. 2009: 260]. Данный компонент в заявленных наименованиях *Флебофа* и *ФЛЕБОДИА* указывает на

определенные характеристики препаратов и, согласно п. 1 ст. 6 «Закона о товарных знаках», является описательным. Данный элемент названия применительно к лекарственным средствам не обладает различительной способностью и должен быть признан слабым элементом заявленного наименования, не оказывающим влияние на восприятие оспариваемых наименований как сходных.

Элемент *-фа* в составе слова *Флебофа* не выражает какого-либо определенного смысла. Проведенный методом сплошной выборки анализ названий лекарств в Регистре лекарственных средств России [РЛС] показал, что этот элемент встречается в конце слова лишь в составе компонента *альфа*, например: *ВАН-АЛЬФА*, *АЛЛОКИН-АЛЬФА*, *ЭТАЛЬФА* (*альфакальцидол*). Слова, оканчивающиеся на *-фа*, хорошо освоены русским языком, грамматический словарь русского языка [Зализняк 1980: 213] фиксирует ряд таких слов, поддающихся словоизменению.

Элемент *-ДИА*, входящий в состав наименования *ФЛЕБОДИА*, встречается также в ряде медицинских терминов и в названиях, указанных в Регистре лекарственных средств России [РЛС]: *АРЕДИА*, *МЕРИДИА*, *РЕМЕДИА*, также с дефисным написанием: *ЛЕВОМИЦЕТИН-ДИА*, *ПИЛОКАРПИН-ДИА*, *СУЛЬФАЦИЛ НАТРИЯ-ДИА*, *ТАУРИН-ДИА*, *ТИМОЛОЛ-ДИА*. Происхождение и значение данного элемента в данных названиях различно. Так, название *меридиа* предположительно восходит к латинскому глаголу *meridio* ‘предаваться полуденному отдыху’; названия *ремедиа* — к латинскому глаголу *remedio* ‘лечить, исцелять’. В тех случаях, когда элемент *-ДИА* указан заглавными буквами через дефис после названия лекарства, он обозначает часть имени собственного «*ДИАФАРМ*» — предприятия-изготовителя данного лекарства [ГРЛС]. Следует также отметить, что слова, оканчивающиеся на *-диа*, грамматически не освоены русским языком.

Таким образом, слова *ФЛЕБОДИА* и *Флебофа* в восприятии русскоязычного потребителя ассоциируются с результатом транслитерации буквами русского алфавита какого-либо фармацевтического термина, имеющего непривычное для носителя русского языка звучание. При этом слово *Флебофа* является изменяемым, а *ФЛЕБОДИА* имеет лишь одну представленную неизменяемую форму.

Фонетический анализ словесных обозначений *Флебофа* и *ФЛЕБОДИА* показывает ряд значимых различий.

Слово *Флебофа* состоит из трех слогов, при этом ударение может падать на любой из них. В слове 7 звуков. Полная фонетическая транскрипция, в зависимости от постановки ударения, выглядит следующим образом: [фл'и°бóфъ], [фл'ьблфá] или [фл'эбъфъ].

Слово *ФЛЕБОДИА* состоит из четырех слогов, и в зависимости от постановки ударения состоит из следующих 8 звуков: [фл'и°бóд'иъ], [фл'ьблд'иъ], [фл'эбъд'иъ] или [фл'ьбъд'иá]. Возможны и варианты произношения с добавлением 9-го звука /j/: [фл'и°бóд'иjъ], [фл'ьблд'иjъ], [фл'эбъд'иjъ] или [фл'ьбъд'иjá], которые могут склоняться. Однако такие варианты произношения являются нехарактерными для названий лекарственных средств.

Следует отметить различные фонетические характеристики согласных звуков, входящих в различительные части обоих словесных знаков: [ф] — щелевой, губно-зубной, глухой, твердый; [д'] — смычный, зубной, звонкий, мягкий, что дает основание говорить о невозможности их смешения.

Итак, с точки зрения фонетических особенностей словесные обозначения *Флебофа* и *ФЛЕБОДИА* имеют существенные различия и не могут быть признаны сходными до степени смешения.

С точки зрения графики оба словесных обозначения выполнены с использованием кириллицы, однако словесное обозначение *Флебофа* выполнено строчными буквами с первой заглавной, в слове *ФЛЕБОДИА* — все буквы заглавные. Группы графем *фа* и *ДИА* полностью различны.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что в сравниваемых словесных обозначениях *Флебофа* и *ФЛЕБОДИА* начальную, общую для обоих обозначений, часть *ФЛЕБО*, имеющую значение «относящийся к венам», следует признать описательной (слабой) частью анализируемых словесных обозначений (по типу: *кардио* — относящийся к сердцу, *гастро* — к желудку и т. п.), а конечные части *-фа* и *-ДИА* следует отнести к сильным, различительным частям данных словесных обозначений. Именно эти конечные части придают данным обозначениям разное звучание и разное грамматическое оформление.

Таким образом, словесные обозначения товарных знаков в области медицины могут содержать семантически значимые элементы, указывающие на определенные свойства лекарственных средств, в силу чего такие компоненты не могут выполнять функцию

индивидуализации товара. Зачастую различительным является незначимый в семантическом плане элемент названия, состоящий из минимального числа фонем. Данные факторы необходимо учитывать при проведении экспертных исследований в области товарных знаков, относящихся к медицинской сфере.

Литература

- Галяшина 2006 — Е. И. Галяшина. Лингвистические экспертизы в спорах о товарных знаках // Законы России 12, 2006. С. 77–94.
- Горбаневский, Жарков 2014 — М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. О некоторых методологических и юридических аспектах наименований объектов интеллектуальной собственности // Судья. Журнал судебного сообщества 5, 2014. С. 21–25.
- ГРЛС — Государственный реестр лекарственных средств. (<http://www.grls.rosminzdrav.ru>)
- Зализняк 1980 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: словоизменение. М.: Русский язык, 1980.
- Козулина и др. 2009 — Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, Е. Н. Шагалова. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб.: Нестор-История, 2009.
- Кузнецова 2015 — И. Е. Кузнецова. Лингвистическая экспертиза словесных обозначений // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XI, 3, 2015. С. 670–682.
- Лазарева и др. 2005 — М. Н. Лазарева, И. А. Хабипова, Е. С. Чепкасова. Лингвистические особенности наименования лекарств // Ремедиум 12, 2005. С. 15–17.
- Методические рекомендации — Методические рекомендации по рациональному выбору названий лекарственных средств, утвержденные Департаментом государственного контроля лекарственных средств и медицинской техники Минздрава России 1 июля 2003 г. (<http://www.webapteka.ru/phdocs/doc5188.html>)
- РЛС — Регистр лекарственных средств России. (<http://www.rlsnet.ru>)
- Терминология 1988 — Терминология в области товарных знаков. Инструктивно-методические материалы. Рекомендации. М.: ВНИИПИ, 1988.

КОММУНИКАТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ ПРИЗЫВА В МАССМЕДИЙНОМ ПОЛИКОДОВОМ ТЕКСТЕ: ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Предметом экспертизы по делам о противодействии экстремизму часто становится массмедийный поликодовый текст — журналистское произведение или любой продукт интернет-коммуникации. Экспертный анализ спорных текстов такого рода требует привлечения особых исследовательских методик, выработка которых является одной из задач современной юрислингвистики (см., например, методики, предложенные в: [Кожевникова, Осадчий 2012]).

Поликодовость массмедийного текста многослойна, так как он содержит вербальные и визуальные структурные элементы, которые сами по себе есть поликодовые сущности: естественный язык представлен в таком тексте в определенном визуальном воплощении (можно говорить о своего рода «инфографичности» вербалики), а изображение невербальных компонентов включает знаки различной природы (иконические знаки, символы, индексы). Тем не менее для исследовательских целей в массмедийном тексте вычленяется вербальная и визуальная составляющие, отношения между которыми, по мысли Е. Ю. Колтышевой, можно свести к трем типам: 1) взаимообусловленные тексты, в структуре которых вербальный и изобразительный компонент равноправны и подвергаются интерпретации в совокупности; 2) тексты с определяющим вербальным компонентом, где изображение зависит от вербального компонента, и без последнего смысл изображения может быть неясен или превратно истолкован; 3) тексты с определяющим визуальным элементом, где изображение доминирует, играя ведущую роль в раскрытии темы, и определяет интерпретацию вербальной части [Колтышева 2008: 171]. Назовем первый тип конвергентными текстами, второй и третий соответственно вербальноцентричными и визуальнцентричными поликодовыми массмедийными текстами.

Понятие коммуникативного сценария пришло в лингвистику из когнитивной психологии, из работ М. Минского [Минский 1979] и Р. Шенка и Р. Абельсона [Schank, Abelson 1977]. В когнитивистике сценарием называется структура для динамического представления знаний о типизированной ситуации [Шляхов 2013]. Фрейм-сценарий, по М. Минскому, представляет собой типовую структуру для некоторого действия, понятия, события и т. п., включающую характерные элементы этого действия, понятия, события. В интерпретации Р. Шенка, Р. Абельсона [Schank, Abelson 1977] сценарий представляет собой цепочку действий, которые описывают часто встречающиеся ситуации. В этой последовательности действий используется принцип каузальной связи, т. е. результатом каждого действия являются условия, при которых может произойти следующее действие [Schank, Abelson 1977].

Сценарный анализ включает исследование модели организации концептуальной информации, подчиненной некоторой цели, определяет действия и условия, сопряженные с достижением данной цели, а также агентов действий. Представления о типовых коммуникативных сценариях позволяют предсказывать все необходимые элементы и порождают соответствующие ожидания у пользователя. Сценарная структура имеет строго упорядоченное строение, отражая структуру каждого типового коммуникативного события. Структурными элементами сценария являются фреймы (сцены), которые связаны посредством причинных или случайных связей. На основе анализа фреймового состава сценария и комбинации терминалов и слотов можно сконструировать модель сценария.

По А. Н. Баранову,

призыв — это речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или их представителями, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации [Баранов 2007: 415–420].

В отличие от обычных побуждений, «эталонный» призыв

не требует немедленного выполнения и скорее является рекомендацией к поведению, основанной на тех или иных морально-этических, идеологических, ценностных категориях [Баранов 2007: 421].

Коммуникативный сценарий призыва — речевая последовательность, создание которой детерминировано этой коммуникативной целью и включает указания на: а) результат стимулируемого в призыве действия; б) на объект этого действия; в) на адресата призыва; г) на способ и средства достижения результата. В отдельных случаях коммуникативный сценарий призыва может включать д) обоснование и оправдание действий, к которым призывают.

Все сказанное, на наш взгляд, может быть отнесено и к поликодовому тексту, поскольку размещение информационного материала в сети представляет собой коммуникативное действие, имеющее определенные цели и выполненное определенным способом с использованием различных коммуникативных практик.

Перейдем к анализу речевой практики и рассмотрим два кейса: эксплицитное и имплицитное воплощение коммуникативного сценария призыва в плакатах, размещенных в интернет-сообществах.

Создание открытых страниц сообществ (групп) является одной из активно развивающихся социальных практик, в рамках которых порождаются действия, управляющие повседневной деятельностью людей [Гарфинкель 2007], следовательно, размещение плакатов в сообществе имеет коммуникативную и прагматическую цели. Коммуникативная цель размещения плаката заключается в том, что он воспринимается участниками сообщества как высказывание — сообщение мнения или идеи. В нашем случае авторы размещения исследуемых плакатов демонстрирует свою политическую позицию, солидаризируясь с авторами плакатов. Прагматическая цель размещения плаката вытекает из специфики этого визуального жанра как «сведенного в четкую визуальную формулу сообщения, предназначенного современнику для выводов и конкретных действий» [Штудинка 2001]. «Воздействие, или управление поведением, является целью всякого общения. Общение — это социальная ориентация, в которой реализуется приспособительная функция человека. Она сводится к функциональным регулирующим целям. Цели эти имеют прямое и не прямое воздействие. При последнем тоже происходит управление, например при информировании, при выражении оценки, отношения, на основании которых тоже может быть принято решение о регуляции поведения» [Матвеева 1984: 44]. Таким образом, прагматическая цель участника, разместившего изображение плаката, заключается в формировании

у других участников такого отношения к теме плаката, какое имеется у автора страницы и демонстрируется смыслом плаката.

Кейс 1

На исследование представлено изображение: в черной рамке на белом фоне нож и красные надписи *Пора убивать!*, *Время пришло!*, *Режь иммигрантов!*, под рамкой надпись: *Бей хачей!!! Спасай Россию!!!* Исследуемый материал размещен в разделе «Фото» на личной странице пользователя социальной сети. Изображение имеет графические признаки демотиватора, о чем говорят форма и цвет рамок, расположение надписи на рамке в две строки, размер шрифта. Вопрос о трансформации в рунете демотиватора — жанра комической природы — в инструмент демонстрации агрессии не является предметом настоящей статьи. Мы рассмотрим настоящий плакат с точки зрения выражения в нем семантики призыва.

Данный поликодовый текст мы относим к вербальноцентричному типу: визуальные компоненты текста невозможно однозначно истолковать без опоры на смыслы, выраженные вербально (покажем это ниже). Удельный вес вербальных знаков значительно превышает знаки визуальные, рассмотрим сначала те и другие как самостоятельные объекты анализа, а затем покажем их смысловую интеграцию.

Высказывания *Пора убивать!*, *Время пришло!*, *Режь иммигрантов!*, *Бей хачей!!! Спасай Россию!!!* можно разделить на две группы: призывы к действиям (*пора убивать*, *режь иммигрантов*, *бей хачей*) и интенсификаторы призывов (*время пришло*, *спасай Россию*).

Пора убивать! — высказывание выражает призыв, который представлен сочетанием: модальная частица + инфинитив, называющий действие, к которому призывают. В рассматриваемой фразе глагол *убивать* выступает в значении ‘лишать жизни, умерщвлять’. Следовательно, рассматриваемое высказывание указывает на **способ** агрессивного действия — ‘лишать жизни’.

В высказываниях *Режь иммигрантов!* и *Бей хачей!!!* содержатся призывы, выраженные глаголами повелительного наклонения, называющими **средства достижения агрессивных целей**, в сочетании с существительными, указывающими на **объект агрессии**: *иммигранты*, *хачи*. Призыв поддерживается изображением **орудия** агрессивных действий — ножа.

Высказывание *Время пришло!* интенсифицирует, усиливает призыв к агрессивным действиям, а фраза *Спасай Россию!!!* содержит **оправдание** агрессивных действий необходимостью спасения страны.

К визуальным элементам плаката относится, во-первых, фотографическое изображение ножа, во-вторых, красный цвет шрифта и красных пятен на ноже и белом фоне.

Судя по ряду признаков (соотношение длины лезвия и рукояти, подпальцевые выемки на рукояти), изображен автоматический нож, находящийся в свободной продаже и не требующий специального разрешения на ношение и использование гражданами Российской Федерации, т. к. длина его лезвия не превышает 9 см [ФЗ РФ]. Иными словами, это нож, который может находиться в хозяйстве и использоваться для повседневных нужд и который, по существу, не является холодным оружием. Однако в контексте смыслового содержания вербальных элементов плаката этот бытовой предмет наполняется новым информационным содержанием: выбор орудия агрессивных действий расширяет целевую аудиторию призыва до обычных людей.

Красный цвет в плакате используется не только референциально (изображены брызги крови и кровь на ноже), но и символически. Согласно классификации цветовых знаков [Кошеренкова 2015: 158], в исследуемом изображении имеет место натуралистическая ассоциативность красного, символизирующего кровь, при этом отмечается, что такие символические обозначения первичны во всех культурах и наиболее живучи. Красный цвет в данном плакате не может рассматриваться как кодовый цветовой символ («...в этой группе могут использоваться практически любые обозначения, например: красный — демократия, зло, царь» [Кошеренкова 2015: 158]), поскольку такая семантика цвета противоречит вербальной составляющей изображения. Сказанное подтверждает нашу мысль о вербальноцентричности исследуемого плаката.

Таким образом, анализируемый плакат представляет собой побудительный речевой акт, в котором выражен призыв к агрессивным действиям, обращенный к широкой аудитории. Составные смысловые компоненты призыва к действию: **способ действия** (*убивать*, изображение крови), **средства** (*режь*, изображение ножа, *бей*), **объект** действия (*хачи, иммигранты*), цель действий (спасти Россию), акцентуатор призыва — напоминание (*время пришло*).

Сценарий реализации призыва в плакате представляется следующим. Адресант осознает, что настоящее положение вещей требует изменения (*Время пришло*). Адресант побуждает к действиям, указывая на их цель, способ, средства, объект. Росту побудительной иллокутивной силы высказывания способствует высказывание в форме напоминания. Для выражения призыва используются **прямые способы репрезентации** — побудительные предложения, усиленные восклицательными знаками, изображение крови и изображение легального орудия — ножа, доступного любому желающему.

Кейс 2

На исследование представлено изображение: крупным планом — голова и плечи стоящей спиной к зрителю одетой в белое девушки, волосы которой заплетены в две косы; сверху надпись — *Отделение Северного Кавказа — залог свободы и прогресса*; поперек спины девушки — траурная лента с изображением черепа и надписью *СВОБОДА или СМЕРТЬ*; над траурной лентой надпись *РОССИЯ кавказская пленница*. Исследуемый плакат относится к типу конвергентных поликодовых текстов. Можно говорить о большом удельном весе символического значения всех дискретных элементов плаката и общей визуальной тональности; вербальные элементы объединены в плакате параграфемными (по сути — визуальными) средствами [Баранов, Паршин 1989].

Рассмотрим дискретные элементы плаката: фотографию девушки, траурную ленту с надписью, изображение черепа на ленте и две самостоятельные надписи.

Визуальные элементы. Фотография молодой девушки сделана в необычном ракурсе — со спины. На девушке белая одежда, на фоне которой — темно-русые длинные волосы, заплетенные в две косы. Очевидно, что ряд компонентов на этой фотографии имеет определенное символическое значение и требует его расшифровки.

Косы девушки заплетены особым способом, этот технический прием имеет сегодня название «классический колосок» («пшеничная коса» — известный поэтический штамп). В русской культуре этот вид женской прически является символом девичества, молодости, красоты и чистоты [Михалева 2011]. Плетение кос в русской культурной традиции считалось бережным действием, с которым связаны задачи сохранения и преумножения блага хозяйки косы [Славянские древности 1999].

Блузка на девушке белого цвета. Белый — это сильный цветовой символ. Белый цвет относится к цветам, имеющим коммуникативную (устанавливающие те или иные связи между элементами), символическую (указывающие на предмет, явление, сущность) и выразительную (передающие и вызывающие эмоции) функции [Кошеренкова 2015: 158]. Общая семантика белого в русской культуре такова: это цвет красоты, невинности, любви, символ чистоты и благородства [Потебня 2007]. В христианстве белый цвет есть символ божественного нетварного света [Дюпина и др. 2013].

В нижней части изображена черная лента с желтыми полосами по краям и текстом, набранным крупными буквами желтого цвета. Такая лента является в русской традиции символом траура и скорби (в описании обрядово-похоронных предметов о ритуальной ленте прямо сказано: «Цвет ленты: Черный. Цвет надписи: Золото. Текст крупный» [http://www.venki-spb.ru/funeral_tape]).

Изображение черепа на траурной ленте символизирует не смерть как таковую; в эмблематике череп прежде всего — символ опасности, призванный устрашать (в нашей стране эмблема черепа, как знак, предупреждающий об опасности, применялась техническими службами: череп изображался на бутылках с ядовитыми веществами, на складах боеприпасов и пр.) [Вовк 2006].

Вербальные элементы: *Отделение Северного Кавказа — залог свободы и прогресса* — высказывание в форме простого подлежащно-сказуемого предложения, где *отделение* является подлежащим (субъект), *залог свободы и прогресса* — группа сказуемого (признак). В соответствии с Грамматикой-80, в таких предложениях признак не заключен в субъекте, а устанавливается на основании его различных связей и сопоставлений. Анализируемое предложение относится к семантической подгруппе «отношения между подлежащим и сказуемым — отношения порождающего и порождаемого: признак предстает как некое следствие, порождение, результат» [Грамматика 2005: 278–292], в котором признак «залог свободы и прогресса» представлен как следствие, **результат** действия *отделения*, выраженного глагольным именем, образованным от глагола *отделить*. Семантика слова *залог* ('обеспечение чего-либо') актуализирует смысл «единственно возможного **способа**» получить нужный результат. Таким образом, смысловое значение анализируемого предложения таково: 'для того чтобы были свобода и прогресс

[в России], необходимо отделить Северный Кавказ от Российской Федерации'. Семантика глагола *отделить* ('разъединить, обособить') не включает оценки действия как насильственного или агрессивного, однако необходимость совершения «отделения» создает **имплицитный призыв** добиваться этого отделения какими-либо способами.

Непосредственно по фону спины девушки в белой одежде расположена надпись *Россия кавказская пленница* — высказывание в форме простого двусоставного предложения, где *Россия* является подлежащим (субъект), а *кавказская пленница* — сказуемым (признак). В таких предложениях «осуществляется идентификация (в широком смысле) субъекта с кем-либо или чем-либо» [Грамматика 2005: 279], при этом «значение идентификации непосредственно смыкается с установлением сущности субъекта» [Грамматика 2005: 279] и выражает характеристику, оценку субъекта. Таким образом, анализируемое предложение актуализирует смысл: 'Россия находится в плену у Северного Кавказа, т. е. является захваченной Северным Кавказом'.

Использованная в плакате фраза включает прецедентный текст — «кавказский пленник». Номинация *кавказская пленница* отсылает, на наш взгляд, не к названию известной комедии Л. Гайдая, а к художественному произведению, известному еще из школьной программы, — рассказу Л. Толстого «Кавказский пленник», повествующему о русском офицере в плену у горцев (1872 г.). В свою очередь название рассказа является, как известно, отсылкой к названию поэмы Пушкина «Кавказский пленник». Сложные интертекстуальные связи между пушкинским и толстовским произведениями (Ермолов у Пушкина «губил, ничтожил племена», за что Пушкина осуждали современники. Жилин у Толстого понимает, за что горцы не любят русских, а чеченцы уважают Жилина) вряд ли находятся в актуальном поле сознания современного пользователя социальной сети. Скорее всего, в анализируемом плакате использование прецедентного текста является «всего лишь» рекламным приемом — привлечением внимания к теме плаката (см.: [Басова 2007]).

На траурной ленте размещена надпись *Свобода или смерть!* — высказывание в форме альтернативной конструкции, имеющей символическое значение девиза. Девиз «Свобода или смерть!» известен в истории России как политический лозунг террористической группы Льва Тихомирова (1879 г.), трактующийся как «будем

свободны или умрем». Здесь, по-видимому, это высказывание использовано с риторической целью — усилить экспрессию, что характерно для альтернативного высказывания в принципе, тем более, когда в качестве альтернативных компонентов выступают лексемы, имеющие антонимическую природу: свобода (включающая жизнь как условие) и смерть (в которой не может быть свободы как таковой). *Свобода* в данном случае означает жизнь в России без Северного Кавказа в ее составе, а *смерть* означает конец России, если Северный Кавказ останется в ее составе.

Вербально-визуальное взаимодействие формирует тему плаката — *требование отделения Северного Кавказа от Российской Федерации*. Плакат, таким образом, может трактоваться как политический плакат, в котором использована художественная метафора: Россия в образе отвернувшейся от зрителя девушки, «украшенной» со спины траурной лентой, как будто подготовленная к похоронному обряду.

Общий смысл плаката складывается как комплекс коммуникативных действий:

1) констатация негативно оцениваемого положения дел: Россия в плену у Северного Кавказа, у его представителей;

2) описание выхода из создавшегося положения: единственным способом для России получить свободу является отделение Северного Кавказа;

3) прогноз и метафорическое описание ситуации, в которой России грозит гибель, при невыполнении (2).

Таким образом, формируется идея смертельной опасности для России, исходящей от Северного Кавказа.

Общая семантика вербальных компонентов плаката имеет констатирующий характер, описывающий положение дел и прогнозирующий будущее при сохранении существующего положения дел. Визуальная составляющая плаката не содержит признаков «угрозы совершения агрессивных, насильственных, жестоких действий», поскольку эти действия никак не называются. Общее смысловое содержание плаката выводится из взаимосвязи двух метафорических конструкций: визуальной метафоры (траурная лента) и вербальной метафоры (прецедентный текст «кавказская пленница»).

Можно заключить, что вербально-визуальное взаимодействие элементов плаката направлено на формирование враждебного отношения к представителям Северного Кавказа и, таким

образом, в плакате имплицитно реализован коммуникативный сценарий призыва к освобождению России от этого региона.

Таким образом, для выработки методики выявления и анализа коммуникативного сценария призыва в поликодовом массмедийном тексте представляется важной оценка таких текстов с точки зрения баланса вербального и визуального компонентов, поскольку именно от удельного веса того или иного компонента зависит необходимая степень дискретности анализируемых элементов. Сказанное приобретает особое значение еще и в силу того факта, что поликодовый массмедийный текст, исследуемый в рамках лингвистической экспертизы, должен рассматриваться с привлечением культурологического анализа визуальных коммуникативных практик. По сути, выявление и анализ коммуникативного сценария призыва в таком тексте имеет характер комплексной экспертизы под коммуникативным углом зрения.

Литература

- Баранов, Паршин 1989 — А. Г. Баранов, П. Б. Паршин. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемии // Проблемы эффективности речевой коммуникации: Сб. науч.-аналит. обзоров. М.: ИНИОН, 1989. С. 41–115.
- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта — Наука, 2007.
- Басова 2007 — Н. А. Басова. Организация текста в политическом плакате // Вестник Челябинского государственного университета 13, 2007. С. 25–27.
- Вовк 2006 — О. В. Вовк. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. (<http://www.senicheff.ru/articles/symbols/skull>)
- Гарфинкель 2007 — Г. Гарфинкель. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
- Грамматика 2005 — Н. Ю. Шведова (глав. ред.). Русская грамматика. М.: ИРЯ РАН, 2005. Репринт изд. 1980 г.
- Дюпина и др. 2013 — Ю. В. Дюпина, Т. В. Шакирова, Н. А. Чуманова. Форма и содержание цветовой символики // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук 1, 2013. (<http://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-soderzhanie-tsvetovoy-simvoliki#ixzz46fmNiFbo>)
- Кожевникова, Осадчий 2012 — Е. А. Кожевникова, М. А. Осадчий. Креолизованный текст как объект судебно-лингвистической экспертизы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств 19–1, 2012. С. 22–28.

- Колтышева 2008 — Е. Ю. Колтышева. Креолизованная диктема как структурно-смысловой элемент рекламного текста // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова 1, 2008. С. 168–176.
- Кошеренкова 2015 — О. В. Кошеренкова. Символика цвета в культуре // Аналитика культурологии 2 (32), 2015. С. 156–162.
- Матвеева 1984 — Г. Г. Матвеева. Актуализация прагматического аспекта научного текста. Ростов-на Дону: Издательство Ростовского университета, 1984.
- Минский 1979 — М. Минский. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
- Михалева 2011 — А. Михалева. Визуальная культура девичества // Аналитика культурологии 20, 2011. (<http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/723-visual-culture-nee.html>)
- Потебня 2007 — А. Потебня. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2007.
- Славянские древности 1999 — Н. И. Толстой (ред.). Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 616–618.
- ФЗ РФ — Федеральный закон «Об оружии» (150-ФЗ). Статья 6. Ограничения, устанавливаемые на оборот гражданского и служебного оружия. (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/)
- Шляхов 2013 — В. И. Шляхов. Речевая деятельность: Феномен сценарности в общении. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- Штудинка 2001 — Ф. Штудинка. Эфемероиды — коллекция плакатов Музея дизайна в Цюрихе // Журнал «Как» 2 (16), 2001. (<https://web.archive.org/web/20160304124127/http://kak.ru/magazine/16/a293/>)
- Schank, Abelson 1977 — R. C. Schank, R. Abelson. Scripts. Plans, Goals, and Understanding. Hillsdale — NJ: Earlbaum Assoc., 1977.

П. А. Катъшев, С. В. Оленев

*Институт перспективных исследований МПГУ, Москва — ФГБОУ ВПО
«Кемеровский государственный университет», Кемерово, ФГБОУ ВПО
«Кемеровский государственный университет», Кемерово*

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ВОВЛЕЧЕНИЕМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ¹

Исследование вовлечения как социального феномена, имеющего отношение к попыткам открытых (инклюзивных)² нелегальных групп³ (например, экстремистских и террористических сообществ) приобщить к своей деятельности представителей аут-групп и сплотить вокруг себя множество своих членов, обычно осуществляется в рамках комплексных экспертиз, предполагающих совместные усилия специалистов из нескольких областей знания, в том числе из области лингвистики. Это подтверждает факт междисциплинарности категории вовлечения.

Практика показывает, что обращение к процедурам лингвистического анализа для доказательства того злоупотребления, которое осуществляется нелегальными группами посредством манипуляции интерактивной стороной общения, предполагает расширенное понимание вовлечения. При этом важно учитывать то обстоятельство, что вовлечение в качестве аналитической категории, используемой в рамках таких направлений лингвистики, как интеракционная социолингвистика, дискурс-анализ, этнография речи, не рассматривается в связи с задачами правоприменения, а потому, чтобы соответствовать им, нуждается в дополнительном осмыслении.

¹ Работа была поддержана грантом Международной грантовой программы 2016 г. Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета.

² Под открытой (инклюзивной) группой мы, вслед за М. Олсоном, понимаем сообщество, которое преследует какую-либо цель за счет расширения самой группы [Олсон 1995: 34].

³ В контексте данной работы под нелегальной группой понимается прежде всего такое сообщество, деятельность которого запрещена.

1. Интеракционная социоллингвистика

В интеракционной социоллингвистике необходимость введения новой категории была обусловлена изучением «живого» личного общения, а также приемов и стратегий повседневной коммуникации. Вовлечение в этих исследованиях связывается с готовностью и способностью собеседников управлять взаимодействием на основе общих языковых и социокультурных знаний; при этом активное участие в интеракции определяет успех любого коммуникативного акта [Besnier 1994a: 1770].

Одним из первых, кто ввел категорию вовлечения в понятийный аппарат дискурсивной лингвистики, был Дж. Гамперц, исследовавший дискурс-стратегии и коммуникативные сбои, сопровождающие ситуации межэтнического и межкультурного взаимодействия. В работе по дискурс-стратегиям он отмечает, что,

будучи вовлеченными в разговор, и говорящий, и слушающий должны активно реагировать на его ход, показывая друг другу свое вовлечение непосредственно с помощью слов или косвенно, через жесты и другие невербальные сигналы. Кроме того, реакция должна относиться к коммуникативному намерению говорящего, а не к буквальному значению сказанных им слов [Gumperz 1982: 1].

По мнению ученого, взаимопонимание между собеседниками также предполагает вовлечение: если в процессе разговора сохраняется интерес обеих сторон к теме, то собеседники легче обмениваются языковым и социокультурным опытом [Gumperz 1982: 2].

В процессе взаимодействия коммуниканты сопровождают свои реплики особыми вербальными и невербальными сигналами, которые адаптируют высказывание к соответствующему актуальному контексту. Это помогает поддерживать вовлечение и адекватно воспринимать намерения собеседника [Gumperz 1992: 230]. Использование данных сигналов Дж. Гамперц называет контекстуализацией, реализующейся с помощью разнообразных средств перехода коммуникации в интерактивный режим, таких как а) просодические (интонация, акцентирование, высота тона), б) паралингвистические (темп, паузирование, хезитация, конверсационная синхрония⁴) шифтеры, в) варианты языкового кода — стилистические, фонетические,

⁴ Имеются в виду случаи «защелкивания» и «наложения» реплик, т. е. их следования друг за другом без пауз, а также их одновременного произнесения.

фонологические, морфосинтактические, лексические альтернанты и варианты речевых клише. Эти сигналы применяются и воспринимаются неосознанно, автоматически; их использование обеспечивает высказыванию надлежащую интерпретацию со стороны партнеров по общению [Gumperz 1992: 231].

Стоит отметить, что работы Дж. Гамперца перекликаются с социологическими исследованиями, проводимыми ранее Э. Гоффманом. Его трактовка вовлечения основывается на социальной подоплеке этого феномена: «Быть вовлеченным во взаимодействие — значит поддерживать своего рода когнитивное и эмоциональное внимание на взаимодействии» [Goffman 1963: 36]. В исследовании, посвященном описанию и анализу поведения в общественных местах, Гоффман изучает различные социальные события и их воздействие на состояние вовлеченности. Он отмечает, что при анализе какого-либо события необходимо изучить социальные нормы, которые определяют индивидуальные особенности и степень вовлеченности [Goffman 1963: 36]. В целом, вовлечение — это способность человека проявлять направленное внимание на какую-либо деятельность, что подразумевает определенную близость между человеком и объектом вовлечения [Goffman 1963: 43]. Вовлечение следует описывать в рамках социальных событий, различных фаз этих событий и квалифицировать его как ситуативный социальный процесс [Goffman 1963: 43].

2. Дискурс-анализ: У. Чейф

Уоллес Чейф использует понятие «вовлечение» в контексте исследования различий между устным и письменным дискурсом. Особенность устного дискурса заключается в том, что коммуниканты должны уделять внимание как самому коммуникативному акту, так и партнерам по коммуникации, их потребностям и намерениям. В письменном дискурсе автор ставит перед собой задачу создать текст, который будет целен, самодостаточен и пройдет испытание временем [Chafe 1982: 36]. Исследователь предлагает несколько измерений, которые отличают письменный дискурс от устного. Одним из таких измерений является параметр «вовлечение/отстранение». Взяв за основу то, что письмо представляет собою деятельность, в которой непосредственная коммуникация невозможна, а говорение, как правило, происходит

в среде социального взаимодействия, автор приходит к выводу, в соответствии с которым письменная речь имеет черты отстранения, намеренного дистанцирования от предмета речи и обстоятельств общения, что контрастирует с интимизирующими тенденциями, отличающими разговорный язык [Chafe 1985: 105]. Будучи вовлеченными в разговор, коммуниканты поддерживают зрительный контакт; говорящий может оценивать эффект, производимый речью, корректировать линию разговора, а слушающий — использовать сигналы обратной связи или уточнять информацию. В письменной речи коммуниканты разделены во времени и пространстве, вследствие чего пишущий ставит перед собой задачу создать текст, который будет целостным и самодостаточным и который смогут понять разные, а иногда и совсем не знакомые пишущему люди.

Вовлечение как важный коммуникативный параметр определяется характером участия собеседников в событии общения, что воплощается в системе шифтеров, показателей вовлеченности. Благодаря такой индексированности становится возможной аспектуализация вовлечения, выделение в нем нескольких семиотически значимых сторон: а) самововлечения говорящего, что поддерживается употреблением оборотов с местоимениями первого лица, выражающими причастность адресанта к теме беседы (*я думаю, мы сделали, я скажу* и т. п.); б) взаимного вовлечения говорящего и слушающего, которое устанавливается по использованию местоимений второго лица, фатических элементов типа *да... ,... да?*, *а, угу*, речевых клише типа *знаете ли, ... спрашивается?, ... понимаешь?*, обращений к собеседникам, вопросов и т. п.; в) вовлечения говорящего в ту реальность, о которой он говорит, что обеспечивается, в частности, включением во фразу временных и пространственных наречий, наречных оборотов и других выражений, подчеркивающих близость контекста субъекту речи [Chafe, Danielewicz 1987: 19–23] (см., например, приоритетное использование сокращенных названий книг⁵, свидетельствующее о близости общающихся общему социокультурному контексту беседы, в следующем фрагменте: М1 — *Ну вот /*

⁵ Пример взят из корпуса бесед членов террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», деятельность которой запрещена на территории РФ. Во фрагменте упоминаются названия книг, входящих в Федеральный список экстремистских материалов: «Социалка» (= «Социальная система ислама»), «Экономическая система» (= «Экономическая система в исламе»), «Личности» (= «Исламская личность»).

*у нас две книги осталось / считай // Эту книгу заканчиваем [изучать]...
М2 — А еще «Социалка» / «Экономическая система» / «Личности» //).*

3. Дискурс-анализ: Д. Таннен.

Продолжателем идей У. Чейфа является Д. Таннен. На протяжении нескольких лет Д. Таннен и У. Чейф совместно исследовали проблему вовлечения, что позволило им дополнить друг друга в научном объяснении искомого феномена [Chafe, Tannen 1987]. Так же, как и У. Чейф, Д. Таннен исследует вовлечение в контексте соотношения устного и письменного дискурсов. Кроме того, она предлагает две гипотезы для учета различий между устной и письменной речью: гипотезу контекстуализации и гипотезу когезии.

Согласно гипотезе контекстуализации, устный дискурс теснее связан с обстоятельствами коммуникации, чем письменный. Объясняется это тем, что в процессе устной коммуникации говорящий может в любой момент обратиться к контексту беседы, так как коммуниканты не разделены во времени и пространстве. Говорящий имеет возможность использовать косвенные речевые акты или выражать свои мысли имплицитно, поскольку слушающий может задать вопрос. Собеседники обычно имеют общее социальное окружение и представления о мире, а также располагают известными обоим историями. Напротив, письменный дискурс в большей степени независим от контекста; коммуниканты разделены во времени и пространстве; у них отсутствует общий контекст коммуникации, к которому они могут обратиться; их социальное окружение может быть различно; невозможно уточнение информации [Tannen 1985: 128].

Согласно гипотезе когезии, отличие устного дискурса от письменного состоит в средствах передачи связности. В устном дискурсе когезия достигается с помощью паралингвистических и просодических средств, в письменном — средства связности лексикализуются. В любом случае все упомянутые вербальные и невербальные элементы демонстрируют отношение говорящего к сообщению и задают связь, т. е. передают отношения между идеями, подчеркивают относительную значимость, выдвигают или, напротив, имплицитируют определенную информацию и т. д. [Tannen 1985: 130–131].

Д. Таннен приходит к выводу относительно различий письменного и устного дискурса, очень близкому идеям У. Чейфа. По убеждению исследователя, дискурс, в котором значения и отношения

выражены невербально, можно определить как устный, по преимуществу использующий интерперсональные стратегии. Эти стратегии основываются на межличностном вовлечении, поскольку восстановление невыраженной информации и отношений между предложениями, а также выведение какого-либо умозаключения из тембра голоса и других паралингвистических средств требуют от слушающего готовности разделить с говорящим предварительный коммуникативный опыт, предполагают наличие у партнеров общих фоновых знаний, вынуждают слушателя произвести над собой некоторую работу для того, чтобы достигнуть состояния вовлеченности. Напротив, дискурс, который стремится к лексикализации значений и отношений между предложениями, является либо письменным, либо таким, который использует стратегии письменной речи. Иными словами, лексикализация смещает фокус внимания на сообщение, а потому в меньшей степени активизирует у читателя знания общего социального контекста, а также работу органов чувств [Tannen 1985: 131–132].

Учет особенностей устной и письменной речи предопределил разработку понятия «стратегия вовлечения» как аналитической категории, обозначающей то, каким способом общающиеся интегрируются в интерперсональный коммуникативный контекст, или, иначе, достигают «эмоционального состояния родства, связывающего его носителя с другими людьми, а также с местами, вещами, действиями, идеями, воспоминаниями и словами» [Tannen 2007: 27]. В оперировании категорией «стратегия вовлечения» заключена, таким образом, установка на распредмечивание того, как говорящий и слушающий реализуют фактор «другого» в процессах речепорождения и речевосприятия. В этой связи исследователь обращает внимание на разноуровневый состав способов вовлечения, разделяя его на стратегии звукового и смыслового уровней. К звуковым стратегиям автор относит использование ритма (ритмической и иконической согласованности речевого поведения общающихся), структур, основанных на повторе и вариативности различных единиц языка (фонем, морфем, слов, словосочетаний), а также фигур речи (анафоры, параллелизма, анадиплосиса и т. д.). Смысловые стратегии предполагают актуализацию косвенных высказываний, эллипсированных конструкций, тропов, фраз с разной степенью детализации описываемого и т. д. [Tannen 2007: 32].

4. Этнография речи

Этнографические работы, с одной стороны, подвели исследование вовлечения к осознанию важности той роли, которую играет социокультурный контекст в реализации и декодировании дискурс-стратегий, а с другой — породили сомнения в универсальности данной категории как аналитического конструкта. В статье [Besnier 1994b] вовлечение рассматривается в качестве момента эмоциональной приверженности к кому-либо / чему-либо, опосредованного национально специфическими формами взаимодействия и соотнесенного с экстралингвистическим контекстом. В частности, мысль о значимости социального контекста для понимания установки на вовлечение иллюстрируется на примере *баразы* (формы проведения митинга, практикующейся в Кении). Ее участники (оратор и аудитория) используют одну и ту же манеру взаимодействия при различии в социокоммуникативных целях. При этом сама интеракция демонстрирует достаточно высокую степень вовлеченности, характеризуясь последовательностями вопросов и ответов, призывов и поддерживающих хлопков, звучащих в унисон, обилием подхватывающих повторов и параллельных конструкций. В этой слаженной системе соотносимых реплик одна сторона формирует политическую реальность, т. е. оказывает давление на подчиненную группу, заставляя ее выкрикивать слова одобрения явно непопулярных мер (автор приводит в пример митинг в поддержку сухого закона, организованный среди мелких торговцев пивом и фермеров, поставляющих сахарный тростник — сырье для алкогольных напитков). В свою очередь, другая сторона, поддерживая на словах инициативы правительства, имеет куда более сложное намерение, чем это может показаться. Для аудитории важно не столько скрыть свое отношение к действиям власти, сколько продемонстрировать ей свою лояльность, представить в лучшем свете свою территорию и разделить с правящими кругами ту веру в стабилизирующую роль правительства, которая способствует сдерживанию социального хаоса. Вместе с тем, автор признает, что точный статус вовлечения остается открытым вопросом: либо это психологическая категория с неявной претензией на универсальность, либо это категория, значимая для описания разнообразных коммуникативных культур. Хотя во всех культурах психологическая связь между общающимися является

необходимым условием для эффективной коммуникации, характер и степень этой необходимой психологической связи существенно отличаются в разных группах и подгруппах внутри сообществ.

Итак, интеракционная социолингвистика соотносит понятие вовлечения с готовностью и способностью субъектов принимать активное участие во взаимодействии на основе общих, разделяемых языковых и социокультурных знаний и имеет дело с наблюдаемым состоянием нахождения в интеракции, отличным от простого совместного присутствия (Дж. Гамперц). В дискурсе-анализе вовлечение — это один из функционально-языковых параметров, характеризующий такой семиотически маркированный тип участия в коммуникативном событии, который предполагает по преимуществу наличие между собеседниками непосредственного контакта во времени и пространстве (У. Чейф), некоей душевной связи, достигаемой людьми в общении и соединяющей их с событиями и обстоятельствами (Д. Таннен). В этнографии речи вовлечение рассматривается прежде всего через национально и социально маркированные формы взаимодействия (Н. Бесниер). Можно убедиться в том, что лингвистов обычно интересует наблюдаемая скоординированность коммуникантов, которая описывается через разноуровневый репертуар средств параллелизма, одновременности и контекстуализации как знаков близости общающихся, их общей погруженности в ситуацию и более широкий контекст.

Традиции использования искомого понятия в других, прежде всего, общественных науках, таких как юриспруденция и социальная психология, указывают на то, что вовлечение может рассматриваться как постепенный, протяженный во времени и устойчивый процесс, настраивающий и поддерживающий состояния готовности индивидов действовать в соответствии с интересами включающей их группы и вопреки возможным издержкам. Так, в юриспруденции понятийным ядром категории вовлечения выступает идея целенаправленной деятельности, ориентированной на формирование у объекта воздействия решимости или готовности участвовать в совершении общественно опасного деяния, т. е. таких поведенческих состояний, которые приводят индивида к совершению конкретных действий, реализующих преступный умысел, и к осознанию им фактической стороны деяния [Селиванова 2010]. В социальной психологии вовлечение — одна из сторон психологического воздействия,

связанная с условиями и способами попадания в группу и нахождения в ней [Асланян 2008; Зинченко и др. 2011; Савиченко 2006].

Очевидно, что практика выполнения судебной лингвистической экспертизы по делам с соответствующим криминальным составом согласуется с социально-психологической ипостасью изучаемого феномена, содержащего в себе ссылку на идею злоупотребления интеракцией нелегальной группой [Катышев 2015; Катышев, Кильдибекова 2015]. В этих условиях особую актуальность приобретает критическая методология, многообразием собственных версий уже зарекомендовавшая себя при осуществлении лингвистических экспертиз по делам с другими составами (распространение порочащих сведений, совершение клеветы, оскорбления, преступлений экстремистского характера и т.д.), представленная в работах экспертологической направленности ([Араева, Осадчий 2014; Баранов 2007; Бринев 2009; Голев 1999; Осадчий 2012; Хазимуллина 2012] и др.) и все больше приобретающая статус институционализованного занятия, регламентированного стандартами, формализованными процедурами и требованиями ([Аблин 2015; Бринев 2009; Голев 2014; Осадчий 2012] и др.). В общем случае экспертные исследования, придерживающиеся критической методологии, предполагают выход в междисциплинарную сферу и берут за основу идею о системной мотивированности языка и речи как откликов на запросы социальной (связанной со структурой организации, с ее правовым статусом) и когнитивной (связанной с процессом воздействия на сознание и поведение) надсистем.

В рамках критического подхода понятие вовлечения нуждается в пересмотре, т. к. не отвечает исключительно тем представлениям, которые сложились о нем в пределах разрозненных научных парадигм. Отправным здесь будет выступать представление о вовлечении как **о несимметричном процессе, осуществляемом в дискурсивных формах членами ин-групп как по отношению к самим себе, так и по отношению к членам аут-групп (вовлечение первичных аудиторий)**. В таком процессе сторона-инициатор формирует и приводит в действие готовность участников коммуникации к совершению согласованных поступков, актуализуя у них состояние сопричастности, сопереживания, симпатии, необходимого соблюдения принимаемых социальных обязательств

и интеракциональных конвенций⁶, разделения ответственности с группой, заинтересованности в совместном достижении поставленных целей, принадлежности к одной и той же этнической, культурной, социальной или конфессиональной общности и т. д. При этом вовлекаемые лица могут доводиться до состояния осознанного совершения таких поступков, которые сами по себе будут противоправными деяниями, влекущими за собой негативные последствия для их агентов. Движущей силой вовлечения становится доминирование иницилирующей стороны, ее стремление сформировать последователей для проведения нелегальных действий. Формирование будущего члена нелегальной группы осуществляется в значительной степени дискурсивным путем, например, через личные беседы, обучающие мероприятия, дидактические материалы, дискуссии, конференции, периодические издания, журнальные публикации, прокламации, тексты религиозно-идеологического характера, размещение информации в социальных сетях и т. д.

Такое разнообразие дискурсов вовлечения, осмысляемое сквозь призму критической методологии, обуславливает необходимость сформулировать ряд положений, которые учитываются нами при проведении лингвистической экспертизы.

1. Вовлечение как организованный дискурсивный процесс постепенно, т. е. проходит через ряд стадий, реализация которых предполагает использование приемов низкой, средней и высокой степени вовлечения, стимулирующих у аудитории ответные действия, различные по уровню осмысленности, автоматизма, подготовленности, исполнительской сложности.

2. Вовлечение ситуативно, т. е. зависит от группы, от социального статуса ее членов, их ролей, форматов коммуникации, форм общения и некоторых других обстоятельств.

⁶ Примечательно, что в плане вовлечения в коммуникацию некоторые типы письменных текстов (например, художественные тексты) требуют от адресата быть «ультракооперативным», послушным, всегда готовым повиноваться собеседнику», поскольку в этих коммуникативных форматах читатель «в обязательном порядке принимает знание, перемещаемое автором в его когнитивное множество» [Йокояма 2005: 108]. Такой взгляд на общение посредством письменного текста несколько смягчает жесткость противопоставления устной и письменной речи по параметру «вовлечение / отстранение», принятому в дискурс-анализе.

3. Вовлечение не одноразовая акция, а то, как обычно поступают члены организации, обеспечивая постоянство и жизнеспособность объединения.

4. Эффект вовлечения не вытекает из какого-то одного речевого действия, а складывается из совокупности сменяющихся во времени коммуникативных событий.

5. Обычно вовлечение интердискурсивно, т. е. реализуется за счет совмещения нескольких дискурсивных практик — маркетингового, управленческого, дидактического, религиозного, политического, бытийного дискурсов.

6. Вовлечение имеет метадискурсивный характер. Оно реализуется на базе типичных устных интеракций и/или текстотипов, относящихся к разным дискурсам (религиозным, идеологическим, дидактическим и т. д.), но обладающих рядом общих когнитивных, коммуникативно-прагматических, структурных и лингвистических признаков, соответствующих функционально-смысловому полю инклюзивности. Данное поле состоит из комплекса языковых, речевых и коммуникативно-семиотических средств, именуемых в работах по лингвопрагматике дискурс-стратегиями вовлечения.

7. Вовлечение в деятельность нелегальной организации — это социальный фрейм, постоянно аккумулирующий вокруг себя сумму представлений о структуре и системе знаний, необходимую для воспроизводства инклюзивного воздействия. В этом образовании можно выделить несколько уровней коммуникативно ориентированной системы, по которым условно распределяются типизированные представления о вовлечении — а именно, знания:

а) об особенностях социокоммуникативного контекста, задающего общие идеологические координаты во взаимодействии группы с внешней и внутренней средой;

б) о стадиях реализации инклюзивного воздействия, определяющих тип адресанта и адресата, формы их взаимодействий в зависимости от решаемых задач формирования сообщества, совместного совершения деятельности, создания образа организации, выхода на более широкую аудиторию;

в) о дискурсивном строе как конфигурации типов и форм дискурсов, а также стратегий их воплощения.

8. Экспертное исследование вовлечения опирается на методологию, располагающую различными аналитическими процедурами

в зависимости от стадий, форматов и форм вовлечения, интересов и квалификации исследователя, его понимания пределов лингвистической компетенции и других параметров исследовательского контекста.

Литература

- Аблин 2015 — М. В. Аблин. Теоретико-методологическое обоснование лингвистической экспертизы по делам об экстремизме. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Башкирский государственный ун-т, Уфа, 2015.
- Араева, Осадчий 2014 — Л. А. Араева, М. А. Осадчий. Языковая личность экстремиста (о специфике автороведческой экспертизы по криминальным проявлениям экстремизма) // Н. Д. Голев, Н. Н. Шпильная (ред.). Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 533–544.
- Асланян 2008 — В. Ю. Асланян. Эмпирическое выделение критериев оценки деструктивности психологического воздействия в процессе профессиональной деятельности служителей религиозных культов // Сибирский психологический журнал 28, 2008. С. 69–74.
- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта — Наука, 2007.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. Барнаул: АлтГПА, 2009.
- Голев 1999 — Н. Д. Голев. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1999. С. 11–58.
- Голев 2014 — Н. Д. Голев. Юрислингвистика // А. П. Сковородников (ред.). Эффективное речевое общение (Базовые компетенции): Словарь-справочник. Сибирский федеральный университет., 2014. С. 772–773.
- Зинченко и др. 2011 — Ю. П. Зинченко, Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова. Террористический акт как экстремальная ситуация в обществе рисков // Национальный психологический журнал 2 (6), 2011. С. 98–111.
- Йокояма 2005 — О. Б. Йокояма. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Катъшев 2015 — П. А. Катъшев. Арготизация и ее результаты в фокусе критического дискурс-анализа вовлечения // Лингвистика как форма жизни. Вып. 4. Кемерово: Практика, 2015. С. 45–60.
- Катъшев, Кильдибекова 2015 — П. А. Катъшев, Б. Е. Кильдибекова. Вовлечение с позиций риторической критики // Вестник Кемеровского государственного университета 4–4 (64), 2015. С. 89–96.
- Олсон 1995 — М. Олсон. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995.
- Осадчий 2012 — М. А. Осадчий. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Кемеровский государственный ун-т, Кемерово, 2012.

- Савиченко 2006 — И. А. Савиченко. Психологическое состояние личности, способствующее ее вовлечению в тоталитарные неокульты (секты) // Вопросы криминалистики и судебных экспертиз. Сибирский юридический вестник 3 (30), 2006. С. 82–86.
- Селиванова 2010 — М. А. Селиванова. К вопросу о понятии вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Известия Иркутской государственной экономической академии 2 (70), 2010. С. 146–149.
- Хазимуллина 2012 — Е. Е. Хазимуллина. Лингвистическая экспертиза текстов с имплицитным содержанием. (http://siberia-expert.com/statji/khazimullina_2012.pdf)
- Besnier 1994a — N. Besnier. Involvement // R. E. Asher et al. (eds.). *Encyclopedia of language and linguistics*. Vol. 4. Oxford: Pergamon Press, 1994. P. 1770–1772.
- Besnier 1994b — N. Besnier. Involvement in linguistic practice: An ethnographic appraisal // *Journal of Pragmatics* 22, 1994. P. 279–299.
- Chafe 1982 — W. Chafe. Integration and Involvement in Speaking, Writing, and Oral Literature // D. Tannen (ed.). *Spoken and Written Language: Exploring Orality and Literacy*. Norwood, NJ: Ablex, 1982. P. 35–53.
- Chafe 1985 — W. Chafe. Linguistic Differences Produced by Differences between Speaking and Writing // D. R. Olson, A. Hildyard, N. Torrance (eds.). *Literacy, Language, and Learning*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 105–123.
- Chafe, Danielewicz 1987 — W. Chafe, J. Danielewicz. Properties of Spoken and Written Language // R. Horowitz, S. J. Samuels (eds.). *Comprehending Oral and Written Language*. San Diego: Academic Press, 1987. P. 83–113.
- Chafe, Tannen 1987 — W. Chafe, D. Tannen. The Relation between Written and Spoken Language // *Annual Review of Anthropology* 16, 1987. P. 383–407.
- Goffman 1963 — E. Goffman. Behavior in public places // *Notes on the social organization of gatherings*. New York: Free Press of Glencoe, 1963.
- Gumperz 1982 — J. Gumperz. Discourse Strategies // J. Gumperz (ed.). *Studies in Interactional Sociolinguistics*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Gumperz 1992 — J. Gumperz. Contextualization and Understanding // A. Duranti, C. Goodwin (eds.). *Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 229–252.
- Tannen 1985 — D. Tannen. Relative focus on involvement in oral and written discourse // D. R. Olson, N. Torrance, A. Hildyard (eds.). *Literacy, language, and learning: The nature and consequences of reading and writing*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 124–147.
- Tannen 2007 — D. Tannen. *Talking voices: Repetition, dialogue, and imagery in conversational discourse*. 2nd Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Э. П. Лаврик

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

МАРКЕРЫ ИМПЛИЦИТНЫХ ПРИЗЫВОВ В СПОРНОМ ТЕКСТЕ

В современных условиях активизации социально-экономических и социально-политических кризисов, глобализации деятельности экстремистских организаций все более актуальным становится поиск средств противодействия экстремизму, в том числе надежных с научной точки зрения способов выявления и квалификации его признаков. Важным показателем того, что речевое произведение следует рассматривать в категории дел, связанных с противодействием экстремизму, является наличие в нем призывов.

Анализ призыва как речевого действия требует решения вопроса в рамках лингвистической прагматики, научную основу которой составляет теория речевых актов. В предложенной Дж. Р. Сёрлем классификации речевых актов призыв описывается в классе директивов (императивов) — речевых актов, имеющих целью побудить адресата делать или не делать что-либо (в данный класс включаются также просьбы, советы, запреты, инструкции и т. д.). [Сёрль 1986а]. Важным в теории Сёрля для прагматического анализа речевых действий является разделение речевых актов на прямые и косвенные [Сёрль 1986б].

Одно из направлений лингвоэкспертной деятельности — идентификация общественно-значимых призывов, среди которых наиболее важное место как объект исследования занимают призывы экстремистской направленности.

Призыв является особым типом речевого акта (далее — РА), коммуникативное назначение которого описывается известной формулой, предложенной А. Вежбицкой, — «Я хочу, чтобы ты сделал *P*» [Вежбицка 2007]. Призыв удовлетворяет следующим условиям РА: а) акт собственно произнесения предложения (локутивный акт); б) пропозициональный акт (включающий акт референции, т. е. привлечение в зону рассмотрения определенных объектов, и

акт предикации, т. е. приписывание свойств этим объектам); в) иллокутивный акт, т. е. реализация коммуникативного намерения говорящего.

Условия успешности РА призыва наиболее полно сформулированы А. Н. Барановым:

- 1) речевой акт призыва представляет собой описание будущих действий адресата, рассматриваемых как часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов;
- 2) адресат в состоянии совершить действие, о котором идет речь;
- 3) действие, о котором идет речь, не выполнено и желаемое положение дел отсутствует;
- 4) говорящий и адресат являются политическими субъектами или лицами, их представляющими;
- 5) речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации;
- 6) ни говорящий, ни адресат не считают очевидным, что действие будет совершено адресатом без соответствующего РА говорящего;
- 7) говорящий действительно хочет, чтобы действие было совершено ради достижения идеалов [Баранов 2007: 419–420].

РА призыва экстремистской направленности представляет собой часть общественно-политической коммуникации [Баранов 2007: 420], поэтому можно говорить о том, что иллокутивная цель такого призыва — изменение существующего положения дел.

Грамматические особенности экстремистского призыва в целом не отличаются от призывов других типов, поэтому наряду с выявлением морфологических форм и синтаксических структур эксплицитных призывов следует прежде всего учитывать лексическое наполнение данных структур.

Среди используемых в призывах лексических средств наиболее частотны:

⇒ эмоционально-оценочные лексемы с прямым значением оценки: *кафиры, мунафики, муртады, русня, воры, свиноеды*;

⇒ оценочные лексемы в составе словосочетаний: *произвол чиновников, продажные западные демократы; Бейте этих чертей не русских, спустившихся с гор на нашу землю, которые как баранов пасти ничего не могут больше*¹ (орфография и пунктуация оригинала сохранены);

¹ Языковой материал извлечен из текстов, послуживших объектом исследования экспертов Центра лингвистических экспертиз и тестирования по русскому языку Северо-Кавказского федерального университета.

⇒ инвективная лексика: *Не покупай у черных; против Кремля-ди, подонков-недоносков, русские суки, Черный — это мразь!*

В настоящее время наиболее частотны экстремистские призывы и негативные оценки по этноконфессиональному признаку. Негативно-оценочные лексемы в таких контекстах выступают субститутами этнических или конфессиональных наименований: *русские — оккупанты — агрессоры.*

В отличие от прямых (эксплицитных) призывов имплицитные (косвенные, скрытые) призывы, имеющие ту же цель, что и прямые, реализуют коммуникативное намерение иным способом. В реальной коммуникации не все компоненты РА призыва вербализуются, что может быть сознательной установкой автора. Сейчас одним из наиболее частотных объектов исследования по делам о противодействии экстремизму и терроризму являются видеообращения участников террористической деятельности. Стремление завербовать новых членов в свои ряды диктует различные способы вовлечения в деятельность экстремистских организаций, поэтому появляются тексты, в которых коммуникативные намерения являются скрытыми, завуалированными, что позволяет распространить данные обращения на более широкую аудиторию (прежде всего в сети Интернет). В имплицитном (скрытом) призыве исследователями отмечается отсутствие одного или нескольких вербализованных компонентов речевого акта призыва [Осадчий 2013; Хазимуллина 2015]. Скрытые призывы включают импликацию дискурса.

Появление импликаций дискурса в высказываниях, содержащих скрытые призывы, обуславливается двумя причинами: 1) пресуппозицией; 2) предтекстом. В первом случае адресат, проходя через цепочку умозаключений, извлекает дополнительные имплицитные пропозиции из соотношения информации, содержащейся в высказывании, с общим фондом человеческого знания: *Кондопогу в каждый дом! Наши цели едины! Русь будет Белой!*. Понятие «Кондопога» после вызвавших широкий общественный резонанс событий, произошедших в 2006 году в карельском городе Кондопоге, ассоциируется у носителей определенного социолингвокультурного сообщества с межэтническими конфликтами. Не случайно топоним *Кондопога* стал принадлежать категории прецедентных имен и упоминается как маркер межэтнического конфликта «без расшифровки»; см., например, название статьи

о конфликте на этнической почве в ставропольском выпуске газеты «Комсомольская правда»: *Как казаки без «Кондопоги» обошлись.*

Примером использования пресуппозиции в имплицитно выражаемом призыве может служить упоминание в позитивном ключе понятий и обозначений, имеющих юридическую оценку, таких как *Имарат Кавказ* (8 февраля 2010 г. Верховный суд РФ по заявлению Генпрокуратуры запретил деятельность Имарата Кавказ в России, признав ее террористической, ИГИЛ и т. д.). Например, в Интернете были размещены материалы пользователя под ником *СДЕЛАЙТЕ ДУА ЗА МУДЖАХЕДОВ/ИМАРАТ КАВКАЗ*. В имени пользователя содержится публичный призыв к осуществлению террористической деятельности, поскольку в нем упоминается террористическая организация, добивающаяся своих целей преимущественно посредством ведения террористической войны. В этом контексте весь текст, размещенный пользователем с данным ником, можно рассматривать как косвенный публичный призыв к осуществлению террористической деятельности.

Другой способ восполнения имплицитного смысла высказывания связан с общим фондом знаний говорящего и слушающего, возникающим в процессе данного конкретного акта коммуникации, то есть импликатура восстанавливается слушателем из предшествующего контекста («предтекста»): *Американцы подлежат уничтожению* (данной фразе предшествует рассказ об американских бомбежках в Сирии).

Не всегда такое деление импликатур на дискурсивно-обусловленные и контекстуально-обусловленные может быть достаточно четким, так как между предтекстом и общим фондом знаний часто нет четких границ.

Успешное извлечение имплицитных смыслов из РА призыва возможно в том случае, если имплицитные единицы «пропущены» через языковое сознание участников акта коммуникации (пусть даже опосредованной), осознаны ими, в результате чего наблюдается понимание смысла высказывания в полном объеме.

Извлечение имплицитных смыслов с целью выявления скрытых призывов требует от эксперта высокой квалификации и системного подхода. Вуалированию смысла способствует комплекс взаимодействующих средств разных уровней языковой системы. Задача эксперта — выявить маркеры этих смыслов.

Лексическими показателями имплицитных призывов являются:

⇒ отглагольные лексемы с семантикой действия и его результата (*решение, приход, причинение, сражение, освободитель*):

- (1) *О, мусульмане, искренние рабы Аллаха, умма ждет своих освободителей, она уже изранена клеветой и кровью. Палестина, Афганистан, Ирак, Босния, Судан, Кашмир, Чечня, и другие земли, уже платят кровью за бездействие многих сынов уммы; Поистине, Умма наблюдает за вашим джихадом и битвами глазами, полными надежды!*

Из данного высказывания может быть извлечен следующий имплицитный смысл: 'умма надеется, что вы можете это сделать'. Лексема *надежда* в данном случае выполняет роль смысловой свертки [Баранов 2007: 424];

⇒ лексемы с семантикой долженствования, побуждения, запрета, ожидания (*может, должен, невозможно, обязан, подлежит*):

- (2) *Невозможно победить муджахеда, вы убиваете его и он становится шахидом, это то... к чему он стремился; Евреи-учителя немислимы в русской школе; Братья должны брать в руки оружие, прежде всего, оружие таухида; Каждый человек может идти делать истиихад;*
- (3) *Сегодня тот день, когда сыны и дочери уммы могут пожертвовать своей жизнью и имуществом ради религии Аллаха, работая чтобы освободить умму от предателей и законов неверия.*
- (4) *Однако, пока есть жилы, пульсирующие Таухидом, то надежда остается, и правление по Шариату придёт, и ты должен лишь выполнить свое обязательство — обязательство единобожника, чтобы Аллах различил между искренними и мунафиками.*

Показателями имплицитных призывов, **принадлежащими грамматическому уровню**, являются:

⇒ глаголы в форме будущего и настоящего времени, обозначающие перспективу или программу будущих действий: *Еще раз говорю: с вами в мире мы никогда не будем жить; Только те, кто сражается, войдут в рай.*

При этом образ адресата точно не определен, адресатом является любой читающий или слушающий, и для выражения косвенного призыва используются безличные предложения с модальными глаголами (*необходимо, нужно, должно, хватит*):

- (5) *Братья мусульмане, хватит терпеть, как над нами издеваются кяфиры, надо выходить на Джихад;*

⇒ условные конструкции:

- (6) *Если не будет поддержки деньгами, не будет должного результата...; ...если вы не поможете, то будет на вас ответственность, как на кафирах, воюющих с нами; Если веришь ты в Аллаха, если веришь в день суда, заключи с Аллахом сделку, преуспеешь ты тогда;*

⇒ целевые конструкции:

- (7) *Джихад нужен, чтобы удовлетворить волю Аллаха; Аллах подарил нам сильные сердца, которые способны идти. Каждый человек может идти делать истишхад (синкретичное значение придаточной части — атрибутивное и целевое);*

⇒ общеотрицательные предложения:

- (8) *Каждый человек, вступающий в кафирскую организацию, разделяет ее статус. Независимо от того, мусульманин он или нет, по Шариаху отношение к нему такое же, как и к любому другому члену этой организации. Т. е. его жизнь больше не является запретной;*

⇒ риторический вопрос:

- (9) *... если вашего брата убивают, избивают и насилуют, и его дочери изнасилованы, его деньги отняты, и они стоят перед ним и его религией. Каково же будет твое положение перед Аллахом? Где правители мусульман?! Где их армии, самолеты, батальоны?! Где поддержка их братьев? Мы ждем, когда христиане победят?; Что может быть еще уважительнее, чем джихад на Кавказе?; Кто же тогда пожертвует душой за честь Уммы? И кто тогда снова возвысит знамя [Ислама]?*

⇒ семантическое осложнение сказуемого:

- (10) *«Я **будто вижу** это собственными глазами, этого жестокого яростного Башара и его партию мертвыми или спасающихся бегством, или посаженными за решетку».*

В формировании имплицитного призыва используются различные **риторические приемы**:

⇒ апелляция к авторитетам:

- (11a) *Как нужно поступить с теми, кто сотрудничает с кафирами в Чечне?*
- (11б) *Что касается муртадда, то его нужно убить. Такое решение приняли ТТавус, ал-Хьасан, ал-Мажуши, Абу-Юсуф. Имам аш-Шафи'и сказал, что сначала надо потребовать от него возвращения в Ислам, если он не согласится, его нужно убить.*

⇒ апелляция к религиозным ценностям, эксплуатация религиозных образов, ценностей и атрибутов веры:

- (12) *О Аллах! Помоги нам достичь довольствие твое; Или вы полагали, что войдете в Рай, пока Аллах не узнал тех из вас, кто сражался и был терпелив? (сура из Корана в контексте призыва к участию в военных действиях); Искреннее желание и стремление сражаться и умереть шахидом является великим делом перед Аллахом; Абу Хурайра (да будет доволен им Аллах) поведал, что Посланник Аллаха (благословение и мир Аллаха ему) сказал: «Аллах ручается за того, кто выступил на Его пути, кто выступил лишь ради джихада на пути Аллаха, ради веры в Него и его Посланника. Он ручается, что тот будет введен в Рай (если погибнет за веру) или будет возвращен в дом свой, из которого он выступил, с той наградой или той добычей, которую он заслужил. Клянусь Тем, в чьих руках душа Мухаммада, кто бы из вас не был ранен на пути Аллаха, в Судный день он непременно придет в том виде, в котором он был в день ранения, цвет его — цвет крови, а запах его — аромат мускуса. Клянусь Тем, в чьих руках душа Мухаммада, я хотел бы сражаться на пути Аллаха и быть убитым, и вновь сражаться, и вновь быть убитым, и вновь сражаться, и вновь быть убитым».*

Имплицитный призыв реализуется также посредством **сопутствующих тактик**, таких как:

⇒ тактика обвинения: *Именно вы будете причиной, почему мы не смогли доставить джихад...* ;

⇒ тактика угрозы: *если вы не поможете, то будет на вас ответственность*;

⇒ тактики одобрения: *Никогда не проиграет тот, кто вышел на джихад...*

⇒ тактика предупреждения:

- (13) *Вспомните, как совершали Хиджру сахабы и сам Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует), и будьте осторожны. Знайте, что не менее опасны для вас лицемеры, которые относят себя к мусульманам, но отворачиваются от Хиджры и Джихада. Когда они узнают о ваших намерениях, то пытаются бить своими отговорками и попросту доносят тагуту и его приспешникам ваши планы и др.*

Рассмотрим пример реализации имплицитного призыва. Высказывание *Самый главный, магистральный путь n-ского Сопротивления к миру и свободе своего народа — это именно нынешняя война за пределами N, от села N до «Норд-Оста» и в перспективе — до путинского кабинета в Кремле!* относится к речевым актам призыва на следующем основании:

⇒ содержит в косвенной форме побуждение «выполнить некоторое действие, рассматриваемое как часть общественно-значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов» [Баранов 2007: 419]. В данном контексте — идти путем войны;

⇒ имеет конкретного адресата — широкую аудиторию читателей сети Интернет;

⇒ представляет собой часть общественно-политической коммуникации.

Условия успешности данного речевого акта призыва следующие:

⇒ в данном речевом акте описываются нынешние и будущие действия адресата, рассматриваемые как часть общественно-политической деятельности, способствующей достижению идеалов

автора: *война за пределами N, от села N до «Норд-Оста» и в перспективе — до путинского кабинета в Кремле!* Указание на будущие действия — предложно-падежная форма в перспективе;

⇒ в настоящее время действие, о котором идет речь, не выполнено и желаемое положение дел отсутствует;

⇒ выполняется условие искренности — пишущий действительно хочет, чтобы действие было совершено и идеалы автора достигнуты;

⇒ в своих высказываниях автор выражает желание, чтобы адресат (читающие) совершил в будущем действия, способствующие достижению идеалов автора.

Утверждение о том, что *самый главный, магистральный путь n-ского Сопротивления к миру и свободе своего народа — это именно нынешняя война, цели которой еще не реализованы*, представляет собой скрытое побуждение к войне против русских (*до «Норд-Оста» и в перспективе — до путинского кабинета в Кремле!*).

Мы видим, что имплицитный призыв 1) передает информацию, подстрекающую, мобилизующую к действиям; 2) целенаправленно формирует у адресата желание действовать или чувство необходимости действий; вовлекает в описываемые действия; 3) дает развернутую программу действий. Однако содержание имплицитного призыва выявляется не прямо, а на основе дополнительного осмысления слов и выражений, входящих в высказывание, с учетом всего контекста и ситуации употребления этого высказывания, часто во взаимодействии с невербальными компонентами и экстралингвистическими факторами.

Таким образом, использование лингвистом-экспертом комплекса взаимодействующих приемов и критериев анализа позволяет выявить в тексте скрытые призывы, обладающие подчас не меньшей воздействующей силой, чем прямые, эксплицитные призывы, поэтому одна из актуальных задач юрислингвистики в настоящее время — совершенствование методики диагностирования имплицитного призыва, анализ и описание способов выявления показателей (маркеров) имплицитных призывов в тексте.

Литература

- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта — Наука, 2007.
- Вержбицка 2007 — А. Вержбицка. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] // К. Ф. Седов (ред.). Антология речевых жанров. М.: Лабиринт, 2007. С. 68–81.
- Осадчий 2013 — М. А. Осадчий. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- Сёрль 1986a — Дж. Р. Сёрль. Классификация иллокутивных актов // Б. Ю. Городецкий (ред.). Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
- Сёрль 1986b — Дж. Р. Сёрль. Косвенные речевые акты // Б. Ю. Городецкий (ред.). Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 195–222.
- Хазимуллина 2015 — Е. Е. Хазимуллина. К проблеме выявления скрытых призывов в экстремистских текстах // Гуманистическое наследие просветителей народов Евразии в культуре и образовании: Материалы X Международной научно-практической конференции 10 декабря 2015 года. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. С. 333–339.

С. М. Оленников

СПбГУ, Санкт-Петербург

КОММУНИКАТИВНО-РИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ

Экспертиза информационных материалов по делам о противодействии экстремизму является одним из наиболее востребованных видов прикладных лингвистических исследований. Необходимость надлежащего методического сопровождения соответствующей экспертной работы продиктована не только ее возросшей актуальностью, но и спецификой задач, стоящих перед специалистами. Массовое публичное распространение пропагандистских и агитационных материалов, провоцирующих социальную напряженность, агрессию и насилие, требует адекватной реакции со стороны государства. Для своевременного и эффективного предупреждения социальных конфликтов компетентные органы власти заинтересованы в оперативном и объективном исследовании информационных материалов. В этой связи создание и внедрение научно обоснованной и апробированной методической базы проведения анализа информационных материалов экстремистской направленности приобретают особенное значение. В настоящее время опубликован ряд работ, посвященных методологии лингвистической экспертизы спорных информационных материалов ([Баранов 2007; Бринев 2009; Галяшина 2006] и др.).

Исследование прагматической направленности информационных материалов, определяющее их коммуникативные задачи и целевую установку, относится к компетенции экспертов-лингвистов. В пользу такого решения вопроса свидетельствует позиция Верховного Суда РФ, выраженная им в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Пункт 23 этого Постановления специально посвящен разъяснению вопросов, связанных с порядком проведения судебных экспертиз:

В необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство

лингвистической экспертизы. К производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). В таком случае назначается производство комплексной экспертизы.

Для решения экспертной задачи определения целевой направленности информационного материала может быть использован коммуникативно-риторический анализ текста. В настоящее время предложено описание и теоретическое обоснование применения коммуникативно-риторического метода исследования информационных материалов на предмет наличия в них коммуникативных признаков экстремистской речевой деятельности [Кузнецов 2014]. Разработка методологии коммуникативно-риторического анализа речевых актов, то есть приемов синтеза и интерпретации разнообразной текстовой информации и правил преобразования функционального содержания линейной последовательности предложений в нелинейную понятийную структуру смыслов текста является одним из перспективных направлений лингвистических исследований. Актуальность и перспективы этого подхода обусловлены новым объектом исследования, лежащим выше того языкового уровня, который является традиционным для лингвистического анализа. Здесь языковые знаки, которые формируют отдельные речевые единицы, исследуются в разных коммуникативных условиях. При коммуникативном подходе в качестве базовой единицы описания рассматриваются речевые акты (утверждение, просьба, вопрос и т. д.).

Коммуникативно-риторический подход позволяет исследовать текст как речевое действие, ориентированное на сообщение разного вида информации: констатирующей, убеждающей, директивной. Основная задача, решаемая в рамках исследования продуктов речевой деятельности, состоит в описании процедур анализа целостных фрагментов текста и характеристики содержания причинно-следственных связей между коммуникативным заданием текста и выраженной в нем риторической направленностью высказываний. На этом этапе анализа текста исследуются не синтаксические структуры, а речевая информация, т. е. сведения, суждения, утверждения, умозаключения, волеизъявления, содержащиеся в тексте, которые характеризуют какой-либо объект мысли (предмет, личность, событие, ситуацию, положение, состояние дел и т. п.).

Исследование связного текста предполагает использование понятийного аппарата лингвопрагматики, риторики, логики и теории аргументации [Волков 2001; Ивин 1997; Кузнецова, Трофимова 2010].

Исходя из особенностей языковых средств, использованных в сообщении, и характера связей между частями высказывания, информация может быть:

⇒ констатирующей — содержащей сведения о конкретных ситуациях, о реальных происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности юридического лица и т. п. (этот тип языковой информации реализует номинативную, информативную функцию речевого действия, позволяющую сообщить слушателю о количественных и качественных характеристиках предметного мира);

⇒ убеждающей — содержащей аргументы в поддержку какого-либо мнения, суждения о личных качествах людей, оценочные характеристики ситуаций или событий, которые в общественном сознании, в чьей-либо системе ценностей описываются как хорошие / плохие, правильные / неправильные, вредные / полезные и т. п. (этот тип языковой информации реализует экспрессивную, оценочную функцию речевого действия, позволяющую выразить эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности);

⇒ директивной — выражающей речевые действия, направленные на организацию, управление целенаправленным поведением, сознательными действиями людей, побуждение их к действию (этот тип языковой информации реализует волитивную функцию речевого действия, позволяющую выразить различные оттенки проявлений воли, требований, желаний говорящего).

При анализе контекста, в котором используется констатирующая (фактическая) информация, необходимо исследовать содержание авторских комментариев, сопровождающих констатацию факта, и характер связи исходного суждения с аргументирующим фактом. В противном случае фрагмент текста, в котором обнародованы, например, статистические сведения, без связи с авторскими суждениями не позволит обосновать целевую установку фрагмента. Ср. например:

- (1) *Чаще всего негативные эмоции у сограждан по-прежнему вызывают представители кавказских народов (29%). Значительно*

реже говорят о нелюбви к выходцам из Средней Азии (6 %). По 3 % недолгобливают китайцев и евреев. Впрочем, большинство опрошенных одинаково хорошо относится ко всем народам и национальностям (56 %).

[Политическая социология: Индикаторы кризисного сознания на 23 мая 2010. (опубликовано на сайте http://kprf.ru/rus_soc/79465.html)]

Указание в высказывании на факт может выполнять различные функции. Эмпирические данные могут использоваться в качестве аргументирующих примеров, иллюстраций и образцов. Факты также приводятся и в исходной части авторского высказывания как информационный повод для авторских комментариев. Если факт приводится как пример, подтверждающий реальность какого-либо типа поведения, то он используется как образец (или антиобразец) для подражания. Если факт приводится как исходное утверждение, а в аргументации он анализируется, обобщается или оценивается, то факт становится темой высказывания, обнародование факта является задачей высказывания, а комментарии к нему — целевой установкой высказывания.

Определение типа структурно-информационных единиц, составляющих полное высказывание, позволяет на этапе их синтеза вскрывать и обосновывать реализацию коммуникативного задания, состоящего из двух взаимосвязанных частей: задач и целей выделяемого фрагмента текста.

Коммуникативные задачи высказывания заложены в исходной посылке, т. е. в утверждении, суждении автора, истинность или обоснованность которого он доказывает в аргументирующей части высказывания. Содержание коммуникативной задачи высказывания соответствует ответам на вопросы: «какую мысль обосновывает автор?», «как автор обосновывает свою мысль?», «как автор характеризует внеязыковую ситуацию?», «какое мнение автор представляет как правильное?», «какие оценки дает автор предмету речи?», «в чем автор пытается убедить аудиторию?», «к чему призывает автор?». Коммуникативная задача соотносится с общей темой высказывания и состоит в ясном изложении какой-либо точки зрения, обосновании какого-либо мнения, в понятном выражении авторской оценки кого- или чего-либо.

С точки зрения закона экстремистскими материалами являются предназначенные для обнародования информационные материалы:

- 1) призывающие к осуществлению экстремистской деятельности;
- 2) обосновывающие необходимость осуществления экстремистской деятельности;
- 3) оправдывающие необходимость осуществления экстремистской деятельности.

Таким образом, информационные материалы могут быть признаны экстремистскими, если их содержание направлено на формирование положительного (одобрительного) отношения к экстремистской деятельности. Закон различает три способа выражения положительного отношения.

Призыв к деятельности выражается в грамматических модальных конструкциях побуждения с использованием глаголов в повелительном наклонении (*бейте, жгите, убивайте, взрывайте*).

Обоснование необходимости деятельности выражается в грамматических конструкциях побуждения (с использованием глаголов в сослагательном наклонении) либо сочетанием модальных слов и глаголов (*было бы желательно, хотелось бы, необходимо, нужно, требуется*). Понятийно-семантическим признаком обоснования необходимости деятельности является выражение автором положительного, одобрительного отношения к ней.

Оправдание необходимости деятельности содержит положительную оценку уже совершенных действий, признание их правильными через указание на наличие существенных причин (оснований) для их совершения и правильность избранного действия и, таким образом, не напрямую, а лишь косвенно может побуждать к аналогичным действиям в будущем.

Под **обоснованием** понимается часть высказывания, в которой приводятся фактические или этические доказательства справедливости исходного положения. Обоснование — это часть высказывания (вид аргументации), в которой объясняется, почему надо думать или делать именно так, как заявляет автор, а не иначе. Следует отличать суждения, обосновывающие необходимость совершения какого-либо действия, от суждений, обосновывающих неотвратимость возникновения какой-либо ситуации или события

как следствия состоявшихся событий. В качестве примера рассмотрим фрагмент текста из открытого письма Б. Березовского:

- (2) *Насилие Путина над обществом — свершившийся факт. Поэтому силовое противостояние общества и путинского режима неизбежно. Те, кто отрицает это, — либо глупцы, либо трусы, либо кремлевские политехнологи, стращающие Площадь кровью.* [Фрагмент открытого письма Б. Березовского «Рожденным не в СССР»]

Неизбежность предстоящего следствия обосновывается автором такими обстоятельствами, в которых он не видит иного способа разрешения существующего, по его мнению, социально-политического конфликта. Само по себе такое высказывание не содержит обоснования необходимости совершения соответствующих действий, так как в нем отсутствует положительная оценка противоправного способа действий. Установление коммуникативной задачи в подобных случаях требует анализа всего контекста высказывания. В причинно-следственной (каузальной) риторической конструкции, в которой неизбежность некоторых событий описывается как естественная закономерность, обычно используется нейтральный модус. Такие способы описания характерны для научных текстов. Если же автор сопровождает суждение о неизбежности событий выражением одобрительного отношения к ним, то тем самым он выражает и личную заинтересованность. По выражению одобрительного отношения к совершению противоправных действий или наступлению негативных последствий (событий) устанавливается не только коммуникативная задача такого высказывания, но и его пропагандистская направленность.

Оправдание используется для доказательства наличия положительных качеств у какого-то объекта в связи с его действиями либо с одобрительной оценкой чьих-либо действий. Оправдание является контраргументом для противодействия возможному согласию слушателей с имеющимися негативными оценками объекта речи, обвинениями в его адрес, которые автор данного текста опровергает фактическими или этическими доказательствами.

Как и в случае с обоснованием действия, суждения, оправдывающие необходимость совершённых кем-либо действий, следует отличать от суждений, обосновывающих неизбежность совершённых кем-либо действий. Ср., например:

- (3) *Самое страшное в последних московских взрывах то, что по крайней мере одна из террористок была человеком взрослым, уравновешенным, образованным. Она совершенно не походила на безумную дикарку или «фанатичку», её явно не накачивали наркотиками, не одурманивали — зачем? Она сама, с ясной головой и твердым шагом пошла взрывать невинных. И себя. Это значит только одно: она давно жила в том самом аду, терять который было не жаль. И ещё она потеряла надежду. Можно было, конечно, уйти из жизни в одиночестве, но, видимо, ей хотелось... только ли отомстить? А может, ещё и докричаться? Прокричать напоследок про душающую власть беззакония, про собственное бесправие, беззащитность, смертный страх за родных — про то, что мы не хотим знать, когда это касается других. Она не сомневалась: иначе её просто не услышат. Теракт — это ещё и уродливая, больная попытка коммуникации с оглохшим миром. [М. Кучерская «Вечные ценности: провал коммуникации» («Ведомости» 09.04.2010г.)]*

Каузальная конструкция оправдания необходимости действий должна сопровождаться одобрительным, положительным отношением к его совершению, но в приведенном примере, представляющем собой обоснование неизбежности действий террористов, признаки оправдания совершённых взрывов отсутствуют. Поэтому высказывания журналиста по конфликтной социальной проблеме хотя и являются конфликтогенными, но целевой направленности на оправдание террористической деятельности не имеют.

Последовательная реализация коммуникативно-риторического подхода к исследованию содержания связного текста требует тщательной разработки соответствующего понятийного аппарата. При исследовании коммуникативно-риторических структур, складывающихся в тексте, предлагается использовать приемы, включающие последовательное описание значений лексико-грамматических связей и коммуникативно-риторических структур, полученных в ходе:

⇒ функционально-грамматического анализа синтаксической структуры отдельных предложений, проведенного с целью выявления конструктивных связей словосочетаний, фраз или высказываний с модусом положительной или отрицательной характеристики людей по их неизменяемым признакам, оценки их личных качеств, действий, поведения;

⇒ функционально-коммуникативной интерпретации контекстных значений языковых средств, осуществленной путем замены одного неточного или неясного понятия другим (формально более четким) или уточнением используемых понятий через уточнение их места в какой-либо понятийной системе.

⇒ анализа коммуникативных единиц (суждений, утверждений, доводов) с выделением пропозиций фактов, мнений, оценок, волеизъявлений и определением функционально-понятийной структуры единиц содержания текста;

⇒ синтеза коммуникативно-риторической структуры высказывания путем интерпретации содержания пропозиций. Тем самым свернутые (или пропущенные) основания суждения и выводы из него вводятся в качестве объекта коммуникативно-риторического аспекта исследования текста;

⇒ коммуникативно-риторического синтеза структуры аргументации и тематической рубрикации фрагментов текста. С помощью этой процедуры определяется системно-смысловая структура высказывания, устанавливаются коммуникативные задачи и целевая направленность высказывания.

Последовательное описание процесса и промежуточных результатов исследования фрагментов информационных материалов в основной части экспертного исследования позволяет сделать однозначные выводы о коммуникативно-риторической структуре текста и доказательно определить целевую направленность представленного на экспертизу информационного материала.

Литература

- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта — Наука, 2007.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009.
- Волков 2001 — А. А. Волков. Курс русской риторики. М.: Издательство храма св. муч. Татианы, 2001.
- Галяшина 2006 — Е. И. Галяшина. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. М.: Юридический Мир, 2006.
- Ивин 1997 — А. А. Ивин. Основы теории аргументации. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
- Кузнецов 2014 — С. А. Кузнецов, С. М. Оленников. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание). М.: Издательский дом В. Ема, 2014.
- Кузнецова, Трофимова 2010 — Н. В. Кузнецова, О. В. Трофимова. Публицистический текст. Лингвистический анализ: учебное пособие. М.: Литагент «Флинта», 2010.

Ю. С. Фомина

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, Уфа*

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ПОБУЖДЕНИЯ В ТЕКСТАХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Для лингвистических исследований, связанных с выявлением признаков экстремизма в устных и письменных текстах, особое значение имеют описания приемов вовлечения людей в экстремистскую деятельность путем вербального побуждения, то есть приемов **словесного экстремизма**.

Е. И. Галяшина характеризует феномен словесного экстремизма как «целенаправленный акт публичной передачи сообщений в форме устных или письменных речевых высказываний», которые «призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка; оправдывают или обосновывают их; пропагандируют нацистскую или сходную с ней до степени смешения символику и атрибутику; направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды либо ненависти, включая передачу информации языковыми средствами в публичных выступлениях, печатных изданиях, средствах массовой информации (радио, телевидение)» [Галяшина 2006: 32]. Словесный экстремизм, обладая значительным побудительным потенциалом, соотносится с видом **речевого воздействия**, отличающегося целевой установкой на трансформацию внешних и внутренних характеристик адресата речи: его вербального и невербального поведения, сознания, картины мира.

В рамках современной лингвистики речевое воздействие может трактоваться довольно широко. Так, Е. Ф. Тарасов речевым воздействием называет любое речевое общение, взятое в аспекте его целевой обусловленности, представленное с позиции одного из участников коммуникации, когда он рассматривает себя как субъект воздействия, а собеседника — как объект [Тарасов 1990: 5]. В свою

очередь В. Н. Степанов описывает три основные категории, присущие речевому воздействию и разграничивающие его типы: 1) убеждение (аргументация), которое «опирается на логичность речевого высказывания, его соответствие законам последовательного, основанного на рациональности посылок процессе выведения новой информации с помощью специальных (логических) доводов — аргументов», 2) внушение (суггестия), предполагающее «сознательное неаргументированное воздействие на человека или группу людей» с целью изменить их состояние, отношение к чему-либо и создать предрасположенность к конкретным действиям, 3) заражение, когда «провоцирующий демонстрирует реально переживаемое им или искусно имитируемое психологическое состояние с целью вызвать (провоцировать) у провоцируемого психологическое состояние, аналогичное демонстрируемому» [Степанов 2008: 187, 190, 197]. Успешность речевого воздействия обуславливается тем, в какой мере говорящий понимает, осознает суть «тех изменений в смысловом поле реципиента, которых он должен добиться в результате воздействия» [Степанов 2008: 32]. Это служит доказательством осмысленности поступков, совершаемых субъектом речевого воздействия в отношении объекта, чего нельзя в полной мере сказать о действиях последнего.

В целом, при осуществлении речевого воздействия значимым является характер взаимодействия субъекта с объектом. И. А. Стернин указывает на необходимость различения **речевого воздействия** и **речевого манипулирования** [Стернин 2000: 63]. Речевым воздействием исследователь называет «воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять нашу точку зрения, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т. д.», в то время как речевое манипулирование основано на бессознательности действий и поступков объекта вербальной манипуляции [Стернин 2012: 56]. Ввиду этого можно говорить о **прямом (открытом) воздействии**, когда субъект или говорящий напрямую заявляет собеседнику о своих желаниях, открыто предъявляет объекту воздействия (слушающему, читателю, зрителю) свои притязания и требования, и **воздействии косвенном (скрытом)**, непосредственно направленном не на объект, а на окружающую его среду, т. е. наблюдаемом при вуалировании адресантом речи своих намерений (см. [Желтухина 2004: 13]).

Интерес для экспертного исследования представляют тексты, содержащие элементы речевой манипуляции, которая обнаруживается в ходе осуществления коммуникации, складывающейся из конкретных речевых актов, при несоответствии цели и содержательной стороны всего речевого произведения, в том числе его названия и заявленного автором жанра. По мнению Е. И. Галяшиной, лингвист должен уметь выявлять смысловую составляющую текста, высказываний, в особенности «скрытых приемов призыва, пропаганды, оправдания или обоснования экстремистской деятельности, социальной вражды и ненависти» [Галяшина 2009]. Исходя из этого, важной задачей экспертов-лингвистов становится изучение побудительных речевых актов, создаваемых в целях выражения «экстремистских» значений.

Согласно теории речевых актов [Austin 1962; Searle 1965; 1977] побуждение является директивом, иллокутивная направленность которого предполагает попытки говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил. Наравне с директивами, предполагающими побуждение к выполнению действия в интересах говорящего (например, *просьба, требование*), выделяются директивы, реализующие побуждение в интересах слушающего (*рекомендация, предостережение, предложение, разрешение*) [Петрова 2008: 130].

Одним из самых распространенных речевых актов, обнаруживаемых в экстремистских текстах, является *призыв*. Его рассматривают как разновидность речевого акта побуждения, поскольку призыв «наряду с приказом, распоряжением, предложением, просьбой, увещанием, угрозой, предупреждением, запрещением, советом, рекомендацией и др.» выражает побудительную семантику, заключенную в формуле «я хочу, чтобы ты нечто сделал» [Стернин 2010: 11]. К. И. Бринев, вслед за А. Н. Барановым [Баранов 2007], описывает содержательную сторону призыва как речевого акта, выделяя в нем следующие компоненты: 1) участники: говорящий и воспринимающий, причем последний, по словам автора, «может представлять собой неопределенную группу лиц»; 2) иллокутивная цель говорящего: «побудить слушающего к определенным действиям»; 3) условие искренности: «говорящий хочет, чтобы цель была достигнута и слушающий выполнил действия, к которым призывает говорящий»; 4) условия успешности: «для говорящего и слушающего неочевидно, что то, к чему говорящий

побуждает слушающего, произойдет само собой (без побуждение слушающего к тому, чтобы он сделал X)» [Бринев 2009: 136].

Среди материалов исламско-религиозного содержания выделяются тексты, отличающиеся агитационно-пропагандистской, политико-идеологической направленностью. Они включают высказывания, в которых выражаются явные и скрытые призывы мусульман к осуществлению экстремистской деятельности, связанной с установлением исламского государства Халифат, в том числе посредством джихада, борьбы с «*неверными*». Деятельность, которую пропагандируют, иницируют и к которой призывают авторы подобных речевых произведений, носит противоправный характер и регламентируется Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности».

Нередко в начале текста автор определяет его тему, обозначая тем самым свое явное коммуникативное намерение:

Тема этой брошюры посвящена очень важному вопросу в жизни человека, от решения которого зависит образ его жизни, его отношение к окружающим вещам и событиям. (. . .) Человек, решивший основную и наиважнейшую проблему — через решение вопросов: — кто он?, откуда он?, в чем смысл его существования? и что будет в будущем? **Найдя решение с помощью исламской доктрины, опираясь на доказательства в явных фактах окружающей действительности и ясных текстах священного Корана, к нему приходит четкое понимание смысла жизни. Теперь, являясь мусульманином, перед ним возникнут новые проблемы, — какая же является для него основной, то есть той, решением которой он должен заняться в первую очередь? (здесь и далее цитаты приводятся в авторской редакции).**

Адресант речи призывает людей решать вопрос о смысле жизни на основе исламской доктрины, в соответствии с теми положениями, которые зафиксированы в текстах Корана, в этом случае человек становится мусульманином (ср. *Что значит БЫТЬ МУСУЛЬМАНИНОМ*). Автор текста постепенно развивает идею о том, что человеку недостаточно просто принять исламскую доктрину; необходимо полностью перестроить собственное мышление, изменить индивидуальную картину мира: «**Принятие человеком исламской доктрины еще**

не означает, что **все его мысли** (оценки окружающих вещей и явлений) **будут у него исламскими**». В результате создается образ истинного мусульманина, который должен:

1) покоряться Аллаху, в своих действиях руководствоваться его предписаниями, совершать поступки в соответствии с приказами Аллаха, подчиняться всем его законам, связанным как с осуществлением религиозных обрядов (среди прочих упоминается и *джихад*), так и с урегулированием социальных, в том числе государственных отношений: **«... основная забота мусульманина в этом мире — прожить отведенный ему жизненный срок так, как требует от него Всевышний Аллах, поступать в различных ситуациях согласно приказам Аллаха...»**;

2) стремиться к возобновлению исламского образа жизни и исламской системы правления в целях претворения законов Аллаха, работать над созданием исламского государства Халифат во главе с правителем — халифом, которому следует подчиниться: **«... всем мусульманам обязательно работать, для того чтобы возобновить исламский образ жизни и исламскую систему правления»**; **«... получение довольства Всевышнего Аллаха невозможно, если мусульманин не будет работать для воссоздания исламского государства Халифат, который способствует выполнению всех законов Аллаха без исключения, во всех сферах жизни»**;

3) распространять ислам по всей Земле, объединяясь с другими мусульманами и призывая людей к исламу посредством пропаганды (или *даввата*) и джихада: **«Каким же образом на нашу Землю может прийти власть этой религии, если проповедники не будут оздоравливать аквиду верующих и не уверуют сами истинным образом, если они не будут переносить испытания, не будут страдать и терпеть ради религии, а также вести джихад на пути Аллаха? Только в таких условиях религия Аллаха воцарится на земле»**; **«Возможность группы призывающей к Исламу выше, чем возможности индивидуальной неупорядоченной работы. Сплочение целеустремленно работает для возобновления исламского образа жизни, хорошо знает свою идею, ясно видит свой метод и понимает свою проблему»**.

Основными средствами выражения призыва служат единицы с семантикой долженствования, в том числе указывающие на

категоричность, обязательность, необходимость, возможность осуществления тех или иных действий, например: «Аллах **обязал** мусульман подчиняться своему правителю, т. е. Халифу, а это указывает на то, что у мусульман **обязательно должен быть Халиф**»; «Успех **возможен** только при соблюдении **требований** Всевышнего Аллаха...»; «Поэтому мусульманину, строящему свои планы в этой жизни, вне всякого сомнения, **необходимо** основывать свою жизнь на предписаниях от Всевышнего Аллаха...». Целевая установка призывных действий выявляется в предложениях, в структуру которых включены придаточные цели и целевой предлог: «... всем мусульманам **обязательно работать, для того чтобы** возобновить исламский образ жизни и исламскую систему правления»; «Да поможет нам Аллах справиться со своими обязанностями, и поможет нам постоянно следить за собой, **чтобы** мы не были похожи на тех, кто забыл Всевышнего Аллаха». Потенциальность призыва заложена в риторическом вопросе, представляющем собой предложение с придаточными условия: «Каким же образом на нашу Землю может прийти власть этой религии, если проповедники не будут оздоравливать аквиду верующих и не уверуют сами истинным образом, если они не будут переносить испытания, не будут страдать и терпеть ради религии, а также вести джихад на пути Аллаха?».

Таким образом, содержание призывных действий заключается в следующем: мусульмане должны воспринять исламскую идеологию и на ее основе правильно оценивать происходящие события, обращаясь при этом к текстам «священного Корана», чтобы: 1) поступать «согласно приказам Аллаха», действовать, сообразно его воле, подчиняться его законам, которые касаются всех сфер жизни: религиозной, связанной с исполнением религиозных, предполагающих поклонение, обрядов (молитвы, поста, хаджа), социальной, экономической, сферы образования и государственных отношений, — а также отдельных вопросов, в частности наказания, джихада, *закята*; 2) объединиться в группу, которая «обеспечит сплоченность действий» и упорядочит работу по ведению призыва к исламской религии, ее возрождению посредством: а) формирования истинной, искренней веры в Аллаха у самих мусульман, готовности «переносить испытания», «страдать и терпеть ради религии», б) пропаганды идей ислама, распространения их в обществе путем постоянного глубокого и детального разъяснения, в) джихада, борьбы с иноверцами,

«кафирами», которые не должны управлять мусульманами, — с целью распространения на Земле «власти» ислама и прекращения существования других религий, идеологий, систем взглядов, «возрождения исламского образа жизни и исламской системы правления», «воссоздания исламского государства Халифат» во главе с правителем — халифом (амиром), которому подчинятся все мусульмане’.

Отметим, что призыв в данном тексте, с одной стороны, сопровождается таким побудительным речевым актом, как мольба, а с другой — выражается через него: *«Да поможет нам Аллах справиться со своими обязанностями, и поможет нам постоянно следить за собой, чтобы мы не были похожи на тех, кто забыл Всевышнего Аллаха. (. . .) О Аллах, дай Свою помощь тем, которые работают для воссоздания Халифата, и воссоздай его, чтобы все Твои законы исполнялись, и велся бы призыв к Твоей религии с помощью даввата и джихада, и поистине Ты над всякой вещью мощен»*. За прямой апелляцией к Аллаху стоит описание призывных действий: исполнение мусульманами «своих обязанностей» по 1) «воссозданию Халифата» в целях «исполнения законов» Аллаха, 2) призыву других людей к исламской религии «с помощью даввата и джихада».

Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков указывают на то, что высказывания-призывы зачастую «камуфлируются под высказывания иной коммуникативной направленности» [Бельчиков и др. 2010: 81]. В таком случае имеет смысл учитывать особенности реализации косвенного призыва. Экстремистские материалы нередко содержат речевые акты мольбы, что обусловлено религиозной направленностью текстов. Вслед за Е. Е. Хазимуллиной, мы полагаем, что мольба, выступающая в качестве элемента конфликтогенного текста, манипулятивна по своей природе. Смысл «манипулятивной просьбы» укладывается в формулу ‘Хочу, чтобы ты делал то, что хочу я, потому что этого хочет (это велит) Бог’. На этом основании мольбу можно квалифицировать как «косвенный призыв, опосредованно обращенный к людям — потенциальным субъектам осуществления призывных действий», имеющий следующую структуру:

А. Хочу, чтобы было X, потому что этого хочет Бог. Б. Знаю, что X не может произойти само, а только по воле Бога и по причине истинной веры в него людей. В. Знаю, что если просить Бога заставить нас осуществить то, что я хочу, потому что этого хочет Бог, то, возможно, что

будет Х. Г. Знаю, что ты знаешь, что делать, чтобы было Х. Д. Знаю, что если буду говорить тебе, что прошу Бога заставить нас осуществить то, что я хочу, потому что этого хочет Бог, возможно, что ты будешь делать так, чтобы было Х. Е. Говорю тебе: необходимо, чтобы было Х. Ж. Говорю это тебе для того, чтобы ты делал так, чтобы было Х [Хазимуллина 2013].

Кроме того, призыву часто сопутствует речевой акт **одобрение**, усиливающий побудительный потенциал текста и повышающий его эмоциональный фон, поскольку одобрение представляет собой высказывание оценочного плана, в основе которого лежит признание того или иного действия допустимым, хорошим, положительным, достойным похвалы. В исследуемых материалах автор речевого произведения высказывает оценки в отношении поступков человека, исходя из норм исламской религиозной традиции и констатируя правильность, значимость, целесообразность деяний мусульман: «... *основная забота мусульманина в этом мире — прожить отведенный ему жизненный срок так, как требует от него Всевышний Аллах, поступать в различных ситуациях согласно приказам Аллаха, не подчиняясь своим страстям, **получив тем самым одобрение Всевышнего Аллаха***»; «*Одобрение же Всевышнего Аллаха возможно лишь только при полной покорности Его законам — всех без исключения, как в области обрядов поклонения — молитвы, поста, хаджа, так и во всех остальных сферах жизни человека — социальной сфере, экономике, образовании, а также в вопросах наказания, джихада, закята, государственных отношений и т. д.*».

Одобрение содержит ссылку на авторитетное мнение «*Всевышнего Аллаха*», оказывающее воздействие на религиозное сознание адресата, т. к. читатели в ходе освоения текста проникаются доверием к получаемой информации и в дальнейшем руководствуются ею: «... *мусульманину... необходимо основывать свою жизнь на предписаниях от Всевышнего Аллаха, единственно знающего, что же является первоочередным для нас, что является самым лучшим, и что самым страшным*». По сути, одобрение как положительный пример и апелляция к авторитету являются приемами речевой манипуляции, в связи с чем приведенные высказывания могут быть рассмотрены в качестве пресуппозиции, определяющей характер обозначенных выше призывных действий.

В текстах экстремистской направленности получает реализацию и побудительный речевой акт **предупреждение**,

дифференциальным признаком которого выступает компонент 'может случиться' (в отличие от дифференциального компонента акта угрозы 'я сделаю' [Вежбицкая 2007: 73]). Предупреждение содержит описание негативных для адресата последствий, которые наступят в том случае, если он совершит действия, не соответствующие и/или противоречащие тем, которые изложил адресант: **«Невыполнение же, всех законов Всевышнего Аллаха несет самые страшные последствия, как в этом мире, так и в ахирате»; «Нерадение относительно исполнения этой обязанности является одним из самых больших грехов, за который Аллах будет очень сурово наказывать»; «...Аллах определил суровое наказание каждому, кто проявляет непокорность Аллаху и Его Посланнику (благословение и мир Аллаха ему), и преступает установленные Им границы. Коран сообщает, что такие люди будут находиться в вечном аду и пребывать в унижительной каре».**

В структуре предупреждения выделяется обещание наказания, которое ждет людей, в том числе мусульман, за «*невыполнение всех законов Всевышнего Аллаха*», «*нерадение относительно исполнения этой обязанности*», «*проявление непокорности Аллаху и Его Посланнику*», «*преступление установленных Им границ*», поскольку перечисленные действия оцениваются как греховные. При этом говорится, что наказание может быть исполнено не только в жизни реальной, но и в потустороннем мире (см. *ахират* от *ахира* — 'конец, то, что находится в конце. В исламской терминологии обозначает будущую жизнь, потусторонний мир' [Али-заде 2007]): после смерти человек попадет в ад, в котором будет пребывать вечно. Цель предупреждения состоит в предотвращении нежелательных, по мнению автора текста, поступков со стороны читателя [Баранов 2013]. И вновь говорящий использует ссылку на авторитет, т. к. претворение негативного сценария не входит в его «компетенцию», а в качестве «карающей силы» выступает Аллах. Посредством предупреждения осуществляется ориентация адресата речи в пространстве тех действий, которые оказываются для него необходимыми или запретными с религиозной точки зрения, на их фоне речевой акт призыва приобретает большую значимость.

Итак, побудительный потенциал текстов экстремистской направленности выражается в реализации, прежде всего, речевого акта призыва, который могут сопровождать другие побудительные акты, действенные в отношении людей с религиозным сознанием, в частности, мольба, одобрение, предупреждение.

Литература

- Али-заде 2007 — А. А. Али-заде. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/islam>)
- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза: теория и практика. М.: Флинта — Наука, 2007.
- Баранов 2013 — А. Н. Баранов. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста. (<http://www.dialog-21.ru/dialog2013/materials/pdf/BaranovAN.pdf>)
- Бельчиков и др. 2010 — Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. М.: ИПК «Информкнига», 2010.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009.
- Вежбицкая 2007 — А. Вежбицкая. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] // К. Ф. Седов (ред.). Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 68–81.
- Галяшина 2006 — Е. И. Галяшина. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. М.: Юридический Мир, 2006.
- Галяшина 2009 — Е. И. Галяшина. Судебная экспертиза вербальных проявлений экстремизма: правовые и методические проблемы // Эксперт-криминалист 2, 2009. С. 14–16.
- Желтухина 2004 — М. Р. Желтухина. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Ин-т языкозн. РАН, Москва, 2004.
- Петрова 2008 — Е. Б. Петрова. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация 3, 2008. С. 124–133.
- Степанов 2008 — В. Н. Степанов. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб.: Роза мира, 2008.
- Стернин 2000 — И. А. Стернин. Речевое воздействие как интегральная наука // И. А. Стернин (ред.). Речевое воздействие. Воронеж — Москва, 2000. С. 3–6.
- Стернин 2010 — И. А. Стернин. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста. Воронеж: Гарант, 2010.
- Стернин 2012 — И. А. Стернин. Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012.
- Тарасов 1990 — Е. Ф. Тарасов. Речевое воздействие: методология и теория // Р. Г. Котов (отв. ред.). Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 5–18.

- Хазимуллина 2013 — Е. Е. Хазимуллина. Лингвистическая экспертиза текстов с имплицитным содержанием // Юрислингвистика 2, 2013. С. 78–93.
- Austin 1962 — J. L. Austin. How to do things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955. Oxford: Clarendon Press, 1962.
- Searle 1965 — J. R. Searle. What is a speech act? // Max Black (ed.). Philosophy in America. London: Alien — Unwin, 1965. P. 221–239.
- Searle 1977 — J. R. Searle. A Classification of Illocutionary Acts // Proceedings of the Texas Conference on Performatives and Presuppositions and Implication. Arlington, VA: Center for Applied Linguistics, 1977.

Е. Е. Хазимуллина

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, Уфа*

МЕХАНИЗМ РЕЧЕВОГО ВОВЛЕЧЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Массовая распространенность и чрезвычайная опасность экстремистских воззваний, обращенных к широкой аудитории и направленных не только на оправдание, пропаганду, но и осуществление деструктивной, в т. ч. террористической, деятельности против многочисленных социальных, национальных, конфессиональных и расовых групп людей, целостности государств, свободы личности, побуждают фундаментальную лингвистику к активной разработке теоретических установок и методик качественного, объективного и всестороннего анализа конфликтогенных речевых сообщений. Выявление в текстовых деликтах (печатных, электронных, рукописных, аудио- и видеоматериалах, публичных высказываниях, интернет-комментариях и проч.) противоправной, как правило, завуалированной информации — сложная экспертная задача, требующая высокого мастерства, профессионализма, наблюдательности, а нередко и стрессоустойчивости филолога. Методологические трудности проведения лингвистических экспертиз связаны не только с неопределенностью круга допустимых и достаточных методов исследования, отсутствием четкого алгоритма их применения, критериев глубины лингвистического описания, но и с различной интерпретацией феноменов, подлежащих выявлению и анализу при ответе на типовые вопросы о вовлечении в деятельность экстремистских организаций.

Хотя лингвист и не квалифицирует высказывания или организации, от имени которых они транслируются, как экстремистские (в противном случае это было бы выходом за пределы лингвистической компетенции), при установлении содержания призывов, самого факта и характера побуждения, выражаемого в тексте, ему приходится обращаться к понятию экстремизма, которое не является

строго определенным. В лингвоэкспертной, политологической и юридической литературе в самом общем виде оно трактуется как приверженность к крайним взглядам и мерам (*extremus* — от лат. «крайний»), главным образом, в политике, как теория и практика достижения политических целей посредством «крайних», запрещенных способов. Согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» (п. 1. ст. 1), к таковым относятся:

1) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; подрыв безопасности Российской Федерации; захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; 2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; 3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий; 4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

Понятно, что часть названных действий осуществляется исключительно речевыми способами, в связи с чем актуальным становится, во-первых, определение речевого (словесного) экстремизма

(малая изученность этого феномена отмечается в [Галяшина 2006: 7, 8; Бельчиков и др. 2010: 79–80]) и, во-вторых, разработка лингвистических методик его исследования, предназначенных прежде всего для выявления целей и смысла конфликтогенных сообщений (см. п. 23 Постановления пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г.). Необходимо подчеркнуть, что вторая задача не может и не должна решаться без первой, потому как побуждение к иным способам достижения политических целей не выходит за рамки правового поля и, соответственно, не подлежит лингвоэкспертному описанию. Если понимать словесный экстремизм как целенаправленный акт публичной передачи сообщений

в форме устных или письменных речевых высказываний, которые призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют или руководят **противоправными действиями экстремистского толка**, оправдывают или обосновывают их; пропагандируют нацистскую или сходную с ней до степени смешения символику и атрибутику; направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды либо ненависти, включая передачу информации языковыми средствами в публичных выступлениях, печатных изданиях, средствах массовой информации (радио, телевидение) [Галяшина 2006: 32],

то при производстве соответствующей экспертизы лингвист должен: 1) выявлять сам факт побуждения, имеющий определенные языковые признаки (*побуждение* — «**понуждение кого-либо к какому-либо действию, поступку**» [БАС: т. 10, 54]), и 2) описывать конкретное содержание такого побуждения, в частности содержание призывных действий (подобная позиция находит свое отражение, например, в [Баранов 2013: 450–475], ср. альтернативную точку зрения в [Бринев 2009: 137–142]). Таким образом, ведущим проявлением словесного экстремизма следует признать тексты, содержащие призывы и иные виды побуждения целевой аудитории к противоправной экстремистской деятельности.

Как показывает наш опыт лингвоэкспертного анализа (около 3 тыс. устных, письменных, аудио- и видеоматериалов экстремистской направленности) в рамках деятельности Центра лингвистических экспертиз и редактирования (ЦЛЭР) при кафедре общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы, действительно, часто

обнаруживается прямая корреляция между выражаемым в конфликтогенных сообщениях побуждением и диспозициями соответствующих статей УК: к примеру, регулярными являются призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение целостности РФ (в частности, к созданию на ее территории иных государств, к полной суверенизации, отделению республик, захвату земель в целях расширения, например, исламского государства и т. п.) — ст. 280.1, а также публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РФ (ст. 290), к развязыванию агрессивной войны (ст. 354); побуждение к организации экстремистского сообщества (ст. 281.1) коррелирует с призывами к объединению людей на основе определенной, чаще всего воинствующей, идеологии¹, программы действий, связанных с достижением политических целей, с получением властных полномочий, в т. ч. вооруженным путем; к организации деятельности экстремистской организации (ст. 280.2), что выражается в призывах, направленных на вовлечение других людей в деятельность и структуру конкретных политических партий, религиозных объединений и т. п.

Нередко подобные призывы являются оценочно-мотивированными (высказываются на фоне оценочных пресуппозиций, способствующих возбуждению ненависти, вражды, унижению человеческого достоинства, в т. ч. групп людей, объединенных по признакам расы, национальности, принадлежности к социальной группе и т. д. — ст. 282 УК) и имеют достаточно характерные способы выражения (их каталогизация — одна из приоритетных задач юрислингвистики): соответствующие смысловые глаголы повелительного наклонения или изъявительного — в функции побуждения, единицы с семантикой долженствования, необходимости и возможности совершения действия, лексика запрета и разрешения, перформативные глаголы и образованные от них существительные, косвенные вопросы-побуждения, акциональная и деструктивная лексика, тематические классы агрессии, войны, борьбы, оценочные и эмоционально-экспрессивные наименования (используемые для усиления речевого воздействия), целевые конструкции, прилагательные и наречия сравнительной и превосходной степени сравнения,

¹ *Идеология* — «система взглядов, идей, представлений, характеризующих то или иное общество, тот или иной класс или политическую партию» [СТС 2005: 233].

речевые акты устыжения, увещевания, предостережения, угрозы, обещания награды и проч., демонстрация программы, способов реализации призывных действий и др.

Однако в текстах, построенных на основе стратегии сознательного вуалирования конфликтогенного содержания, квалификация побуждения бывает крайне затруднительной, поскольку в них на первый план (в фокус явного содержания) выводятся такие действия, грамматическая реализация которых также указывает на волюнтаривный коммуникативный регистр, хотя сами они не находят отражения в законодательных актах и, более того, ни с точки зрения лексической семантики, ни здравого смысла до экстремистских явно не «дотягивают». Если призывы к финансированию, материальной поддержке революций, вооруженной борьбы, джихада, к приготовлению оружия (вплоть до ядерного, которое следует применять, *даже если кафиры не нападают*) и т. п. по логике вещей можно считать направленными на вовлечение в деятельность экстремистских организаций, то в какой степени правомерно причислять к таковым призывы к занятию спортом, тренировке физической силы, к усиленному *труду, работе* (в т. ч. во благо религии, *на пути Аллаха*) или же к сплочению, объединению представителей какой-либо социальной группы, расположения к себе людей, формирование в них симпатии, а также внушение абсолютной любви и преданности богу совместно с призывом выполнять все его *приказы* без колебаний и без исключения? Допустимо ли положительное экспертное заключение в случае, если вовлечение в подобную деятельность осуществляется от имени *группы, организации, компании, фирмы, конторы, предприятия, сплочения, коллектива*, от лица *проповедников, философов, ученых* без какой-либо дополнительной конкретизации референта? Или правильнее считать такие тексты текстами о единении, вере, о спорте, работе, дружбе и любви?

В целях адекватного решения данного вопроса лингвисту необходимо принимать во внимание тот факт, что «набор „ключевых“ лексем далеко не всегда предсказывает содержание призыва» [Баранов 2013: 451]. Такие свойства текста, как связность, целостность, интенциональность, модальность, жанрово-стилевая ориентация, интертекстуальность и др., а также способность контекста существенно трансформировать языковую семантику единиц, организующих его, сами по себе открывают говорящему простор

для словесной эквилибристики, создания подтекста, скрытых смыслов (см. об этом в [Хазимуллина 2013; 2015]). К примеру, в одном из исследованных нами текстов буквальное содержание призыва ‘мусульмане, в т. ч. мусульмане Сирии, военные и военнообязанные Сирии должны бояться Аллаха, быть терпеливыми, нести службу на заставах, должны стоять на истине и не ослабевать перед тиранами справедливости’ в контексте, на основе ассоциативной связи слов с позитивно-оценочной семантикой (*истина — справедливость — благословенный — праведный*), синтагматической связи (*благословенная революция, праведный Халифат*), а также пресуппозиций о врагах мусульман, конкретизируется: ‘мусульмане, в т. ч. мусульмане Сирии, военные и военнообязанные Сирии должны бояться Аллаха, быть терпеливыми, нести службу на заставах (в революционных воинских подразделениях на границах Сирии — против *тирана современности — Башара*, чтобы свергнуть его режим, существующий общественный строй), должны стоять на истине (= способствовать укреплению... религии Аллаха, установлению *праведного Халифата*) и не ослабевать перед *тиранами справедливости* (= перед всем мировым сообществом, противостоящим *благословенной революции Шама*, в т. ч. Америкой, Россией, Ираном)’. Подобная конкретизация, безусловно, переводит текст из относительно безобидных в разряд конфликтогенных.

Практика проведения в ЦЛЭР комплексных, лингвистико-религиоведческих и лингвистико-политологических, экспертиз регулярно демонстрирует продуктивность применения лингвистических методов, направленных на выявление скрытой семантики и завуалированного побуждения, в сочетании с религиоведческой или же политологической атрибуцией текстов по идеологическим признакам в целях более точной квалификации фактов словесного экстремизма: лингвист исчерпывающе описывает скрытое содержание, призывы, в то время как религиовед устанавливает принадлежность исследуемых материалов конкретной религиозной, а политолог — политической организации — так называемым *фирме, проповедникам, сплочению* и т. п. Необходимо подчеркнуть, что качество лингвоэкспертного исследования текстов с имплицитным конфликтогенным содержанием обеспечивает применение не схоластических, исключительно формально-грамматических, а лингвопрагматических методов (с отслеживанием коммуникативных намерений адресанта,

его установок на речевое воздействие, отношения к сообщаемому, репрезентируемым ценностям, оценок и проч., собственно иллюкутивного и перлокутивного эффектов), причем на основе более глубокого понимания сути феноменов побуждения и вовлечения, их психоречевого механизма.

Понятие вовлечения в науке и в законодательстве строго не определено, его содержание, как правило, выводится на основе лексического значения: *вовлечение* — от *вовлечь* «склонить к чему-л., привлечь к участию в чем-л.» [МАС: т. 1, 191] ср.: *вовлекать* — «побуждать, привлекать кого к участию в какой-либо деятельности, работе и т. п.» [БАС: т. 2, 490]; следовательно, *вовлечение* — это побуждение, привлечение кого-либо к участию в какой-либо деятельности. В юридической, социологической и психологической литературе *вовлечение* интерпретируется как активное воздействие с целью формирования в ком-либо желания, намерения, потребности в осуществлении какой-либо деятельности (см. [Голяндин 2013: 39; Злоказов 2014: 83; Сокол 2014: 135; Романова 2015: 96] и др.). Таким образом, *вовлечение* является особой разновидностью побуждения — приобщения людей к (со-)участию в какой-либо деятельности (ср.: *пропаганда, агитация, подстрекательство, вербовка, провокация, шантаж* и т. п.). Данная форма побуждения (и шире — воздействия) предполагает взаимодействие субъекта — *вовлекателя*, и объекта — *вовлекаемого*, осуществляемое в определенной ситуации, конкретных социальных условиях (дискурсе — не только реальном, но и виртуальном). Частным случаем *вовлечения*, реализуемого с помощью речи, выступает

коммуникативно-семиотический процесс и использование контекстных ресурсов для формирования и приведения в действие готовности участников **интеракции** к совершению **согласованных** поступков на основе **сопричастности, сопереживания, симпатии, принимаемых обстоятельств, разделения ответственности с группой, заинтересованности в **совместном** достижении поставленных целей** и т. д. [Катышев, Кильдибекова 2015: 90];

вовлечение может осуществляться и лицом, не являющимся членом какой-либо организации, не обязательно также участвующим в ее деятельности.

Вовлечение основано на воздействии — разными, в т. ч. и речевыми, средствами — *вовлекателя*, имеющего явное или скрытое

(вуалируемое) намерение побудить вовлекаемого к определенным действиям, изменить его поведение. Именно возбуждаемая, создаваемая или же транслируемая субъектом вовлечения его объекту потребность (и, следовательно, соответствующая интенция, коммуникативное намерение вовлекателя) выступает, с одной стороны, элементом, запускающим и во многом предопределяющим речевой процесс вовлечения, а с другой — средством приобщения вовлекаемого к криминальной деятельности (это и есть результат вовлечения). Речевое воздействие в различных аспектах (**кто? на кого? для чего? как, какими средствами? в какой степени успешно? воздействует**) является наблюдаемым в аудио- и видеозаписях, сделанных скрытыми устройствами, фиксирующими реальные акты вовлечения. При анализе же распространяемых печатных и видеоматериалов возможности лингвиста ограничены: он может исследовать лишь результат порождения речи (сам текст, его особенности) и, исходя из него, оценивать общий потенциал воздействия (прогнозирование влияния текста на конкретную аудиторию — задача психологов). В последнем случае мы наблюдаем попытку, а не результат вовлечения — реализацию интенций вовлекателя, а не изменившееся сознание и поведение вовлекаемого.

Однако поскольку вовлечение в экстремистскую деятельность (конкретные противоправные действия — это компетенция юриста, суда) осуществляется посредством речи, коммуникативной деятельности, эксперту-лингвисту следует понимать, что текст в норме, независимо от формы своей реализации, всегда так или иначе организован под опосредованным влиянием мотивов, находящих свое выражение в коммуникативных намерениях его автора. Коммуникативные намерения, даже если они полностью не осознаются говорящим, реализуются на всех речевых уровнях:

... от мотива, стоящего у истоков высказывания, зависит выбор из всех возможных связей, стоящих за словом, только тех, которые соответствуют данному мотиву и придают этому высказыванию совершенно определенный субъективный (аффективный) смысл [Лурия 2002: 104].

Именно поэтому мы считаем выявление коммуникативных намерений говорящего важнейшим этапом лингвопрагматического анализа, предполагающего экспликацию исследователем взаимосвязей

между композицией, содержанием, жанрово-стилевой организацией, функциями текста и структурой и целями акта коммуникации (о важности учета мотивов и интенций говорящего см. исследования Е. С. Кара-Мурзы, Е. В. Кирилловой, С. А. Кузнецова, Т. В. Чернышовой в [Теория и практика 2003: 99, 162, 167, 234, 243], а также [Денисюк 2004; Гришечко 2008: 58; Шахматова 2014: 127] и мн. др.). И если в каком-либо тексте обнаруживаются явные или скрытые, намеренно вуалируемые, интенции побудить адресата к каким-либо, в т. ч. противоправным, действиям, эксперт должен отследить их реализацию.

Таким образом, в основе речевого вовлечения лежит механизм трансляции, возбуждения либо формирования специфической мотивационной установки в объекте воздействия. Как процесс, мотивация имеет начало, течение, исход и подчиняется законам функционирования психики человека [Соловьева 2006: 20]. Внутреннеорганизованная мотивация (интринсивная: когда объект вовлечения обнаруживает собственную потребность в совершении действий, достижении определенных целей) является, как правило, более устойчивой и результативной; см., например, факты самововлечения: *Я (очень) хочу принять участие в... Много слышал об этом, думал...; Хотелось бы узнать поподробнее... Не терпится прийти на занятия!; Мы должны больше работать над этим!*; ср. первичное значение слова *побуждение* — ‘влечение, стремление к осуществлению чего-либо; **потребность** сделать что-либо’ [БАС: т. 10, 53]. Внешнеорганизованная, или экстринсивная, мотивация предполагает более длительный путь принятия объектом вовлечения чужих, внешних установок, передаваемых посредством просьбы, требования, инструкции, приказа, призыва, манипуляции и т. д., их интериоризацию, усвоение (см. описание базовых мотивационных моделей в [Ильин 2004: 74–103]). И в том, и в другом случае человек проходит стадии (при условии их вербализации — доступные для наблюдения лингвиста) осознания потребности, оценки ее значимости для себя и для других, возможных последствий, эмоционального переживания, поиска цели и средств ее достижения, мобилизации воли и собственно акта совершения необходимого действия.

При этом мышление человека также играет роль движущего фактора (внешняя цель может быть принята не сразу или вовсе отвергнута; как защитная реакция может возникать «негативизм»,

т. е. сопротивление объекта вовлечения, когда он не имеет соответствующих внутренних потребностей), в связи с чем становится понятным особый упор экстремистских организаций на изменение сознания объекта вовлечения, «промывание мозгов». Так, очевидны, например, различия в степени вовлеченности (от первоначальной — слабой, ознакомительной — до очень высокой, выражающейся, с одной стороны, в кратких, полуритуальных репликах согласия (*да, угу/ага*), более осмысленных, оценочных (*согласен, понимаю, это понятно, ясно, конечно, знаю, правильно, хорошо, естественно, не вопрос!*), а с другой — в развернутых комментариях, суждениях, содержательных ответах на вопросы, маркерах инклюзивности (*мы, наш, все вместе* и т. п.); возможны также уходы с обучающих и иных занятий, акты выражения несогласия, протеста. Интересной представляется и следующая деталь: «Несмотря на то что при всех формах внешнеорганизованной мотивации, в том числе и при использовании императивных форм воздействия, последнее слово в принятии решения и формировании намерения остается за самим субъектом, основание его действий и поступков приобретает другое содержание. Суггерент переносит ответственность на воздействовавших на него людей, которые как бы заменяют собой его совесть и санкционируют действия» [Ильин 2004: 106].

В разворачивающемся ретроспективно коммуникативном процессе вовлечения лингвисту-эксперту приходится по сути отслеживать, с одной стороны, стадии речевой актуализации интенций вовлечателя, а с другой — успешность вовлечения и степень вовлеченности объекта воздействия, т. е. этапы постепенной интериоризации потребности участия в экстремистской деятельности, — по совокупности собственно языковых и поведенческих маркеров (внимание к вербальным и невербальным сигналам вовлечения демонстрируется и в работах зарубежных исследователей: [Gumperz 1982: 1; Gumperz 1992: 230; Goffman 1963: 36; Chafe 1985: 105; Chafe, Danielewicz 1987: 19–23]). Решение этой задачи предполагает применение, помимо традиционных лингвистических методов исследования, также дискурсивного и интенционального анализа — с опорой на функциональную грамматику, семантику и теорию речевых актов. В поле зрения эксперта в данном случае — те аспекты коммуникации, которые входят в ведение и других гуманитарных наук — прежде всего, психологии, социологии,

политологии и юриспруденции. Таким образом, описание феномена вовлечения носит междисциплинарный характер, а потому требует от лингвиста соответствующих, «пограничных», знаний (см. задачи психолингвистики, социолингвистики, политической лингвистики, юрлингвистики, лингвосемиотики и т. п. дисциплин). Вместе с тем, главным предметом его изучения являются все же речевые средства.

Итак, вовлечение — это сложный, многофакторный процесс, основанный на целенаправленном, как правило, поэтапном изменении сознания и поведения, психологической подготовке объекта воздействия к выполнению экстремистских и иных действий. Трансформация психики взрослого человека предполагает ломку его стереотипов, установок, ценностей, искоренение сформированных представлений, усвоенных моделей поведения, их замену новыми и проч. В ход идут все мыслимые и немыслимые, в т. ч. манипулятивные, речевые приемы: убеждение (нередко с помощью «кривой» логики, оценочно-маркированной системы аргументации, лжи, навязываемых пресуппозиций), внушение (весьма популярны разнообразные, многократные повторы ключевых идей, в частности «прием продленной семы»), эмоциональное заражение (имитируются традиционные риторические идеалы, максимы), мотивация подражания (широко используется апелляция к авторитетному мнению, личному примеру, жизненному опыту и др.).

На основе исследованных нами материалов можно говорить, как минимум, о **4 этапах вовлечения** и — соответственно — **степенях вовлеченности** в деятельность экстремистских организаций: 1) «якорение»; 2) подготовка к принятию установок и целей организации; 3) вхождение в организацию (= членство, закрепленное клятвой, уговором, кодексом и т. п.); 4) погружение в деятельность. На каждом из этих этапов реализуются:

а) **типовые интенции вовлечателя** (к примеру, на установление доверительных, регулярных взаимоотношений, на «прощупывание» кандидатуры, выяснение ее склонностей, возможностей, на усиление влияния вовлечателя и самой организации, удержание внимания объекта вовлечения, удержание его в структуре группы, разъяснение ему идеологии, приобщение к деятельности во имя гиперцелей, сплочение и др.);

б) **характерные стратегии и тактики речевого воздействия** (прежде всего кооперативные — направленные на

объединение с объектом воздействия и одновременно — на отграничение его от других больших и малых социальных групп; ср. «я»/«ты»/«вы»/«мы-общение», оппозиции «мы (хорошие, „здоровые“, непорочные, полноценные)» — «они (плохие, „больные“, порочные, неполноценные)»; подчеркнем, что степень императивности, эксплицитности и категоричности побуждения возрастает по мере вхождения адептов в структуру экстремистской организации, эвфемизация и вуалирование призывных действий обнаруживается на ранних этапах вовлечения);

в) в различных речевых жанрах (*совет, рекомендация, разъяснение, предложение* (помощи в решении проблем), *«мужской уговор», негативно-оценочное описание «положения вещей»* (которое необходимо изменить), *беседа, прения, более или менее продолжительные сообщения — анализ, «исследование», комментарии, объяснение, явные и скрытые призывы* и др.), а также видах репродуктивной или же, напротив, продуктивной речевой деятельности (чтение, просмотр видеоматериалов, слушание, конспектирование, диалог, вопросно-ответная форма, дискуссия и др.) обнаруживаются характерные **типы коммуникативных реакций**, свидетельствующие о различной степени вовлеченности объекта: выражение интереса, согласия, собственной оценки, запрос дополнительной информации, дача обещаний, отчет о выполненных действиях, обмен опытом, осведомленность о содержании и способах деятельности группы, взаимоотношениях, участие в планировании совместных акций и т. п. (ср. возможные реакции невовлеченности — непонимания того, о чем идет речь, «отсутствия», скуки, раздражения, отторжения, желания поскорее уйти, требование соблюдения регламента и проч.).

Важнейшими показателями вовлеченности в деятельность экстремистской группы являются: 1) маркеры коммуникативной активности (в т. ч. активного и рефлексивного слушания), регулярности присутствия, посещений и речевых действий; 2) инклюзивности и корпоративности (это прежде всего глаголы инклюзивного действия, местоимения *мы, наш*, выражения с семантикой общности, объединения — *вместе с (нами), с теми, (кто), совместно, все (как один), весь, без исключения, никто не останется (в стороне, безучастным), помогать, поддерживать, содействовать, взаимодействовать, примкнуть, войти, сплочение* и т. п.; самоназвания, в т. ч. шуточные, ироничные по наименованию организации (*X-йцы,*

X-(ов)цы, X-ии и др.); 3) выражаемая вербально готовность конспирироваться и выполнять призывные действия, в т. ч. в рядах экстремистской организации, при понимании их противозаконности.

Ведущая коммуникативная роль вовлечателя проявляется в том, что он организует общение, проводит обучающие и иные занятия, активизирует и направляет деятельность вовлекаемых, использует специальные обращения с целью усиления апеллятивной и контактоустанавливающей функции, продуцирует пространные монологи, доминирует в диалогах, расставляет содержательные акценты, настойчиво проводит ключевые идеи, разъясняет необходимые положения, осуществляет контроль и коррекцию восприятия и понимания получаемой участниками информации, их речевых и иных действий, свободно выражает собственное «я» — высказывает мнение, оценку (как правило, категорично), дает директивные указания, советы, рекомендации, инструкции, резюмирует, делает выводы, в т. ч. убеждающие участников группы в необходимости выполнения призывных действий, информирует о предстоящих делах, руководит планированием совместной деятельности группы, сообщает о решениях вышестоящего руководства, мотивирует вовлекаемых, вдохновляет их, позволяет себе повышение тона речи, перебивы, критику и т. п.

Зависимая роль вовлекаемых прослеживается в том, что они соблюдают субординацию по отношению к коммуникативному лидеру (субъекту вовлечения), объем их реплик варьирует в зависимости от этапа вовлечения (в целом он заметно увеличивается по мере вхождения вовлекаемых в экстремистскую организацию; на стадии погружения в деятельность могут обнаруживаться эпизоды оспаривания лидерства, конкурентной борьбы); они дают ответы на поставленные лидером вопросы, спрашивают разрешения, прежде чем изменить направление дискуссии, выполнить какие-либо действия, допускают возможность собственных ошибок, склонны соглашаться с субъектом вовлечения, интерпретируют происходящее под углом зрения лидера, запрашивают у него дополнительную информацию, советы, рекомендации, отчитываются перед ним, демонстрируют позитивный настрой на восприятие информации, выражают собственное (не / до)понимание, стремятся лучше разобраться в обсуждаемых вопросах, готовят и демонстрируют выполнение домашнего задания, результат обучения, размышлений, принимают и соблюдают нормы взаимодействия в группе — измененное сознание и поведение и т. д.

Поскольку процесс вербовки в деятельность экстремистских организаций носит чаще всего конспиративный характер, обнаруживаются и особые, в той или иной степени скрытые для вовлекаемого, контролирующие речевые действия вовлекателей (вопросы и опросы, обсуждения «за глаза», тесты, провокации и проч.), применяемые с целью выявления успешности воздействия на том или ином этапе и возможности перевода адепта на следующий «уровень». Подобные речевые факты, безусловно, свидетельствуют о целенаправленности вовлечения. Наиболее продвинутые вовлекатели используют также методы глубокого психологического воздействия (проявляющегося в речевых актах), варьируя на каждом из этапов «мишени манипуляции» — с учетом постепенного усвоения объектом ценностей экстремистской организации: если на ранних стадиях это потребности человека в общении, дружеском участии, поддержке, эмпатии, в принадлежности к группе единомышленников, в отсутствии личных и др. проблем, в одобрении, подтверждении высокого социального статуса, самооценки, то впоследствии ими становятся потребности человека в безопасности (идея защиты от «врага»), в самореализации, подтверждении уникальности (избранности) собственной личности, в одобрении и авторитете в группе единомышленников, в выполнении сверхзадач, опасной, криминальной деятельности, в реализации агрессии, жажды власти, получения социальных благ, вознаграждения, в обретении «вечной жизни», в доминировании, служении «высшему закону», в принадлежности к закрытому сообществу, существующему ради благородных целей и идей, в преодолении внешнего давления посредством сопричастности, включенности в круг членов такого сообщества, а также потребность в повышении своей роли, статуса в данной группе и др.

Деятельность по вовлечению в экстремистские организации воспроизводима до тех пор, пока не достигнута ее главная цель или она не пресечена правоохранительными органами. Думается, что в ситуации отсутствия в УК РФ строгой определенности понятия и способов осуществления вовлечения, при проведении лингвистических экспертиз имеет смысл отталкиваться от устройства конфликтогенных текстов, которое, как мы показали, предопределяет расширительные трактовки этого феномена (см. аналогичные точки зрения в психологической и юридической литературе: [Голяндин 2013: 37; Кашин 2015: 110]) — как побуждения,

приобщения людей (объектов вовлечения) к (со-)участию в какой-либо, в т. ч. противоправной, деятельности посредством трансляции, возбуждения либо формирования в их сознании специфической мотивационной установки в процессе речевого и иного воздействия субъекта (вовлекателя), осуществляемого в конкретных социальных условиях, реальном либо виртуальном дискурсе. На этой основе возможно решение лингвистом-экспертом следующих задач: 1) выявление коммуникативных намерений говорящего (адресанта, вовлекателя); 2) соотнесение коммуникативных намерений с «мишенями» воздействия; определение характера целевой аудитории, адресата речи, вовлекаемых; 3) отслеживание и характеристика стратегий, тактик и конкретных речевых средств воздействия; 4) описание содержания деятельности, в которую осуществляется вовлечение (этот аспект является наиболее важным для комплексной экспертизы и суда); 5) определение степени вовлеченности участников коммуникации в данную деятельность (= результат вовлечения) с учетом речевых и поведенческих маркеров.

Литература

- Баранов 2013 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта — Наука, 2013.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. М. — Л.: Издательство АН СССР, 1948–1965.
- Бельчиков и др. 2010 — Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. М.: ИПК «Информкнига», 2010.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009.
- Галяшина 2006 — Е. И. Галяшина. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. М.: Юридический Мир, 2006.
- Голяндин 2013 — Н. П. Голяндин, А. В. Горячев. Мотивации вербовки в экстремистские и террористические организации // Вестник Краснодарского государственного университета МВД России 2 (20), 2013. С. 37–40.
- Гришечко 2008 — Е. Г. Гришечко. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки 4, 2008. С. 53–59.
- Денисюк 2004 — Е. В. Денисюк. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уральский федеральный университет, Екатеринбург, 2004.

- Злоказов 2014 — К. В. Злоказов, Р. Р. Муслумов. Психологические особенности вовлечения несовершеннолетних в молодежные экстремистские группировки // Педагогическое образование в России 5, 2014. С. 81–87.
- Ильин 2004 — Е. П. Ильин. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2004.
- Катышев, Кильдибекова 2015 — П. А. Катышев, Б. Е. Кильдибекова. Вовлечение с позиций риторической критики // Вестник Кемеровского государственного университета 4–4, 2015. С. 89–96.
- Кашин 2015 — О. В. Кашин. Подкуп как проявление склонения, вовлечения и вербовки в статьях особенной части уголовного кодекса Российской Федерации // Человек: преступление и наказание 2, 2015. С. 110–114.
- Лурия 2002 — А. Р. Лурия. Письмо и речь: Нейролингвистические исследования. М.: Издательский центр «Академия», 2002.
- МАС — А. П. Евгеньева (гл. ред.). Словарь русского языка в четырех томах. Т. 1. М.: Русский язык, 1985.
- Романова 2015 — Н. М. Романова. Разновидности вовлечения личности в криминальную деятельность // Известия Саратовского университета. Новая серия: Философия. Психология. Педагогика 15 3, 2015. С. 96–100.
- Сокол 2014 — Е. В. Сокол. Понятие систематичности при вовлечении несовершеннолетнего в совершении антиобщественных действий // Общество и право 4, 2014. С. 134–138.
- Соловьева 2006 — В. А. Соловьева. Мотивационная сфера личности: системный подход. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006.
- СТС 2005 — С. А. Кузнецов (гл. ред.). Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2005.
- Теория и практика 2003 — М. В. Горбаневский (ред.). Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. М.: Галерея, 2003.
- Хазимуллина 2013 — Е. Е. Хазимуллина. Лингвистическая экспертиза текстов с имплицитным содержанием // Юрислингвистика 2, 2013. С. 78–93.
- Хазимуллина 2015 — Е. Е. Хазимуллина. К проблеме выявления скрытых призывов в экстремистских текстах // Гуманистическое наследие просветителей народов Евразии в культуре и образовании. Уфа: Издательство БГПУ, 2015. С. 333–339.
- Шахматова 2014 — Т. С. Шахматова. Приемы вовлечения читателя в текст как манипулятивный речевой прием при информационной атаке на социальную группу // А. П. Чудинов (гл. ред.). Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2014. С. 270–274.

- Chafe 1985 — W. Chafe. Linguistic Differences Produced by Differences between Speaking and Writing // D. R. Olson, A. Hildyard, N. Torrance (eds.). Literacy, Language, and Learning. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 105–123.
- Chafe, Danielewicz 1987 — W. Chafe, J. Danielewicz. Properties of Spoken and Written Language // R. Horowitz, S. J. Samuels (eds.). Comprehending Oral and Written Language. San Diego: Academic Press, 1987. P. 83–113.
- Goffman 1963 — E. Goffman. Behavior in public places // Notes on the social organization of gatherings. New York: Free Press of Glencoe, 1963.
- Gumperz 1982 — J. Gumperz. Discourse Strategies // J. Gumperz (ed.). Studies in Interactional Sociolinguistics. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Gumperz 1992 — J. Gumperz. Contextualization and Understanding // A. Duranti, C. Goodwin (eds.). Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 229–252.

Часть III

Varia

О. А. Волошина

МГУ, Москва

ШИВА-СУТРЫ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ МЕТАЯЗЫКА ГРАММАТИКИ ПАНИНИ

1. Введение

Знаменитая грамматика Панини (*Aṣṭādhyāyī* — Восьмикнижие), как известно, представляет собой совокупность правил-сутр (около 4 000 правил), предписывающих синтез санскритских словоформ из морфем (в соответствии с этим основной текст грамматики называется *pāṇinīya vyākaraṇa sutra vṛtti*). Текст грамматики сопровождается тремя приложениями, содержащими перечень языковых элементов — исходных единиц, используемых при синтезе словоформ: *Ṣiva-sūtrās* (список звуковых элементов санскрита), *Dhātu-pāṭha* (список санскритских корней) и *Gaṇa-pāṭha* (список именных основ); поэтому сутры Восьмикнижия содержат многочисленные ссылки на эти списки. Если *Dhātu-pāṭha* и *Gaṇa-pāṭha* (списки морфем) следовали за грамматикой как материал, из которого в соответствии с правилами создаются словоформы, то *Ṣiva-sūtrās* (Шива-сутры) предшествовали тексту грамматики, являясь своеобразным ключом, помогающим «расшифровывать» сложный для прочтения и понимания текст Восьмикнижия. Список звуковых единиц в грамматике Панини получил название Шива-сутры, потому что, согласно легенде, сам бог Шива подарил грамматисту Панини эту классификацию звуков — божественное происхождение Шива-сутр подчеркивает огромную роль этого списка для понимания Восьмикнижия.

2. Принцип классификации единиц в Шива-сутрах

Шива-сутры неоднократно становились объектом лингвистического исследования, однако до сих пор этот текст остается не до конца разгаданным и порождает множество вопросов, как и грамматика Панини в целом. Интересно попробовать разобраться, какие именно элементы перечислены в Шива-сутрах — это звуки, фонемы,

своеобразные «фонемоподобные единицы» или морфемы¹? А может быть вообще ни один из терминов, разработанных европейской и американской лингвистической традицией не подходит для обозначения единиц, представленных в Шива-сутрах? Тогда возникают вопросы: на каких основаниях Панини выделяет перечисленные в Шива-сутрах единицы, как он их группирует, и какую роль играют эти классы единиц в грамматике Панини. Почему для своей грамматики Панини не использует традиционный алфавит, а создает собственную классификацию звуковых сегментов санскрита? Почему классификация, представленная в Шива-сутрах, выглядит именно таким образом — имеется в виду разбиение звуков на классы, порядок следования элементов в составе каждой сутры и т. п.? В нашей работе мы попытаемся предложить ответы на вышеперечисленные вопросы, исходя из роли Шива-сутр в грамматике Панини.

Шива-сутры — это 14 классов (рядов) звуковых единиц санскрита, расположенных в определенном порядке. Рассмотрим принцип классификации звуков в Шива-сутрах, попробуем определить характер перечисленных единиц и особенности их группировки, учитывая функции звуков в словообразовании и словоизменении санскрита и способ подачи материала в грамматике Панини.

Прежде чем мы начнем рассуждать о характере звуковых элементов Шива-сутр, опишем широко применяемый Панини прием пратьяхары — сокращенного представления класса языковых элементов. Этот технический прием позволяет Панини использовать в тексте грамматики самые разные комбинации звуковых элементов Шива-сутр, более того, прием пратьяхары, как мы покажем далее, организует весь текст Шива-сутр.

2.1. Техника пратьяхар как принцип организации Шива-сутр

В списке Шива-сутр каждый ряд звуков пронумерован, для метаязыка грамматики очень важной является последовательность единиц в классе, порядок единиц в ряду строго фиксирован, их нельзя

¹ Вопрос о природе единиц, сгруппированных в Шива-сутрах даже не ставится (а уж тем более не разбирается подробно) в работах исследователей. Авторы работ по грамматике Панини, упрощая картину, часто называют Шива-сутры классификацией **звуков**, противопоставляя спискам морфем (таким, как Дхату-патха и др.). Мы будем ссылаться лишь на две работы отечественных ученых, в которых затрагивается этот вопрос [Яковлев 2001; Захарьин 2007].

Таблица 1. Шива-сутры

1.	a	i	u	Ṇ				
2.	ṛ	ḷ	K				
3.	e	o	Ñ				
4.	ai	au	C				
5.	h	y	v	r	Ṭ			
6.	l	Ṇ				
7.	ñ	m	ñ	ṇ	n	M		
8.	jh	bh	Ñ		
9.	gh	ḍh	dh	Ṣ		
10.	j	b	g	ḍ	d	Ṣ		
11.	kh	ph	ch	ṭh	th	c	ṭ	t	V
12.	k	p	Y
13.	ç	ṣ	s	R
14.	h	L

[Sharma 2002: 1]

переставлять, потому что на основе этих цепочек, составляются пратьяхары — технические обозначения классов (рядов) элементов². Пратьяхара (*pratyāhāra* букв. ‘стяжение, компрессия, извлечение’) — особый прием сокращенного описания языковых единиц, представленный в грамматике Панини и широко используемый впоследствии другими авторами индийских лингвистических трактатов. Этот прием позволяет кратко (одним символом) представлять ряд языковых элементов (морфем или звуков), причем последовательность элементов в списке должна быть строго фиксирована. Такие списки звуков мы находим в Шива-сутрах и в алфавите санскрита, а списки морфем (флексий) — в парадигмах склонения и спряжения. В некотором смысле можно сказать, что пратьяхара представляет собой своеобразную аббревиатуру — начальный и конечный элемент некоторого множества обозначают последовательность всех расположенных между ними элементов.

Метод компрессионного извлечения и отображения подмножеств фонологических или морфологических единиц в древнеиндийской лингвистической традиции носит название *sandañça-nuāya* («метод щипцов») [Военец 2006: 67].

² Шива-сутры называются еще Пратьяхара-сутры, ведь ряды фонем в данном случае используются как материал для составления пратьяхар.

Согласно определению Панини, пратьяхара есть «начало вместе с концом», то есть начало и конец класса единиц: *antyena saheTā*, что означает: «сочетание начального элемента пратьяхары и конечного элемента с показателем (*iT*) (называют и себя и элементы, находящиеся между ними)» (1.1.71)³. В грамматике Панини пограничные звуки (маркеры) обозначаются техническим символом *iT* (форма причастия от глагольного корня \sqrt{i}^4 ‘идти’, то есть ‘проходящий, исчезающий’), а в комментаторской литературе такой технический показатель границы класса языковых единиц называется анубандхой (*anubandha* — ‘индикатор, показатель, ограничитель’)⁵. В Шива-сутрах анубандхи (показатели конца фонетического класса) обозначены заглавными буквами. Называя начальный звук и анубандху какого-либо класса звуков, грамматист обозначает все звуки, находящиеся между ними. Например, символ *aC* обозначает все гласные звуки санскрита, а символ *haL* — все согласные, что легко понять из таблицы Шива-сутр. Эти технические обозначения гласных и согласных звуков часто используются в тексте грамматики Панини. Например: *na aC haLau (savarna)* — «гласные и согласные звуки не являются звуками саварна (т. е. однородными)» (1.1.10). Очевидно, что пратьяхара может начитаться не с первого звука определенной сутры, а с любого — в этом случае техническим термином обозначается перечень звуков, начиная от этого звука до анубандхи, включая все расположенные между ними звуки⁶. Например, пратьяхара *iK* включает звуки *i, u, r, l̥*.

³ Традиционно каждая сутра грамматики Панини нумеруется и обозначается последовательностью из трех цифр: первая цифра обозначает порядковый номер книги Восьмикнижия, вторая цифра — номер раздела и третья цифра — номер сутры. Например, сутра 1.1.74 — это семьдесят четвертая сутра первого раздела первой книги грамматики Панини. В данной статье используется издание Sharma R. N. *Aṣṭādhyāyī of Pāṇini* [Sharma 2002].

⁴ Значок $\sqrt{\quad}$ традиционно используется для обозначения корня санскритского слова. В древнеиндийской грамматической традиции именно корень слова считался исходной морфемой при образовании частей речи. Список корней (Дхату-патха) — классификация реально существующих и гипотетически реконструируемых корневых морфем глагольных и именных словоформ санскрита — также входит в состав корпуса грамматики Панини.

⁵ Анубандха может технически оформлять не только пратьяхару — класс единиц, но и сопровождать отдельный звук или морфему (при звуке используется традиционно пратьяхара *T*; например, *aT* — обозначение изолированного звука *a*).

⁶ Теоретически на базе Шива-сутр можно сформировать 305 пратьяхар, но практически для описания грамматики санскрита используется только 42 [Misra 1966: 41].

В третьей части первой книги Восьмикнижия в сутрах со 2 по 8 перечисляются звуки, используемые Панини как анубандхи: это и показатели конца фонетического класса в пратьяхарах Шива-сутр, и технические маркеры отдельных морфем или классов аффиксов и т. п. Например, сутра 1.3.3 грамматики Панини содержит пратьяхару, обозначающую согласные звуки в функции анубандхи: *haL antyam* «конечный элемент, представленный согласным пратьяхары *haL*, является анубандхой *iT*». Согласно правилу 1.3.9 все перечисленные маркеры претерпевают элизию (*lora*) при оперировании конкретными языковыми единицами при синтезе словоформ: *tasya loraḥ*. Сутра поясняет, что анубандха не учитывается при лингвистическом анализе обозначаемых элементов, эта «приставная» буква-звук лишь указывает на границу класса.

Итак, пратьяхары позволяют не только кратко представить ряд языковых элементов в виде технического символа, упрощая грамматическое описание, но и диктуют определенную последовательность элементов в списке, организовывая классификацию языковых единиц (звуков или морфем). Пратьяхары широко используются в грамматике Панини для обозначения звуковых элементов Шива-сутр. В нашей работе мы также будем пользоваться пратьяхарами для объяснения принципов классификации звуков в Шива-сутрах.

Теперь попробуем определить природу звуковых элементов, представленных в списках Шива-сутр.

2.2. Фонетическая база Шива-сутр

Можно ли сказать (упрощая и неизбежно искажая картину), что Шива-сутры — фонетическая классификация звуков? Артикуляционно-акустическая основа списков Шива-сутр очевидна, но непонятно, зачем Панини понадобилось придумывать новый перечень звуков, ведь известно, что индийский алфавит представляет собой строгую и исчерпывающую фонетическую классификацию звуковых сегментов, чрезвычайно удобную для описания фонетики санскрита. Еще до Панини в Индии существовала традиция описания и точной характеристики звуков, наблюдения за характером ударения, типом интонации и т. п. Идеи древнеиндийских фонетистов сразу же были высоко оценены европейскими лингвистами, знакомство европейцев с древнеиндийскими лингвистическими трактатами стимулировало развитие фонетики в Европе. И. А. Бодуэн де Куртенэ писал:

Одному только древнеиндийскому (санскритскому) алфавиту... свойственен порядок, основанный на физиологическом и акустическом родстве и на естественной последовательности ассоциируемых с графемами произносительно-слуховых элементов. Поэтому изучение санскритского алфавита может служить прекрасным введением в общую фонетику [Бодуэн де Куртенэ 1912: 91].

Современные исследователи отмечают:

индийский алфавит — единственный в мире, где порядок знаков не случаен, а основан на почти безупречной научной классификации фонем [Катенина, Рудой 1980: 72].

В самом деле, расположение графических значков в алфавите санскрита отражает строгую артикуляционно-акустическую классификацию соответствующих им звуковых сегментов. Важно заметить, что при обозначении согласных звуков на письме в системе деванагари графический значок обозначал не отдельный согласный звук, а слог — сочетание согласного звука с гласным *a*. Гласные звуки в изолированной позиции или в позиции начала слова обозначались специальными графическими значками, а в позиции после согласного — диакритиками.

Горизонтальные, и вертикальные ряды таблицы имеют определенную фонетическую характеристику.

Итак, алфавит деванагари организован с учетом четкой фонетической классификации звуковых сегментов, передаваемых графическими значками. Во-первых, алфавит строго противопоставляет гласные, слоговые сонанты и согласные звуки. Во-вторых, дает характеристику согласных по месту образования (горизонтальные ряды таблицы — *varga*) и способу образования: сначала идет перечень смычных согласных (*spr̥ṣṭa* — ‘образованные прикосновением’), затем полугласных (*antaḥsthā* — ‘стоящие между’) и фрикативных (спирантов) (*ūṣman* — ‘жар, зной’).

Гласные расположены в следующем порядке: простые гласные (краткие и долгие), слогообразующие плавные сонанты, гласные дифтонгического происхождения и дифтонги.

Далее идет основной корпус согласных звуков (первая группа согласных — смычные), представляющий собой прямоугольную таблицу, состоящую из пяти горизонтальных рядов (*varga*) — ряд заднеязычных (*kaṇṭhya*) — *k kh g gh ṅ*; палатальных (*tālavya*) —

Таблица 2. Алфавит санскрита

Гласные						
Гласные простые краткие и долгие	a	ā	i	ī	u	ū
Сонанты слогообразующие (краткие и долгие)	r̥	ṝ	l̥	ḹ		
Гласные дифтонгического происхождения и дифтонги	e	ai	o	au		
Согласные						
	Глухой простой					
	Глухой придыхательный					
	Звонкий простой					
	Звонкий придыхательный					
			Носовой			
Велярные	ka	kha	ga	gha	ṅa	
Палатальные	ca	cha	ja	jha	ña	
Церебральные	ṭa	ṭha	ḍa	ḍha	ṇa	
Дентальные	ta	tha	da	dha	na	
Лабialsные	pa	pha	ba	bha	ma	
Неносовые сонанты	ya	ra	la	va		
Фрикативные шумные	ṣa	ṣa	sa	ha		

Для простоты и удобства представления материала в работе приводится транслитерация знаков системы письма деванагари.

c ch j jh n; церебральных (*mūrdhanya*) — *ṭ ṭh ḍ ḍh ṇ*; зубных (*dantya*) — *t th d dh n*; и губных (*oṣṭhya*) — *p ph b bh m*. Мы видим, что все пять рядов содержат по пяти смычных согласных, расположенных в строго определенном порядке, а именно: глухой, глухой придыхательный, звонкий, звонкий придыхательный, носовой звук. Таким образом, алфавитное расположение звуков строго противопоставляет звонкие и глухие согласные, придыхательные и непридыхательные, носовые и неносовые (по этим признакам звуки группируются в вертикальные столбцы).

Затем следует вторая группа согласных — ряд неносовых сонантов, расположенных с учетом места образования: палатальный (*y*), язычный (*r*), зубной (*l*) и губной (*v*). Два согласных в центре ряда: *r* и *l* — плавные согласные.

Третья группа согласных представляет собой ряд шумных спирантов, расположенных в следующем порядке — ζ , ξ , s и задненебный спирант h .

Панини составляет пратьяхары на основе алфавита, если ему необходимо перечислить согласные, имеющие общее место образования. Так, он употребляет символ kU для обозначения группы велярных согласных, представленных в алфавите: k , kh , g , gh , \tilde{n} . Символ kU объединяет последовательность звуков, начиная с k , а показателем конца цепочки является анубандха U . Аналогично с учетом алфавитного расположения звуков образуются символы cU , $\dot{t}U$, tU , pU , обозначающие, соответственно, ряды палатальных, церебральных, зубных и губных согласных. Панини использует алфавитное расположение звуков крайне редко, лишь в тех случаях, когда расположение звуков в алфавитном порядке помогает кратко и более наглядно продемонстрировать то или иное правило грамматики. Например, сутра «*coḥ kuḥ*» (8.2.30) гласит, что палатальные звуки пратьяхары cU меняются на велярные kU , когда cU конечные или за ними следуют согласные пратьяхары $jhaL$. Например, $va(c > k) + tr(C) + Su > vaktā$.

Как уже было сказано, Панини редко использует алфавитное расположение звуков санскрита, традиционный алфавит, отражающий артикуляционно-акустическую классификацию звуков санскрита, оказался мало пригодным для формулирования правил грамматики. Для достижения собственной цели — описания грамматики санскрита — Панини создает новую классификацию звуков — Шива-сутры, которая, без сомнения, тоже является своеобразной фонетической классификацией, используемой для описания синтеза словоформ санскрита в грамматике Панини.

Рассмотрим артикуляционно-акустическую характеристику звуков в Шива-сутрах.

Первая сутра содержит простые краткие гласные a , i , u и обозначается пратьяхарой $aṆ$, вторая сутра содержит слогообразующие сонанты r , l — пратьяхара $ṛK$. Первый и второй классы объединились в единую пратьяхару aK , которая обозначает простые гласные.

Третья сутра содержит гласные дифтонгического происхождения e , o — пратьяхара $eṆ$, а четвертая сутра — собственно дифтонги ai , au — пратьяхара aiC . Вместе гласные третьей с четвертой сутры образуют пратьяхару eC .

Пятая сутра состоит из полугласных звуков *h, u, v, r*, объединяемых пратьяхарой *haṬ*. Особняком стоит согласный *l*, представляя шестую сутру. Полугласные звуки *u, v, r, l* обозначаются пратьяхарой *yaṆ*.

Седьмая сутра содержит носовые звуки: *ñ, m, ñ, ṅ, n*; и составляет пратьяхару *ñam*.

Восьмая и девятая сутры содержат звонкие смычные придыхательные: *jh, bh, gh, dh, dh*, которые объединяются пратьяхарой *jhaṢ*.

Десятая сутра представляет собой ряд звонких смычных непридыхательных согласных *j, b, g, ḡ, d*, которые обозначаются пратьяхарой *jaṢ*.

Одиннадцатая сутра содержит ряд глухих смычных придыхательных *kh, ph, ch, ṭh, th* и непридыхательных *c, ṭ, t*, которые представлены пратьяхарой *khaV*. Следующая пратьяхара содержит согласные *k, p*, объединяемые пратьяхарой *kaY*. Пратьяхара *khaY* объединяет все глухие смычные придыхательные одиннадцатой и двенадцатой сутры.

Тринадцатая сутра представляет фрикативные согласные *ṣ, ś, s*, обозначенные пратьяхарой *ṣaR* (8.3.35,36), а последняя сутра содержит единственный согласный *h*, который, объединяясь с фрикативными согласными, включается в пратьяхару *ṣaL*.

Как видно из приведенной ниже таблицы, звуки в Шива-сутрах группируются по их фонетическим признакам, характеристикам, то есть Шива-сутры — фонетические классы.

При сравнении групп звуков в Шива-сутрах с традиционным алфавитным расположением графем, обозначающих звуки санскрита, оказывается, что алфавит представляет собой более последовательную и строгую артикуляционно-акустическую классификацию звуков, в то время как в Шива-сутрах этот принцип часто нарушается. Легко заметить некоторые явные преимущества фонетических характеристик групп звуков, расположенных в алфавитном порядке. Мы видим, например, что звуки в Шива-сутрах не представляют четкой классификации по месту образования: например, сутра 10 объединяет следующий ряд звонких смычных непридыхательных согласных: палатальный, лабиальный, велярный, церебральный, зубной, а сутра 12, представляющая ряд глухих смычных непридыхательных, включает всего 2 звука — велярный и губной. Кроме того, некоторые классы в Шива-сутрах

Таблица 3. Артикуляционно-акустическая характеристика звуков в Шива-сутрах

Шива-сутры						Анубандха		
Гласные								
1–2	a	i	u	r̥	l̥	К		
3		e	o			Ñ		
4		ai	au			С		
Полугласные								
5	h							
5–6		y	v	r	l	Ṇ		
Носовые								
7		ñ	m	ṅ	n	М		
Звонкие смычные придыхательные								
8–9		jh	bh	gh	ḍh	dh	Ṣ	
Звонкие смычные непридыхательные								
10		j	b	g	ḍ	d	Ṣ	
Глухие смычные придыхательные								
11			kh	ph	ch	ṭh	th	[V]
Глухие смычные непридыхательные								
11				c	ṭ	t	V	
12			k	p			Y	
Фрикативные								
13				ç	ṣ	s	R	
14			h				L	

объединяют звуки различной фонетической характеристики, а близкие с точки зрения артикуляционно-акустических признаков звуки оказываются в разных сутрах. Например, сутра 11 содержит придыхательные и непридыхательные смычные глухие, хотя часть смычных глухих оказывается отнесена к 12 сутре.

Интересно, что алфавит и Шива-сутры предлагают прямо противоположный порядок расположения согласных звуков: в алфавитных рядах — от велярных, задненебных согласных — к лабиальным; Шива-сутры, наоборот, от палатальных (среднеязычных) и лабиальных — к велярным и зубным для звонких согласных и от велярных через губные и палатальные

к зубным согласным для глухих. Расположение звуков в Шива-сутрах, как и в алфавите, позволяет объединить согласные не только по месту и способу образования, но и противопоставить придыхательные и непридыхательные согласные.

Таким образом, фонетическая база Шива сутр очевидна, однако принцип фонетической классификации в Шива-сутрах последовательно не выдерживается. Например, в приведенной таблице в квадратных скобках анубандха *V* находится там, где она должна стоять, если следовать логике фонетической классификации согласных звуков, потому что с ее помощью можно объединить в один класс глухие смычные непридыхательные согласные. Почему Панини употребляет эту анубандху не после *th*, а после *t*? Дело в том, что такое расположение позволяет сформулировать важную для грамматики санскрита пратьяхару *chaV*, которая включает два симметричных ряда придыхательных и непридыхательных согласных: *ch*, *ṭh*, *th* и *c*, *ṭ*, *t*. Например, эта пратьяхара используется в сутре 8.3.7, формулирующей правило изменения конечного *n* на фриктивный перед согласными, объединенными пратьяхарой *chaV*: *ch*, *ṭh*, *th*, *c*, *ṭ*, *t*.

Можно сказать, что традиционный алфавит представляет собой более последовательную и удобную фонетическую классификацию, а Шива-сутры, помимо фонетических характеристик звуков, содержат еще информацию о поведении звуков в составе морфем, то есть предлагают классификацию фонем. Еще В. Аллен отмечал фонематическую природу Шива-сутр: разница между алфавитным порядком расположения звуков и Шива-сутрами Панини может быть объяснена с точки зрения фонологии, а не фонетики [Allen 1953: 20]. А. В. Парибок пишет о Шива-сутрах:

Несмотря на его феноменальную краткость, в этом тексте проявляется вполне определенное теоретическое воззрение на природу фонемы, а равно и метод представления знания о фонологической системе языка [Парибок 1981: 143].

2.3. Фонологическая база Шива-сутр

Как мы показали выше, и алфавит деванагари, и списки Шива-сутр опираются на фонетический принцип классификации звуков по артикуляционно-акустическим характеристикам, именно поэтому часто, упрощая реальную картину, говорят о том, что Шива-сутры и алфавит деванагари представляют собой попытки фонетических

классификаций **звуков** санскрита. Понятно, что звуков в живой речи гораздо больше, причем число оттенков любого звука неизбежно возрастает по мере усовершенствования оборудования, служащего для записи и распознавания человеческой речи. Очевидно, не все звуки санскрита нашли отражение в алфавите санскрита и в списке Шива-сутр: стоит хотя бы упомянуть анунадику (*anunāsika* — букв. ‘сопровождающая назальность’) — назализацию гласного звука, анусвару (*anusvāra* — букв. ‘следующий за гласным’) — носовой спирант и висаргу *ḥ* (*visarga* — букв. ‘выход наружу, исторжение’) — придыхание. Это особые звуки, образующиеся в результате комбинаторного и позиционного изменения звуков в потоке речи (в древнеиндийских грамматических трактатах эти звуки называются «вспомогательными»). Понятно, что разнообразные оттенки звуков не могли (и не должны) быть зафиксированы графическими значками алфавита, ведь в потоке речи в результате коартикуляции возникает приспособление звуков друг другу, их изменение, приобретение звуком разнообразных оттенков и призвуков.

Можно предположить, что в индийском алфавите графическими значками представлены **фонемы** санскрита, ведь общеизвестно, что удобным алфавитом является такой, в котором буквами обозначаются фонемы. Именно по такому принципу были созданы древнейшие алфавиты (например, кириллица для славянской письменности) задолго до теоретического осмысления понятия фонемы и создания фонологических школ. Именно поэтому создателей алфавитов: Кирилла и Мефодия, Месропа Маштоца и др. стали называть «стихийными фонологами». Представляется, что алфавит деванагари должен отражать систему фонем санскрита, однако это не совсем так — список фонем санскрита, предложенный А. А. Зализняком в «Грамматическом очерке санскрита» [Зализняк 1987: 798] не совпадает с теми звуковыми сегментами, которые получили обозначение специальными графическими символами в алфавите деванагари.

А. А. Зализняк отмечает, что звуки *i* и *u*, *ṛ* и *r*, *ḷ* и *l* находятся в дополнительной дистрибуции и объединяются в фонемы /i/, /r/ и /l/. «Слогообразующий звук (*i*, *ṛ*, *ḷ*) выступает в позиции между согласными, а также после согласной перед паузой и после паузы перед согласной. В прочих позициях выступает неслогообразующий звук (*u*, *r*, *l*)» [Зализняк 1987: 797].

Висарга (*ḥ* — глухое придыхание после гласного) как «фонологически несамостоятельный звук» не включается в список

Таблица 4. Список фонем санскрита

Гласные и носовые сонанты:		a, i, u, v, r, l; ā, ī, e, ū, o, (ai), (au), (ī)			
Шумные и носовые согласные:					
k	kh	g	gh	(ñ)	h
c	ch	j	jh		ç
ṭ	ṭh	ḍ	ḍh	ṇ	ṣ
t	th	d	dh	n	s
p	ph	b	bh	m	

фонем (как и его комбинаторные варианты — джихвамулия и упадхмания, засвидетельствованные только в ведийском языке). В круглых скобках показаны фонемы, обладающие «ограниченной фонологической самостоятельностью» — например, дифтонги *ai*, *au* [Зализняк 1987: 797].

Итак, список фонем санскрита не совпадает с единицами, нашедшими отражение в алфавите санскрита. В связи с этим интересным представляется вопрос — какие именно сегменты звучащей речи отражались за списком графических символов в алфавите деванагари?

Этот вопрос неоднократно обсуждался в лингвистической литературе, достаточно сослаться на содержательную статью А. В. Яковлева «О некоторых элементах фонологии в древнеиндийских фонетических представлениях» [Яковлев 2001]. Автор указывает, что эти фонемоподобные единицы не совпадают ни со звуками, ни с фонемами (в традиционном понимании), предлагает называть эти единицы спхотами⁷ и отмечает, что их список близок списку фонем, но не повторяет его.

Сам порядок перечисления звуковых сегментов санскрита, *varṇa-satātṅpāya*, ставший впоследствии порядком расположения графем индийских алфавитов, в частности брахми и деванагари, близко подходит к тому, что современный фонолог установил бы для санскрита в результате субституционально-дистрибутивного анализа изолированных слов [Яковлев 2001: 215].

⁷ Спхота — (*sphoṭa* — ‘вспышка’ от √ *sphuṭ* ‘взрываться, раскрываться’) в индийской лингвистической философии вечный и неделимый архетип звука. Теорию о спхоте традиционно возводят к школе Спхотаяны, имя которого упоминает Панини, однако термином спхота Панини не пользуется.

Тут же автор отмечает, что «к результату аналогичного исследования слитной речи этот список подходит еще ближе». Автор статьи пытается «реконструировать» фонологические представления древних индусов, нигде не сформулированные в явном виде, стремится определить научные принципы выделения именно такого списка элементов, который был предложен индийскими учеными и материализовался в алфавите деванагари. А. В. Яковлев утверждает, что древнеиндийские грамматисты

вполне последовательно проводили здесь вполне научный — и при том вполне фонологический — принцип, хотя их фонология не совпадает ни с одной из трех наиболее привычных нам фонологических традиций [Яковлев 2001: 218].

Как известно, две ведущие отечественные фонологические школы (ленинградская и московская) расходились в количестве выделяемых в русском языке фонем, поскольку понимание фонемы существенным образом отличалось у представителей этих научных направлений⁸.

Можно предположить, что в рамках грамматической традиции древней Индии возникла стройная классификация **фонем** санскрита на основе анализа фонетических характеристик реализаций этих фонем в звучащей речи. Именно эта система фонем (в понимании древнеиндийских грамматистов) и нашла отражение в алфавите деванагари.

Можно ли сказать, что Шива-сутры — тоже списки фонем? Если Шива-сутры — классификация фонем, то почему в перечне

⁸ Вот как писал о сложившейся в отечественной фонологии ситуации С. Я. Бернштейн:

Фонологи напоминают мне сектантов. Каждый хвалит свою секту, а другую полностью отвергает. Фонологи убеждены, что прежде никто в фонологии ничего не понимал, что ее вообще не существовало. Теперь она появилась, и ее представляет данная секта. Аванесов полностью отвергает Щербу, ученики Щербы — московскую фонологическую школу... Однако никто из них не задумывается над тем, почему русская орфография, в своих основах созданная давно, покоится на фонологических принципах... Все дело в том, что многие фонологические представления возникли еще в давние времена... Фонологи не понимают, что различия в некоторых фонологических принципах объясняются не общими логическими построениями, философскими принципами, а задачам данного описания [Бернштейн 2002: 194].

нет долгих гласных, а согласный *h* встречается дважды (в 5-ой и 14-ой сутре). Отсутствие долгих гласных тем более удивительно, что и в алфавите, хорошо известном Панини, и в реконструируемом списке фонем санскрита, строго различаются краткие и долгие гласные *a i u*. Конечно, долгие гласные звуки используются в тексте грамматики — хотя бы в самой первой сутре, формулирующей чередование *vrddhi*, однако в Восьмикнижии долгие гласные употребляются отдельно с анубандхой (например, $\bar{a}T$), а не в составе пратьяхар на основе Шива-сутр. При необходимости указать на долготу гласного Панини употребляет термин *dirgha* — ‘долгий (гласный)’, например, в сутре *aKaḥ savarṇe dirghaḥ* «простые гласные *a, i, u, ṛ, ḷ* могут быть краткими и долгими» (6.1.101) — в результате сандхи краткие гласные, обозначенные пратьяхарой *aK*, сочетаясь с таким же гласным, превращаются в долгий гласный ($a + a > \bar{a}$).

Очевидно, что Панини в Шива-сутрах тоже оперирует фонемами (не звуками), но он формирует собственный список фонем таким образом, что Шива-сутры представляют собой не исчерпывающий перечень всех фонем санскрита, а такие классы фонем, которые позволяют наиболее экономно, но в то же время полно описать грамматику санскрита, то есть автор грамматики создает новую классификацию, отвечающую его целям описания санскрита, превращая, таким образом, Шива-сутры в важнейший элемент метаязыка грамматики. Анализ состава классов звуков Шива-сутр и их функционирование в грамматическом описании Панини целиком подтверждает это предположение.

2.4. Морфонологическая база Шива-сутр

Пратьяхары, образованные на базе Шива-сутр, используются в тексте грамматики при описании механизма образования словоформ санскрита и многочисленных морфонологических явлений, сопровождающих этот процесс.

Например, пратьяхара *aiC* (четвертая сутра) и пратьяхара $e\bar{N}$ (третья сутра) позволяют кратко сформулировать важные для санскритской грамматики законы чередования гласных в ступенях *guṇa* и *vrddhi*.

Первая сутра грамматики гласит: *vrddhi āT aiC* (1.1.1), то есть «гласные \bar{a} *ai au* есть гласные *vrddhi*» (1.1.1). Техническое обозначение $\bar{a}T$ с анубандхой обозначает долгий гласный \bar{a} , пратьяхара *aiC* представляет класс дифтонгов в Шива сутрах — *ai au*.

Сутра *guṇa aT eÑ* (1.1.2) сообщает о том, что «гласные *a, e, o* есть гласные *guṇa*». Техническое обозначение *aT* обозначает краткий гласный *a* (и анубандху *T*), пратьяхара *eÑ* — символ фонетического класса с порядковым номером 3 в списке Шива сутр (*e, o*).

Индийские грамматисты рассматривали трехступенчатое чередование гласных в морфемах: нулевая ступень (краткие гласные \emptyset^9 *i u*), после прибавления к этим гласным краткого *a* образовывалась огласовка второй ступени (гласные *guṇa* — *a e o*), прибавление еще одного краткого *a* давало третью ступень огласовки (*vrddhi* — *ā ai au*).

Например: *kṛ-~kar-~kār* 'делать'
i-~e-~ai- 'идти'
ṣru-~ṣro-~ṣrau- 'слышать'
 и т. п.

Лингвисты неоднократно отмечали фонологический характер чередований *guṇa* и *vrddhi* в санскрите. Еще В. Аллен писал о неудачной попытке фонетистов обсуждать один из выдающихся фонологических процессов санскрита — ступени гласных, ведь система чередования гласных, несомненно, была создана в рамках фонологии [Allen 1953: 12].

Пратьяхара *iK* обозначает краткие гласные *i u ṛ ḷ*, которые могут заменять гласные дифтонгического происхождения и дифтонги, что предписывается сутрой 1.1.48 Восьмикнижия: *eCaḥ iK hrasva ādeṣe* «*eC* гласные заменяются на краткие *iK* гласные».

Пратьяхара *iK* и пратьяхара *yaÑ* (обозначает полугласные *y v r l* — часть пятой сутры и шестая сутра) также используются в формулировке правила сампрасарана о взаимном чередовании звуков, т. е. замене указанных гласных на соответствующие им полугласные при определенных обстоятельствах. Например, сутра *iK yaÑaḥ saṁprasāṇam* (1.1.45) «*saṁprasāṇa* — замена гласных *i u ṛ ḷ* (*iK*) на полугласные *y v r l* (*yaÑ*)». Другая сутра описывает условия чередования сампрасарана: *iKaḥ yaÑ aCi* (6.1.77), что значит «гласные *i u ṛ ḷ* в положении перед гласным звуком (*aC*) заменяются на полугласные *y v r l*».

Ряд примеров можно продолжить. Очевидно, что Шива-сутры объединяют в группы фонемы, играющие одинаковую роль

⁹ Значок «пустое множество», ноль (*lopa*) — отсутствие звука или морфемы в системе описания санскрита в грамматике Панини.

в морфонологических чередованиях в процессе синтеза словоформ. Единицы, представленные в Шива-сутрах, можно понимать как своеобразные символы морфонологической транскрипции, как морфемы: «Шива-сутры... являют собой строго упорядоченное и расчлененное на подмножества множество морфем санскрита» [Захарьин 2007: 17]. Такое понимание единиц Шива-сутр как нельзя лучше отражает их природу, их функцию в грамматическом описании, ведь «морфонема — языковая единица, иерархически промежуточная между фонемой и морфемой и служащая для инвариантного представления морфем как элементов языкового кода» [Краткий словарь 1995: 62]. Следует заметить, что термин «морфонема» по-разному понимается лингвистическими школами, вплоть до полного сомнения в лингвистической реальности этого понятия. «Шива-сутры совмещают преимущества фонетической таблицы и списка морфонологических классов» [Парибок 1981: 146]. Получается, что Панини предлагает систему фонем санскрита, расположенных таким образом, что фонемы сгруппированы по их поведению в составе морфем, то есть каждая группа фонем, перечисляемых подряд, претерпевает одинаковые изменения в морфемах и словоформах.

Таким образом, Панини создает новую классификацию, представляющую собой не фонетические, а морфонологические классы звуков. Конечно, Шива-сутры отражают фонетическую характеристику звуков, но группировка звуков в Шива-сутрах «работает» на морфологию, поскольку позволяет объединять в группы звуки, имеющие общие функции в морфонологических изменениях. Потребность создания новой классификации звуков санскрита доказывает, что задачей грамматики Панини является описание не фонетики, а морфологии — собственно **грамматики** санскрита. «Фонологический анализ звуков, представленный списком-классификацией, целиком обусловлен грамматической структурой языка» [Staal 1988: 169–170].

3. Шива-сутры как элемент метаязыка грамматики Панини

Как удалось показать выше, единицы в Шива-сутрах расклассифицированы с учетом фонетических признаков (артикуляционно-акустических), именно поэтому часто говорят о Шива-сутрах как о классификации звуков, с другой стороны, список единиц, представленных в Шива-сутрах, очень близок к списку фонем санскрита,

так что фонологическая природа этих единиц также очевидна. Кроме того, как уже было сказано, эти фонемообразные единицы в Шива-сутрах участвуют в морфонологических чередованиях при синтезе санскритских словоформ, что позволяет говорить об их морфонологической природе. Очевидно, что список Шива-сутр представляет собой перечень не звуков, не фонем и не морфем санскрита (в терминологии современной лингвистики), хотя и фонетические, и фонематические, и морфонематические характеристики этих элементов учитываются при классификации. Природа единиц Шива-сутр, принцип их классификации становятся более понятными, если рассматривать Шива-сутры исключительно как элемент метаязыка грамматики Панини. Шива-сутры — не просто список особых единиц, а прием их представления, обусловленный структурой грамматики Панини в целом. Это ключ к грамматике, ведь анализ классификации единиц в Шива-сутрах позволяет понять архитектуру самого Восьмикнижия и в какой-то степени реконструировать метод описания языка в грамматике Панини.

В лингвистической литературе высказывалась точка зрения, согласно которой Шива-сутры представляют собой совершенно автономный текст, не принадлежащий Панини, что якобы автор Восьмикнижия заимствовал Шива-сутры и приспособил эту классификацию для описания грамматики санскрита (См. например, [Sköld 1926]). Однако это мнение не было подтверждено убедительными доказательствами и подверглось критике со стороны других исследователей (См., например, [Staal 1988]). Анализ группировки фонем¹⁰ в Шива-сутрах непонятен и необъясним вне текста грамматики, текст Шива-сутры и Восьмикнижия в значительной мере предполагают друг друга. Попробуем привести примеры, доказывающие это положение.

Шива-сутры представляют собой метаязык — фрагмент описания фонем, который сам является базой создания специфических терминов — технических обозначений классов звуков (пратьяхар), необходимых для формулировки правил грамматики. То есть Шива-сутры, с одной стороны, есть своеобразный список фонем санскрита (единиц конкретного языка), а с другой стороны — база создания технических обозначений — терминов, используемых в грамматике, а

¹⁰ Для простоты автор здесь и далее называет элементы, представленные в Шива-сутрах, фонемами.

значит важная часть метаязыка грамматики Панини. Именно такой подход позволяет понять природу и структуру Шива-сутр, ответить на некоторые вопросы, необъяснимые с точки зрения представления о том, что Шива-сутры есть независимый от основного текста Восьмикнижия или хотя бы достаточно автономный список фонем.

Почему, например, с одной стороны, сутра 11 содержит придыхательные и непридыхательные глухие смычные, с другой стороны, глухие непридыхательные смычные *k* и *p* обособлены и составляют отдельную сутру 12? Почему звонкие придыхательные разбиты на два класса — восьмую и девятую сутру? Почему стоит разделительная анубандха после *bh* и после *t*, но нет анубандхи после *th*? Почему согласный *l* изолирован от других сонорных звуков в шестой сутре, согласный *h* от других глухих спирантов в четырнадцатой сутре, кроме того, звук *h* встречается в Шива сутрах дважды — в 5-ом и 14-ом классах (этот единственный случай двойного включения звука в список Шива-сутр представляет отдельную проблему). Кроме того, порядок следования фонем в каждой сутре уникален. Например, ряды носовых (сутра 7) и звонких смычных (сутра 10) выстроены так: палатальный звук, губной, заднеязычный, ретрофлексный и зубной, а ряд придыхательных глухих выглядит иначе: заднеязычный, губной, палатальный, ретрофлексный и зубной. По какому принципу используются в Шива-сутрах анубандхи?

Итак, попробуем предложить ответы на некоторые вопросы, связанные с употреблением конкретных анубандх в Шива-сутрах (почему в роли анубандх используются те или иные звуки и чем объясняется место, занимаемой анубандхой в составе Шива-сутр). Звонкие смычные придыхательные разделены на две сутры (восьмую и девятую) анубандхой \tilde{N} , т. к. Панини необходимо было объединить согласный *bh* с согласными *m*, *y*, *v* в пратьяхару $ya\tilde{N}$ (сутры 5–8)¹¹ для формулировки правила, согласно которому краткий гласный глагольной основы меняется на долгий гласный, если за ним следуют

¹¹ Важно отметить, что пратьяхара может объединять только те звуки, которые представлены в рядах Шива-сутр, но в пратьяхаре содержатся не обязательно все звуки, имеющиеся в той или иной сутре. Так, теоретически пратьяхара $ya\tilde{N}$ должна объединять звуки *y*, *v*, *r*, *l*, \tilde{n} , *m*, \tilde{n} , $\tilde{\eta}$, *n*, *jh*, *bh*, но практически эта пратьяхара у Панини включает только звуки *y*, *v*, *m*, *bh*, поскольку именно эти звуки являются начальными звуками глагольных и именных флексий, перед которыми происходит удлинение гласного звука корня.

глагольные окончания, начинающиеся со звуков, представленных пратьяхарой $ya\tilde{N}$ (7.3.101). Например, $rac + \zeta aP + miP > racāmi$. То же изменение происходит при присоединении именных флексий (7.3.102). Именно для формулировки этого важнейшего для санскритской грамматики чередования и понадобилась анубандха \tilde{N} , объединяющая звонкий придыхательный bh с сонантами.

Анубандха T , стоящая после r закрывает ряд полугласных, образующих пятую сутру, в результате чего следующий звук l оказывается отнесенным к шестой сутре, единственным представителем которой он оказывается. Изоляция l оказывается необходимой для создания пратьяхары aT , объединяющей все гласные и полугласные, кроме l . Эта пратьяхара используется, например, при формулировке правила, согласно которому сочетание долгого гласного \tilde{a} и следующего за ним конечного согласного n перед следующим словом, начинающимся со звуков, входящих в пратьяхару aT , превращается в анунасику (8.3.3; 8.3.9 и др.). Например, $mahān + asi > maham asi$.

Двойное употребление звука h в Шива-сутрах представляет отдельную проблему. Как уже было сказано выше, висарга, по мнению большинства исследователей, не была включена Панини в список Шива-сутр¹². Спирант h дважды встречается в Шива-сутрах: если во втором случае (в 14-ой сутре), очевидно, речь идет о согласном h , возникшем из и. е. $*gh$, то первый случай (сутра 5) объединяет h с полугласными звуками, позволяя выстроить корреляцию $\frac{i}{y} = \frac{u}{v} = \frac{a}{h}$ и указывает на ларингальный характер этого звука (и по месту происхождения, и по функции в системе фонем) [Парибок 1981: 147]. Разное происхождение h обусловило особенности его морфонологического поведения при построении санскритских словоформ.

Представляется, что и в данном случае двойное включение h в список Шива-сутр объясняется потребностями описания грамматики санскрита, то есть ларингальный спирант h встречается в Шива-сутрах дважды, т. к. в первом случае он входит в пратьяхары $a\zeta$, aM , $a\tilde{N}$ и aT , что позволяет объединить его с гласными и полугласными, а во втором случае в пратьяхары $jhaL$ и ζaL , объединяя его с глухими фрикативными. Таким образом, положение согласного h после и перед пратьяхары yaR , перед позволяет

¹² «Очевидно, что висарга не включена в Пратьяхара-сутры Панини» [Sharma 1968: 308].

не включать этот спирант в пратьяхару *yaR*, противопоставляя этот звук всем согласным и полугласным. С одной стороны, согласный *h* может объединяться с другими согласными, например, в пратьяхаре *jhaL* (8.4.53)¹³, а с другой стороны, его изолированное положение в четырнадцатой сутре позволяет исключить его из ряда согласных, например, в пратьяхаре *khaR* (8.3.34)¹⁴. Согласный *h* может, с одной стороны, объединяться с фрикативными в пратьяхаре *ṣaL* (*ṣ, ṣ, s, h*), а с другой стороны, исключаться из ряда фрикативных в пратьяхаре *ṣaR* (*ṣ, ṣ, s*) в формулировке правила образования висарги в сутре 8.3.35. Таким образом, двойное вхождение звука *h* в списки Шива-сутр позволяет составить пратьяхары, описывающие различное поведение этого звука при синтезе словоформ.

Теперь выскажем предположение относительно расположения звуков в Шива-сутрах. Известно мнение лингвистов о том, что Шива-сутры — особая классификация звуков, сгруппированных специальным образом для объяснения синтеза словом:

Расположение звуков в паниниевском списке, которое на первый взгляд кажется довольно беспорядочным, может быть объяснено как фонетический перечень звуков, приспособленный для описания грамматики... [Thieme 1935: 104].

Очевидно, что порядок следования звуков не одинаков в каждой сутре, последовательность элементов в рядах не случайна, порядок элементов также очень важен для формулировки правил грамматики. Как уже было сказано, менять звуки местами в Шива-сутрах нельзя, т. к. ряды целиком или частично входят в различные пратьяхары. Посмотрим, например, на порядок следования носовых согласных в 7 сутре Шива-сутр: *ñ m ñ ṇ n* — все носовые объединяются пратьяхарой *ñam*, однако пратьяхара *taM* позволяет исключить палатальный носовой, а пратьяхара *ñam* исключает палатальный и губной из ряда носовых. Это необходимо для

¹³ Сутра 8.4.53 предписывает правило замены звуков пратьяхары *jhaL* на *jaṣ* перед согласными *jhaṣ*, то есть согласные звуки сутр 8–14 (звуки пратьяхары *jhaL*) меняются на звонкие непридыхательные *j, b, g, ḍ, d* (звуки пратьяхары *jaṣ*) перед согласными *jh, bh, gh, ḍh, dh, j, b, g, ḍ, d* (звуки пратьяхары *jhaṣ*). Например, *labh + tr̥C + Su > labdhā*, т. к. *bh* (звук пратьяхары *jhaL*) перед *dh* (звук пратьяхары *jhaṣ*) (*kta > dha*) меняется на *b* (звук пратьяхары *jaṣ*).

¹⁴ Сутра 8.3.34 формулирует правило изменения конечного *s* в висаргу перед согласными пратьяхары *khaR*, то есть перед *kh, ph, ch, ṭh, th, k, p, ṣ, s*.

формулировки правила 8.3.32, согласно которому звуки пратьяхары $\bar{n}aM$ (\bar{n} η n) появляются перед последующим начальным гласным а после таких же звуков (\bar{n} η n), следующих за гласным (то есть звуки названной пратьяхары удваиваются). Например, *kurvann acovat*, но этого не происходит с согласными \bar{n} и m : **ahamm asmi*, поэтому для экономного описания правила эти звуки не должны входить в пратьяхару, следовательно, эти звуки должны предшествовать другим носовым звукам, а не следовать за ними.

И в завершение попробуем выявить некоторую закономерность в использовании «пустых» меток *anubandha* в Шива-сутрах. Анубандхи также есть элемент метаязыка грамматики Панини, т. к. они служат маркерами конца группы фонем, то есть являются средством классификации фонем, участвующих в грамматических преобразованиях. Анубандхи в Шива сутрах также доказывают тесную связь Шива-сутр и Восьмикнижия [Staal 1988: 162].

В качестве маркеров в Шива-сутрах используются все глухие смычные санскрита (кроме T и P), все носовые согласные (кроме N) и все фрикативные (кроме S и H). Ни сам Панини, ни его комментаторы никогда не объясняли принцип выбора того или иного звука в качестве анубандхи, поэтому можно лишь попытаться высказать некоторые предположения. Очевидно, что анубандха T используется как маркер одиночного звука — iT , например, в первой сутре Восьмикнижия, поэтому эта анубандха не встречается в классах Шива-сутр.

По какому принципу Панини выбирает звуки-анубандхи? На наш взгляд, пограничный показатель, который не входит в класс, а лишь технически указывает на его конец, должен максимально отличаться по своим артикуляционно-акустическим характеристикам от звуков, входящих в соответствующую пратьяхару. Так, глухие взрывные согласные звуки K и C разделяют сутры, содержащие гласные звуки; шипящие ξ и ζ — в сутрах, содержащих звонкие взрывные, а полугласные V и Y — в сутрах, состоящих из глухих согласных и, наконец, плавные R и L являются маркерами фрикативных согласных. Правда, этот принцип контраста не выдерживается в сутре 7, которая содержит носовые согласные и оформляется носовым губным M , сонант l , представляющий шестую сутру имеет в качестве анубандхи носовой сонант N . Интересно отметить, что в Шива-сутрах анубандхами являются только согласные звуки, тогда как приставными звуками в именных флексиях могут быть гласные

звуки. Представляется вероятным, что в Шива-сутрах как в фонетических списках анубандхи в виде согласных были более удобны.

Консонантные маркеры — наиболее употребительны для микротекста основного корпуса трактата, поскольку согласные фонологические единицы обладают большим количеством дифференциальных признаков и заключают большой дистрибутивный потенциал [Военец 2006: 121].

Как уже говорилось, анубандха не входит в группу фонем при оперировании пратьяхарой, при этом каждая предыдущая группа фонем может быть включена в следующую с удалением отделяющей ее анубандхи, поэтому расположение звуков, а именно их последовательность и разделенность анубандхами, является важнейшим приемом представления материала в грамматике Панини. Именно анубандхи выступают как технический маркер пратьяхары, поэтому и сами пратьяхары, и анубандхи есть элементы метаязыка грамматики Панини. В тексте Восьмикнижия Панини использует различные анубандхи, которые выполняют самые разные функции, но все эти функции металингвистические. «Анубандха — многофункциональный инструмент, который отражает вклад Панини в формирование метаязыка» [Bhate 2002: 30].

Пратьяхара — особый вид сокращенного лингвистического описания, используемый Панини, это способ отразить любой ряд элементов, порядок которых фиксирован, сокращенным термином, обозначающим начало и конец группы. Сокращения разного рода часто используются как элементы метаязыка, но у Панини элементарная аббревиатура становится не просто техническим термином, позволяющим двумя знаками экономно представить целый перечень элементов, а превращается в фундамент, на котором строится все здание грамматики. «Очень интересно наблюдать, как заурядный лингвистический феномен превращается в технический прием высокого уровня» [Bhate 2002: 28]. Этот прием позволяет сокращенно называть ряды элементов, которыми оперирует Панини при составлении правил грамматики, поэтому и сами пратьяхары, и анубандхи разработаны Панини как своеобразные термины, как прием грамматического описания языка, а значит, как элементы метаязыка.

Роль Шива-сутр в понимании текста Восьмикнижия огромна, можно сказать, что Шива-сутры — код, используемый для

зашифровки грамматических правил. Ф. Стаал предлагает такую реконструкцию метода Панини: по его мнению, автор сначала предварительно сформулировал грамматические правила санскрита, затем составил список фонем таким образом, чтобы этот список позволял объединять фонемы в группы, позволяющие наиболее удобным способом сформулировать окончательный вариант правил грамматики [Staal 1988: 163]. Соответствует ли эта последовательность действий действительности, можно лишь гадать, но очевидно лишь то, что Шива-сутры и текст Восьмикнижия — тексты, предполагающие и объясняющие друг друга, непонятные один без другого. Шива-сутры были составлены Панини как классификация элементов языка для метаязыковых целей — для исчерпывающего и в то же время экономного описания санскрита.

Итак, Шива-сутры составлены таким образом, что они не только представляют собой классы фонем (морфоном) для описания морфонологии (и морфологии) санскрита, огромного количества внешних (на стыках слов) и внутренних (на стыках морфем) сандхи и др., но и являются своеобразным ключом для расшифровки огромного количества правил, представленных в Восьмикнижии, важнейшим элементом метаязыка грамматики Панини.

Литература

- Бернштейн 2002 — С. Б. Бернштейн. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2002.
- Бодуэн де Куртенэ 1912 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб.: Ред. журн. «Обновление школы», 1912.
- Военец 2006 — К. В. Военец. Древнеиндийская традиция (грамматика Панини) и современное индоевропейское языкознание. Дисс. ... канд. филол. наук. СПбГУ, Санкт-Петербург, 2006.
- Зализняк 1987 — А. А. Зализняк. Грамматический очерк санскрита // В. А. Кочергина. Санскритско-русский словарь. М.: «Русский язык», 1987.
- Захарьин 2007 — Б. А. Захарьин. Санскритская грамматика Варадараджи. *Varadarāja laghusiddhānta-kaumudī*, или Облегченное освещение положений [санскритской грамматики]. М.: Издатель Степаненко, 2007.
- Катенина, Рудой 1980 — Т. Е. Катенина, В. И. Рудой. Лингвистические знания в древней Индии // А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон (ред.). История лингвистических учений: Древний мир. Л.: Наука, 1980.

- Краткий словарь 1995 — Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: «Русский язык», 1995.
- Парибок 1981 — Парибок А. В. Паниниевские «Пратьяхарасутры» в свете современной фонологии // Тезисы докладов и сообщений советских ученых к V Международной конференции по санскритологии. М.: Ин-т востоковедения, 1981.
- Яковлев 2001 — А. В. Яковлев. О некоторых элементах фонологии в древнеиндийских фонетических представлениях // Язык и речевая деятельность 4, 1, 2001.
- Allen 1953 — W. S. Allen. Phonetics in ancient India. London — New York — Toronto: Oxford University Press, 1953.
- Bhate 2002 — S. Bhate. Pāṇini's Descriptive Technique // Pāṇini. New Delhi: Sahitya Akademi, 2002.
- Misra 1966 — N. V. Misra. The descriptive technique of Pāṇini [Janua linguarum. Studia memoriae Nicolai van Wijk Dedicata. Series practica XVIII]. The Hague — Paris: De Gruyter, 1966.
- Sharma 1968 — R. K. Sharma. Visarga in sanskrit // Studies in Indian linguistics. Linguistic society of India. Poona: Centres of advanced study in Linguistics, 1968.
- Sharma 2002 — R. N. Sharma. Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. Vol. 1–2. New Dehli: Munshiram Manoharlal Publishers, 2002.
- Sköld 1926 — H. Sköld. The Nirukta : its place in old Indian literature, its etymologies [Skrifter utgivna av Kungliga Humanistiska Vetenskapssamfundet i Lund 8]. Lund — London: C. W. K. Gleerup — H. Milford, 1926.
- Staal 1988 — F. Staal. A method of linguistic description. The order of consonants according to Pāṇini // Universals Studies in Indian Logic and Linguistics. Chicago — London: The University of Chicago Press, 1988.
- Thieme 1935 — P. Thieme. Pāṇini and the Veda: Studies in the Early History of Linguistic Science in India. Allahabad: Globe Press, 1935.

М. М. Горина

МГУ, Москва

ОЦЕНКА РЕФОРМЫ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА 1852 ГОДА В РАБОТАХ ЛИНГВИСТОВ

В словакистике сложилась любопытная и нестандартная ситуация, когда реформа словацкого литературного языка 1852 г., давшая начало современному словацкому литературному языку, вот уже в течение более полутора столетий оценивается неоднозначно и является предметом дискуссии языковедов. Как известно, языковая ситуация в Словакии в течение нескольких столетий, в том числе и в середине XIX в., была чрезвычайно сложной и характеризовалась языковым разделением словацкого общества, в целом совпадавшим с конфессиональным делением его представителей на католиков и протестантов, принадлежавших к евангелической церкви аугсбургского вероисповедания (евангеликов) [Doruľa et al. 1998]. Католики стремились к использованию словацкого языка в создаваемых ими текстах, постепенно словакизируя, главным образом в соответствии с западнословацким диалектом, чешский литературный язык, проникший в Словакию еще в XIV в. Их усилия привели в 1787 г. к кодификации А. Бернолаком словацкого литературного языка. В среде же протестантов в качестве литературного языка функционировала так называемая библичтина — чешский язык Кралицкой Библии, в который, однако, в некоторой степени также проникали словакизмы разного характера. Подобная литературно-языковая разобщенность препятствовала объединению словаков в борьбе за свои политические права и свободы, поэтому в среде молодого поколения евангеликов возникла мысль о создании нового литературного языка, в том числе и для издания общенациональной газеты. Это оказалось возможным в первую очередь потому, что в среде словацких евангеликов в первой трети XIX в. менялась языковая ситуация, что открывало возможности для новой кодификации словацкого литературного языка (см. подробнее [Lifanov 1999]).

Миссию кодификатора словацкого литературного языка блестяще выполнил политический деятель, писатель, публицист и ученый Людовит Штур, обосновавший необходимость кодификации на среднесловацкой диалектной базе и предложивший свод правил нового литературного языка в трудах «Наука словацкого языка» и «Наречие словацкое, или необходимость писать на этом наречии», опубликованных в 1846 г. Диалектная база нового словацкого литературного языка традиционно определяется очень широко как среднесловацкий диалект, однако некоторые исследователи связывают ее с одним из идиомов липтовского типа: липтовским говором среднесловацкого диалекта [Флоринский 1897], среднесловацким фольклорным койне, эпицентром формирования которого был Липтовский комитат [Lifanov 1999], городской речью г. Липтовский Микулаш [Ďurovič 2002].

Кодификация Л. Штура, однако, не встретила всеобщего одобрения. Старшее поколение евангеликов во главе с выдающимся поэтом Я. Колларом выступило с полным неприятием нового литературного языка. В антиштуровском сборнике «Голоса о необходимости единого литературного языка для чехов, мораван и словаков» Я. Коллар пишет следующее:

Это отличие бернолаковско-штуровское (имеется в виду отличие от чешского языка — *М. Г.*) я считаю самым большим несчастьем, которое могло постигнуть словаков. Не тратьте силы на то, чтобы размножить языки, на закрепление окраинных способов произношения и написания, лучше обратите внимание на словацкие школы [Kollár 1846: 115].

При этом противники кодификации словацкого литературного языка чаще всего приводили два главных аргумента: 1) чешско-словацкое единство позволит и чехам, и словакам обогатить свой язык благодаря сочетанию традиций древней чешской литературы и словацких диалектов; 2) многие народы, проживающие вблизи, но говорящие на разных диалектах, например немцы, итальянцы и греки, отказались от своих местных наречий в пользу единого литературного языка.

В защиту штуровской кодификации выступили представители молодого поколения интеллигенции и евангелического духовенства. Пламенно отстаивал необходимость словацкого литературного языка евангелический священник и будитель Цтибор Зох. Он и

сторонники Л. Штура с Оравы (Е. Тот, А. Добшович, М. Керменди) поддержали кодификатора на страницах «Словацкой национальной газеты» [Žigo 2005: 269]. Одним из кульминационных моментов борьбы должно было стать издание сочинения Ц. Зоха «Слово в поддержку словацкого языка» (написано в 1846), которое было опубликовано из-за цензуры только в 1939 году. Ц. Зох положительно оценивал предложения Л. Штура. Он не предлагает вернуться к предшествующей литературной традиции, т. е. чешскому языку Кралицкой Библии, хотя при этом и не говорит о необходимости дальнейших преобразований. Перед священниками же, которые боялись искажения смысла божественного слова, Ц. Зох защищал предложенную кодификацию, трактуя ее лишь как средство для толкования Библии.

Существовало и более умеренное крыло евангеликов, которое кодификацию Л. Штура в целом принимало, однако выступало за ревизию отдельных ее положений и внесение поправок в орфографию и фонетическую систему нового литературного языка, а также замену некоторых морфологических форм. В этом плане особенно активным был М. М. Годжа, опубликовавший свои соображения на этот счет в трудах «Полезные суждения о слове для добропорядочных словаков» [Hodža 1847] и «Высказывания о словацком языке» [Hodža 1848].

Католики уже пользовались словацким литературным языком, хотя и в иной версии, поэтому они не выступали против кодификации Л. Штура как таковой. Вместе с тем эта кодификация представлялась им чрезмерно радикальной. В связи с этим для сохранения преемственности с письменностью предшествующих поколений они настаивали на введении в новый словацкий литературный язык некоторых форм западнословацкого диалекта, широко использовавшихся в их письменности. Выразителем точки зрения католиков был священник, в скором времени ставший профессором славистики Карлова Университета в Праге, а позже избранный членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук Мартин Гаттала. Свои предложения по изменению кодификации Л. Штура он изложил в латинской «Грамматике словацкого языка» [Hattala 1850]. Спустя два года после консультаций с евангеликами М. Гаттала написал «Краткую грамматику словацкого языка» [Hattala 1852], которая ознаменует собой консенсус между представителями обеих конфессий. Для того чтобы подчеркнуть консенсусный

характер грамматики, она была издана анонимно, а шесть крупных представителей словацкой общественности (трое католиков и трое евангеликов), включая Л. Штура, М. Гатталу и М. М. Годжу, подписали введение к ней. В грамматике реформированию подверглись графика и орфография словацкого литературного языка, его фонетическая и морфологическая системы. В частности, была введена графема *u* для указания на этимологию фонемы /y/, в действительности утраченной словацким языком, изменена система обозначения парных мягких согласных и дифтонгов, введены фонемы /ĵ/ и /ä/ (что нашло отражение и в графике), упразднены специфические среднесловацкие формы им. и вин. падежей ед. числа прилагательных среднего рода типа *dobruo*, причастия на *-l* мужского рода с финальным билабиальным *u* типа *bou*, формы им. и вин. падежей ед. числа существительных среднего рода типа *zdravia* и другие (см. подробнее [Лифанов 2015]). Основная цель реформы — объединение в языковом отношении католиков и евангеликов — была достигнута: представители обеих конфессий перешли на новый литературный язык, устранив таким образом языковую разобщенность словаков.

Несмотря на успешный характер реформы словацкого литературного языка 1852 г. и ее консенсусный характер, лингвисты высказывали и продолжают до наших дней высказывать свое отношение к ней, часто расходясь в оценках. Одним из первых свою точку зрения на реформу высказал российский лингвист Т. Д. Флоринский. Он высоко ценил вклад М. Годжи и М. Гатталы в развитие словацкого литературного языка, состоявший в исключении из литературного языка наиболее маркированных диалектных особенностей, что позволило варианту Л. Штура стать национальным литературным языком: «Среднее наречие, отрешившись от некоторых местных особенностей, должно было получить значение всем понятного общесловацкого языка» [Флоринский 1897: 245]. Более того, Т. Д. Флоринский охарактеризовал реформу 1852 года как «исправление недочетов шутовщины» [Флоринский 1897: 245]. Заметим, что фактически Т. Д. Флоринский предвосхитил позднейшие идеи Н. С. Трубецкого, основоположника истории литературных языков как отдельной лингвистической дисциплины. Уже в XX веке Н. С. Трубецкой указывал, что литературный язык не может основываться на каком-либо одном диалекте:

Для литературного языка всегда крайне невыгодно быть слишком близким к какому-нибудь определенному современному народному

говору, и при естественном развитии всякий литературный язык стремится эмансипироваться от неудобного и невыгодного родства с народным говором... Отдаленность нормального литературного языка от какого бы то ни было живого современного народного говора способствует тому, что этот язык распространяется на территории не одного, а нескольких говоров [Трубецкой 1995: 126].

Близкой, но не идентичной точки зрения придерживался и автор следующей кодификации словацкого литературного языка 1902 года Самюэль Цамбел. Его взгляд на реформу 1852 года двойственный. По мнению С. Цамбела, Л. Штур решил «возвысить живой словацкий язык до литературного» [Czambel 1890: 8], при этом за основу взяв фонетический принцип правописания, предложенный еще А. Бернолаком. С. Цамбел логично указывает на то, что вариант, предложенный Л. Штуром, в своем первоначальном виде воспринимался словаками как язык деревенский:

Среднесловацкий диалект, который широко использовался в устной речи, но записанный на основе фонетического принципа, был огромным скачком назад по сравнению с историческим литературным языком, и именно поэтому глазам и ушам, привыкшим к иным, мягким формам исторического литературного языка, он представлялся грубым, деревенским, непригодным для книг [Czambel 1890: 9].

С. Цамбел указывает, что фонетические отличия между диалектами столь велики, что принятие фонетического принципа в качестве основы правописания значительно усложнило бы само распространение единого литературного языка [Czambel 1890: 10]. И в этом смысле С. Цамбел положительно оценивает значение реформы 1852 года.

С другой стороны, С. Цамбел воспринимает изменения, предложенные Годжей и кодифицированные М. Гатталой, как нарушение единой системы среднесловацкого диалекта, легшего в основу концепции Л. Штура:

Реформа Гатталы только в основе своей объединила словаков... Жизнь приняла основы, но не допускаемые грамматикой Гатталы расхождения с живым среднесловацким диалектом и живым словацким языком в целом [Czambel 1887: 35].

В связи с этим, как пишет исследователь, в языке словацких писателей появлялись отклонения от правил «Краткой грамматики словацкого языка».

Безусловно положительную оценку реформе словацкого литературного языка дает Л. Новак (одновременно с негативной оценкой кодификации Л. Штура), который в 30-е гг. XX в. стал в этом отношении выразителем взглядов значительной части словацкой интеллигенции. С точки зрения Л. Новака, Л. Штур, хотя и опередил свое время, вычленив фонемы и предложив графическое оформление для них, значительно отошел от грамматической традиции более развитых литературных славянских языков (главным образом чешского и русского). Л. Новак критически оценивал Л. Штура как лингвиста, полагая, что он был недостаточно образован для того, чтобы кодифицировать литературный язык:

Его скромные способности проявились не только в неудобной грамматической системе литературного словацкого языка 40-х годов прошлого века, но главным образом в использовании им фонетического принципа в орфографии. Фонетическую систему правописания Штур построил как бы примитивно, в противоречии с духом славянских языков и против общепринятых научных основ славянского языкознания [Novák 1935–1936: 48].

Л. Новак одобряет реформу 1852 г., поскольку использование этимологического принципа орфографии позволило словацкому литературному языку встать в один ряд с другими славянскими языками: «На предложенных Годжей более глубоких теоретических и научных основах, соответствующих уровню славянского языкознания того периода, Мартин Гаттала смог поставить всю систему нового словацкого литературного языка на крепкий фундамент этимологии» [Novák 1935–1936: 48]. Это позволило словацкому литературному языку и в дальнейшем развиваться в славянском духе [Novák 1935–1936: 48].

С подобной точкой зрения принципиально не согласились пуристы, вступившие в острую конфронтацию с Л. Новаком. Их лидер, референт Матицы словацкой Г. Бартек абсолютизировал значение реформы Л. Штура и считал кодифицированный им язык совершенным, не требовавшим преобразований. Предложения Л. Штура заслужили высоких оценок Г. Бартека главным образом благодаря орфографии, построенной на фонетическом принципе. В опоре орфографической системы на среднесловацкий диалект и народную речь пурист видел своеобразие литературного словацкого языка, проявлявшееся прежде всего в отличии от этимологического

чешского правописания [Bartek 1933–1934: 279–280]. В своих статьях, опубликованных в 30-е годы на страницах журнала «Словенска реч», Г. Бартек попросту игнорирует реформу 1852 года и не оценивает характер внесенных М. Гатталой изменений и их значение для последующего развития литературного языка. При этом известно, что особенно негативно он относился к введенной графеме *y*, которую намеревался исключить из словацкой орфографии.

После второй мировой войны острая дискуссия по поводу оценки реформы 1852 г. затухает. Новый всплеск интереса наблюдается в 60-е–70-е годы XX века. В этот период оценки ученых становятся довольно умеренными и взвешенными. Как правило, вклад Л. Штура, М. Годжи и М. Гатталы исследователи (Е. Йона, К. Габовштякова, А. Едличка) рассматривают сбалансированно, пытаются объективно взглянуть на концепции словацкого литературного языка, предложенные разными кодификаторами. Прежде всего, они подчеркивают значение реформы 1852 года для объединения двух лагерей — бернолаковцев и шуторовцев. Лингвисты признают, что без выведения из литературного языка некоторых ярких диалектных особенностей было бы невозможно утверждение нового литературного языка в качестве общенационального. Кроме того, они утверждают, что Л. Штур своей реформой фактически порывал со всей предшествующей литературной традицией, тогда как М. Гаттала эту связь восстановил.

Видный словацкий лингвист Катарина Габовштякова подчеркивала:

Значение Гатталы в истории словацкого литературного языка заключается именно в том, что в эпоху, когда судьба литературного языка была под угрозой, он сумел объединить два его основных варианта: бернолаковщину и шуторовщину [Habovštiaková 1971: 36].

Однако еще до статей К. Габовштяковой профессор Еуген Йона, долгие годы занимавшийся историей словацкого литературного языка, высоко оценивал реформу 1852 года и подчеркивал ее социально-политическую необходимость [Jóna 1961: 11]. Е. Йона отстаивал правомерность включения в словацкий литературный язык некоторых морфологических элементов, которые подверглись наибольшей критике сторонников «шуторовщины», в частности флексий прилагательных среднего и мужского рода с гласным *é* (*dobré*,

dobrého) в соответствии со среднесловацкими дифтонгами *uo* (*dobruo*) и *je* (*dobrjeho*) в «классической штуровщине». Е. Йона отвечал критикам М. Гатталы, что последний учел при кодификации фонетики и орфографии разные взгляды привержцев словацкого литературного языка [Jóna 1961: 13]. Поскольку *é* было представлено в парадигмах склонения прилагательных еще у А. Бернолака, а среднесловацкие формы флексий католики категорически не принимали, то М. Гаттала поступил очень разумно, включив в кодификацию формы с *é*. В целом Е. Йона положительно относился к преобразованиям М. Годжи и М. Гатталы и считал их необходимыми для становления словацкого литературного языка и его принятия всеми слоями населения.

Кульминацией признания М. Гатталы как кодификатора, его реформаторской деятельности стала конференция в местечке Трстена. В 1971 году мероприятие приурочили к 150-летию со дня рождения кодификатора. На нем выступила целая плеяда видных словакистов и богемистов. Помимо вышеупомянутых Е. Йоны, К. Габовштяковой, а также А. Едлички назовем также Й. Качалу, И. Котулича, Ф. Кочиша. Исследователи посвятили большую часть докладов описанию орфографической и морфологической систем «Краткой грамматики словацкого языка», социально-политическим предпосылкам ее создания, а также работам М. Гатталы в области синтаксиса. Фактически общий подход и взгляд на труд кодификатора выразил Йозеф Ружичка в послесловии к сборнику тезисов:

В дальнейшей судьбе словацкого литературного языка концепция Гатталы оказалась адекватной общественному развитию, она точно выразила прогрессивную силу в общенациональной жизни, которая позволила литературному словацкому языку развиваться на пространстве между среднесловацкими диалектами с одной стороны и литературным чешским — с другой [Ružička 1971b: 89].

С конца 70-х годов вновь усиливается критическая составляющая в оценках лингвистами реформы 1852 г., в частности тезис о том, что она разрушила целостную систему «штуровщины» и негативно отразилась на общенациональном литературном языке, лишив его наиболее ярких и своеобразных черт, противопоставлявших словацкий другим славянским языкам. До сих пор подобная идея превалирует в работах словацких лингвистов. Этот период, который мы условно обозначим как сдержанно-критический, идеи

об «улучшении» «штуровщины» путем позднейших реформ отвергаются исследователями (Э. Паулини, Р. Крайчовичем, Л. Дюровичем). Эуген Паулини называет М. Годжу недостаточно образованным и мало осведомленным в области словацкой диалектологии [Pauliny 1971: 120]. Л. Дюрович еще более категоричен в своих оценках. Он напрямую заявляет о том, что реформа 1852 года испортила «штуровщину»: «Штуровскую последовательную и системную норму испортил и сделал более архаичной вдохновленный Годжей Мартин Гаттала» [Đurovič 2002: 344]. Р. Крайчович полагает, что реформа М. Гатталы, принятие этимологического принципа орфографии ослабили «позиции штуровщины главным образом в правописании и словообразовании» [Krajčovič, Žigo 2006: 186].

В вину Годже и Гаттале ставят прежде всего ориентацию на младограмматиков с их интересом к сравнительно-историческому языкознанию и истории языка. Помимо прочего, нарекания вызывает значительное усложнение фонетической системы и орфографии за счет использования графем, обозначающих фонемы, утраченные словацким языком. Последователей Л. Штура упрекают в первую очередь в искусственности морфологии, фонетики и орфографии (в отличие от второго периода, когда тот же аспект признавался несомненно положительным), и в отрыве от живого разговорного языка. Так, Е. Паулини, говоря о преимуществах «штуровщины», пишет: «Устная речь вообще очень сильно повлияла на форму штуровского проекта. И именно ей принадлежит главная заслуга в том, что предложение в литературном языке в штуровский период стало живым, близким к устройству разговорной речи. Влияние устной речи проявилось прежде всего в том, что штуровская литературная норма, опираясь на среднесловацкий диалект, привнесла в литературный язык строение разговорного предложения» [Pauliny 1983: 187].

Несмотря на критические высказывания относительно личности М. Годжи и реформы, которая только усложнила словацкий литературный язык, Е. Паулини в начале 70-х гг. все же указывал, что, с точки зрения истории литературного языка, новая кодификация была необходима:

У штуровской кодификации, сильно отличавшейся от чешского языка, который имел прочные традиции в Словакии, не было в данных условиях надежды на успех... Было полезнее, чтобы словацкая орфография принципиально не отличалась от чешской [Pauliny 1971: 125].

Однако спустя всего лишь десятилетие Е. Паулини полностью откажется от положительных замечаний касательно реформы и перейдет к резко негативным оценкам.

Критическое отношение к реформе 1852 года высказывает и известный советский словакист Н. А. Кондрашов:

Система словацкого литературного языка, выявленная и кодифицированная Штуром, очень совершенна... Объективной оценке его филологической деятельности препятствовали, с одной стороны, дурная слава раскольника, с другой, отсутствие резкого национализма [Kondrašov 1974: 280].

Кондрашов относится довольно скептически к «Краткой грамматике словацкого языка», поскольку, во-первых, он оценивает внесенные изменения как «непринципиальные» (и заодно отмечает, что большинство преобразований коснулось орфографии), а во-вторых, откровенно указывает, что «они (изменения — М. Г.) не всегда означают улучшение штуровской кодификации литературного языка» [Kondrašov 1974: 269].

Некоторые ученые (Л. Н. Смирнов, К. В. Лифанов, П. Жиго) придерживаются более умеренных взглядов, одновременно признавая неизбежность рекодификации «штуровщины» и отмечая ее неоднозначную роль для истории языка. В отличие от Н. А. Кондрашова, скорее положительно, нежели отрицательно о реформе 1852 года пишет Л. Н. Смирнов. Его сдержанную, почти нейтральную оценку преобразований мы находим главным образом в тезисе о том, что они создали

предпосылки для объединения на платформе «исправленной штуровщины» двух основных течений словацкого национального движения (католического и евангелического — М. Г.). Таким образом, новый литературный язык практически стал употребляться без профессиональных ограничений [Смирнов 1992: 57].

П. Жиго отмечает, что «штуровщина» «выполнила в конкретных исторических условиях функцию общенационального литературного языка» [Žigo 2005: 273]. Однако в то же время П. Жиго отмечает, что Л. Штуру так и не удалось достичь главного, чтобы кодифицированный им язык стал языком богослужения у евангеликов [Žigo 2005: 274].

К. В. Лифанов также в целом положительно оценивает вклад М. Гатталы в развитие общенационального литературного языка:

«Ревизия кодификации Л. Штура была необходимым шагом ввиду ее узколокального характера» [Лифанов 2015: 340]. Однако, с другой стороны, автор видит главный недостаток реформы 1852 года в том, что с этого времени литературный язык начал постепенно возвращаться к предыдущему, «доштуровскому» состоянию:

Они (изменения — М.Г.) как бы задали «обратное» направление развитию нового литературного языка, приобретшее характер тенденции, так как утрата им среднесловацких черт продолжалась и в последующие десятилетия [Лифанов 2015: 343].

Этот процесс завершился лишь после кодификации С. Цамбела 1902 года.

Как мы видим, взгляды исследователей на необходимость, характер и значение реформы 1852 года в истории словацкого литературного языка менялись с течением времени. Если в конце XIX в. и в первой трети XX в. вокруг этих вопросов разворачивалась острая полемика, в середине века превалировали одобрительные оценки, то к концу предыдущего столетия отношение к реформе 1852 г. стало более негативным. Иными словами, взгляды на реформу словацкого литературного языка эволюционировали от конфронтационных (наиболее ярко в 30-е гг. XX в.) к консенсусным (до начала 70-х гг.) и до сдержанно-критических (по настоящее время). Современная оценка этой реформы, содержащая в себе элементы критики, потенциально допускает внесение определенных изменений в словацкий литературный язык, причем его наиболее слабым звеном представляется в первую очередь позиция графем у и ý.

Литература

- Лифанов 2015 — К. В. Лифанов. Кодификация С. Цамбела как рубеж в развитии словацкого литературного языка // Г. П. Нещименко (отв. ред.). Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга II. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. С. 338–353.
- Смирнов 1992 — Л. Н. Смирнов. Вклад Людовита Штура в формирование словацкого литературного языка // Л. Н. Смирнов (отв. ред.). Людовит Штур и его время. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. С. 42–59.
- Трубецкой 1995 — Н. С. Трубецкой. Общеславянский элемент в русской культуре // История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 267–281.

- Флоринский 1897 — Т. Д. Флоринский. Лекции по славянскому языкознанию. Т. 2. Киев — СПб.: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1897.
- Bartek 1933–1934 — H. Bartek. Ešte o správnosti jazykovej // Slovenská reč 2, 9–10, 1933–1934. S. 278–296.
- Czambel 1887 — S. Czambel. Príspevky k dejinám jazyka slovenského. Budapešť: Tlač Kolomana Rószu, 1887. (<https://archive.org/stream/pspvkykdejin01czamuoft#page/32/mode/2up>)
- Czambel 1890 — S. Czambel. Slovenský pravopis. Budapešť: Tlač Viktora Hornyánszkeho, 1890. (<https://archive.org/details/slovenskpravopi00czamgoog>)
- Doruľa et al. 1998 — J. Doruľa, E. Krasnovská, P. Žeňuch. Dve línie v slovenskom jazykovo-historickom vývine alebo slovensko-české vzťahy v predspisovnom období // J. Doruľa (ed.). XII. medzinárodný zjazd slavistov v Krakove. Príspevky slovenských slavistov. Bratislava: Slavistický kabinet SAV, 1998. S. 65–68.
- Đurovič 2002 — L. Đurovič. Štúrova Nauka reči slovenskej z perspektívy začiatku XXI. storočia // Slovenská reč 67, 6, 2002. S. 342–349.
- Habovštiaková 1971 — K. Habovštiaková. Postoj Martina Hattala k Antonovi Bernolákovi a k bernolákovčine // J. Ružička (ed.). Martin Hattala, 1821–1903: Materiál z konf. konanej v Trstenej dňa 21. a 22. okt. 1970. Trstená: Prípravný výbor osláv 600 rokov mesta Trstenej a 100 rokov gymnázia v Trstenej, 1971. S. 35–40.
- Hattala 1850 — M. Hattala. Grammatica lingue slovenicæ. Schemnicii: Typis Francisci Lorber, 1850. (<https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=loc.ark:/13960/t0cv5q11b;view=1up;seq=12>)
- Hattala 1852 — M. Hattala. Krátka mluvnica slovenská. Prešporok: Tiskom Schmidovým, 1852.
- Hodža 1847 — M. M. Hodža. Dobruo slovo Slovákom, súcim na slovo. Levoča: Tlač Jana Werthmüllera a syna, 1847. (<https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.b2823051;view=1up;seq=7>)
- Hodža 1848 — M. M. Hodža. Větín o slovenčine. Levoča: Tlač Jana Werthmüllera a syna, 1848. (<http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=inu.32000010044560;view=2up;seq=8;size=150>)
- Jóna 1961 — E. Jóna. Martin Hattala a spisovná slovenčina (1821–1903): 140. výročie narodenia. Martin: Matica slovenská, 1961.
- Kollár 1846 — J. Kollár. O československé jednotě w řeči a w literatuřě // J. Kollár (ed.). Hlasowé o potřebě jednoty spisowného jazyka pro Čehy, Morawany a Slowáky. Praha: Komissia Kronbergra i Řiwnáče, 1846. S. 101–126. (<http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=loc.ark:/13960/t9378m815;view=1up;seq=9>)

- Kondrašov 1974 — N. A. Kondrašov. Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. Bratislava: Veda, 1974.
- Krajčovič, Žigo 2006 — R. Krajčovič, P. Žigo. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava: Univerzita Komenského, 2006.
- Lifanov 1999 — K. Lifanov. Rekatolizácia ako najdôležitejší medzník v dejinách spisovnej slovenčiny // Jazykovedný časopis 50, 1, 1999. S. 17–26.
- Novák 1935–1936 — L. Novák. Ľudovít Štúr a fonetický pravopis // Slovenská reč 4, 2–3, 1935–1936. S. 47–55.
- Pauliny 1971 — E. Pauliny. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov 1: Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1971.
- Pauliny 1983 — E. Pauliny. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1983.
- Ružička 1971b — J. Ružička. Výsledky rokovania // J. Ružička (ed.). Martin Hattala, 1821–1903: Materiál z konf. konanej v Trstenej dňa 21. a 22. okt. 1970. Trstená: Prípravný výbor osláv 600 rokov mesta Trstenej a 100 rokov gymnázia v Trstenej, 1971. S. 88–90.
- Žigo 2005 — P. Žigo. Štúrova kodifikácia spisovnej slovenčiny a jej reforma // Slovenská reč 70, 5, 2005. P. 265–275.

В. В. Истратий

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ ТРАКТАТА У. БЛЭКСТОНА «ИСТОЛКОВАНИЯ АГЛИНСКИХ ЗАКОНОВ»

XVIII век был временем интенсивного развития отвлеченной и специальной лексики русского литературного языка [Виноградов 1982: 57–63; Винокур 1959: 140; Веселитский 1972: 5]. Освоение новых понятий и формирование их обозначений происходило во всех специальных отраслях, в том числе и в правовой. В значительной степени это было связано с интересом к западно-европейскому праву: в XVIII в. на русский язык были переведены работы многих известных европейских правоведов и философов — Г. Гроция, С. Пуфендорфа, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, У. Блэкстона, Я. Ф. Бильфельда, Й. Зонненфельса и др. Переводчики этих сочинений сталкивались с необходимостью передать систему юридических понятий, отраженную в терминологии оригинала. Одной из наиболее сложных задач был поиск русских соответствий для терминов, называющих общие и абстрактные правовые понятия, многие из которых в русском языке XVIII в. еще не имели общепринятых обозначений. По наблюдениям исследователей, в деловой письменности XVII — начала XVIII вв. существовала лишь тенденция к формированию этих понятий и называющих их терминов [Благова 1998: 92; Unbegaun 1969a; Unbegaun 1969b]. Однако если язык законодательства и делопроизводства мог обходиться перечислениями конкретных действий и явлений, то в сочинениях по теории права общие и абстрактные понятия часто оказываются объектом описания и анализа и потому не могут быть заменены или пропущены. Это делает работы по теории права особенно ценным источником по истории формирования соответствующих понятий и их обозначений.

В настоящей статье анализируется лексика русского перевода трактата Уильяма Блэкстона «Commentaries on the Laws of England».

Первый том этого фундаментального описания английских законов был переведен в 1780–1782 гг. С. Е. Десницким и опубликован в трех книгах под заглавием «Истолкования аглинских законов». Профессор Московского университета С. Е. Десницкий изучал юриспруденцию в университете Глазго, а потому был хорошо знаком с английским прецедентным правом и его терминологией.

Предметом анализа в статье являются термины, называющие преступления. Преступлениям специально посвящены третий и четвертый тома трактата У. Блэкстона, но и в первом томе им уделяется достаточно много внимания при описании прав подданных английского королевства. Далее мы рассмотрим термины, функционирующие в «Истолкованиях» и занимающие различные позиции в иерархии наименований преступлений. Это 1) термины, называющие убийство; 2) термины, обозначающие уголовное преступление; 3) термины с общей семантикой противозаконного действия.

Нас будут интересовать общие особенности освоения юридических понятий, однако в случае с трактатом Блэкстона следует помнить о том, что речь идет о понятиях и терминах англо-саксонского прецедентного права, обычно не имеющих аналогов в европейском и русском праве. Несовпадение между понятийными системами английского и европейского права вызывает сложности и у современных авторов: как отмечает Р. Давид,

не соответствуя ни одному из знакомых нам понятий, термины английского права непереводимы на другие языки, как термины фауны и флоры разных климатов [Давид, Жоффре-Спинози 2009: 247].

Причем проблема не снимается и в случае внешнего сходства терминов — в разных системах за ними часто стоят разные понятия:

договор английского права не более адекватен *договору* французского права, чем английское *equity*, право справедливости, — французскому понятию *справедливость*; *administrative law* вовсе не означает административное право, *civil law* — гражданское право, а *common law* — это совсем не *droit common* французского права [Давид, Жоффре-Спинози 2009: 247].

В русскоязычных работах, посвященных английскому праву, значительная доля английских терминов передается транслитерацией, например, такие наименования преступлений, как *фелония* и *мисдиминор* (*felony*, *misdemeanor*). Другие термины имеют

относительно устоявшиеся русские соответствия: *murder* — тяжкое/преднамеренное убийство, *manslaughter* — простое убийство. Мы будем пользоваться терминологией, принятой в учебниках по английскому [Кенни 1949; Романов 2002], зарубежному и сравнительному праву [Есаков 2007; Давид, Жоффре-Спинози 2009; Прудников 2013].

1. Термины, называющие убийство

В английском праве, согласно Блэкстону, различается несколько видов убийств. Общим наименованием всех случаев лишения человека жизни является термин *homicide*, который объединяет не только преступления, но и случаи, к ним не относящиеся. Ср. толкование этого понятия, которое Блэкстон приводит в четвертом томе своего трактата:

Now homicide, or the killing of any human creature, is of three kinds: *justifiable*, *excusable*, and *felonious*. The first has no share of guilt at all; the second very little; but the third is the highest crime against the law of nature that man is capable of committing [Blackstone 1890: 220].

Внутри общего понятия *homicide* различаются два вида преступного убийства: тяжкое убийство — *murder*, и простое — *manslaughter*. Различие между ними заключается в том, что для обвинения в тяжком убийстве необходимо было доказать наличие злого умысла в действиях обвиняемого [Кенни 1949: 138]; при простом убийстве этот умысел отсутствовал [Кенни 1949: 122–123]. В первом томе трактата Блэкстона речь обычно идет о наиболее опасном из этих преступлений — тяжком убийстве; простое убийство и общее понятие *homicide* упоминаются всего несколько раз.

В «Истолкованиях аглинских законов» в качестве основного соответствия термину *murder* используется слово *смертоубийство*, представленное в тексте вариантами *смертоубивство* и *смертоубийство*. Этот термин образован от сочетания *смертное убийство*, которое в деловых памятниках XVII в., например, в Соборном Уложении 1649 г., было основным наименованием соответствующего преступления [Благова 1998: 69]. Составной термин и его варианты (*смертный убой*, *смертное убийство*) продолжали использоваться в Петровскую эпоху: например, в «Артикуле воинском» 1715 г. одна из глав носит название

«О смертном убийстве» [Законодательство 1986: 355], кроме того, термин встречается в сочинениях И. Т. Посошкова, записках стольника П. А. Толстого, в показаниях людей, провозгласивших «слово и дело государево»¹. Оно помещено в целый ряд словарей начала — первой половины XVIII в.: «Русско-голландский лексикон» Я. Брюса (1717), «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмана (1731), «Краткий латинский лексикон с российским и немецким переводом» Х. Целлария (1746), «Новый лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках» С. С. Волчкова (1755–1764). Сочетание употреблялось до 1760–1770-х гг., например, оно еще используется в «Наказе Уложенной комиссии» Екатерины II. Позднее оно начинает выходить из употребления, уступая место в том числе и однословному обозначению, созданному на его основе — слову *смертоубийство*. Употребительность нового термина в разных функциональных сферах была различной. В законодательных актах, деловой письменности он встречается относительно редко, так как в качестве основного наименования здесь еще продолжал использоваться старый составной термин. Но в работах, посвященных вопросам правовой теории, во второй половине XVIII в. преимущество отдавалось уже однословному наименованию: оно встречается в речах С. Е. Десницкого, юридических работах А. Н. Радищева, в переводе трактата Л. Муратори «Рассуждение о народном благоденствии» (1780). Примеры использования слова *смертоубийство* в художественной литературе немногочисленны, причем, как правило, оно использовалось в контекстах, где речь шла об убийстве именно с юридической точки зрения — в описаниях судебных процессов, имитациях текстов законов в художественной литературе и т. п.

Таким образом, употребление слова *смертоубийство* в «Истолкованиях» находится в соответствии с общей практикой работ по теории права этого периода. В этом тексте термин обычно представлен вариантом *смертоубивство*, который встретился в трех томах перевода 8 раз, в то время как *смертоубийство* — только три раза. В «Словаре Академии Российской» варианты *убийство* и *убивство*

¹ При написании статьи автор обращался к материалам Картоотеки Словаря русского языка XVIII века (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург), которые использовались в качестве сопоставительного материала и не цитируются в статье.

описаны как «славенский» и «простой» [САР 1789–1794: I, стб. 221], но употребление слов *смертоубийство* и *смертоубивство* в «Истолкованиях» не демонстрирует стилистических различий. Ср.:

(1) *Равным образом и в нынешния времена принято уже всеми судьями за правило, что мальчик десятилетней, изблеченный в явном **смертоубивстве**, может по справедливости смертью казнен быть*² (III, 355)
*who was guilty of a heinous **murder*** (807)

(2) *Сей Господин (Эдмунд Придо. — В. И.) по **смертоубийстве** Короля Карла I. был определен государственным Стряпчим* (II, 518)
*after the **murder** of king Charles* (574)

В одном случае переводчик использует для передачи английского *murder* слово *убийство*. Любопытно, что в написании слова в «Истолкованиях» допущена ошибка, «объединяющая» славянский и «простой» варианты в трактовке «Словаря Академии Российской», ср.:

(3) *Делание фальшивой монеты есть только потому злодеяние, что оно Государями запрещено, и потому оно есть положительное; но **убийство** <sic! — В. И.> по естеству своему есть злодеяние, и потому называется естественным* (II, 318–319)
*and not to those that are mala in se, as **murder*** (489)

По определению того же словаря, известного своими консервативными установками, слово *убийство* в конце XVIII в. еще не обладало значением ‘лишение жизни’, ср.: «Убийство. Сл. просто

² Цитаты из «Истолкований аглинских законов» приводятся в упрощенной орфографии. Архаичные написания оригинала сохранены. При жизни У. Блэкстона, т. е. до 1780 г., трактат «Commentaries on the Laws of England» выдержал 8 изданий, каждое из которых содержало исправления и дополнения. Каким из этих изданий пользовался С. Е. Десницкий, до сих пор не установлено. По нашим наблюдениям, это могло быть 5-ое, 6-ое или 7-ое издание 1773, 1774 и 1775 гг. соответственно. Однако этот вопрос требует дополнительных разысканий, поэтому в настоящей статье оригинал цитируется по критическому изданию У. Хаммонда 1890 г., где учтены разночтения между прижизненными изданиями трактата. Сведения об источниках см. в списке литературы. Слова, набранные без курсивного выделения, в источнике выделены курсивом.

же убийство. Склонность, желание, способ к убиению, умерщвлению» [САР 1789–1794: I, стб. 210]. В действительности уже в первой трети XVIII в. оно могло использоваться в этом значении и без определения *смертный*. Однако, как показывают материалы Картотеки Словаря русского языка XVIII в., большинство примеров такого употребления слова приходится на художественную литературу. К концу столетия количество таких случаев увеличивается. В тексты законов и теоретических работ по праву слово *убийство* проникает только в последней трети века, причем в теоретических работах первое время оно употреблялось с определениями: *умышленное убийство*, *злостное убийство*, *убийство в пьянстве*. В «Истолкованиях» слово *убийство* лишь в одном случае использовано в терминологическом значении — как соответствие английского *murder*. Остальные два примера связаны с передачей слова *killing*. Ср. напр.:

- (4) *Нет нужды здесь разбирать, имел ли хозяин той вещи (которой совершено убийство. — В. И.) намерение к **убийству** или нет: ибо ежели и кто другой мою шпагою заколет; то и моя шпага, яко способствовавшая к **убийству** вещь, отбирается от меня* (II, 458)

*It matters not whether the owner were concerned in the **killing** or not; for if a man kills another with my sword, the sword is forfeited as an accursed thing* (550)

Помимо слов *смертоубийство* и *убийство*, английский термин *murder* может передаваться в русском переводе как *отнятие жизни* (I, 340) и *разбой* (III, 191), но такие примеры единичны.

Противопоставленное тяжкому простое убийство в первом томе трактата упоминается всего два раза. В первом из этих случаев английский термин *manslaughter* передан при помощи сочетания *неумышленное убийение*:

- (5) *Родитель может оправдан быть в нападении на кого учиненном в защищение своих детей, при котором нападении естли он и умертвит чужое дитя, защищая свое; то такого умерщвления родителю не велено поставлять за смертоубийство, а щитать оно лишь только за **не умышленное убийение*** (III, 309–310)
*it was not held to be murder, but **manslaughter** merely* (781)

Отметим, что здесь используется словообразовательный вариант на *-ние*, а не слово *убийство* или его производные.

В другом случае переводчик не пытается подобрать лексический эквивалент к английскому термину, а дает развернутое пояснение в контексте. Этот фрагмент осложняется тем, что в оригинале термин *manslaughter* приводится в паре с общим наименованием убийств *homicide*. Объяснение, которое приводит переводчик, может в равной степени относиться к обоим терминам. Ср.:

- (6) *Женщина, которая во время познания беременности своей употребит что либо к истреблению младенца, почитается человекоубийцею; так как и кто учинив на нее нападение причинит смерть младенцу, после или прежде рождения его, также признается за человекоубийцу, хотяб он и доказал, что он не имел намерения причинить ему вред* (I, 335)
*For if a woman is quick with child, and by a potion, or otherwise, killeth it in her womb; or if any one beat her, whereby the child dieth in her body, and she is delivered of a dead child; this, though not murder, was by the antient law **homicide** or **manslaughter*** (297)

Наименование преступления здесь не используется, однако в предложении дважды назван преступник, для обозначения которого употреблено слово *человекоубийца*, совпадающее по структуре с английским *homicide*. При этом семантически они не совпадали: если английский термин в данном случае изначально предполагает отсутствие преступных намерений, то слово *человекоубийца* нуждается в дополнительном указании на этот смысл, которое и появляется в тексте («*хотяб он и доказал, что он не имел намерения причинить ему вред*»).

Общее обозначение убийств *homicide*, встретившееся в этом отрывке, употребляется в переведенной части трактата нечасто. В первом из оставшихся двух случаев оно переведено как *человекоубийство*, во втором — как *смертоубийство*, то есть при помощи термина, обычно используемого как наименование тяжкого убийства. Ср.:

- (7) *Почему жизнь и члены человеческие толь драгоценными почитает закон Аглинской, что он прощает и в самом **человекоубийстве** того, кто учинит его защищая себя* (I, 336–337)
*it pardons even **homicide** if committed se defendendo* (298)

- (8) *По сему-то во всех обвинениях и розысках о смертоубийстве присяжным судопроизводства свидетелям представляются всегда в уголовной палате и те самыя орудия, которыми оно учинено, с означением их цены, сколь бы мала она не была* (II, 458)
in all indictments for homicide (550)

Появление слова *человекоубийство* в терминологии «Истолкований», очевидно, связано исключительно с влиянием структуры термина *homicide*. Противопоставленные английские понятия ‘тяжкое убийство’, ‘простое убийство’ и ‘убийство вообще’ нуждались в противопоставлении и в русском переводе. Однако в «Истолкованиях» оппозиция *смертоубийство* — *человекоубийство*, подобная английской *murder* — *homicide*, не сложилась, потому что в русском языке эти слова были синонимами. Само слово *человекоубийство*, как можно заключить по материалам Картотеки Словаря русского языка XVIII в., не было особенно употребительным. Случаи использования этого слова, а также слова *человекоубийца* в текстах единичны, причем значительная часть этих немногочисленных примеров приходится на произведения, ориентированные на традиции торжественного красноречия: это проповеди Гавриила Бужинского, Димитрия Ростовского, «Слово похвальное Елисавете Петровне» М. В. Ломоносова. Примеры употребления этих слов можно найти в словарях, но в «Словаре Академии Российской», например, помещено только слово *человекоубийца* [САР 1789–1794: I, стб. 211], слово же *человекоубийство* встречается в некоторых переводных словарях — «Немецко-латинском и русском лексиконе» Э. Вейсмана (1731), «Новом лексиконе на французском, немецком, латинском, и на российском языках» С. С. Волчкова (1755–1764) — в качестве перевода латинского *homicidium*, при этом каждая словарная статья содержит и более употребительные синонимы — слово *смертоубийство* или сочетание *смертное убийство*. Таким образом, противопоставление общего понятия ‘лишение человека жизни’ и понятия ‘умышленное убийство’ не получило в «Истолкованиях» терминологического выражения.

Однако в книге У. Блэкстона речь об убийстве человека может идти еще и безотносительно правового статуса этого действия. В этих случаях в английском тексте трактата используется лексика, не относящаяся к юридической терминологии, например, слово *killing*. В русском переводе это слово в зависимости от контекста

может передаваться как *умерщвление, убийство, смертная казнь*, но никогда при помощи слов, используемых как наименование преступления — *смертоубийство* или *человекоубийство*. Ср.:

- (9) *Уголовные законы в Англии весьма не жестоки. Они определяют **смертную казнь** или лишение некоторых членов только за великия преступления* (I, 344)
*and the constitution is an utter stranger to any arbitrary power of **kill**ing or maiming the subject* (302)
- (10) *Нет нужды здесь разбирать, имел ли хозяин той вещи намерение к **убийству** или нет: ибо ежели и кто другой мою шпагою заколет; то и моя шпага, яко способствовавшая к **убийству** вещь, отбирается от меня* (II, 458)
*It matters not whether the owner were concerned in the **kill**ing or not; for if a man kills another with my sword, the sword is forfeited as an accursed thing* (550)
- (11) *Сар Мафю Гель представляет нам в доказательство два примера, из коих в первом девочка служанка тринадцати лет была сожжена за **умерщвление** своей госпожи* (III, 355)
*who was burned for **kill**ing her mistress* (807)

Итак, можно говорить о противопоставлении наименований убийства в юридическом (*смертоубийство*) и бытовом, нетерминологическом смысле (*умерщвление, убиение*). Но при этом в юридическом термине компонент противозаконности был еще, вероятно, недостаточно силен. В качестве примера можно указать на упомянутый ранее случай передачи английского *murder* при помощи слова *разбой*. Выбор этого термина, как видно из контекста, был продиктован необходимостью подчеркнуть противозаконность действия, ср.:

- (12) *По сей причине в Англии и за главное правило принято, что если Государев Наместник военный, или и другой какой Начальник, имеющий от Короля власть военную, во время мирное осудит или повесит кого либо по закону военному, то такую казнь, как учиненную в противность уложения, называемаго Великою Картою magna Carta, щитать должно за **разбой*** (III, 191)
And it is laid down, that if a lieutenant, or other, that hath commission of martial authority, doth in time of peace hang or otherwise execute

any man by colour of martial law, this is murder; for it is against magna carta (695)

При этом характер преступления оказывается не так важен: слово *разбой* «Словарь Академии Российской» толкует как «Грабеж, грабление, насильственное отнятие имущества у путников» [САР 1789–1794: I, стб. 208]. Оно было привлечено как наименование безусловно противозаконного действия. Слово *смертоубийство*, вероятно, могло использоваться как общее юридическое обозначение всех случаев лишения жизни: и преступных, и не относящихся к числу преступлений (несчастные случаи, убийство при самообороне, казни и др.).

2. Термины, обозначающие уголовное преступление

В английском праве убийство относилось к группе тяжких преступлений, объединенных общим термином *felony* — фелония. Обвинение в фелонии предполагало конфискацию имущества осужденного и в большинстве случаев каралось смертной казнью [Кенни 1949: 100–102]. Английское понятие фелонии не совпадает с представлением российского права об уголовном преступлении как общественно опасном деянии. Традиционная английская система устроена несколько сложнее и имеет более дробное деление, в ней фелония является только одним из видов (наиболее тяжким) общественно опасных преступлений. Однако переводчик трактата Блэкстона соотносит фелонию именно с уголовным преступлением и в большинстве случаев передает английский термин *felony* при помощи слова *уголовный*. Причиной этого было значение слова в XVIII в. «Словарь Академии Российской» толкует его следующим образом: «*Уголовный*, ная, ное. прил. Говорится в отношении к преступлениям, винам заслуживающим смертную казнь» [САР 1789–1794: II, стб. 183–184]. Именно наказание в виде смертной казни и было основным признаком фелонии в английском праве, отличающим ее от других групп преступлений. Не удивительно поэтому, что этот же признак становится основным и при поиске русских соответствий.

В ряде случаев переводчик вообще отказывается от поиска лексического эквивалента этому термину и сразу сообщает о наказании, определенном законами за описываемое преступление, ср.:

- (13) *Буде кто из Королевских служителей и придворных приставников зделает заговор противу жизни Тайнаго Советника; тот должен наказан быть смертию, хотяб онаго в действо и не произвел* (II, 256)

*If any of the king's servants of his household, conspire or imagine to take away the life of a privy counsellor, it is **felony**, though nothing be done upon it* (465)

- (14) *Ежели же кто с умыслу зделает такое дело, которое подаст причину к разорению и погибели корабля, на пример, поделает в оном дыры или украдет водовытягательные насосы, или другой какой вред причинит; тот подвергается смертной казни без всякой пощады* (II, 435)

*... and if they wilfully do any act whereby the ship is lost or destroyed, by making holes in her, stealing her pumps, or otherwise, they are guilty of **felony**, without benefit of clergy* (541)

Всего в «Истолкованиях» четыре подобных примера. Однако обычным все же является употребление близких по значению русских терминов. Основным соответствием английского термина *felony* в «Истолкованиях» является сочетание *дело уголовное*, которое используется для передачи этого термина 12 раз. Кроме того, дважды термин переведен как *преступление уголовное*, единичными примерами представлены сочетания *дело криминальное* и *преступление смертное*. Ср.:

- (15) *Что касается до Вельможеских жен, то об них никакого законоположения, предписывающаго, как им и кем судиться должно в **уголовных делах**, не было издано даже до случая Герцогини Глочестерской, жены Лорда Протектора* (III, 162–163)
*no provision was made for their trial when accused of treason or **felony*** (681)

- (16) *На пример, когда в Аглинском законе сказано, что смертоубиство есть **уголовное преступление**, наказуемое без выгод церковных; то надлежит справляться с законом государственным, дабы узнать, что суть выгоды церковныя* (I, 150–151)
*the law of England declares murder to be **felony** without benefit of clergy* (92)

- (17) *Однакож естли обида зделана будет собственно характеру и лицу жены, в таком случае сии правила обыкновенно изъемлются, и по Статуту 3. гл. 2. Генрика VII. естли чья жена насильно кем похищена будет и в замужество взята, в таком случае она приемлетя свидетелем против такового мужа для изблечения его в **криминальном деле*** (III, 287)
*in order to convict him of **felony*** (748)
- (18) *Ежелибы наследник Короны до возшествия своего на престол и был обвинен в измене или в другом каком **смертном преступлении**; то восприятие Короны очищает его от всех по законам определяемых наказаний* (II, 302)
*if the heir to the crown were attainted of treason or **felony*** (483)

Таким образом, для обозначения тяжкого преступления в «Истолкованиях» используется составной термин, обе части которого затронуты варьированием.

Варьирующиеся определения *уголовный, криминальный и смертный* в период создания перевода были синонимами. Слово *уголовный* указывало на преступления, заслуживающие смертной казни [САР 1789–1794: II, стб. 183–184]. Его значение совпадало с третьим значением слова *смертный*, выделенным в «Словаре Академии Российской»: «Смертный, ная, ное... 3) Уголовный, заслуживающий смерть. *Ниединья вины смертныя обретише, просиша у Пилата убити его.* Деян. XIII. 28. *Смертное преступление*» [САР 1789–1794: V, стб. 588]. Заимствование *криминальный*, пришедшее в русский язык из польского в 1720-е гг., также указывало на уголовные преступления [СлРЯ XVIII: XI, 17].

Численное соотношение вариантов *уголовный, криминальный и смертный* ('уголовный') в тексте «Истолкований» отражает процесс постепенного вытеснения двух последних из юридической терминологии в последней трети XVIII в. Материалы Картотеки Словаря русского языка XVIII в. свидетельствуют о том, что в первой половине столетия слово *криминальный* характеризовалось большей употребительностью и более широкой сочетаемостью, чем его исконный синоним *уголовный*. Например, в 1720–1770-е гг. оно употреблялось в сочетаниях *криминальная вина, криминальное дело, криминальный суд, криминальная инквизиция, криминальный грех, криминальное приращение, криминальная обида, криминальное законоположение, кри-*

минальное узаконение, криминальное право, криминальные законы, криминальная юрисдикция, криминальный судья. Сочетаемость слова *уголовный* в этот период была значительно уже: *уголовное дело, уголовное преступление, уголовная вина, уголовный суд*. Зато в последние десятилетия XVIII в., когда употребительность слова *криминальный* заметно снизилась, слово *уголовный* расширило свою сочетаемость: в текстах этого времени встречаются сочетания *уголовный закон, уголовная власть, уголовный порядок, уголовные решения, уголовное правосудие, уголовный приговор, уголовная палата, уголовное судопроизводство, уголовное следствие, уголовный проступок*. Постепенное вытеснение слова *криминальный* русским аналогом заметно и в творчестве С. Е. Десницкого, переводчика трактата Блэкстона. В своих речах рубежа 1760–1770-х гг. он предпочитал заимствование (ср. заглавие одной из них — «Слово о причине смертных казней по делам криминальным», 1770), в то время как в трехтомных «Истолкованиях» оно встретилось всего один раз.

Третий элемент ряда, слово *смертный*, хотя и обладало значением ‘уголовный’, но употреблялось в нем сравнительно редко, причем значительная доля таких употреблений приходится на фразеологизированные сочетания *смертный грех* и *смертная вина*. Сочетание *смертное преступление*, упомянутое в «Словаре Академии Российской» и встретившееся один раз в «Истолкованиях», в материалах Картотеки Словаря русского языка XVIII в. не зафиксировано.

Таким образом, соотношение определений, входящих в состав наименования тяжких преступлений в «Истолкованиях», полностью совпадает с их соотношением в специальном языке исследуемого периода и отражает процесс терминологического закрепления слова *уголовный*.

Варьированием отмечен и определяемый элемент составного обозначения уголовного преступления, при этом в вариантных отношениях оказываются слова *дело* и *преступление*.

Слово *дело* в «Истолкованиях» является элементом целого ряда специальных наименований — *дело уголовное, дело судное, дело тяжёбное, дело гражданское, дело обидное*. Только первое из них может использоваться как обозначение преступления, все остальные термины называют судебный процесс. Сочетание *дело уголовное* также могло употребляться как обозначение процесса, в этих случаях оно передавало английский термин *criminal case*, ср.:

- (19) *Ибо вольность нашего правления никакому Судье в уголовных делах не дозволит толковать закон иначе, как буквально*
(I, 235)

*For the freedom of our constitution will not permit, that in **criminal cases** a power should be lodged in any judge, to construe the law otherwise than according to the letter* (200)

При этом многозначность термина *дело уголовное* не всегда может быть снята в контексте. Это можно увидеть, сопоставив примеры (15) и (19), приведенные выше. Замена сочетания *дело уголовное* в значении 'преступление' на сочетание *преступление уголовное* помогло бы избежать многозначности, но как соответствие английского *felony* оно встретилось в тексте всего два раза. Причины этого следует искать в семантике слова *преступление*, которое будет рассмотрено далее.

3. Термины с общей семантикой противозаконного действия

В английском праве все случаи нарушения закона объединяются общим наименованием *wrongs*. Это понятие включает в себя два вида противозаконных действий: *private wrongs* или частные правонарушения, затрагивающие права и интересы отдельных людей, и *public wrongs* или публичные преступления, направленные против общества в целом. Рассмотренная ранее фелония является одним из видов публичных преступлений, наряду с государственной изменой и мисдиминором (общее наименование менее тяжких по сравнению с фелониями преступлений). В терминологии английского права функционируют также слова *crime* и *offence*, которые обычно используются как синонимы термина *public wrongs* [Кенни 1949: 99]. Но в «Комментариях» Блэкстона представлена несколько более сложная система: публичные преступления правовед разделяет на «*crimes and misdemeanors*» (см. напр. с. 288 «Истолкований»), и уже *crime* в свою очередь делится на фелонию и государственную измену.

Итак, в работе Блэкстона «верхняя» часть иерархии наименований преступлений выглядит следующим образом: *private wrongs* ← *wrongs* → *public wrongs* → *crime* = *offence*. Однако в русском переводе трактата эти понятия как правило не различаются и в большинстве случаев все одинаково передаются при помощи слова *преступление*. Ср.:

- (20) *Равным образом и преступления разделяются впервых на **преступления приватныя**, которыя не иное что суть, как нарушения приватных прав, касательных только до частных в обществе людей, и которыя иначе называются гражданскими обидами; и вовторых оныя разделяются на **преступления публичныя**, которыя заключают в себе нарушения публичных прав, относительных ко всему обществу, и которыя иначе называются оскорблениями или делами уголовными* (I, 314)

*Wrongs also are divisible into, first, **private wrongs**, which, being an infringement merely of particular rights, concern individuals only, and are called civil injuries; and secondly, **public wrongs**, which, being a breach of general and public rights, affect the whole community, and are called crimes and misdemeanors* (288)

- (21) *Архиепископства и Епископства могут зделаться праздными трояким образом: смертию Епископа; лишением сана Епископскаго, за великое и важное **преступление** или самовольным сложением сей должности* (III, 108)

*for any very gross and notorious **crime*** (659)

- (22) *И потому-то в прошествии целого уже почти столетия не случилось примера, чтоб Посол был наказан, сколько бы ни жестокое **преступление** он учинил* (II, 320)

*where an ambassador has been punished for any **offence*** (490)

Слово *преступление*, которое в «Истолкованиях» является самым употребительным общим наименованием действий, нарушающих закон, относительно регулярно стало использоваться в этой функции с Петровской эпохи [Unbegaun 1969a: 215; Хижняк 1997: 64]. В язык светского законодательства и делопроизводства оно пришло из терминологии церковного права, где обозначало нарушение религиозных и церковных норм [Unbegaun 1969a: 214]. Слово долго сохраняло и церковнославянскую стилистическую окраску, и связь с производящим глаголом *преступить*. В «Словаре Академии Российской», изданном в самом конце столетия, его единственное значение «Нарушение предписанных правил, закона» все еще отмечено как переносное [САР 1789–1794: V, стб. 762]. В «Истолкованиях» в нескольких случаях слово еще сохраняет старое глагольное управление:

(23) *Ежели член какого нибудь народного общества, нарушает коренной договор сего соединения **преступлением отечественных законов**; то он теряет право к тем преимуществам...*

(II, 452)

(24) *Ныне же надлежит мне только показать те доходы, которые с сих имений Королю собираются. Они состоят первоначально в денежных пенях и взысканиях за **преступления** так называемых у нас **лесных законов***

(II, 420)

Однако обычным все же является управление с предлогом *против*, соответствующее новой норме:

(25) *Послы оному (естественному закону. — В. И.), как и прочие люди, подвержены во всех странах; следовательно где только они **против онога** учинят **преступление**, там и удовлетворение естественному закону чинить должны*

(II, 320)

(26) *... и хотя строгость сего узаконения 20. Статутом Генрика VII. (в оригинале речь идет о статуте Генриха VI. — В. И.) в главе 11. умягчена так, что сие **преступление** изменою уже и не почитается; однако оное навсегда осталось **преступлением против народного права***

(II, 316)

Глагольное значение сохраняют такие производные термины, как *клятвенное преступление* (см. напр. I, 138; II, 85) и *законопреступление*. Последний из них может использоваться в «Истолкованиях» в качестве соответствия английскому *offence*, то есть как аналог слова *преступление*. Ср.:

(27) *На сем точно основании утверждается и власть, которую Король имеет прощать **законопреступления***

(II, 362)

*And hence also arises another branch of the prerogative, that of pardoning **offences***

(506–507)

Поскольку слово *преступление* соответствует в «Истолкованиях» сразу нескольким различным понятиям английского права, оно оказывается затронуто варьированием, вызванным поисками более точных наименований для публичного и частного преступлений.

Как обозначение публичных преступлений, т. е. в качестве соответствия английским терминам *crime* и *offence*, слово *преступление*

может сопровождаться определением *уголовный*. Сочетание *преступление уголовное* встречается на страницах трактата достаточно редко — всего четыре раза. В двух из них оно соотносится со словом *crime*, в остальных, рассмотренных ранее, передает термин *felony*. Вероятно, именно это стало причиной вовлечения в вариантный ряд основного наименования последнего понятия — сочетания *дело уголовное*. С другой стороны, препятствием для более широкого употребления сочетания *преступление уголовное* могло быть значение ‘действие по глаголу *преступить*’, которое слово *преступление* еще сохраняло. Уголовным, т. е. заслуживающим смертной казни, должно быть действие (дело), а не ‘нарушение, несоблюдение закона’.

В «Истолкованиях» сочетание *дело уголовное* достаточно часто соотносится с английскими терминами *crime* и *offence*, но в целом можно говорить о стремлении терминологически противопоставить понятия тяжкого преступления и преступления вообще, закрепив за первым наименование *дело уголовное*, за вторым — *преступление*. Ср. численное соотношение:

число примеров	<i>felony</i>	<i>crime</i>	<i>offence</i>
<i>дело уголовное</i>	12	5	3
<i>преступление</i>	0	18	21

Другой вариант обозначения публичных преступлений — слово *оскорбление*, — очевидно, связан с концепцией английского права, согласно которой всякое публичное преступление оскорбляет лично короля. Такие преступления нарушают мир и спокойствие королевства, хранителем и гарантом которых является король, и именно поэтому формальным истцом при расследовании таких преступлений был король.

В значении ‘преступление’ слово *оскорбление* используется в «Истолкованиях» 10 раз, в большинстве из этих случаев оно соответствует английскому *offence*. Ср.:

- (28) *Сообразуясь сему общим нашим законом предписано, что имение жены, как скоро она вступит в супружество, делается собственностью мужа, так как в нашем же законе сказано, что всякой откуп есть всеобщее **оскорбление**; токмо сие право и сие **оскорбление** основание свое имеют не в натуре, но объявлены таковыми законом для пользы общества* (I, 139)
- our statute law has declared all monopolies a public **offence**: yet that right, and this **offence**, have no foundation in nature* (86)

(29) *В четвертой* (части трактата описаны. — В. И.), публичныя преступления или **оскорбления** и уголовныя дела, с показанием средств к предупреждению и наказанию оных (I, 316)

4. Public wrongs, or **crimes** and misdemeanors; with the means of prevention and punishment (288)

Аналогом слова *преступление* как обозначения частных правонарушений становится слово *обида*. Причиной этого является синонимия в терминологии оригинала, где частное правонарушение может обозначаться терминами *private wrong* и *civil injury*. В «Истолкованиях» слово *обида*, обычно в сопровождении определения *гражданский*, является основным соответствием последнего из них, ср.:

(30) *Равным образом* и преступления разделяются *вопервых* на преступления приватныя, которыя не иное что суть, как нарушения приватных прав, касательных только до частных в обществе людей, и которыя иначе называются **гражданскими обидами**; и *вовторых* оныя разделяются на преступления публичныя... (I, 314)

Wrongs also are divisible into, first, private wrongs, which, being an infringement merely of particular rights, concern individuals only, and are called **civil injuries**; and secondly, public wrongs... (288)

Однако дважды оно используется для передачи термина *offence*, и речь в этих контекстах идет о именно о тяжких преступлениях. См. напр.:

(31) *Однакож* естли **обида** зделана будет собственно характеру и лицу жены, в таком случае сии правила обыкновенно изъемятся, и по Статуту 3. гл. 2. Генрика VII. естли чья жена насильно кем похищена будет и в замужество взята, в таком случае она приемлетя свидетелем против такового мужа для изобличения его в криминальном деле (III, 287)

But where the **offence** is directly against the person of the wife, this rule has been usually dispensed with (748)

Если появление рассмотренных вариантов слова *преступление* связано с попытками терминологически противопоставить обозначаемые им различные понятия, то возникновение следующего ряда аналогов объясняется потребностями контекста. В случаях, когда актуальным оказывается не правовой статус действия, а его характеристика

с точки зрения морали или религии, английские термины *crime* и *offence* могут передаваться в русском переводе синонимами слова *преступление* (напомним, пришедшего из терминологии церковного права) — *злодеяние, грех, порок*. Ср.:

(32) *Ежели он (посол. — В. И.) учинит великое преступление, или на зло употребит свой характер; то в таком случае не иное что возможно с ним сделать, как только выслать вон, и потом приносить на него жалобу его Государю, который обязан или сделать правосудие, или признаться, что и он сам в его злодеяниях был участником* (II, 318)

or avow himself the accomplice of his crimes (489)

(33) *Чтоб доказать сие примером, то смертоубивство именно запрещается законом божественным, и явно доказывается незаконным в законе естественном, и от сих-то самых запрещений божественных и естественных происходит и сущее беззаконие сего греха* (I, 106)

and from these prohibitions arises the true unlawfulness of this crime (71)

(34) *Естьли еще кто будет от Короля сделан Великобританским Пэром, или и выбран уездом либо городом в члены нижняго Парламента, за которым естьли усмотрен будет какой порок; то на такового оба Парламента могут учинить представление, и с прописанием его пороков могут присудить неспособным быть членом в Парламенте* (II, 55–56)

upon complaint of any crime in such person (382)

Отметим, что само слово *crime* могло обозначать нарушение религиозных и нравственных правил. Например, П. И. Жданов в своем «Новом словаре английском и российском» (1784) переводит *crime* как «Грех, злодеяние, злодейство, вина» [Жданов 1784: нумер.]. Но в рассмотренных отрывках и в других случаях использования слов *грех, порок, злодеяние* в «Истолкованиях» речь идет именно о нормах светского права.

В целом примеры такого использования этих слов относительно редки: *crime* передано как *злодеяние* в 3-х случаях, дважды как *грех* и дважды же как *порок*, слово *offence* один раз переведено как *злодеяние*.

Выводы

Лексическая вариантность является одной из характерных черт русского литературного языка XVIII в. [Веселитский 1972: 12]. В этот период ряды вариантных обозначений встречались в текстах различных жанров и стилей, в том числе и в научных сочинениях. Сам механизм формирования, функционирования и последующего разрушения таких рядов подробно описан Л. Л. Кутиной именно на материале научной лексики — терминологии математики, астрономии, географии и физики [Кутина 1964; 1966].

Перевод трактата У. Блэкстона «Истолкования аглинских законов» свидетельствует о том, что вариантность была свойственна и языку работ по теории права: все рассмотренные нами наименования преступлений в этом тексте в той или иной степени затронуты варьированием. Отчасти это связано с необходимостью поиска обозначений для новых понятий: система преступлений английского права значительно отличается от российской, и на эту разницу следовало указать читателю. Однако переводчик трактата не ставил перед собой задачи объяснить русскому читателю тонкости этой системы. И переводчика, и читателя интересовали общие принципы английского права и его общее отношение к действиям, нарушающим закон. Поэтому обычно термины английского права в «Истолкованиях» передаются при помощи наиболее близких русских обозначений с минимальными указаниями на существенные отличия.

С установкой на поиск русских соответствий связано практически полное отсутствие заимствований среди слов, называющих преступления. В качестве исключения можно указать разве что на слово *криминальный*, вошедшее в русский язык еще в Петровскую эпоху, и слово *человекоубийство*, калькирующее термин оригинала *homicide*.

В вариантных рядах оказываются русские и славянские варианты (*смертоубивство* — *смертоубийство*), языковые синонимы (*уголовный* — *криминальный* — *смертный*) и слова, названные Л. Л. Кутиной обозначениями-аналогами [Кутина 1966: 255], т. е. акцентирующие разные стороны понятия (*преступление* ‘действие, нарушающее закон’ — *злодеяние*, *грех* ‘поступок, нарушающий религиозные или моральные нормы’).

Степень варьирования терминов в «Истолкованиях» прямо зависит от степени абстрактности понятия: чем шире понятие, тем

длиннее ряд вариантов, используемых для его обозначения. Кроме того, более конкретные понятия раньше проходили процесс терминологизации. Например, терминологическое обозначение убийства, слово *смертоубийство*, в «Истолкованиях» противопоставлено нетерминологическим наименованиям *умерщвление, убиеение, убийство*. При этом в качестве обозначений общего понятия 'преступление', напротив, привлекается целый ряд языковых синонимов слова *преступление*: *оскорбление, обида, злодеяние, грех, порок*.

Однако несмотря на наличие вариантов, в «Истолкованиях» отчетливо прослеживается тенденция к терминологическому закреплению наименований преступлений. В каждом из рассмотренных вариантных рядов достаточно легко может быть выделен основной вариант. Но процесс терминологизации еще был далек от завершения: только один из рассмотренных нами основных вариантов закрепится в дальнейшем в юридической терминологии и литературном языке в целом. И любопытно, что речь идет об обозначении наиболее общего из рассмотренных понятий — слове *преступление*.

Литература

- Благова 1998 — Н. Г. Благова. Лексика и фразеология памятников русского права XVII в. (На материале Уложения 1649 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
- Веселитский 1972 — В. В. Веселитский. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. М.: Наука, 1972.
- Виноградов 1982 — В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982.
- Винокур 1959 — Г. О. Винокур. Русский литературный язык во второй половине XVIII века // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959.
- Давид, Жоффре-Спинози 2009 — Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 2009.
- Есаков 2007 — Г. А. Есаков. Основы сравнительного уголовного права. М.: Элит, 2007.
- Жданов 1784 — [П. И. Жданов]. Новой словарь английской и российской. СПб.: при типографии Морского шляхетного кадетского корпуса, 1784.
- Законодательство 1986 — А. Г. Маньков (отв. ред.). Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986.

- Кенни 1949 — К. Кенни. Основы уголовного права. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1949.
- Кутина 1964 — Л. Л. Кутина. Формирования языка русской науки (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.; Л.: Наука, 1964.
- Кутина 1966 — Л. Л. Кутина. Формирование терминологии физики в России. Период преддомонсовский: первая треть XVIII века. М.; Л.: Наука, 1966.
- Прудников 2013 — М. Н. Прудников. История государства и права зарубежных стран. М.: Юлрайт, 2013.
- Романов 2002 — А. К. Романов. Правовая система Англии. М.: Дело, 2002.
- САР 1789–1794 — Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. М.: При Имп. Акад. наук, 1789–1794.
- СЛРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–21. Л., СПб.: Наука, 1984–2015.
- Хижняк 1997 — С. П. Хижняк. Юридическая терминология: Формирование и состав. Саратов: Изд-во СГУ, 1997.
- Blackstone 1890 — Commentaries on the Laws of England. Book the Fourth. By sir William Blackstone, one of the justices of His Majesty's Court of Common Pleas. From the author's eighth edition, 1778. Edited by William G. Hammond. San Francisco: Bancroft-Whitney Company, 1890.
- Unbegaun 1969a — В. О. Unbegaun. Le "crime" et le "criminel" dans la terminologie juridique russe // Selected papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford: Oxford University Press, 1969. P. 203–217.
- Unbegaun 1969b — В. О. Unbegaun. Russe et slavon dans la terminologie juridique // Selected papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford: Oxford University Press, 1969. P. 176–184.

Источники

Истолкования Аглинских законов г. Блэкстона, переведенные по высочайшему повелению Великой Законодательницы Всероссийской с подлинника аглинского. Кн. I–III. М.: Печатаны в Университетской типографии, у Н. Новикова, 1780–1782.

Commentaries on the Laws of England. Book the First. By sir William Blackstone, one of the justices of His Majesty's Court of Common Pleas. From the author's eighth edition, 1778. Edited by William G. Hammond. San Francisco: Bancroft-Whitney Company, 1890.

В. В. Казаковская, И. Балчюнене

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Vytautas Magnus University, Каунас

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПОВТОРЫ РЕПЛИК В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ИНПУТЕ (К ПРОБЛЕМЕ ИЗБЫТОЧНОСТИ)

1. Вступительные замечания

Пожалуй, не существует более интригующей темы в проблематике изучения речевого онтогенеза, чем речь взрослого, обращенная к ребенку. Ее роль в усвоении языка — это тот краеугольный камень, который лежит в основе многочисленных теорий онтогенеза и сопряжен с решением вопроса о природе языковой способности — ее врожденном или приобретенном характере [Ambridge, Lieven 2011]. Исследования **инпута** (*input, child-directed speech, motherese*), начатые почти полвека назад Ч. Фергюсоном [Фергюсон 1975; Ferguson 1978] и способные пролить свет на эту проблему, на современном этапе развития мировой онтолингвистики насчитывают в своем арсенале более тридцати языков. Доказано, что речь взрослого (*caregiver*) ситуативна, синтаксически проста, грамматически правильна, адаптирована к уровню языкового и когнитивного развития ребенка и — более того — «настроена» на него (*fine-tuning*): см., в частности, коллективные монографии, посвященные различным аспектам инпута [Snow, Ferguson (eds.) 1977; Gallaway, Richards 1994; Kern et al. (eds.) (in press)]. Описан ряд фонетических, лексических и грамматических особенностей, отличающих этот регистр от других [Snow 1972; 1995; 2014; Rowe 2012], а также отдельные характеристики коммуникативных стилей взрослых, пути языковой социализации в различных культурах мира и, соответственно, в практиках общения с маленькими детьми [Ochs, Schieffelin (eds.) 1986; Ochs, Schieffelin 1995; Lieven 1994; Tulviste 2002; Johnston, Wong 2002; Hoff 2006; Dale et al. 2015]¹. Между тем одна из наиболее ярких особенностей инпута — его **избыточность**, — как кажется, еще не являлась предметом специального лингвистического анализа, в том числе выполненного в контрастивном аспекте.

¹ Обсуждение проблемы и более полную литературу вопроса см., в частности, в [Воейкова 2004; Казаковская 2011: 25–46; Казаковская 2013: 271–272].

В настоящей работе предпринимается попытка сопоставительного описания данного феномена на материале двух морфологически богатых флективных языков — русского и литовского. В частности, предварительные исследования русского инпута показали, что основной причиной, создающей избыточность, оказываются реплики-повторы взрослого [Казаковская 2012]². Повторы взрослым предшествующего детского либо собственного высказывания являются неотъемлемым компонентом диалога «взрослый — ребенок» [Цейтлин 2001; Казаковская 2011], однако не составляют необходимую часть общения взрослых носителей языка. Напротив, их употребление противоречит одному из постулатов успешной коммуникации Грайса (1985), заключающемуся в том, чтобы не говорить лишнего. И если повторы возникают в спонтанном дискурсе, то, как правило, их использование отягощено прагматически³.

В статье рассматриваются структурные и прагматические характеристики повторов, зафиксированных в самом распространенном типе реплик взрослого. В диалоге с маленьким ребенком ими оказываются **вопросы** [Казаковская 2004, 2007, 2011: 58–63, 220–268]. Единицей исследования являются, как правило, диалогические единства, включающие высказывание ребенка и следующую за ним вопросительную реплику взрослого с тем или иным элементом повтора реплики предыдущей. В данной позиции вопросительные реплики являются **реактивными**:

(1) 2;0⁴

Ребенок: *Važiuosiu* ‘Поеду.’

Взрослый: *Vėl važiوسي?* ‘Опять поедешь?’

Вопросы, функционирующие как первые реплики в единстве и начинающие новую тему или микротему, принадлежат к числу **инициативных**⁵:

² Избыточность вопросительных реплик взрослых носителей языка рассматривается в [Казаковская 2010a].

³ Функции повторов в разговорной речи неоднократно становились предметом внимания лингвистов: см., например, [Шведова 1956; 1960; Арутюнова 1992].

⁴ Возраст ребенка — два года.

⁵ Опыт функционально-семантического анализа инициативных вопросительных реплик взрослого и их роль в становлении различных компонентов коммуникативной компетенции ребенка представлены, в частности, в [Казаковская 2007; 2011; 2013].

- (2) 2;0
Взрослый: *Здравствуй! Как дела?*⁶
Ребенок: *Доудом@unclear.*
- (3) 2;4
Взрослый: *Ну что, еще йогурта дать?*
Ребенок: *Еще не съел.*

В нашей работе инициативные вопросительные реплики привлекаются к обсуждению только при анализе диалогических единств, превышающих объем единств минимальных, — с целью адекватной интерпретации реактивной реплики взрослого (см., в частности, далее примеры (17), (21), (22), (53)).

Результаты кросс-лингвистических исследований реактивных реплик взрослого (*recasts, reformulations*), выполненные в свете проблемы так наз. **отрицательного инпута** (*negative input, negative evidence* [Demetras et al. 1986; Saxton 1997; Saxton et al. 1998; 2005; Chouinard 2003]), показали, что коммуникативные тактики носителей немецкого (австрийского), французского, литовского и русского языков различаются. Так, французским и немецким взрослым было свойственно преимущественное использование невопросительных реплик [Dressler et al. 2006; Kilani-Schoch et al. 2008], тогда как в русском и литовском инпуте доминировали вопросы, составившие в среднем около 62 % от числа всех высказываний (рус. ≈ 52 %; лит. ≈ 72 %) [Казаковская 2010b; 2013; Казаковская, Балчюниене 2011; Kazakovskaya (in press) b; Kazakovskaya, Balčiūnienė 2012a;b]. Очевидные сходства и различия в коммуникативном поведении взрослых поднимают вопрос об их причинах — типологических, ареальных, культурно обусловленных, социально-экономических и, как показывают новейшие экспериментальные исследования, генотипических [Dale et al. 2015].

Наконец, предваряя описание корпусных данных и основ сопоставительного анализа русского и литовского инпута, подчеркнем, что изучение различных аспектов этого регистра на материале исследуемых языков началось недавно [Цейтлин 2000: 24–35; Цейтлин 2001; Гаврилова 2002; Воейкова 2015: 241–268;

⁶ Здесь и далее для облегчения восприятия русскоязычного иллюстративного материала используется кириллица (ср. [MacWhinney 2000]).

Казаковская 2010b; Казаковская 2011; Wójcik 1994; Savickienė 1997; Balčiūnienė 2009; Kamandulytė 2009]. В целом результаты согласуются с тем, что известно об инпуге в других языках (см. выше), но вместе с тем выявлены и специфические черты. Например, в фонетическом облике **раннего** русского инпута — речи, обращенной к младенцу (*infant-directed speech*), были отмечены интонационные игры, построенные на контрасте громкости, основного тона и темпа [Гаврилова 2002].

2. Корпус данных

Как упоминалось, исследование выполнено на материале двух индоевропейских языков, принадлежащих так наз. балто-славянской языковой общности, — русского и литовского. В настоящее время анализируемые корпуса являются самыми репрезентативными (см. *high density corpora*) для каждого из языков. К анализу привлечены лонгитюдные видео- и аудиозаписи речевого взаимодействия взрослых с монолингвальными типично развивающимися детьми второго — третьего лет жизни (1;8–2;8). Русский корпус представлен, главным образом, диалогами мальчика (Вани) с его бабушкой (34 часа, 131 552 словоупотребления (*tokens*)); литовский — диалогами девочки (Моники) и ее мамы (27 часов, 120 310 словоупотреблений). Спонтанная речь была расшифрована, затранскрибирована и морфологически закодирована согласно правилам международной системы обмена данными CHILDES (Child Language Data Exchange System) [MacWhinney 2000]⁷.

Русский мальчик родился в интеллигентной петербургской семье. Записи осуществлялись несколько раз в месяц в домашней обстановке — в привычных для ребенка ситуациях кормления, купания, игры, рисования или чтения книги. С той же частотностью и в тех же естественных условиях записывалась речь литовской девочки из Каунаса. В общении с ней оба родителя — на ту пору студенты

⁷ Литовский корпус собран и закодирован матерью ребенка — И. Балчюнене; русский корпус собран бабушкой ребенка — Е. К. Лимбах, морфологическое кодирование высказываний выполнено ею совместно с М. И. Аккузиной (под рук. Н. В. Гавриной [2008]).

Мы благодарим всех коллег, принимавших участие в сборе и разметке данных, а также профессора Э. Генюшене за консультирование в ходе анализа литовского языкового материала.

университета — использовали литовский литературный язык, в то время как при общении друг с другом — его севернопаневежский диалект.

Для проводимого исследования существен не только биологический, но и «языковой» возраст детей, одним из показателей которого является средняя длина высказывания в словах (СДВ, ср. *MLU* (*in morphemes*)). За время наблюдений СДВ в речи обоих информантов последовательно увеличивается: с 1,008 до 2,198 в речи русского ребенка и с 1,285 до 2,468 — в речи литовского (Таблица 1).

Таблица 1. Средняя длина высказывания детей (в словах)

Возраст	Русский корпус	Литовский корпус
1;8	1,008	1,285
1;9	1,004	1,364
1;10	1,007	1,431
1;11	1,016	1,424
2;0	1,032	1,729
2;1	1,135	1,739
2;2	1,737	1,792
2;3	1,949	1,611
2;4	1,949	1,687
2;5	1,658	1,790
2;6	1,757	2,121
2;7	2,043	2,198
2;8	2,198	2,468

Следует упомянуть также, что третий год жизни детей характеризуется регулярным использованием существительных и появлением первых падежных оппозиций и **минипарадигм**, в терминах теории естественной морфологии, разрабатываемой В. У. Дресслером (см., в частности, [Dressler 2007]). Однако наиболее значимым в это время является возникновение глагола, считающегося своего рода катализатором для последующего онтогенеза детской грамматики [Гагарина 2008: 87]. В связи с этим выбранный для сопоставления период охватывает промежуток времени от момента спорадического появления глагольных форм (в том числе «замороженных» (*frozen forms*) и ономотопей) до их весьма активного употребления, иными словами, от стадии **преморфологии** со

свойственными ей экстраграмматическими операциями до этапа **протоморфологии**, в течение которого происходит начальное овладение морфологическими правилами, предполагающее образование глагольных минипарадигм. Освоение **конвенциональной** морфологии, подразумевающее знание не только основных, но и периферийных правил грамматики, в сфере глагола происходит позже.

Сопоставление русского и литовского корпусов производилось на основе сбалансированной выборки: из записей, сделанных в каждом месяце, было извлечено по 300 вопросительных реплик-реакций взрослого, содержащихся в одном (произвольно выбранном) фрагменте транскрипции. В русском инпуте они составили около 52 % от числа всех высказываний взрослого, в литовском — почти 72 %. При этом доля повторов (%) от анализируемого количества вопросительных реплик в русском инпуте превышала соответствующий показатель в литовском (Таблица 2).

Индексы, показывающие соотношение количества вопросов разного типа и частотности их использования, представляют собой вполне сопоставимые величины — причем как в статическом (рус. — $0,072 \pm 0,15$, лит. — $0,099 \pm 0,011$), так и в динамическом аспектах: см., например, данные индексы в 2;0 и в 2;8 (Таблица 3). Вычисляемый таким образом индекс (в другой терминологии, индекс тривиальности) свидетельствует о той или иной степени разнообразия в выражении определенного языкового феномена (ср. также *type / token ratio* — *TTR*). В анализируемом материале высокий индекс указывает на существенное разнообразие вопросительных реплик в речи русского и литовского взрослых.

Для проведения количественных подсчетов реплики-повторы были дополнительно (по отношению к морфологической разметке) закодированы в структурном и прагматическом аспектах, к обсуждению которых мы приступаем⁸.

* * *

⁸ Впоследствии предполагается учесть и невопросительные реплики-повторы взрослого. По предварительным данным, их число в исследуемых корпусах невелико, но тем не менее лишь в этом случае результаты сопоставительного анализа реактивных повторов могут считаться исчерпывающими. Синтаксическое кодирование вопросительных реплик и соответствующие подсчеты выполнены И. Балчюнене.

Таблица 2. Анализируемые данные

Возраст		Количество вопросов	% от числа всех реплик	Количество повторов	% от 300 реплик-вопросов
1;8	Р	1 567	45,4	43	14,3
	Л	1 744	69,7	46	15,3
1;9	Р	981	43,9	45	15,0
	Л	1 963	65,8	51	17,0
1;10	Р	977	56,0	46	15,3
	Л	1 853	70,0	44	14,6
1;11	Р	1 118	50,4	39	13,0
	Л	3 238	91,4	51	17,0
2;0	Р	931	46,5	41	13,6
	Л	1 573	62,5	46	15,3
2;1	Р	1 485	59,6	71	23,6
	Л	3 151	85,7	34	11,3
2;2	Р	1 058	55,0	86	28,6
	Л	1 073	90,7	46	15,3
2;3	Р	1 187	55,5	97	32,3
	Л	2 360	42,5	37	12,3
2;4	Р	1 020	58,9	81	27,1
	Л	1 288	79,0	43	14,3
2;5	Р	1 115	53,7	91	30,3
	Л	2 343	69,7	36	12,0
2;6	Р	1 057	58,5	79	26,3
	Л	1 444	65,5	34	11,3
2;7	Р	871	47,9	98	32,6
	Л	1 272	70,1	47	15,6
2;8	Р	978	42,5	115	38,3
	Л	1 140	72,0	30	10,0
Всего	Р	14 345	51,8	932	23,9
	Л	24 442	71,9	545	13,9

Р – русский корпус; Л – литовский корпус

Таблица 3. Разнообразие вопросительных реплик в инпуте

Возраст	Русский корпус	Литовский корпус
1;8	0,063	0,093
1;9	0,060	0,080
1;10	0,067	0,083
1;11	0,043	0,063
2;0	0,073	0,070
2;1	0,070	0,067
2;2	0,081	0,067
2;3	0,077	0,063
2;4	0,087	0,063
2;5	0,073	0,09
2;6	0,06	0,083
2;7	0,09	0,077
2;8	0,103	0,093
М	0,072	0,099
SD	±0,15	±0,011

3. Основания для структурной и прагматической дифференциации повторов

3.1. Структурные типы повторов

В качестве основы для анализа вопросительных реплик-повторов использовалась классификация реакций взрослого, предложенная в кросс-лингвистическом проекте «Пре- и протоморфология в усвоении языка» [Dressler et al. 2006; Kilani-Schoch et al. 2008] и дополненная с учетом результатов изучения диалога «взрослый — ребенок», полученных на материале русского языка [Казаковская 2004; Казаковская 2010b; Казаковская 2011: 220–268; Казаковская 2013]. В частности, принимались во внимание такие разновидности повторов, как **эхо-повтор**, **фокусированный повтор** и **модифицированный повтор** (то есть повтор, осложненный другими структурными элементами). Поясним и проиллюстрируем каждую из разновидностей, оценивая при этом «удельный вес» избыточности, определяя функцию ее создающего повтора и степень оправданности последнего в рамках диалогического единства.

3.1.1. Эхо-повторы (буквальные повторы) взрослого предполагают практически абсолютное воспроизведение предыдущей реплики ребенка с вопросительной интонацией:

(4) 1;10

Ребенок: *Тетя* [tjatja]⁹.

Взрослый: *Тетя?*

(5) 2;1

Ребенок: *Senelis* [šenelis] *eina*. 'Дедушка идет.'

Взрослый: *Senelis eina?* 'Дедушка идет?'

Очевидная избыточность реплик в обоих случаях (4)–(5) оправдана тем, что на ранних этапах речевого развития ребенка с помощью подобных эхо-повторов, как правило, «шлифуется» несовершенная детская фонетика [Гвоздев 1961] и/или уточняется смысл произнесенного.

3.1.2. Модифицированные повторы включают три разновидности повторения реплики или ее отдельных элементов — расширение, реформуляцию и коррекцию.

1. Повторы-**расширения** возникают в ситуации, когда взрослый значительно дополняет сказанное ребенком: помещает то, о чем шла речь, в более широкий контекст:

(6) 2;1

Sit: *Ваня увидел лежащего кота.*

Ребенок: *Спать* [pat'].

Взрослый: *Куса спать лег?*

(7) 2;5

Ребенок: *Mama čia* [šia]. 'Мама здесь.'

Взрослый: *Mama čia turi daryti?* 'Мама здесь должна делать?'

Характер подобного расширения может быть как лексическим, так и грамматическим. Зачастую в речи взрослого структурно неполная детская реплика преобразуется в полноценное высказывание, в основе которого лежат повторяющиеся элементы. Избыточность

⁹ Здесь и далее в квадратных скобках указываются особенности произношения (в том случае, если они существенны для проводимого анализа).

в таких случаях минимальна, поскольку повтор становится необходимым условием создания ответной реплики и ее возможным диалогическим образцом (*pattern*) из так наз. зоны ближайшего развития (Л. С. Выготский) синтаксической компетенции ребенка.

2. Повторы-**реформуляции** охватывают ситуации своего рода редактирования детской реплики взрослым, ее приближения к тому, что, по мнению взрослого, хотел или должен был сказать ребенок:

(8) 1;11

Ребенок: Баба.

Взрослый: Бабушка?

(9) 2;2

Ребенок: Čia katinukas. ‘Здесь кот:DIM.’

Взрослый: Katinukas čia? ‘Кот:DIM здесь?’

Чаще всего реформулированию подвергается порядок слов, использованные ребенком специфически детские слова (*child-specific forms* — *CSF*) и диалектизмы (применительно к литовскому корпусу). К числу специфически детских принадлежат слова и выражения, изобретенные ребенком и/или употребляемые в семье (33), (48). Заметного семантического прироста (увеличения объема новой информации) при реформуляции не происходит. Степень, в которой проявляется избыточность, близка к наблюдаемой в эхо-повторах, но все же уступает ей.

3. Повторы-**исправления** содержат элемент коррекции — имплицитной или эксплицитной:

(10) 2;4

Ребенок: Вот эта еще *сломался¹⁰ [sʃamajsja] *нет*.

Взрослый: Эта еще не сломалась?

(11) 2;4

Ребенок: Aš noriu pati *eitis. ‘Я хочу сама *идти.INF.REFL.’

Взрослый: Ai, tu pati norėjai eiti? ‘А, ты сама хочешь идти.INF?’

¹⁰ Здесь и далее астериск (*) обозначает детскую ошибку.

Исправляя ошибку ребенка, взрослый с неизбежностью повторяет лексему, словоформу или конструкцию, которые были неправильными. В таком случае избыточность становится вынужденной и тем самым оправданной.

3.1.3. *Фокусированная реплика-повтор (фокус-повтор)* содержит не более одной (12) — двух (13) лексем из предшествующего высказывания ребенка, при этом не обязательно непременно ошибочных:

(12) 2;7

Ребенок: *Man švarios [švalios] rankos [lankos].* ‘У меня чистые руки.’

Взрослый: *Švarios?* ‘Чистые?’

(13) 2;7

Ребенок: *У меня короткие лапы.*

Взрослый: *Короткие лапы?*

Степень избыточности фокус-повторов зависит от того, к чему именно они «тяготеют». При их близости к эхо-повторам или к повторам-реформуляциям избыточность высока; в ситуации корректирования она, напротив, весьма незначительна. Между тем ни в одном из случаев избыточность не определяется количеством повторенных слов, полученным методом буквального подсчета.

3.2. *Прагматические функции повторов*

Основанием для прагматической классификации реплик-реакций является «фокус» внимания взрослого. Наблюдения показывают, что реактивная реплика может быть обращена как к форме (*metadiscursive reaction*) (14), так и к содержанию (*conversational reaction*) (15) детского высказывания [Dressler et al. 2006; Kilani-Schoch et al. 2008; Казаковская 2010b; Kazakovskaya (in press) b]:

(14) 2;7

Ребенок: *Сломался, почините [pitiniti] меня.*

а) Взрослый:

Ребенок: *Почини [pitini], Ваня.*

б) Взрослый: *А, «Почини меня, Ваня», он сказал, да?*

(15) 2;2

Ребенок: О, рябина.

Взрослый: Да, рябина красная. Красивая, да?

Иными словами, в первом случае — при выполнении репликой метадискурсивной функции (14) — реакция направлена на то, **как** именно ребенок произносит какое-либо слово или конструирует форму с точки зрения их соответствия языковой норме; во втором случае — при конверсационной функции реплики (15) — на то, о **чем** он говорит, то есть на соответствие детского высказывания реальному положению дел. Основная цель конверсационных реплик — поддержать диалог с ребенком, тогда как задача реплик метадискурсивных, напротив, — приостановить развитие темы и течение диалога, с тем чтобы сконцентрироваться на ошибке и, предоставив ребенку «контрастный контекст» [Saxton 1997], помочь избежать ее в будущем.

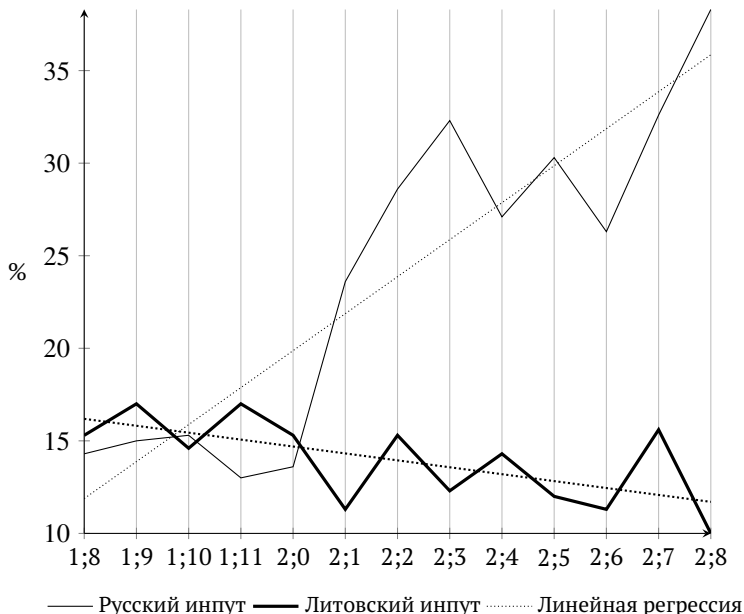
Таким образом, разработанное для настоящего исследования синтаксическое кодирование реплик допускает следующее соотношение структурных и прагматических разновидностей повтора. Поскольку фокусированные повторы и эхо-повторы могут быть реакцией на любую — как правильную (*adult-like*), так и ошибочную — реплику ребенка, они способны выполнять в раннем диалоге обе прагматические функции. В отличие от фокус- и эхо-повторов, за повторами-расширениями, реформуляциями и исправлениями закреплена одна функция — либо конверсационная (расширения, реформуляции), либо метадискурсивная (коррекции).

4. Результаты анализа и обсуждение

4.1. Вопросительные реплики-повторы в инпуте: общая динамика

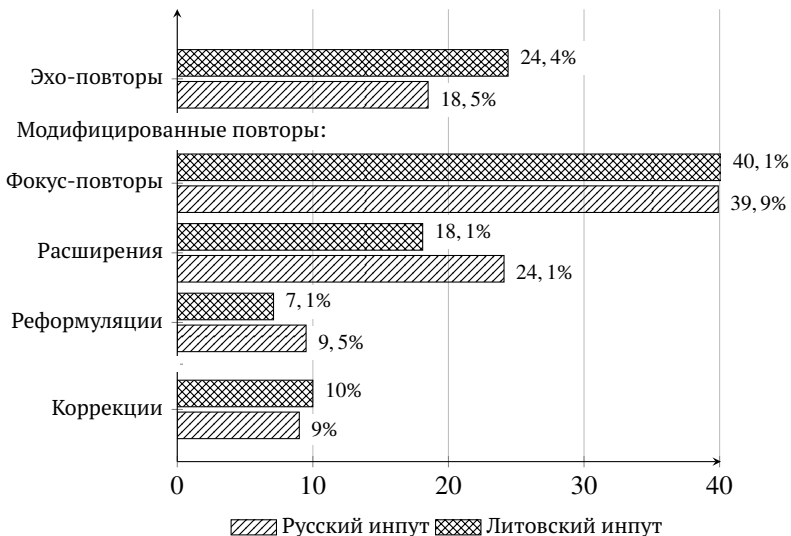
Как отмечалось ранее (Таблица 2), вопросительные реакции в обоих корпусах многочисленны (рус. — 51,8 %, лит. — 71,9 %), однако в русском инпуте доля повторов выше. Кроме того, при их практически одинаковом количестве в начале периода наблюдений к его концу частотность повторов в русском инпуте существенно увеличивается, тогда как в литовском — незначительно уменьшается (Диаграмма 1). Динамика снижения частотности повторов в речи литовского взрослого выглядит более плавной по сравнению со скачкообразным увеличением этого показателя в речи русского взрослого.

Диэг. 1. Динамика вопросительных повторов (% от всех вопросительных реакций)

В связи с полученными данными возникают вопросы, на которые мы постараемся ответить в ходе обсуждения результатов и подведения итогов. Во-первых, чем может быть обусловлена выявленная динамика в распределении повторов? В частности, насколько она зависит от характера «стимулирующей» реплики ребенка, а именно степени ее правильности? И — если детская реплика корректна (грамматически, лексически или фонетически) — какую функцию выполняет избыточный (с позиций нормативной грамматики диалога) повтор? Если же реплика неправильна, с какого типа ошибкой сталкивается взрослый? Во-вторых, целесообразно выявить распределение структурных и прагматических типов повтора на протяжении всего периода наблюдения. Полученная дистрибуция позволит определить не только доминирующие разновидности реакций взрослого, но и приблизиться к пониманию механизмов влияния инпута на складывающуюся языковую систему ребенка.

Диagr. 2. Распределение структурных разновидностей вопросительных повторов

4.2. Структурные типы вопросительных повторов

Результаты дистрибутивного анализа структурных типов повтора выявили сходные стратегии в частоте их употребления взрослыми, несмотря на упоминавшееся количественное расхождение. Так, в обоих случаях преобладают модифицированные разновидности повтора (рус. — 73 %, лит. — 65 %); на втором месте находятся эхо-повторы; на третьем — фокусированные повторы (Диаграмма 2). В свою очередь, в сфере доминирующих модифицированных повторов количественные предпочтения взрослых очевидны и также близки: лидируют повторы-расширения, за которыми следуют повторы-реформуляции и повторы-коррекции.

Полученные данные свидетельствуют о том, что и русские, и литовские взрослые склонны скорее видоизменить (то есть каким-либо образом модифицировать) реплику ребенка, чем продублировать ее — полностью или частично. Иными словами, структурно-семантическое расширение — дополнение реплики новыми элементами — оказывается более предпочтительным способом реакции, в отличие от реакций, не способствующих содержательно-му развитию диалога. В сфере, условно говоря, немодифицированной повторительной стратегии взрослого фокус-повторы уступают

место эхо-повторам. В наименьшей степени используются повторы, содержащие коррекцию.

4.3. Прагматические типы повторов

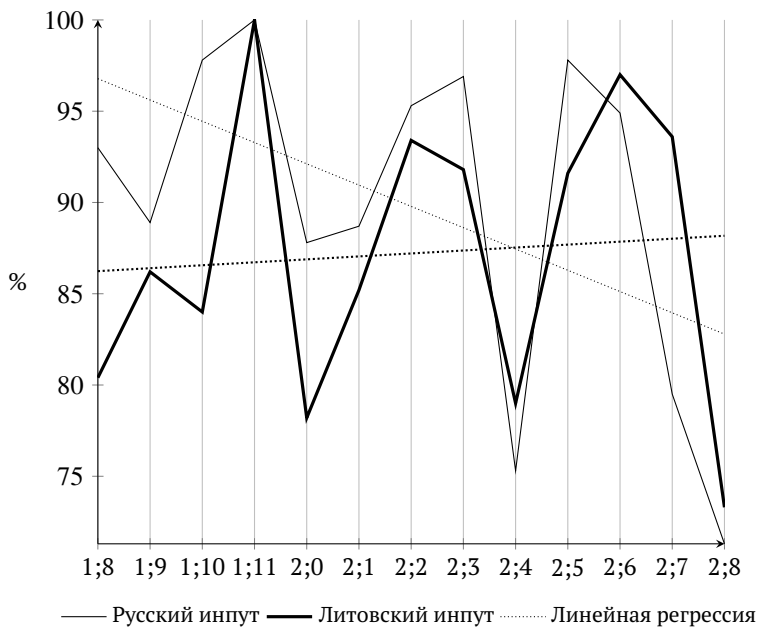
Анализ прагматических разновидностей реплик-повторов выявил существенное преобладание конверсационных реакций (рус. — 90 %, лит. — 87 %). Очевидно, на ранних этапах диалога для взрослого важнее поддержать ребенка как партнера в диалоге (см. собственно коммуникативные навыки¹¹) и продолжить общение, нежели строго следовать формальным (и во многом грамматически обусловленным) конвенциям: нарочито обучать ребенка языку и жестко контролировать соблюдение норм. Функциональные особенности использования повторов взрослыми-носителями рассматриваемых языков в целом сходны: к концу наблюдений конверсационные повторы идут на убыль (Диаграмма 3а), в то время как метаповторы, напротив, — увеличиваются (Диаграмма 3б). Мы склонны связывать это обстоятельство с изменением «ожиданий взрослого», см. подробнее [Казаковская 2010b, 2013: 290].

Сравнение общей динамики в функционировании повторов демонстрирует близость в коммуникативном поведении русского и литовского взрослых: налицо более плавная динамика в сфере конверсационных реакций и более резкая (скачкообразная) — в сфере метадискурсивных. Кроме того, совпадают «пики» частотности метаповторов, происходящие с определенной периодичностью в 2;0, 2;4 и 2;8.

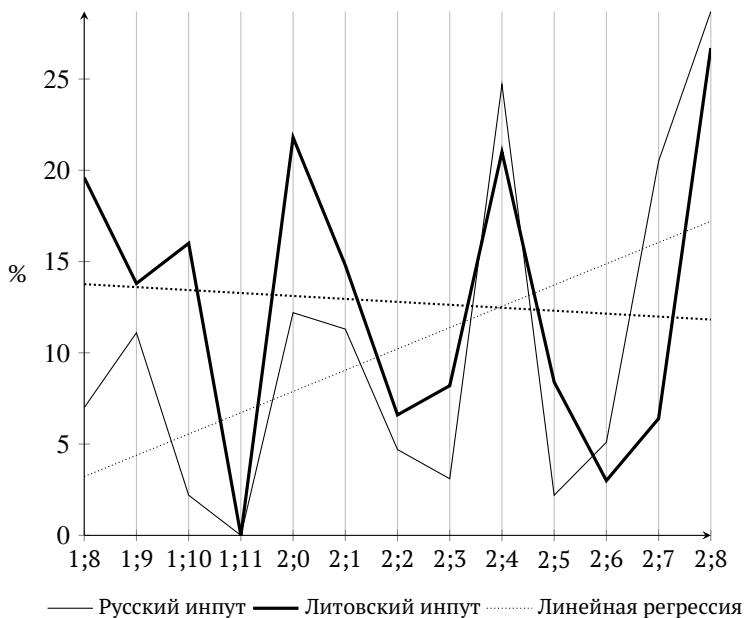
Можно предположить, что повышение частоты использования метадискурсивных реакций связано с изменением уровня развития различных компонентов коммуникативной компетенции ребенка. В частности, в возрасте 2;0 и 2;4 в речи обоих информантов возрастает общий индекс TTR (Диаграмма 4), показывающий соотношение грамматических форм (*types*) и количества их словоупотреблений (*tokens*) и свидетельствующий о качественном изменении морфологической компетенции. А кроме того, в 2;0 и 2;8 происходит заметное увеличение СДВ (Таблица 1), влекущее за собой становление межсловных связей и характеризующее развитие синтаксических навыков ребенка.

¹¹ Подробнее о дифференциации системно-языковых и собственно коммуникативных (диалогических) навыков и их развитии см. [Казаковская 2011: 95–113].

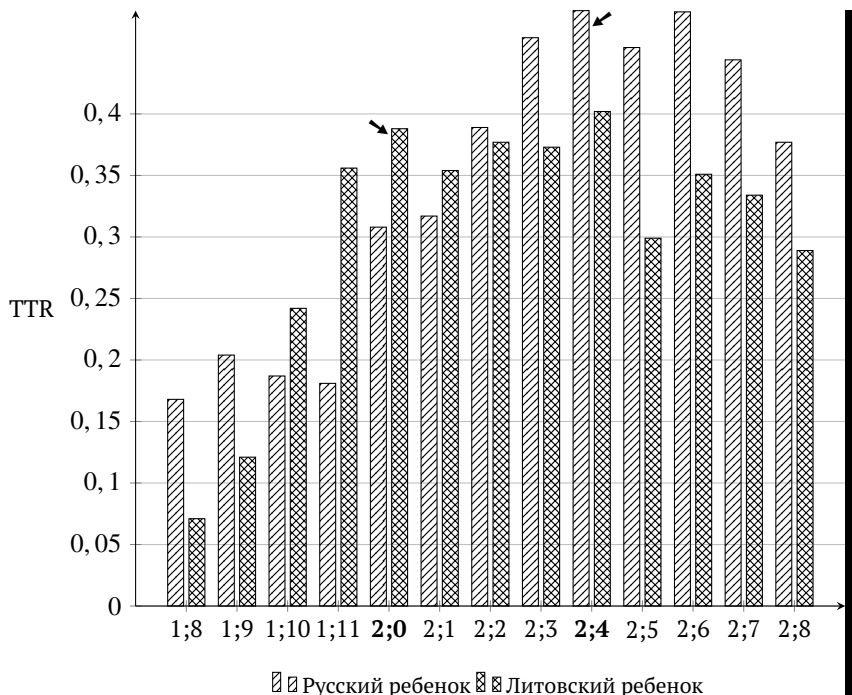
Диэг. 3а. Конверсационные вопросительные повторы

Диэг. 3б. Метадискурсивные вопросительные повторы

Диagr. 4. Соотношение форм слов и словоупотреблений в речи детей

4.3.1. Повторы-расширения являются наиболее многочисленной группой вопросительных реакций в обоих корпусах ($\approx 40\%$) (Диаграмма 2). При этом и в русских, и в литовских данных отчетливо доминируют повторы, выполняющие конверсационную функцию (рус. — 99%, лит. — 96%). Конверсационные повторы-расширения могут быть охарактеризованы как реплики, дополняющие детское высказывание новыми семантическими элементами и подталкивающие ребенка к развитию темы диалога:

(16) 1;8

Ребенок: Папа.

Взрослый: Папа кушал из тарелочки?

(17) 2;8

Взрослый: Ты акуленок?

Ребенок: Нет, акула.

Взрослый: Большая акула?

Ребенок: Да.

На первый взгляд, расширения рассматриваемого типа кажутся одинаковыми как в начале (16), так и в конце (17) периода наблюдений, тем не менее разница между ними все же присутствует. Так, когда ребенок может продуцировать только однословные высказывания (**голофразы**), его взрослый собеседник вынужден добавлять больше новой информации к произнесенному, чтобы расширить, а зачастую и «перевести» голофразу на нормативный («взрослый») язык, в то время как позднее, когда ребенок находится на стадии многословных высказываний, объем информации, добавляемой взрослым, существенно уменьшается. В это время расширения напоминают, скорее, модификацию детской реплики, чем ее буквальный «перевод» на конвенциональный язык.

Метадискурсивные повторы-расширения представляют собой «переводы» несовершенных детских голофраз на семантически и синтаксически адекватный язык взрослых, осуществляемые путем восполнения предполагаемой и / или возможной в данной ситуации конструкции. Анализ показал, что в обоих корпусах детские реплики могут расширяться за счет добавления не только знаменательных частей речи (имен (6), глаголов (18)–(19), модальных предикативов (20)), но и служебных (предлогов (18), (21) и союзов (22)):

(18) 2;0

Взрослый: *Saulutė šviečia.* ‘Солнце:DIM светит.’

Ребенок: *Akytė.* ‘Глаз:DIM.’

Взрослый: *Į akytę šviečia?* ‘В глаз светит?’

(19) 2;7

Ребенок: *Какие еще?*

Взрослый: *Какие еще есть?*

(20) 2;0

Ребенок: *Pasitikti.* ‘Встретить.’

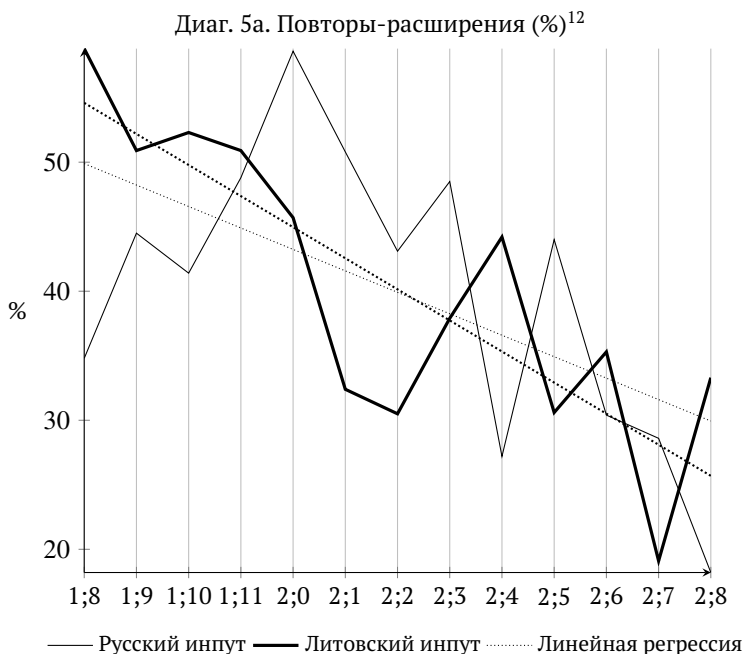
Взрослый: *Pasitikti reikia?* ‘Встретить надо?’

(21) 2;4

Взрослый: *Собачка куда поедет?*

Ребенок: *Парк [pak].*

Взрослый: *В парк?*

(22) 2;1

Взрослый: *Kam tu tą rankšluostį grauži dabar? Ką?* ‘Почему ты это полотенце жжешь? А?’

Ребенок: *Gražu [gažu] būtu.* ‘Красиво было бы.’

Взрослый: *Kas būtu? Ai, kad būtu gražu? Kad būtu gražu? Taip? ‘⟨...⟩ А, чтобы было красиво? Чтобы было красиво? Да?’*

Распределение повторов-расширений взрослого обнаруживает устойчивое снижение их частотности к концу третьего года жизни ребенка в обоих корпусах (Диаграмма 5a).

4.3.2. Эхо-повторы занимают второе по численности место в сфере вопросительных реплик в литовском корпусе и третье — в русском (Диаграмма 2). Большинство подобных реакций взрослого выполняет конверсационную функцию (рус. — 80 %, лит. — 73 %). С помощью конверсационных эхо-повторов взрослый побуждает ребенка к продолжению общения:

¹² Здесь и далее имеется в виду % от общего количества реплик-повторов взрослого.

(23) 2;8

Взрослый: *Ateik pas mane, pašnekèsim. Apie laukučį, ką dar matèm.* ‘Подойди ко мне, поговорим. О прогулке, что еще видели.’

Sit: *Моника не хочет говорить.*

Ребенок: *Ne. Nieko nematèm.* ‘Нет. Ничего не видели.’

Взрослый: *Nieko nematèm?* ‘Ничего не видели?’

Между тем в наших данных зафиксировано и некоторое количество метадискурсивных разновидностей буквальных повторов. Наблюдения показывают, что в общении с детьми, находящимися на ранних этапах речевого онтогенеза, родители могут повторить фонетически или даже грамматически некорректное высказывание ребенка. В нижеследующем диалогическом единстве глагольная форма, использованная в детской реплике, не только несовершенна в фонетическом плане, но и ошибочна с точки зрения грамматики диалога, требующей мены лица при ответе¹³:

(24) 1;10

Взрослый: *Makaronų nori?* ‘Макароны хочешь?’

Ребенок: **Nenori* [nenioli]. ‘*Не хочешь.2SG’

Взрослый: **Nenioli?* ‘Не хочешь?’

Эхо-повтор взрослого оказывается здесь весьма уместным, поскольку восстанавливает нарушение канонического реплицирования. Позднее, когда ребенок становится способным продуцировать более сложные в конструктивном отношении высказывания, взрослые могут повторить реплику целиком (либо ее большую часть) — в том случае, если она неясна или нелогична:

(25) 2;8

Ребенок: *Noji* [nori], *kad išlįstų kompotas.* ‘Хочешь, чтобы вылез компот.’

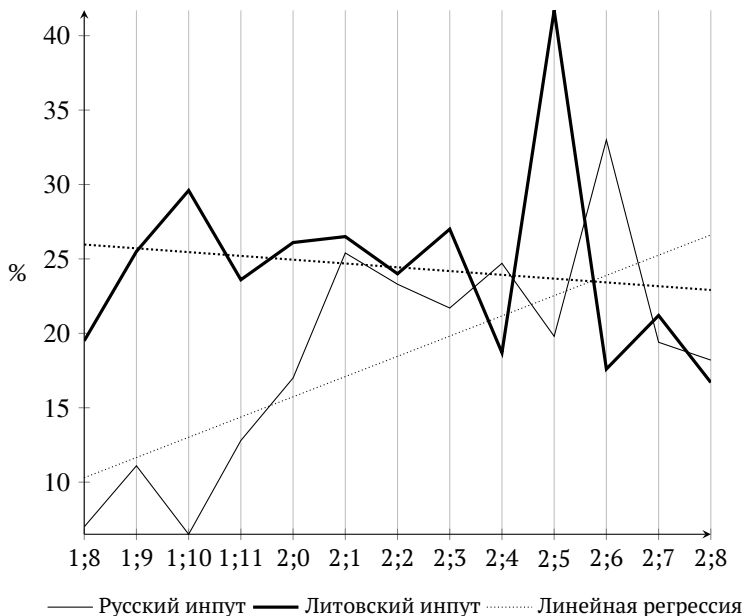
Взрослый: *Nori, kad išlįstų kas?* ‘Хочешь, чтобы вылез кто?’

Ребенок: *Kompotas.* ‘Компот.’

Взрослый: *Kompotas?* ‘Компот?’

¹³ Ошибки ребенка, связанные с неконвенциональным употреблением глагола, рассматриваются в [Казаковская 2010b: 23 и сл., 2013: 274 и сл.].

Диagr. 56. Эхо-повторы

В русском инпуте к концу периода наблюдений эхо-реплики становятся более частотными, тогда как в литовском — они незначительно уменьшаются (Диagramма 56). «Пики» в их использовании отмечены в середине третьего года жизни детей (рус. — 2;6, лит. — 2;5).

4.3.3. Повторы-реформуляции являются второй по численности группой вопросительных реакций в русском инпуте и третьей — в литовском (Диagramма 2). Доминирующие в обоих корпусах разговорные разновидности (рус. — 88 %, лит. — 84 %) представляют собой перефразирование предыдущего высказывания ребенка:

(26) 2;1

Взрослый: *Dabar sukasi ta kasetė, mhm.* ‘Теперь крутится эта кассета.’

Ребенок: *Čia Monikutė sukasi, šneka.* ‘Здесь Моника:DIM крутится, говорит.’

Взрослый: *Tu sakai, kad ten Monikutė sukasi, šneka?* ‘Ты сказала, что там Моника:DIM крутится, говорит?’

(27) 2;8

Ребенок: *Такой домик ?у акулы / акулий [akulis'].*

Взрослый: *Акулий домик?*

В отличие от конверсационных эхо-повторов, характер реформуляций рассматриваемого прагматического типа неизменен как в начале, так и в конце периода наблюдений, за исключением, впрочем, одного отличия. Если на этапе голофразиса взрослый реформулирует однословное высказывание ребенка (например, заменяет ономотопею на соответствующую нормативную лексему (45)–(46)), то в период многословных высказываний реформулированию подвергается не лексема, а целая реплика. Это может происходить, в частности, в результате изменения порядка слов.

Метадискурсивные разновидности реформуляций претерпевают изменения в соответствии с возрастом ребенка, уровнем развития его системно-языковых навыков и характером ошибок [Казаковская 2010b; Kazakovskaya (in press) b]. Анализ показал, что и в русском, и в литовском инпуде используются несколько типов метадискурсивных реформуляций — грамматические, лексические, лексико-грамматические и так наз. кодовые (см. ниже п. 4).

Общая динамика в функционировании реформуляционных повторов отражает их заметное снижение в русском инпуде и некоторое увеличение в литовском (Диаграмма 5в).

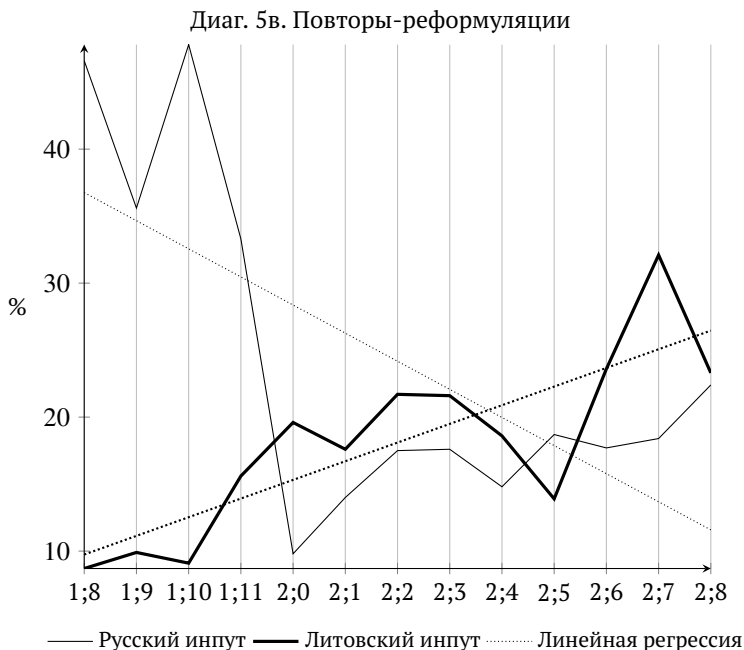
1. Эволюция **грамматических** (главным образом, морфологических) реформуляций взрослого может быть охарактеризована следующим образом. Во время преморфологической стадии речевого развития (см. п. 2) так наз. нулевые морфемы (*zero morphemes*) получают материальное выражение в результате их реформулирования взрослым собеседником ребенка. Поскольку и русский, и литовский языки флективно богаты, метареакции данного типа в основном направлены на построение формы слова (28), в том числе с использованием в качестве основы детского **протослова** (29):

(28) 2;4

Взрослый: *Опять с машинами.*

Ребенок: *Новые [poi].*

Взрослый: *С новыми, да?*

(29) 1;8

Ребенок: *Puti*. 'Капуста.'

Взрослый: *Kopūstas?* 'Капуста?'

С появлением в речи ребенка **преморфем** (или филлеров — *fillers*) они реформулируются взрослыми в аффиксы — флексии (30)–(31) и префиксы (32), а также в части речи — предлоги (33)–(34) и личные местоимения (35):

(30) 2;1

Ребенок: **Груза.FEM* [gulʃa].

Взрослый: *Груз?*

(31) 1;10

Ребенок: *Čia langas* [janɡa]. 'Это окно.'

Взрослый: *Čia langas?* 'Это окно?'

(32) 1;11

Ребенок: *Ir galvą uždėsime* [adėsime]. 'И голову положим.'

Взрослый: *Ir galvą uždėsime?* 'И голову положим?'

- (33) 2;4
Взрослый: *Стишки какие будем читать?*
Ребенок: *Про [а] безиню@CSF про [а] большую.*
Взрослый: *Про большую машину?*
- (34) 2;0
Ребенок: *Ķ [а] Biržus atvažiavome. ' [В] Биржаи приехали.'*
Взрослый: *Ķ Biržus atvažiavome? 'В Биржаи приехали?'*
- (35) 1;8
Ребенок: *Kas [s] čia? 'Что здесь?'*
Взрослый: *Kas čia? 'Что здесь?'*

После 2;2, когда происходит некоторое расширение начального детского грамматического репертуара, взрослые начинают реформулировать простых в словообразовательном отношении слов в более сложные (36)–(38) и, напротив, меняют более сложные (и порой грамматически избыточные) лексемы на более простые (39)–(40). Подавляющее большинство таких реформуляций относится к использованию аффиксов, а именно именных суффиксов с диминутивной семантикой (37)–(38) и аффиксов с семантикой глагольного вида или способа действия (39)–(40):

- (36) 2;2
Взрослый: *А ты где сейчас находишься? Не дома?*
Ребенок: *У бабы.*
Взрослый: *У бабушки?*
- (37) 2;6
Взрослый: *Ты кто у нас сегодня, Ваня?*
Ребенок: *Заяц [z'jat'].*
Взрослый: *Зайчик?*
- (38) 2;1
Ребенок: *Liežuvis. 'Язык.'*
Взрослый: *Liežuvēlis? 'Язык:DIM?'*
- (39) 2;3
Ребенок: *Коляска вот так ?сделала / сделает [zdeii].*
Взрослый: *Вот так делает?*

(40) 2;3

Ребенок: *Pašnekėk apie vyšnias.* 'Поговори о вишнях.'

Взрослый: *Šnekėk apie vyšnias?* 'Говори о вишнях?'

С началом усвоения ребенком сложных категорий (в частности, рода существительных, наклонения и времени глаголов) в речи взрослого появляются реформуляции, связанные с экспликацией определенной грамматической семантики:

(41) 2;6

Ребенок: *Делай.*

Взрослый: *Сделать?*

(42) 2;1

Ребенок: *Atrask [atask] pinigėlius.* 'Найди деньги:DIM.'

Взрослый: *Pinigėlius atrasti?* 'Деньги:DIM найти?'

Наконец, грамматическому реформулированию может подвергаться порядок слов, несмотря на то обстоятельство, что в обоих языках он является гибким:

(43) 2;5

Взрослый: *Еще один грузовичок приехал. Их у тебя много и все разного+.*

Ребенок: *Был [bij] еще один.*

Взрослый: *Еще один был?*

(44) 2;4

Взрослый: *Monika, o ką darysim, kai pavalgysim?* 'Моника, а что будем делать, когда покушаем?'

Ребенок: *Rinksim [jinksim] drabužiukus [dabužiukus].* 'Будем собирать одежду:DIM.'

Взрослый: *Drabužiukus rinksim?* 'Одежду:DIM будем собирать?'

2. Наиболее ранние **лексические** реформуляции взрослых связаны с использованием детьми ономатопей, составляющих значительную часть начального детского лексикона в любом языке мира [Фергюсон 1975]. Взрослые реформулируют подобные звукоподражания-голофразы, «превращая» их в соответствующие имена и глаголы:

(45) 1;8
Ребенок: *Брууу@ONOM o@unclear.*
Взрослый: *Машинка там?*

(46) 1;8
Ребенок: *Vam@ONOM.*
Взрослый: *Kamuoliai? 'Мячи?'*

Кроме того, дети часто используют «генетически» лепето-подобные слова из репертуара «языка нянь» (*baby talk* — ВТ) [Цейтлин 2000: 24–35; Гаврилова 2002]. Так, и литовские, и русские дети говорят *ляля* о кукле, а словом *ням-ням* обозначают свое желание поесть или что-то вкусное. И если на ранних этапах речевого развития такие слова закономерно «предлагаются» ребенку языком нянь (и с легкостью «принимаются» взрослым в диалоге), то позднее они последовательно заменяются на конвенциональные языковые единицы путем реформулирования детской фразы:

(47) 1;9
Ребенок: *Nen' nen'. 'Ням-ням@ВТ'*
Взрослый: *Nen' nen'? Skanu? 'Ням-ням@ВТ? Вкусно?'*

К этому типу реплик относятся и реформуляции специфически детских слов:

(48) 2;3
Ребенок: *В яме безини@CSF.*
Взрослый: *Машины?*

Наконец, в отдельных случаях реформуляции касаются сферы синонимических замен:

(49) 2;7
Ребенок: *Я собираю это смешное [fisjoe].*
Взрослый: *Что ты собираешь?*
Ребенок: *Смешное [fisjoe].*
Взрослый: *Веселое?*

Полагаем, что функция реплики взрослого в таких случаях (49) — не только расширение детского лексикона, но и попытка формирования одного из аспектов системных связей в лексике.

3. Большинство реформуляций **лексико-грамматического** типа представляет собой «редактирование» высказываний ребенка,

содержащих отрицание. Так, в раннем возрасте для выражения отрицания либо несогласия дети используют негатор *нет* ([e~a]) и (под.), помещая его в конец фразы:

- (50) 2;10
 Ребенок: **Белые* [beii] *нет* [e~a].
 Взрослый: *Белых не было?* <о грибах. — В. К.>
- (51) 2;1
 Взрослый: *Ну, давай, рассказывай мне.*
 Ребенок: *Длинную* [dinnu] *нет* [e~a].
 Взрослый: *Не длинную?*
- (52) 1;10
 Ребенок: *Galva* [gava] *ne*. ‘Голова нет.’
 Взрослый: *Galva nešlapia?* ‘Голова не мокрая?’

Другим случаем реакций рассматриваемого типа является отмеченная в русском корпусе реформуляция сложных прилагательных:

- (53) 2;1
 Взрослый: *Какая машина это? Какого цвета, не знаешь?*
 Ребенок: *Темная* [tjomma]. *Бруу@ОНОМ темная* [tjomma].
Синяя [sinja].
 Взрослый: *Темно-синяя, да?*

Попытка создания композита, безусловно, свидетельствует об осуществляющемся в сознании ребенка процессе языковой категоризации в сфере признаков слов¹⁴.

4. Многочисленные **кодовые** реформуляции (*code reformulations*), отмеченные в литовском инпуге, отражают ситуации последовательной замены родителями девочки диалектных слов и / или форм их кодифицированными вариантами:

- (54) 1;8
 Ребенок: *Nieka*. ‘Ничего@DIAL.’
 Взрослый: *Nieko?* ‘Ничего?’

¹⁴ Усвоение цветowych прилагательных русскими и литовскими детьми получило освещение в [Kazakovskaya et al. 2013], онтогенез номинативных композитов в русской детской речи анализируется в [Argus, Kazakovskaya 2013; Kazakovskaya (in press) a; Казаковская, Сизова 2015].

(55) 1;8

Ребенок: *Balu. 'Лужу@DIAL.'*

Взрослый: *Balq? 'Лужу?'*

В русском корпусе подобные реформуляции отсутствуют, поскольку в наблюдаемой семье диалектизмы не использовались.

4.3.4. *Фокусированные повторы* не принадлежат к распространенным типам вопросительных реакций ни в одном из корпусов (Диаграмма 2). Между тем преобладающие здесь разговорные разновидности реплик (рус. — 74 %, лит. — 87 %) выделяют семантически значимый фрагмент детского высказывания:

(56) 2;8

Ребенок: *Давай делать такую палочку [rais'ku].*

Взрослый: *Палочку?*

Фокус-повторы могут использоваться взрослым и в ситуациях, когда ребенок не поддерживает начатую тему (как того требовал бы принцип кооперации Грайса [1985]), а переходит к новой, то есть, по сути, меняет тему (*topic shift*) либо начинает другую микротему:

(57) 2;2

Ребенок: *Kojos plikos. 'Ноги голые.'*

Взрослый: *A, kojos tēčio plikos. Kojos. 'А, папины ноги голые. Ноги.'*

Ребенок: *Liusė ne plika. 'Люся не голая.'*

Сот: *Люся — кукла девочки.*

Взрослый: *Liusė? 'Люся?'*

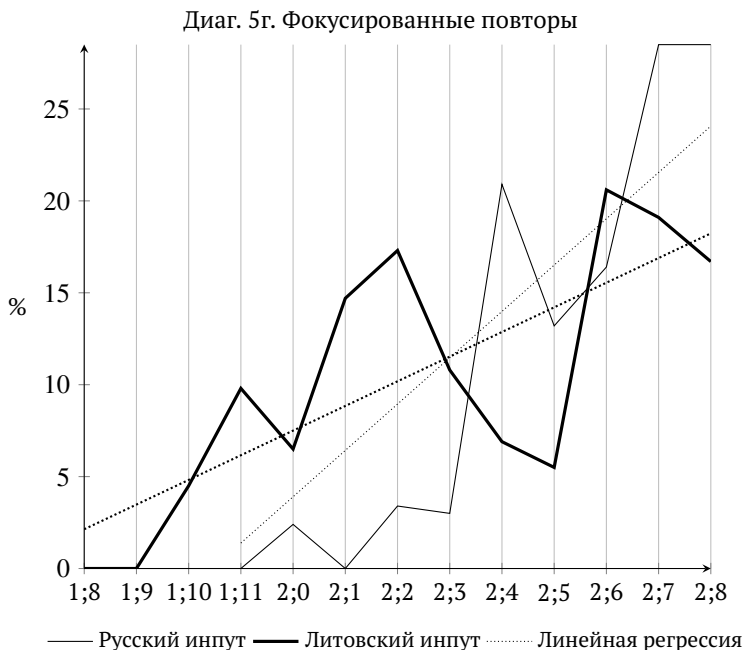
Повторы нового топика можно интерпретировать не только как реакцию взрослого на нарушение правил диалога, но и как на попытку удостовериться в том, что ребенок действительно хотел бы говорить о другом.

Метадискурсивные фокус-повторы соотносятся, главным образом, со словами или фразами ребенка, которые были недостаточно ясны взрослому:

(58) 2;8

Ребенок: *От [i] льва [iva] убежала [ubizjaja] она.*

Взрослый: *От льва убежала?*

(59) 1;10

Взрослый: *Teta ką daro?* ‘Тетя что делает?’

Ребенок: *Teta sėdi* [šide]. ‘Тетя сидит.’

Взрослый: *Sėdi?* ‘Сидит?’

Характеризуя общую динамику в использовании фокус-повторов, отметим, что на начальных этапах такие реплики отсутствуют (до 1;10 в литовском инпуте и до 2;0 в русском), однако позднее их частотность увеличивается (Диаграмма 5г).

4.3.5. Повторы-коррекции в анализируемых корпусах являются самой немногочисленной группой реакций. Главенствующие здесь разговорные разновидности (рус. — 85%, лит. — 95%) относятся к содержательной стороне детской реплики: они показывают ее несоответствие реальному положению дел:

(60) 2;8

Ребенок: *Na [a] dervu zalezla [zaezja] akuła.*

Взрослый: *Акула на дерево залезает? Разве акула может залезть на дерево?*

(61) 2;4

Взрослый: *Monika dabar knygutę varto, taip? Mamytės knygutę varto. O ką mamytė daro? ‘Моника сейчас книжку листает, да? Мамину книжку листает. А что мама:DIM делает?’*

Ребенок: *Sėdi. ‘Сидит.’*

Взрослый: *Argi sėdi, Monika? ‘Разве сидит, Моника?’*

Вопросительная форма корректирующей реплики, в отличие от невопросительной [Казаковская 2010b], предоставляет ребенку возможность для осмысления ситуации и последующего самоисправления.

С помощью метадискурсивных повторов рассматриваемого типа исправляются грамматически или лексически ошибочные высказывания ребенка, что также происходит в завуалированной (непрямой) манере:

(62) 2;4

Ребенок: **Колесы [koesi] сломал [sjama:j].*

Взрослый: *Сломал колеса?*

(63) 1;10

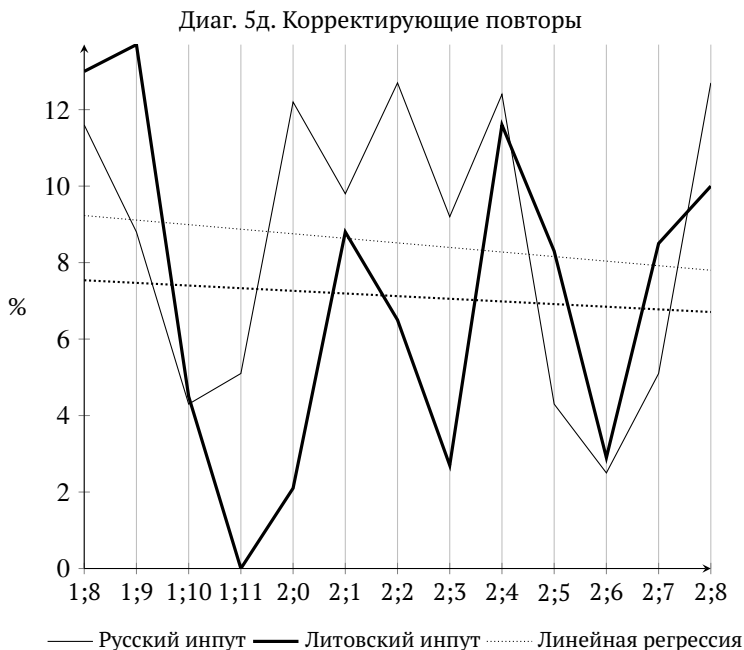
Ребенок: *Jeika [reikia] *lelė. ‘Хочу *кукла.NOM.’*

Взрослый: *Reikia lelės? ‘Хочешь куклу?’ (букв. ‘Нужно кукла.GEN?’)*

В целом к концу наблюдений частотность корректирующих повторов взрослого в обоих языках незначительно уменьшается (Диаграмма 5д).

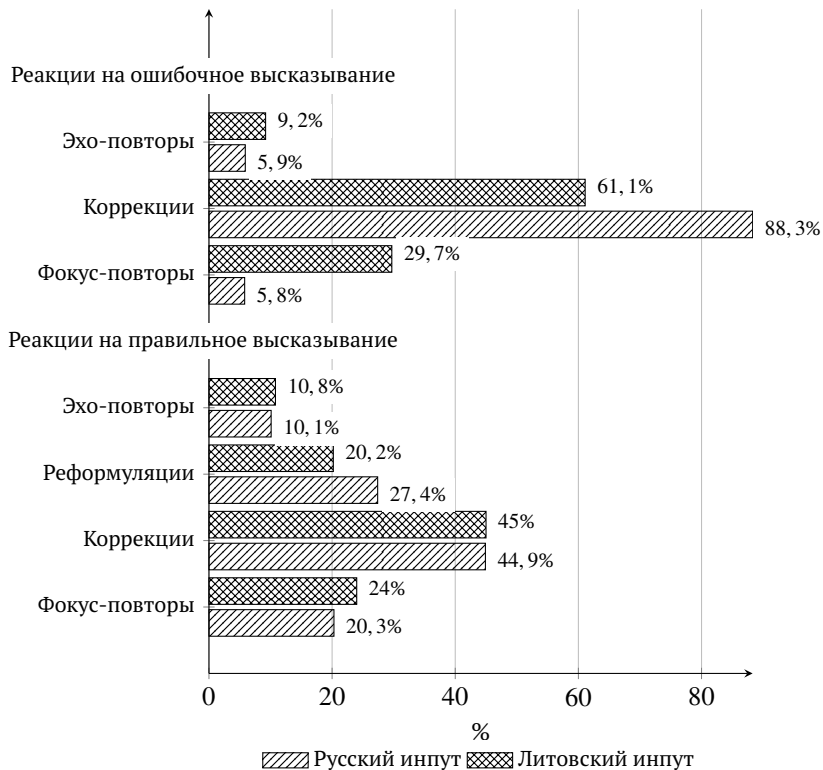
4.4. Соотношение повторов взрослого и правильных / ошибочных реплик ребенка

В заключение коснемся вопроса о соотношении вопросительных повторов взрослого с правильной (*adult-like*) или ошибочной продукцией ребенка, важного в связи с упоминавшейся ранее проблемой изучения отрицательного инпута. Анализ реакций взрослого на **правильную** речевую продукцию обоих детей показал, что и в русском, и в литовском инпуте преобладает такая структурная разновидность повтора, как расширение (Диаграмма 6). Далее в русскоязычном материале за ней следуют повторы-реформуляции,

эхо-повторы и фокусированные повторы. В литовских данных выявлено несколько иное распределение — второе место принадлежит эхо-повторам. В реакциях русского и литовского взрослых на **ошибочные** (или неполные) реплики ребенка доминируют коррекции, однако в русском корпусе менее частотными оказываются фокусированные повторы, тогда как в литовском — буквальные. На наш взгляд, существенно то, что в обоих случаях структурные предпочтения одинаковы — ими являются повторы-расширения в ответ на правильное и повторы-коррекции в ответ на ошибочное. Показателен и тот факт, что оба взрослых не склонны расширять в том или ином отношении неправильное высказывание ребенка, то есть использовать его как основу для своей (в известном смысле «образцовой») реплики. Таким образом, есть основания утверждать, что характер реактивной реплики взрослого обусловлен характером инициативной (стимулирующей) реплики ребенка.

Диал. 6. Структурные типы повторов взрослого vs. правильное / ошибочное высказывание ребенка

5. Заключение

Сопоставительное исследование русского и литовского инпута обнаружило сходства в коммуникативном поведении взрослых, заключающиеся в прагматической направленности реакций, структурном разнообразии наиболее частотных реплик-повторов и в общей динамике их функционирования в раннем диалоге. Доминирующими оказались повторы, выполняющие конверсационную функцию. Оба взрослых (независимо от возраста, уровня образования, родственного статуса по отношению к ребенку и, наконец, его пола) интуитивно предпочли реплики, поддерживающие общение и тем самым развивающие собственно коммуникативные (диалогические) навыки ребенка. В структурном репертуаре реплик преобладали модифицированные разновидности повтора, а именно реакции, семантически и грамматически до-

полняющие предыдущее детское высказывание (расширения) либо «редактирующие» его (реформуляции). Близкие реактивные стратегии показали русский и литовский взрослые и по отношению к правильной/ошибочной речевой продукции детей: если в первом случае наиболее частотной реакцией было расширение, то во втором преобладала коррекция, несмотря на то обстоятельство, что корректирующие метаповторы были одинаково нечастотны.

Отвечая на основной вопрос предпринятого исследования, мы склонны думать, что избыточным ранний диалог с ребенком кажется только на первый взгляд: анализ коммуникации в диадах показывает, что избыточность обусловлена «метаязыковой» (лингводидактической, интуитивно обучающей) природой общения с ребенком [Фергюсон 1975: 432; Цейтлин 2001; Казаковская 2011: 46 и сл.]. Более того — по-настоящему избыточные элементы к концу третьего года жизни (то есть к тому времени, когда, по мысли А. Н. Гвоздева [1961], ребенок усваивает родной язык в основных чертах) покидают диалог. Установлено, что в обоих корпусах у большинства разновидностей повтора (расширений, коррекций, а также реформуляций (в русском инпуде)) снижается частотность использования. Эволюция повторов в инпуде отражает то, как взрослые приспособляются (*fine-tuning*) к изменяющейся компетенции ребенка и ее особенностям — временным или индивидуальным. Так, увеличение доли фокус-повторов и реформуляций в речи литовской матери было связано с заменой диалектных слов, а увеличение эхо-повторов в речи русской бабушки во многом определялось необходимостью фонетической «шлифовки» детских реплик. Наконец, функциональная оправданность повторов подтверждается и тем обстоятельством, что до определенного времени эти реплики не могут быть элиминированы из структуры диалога без ущерба для успешной коммуникации с ребенком¹⁵.

Список условных сокращений

СДВ — средняя длина высказывания (в словах); рус. — русский инпуд; лит. — литовский инпуд; BT — baby talk (слова языка нянь); CDS — child-directed speech (речь взрослого, обращенная к ребенку); Com — комментарий; CSF — child-specific forms (слова и выражения, изобретенные

¹⁵ Анализ коммуникативных неудач в диалоге «взрослый — ребенок» представлен в [Казаковская 2011: 364–380].

ребенком и/или употребляемые в семье); DIAL — диалектизм; DIM — диминутив; GEN — родительный падеж; INF — инфинитив; MLU — mean length of utterance (средняя длина высказывания в морфемах); NOM — именительный падеж; ONOM — ономотопея; Sit — коммуникативная ситуация; TTR — type/token ratio; REFL — возвратная форма глагола.

Литература

- Арутюнова 1992 — Н. Д. Арутюнова. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М.: Наука, 1992. С. 40–51.
- Воейкова 2004 — М. Д. Воейкова. Качитативные семантические комплексы и их выражение в современном русском языке и в детской речи. Дисс. ... докт. филол. наук. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург., 2004.
- Воейкова 2015 — М. Д. Воейкова. Становление имени: Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2015.
- Гаврилова 2002 — Т. О. Гаврилова. Регистр общения с детьми: структурный и социолнгвистический аспекты (на материале русского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. Европейский университет в Санкт-Петербурге — СПбГУ, Санкт-Петербург., 2002.
- Гагарина 2008 — Н. В. Гагарина. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008.
- Гвоздев 1961 — А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
- Грайс 1985 — Г. П. Грайс. Логика и речевое общение // Е. В. Падучева (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Казаковская 2004 — В. В. Казаковская. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый — ребенок» // Вопросы языкознания 2, 2004. С. 89–110.
- Казаковская 2007 — В. В. Казаковская. Семантическая типология вопросо-ответных единств: ранние этапы речевого онтогенеза // С. Н. Цейтлин (отв. ред.). Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор, 2007. С. 359–383.
- Казаковская 2010a — В. В. Казаковская. Модусные вопросы (к проблеме избыточности) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VI, 2, 2010. С. 225–242.
- Казаковская 2010b — В. В. Казаковская. Реактивные реплики взрослого и усвоение ребенком грамматики родного языка // Вопросы языкознания 3, 2010. С. 3–29.
- Казаковская 2011 — В. В. Казаковская. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок». 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2011.

- Казаковская 2012 — В. В. Казаковская. Реплики-повторы взрослого в диалоге с ребенком // Н. А. Герасименко (отв. ред.). Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. М.: МГОУ, 2012. С. 208–213.
- Казаковская 2013 — В. В. Казаковская. Классификация реплик взрослого в диалоге с ребенком // А. В. Бондарко, В. В. Казаковская (ред.). Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 402–430.
- Казаковская, Балчюниене 2011 — В. В. Казаковская, И. Балчюниене. Особенности речи взрослого, обращенной к ребенку: Вопросительные реплики в русском и литовском языках // Исследования по славянским языкам 16–21, 2011. С. 259–292.
- Казаковская, Сизова 2015 — В. В. Казаковская, О. Б. Сизова. Сложные слова в онтогенезе и дизонтогенезе: корпусные и экспериментальные исследования // СПб.: ИЛИ РАН, 2015. С. 94–98. (http://iling.spb.ru/confs/ontoling2015_abstracts.pdf)
- Фергюсон 1975 — Ч. Фергюсон. Автономная детская речь в шести языках // Н. С. Чемоданов (ред.). Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 422–440.
- Цейтлин 2000 — С. Н. Цейтлин. Язык и ребенок: лингвистика детской речи. М.: Владос, 2000.
- Цейтлин 2001 — С. Н. Цейтлин. Некоторые особенности диалога «взрослый — ребенок»: функции реплик-повторов // Ребенок как партнер в диалоге. Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Вып. 2. СПб.: Союз, 2001. С. 9–24.
- Шведова 1956 — Н. Ю. Шведова. К изучению русской диалогической речи: Реплики-повторы // Вопросы языкознания 2, 1956. С. 67–83.
- Шведова 1960 — Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Ambridge, Lieven 2011 — B. Ambridge, V. M. E. Lieven. Child language acquisition. Contrasting theoretical approaches. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Argus, Kazakovskaya 2013 — R. Argus, V. Kazakovskaya. Acquisition of compounds in Estonian and Russian: Frequency, productivity, transparency and simplicity effect // Estonian papers in applied linguistics 9, 2013. P. 23–42.
- Balčiūnienė 2009 — I. Balčiūnienė. Analysis of conversational structure from the perspective of language acquisition. PhD Thesis. Vytautas Magnus University, Kaunas, 2009.
- Chouinard 2003 — Chouinard M., E. Clark. Adult reformulations of child errors as negative evidence // Journal of child language 30 (3), 2003. P. 637–669.
- Dale et al. 2015 — P. S. Dale, M. G. Tosto, M. E. Hayiou-Thomas, R. Plomin. Why

- does parental input style predict child language development? A twin study of gene-environment correlation // *Journal of communication disorders* 57, 2015. P. 106–117.
- Demetras et al. 1986 — M. Demetras, K. Post, C. Snow. Feedback to first language learners the role of repetitions and clarification questions // *Journal of child language* 13 (2), 1986. P. 275–292.
- Dressler 2007 — W. U. Dressler. Introduction // S. Laaha, S. Gillis (eds.). *Typological perspectives on the acquisition of noun and verb morphology [Antwerp papers in linguistics 112]*. Antwerp: Universiteit Antwerpen, 2007. P. 3–9.
- Dressler et al. 2006 — W. U. Dressler, M. Kilani-Schoch, I. Balčiūnienė, K. Korecky-Kröll, S. Laaha. The learnability of morphology is due to positive and negative evidence. Adult reactions to children's development of French, Lithuanian and German inflection. Paper presented in the 12th International morphology meeting. Workshop on acquisition and impairments of inflectional morphology. Hungarian Academy of Sciences, Budapest, 25–28 May 2006.
- Ferguson 1978 — C. A. Ferguson. Talking to children: a search for universals // J. H. Greenberg (ed.). *Universals of human languages*. Vol. 1. Stanford, CA: Stanford University Press, 1978. P. 203–234.
- Gallaway, Richards 1994 — C. Gallaway, B. Richards (eds.). *Input and interaction in language acquisition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Hoff 2006 — E. Hoff. How social context support and share language development // *Developmental review* 26, 2006. P. 55–88.
- Johnston, Wong 2002 — J. R. Johnston, M. Y. A. Wong. Cultural differences in beliefs and practices concerning talk to children // *Journal of speech, language, and hearing research* 45, 2002. P. 916–926.
- Kamandulytė 2009 — L. Kamandulytė. *Lietuvių kalbos būdvardžio įsisavinimas: leksinės ir morfosintaksinės ypatybės [Усвоение прилагательных в литовском языке: лексические и морфосинтаксические особенности]*. PhD Thesis. Vytauto Didžiojo Universitetas, Kaunas, 2009.
- Kazakovskaya, Balčiūnienė 2012a — V. Kazakovskaya, I. Balčiūnienė. Interrogatives in Russian and Lithuanian child-directed speech: Do we communicate with our children in the same way? // *Journal of Baltic studies* 43 (2), 2012. P. 197–218.
- Kazakovskaya, Balčiūnienė 2012b — V. Kazakovskaya, I. Balčiūnienė. Lithuanian and Russian child-directed speech: Why do we ask young children so many questions? // *Estonian papers in applied linguistics* 8, 2012. P. 69–89.
- Kazakovskaya (in press)a — V. V. Kazakovskaya. Acquisition of nominal compounds in Russian // W. U. Dressler et al. (eds.). *Nominal compound acquisition*. John Benjamins, in press.

- Kazakovskaya (in press)^b — V. V. Kazakovskaya. Feedback in verb acquisition: Evidence from Russian 'adult — child' interaction // S. Kern et al. (eds.). The role of input in language acquisition. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, in press.
- Kazakovskaya et al. 2013 — V. V. Kazakovskaya, L. Kamandulytė-Merfeldienė, I. Balčiūnienė. Language and colour in developmental perspective: Evidence from Balto-Slavic languages // The 1st International Forum on Cognitive Modeling (IFCM-2013). Milano-Marittima. Milano-Marittima — Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 2013. P. 108–112.
- Kern et al. (eds.) (in press) — S. Kern et al. (eds.). The role of input in language acquisition. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, in press.
- Kilani-Schoch et al. 2008 — M. Kilani-Schoch, I. Balčiūnienė, K. Korecky-Kröll, S. Laaha, W. U. Dressler. On the role of pragmatics in child-directed speech for the acquisition of verb morphology // Journal of pragmatics 41 (2), 2008. P. 219–239.
- Lieven 1994 — E. V. M. Lieven. Crosslinguistic and crosscultural aspects of language addressed to children // C. Gallaway, B. Richards (eds.). Input and interaction in language acquisition. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 56–73.
- MacWhinney 2000 — B. MacWhinney. The CHILDES Project: Tools for analyzing talk. Hillsdale, NJ — London: Lawrence Erlbaum Ass., publ., 2000.
- Ochs, Schieffelin (eds.) 1986 — E. Ochs, B. B. Schieffelin (eds.). Language socialization across cultures. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Ochs, Schieffelin 1995 — E. Ochs., B. B. Schieffelin. The impact of language socialization on grammatical development // P. Fletcher, B. MacWhinney (eds.). Handbook of child language. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 73–94.
- Rowe 2012 — M. L. A. Rowe. Longitudinal investigation of the role of quantity and quality of child-directed speech in vocabulary development // Child development 83, 2012. P. 1762–1774.
- Savickienė 1997 — I. Savickienė. Komunikacija ir pokalbis ankstyvoje vaikystėje [Коммуникативное взаимодействие и диалог в раннем возрасте] // Darbai ir dienos 5 (14), 1997. S. 45–51.
- Saxton 1997 — M. Saxton. The contrast theory of negative input // Journal of child language 24 (1), 1997. P. 139–161.
- Saxton et al. 2005 — M. Saxton, P. Backley, C. Gallaway. Negative input for grammatical errors: Effects after a lag of 12 weeks // Journal of child language 32 (3), 2005. P. 643–672.
- Saxton et al. 1998 — M. Saxton, B. Kulcsar, G. Marshall, M. Rupra. Longer-term effects of corrective input: An experimental approach // Journal of child language 25 (3), 1998. P. 701–721.

- Snow 1972 — C. E. Snow. Mother's speech to children leaning language // *Child development* 43, 1972. P. 549–565.
- Snow 1995 — C. E. Snow. Issues in the study of input: Finetuning, universality, individual and developmental differences, and necessary causes // P. Fletcher, B. MacWhinney (eds.). *Handbook of child language*. Oxford: Oxford, 1995. P. 180–193.
- Snow 2014 — C. E. Snow. Input to interaction to instruction: three key shifts in the history of child language research // *Journal of child language* 41 (1), 2014. P. 117–123.
- Snow, Ferguson (eds.) 1977 — C. E. Snow, C. A. Ferguson (eds.). *Talking to children. Language input and acquisition*. Cambridge: University Press, 1977.
- Tulviste 2002 — T. Tulviste. *Language socialization across socio-cultural contexts*. Stockholm: Stockholm University Press, 2002.
- Wójcik 1994 — Wójcik P. Some characteristic features of Lithuanian Baby Talk // *Linguistica Baltica* 3, 1994. P. 71–86.

С. Б. Клименко

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ОТРИЦАНИЕ В ЙАТТУКА И ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ТИПОЛОГИИ ОТРИЦАНИЯ В ФИЛИППИНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

1. Введение

Данная работа посвящена системе отрицания в не имеющем на настоящий момент опубликованных описаний языке йаттука (существует лишь несколько работ по эпической традиции йаттука: [Stanyukovich 2012; 2013; Klimenko, Stanyukovich 2015; Stanyukovich, Sytchenko 2016]; небольшое количество лексических данных по йаттука содержится в [Nimes 1998]), принадлежащем ядерной южно-кордильерской подгруппе группы филиппинских языков, на котором разговаривают в двух деревнях — Амдунтог и Нунгава — в провинции Ифугао на севере Лусона. Данное описание включает в себя инвентарь маркеров отрицания, их значения и дистрибуцию, а также обсуждение случаев асимметричности отрицательных конструкций относительно соответствующих утвердительных конструкций с использованием принципов классификации систем отрицания [Miestamo 2005] по признаку симметричности отрицательных и утвердительных конструкций — при отсутствии каких-либо структурных отличий помимо наличия маркера отрицания — и асимметричных конструкций — при наличии конструкционных или парадигматических несоответствий между утвердительными и отрицательными конструкциями [Miestamo 2005: 54–55, 57], что позволяет сравнить йаттука в данном аспекте его грамматики с другими языками мира. Далее данные йаттука сравниваются с системами отрицания в двух других филиппинских языках — тували ифугао и

¹ Проведение данного исследования было бы невозможно без помощи Abigail Tayaban, Aya Manangan, Berna Austria, Jeminor Gumangan, Kerry Faith G. Bangadon, Louward Zubiri, Paul Santiago, Ron San Juan, Ruben Gumangan, Suzette Bilibli. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14–18–03406).

тагалог² — для выявления случаев варьирования их систем отрицания с целью определения объектов для сравнения, необходимых для построения типологии отрицания в филиппинских языках. Тагалог как наиболее хорошо изученный филиппинский язык включен в некоторые типологические исследования по отрицанию [Miestamo 2005; Zubiri 2012; Veselinova 2013], однако существует ряд фактов, не упоминавшихся в литературе о тагалог и, таким образом, не учтенных в данных работах.

Подход М. Миестамо к оценке отрицательных конструкций на основании их симметричности несколько созвучен методу изучения взаимодействия грамматических категорий (или взаимозависимости грамматических систем [Aikhenvald, Dixon 1998]), применяемому к разряду явлений, при которых граммема X категории x взаимодействует определенным образом с граммемами категории y : устраняет категорию y , устраняет граммему Y категории y либо приводит к формальному неразличению граммемами Y_1 и Y_2 категории y [Храковский 2003; Мальчуков 2003: 92; Malchukov 2008: 357; Malchukov 2014: 424–425]. Претерпевающая изменения категория именуется рецессивной, тогда как категория, приводящая к изменениям, именуется доминантной [Храковский 1996]. В рамках такого подхода утверждается, что категория полярности, частью которой является отрицание, всегда является доминантной категорией [Aikhenvald, Dixon 1998: 63].

Типологически отрицание, как правило, приводит к нейтрализации оппозиций значений, нежели введению новых [Aikhenvald, Dixon 1998], хотя существуют и описания редких примеров обратной ситуации, как в случае с языком уичита, где фактуальность и пунктуальность в отрицательных конструкциях могут выделяться особым маркером, не доступным в утвердительных конструкциях [Miestamo 2005: 118]. Йаттука, тували и тагалог также содержат несколько явлений, являющихся примерами такой ситуации.

² Данные для настоящего исследования были получены в ходе неформальных интервью с четырьмя носителями йаттука. Примеры из естественного дискурса в настоящее время недоступны, поскольку работа над транскрибированием и переводом устного корпуса йаттука не окончена. Данные для тагалог и тували были получены путем элиситации суждений о приемлемости конструкций, построенных автором, у четверых и двоих носителей, соответственно.

Работа построена следующим образом: раздел 2 посвящен вводной информации о грамматике йаттука, раздел 3 — инвентарю маркеров отрицания и их формам, раздел 4 — дистрибуции маркеров, раздел 5 — их частеречной классификации, раздел 6 — производным от них формам, раздел 7 — (а)симметричности отрицательных конструкций, раздел 8 — сфере действия отрицания с модальными глаголами, раздел 9 — отличиям системы отрицания йаттука от аналогичных систем в тагалоге и тували, раздел 10 — языковым фактам, которые следует учитывать при построении типологии систем отрицания в филиппинских языках.

2. Некоторые сведения по грамматике йаттука

Предложение в йаттука может состоять из шести компонентов, обязательным из которых является предикат, а остальные — топик, препозиция, неподлежащий актор, периферия и подлежащее — факультативны. Данная структура, повторяющая структуру предложения в тагалоге [Nagaуа 2007], приведена ниже:

- (1) (топик)–(препозиция)–предикат–(актор)–(периферия)–
(подлежащее)

Топик всегда отделен от последующей части конструкции паузой либо одним из показателей границы топика: *ot(ta)*, *ya* или заимствованным из илокано *ket*. Позицию топика может занимать сирконстант, дополнение, подлежащее, посессор, референт, дублирующий неподлежащего или подлежащего актора. Позиция топика может быть занята более чем одним членом. Топик не может служить начальным элементом для позиционирования вакернагелевских энклитик.

Препозиция непосредственно предшествует предикату, не отделяясь от него ни интонационной паузой, ни какими-либо другими средствами. Препозиция может быть занята сирконстантом либо неакторным дополнением. В препозицию может выноситься только один актант или сирконстант. Препозиция служит базой для присоединения вакернагелевских энклитик. Возможность занимать препозицию у актантов, по-видимому, является недавним новшеством в грамматике йаттука, поскольку для некоторых носители старших поколений такие конструкции являются неприемлемыми.

Акторное дополнение в конструкциях с предикативными глаголами неакторных залогов следует выделять особенно, поскольку, помимо способности выступать в составе как ремы, так и темы (см. ниже), оно не может быть перемещено в препозицию или в топик.

Периферия непосредственно следует за предикатом, акторным дополнением либо за подлежащим, не отделяясь от остальных компонентов ни паузой, ни какими-либо другими средствами. В периферии могут использоваться дополнения и сирконстанты. В периферии может использоваться более чем один член.

Подлежащее может занимать позицию как после или перед периферией, так и в топике. Подлежащее способно выступать как в составе ремы, так и темы, однако не может использоваться в препозиции.

Данная структура служит кодированию тема-рематического членения предложения. Существует два типа предложений:

- (2) (топик) предикат (актор) (периферия) (подлежащее)
{	тема	{	предикат	{	актор	{	периферия	{	подлежащее	1
			рема							
{	тема	{	рема	{	тема	{	тема	{	тема	2
						рема				
{	тема	{	рема	{	тема	{	рема	{	тема	3
{	тема	{	рема	{	тема	{	рема	{	тема	4
- (3) (топик) препозиция предикат (актор) (периферия) (подлежащее)
{	тема	{	рема	{	предикат	{	актор	{	периферия	{	подлежащее
					рема						

Топик всегда представляет собой тему либо ее основную часть. В первом типе при отсутствии препозиции предикат и периферия с необходимостью являются ремой. Актор и подлежащее могут входить как в рему, так и в тему. Во втором типе ремой является только препозиция, тогда как все остальные составные части входят в тему.

Местоименные энклитики должны следовать за начальным элементом клаузы, которым может быть вершина предиката (4а), группа в препозиции (4б) или маркер отрицания (4в):

- (4а) *Окан=yu* *huy!*
 AV.IMP[есть]=2NM.ACTCOM PROX.NOM
 ‘Ешьте это!’

(4б) *Kaalman=nak ni nogawid // q<in>a-gawid*
 вчера=1М.АКТНОМ LK AV[⟨PFV⟩STEM-возвращаться_домой]
 ‘Я вернулся домой вчера.’

(4в) *An=nak maḡan // ḡum-pan-ḡoqan*
 NEG.V=1М.АКТНОМ NEUT[AV-STEM-есть]
 ‘Я не поел.’

Среди знаменательных лексических классов в йаттука выделяются по крайней мере глаголы, существительные и прилагательные. Глаголы определяются на основании наличия аспектуальной и залоговой аффиксации. Прилагательные обладают парадигмой интенсивной, компаративной и суперлативной форм. Существительные, не обладая такими парадигмами, могут иметь формы множественного числа. Диагностическим тестом для различения данных классов также является значение $C_1 V_1 C_2 \sim$ -редупликации, обозначающей дуратив либо модератив с глаголами, множественное число либо диминутив с существительными и интенсив с прилагательными.

Позицию предиката как главной клаузы, так и вложенных клауз могут занимать как глаголы ((5а) и (6а)), так и существительные ((5б) и (6б)) и прилагательные ((5в) и (6в)) без каких-либо вспомогательных элементов:

(5а) *h<in>odab=ku ya dotag*
 PV[⟨PFV⟩брать_мясо_на_празднике]=1М.АКТНОМ DET.PROX мясо
diommun.
 DIST.OBL
 ‘Я взял на праздновании там это мясо.’

(5б) *Ahhu itan inhida=da // ḡi<in>-hida.*
 собака DET.MED PV[⟨PFV⟩-главное_блюдо]=3НМ.АКТНОМ
 ‘Они съели собаку.’

(5в) *Ma-hoḡu tan lutu=m.*
 ADJ-хороший_вкус DET.MED стряпня=2М.АКТНОМ
 ‘Твоя стряпня вкусная.’

(6а) *I-anomut-an=tuwak=oli=n*
 NEUT[PV-возвращаться_домой-RV]=1М.НАКТНОМ=FUT=GEN
h<in>odab=mu.
 PV[⟨PFV⟩брать_мясо_на_празднике]=2М.АКТНОМ
 ‘Ты принесешь мне домой мяса.’

(6б) *Nombakal // p<in>aN-bakal i ahhu niya puha.*
 AV[⟨PFV⟩STEM-драться] НОМ собака и кошка
 ‘Собака и кошка подрались.’

- (6в) *Nanhaoŋ=ɲak // in-pan-haʔoŋ ni ma-hoŋʔu.*
 AV[PFV-STEM-готовить]=1M.ACTNOM GEN ADJ-хороший_вкус
 ‘Я приготовил нечто вкусное.’

Данное свойство, общее для филиппинских языков, дало основания некоторым авторам говорить о сниженном разграничении частей речи или вообще о его отсутствии [Himmelman 1991; Шкарбан 1995; Алиева 1998; Foley 1998; Kaufman 2009]. Об ошибочности такого мнения, однако, неоднократно говорилось в целом ряде работ, показавших, что для четкого различения глаголов, существительных и прилагательных в филиппинских языках существует достаточное количество как морфологических, так и синтаксических оснований [De Guzman 1996; Kroeger 1998; Himmelman 2008; Koch, Matthewson].

Функция членов предложения помимо вершины предиката зависит от падежного значения. В йаттука, как и в других филиппинских языках, существуют парадигмы аналитических неличных и личных падежных показателей (последние используются с существительными с референцией к «лицам» — как правило, людям и домашним животным, обозначаемым именами) и синтетически маркированных личных и демонстративных местоимений. Любую позицию, маркированную падежным показателем или демонстративным местоимением, может занимать существительное, прилагательное, глагол или псевдоглагол. Любая группа в такой позиции, за исключением глаголов в нейтральной форме, называющих само действие, является референтной. Также для маркирования позиций актантов и сирконстантов в предложении используются предлоги, употребляемые вместе с тем или иным падежным показателем, и лигатура. Традиционный подход к описанию падежной системы в тагалог и других филиппинских языках предполагает выделение трех значений — NOM, GEN и OBL (напр., [Reid, Liao 2004; Gallego 2015: 66]). Однако в тагалог и в йаттука (и многих других филиппинских языках) следует выделять две падежные системы: одна для неличных падежных показателей и демонстративных местоимений, содержащая граммы NOM, GEN и OBL, и другая для личных падежных показателей и личных местоимений, содержащая граммы NOM, ACTCOM и NACTCOM (у личных местоимений номинативные формы также делятся на два класса: ACTNOM и NACTNOM), поскольку функции маркеров GEN в первой парадигме распределены между

маркерами АСТСОМ и НАСТСОМ во второй. Маркеры NOM-падежа (за исключением личных местоимений) используются для введения любого партиципанта, который кореферентен вершине предиката и, таким образом, является подлежащим. Маркеры других падежей используются каждый для введения только некоторых из имеющихся в языке партиципантов. Неличные падежные показатели могут вводить неличные существительные, прилагательные, демонстративные местоимения, глаголы, псевдоглаголы и экзистенциальные предикаты. Личные падежные показатели вводят существительные, обозначающие лиц — людей или животных. Кроме того, некоторые сирконстанты могут вводиться лигатурой *ni/=n*.

Сравнение наборов падежных маркеров, доступных для каждого конкретного члена синтаксической конструкции, позволяет выделить в йаттука по крайней мере 17 партиципантов, 16 из которых могут занимать позицию подлежащего или предиката при глаголе соответствующего залога в позиции предиката или подлежащего. Несмотря на существование только пяти залоговых аффиксов в языке — *<um>*, *i-*, *-on*, *-an* и *i-...-an*, некоторые залоговые парадигмы могут насчитывать по крайней мере до восьми членов (например, глаголы приготовления пищи образуют формы акторного, пациенсного, локативного, местного, бенефактивного, инструментального, временного залогов и залога способа действия). Существование большего, чем число залоговых аффиксов, числа залоговых форм в парадигме возможно потому, что некоторые формы маркируются сочетанием залогового аффикса и какого-либо основообразующего префикса либо являются омонимичными и различаются на основании возможности одновременного употребления кореферентных им партиципантов в одной конструкции. Ниже приведены примеры конструкций с глаголами акторного (7а), локативного (7б) и временного (7в) залогов глагола ‘готовить’:

(7а) *Mono-on=ɲak // ʔum-pan-ha<ʔ~>ʔoŋ ni pihiŋ.*

AV-STEM-(NEUT~)готовить=1М.АСТСОМ GEN таро
‘Я приготовлю таро.’

(7б) *Huuu=a n baŋa nonaonan=tu=n // p<in>an-ha ʔoŋ-an*

PROX.NOM=LK котел <PFV>STEM-готовить-LV=3М.АСТСОМ=GEN
dotag.

мясо

‘Он приготовил мясо в *этом котле*.’

- (7в) *Pigan=tu* *nonaonjan=tu=n // p<in>an-haʔon-an*
 когда=3М.АСТСОМ <PFV>STEM-готовить-TV=3М.АСТСОМ=GEN
dolog?
 рыба
 ‘Когда он приготовил рыбу?’

Данная ситуация является типичной для языков филиппинского типа. Так, в тагалогe посредством того же метода можно выделить 16 партиципantов, 13 из которых могут занимать позицию подлежащего с глаголом соответствующего залога.

Каждый глагол в йаттука обладает регулярной видовой парадигмой из пяти форм: нейтральной формы, имперфектива, перфектива, зависимой формы и императива. Нейтральная форма вида используется для функции названия самого действия и обозначения не начатого действия, имперфектив — для обозначения прогрессива и хабитуалиса, перфектив — для обозначения законченного действия, зависимая форма — используется после союзов *ta* ‘чтобы’ (8а) и *ot(ta)* ‘затем’ (8б), а также для обозначения законченного действия после маркеров глагольного отрицания (19а-б):

- (8а) *L<imm>aw=wak* *di* *a<g~>gah-an* *ta*
 <PFV.AV>go=1М.АСТНОМ OBL <NEUT~>лечить-PIV чтобы
g<um>taj=ʔak *ni* *agah.*
 DEP[<AV>покупать]=1М.АСТНОМ GEN лекарство
 ‘Я пошел в аптеку, чтобы купить лекарство.’

- (8б) *Ako-pohol* *ot* *<um>inum* *ni* *bubud.*
 REC-насыщаться затем DEP[<AV>пить] GEN рисовое_вино
 ‘Он только что насытился и затем выпил рисового вина.’

Императив используется для обозначения просьб, приказаний и запретов. Регулярность выражения императивных значений некоторыми членами видовой парадигмы, а также невозможность различения видовых значений в императиве служат основанием для включения императива в видовую категорию в филиппинских языках. Во многих других филиппинских языках некоторые члены регулярной видовой парадигмы совмещают императивные и видовые значения: так, в тагалогe, илокано и тували ифугао императив выражается нейтральной видовой формой, а в тагалогe — также

и проспективной [Klimentko 2012: 44, 49]. Примеры видовых парадигм от глаголов с разными залоговыми аффиксами приведены в таблице 1³:

Таблица 1. Примеры видовых парадигм в йаттука

вид	‘вставать’	‘использовать’
NEUT	<i>um- 'ba<ŋ~>ŋun</i>	<i>u<s~>'sal-on</i>
IPFV	<i>ko-um- 'ba<ŋ~>ŋun</i>	<i>ko-u<s~>'sal-a</i>
PFV	<i>b<im 'm>aŋun</i>	<i>?<in>u'sal</i>
DEP	<i>'b<um>oŋun</i>	<i>u'sal-on</i>
IMP	<i>'baŋun</i>	<i>u'sal</i>
	‘возвращаться домой’	‘говорить’
NEUT	<i>o<n~>'namut-an</i>	<i>i-b~'baga</i>
IPFV	<i>ko-o<n~>'namut-i</i>	<i>ka-i-<b~>'baga</i>
PFV	<i>?<i 'n>anomut-an</i>	<i>im'baga</i>
	<i>?<im 'm>anomut-an</i>	<i>(i<in>-baga)</i>
DEP	<i>'anomut-an</i>	<i>i-b'ga</i>
IMP	<i>'anomut-i</i>	<i>i-b'ga</i>

Императив в йаттука может быть адресован только 2-му лицу, в отличие от тагалога, где императивные и прохибитивные конструкции могут использоваться с любым из трех лиц в любом числе. Адресат должен быть выражен, за исключением случаев, когда императивный глагол использован в неакторном залоге с НАСТНОМ-формой личного местоимения в позиции подлежащего. В таких случаях адресат может быть факультативно выражен НАСТСОМ-формой местоимения:

- (9) *Ibag?-i=tuwak // i-baga-i ni pihhuh (nihi?gam)!*
 BV-просить-BV.IMP=1M.НАСТНОМ GEN деньги 2M.НАСТСОМ
 ‘Попроси для меня денег!’

³ В йаттука также существует несколько иные модели образования видовых форм в зависимости от типа корня глагола. Так, например, в глаголах от корней типа *CVC.CV(C)* не происходит удвоение C_2 , а в корнях типа *Co.CV(C)* происходит удвоение C_1 в позиции перед C_2 . Исчерпывающее описание принципов образования видовых форм в йаттука не входит в задачи настоящего исследования.

Императивные формы не образуются от некоторых глаголов, среди которых модальные глаголы и интенсивные формы глаголов. 0-валентные глаголы могут использоваться в императиве только с местоимением =ka <2М.АКТНОМ>, адресуемым к стихии:

- (10) *Udan**(=ka)!
 AV.IMP[дождь]=2М.АКТНОМ
 ‘Пусть пойдет дождь!’

Команды, просьбы, предложения и спонтанные решения, адресованные 1-му и 3-му лицам, выражаются с помощью конструкций с глаголом в нейтральной форме:

- (11a) *Moŋŋan=ita // um-pa<ŋ~>N-?okan*
 AV-⟨NEUT~⟩STEM-есть=12М.АКТНОМ
 ‘Давай будем есть.’

- (11б) *I-p~pahdiŋ=tu=tta* *human.*
 PV-NEUT~делать=3М.АКТСОМ=сначала US.NOM
 ‘Пусть он сначала это сделает.’

Помимо позиции предиката главной клаузы — самой типичной позиции для императивных глаголов — такие формы также могут занимать позицию вершины предиката клаузы в позиции подлежащего:

- (12) *Hi?gam i ponuntuk // paN-duntuk nanhi Pedro*
 2М.IND NOM AV.IMP[STEM-бить_кулаком] PRS.SG.НАСТ Педро
ta bokon=nak!
 чтобы NEG.S=1М.АКТНОМ
 ‘Ты ударь Педро, чтобы это был не я!’

3. Инвентарь маркеров отрицания

В йаттука существует четыре типа маркеров отрицания: 1) субстантивный (*bokon*), 2) глагольный (*olog*, *an*), 3) прохибитивный (*owi*, *obuh*, *an*), 4) экзистенциальный (*ondi*)⁴.

⁴ Помимо данных типов, в филиппинистике иногда также говорят и о дезидеративном и эпистемическом маркерах отрицания, соответствующих псевдоглаголам 'желаемое' и 'знаемое' соответственно. В йаттука первый отсутствует. Что касается последнего, в тагалоге данному псевдоглаголу соответствует *ewan* 'незнаемое', а в йаттука *amta* 'знаемое' соответствует *towwi* 'незнаемое'. Строго говоря, маркером отрицания данные лексемы не являются, т. к. сами представляют собой предикативные единицы, а не дополнительные маркеры в сочетании с *pinhod* 'желаемое' или *amta* 'знаемое'. Кроме того, то же значение может передаваться сочетанием *amta* и маркера глагольного отрицания. По этим причинам далее *towwi* в настоящей работе не рассматривается отдельно. Данная лексема примечательна тем, что в значении, противоположном *amta*, *towwi* используется только с референцией к 1 лицу минимального числа и не сочетается с местоимениями:

- (i) *Olog=gak amta itan answer=tu.*
 NEG.V=1M.ACTNOM знаемое DET.MED ответ=3M.ACTCOM
 'Я не знаю ответ на это.'
- (ii) *Towwi(*=wak =k) / itan answer=tu.*
 NEG.E=1M.ACTNOM 1M.ACTCOM DET.MED ответ=3M.ACTCOM
 'Я не знаю ответ на это.'

Также данная лексема, как и соответствующая ей тагальская *ewan*, используется для передачи раздражения, объект которого чаще всего выражен личным местоимением в АСТНОМ-форме, за исключением 3М, которое используется в АСТСОМ-форме:

- (iii) *Towwi=kyu / =tu.*
 NEG.E=2NM.ACTNOM =3M.ACTCOM
 'Вы/Он как не знаю кто.'

В позиции предиката субстантивной клаузы *towwi* обозначает объект, относительно которого утверждается отсутствие знания, а не лицо, которое не обладает знанием:

- (iv) **Hi?gak i towwi hodiŋ hantu hiya.*
 1M.IND NOM NEG.E если кто 3M.IND
 'Тот, кто не знает, кто он, — я.'

Towwi образует форму *towwitowwi*, которая выражает сильный скепсис относительно референта подлежащего:

- (v) *Towwitowwi ita impaw?it=mu // ?i(in)-paw?it.*
 сомнительно DET.MED PV(PFV)-посылать=2M.ACTCOM
 'Я сильно сомневаюсь, что твоя посылка дойдет.'

Некоторые показатели отрицания имеют факультативные варианты форм. *Olog* зачастую используется в сокращенной форме, в которой могут опускаться начальные CV (13а) или SVC (13б):

(13а) *Log=ku aŋʔaŋ-on itan*
 NEG.V=1M.ACTCOM DEP[видеть-PV] DET.MED
nonhaŋlagan=toyu=n // p<in>an-haŋlag-an dotag ni babu.
 <PFV>STEM-обжаривать-LV=12NM.ACTCOM=GEN мясо GEN свинья
 ‘Я не видел (емкости), в которой мы жарили свинину.’

(13б) *Og=gak g<um>taŋ ni dotag.*
 NEG.V=1M.ACTNOM DEP[<AV>покупать] GEN мясо
 ‘Я не купил мяса.’

Все три прохибитивных маркера (чаще всего *an*) зачастую используются с местоимением =*tu* <3M.ACTCOM>, не несущим никакого значения. *Owi*, кажется, является более частотным прохибитивным маркером. Первый слог данного маркера (*ʔo-*) может опускаться, тогда как сокращенных форм маркера *obuh* не зафиксировано:

(14) *Wi=tu ŋiʔŋi.*
 PRON=3M.ACTCOM AV.IMP[смеяться]
 ‘Не смейся.’

4. Дистрибуция

Показатели отрицания различаются по тому, с какими грамматическими классами лексем они могут сочетаться, а также по занимаемым позициям в предложении.

4.1. Значение и сочетаемость с грамматическими классами

4.1.1. *Субстантивное отрицание.* Термин «субстантивное отрицание» предпочитается в настоящей работе более распространенному термину «именное отрицание» в виду следующих недостатков последнего: помимо существительных, личных и демонстративных местоимений *bokon* также используется с предлогами и членами, вводимыми падежными показателями. Хотя Л. Рейд [Reid 2002] полагает, что филиппинские падежные показатели являются существительными, данная точка зрения очень противоречива с позиции синхронии. Л. Ньюэлл [Newell 1993: 23] использует термин «субстантивная группа», применяемый к классу

«существительнообразных слов, групп и предложений» и личным и демонстративным местоимениям в языке батад ифугао. Данный термин возможно также применить и к маркеру отрицания, используемому для маркирования перечисленных классов.

Bokon используется для отрицания неличных (15а) и личных (15б) существительных, личных (15в) и демонстративных (15г) местоимений, прилагательных (15д), предложных групп (15е) и групп, вводимых демонстративами (15ж). Отрицательные конструкции симметричны утвердительным:

- (15а) *(Bokon) laki i uŋŋo=da.*
 NEG.S мужчина NOM ребенок=3NM.ACTCOM
 ‘Их ребенок (не) мужского пола.’
- (15б) *(Bokon) hi ino=tu itan l<imm>aw.*
 NEG.S PRS.SG.NOM мать=3M.ACTCOM DET.MED <PFV.AV>go
 ‘Та, кто ушла, — (не) его мать.’
- (15в) *(Bokon) hiya huuya.*
 NEG.S 3M.IND PROX.NOM
 ‘Это (не) он.’
- (15г) *(Bokon) huuya itan inhol=ku // ?i<in>-?ohol.*
 NEG.S PROX.NOM DET.MED PV<PFV>-говорить=1M.ACTCOM
 ‘То, что я сказал, (не) это.’
- (15д) *(Bokon) kay~yaggud i ahwo=tu.*
 NEG.S ADJ~хорошесть NOM супруг=3M.ACTCOM
 ‘Его жена (не) красива.’
- (15е) *(Bokon) umhulun i*
 NEG.S о NOM
ko-gowid-an=da i
 NEUT[STEM-возвращаться_домой-TV]=3NM.ACTCOM NOM
huuya=n liblu.
 PROX.NOM=LK книга
 ‘Эта книга — о их возвращении домой.’
- (15ж) *(Bokon) itan nandalan=tu // p<in>aN-dalan i*
 NEG.S DET.MED ManV[<PFV>STEM-идти]=3M.ACTCOM NOM
b<in>ab~babbal=tu.
 PV[<PFV>MDR~замедлять]=3M.ACTCOM
 ‘То, что он замедлил, (не) было его ходьбой.’

4.1.2. *Глагольное отрицание.* Глагольные формы в отрицательных конструкциях маркируются либо *olog*, либо *an*. Данные формы не отличаются по значению, однако *an* обладает несколько более ограниченной дистрибуцией. Оба маркера не могут использоваться с имперфективными формами глаголов. Перфективная форма в отрицательных конструкциях допускается, однако зачастую замещается зависимой формой. Данные маркеры также используются для отрицания псевдоглаголов, а *olog* также может использоваться для отрицания прилагательных. Последний факт позволяет выделить особое поведение прилагательных в отрицательных конструкциях в йаттука, поскольку они могут маркироваться как маркером субстантивного, так и маркером глагольного отрицания.

Следует заметить, что термин «стандартное отрицание», популяризованный в работах [Payne 1985] и [Miestamo 2007] и обозначающий отрицание независимой индикативной глагольной клаузы, вероятно, является неудачным для описания многих филиппинских языков, поскольку в них отсутствует какое-либо структурное различие между глагольными и неглагольными предложениями, как уже упоминалось выше в (5а)–(6в): лексемы неглагольных грамматических классов способны выступать в роли вершины предиката без каких-либо вспомогательных элементов или связок [Reid, Liao 2004: 435]. Кроме того и глаголы, и неглаголы способны выступать в роли актантов и сирконстантов при наличии маркирования падежными показателями или в роли вершины относительных клауз. Таким образом, в обоих случаях — субстантивного и глагольного отрицания — в филиппинских языках мы имеем дело с клаузальным отрицанием. Иначе говоря, если из приведенного выше определения стандартного отрицания изъять слово «глагольной» («отрицание независимой индикативной клаузы»), то окажется, что глагольные и субстантивные показатели в равной степени маркируют стандартное отрицание и для особого выделения глагольного отрицания в качестве «стандартного» нет оснований.

Видовая парадигма глаголов в отрицательных конструкциях отличается от парадигмы, доступной в утвердительных конструкциях, поскольку, во-первых, при отрицании недоступна форма имперфектива, вместо которой используется форма нейтрального вида (16б):

(16a) *Yak=ko-um-bo(b~)sik.*

1M.PREP=IPFV-AV-⟨IPFV~⟩бежать

‘Я бегу.’

(16b) *Olog / An=nak *ko-um-bo(b~)sik /*

NEG.V NEG.V=1M.ACTNOM IPFV-AV-⟨IPFV~⟩бежать

um-bo(b~)sik.

AV-⟨NEUT~⟩бежать

‘Я не бегу.’

Во-вторых, в отрицательных конструкциях регулярно используется зависимая видовая форма, которая состоит в отношениях свободной дистрибуции с формой перфектива в данном контексте. Следующие примеры иллюстрируют использование *olog* и *an* с нейтральной (17а-б), перфективной (18а-б) и зависимой (19а-б) формами. Значение перфективности не обязательно выражается формой перфектива в отрицательных конструкциях, поскольку с тем же значением зачастую используется зависимая форма.

(17a) *Moŋŋan=nak // um-pa(ŋ~)N-ʔokan ni oowitta.*

AV-⟨NEUT~⟩STEM-есть]=1M.ACTNOM GEN позже

‘Я поем позже.’

(17b) *Olog / An=gak moŋŋan // um-pa(ŋ~)N-ʔokan ni*

NEG.V NEG.V=1M.ACTNOM AV-⟨NEUT~⟩STEM-есть GEN

oowitta.

позже

‘Я не буду есть позже.’

(18a) *ʔ(in)ajʔaj=ku=hiya.*

PV[⟨PFV⟩видеть]=1M.ACTCOM=3M.ACTNOM

‘Я увидел его.’

(18b) *Olog / An=ku ʔ(in)ajʔaj=hiya.*

NEG.V NEG.V=1M.ACTCOM PV[⟨PFV⟩видеть]=3M.ACTNOM

‘Я не увидел его.’

(19a) *Nanhaon=ŋak // p(in)an-haʔon*

AV[⟨PFV⟩STEM-готовить]=1M.ACTNOM

‘Я приготовил еду.’

(19b) *Olog / An=gak nanhaon // um-pan-haʔon.*

NEG.V NEG.V=1M.ACTNOM DEP[AV-STEM-готовить]

‘Я не приготовил еду.’

Следующие примеры иллюстрируют использование глагольных маркеров с псевдоглаголами:

(20a) *Olog / An=ka mabalin ni um-ʔo(ʔ~)hop.*
 NEG.V NEG.V=2M.ACTNOM возможное GEN AV-(NEUT~)выходить
 ‘Ты не можешь выйти.’

(20б) *Olog / An pinhod non Pedlo ita liblu.*
 NEG.V NEG.V желаемое PRS.SG.GEN Педро DET.MED книга
 ‘Педро не нравится эта книга.’

Следующий пример иллюстрирует использование *olog* для отрицания прилагательных. *An* в данной функции использоваться не может:

(21) *Olog / *An / Bokon otʔotoŋ i*
 NEG.V NEG.V NEG.S большой NOM
gintaŋ=ku=n // g(in)ataŋ manga.
 PV[⟨PFV⟩покупать]=1M.ACTCOM=GEN манго
 ‘Манго, который я купил, не большой.’

Как упоминалось выше в разделе 4.1.1, прилагательные также могут маркироваться *bokon*, отсюда его использование с *otʔotoŋ* в (21).

Данное свойство прилагательных в йаттука может быть использовано для классифицирования некоторых форм, частеречная принадлежность которых неочевидна. Например, формы недавно-законченного вида обычно считаются глагольными формами в тагалоге [Schachter, Otanes 1972: 371], несмотря на факт отсутствия глагольной морфологии. В йаттука подобные формы проявляют свойства прилагательных, поскольку могут маркироваться как *olog*, так и *bokon*:

(22) *Olog / Bokon=ku ako-bosik.*
 NEG.V NEG.S=1M.ACTCOM REC-бежать
 ‘Я не только что бегал.’

Интересно, что омонимичные формам недавно-законченного вида абилитативные формы в отрицательных конструкциях проявляют глагольные свойства, т. е. они маркируются показателями глагольного отрицания *olog* или *an*:

- (23) *Olog* / *An=ku* *ako-bosik*.
 NEG.V NEG.V=1M.ACTCOM АВ1-бежать
 ‘Я не могу бежать.’

Утвердительные и отрицательные парадигмы глаголов с модальными префиксами, заимствованными из тагалого, не проявляют какой-либо асимметрии, помимо невозможности использования имперфективных форм при отрицании:

- (24a) *Yak=kotokahaon* // *ko-um-poka-haʔon ni mo-honʔu*
 1M.PREP=IPFV-AV-MOD-готовить GEN ADJ-хороший_вкус
hodiŋ g<imm>ataŋ=ŋak ni dotag.
 если <PFV.AV>покупать=1M.ACTNOM GEN мясо
 ‘У меня получается приготовить что-нибудь вкусное, если я купил мяса.’

- (24b) *Olog=gak* **kotokahaon* / *ko-um-poka-haʔon*
 NEG.V=1M.ACTNOM IPFV-AV-MOD-готовить
tokahaon // *um-poka-haʔon ni mo-honʔu*
 NEUT[AV-MOD-готовить] GEN ADJ-хороший_вкус
u olog=gak amta-on.
 потому_что NEG.V=1M.ACTNOM NEUT[знаемое-PV]
 ‘У меня не получается приготовить что-нибудь вкусное, потому что я не знаю, как.’

4.1.3. Прохибитив. Прохибитивные конструкции маркируются *owi*, *obuh* или *an*, которые, по-видимому, в данной функции не различаются по значению и синтаксическому поведению. В прохибитивных конструкциях используется только императивная форма глагола.

Так же, как и в императивных конструкциях, в прохибитивных конструкциях запреты и спонтанные решения, адресованные 1-ому и 3-ему лицам, выражаются конструкциями с нейтральной формой глагола:

- (25a) *Olog=gak um-ho<g~>gop di klase*.
 NEG.V=1M.ACTNOM AV-(NEUT~)входить OBL урок
 ‘Не пойду-ка я на урок.’

- (25b) *Olog=tu=law i-p~pahdiŋ huuya*.
 NEG.V=3M.ACTCOM=уже PV-NEUT~делать PROX.NOM
 ‘Пусть он этого не делает.’

4.1.4. *Экзистенциальное отрицание.* Экзистенциальному предикату *woda* в йаттука соответствует отрицательный аналог *ondi*, который, строго говоря, не является показателем отрицания в отличие от *bokon*, *olog*, *an*, *obi* и *owi*, поскольку сам является предикатом, а не маркером отрицания экзистенциальной конструкции, используемым в сочетании с экзистенциальным предикатом *woda*.

Экзистенциальные предикаты наравне с падежными показателями являются субстантиваторами, то есть глаголы и прилагательные, занимающие позицию подлежащего при них, являются референтными. Таким образом, подобные конструкции выполняют функцию неопределенных местоимений в русском языке:

- (26) *Ondi komokolaw // ka-um-poka-?olaw di Manila*
 EXIST.NEG IPFV-AV-MOD-go OBL Манила
kada liḡu.
 каждый неделя
 ‘Ни у кого не получается ездить в Манилу каждую неделю.’
 (букв.: ‘Нет (того, кто) может ездить в Манилу каждую неделю.’)

Как видно из (24а–б), ограничения на использование имперфективных форм с *ondi* отсутствуют.

Ondi обладает восемью из 26 функций, типологически выполняемых маркерами экзистенциального отрицания [Veselinova 2013: 118–119]: NEG.EX, экзистенциальное отрицание (57а); NEG.POSS, посессивное отрицание (58б); NEG.LOC, локативное отрицание (58а); NONE, использование в функции отрицательных неопределенных местоимений (26); ABSENT (27а); NOTHING (27б); DEAD (27в); DISAPPEAR (73а):

- (27а) *Ka=woda=dtan hi Pedlo? — Ondi.*
 Q=EXIST=MED.OBL PRS.SG.NOM Педро EXIST.NEG
 ‘Педро там? — Его нету.’
- (27б) *adan ni woda diya=d hambag=mu? — Ondi.*
 что LK EXIST PROX.OBL=OBL сумка=2М.АКТСОМ EXIST.NEG
 ‘Что здесь у тебя в сумке? — Ничего.’
- (27в) *Ondi=law hi lolo=mi.*
 EXIST.NEG=уже PRS.SG.NOM дедушка=1NM.АКТСОМ
 ‘Нашего дедушки больше нет.’

4.2. Синтаксическая позиция

4.2.1. Субстантивное отрицание

Краткий отрицательный ответ и отрицательный заместитель. *Bokon* может использоваться как краткий отрицательный ответ на вопросы с неглагольными предикатами (*olog* в данном контексте не допускается) (28a) и как отрицательный заместитель клаузы в сложносочиненных конструкциях с субстантивными предикатами (28б):

(28a) *Ka=istudyanteh=ka?* — *Bokon* / **Olog*.

Q=студент=2М.АКТНОМ NEG.S NEG.V

‘Ты студент? — Нет.’

(28б) *Ka=istudyanteh=ka o bokon?*

Q=студент=2М.АКТНОМ или NEG.S

‘Ты студент или нет?’

С предикатом. *Bokon* может маркировать предикаты в различных позициях: предикат главной клаузы (29) или подчиненной субстантивной клаузы (подлежащей (30), предикатной (31), дополнительной (32), предикат целевого придаточного (33а-б), предикат придаточного относительного в позиции определения субстантивной фразы (34) и предикат придаточного относительного в позиции определения глагольного предиката (35)):

(29) (*Bokon*) *huуa=n liblu umhulun ni olog=da*

NEG.S PROX.NOM=GEN книга о GEN NEG.V=3NM.АКТКОМ

ka-gowid-an.

DEP[STEM-возвращаться_домой-TV]

‘Книга об их невозвращении домой — (не) эта.’

(30) *Hi?gam itan (bokon) istudyante.*

2М.IND DET.MED NEG.S студент

‘Тот, кто (не) является студентом, — ты.’

(31) *Itan (bokon) istudyante i l(imm)aw.*

DET.MED NEG.S студент NOM <PFV.AV>го

‘Ушедший — тот (не)студент.’

- (32) *Ka=ʔ<imm>aŋʔaŋ=ka* *ni* (*bokon*)
 Q=<PFV.AV>видеть=2М.АСТНОМ GEN NEG.S
kat~kas~siʔliŋ ni puha?
 INTENS~ADJ~маленький GEN кошка
 ‘Ты видел (не) очень маленькую кошку?’
- (33a) *Pan-ʔadal=ka* *ni kay~yaggud ta*
 AV.IMP[STEM-учиться]=2М.АСТНОМ GEN ADJ~хорошесть чтобы
istudyante=ka di Manila.
 студент=2М.АСТНОМ OBL Манила
 ‘Учись хорошо, чтобы ты был студентом в Маниле.’
- (336) *Pan-ʔadal=ka* *ni kay~yaggud*
 AV.IMP[STEM-учиться]=2М.АСТНОМ GEN ADJ~хорошесть
ta bokon=ka istudyante ni inganah di
 чтобы NEG.S=2М.АСТНОМ студент GEN всегда OBL
biyag=mu.
 жизнь=2М.АСТНОМ
 ‘Учись хорошо, чтобы ты не был студентом всю свою жизнь.’
- (34) *<In>amta=m* *itan auyam=ku ni*
 PV[<PFV>знаемое]=2М.АСТНОМ DET.MED друг=1М.АСТНОМ GEN
 (*bokon*) *istudyante?*
 NEG.S студент
 ‘Ты знаешь моего друга (не) студента?’
- (35) *B<imm>osik=hiya=n* (*bokon*) *olistu.*
 <PFV.AV>бежать=3М.АСТНОМ=GEN NEG.S быстрый
 ‘Он быстро побежал.’

Следует отметить, что подлежащее и топик не могут быть маркированы показателем отрицания в йаттука, т. е. *bokon* не может быть помещен перед номинативным падежным маркером или местоимением не в позиции предиката. Использование *bokon* в такой позиции приводит к образованию семантически неудачно построенных конструкций:

- (36) **Bokon ya itan komantutbrash // ko-um-pan-tutbrash,*
 NEG.S IND DET.MED 1PFV-AV-STEM-чистить_зубы
kay~yaggud i yayah=tu.
 ADJ~хорошесть NOM дыхание=3М.АСТНОМ
 ‘Не у того, кто чистит зубы, хорошо пахнет изо рта.’

- (37) **Itan l(imm)aw bokon tan kulak=tu.*
 DET.MED <PFV.AV>go NEG.S DET.MED сиблинг=3М.АСТСОМ
 ‘Не мой брат ушел.’

Конструкция в (37) грамматически верна с другим значением при наличии паузы после *l(imm)aw* (обозначенной запятой):

- (38) *Itan l(imm)aw, bokon tan kulak=tu.*
 DET.MED <PFV.AV>go NEG.S DET.MED сиблинг=3М.АСТСОМ
 ‘Ушедший — не тот, который мой брат.’

Пауза после *itan l(imm)aw* ‘ушедший’ обозначает, что данный член является топиком предложения, а то, что следует, — предикатом. Пауза может быть замещена показателем *ot(ta)* или *ya* (аналог в тагалоге — *ay*) или заимствованием из илокано *ket*:

- (39) *Itan l(imm)aw ot(ta) / ya / ket bokon tan kulak=tu.*
 DET.MED <PFV.AV>go PRED PRED PRED NEG.S DET.MED
 сиблинг=3М.АСТСОМ
 ‘Ушедший — не тот, который мой брат.’

Также существуют конструкции, в которых, как может показаться в первом приближении, *bokon* маркирует глагольный предикат. Однако в действительности отрицаемым членом в таких случаях является глагол в позиции подлежащего с опущенным падежным показателем. Таким образом, значение двух конструкций в (40а-б) совершенно разное:

- (40а) *Ka=olog=ka moŋŋan? // im-pa(ŋ~)N-ʔokan*
 Q=NEG.V=2М.АСТНОМ AV-<NEUT~>STEM-есть
 ‘Ты не будешь есть?’

- (40б) *Ka=bokon=ka (i) moŋŋan? // im-pa(ŋ~)N-ʔokan*
 Q=NEG.S=2М.АСТНОМ NOM AV-<NEUT~>STEM-есть
 ‘Ты не тот, кто будет есть?’

С актантами и сирконстантами. *Bokon* также может маркировать генитивные и косвенные актанты и сирконстанты или беспадежные сирконстанты вне зависимости от их позиции — в препозиции к предикату или периферийной позиции. Следующие примеры иллюстрируют использование *bokon* с сирконстантом

в препозиции (41а), актантом в препозиции (41б), периферийным актантом (41в) и периферийным сирконстантом (41г):

(41а) *Bokon ya=n Liŋgu ondi tuu, nom*
 NEG.S IND=GEN воскресенье EXIST.NEG человек но
ya=n Sabadu.

IND=GEN суббота

‘Людей нет не по воскресеньям, а по субботам.’

(41б) *Bokon nihiʔgam i(in)-dawat // indawat=ku itan*
 NEG.S 2M.NACTCOM [PV<PFV>-просить]давать DET.MED
pihhuh.

деньги

‘Я дал деньги не тебе.’

(41в) *K(im)an=hiya bokon ni manga, balat*
 <PFV.AV>есть=3М.АКТНОМ NEG.S GEN манго банана
k(in)an=tu.

PV[<PFV>есть]=3М.АКТНОМ

‘Он съел не манго, а бананы.’

(41г) *Pinhod=ku=n*

желаемое=1М.АКТНОМ=GEN

tanʔamʔamloŋ // um-pan-(ʔam~)ʔamloŋ bokon ni
 NEUT[AV-STEM-ITER~счастливый] NEG.S GEN

kubbuhan potua niuua.

завтра но PROX.GEN

‘Я хочу стать счастливым не завтра, а сегодня.’

В конструкциях с актантами и сирконстантами в препозиции *bokon* маркирует только такой член конструкции, а не всю группу предиката. Например, в (41б) деньги были даны, но кому-то еще, а не «тебе». В случае необходимости отрицания вершины предиката в конструкции с каким-либо членом в препозиции *bokon* помещается между таким членом и вершиной предиката (42):

(42) *Ya=d aappoh olog kayah Pedlo.*

IND=OBL песня NEG.V способное Педро

‘Педро не силен в песнях.’

Подтверждающий вопрос. Конструкции с подтверждающими вопросами и субстантивными предикатами образуются с *bokon* или *om* ‘да’, тогда как *olog* в них недопустим:
 594

- (43) *Istudyante=ka, ka=bokon / om / *olog?*
 студент=2М.АКТНОМ Q=NEG.S да NEG.V
 ‘Ты студент, не так ли?’

Om также может использоваться для образования подтверждающих вопросов с отрицательными конструкциями с *bokon*:

- (44) *Bokon=ka istudyante, ka=om?*
 NEG.S=2М.АКТНОМ студент Q=да
 ‘Ты не студент, не так ли?’

Bokon также может использоваться в подтверждающих вопросах в конструкциях с глагольными предикатами (45а), если только в них уже не присутствует показатель глагольного отрицания *olog* (45б):

- (45а) *Yam=kopanjonna // ko-paŋ-ʔokan-a sinapay=ku,*
 2М.PREP=IPFV-STEM-есть-PV.IPFV хлеб=1М.АКТКОМ
ka=bokon?
 Q=NEG.S
 ‘Ты ешь мой хлеб, не так ли?’

- (45б) **Olog=ka um-law di Manila, ka=bokon?*
 NEG.V=2М.АКТНОМ NEUT[AV-go] OBL Манила Q=NEG.S
 ‘Ты не едешь в Манилу, не так ли?’

Сентенциальное отрицание. Р. Бласт [Blust 2013: 477] замечает, что грамматический класс отрицаемого элемента может не быть решающим фактором при выборе показателя отрицания в австронезийских языках, поскольку так называемые показатели номинативного отрицания на самом деле могут являться показателями контрастивного отрицания. П. Крегер [Kroeger 2014] утверждает, что так называемые показатели номинативного отрицания в бахаса и многих языках Борнео могут использоваться для маркирования не только именных предикатов, но и глагольных клауз при наличии определенных прагматических факторов. В йаттука, однако, *bokon*, по-видимому, не имеет такой функции, поскольку не может использоваться для отрицания сентенциальных составляющих с глагольными предикатами:

- (46) *Olog / *bokon=gak mo-gowid // um-ka-gawid*
 NEG.V NEG.S=1М.АКТНОМ NEUT[AV-STEM-возвращаться_домой]
nom woda laww-an=ku // ʔolaw-an.
 но EXIST NEUT[go-PaV]=1М.АКТКОМ
 ‘Я не вернусь домой, а кое-куда пойду.’

Русские конструкции с двойным отрицанием переводятся на йаттука конструкциями, в которых отрицаемая отрицательная клауза субстантивируется номинативным или генитивным падежным показателем и демонстративным детерминатором и маркируется показателем субстантивного отрицания *bokon*:

- (47) *Bokon itan (ni) olog=tu kayah ni*
 NEG.S DET.MED GEN NEG.V=3M.ACTCOM способное LK
pohdiŋ nom olog=tu pinhod ni
 PV.NEUT[делать] но NEG.V=3M.ACTCOM желаемое LK
pohdiŋ.
 PV.NEUT[делать]
 ‘Он не не может это сделать, а он не хочет это делать.’

4.2.2. Глагольное отрицание

Краткий отрицательный ответ и отрицательный заместитель. Только *olog* может использоваться в качестве короткого отрицательного ответа на вопросы с глаголом или прилагательным в роли предиката и в качестве отрицательного заместителя таких конструкций, тогда как *an* в данных функциях не допускается. *Bokon* также не может использоваться в данных конструкциях:

- (48a) *Ka=um-law=ka=d Manila? — Olog /*
 Q=NEUT[AV-go]=2M.ACTNOM=OBL Манила NEG.V
 **An(=tu) / *Bokon.*
 NEG.V=3M.ACTCOM NEG.S
 ‘Ты поедешь в Манилу? — Нет.’
- (48б) *Ka=um-law=ka=d Manila o olog /*
 Q=NEUT[AV-go]=2M.ACTNOM=OBL Манила или NEG.V
 **an(=tu) / *bokon?*
 NEG.V=3M.ACTCOM NEG.S
 ‘Ты поедешь в Манилу или нет?’

С предикатом. *Olog* и *an* могут маркировать предикаты в различных позициях: предикат главной клаузы (49а) или подчиненной субстантивной клаузы (подлежащей (49б), топикальной (49в), актантной (49г), придаточного цели (49д), придаточного относительного при субстантивной группе (49е) и придаточного относительного при глагольном предикате (49ж)):

- (49а) *Olog* / *An=paу* *maŋan* // *um-pan-ʔokan hiya*.
 NEG.V NEG.V=еще AV-STEM-есть 3М.IND
 ‘Он еще не ел.’
- (49б) *Pigan=tu=lli* *olog* / *an=mu*
 когда=3М.АКТКОМ=FUT NEG.V NEG.V=2М.АКТКОМ
o⟨n~⟩namut-an?
 ⟨NEUT~⟩возвращается_домой-TV
 ‘Когда ты не придешь домой?’
- (49в) *Ya* *olog* / *an* *um-ku⟨l~⟩lug,*
 IND NEG.V NEG.V AV-⟨NEUT~⟩верить
um-law=ida=lli=d *nandaul.*
 NEUT[AV-go]=3М.АКТНОМ=FUT=OBL подземный_мир
 ‘Те, кто не будут верить, попадут в ад.’
- (49г) *Ka=⟨imm⟩aŋʔaŋ=ka* *ni* *olog* / *an=tu*
 Q=⟨PFV.AV⟩видеть=2М.АКТНОМ GEN NEG.V NEG.S=3М.АКТКОМ
amta-on *ni* *maŋkaykay?* // *um-pan-kaykay*
 NEUT[знаемое-PV] GEN NEUT[AV-STEM-плавать]
 ‘Ты видел кого-либо, кто не знает, как плавать?’
- (49д) *An=tu* *okan* *ni* *dakol* *ta*
 NEG.V=3М.АКТКОМ AV.IMP[есть] GEN множественный чтобы
olog / *an=ka* *t⟨um⟩oba.*
 NEG.V NEG.V=2СГ.АКТНОМ DEP[⟨AV⟩толстеть]
 ‘Не ешь много, чтобы ты не потолстел.’
- (49е) *Huuya* *kotse=n* *olog* / *an=tu*
 PROX.NOM машина=GEN NEG.V NEG.V=3М.АКТКОМ
pan-lugan-an.
 DEP[STEM-садиться_в_транспорт-PaV]
 ‘Вот та машина, на которой он еще не ездил.’
- (49ж) *B⟨imm⟩osik=hiya* *ni* *olog* *olistu.*
 ⟨PFV.AV⟩бежать=3М.АКТНОМ GEN NEG.V быстрый
 ‘Он побежал не быстро.’

Подтверждающий вопрос. *Olog* используется в подтверждающих вопросах с конструкциями с глагольными предикатами, тогда как *an* в данном контексте использоваться не может:

- (50) $L\langle imm \rangle aw=ka=d$ Manila, $ka=olog$ / $*an?$
 ⟨PFV.AV⟩go=2M.ACTNOM=OBL Манила Q=NEG.V NEG.S
 ‘Ты поехал в Манилу, не так ли?’

Отрицательный подтверждающий вопрос не может использоваться с отрицательными конструкциями:

- (51) $*Olog=ka$ um-law di Manila, $ka=olog?$
 NEG.V=2M.ACTNOM NEUT[AV-go] OBL Манила Q=NEG.V
 ‘Ты не поедешь в Манилу, не так ли?’

Подтверждающие вопросы так же могут быть построены с *om* ‘да’ — как с утвердительными, так и отрицательными конструкциями:

- (52) $L\langle imm \rangle aw=ka=d$ simbaan, $ka=om?$
 ⟨PFV.AV⟩go=2M.ACTNOM=OBL церковь Q=да
 ‘Ты ходила в церковь, не так ли?’

Конструкции с глагольными предикатами могут использоваться с уточняющими вопросами с субстантивным показателем отрицания *bokon*, как упоминалось выше (45а).

4.2.3. Прохибитив

Краткий прохибитив. Все три маркера прохибитива могут использоваться в кратких прохибитивных конструкциях. *An* в таком случае может использоваться только при наличии местоимения $=tu$ <3M.ACTCOM>, тогда как *obuh* и *owi* могут использоваться как с ним, так и без него:

- (53) $Um-law=wak=law.$ — $An=tu$ / $*An$ /
 NEUT[AV-go]=1M.ACTNOM=уже NEG.V=3M.ACTCOM NEG.V
 $Owi(=tu)$ / $Obuh(=tu)!$
 PRON=3M.ACTCOM PRON=3M.ACTCOM
 ‘Я пойду! — Не делай этого!’

Предикат. Маркеры прохибитива используются только при предикатах. Ниже приведены примеры их использования с предикатом главной клаузы (54а) и подлежащей клаузы (54б):

(54a) *Tagam=mi okan, an=tu /*
 PV.IMP[продолжать]=2М.АКТСОМ еда NEG.V=3М.АКТСОМ
obuh / owi baiŋ=mi.

ПРОН ПРОН AV.IMP[стыдиться]=2М.АКТСОМ

‘Ешь-ешь, не стесняйся.’

(54b) *Hi?gam i an=tu / owi / obuh olaw!*
 2М.ИИД NOM NEG.V=3М.АКТСОМ ПРОН ПРОН AV.IMP[go]

‘Ты тот, кто не должен уходить!’

4.2.4. *Экзистенциальное отрицание.* Как и другие предикативные лексемы, *ondi* может функционировать в качестве вершины предиката главных и подчиненных клауз. Экзистенциальные предикаты *woda* и *ondi* могут образовывать два типа конструкций — экзистенциальную и посессивную. В экзистенциальной конструкции позиция подлежащего занята субстантивной группой, существование референта которой отрицается и которая маркирована номинативным показателем *i* или *hu*, который может быть опущен.

(55) *Woda=law (i / hu) kape.*

EXIST=уже NOM NOM кофе

‘Уже есть кофе.’

Посессивная конструкция отличается от экзистенциальной наличием посессора в позиции именного определения к подлежащему.

(56) *Woda (i / hu) pihhuh=ku.*

EXIST NOM NOM деньги=1М.АКТСОМ

‘У меня есть деньги.’

Ниже приведены примеры использования *ondi* в позиции предиката главной клаузы (57а-б) и предиката подчиненных клауз (подлежащей (58а-б), актантной (59а-б), предикативной (60а-б), придаточной цели (61а-б), относительной при субстантивной группе (62а-б), относительной при глагольном придекате (63а-б)):

(57a) *Ondi=law (i / hu) kape.*

EXIST.NEG=уже NOM NOM кофе

‘Больше кофе нет.’

(57b) *Ondi (i / hu) pihhuh=ku.*

EXIST.NEG NOM NOM деньги=1М.АКТСОМ

‘У меня нет денег.’

- (58a) *Hiʔgak i ondi=d bali.*
 1M.IND NOM EXIST.NEG=OBL дом
 ‘Тот, кого нет дома, — я.’
- (58б) *Hiʔgak itan ondi pihhuh=tu.*
 1M.IND DET.MED EXIST.NEG деньги=3SG.GEN
 ‘Тот, у кого нет денег, — я.’
- (59a) *Ranomak=ka // pan-homak ni ondi=d bali!*
 AV.IMP [STEM-искать]=2M.АКТНОМ GEN EXIST.NEG=OBL дом
 ‘Поищи того, кто не дома!’
- (59б) *Ranomak=ka // pan-homak ni ondi*
 AV.IMP[STEM-искать]=2M.АКТНОМ GEN EXIST.NEG
pihhuh=tu ta hiya hu
 деньги=3M.АКТНОМ чтобы 3M.IND NOM
baddaŋ-an=mu!
 NEUT[помогать-RV]=2M.АКТНОМ
 ‘Поищи кого-нибудь, у кого нет денег, и помоги ему!’
- (60a) *Ya ita ondi=d bali itan ahwa=tu.*
 IND DET.MED EXIST.NEG=OBL дом DET.MED супруг=3M.АКТНОМ
 ‘Его жена — это та, кого нет дома.’
- (60б) *Itan ondi pihhuh=tu itan*
 DET.MED EXIST.NEG деньги=3M.АКТНОМ DET.MED
kulak=tu.
 сиблинг=3M.АКТНОМ
 ‘Его брат — этот тот, у кого нет денег.’
- (61a) *Ala=m tan aladdu=tu*
 IMP[брат]PV=2M.АКТНОМ DET.MED ключ=3M.АКТНОМ
uway ondi=tu=d bali=n oowitta.
 потому_что EXIST.NEG=3M.АКТНОМ=OBL дом=GEN позже
 ‘Возьми его ключ, потому что его позже не будет дома.’
- (61б) *Ala=m i hutan ta ondi*
 IMP[брат]PV=2M.АКТНОМ NOM MED.NOM чтобы EXIST.NEG
pihhuh=tu.
 деньги=3M.АКТНОМ
 ‘Возьми это, чтобы у него не было денег.’
- (62a) *Uʔbal=mu itan kulak=tu*
 PV.IMP[разговаривать]=2M.АКТНОМ DET.MED сиблинг=3M.АКТНОМ
ni ondi=tu=d bali.
 GEN EXIST.NEG=3M.АКТНОМ=OBL дом
 ‘Поговори с его сестрой, которой нет дома.’

- (62б) *Uḡbal=mu* *itan* *kulak=tu*
 PV.IMP[разговаривать]=2M.ACTCOM DET.MED сиблинг=3M.ACTCOM
ni ondi pihhuh=tu.
 GEN EXIST.NEG деньги=3M.ACTCOM
 ‘Поговори с его сестрой, у которой нет денег.’
- (63а) *Nanbiyag=ida // p<in>aN-biyag* *ni* *ondi*
 AV[PFV-STEM-жить]=3NM.ACTNOM GEN EXIST.NEG
lakay=tu=d bali=da.
 старик=3M.ACTCOM=OBL дом=3NM.ACTCOM
 ‘Они жили без ее мужа в доме.’
- (63б) *Nogawid=hiya // k<in>a-gawid* *ni ondi*
 AV[⟨PFV⟩STEM-возвращаться_домой]=3M.ACTNOM GEN EXIST.NEG
pihhuh=tu.
 деньги=3M.ACTCOM
 ‘Он вернулся домой без денег.’

В посессивных конструкциях в субстантивированной позиции (58б) должно присутствовать АСТСОМ-местоимение третьего лица, кореферентное посессору, которое не согласуется с последним в лице. При этом посессор и данное местоимение могут согласовываться в числе (64а), однако такое согласование не обязательно (64б):

- (64а) *Hida ida tan ondi pihhuh=tu /*
 3NM.IND PL DET.MED EXIST.NEG деньги=3M.ACTCOM
=da.
 =3NM.ACTCOM
 ‘Те, у кого нет денег, — они.’
- (64б) *Hikmi i ondi pihhuh=tu / =da.*
 1NM.IND NOM EXIST.NEG деньги=3M.ACTCOM =3NM.ACTCOM
 ‘Те, у кого нет денег, — мы.’

В филиппинских языках целесообразно также выделять локативную конструкцию с экзистенциальными предикатами, поскольку в разных языках наблюдается варьирование в способах реализации такой конструкции. Так в тагалогте данная конструкция является асимметричной, поскольку в утвердительном варианте используется предикат *na-sa* <PRED-OBL>, тогда как в отрицательном — отрицательный экзистенциальный предикат *wala*:

ТАГАЛОГ

(65a) *Na-sa bahay=ako.*
 PRED-OBL дом=1M.NOM
 ‘Я дома.’

(65b) *Wala=ako sa bahay.*
 EXIST.NEG=1M.NOM OBL дом
 ‘Меня нет дома.’

В йаттука же данная конструкция является симметричной, поскольку в обоих вариантах используются экзистенциальные предикаты:

(66a) *Woda=tu=d bali=n oowitta.*
 EXIST=3M.ACTCOM=OBL дом=GEN позже
 ‘Он будет дома позже.’

(66b) *Ondi=tu=d bali=n oowitta.*
 EXIST.NEG=3M.ACTCOM=OBL дом=GEN позже
 ‘Его не будет дома позже.’

5. Часть речи

Инвентарь морфосинтаксических классов маркеров отрицания в выборке из 240 языков включает следующее: префиксы, суффиксы, редупликация слога в корне, просодическое маркирование, нефлексирующая частица, вспомогательный глагол с флективными категориями, конструкция со вспомогательным словом-пустышкой, конструкция с двумя частицами [Dahl 1979: 81–82] (процитировано по [Наан 1997: 199]). Л. Рейд и С. Ляо утверждают, что маркеры отрицания в филиппинских языках являются вспомогательными глаголами [Reid, Liao 2004: 445]. Это, однако, не так, если определять класс глаголов как единицы, обладающие залоговой и регулярной видовой парадигмой.

В тагалоге маркеры отрицания проявляют свойства прилагательных, поскольку образуют парадигмы, состоящие из интенсивной, сравнительной и превосходной степеней⁵. Ниже дан пример такой парадигмы для тагальского маркера стандартного отрицания *hindi*:

⁵ Согласно [Blust 2013: 479], в филиппинских языках нередко маркеры отрицания с глагольной морфологией. Как видно, однако, из примеров (71), маркеры отрицания в тагалоге проявляют свойства прилагательных в том, что касается словоизменения. При этом они, однако, ведут себя особым образом синтаксически, что, по-видимому, дает основания отнести их к классу псевдоглаголов (*gusto* ‘желаемое’, *alam* ‘знаемое’, *kailangan* ‘нужное’, *pwede* ‘возможное’ и т. д.), который сочетает в себе

ТАГАЛОГ

- (67a) *Hindi=ŋ hindi=ka ma-ta~talo.*
 NEG=LK NEG=2M.NOM PV[MOD-PROSP~проигрывать]
 ‘Ты ни в коем случае не будешь побежден.’
- (67б) *Ito ay napaka-hindi pwede=ŋ*
 PROX.NOM PRED INTENS-NEG возможное=LK
manuari // p(um)an-yari.
 NEUT[AV-STEM-случаться]
 ‘Это ни в коем случае не может произойти.’
- (67в) *Mas hindi=ko kailangan ay maja tao=ŋ*
 COMP NEG=1M.ACT необходимое NOM PL человек=LK
kilala=lan=ako pag may kailangan.
 знакомое=только=1M.NOM когда EXIST необходимое
 ‘Мне еще меньше нужны люди, которые узнают меня, только
 когда им что-то нужно.’
- (67г) *Manuayari=iyon // p(um)an-ya~yari sa oras na*
 AV-STEM-PROSP~случаться=DIST.NOM OBL время LK
pinaka-hindi=mo (in)a~asa-han.
 SPR-NEG=2M.ACT (IPFV)IPFV~ожидать-PV
 ‘Это произойдет, когда ты меньше всего этого ожидаешь.’

Построение таких же парадигм возможно и для маркера прохибитива *huwag* и маркера экзистенциального отрицания *wala*. Однако *huwag* и *wala*, по-видимому, не имеют формы интенсива с префиксом *napaka-*.

В йаттука маркеры субстантивного отрицания *bokon*, глагольного отрицания *olog*, прохибитива *owi* и *obuh* и маркер глагольного отрицания и прохибитива *an* подобных парадигм не образуют. Только маркер экзистенциального отрицания *on-di* образует формы интенсива и суперлатива:

- (68a) *On~?ondi pihhuh=ku.*
 INTENS~EXIST.NEG деньги=1M.ACTCOM
 ‘У меня совсем нет денег.’

морфологические свойства прилагательных с идиосинкратическими особенностями при формировании синтаксических конструкций у многих таких единиц [Schachter, Otones 1972: 261–273].

- (686) *Hiya koon~ʔondi-yan nihissyu=n omin.*
 3M.IND SPR~EXIST.NEG-SPR 12NM.NACTCOM=GEN все
 ‘Он самый бедный из нас.’ (букв. ‘Тот, у кого есть меньше всего среди нас всех, — он.’)

Таким образом, только маркер экзистенциального отрицания *ondi* в йаттука проявляет свойства прилагательных. По-видимому, *ondi* следует признать прилагательным, потому что в отличие от маркеров отрицания в тагалоге, которые проявляют особое синтаксическое поведение, противопоставляющее их прилагательным, данный маркер на синтаксическом уровне ничем от прилагательных не отличается. Остальные маркеры отрицания не проявляют свойств ни одного из знаменательных грамматических классов и, по-видимому, могут быть классифицированы как частицы.

6. Основа деривации

Все показатели отрицания в йаттука за исключением *an* могут служить основой деривации для других лексем.

Глагольный маркер *olog* образует следующие глагольные формы:

- (69a) *Nanʔolog // p(in)an-ʔolog.*
 AV[⟨PFV⟩STEM-NEG.V]испытывать_неприятнь
 ‘Ему не понравилось.’
- (69б) *Doka=ko-ʔoʔ~olog-a.*
 2M.NACTNOM=[IPFV-DUR~NEG.V-PV.IPFV]испытывать_неприятнь
 ‘Ты мне не нравишься.’

Маркер *olog* также образует форму с $C_1 V_1 C_2$ -редупликацией, которая, однако, не может быть свидетельством принадлежности данного маркера к классу прилагательных и, по-видимому, является случаем словообразования, поскольку данная форма обладает значением умеренности и должна использоваться в позиции предиката с существительным в позиции подлежащего при нем:

- (70a) *Ol~ʔolog i buyot=tu.*
 MDR~NEG.V NOM гнев=3M.ACTCOM
 ‘Он не очень зол.’ (букв. ‘Его гнев не очень силен.’)
- (70б) *Ol~ʔolog i atuŋ=tu.*
 MDR~NEG.V NOM жара=3M.ACTCOM
 ‘Не очень жарко.’

Позиция подлежащего в таких конструкциях не может быть занята прилагательным:

(71) **Ol~olog ma-otuy.*

MDR-NEG.V ADJ-жара

‘Не очень жарко.’

Маркер *bokon* образует следующий глагол со значением ‘обижаться’:

(72) *Obuh=tu* *i-pahdiŋ* *u*
 PRON=3M.ACTCOM IMP[PV-делать] ПОТОМУ_ЧТО
um-bo(b~)kon.

AV-(NEUT~)NEG.S]обижаться

‘Не делай это, потому что он обидится.’

Маркер *ondi* также служит основой деривации для глагольных форм:

(73а) *Noondi // k(in)o-?ondi aladdu=k.*

AV[⟨PFV⟩STEM-EXIST.NEG] ключ=1M.ACTCOM

‘Мой ключ пропал.’

(73б) *Noondiyan=nak // k(in)o-?ondi-an ni aladdu.*

⟨PFV⟩STEM-EXIST.NEG-EV=1M.ACTNOM GEN ключ

‘У меня пропал ключ.’

(73в) *Noka-ondiyan // p(in)oka?-?ondi-an ya=n pihhuh.*

⟨PFV⟩INTENS-EXIST.NEG-EV DET.PROX=GEN деньги

‘У него совсем нет денег.’

Маркеры прохибитива *owi* и *obuh* могут сочетаться с энклитикой *otta* ‘сначала’, в результате чего образуются формы *owitta* и *obutta* со значением ‘подожди’ или ‘позже’, которые, однако, также могут использоваться и в своем буквальном значении:

(74) *Owi / Obu=tta olaw!*

PRON PRON=сначала AV.IMP[go]

‘Не уходи пока!’

7. Симметричность

7.1. Субстантивное отрицание

Как следует из примеров, приведенных выше, конструкции с *bokon* являются симметричными. Следует заметить, что конструкции типа (75а-б) с переносом энклитики в позицию после *bokon*

не являются примером асимметричности, поскольку энклитики в йаттука являются вакернагелевскими, т. е. должны следовать за неким начальным элементом клаузы, которым могут быть вершина предиката, актанта или сирконстанта в препозиции к предикату или маркер отрицания. То же самое отмечается и в [Miestamo 2005: 68] относительно аналогичных конструкций в тагалого.

(75а) *Номуц* *bali=k*
 будто дом=1М.АСТСОМ
inonamutak // ?(in)anomot-an=k.
 <PFV>возвращаться_домой-PAV=1М.АСТСОМ
 ‘Как будто я вернулся к себе домой.’

(75б) *Номуц* *bokon=ku* *bali*
 будто NEG.S=1М.АСТСОМ дом
inonamutak // ?(in)anomot-an=k.
 <PFV>возвращаться_домой-PAV=1М.АСТСОМ
 ‘Как будто я вернулся не к себе домой.’

7.2. Глагольное отрицание

Отрицательные конструкции с глагольными маркерами асимметричны соответствующим утвердительным конструкциям, поскольку имперфективные формы не могут использоваться с отрицанием и использование перфективных и зависимых форм с отрицанием соответствует только использованию перфективных форм в утвердительных конструкциях.

Как и в случае с субстантивным отрицанием, необходимость использования энклитик в глагольных конструкциях с отрицанием непосредственно за показателем отрицания не является примером асимметрии, поскольку энклитики должны следовать за начальным элементом клаузы.

Местоименные энклитики 1М с акторной референцией, следующие за показателями глагольного отрицания в конструкциях с глаголами неакторных залогов в позиции предиката, могут использоваться не только в АСТСОМ-форме, но и в АСТНОМ-форме, тогда как в соответствующих утвердительных конструкциях может использоваться только первая форма (76в):

(76а) *Olog=ku* / *=gak=pay* *ohnon-an.*
 NEG.V=1М.АСТСОМ =1М.АСТНОМ=еще DEP[вставить-RV]
 ‘На это я еще не вставал.’

(76б) *An=ku / =nak=paу pasi-yon=hiya.*
 NEG.V=1M.ACTCOM =1M.ACTNOM=еще DEP[убивать-PV]=3M.NACTNOM
 ‘Я его не убивал.’

(76в) *P<in>asi=k / *=ʔak=hiya.*
 PV[<PFV>убивать]=1M.ACTCOM =1M.ACTNOM=3M.NACTNOM
 ‘Я убил его.’

То же самое справедливо и относительно использования акторных местоименных энклитик с псевдоглаголами:

(77а) *Olog=ku / =gak amta hutan.*
 NEG.V=1M.ACTCOM =1M.ACTNOM знаемое MED.NOM
 ‘Я этого не знаю.’

(77б) *Amta=k / *=ʔak hutan.*
 знаемое=1M.ACTCOM =1M.ACTNOM MED.NOM
 ‘Я это знаю.’

Это, однако, невозможно с прилагательными:

(78) **Olog=ku otʔotoʔ ni tuu.*
 NEG.V=1M.ACTCOM большой LK человек
 ‘Я не большой человек.’

На другие энклитики данная возможность использования в двух формах без изменения значения не распространяется:

(79) **Olog=ka=paу pasi-yon=hiya.*
 NEG.V=2M.ACTNOM=еще DEP[убивать-PV]=3M.NACTNOM
 ‘Ты его еще не убил.’

Данное варьирование невозможно в конструкциях с глаголами акторного залога в позиции предиката (80а) и конструкциями с *bokon* (80б):

(80а) *Olog=gak / *=ku manhaoʔ // um-pan-haʔoʔ.*
 NEG.V=1M.ACTNOM =1M.ACTCOM DEP[AV-STEM-готовить]
 ‘Я не готовил еду.’

(80б) *Bokon=nak / *=ku ot-otoʔ ni tuu.*
 NEG.S=1M.ACTNOM =1M.ACTCOM большой GEN человек
 ‘Я не большой человек.’

В отрицательных конструкциях с псевдоглаголом *pinhod* ‘желаемое’ и *olog* псевдоглагол может быть опущен, при этом значение конструкции остается прежним. Маркер *an* в таком контексте не используется. От падежа актора зависит падеж ‘желаемого’:

(81a) *Olog=mi=law* (*pinhod*) *i gaga*.
 NEG.V=1NM.ACTCOM=уже желаемое NOM готовый_рис
 ‘Мы больше не хотим риса.’

(81б) *Olog=komi=law* (**pinhod*) *ni gaga*.
 NEG.V=1NM.ACTNOM=уже желаемое GEN готовый_рис
 ‘Мы больше не хотим риса.’

Только конструкция (81a) выше может использоваться с *pinhod*, тогда как в (81б) данный псевдоглагол присутствовать не может в силу падежного маркирования участников.

Актор, выраженный местоимением 1М, может быть использован как в АСТНОМ, так и в АСТСОМ вне зависимости от падежа ‘желаемого’:

(82) *Olog=ku / =gak=law i / ni gaga*.
 ПРОН=1М.ACTCOM =1М.ACTNOM=уже NOM GEN готовый_рис
 ‘Я больше не хочу риса.’

Данное использование *olog* образует асимметричную отрицательную конструкцию, так как в утвердительных конструкциях *pinhod* опускаться не может:

(83) **(Pinhod)=ku i gaga*.
 желаемое=1М.ACTCOM NOM готовый_рис
 ‘Я хочу рис.’

7.3. Прохибитив

Прохибитивные конструкции асимметричны соответствующим императивным конструкциям относительно нескольких аспектов: значение форм с *CVC*-редупликацией, выражение адресата, использование супплетивных императивных форм и 0-валентных глаголов.

Во-первых, некоторые формы с *C₁V₁C₂*-редупликацией в прохибитиве приобретают значение интенсивности вместо значений дуратива, модератива или давно-законченного вида, доступных данным формам в неотрицательных конструкциях:

- (84a) *I-pid~pi-dwa=m hutan!*
 IMP[PV-DUR~ORD~два]=2М.АСТСОМ MED.NOM
 ‘Делай это снова и снова!’
- (84б) *Owi=tu ġuman i-pid~pi-dwa hutan!*
 ПРОН=3М.АСТСОМ снова IMP[PV-INTENS~ORD-два] MED.NOM
 ‘Никогда больше этого не делай!’

Во-вторых, в отличие от императивных конструкций адресат прохибитива, как правило, не выражается. При этом с *obuh* и *owi* факультативно, а с *an* обязательно используется местоимение =*tu* <3М.АСТСОМ>:

- (85a) *I-pi-dwa*(=m) hutan!*
 IMP [PV-ORD-два]=2М.АСТСОМ MED.NOM
 ‘Сделай это еще раз!’
- (85б) *Obuh / Owi / An=tu ugip!*
 ПРОН ПРОН NEG.V=3М.АСТСОМ AV.IMP[спать]
 ‘Не спи!’
- (85в) *Obuh / Owi / An=tu ġuman i-pi-dwa hutan!*
 ПРОН ПРОН NEG.V=3М.АСТСОМ снова IMP[PV-ORD-два]
 MED.NOM
 ‘Больше не делай этого!’

Прохибитивные конструкции с выраженным адресатом встречаются в речи некоторых носителей, однако, по-видимому, они не обладают универсальной приемлемостью в языковой общности. Степень распространенности подобных конструкций, где адресат может быть выражен в АСТНОМ при глаголах акторного залога (86а) или в АСТСОМ при глаголах любых залогов в позиции после маркера прохибитива (86б) или после глагола с одновременным использованием местоимения =*tu* (86в) либо при его отсутствии (86г), заслуживает отдельного исследования:

- (86a) *Owi=ka ugip u*
 ПРОН=2М.АСТНОМ AV.IMP[спать] потому_что
um-bu(ġ~)ġot=hiya!
 AV-(NEUT~)злиться=3М.АСТНОМ
 ‘Не спи, иначе он разозлится!’

- (86б) *Obuh=mu ugip!*
 ПРОН=2М.АСТСОМ АВ.ИМП[спать]
 ‘Не спи!’
- (86в) *Obuh=tu ugip=mu!*
 ПРОН=3М.АСТСОМ АВ.ИМП[спать]=2М.АСТСОМ
 ‘Не спи!’
- (86г) *Owi patojulu=m! // pan-pan-?ulu*
 ПРОН АВ.ИМП[STEM-STEM-возглавлять]=2М.АСТСОМ
 ‘Не будь первым!’

Более распространенным для значительно большего числа носителей случаев выраженности адресата в прохибитиве являются конструкции с НАСТНОМ-формами местоимений, используемых после маркера прохибитива, где адресат может выражаться НАСТСОМ-формами местоимений (87а), либо где вместо НАСТНОМ-форм подлежащего используются АСТНОМ-формы, при которых адресат выражается АСТСОМ-формами (87б):

- (87а) *Owi=tuwak i-boal (nihi?gam).*
 ПРОН=1М.НАСТНОМ ИМП[RV-приказывать] 2М.НАСТСОМ
 ‘Не приказывай мне.’
- (87б) *Owi=mu=?ak i-boal.*
 ПРОН=2М.АСТСОМ=1М.АСТНОМ ИМП[RV-приказывать]
 ‘Не приказывай мне.’

В-третьих, супплетивные императивные формы (88а) не могут использоваться в прохибитивных конструкциях (88б):

- (88а) *Lokay=anhan di Manila!*
 АВ.ИМП.go.2М.АСТНОМ=пожалуйста OBL Манила
 ‘Пожалуйста, езжай в Манилу!’
- (88б) **Obuh / Owi / An=tu lokay di Manila!*
 ПРОН ПРОН ПРОН=3М.АСТСОМ АВ.ИМП.go.2М.АСТНОМ OBL
 Манила
 ‘Не едь в Манилу!’

В-четвертых, 0-валентные глаголы могут образовывать две прохибитивные конструкции, одна из которых (89а) соответствует императивной конструкции с местоимением =ka в (10), тогда как

вторая — без местоимений (89б) — является асимметричной, так как императив без местоимения от таких глаголов не образуется:

(89а) *Obuh udan=tu!*

PROH AV.IMP[дождь]=2М.АСТСОМ

‘Пусть не будет дождя!’

(89б) *An(=tu) / Owi / Obuh udan ni oowitta!*

NEG.V=3М.АСТСОМ PROH PROH AV.IMP[дождь] GEN позже

‘Пусть позже не будет дождя!’

7.4. Экзистенциальное отрицание

Конструкции с *ondi* являются симметричными конструкциям с *woda* во всех значениях, как видно из примеров (55)–(57б).

В таблице 2 представлена обобщающая информация о типах асимметрии, существующей между отрицательными и утвердительными конструкциями в йаттука.

Таблица 2. Симметричность отрицательных и утвердительных конструкций в йаттука

тип отрицания	симметричность
субстантивное	симметрия
глагольное	парадигматическая асимметрия: – IPFV + DEP конструкционная асимметрия: + 1АСТНОМ с NAV-глаголами и псевдоглаголами – <i>pinhod</i>
прохибитив	парадигматическая асимметрия: изменение значения $C_1 V_1 C_2 \sim$ – супплетивные формы конструкционная асимметрия: – адресат
экзистенциальное	симметрия

В йаттука представлено два случая асимметрии, где использование отрицания приводит к большему числу допустимых форм, что является типологически необычным явлением.

8. Сфера действия отрицания

В отрицательных конструкциях с модальными глаголами, то есть глаголами с префиксами *pa-* / *ʔa-*, *han-* или префиксальным комплексом *mo-* / *to-*, сфера действия отрицания включает в себя и модальный компонент, вводимый перечисленными маркерами, и лексическое значение глагола:

- (90a) *Olog=paʉ pa-**o-**hnoʉ iya golaʉ.*
 NEG.V=еще MOD-вставить DET.PROX ребенок
 ‘Ребенок еще не может встать.’
- (90б) *Og=gak ham-pasi itan ballaiʉ u*
 NEG.V=1M.ACTNOM MOD-убивать DET.MED таракан потому_что
yak=ko-um-takut.
 1M.PREP=IPFV-AV-бояться
 ‘Я не могу убить таракана, потому что я боюсь.’
- (90в) *Olog=gak mokaʉoʉ // um-poka-haʉoʉ ni*
 NEG.V=1M.ACTNOM NEUT[AV-MOD-готовить] GEN
to-hoʉʉu u olog=gak g(um)taʉ.
 ADJ-хороший_вкус потому_что NEG.V=1M.ACTNOM DEP[⟨AV⟩покупать]
 ‘Я не могу приготовить ничего вкусного, потому что я (ничего) не купил.’

В конструкциях с формами недавно-законченного вида отрицается только значение данного вида, но не факт совершения действия:

- (91a) *Vokon=ku ako-o⟨k~⟩kan u*
 NEG.S=1M.ACTCOM REC-(REC~)есть потому_что
noʉan=nak=law // p⟨in⟩an-ʉokan ni nutan.
 AV[⟨PFV⟩STEM-есть]=1M.ACTNOM=уже GEN MED.GEN
 ‘Я не только что поел, потому что я поел раньше.’
- (91б) **Vokon=ku ako-o⟨k~⟩kan isuʉa*
 NEG.S=1M.ACTCOM REC-(REC~)есть поэтому
pokaʉʉura=ʉak=law // p⟨in⟩okaʉ~ʉura.
 AV[⟨PFV⟩INTENS~проголодаться]=1M.ACTNOM=уже
 ‘Я не ел только что, поэтому я уже очень голоден.’

В отрицательных конструкциях с псевдоглаголами с модальным значением, как, например, *dammu=tu* ‘возможное’ и *mahapul* ‘необходимое’, сфера действия отрицания зависит от позиции маркера отрицания. Если маркер помещен перед модальным псевдоглаголом — т. е. в матричной клаузе, — в сферу действия входит модальное значение. Если же маркер помещается внутри зависимой клаузы после лигатуры *ni/=n*, отрицаемым элементом является только предикатный глагол данной клаузы:

- (92a) *Olog dammu=tu=n um-law=ka.*
 NEG.V возможное=3М.АКТСОМ=LK NEUT[AV-go]=2М.АКТНОМ
 ‘Ты не можешь уехать.’ (букв.: ‘Не возможно, чтобы ты уехал.’)
- (92б) *Dammu=tu=n olog=ka um-law.*
 возможное=3М.АКТСОМ=LK NEG.V=2М.АКТНОМ NEUT[AV-go]
 ‘Ты можешь не уезжать.’ (букв.: ‘Возможно, чтобы ты не уезжал.’)
- (93a) *Olog mahapul ni um-law=ka.*
 NEG.V необходимое LK NEUT[AV-go]=2М.АКТНОМ
 ‘Ты можешь не уезжать.’ (букв.: ‘Не необходимо, чтобы ты уехал.’)
- (93б) *Mahapul ni olog=ka um-law.*
 необходимое LK NEG.V=2М.АКТНОМ NEUT[AV-go]
 ‘Ты не можешь уехать.’ (букв.: ‘Необходимо, чтобы ты не уехал.’)

9. Отличия от тагалого и тували

Сравнение фактов йаттука с системами отрицания в двух других филиппинских языках — тагалого и тували — указывает на существование многочисленных отличий, несмотря на близкое родство данных языков и схожесть синтаксического строя каждого из них. К таким отличиям, не упоминавшимся выше, относятся следующие.

Два отличия касаются конструкций с маркером стандартного отрицания. Во-первых, имперфективные формы глаголов в сочетании с маркером стандартного отрицания *hindi* в тагалого имеют дополнительное значение, не доступное утвердительному аналогу такой конструкции:

ТАГАЛОГ

(94а) *Nakakatayo=ako // m<in>a-ka~ka-tayo.*

⟨IPFV⟩MOD-AV~IPFV-вставать=1М.НОМ

‘Я могу встать.’

(94б) *Hindi=ako nakakatayo // m<in>a-ka~ka-tayo.*

NEG=1М.НОМ ⟨IPFV⟩MOD-AV~IPFV-вставать

‘Я не могу встать.’

(94в) *Hindi=pa=ako nakakatayo // m<in>a-ka~ka-tayo.*

NEG=еще=1М.НОМ ⟨IPFV⟩MOD-AV~IPFV~вставать

‘Я еще не вставал.’

Отрицательная конструкция в (94б) обладает тем же значением, что и (94а), которая обозначает общую способность актора совершать действие, плюс отрицательный компонент, тогда как конструкция в (94в), в которой зачастую используется «наречная» энклитика *=pa* ‘еще’, обладает значением перфекта, так как обозначает действие, которое еще не было совершено.

Во-вторых, модальные формы глаголов в нейтральном виде не могут занимать позицию вершины предиката в утвердительных конструкциях, однако это возможно при отрицании:

ТАГАЛОГ

(95а) **Ma-ka-tayo=ako.*

NEUT[MOD-AV-вставать]=1М.НОМ

(95б) *Hindi=ako ma-ka-tayo.*

NEG=1М.НОМ NEUT[MOD-AV-вставать]

‘Я не могу встать.’

(95б) описывает ситуацию, в которой актер желает выполнить действие, однако не способен это сделать по какой-либо причине.

Прохибитивные конструкции в тагалоге проявляют пять отличий от таких конструкций в йаттука. Во-первых, прохибитивные конструкции в тагалоге обладают конструкционной асимметрией, поскольку при использовании местоименных энклитик за ними должна следовать лигатура =*ŋ*:

ТАГАЛОГ

(96а) *?⟨um⟩alis=ka!*

NEUT[⟨AV⟩уходить]=2М.НОМ

‘Уйди!’

- (96б) *Huwag=ka=ŋ <um>alis!*
 PRON=2M.NOM=LK NEUT[<AV>уходить]
 ‘Не уходи!’

Во-вторых, в йаттука прохибитивные показатели не могут использоваться для маркирования субстантивных предикатов в уравнительных конструкциях. Вместо них должен использоваться маркер субстантивного отрицания, а глагол в позиции предиката подлежащей клаузы должен использоваться в нейтральной форме (97а) или императивной форме (97б):

- (97а) *Bokon / *An=tu / *Owi / *Obuh hi?gam i*
 NEG NEG.V=3M.ACTCOM PRON PRON 2M.IND NOM
tomoŋulu // um-pon-pon-ulu ni
 NEUT[AV-STEM-STEM-возглавлять] GEN
mandodkug // um-pan-do<d~>kug.
 AV-STEM-(NEUT~)отворачиваться
 ‘Не будь первым, кто отвернется.’

- (97б) *Bokon hi?gak i pan-damag-i=m!*
 NEG.S 1M.IND NOM STEM-спрашивать-RV.IMP=2M.ACTCOM
 ‘Не меня спрашивай!’

В соответствующих конструкциях в тагалоге субстантивный предикат при императивном глаголе в позиции предиката подлежащей клаузы должен маркироваться показателем прохибитива:

ТАГАЛОГ

- (98а) *Huwag ikaw aŋ una=ŋ t<um>alikor.*
 PRON 2M.IND NOM первый=LK IMP[<AV>отворачиваться]
 ‘Не будь первым, кто отвернется.’

- (98б) *Huwag yuŋ // iyon=ŋ bata aŋ <um>alis.*
 PRON DIST.NOM=LK ребенок NOM IMP[<AV>уходить]
 ‘Пусть уйдет не ребенок.’

В-третьих, в отличие от тагалога, где в прохибитиве могут использоваться нейтральная форма, имперфективная и проспективная, в йаттука прохибитивные маркеры не могут сочетаться с какой-либо другой видовой формой.

- (99) **Obuh / Owi / An=tuwak ka-boal-a!*
 ПРОН ПРОН ПРОН=1М.НАСТНОМ IPFV-приказывать-RV.IPFV
 ‘Не приказывай мне!’

В-четвертых, в отличие от тагалого, где прохибитивные конструкции образуются не только с глаголами, но и с прилагательными, прохибитивные маркеры в йаттука могут использоваться только с глаголами и только с их императивной формой:

- (100a) *Owi kalaŋ=mu!*
 ПРОН AV.IMP[шуметь]=2М.АСТСОМ
 ‘Не шуми!’

- (100б) **Owi ma-kolaŋ=mu!*
 ПРОН АДЈ-шум=2М.АСТСОМ
 ‘Не будь шумным!’

Kalaŋ в (100a) является императивной формой глагола *ut-kalaŋ* ‘шуметь’, тогда как прилагательное *ma-kolaŋ* ‘шумный’ от того же корня не может использоваться в данной конструкции (100б). Для сравнения, в соответствующей тагальской конструкции допустимо использование аналогичного прилагательного (что недопустимо в императиве):

- ТАГАЛОГ
 (101) *Huwag=ka=ŋ ma-iŋay!*
 ПРОН=2М.НОМ=LK АДЈ-шум
 ‘Не будь шумным!’

В-пятых, в отличие от тагалого (102) в йаттука маркеры прохибитива не могут использоваться в эллиптических конструкциях, где опущен предикат, но сохраняется подлежащее. В таких конструкциях должен использоваться маркер субстантивного отрицания (103):

- ТАГАЛОГ
 (102) *Gamit-in=mo=rin aŋ isip=mo,*
 IMP[использовать-PV]=2М.АСТ=тоже NOM мышление=2М.АСТ
wag aŋ puso.
 ПРОН NOM сердце
 ‘Используй свою голову, а не сердце.’

- (103) *Usal=mu* *iya* *ulu=m,*
 PV.IMP[использовать]=2М.АКТСОМ DET.PROX голова=2М.АКТСОМ
*bokon / *an=tu / *owi / *obuh iya*
 NEG.S NEG.V=3М.АКТСОМ PRON PRON DET.PROX
puhu=m.
 сердце=2М.АКТСОМ
 ‘Используй свою голову, а не сердце.’

Декаузативные глаголы не образуют асимметричных прохитивных конструкций, поскольку также могут образовывать императивные формы, адресатом императива при которых является неакторное подлежащее:

- (104a) *Ko-lutu=ko=lau!*
 PV.IMP[DEC-готовить]=1М.АКТСОМ=уже
 ‘Приговься уже!’
- (104б) *Owi ko-lutu=m ditan!*
 PRON PV.IMP[DEC-готовить]=2М.АКТСОМ MED.OBL
 ‘Не сжарься там!’

Экзистенциальные конструкции в тагалог также обладают конструкционной асимметрией, поскольку в утвердительных конструкциях существует два экзистенциальных предиката — *may* и *mayroon*, второй из которых должен использоваться при наличии следующих за ним энклитик, — а в отрицательных — только один — *wala*. При этом объект, существование которого отрицается, всегда присоединяется к предикату лигатурой =*η*, что происходит в утвердительных конструкциях только при использовании *mayroon* с энклитиками:

- ТАГАЛОГ
- (105а) *May pera=ako.*
 EXIST деньги=1М.NOM
 ‘У меня есть деньги.’
- (105б) *Mayroon=ako=η pera.*
 EXIST=1М.NOM=LK деньги
 ‘У меня есть деньги.’
- (105в) *Wala(=ako)=η pera.*
 EXIST.NEG=1М.NOM=LK деньги
 ‘(У меня) нет денег.’

Оптативная конструкция в тагалоге проявляет особые свойства относительно отрицания, поскольку маркером в ней может быть как маркер стандартного отрицания *hindi*, так и маркер прохибитива *huwag*:

ТАГАЛОГ

- (106) *Sana hindi / huwag <um>ulan tataya.*
 OPT NEG PRON NEUT[<AV>дождь] позже
 ‘Хорошо бы позже не было дождя.’

Сфера действия отрицания в конструкциях с некоторыми псевдоглаголами в тагалоге всегда включает модальное значение вне зависимости от позиции маркера отрицания. Так, с *pwede* ‘возможное’ сфера действия меняется в зависимости от позиции маркера (107а-б), тогда как с *dapat* ‘должное’ сфера отрицания неизменна, отсюда одинаковое значение конструкций (108а) и (108б):

- (107а) *Hindi=ka pwede=ng ?<um>alis.*
 NEG=2М.НОМ возможное=LK NEUT[<AV>уходить]
 ‘Ты не можешь уехать.’

- (107б) *Pwede=ng hindi=ka ?<um>alis.*
 возможное=LK NEG=2М.НОМ NEUT[<AV>уходить]
 ‘Ты можешь не уезжать.’

- (108а) *Hindi=ka dapat ?<um>alis.*
 NEG=2М.НОМ должное NEUT[<AV>уходить]
 ‘Ты не можешь уехать.’

- (108б) *Dapat hindi=ka ?<um>alis.*
 должное NEG=2М.НОМ NEUT[<AV>уходить]
 ‘Ты не можешь уехать.’

Псевдоглагол *dapat* также используется в речи некоторых носителей йаттука как заимствование. При этом, так же как и в тагалоге, сфера действия отрицания не изменяется в зависимости от позиции маркера:

- (109а) *Olog=ka dapat l<um>aw.*
 NEG.V=2М.АКТНОМ должное DEP[<AV>go]
 ‘Тебе не следовало уезжать.’

- (109б) *Dapat olog=ka l(um)aw.*
 должное NEG.V=2М.АСТНОМ DEP[⟨AV⟩go]
 ‘Тебе не следовало уезжать.’

В тагалог некоторые формы, такие как герундии в так называемых временных конструкциях с герундиями (110а) [Schachter, Otones 1972: 159], итеративные герундии (110б) и формы недавно-законченного вида (110в) не могут быть маркированы отрицанием [Santiago, Tadena 2013]:

ТАГАЛОГ

- (110а) **Hindi pag-alis=niya k(um)ain=ako.*
 NEG NMLZ-уходить=3М.АСТ PFV[⟨AV⟩есть]=1М.НОМ
 ‘Когда он не ушел, я поел.’

- (110б) **Nagkasakit=siya // p(in)ag-ka-sakit sa hindi kaka-inom*
 AV[⟨PFV⟩STEM-ACQ-болезнь]=3М.НОМ OBL NEG ITNMLZ-пить
nan gamot.
 GEN лекарство
 ‘Он заболел из-за того, что не пил лекарство.’

- (110в) **Hindi=ko kaka-ratiŋ.*
 NEG=1М.АСТ REC-прибывать
 ‘Он не только что прибыл.’

В тагалог также существует отрицательная суггестивная конструкция, в которой может использоваться только сокращенная форма маркера *hindi-* — *di*:

ТАГАЛОГ

- (111) *Gutom=na=ako. — E di / *hindi kain-in=mo*
 голодный=уже=1М.НОМ SUG NEG NEG NEUT[есть-PV]
aŋ tira=ŋ pagkain.
 НОМ остатки=LK еда
 ‘Я уже голодный. — Так съешь остатки.’

Также тагалог обладает особой отрицательной дезидеративной формой *ayaw*, соответствующей утвердительной форме *gusto* ‘хотеть’ и ее менее частотным синонимам *ibig* и *nais*.

В тували ифугао также существует разделение функций отрицания перфективных и неперфективных форм глаголов между

двумя показателями — *ugge* для перфективного отрицания и *adi* для неперфективного отрицания:

ТУВАЛИ
 (112a) *Ugge=ka* *k<imm>ali*.
 NEG.PFV=2M.ACTNOM <PFV.AV>говорить
 ‘Ты не разговаривал.’

(112б) *Adi=ka* *k<um>ali*.
 NEG.NPFV=2M.ACTNOM NEUT[<AV>говорить]
 ‘Ты не будешь говорить / не говоришь.’

Между данными маркерами происходит дальнейшее распределение функций. Так, *adi*, но не *ugge*, может также маркировать прилагательные наравне с маркером субстантивного отрицания *bokon*:

ТУВАЛИ ИФУГАО
 (113) *Bokon* / *Adi* / **Ugge* *an-tikke* *nan*
 NEG.S NEG.NPFV NEG.PFV ADJ-короткость DET.MED.NOM
pantalon=ku.
 штаны=1M.ACTCOM
 ‘Мои штаны некоротки.’

10. Принципы построения типологии отрицания в филиппинских языках

Приведенные выше примеры показывают, что помещение некоторых филиппинских языков в существующих типологиях отрицания может опираться на неполные данные. Так, тагалог упоминается в [Miestamo 2005: 67–68] как язык с симметричным стандартным отрицанием, однако примеры в разделе 9 позволяют сделать обратный вывод.

Существующие попытки создания типологии отрицания в филиппинских языках не учитывают многих случаев варьирования в системах отрицания конкретных языков. В [Zubiri 2012] филиппинские языки делятся на три группы на основании существования отдельных маркеров для отрицания глаголов, существительных и прилагательных (S обозначает стандартное отрицание, N — именное, A — адъективное):

1. S=N=A (тагалог, итавес, иватан)
2. S=A; N (ифугао, йами)
3. S; N=A (оаснон, стандартный биколь)

Следует заметить, что помещение ифугао во второй тип неверно, так как в тували ифугао, как показано в примере (113), прилагательные могут маркироваться как показателем субстантивного отрицания *bokon*, так и показателем неперфективного глагольного отрицания *adi*.

Приведенные выше факты означают, что данная классификация не учитывает случаи существования разных маркеров с частично совпадающими функциями — как в случае с *olog*, *an* и *bokon* в йаттука и *adi* и *bokon* в тували, — а также существование других маркеров, например, прохибитива, перфективного и неперфективного глагольного отрицания.

Для создания более подробной классификации требуется учитывать все значения маркеров отрицания, встречающиеся по крайней мере в йаттука, тували и тагалог: PFV, NPFV, PRON, ADJ, S, DES, E, EXIST. Системы отрицания йаттука, тували и тагалог тогда могут быть представлены следующим образом:

йаттука *olog*: PFV=NPFV=ADJ=DES; *an*: PFV=NPFV=PRON; *obuh/owi*: PRON; *bokon*: S=ADJ; *ondi*: EXIST; *towwi*: E

тагалог *hindi*: PFV=NPFV=ADJ=S; *huwag*: PRON; *wala*: EXIST; *ayaw*: DES; *ewan*: E

тували *ugge*: PFV; *adi*: NPFV=ADJ=PRON=DES; *bokon*: ADJ=S; *maid*: EXIST; *toan*: E

Таблица 3 представляет соответствие маркеров отрицания во всех трех языках выделяемым функциям.

Таблица 3. Соответствие маркеров функциям отрицания

функция	йаттука	тували	тагалог
S	<i>bokon</i>		<i>hindi</i>
ADJ	<i>bokon/olog</i>	<i>bokon/adi</i>	
NPFV	<i>olog/an</i>	<i>adi</i>	
PFV	<i>olog/an</i>	<i>ugge</i>	
PRON	<i>an/obuh/owi</i>	<i>adi</i>	<i>huwag</i>
EXIST	<i>ondi</i>	<i>maid</i>	<i>wala</i>
DES	<i>olog</i>	<i>adi</i>	<i>ayaw</i>
E	<i>towwi</i>	<i>toan</i>	<i>ewan</i>

Совмещение функции дезидеративного отрицания с другими в одном маркере встречается и в других филиппинских языках, как,

например, в боинон бикол, где маркер *di* используется для глагольного, прохибитивного и дезидеративного отрицания [Zubiri 2014].

Помимо числа маркеров отрицания и выполняемых ими функций необходимо также учитывать следующие сферы, в которых наблюдаются внутриязыковая асимметрия и межъязыковое варьирование: ограничения на видовую парадигму в прохибитиве (возможность использования каких-либо иных форм, кроме императива), ограничения на сочетаемость прохибитива с грамматическими классами (возможность маркирования прилагательных), возможность использования маркера прохибитива в эллиптических конструкциях с опущенным предикатом, возможность прохибитивного маркирования субстантивного предиката в уравнильных конструкциях с императивной конструкцией в позиции подлежащего, конструкционная асимметрия в прохибитивных и экзистенциальных конструкциях (необходимость использования лигатуры и падеж местоименных энклитик и наличие двух утвердительных экзистенциальных предикатов), дополнительные значения видовых форм в отрицательной парадигме (перфект и нейтральная форма модальных глаголов со значением неспособности совершения желаемого действия), локативная конструкция с маркером экзистенциального отрицания, использование маркеров при отрицании в оптативе, частеречная принадлежность маркеров отрицания, сфера действия отрицания с модальными псевдоглаголами, наличие неотрицаемых форм, наличие отрицательной суггестивной конструкции.

Таким образом, следует констатировать, что информация, содержащаяся во многих грамматиках филиппинских языков (напр., дупанинган агта [Robinson 2008], илокано [Rubino 1997], батад ифугао [Newell 1993], тували ифугао [Hohulin, Hohulin 2014], себуано [Tanangkingsing 2009] и др.), равно как и различие конструкций в некоторых вопросниках, используемых для получения сведений по системам отрицания в филиппинских языках, например, вопросник Эрнесто Константино, широко используемый филиппинскими лингвистами в полевой работе, и вопросник в [Veselinova 2014], является недостаточной для точного определения положения языка в такой типологии.

С точки зрения взаимодействия категорий, отрицание в йаттука взаимодействует с регулярным видом, а также наблюдается

тройное взаимодействие отрицания, императива и нерегулярного вида (дуратив / модератив / давно-законченный вид). В тагалого отрицание взаимодействует с регулярным видом, а также наблюдается тройное взаимодействие отрицания с модальностью и регулярным видом и с императивом и регулярным видом.

Некоторые из вышеперечисленных особенностей систем отрицания йаттука, тували и тагалого являются примерами тех редких, согласно [Aikhenvald, Dixon 1998], случаев, когда отрицание делает доступными новые значения либо позволяет использование большего числа форм с одинаковым значением. В йаттука: при отрицании значение перфектива может передаваться двумя формами — перфективной и зависимой; местоимения 1М могут использоваться в формах АСТСОМ и АСТНОМ с глагольным отрицанием с глаголами неакторных залогов и псевдоглаголами, а также в деизидеративной конструкции с опущенным псевдоглаголом *pinhod*. В тували: в глагольных отрицательных конструкциях категория вида получает дополнительное маркирование в показателях отрицания. В тагалого: допустимо использование глаголов и прилагательных в прохибитиве, но только глаголов в императиве; имперфективные формы глаголов могут принимать перфектное значение при отрицании; нейтральные формы модальных глаголов приобретают значение неспособности совершения желаемого действия при отрицании, тогда как в утвердительных конструкциях такие формы в позиции предиката не используются.

Также, как видно из приведенных данных, отрицание является хорошим средством диагностики частеречной принадлежности лексем в некоторых филиппинских языках (см. также [Zubiri 2012]). Так, в йаттука прилагательные, не имея собственного маркера отрицания, тем не менее обладают особой стратегией, так как могут маркироваться показателями субстантивного и глагольного отрицания. Формы недавно-законченного вида проявляют в этом отношении свойства прилагательных. Псевдоглаголы и абилитативные формы, с другой стороны, проявляют глагольные свойства относительно отрицания.

Список условных сокращений

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; 12 — первое и второе лицо; АВ1 — способность совершения действия; АСО — приобретение объекта; АСТ — акторное местоимение или падежный показатель; АСТСОМ — акторное местоименное дополнение; АСТНОМ — акторное местоименное

подлежащее; ADJ — деривационный префикс прилагательного; AV — акторный залог; BV — бенефактивный залог; ORD — порядковая форма числительного; COMP — компаратив; DEC — декаузатив; DEP — зависимая видовая форма; DES — дезидератив; DET — детерминатор; DIST — дистальный демонстратив; DUR — дуратив; E — эпистемическое отрицание; EV — экспириенцерный залог; EXIST — экзистенциальный предикат; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; IND — независимая форма местоимения или маркер независимой позиции; INTENS — интенсив; IPFV — имперфектив; ITER — итератив; ITNMLZ — итеративный герундий; LK — лигатура; LV — локативный залог; M — минимальное число; ManV — залог способа действия; MDR — модератив; MED — медиальный демонстратив; MOD — модальный глагол; NACT — неакторное местоимение или падежный показатель; NACTCOM — неакторное местоименное дополнение; NACTNOM — неакторное местоименное подлежащее; NEG — маркер отрицания; NEUT — нейтральная видовая форма; NM — неминимальное число; NMLZ — герундий; NOM — номинатив; NPFV — неперфективная форма; OBL — косвенный падеж; OPT — оптатив; PaV — залог направления; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRED — предикатная форма или маркер предиката; PREP — препозитивная форма местоимения; PRON — прохибитив; PROSP — проспектив; PROX — проксимальный демонстратив; PRS — личный падежный показатель; PV — пациенский залог; Q — интеррогатив; REC — недавно законченный вид; RV — реципиентный залог; S — субстантивное отрицание; SG — единственное число; SPR — суперлатив; STEM — основообразующий префикс; SUG — маркер суггестивной конструкции; TV — временной залог; US — невидимый демонстратив; V — глагольное отрицание.

Литература

- Алиева 1998 — Н. Ф. Алиева. Типологические аспекты индонезийской грамматики: Аналитизм и синтетизм. Посессивность. М.: Новое тысячелетие, 1998.
- Мальчуков 2003 — А. Л. Мальчуков. «Неудачные комбинации»: типология и правила разрешения конфликтов граммем // В. С. Храковский (ed.). Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2003 г. СПб: Наука, 2003.
- Храковский 1996 — В. С. Храковский. Грамматические категории глагола: опыт теории взаимодействия // А. В. Бондарко (ред.). Межкатегориальные связи в грамматике. СПб: Наука, 1996.
- Храковский 2003 — В. С. Храковский. Грамматические категории глагола: связи и взаимодействие // В. С. Храковский (ред.). Грамматические

- категории: иерархии, связи, взаимодействие: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2003 г. СПб: Наука, 2003.
- Шкарбан 1995 — Л. И. Шкарбан. Грамматический строй тагальского языка. М.: Восточная литература РАН, 1995.
- Aikhenvald, Dixon 1998 — A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Dependencies between Grammatical System // *Language* 74, 1, 1998. P. 56–80.
- Blust 2013 — R. A. Blust. The Austronesian languages. Asia-Pacific Linguistics, Open Access Monographs. Canberra: The Australian National University, 2013.
- Dahl 1979 — Ö. Dahl. Typology of sentence negation // *Linguistics* 17, 1979. P. 79–106.
- De Guzman 1996 — V. P. De Guzman. Lexical categories in Tagalog // *Pan-Asiatic Linguistics: Proceedings of the Fourth International Symposium on Languages and Linguistics*. Vol. 1. Salaya: Mahidol University, 1996. P. 307–96.
- Foley 1998 — William A. Foley. Symmetrical voice systems and precategoricity in Philippine languages // Miriam Butt, Tracy Holloway King (eds.). Proceedings of the LFG 98 Conference: Workshop on voice and grammatical functions in Austronesian languages. Stanford: CSLI, 1998.
- Gallego 2015 — M. K. S. Gallego. Ang mga Nominal Marker ng Filipino at Ivatan // *Daluyan Journal ng Wikang Filipino XXI*, 2015. P. 65–95.
- Haan 1997 — F. de Haan. The interaction of modality and negation: a typological study. New York: Garland Publishing, 1997.
- Himes 1998 — R. S. Himes. The Southern Cordilleran Group of Philippine Languages // *Oceanic Linguistics* 37, 1, 1998. P. 120–177.
- Himmelman 1991 — P. Nikolaus. Himmelman. The Philippine challenge to Universal Grammar. Arbeitspapier Nr. 15 (Neue Folge). Köln: Institut für Sprachwissenschaft, Universität zu Köln, 1991.
- Himmelman 2008 — Nikolaus P. Himmelman. Lexical categories and voice in Tagalog // Peter Austin, Simon Musgrave (eds.). *Voice and Grammatical Relations in Austronesian Languages*. Stanford: CSLI, 2008. P. 247–293.
- Hohulin, Hohulin 2014 — R. M. Hohulin, E. L. Hohulin. *Tuwali Ifugao Dictionary and Grammar Sketch [Special Monography Series 57]*. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 2014.
- Kaufman 2009 — D. Kaufman. Austronesian Nominalism and its consequences: A Tagalog case study // *Theoretical Linguistics* 35–1, 2009. P. 1–49.
- Klimenko 2012 — S. B. Klimenko. Motion Verbs in Tagalog, Ilokano, and Tuwali Ifugao. MA thesis (np). University of the Philippines Diliman, Quezon City, 2012.
- Klimenko, Stanyukovich 2015 — S. B. Klimenko, M. V. Stanyukovich. On the Interference of Tuwali Ifugao, Yattuka and Keley-i Elements in Hudhud.

- Paper presented at the 13th International Conference on Austronesian Linguistics. Academia Sinica, Taipei, Taiwan, 18–23 July 2015.
- Koch, Matthewson — K. Koch, L. Matthewson. The lexical category debate in Salish and its relevance for Tagalog // *Theoretical Linguistics* 35–1, . P. 125–137.
- Kroeger 2014 — Paul Kroeger. Nominal and emphatic negation in Borneo // P. Sercombe, M. Boutin, A. Clynes (eds.). *Advances in research on linguistic and cultural practices in Borneo (A memorial to Peter Martin)*. Phillips, ME: Borneo Research Council, 2014.
- Kroeger 1998 — P. Kroeger. Nouns and verbs in Tagalog: a reply to Foley. Paper presented at the 3rd LFG Conference. Brisbane. 1998.
- Malchukov 2008 — A. L. Malchukov. Constraining syntagmatic interaction of grammatical categories through markedness hierarchies: The case of perfective presents // M. Richards, A. Malchukov (eds.). *Scales [Linguistische Arbeitsberichte 86]*. Leipzig: University of Leipzig, 2008.
- Malchukov 2014 — A. L. Malchukov. Constraining syntagmatic grammeme interaction: A synopsis // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН X*, 3, 2014.
- Miestamo 2005 — M. Miestamo. Standard Negation. The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2005.
- Miestamo 2007 — M. Miestamo. Negation: an overview of typological research // *In Language and Linguistics Compass* 1, 5, 2007. P. 552–570.
- Nagaya 2007 — Naonori Nagaya. Information structure and constituent order in Tagalog // *Language and Linguistics* 8, 2007. P. 343–372.
- Newell 1993 — L. E. Newell. *Batad Ifugao dictionary: With ethnographic notes*. Manila: Linguistic society of the Philippines, 1993.
- Payne 1985 — J. R. Payne. Negation // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description. Vol. I. Clause Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 197–242.
- Reid 2002 — L. A. Reid. Determiners, Nouns, or What? Problems of Analysis of Some Commonly Occurring Forms in Philippine Languages // *Oceanic Linguistic* 41, 2, 2002. P. 295–309.
- Reid, Liao 2004 — L. A. Reid, H. Liao. A Brief Syntactic Typology of Philippine Languages // *Language and Linguistics* 5 (2), 2004. P. 433–490.
- Robinson 2008 — L. C. Robinson. *Dupaningan Agta: Grammar, Vocabulary, and Texts*. PhD Thesis. University of Hawai'i, Manoa, 2008.
- Rubino 1997 — C. R. G. Rubino. *Ilocano Reference Grammar*. PhD Thesis. University of California, Santa Barbara, 1997.
- Santiago, Tadena 2013 — P. J. Santiago, D. A. Tadena. Notes on Kalanguya Verbal Phenomena. Paper delivered at the 23rd Annual Meeting of the Southeast Asian Linguistics Society (SEALS-23). Chulalongkorn University, Bangkok, Thailand, 2013.

- Schachter, Otnes 1972 — P. Schachter, F. T. Otnes. Tagalog Reference Grammar. Berkeley: University of California Press, 1972.
- Stanyukovich 2012 — M. V. Stanyukovich. Ifugao/Kallahan (Kalanguya): issues of grammar and lexica of hudhud and alim rituals oral literature. Paper presented at the 12th International Conference on Austronesian Linguistics. Denpasar, Bali, Indonesia, 2–6 July 2012.
- Stanyukovich 2013 — M. V. Stanyukovich. Epics as a Means to Control Memory and Emotions of Gods and Humans: Ritual Implications of Hudhud Among the Yattuka and Tuwali Ifugao // Nicole Revel (ed.). Songs of Memory in Islands of Southeast Asia. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholar publications, 2013. P. 167–204.
- Stanyukovich, Sytchenko 2016 — M. V. Stanyukovich, G. B. Sytchenko. Poetic Language and Music of the Hudhud Ni Nosi, a Yattuka Funeral Chant, the Philippines. Paper presented at NordMetric Conference. Helsinki, Finland, 25–27 May 2016.
- Tanangkingsing 2009 — M. Tanangkingsing. A Functional Reference Grammar of Cebuano. PhD Thesis. National Taiwan University, Taipei, 2009.
- Veselinova 2014 — Ljuba Veselinova. The Negative Existential Cycle Revisited // Linguistics 52, 2014. P. 1327–1369.
- Veselinova 2013 — L. Veselinova. Negative existentials: a cross-linguistic study // Rivista di Linguistica 25, 1, 2013. P. 107–145.
- Zubiri 2012 — L. A. Zubiri. It's not what you think it is: Syntactic Categories through the lens of Negation. Paper delivered at the 12th International Conference on Austronesian Linguistics (12ICAL). Udayana University, Denpasar, Bali, Indonesia, 2–6 July 2012.
- Zubiri 2014 — L. A. Zubiri. Negation in Bikol Languages. Paper delivered at the First International Conference on Language and Linguistics. Grand Men Seng Hotel, Magallanes, Davao City, 7–8 August 2014.

Д. В. Конёр

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТНОГО КОДА КАРАШЕВСКОЙ СВАДЬБЫ¹

1. Введение

В данной статье рассматривается специфическая ситуация языкового контакта, возникшая в регионе Банат в результате многочисленных миграций, происходивших там на протяжении многих веков и приведших в том числе к образованию микронарода карашевцы. Описание лексического кода переходной обрядности карашевцев (в данном случае — предметного кода традиционной свадьбы) способствует решению важнейшей задачи по изучению симбиотических сообществ в диахроническом и синхроническом плане на Балканском полуострове.

Началом симбиоза славян и романцев на Балканах можно считать VI вв. н. э., когда славянские племена освоили Карпатский регион и продвинулись на территории к югу от Дуная [Нидерле 2013: 7]. Контакты славян с восточнороманским населением были длительными, в результате чего в румынском языке образовался значительный пласт славизмов; многочисленные заимствования из румынского отмечаются и в славянских языках [Клепикова 2005: 156].

Процессы конвергентного развития привели к образованию балканского языкового союза (БЯС) (см., в частности, [Sandfeld 1930: 3–15; Цыхун 1981: 5; Русаков, Соболев 2008]), внутри которого выделяется балкано-славянский фрагмент, иногда рассматриваемый как «союз в союзе» [Цивьян 2008: 27]. Одной из интереснейших этнических групп внутри данного фрагмента балканского языкового ландшафта являются карашевцы

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14–18–01405).

(с.-х. Крашовани, рум. *Saraşoveni*, бан. диал. *cotcoreţi, cocoşi*² — славяноязычные католики, компактно проживающие на территории современной Республики Румыния³ (историческая область Банат) в семи селах, самое крупное из которых — село Карашево. От сербов и других банатских этносов и субэтносов их отличают: архаичный говор; специфический традиционный костюм; сохранившиеся до наших дней, пусть в редуцированном виде, обычаи и традиции, как минимум частично восходящие к их гипотетической прародине [Radan 2000: 28]. Отсутствие точного знания о времени появления карашевцев в Банате, а также об их прародине и причинах миграции послужило почвой для многочисленных теорий, связанных с их этногенезом⁴. Так, многие историки, этнографы и лингвисты XIX в. считали их потомками болгар (Г. Цирбус, Ф. Цёрниг и др.) или сербов (Э. Петрович, Л. Милетич, Т. Трыпча). Российский филолог П. Сырку, один из первых ученых, обративших внимание на славянский микроэтнос Баната, рассматривал их как особую этническую группу. Обращаясь к истории, топонимии и антропонимии карашевцев, Т. Симу приводит аргументы в пользу «славяно-румынского симбиоза с албанскими влияниями» [Simu 1939: 45–88]. Католическое вероисповедание карашевцев послужило поводом относить их к хорватам (П. Власич, С. Крпан) и к чехам (С. Батзария). Не нашла подтверждения теория Й. Сенткларая о том, что карашевцы — потомки албанцев, переселившихся в Банат в 1740 г. В. Туфеску считал, что данный микроэтнос образовался в результате смешения гетерогенных балканских народностей (румын, сербов, болгар, македонцев) и выделился в отдельную группу благодаря долговременному совместному проживанию. Одна из теорий, связанных с многокомпонентностью этногенеза карашевцев, принадлежит М. Томичу (сербский и румынский компоненты). В своих работах Й. Попович, Й. Эрделянович, М. Радан смогли частично обосновать теорию о том, что карашевцы — потомки первых славян, пришедших

² Внутренняя форма *cotcoreţi* ‘петухи, курицы’. По версии Т. Симу, это прозвище связано с обычаем карашевцев, у которых когда-то была только одна церковь в с. Карашево, вставать «с петухами», чтобы успеть на службу [Simu 1939: 137].

³ Карашевцы — не единственная этническая группа румынского Баната, чей говор относится к одной из групп южнославянских диалектов — см. [Flora 1973; Соболев 1995; Jivcovići et al. 1961].

⁴ Далее излагается по [Radan 2000: 48–52].

на Балканы в VII в., поселившихся к северу от Дуная и смешавшихся впоследствии с несколькими «волнами» мигрантов. Самой значительной из них была миграция в XV в. из Старой Сербии, а именно с территории, расположенной между течениями рек Морава и Ресава⁵.

Атрибуция идиома карашевцев также послужила поводом для создания немалого количества самых разных теорий, однако в данном случае факты оставляют меньше простора для интерпретаций: очевидно, что карашевские говоры а) южнославянские по происхождению; б) штокавские; и в) экавские с небольшим количеством поздно появившихся икавизмов. В своей монографии «Карашевские говоры сегодня» Михай Радан, опираясь на полевые данные, собранные им во всех семи селах, а также на сведения, опубликованные ранее Л. Милетичем, Э. Петровичем и П. Ивичем [Miletić 1903; Petrović 1935; Ivić 1981], утверждает, что идиом карашевцев можно назвать архаичным сербским говором, который произошел от раннесредневекового «банатского славянского». Благодаря позднейшим миграциям в область Карашево, прежде всего, сербов-католиков (а также болгар и, возможно, албанцев) он приобрел черты косовско-ресавской и тимокско-лужицкой групп диалектов [Радан 2005: 83–97]⁶. С одной стороны, говору свойственны лексические «языковые реликты», часто сохранившиеся только в устойчивых выражениях или в специальной терминологии:

- ⇒ *prosvet* ‘огонь, костер’, *brnja / bljudo* ‘блюдо’, *slap* ‘слабый’, *indi* ‘где-то в другом месте’, *lud’e* ‘люди’, *ozli* ‘возле’, *sliva* ‘слива’, *vedes / vides* ‘посмотри-ка; будто’, *človik* ‘человек, мужчина’, *vosk* ‘воск’ [Radan 2000: 216];
- ⇒ **um* ‘ум’ в выражениях типа *da mi tane* ‘приходить (мне) на ум’ (< **da mi padne na um*);
- ⇒ *(*p*)*šenica* ‘пшено’ в словосочетании *šinično brašno* ‘пшеничная мука’;
- ⇒ **pleća* ‘спина’ в выражениях типа *leži na pleći* ‘ляг на спину’;

⁵ Подробнее см. [Czirbusz 1913; Czoernig 1857; Petrović 1935; Miletić 1903; Trârsea 1957; Белић 2000; Сырку 1899; Simu 1939; Vlašić 1928; Krpan 1992; Bârbulescu 1939; Szentkláray 1879; Tufescu 1941; Miletić 1903; Ivić 1981; Radan 2000].

⁶ О диалектном членении сербохорватского языкового пространства см. [Белић 2000; Ивић 1985; Ресо 1978; Соболев 1995].

⇒ корень *kras-* в слове *krasonj* ‘початок кукурузы’ [Радан, Ускату 2011: 72–74] и др.

С другой стороны, стоит отметить инновации, появившиеся на различных этапах истории данного сообщества в ситуациях языкового контакта или взаимодействия с соседними или близкими культурами: в основном, румынской (*palarija* ‘шляпа’ от рум. *pălărie*, *kofetarija* ‘кондитерская’ от рум. *cofetărie*, *cinta* ‘цель’ от рум. *țintă*, *skrum(j)era* ‘пепельница’ от рум. *scrumieră*), но и другими, например, венгерской (*šajtvn* ‘кран бочки’ — возможно, от венг. *sajtol* ‘затыкать’ или *sajtó* ‘механический пресс’, *Nermit* — название одного из карашевских сел, *galer* ‘воротник’ от венг. *gallér*, *poprika* ‘паприка; краска’ от венг. *paprika*) [Petrovici 1935: 46; Radan 2000: 93, 204–210]. Румынское влияние на карашевские говоры необходимо рассматривать как в диахронической (многовековое сосуществование с банатским (суб)диалектом румынского языка, возможный румынский компонент в этногенезе карашевцев), так и в синхронической (воздействие языка национального большинства; рост количества смешанных браков в последние десятилетия, влияние румынского телевидения, Интернета и других СМИ) перспективах. Одним из следствий румынского влияния являются многочисленные случаи переключения кодов в ситуации бытового общения (в отличие от ответов на вопросы анкеты)⁷. В основном, нарратив, особенно у старшего поколения, имеет место или на славянском, или на румынском.

Переключение кодов

внутреннее

внешнее

Idi u bukatariju i gledaj u prvi sertar, ne u drugi! U sertar, ne u dolap!..
 ‘Иди на **кухню** и посмотри в первом **ящике**, в первом, не во втором! В **ящике**, не в **шкафу!**..’

A kapara... programiraju kad ću kaparu. Onda se vikne kum, kuma, tetka, baba, un nepot, un verișor, un... **Și ea tot așa. Și se adună mai mulți.**

‘А помолвка... решают, когда будет помолвка. Тогда зовут крёстных, тетю, бабу, **племянников...** И её тоже. И много людей собирается.’

⁷ Переключения на румынский выделены жирным шрифтом.

Особенная языковая ситуация сложилась в селе Ябалча, жители которого признают этническое единство с остальными карашевцами и обладают общей с ними культурой⁸, однако используют румынский язык в повседневной коммуникации. Причины и механизм перехода ябалчан на румынский, если таковой имел место, остаются неизвестными науке. Несмотря на утверждения пожилых ябалчан, что они не говорят по-карашевски, чаще всего информанты показывают прекрасное пассивное владение вторым языком. Проведенный нами анализ ранее неизученной диалектной атрибуции ябалчанского румынского говора показал, что он довольно ожидаемо проявляет больше всего фонетических сходств с банатским диалектом румынского языка, среди которых переход дентальных *t, d* в палатальные аффрикаты (рум. яб. *fraće* ‘брат’, *apropiaće* ‘близкие’ — рум. лит. *frate, apropiate*), смягчение согласных перед *e, i* (рум. яб. *v'erse* ‘(чтобы) пролить’, *petrešer'e* ‘вечер, мероприятие’ — рум. лит. *verse, petrecere*), сохранение архаичного сонанта *ń* (рум. яб. *vińe* ‘приходит’, *ńeamuri* ‘родственники’ — рум. лит. *vine, neamuri*), появление аффрикаты *đ* и фрикативного *ś* из, соответственно, *d* и *s* в позиции перед *e, i* и даже перед *ă* (рум. яб. *điđea* ‘давал’, *đever* ‘дружка’, *ześe* ‘десять’, *atunśea* ‘тогда’ — рум. лит. *dădea, dever, zece, atunci*) [Конёр 2016: 5; Caragiū, Marioţeanu 1975: 146–149; Coteanu 1961: 90–94]. Существует предположение, что учитывая влияние румынского, заметное на всех уровнях карашевских говоров, в Ябалче оно могло привести к «превращению»⁹ местного говора в румынский после длительного периода билингвизма [Radan 2000: 205], однако на данный момент эта теория никак не подтверждена. На вопрос о том, как давно в Ябалче используют румынский язык при общении с односельчанами, мы получаем ответ «всегда». Также от информантов можно услышать историю о том, что когда-то давно (или «в XVIII веке») в их село приехало на сезонные заработки много румын, которые впоследствии там и остались, взяв в жены местных девушек. Если эта история имеет некую связь с реальностью, то, возможно, в данной ситуации наличие румынского компонента в этногенезе карашевцев могло стать

⁸ Мы делаем предварительный вывод об общности культуры ябалчан с другими карашевцами, основываясь на результатах труда лингвистов и этнологов, работавших во всех семи селах и не отметивших существенных различий, а также на материалах наших экспедиций. Подробней см. [Конёр 2016].

⁹ По всей видимости, имеется в виду один из сценариев смены языка.

фактором языкового сдвига. С другой стороны, если в Ябалче этот компонент был более многочисленным и влиятельным, чем в остальных карашевских селах, мы также можем предположить для Ябалчи и сценарий сохранения (румынского) языка [Конёр 2016: 5–7].

Возвращаясь к славянской форме карашевской речи, отметим, что помимо очевидной генетической соотнесенности с диалектными формами южнославянской речи, существенным кажется и вопрос о влиянии литературных славянских языков, прежде всего сербского и хорватского, которое принимало различные формы на протяжении истории сообщества.

	сербский	хорватский
1. образование	диахр.	
2. церковь	—	
3. общественные институты	диахр., синхр.	
4. СМИ		
5. миграции	синхр.	—

1. По свидетельствам как исследователей, так и местных жителей, в карашевских селах зачастую работали учителя, прибывавшие из славянских земель, в том числе из Сербии и Хорватии [Deleanu 1999: 51–62]. В наши дни начальное образование частично по-славянски можно получить во всех карашевских селах, тогда как старшие классы с преподаванием на обоих языках (румынский, хорватский) существуют только в с. Карашево. В школах используются, в основном, хорватские учебники; для младшей школы существуют также пособия, написанные местными учителями.

2. В церквях карашевских сел, включая с. Ябалча, служба ведется на хорватском языке, приближенном к литературной норме. Священнослужители, в основном, проходят обучение в Загребе. По нашему впечатлению, идея о «хорватскости» карашевцев, всё более распространённая среди местных жителей, во многом исходит именно от служителей культа¹⁰.

3. «Союз хорватов в Румынии» — организация, ставшая в последние годы культурным центром карашевцев. Деятельность «Союза», по словам его сотрудников, заключается в сохранении «исторических» веры, культуры и языка. «Союз хорватов» регулярно проводит культурные, спортивные, религиозные мероприятия,

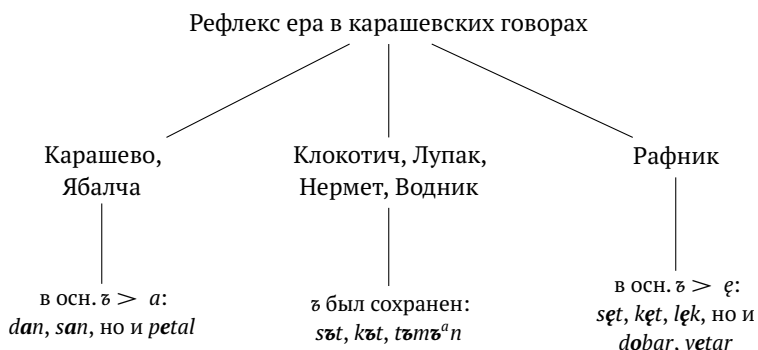
¹⁰ О резком изменении в самосознании карашевцев в конце XX века см. [Радан 2004; Конёр 2016].

лекции, встречи с гостями из Хорватии, семинары по изучению хорватского литературного языка. С 1994 г. один раз в месяц выпускается газета *Hrvatska grančica* («Хорватская веточка»), параллельно на хорватском и румынском языках. Связь сербских культурных институтов с областью Карашево и местным населением выражается на данный момент только в неперIODической публикации книг и научных монографий, тематически связанных с областью, издательством «Союза сербов Румынии» [Союз сербов].

4. Близость к границе с Сербией позволяет местным жителям иметь доступ к сербским телеканалам и радиостанциям. Хорватские издания доступны в библиотеке «Союза хорватов».

5. Несмотря на то что после падения социалистического режима в Румынии основными направлениями трудовой миграции карашевцев стали и остаются страны Западной Европы, отмечается отток рабочей силы и в Хорватию, обусловленный тем, что всё больше местных жителей получает хорватские паспорта. Этот факт также облегчает поступление молодёжи в хорватские вузы.

Отметим, что до XX века внимание учёного сообщества концентрировалось, в основном, на селе Карашево, а остальные 6 карашевских сёл оставались мало исследованными. Если ранее лингвисты говорили о «карашевском говоре» как о едином идиоме, на котором говорят во всех семи селах, то теперь принято обозначение «группа карашевских говоров» [Radan 2000: 5]. Это связано с тем, что данные говоры обладают некоторыми различиями, заметными, прежде всего, на фонетическом и лексическом уровнях. Так, в зависимости от рефлекса эра карашевские говоры делятся на три группы [Radan 2000: 81–82, 207–208]:

Что касается села Ябалча, то вопрос о том, случился ли на неком этапе истории переход на румынский язык, или же там существовал более многочисленный и влиятельный «румынский компонент», наличие которого более чем вероятно для всех карашевцев¹¹ — вопрос, который требует отдельного исследования. Важно то, что говоря о карашевских говорах, необходимо понимать, что один из них — романского, а не славянского происхождения.

2. Предметный код свадьбы и его лексическое оформление

Рассматривая лексику (особо проницаемую для заимствований и влияний), связанную с переходной обрядностью, мы можем проследить как синхронические, так и диахронические процессы, происходившие с языком на протяжении последнего столетия и происходящие в данный момент. Лексика предметного кода свадьбы, особо связанная с традиционной духовной и материальной культурой, позволяет полнее описать свадебный обряд в виде текста, содержащего систему ритуалов, которые имеют свою структуру и семантику [Алефиренко 2010: 16]. Примерами таких ритуалов, зарегистрированных нами в Карашево, могут быть:

- ⇒ торжественный уход невесты из дома, укрытие аксессуаров ее наряда друзьями жениха — *отделение*;
- ⇒ обмен кольцами, трапеза — *включение*;
- ⇒ присутствие на свадьбе всего села — *экономическая и социальная заинтересованность сообщества* в союзе двух его участников;
- ⇒ обязательные дары невесте от семьи жениха в лице будущей свекрови — *компенсация ущерба*;
- ⇒ «проливание воды» — *переход* и др. [ван Геннеп 1989: 7–19, 108–134]¹².

Неизменно важной для «текста» традиционной свадьбы является и достаточно строгая последовательность ритуалов, что отчетливо звучит в рассказах наших информантов. Подготовка к традиционной карашевской свадьбе и само празднование проходили

¹¹ Об этом говорят данные топонимии и ономастики — см., напр., [Simu 1939].

¹² Терминами *отделение*, *включение* и *переход* в этнологии описывают процессы ухода из семьи родителей, создание своей собственной семьи, а также обретение нового статуса в обществе.

в несколько этапов, и на каждом из них совершались определенные действия: сватовство, обмен дарами, решение организационных вопросов (например, договоренность с музыкантами), приготовление еды, нарядание невесты и бритье жениха, венчание, хора¹³, «свадьба у невесты», «свадьба у жениха» и т. д.¹⁴

Далее приведены карашевские термины, записанные нами в экспедициях 2013–2015 г. в с. Карашево, и их румынские соответствия, которыми пользуются румыноязычные карашевцы из с. Ябалча. Данные лексемы обозначают предметы, объекты и орудия, используемые во время празднования и при подготовке к нему.

2.1. Предметы одежды, аксессуары, дары

карашевский	ябалчанский румынский
1. darovi (na kapari) '(помолвочные) дары невесте' общеслав. праслав. * <i>darъ</i> 'дар' [ЭССЯ]; <i>kapara</i> 'деньги в залог' — балканизм ит. происхождения (< <i>caparra</i>) [ERHS] 1971]	daruri от слав. * <i>darъ</i> [DEX 2009; ЭССЯ]
2. kušulja 'рубаха' от лат. <i>casula</i> 'накидка, плащ' [Н]Р]	chimeșă рег. бан.; рум. <i>chămașă</i> < лат. <i>camisia</i> [DEX 2009]
3. čest / čast 'денежный дар' общеслав. праслав. абстракт. лексема * <i>čestъ</i> [ERHS] 1971; ЭССЯ]	șînste рег. бан., рум. <i>cinste</i> 'честность, угощение' < слав. * <i>čestъ</i> [DEX 2009; ЭССЯ]
4. posteljina 'постельное белье' от слав. * <i>sъlati</i> 'стлать' [ERHS] 1971]	patu от нгр. <i>πάτος</i> 'вымощенная дорога' [DEX 2009]
5. haljina 'платье' общеслав. лексема дискус. этим. (на Балк. скорее всего из тур.) [ERHS] 1971]	straîi рег. лексема неизвестного происхождения

¹³ *Хора* (от греч. *χορός* 'танец', болг. *хорó*, макед. *оро*, серб. *коло*, хорв. *kolo*, рум. *horă*, груз. ხორუმი *khorumi*, тур. *horon*, арм. շուրք *shurch par*, ивр. הורה *horah*) — народный танец-хоровод у болгар, македонцев, гагаузов, сербов, хорватов, молдаван, румын, греков, грузин, турок, армян и евреев. Исполняется обычно под аккомпанемент оркестра [Музыкальная энциклопедия 1973–1982].

¹⁴ Подробнее о ритуалах южнославянской, румынской и карашевской свадеб см. [Căliman 2010; Radan Uscatu 2014; Гура 2012; Узенёва 2010].

6. **roklja / suknja** ‘юбка’
рум. *gochie*;
общеслав. праслав. балт. корень
(ср. рус. *сукно*) [HJP]
7. **gaćice** ‘исподнее’
деминутив от *gaće* ‘брюки,
штаны’ [ERHSJ 1971]
8. **zlatni novac** ‘золотая монета’
общеслав. праслав. **zolto*
‘золото’; **nov-* ‘новый’
[ERHSJ 1971]
9. **lanjić** ‘цепочка’
дим. от *lanac*, от болг. *ланец*,
зд. возможно рум. заимст.
[ERHSJ 1971]
10. **ogrljak** ‘ожерелье’
рег., общеслав. праслав. **gьrdlo*
‘горло’ [ЭССЯ]
11. **venac** ‘венец’
общеслав. праслав. *епьсь* ‘веноч’
[ERHSJ 1971]
12. **rese** ‘бахрома, кисти’
общеслав. праслав. **resa*
‘украшение’ [ERHSJ 1971]
13. **marama** ‘шелковый платок’
балк. турцизм [PCXKJ 1967]
14. **kotarica** ‘корзина’
см. рум. рег. *cotăriță*, от
праслав. **košъ* [ERHSJ 1971;
ЭССЯ]
15. **colje** ‘ткани, одежда’
скорее всего через рум. *țoale*
16. **lajber** ‘безрукавка’
см. юж.-
слав. *lajbac / lajbek / lajblec*,
рум. *laibăr*, от сакс. нем. *Leibel*
17. **palarija** ‘шляпа’
от рум. *pălărie*
- rochia / sucnia**
рег. (от серб. *suknja*)
- gace**
рег. (от серб. *gaće*)
- aur / galben**
от лат. *aurum* ‘золото’;
от лат. *galbinus*
‘изжелта-зеленоватый’
[DEX 2009]
- lanțișor**
дим. от *lanț*, от болг. *ланец*
[DEX 2009]
- ogrleac**
ogrljak ‘ошейник’ [ERHSJ 1971;
PCXKJ 1967], в Кар. со значением
нашейного украшения
- sunună**
от лат. *corona* [DEX 2009]
- pentlis / ciucuri**
праслав. **pętyla* [HJP];
арх. рег. *ciuc* [DAR 2002]
- marama de cârpe**
турцизм; от серб. *krpa* [DEX 2009]
- cotariță / coș**
от серб. *kotarica*; от лат. *kossus* или
от слав. **košъ* [DEX 2009; ЭССЯ]
- țoale**
возм. от тур. *çul* через
нгр. *τσόλι / τσούλι* [DER 2001]
- laiber**
рег. вар. рум. *laibăr*
от сакс. нем. *Leibel* [DER 2001]
- pălărie**
возм., от ит. *cappelleria* [DER 2001]

<p>18. dukat ‘дукат’
серб. и хорв. <i>dukat</i>,
рум. <i>ducat</i> < ит. <i>ducato</i>
[DEX 2009; ERHSJ 1971]</p>	<p>galben
от лат. <i>galbinus</i> [DEX 2009]</p>
<p>19. keca ‘фартук’
балк. турцизм, ср. серб. <i>keča</i>,
рум. <i>checea</i> ‘пастуший плащ’
[ERHSJ 1971; DEX 2009], <i>keca</i> ‘вид
рыбачьей сети’</p>	<p>opregu
рег., от серб. <i>opreg</i> [DER 2001]</p>
<p>20. mrčka ‘рубаха невесты’
возм. от слав. <i>mrk</i> ‘коричневый’
[ERHSJ 1971]</p>	<p>chimeșă încrețită ‘оборчатая
рубашка’
рег. бан.;
рум. <i>chămașă</i> < лат. <i>camisia</i>
[DEX 2009]</p>
<p>21. (t)kanic[a/e] ‘пояс’
от общеслав. праслав. *<i>tikati</i>
‘ткать’ [ERHSJ 1971]</p>	<p>brășirile
рег. форма, рум. <i>brăcire</i>
от лат. <i>bracile</i> [DER 2001]</p>

Как показывают примеры из таблицы, большинство карашевских терминов либо имеет славянские (и индоевропейские) корни: (1) *dar*; (4) *posteljina*; (6) *suknja*; (7) *gačice*; (8) *zlatni novac*; (11) *venac*; (12) *rese*, либо заимствовано из румынского: (15) *colje*; (17) *palarija*. Встречаются и типичные для балканских языков немецкие, турецкие, и греческие заимствования, а именно: (1) *kapara*; (5) *haljina*; (13) *marama*; (16) *lajber*; (18) *dukat*; (19) *keca*. Интересны лексемы, очевидно славянские по происхождению, но приобретшие новое значение ((10) *ogrljak*) или образованные специфическим образом ((20) *mrčka*) в карашевском. В ябалчанском румынском (помимо литературных румынских слов вроде (4) *patu*; (8) *aur / galben*; (17) *pălărie*) заметно как значительное количество распространенных в банатском и других диалектах румынского славизмов: (1) *daruri*; (3) *șînste*; (19) *opregu*, так и прямых заимствований из карашевского: (6) *rochia / sucnia*; (7) *gace*; (10) *ogroleac*. Около половины ябалчанских лексем — регионализмы / архаизмы: (2) *chimeșă*; (14) *cotăriță*; (16) *laiber* и др.

2.2. Блюда и напитки на свадебном столе, продукты,
используемые при подготовке трапезы, посуда

карашевский

ябалчанский румынский

1. **vedro rakije** ‘ведро ракии’
праинд., праслав. корень **wed-*;
rakija — балк. турцизм
араб. происхождения
[ERHSJ 1971]

2. **jagneje** ‘ягненок’
от лат. *agnus* [ERHSJ 1971]

3. **jelo presno**
‘свежеприготовленная еда’
общеслав. праслав. корень **je-*
[ERHSJ 1971]; от праслав. и
старослав. *prěsnъ* [HJP]

4. **svadbeni leb** ‘свадебный
каравай’
от праслав. **xlěbъ* возможно,
пришло к славянам от германцев
через балт. яз. [ЭССЯ];
от праслав. **svatъba* > *svat*
[ERHSJ 1971]

5. **rizanci** ‘лапша / пирог’
общеслав. праслав. корень
**rez-* / *riz-* / *rež-* [ERHSJ 1971]

6. **kobasica** ‘колбаска’
общеслав., возможно
праслав. лексема, изначально
деминутив от *kobasa* [ERHSJ 1971]

7. **kotal** ‘казан’
ср. серб. *kotaо*, праслав. и
старослав. *котльъ*:
kotaо < гот. **katils* < лат. *catillus*
[HJP; ЭССЯ]

8. **polonic / bucar** ‘половник’
рум. *polonic* < укр. *полонник*;
рум. *bucătar* ‘повар’ [DEX 2009]

- vadra cu răchie**
от слав. **vědro* [DEX 2009];
рум. *rachiu* (рег. бан. *răchie*) <
тур. *raki* < араб. *araq* ‘пот;
спиртной напиток’
[Marcea et al. 1955–1957]

- miel / mici**
лат. *agnellus*; рум. прил. *mic* со
значением ‘маленький’ (скорее
всего, от лат. *miccus*) [DER 2001]

- măncare proaspătă**
от лат. *manducare*;
от гр. *πρόσφατος* [DEX 2009]

- pită cu prăşinţei / cozonac**
рег., от болг. (или серб.) *пита*;
от болг. *кузунак* [DEX 2009]

- tăieţei**
калька от ит. *tagliatelli*
(гл. *a tăia* < лат. *taliare*)
[DEX 2009]

- cârnać**
от лат. *carnāceus* [DER 2001]

- căldare**
лат. *caldăria* [DER 2001]

- cauc**
рег. форма, рум. *căuș* < лат. *cavus*
[DEX 2009]

<p>9. ćuble / śuble ‘сервиз’
рум. рег. уст. <i>ciublă</i> ‘сосуд’,
возм. от нем. <i>Kübel</i>, но
фонетически необъяснимо
[DER 2001]</p>	<p>farfurii / veselă
нгр. <i>φαρφουρί</i> [DEX 2009];
фр. <i>vaisselle</i> [DEX 2009]</p>
<p>10. malaj ‘пирог из кукурузной
муки’
рум. <i>mălai</i> [DEX 2009]</p>	<p>malai
рум. <i>mălai</i> неизв. этим., возм.,
из дак. [DER 2001]</p>
<p>11. cast ‘жаровня’
рум. рег. [DEX 2009]</p>	<p>țăst
от лат. <i>testum</i> ‘глиняный сосуд’
[DEX 2009]</p>
<p>12. grnčić (kafe) ‘чашка (кофе)’
праслав. *<i>гъпъсагъ</i>; тур. <i>kahve</i>
[Н]Р; ЭССЯ]</p>	<p>ceaun de cafea
тат. <i>ca(h)un</i>, возм. через
укр. <i>ка(в)ун</i>;
от тур. <i>kahve</i>[DEX 2009]</p>

Отметим большое количество архаизмов, как славянского ((5) *rizanci*; (8) *polonic*; (12) *grnčić*), так и восточнороманского ((9) *ćuble*; (10) *malaj*; (11) *cast*) происхождения, зачастую взаимопроникающих между карашевским и ябалчанским наборами лексем. Для последнего характерно большое количество банатских диалектизмов, например: (1) *vadră cu răchie*; (4) *pită cu prășinței*; (10) *malai*; (11) *țăst*.

2.3. Обрядовая лексика

карашевский	ябалчанский румынский
<p>1. burma / prsten ‘кольцо’
рум. рег. <i>burmă</i> [SIN 2002]; от
общеслав. праслав. *<i>ръгъсть</i> ‘палец’
[ERHS] 1971]</p>	<p>inel
лат. <i>anellus</i> [DEX 2009]</p>
<p>2. jabuka ‘яблоко’
от общеслав. праслав. <i>jabolъ</i>
[ERHS] 1971]</p>	<p>măr
лат. <i>melus</i> [DEX 2009]</p>
<p>3. ćerna mačka ‘черная кошка’
от общеслав. праслав. *<i>ćernъ</i>
[ЭССЯ]; возм., от слав. и болг.
имени или от венг. <i>macska</i> или
звукоподр. [ERHS] 1971]</p>	<p>măța neagră
простореч., рег. <i>măță</i> —
звукоподр., лат. <i>niger</i> [DEX 2009]</p>
<p>4. ćep od brada ‘еловая ветка’
от старослав. и болг. <i>чепоръ</i> ‘ветвь’
[ERHS] 1971]</p>	<p>creangu de brad
от болг. <i>гранка</i> [DEX 2009]; возм.
из алп. субстрата, см. алб. <i>bradh</i>,
<i>bredh</i> [DER 2001]</p>

<p>5. steg ‘знамя’
от праслав. *<i>stęǵь</i>, *<i>stęǵь</i> или
через рум. <i>steag</i> < рус. <i>стяг</i>
[ERHS] 1971]</p> <p>6. ciutura ‘литровый сосуд для
ракии’
от рум. <i>ciutura</i> ‘колодезное ведро’</p> <p>7. krža ‘палка с крюком’
ср. рум. <i>cârjă</i> индоевр.,
неизв. этим., возм., от слав. *<i>kryži</i>
‘крест’ ([DEX 2009]; румыны
позаимствовали у юж. слав. или
юж. слав. у средневековых вlahов
[ERHS] 1971])</p> <p>8. štap ‘древко’
от нем. <i>Stap</i> [ERHS] 1971]</p> | <p>steagu
слав. *<i>stęǵь</i> [DEX 2009]</p> <p>šutura
рум. <i>ciutura</i>, от лат. <i>cytola</i>
[DEX 2009]</p> <p>băt
индоевр., неизв. этим., возм.,
слав. или лат. [DEX 2009]</p> <p>băt
индоевр., неизв. этим., возм.,
слав. или лат. [DEX 2009]</p> |
|--|--|

Пункты (5) *steg* и (7) *krža* демонстрируют характерное для Баната и всего Балканского полуострова явление множественной или в случае (4) *šep od brada* — неясной этимологии, а также трудность в установлении первоисточника заимствования. Так, лексема *steg* в карашевском могла появиться в качестве румынского заимствования, или же развиться напрямую из праславянского **stęǵь*, а слово *krža* / *cârjă* проникло из вlahского в славянский или наоборот, вероятно, еще в Средние века [ERHS] 1971: 218]. В данной лексической группе заметно наличие своей лексемы в каждом из двух говоров. Эти лексические соответствия используются информантами при перекодировании сообщения на второй язык.

2.4. Музыкальные инструменты

карашевский	ябалчанский румынский
<p>1. akordeon ‘аккордеон’
ср. серб., хорв. <i>akordeon</i>,
болг. <i>акордеон</i>,
рум. <i>acordeon</i> < нем. <i>Akkordeon</i>
[ERHS] 1971]   2. violin ‘скрипка’
итальянизм, на Балк. через
нем. или непосред. [ERHS] 1971]   3. klarinet ‘кларнет’
итальянизм, на Балк. через
нем. или непосред. [ERHS] 1971]</p>	<p>cordion
рег. форма, общерум. <i>acordeon</i>
из фр. <i>accordéon</i> или
нем. <i>Akkordeon</i> [DEX 2009]   lăute
нгр. <i>λαύτο</i> или тур. <i>lâuta</i>
[DEX 2009]   clarinet
фр. <i>clarinette</i> [DER 2001]</p>

4. **bronka** ‘контрабас’
от рум. рег. *broancă*

broancă / contrabas
рег., неизв. этим., возм.
лат. **bromica*; или слав. **brǫkъ*
[DER 2001]; фр. *contrebasse*
[DEX 2009]

Среди названий музыкальных инструментов, которые использовались во время традиционной карашевской свадьбы, большинство — итальянского или западноевропейского происхождения. На их фоне выделяется слово *bronka / broancă*, которое могло появиться в карашевском под влиянием банатского румынского, но поскольку в румынском языке этимология этого слова неясна, возможен и вариант его появления из некоего (славянского) идиома-субстрата, распространенного на территории нынешнего Баната. Ябалчанские названия музыкальных инструментов (как и традиционно-транспортного средства в разделе 2.5) практически идентичны карашевским.

2.5. Транспорт

карашевский

ябалчанский румынский

<p>1. kočija ‘двухместная повозка’
во всех слав. яз. и в большинстве европ. (ср. рум. <i>code, cocîș</i>, нем. <i>Kutsche</i> и т. д.), возможно, от венг. топонима <i>Kocs</i>, жители которого стали использовать такие повозки в 15–16 вв. [ERHSJ 1971]</p> | <p>koșia
рег. лексема</p> |
|---|--------------------------------------|

Карашевскую лексику, приведенную выше, можно разделить на несколько основных групп:

1. слова, пришедшие на Балканы из европейских языков (источники заимствований достаточно стандартные для языков Балканского полуострова, т. е. главным образом немецкий, венгерский, итальянский, французский и др.): *štap, akordeon, clarinet, kočija* и др.;

2. балканские турцизмы: *haljina, marama, keca, rakija, kafa* и др.;

3. румынские заимствования (важно отметить, что значительная их часть — это банатские регионализмы и / или устаревшие слова): *roklja, ćuble, malaj, cast, ćutura* и др.;

4. лексемы, находящие свое соответствие в некотором (-ых) южнославянском (-их) идиоме (-ах): *kušulja, vedro, jagnje, rizanci, jabuka* и др.

Собранные нами ябалчанские (румынские) термины также представляют собой достаточно неоднородный пласт лексики. Помимо общерумынской лексики (*pălărie, chimeşă, patu, aur, galben* и др.), два его основных компонента — это банатские регионализмы и архаизмы (*ţoale, şutură, cauc*), а также лексемы славянского происхождения. Частично эти славизмы представляют собой прямые заимствования из карашевского (*ogrleac, gace, sucnia*), частично — заимствования из славянских языков, распространенные на значительно более широких ареалах, не ограниченных регионом Банат (*dar, opreg, creangu, lanţişor*).

Этимология некоторых терминов (*kotarica/cotariţă, lajber/laiber bronka/broancă, opregu, krža, kočija/koşia*) и путь их появления в славянском или румынском коде карашевской свадьбы не поддается однозначной трактовке. Принимая во внимание условия многовекового симбиоза романского и славянского населения на территории Баната, мы не всегда можем (и считаем релевантным) говорить об элементах лексического кода традиционной свадьбы как о строго «романских/румынских» или «славянских/карашевских» по происхождению, их анализ, однако, помогает сделать вывод о характере и интенсивности этого симбиоза в микрорегионе Карашево. С одной стороны, карашевцам удалось сохранить свою идентичность (или, точнее, национальную консолидацию, учитывая неоднократные изменения в видении проблемы карашевской идентичности как «изнутри» сообщества, так и со стороны ученых [Creţan et al. 2014; Радан 2004]) в условиях объективно высокого риска ассимиляции. С другой стороны, как диахронические (большое количество «старых» румынских заимствований; возможный переход части группы на румынский язык), так и синхронические («новые» заимствования; смешение кодов; тенденция к лучшему владению румынским по сравнению с карашевским, заметная у среднего и младшего поколений) языковые данные указывают на непрерывность славяно-романского языкового контакта в микрорегионе Карашево, менявшего свой характер на разных этапах истории под влиянием экстралингвистических факторов.

3. Заключение

Несмотря на то что карашевцев можно считать достаточно изолированным микроэтносом, процессы глобализации и интенсивных контактов затрагивали его на протяжении всей истории. С конца XX века карашевские обычаи и говоры подвергаются значительной

редукции. Это явление касается и предметов, перешедших из разряда обрядовых в бытовые или фольклорные. Их использование больше не имеет сакральной важности, являясь скорее данью уважения обычаям предков. Вместе с обозначаемым постепенно исчезает и обозначающее — диалектная лексика. Только в памяти старшего и отчасти среднего поколения местных жителей ещё живы понятия и явления традиционной культуры, которые, отражаясь в языке, способны прояснить многое в истории и культуре карашевцев, и, возможно, дать ответы на более широкий круг вопросов, связанных с балканославянской диалектологией и языковыми контактами славянского и романского населений Балканского полуострова.

Важным для решения этих научных проблем мы считаем и «феномен Ябалчи». Информация, собранная этнологами и лингвистами, как и записанные нами интервью на тему свадебной обрядности, показывают, что несмотря на незначительные отличия, обрядность традиционной свадьбы в Карашево, Ябалче и других селах микрорегиона едина. Важнейшим фактором культурного единства карашевских сел является католическая религия, отличающая их жителей от окружающего румынского населения. Анализируя карашевский и ябалчанский наборы лексем, связанных с традиционной свадьбой, мы приходим к выводу о том, что между элементами этих наборов существуют одно-однозначные соответствия. При этом, если первый — в известной степени «автохтонный», т. е. сохранил свое славянское ядро несмотря на многочисленные влияния, то второй кажется чем-то вроде «симбиотического» кода, возникшего в результате тесного взаимодействия банатского диалекта румынского с карашевским говором (этот тезис могло бы подтвердить обнаружение дополнительных исторических данных о Ябалче и о миграциях в микрорегионе). В случае двуязычной лексической подсистемы свадьбы и её предметного кода нельзя говорить о двух несвязанных между собой наборах лексем; их элементы «взаимопроникают» таким образом, что становится очевидно: перед нами не просто заимствования в результате многовековых языковых контактов, а единый культурный код, представленный в виде двух различных, но тесно связанных между собой языковых воплощений.

Список сокращений

абстракт. — абстрактный; алп. — альпийский; араб. — арабский; арх. — архаичный; балк. — балканский; Балк. — Балканы; балт. — балтийский; болг. — болгарский; венг. — венгерский; возм. — возможно; гл. — глагол; гот. — готский; дак. — дакийский; диахр. — в прошлом; дискус. этим. — дискуссионная этимология; европ. — европейский; заимст. — заимствование; звукоподр. — звукоподражание; зд. — здесь; ит. — итальянский; Кар. — Карашево; лат. — латинский; нгр. — новогреческий; нем. — немецкий; общеслав. — общеславянский; праинд. — праиндоевропейский; праслав. — праславянский; прил. — прилагательное; рег. бан. — региональный банатский; рум. лит. — румынский литературный; рум. яб. — румынский ябалчанский; сакс. нем. — саксонский немецкий; серб. — сербский; синхр. — в настоящем; слав. — славянский; старослав. — старославянский; тур. — турецкий; укр. — украинский; фр. — французский; хорв. — хорватский; юж. слав. — южнославянский

Литература

- Алефиренко 2010 — Н. Ф. Алефиренко. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2010.
- Белић 2000 — А. Белић. О дијалектима // Изабрана дела Александра Белића. Т. 10. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2000.
- ван Геннеп 1989 — А. ван Геннеп. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1989.
- Гура 2012 — А. В. Гура. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012.
- Ивић 1985 — П. Ивић. Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје књ. 2. Нови Сад: Матица српска, 1985.
- Клепикова 2005 — Г. П. Клепикова. Стратификация славянских заимствований в румынских диалектах // Исследования по славянской диалектологии 5, 2005.
- Конёр 2016 — Д. В. Конёр. Феномен села Ябалча в регионе Карашево, Румыния. Доклад, прочитанный на XLV Международной филологической конференции. Санкт-Петербург, 2016.
- Музыкальная энциклопедия 1973–1982 — Ю. В. Келдыш (ред.). Музыкальная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия — Советский композитор, 1973–1982. (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_music/8201/%D0%A5%D0%BE%D1%80%D0%B0)
- Нидерле 2013 — Л. Нидерле. Славянские древности. М.: Новый Акрополь, 2013.

- Радан 2004 — М. Радан. Узроци колебања Карашевака при етничком опредељивању // Биљана Сикимић (уред.). Скривене мањине на Балкану. Београд: Српска академија наука и уметности, Балканолошки институт, 2004.
- Радан 2005 — М. Радан. Карашевские говоры — особый язык или говор какого-то южнославянского языка? // А. Н. Соболев, А. Ю. Русаков (ред.). Языки и диалекты малых этнических групп на Балканах: материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 11–12 июня 2004 г. СПб — Мюнхен: Biblion Verlag, 2005.
- Радан, Ускату 2011 — М. Н. Радан, М. Л. Ускату. Карашевски лексички реликти конзервисани у појединим скамењиним облицима, устаљеним синтагмама и у терминима изведеним од основних ишчезлих лексема // *Romanoslavica XLVII*, 1, 2011.
- РСХКЈ 1967 — Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад — Загреб: Матица Српска — Матица Хрватска, 1967.
- Русаков, Соболев 2008 — А. Ю. Русаков, А. Н. Соболев. Субстанцијално-функционална теорија балканског језиковог сојуза и славјанске језике. Доклад к XIV Међународном сјезду славистов. Охрид, Македонија, 10–16 септембра 2008 г. Санкт-Петербург: Наука, 2008.
- Соболев 1995 — А. Н. Соболев. О неким јужнословенским говорним оазима у источној Србији, западној Бугарској и Румунији (Вратарница, Ново село, Свиница) // Т. Бекић (уред.). Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XXXVIII/2. Нови Сад, 1995.
- Сојуз сербов — Сојуз сербов Румуније. (<http://savezsrba.ro/kultura-i-obrazovanje>)
- Сырку 1899 — П. А. Сырку. Наречие карашевцев (говор болгаро-сербского переходного типа в округе г. Речица) // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 4. Кн. 2. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1899.
- Узенёва 2010 — Е. С. Узенёва. Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М.: Индрик, 2010.
- Цивьян 2008 — Т. В. Цивьян. Язык: тема и вариации. Избранное I. М.: Наука, 2008.
- Цыхун 1981 — Г. А. Цыхун. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск: Наука и техника, 1981.
- ЭССЯ — О. Н. Трубачёв, А. Ф. Журавлёв (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–37. М.: Наука, 1974–.
- Bărbulescu 1939 — I. Bărbulescu. Caraşovenii din Banat sânt sârbo-croaţi nu cehi // *Arhiva: Organul Societăţii Istorico-Filologice din Iaşi* 1–2, XLVII, 1939.
- Căliman 2010 — I. Căliman. Ceremonialul riturilor de trecere. Vol. 2. Nunta. Timişoara: Excelsior Art, 2010.

- Caragiu, Marioțeanu 1975 — M. Caragiu Marioțeanu. Compendiu de Dialectologie Romînă. Bucuresti: Editura Stiintifica și Enciclopedica, 1975.
- Coteanu 1961 — I. Coteanu. Elemente de dialectologie a limbii romîne. București: Editura Științifică, 1961.
- Crețan et al. 2014 — R. Crețan, P. Kun, L. Vesalon. From Carasovan to Croat: The “ethnic enigma” of a (re)invented identity in Romania // Journal of Balkan and Near Eastern Studies 16 (4), 2014.
- Czirbusz 1913 — G. Czirbusz. A Temes és Torontálmegyei Bolgárok. A Krassós-zörényi Krassovánok. Budapest: Élet, 1913.
- Czoernig 1857 — F. Czoernig. Etnografie der Oesterreichisen Monarchie. Viena: K.-K. Hof- und Staatsdruckerei, 1857.
- DAR 2002 — Gh. Bulgăr, Gh. Constantinescu-Dobridor (eds.). Dicționar de arhaisme și regionalisme. București: Saeculum Vizual, 2002.
- Deleanu 1999 — M. M. Deleanu. Însemnări despre Carașoveni. Reșița: Banatica, 1999.
- DER 2001 — A. Ciorănescu. Dicționarul etimologic român (DER). București: Editura Saeculum I. O., 2001.
- DEX 2009 — I. Coteanu, L. Seche, M. Seche. Dicționarul explicativ al limbii române (ediția a II-a revăzută și adăugită). București: Academia Română, 2009.
- ERHSJ 1971 — P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1971.
- Flora 1973 — R. Flora. Dijalektološke razlike u govorima banatskih Rumuna, odraz njihovog porekla // Etnološki pregled 11, 1973.
- HJP — Хорватский языковой портал. (<http://hjp.znanje.hr>)
- Ivić 1981 — P. Ivić. Klokotič, Svinica // Fonološki opisi srpskohrvatskih hrvatskosrpskih and slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1981.
- Jivcovići et al. 1961 — M. Jivcovići, B. Berici, V. Vescu. O srpskim i hrvatskim govorima u Banatu // Novi život II, , 1961.
- Krpan 1992 — S. Krpan. Portreti rumunskih Hrvata. Zagreb: Hrvatski sabor kulture, 1992.
- Marcea et al. 1955–1957 — D. Marcea, E. Petrovici, A. Rosetti. Dicționarul limbii române literare contemporane, 4 vol. București: Editura Academiei R. P. Romîne, 1955–1957.
- Miletić 1903 — L. Miletić. Über die Sprache und die Herkunft der sog. Krašovanner in Süd-Ungarn // Archiv für slavische Philologie 25, 1903.
- Peco 1978 — A. Peco. Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd: Naučna knjiga, 1978.
- Petrovici 1935 — E. Petrovici. Graiul carașovenilor. Studiu de dialectologie slavă meridională. București, 1935.

- Radan 2000 — M. Radan. Graiurile carașovene azi. Fonetica și fonologia. Timișoara: Uniunea Sârbilor din România, 2000.
- Radan Uscatu 2014 — M.-R. Radan Uscatu. Botezul, nunta și funeraliile la carașoveni. Timișoara: Universităţii de Vest, 2014.
- Sandfeld 1930 — K. Sandfeld. Lingvistique balkanique: problèmes et résultats. Paris: C. Klincksieck, 1930.
- Simu 1939 — T. Simu. Originea crașovenilor. Studiu istoric și etnografic. Lugoj: Tipografia „Corvin”, 1939.
- SIN 2002 — M. Seche; L. Seche. Dicționar de sinonime. București: Litera Internațional, 2002.
- Szentkláray 1879 — J. Szentkláray. Száz év Dél-Magyarország újabb történetéből. Timișoara: Temesvárott, 1879.
- Trâpcea 1957 — T. N. Trâpcea. Crașovenii, o mărunță populație din țara noastră. De unde și când au venit? // Revistă de istorie 6, 1957.
- Tufescu 1941 — V. Tufescu. O mărunță populație în Banat: Crașovenii // Balcania IV, 1941.
- Vlašić 1928 — P. Vlašić. Hrvati u Rumunjskoj. Putopisno povijesne crtice s narodnim običajima. Štamp. D. Gregorića, 1928.

П. А. Кочаров

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ДРЕВНЕАРМЯНСКАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ С UNEL 'ИМЕТЬ'¹

1. Введение

Одной из ареальных черт языков Европы является аналитический перфект, образованный с помощью личных форм глагола 'иметь' и причастия смыслового глагола [Haspelmath 2001: 1495]. Данные романских и германских языков позволяют проследить этапы грамматикализации от сочетания переходного глагола 'иметь', прямого дополнения и зависимого атрибутивного причастия к монопредикативной аналитической конструкции, в которой глагол 'иметь' полностью утрачивает свое лексическое значение. Семантика состояния обладания, возникшего после завершения события, выраженного причастием, мотивирует появление у исходной посессивной конструкции результативного значения с возможностью дальнейшего перехода в аналитический результативный перфект, допускающий непереходные употребления, и далее в показатель претерита. В исходной посессивной конструкции глагол и причастие могут иметь разные логические субъекты. Однако для возникновения аналитического перфекта, по-видимому, необходимыми являются употребления, в которых логический субъект глагола 'иметь' и причастия совпадают, в результате чего смысловой глагол и причастие оказываются в большей степени грамматически связанными. Переходу посессивной конструкции в аналитический перфект часто сопутствует утрата причастием согласовательных свойств [Nopper, Traugott 2003: 62–65].

При том, что аналитический перфект с 'иметь' широко распространён в современных языках индоевропейской семьи, он плохо засвидетельствован для древних индоевропейских языков.

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 14–04–00394. Автор выражает благодарность анонимному рецензенту за ценные замечания.

Вопрос об источнике этой ареальной изоглоссы остается предметом дискуссии. Основное внимание сосредоточено на данных древнегреческого и латинского языков: у классических древнегреческих авторов хорошо засвидетельствован аналитический перфект $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu$ + активное аористное причастие; в новозаветном койне представлена менее грамматикализованная результативная конструкция $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu$ + прямое дополнение + медиопассивное перфектное причастие [Aerts 1965; Moser 1988]², в классическом латинском — *habere* + прямое дополнение + пассивное перфектное причастие (уже у Плавта) [Pinkster 1987]. Согласно одной из точек зрения, именно греческий язык послужил источником для распространения причастных оборотов с ‘иметь’ главным образом за счет переводов Библии. Так, например, результативная конструкция $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu$ + прямое дополнение + медиопассивное перфектное причастие буквально калькируется в латинском, готском и старославянском переводах Нового Завета [Drinka 2011]. Дальнейшая грамматикализация результативной конструкции в аналитический перфект в поздней латыни и ее распространение в разговорной латыни, по-видимому, является источником аналитического перфекта с ‘иметь’ в романских и германских языках и опосредовано в других языках Европы [Drinka 2003; 2007; Ramat 2008].

Традиционно появление древнегреческих причастных конструкций с $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu$ считается инновацией, связанной с угасанием в этом языке унаследованной из праиндоевропейского категории синтетического перфекта, противопоставленного презенсу и аористу. Однако тот факт, что конструкции с ‘иметь’ обнаруживаются в хеттском языке [Hoffner, Melchert 2008: 310; Shatskov 2012], может служить основанием для гипотезы о более древней ареальной изоглоссе, объединяющей Грецию и Западную Анатолию I тыс. до н. э.

Для обсуждения вопроса об ареале распространения результативной конструкции и аналитического перфекта с ‘иметь’, а также об источнике и хронологии их возникновения важно отметить, что в древнеармянском языке засвидетельствована конструкция *inel* ‘иметь’ + прямое дополнение + причастие прошедшего времени [Абраамян 1953: 349; Абраамян 1976: 223; Weitenberg 1986: 24].

² О конструкции с $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu$ в позднем койне см. [Кисилиер 2016].

Эта конструкция формально очень похожа на конструкцию, состоящую из того же причастия прошедшего времени и бытийного глагола (об аналитическом перфекте см. [Kölligan 2013] с литературой), ср. (1) и (2):

- (1) *Ew or-k'* *ēin* *bṛnac'-eal*
 и который-PL.NOM **быть**.IPF.3PL **захватывать**-PST.PTC.SG.NOM
zaiaġinn sanrac'uc'-i *nos'a ...*
 прежде отягощать-AOR.1SG он.PL.GEN/DAT
 ‘А те, которые **были областеначальниками** прежде, тех я отяготил...’
 (Неем 5:15)
 ср. καὶ τὰς βίας τὰς πρώτας ἅς πρὸ ἐμοῦ ἐβάρυναν ἐπ' αὐτοῦς. . . ‘А прежние областеначальники, которые были до меня, отягощали народ’³

- (2) *z=erkir=n* *y=iwr* *vtar-eal,*
 OBJ=страна.SG.ACC=DEF *k=cam.SG.ACC* отделить-PST.PTC.SG.NOM
bṛnac'-eal *un-ēr*
захватывать-PST.PTC.SG.NOM **иметь**-IPF.3SG
 ‘... заняв страну, [Мушер] **удерживал** ее.’
 (Фавстос Бузанд, [Yegavian 2003: 377])

В аналитических конструкциях с бытийным глаголом и причастием переходного глагола логический субъект обычно маркируется генитивом, ср. (3). Таким образом, бытийный глагол может быть употреблен как при переходном, так и при непереходном смысловом глаголе. Тем самым выражение переходности, являющееся, например, характерной особенностью аналитического перфекта со вспомогательным глаголом ‘иметь’ в языках европейского ареала, едва ли определяет выбор вспомогательного глагола причастной конструкции в древнеармянском.

³ Армянские контексты цитируются по следующим изданиям: Ветхий Завет — [Zohrapéan (ed.) 1805], Новый Завет — [Künzle 1984], остальные тексты — [Yegavian 2003]. Греческий текст Ветхого Завета цитируются по www.academic-bible.com, Нового Завета — по www.nestle-aland.com. Автор статьи приводит свой подстрочный перевод древнеармянских контекстов на русский язык. Для греческих контекстов приводится синодальный перевод.

- (3) *or-oc'* **tes-eal** *ēr*
 который-PL.GEN **видеть-PST.PTC.SG.NOM** **быть.IPF.3SG**
z=tačar=n...
 OBJ=храм.SG.NOM=DEF
 '...которые [священники] **увидели** храм...' (2Ездр 5:63)

М. Минассян [Minassian 1980: 90–91] предложил выделять наряду с *unel* целый ряд «полу-вспомогательных» глаголов, способных выступать в роли контекстной замены бытийного глагола в составе аналитического перфекта (*goy* 'существовать', *gtanel* 'находиться', *dnel* 'быть расположенным', *erewel* 'казаться' и др.). Сюда же можно отнести причастный оборот с *kal* 'стоять; находиться; иметься', представленный единичными примерами в Библии и у армянских авторов [Meillet 1910: 112], ср.:

- (4) *ałač'-em* *z=k'ez* **ka-l** *z=is*
 молить-PRS.1SG OBJ=ты.SG.ACC **находиться-INF** OBJ=я.SG.ACC
hražar-eal
прощать-PST.PTC.SG.NOM
 'Молю тебя простить меня.' (Лк 14:18)

Вопрос о грамматическом статусе таких сочетаний заслуживает отдельного рассмотрения. На наш взгляд, оборот с *unel* представляет особый интерес в свете теории происхождения перфекта с 'иметь' в языках европейского ареала. Появление оборота с *unel* могло быть вызвано как внутриязыковыми процессами, так и влиянием греческой литературной традиции через перевод Библии. Наконец, в свете хеттских данных следует иметь в виду возможность локальных малоазийских ареальных влияний на армянский язык. Несмотря на актуальность древнеармянских данных для изучения перфекта с 'иметь', они не были, насколько нам известно, предметом специального исследования. Целью данного исследования является описание конструкции с *unel* в следующих древнеармянских текстах (далее — корпус исследования): Библия, «Житие Маштоца» Корюна, «История Армении» Агафангела, «Опровержение лжеучений» Езника Кохбацы, «Истории Армении» Фавстоса Бузанда, «История Армении» Лазара Парпеци, «Слово о войне армянской» Егише, «История Армении» Мовсеса Хоренаци.

Сразу следует отметить, что в корпусе исследования нами были обнаружены только переходные употребления причастного

оборота с *unel*. Это не позволяет говорить о существовании в древнеармянском продуктивного аналитического перфекта с ‘иметь’. Определение степени грамматикализации конструкции с *unel* предполагает учет формальных и семантических критериев.

Формальные критерии — порядок слов и согласование причастия с субъектом или прямым дополнением — ненадежны. Как показывает пример аналитического перфекта с бытийным глаголом, статус которого как грамматической формы глагола не вызывает сомнений, наряду с базовым порядком [причастие + связка] встречаются многочисленные отклонения, при которых два компонента конструкции могут употребляться в обратном порядке следования и/или располагаться в предложении дистантно [Lyonnnet 1933]. Таким образом, и в случае с конструкцией с *unel* едва ли следует искать в наличии или отсутствии жесткого порядка слов признаки грамматикализации.

Выступая в роли определения к прямому дополнению (безотносительно к конструкции с *unel*), причастие может согласовываться (5), а может и не согласовываться с ним в числе (6) и выступать в форме номинатива-аккузатива с нулевым окончанием [Minassian 1980: 72–74], ср.:

- (5) *tes-eal* **z=ogi-s** *tanĵanawor-ac'=n*
 видеть-PST.PTC.SG.NOM **OBJ=душа-PL.ACC** мученик-PL.GEN=DEF
neġ-eal-s *i dĵox-s*
страдать-PST.PTC.PL.ACC в ад-PL.LOC
 ‘...увидев души мучеников, страдающих в аду...’
 (Езник, [Yegavian 2003: 505])

- (6) *tesan-emk'* *erku-s* **ar-s** *miazgi-s,*
 видеть-PRS.1PL два-PL.ACC **мужчина-PL.ACC** подобный-PL.ACC
ənd mimean-s **grġ-eal**
 с вместе-PL.ACC **возмущенный-PST.PTC.SG.ACC**
 ‘Мы видим двух похожих людей, возмущенных друг другом.’
 (Езник, [Yegavian 2003: 436])

Таким образом, наличие / отсутствие согласования причастия и прямого дополнения, по-видимому, также не может считаться надежным критерием для оценки степени грамматикализации посессивной конструкции в результативную конструкцию либо аналитический перфект.

Наряду с упомянутыми формальными критериями и с учетом их ограничений при оценке степени грамматикализации причастного оборота с *unel* кажется важным учитывать, ограничено ли употребление этой конструкции каким-либо лексическим классом предикатов или оно характеризуется относительно свободной сочетаемостью с предикатами разных классов. Так, например, если выяснится, что большинство предикатов, выраженных этим оборотом, характеризуются семантикой обладания, степень грамматикализации следует признать низкой. При этом следует отметить сложность объективной оценки выраженности резульативного компонента, связывающего то или иное сочетание с *unel* в монопредикативную единицу.

Ниже описаны особенности употребления оборота с *unel* в тексте Библии с учетом возможного влияния греческого оригинала (Раздел 2)⁴ и в ряде оригинальных древнеармянских текстов (Раздел 3).

2. Конструкция с *unel* в переводе Библии

2.1. Причастие + *unel* при общем логическом субъекте

Данный оборот передает греческое презентное причастие (Нав 3:3, 4:10, 4:18; 1Езд 4:20; 2Езд 4:14), активное перфектное причастие (Быт 40:10), аорист индикатива (Нав 4:16), презенс индикатива (1Мак 14:17), презенс императива (1Мак 15:28), презентное причастие *ἔχων* (1Кор 11:4), сочетание личной формы *ἔχων* с медиопассивным перфектным причастием (Лк 19:20). В ряде контекстов (Откр 17:7; 2Мак 15:13) греческое соответствие отсутствует. См. Таблицу 1⁵.

Как видно из представленных контекстов, в большинстве случаев употребление причастного оборота с *unel* не является калькой с греческого. Его использование для передачи причастий и личных форм индикатива презенса и аориста указывает на его автономный статус в древнеармянском языке и наличие у него самостоятельных грамматических значений.

⁴ В настоящей работе не учтены данные сирийской версии Библии, с которой был выполнен первый перевод части Библии на армянский язык; при анализе мы опираемся на армянскую редакцию и перевод ранее не переведенных фрагментов, которые были выполнены с греческого образца в первой половине V века [Сох 2015].

⁵ В таблицах 1–3 приводится синодальный перевод библейских контекстов, которые в ряде случаев сильно расходятся с древнеармянским текстом.

Таблица 1. Причастие + *unel* при общем логическом субъекте

- Быт 40:10 ...ew **unēr** eris otkoyzs **haseal**...
 ... και αὐτῇ θάλλουσα ἀνενηνοχῦα βλαστούς. . .
 ‘...**выросли и созрели** на ней ягоды.’
- Нав 3:3 ...tesanic ‘ēk’ ⟨...⟩ zLewtac ‘isn or **barjeal unic** ‘in zna...
 (ср. 4:10, ... ἴδητε ⟨...⟩ τοὺς Λευίτας **αἴροντας** αὐτήν
 4:16, 4:18; ‘когда увидите ⟨...⟩ левитов, **несущих** его...’
 Откр 17:7)
- 1Езд 4:20 ...**bḡnac’ eal kaleal** zaḡn kołmn arewmtic ‘yaḡn kołmn Ep ‘rat getoy...
 ... **ἐπικρατοῦντες** ὅλης τῆς ἐσπέρας τοῦ ποταμοῦ. . .
 ‘...**владевшие** всем заречьем...’
- 2Мак 15:13 ...zcerut ‘iwn p ‘aḡaworut ‘ean sk ‘anč ‘eli ew kari vayeluc ‘ imn, or šurj
 zḡnaw bak **aḡeal unēr**.
 ... ἄνδρα πολῖα καὶ δόξη διαφέροντα, θαυμαστήν δέ τινα και
 μεγαλοπρεπεστάτην εἶναι τὴν περὶ αὐτὸν **ὑπεροχῆν**.
 ‘...муж, украшенный сединами и славою, **окруженный** дивным
 и необычайным величием.’
- 1Мак 14:17 ...ew **tireal hastateal uni** zgawaḡs ew zk ‘alak ‘s...
 (ср. ... και αὐτὸς **ἐπικρατεῖ** τῆς χώρας και τῶν πόλεων. . .
 1Мак 15:28) ‘...и **господствует** над страной и находящимися в ней
 городами...’
- 2Езд 4:14 ...o ē or **yałt ‘eal uni** ew tirē i veray amenec ‘un?
 ... τίς οὖν ὁ **δεσπόζων** αὐτῶν ἢ τίς ὁ κυριεύων αὐτῶν. . .
 ‘Но кто **господствует** над ними и владеет ими?’
- 1Кор 11:4 Atenaḡn aḡr ⟨...⟩ zgluxn **cackeal unic** ‘i yamawt ‘ aḡnē zgluxn iwr.
 πᾶς ἄνῆρ ⟨...⟩ κατὰ κεφαλῆς **ἔχων** καταισχύνει τὴν κεφαλὴν
 αὐτοῦ.
 ‘**Всякий муж** ⟨...⟩ с **покрытою** головою, постыжает свою голову.’
- Лк 19:20 ...aha mnasn k ‘o zor **unēi crareal** i varšamaki.
 ... ἰδοὺ ἡ μὲν σου ἦν **εἶχον ἀλοκειμένην** ἐν σουδαρίῳ.
 ‘...вот твоя мина, которую я **хранил, завернув** в платок.’

Так, например, на наш взгляд, возможность передачи с помощью данного оборота греческой формы аориста индикатива в:

Нав 4:16 *Hraman tur k'ahanayic'd or barjeal unin ztapanak uxtin vkayut'ean elanel i Yordananē.*

ἔντειλαι τοῖς ἱερεῦσιν τοῖς αἰῶρουσιν τὴν κιβωτὸν τῆς διαθήκης τοῦ μαρτυρίου κυρίου ἐκβῆναι ἐκ τοῦ Ἰορδάνου.

‘прикажи священникам, **несущим** ковчег откровения, выйти из Иордана.’

можно расценивать как свидетельство в пользу результативного употребления конструкции, предполагающего завершение действия, выраженного смысловым глаголом.

Влияние оригинала на употребление *unel* можно постулировать только для 1Кор 11:4 и Лк 19:20; только в Лк 19:20 оборот с *unel* передает аналогичную греческую конструкцию с ἔχειν и медиопассивным перфектным причастием.

Согласование причастия с прямым дополнением во множественном числе отсутствует (Быт 40:10, Нав 3:3, 4:10, 4:16, 4:18; 1Езд 4:20).

За исключением Быт 40:10 во всех случаях причастие и *unel* расположены контактно. В Быт 40:10 и Лк 19:20 порядок следования элементов конструкции обратный (в Лк 19:20 он калькирует порядок следования элементов причастной конструкции греческого оригинала).

В составе оборотов данной группы засвидетельствованы причастия от 9 переходных глаголов, см. (7).

(7)	<i>ainul</i>	‘брат’	(о нимбе)	1	2Мак 15:13 ⁶
	<i>bainal</i>	‘поднимать’	(о ковчеге)	5	Нав 3:3, 4:10, 4:16, 4:18;
			(о человеке)		Откр 17:7
	<i>bīnanal</i>	‘захватывать’	(о земле)	1	1Езд 4:20
	<i>cackel</i>	‘покрывать’	(о голове)	1	1Кор 11:4
	<i>crarel</i>	‘заворчивать’	(о деньгах)	1	Лк 19:20
	<i>hasanel</i>	‘достигать’	(о плодах)	1	Быт 40:10
	<i>hastatel</i>	‘устанавливать’	(о власти)	1	1Мак 14:17
	<i>zawranal</i>	‘укреплять’	(о власти)	1	1Мак 15:28
	<i>yalt'el</i>	‘добиваться’	(об успехах)	1	2Езд 4:14

⁶ В данном контексте (*or šurj znowaw bak areal unēr / και μεγαλοπρεπστάτην εἶναι τὴν περὶ αὐτὸν ὑπεροχὴν*) особенно отчетливо проявляется результативное

2.2. Причастие + *unel* при разных логических субъектах

В отличие от Лк 19:20, другие употребления *ἔχειν* с медиопассивным перфектным причастием в Новом Завете характеризуются несовпадением логических субъектов глагола ‘иметь’ и перфектного причастия. Если в латинском, готском и старославянском переводах эта конструкция последовательно калькируется (и даже рассматривается как источник результативных конструкций с ‘иметь’ в соответствующих языках, см. [Drinka 2011]), древнеармянский демонстрирует разнообразие переводческих стратегий:

А. Глагол *ἔχειν* переведен с помощью *unel*, перфектное причастие передается с помощью существительного или прилагательного:

Мк 8:17 ... *πεπρωμένην ἔχετε τὴν καρδίαν ὑμῶν;*
... *apšut'iwñ uni zsirts jer?* и

Ин 17:13 ... *ἵνα ἔχωσιν τὴν καρὰν τὴν ἐμὴν πεπληρωμένην ἐν ἑαυτοῖς.*
... *zi unic'in zuraxut'iwñn im liov yanjins iwreanc'.*

Б. Глагол *ἔχειν* с прямым дополнением передается с помощью определительного придаточного, в котором прямому дополнению оригинала соответствует субъект придаточного; перфектное причастие выражено аналитическим перфектом при субъекте придаточного:

Мк 3:1 ... *καὶ ἦν ἐκεῖ ἄνθρωπος ἐξηρασμένην ἔχων τὴν χεῖρα.*
... *ew ēr and ayr mi oroy jeñ zawsac'eal ēr.,*

Лк 13:6 ... *συκῆν εἶχέν τις πεφυτευμένην ἐν τῷ ἀμπελῶνι αὐτοῦ. . .*
t'zeni mi ēr urumn tnkeal yaugwoj iwrum. . .

Откр 12:6 ... *ὄβου ἔχει ἐκεῖ τόπον ἡτοιμασμένον ἀπὸ τοῦ θεοῦ. . .*
... *ur ēr teh nma patrasteal yAstucoy. . .*

Откр 21:12 *ἔχουσα τεῖχος. . . καὶ ὀνόματα ἐπιγεγραμμένα. . .*
Ew ēin parispk'... ew anuank'... greal ēin. . .

По мнению У. Артса [Aerts 1965: 161–167], в Мк 8:17, Лк 14:18, Ин 17:13, Откр 12:6, 14:1, 19:12, 19:16, 21:12 причастие не образует с *ἔχειν* аналитической глагольной формы. Большую степень грамматикализации он усматривает в Лк 13:6 и Лк 19:20, хотя и эти контексты допускают понимание *ἔχειν* как полнозначного глагола обладания. На субъективность такой интерпретации указывает

значение конструкции причастие + *unel*. Параллель в переводе Иез 1:27 (*καὶ τὸ φέγγος αὐτοῦ κύκλω* / *ew loysn or šurj znovaw bak unēr*), где причастие смыслового глагола отсутствует, по мнению автора, позволяет предположить, что переводчик с помощью *aḡeal* стремился выразить в 2Мак 15:13 семантику достигнутого состояния, в отличие от перевода Иез 1:27, где описывается состояние субъекта безотносительно к какому-либо предшествующему событию.

то, что в древнеармянском переводе аналитический перфект употреблен не только в Лк 13:6, но и в Мк 3:1, Откр 12:6 и 21:12; по-видимому, переводчик воспринимал здесь *ἔχειν* + причастие как связную грамматическую форму, и, что существенно для настоящего исследования, не находил уместным использовать для ее перевода древнеармянский оборот с *unel*.

В. Глагол *unel* + прямое дополнение + причастие прошедшего времени:

2Пет 2:14 *καρδίαν γεγυμνασμένην πλεονεξίας ἔχοντες*

... or *unin sirt hareal zagahut 'ean...*,

Откр 14:1 ... τέσσαρες χιλιάδες ἔχουσαι τὸ ὄνομα αὐτοῦ... γεγραμμένον ἐπὶ τῶν μετώπων αὐτῶν.

... or *unēin zanun nora... greal i veray čakatus' nos'a.*; ср. также Откр 19:12 и 19:16,

Евр 12:1 *Τοιγαροῦν καὶ ἡμεῖς τοσοῦτον ἔχοντες περικείμενον ἡμῖν νέφος μαρτύρων*

Aysuhetew ew mek' or aysč'ap' šurj zmewk' maceal unimk' zbazmut' iwn vkaγic'.

Ввиду того, что в непереводных текстах, вошедших в корпус исследования, оборот с *unel* не встречается при несовпадении логического субъекта *unel* и причастия, примеры группы В можно считать случаями калькирования.

Кроме этого конструкция *unel* с причастием при разных логических субъектах встречается в Библии и вне перевода конструкции с медиопассивным перфектным причастием, см. Таблицу 2. В 1Ин 3:13 этот оборот используется для перевода *ἔχειν* с презентным причастием, в Суд 18:10 для перевода активного перфектного причастия.

При прямом дополнении во множественном числе (1Ин 3:15) отсутствует согласование причастия с прямым дополнением.

Во всех случаях причастие отделено от *unel* прямым дополнением и следует за ним. Учитывая данные, приведенные в п. 2.1, можно высказать предположение, что порядок слов зависит от согласованности *unel* и причастия с общим логическим субъектом.

В составе оборотов данной группы употреблены причастия от 3 переходных и 1 непереходного глаголов, см. (8):

(8)	<i>grel</i>	перех.	‘писать’	(об имени)	1	Откр 14:1
	<i>harkanel</i>	перех.	‘поражать’	(о сердце)	1	2Пет 2:14
	<i>hastatel</i>	перех.	‘устанавливать’	(о жизни)	1	1Ин 3:15
	<i>yulanal</i>	неперех.	‘быть беспечным’		1	Суд 18:10

Таблица 2. Причастие + *unel* при разных логических субъектах

Суд 18:10	<i>Ew etic' i yoržam ert' ayk', unik' zazgn yulac' eal...</i> ήνίκα ἂν εἰσέλθητε, ἤξετε πρὸς λαὸν πεποιθότα... ‘когда пойдете вы, придете к народу беспечному...’
2Пет 2:14	...or <i>unin sirt hareal zagahut' ean...</i> καρδίαν γεγυμνασμένην πλεονεξίας ἔχοντες ‘... сердце их приучено к любостязанию...’
1Ин 3:15	...oč' <i>uni zkeans yawitenakans yanjin hastateal.</i> ... οὐκ ἔχει ζωὴν αἰώνιον ἐν αὐτῷ μένουσαν. ‘... не имеет жизни вечной, в нем пребывающей .’
Откр 14:1	...or <i>unēin zanun nora... greal i veray čakatic' noc' a.</i> (ср. ... τέσσαρες χιλιάδες ἔχουσαι τὸ ὄνομα αὐτοῦ... γεγραμμένον
Откр 19:12	<i>ἐπὶ τῶν μετώπων αὐτῶν.</i>
и 19:16)	‘...у которых имя Отца Его написано на челах.’

2.3. Причастие + *unel* с неопределенным статусом логического субъекта причастия

Промежуточное положение занимают случаи, когда оборот употреблен в контексте, допускающем интерпретацию причастия а) как относящегося к тому же логическому субъекту, что и *unel*, б) как относящегося к неназванному субъекту, либо в) как адъективизированного причастия, лишённого связи с субъектом (см. примеры в Таблице 3). Выбор той или иной интерпретации зависит от понимания контекста. Так, в Откр 10:8 речь идет о видении ангела с раскрытой книгой в руках. В Откр 2:12 речь идет о заостренном/наточенном мече. В этих случаях оборот с *unel* передает греческое медиопассивное перфектное причастие (Откр 10:8), *ἔχειν* с прилагательным (Иак 1:4; Откр 2:12, 14:14, 14:17, 14:18).

К этой группе относятся обороты с причастиями от 3 переходных глаголов.

(9)	<i>banal</i> перех. ‘открывать’	1 Откр 10:8
	<i>katarel</i> перех. ‘выполнять’ (о работе)	1 Иак 1:4
	<i>srel</i> перех. ‘точить’	4 Откр 2:12, 14:14, 14:17, 14:18

2.4. Выводы к Разделу 2

Как видно из рассмотренного материала, влияние греческих причастных конструкций с *ἔχειν* следует признать мини-

Таблица 3. Причастие + *unel* с неопределенным статусом логического субъекта причастия

- Иак 1:4 *Isk hamberut 'iwnn gorc katareal unic 'i...*
ἡ δὲ ὑπομονὴ ἔργον τέλειον ἔχέτω...
'терпение же должно **иметь совершенное** действие...'
- Откр 2:12 ...or **uni** zsurñ erksayri **sreal**.
(ср. 14:14, ... ὁ ἔχων τὴν ῥομφαίαν τὴν δίστομον τὴν ὀξείαν.
14:17, 14:18) '...имеющий острый с обеих сторон меч.'
- Откр 10:8 ...aṛ zgrkoysn zor **uni** hreštakn **bac'eal** i jeṛin iwrum...
... τὸ βιβλίον τὸ ἠνεῳγμένον ἐν τῇ χειρὶ τοῦ ἀγγέλου...
'...возьми раскрытую книжку из руки Ангела...'

мальным. Корреляция между употреблением этой конструкции и древнеармянского оборота с *unel* фактически ограничивается одним примером при совпадении логического субъекта причастия и *unel* (Лк 19:20) и пятью примерами при несовпадении логического субъекта причастия и *unel* (2Пет 2:14; Евр 12:1; Откр 14:1 и аналогичные контексты Откр 19:12, 19:16). На наш взгляд, учитывая гораздо более многочисленные отклонения от буквального перевода причастных конструкций с *ἔχειν*, а также многочисленные случаи употребления конструкции с *unel* вне перевода причастных конструкций с *ἔχειν*, следует отказаться от гипотезы о формировании оборота с *unel* на базе перевода Библии. Это положение не отрицает возможного ареального влияния греческого на армянский в эпоху активных языковых контактов, предшествовавших и сопутствовавших христианизации Армении.

3. Конструкции с *unel* в оригинальных текстах

В оригинальных текстах корпуса исследования были обнаружены случаи употребления только конструкции *unel* + прямое дополнение + причастие, в которых логический субъект *unel* и причастия совпадают. В них участвуют причастия 12 переходных глаголов; см. Таблицу 4.

Следует отметить ограниченную сочетаемость данной конструкции с глаголами в форме причастия. При общем малом количестве контекстов причастия от трех глаголов встречаются у разных авторов и в Библии.

Таблица 4. Сочетаемость глаголов с конструкцией с *unel*

	К	Ez	A	P	L	E	M	Всего
<i>bīnanal</i> ‘захватывать’				2		2	1	5
<i>bairnal</i> ‘поднимать’			2	2				4
<i>buīn harkanel</i> ‘крепко держать’			2					2
<i>berel</i> ‘приносить’					1			1
<i>grawel</i> ‘содержать’						1		1
<i>hanel</i> ‘отбирать’					1			1
<i>hasanel</i> ‘достигать’						1		1
<i>kutel</i> ‘сохранять’							1	1
<i>nkarel</i> ‘изображать’		1						1
<i>nšanel</i> ‘обозначать’	1							1
<i>stanal</i> ‘получать’						1		1
<i>zardarel</i> ‘украшать’							1	1

К — Корюн, Ez — Езник Кохбацы, А — Агафангел, P — Фавстос Бузанд, L — Лазар Парпеци, M — Мовсес Хоренаци

Забегая вперед, следует отметить, что во всех случаях отсутствует согласование причастия с субъектом или прямым дополнением по числу. Во всех примерах причастие непосредственно предшествует *unel*. Эти особенности согласуются с употреблением соответствующего типа в Библии.

Наиболее частотным и представленным в разных текстах является ряд сочетаний, описывающих ситуацию временного обладания. Сюда относятся: *barjeal unel* ‘удерживать в поднятом состоянии’, *buīn hareal unel* ‘крепко держать’, *bīnac’eal unel*, *tireal/išxeal hastateal unel* ‘удерживать во власти’. Не вполне понятно, акцентирует ли причастный оборот прогрессивное (приток энергии со стороны субъекта для поддержания состояния) или результативное (факт достижения состояния) значения.

А. *Barjeal unel* встречается в Библии, у Агафангела и Фавстоса Бузанда. В Библии оно служит для передачи греческих презентных причастий *αἴρωντος* (Нав 3:3, 4:10, 4:16, 4:18) и *βαστάζωντος* (Откр 17:7); ср.:

- (10) *or* ***barj-eal*** ***un-ēin***
 который.SG.NOM **поднимать**-PST.PTC.SG.NOM **иметь**-IPF.3PL
z=tapanak *uxt-i=n*
 OBJ=ковчег.SG.ACC Завет-SG.GEN=DEF
 ‘...которые [священники] **несли** ковчег Завета’ (Нав 4:10)
 ср. *οἱ αἴρωντες τὴν κιβωτὸν τῆς διαθήκης* 663

- (11) *or* ***barj-eal*** ***un-i***
 который.SG.NOM **поднимать-PST.ПТС.SG.NOM** **иметь-PRS.3SG**
z=na
 OBJ=она.SG.ACC
 ‘... который [зверь], **несет** ее [жену]....’ (Откр 17:7)
 ср. *τοῦ βαστάζοντος αὐτήν*

В «Истории Армении» Агафангела данный оборот встречается два раза, ср.:

- (12) *or* *ic'-ē* *teł-i=n,*
 который.SG.NOM **быть.SUBJ.PRS-3SG** **место-SG.GEN=DEF**
or *z=na* ***barj-eal***
 который.SG.NOM **OBJ=он.SG.ACC** **поднимать-PST.ПТС.SG.NOM**
un-ic'-i...
иметь-SUBJ.PRS-3SG
 ‘Что это было бы за место, которое **удерживало бы подня-**
тым того, [по слову кого все творения пребывают в висячем

положении?]' (Агафангел, [Yegavian 2003: 1430])

- (13) *Isk* *t'zeni=n* ***barj-eal***
 а **смоковница.SG.NOM=DEF** **поднимать-PST.ПТС.SG.NOM**
un-ēr *z-awrinak* *anptuł* *mardk-an*
иметь-IPF.3SG **ACC-пример.SG.NOM** **бесплодный человек-SG.GEN**
 ‘Смоковница же **являет** пример бесплодности людей...’
 (Агафангел, [Yegavian 2003: 1615])

У Фавстоса Бузанда оборот встречается в двух соседних контекстах с совпадающим субъектом и объектом, ср.:

- (14) *kayr* *i* *spas-u* *t'agawor-i=n* (...),
 стоять.IPF.3SG **на стража-SG.LOC** **царь-SG.GEN=DEF**
z-ark'unakan *suser=n<...>* ***barj-eal***
ACC-царский **меч.SG.ACC=DEF** **поднимать-PST.ПТС.SG.NOM**
un-ēr
иметь-IPF.3SG

‘... [Нерсес] стоял на страже царя (...), **держал** царский меч...’
 (Фавстос Бузанд, [Yegavian 2003: 312])

ср. также [Yegavian 2003: 312f.] с модификацией данного контекста

Во всех перечисленных контекстах значение *barjeal unel* можно интерпретировать как ‘удерживать’. При этом, по-видимому, описывается не цепочка событий, а монопредикативная ситуация с более или менее выраженной результативной коннотацией.

Б. Ближкое значение имеет оборот *buṙn hareal unel* ‘крепко держать’, который встречается в двух контекстах у Агафангела⁷:

- (15) *vaṭvataki* *šarž-eac’* *z-paran=n* *ew*
 неожиданно шевелить-AOR.3SG ACC-веревка.SG.ACC=DEF и
buṙn ***har-eal*** ***un-ēr*** [v. l. *harkanēr*]
 сила.SG.ACC бросать-PST.PTC.SG.NOM иметь-IPF.3SG
 ‘[И тут же встал на ноги,] неожиданно пошевелил веревку и
 крепко схватил’ (Агафангел, [Yegavian 2003: 1407])

- (16) ***buṙn*** ***har-eal*** ***un-ēin***
 сила.SG.ACC бросать-PST.PTC.SG.NOM иметь-IPF.3SG
z=ot-ic’ *srb-oy=n* *Grigor-i* *ew*
 OBJ=нога-PL.ABL святой-SG.GEN=DEF Григор-SG.GEN и
as-ēin...
 говорить-IPF.3PL
 ‘[Царь и нахарары, подойдя,] **обняли** святого Григора за ноги
 и говорили...’ (Агафангел, [Yegavian 2003: 1407])

В. Удержание власти выражается оборотом *binac’eal unel*, который находит семантическую параллель в *hastateal unel* в тексте Библии (1Мак 14:17, 1Мак 15:28). Этот оборот представлен в Библии, у Фавстоса Бузанда (см. (2) и (17)), Егише (два контекста [Yegavian 2003: 634, 672]) и Мовсеса Хоренаци (один контекст [Yegavian 2003: 1791]).

- (17) *Ew* *na* *cack-eal*
 и он.SG.NOM охватывать-PST.PTC.SG.NOM
binac’-eal ***un-ēr*** *z=erkir=n*
 захватывать-PST.PTC.SG.NOM иметь-IPF.3SG OBJ=земля.SG.ACC=DEF
aṙ hasarak ibrew tari *mi*
 до всего как год.SG.NOM один
 ‘А он [Санесан], заняв, **удерживал** страну почти год.’
 (Фавстос Бузанд, [Yegavian 2003: 284])

⁷ В Библии встречаются близкие аналоги этого словосочетания без причастия — *buṙn unel* (1Мак 15:30) и *binut’iwn unel* ‘держат’ (2Мак 10:30).

Примечательно, что при смещении фокуса высказывания с факта удержания власти над определенной территорией на факт нахождения субъекта у власти оборот заменяется на аналитическую конструкцию с бытийным глаголом, ср. (1).

В ряде случаев причастный оборот с *unel* используется для выражения графической или мысленной фиксации объекта. Сюда относятся *nkarel* ‘изображать’, *nšanakel* ‘обозначать’, *kutel* ‘сохранять’ (начертание), *grawel* ‘содержать’ (законы), ср. (18):

- (18) *atenaun girk' hogepatum-k'*
 всякий писание-PL.NOM духовдохновенный-PL.NOM
nšanak-eal un-in z=k'ajut'iw-n-s
обозначать-PST.PTC.SG.NOM иметь-PRS.3PL OBJ=мужество-PL.ACC
atenaun zawr-ac'
 весь воин-PL.GEN
 ‘... все духовдохновенные писания **изображают** храбрость
 всех воинов.’ (Корюн, [Yegavian 2003: 230])

В этом примере, который является единственным употреблением исследуемой конструкции у Корюна (встречается во всех четырех рецензиях «Жития Маштоца», учтенных в [Yegavian 2003]), сочетание *nšanakeal unin* (букв. ‘имеют обозначенной (храбрость)’) почти полностью лишено посессивного значения.

Аналогичная ситуация обнаруживается в единственном употреблении конструкции в тексте «De Deo» Езника Кохбацы, ср. (19):

- (19) *mišt i mt-i nkar-eal un-ēr*
 всегда в ум-SG.LOC **рисовать-PST.PTC.SG.NOM иметь-IPF.3SG**
z=or-s aīnel-oc'=n ēr
 OBJ=который-PL.ACC создавать-GRDV=DEF быть-IPF.3SG
 ‘Он [Бог] всегда **держал** в уме тех, кто должен был быть создан.’
 (Езник, [Yegavian 2003: 496])

Как показал Луи Мариэ [Mariès 1924], Езник опирался на греческие источники. Данный контекст, по-видимому, является перифразом следующего фрагмента из «О самовластии» Мефодия Олимпийского: *οὐδέ γάρ ἤρχει, οὐδέ ποτε, τῷ λογισμῷ ἀνατυλοῦμενος ἐν ἑαυτῷ τὸ κάλλος αὐτοῦ τῆς τεχνῆς* ‘Denn niemals war er

müssig, im Denken **bildend** in sich die Schönheit seiner Kunst.’ (издание и перевод [Bonwetsch 1891: 61]). Таким образом, есть основания полагать, что древнеармянский оборот служит средством передачи *ἀνατυλούμενος*, медиального презентного причастия от *ἀνατυλόω* ‘представлять себе; воображать’. Эта интерпретация ставит контекст Езника в один ряд с употреблением исследуемой конструкции для передачи греческого презентного причастия в переводе Библии (см. Нав 3:3, 4:10, 4:18; 1Езд 4:20; 2Езд 4:14).

Приведенный в (20) контекст из Егише, содержит расхождение в рукописях. Однако вариант *greal*, причастие от *grel* ‘писать’, не меняет ситуации, которая укладывается в предложенную лексическую группировку контекстов, ср.:

- (20) *or* **graw-eal** [l. v. *gr-eal*]
 который **сохранять**[l. v. *писать*]-PST.PTC.SG.NOM
un-in [l. v. *un-i*] *z=amenayn awrēn mogut'ean=n*
 иметь-AOR.3PL[l. v.3SG] OBJ=весь закон могство.SG.GEN=DEF
 ‘... [пять кэштов] **содержат** все законы могства...’
 (Егише, [Yegavian 2003: 688]⁸)

Наконец, свойство материала сохранять написанное выражено с помощью оборота с *unel* у Мовсеса Хоренаци:

- (21) *orpēs i jean verĭ-k' gc-i=n*
 как на снег.SG.GEN черта-PL.NOM начертание-SG.GEN=DEF
kut-eal un-ēr k'ar=n
сохранять-PST.PTC.SG.NOM **иметь**-IPF.3SG камень.SG.NOM=DEF
 ‘... как следы начертания на снегу, **сохранял** [письмена] камень.’
 (Мовсес Хоренаци, [Yegavian 2003: 2081])

К описанным выше случаям примыкают обороты, выражающие значение вхождения в состояние обладания. Они содержат причастия от глаголов *hanel* ‘отбирать’ (22), *hasanel* ‘достичь’ (23)–(24) и *stanal* ‘получать’ (25).

⁸ Помимо указанных в цитируемом издании разночтений по рукописям нужно учесть принятое в предшествующем издании Егише чтение *zraweal unin* от *zrawel* ‘подводить итог’ [Ter-Minasean 1957: 144].

- (22) *z=ayn* *Manuēl* *y=ink'-n*
 OBJ=этот.SG.NOM Манвел k=сам.SG.ACC-DEF
han-eal un-ēr z=iṣḫanut' iwn-n
отбирать-PST.PTC.SG.NOM **иметь**-IPF.3SG OBJ=власть-DEF
 'эту власть Манвел **вернул** себе.'
 (Фавстос Бузанд, [Yegavian 2003: 406])
- (23) *ert'ay-in eritasard-k' ew kusan-k' <...>*
 отпрапляться-AOR.3PL юноша-PL.NOM и девушка-PL.NOM
has-eal un-ēin z=amur-s
достичь-PST.PTC.SG.NOM **иметь**-IPF.3PL OBJ=крепость-PL.ACC
 '...уходили юноши и девушки <...> **добирались** до крепо-
 стей...'
 (Егише, [Yegavian 2003: 672])
- (24) *Ew y=ort'=n erek' uī-k' kanač'-k'*
 И на=лоза.SG.LOC=DEF три побег-PL.NOM зеленый-PL.NOM
yoūž, ew un-ēr eris otkoyz-s
 очень и **иметь**-IPF.3SG три.PL.ACC ягода-pl.acc
has-eal
достичь-PST.PTC.SG.NOM
 'А на лозе три цветущие ветви; **выросло** три грозди...'
 (Быт 40:10)
 ср. *ἐν δὲ τῇ ἀμπέλῳ τρεῖς πυθμένες, καὶ αὐτὴ θάλλουσα ἀνενη-
 νοχυῖα βλαστούς· πέλειροι οἱ βότρυνες σταφυλῆς.*
- (25) *Orpēs zi krkin ač'-s stac'-eal*
 Как бы дважды глаз-PL.ACC **получать**-PST.PTC.SG.NOM
un-ic'-in
иметь-SUBJ.PRS-3PL
 'Они как бы **получили** вторые глаза'
 (Егише, [Yegavian 2003: 651])

К этой же лексической группе можно отнести библейский оборот с *aīnul* 'получать; брать' (2Мак 15:13) и *yalt'el* 'добиваться' (об успехах) (2Ездр 4:14).

Можно предположить, что именно такие сочетания причастия и полнозначного глагола *unel* 'иметь' при общем субъекте, в которых полипредикативная последовательность логических фаз вхождения в состояние обладания типа 'получать' — 'иметь' начинает переосмысливаться как

монопредикативное выражение процесса вхождения в состояние обладания, являются промежуточным звеном на пути к более грамматикализированным результативным сочетаниям.

Из всего проанализированного материала оригинальных текстов наиболее грамматикализированными, по-видимому, следует признать контексты, содержащие причастия от *berel* ‘приносить’ (26) и *zardarel* ‘украшать’ (27), поскольку в них логический субъект при предикате, выраженном результативной конструкцией, как кажется, в наименьшей степени характеризуется признаками Посессора; в этих случаях результативное значение полностью замещает посессивное значение *unel*.

- (26) *yałags* *k'o* ***ber-eal*** ***un-in***
 относительно ты.SG.GEN **нести-PST.ПТС.SG.NOM** **иметь-PRS.3PL**
hraman *ař Surēn=n*
 приказ.SG.ACC к Сурен.SG.ACC=DEF
 ‘**привезли** Сурену приказ, касающийся тебя’
 (Фавстос Бузанд, [Yegavian 2003: 410])

- (27) *z=mi* *omn* *i* *homane-ac'* *iwr-oc'*
 OBJ=один некто.SG.ACC из любовник-PL.GEN свой-PL.GEN
zardar-eal ***un-el-ov*** *i cacuk*
наряжать-PST.ПТС.SG.NOM **иметь-GER-SG.INSTR** тайно
 ‘... тайно **вырядив** одного из своих любовников, [распускает о нем такую молву...]’
 (Мовсес Хоренаци, [Yegavian 2003: 1795])

От собственно посессивной семантики достаточно сильно отходят употребленные в Библии обороты с причастиями от *sackel* ‘покрывать’ (о голове) (1Кор 11:4) и *crarel* ‘заворачивать’ (о деньгах) (Лк 19:20). Хотя в обоих случаях греческий оригинал и содержит основание для калькирования — причастный оборот с *ἔχειν* (Лк 19:20) и презентное причастие от *ἔχειν* (1Кор 11:4), тот факт, что переводчик нашел возможным использовать здесь армянский оборот, а не какой-то другой способ перевода, как во многих других случаях (например, форму перфекта с бытийным глаголом в результативном значении или оборот с причастием прошедшего времени без вспомогательного глагола в результативном значении), указывает на то, что результативное значение причастной конструкции с *unel* на момент перевода Библии в первой половине V века было достаточно устоявшимся.

4. Заключение

Наряду с контекстами, в которых *unel* в полной мере сохраняет посессивную семантику в составе оборотов, выражающих значение ‘держать, удерживать, содержать’, представлены случаи, когда акцент смещается на результат вхождения в состояние (например, ‘получить’ = *‘иметь полученным’) и далее на результирующее состояние вне посессивной ситуации (например, ‘украсить’ = *‘иметь украшенным’). Таким образом, рассмотренный материал позволяет говорить о существовании в древнеармянском слабо грамматикализованной результативной конструкции — *unel* + прямое дополнение + причастие прошедшего времени, развившейся на базе собственно посессивной конструкции с *unel* ‘иметь’ и сосуществующей с ней.

Влияние греческих причастных оборотов с *ἔχειν*, содержащихся в тексте Библии, на формирование результативной конструкции с *unel* следует признать минимальным. На это указывает крайне слабая корреляция между употреблением греческой и армянской конструкций в тексте Библии, а также данные непереводных древнеармянских текстов. Калькой с греческого можно с известной осторожностью признать случаи, когда логический субъект посессивного глагола и причастия не совпадают, поскольку такие употребления не находят свидетельств в непереводной литературе.

Вместе с тем, ареальное влияние греческого на армянский в период, предшествующий появлению литературного языка, исключать нельзя. По-видимому, древнеармянскую результативную конструкцию с ‘иметь’ следует признать частью ареала ее распространения в I пол. I тыс. н. э., который, таким образом, выходит за рамки Европы⁹.

⁹ Остается открытым вопрос о возможном локальном источнике причастной конструкции с ‘иметь’. Так, например, обращает на себя внимание точная параллель между хеттскими оборотами *karpan hark-* ‘удерживать’ и *hazziān hark-* ‘записывать’ [Shatskov 2012: 872] и рассмотренными древнеармянскими данными. Хотя прямое контактное влияние между хеттским и армянским во II тыс. до н. э. маловероятно, пример диффузии аналогичной конструкции в европейском ареале, охватывающей много столетий, заставляет проявлять в этом вопросе большую осторожность.

Список условных сокращений

1 — первое лицо; 3 — третье лицо; ACC — аккузатив; ABL — аблатив; AOR — аорист; GEN — генитив; GER — герундий; GRDV — герундив; DEF — показатель определенности; INF — инфинитив; INSTR — инструменталис; IPF — имперфект; NOM — номинатив; OBJ — объект; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTS — причастие; SG — единственное число; SUBJ — конъюнктив.

Литература

- Абрамян 1953 — А. А. Абрамян. Причастные формы армянского языка и их морфологическое значение [на арм. яз.]. Ереван, 1953.
- Абрамян 1976 — А. А. Абрамян. Пособие по грабару [на арм. яз.]. Ереван: Луйс, 1976.
- Кисилиер 2016 — М. Л. Кисилиер. Из истории новогреческого перфекта // Индоевропейское языкознание и классическая филология XX, 2016. С. 426–439.
- Aerts 1965 — W. J. Aerts. *Periphrastica: An investigation into the use of εἶναι and ἔχειν as auxiliaries or pseudo-auxiliaries in Greek from Homer up to the present day.* PhD Thesis. Amsterdam, Universiteit van Amsterdam, 1965.
- Bonwetsch 1891 — G. N. Bonwetsch. *Methodius von Olympos: I, Schriften.* Leipzig: Deichert, 1891.
- Cox 2015 — C. Cox. *The Armenian Bible: Status Questionis* // V. Calzolari (ed.). *Armenian Philology in the Modern Era: From Manuscript to Digital Text.* Leiden, Boston: Brill, 2015. P. 231–246.
- Drinka 2003 — B. Drinka. *The formation of periphrastic perfects and passives in Europe: An areal approach* // B. Blake, K. Burrage (eds.). *Historical linguistics 2001.* Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 105–128.
- Drinka 2007 — B. Drinka. *The development of the HAVE perfect: Mutual influences of Greek and Latin* // R. Aranovich (ed.). *Split Auxiliary Systems: A cross-linguistic perspective.* Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 101–121.
- Drinka 2011 — B. Drinka. *The sacral stem of Greek: Periphrastic constructions in New Testament translations of Latin, Gothic, and Old Church Slavonic* // *Indo-European syntax and pragmatics: contrastive approaches.* Oslo Studies in Language 3, 2011. P. 41–73.
- Haspelmath 2001 — M. Haspelmath. *The European linguistic area: Standard Average European* // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). *Language typology and language universals.* Berlin: de Gruyter, 2001. P. 1492–1510.

- Hoffner, Melchert 2008 — H. Hoffner, H. C. Melchert. A Grammar of the Hittite Language. Winona Lake: Eisenbrauns, 2008.
- Hopper, Traugott 2003 — P. J. Hopper, E. C. Traugott. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Kölligan 2013 — D. Kölligan. Non-canonical subject marking: Genitive subjects in Classical Armenian // I. A. Seržant, L. Kulikov (eds.). The Diachronic Typology of Non-Canonical Subjects [[Studies in Language Companion Series 140]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 73–90.
- Künzle 1984 — B. O. Künzle. Das Altarmenische Evangelium. Bern — New York: Lang, 1984.
- Lyonnet 1933 — S. Lyonnet. Le parfait en arménien classique. Paris: Champion, 1933.
- Mariès 1924 — L. Mariès. *Le De Deo* d'Eznik de Kołb connu sous le nom de « Contre les sects ». Études de critique littéraire et textuelle. Paris: Imprimerie nationale, 1924.
- Meillet 1910 — A. Meillet. Recherches sur la syntaxe comparée de l'arménien. IV. Emploi des formes personnelles des verbes // BSL 16, 1910. P. 92–131.
- Minassian 1980 — M. Minassian. Emplois du participe en -eal en arménien classique // Annual of Armenian Linguistics 1, 1980. P. 69–96.
- Moser 1988 — A. Moser. The history of perfect periphrases in Greek. PhD Thesis. University of Cambridge, Cambridge, 1988.
- Pinkster 1987 — H. Pinkster. The strategy and chronology of the development of future and perfect tense auxiliaries in Latin // M. Harris, P. Ramat (eds.). Historical Development of the Auxiliaries. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987. P. 193–223.
- Ramat 2008 — A. G. Ramat. Areal convergence in grammaticalization processes // M. J. López-Couso, E. Seoane (eds.). Rethinking Grammaticalization: New perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 129–167.
- Shatskov 2012 — A. Shatskov. Split auxiliary system in Hittite // N. N. Kazansky (ed.). Proceedings of the 16th Conference in Memory of Professor J. M. Tronsky, June 18–20, 2012. St. Petersburg: Nauka, 2012. P. 870–876.
- Ter-Minasean 1957 — E. Ter-Minasean (ed.). *Elišei vasn Vardananc' ew Hayoc' Paterazm*. Erevan, 1957.
- Weitenberg 1986 — J. J. S. Weitenberg. Infinitive and participle in Armenian // Annual of Armenian Linguistics 7, 1986. P. 1–26.
- Yegavian 2003 — Z. Yegavian (ed.). Armenian Classical Authors. 5th Century. Antelias, Lebanon: Armenian Catholicosate of Cilicia, 2003.
- Zohrapean (ed.) 1805 — Y. Zohrapean (ed.). *Astuacašunč' matean hin ew nor ktakaranac'*. Venitik', 1805.

В. М. Круглов

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

О ЗАДАЧАХ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)¹

1. Общая характеристика языковой ситуации Петровской эпохи

В истории русского литературного языка первая четверть XVIII века занимает особое место. Именно в это время происходит разрушение церковнославянско-русского двуязычия и начинается постепенное формирование новых норм на основе всех имеющихся в словаре и грамматике языковых средств: церковнославянских, собственно русских и недавно заимствованных. Едва ли не впервые эту мысль выразили составители «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. В текстах Петровской эпохи они обнаружили источник современного им письменного литературного языка («источник слога нынешней нашей литературы») и отметили присущую этим текстам «странную борьбу разнородных элементов» и «столь несогласную смесь оборотов» [Сл. 1847: I, с. V].

В следующем столетии данную точку зрения разделяли многие видные ученые, среди которых В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Н. А. Мещерский, В. М. Живов и другие. Так, В. В. Виноградов, обобщая свои наблюдения над языком переводных и оригинальных памятников начала XVIII века, утверждал, что для этого языка характерна зыбкость фонетической системы, широта и свобода грамматических (морфологических) колебаний, стилистическая пестрота и неорганизованность в сфере синтаксиса, смешение разных стилей [Виноградов 1934: 58–60, 61–65]. «Разрушение прежней системы письменного двуязычия» и «зарождение единого национального литературного языка» считал основным событием начала

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ «Эволюция норм русского литературного языка в эпоху Петра I (на материале газеты „Ведомости“ 1703–1719 гг.)» (№ 16–04–00385а).

XVIII века [Винокур 1959: 114 и др.], а Н. А. Мещерский специально подчеркивал, что для рассматриваемого периода характерна «стилистическая неупорядоченность литературного языка» и «причудливое смешение» церковнославянских, просторечных, диалектных и заимствованных слов и словоформ [Мещерский 1981: 149–150]. Отсутствие единой нормы и наличие множества гибридных узусов обнаружили в русском языке петровского времени историки словарного состава, считавшие церковнославянский и русский языки начала XVIII века «двумя отчетливо противопоставленными (друг другу — В. К.) типами литературно-письменного выражения», «раздельными, хотя и тесно сосуществующими и взаимопроникающими системами». По мнению исследователей, функционирование обоих языков в одних и тех же сферах приводило, как правило, «к утрате чистоты типа, взаимопроникновению систем, к созданию систем гибридных, к образованию множества градаций, степеней, переходов от одной системы к другой» [Биржакова и др. 1972: 48]. Этой же точки зрения придерживался В. М. Живов, утверждавший, что письменный язык Петровской эпохи представлял из себя объединение

языковых средств различных регистров² (бытового, делового, гибридного церковнославянского и стандартного церковнославянского — В. К.) в едином пуле, который в дальнейшем и подвергается тщательной ревизии, перебору и пересмотру [Живов 2000: 580].

В настоящее время изложенный выше взгляд на языковую ситуацию начала XVIII века является общепринятым, однако не следует

² Ср. о понятии регистра:

Регистры не представляют собой законченных автономных систем, существующих независимо друг от друга (. . .) Регистры взаимопроницаемы, т. е. они обладают общим языковым материалом, а специфический языковой материал каждого из регистров может быть инкорпорирован в речевую деятельность, соответствующую другому регистру в качестве своего рода чужого слова. При всей взаимопроницаемости, однако, каждому из регистров присуща своя риторическая установка, а следовательно и своя риторическая стратегия. Традиция (социальная преемственность языкового опыта) связывает с каждой из риторических установок специфический языковой материал, и в силу этого регистры обладают и набором соотнесенных с ними формальных языковых элементов, в том числе и морфологических [Живов 2004: 14].

думать, что все исследователи его разделяли. Здесь можно вспомнить мнение Б. А. Ларина, который считал его поверхностным и по этому поводу писал:

Многие историки языка, исходя из плохих переводов, считали язык Петровской эпохи неоправданно пестрым, характеризующимся нелепым смешением славянских и заимствованных элементов. Это поверхностные выводы.

Б. А. Ларин считал, что к тому времени

все три стиля — и высокий, и средний, и низкий — уже созданы. Высокий стиль — это старый церковный язык, средний — общий разговорный, а низкий стиль — грубое просторечие, включающее диалектно окрашенную бранную лексику [Ларин 1975: 281–282].

Несмотря на то несомненное влияние, которое на языковую ситуацию начала XVIII века оказала языковая политика Петра I, заключавшаяся в реформе азбуки, введении гражданского шрифта и требовании «упростить» язык текстов светского содержания, в это время старое продолжает параллельно существовать с новым. Нормы прежних письменных традиций не исчезают мгновенно, а в течение длительного времени находятся на периферии речевого употребления. Их использование поддерживается как теми навыками, которые были получены носителями языка в процессе образования и закреплены в процессе языковой практики, так не в последнюю очередь и тем, что созданные в среднерусский период оригинальные и переводные тексты в Петровскую эпоху продолжают не только распространяться в рукописном виде, но и выходят отдельными печатными изданиями. Можно указать, в частности, на появившуюся в 1709 г. и дважды переизданную в 1712 и 1717 гг. «Историю о разорении града Трои» Гвидо де Колумна — отредактированный древнерусский перевод XVI века (см. [Творогов 1971]), на изданные в 1711 и 1712 гг. «Кратких, витиеватых и нравоучительных повестей книги три» — перевод известной книги Б. Будного, выполненный на рубеже XVII–XVIII вв. (см. [Małek, Nikołajew 2012: 35–36]), а также на напечатанные в 1712 г. сборники басен Эзопа, переведенные в 1607 и 1674 гг., — «Эзоповы притчи» и «Зрелище жития человеческого» (см. [Тарковский 1975: 7–9; Быкова 1955: 507]).

Итак, с первых десятилетий XVIII века старые нормы начинают постепенно вытесняться новыми. При этом следует иметь в виду,

что процесс не был линейным, и отдельные письменные традиции продолжали не просто существовать, но могли даже, пусть и временно, расширять сферу своего употребления. Это относится, например, к гибриднему церковнославянскому языку, который в Петровскую эпоху «обнаруживает явную тенденцию к полифункциональности» и получает распространение как в конфессиональной сфере и жанре духовного красноречия, так и в научной, технической и художественной литературе [Кутина 1978: 243–252].

2. Основной метод и принципы изучения языковой ситуации Петровской эпохи

История русского литературного языка как лингвистическая дисциплина развивается в нескольких направлениях и состоит из 1) истории языка текстов, 2) истории (литературно-)языковой нормы, 3) истории представлений носителей русского языка о проблемах их литературного языка, 4) истории образования совокупности признаков литературного или письменного языка [Keipert 1999: 727]. Каждому из названных направлений свойственно свое понимание задач и методов реконструкции исторических процессов. Основанием для широких обобщений могут служить как факты метаязыковой рефлексии (непосредственные оценки языковых явлений с точки зрения их соответствия принятым нормам, лингвистические трактаты и нормативные грамматики), так и анализ стилистических особенностей переводных и оригинальных памятников различной тематики и жанровой принадлежности.

Реконструкция норм письменного языка начала XVIII века предполагает описание дифференциальных признаков и границ отдельных узусов, а также механизмов трансформации старых письменных традиций. Поэтому ее осуществление возможно лишь путем подробного сравнительного анализа отдельных текстов. Данное утверждение является в достаточной степени очевидным, однако к настоящему времени печатные и рукописные памятники Петровской эпохи изучены недостаточно. В контексте эволюции «простого славянского языка» подробно проанализирован язык ораторской прозы Феофана Прокоповича [Кутина 1981; 1982], в связи с формированием норм «гражданского посредственного наречия» изучены два текста, напечатанные гражданским шрифтом, — «Книга о способах, творящих водохождение рек свободное» (1708) и «Рассуждение о ока-

зателствах к миру и о важности, чтоб оставить Гибралтар соединен со владениями Великобритании» (1720) [Круглов 2004: 37–89], в связи с формированием литературного языка «нового типа» — «Разговоры о множестве миров» Б. Фонтенеля в переводе А. Кантемира (текст, относящийся к чуть более позднему времени: переведен в 1730 г., напечатан в 1740 г.) [Сорокин 1982].

Метод, заключающийся в подробном лингвистическом описании текстов, имеет обманчивое свойство казаться слишком простым, в связи с чем целесообразно сделать несколько необходимых уточнений и подчеркнуть, что, во-первых, конечной целью данного метода является не анализ функционирования отдельных слов и словоформ, а реконструкция правил употребления языковых единиц разных уровней в пределах одного текста и выяснение того, в какой степени эти правила зависят от коммуникативного задания текста и в какой степени они связаны с существующими письменными традициями, см. [Круглов 2014: 120–129]. Во-вторых, если говорить о текстах начала XVIII века, то проводимый анализ бессмысленно ограничивать простым перечислением встретившихся слов, словоформ и случаев варьирования. В каждом конкретном случае нужно стремиться к выяснению точного соотношения вариантов, ведь варьирование языковых единиц разных уровней, которое имеется во всех текстах рассматриваемого периода, являлось основным свойством нормы, и это свойство было общим для всех текстов, по крайней мере, для текстов светского содержания — как оставшихся в рукописи, так и напечатанных гражданским шрифтом, то есть прошедших редактирование и вычитку [Круглов 2015: 171–176]. В-третьих, необходимо учитывать, что в изучаемый период язык того или иного памятника испытывал влияние разных факторов, среди которых можно назвать следующие: печатный или рукописный характер памятника, время его создания и язык оригинала, социальный статус автора (переводчика) и характер полученного им образования. Это значит, что палеографические и библиографические разыскания, целью которых является атрибуция того или иного текста и обнаружение иноязычного источника русского перевода, являются обязательными условиями исследования и его частью и что без них лингвистическое описание памятника имеет не много смысла.

3. Параметры лингвистического анализа текстов

Лингвистический анализ текстов среднерусского периода и раннего Нового времени традиционно ограничивался выяснением того, насколько широко здесь представлены слова и словоформы, обладающие формальными признаками генетических церковнославянизмов и способные произвести впечатление своей действительной или кажущейся архаичностью. Исследования последних десятилетий существенно расширили теоретические представления о механизмах функционирования и трансформации норм литературного языка и предложили новый понятийный аппарат для их объяснения. Появилась возможность внести значительные изменения в традиционный подход и при выборе параметров лингвистического описания памятников сосредоточиться на тех языковых явлениях, которые играли особую роль в русском языке XVII века, а также на тех, что в начале XVIII века нашли свое место в новом литературном языке.

Среди этих явлений особого внимания заслуживают, прежде всего, так называемые «признаки книжности», путем устранения которых из текстов, написанных на гибридном церковнославянском языке, согласно концепции В. М. Живова [Живов 1996: 88–110], создавался «простой язык» Петровской эпохи; во-вторых, обнаруженные В. М. Живовым «конфигурации морфологических вариантов», служившие дифференциальными признаками отдельных регистров письменного языка в XVII веке и обеспечивавшие гетерогенность узуса, см. [Живов 2004]; в-третьих, те синтаксические явления, которые до XVIII века находились на периферии речевого употребления, но под влиянием разных факторов получили широкое распространение лишь в новом литературном языке, см. [Hüttl-Folter 1996].

На основании результатов, полученных в названных выше работах, можно думать, что параметры лингвистического анализа текстов Петровской эпохи должны учитывать следующие явления.

В области морфологии это:

- ⇒ формы инфинитива,
- ⇒ формы 2-го лица ед. числа настоящего времени,
- ⇒ формы дат., твор. и местн. падежей мн. числа существительных,
- ⇒ формы прилагательных в им. и вин. падежах множественного числа.

- ⇒ формы прилагательных в им. падеже ед. числа м. р.,
- ⇒ формы прилагательных в род. падеже ед. числа м. и ср. р.,
- ⇒ формы прилагательных в род. падеже ед. числа ж. р.,
- ⇒ формы аориста,
- ⇒ формы имперфекта,
- ⇒ формы двойственного числа,
- ⇒ наречия на «ять»,
- ⇒ способы образования форм степеней сравнения,
- ⇒ конструкция «да + форма настоящего времени» в значении императива,
- ⇒ употребление родительного принадлежности и притяжательных прилагательных.

В области синтаксиса это:

- ⇒ употребление простого и двойного отрицания,
- ⇒ оборот «дательный самостоятельный»,
- ⇒ оборот «винительный с инфинитивом»,
- ⇒ конструкция «да + форма настоящего времени» в значении придаточного цели,
- ⇒ наличие связки в причастном обороте.

В области синтаксиса сложного предложения это:

- ⇒ употребление цепей однородных придаточных с местоимением *который*, получивших широкое распространение в новом литературном языке, см. [Hüttl-Folter 1996: 39–41];
- ⇒ употребление коррелятов в главной части сложноподчиненных предложений с придаточными разных типов, также получившее в новом литературном языке широкое распространение [Hüttl-Folter 1996: 42–45];
- ⇒ употребление характерной для приказного языка конструкции с повтором существительного в придаточном предложении при местоимении *который*, см. [Круглов 2014: 125–129];
- ⇒ порядок слов в конструкциях с местоимением *который* в родительном падеже со значением принадлежности (к началу XVIII века относятся первые случаи употребления данной конструкции с современным порядком слов — препозицией существительного по отношению к местоимению *который*, — появившимся в переводах с французского языка под влиянием оборота с *duquel*), см. [Круглов 2006].

В области лексики это, прежде всего, употребление служебных слов (союзов и частиц), а также некоторых местоимений и наречий.

Таким образом, языковой ситуации первой четверти XVIII века было свойственно отсутствие единой нормы и сосуществование множества узусов, среди которых присутствовали как подвергшиеся определенной трансформации старые письменные традиции, так и недавно образованные подсистемы, в основе которых лежали нормы нового литературного языка, появившиеся под влиянием культурных реформ и языковой политики Петра I. Выяснить количество этих узусов, определить их границы и присущие им характерные особенности возможно путем подробного лингвистического анализа печатных и рукописных текстов разной тематики, обращенного к тем языковым явлениям, которые были значимы для функционирования русского литературного языка в XVII веке, а также к тем, что в начале XVIII века сыграли существенную роль в формировании новых норм.

Литература

- Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. I–IV. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1847.
- Биржакова и др. 1972 — Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.
- Быкова 1955 — Т. А. Быкова. Затерянное издание «Зрелища жития человеческого» // Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. Приложение II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 504–514.
- Виноградов 1934 — В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1934.
- Винокур 1959 — Г. О. Винокур. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Избранные работы по русскому языку. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1959. С. 111–137.
- Живов 1996 — В. М. Живов. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Живов 2000 — В. М. Живов. О связанности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 573–581.

- Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Круглов 2006 — В. М. Круглов. Формирование современного порядка слов в конструкциях с местоимением „который“ в родительном падеже со значением принадлежности (Первая треть XVIII века) // D. Bunčić, N. Trunte (Hrsg.). *Iter philologicum. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag* [Die Welt der Slaven. Sammelbände 28]. München: Kubon & Sagner, 2006. S. 97–109.
- Круглов 2004 — В. М. Круглов. Русский язык в начале XVIII века: узус петровских переводчиков. СПб.: Наука, 2004.
- Круглов 2014 — В. М. Круглов. Исторический синтаксис и история русского литературного языка // П. Е. Бухаркин, Е. М. Матвеев (ред.). *Литературная культура России XVIII века. Выпуск 5*. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. С. 119–131.
- Круглов 2015 — В. М. Круглов. О характере нормы в русском языке первой четверти XVIII века // Н. А. Гуськов, Е. М. Матвеев, М. В. Пономарева (ред.). *Литературная культура России XVIII века. Выпуск 6: Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия*. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 167–180.
- Кутина 1978 — Л. Л. Кутина. Последний период славяно-русского двуязычия в России // *Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов. Загреб-Люблина, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации*. М.: Наука, 1978. С. 241–265.
- Кутина 1981 — Л. Л. Кутина. Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа // Ю. С. Сорокин (ред.). *Язык русских писателей XVIII века*. Л.: Наука, 1981. С. 7–46.
- Кутина 1982 — Л. Л. Кутина. Феофан Прокопович. Слова и речи. Лексико-стилистическая характеристика // Ю. С. Сорокин (отв. ред.). *Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики*. Л., 1982. С. 5–51.
- Ларин 1975 — Б. А. Ларин. *Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.)*. М.: Высшая школа, 1975.
- Мещерский 1981 — Н. А. Мещерский. *История русского литературного языка*. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981.
- Сорокин 1982 — Ю. С. Сорокин. У истоков литературного языка нового типа (Перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля) // Ю. С. Сорокин (ред.). *Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики*. Л.: Наука, 1982. С. 52–85.
- Тарковский 1975 — Р. Б. Тарковский. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975.

- Творогов 1971 — О. В. Творогов. Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г. // ТОДРЛ XXVI, 1971. С. 64–71.
- Hüttl-Folter 1996 — G. Hüttl-Folter. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Wien — Köln — Weimar: Böhlau, 1996.
- Keipert 1999 — H. Keipert. Geschichte der russischen Literatursprache // H. Jachnow (hrsg.). Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1999. P. 726–779.
- Małek, Nikołajew 2012 — E. Małek, S. Nikołajew. „Апофегматы“ Беняша Будного в переводе Петровского времени. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2012.

Д. Б. Крюкова

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

ПАРАФРАЗ И КАЛЬКИРОВАНИЕ В НИЖНЕНЕМЕЦКОЙ ПСАЛТИРИ¹

История немецкоязычного перевода Библии традиционно подразделяется на несколько этапов, для каждого из которых характерны определенные типы перевода². Однако следует отметить, что связанный с переводческой традицией круг вопросов хорошо изучен по верхненемецким источникам, чего нельзя сказать о нижненемецких текстах³. Количество исследований рукописных источников северонемецкого ареала с сопутствующим изданием текстов столь невелико⁴, что не оставляет возможности для комплексного изучения средневекового библейского перевода в Северной Германии в русле общей переводческой традиции. Предлагаемая статья является очередной в серии исследований рукописных нижненемецких памятников духовного содержания из Гальберштадта в собрании РНБ и посвящена рукописной нижненемецкой Псалтири XV в. (РНБ, ф. 955 оп. 2 № 46). Объектом исследования данный источник стал лишь в последние годы. В настоящее время существует несколько публикаций, касающихся хронологической и языковой атрибуции кодекса, а также его палеографических особенностей [Крюкова 2013; 2014; Bondarko, Logutova, Lyakhovitskiy 2012]. Проблема соотношения

¹ РНБ, ф. 955 оп. 2 № 46. XV в.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 13–04–00375 «Немецкие духовные тексты в рукописях XVI–XVI вв. из собрания Российской национальной библиотеки (лингвистическое, археографическое и текстологическое исследование)».

² См. 1.1 и 1.2. Периодизация истории немецкоязычного перевода Библии с подробным изложением типологических особенностей переводов для каждого этапа представлена в программной статье С. Зондереггера [Sonderegger 1998].

³ Проблематика первопечатных нижненемецких Библий изучена весьма тщательно [Brodführer 1922; Ising 1961–1976].

⁴ В данном случае подразумеваются исключительно переводы Библии или отдельных ее фрагментов.

данного памятника с общей традицией немецкоязычного библейского перевода остается открытой. Целью настоящей статьи является выявление типологических характеристик исследуемого нижненемецкого перевода Псалтири с последующей проверкой гипотезы о его типологической принадлежности.

1.1. Теория и практика библейского перевода

Отмечаемая исследователями оппозиция двух средневековых переводческих доктрин «буквальный перевод — смысловой перевод»⁵ существовала еще со времен античности [Koller 2007; Schwarz 1985; Grubmüller 2007; Vorbeck-Heyn 2008; Kartschoke 1982; Vollmer 1938; Copeland 1991]. Именно к античным классикам апеллировал Иероним, первым предложивший дифференцировать принципы перевода по характеру текстов — профанному и сакральному. Так, смысловой (идиоматический, свободный) перевод признается лучшим только для светских текстов⁶. Что же касается библейских книг, то даже малейшее изменение структуры богодухновенного оригинала ведет к нарушению сакрального смысла, поэтому гарантом его сохранности может стать лишь буквальная передача текста⁷. В Западной Европе буквальный перевод воспринимался как единственно возможный вплоть до раннего Средневековья. Период XI–XIV в. был отмечен всплеском переводческой деятельности, спровоцировавшим стремительное развитие библейского перевода, так что к XV в. многообразии переводных библейских текстов уже не позволяло ограничивать их исключительно рамками двух традиционных подходов. При этом до XX в. не существовало целостной теории, которая

⁵ Принцип смыслового перевода одним из первых постулировал Цицерон. Работа над переводом речей Демосфена и Эсхина побудила оратора к формулировке собственного переводческого кредо: «Я переводил мысли, их форму (< . . .) поэтому я передавал не слово в слово, но в большей степени общий смысл (*genus*) и значение (*vis*) чужих слов» [Hubbell 1969: 14]. Он призывает переводчика руководствоваться принципами ораторского искусства и облекать смысл исходного текста в новую форму в соответствии со стилистическими требованиями языка перевода.

⁶ Метод буквального перевода для светской литературы и текстов нерелигиозного содержания провозгласил Боэций. По мысли Боэция, только пословный перевод способен точно передать истинное содержание оригинала (*incorrupta veritas*); в противном случае переводчик создает собственную интерпретацию образца [Brandt 1906: 135].

⁷ Ср. «Diese Methode [Wort-für-Wort-Übersetzung], so meinte man, garantiere am besten, daß auch der Gedanke des Originals unverändert bleibt» [Schwarz 1985: 36].

могла бы объяснить разницу между этими подходами. В XX в. исследования в области теории перевода привели к созданию ряда переводческих концепций. Специально для библейского перевода Юджином Найдой была разработана теория динамической (функциональной) эквивалентности, суть которой заключается в том, что реакция читателя или слушателя перевода должна совпадать с реакцией изначальной аудитории на оригинал [Nida, Taber 1974: 200]. Именно в теории Найды впервые в переводческой практике было сформулировано требование обязательной ориентации на историко-культурный и ситуативный контекст. Сосредоточиваясь на коммуникативной функции текста на языке оригинала, данная теория, однако, оставляет без внимания функцию, которую текст будет выполнять на языке перевода. Необходимость учитывать этот прагматический аспект перевода подчеркивает функционалистская школа Катарины Райс и Ганса Фермеера. Функционалистский подход изложен в теории скопоса, согласно которой переводческая деятельность определяется ее целью — скопосом. Прежде всего, необходимо четко определить «переводческое задание» (*Übersetzungsauftrag*), то есть какой именно текст нужно создать и как он будет использоваться; кроме того, важно иметь в виду и предполагаемую аудиторию [Reiss, Vermeer 1991: 124–126]. В совокупности эти факторы определяют выбор переводческой стратегии и, соответственно, облик будущего перевода. Таким образом, главным отличием скопос-теории от концепции динамической эквивалентности становится рефокусировка с эффекта, произведенного оригинальным текстом, на ожидания целевой аудитории. Однако, как пишет В. Н. Комиссаров, теория скопоса допускает парадоксальную ситуацию, когда текста оригинала не существует вовсе, и переводчик самостоятельно создает текст, ориентируясь на цель и указания заказчика [Комиссаров 2001: 81]. Разрабатывая собственную концепцию, Комиссаров берет за основу коммуникативный подход и предлагает свою коммуникативную схему, раскрывающую роль источника информации (автора оригинала), переводчика и читателя оригинала и перевода. Согласно данной схеме перевод представляет собой двухступенчатый коммуникативный процесс⁸ [Комиссаров 2001: 44]. В свете этой концепции

⁸ В начале этого процесса автор создает речевое произведение (или, в нашем случае, текст) на исходном языке, выступающее в дальнейшем в качестве

перевод библейских текстов представляет уникальное в своем роде явление, поскольку Вульгата, с которой выполнялись средневековые переводы, сама является переводным текстом. Распространение переводных библейских текстов в виде списков, копий (нередко компилятивного характера) неизбежно приводило к возникновению новых коммуникативных ситуаций. Ввиду постоянной смены читателей, модификации цели перевода сам текст перевода неизбежно изменяется. Возникает закономерный вопрос, насколько подобный перевод соответствует оригиналу и может ли он называться переводом вообще. Критерием для общей характеристики результатов переводческого процесса служит понятие эквивалентности⁹ [Комиссаров 1990: 287]. Данный термин получил подробную разработку в трудах отечественных [Комиссаров 1990; 2001; Фёдоров 2002; Швейцер 1988; Бархударов 1975] и зарубежных¹⁰ лингвистов, однако наиболее аргументированной представляется концепция, предложенная В. Н. Комиссаровым. Эквивалентность рассматривается

оригинала и несущее определенную смысловую нагрузку, с расчетом на языковые и культурно-исторические знания потенциального читателя. Это обеспечивает понимание текста и позволяет рецептору извлечь и обработать содержащуюся в оригинале информацию. Так создается первичная коммуникативная ситуация. Далее в процесс межязыковой коммуникации включается переводчик. Он становится ключевой фигурой данного процесса, поскольку выполняет сразу несколько коммуникативных функций. Во-первых, он выступает в качестве читателя оригинала на исходном языке. Во-вторых, он создает текст на языке перевода, предназначенный уже для другого читателя, обладающего иным опытом и существующего в иной языковой и культурно-исторической обстановке. При этом текст на языке перевода должен в функциональном, структурном и смысловом отношениях выступать полноценной заменой оригиналу. В соответствии с целью перевода, которую переводчик самостоятельно определяет для каждого случая, выстраивается переводческая стратегия. Далее читатель, извлекая из готового перевода содержащуюся в нем информацию, завершает вторичную коммуникативную ситуацию и процесс межязыковой коммуникации в целом.

⁹Притом что западная переводоведческая традиция оперирует в основном термином «эквивалентность», отечественная школа проводит границу между терминами «эквивалентность» и «адекватность». Согласно В. Н. Комиссарову, категория адекватности шире эквивалентности. Адекватный перевод должен быть эквивалентным по определению, но, помимо соответствия нормам эквивалентности, он должен учитывать прагматическую установку оригинала и обеспечивать решение тех же коммуникативных задач, не допуская при этом нарушения норм языка перевода. В этом случае достигается необходимая полнота межязыковой коммуникации.

¹⁰ В первую очередь [Nida, Taber 1974; Reiss, Vermeer 1991].

им как комплексное понятие, включающее иерархическую организацию пяти содержательных уровней. Согласно теории В. Н. Комиссарова, эквивалентность перевода заключается в максимальном совпадении всех уровней содержания текстов оригинала и перевода; соответственно, эквивалентным может считаться каждый перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней. Такой подход в полной мере применим и к библейскому переводу: различия в эквивалентности на разных уровнях и, соответственно, в функциональном назначении текста определяют специфику каждого библейского перевода.

1.2. Немецкая переводческая традиция

Истоки немецкоязычной библейской переводческой традиции восходят к периоду раннего Средневековья [Sonderegger 1998: 130]. Ключевыми факторами, давшими толчок её развитию, предположительно, стали миссионерско-катехизическая и проповедническая деятельность, инициированная Карлом Великим, а также комментаторская работа монахов, составлявших примечания к латинскому тексту Библии на немецком языке [Sonderegger 1998: 153]. Практика глоссирования латинских текстов подготовила почву для становления и развития монастырской переводческой деятельности. Именно в монастырских скрипториях были выполнены первые интерлинейные переводы¹¹ [Sonderegger 1998: 151], см. также [Schöndorf 1967: 15–18]. Постепенно начинает складываться традиция стихотворного переложения библейских сюжетов (*Bibeldichtung*)¹². Принцип стихотворного переложения основательно утвердился в переводческой практике¹³ — вероятно, такие тексты были наиболее удобны для проповеди, — и самую полную реализацию получил уже в XI–XIV вв.

Период XI–XV вв. ознаменовался стремительным развитием в области библейского перевода. Подъему во многом способствовало

¹¹ К числу первых интерлинейных относится, в частности, глоссированный фрагмент (Лк 1:64–2:51) конца VIII в. из монастыря св. Павла в Рейхенау.

¹² Первые образцы этого направления, в том числе и переводы отдельных псалмов, относятся к IX в.: древнеалеманнские псалмы (сер. IX в.), древнесаксонские псалмы (кон. IX в.), поэма о Страшном суде «Muspilli» IX в.

¹³ Вершиной переводческого мастерства среди всех поэтических переработок считается «Немецкая Псалтирь» Ноткера (ок. 1000 г.), ставшая авторитетным образцом для переводчиков Псалтири вплоть до средневрхненемецкой эпохи (XI–XIV/XV вв.).

образование монашеских и духовно-рыцарских орденов, призванных укреплять влияние католической церкви и развернувших активную переводческую деятельность. Переводческая культура вышла на более высокий уровень, что выразилось в поисках новых форм, попытках интерпретаций, а также значительном расширении корпуса обрабатываемых библейских текстов [Sonderegger 1998: 151]. Наряду с подстрочными переводами и парафрастическими стихотворными переложениями, расцвет которых приходится как раз на этот период [Kartschoke 1982; Sonderegger 1998; Kirchert 1984; Maurer 1929; Vollmer 1938], складываются новые жанры «Библия для бедных» (*Biblia pauperum*, *Armenbibel*) и «народная Библия» (*Laienbibel*). Такие тексты представляли собой вольный пересказ евангельской истории или наиболее важных ее пассажей и, предназначаясь для домашнего назидательного чтения, получили весьма широкое распространение.

Необходимо отметить, что вплоть до XIV в. круг переводных библейских книг ограничивался в основном Псалтирью — книгой, которая, наряду с молитвами, евангельскими чтениями и гимнами, занимала важнейшее место в ежедневной литургической практике [Janota 2004: 450]. Структура немецкоязычных переводов Псалтири соответствовала, главным образом, латинскому образцу — Римской Псалтири (*Psalterium Romanum*), входящей в состав римского, амброзианского и мозарабского чинопоследования¹⁴. Римская редакция включала псалмы с 1 по 150; в рукописных переводах они часто сопровождались библейскими песнями — кантиками, символом веры и гимнографическим материалом. По свидетельству К. Шёндорфа, в эпоху позднего Средневековья особое распространение получили двуязычные псалтири. Помимо латинского текста или, по меньшей мере, начальных стихов каждого псалма, такая псалтирь содержала подробный указатель в конце списка, облегчающий пользование текстом [Schöndorf 1967: 5–6]. К обширной группе таких переводов относится нижненемецкая Псалтирь РНБ, ф. 955 оп. 2 № 46.

¹⁴ Ср. «Der Aufbau der deutschen Psalmenübersetzung entspricht im wesentlichen dem der lateinischen Psalterien, die die Psalmen in der Reihenfolge 1–150 nach der römischen Zählung geben und sehr oft die Cantica, das Glaubenskenniss und andere Zusätze enthalten. Diese Grundordnung ist sowohl bei den interlinearen (<...>) als auch bei den freieren Übertragungen (<...>) eingehalten worden.» [Schöndorf 1967: 4–5]

1.3. Состав и функция нижненемецкой Псалтири

Состав исследуемого сборника типичен и не подвергает сомнению факт литургического назначения рукописи¹⁵. Его основную часть занимает полная двуязычная версия Псалтири, включающая латинский оригинал и его подстрочный перевод (ff. 1^r–206^v). Кроме того, рукопись содержит обширный литургический материал. Он занимает тридцать листов (ff. 206^v–236^v) и включает следующие тексты:

1. библейские песни — кантики (семь ветхозаветных (ff. 206^v–223^v) и три новозаветных (ff. 225^v–228^r),
2. гимн *Te Deum* (ff. 223^v–225^v),
3. символ веры Афанасия Александрийского (ff. 228^r–232^r),
4. краткое славословие (f. 232^r),
5. литания всем святым (*Litania Sanctorum*, ff. 232^r–235^r),
6. молитвы (ff. 235^r–236^v) [Крюкова 2014: 220].

Проведенный нами ранее анализ палеографических особенностей кодекса [Крюкова 2014] позволил более точно определить функцию рукописи: данный сборник, очевидно, предназначался для ежедневной рецитации в монастырском богослужении недельного круга и был изготовлен для читателей, не владеющих латынью, — членов полумонашеской общины или мирян, живущих при монастыре. Определение функции рукописи и ее гипотетического адресата, в свою очередь, дает основание предположить существование у переводчика такой прагматической установки, при которой он должен был стремиться не только передать особенности языковой структуры латинского оригинала, но и облегчить восприятие немецкого текста. Такой результат может быть достигнут в смешанном типе перевода, сочетающем методы различных типов, в том числе методы калькирования и парафраз [Reiss 1985: 281]. Вероятно, такой тип и представлен в исследуемой рукописи. В настоящей статье посредством анализа примеров калькирования и парафразирования, выявленных при помощи метода сплошной выборки, осуществляется проверка данной гипотезы. Необходимым представляется определить для каждого метода основную область

¹⁵ Подробнее см. [Крюкова 2014].

его реализации в тексте, выявить разновидности калек и парафразирования, а также отметить нестандартные переводческие решения. При этом особое внимание уделено переводу причастий, специфических латинских оборотов с причастием (*ablativus absolutus*), форм герундия, а также аналитических глагольных форм.

2. Калькирование

Метод калькирования широко применялся в самых разных типах средневекового библейского перевода [Алексеев 2002; Sonderegger 1998], реализуясь как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях.

2.1. Поморфемное калькирование

Стремление подобрать эквивалент каждой латинской словоформе нередко сопровождалось поморфемным калькированием, что в ряде случаев приводило к появлению неологизмов в языке перевода. Для исследуемой Псалтири поморфемное калькирование не типично. Область его применения ограничивается в основном префиксальными и двухосновными глаголами. Так, один из вариантов глагола *benedicere* в нижненемецком тексте являет пример морфологической кальки: *benedicite* > *wolspreket*¹⁶. Аналогичным образом переводчик поступает при передаче глагола *evangelizare*:

- (1) *Dominus dabit verbum evangelizantibus virtute multa*¹⁷
*De here wil geuen wort den gotkunderen in doghet*¹⁸ *vele* (f. 99^v)
*Господь даст слово провозвестникам, [которых]*¹⁹ *огромное множество.*²⁰ (Пс 67:12)

¹⁶ Подробнее об употреблении этой морфологической кальки см. 4.3

¹⁷ Для облегчения зрительного восприятия текста использованы знаки пунктуации, отсутствующие в исследуемой рукописи.

¹⁸ В немецком переводе ошибка, обусловленная полисемией латинского слова *virtus*: в немецком тексте передано его основное значение ‘мужество, доблесть’, тогда как в данном контексте реализовано значение ‘войско, тьма, множество’ (ср. *virtutes caelorum* — ‘силы небесные’, ‘небесное войско’ в тексте Лк 21:26, *Dominus virtutum* — ‘Господь сил’, ‘Господь войск’ в тексте Пс 45:8).

¹⁹ Здесь и далее в квадратных скобках помещается авторская вставка, проясняющая контекст.

²⁰ Здесь и далее перевод выполнен автором данной статьи.

Обнажая морфологическую структуру латинского оригинала, переводчик, тем не менее, не отказывается от использования синонимов из родного языка, что подтверждается неоднократными случаями варьирования кальки и эквивалента — *in unum* > *in eyn / tosammende / tosamene*:

- (2) *Quia dixerunt inimici mei mihi et qui custodiebant animam meam consilium fecerunt in unum*

Wante spreken de viende myn my unde de huddeden de sele myn rat deden in eyn (f. 105^r)

Ибо мои враги говорили против меня и следящие за моей жизнью советуются между собой. (Пс 70:10)

- (3) *Ecce quam bonum et quam iucundum habitare fratres in unum*

Sey wu gut unde wu vrolik is dat wonen de brodere tosamene (f. 185^v–186^r)

Как хорошо и как весело братьям жить вместе. (Пс 132:1)

2.2. Фразеологическое калькирование

Значительно чаще применяется копирование идиоматических выражений. Фразеологические кальки появляются во всех случаях перевода оборотов, восходящих к древнееврейскому тексту: *a facie ignis* > *van antlate des vures*; *a faciem venti* > *vor deme antlate des wyndes*. Оба выражения *a facie ignis* и *a faciem venti* представляют собой кальки древнееврейского מִפְּנֵי אֵשׁ ‘от огня, из-за огня’ и מִפְּנֵי רֵיחַ ‘от ветра’. Они основаны на ошибочной интерпретации составных предлогов מִפְּנֵי ‘из-за, от’ и מִפְּנֵי ‘перед, от’, которые образованы посредством слияния простого предлога מִן ‘с’ в первом случае и направительного суффикса לְ во втором с формой *status constructus* существительного פָּנֶה ‘лицо’. Такой перевод типичен, поскольку буквальная передача гебраизмов характерна для большинства долютеровских переводов псалмов [Schöndorf 1967: 201–202].

2.3. Синтаксическое калькирование

Наиболее продуктивным в исследуемой Псалтири оказывается синтаксическое калькирование. Оно распространяется как на специфические латинские конструкции, так и на структуру целых предложений, включая точную передачу порядка слов в переводимом тексте.

2.3.1. *Ablativus absolutus* Калькирование является доминирующим принципом при переводе оборота *ablativus absolutus*. Структура оборота прочитывается в нижненемецком тексте в последовательности форм причастия и соответствующих местоимений, тогда как оптимальным переводческим решением был бы ввод придаточного предложения с кондиционально-темпоральным значением:

- (4) ***Dante te illis, colligent; aperiente te manum tuam, omnia implebuntur bonitate***

Gheuende dy en, se sammeln; opende dy de hant dyn, alle vorvullet werden in der gude (f. 147^v)

Когда ты даешь им, они принимают; когда ты протягиваешь им руку, они преисполняются благом. (Пс 103:28)

- (5) ***Avertente autem te faciem, turbabuntur***

Affkerende auer du dat antlat, se werden bedronet (f. 147^v)

Если ты отвращаешь [от них] лицо, они взволнуются. (Пс 103:29)

2.3.2. *Причастия*. Варианты перевода латинских причастий, представленные в данном памятнике, неравномерно распределяются по четырем группам. Самую обширную группу составляют немецкие эквиваленты в виде причастий: *congregans* > *sammende*; *cogitantes* > *de denkenden*; *loquentes* > *sprekende* и т. д. Стремление сохранить грамматическую форму оригинальной лексики обнаруживается также при переводе предикативных причастий:

- (6) ***Educens nubes ab extremo terræ***

Utvorende de wolken van enden der erde (f. 186^v–187^r)

Возводит облака от края земли. (Пс 134:7)

Тем не менее, ряд латинских адъективных причастий находит соответствия в виде придаточных предложений:

- (7) ***Memor ero Rahab et Babylonis scientibus me***

Dechtich werde raab unde babilon, der kunst my (f. 126^r)

Я напомним о Рааве и Вавилоне тем, кто знает меня. (Пс 86:4)

- (8) ***Judica, Domine, nocentes me, expugna impugnantes me***

Richte, here, de schaden my, vorwynne de anvechten my (f. 52^r–53^v)

Суди, Господи, тех, кто вредит мне, побори тех, кто нападает на меня. (Пс 34:1)

В третью группу объединяются имена существительные, соответствующие латинским причастиям:

- (9) *Libera me a **persequentibus** me*
*Lose my van **den vorvolgheren*** (f. 147^r)
Избавь меня от моих преследователей. (Пс 141:7)

Самую малочисленную группу образуют эквиваленты в виде прилагательных: *esurientes et sitientes* > *hiungerne ude dorstene; intendes* > *andechtig; vivens* > *leuendich*.

Перевод аналитических форм глагола, в состав которых входит причастие, подчиняется общей стратегии использования немецких структурных аналогов. Тем не менее, на общем фоне выделяются случаи замены аналитических глагольных форм синонимичным односоставным предикатом. В тексте Пс 141:2 вместо формы перфекта пассивного залога употребляется форма имперфекта глагола с тем же значением:

- (10) *Voce mea ad Dominum clamavi, voce mea ad Dominum **deprecatus sum***
*Myt der stempne myn to dem heren rep ek, myt der stempne myn to dem heren **bat** ek* (f. 196^r)
Голосом своим я воззвал к Господу, голосом своим я обратился к Господу с молитвой.

Следует отметить, что в другом аналогичном контексте при переводе используется перфектная форма глагола:

- (11) ***Deprecatus sum** faciem tuam in toto corde meo; miserere mei secundum eloquium tuum*
***Ik hebbe beden** dat antlat dyn in gantzen herten myn; erbarme dy myn na den sproken dyn* (f. 171^r)
Я молился тебе всем сердцем моим; помилуй меня по слову твоему. (Пс 118:58)

2.3.3. *Герундий*. В латинском тексте Псалтири герундий представлен главным образом в форме аккузатива с предлогом *ad*. Немецкий перевод в этих случаях всегда следует схеме *to* + PART.PRÆS.АСТ²¹:

²¹ Использование схемы *to* + PART.PRÆS.АСТ для передачи латинского герундия с *ad* используется в ряде других переводов Псалтири XII–XV вв. [Schöndorf 1967: 210–211].

- (12) *Domine, ad adiuvandum me respice*
Here, to helpende me ansey (f. 67^r)
*Господи, вспомни [обо мне], чтобы спасти меня*²². (Пс 39:14)

- (13) *Et pluit illis manna ad manducandum*
Unde regende en dat hemelsche brot to etende (f. 115^r)
И послал им дождь из манны, чтобы есть. (Пс 77:24)

Единственным отступлением от общей схемы буквального перевода является Пс 9:3. В этом примере конструкция с герундием заменяется личным местоимением с причастием:

- (14) *In convertendo inimicum teum retrorsum*
Du bekerende den vient myn toruggest (f. 9^r)
Когда мои враги были обращены в бегство.

По всей видимости, здесь конструкции с герундием должна была соответствовать финитная клауза ('Ты обратил моих врагов в бегство'), однако переводчик принял решение следовать в данном случае стратегии буквального перевода.

3. Синтаксическое парафразирование

Изменения латинских синтаксических структур незначительны и касаются главным образом ввода дополнительных служебных частей речи, отсутствующих в исходном тексте.

Отказываясь от эквивалентного перевода латинских структур привычными формами родного языка, переводчик сосредоточивает внимание на общей линейной связности (когезии) текста. Упрочнение когезии обеспечивается применением некоторых стандартных средств, таких как местоименная субституция и ввод дополнительных союзов. Одним из наиболее употребительных коннекторов является местоимение *gi* 'ihr':

- (15) *Attendite, popule meus, legem meam; inclinate aurem vestram in verba oris mei*
Andencket gy, lude myn, de ee myn; neghet dat ore iuwe in de wort des myndes myn (f. 113^v)
Внемли, мой народ, моему закону; прислушайтесь к словам из уст моих.
(Пс 77:1)

²² Синодальный перевод: 'Господи, благоволи спасти меня'.

Коннектор *da* (glossda, dann), как правило, вводится для выражения хронологической последовательности:

- (16) *Faciem tuam illumina super servum tuum et doce me iustificationes tuas*

*Dat antlat dyn vorluchte ouer den knecht dyn unde lere my **da** rechtverdinghe dyn* (f. 176^r)

Лицом своим озари раба твоего и научи меня уставам твоим.
(Пс 118:135)

- (17) *Et inimicos meos dedisti michi dorsum, et odientes me disperdidisti*

*Und **da** viende mýn geuestu mý torugge, unde hatere mý du vor domedest* (f. 25^r)

Ты обратил моих врагов в бегство, ты уничтожил ненавидящих меня.
(Пс 17:41)

В случаях, когда пословное копирование структуры латинской фразы может затруднить ее правильное семантическое членение, переводчик вводит дополнительные союзные средства, отделяя тем самым предикативные единицы:

- (18) *Viam fecit semitæ iræ suæ, non pepercit a morte animabus eorum et iumenta eorum in morte conclusit*

*Wech makede he den saghe des tornes syn **unde** nicht sconde he van dode de sele er unde dat quck er in dode he beslooth* (f. 116^v)

Он проложил путь своему гневу, не уберег от смерти их души и умертвил их скот.
(Пс 77:50)

В роли дополнительного связующего элемента может выступать союз *dat*:

- (19) *Quanta audivimus et cognovimus ea, et patres nostri narraverunt nobis*

*Wo grot **dat** wy horden unde bekanden se, unde de vadere unse kundegheden uns* (f. 113^v)

Как много того, что мы слышали и узнали, и отцы наши рассказали нам.
(Пс 77:3)

Пример местоименной репризы являет текст Пс 88:53. Финальная часть стиха содержит восклицание с дублированием презентной формы конъюнктива *fiat fiat*²³. В немецком переводе глагол сопровождается указательным местоимением *dat*:

- (20) *Benedictus Dominus in æternum! fiat fiat*
Benediet is de here eweliken! dat werde dat werde (f. 131^r)
Благословен Господь вовек! Да будет [так], да будет [так].

Примечательно, что формула *fiat fiat* встречается в тексте Псалтири трижды и всякий раз интерпретируется с незначительными изменениями. В Пс 105:48 к версии с дополнительным местоимением добавляется вариант перевода одной и той же лексемы в пределах синтагмы:

- (21) *Benediet sy de here, god israhelis, van der werlt wente in de werlt, unde spreken schal alle volk dat wert dat gesche* (f. 154^r)
Благословен Господь, Бог Израиля, от века до века, и пусть весь народ скажет: «Да будет [так], да случится [так].»

Текст Пс 40:14 демонстрирует своеобразную комбинацию двух вышеупомянутых версий. Восклицание оформлено при помощи дополнительного местоимения в комплексе с союзом *unde* и содержит оба глагольных эквивалента. Кроме того, дублирование формы наводит на мысль об ошибке писца: возможно, переводчик пословно скопировал латинскую фразу, упустив из поля зрения начало прежнего варианта; таким образом, в пределах одного стиха оказались реализованы два полярных переводческих метода:

- (22) *Benediet is de here, god itrahel, van der werlt in de werlt; dat werde unde lche lche* (f. 69^v)
Благословен Господь, Бог Израиля, от века до века; да будет [так] и [пусть] случится, [пусть] случится [так].

4. Лексическое парафразирование

Парафразирующий перевод отдельных лексем и словосочетаний является наиболее частой формой трансформации латинского

²³ От др.-евр. *יָשָׁח* 'истинно' — библейская формула со значением подтверждения сказанного.

оригинала. В фокусе внимания переводчика находятся главным образом существительные и глаголы. При этом спектр переводческих решений весьма ограничен. Сопоставительный анализ латинского и нижненемецкого текстов позволяет выделить две ключевые тенденции: а) уточнение и б) упрощение исходной единицы перевода. Обе тенденции реализуются в рамках общей прагматической установки переводчика, обусловленной стремлением облегчить восприятие текста при сохранении высокой точности перевода.

4.1. Уточнение

Распространенным случаем добавления уточняющего атрибутива при передаче той или иной лексемы является перевод слов с выраженной национально-культурной окраской²⁴. Переводчик избегает прямых заимствований слов, отсутствующих в немецком языковом узусе. Так, читателю, не знакомому с библейской географией, едва ли могли быть понятны названия гор, встречающиеся в тексте Вульгаты, поэтому при переводе оронимов к исходной словоформе, транспонируемой в неизменном виде, обязательно добавлялось слово *berch*:

- ⇒ *in Selmon* > *in den berghe selmon* (f. 99^v) (*на Селмоне* > *на горе Селмон*; Пс 67:15);
- ⇒ *super Libanum* > *ouer libanum den berch* (f. 107^r) (*над Ливаном* > *над горой Ливанской*; Пс 71:16);
- ⇒ *ros Hermon* > *also dav des berghes hermon* (f. 186^r) (*роса Ермонская* > *роса горы Ермон* Пс 132:3);
- ⇒ *Thabor* > *Thabor de berch* (f. 128^v) (*Фавор* > *гора Фавор*; Пс 88:13);
- ⇒ *et cedri Libani* > *de cedrenbome des berghes libani* (f. 146^v) (Пс 103:16).

Уточняющая аддиция оказывается достаточной при переводе собственных имен, однако не всегда способна образовать адекватные эквиваленты для имен нарицательных. Единственным

²⁴ Ср. «Belege (...) reihen sich ein in die allgemein für Br[emer]E[vangelistar] zu beobachtende Tendenz zur Vermeidung von Fremd- und Lehnwörter bzw. von Lexemen mit explizit AS-kulturellem Bezug, die durch entsprechende einheimische Wortformen ersetzt bzw. vereinfachend umschrieben werden» [Bieberstedt 2004: 436–437].

примером такой аддиции при имени нарицательном может служить текст Пс 8:9, где в словосочетании *pisces maris* появляется дополнительный генитивный атрибут *des waters*:

- (23) *Volucres celi et pisces maris, qui perambulant semitas maris*
Voghele der lucht und vische des waters meres, de bewanderen de
stighe des meres (f. 9^v)
Птиц небесных и рыб морских, [всех] кто ходит морскими тропами.

В ряде случаев при отсутствии немецкого эквивалента переводчик использует вольную интерпретацию исходной лексемы. В тексте Пс 77:24 аналогом слова *manna* становится выражение *dat hemelsche brot*:

- (24) *Et pluit illis manna ad manducandum et panem cæli dedit eis*
Unde regende en dat hemelsche brot to etende unde brot des hemels
gaf he en (f. 115^r)
И послал им дождь из манны, чтобы есть, и хлеб небесный дал им.

Примечательно, что в рамках хиастической конструкции, содержащейся в этом стихе, использование двух разных переводческих методов дает одинаковый результат: в первой части хиазма реализуется свободная интерпретация *manna* > *dat hemelsche brot*, а во второй части решение принимается в пользу буквального перевода *panem cæli* > *brot des hemels*.

Более распространенным способом передачи лексемы при отсутствии адекватного эквивалента является метонимическая замена. В тексте Пс 80:4 переводчик отказывается от буквального перевода *neomenia* ‘новолуние’ и предлагает более широкую интерпретацию *den hochtides daghen* ‘в дни праздника’:

- (25) *Buccinate in neomenia tuba, in insigni die solemnitatis vestræ*
Blaset in den hochtides daghen myt der basunen, in den werdagen
der hochtnisse iuwer (f. 120^v–121^r)
В новолуние трубите в трубы, в означенный день вашего праздника.

Метонимическая замена обнаруживается также в Пс 75:2. Названию области *Iudæa* в нижненемецком тексте соответствует лексема, обозначающая население *iodeschen*: *Notus in Iudæa Deus* > *Bekant in den iodeschen is god* (f. 111^v) ‘В Иудее знают Бога’.

Аналогичным образом переводчик действует при передаче топонима *Aethiopia*. Во всех без исключения примерах эквивалентом этому названию выступает *dat morlant* ‘Mohrenland, страна смуглых’, вероятно, более знакомое и понятное потенциальному читателю.

4.2. Упрощение

Вероятной причиной вариантного перевода представляется упрощение лексемы в том случае, если ее стилистическая окраска может помешать восприятию текста. Прежде всего, это относится к иноязычным словам в составе латинского оригинала. Так, неоднократно отмечается чередование прямого заимствования слова *aspis* ‘аспид’ с немецким эквивалентом *slange* более широкого значения ‘змея’:

- (26) *Super **aspidem** et basiliscum ambulabis et conculcabis leonem et draconem*

*Ouer **den slangen** unde basiliken wanderstu unde tredest den lowen unde draken* (f. 133^v)

Наступишь на аспида и василиска и будешь попирать льва и дракона.
(Пс 90:13)

- (27) *Acuerunt linguas suas sicut **serpentis**; venenum **aspidum** sub labiis eorum*

*Se scherpeden de tongen er alse **slangen**; vorgiftnisse **der slanghen** under den lippen er* ((f. 194^r))

Они сделали свои языки острыми, как у змеи; яд аспида у них на устах.
(Пс 139:4)

Однако же тенденция к упрощению транспонируемой лексемы охватывает прежде всего глагольный ряд. Обращает на себя внимание следующий факт: если при переводе имен одной и той же лексеме нередко может соответствовать несколько немецких вариантов, то в случае с глаголами переводческая стратегия выглядит прямо противоположной. Группы семантически сходных латинских глаголов объединяются одним немецким эквивалентом: *bekennen* < *confiteri, cognoscere*; *lernen* < *erudire, docere, discere*; *breken* < *confringere, diripere*; *singen* < *psallere, cantare*.

Результатом такого переводческого подхода становится нивелирование стилистических особенностей исходного текста:

- (28) *Cantate ei canticum novum bene psallite ei in vociferatione*
Singet em sank nige wol singet em in dem in ropende (f. 148^r)
Пойте ему новую песнь, пойте ему псалмы, восклицая. (Пс 104:2)

Тем не менее, общая тенденция к элиминации смысловых оттенков не исключает случаев вариантного перевода одних и тех же латинских глаголов:

- ⇒ *percipio* > *entfangen, begripen, vornemen*
⇒ *intelligo* > *vornemen, andenken*

4.3. Заимствованная лексика

На общем фоне выделяется группа латинских заимствований. К их числу относятся термины религиозной сферы²⁵, известные потенциальному читателю по ежедневной литургической и молитвенной практике и прочно укоренившиеся в немецком языковом обиходе: *templum* > *tempel*, *propheta* > *prophete*, *cherubim* > *cherubyn*, *castigation* > *castiginge*. Тем не менее, тот факт, что эти лексемы уже вошли в употребление, не исключает вариативности при переводе. Глагол *benedicere*, обладающий значениями 1) ‘славить, прославлять’ и 2) ‘благословлять’, представлен в немецком тексте четырьмя эквивалентами: *segnen* (19 раз) — *benedien* (26 раз) / *loben* (7 раз) / *wol spreken* (12 раз). Очевидно, что при переводе этого глагола в его первом значении переводчик отдает предпочтение немецким эквивалентам, а не поморфемной кальке *wol spreken*, причем приоритетным эквивалентом является заимствованное слово *benedien*²⁶. Существительное *synagoga* встречается в тексте Псалтири четыре раза и транспонируется в неизменном виде, кроме одного контекста. В Пс 7:8 зафиксирован немецкий эквивалент *samyng*:

- (29) *Et exurge, Domine, Deus meus, in praecepto, quod mandasti, et synagoga populorum circumdabit te*

²⁵ Такие термины С. Зайферт именует «лексемными константами», характерными именно для библейского языка [Seyferth 2001].

²⁶ Глагол *benedien* окончательно укоренился в языковом обиходе в XIV в., обладая теми же значениями, что и латинский оригинал. По свидетельству К. Шёндорфа, к XV в. это заимствование стало в переводах псалмов повсеместным и практически вытеснило немецкие соответствия в виде глаголов *segnen* и *loben* [Schöndorf 1967: 161–162]. При этом в ряде переводов *segnen* и *loben* оказывались взаимозаменяемы; в исследуемой Псалтири переводчик четко различает контекстные значения слова и варьирует лишь синонимичные эквиваленты.

*Unde upsta, here, god mýn, in den bode, dat du bodest, und **de sa-
mynghe** der lude umme deyt dý* (f. 8^r)

*Восстань, Господь, Бог мой, на суд, который ты установил, и собрание
людей окружит тебя.*

Заключение

Результаты анализа позволяют сделать вывод о принадлежности исследуемой нижненемецкой Псалтири к смешанному типу перевода, подтверждая первоначальную гипотезу: интерлинейный перевод совмещается в ней с интерпретирующими и описательными элементами, что в целом весьма типично для переводов XIV–XV вв. [Sonderegger 1998]. Широко распространено калькирование синтаксических структур латинского текста. Морфемное калькирование, напротив, не продуктивно: количество таких примеров весьма ограничено, причем обнаруженные кальки регулярно чередуются с собственно немецкими аналогами. При практическом отсутствии свободной трактовки оригинала выделяются случаи парафразирования. Основной областью применения данного метода оказывается лексика. При этом можно выделить два доминирующих принципа. Во-первых, отмечается упрощение исходных лексем, сопровождающееся сужением синонимического ряда и нивелированием дополнительных семантических оттенков; соответствие текстов перевода и оригинала, таким образом, достигается на уровне денотативной эквивалентности без учета стилистического компонента. Во-вторых, переводчик вводит уточнение для ряда лексем, чтобы облегчить восприятие текста читателю, плохо знакомому с латинской стилистикой. Таким образом, калькирование синтаксических структур оригинала компенсируется дополнительным использованием средств когезии, а также парафразированием на лексическом уровне. Данная практика подчинена общей прагматической установке переводчика — создать связный вспомогательный немецкий текст, не нарушив при этом смысловой и структурной целостности латинского оригинала.

Литература

- Алексеев 2002 — А. А. Алексеев. Библейский перевод // Церковный вестник 5, 2002. С. 29–34.
- Бархударов 1975 — Л. С. Бархударов. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
- Комиссаров 1990 — В. Н. Комиссаров. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
- Комиссаров 2001 — В. Н. Комиссаров. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001.
- Крюкова 2013 — Д. Б. Крюкова. Нижненемецкая Псалтирь XV в. из Гальберштадта (РНБ, Ф. 955 оп. 2 № 46): предварительные наблюдения над языком памятника // Материалы семнадцатых чтений памяти И. М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVII», 2013. С. 469–482.
- Крюкова 2014 — Д. Б. Крюкова. Нижненемецкая Псалтирь из Гальберштадта в рукописном собрании РНБ // Вспомогательные исторические дисциплины XXXIV, 2014. С. 217–232.
- Фёдоров 2002 — А. В. Фёдоров. Основы общей теории перевода. СПб. — М.: Филологический факультет СПбГУ — ООО «Издательский Дом „Филология Три“», 2002.
- Швейцер 1988 — А. Д. Швейцер. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). М.: Наука, 1988.
- Bieberstedt 2004 — A. Bieberstedt. Die Übersetzungstechnik des Bremer Evangelistars. Eine syntaktisch-stilistische Analyse unter Einbeziehung von Vergleichsübersetzungen des 14. bis frühen 16. Jahrhunderts. Berlin — New York: De Gruyter, 2004.
- Bondarko, Logutova, Lyakhovitskiy 2012 — N. Bondarko, M. Logutova, E. Lyakhovitskiy. Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg // A. Breith, Ch. Glaßner, K. Klein, M. Schubert (eds.). Manuscripta germanica. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas. Stuttgart: Hirzel Verlag, 2012. P. 123–157.
- Brandt 1906 — S. Brandt. Boethii in Isagogen Porphyrii Commenta. Vienna: F. Tempsky, 1906.
- Brodführer 1922 — E. Brodführer. Untersuchungen zur vorlutherischen Bibelübersetzung. Eine syntaktische Studie. Halle: Verlag von Max Niemeyer, 1922.
- Copeland 1991 — R. Copeland. Rhetoric, Hermeneutics, and Translation in the Middle Ages: Academic Traditions and Vernacular Texts. Cambridge Studies in Medieval Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Grubmüller 2007 — K. Grubmüller. Deutsche Übersetzungen lateinischer Texte

- im Mittelalter // Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Bd. 26.2. Berlin — New York: De Gruyter, 2007. S. 1713–1723.
- Hubbell 1969 — H. M. Hubbell. De optimo genere oratorum // Cicero. De Inventione, De Optimo Genere Oratorum. Topica. London: William Heinemann Ltd., 1969.
- Ising 1961–1976 — G. Ising. Die niederdeutschen Bibelfrühdrucke. Kölner Bibeln (um 1478) Lübecker Bibel (1494) Halberstädter Bibel (1522). 6 Bde. Berlin: Akademie Verlag, 1961–1976.
- Janota 2004 — J. Janota. Bibelübersetzungen // Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zum Beginn der Neuzeit. Bd. III. Vom späten Mittelalter zum Beginn der Neuzeit, T. I: Orientierung durch volkssprachige Schriftlichkeit (1280/90 — 1380/90). Tübingen: Niemeyer, 2004. S. 449–462.
- Kartschoke 1982 — D. Kartschoke. Biblia versificata. Bibeldichtung als Übersetzungsliteratur betrachtet // Was Dolmetschen für Kunst und Arbeit sey. Beiträge zur Geschichte der deutschen Bibelübersetzung. Vestigia bibliæ. Bd. 4. Hamburg: Peter Lang, 1982. S. 23–41.
- Kirchert 1984 — K. Kirchert. Grundsätzliches zur Bibelverdeutschung im Mittelalter // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur 113, 1984. S. 61–78.
- Koller 2007 — W. Koller. Übersetzung im Rahmen der Kulturgeschichte des deutschen Sprachraums // Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Bd. 26.2. Berlin — New York: De Gruyter, 2007. S. 1700–1712.
- Maurer 1929 — F. Maurer. Studien zur mitteldeutschen Bibelübersetzung vor Luther. Heidelberg: C. Winter, 1929.
- Nida, Taber 1974 — Nida E., Ch. Taber. The Theory and Practise of Translation. Leiden: Brill, 1974.
- Reiss 1985 — K. Reiss. Paraphrase und Übersetzung. Versuch einer Klärung // J. Gnilka, H. P. Rieger (eds.). Die Übersetzung der Bibel — Aufgabe der Theologie. Stuttgarter Symposion 1984. Bielefeld: Luther-Verlag, 1985. S. 273–287.
- Reiss, Vermeer 1991 — K. Reiss, H. J. Vermeer. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie, 2. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1991.
- Schöndorf 1967 — K.-E. Schöndorf. Die Tradition der deutschen Psalmenübersetzung. Untersuchungen zur Verwandtschaft und Übersetzungstradition der Psalmenverdeutschung zwischen Notker und Luther. Köln: Böhlau, 1967.
- Schwarz 1985 — W. Schwarz. Schriften zur Bibelübersetzung und mittelalterlichen Übersetzungstheorie // H. Reinitzer (ed.). Vestigia Bibliæ. Bd. 7. Hamburg: Peter Lang, 1985.
- Seyferth 2001 — S. Seyferth. Bibelsprachliche Lexemkonstanten in Martin Luthers Septembertestament, verglichen mit früheren spätmittelalterlichen

- Übersetzungen // W. Groß (ed.). Bibelübersetzung heute — Geschichtliche Entwicklungen und aktuelle Anforderungen. Stuttgarter Symposion 2000. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2001. S. 49–71.
- Sonderegger 1998 — S. Sonderegger. Geschichte deutschsprachiger Bibelübersetzungen in Grundzügen // W. Besch et al. (eds.). Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Bd. 2.1. Berlin — New York: De Gruyter, 1998.
- Vollmer 1938 — H. Vollmer. Neue Beiträge zur Geschichte der deutschen Bibel im Mittelalter // Bibel und deutsche Kultur / 8. Potsdam: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaionm. m. b. H, 1938.
- Vorbeck-Heyn 2008 — M. Vorbeck-Heyn. Die deutschsprachige Evangelientradition im 14. und 15. Jahrhundert und ihre Textgliederungsprinzipien. Berlin: Weidler Buchverlag, 2008.

С. В. Русанова

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск

ТЕРМИНЫ ЧЕЛОБИТНАЯ И ПРОШЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ XVIII ВЕКА

1. Введение

В лексикографической литературе челобитная представлена достаточно стереотипно. Обращают на себя внимание хронологические рамки, традиционно ограничивающие функционирование челобитных началом XVIII в., и место их подачи — приказы; также челобитные могли вручаться царю во время его выхода из дворца или в походе. Так, в [Ожегов, Шведова 2004: 879] *челобитная* определяется как «письменное прошение, жалоба в России до начала 18 в.»; в [ССРЛЯ 1965: 822] — «в допетровской Руси (иногда в более позднее время) прошение, жалоба, подававшиеся на имя царя или местным властям»; в [СРЯ-4 1987: [659] — «грамота с прошением или жалобой, подававшаяся на имя царя или местным властям в Русском государстве 15 — начала 18 вв.»; в [СИЭ 1974: 834] — «в делопроизводстве России в 15 — начале 18 в. просьбы или жалобы, подававшиеся центр. или местным властям. Ч. были основной формой обращения к государю. (. . .) В Москве их подавали на имя царя в *приказы* (особенно в спец. *Челобитный приказ*). Во время выходов царя из дворца и походов Ч. могли быть вручены непосредственно ему или сопровождавшим его лицам»¹.

Однако современные исследования деловой письменности XVIII в. позволяют говорить о том, что функционирование челобитной не ограничивается началом столетия, что в делопроизводстве XVIII в. челобитная была одним из ключевых документных жанров, до конца восьмидесятых годов столетия прочно удерживающим свои позиции.

¹ Список перечисленных словарей и энциклопедий можно продолжить за счет многочисленных интернет-источников.

Будучи унаследованной из приказного делопроизводства и послужив базой для таких просительных жанров XVIII в., как доношение, объявление и прошение, челобитная сама трансформируется, встраиваясь в новую жанровую парадигму канцелярского делопроизводства [Русанова 2011; 2012; 2013]. У исследователей закономерно возникает вопрос о характере взаимоотношения между названными жанрами. Высказываются мнения, что некоторые из них, в частности *прошения*, появившиеся в делопроизводстве только во 2-ой половине XVIII в., по своей функциональной направленности дублировали челобитные [Майоров 2006: 40]. О. В. Трофимова, исследующая тюменскую деловую письменность последней трети XVIII в., на основе встречающейся в формуляре лексической вариативности приходит к выводу, что в этот период документы, адресованные императрице и традиционно именуемые челобитными, грамотными людьми и служащими канцелярий, составлявшими их от имени челобитчиков, воспринимались «и как челобитные (челобитья), и как доношения, и как прошения» [Трофимова 2002: 78].

Однако выявление факта функционального дублирования просительных жанров и смешения соответствующих терминов актуализирует вопрос о допустимости столь широкой вариативности и ее причинах в условиях регламентированного законодательством запрета на нарушение формы документа. Особый интерес, на наш взгляд, представляет история отношений между терминами *челобитная* и *прошение*, истоки которой следует искать в законодательных актах, регулировавших процесс документообразования.

2. Законодательные акты XVII–XVIII вв., являющиеся этапными в терминологической истории челобитной

Из большого числа законодательных актов XVIII в., посвященных челобитным, можно выделить две группы основополагающих.

К первой следует отнести Генеральный регламент 1720 г. [ПСЗ 1830: VI, № 3534], Именной указ о форме суда 1723 г. [ПСЗ 1830: VII, № 4345], ряд указов Петра I о процедуре подачи челобитных, например, Именные указы от 21 марта и 9 декабря 1714 г. [ПСЗ 1830: V, № 2787, 2865], Сенатский указ от 19 июля 1764 г. о сборах с челобитных, изданный в начальный период правления Екатерины II [ПСЗ 1830: XVI, № 12.210].

Данные акты законодательно закрепляли *челобитную* не только как общее наименование просительных документов канцелярского делопроизводства, адресантами которых являются частные лица, но и как исковое заявление частного лица, инициирующее судебный процесс и подающееся в необходимые инстанции.

Ко второй группе относятся сенатские указы о титулах монарха, связанные с началом правления очередного императора и отражающие эволюцию жанрово-стилистического оформления челобитных в ряду других ключевых разновидностей документов [ПСЗ 1830: VII, 1725 г., № 4755; VII, 1727 г., № 5071; VIII, 1730 г., № 5501; XI, 1741 г., № 8475; XVI, 1762 г., № 11.590)].

Говоря о преемственности законодательной традиции в наименовании просительных документов, следует, безусловно, остановиться на фундаментальном законодательном документе допетровской эпохи — Уложении Алексея Михайловича 1649 г. [ПСЗ 1830: I], продолжающем выполнять регулирующую функцию в делопроизводстве XVIII столетия.

Именно в Уложении 1649 г. окончательно закрепился лексико-семантический ряд *бить челом* — *челобитье* — *челобитная* — *челобитчик* [Волков 1972: 57–58], представляющий собой результат конкурентной борьбы лексем, которые создавались языком в течение длительного времени для обозначения важных для жизни и актуальных для делопроизводственной практики понятий, связанных с просьбой, жалобой². В главе X «О суде» подробно описывается процедура подачи *истцовых исков*, или *исковых челобитных* [ПСЗ 1830: I, гл. X, ст. 101–104: 27], *челобитных* на имя государя о неудовлетворительном решении суда [ПСЗ 1830: I, гл. X, ст. 20: 20]; *мировых челобитных* [ПСЗ 1830: гл. X, ст. 121: 31].

Как видим, в приказном законодательстве была выработана судебно-правовая терминология, дифференцирующая основные

² Слово сочетание *бить челом* ‘низко кланяться’ в первой четверти XIV в. наполнило ряд слов со значением действия: *молити*, *просити* ‘обращаться с просьбой’, *жалитися*, *жаловати(ся)*, *жалобитися* ‘просить о суде или помощи; приносить жалобу в суд’, вытеснив их на второй план к середине XVI столетия и впитав их значения; *челобитье* как имя действия, выраженного сочетанием *бить челом*, вошло в язык почти одновременно с ним, объединив значения слов *просьба*, *прошение* и *жалоба*; неологизм *челобитная* вместо термина *жалобница* появляется в источниках в последней четверти XVI в., полностью заменив его к началу XVII столетия [Волков 1972: 48–54].

функциональные разновидности прошений частных лиц, тщательно разработаны вопросы, связанные с процедурой подачи исковых и апелляционных челобитных в судебные органы. Все это объясняет причины сохранения в петровскую эпоху приказного термина *челобитная* для обозначения просительных документов, в то время как прочие приказные жанры и их наименования подверглись изменению.

3. *Челобитная vs. прошение* в законодательных актах до начала 60-х гг. XVIII в., посвященных исковому заявлению и его формуляру

Важным этапом в терминологической истории *челобитной* были петровские указы, в которых *челобитная* вступает в два ряда системных отношений: с одной стороны, выстраивается оппозиция *челобитная* — *доношение*, отражающая установку законодателей на четкое разграничение государственных и частных интересов и, соответственно, деление всех дел, поступающих в делопроизводство, на государственные и частные [Русанова 2013]; с другой стороны, параллельно с *челобитной* и с *челобитьем* активно используется лексема *прошение*, вхождение которой в терминосистему делового языка XVIII в. характеризуется поэтапным преобразованием ее исходной семантики, унаследованной из языка предыдущей эпохи и включавшей два значения: «действие по глаголу просити» и «то, о чем просят, предмет просьбы» [СРЯ 1995: 10] ³.

³ К сказанному следует добавить, что лексема *прошение* имеет глубокие, книжные корни [Старославянский словарь 1999: 531]. В древнерусском языке она употреблялась параллельно с такими именами действия, как *проситва* и *просьба*, однако в отличие от последних использовалась не только в церковно-книжной письменности, но и в светской [Волков 1972: 48]; см. также: [Срезневский 1895: II, с. 1567, 1589, 1610]. *Прошение* проникает и в деловой язык. Ценное замечание об особенностях функционирования лексемы в приказном языке делает С. С. Волков: *прошение* обнаруживается в языке грамот, в частности жалованных, в «тавтологическом сочетании со словом *челобитье*», что подтверждает вышеприведенные лексикографические дефиниции. Ср. в жалованной грамоте 1460 г.: «Се аз, Иона, митрополит киевский и всея Руси, пожаловал есмь сына своего князя Дмитрея Ивановича по *прошению* его и по *челобитью*» [Волков 1972: 50–51]. Однако в языке Уложения 1649 г. данная лексема не обнаруживается; возвращается она в язык законодательных актов, по нашим данным, значительно позже, случаи ее употребления отмечаются, например, в 1680 г.: «а в тех своих челобитных пишете, чтоб Он Великий Государь *пожаловал*

Так, в именном указе от 19 июля 1700 г., посвященном написанию и подаче искового заявления, последнее именуется только *челобитной*. В тексте указа объемом чуть больше страницы наименование искового документа встречается 11 раз и во всех случаях это *челобитная*, которая может быть с определением — *исковая челобитная* [ПРП 1961: 232–233]. Аналогичная картина отражена и в указе Юстиц-Коллегии от 15 июля 1719 г. [ПРП 1961: 70–71]. В именном же указе от 22 декабря 1718 г. о запрете подавать иски прошения государю, минуя специально учрежденные для этого «правительственные места», и писать жалобы на Сенат как синонимы уже используются глагольно-именные сочетания *подавать прошения, бить челом, подавать челобитные, иметь челобитье* (куда-либо) [ПРП 1961: 62–64]. Ключевым для челобитной как просительного документа канцелярского делопроизводства является именная указ 1723 г. «О форме суда», официально закрепляющий на уровне утвержденного формуляра, немногословного по своему лексическому составу, два ряда терминов, объединенных общим этимологом «просить», но отличных по формальному составу: *бить челом — челобитье – челобитная и просить — прошение*. Приведем Форму челобитным в связи с ее актуальностью для нашего исследования:

Форма челобитным

Титло

Потом бьет челом имрак на имрака, а в чем мое прошение, тому следуют пункты, и писать пункт за пунктом.

Прошу Вашего Величества, о сем моем челобитье решение учинить. [ПРП 1961: 636]

Демонстрируя преемственность длительной приказной традиции в обозначении самой распространенной разновидности документов, законодательство Петра I принимает компромиссное решение и официально закрепляет вариативное употребление двух рядов терминов с доминированием в качестве названия искового заявления термина *челобитная*, что нашло отражение в формах о титулах последующих императоров.

Однако структура цитируемого формуляра заслуживает более пристального внимания, т. к. формулы, образующие его,

умилосердился, как Бог; и то слово в челобитных писать непристойно, а писать бы вам в прошении о своих делах: для прилучившагося котораго наставшаго праздника и для его Государскаго многолетнаго здравия [ПСЗ 1830: II, № 826].

организуются зеркально соотносимыми парами семантически мотивированных словоформ:

Бьет челом → *а в чем мое прошение*

↓

Прошу → *о сем моем челобитье*

↑

Подобная организация формуляра актуализирует у лексемы *прошение* два взаимосвязанных значения «действие по глаголу *просить* — обращаться к кому-л. с просьбой, побуждая выполнить ее» и «то, о чем просят, предмет просьбы», вследствие чего *прошение* образует синонимическую пару с *челобитьем* («письменной просьбой»), а не с *челобитной* («официальным документом, содержащим письменную просьбу»).

Еще ярче актуализирует смысловые отношения данных терминов благодаря метатекстовым вставкам форма о титулах Елизаветы Петровны 1741 г., представляющая развернутый вариант прототипической формы петровской эпохи:

В челобитных

Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государыня, Императрица Елисавет Петровна, Самодержица Всероссийская, Государыня Всемиловитейшая.

Бьет челом имярек на имярека, а в чем мое прошение, тому следуют пункты. (*И писать пункт за пунктом.*) А по окончании пунктов в начинании прошения писать тако: И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было (*и писать прошение.*) А в окончании: Всемиловитейшая Государыня! прошу Вашего Императорского Величества о сем моем челобитье решение учинить.

[ПСЗ 1830: XI, № 8475]

Следует упомянуть еще об одной формуле — рукоприкладстве, — утвержденной законодательно, хотя и не зафиксированной в исследуемой форме челобитным. Формула рукоприкладства к сей челобитной руку приложил следовала за формулой просьбы, эксплицировала самоназвание документа (которое по традиции не выносилось в заголовок, в отличие от названий других документов) и тем самым вербально противопоставляла термин *челобитная* термину *челобитье*, актуализирующему содержательную составляющую челобитной. Ср., в восточносибирских документах: *к се' челобит'ной вместо | Алексея Безрукова прошениемъ ево Дми | тре' Ха'дуковъ руку приложилъ* [НАРБ, ф. 262, оп. 1. д. 6, л. 1 об., 1727]; *Къ сей челобит | но месъто Федора Голоушъкина*

его | *прошением* *Алекѣсий Курицын руку | приложилъ* [НАРБ, ф. 262, оп. 1. д. 6, л. 92 об., 1735]; *к подлинной челобитной с[в]ященникъ Андреи Стефанов руку при | ложилъ* [ПЗДП 2005: 76, л. 89 об., 1755]⁴.

В то же время следует отметить, что в делопроизводительной практике в формуле рукоприкладства оказывается возможным варьирование *челобитной* с *прошением*, отличающимся более широкой семантикой. Особенно интенсивным данный процесс был в 30-е гг. Ср.: *К сему | прошению вместо Петра Бронникова его прошением || Андре' Шаманов руку приложилъ* [НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 6, л. 25–25 об., 1730]; *К сему прошению Петръ | Захаровъ руку приложил К сему прошению Миха | ло Мурзин руку приложил* [НАРБ, ф. 262, оп. 1. д. 6, л. 49 об., 1731].

Внимания заслуживает и элемент *по прошению* или *прошением*, который вводился при необходимости (при неумении челобитчика писать) в формулу рукоприкладства и актуализировал у глагола первое из отмеченных выше значений — «действие по глаголу *просить*; просьба». См. примеры, приведенные выше.

В законодательных актах 40-х гг. семантика *прошения* расширяется, термин начинает активнее использоваться для наименования просительного документа по делу, не требующему судебного решения, т. е. неисковой челобитной. Так, в Высшей резолюции на доклад Сената от 27 апреля 1741 г. речь идет о позволении продавать недвижимое имущество для уплаты долгов «по прошениям княгини Марфы Долгоруковой» [ПСЗ 1830: XI, № 8363]; в Высшей резолюции от 23 сентября 1741 г. — об увольнении двух домов от платежа поземельных денег по «прошению» старосты Евангелического лютеранского прихода [ПСЗ 1830: XI, № 8451].

Этапным в семантической истории терминов *челобитная* и *прошение* является синодский указ 1752 г. периода правления Елизаветы Петровны, утверждающий новую разновидность просительного документа и актуализирующий новое значение у термина *прошение* — «прошение иноверцев, пожелавших перейти

⁴ Аналогичные формулы представлены и в других просительных документах. Так, в доношениях: *к сему доношению Дмитре' Ха'дуковъ | руку приложил* [НАРБ, ф. 262, оп. 1. д. 6, л. 13 об., 1729]; *к сему | доношению вместо казначея Романа Сидоровых | и за себя казначеи Гаврило Попов руку приложилъ* [ПЗДП 2005: 69, л. 147, 1764]; в объявлениях: *К сему объявлению прошение (sic!) Федора Ка | закова Иванъ Бунзиков руку приложилъ* [ПЗДП 2005: 79, л. 57, 1755].

в православную веру, о допущении к крещению» [ПСЗ 1830: XIII, № 9825: 393–395]. Указ содержит два формуляра, предназначенные для правильного составления иноверцами «саможелательных их письменно заручных прошений». Формуляр I. «В какой силе подавать прошения желающим крещения Татарам». Формуляр II. «Како прошения писать от Идолаторов ко крещению приходящих и прочих не в Магометанском законе состоящих». Приведенные образцы просительных документов содержат традиционные для челобитных формулы, которые, однако, кроме начальной формулы челобитья *бьет (бьют) челом*, маркируются термином *прошение*. Для сравнения приведем фрагменты формуляра I:

По написании Ея Императорскаго Величества титула, как в печатной форме показано, писать следующее:

Бьет челом состоящий (или состоящие) в Магометанском законе служилый (или служилые), буде ж будут ясачные, то писать: ясачный (или ясачные) такого-то места житель, (или жители) Татары, имярек. А о чем мое, или наше прошение, тому следуют пункты: <...>

И дабы Высочайшим Вашего Императорскаго Величества указом повелено было сие мое (или наше) прошение к проповедническим делам принять и по вышепоказанному моему (или нашему) самоизвольному желанию и прошению меня именованного (или нас именованных) в тое Христианскую веру огласить и просветить меня (или нас) Святым крещением.

Всемиловнейшая Государыня! прошу (или просим) Вашего Императорскаго Величества о сем моем (или нашем) прошении решение учинить. [ПСЗ 1830: XIII, № 9825: 394]⁵

4. Классификация челобитных в законодательных актах первой половины 60-х гг. XVIII в. Конец терминологической конкуренции

Следующим важным для понимания жанрово-функциональной специфики просительных документов и семантического наполнения термина *челобитная* был указ от 19 июля 1764 г. «О сборах с явочных, апелляционных и исковых челобитен», утвержденный Екатериной Великой на заре ее правления [ПСЗ 1830: XVI,

⁵ Подобные прошения встречаются в региональных архивных материалах и обычно квалифицируются как челобитные [ПЗДП 2005: 75, л. 56–56 об., 1754].

№ 12.210]. Будучи формально связанным с одной из статей государственного дохода — сбором пошлин с челобитных, указ содержит достаточно исчерпывающую лексикографическую информацию о функциональных разновидностях просительных документов того времени, чем отличается от предыдущих аналогичных указов (ср., например, пункт 6 реестра «положенным по новым штатам на жалованье сборам» в Манифесте от 15 декабря 1763 г. [ПСЗ 1830: XVI, № 11.988: 460]). Так, в соответствии с указом выделяются следующие разновидности челобитных:

1. явочные, которыми челобитчики, о чем то ни было, изъясняют впред для своей очистки или для иска⁶,
2. апелляционные, те, которыми просят о переносе решенных дел из одного Судебного места в другое Вышнее,
3. исковые, единственно те, коими челобитчики ищут исков, то есть штрафов, как за причиненные им обиды, так и за держание беглых людей, пожилых лет, и за владенных денег, за завладенных ж, как всякия пожитки и вещи, равным образом с заемных денег процентов и рекамбиев и прочих званиев исковые челобитные, по которым, как по Уложению 10 главы 100, 101 и 102 пунктам, и по указу о Форме Суда 1723 года, у истцов с ответчиками суда производятся,
4. (челобитные,) коими челобитчики просят правосудного возвращения себе, или о справке за ними им законно-принадлежащего, или же о каком либо себя защищении, или пранадлежащего (sic!) себе ко исправлению своих должностей, яко заслуженного жалованья, чину и увольнения от службы и прочих званиев, по которым судов не производится, (такие челобитные) исковыми не почитать [ПСЗ 1830: XVI, № 12.210: 842].

Последняя группа челобитных в указе терминологически не дифференцируется. Как представляется, для именованя просительных документов именно этой группы, иначе говоря, неисковых челобитных, и начинается в XVIII столетии первоначально активно использоваться термин *прошение*.

Созданный в эпоху правления Екатерины II, известного реформатора государственно-административного устройства и делопроизводственной практики, данный документ, сохраняя терминологическую преемственность, впервые законодательно упорядочивает актуальные для канцелярского делопроизводства

⁶ С середины столетия в делопроизводственной практике явочные челобитные именуются *объявлениями*.

середины XVIII в. просительные документы. Как явствует из текста, ключевым остается термин *челобитная*, использующийся гиперонимически — для наименования любого просительного документа, функциональная специфика которого эксплицируется соответствующим прилагательным. Семиотически значимым является также дифференциация челобитных, связанных с судопроизводственным процессом (1–3 разновидности), и челобитных, не требующих судебного решения (4 разновидность).

Конец исследуемой конкуренции терминов положила все та же Екатерина II в конце 80-х годов. 19 февраля 1786 г. издается сенатский указ «в следствие Именных указов» об исключении из формуляра челобитных слов *бью челом, челобитье, челобитная* и замене их словами *прошу, прошение, приношу жалобу* [ПСЗ 1830: XXII, № 16.329], что обуславливает не только выход из жанровой канцелярской системы такого наименования просительных документов, как *челобитная*, но и переход в разряд устаревших лексико-семантического ряда *бить челом — челобитье — челобитная — челобитчик*.

5. Выводы

В законодательных актах почти на протяжении всего XVIII столетия обнаруживается следование приказной традиции в употреблении *челобитной* как общеродового наименования просительных документов и эквивалента *исковой челобитной*, в формуляре которого в законодательных актах фиксируется контаминированный ряд ключевых терминов с допустимым варьированием отдельных его звеньев в делопроизводственной практике: *бить челом* (в формуле челобитья) — *прошение / челобитье* (в формуле введения изложения обстоятельств дела) — *прошу ... челобитье / прошение* (в формуле прошения) — *челобитная / прошение* (в формуле рукоприкладства). И всегда только *челобитная* как название искового просительного документа в формах о титулах. В то же время употребление термина *прошение* в качестве самостоятельного наименования искового заявления, без анафорической отсылки к *челобитной* или к *челобитью*, до 1786 г. было нетипичным. В 40-е гг. *прошение* начинает фигурировать как просьба, не требующая судебного решения, неискковое прошение. С 1752 г. термин *прошение* утверждается как наименование новой разновидности *челобитных* — о признании добровольности решения принять православие и о просьбе допустить к крещению, что

находит отражение в специализации формуляра и тем самым расширяет границы использования *прошения* как просительного документа по делу, не требующему судебного решения. И только с конца восьмидесятых годов *прошение* вытесняет *челобитную* как наименование искового заявления, что подтверждают и региональные архивные материалы [ПЗДП 2005: 102–106; Трофимова 2002: 75].

Восстановление данной законодательной канвы имеет значение, т. к. позволяет уточнить не только семантическую эволюцию терминов, но и степень региональной специфики использования документных жанров и обслуживающей их терминологии в исследуемый период.

Список условных сокращений

вып. — выпуск; г. — год; гл. — глава; д. — дело; л. — лист; НАРБ — Национальный архив Республики Бурятия; об. — оборот; оп. — опись; с. — страница; ст. — статья; т. к. — так как; ф. — фонд.

Литература

- Волков 1972 — С. С. Волков. Из истории русской лексики. II. *Челобитная* // С. С. Волков (ред.). Русская историческая лексикология и лексикография. Т. 1. Л.: ЛГУ, 1972. С. 46–61.
- Майоров 2006 — А. П. Майоров. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: «Азбуковник», 2006.
- Ожегов, Шведова 2004 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М.: «Азъ», 2004.
- ПЗДП 2005 — А. П. Майоров (ред.). Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005.
- ПРП 1961 — К. А. Софроненко (ред.). Памятники русского права. Вып. 8. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1961.
- ПСЗ 1830 — Полное собрание законов Российской империи в 45 т. Т. I, II, V–VIII, XI, XVI. СПб., 1830.
- Русанова 2011 — С. В. Русанова. Из наблюдений над языком челобитных восточносибирской деловой письменности конца XVII–XVIII веков // Язык, литература и культура в региональном пространстве: материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И. А. Воровьёвой. Барнаул, 6–9 октября 2010 г. Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2011. С. 274–279.

- Русанова 2012 — С. В. Русанова. Челобитная в кругу региональных просительных документов XVIII в. // Т. П. Рогожникова (отв. ред.). История регионального текста: жанр-стиль-язык (монография). Омск: Вариант-Омск, 2012. С. 56–73.
- Русанова 2013 — С. В. Русанова. Доношение XVIII в. сквозь призму законодательных прескрипций Петра I // Вестник БГУ. Серия: Язык. Литература. Культура 1, 2013. С. 81–90.
- СИЭ 1974 — Е. М. Жуков (ред.). Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М.: Советская энциклопедия, 1974.
- Срезневский 1895 — И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1895.
- СРЯ 1995 — Г. А. Богатова (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21 (Прочный — Раскидати). М.: Наука, 1995.
- СРЯ-4 1987 — А. П. Евгеньева (гл. ред.). Словарь русского языка в 4-х тт. Т. IV. М.: Изд-во «Русский язык», 1987.
- ССРЛЯ 1965 — В. И. Чернышев (ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 17. М. — Л.: Изд-во «Наука», 1965.
- Старославянский словарь 1999 — Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова (ред.). Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М.: Рус. яз., 1999.
- Трофимова 2002 — О. В. Трофимова. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII в.: На материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг. Дисс. ... докт. филол. наук. ТГУ, Тюмень, 2002.

А. А. Сорокин

*Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,
Петропавловск-Камчатский*

О НАЗВАНИЯХ ВИДОВ РЫБ В ЯЗЫКЕ НЫМЫЛАНОВ-АЛЮТОРЦЕВ

Рыболовство для нымыланов-алюторцев является основным видом традиционной деятельности. Алюторцы занимаются рыболовством круглый год. Поэтому в случае, когда улов лососевых рыб был небольшим, они спокойно могли заменять их другими видами рыбы и никогда не голодали. В период с сентября по октябрь идет осенний голец. В январе начинается лов наваги, который продолжается в течение двух месяцев. В феврале ловят минтай. В марте начинают лов камбалы и бычков. С конца марта до апреля идет весенний лов гольца. В мае приступают к добыче кунжи и ловят ее до 10 июня. Затем добывают уйка (мойву) и одновременно чавычу. В конце июня начинается промысел летней рыбы: горбуши, гольца, нерки, сельди, корюшки, кеты, кижуча, в том числе продолжается и ход кунжи. Летняя рыбалка заканчивается в октябре или в начале ноября.

О названиях видов рыб написано много работ [Андреева 1983: 3–10; Бармич 1983: 24–29; Бархатова 1979: 33–40; Ильинская, Олесова 2011], включая и работы, выполненные на основе алюторского языка [Нагаяма 2011]. Так, например, Юкари Нагаяма в одной из своих работ подразделяет названия видов рыб на лососевые и другие виды рыб. Ею выделяются следующие виды лососевых рыб: *ав'асу* 'чавыча', *асув'в'и* 'горбуша', *в'ирув'в'и* 'нерка', *в'итив'в'и*, *кимгину* — виды гольца, *кэсаву* 'хариус', *китав'в'и* 'кета', *тэканув'в'и* 'кижуч', *укэнсав'в'и* 'кунжа', *эньаму* 'сима'. Среди других видов рыб ею отмечены: *альпив'в'и*, *камнүв'в'и* — виды камбалы, *тагаюв'в'и* 'камбала звездчатая', *в'акнүв'в'и* 'навага', *гасгагэрну* 'налим', *гитгив'в'и* 'уёк, мойва', *ивитав'в'и* 'окунь', *ил'аку* 'бычок', *лиңаку* 'корюшка-зубатка', *микив'в'и* 'корюшка', *тулукав'в'и* 'треска', *туткав'в'и* 'щука', *укиту* 'сельдь'. [Нагаяма 2011: 43]

В данной статье мы рассмотрим семантическую структуру наименований видов рыб в представлении нымыланов-алюторцев.

Материалами послужили записи автора, сделанные во время экспедиций в сс. Тиличики [Тлч], Вывенка [Ввн] и г. Петропавловск-Камчатский [П-К] в период с 2009 по 2016 годы, а также различные лексикографические источники [Жукова 2003; 2007; 1980; Кибрик и др. 2000; Нагаяма 2003]; для определения русских названий видов рыб были использованы работы А. М. Токранова, доступные как на бумажном носителе [Токранов 2004], так и в Интернете [Рыбы Камчатки].

В родо-видовой группе (далее РВГ) «Названия видов рыб» родовым словом является *ы́нныг'ын* — 'рыба'. Дифференциальным признаком для видовых названий является «место, ареал обитания рыб». Таким образом, выделяются *аңқаг'ынну́в'в'и* 'морские рыбы' (*аңқан* 'море', *ы́нныг'ын* 'рыба') и *в'аямг'ынну́в'в'и* 'речные рыбы' (*в'аям* 'река', *ы́нныг'ын* 'рыба').

В подгруппе *аңқаг'ынну́в'в'и* по значимости в промысловом лове можно выделить ряд семантически более мелких подгрупп. Сюда относятся *льги́г'ынну́в'в'и* 'лососевые' (*льги-* — префикс, имеющий значение 'настоящий; прежний', *ы́нныг'ын* 'рыба', досл. 'настоящие рыбы'). Выделение лососевых рыб в особую подгруппу так называемых 'настоящих рыб' тесно связано с тем, что эти рыбы являются основным источником питания, их заготавливают на зиму, они также идут на корм животным. Здесь следует отметить, что не все лососевые породы рыб относятся к этой подгруппе, алыторцы не включают в нее *уқы́нса* 'кунжа', *мықа́мық* 'сиг', *ы́ньг'ам* 'сёмга'.

- (1) *У нас делили всю лососёвую породу, она у нас основная, называется льгиг'ынныг'ын — настоящая рыба. Это все лососи, которые называются проходными рыбами. Но, по-моему, голец не относится к льгиг'ынныг'ын. В'итив'ит. А льгиг'ынныг'ын — эта чавыча, кижуч, кета, горбуша, ну, может, нерка. А так остальные все морские называются аңқаг'ынну́в'в'и. Ну, может, в'аямг'ынну́в'в'и можно говорить. Ну какие в'аямг'ынныг'ын бывают — хариус только, кысаву только, потому что сиг или мықа́мық — она непроходная рыба, двоюродный брат у хариуса. У нас тоже водится мықа́мық — белая рыба сиг. Чешуя у него, как у хариуса, только светлая и имеет форму, какая-то странная, со всех сторон круглая, морская рыба.* [П-К]

Таким образом, в подгруппу *льгиг'ыннув'ви* (лососевые) можно включить: *г'ав'ас* 'чавыча' (выделяют также *г'ытг'ав'ас* — 'сёмга' (*г'ытг'ын* — 'собака', *г'ав'ас* — 'чавыча'), *кита́кит* — 'кета', *в'ирув'ир* — 'нерка', *г'асуг'ас* — 'горбуша', *тыка́нны* — 'кижуч', *ы́ннг'ам* — 'сима').

Поскольку данная подгруппа имеет главное значение в традиционном хозяйстве якутов, в ее структуру входят лексемы, описывающие жизненные стадии лососевых пород рыб, среди которых можно проследить синонимические отношения, причем для других подгрупп такого подробного выделения не встречается.

1. *Ильгы́ррыг'ы́нныг'ын* 'рыба серебристого цвета, только что пришедшая с моря на нерест' (*тилгы́рратык* 'светиться, блестеть', *ы́нныг'ын* 'рыба') — (данное слово не зафиксировано в словарях).

(2) *Только к рыбе относится каматык, потому что ильгы́ррыг'ы́нныг'ын — это та, которая серебристая. Ильгы́ррыг'ы́нныг'ын — это только зашедшая морская, подошедшая с моря. Ильгы́рратык — белосветиться, общий глагол для всех.* [П-К]

2. *Я́нутг'ы́нныг'ын* 'первая рыба, зашедшая на нерест, с которой начинается рунный ход' (*я́нут* 'впереди, вначале', *ы́нныг'ын* 'рыба'; син. *ильгы́ррыг'ы́нныг'ын*) (данная лексема также не отмечена в словарях).

(3) *Я́нутг'ы́нныг'ын — эта самая первая, которая заходит. Вестники основного хода рыбы называются я́нутг'ы́нныг'ын. Предвестники первой рыбы, которые самые первые приходят. Это относится только к лососёвым, тех, которых заготавливают, на ююлу делают, закапывают, солят и так далее.* [П-К]

3. *Ява́лг'ы́нныг'ын* 'последняя рыба, замыкающая рунный ход' (*ява́л* 'сзади, позади', *ы́нныг'ын* 'рыба') — (данное слово не отмечено в словарях).

(4) *Ява́лг'ы́ннув'ви — последняя, замыкающая. Ява́лг'ы́нныг'ын — которая последняя рыба, последние всплески, когда заканчивается нерестовый ход в реки. Есть ява́лкита́кит — после основного хода горбуши вдруг появляются.* [П-К]

4. *Камáтг'ы́нныг'ын* 'рыба, имеющая брачный окрас' (*камáтык* — 'приобретать брачный окрас', *ы́нныг'ын* — 'рыба'; син. *ява́лг'ы́нныг'ын*) (слово отсутствует в лексикографических источниках).

- (5) *Каматг'ыннув'в'и, каматык — приобрести брачный наряд, цветной, когда рыба вместо серебристого оттенка приобретает разноцветный наряд. У кеты появляются красновато-чёрные пятна. У нас есть любители каматтавг'ал, особенно кетовые, некоторые предпочитают морской жирной, то есть она не жирная.* [П-К]

5. Тыгулг'ын 'отнерестившаяся рыба' (слово отсутствует в словарях).

- (6) *Потом тыгулг'ын появляется. Обычно такой ветхий вид приобретают лососи, которые отнерестятся, не питаясь, покусанные, потёртые. Они отдали потомство, и они уже просто болтаются в речке, они слабеют, их обычно течением относит вниз, они пытаются подняться. Из этих тыгулг'у кету можно брать, она ж довольно-таки мясистая, её на юколу резали. Правда, она пресная. А вот горбуша, она всё, у неё и кости видно, и просветы, но она шевелится.* [П-К]

6. В'илкам 'мертвая рыба после нереста.'

- (7) *А потом, когда она уже всё, слабеет, на мелководье она на бок ложится, потом её на берег выкидывает, это уже в'илкам — отмершая рыба, всё уже, отходы, когда рыба погибла. Почему-то тут это слово цельное получилось, в'илкам.* [П-К]

Помимо подгруппы *льг'иг'ыннув'в'и* 'лососевые рыбы' среди *анк'аг'ыннув'в'и* 'морские рыбы' алюторцы выделяют еще два крупных семейства рыб: *альп'ив'в'и* 'камбалы' и *илг'аку* — 'морские бычки'.

Для микрогруппы *альп'ив'в'и* 'камбалы' лексема *альп'иг'аль* 'камбала' является общей, претендует на роль родового слова. Видовые наименования представлены следующим образом:

1. *кам'амгыль* 'гладкая камбала' (*нык'амамкин* 'мягкий, гладкий');
2. *к'амн'ыкам* 'палтус' (слово не зафиксировано в словарях);
3. *таг'айив'* 'звездчатая камбала' (*таг'атаг* 'болячка на теле', *таг'атык* 'болеть кожной болезнью').

- (8) *Потом есть плоские — альп'ив'в'и. Иногда такой вот попадает, гладкий такой камамг'альпиг'аль называется. А тот, который звёздчатый, та камбала, которая шершавая, называется таг'айив', от слова тагав'йив' — наросты.* [П-К]

Для микрогруппы «Названия морских бычков» лексема *ылг'ақ* 'морской бычок' является общей, видовые понятия представлены ниже. Несмотря на то, что некоторые из видов бычков обитают в реках и имеют несколько различное строение, тем не менее по общей физиологической схожести их относят к одной группе бычков.

1. *Льгиг'ылг'ақ* 'морской ворон' (*льги-* 'настоящий', *ылг'ақ* 'бычок');
2. *В'аямгыт* 'морской бычок, подкаменщик';
3. *Гасгáгырнын* 'налим';
4. *Саюг'ылг'ақ* — название не определено (*саюк* 'пить чай', *ылг'ақ* 'бычок');
5. *Тилмыткан* — название не определено (*тилмытил* 'орел', *тыканны* — 'кижуч').

- (9) *Потом илг'ақуэв'и. У нас же два вида илг'ақу было. Льгиг'ылг'ақ — тот буроватый, который обычно в лагуны во время подлёдного лова, он как прилив шёл, он никуда не сдавался, его просто собирали, складировали. Обычно буроватый такой, небольшой. Обычно зимой на улице складировали, чуть-чуть чтоб он подветрился, после этого только отваривали. Ну в'аямгыт — подкаменщик, у него белое брюшко, который в речке живёт. Ну вот так подразделяются бычки: льгиг'ылг'ақ, в'аямгыт. И на вашей стороне был ещё один илг'ақ, вывенские называют его саюг'ылг'ақ, у вас он чуть-чуть другое название имеет. Якобы он чуть ли ни одной водой питается. Но его тоже ловили, говорят, вкусный. Значит, льгиг'ылг'ақ, в'аямгыт, саюг'ылг'ақ и ещё очень на бычка похожие, такие вот длинные были, конечно, этих рогов нет у него, но морда у него какая-то непонятная, как у налима, как у бычка, только удлинённая, но тело не гладкое, как у налима, и вдоль бортов у него какие-то пуговички идут. Называется тилмыткан, из него в старину делали даже юколу. Может быть тилмытил, тыканны, может какой-нибудь орлиный кижуч. Может быть на вашей стороне, особенно алуталг'у и илирылг'у, они должны эту рыбу хорошо знать, потому что Анна Петровна ещё тогда говорила: «А илг'ақу ловили всякие». Сам он темноватый, такой цвет примерно тёмно-чёрный-буроватый. У него голова, если тот бычка-то постучишь по голове, он сразу растопыривает и рога появляются, а этот нет. Четыре илг'ақу. Да, чаюющий,*

потому что якобы он одной водой питается. Он водится не в Вывенке, а в стороне у вас, в Олюторке, Култушино. [П-К]

- (10) *Речные рыбы ещё гасгагырҕын — налим. В'аямгыт летам ели иногда. Говорят хорошая, можно летом есть, когда совсем ничего нет, можно есть.* [П-К]

В подгруппе *в'аймг'ынн'ув'ви* 'речные рыбы' по значимости в промысловом лове выделяются два крупных семейства, составляющих следующие микрогруппы: *в'ит'ив'ви* — 'гольцы' и *кыс'аву* — 'хариусы'.

Родовым понятием для микрогруппы *в'ит'ив'ви* 'гольцы' является сама лексема *в'ит'ив'ит* 'голец', видовые понятия представлены следующим образом:

1. *к'имгин* 'горный голец';
2. *мыльв'итив'ит* / *мыльв'итив'* 'голец-тысячник' (*мыль-* 'мелкий', *в'ит'ив'ит* — 'голец').

- (11) *Есть мыльв'итив'* называется. Наверное, форма такая гольца, тоже проходная. Обычно она больше вот этой. *Мыльв'итив'* — мелкий голец. Но они, конечно, очень прожорливые. [П-К]

В микрогруппе названий хариусов родовым понятием является лексема *кыс'аввы* 'хариус'. Нымыланы-алюторцы различают два вида: *кыс'аввы* 'хариус' и *милг'укысав* (*м'илгук* 'коптить', *кыс'аввы* 'хариус') — название не определено.

- (12) *Они всё равно мигрируют постоянно, озёра сообщаются с реками. Гонец, ой, хариус, он постоянно мигрирует. Правда, из хариусов у нас их два вида: у нас есть светлый один, один чёрный. Чёрный у нас называется милгукысав — копчёный. Обычно он в озёрах больше времени проводит, весной они тощие бывают, а вот эти, которые светлые, они чуть меньше размером, они упитанней бывают. Милгук — коптится.* [П-К]

Из других промысловых видов рыб, обитающих в реках, но представляющих собой уже не семейства, а единичные виды, можно выделить следующие:

1. *т'утка* — щука.

- (13) *Тутка у нас тоже есть, в районе Дранки. Вот эти вот озёра, возле Ильпыря есть Лыгуннив'аям, у него озеро где-то наверху, говорят там может тутка есть, не знаю.* [П-К]

2. *кыс'ымг'а* — название не определено.

- (14) *Кыс'ымг'а* — мелкая речная рыба в верховьях маленькой речки, ручьи. Там они живут. Чтобы прятаться, якобы нарывают под ними нишу и обычно там водятся. Когда подходишь к ручью, ничего нет, вот тут подпрыгнул, они обычно все выскакивают. Но если там покойная вода, значит это они там, им больше негде прятаться, потому что, если они будут на виду, то их же склюют сразу. Вот такие маленькие, речные только. Вот даже осенью, когда никакая другая рыба не клюёт, они очень прожорливые. Просто на крючок кусок мяса или какую-нибудь блестящую, и сидите, дёргайте, кого-нибудь поймаете. Вот это вот непонятно, что эта за рыба. По-моему, постоянно живущая рыба, потому что у других гольцов, у других лососей — они же долго не живут в этих местах — они потом скатываются и другой формы становятся такие, как маленькие селёдки, такие глазастые, чешуя более светлая, а это какие-то и с пятнышками. Мы, когда в горы кочевали далёко, там уже никакая рыба не встречается, но где-нибудь в ручье мелькнёт чёрный голец. А там обычно маленькие ручьи идут-идут, и там обязательно обнаружите вот таких. Когда рыбы нет, вот люди иногда их ели. Обычно на костре поджаривали, некоторые прям так ели, ну она с палец величиной. А эти паланские женщины, голец, когда не ловится, они полный пакет наловят, потом перекрутят и котлеты даже из них делают. Из них, кстати, уха вкусная получается. [П-К]

3. *Тараң'ынныг'ын* (*тараң* — ?, *ынныг'ын* — 'рыба') — название не определено.

- (15) *Тараңынныг'ын* — это то же самое, *тараңынныг'ын*, *кыс'ымг'а*. Да, почти одинаковые. *Тараңынныг'ын* даже во множественном числе больше живут. Может, потому что это разновидность мелкого гольца. [П-К]

К оставшимся морским единичным видам рыб, имеющих промысловое значение в жизни нымыланов-алюторцев, относятся следующие названия:

1. *йиңаку* / *лиңаку* 'корюшка';
2. *микимик* 'огуречник';
3. *в'ақын* 'навага'.

- (16) *В'ақын — странно, откуда слово произошло вахня? У ихтиологов даже такое название. Тоже имеет значение. В декабре начинается нерест у него. Эти вот на нашем берегу съедобны. Потом где-то ближе к материковой части, где Хаилино начинается, там начинаются всякие остряки, сельдянки.* [П-К]

4. *у́кит* 'сельдь'.

- (17) *Сельдь у нас же значение имела, весной их ловили, из них делали в'алтув'в'и и вялили. Со спины режется. Вяленая очень хорошая, селёдка — укит.* [П-К]

5. *уқы́нса* 'кунжа';

6. *ту́лук* 'треска';

7. *гитгив / гитгит* 'мойва, уёк'.

- (18) *Гитгив — уёк. У нас обычно в июне месяце, но он у нас такого практического сильного значения не имел, потому что у нас берег более богат другой рыбой, а как этот пишет, каменские коряки целые митарану делали из них. И рекинниковская сторона, тоже с рыбой у них как-то скуднее, и они обычно много её заготовливали. У нас тоже весной сушили. Лесновцы по гальке так раскидают и сушат.* [П-К]

8. *мықа́мық* 'сиг';

9. *úвитан* 'окунь'.

К названиям видов морских рыб, не имеющих промыслового значения для *нымыланов-алюторцев*, относятся следующие:

1. *ину́нг'ытг'ын* 'дальневосточная зубатка' (*ину́н* '?', *г'ытг'ын* 'собака') (алюторское название не зафиксировано в словарях).

- (19) *Потом ещё есть тоже рыбы, у нас их называли морские, они видимо ели когда-то, кушали, не знаю. Вот такая, типа зубатки, ни та зубатка, которая здесь иногда отнерестившаяся, зубастая, не отнерестившаяся, имеющая брачный наряд лосось зубастый, есть ещё зубатка, по-моему, корюшка. Какая-то ещё зубатка где-то водится, а у нас называют рыба-собака. Якобы *нымыланы* говорят *ину́нг'ытг'ын*. Иногда на неводах им попадает штучная рыба. Она, говорят, вкусная, но надо быть с ней осторожным, она как щука, потому что палочку ей в рот воткни, она*

моментально в мочалку превращается. Это в море она попадает, потому что есть ещё такие выражения инуңкалилг'ын — такая нерпа, достигшая, выросшая до больших размеров, именно ларга. Иногда ларги ж небольшого размера, а иногда такие здоровенные ларги встречаются. Якобы она где-то там жизнь проводит где-то там в глубинных водах у моря. Может старинные слова такие. Инуңкукаңа — морской ёж. Г'ытг'ыулаңқал — далеко в море. [П-К]

2. ювв́аг'ы́ннг'ы́н 'колюшка' (ювв́аюв 'гагара', ы́нныг'ы́н 'рыба') — (алюторское название не отмечено в лексикографических источниках).

(20) Также не имеющим никакого значения на восточном был ювваг'ы́нныг'ы́н — колюшки (семиигловая, трёхигловая). Наши, по моему, меньше игл. Они такие красивые, иногда их вытащишь, блестят, как селёдки. Гагарья рыба. Значения не имеют, но название есть. [П-К]

3. миги́миг 'малёк' (слово отсутствует в словарях).

(21) Мы в детстве их ловили тоже. Потому что маленькие — это мигив'в'и, мигимиг. Вот весной пойдёте, летом где-нибудь была протока, она пересохла оттуда и оттуда, и, видимо, на скате не смогла рыба пройти, и там обычно вот такие стайки бегают — это называется мигив'в'и — головастики. Это, наверное, лососёвая молодь. Мигимиг — малёк. Кыльляльһын, тықлюқав'в'и потом мигив'в'и. [П-К]

4. ынн́юсг'ы́н — название не определено (ы́ннук 'есть рыбу', сг'ы́н — суффикс, имеющий значение 'живое существо').

(22) Такие какие-то странные рыбы, которые вбуравливаются. Где-то там на Вывенке в бухте Гека я их там видеть первый раз начал. Сетку проверишь, смотришь, откуда, как они могут попасться, такая ячея огромная, а они такие, как миноги какие-то, и ротовая полость у них странная, как у шприца игла к нему, срезанный такой. И у него ни челюсть, ничего, ротовая полость и по бокам, как у акулы, щели, а сама гладкая. И она раз в песок зарылась в воде, раз и ушла. Это ынн́юсг'ы́н. Они ж приходят

в реки с моря, откуда-то издалека на рыбе. Видели, когда у лососей пятно, это они присасывались. Ыннук — едящий рыб. Он никакого значения не имеет, паразит так паразит также. Также, как и мигив'в'и, дети их обычно ловили, а взрослым они зачем.

[П-К]

5. тылгынныг'ын — название не определено (тылгылнын 'палец', ынныг'ын 'рыба').

(23) Тылгынныг'ын у нас есть, не знаю, какая именно это рыба, то ли валёк, потому что я никогда не видел. А эти типа миног ынныосг'ын это нымыланы говорили, наши родственники чавчуваны не знали, что это такое. Но один однажды нымылан... он на Кюле работал раньше, однажды мариком поймал такую странную рыбу, как змею, ну может случайно забредшая. Бывают же редкие случаи.

[П-К]

Ниже приведена таблица названий видов рыб в представлении нымыланов-алюторцев.

Ынн'в'и 'рыбы'

- ⇒ Ан'аг'ынн'в'и 'морские рыбы'
- Ин'унг'ытг'ын 'дальневосточная зубатка'
 - Юв'ваг'ыннг'ын 'колюшка'
 - Миг'имиг 'малёк'
 - Ынн'юсг'ын '?'
 - Тылгынныг'ын '?'
 - Йи'на'ку / ли'на'ку 'корюшка'
 - Мик'имик 'огуречник'
 - В'а'кын 'навага'
 - У'кит 'сельдь'
 - У'кынса 'кунжа'
 - Т'улук 'треска'
 - Г'итгив 'мойва, уёк'
 - Мы'қа'мық 'сиг'
 - Й'витан 'окунь'
 - Л'ыг'ынн'в'и 'лососевые рыбы'
 - * Г'ав'ас 'чавыча'
 - * Г'ытг'ав'ас 'сёмга'

- * *Қитáқит* ‘кета’
- * *В’ирúв’ир* ‘нерка’
- * *Г’асúг’ас* ‘горбуша’
- * *Тыкáнны* ‘кижуч’
- * *Б́Инь’ам* ‘сима’
- *Альп́ив’в’и* ‘камбалы’
 - * *Альп́иг’аль* ‘камбала’
 - * *Камáмгыль* ‘гладкая камбала’
 - * *Тагáйив* ‘звездчатая камбала’
 - * *Қáмңықам* ‘палтус’
- *Илг’áқу* ‘бычки’
 - * *Льѓиг’ақ* ‘морской ворон’
 - * *Саю́г’илг’ақ* ‘?’
 - * *Тилм́йткан* ‘?’
- ⇒ *В’а́ймг’ыннúв’и* ‘речные рыбы’
 - *Илг’áқу* ‘бычки’
 - * *В’а́ймгыт* ‘подкаменщик’
 - * *Гасѓагырңын* ‘налим’
 - *В’ит́ив’в’и* ‘гольцы’
 - * *В’ит́ив’ит* ‘голец’
 - * *Ќимгиң* ‘горный голец’
 - * *Мыльв’úтив’ит / мыльв’úтив* ‘голец-тысячник’
 - *Кысáву* ‘хариусы’
 - * *Кысáввы* ‘хариус’
 - * *Милѓуқысав* ‘?’
 - *Тúтка* ‘щука’
 - *Кысг’ымг’а* ‘?’
 - *Тарáңг’ыннг’ын* ‘?’

Таким образом, в данной статье мы проанализировали 48 лексем, обозначающих различные виды рыб. Из них нами было зафиксировано 21 новое слово, не отраженное в ранее опубликованных работах; у 7 слов определить соответствующие названия в русском языке не удалось, что объясняется ограниченностью временных рамок пребывания в лингвистических экспедициях, без возможности отправиться в труднодоступные места обитания определенных рыб. Проанализированная РВГ «Названия

видов рыб» имеет гиперо-гипонимическую структуру, внутри которой прослеживаются характерные родо-видовые отношения, а также отношения синонимии (*ильгЫррыг'Ынныг'ын* и *яну́тг'ынныг'ын*; *ява́лг'ынныг'ын* и *кама́тг'ынныг'ын* и др.), вариантности (*йи́на́ку* / *ли́на́ку*; *мыльв'итив'ит* / *мыльв'итив'* и др.). Очень детализованной оказалась подгруппа *льгЫг'ыннУв'у* (лососевые породы рыб), внутри которой выделяются названия, отображающие жизненные стадии этих рыб. Для других подгрупп такого подробного лексического деления выявлено не было, что говорит о важной роли лососевых пород рыб в жизни нымыланов-алюторцев. Для названий промысловых видов рыб характерны простые лексические единицы (*кита́кит*, *кыса́ввы*, *альпЫг'аль*), тогда как для обозначения рыб из одного большого семейства, которые схожи между собой, или для названий непромысловых видов рыб характерны инкорпоративные комплексы, в составе которых чаще включены основы лексем животных, с которыми у рыб в представлении нымыланов-алюторцев прослеживается схожесть или на которых эти животные чаще охотятся (*тилмы́ткан*, *ювва́г'ынныг'ын*, *инУ́нг'ытг'ын*), а также основы глаголов, определяющих основной окрас рыбы (*ильгЫррыг'Ынныг'ын*, *кама́тг'ынныг'ын*, *милгУ́кысав*). Для различения рыб нымыланы-алюторцы четко руководствовались цветом мяса рыбы, формой чешуи, физиологической схожестью (*сиг* или *мы́камы́к* ⟨. . .⟩ *двоюродный брат у хариуса* ⟨. . .⟩ *Мы́камы́к — белая рыба сиг. Чешуя у него, как у хариуса, только светлая и имеет форму... со всех сторон круглая* [П-К])

(24) *Они ж* ⟨нымыланы-алюторцы⟩ *морские люди, они все эти названия знали* [П-К]

Литература

Андреева 1983 — Е. П. Андреева. Использование современных говоров для реконструкции старорусской терминологии рыболовства: на материале Белозерских говоров // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка: тезисы докладов и сообщений. Вологда: Издательство Вологодского государственного педагогического института, 1983. С. 36–43.

Бармич 1983 — М. Я. Бармич. Сопоставительный анализ некоторых названий рыб в самодийских языках в свете генетических связей // Вопросы лексики и грамматики языков народов крайнего Севера

- СССР: межвузовский сборник научных трудов. Л.: Издательство ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1983. С. 24–29.
- Бархатова 1979 — О. Т. Бархатова. Из наблюдений над рыболовецкой лексикой в русских поговорках камчадалов // Проблемы лексикологии и фразеологии сибирских говоров. Красноярск: Издательство Красноярского ГПИ, 1979. С. 33–40.
- Жукова 1980 — А. Н. Жукова. Язык паланских коряков. Л.: Наука, 1980.
- Жукова 2003 — А. Н. Жукова. Словарь корякско-русский и русско-корякский: Около 4 000 слов. 3-е изд., доп. и перераб. СПб: Просвещение, 2003.
- Жукова 2007 — А. Н. Жукова. Тематический словарь корякского языка: учебное пособие для учащихся средних школ Крайнего Севера. СПб: Дрофа, 2007.
- Ильинская, Олесова 2011 — Н. Г. Ильинская, Н. Г. Олесова. Рыболовецкая лексика в говорах камчадалов. М.: Макс-Пресс, 2011.
- Кибрик и др. 2000 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева. Язык и фольклор якутов. М.: Наследие, 2000.
- Нагаяма 2003 — Ю. Нагаяма. Очерк грамматики якутского языка. Киото: Nakanishi Printing Co., Ltd., 2003.
- Нагаяма 2011 — Ю. Нагаяма. Традиционное использование рыбных и растительных ресурсов коренными народами Камчатки // Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей: Доклады XI международной научной конференции and посвященной 100-летию со дня рождения выдающихся российских ихтиологов А. П. Андрияшева и А. Я. Таранца. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2011. С. 42–51.
- Рыбы Камчатки — А. М. Токранов. Рыбы Камчатки (электронный документ). (http://www.kamchatsky-krai.ru/fotografii/fauna/sear_fish_nown/sea_fish_nown_main.htm)
- Токранов 2004 — А. М. Токранов. О «бесчешуйном звере» и других обитателях камчатских вод. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамчатНИРО, 2004.

Е. И. Сьянова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РУССКИХ ГОВОРОВ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ
РАБОТЫ¹**

В 2011 г. научные сотрудники Института лингвистических исследований РАН И. В. Бакланова, Е. В. Колосько, О. Н. Крылова, Е. И. Сьянова приступили к обработке рукописных материалов, хранящихся в архиве ИЛИ РАН и отражающих начало работы Академии наук СССР (Институт языка и мышления имени академика Н. Я. Марра) по собиранию материалов для составления диалектологического атласа русского языка (1935 г.). Работа была прервана Великой Отечественной войной. Атлас должен был отразить состояние русских говоров в 30-е — 40-е гг. XX в. Сотрудниками Института языка и мышления был издан «Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка» под общей редакцией Ф. П. Филина [Вопросник 1936]. Авторами «Вопросника» явились чл.-корр. АН СССР В. И. Чернышев (фонетика), С. А. Еремин (морфология), Б. А. Ларин (синтаксис), Ф. П. Филин (лексика). В обсуждении его также принимали участие акад. Б. М. Ляпунов, чл.-корр. АН СССР С. П. Обнорский и Л. В. Щерба, проф. Л. Теньер (Франция) и др. Архивные материалы ИЛИ РАН представляют собой данные, собранные в ходе диалектологических экспедиций с 1936 по 1947 гг. на основе [Вопросник 1936]. Это результат большого труда различных коллективов: в собирании сведений принимали участие многие организации, прежде всего это кафедры русского языка высших педагогических заведений (профессорско-преподавательский состав, аспиранты, студенты). Уже в 1938 г. был закончен пробный атлас небольшой территории — «Лингвистический атлас района озера Селигер», однако война задержала его выход до 1949 г.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта («Лексикографическое описание уникальных довоенных архивных материалов Диалектологического атласа русского языка»), проект № 14–04–00529

[Лингвистический атлас района озера Селигер 1949]. С 1939 г. к работе подключился Институт языка и письменности народов СССР, начавший изучение говоров центральных областей. Именно [Вопросник 1936], разработанный в Институте языка и мышления имени академика Н. Я. Марра, лег в основу «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», учрежденной на конференции 1944 г. в Вологде [Программа 1945]: «... при составлении программы не было стремления охватить все явления говоров с тем, чтобы из ответов на вопросы программы получилось исчерпывающее описание говоров. В программу включались лишь такие явления, которые существенны для классификации и генезиса русских говоров. Этим объясняется особенно детальная разработка вопроса о непосредственно предударном вокализме, о ряде явлений в области консонантизма, этим же объясняется и отсутствие иных явлений в программе» [Программа 1945: 4]. После окончания Великой Отечественной войны была возобновлена работа по сбору диалектных материалов. К концу 40-х гг. в Ленинграде Институтом языка и мышления было закончено составление I тома «Атласа русского языка», основанного на материале по северо-западным говорам (Псковская, Ленинградская, Новгородская, Мурманская области, Карельская АССР). Только в 1957 г. свет увидел «Атлас русских народных говоров к востоку от Москвы», подготовленный московскими диалектологами [Атлас 1957].

Часть данных, собранных в довоенное время и хранившихся в Ленинграде, осталась неучтенной как в лингвогеографических, так и в лексикографических изысканиях. В настоящее время в архиве ИЛИ РАН насчитывается более тысячи тетрадей с записями диалектных и фольклорных текстов, а также ответов на вопросы по [Вопросник 1936]. Сведения были собраны на территории следующих областей: Архангельской, Брянской, Вологодской, Калининской, Калужской, Карельской АССР, Кировской, Костромской, Куйбышевской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Читинской, Ярославской. В ходе диалектологических экспедиций было обследовано около 300 административных районов, порядка 1 000 населенных пунктов, опрошено свыше 3 000 информантов, родившихся во второй половине XIX века. Архивные материалы дают нам

уникальную возможность увидеть, как была выстроена методика собирания диалектологического материала и его обработки.

В настоящее время актуальной задачей отечественной диалектологии является создание региональных словарей. Вследствие этого коллективом сотрудников (И. В. Бакланова, Е. В. Колосько, О. Н. Крылова, Е. И. Сьянова) была поставлена задача лексикографического описания части рукописного архива ИЛИ РАН. Ими создается «Словарь говоров Ленинградской области» на основе уникальных рукописных материалов 1936–1947 гг. На сегодняшний день большинство диалектных группировок севернорусских говоров имеет репрезентацию своей лексической системы в различного рода лексикографических трудах [Славянская лексикография 2013: 569–570]. Очевидно, вследствие многочисленных преобразований административного характера говоры Ленинградской области не были представлены в отдельном лексикографическом проекте, они находили отражение в отдельных словарях, посвященных описанию севернорусских говоров.

В соответствии с административным делением 60-х годов и согласно классификации говоров, составленной в 1965 г., говоры Ленинградской области относятся к Олонецкой группе (наряду с говорами Вологодской и Архангельской областей, а также Карельской АССР) [Русская диалектология 1990]. Административно-территориальное устройство Ленинградской губернии-области за годы советской власти подвергалось неоднократным крупным преобразованиям. Преобразования подобного рода происходили и в период сбора описываемых авторами Словаря диалектных материалов ([Административно-территориальное деление 1966; 1990; 2007] и др.).

В основе Словаря — диалектная лексика, собранная в полевых условиях в Кадуиском, Крестецком, Пашковском, Капшинском, Кингисеппском, Пожеревицком, Полавском, Подпорожском, Тихвинском, Ефимовском, Лодеинопольском, Оятском, Осьминском, Вознесенском, Винницком, Киришском, Лычковском, Маловишерском, Мшинском, Новолодожском, Ораниенбаумском, Волховском, Вытегорском, Демьяновском районах Ленинградской области (в соответствии с административным делением 30–40-х гг.).

В настоящей работе излагаются основные теоретические и методологические положения, используемые при составлении «Словаря говоров Ленинградской области».

Перед составителями Словаря в начале работы стояла задача определения допустимого предела единиц описания, объема и структуры словарных статей. Словарь задуман как толковый дифференциального типа. Тем не менее, по мере продвижения работы все более очевидным становился тот факт, что конкретный языковой материал значительно сложнее, чем это представлялось вначале. Специфика лексикографируемого объекта определила многообразие вопросов теоретического и практического характера.

При формировании словника фиксируются прежде всего слова, семантика и форма которых представляют специфические диалектные особенности, включаются также некоторые слова, семантика и форма (формы) которых имеют совпадения с соответствующими словами литературного языка. Включение общенародных слов составляет, по мнению авторов, особенность данного словаря.

В Словарь включаются лексемы, содержащие следующие диалектные различия:

1) собственно лексические: *басá* 'красота', *бáско* 'красиво', *брóснуть* 'очищать лен от головок', *большевѣтнѣй* 'такой, который обычно хорошо, с аппетитом ест', *вѣкша* 'белка', *взды́нуть* 'поднять вверх; приподнять', *влонѣ* 'давно', *возáболь*, *в знач. вводн. сл.* 'истинно, действительно, в самом деле', *выть* 'время для еды', 'еда', 'желание есть, аппетит', *вѣлегчѣть* 'кастрировать', *вѣпруг* 'перерыв в работе (обычно с распряжкой лошадей для кормления)', *гачнѣк* 'пояс', *гверста́* 'мелкий камень, щебень; дресва', *двужѣрыѣ дом* 'двухэтажный дом', *дербинá, ж.* 'не подвергавшаяся обработке, никогда не паханная земля; целина', *залóга* 'кратковременный перерыв для отдыха в течение длительной тяжелой работы, 'перерыв для отдыха на лесных и речных работах', 'промежуток времени от отдыха до отдыха в сельскохозяйственных и других работах', *залóговать* 'отдыхать (во время рабочего перерыва)', *вѣце* 'прут, скрепляющий оглоблю с основой сохи', *вѣсело* 'приспособление в виде решетки из жердей для просушки льна', *волочѣга* 'небольшой воз сена или дров', *зарогáчник* 'рукоятка сохи';

2) словообразовательные: *бóлесть* 'болезнь', *богачѣще* 'богач', *болóтина* 'низкое болотистое место', *бóлька* 'больное место, рана, болячка; короста', *боскóм* 'босиком', *вечерѣной* 'вечером', *воетнѣя* 'протяжный вой', *вчерáсь*, *вчерáся*, *вчетрáсь* 'вчера', *густѣха* 'густое кушанье', *жеребóк*, *жеребушка*, *ласк.* 'жеребенок', *цы́пушки*, *ласк.* 'цыплята';

3) семантические: *бесѣда* 'вечернее собрание молодежи (обычно в каком-л. доме), где занимаются рукоделием, пением, играми и т. п.; посиделки', *берѣзовка* 'название белки обыкновенной в зимний период, когда мех становится более высоким, пушистым, мягким, а окрас приобретает серый и черный оттенок с коричневыми вкраплениям (в речи охотников)', *валить* 'укладывать спать', *ворчать* 'мурлыкать (о кошке)', *волочить* 'чесать (волокна льна)', *грабить* 'грести, сгребать граблями', *двор* 'помещение для скота', *дѹма* 'несколько человек; группа', *фрукты* 'небольшие выпечные изделия различной формы';

4) грамматические: *братовья*, *глазка*, *мн.*, *ласк.* 'глазки', *гада* 'змея', *путь*, *ж.*, *рѹжи*, *мн.* 'ржаные посевы', *рысь*, *м.*

Было принято решение включать в Словарь лексику, в современном русском литературном языке считающуюся устаревшей. Общепринятые слова, обозначающие предметы быта, орудия производства, средства передвижения и т. п. (*аршин*, *соха*, *сани* и др.) также явились предметом лексикографического описания. Включение подобного рода единиц дает, по мнению составителей Словаря, более полное представление о народной речи определенного временного среза. Например:

Рудá, *ж.* Кровь. Осьмин., 1945. Ср. *рудá*, *ж.* в значении «кровь» имеет пометы *устар.* и *обл.* в [БАС], помету *устар.* в [МАС].

Рудомѣт, *м.* Тот, кто лечит кровопусканием. Полав., д. Дворец, 1940. В [БАС] данная единица в том же значении приводится с пометами *устар.* и *обл.*, номинация отсутствует в [МАС].

В словник включаются в том числе номинации, характеризующиеся в толковых словарях современного литературного языка как просторечные или областные. Данные единицы до настоящего времени входят в активный состав диалектов. Например:

Голодовáть, *несов.*, *неперех.* Голодать. *Не голодовала еще, не знаю.* Ораниенб., 1947. Данная лексема в [МАС] отмечена пометами *прост.* и *обл.*, в [БАС] приводится формула «В просторечии» с пометой *обл.*

Далѣче, *нареч.* Далеко. *Вал, кладут куда-нибудь далече, а близко не кладут.* Волосов., д. Голятицы, 1947. Данная номинация характеризуется пометами *устар.*, в просторечии и *обл.* в [БАС], в [МАС] также подаются пометы *устар.* и *обл.*

«Словарь говоров Ленинградской области» — первый словарь, лексикографически представляющий лексику обозначенного ареала изолированно. Состав Словаря соответственно определяется общим характером и основными задачами регионального диалектного словаря.

Следует заметить, что Словарь не охватывает исчерпывающе лексику говоров Ленинградской области. Это связано с тем, что архивные материалы представляют собой в большинстве своем ответы на вопросы по определенным лексико-семантическим группам [Вопросник 1936]. В рукописях содержится в большей степени бытовая лексика, связанная с крестьянским хозяйством, полеводством, отдельными видами промыслов. Тем не менее, тематический спектр в Словаре представлен довольно широко.

«Полеводство»:

зэль ‘весенние всходы ржи и пшеницы’, *жн́иво*, *жниё*, *жн́итва́*, *жнитво́* ‘уборка хлебов; жатва’, *за́колина*, *ж.* ‘укладка сена между двумя вертикальными кольями или жердями’, *заро́д* ‘длинный стог сена, скирд’, ‘приспособление из жердей для просушки снопов’, *суслóн* ‘укладка снопов’, *стожа́р* ‘длинная толстая жердь, воткнутая в землю, вокруг которой сметывается сено’, *стороновáть* ‘переворачивать разложенные рядами снопы с одной стороны на другую при их обмолоте’;

«Земледелие»:

корёц ‘деталь сохи — поперечный брус, укрепленный на рассохе сохи’, *земляникí* ‘два крестообразно сложенных железных стержня, толстых прута (иногда веревки), соединяющие нижнюю часть рассохы с оглоблями сохи’, *стóйка*, *ж.* ‘часть плуга, на которую насаживается сошник’, *валёк* ‘часть плуга — поперечная палка, которая прикрепляется к дышлу’, *веретно́* ‘поперечная рейка, соединяющая оглобли сохи’, *ды́шло* ‘стержень, прикрепляющий плуг к оглобле’, *сошники*;

«Огородничество»:

слётве, *ср.*, *собир.* ‘овощи’, *хряпá* ‘листья капусты, стебли картофеля’, *ти́на* ‘стебли гороха, огурцов, картофеля’, *вя́клина*, *ж.* ‘стебли гороха, свеклы, моркови и т. п.’; *угоро́д* ‘огород’, *ухро́п* ‘укроп’, *твьёклá* ‘свёкла’, *ка́лега*, *ка́лика* ‘брюква’; *урожа́ться* ‘вырастать (о злаках, плодах и т. п.)’;

«Животноводство»:

зу́ха ‘свинья’, *цыпля́тница* ‘кураца, которая высидивает цыплят; наседка, кураца, которая водит цыплят’, *годо́вик* ‘лошадь в возрасте до

года', *третьяк* 'лошадь по третьему году', *скотинина* 'одно сельскохозяйственное животное', *случной бык* 'нехолощенный бык', *сужерёбая* 'жерёбая (о кобыле)', *исхóжа*, ж. 'выгон, пастбище', *ягнить*, *яниться*;

«Постройки»:

мякинница 'сарай для хранения мякины', *пúня*, ж. 'сарай для сена', *пúнька*, ж. 'сарай, хозяйственная пристройка во дворе', *анбар*, *байня*, *хлев*, *скотный хлев*, *изóбка* 'небольшая изба; избушка', *ригача*, ж. 'постройка для сушки снопов с местом для обмолота', *поднавёс* 'сарай, хозяйственная пристройка во дворе', *пелёвня* 'постройка для сена, мякины и т. д.';

«Изгороди. Ворота, калитки. Запоры»:

тын 'изгородь, частокол; забор', *изгорóда* 'изгородь, огороженное место (для скота) на пастбище', *верей* 'поперечная жердь для закрытия прохода в изгороди', *заклáдка* 'жердь, которой закладывают ворота', *завóр* 'поперечная жердь для закрытия прохода в изгороди, огороженное место для скота на пастбище';

«Одежда. Обувь»:

одёжа 'одежда', *кацавёйка* 'верхняя одежда', *армяк*, *ермяк*, *ярмяк*, *свита* 'старая рваная одежда', *шубинки* 'варежки из овчины', *тумаки* 'рукавицы больших размеров', *вáчеги* 'холщовые рукавицы, надеваемые поверх шерстяных варежек', *дьянки*, *денй́чки*, *делёнки*, *делёночки*, *уменьш.-ласк.*, *дёлньицы* 'варежки', *пúхши* 'варежки из холста, стеганные на вате', *вáленцы* 'валенки';

«Ландшафт»:

кóпань 'поле на месте осушенного болота', *при́болоть* 'низкое место около болота', *óрды* 'болота', *оми́ара*, ж. 'низкое болотистое место', *ля́га*, ж. 'низкое сырое место посреди сухого места', *лог* 'низкое болотистое место';

«Метеорология»:

ря́нды, мн. 'плохая погода с дождем, снегом, ветром; ненастье', *в́ихор* 'вихрь', *в́итёр* 'ветер', *вё́дро*, *вёдревó* 'хорошая, ясная погода', *вёдревый* 'хороший, солнечный (о погоде)', *хвиль* 'метель, туман', *тúхка*, ж. 'метель', *заболóчавши* 'затянувшись тучами', *дожж́ать* 'часто идти (о дожде)', *заря́ндить*, *запогóдиться* 'о наступлении ненастной погоды', *сúмериться* 'смеркаться';

«Растительный мир»:

ёльник 'ельник', *чернига*, *глаж́и* 'ягоды морошки';

«Слова, которыми подзывают домашних животных»:

гути-гути, гуть-гуть, баги-баги, баля-баля, баш-баш, дига-дига, зэка-зэка, тюшинь-тюшинь, трёша-трёша, тресь-тресь, тпрутя-тпрутя, тпрё-тпрё, тпресь-тпресь, тпрох-тпрох, тпрусьенька-тпрусьенька, тпрутя-тпрутя, тэжа-тэжа, тэги-тэги, шкыря-шкыря;

«Обработка льна и конопли»:

бабочка, ласк. ‘малая укладка льна для просушки в пять снопов, которые ставятся в кружок’, *слишишо* ‘место, где расстилают лён, чтобы вымочить дождевой водой или росой’, *трёпало* ‘орудие для трепания льна’, *тбча, тбчиво* ‘полотно, холст’, *тбчиво* ‘льняная пряжа; шерсть’, *токать* ‘ткать’, *трёпать* ‘теребить, трепать (лён)’, *таскать* ‘выдергивая, убирать; теребить (лен)’;

глаголы:

угунуть ‘замолчать, умолкнуть’, *захрепаться* ‘закашляться’, *закавать* ‘замякать (о кошке)’, *ззелить* ‘ззеленеть’, *стоснуться* ‘соскучиться по кому-л., чему-л.; истосковаться’, *заектать* ‘начать икать’, *зажануть* ‘зажать (в руке)’;

наречия:

дивья ‘хорошо, замечательно’, *другояк* ‘по-другому’, *дюже* ‘очень’, *анагдысь* ‘давно’, *оногдась* ‘на днях, недавно’, *тудыкова* ‘туда’, *утрость* ‘прошлым утром’, *сукраст-накраст* ‘крест-накрест’;

прилагательные:

баенный ‘банный’, *едомый* ‘съестной; съедобный’, *тухлый* ‘хриплый (о голосе)’, *хворсистый* ‘красивый, нарядный’, *зобатый* ‘прожорливый’, *хлопотной* ‘хозяйственный; работающий’, *житный* ‘ячменный’, *яреватый* ‘яровой (о пшенице)’. В процессе описания лексики определяются многочисленные ряды однокоренных слов, например: *баса, баска, басочка, баско, баской (баский)*.

В состав словника включаются микропонимы, а также топонимы, имеющие какие-л. отличия (фонетические, акцентологические, словообразовательные) от единиц современного литературного языка. Например:

Вала́м, м. Остров Валаам. *На Валам приехали, тут и пароход проехал.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939. **Вала́мский**, ая, ое. ◇ Вала́мские острова. Валаамские острова. *Вышли на озеро. Приехали на Валамские острова. Слышим, гармонь играет, шум, а туман.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Словарь позволяет существенно расширить знания о словарном составе говоров обозначенного региона. Архивные рукописи содержат единицы, не вошедшие, в частности, в «Словарь русских народных говоров», что еще раз подтверждает уникальность описываемых материалов. Многочисленные рисунки собирателей, на которых изображаются (подчас с подробным описанием) различные артефакты крестьянского быта конца XIX — начала XX в., дают возможность более точно определить не только семантическую, но и этнографическую составляющую той или иной единицы.

1. Структура словаря

Макроструктура словаря основана на алфавитном расположении слов. Буквы *е* и *ё* различаются.

Наиболее сложным при составлении словаря явился вопрос вариативности. Была поставлена задача представить как можно более полно фонетические варианты.

Словарь включает большое количество фонетических диалектизмов, которые отличаются от слов литературного языка своим звуковым составом. Подобные единицы получают лексикографический статус. Например:

Анба́р, *м.* Амбар. *Тёткин Наталья* анбар. Ораниенб., с. Модолицы, 1947.

Вно́го, *нареч.* Много. Волхов., д. Вольково, 1941.

До́ктур, *м.* Доктор. Волхов., д. Вольково, 1941.

До́хтор, *м.* Доктор. *К дохтору*. Волосов., 1947. *От дохтора*. Ораниенб., 1947.

До́хтур, *м.* Доктор. *Дохтур приде. Дохтура не помогли*. Волхов., д. Вольково, 1941.

Шкату́рка, *ж.* Шкатулка. *А этот Сенька шкатурку под мышку и лата-та. — До утра пусть лежит*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Шокотíть, *несов., перех.* Щекотать. Ефимов., 1946.

Штрахо́вка, *ж.* Страховка. *Только штрафку. Мать родная уговаривает, век уговаривает ей*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Шшыко́та́ть, *несов., перех.* Щекотать. Полавск., д. Дворец, 1940.

Щёлнуть, сов., *неперех.* Щёлкнуть. *Только щёлнули замком.* Волхов., д. Вольково, 1941.

Эктáр, м. Гектар. Ефимов., 1946.

Ярманка, ж. Ярмарка. *Барана резали всегда к ярманке, поросят, коров резали.* Волосов., д. Голятицы, 1947.

Несомненно, составители понимают, что такой подход к проблеме вариативности не всегда оправдан. Варианты лексикографически интерпретируются, «сливаясь» в макроструктуре словаря с номинативными единицами, носящими статус лексикографически самостоятельных. Это продиктовано характером словаря, ибо, на наш взгляд, региональный диалектный словарь призван показать *жизнь слова*, что, несомненно, расширяет понятие дифференциального диалектного словаря.

Варианты вокализма (в предупредной и заударных позициях) подаются внутри словарной статьи за знаком □.

Вчерáсь, нареч. Вчера. Капшин., д. Никульское, 1938. Волосов., с. Метаново, 1941. Паш., д. Медведково, 1945. *Много картошки спортила вчерась.* Ораниенб., с. Модолицы, 1947. □ Вчарáсь. Полав., д. Дворец, 1940. Кингисеп., п. Ивановский, 1941.

Дя́нки, мн. Шерстяные варежки. *Дянки с овечьей шерсти.* Полав., д. Дворец, 1940. Ефимов., 1946. □ Дья́нки. Пожер., д. Поречье, 1941. || Варежки из шерсти и холста. *Дянки — они не такие большие, а пушии больше и теплее.* Капшин., д. Никульское, 1938. Капшин., с. Ерёмна Гора, 1946.

Колупáть, несов., *перех.* Отделять, ковыряя. Капшин., д. Никульское, 1938. Пожер., д. Поречье, 1941. Осьмин., 1945. □ Колыпáть. Ефимов., 1946.

Чекотáть, несов., *перех.* Щекотать. Паш., д. Спирово, 1937. □ Чёкотáть. Волхов., с. Немятово, 1939.

В одной словарной статье разрабатываются следующие варианты (в этом случае авторы словаря следуют традициям СРНГ):

1. отражающие твердость / мягкость согласной фонемы:

Ба́йна и **ба́йня**, ж. Баня. □ Ба́йна. *Надо идти топить байну.* Паш., д. Медведково, 1945. □ Ба́йня. *Топить байню.* Полав., д. Дворец, 1940. Волхов., д. Вольково, 1941. *В байню ходят.* Волосов., д. Голятицы, 1947.

Ба́йня. См. Ба́йна.

Зióрка-зióрка и **зióрька-зióрька**, *междом.* Слово, которым подзывают свиней. □ Зióрка-зióрка. Тихв., 1939. Волхов., с. Немятово, 1939. □ Зióрька-зióрька. Полав., д. Дворец, 1940. Волхов., д. Вольково, 1941.

Зióрька-зióрька. См. Зióрка-зióрка.

Лонша́к и **лоньша́к**, *м.* Лошадь по второму году. □ Лонша́к. *Лоншак до двух лет, с двух лет жеребёнок, или третьяк.* Полав., д. Дворец, 1940. □ Лоньша́к. *У нас говоря жеребёнок и лоньшак зову. Народ по-смешался — вот всяк и зове.* Паш., д. Спирово, 1937. *Лоньшак, уже год его продержат, воспитают. Как зиму уже прокормили, то уже не жеребёнок, а лоньшак.* Тихв., 1939. Маловишер., д. Кашира.

Лоньша́к. См. Лонша́к.

Се-се и **сэ-сэ**, *междом.* Слово, которым подзывают небольших собак. □ Се-се. Пожер., д. Поречье, 1941. □ Сэ-сэ. Тихв., 1939.

Сэ-сэ. См. Се-се;

2. с а — о в безударной позиции:

Караво́д. См. Корово́д.

Корово́д и **караво́д**, *м.* Хоровод. □ Корово́д. Волхов., с. Немятово, 1939. Полав., д. Дворец, 1940. Волхов., д. Вольково, 1941. Волосов., с. Местаново, 1941. Кингисеп., п. Ивановский, 1941. Ефимов., 1946. Волосов., д. Голятицы, 1947. □ Караво́д. *Каравод.* Капшин., д. Никульское, 1938. *В караводе были мы, и ково-то видели, увидали парочку, стань парочка подбодришь, подбочись, протанцуй, ково любишь поцелуй. В караводах песни пели всяко, гармонь играли.* Кириш., 1939. Полав., д. Дворец, 1940. ◇ Собира́ться в корово́д. *Собираются девушки в коровод.* Волосов., д. Голятицы, 1947;

3. акцентологические варианты:

Вёсна́сь, *нареч.* Прошлой весной. □ Вёсна́сь. Ефимов., 1946. □ Вёснась. Капшин., д. Никульское, 1938.

Горо́ховина, *ж.*, *собр.* Стебли гороха. □ Горо́ховина. *Гороховина с-под гороху.* Волосов., д. Голятицы, 1947. □ Горо́ховина. Полав., д. Дворец, 1940. || Горо́ховина. *Высушенные плети, стебли гороха.* Капшин., д. Никульское, 1938.

Жни́тва, *ж.* То же, что жниво. □ Жни́тва. Волосов., с. Местаново, 1941. □ Жнитва́. Полав., д. Дворец, 1940.

Ля́дина, *ж.* 1. □ Ля́дина. *Лишенное высокой растительности место. Лядина? На ей ни лесу, ничего нету, либо мох, либо ничего, только что одна земля.* Волхов., с. Немятово, 1939.

2. □ Лядина. Сенокосная лужайка в лесу или в мелком кустарнике, а также на месте старой пашни. Паш., д. Спирово, 1937.

3. □ Лядина. Мелколесье. Винниц., 1937. // Лес. Капшин., д. Никульское, 1938. Кингисеп., п. Ивановский, 1941. // Частый, невысокий, сухой лес, годный для расчистки под пашню. Капшин., д. Никульское, 1938. // Участок леса; роща. Пожер., д. Поречье, 1941. // Низкое место в лесу. Паш., д. Медведково, 1945.

4. Низкое болотистое место. □ Лядина. Волхов., д. Вольково, 1941. Ефимов., 1946. □ Лядина. Капшин., с. Ерёмна Гора, 1946.

Знак □ в данном случае служит для выделения географической локализации вариантов.

Более детальное описание вопросов разработки вариантов в Словаре предполагается дать в отдельной статье.

Наряду с проблемой вариативности слова стояла задача разграничения полисемии и омонимии. Наличие объединяющей семы (представленной эксплицитно) рассматривалось как явный признак полисемии.

При характеристике многозначного слова отдельные его значения располагаются в определенной последовательности, которая выводится исходя из смысловой структуры слова с опорой на этимологические разыскания.

Омонимы разрабатываются авторами Словаря в разных словарных статьях. Слова рассматриваются как омонимы в следующих случаях: а) они представляют собой разные части речи (грамматические омонимы); б) они являются единицами различного происхождения (гетерогенные омонимы); в) единицы, относящиеся к различным предметно-понятийным рядам (гомогенные омонимы).

1. Квоктать, *несов., неперех.* Издавать короткие глухие звуки (о курице, которая собирает сесть на яйца). Волхов., с. Немятово, 1939. Волхов., д. Вольково, 1941. Ефимов., 1946. // Клохтать (о курице, которая сидит на яйцах). Полав., д. Дворец, 1940.

2. Квоктать, *несов., неперех.* Квакать (о лягушке). *Лягуха квокче к дождю.* Тихв., 1939. *Лягушка квакает или квокчет.* Волхов., с. Немятово, 1939. *Лягушка квокчала во время весны, рыба теперь будет ловиться.* Полав., д. Дворец, 1940.

1. Корёц, *м.* Ковш для воды. Паш., д. Спирово, 1937. Капшин., д. Никульское, 1938. Волхов., с. Немятово, 1939. Полав., д. Дворец, 1940. Волхов., д. Вольково, 1941. Паш., д. Медведково, 1945. Капшин., с. Ерёмна Гора, 1946.

2. Корёц, м. Деталь сохи — поперечный брус, укрепленный на рассохе. Пожер., д. Поречье, 1941.

1. Перст и **пёрст**, м. Палец. Паш., д. Медведково, 1945. □ Пёрст. Капшин., д. Никульское, 1938. Волхов., с. Немятово, 1939. Осьмин., 1945. Ефимов., 1946. // Пёрст. Указательный палец. *Большой палец не назовут пёрст*. Волхов., с. Немятово, 1939.

2. Перст, м. Пест. *Перст — это в ступе когда толчем, а палица — платье колотили на реке*. Полав., д. Дворец, 1940.

Необходимо заметить, что решение проблемы разграничения полисемии и омонимии не являлось для составителей главенствующим, так как объем рукописного материала в большей степени ограничен «Вопросником», и это, несомненно, облегчало работу авторов.

Слова, которые в результате субстантивации, адъективации и т. п. стали относиться к другим частям речи, помещаются отдельно в системе Словаря (при отсутствии производящей единицы в качестве заголовочного слова).

Зиму́шнее, ср. Зимнее время; зима. *Он зимусь и женатый? — Нет, ешчѐ до зимушнего*. Вознесен., д. Посад, 1937.

В частности, причастия в значении прилагательного, образованные от общенародных и диалектных глаголов, подаются в отдельных словарных статьях. Например:

Сѣлый, ая, ое. Севший на мель (о судне). *Этот селый трешкот потом добывали думой*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Употребление слова, принадлежащего к одной части речи, в значении другой части речи отмечается при помощи формулы *В знач.:*

Вóна, указат. частица в знач. междом. Употребляется для выражения сильного удивления, сомнения и т. п. Волосов., с. Метаново, 1941.

Однáя, колич. числит. в знач. прилаг. Одна. *Вострила глаза в одну точку и читает*. Волхов., д. Вольково, 1941. *Ольдина одна, вот ольдина поплыла*. Волосов., д. Голятицы, 1947.

В говорах зафиксированы многочисленные случаи субстантивации прилагательных, что, несомненно, найдет отражение в Словаре. Эти явления показываются несколькими способами: а) самосто-

ательным словом, б) отдельным значением и в) внутри значения за знаком ■. Например:

Бéлый, ая, ое. 1. Бёлая, в знач. суц., ж. Пшеница (?). *Вот я шёл полям, у их белая, хорошая, ровно сияна. Шли по полосам.* Вознесен., д. Посад, 1937.

2. ◇ Бёлый двор. Место возле крестьянского дома. Паш., д. Медведково, 1945.

Жерéбая. Беременная (о кобыле). Паш., д. Спиrosso, 1937. ■ Жерéба, в знач. суц., ж. Беременная кобыла. Капшин., д. Никульское, 1938.

Перед составителями словаря стояла задача представить как можно более полную информацию о слове и его вариантах, учитывались грамматические, семантические и стилистические характеристики.

2. Грамматическая характеристика слова

1. Имена существительные приводятся в форме именительного падежа единственного числа с указанием рода: *м., ж., ср.*

Батóг, м. 1. Палка. *Така палка.* Паш., д. Спиrosso, 1937. 2. Било цепа. Ефимов., 1946.

Кепéц, м. Часть цепа — палка, ударяющая по злакам. *Приузь, кепец, ручка, ремень.* Полав., д. Дворец, 1940.

Мошнiк, м. Глухарь. Паш., д. Спиrosso, 1937. □ Мушнiк. Паш., д. Спиrosso, 1937.

Квоктúха, ж. Курица, которая собирается сесть на яйца. Осьмин., 1945. // Курица, которая водит цыплят и сидит на яйцах. Кингисеп., п. Ивановский, 1941.

Кита, ж. [Удар.?). Стебли гороха. Кингисеп., п. Ивановский, 1941.

Козю́ля, ж. Гадюка. Осьмин., 1945.

Рудá, ж. Кровь. *В приговорах баб, в шептаньях руда, а то кровь.* Лычков., д. Вольная Берёзна, 1939. Осьмин., 1945.

Одвóрище, ср. Место, на котором находится дом с хозяйственными постройками. Оят., д. Вачукенцы, 1938.

Крыло́, ср. Отвал плуга. Волхов., с. Нямятово, 1939. *Лемеш — нос, крыло, дышло, валёк к дышлу прицепляется, нож — ножик плужный.* Полав., д. Дворец, 1940.

Жито, ср. Хлебный злак ячмень. Паш., д. Спирово, 1937. *Ячмень — жито. Старики называли только жито.* Лычков., д. Вольная Берёзна, 1939. Полав., д. Дворец, 1940. Пожер., д. Поречье, 1941. Паш., д. Медведково, 1945.

Вишенья, ср. Одно дерево вишни. *Вишенья цветут.* Волосов., д. Голятицы, 1947.

Если зафиксирована только форма множественного числа, в алфавит выносится данная форма без реконструкции единственного числа (это прежде всего имена существительные, множественное число которых употребительнее единственного):

Килосы, мн. Малые укладки снопов. Волосов., д. Голятицы, 1947.

Однаки, мн. Крестьяне-единоличники. *Ена уж без мужа не сеет. Оны обы крутые. Обы однаки.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Мытики, мн. [Удар.?). Свитые древесные прутья, веревки, скрепляющие основу сохи с оглоблями; подвои. Пожер., д. Поречье, 1941.

Пухши, мн. Варезки из холста, стеганные на вате. *Дянки — оны не такие большие, а пухши больше и теплее.* Капшин., д. Никульское, 1938.

Форма единственного числа указывается в скобках при заголовочном слове в случае наличия в материалах и формы множественного, и формы единственного числа:

Вачеги, мн. (ед. **вачега**, ж.). Холщовые рукавицы, надеваемые поверх шерстяных варежек. *Вачеги с одним пальцем шьются из суконной материи. Вачега на верёх, варежка в вачегу.* Волхов., с. Немятово, 1939. *Вачеги из холста.* Волхов., д. Вольково, 1941.

Имена существительные общего рода в заголовке имеют указание на эту особенность:

Закурка, м. и ж. 1. Тот, кто курит. Оят., д. Вачукенцы, 1938. 2. Ж. Кратковременный перерыв в работе. Винниц., д. Артюшино, 1937. // Перерыв, отдых в работе. Капшин., д. Никульское, 1938.

Попросайка, м. и ж. Тот, кто назойливо выпрашивает что-л.; попрошайка. *Неужоли станет без чаю жить. Какая попросайка! Сбивши с толку.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Скула, м. и ж. Тот, кто постоянно ноет, жалуется, надоедливо выпрашивает что-л. *Скулит скула какой!* Волхов., с. Немятово, 1939.

В заголовке дается указание на собирательность (*собир.*).

Ви́чье, *ср., собир.* Тонкие гибкие ветки. *Елово ви́чье*. Волхов., д. Вольково, 1941. // Такие ветки, используемые для обвязывания колея в изгороди. Волхов., с. Немятово, 1939.

Саморóдинье, *ср., собир.* Кусты смородины. Волосов., д. Голятицы, 1947.

1. Слётье, *ср., собир.* Овощи. *Слетьем овощи называли раньше, а теперь почти не называют*. Волосов., с. Местаново, 1941. Осьмин., 1945. Волосов., д. Голятицы, 1947.

Спосúда, *ж., собир.* Посуда. Паш., д. Медведково, 1945.

2. Имена прилагательные приводятся в форме именительного падежа единственного числа мужского рода с указанием окончаний женского и среднего рода.

Мúскорный, ая, ое. Брезгливый. Пожер., д. Поречье, 1941.

Маловы́тный, ая, ое. Такой, который плохо, мало ест. *Другой мало ест, маловытный, а другой большевытный*. Волхов., с. Немятово, 1939.

Отворя́чий, яя, ее. Открытый, распахнутый (об окне и т. п.). *Кольку в отворячее окошко подавают, а кто принимает — не знаю*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

В анализируемых говорах полные и краткие формы прилагательных сосуществуют со стяженными формами (результат утраты междугласного [j]). При наличии в рукописных материалах только стяженных форм при заголовочном слове отмечаются соответствующие окончания женского и среднего рода. Например:

Ярева́тый, а, о. Яровой (о злаках). *Рожь, ячень, яревата пшеница, лён, озима пшеница*. Тихв., 1939.

Парадигма имен прилагательных в говорах отличается наличием нескольких вариантов форм одного падежа. В частности, для именительного падежа мужского рода характерны *-ый (-ий)*, *-ой*, *-эй*. Варианты с окончанием *-ый (-ий)* подаются в одной словарной статье с единицами на *-ой* с соответствующей отсылкой. В качестве заголовочного слова приводятся единицы на *-эй*.

Ба́ский. См. Баско́й.

Баско́й, а́я, бе́ и **ба́ский**, ая, ое. Красивый, нарядный. □ Баско́й. Паш., д. Спирово, 1937. Капшин., д. Никульское, 1938. Полав., д. Дворец, 1940. Волхов., д. Вольково, 1941. Паш., д. Медведково, 1945. □ Ба́ский. Капшин., с. Ерёмина Гора, 1946.

Зологэ́й, а́я, бе́. Золотой. *Такэ́й, какэ́й-то, какэ́й бравый, никакэ́й, золотэ́й гребешок*. Вознесен., д. Посад, 1937.

Прилагательные, употребляемые только в женском роде, приводятся в заголовочном слове в данной форме:

Берё́жая. Жерёбая (о кобыле). Паш., д. Спирово, 1937. Лычков., д. Вольная Берёзна, 1939. Полав., д. Дворец, 1940. Паш., д. Медведково, 1945. Ефимов., 1946.

Сужерё́бая. То же, что Берёжая. *Сужерё́бая говорят о кобыле, у которой жеребёнок в брюхе*. Лычков., д. Вольная Берёзна, 1939. Полав., д. Дворец, 1940. Волосов., д. Голятицы, 1947.

Суя́гная. Вынашивающая в себе плод (об овце). *Суягна, в животе ягнёнок. Когда время ягниться, говорят: овца причинает*. Лычков., д. Вольная Берёзна, 1939.

3. Местоимение получает указание на частеречную принадлежность с указанием разряда при наличии в рукописных материалах особой (диалектной) формы: *личн., возврат., притяж., указат., вопросит., относит., определит., отриц., неопределит. местоим.* Местоимения-прилагательные, отмеченные в материалах во всех родовых формах, подаются в форме именительного падежа мужского рода единственного числа с приведением окончаний женского и среднего рода. Например:

Ево́нный, ая, ое, *притяж. местоим.* Принадлежащий ему; его. *Первый дом ево́нный, после ево́нного дома еще изобка, теперь там живет*. Полав., д. Дворец, 1940. Волхов., д. Вольково, 1941. Кингисеп., п. Ивановский, 1941. Паш., д. Медведково, 1945.

Ейный, ая, ое, *притяж. местоим.* Принадлежащий ей; её. *Ейный отец*. Полав., д. Дворец, 1940.

Такэ́й, *указат. местоим.* Такой. *Такэ́й, какэ́й-то, какэ́й бравый, никакэ́й, золотэ́й гребешок*. Вознесен., д. Посад, 1937.

Той, та́я, то́е, *указат. местоим.* Тот, та, то. *Вот тое место*. Демьян., д. Скребель, 1936. Волосов., с. Местаново, 1941. *Тая дорога прямей*. Волхов., д. Вольково, 1941. *Тая дорожка*. Паш., д. Медведково, 1945. *Паренина под пар, тое поле*. Волосов., д. Голятицы, 1947.

Личные местоимения даются отдельными словарными статьями в соответствии с лексикографической традицией:

Ён, *личн. местоим. 3 л. ед. ч.* Указывает на предмет речи, выраженный в предшествующем или в последующем повествовании существительным м. р. ед. ч. *Ён хворае*. Паш., д. Спирово, 1937. *Ён туюклицу быку одел*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Ёна́, *личн. местоим. 3 л. ед. ч.* Указывает на предмет речи, выраженный в предшествующем или в последующем повествовании существительным ж. р. ед. ч. *Хоть бы квыкнула, ёна (курица) все кладется, кладется, еще вторая завоктала*. Полав., д. Дворец, 1940.

4. Числительные приводятся в Словаре с пометой, определяющей их принадлежность к данной части речи: *числит.* Затем подается помета, характеризующая разряд числительного: *колич.* — количественное, *порядк.* — порядковое, *собр.* — собирательное. Исходной для количественных и собирательных числительных является форма именительного падежа, для порядковых — форма мужского рода именительного падежа единственного числа. При порядковых числительных, как и при именах прилагательных, даются родовые окончания.

Обы, *собр. числит.* Оба. *Оны обы крутые. Пятьдесят пять лет жито. Очень едакой крутой был*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

5. Глаголы даются в форме инфинитива с указанием на вид и переходность.

Гурковáть, *несов., неперех.* Издавать отрывистые крики (о гусях). *Гуси гуркуют, разговаривают промеж себя*. Лычков., д. Вольная Берёзна, 1939.

Зачини́ть, *сов., перех.* Зашить, починить, наложив заплатку. *Заплата, зачинить*. Полав., д. Дворец, 1940. *Наа рубаху заплатить, зачинить*. Волхов., д. Вольково, 1941.

Скуя́ть, *несов., неперех.* Скулить (о собаке). *Собака лает, воёт, скуёт, когда ударишь*. Волхов., д. Вольково, 1941.

Тара́кать, *несов., неперех.* Кудахтать (о курице). *Курица таракает*. Полав., д. Дворец, 1940.

Храпéть, *несов., неперех.* Урчать (о кошке). *Кошка мурлычет или храпит, когда гладятей, когда довольна*. Волхов., с. Немятово, 1939.

Шаборча́ть, *несов., неперех.* Издавать хрустящий, скрипящий звук (о снеге). *Слушаю — шаборчит, что шарaborится снег, раздавается снег.* Оят., д. Вачукенцы, 1938.

Шоло́пать, *несов., неперех.* Нечетко говорить; неясно произносить звуки. *Шолопат — плохо говорит.* Волхов., д. Вольково, 1941.

В Словаре не отмечаются личные формы глагола. Они находят отражение в иллюстрациях.

Блея́ть, *несов., неперех.* Блеять (об овце). Лычков., д. Вольная Берёзна, 1939. *Овца блеёт.* Волосов., с. Местаново, 1941.

Бля́ить, *несов., неперех.* Блеять (об овце). *Бляет.* Капшин., д. Никульское, 1938. *Бляёт.* Полав., д. Дворец, 1940. Паш., д. Медведково, 1945. *Овца бляёт.* Ефимов., 1946.

Словарь фиксирует видовые оппозиции. Видовые пары глаголов разрабатываются в одной словарной статье. В заголовке сначала помещается глагол несовершенного вида, а затем — глагол совершенного вида. Глаголы совершенного вида помещаются в виде ссылочных указаний на своем месте по алфавиту.

Зату́чивать, *несов., зату́чить*, *сов., неперех., безл.* Начинать покрываться тучами. *Затучивает. Затучило.* Волосов., д. Голятицы, 1947.

Зату́чить. См. Зату́чивать.

В разных словарных статьях разрабатываются возвратные и невозвратные глаголы:

Буда́ть, *несов., перех.* Бодать (о корове). Паш., д. Спирово, 1937. *Корова будат.* Тихв., 1939.

Буда́ться, *несов.* Бодаться (о корове). *Коровы будаются. Наша корова не будается.* Волхов., с. Немятово, 1939.

Двувидовой глагол разрабатывается в одной словарной статье:

Жа́ниться, *сов. и несов.* Жениться. *Кидайте жеребья, гди жеребья падут, там и жаниться вам* (сказка). Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

В отдельной статье подаются однократные глаголы.

Кры́кнуть, *сов., перех. и неперех.* Издавать крик. *Вижу, что волк подходит. Он два прытка сделал и бросился ко мне-ка, отворил свой рот, а в этот момент я не пополохалась. В этот момент я крикнула хозяйину, что волк зашёл к лошади.* Оят., д. Вачукенцы, 1938.

Пёрхнуть, *несов., неперех., безл.* Щекотать в горле. *Что-то в горле перхнет.* Лычков., д. Вольная Берёзна, 1939.

В Словаре отмечается безличное употребление глаголов:

Засвербётъ, *сов., неперех., безл.* О возникшем половом влечении к кому-л. *Засвербело.* Паш., д. Спирово, 1937.

Сумериться, *несов., безл.* О наступлении сумерек; смеркаться. *Сумериться стало.* Волхов., д. Вольково, 1941.

Серб́ить, *несов., неперех., безл.* Об испытываемом зуде; чесаться, зудеть. *Сербит.* Кингисеп., п. Ивановский, 1941.

Пёрхать, *несов., неперех.* 1. Кашлять. *Перхать, кашель все больше.* Полав., д. Дворец, 1940. Паш., д. Медведково, 1945.

2. *Безл.* Першить (в горле). *В горле перхает.* Капшин., д. Никульское, 1938.

6. Вопрос лексикографической самостоятельности причастий и деепричастий решается авторами следующим образом. Причастия и деепричастия показываются в Словаре в случае, если они имеют в своем образовании диалектные отличия: или в статье на соответствующий глагол или самостоятельной статьей, когда такой глагол в Словаре отсутствует. Причастия и деепричастия в качестве заголовочного слова даются с пометами соответственно *прич.* и *дееприч.*

В́ымерши, *дееприч.* Полностью исчезнув (о растениях). *У нас нельзя косить косилкой, камня много, только клевер один кося косилкам, а клевер вымерши.* Кириш., д. Большая Будогощь, 1939.

Уш́ёвши, *дееприч.* Уйдя. *Он был ушовши.* Полав., д. Дворец, 1940.

7. Наречия подаются в Словаре с пометой *нареч.*

Мёшкотно, *нареч.* Медленно; долго. *Шерсть мешкотно трясть глянчулков, делёночки связать.* Волхов., д. Вольково, 1941.

Лон́и, *нареч.* В прошлом году. Паш., д. Спирово, 1937.

Ономёдь, *нареч.* На днях, недавно. *Ономядь, ономедь — три дня назад, это старинная поговорка.* Полав., д. Дворец, 1940.

О́сенесь, *нареч.* Прошлой осенью. □ *Осенесь.* Волхов., д. Вольково, 1941. Ефимов., 1946. □ *О́сенесь.* Паш., д. Спирово, 1937. // □ *Осенесь.* Осенью. *Осенесь зделал едак.* Лодейноп., 1939.

Употребление наречий в функции категории состояния снабжается формулой *безл. сказ.* Такое употребление показывается а) при значении и б) внутри значения за знаком ■.

Дивья́, нареч. Хорошо, замечательно. *Кабы вас не было, так дивья было б жить* (обращение к внукам). *А с вам только мученья одного.* Вознесен., д. Посад, 1937. ■ *Безл. сказ. Топерь дивья молодёжи.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

8. Безлично-предикативные слова (категория состояния), не соотносительные по значению с качественными наречиями и прилагательными, помещаются в отдельных словарных статьях и получают характеристику *безл. сказ.*

Маётно, *безл. сказ.* Скучно; грустно, тоскливо. Волхов., с. Немятово, 1939. □ *Маётно. Самим мусоко, прискорбно, маятно.* Волхов., с. Немятово, 1939.

Му́соко, *безл. сказ.* То же, что маётно. Паш., д. Спирово, 1937. *Самим мусоко, прискорбно, маятно.* Волхов., с. Немятово, 1939. Волхов., д. Вольково, 1941. Паш., д. Медведково, 1945.

Нелóвко, *безл. сказ.* О неприятном ощущении зуда в горле. *Поперхало в горле... в горле как неловко.* Волхов., с. Немятово, 1939.

Оболочно, *безл. сказ.* О пасмурной погоде; облачно. *Оболочно сёгодня.* Вознесен., д. Посад, 1937.

О́пако, *безл. сказ.* Страшно, боязно. Паш., д. Медведково, 1945.

Прискóрбно, *безл. сказ.* Грустно, тоскливо. *Самим мусоко, прискорбно, маятно.* Волхов., с. Немятово, 1939.

9. Сравнительная степень имен прилагательных и наречий показывается при помощи грамматической пометы *сравн. ст. прилаг.* и *сравн. ст. нареч.*

Веселя́, *сравн. ст. прилаг.* Веселее. *Време́ веселя стало, как выглянуло [показалось] зелейки-то.* Волхов., д. Вольково, 1941.

Ближа́е, *сравн. ст. нареч.* Ближе. *Ближае ходить на станцию.* Волхов., д. Вольково, 1941.

Скоря́, *сравн. ст. нареч.* Быстрее, скорее. Волхов., д. Вольково, 1941.

Данная форма подается в отдельной статье, если в Словаре прилагательное и наречие в положительной степени не разрабатываются.

10. Частеречную характеристику имеют также **предлоги** (*предлог*), **союзы** (*союз*), **частицы** (*частица*), **междометия** (*междом.*).

Йна, *частица*. Употребляется в начале реплики для выделения, ограничения и т. п. *Пекарня была. Пойду и закажу: всяких витушек насвивай. Ина нонече так не поешь*. Волхов., д. Вольково, 1941.

Ёслив, *условн. союз*. Если. *Ёслив муж придет, я вас не пушшу*. Волосов., д. Голятицы, 1947.

При предлогах указывается, с какими падежами они употребляются.

Гля, *предлог с род. п.* Для. *Шерсть мешкотно трясть гля чулков, делёночки связать*. Волхов., д. Вольково, 1941.

Скрóзь, *предлог с вин. п.* Через, сквозь что-л. *Вода наша нехороша. Дождусь, когда дождь налетит, начернаю скрозь кисейку*. Волосов., д. Голятицы, 1947.

Слова, которыми подзывают или отгоняют животных, имеют помету *междом.*

Тю́ку-тю́ку, *междом.* Слово, которым подзывают кур. Паш., д. Спирово, 1937. Паш., д. Медведково, 1945.

Тю́шинь-тю́шинь, *междом.* Слово, которым подзывают свиней. Полав., д. Дворец, 1940.

Шкы́ря-шкы́ря, *междом.* Слово, которым отгоняют овец. Полав., д. Дворец, 1940.

Ды́га-ды́га, *междом.* Слово, которым подзывают гусей. Полав., д. Дворец, 1940.

Ма́ля-ма́ля, *междом.* Слово, которым подзывают цыплят. Волхов., с. Немятово, 1939.

Чу́ку-чу́ку, *междом.* Слово, которым подзывают кур. Чуку-чуку. Капшин., д. Никольское, 1938.

Таким образом, грамматическая характеристика слова в Словаре дается в соответствии с давней традицией, выработанной в современной лексикографии. Однако объем грамматической информации (традиционная система грамматических помет) в данном лексикографическом проекте ограничен. Тем не менее, одной из

задач составители считают углубление грамматической характеристики слова, что обусловлено структурно-семантической разнородностью и объективной недостаточностью материала. Поэтому в Словаре находят отражение грамматические формы (в том числе и спорадически представленные) не только в иллюстрациях, но и в качестве заголовочного слова (при этом начальная форма слова в Словаре отсутствует как факт общенародной лексики).

Ба́бо, *зват. ф.* Бабушка. *Бабо!* Вознесен., д. Посад, 1937.

3. Семантическая характеристика слова

В качестве основных способов толкования слов приняты следующие: а) описательный; б) синонимический; в) отсылочный.

При выборе того или иного способа толкования слова, безусловно, исходя из характера материала, составители принимали во внимание не только лингвистические данные, но и экстралингвистические.

Чаще других в Словаре используются описательные толкования.

Пелá, *ж.* Овсяная мякина. Паш., д. Спирово, 1937.

Третья́к, *м.* Лошадь по третьему году. *Лоньшак, уже год его продержат, воспитают. Как зиму уже прокормили, то уже не жеребёнок, а лоньшак. А потом уже третьяк. Стало быть, третья трава, две зимы прокормили.* Тихв., 1939. *Лоншак до двух лет, с двух лет жеребёнок, или третьяк.* Полав., д. Дворец, 1940.

Хребту́г, *м.* Мешок (привязанный к оглоблям) для кормления овсом лошадей в дороге. *В дорогу ездили, овес сыпали на головашку (у саней-то передок) наденут, связывали оглобли и к оглоблям привяжут; оно там как жёлоб будет, и овес туда всыпали. Хребтуг делался из парусины или из мешков толстых.* Волхов., с. Немятово, 1939.

При необходимости слова получают толкования, которые включают сведения энциклопедического характера.

Ольхо́вка, *ж.* Название белки обыкновенной в летний период, когда мех становится более жестким, редким и коротким, а окрас приобретает рыжий оттенок (в речи охотников). *Берёзовка: светлее ольховки, шерсть долганьска.* Паш., д. Спирово, 1937.

Па́бедок, *м.* Перерыв в работе для еды между обедом и ужином (в 6–7 часов вечера). *В день три упряжки: первая до завтрака, вторая до*

обеда, третья до пабеда, а там ужин. Тихв., 1939. // Перерыв, отдых в работе. Капшин., д. Никульское, 1938.

Подгúзик, м. Часть сохи — железный прут (закрепленный на плотине — основе сохи), на концы которого прикрепляются железные стерженьки с кольцами. *Соха: плотиво, присох, подгузики, земляники. До сорока почти лет плуги не бывало, все сохам. Сохой ковыряет, когда зарастет пашня.* Полав., д. Дворец, 1940.

Толока́, ж. Коллективная помощь кому-л.; работа родственников, соседей сообща. Полав., д. Дворец, 1940.

В ряде случаев толкование включает комментарий уточняющего характера (о ком-л., о чем-л.):

Жерё́бая. Беременная (о кобыле). Паш., д. Спирово, 1937. ■ *Жерё́ба, в знач. суц., ж. Беременная кобыла.* Капшин., д. Никульское, 1938.

Архивные материалы далеко не всегда позволяют раскрыть значение того или иного слова. Если материалы не дают достаточно полно и точно квалифицировать значение (отенок значения), толкование сопровождается знаком (?) или заменяется формулой [Знач.?).

Вошина, ж. [Удар.?). [Знач.?). *До ты вошины-то схожу и народу мене будет.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Га́рпы, мн. [Знач.?). *Га́рпы ставят напoperёк около лесу.* Волхов., д. Вольково, 1941.

За́полёк, м. Место, где кончается поле или луг и начинается лес. Паш., д. Спирово, 1937. // Прилегающая к лесу наиболее отдаленная от деревни часть поля. Паш., д. Спирово, 1937.

Часто в Словаре используются синонимические (эквивалентные) толкования.

Сё́год, нареч. Сегодня. *Земляники я почему-то сёгод не вижу.* Капшин., д. Никульское, 1938.

Скласть, сов., перех. Сложить. *В сыром месте склал.* Полав., д. Дворец, 1940.

Относительные имена прилагательные в Словаре объясняются при помощи описательного или эквивалентного толкования.

Кáлeжнoй, ая, ое. Приготовленный из брюквы. *Калeжнoй пирoжoк*. Волхов., д. Вольково, 1941.

Гнилянóй, ая, ое. Глиняный. *Гнилянoй горшoк*. Волхов., д. Вольково, 1941.

Оржанóй, ая, ое. Ржаной. *Лепешку оржанoю дала*. Волосов., д. Голятицы, 1947.

При толковании служебных слов применяется два вида толкования:

1. эквивалентный (при совпадении семантической и грамматической составляющих с единицами литературного языка):

Близь, предлог с род. п. Около, возле; у. *Подле горы и близь горы. Близь деревни*. Полав., д. Дворец, 1940.

Ковдá, времен. союз. Когда. *Кошка мурлычет или храпит, ковда глядятей, когда довольна*. Волхов., с. Нямятово, 1939.

Éслив, условн. союз. Если. *Помочь-то я могу, еслив я гектар выжну*. Волосов., д. Голятицы, 1947.

Чим, сравн. союз. Чем. *Мне севодня тоже денёг на пожне не дали. Тоже, рошчитывае лучше, чим райпо; совсим надо дармя йиздить*. Винниц., д. Артюшино, 1937.

Пусть, частица. Пусть. *А этот Сенька шкатурку под мышку и ла-та-та. — До утра пусть лежит*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Неужóли, частица. Неужели. *Молока-то ему никак не давае. Неужоли станет без чаю жить*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

2. в соответствии с лексикографической традицией описательный или описательно-грамматический, при котором находят отражение сведения о функциях и значениях служебных слов. Данный вид толкования применяется при фиксации слова или значения (оттенка значения), неизвестного современному русскому литературному языку, при некоторых различиях в семантическом отношении между диалектной и литературной единицами.

Íна, частица. Употребляется в начале реплики для выделения, ограничения и т. п. *Пекарня была. Пойду и закажу: всяких витушек насви-вай. Ина нонече так не поешь*. Волхов., д. Вольково, 1941.

Осередь, предлог с род. п. [Удар. ?]. В середине какого-л. периода; посреди. *Он осередь ночи повыстал, выкопал покойника, лисницу к окну клал, этово покойника и пихне*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Широко применяется в словаре толкование отсылочного типа
То же, что:

Плат, м. Головной платок. *Я ее [осу] платом [ловлю]*. Капшин., д. Никульское, 1938.

Плáтно, ср. То же, что плат. Винниц., д. Артюшино, 1937.

Плато́вье, ср. То же, что плат. *Вот они и завязывают платовьем глаза*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Плотівина, ж. То же, что плотина. Пожер., д. Поречье, 1941 (рис.).

Плоти́во, ср. То же, что плотина. *Соха: плотиво, присох, подгузики, земляники. До сорока почти лет плуги не бывало, все сохам. Сохой ковыряет, когда зарастет пашня*. Полав., д. Дворец, 1940.

Плоті́на, ж. Опорная часть сохи — выгнутый деревянный брус с раздвоенным книзу концом, на который насажены сошники. *Соха: плотина, или лукоть, потом к ней приделывалось два железных лемеша к лукоти, земляники, с земляникам соединяется планка, которая соединяла обжи, ручки, соединенные с ручками две обжи, присох. Обжи, они к ручкам были присоединены, обжи с ручкам присоединялись к лукоти, к плотине, тут веревочки были, которыми скреплялось все оснащение сохи*. Полав., д. Дворец, 1940. *На плотину на деревянну насаживали*. Волхов., д. Вольково, 1941. Ефимов., 1946.

Плоть, ж. То же, что плотина. Волхов., с. Немятово, 1939.

При толковании производных имен существительных применяется отсылка типа *Уменьш.-ласк. к:*

Делё́нки, мн. Варежки. *Делёнки в вачегу внутрь вкладывают*. Волхов., с. Немятово, 1939.

Делё́ночки, мн. *Уменьш.-ласк. к делёнки. Шерсть мешкотно трясть для чулков, делёночки связать*. Волхов., д. Вольково, 1941.

Пинжа́к, м. Пиджак. Полав., д. Дворец, 1940.

Пинжачо́к, м. *Уменьш.-ласк. к Пинжак. Дедушка, дал бы пинжачок какой-нибудь*. Полав., д. Дворец, 1940.

Если слово многозначно, основные значения выделяются арабскими цифрами, а оттенки значений — при помощи знака //:

Выть, ж. 1. Время для еды. Капшин., д. Никульское, 1938. ◇ От *вы́ти* до *вы́ти*. От обеда до ужина. *Не ест от выти до выти*. Капшин., д. Никульское, 1938.

2. Еда. Полав., д. Дворец, 1940.

3. Желание есть, аппетит. Паш., д. Спирово, 1937. Волхов., с. Немятово. 1939. Полав., д. Дворец, 1940. Пожер., д. Поречье, 1941.

Мáтица, ж. 1. Балка, поддерживающая потолок. *Слега под полом, в потолке — матица*. Полав., д. Дворец, 1940. 2. Ручка цепа. Паш., д. Спирово, 1937. (рис.).

Пелúшня, ж. Большой сарай для мякины и соломы. *Небольшой так хлев, а большой — пелушня и сарай*. Волхов., д. Вольково, 1941. // Небольшой сарай для мякины. Кингисеп., п. Ивановский, 1941. □ Пялúшня. Кингисеп., п. Ивановский, 1941.

Семантические вариации значения — употребления, обозначающие один и тот же предмет, явление, но отличающиеся каким-либо дифференциальным признаком, показываются в Словаре за знаком ♦. Вслед за СРНГ в качестве отношений между значением и семантической единицей, отмечаемой за знаком ♦, рассматриваются составителями родовидовые (это номинации земельных участков, построек, одежды, посуды и т. п.). Например:

Дя́нки, мн. Варежки. *Дянки с овечьей шерсти*. Полав., д. Дворец, 1940. Ефимов., 1946. □ Дья́нки. Пожер., д. Поречье, 1941. ♦ Варежки из шерсти и холста. *Дянки — оны не такие большие, а пухши большие и теплее*. Капшин., д. Никульское, 1938. Капшин., с. Ерёмина Гора, 1946.

4. Сочетаемость

Сочетаемость слова показывается, исходя из имеющихся архивных материалов.

В Словаре отмечается как грамматическая, так и лексическая сочетаемость слова (за знаком ◇). В данном случае коллектив опирается на традицию составления «Словаря русских народных говоров».

Прежде всего показывается сильное управление слов (объектные, обстоятельственные связи), сочетание слова с инфинитивом (грамматическая сочетаемость).

Прокуко́вать, сов., *неперех.* ◇ Прокуко́вать с кем-л. Провести время зря, болтая о чём-л. *Я прокукую с вам, делов есть*. Волосов., д. Голятицы, 1947.

Соскуча́ть, сов., *неперех.* ◇ Соскуча́ть по кому-л. Соскучиться по кому-л. *Соскучал я по вам*. Волхов., д. Вольково, 1941.

В Словаре представлена лексическая сочетаемость слова, понимаемая как реализация того или иного значения (оттенка, употребления) в конкретном сочетании. Авторами вводятся типичные сочетания слова, речевые стереотипы, клише.

Ба́бочка, ж. Ласк. Малая укладка льна для просушки в пять снопов, которые ставятся в кружок. Кириш., 1939. ◇ Поставить ба́бочкам. *Лён-то когда выростёт, мы ёго тоскаём, потом на полосы поставим бабочкам по пять снопочкам.* Кириш., 1939.

Вечёрни, мн. Вечерние собрания молодёжи летом (для гуляний). Волосов., с. Местаново, 1941. ◇ Собираться на вечерни. *Собираться на вечерни — собираться летним вечером на гулянья.* Волосов., с. Местаново, 1941.

Двужіры́й, ая, ое. ◇ Двужіры́й дом. Двухэтажный дом. Волхов., д. Вольково, 1941.

Кутный, ая, ое. ◇ Кутный зуб. Задний (коренной) зуб (лошади). *Кут у лошади, кутный зуб.* Полав., д. Дворец, 1940.

Над, предлог с тв. п. ◇ Над утренней зарей. Перед утренней зарей. *Над утренней зарей лошадь али корову задава.* Оят., д. Вачукенцы, 1938.

Отворя́ть, несов., перех. ◇ Отворя́ть рот. Раскрывать пасть (о волке). *Вижу, что волк подходит. Он два прытка сделал и бросился ко мне-ка, otvorил свой рот, а в этот омент я не пополохалась. В этот омент я крыкнула хозяину, что волк зашёл к лошади.* Оят., д. Вачукенцы, 1938.

5. Фразеология

В Словаре широко представлена фразеология: немотивированные фразеологические единицы (сращения), фразеологические единства и фразеологические сочетания. Составители Словаря исходят из традиционного толкования фразеологической единицы. Под фразеологической единицей понимается относительно устойчивая воспроизводимая раздельнооформленная единица языка, обладающая целостным или общеаналитическим значением и эмоционально-экспрессивной выразительностью. Подобное толкование позволяет рассматривать в качестве фразеологизмов не только семантически неразложимые единицы образного характера, но и устойчивые конструкции, состоящие из компонента с фразеологически связанным значением и компонента со свободным значением.

Фразеологизмы показываются в Словаре или в конце значения, или в конце словарной статьи за знаком ~. Составителями фиксируются устойчивые сочетания, имеющие в своем составе диалектные слова и фразеологизмы, а также состоящие из общенародных слов. Например:

Нáсередка, ж. Злоба, ненависть; вражда. Волхов., д. Вольково, 1941. ~ *По нáсередке* (осудить, оговорить кого-л.). По злобе. *По насередке осужён. Одна насередка.* Волхов., д. Вольково, 1941.

Душá, ж. ~ *Душá мрёт*. О чувстве восхищения кем-л., чем-л. (очень красивом). *Своему кавалеру приготавливает. Красивый! Душа мрёт.* Волосов., д. Голятицы, 1947.

Кíнуть, сов., перех. ~ *Крoвь кíнуть*. Сделать кому-л. кровопускание. *Кровомётка ходила, посече ножичком, кровь кинула, мне легче стало.* Волхов., д. Вольково, 1941.

Пар, м. ~ *За пáром глаз не знать*. Ничего не видеть, не замечать во время чаепития. *Такая поговорка: за паром глаз не знать, очень любим пить чай.* Паш., д. Медведково, 1945.

Орéх, м. ~ *Под орéх* (разрушить, разворовать что-л.). Полностью, без остатка. *Кладова разгромлена, все ограблено, чисто сделано, под орех.* Волосов., с. Местаново, 1941.

Классификация лексических единиц выражается также при помощи **системы помет**. В Словаре применяются следующие пометы: *бранно, уничиж., ласк., уменьш.-ласк.*

Волочáга, ж. *Бранно*. О распутной женщине. *Отойди, волочага! Волочага — ругательное слово. Волочага называется как девушка гульна, волочага или лахудра.* Тихв., 1939.

Лaхúдра, ж. *Бранно*. О распутной женщине. *Отойди, волочага! Волочага — ругательное слово. Волочага называется как девушка гульна, волочага или лахудра.* Тихв., 1939.

Косéнки, мн. *Уничиж.* Косы. *За косёнки да за волосёнки.* Волосов., д. Голятицы, 1947.

Горшéчек, м. *Ласк.* Небольшой горшок. Волосов., д. Голятицы, 1947.

Жеребúшка, м. *Ласк.* Жеребенок. Волхов., д. Вольково, 1941.

Так как одной из задач собирателей было «получить дополнительно записи пословиц, сказок, песен, частушек и т. п.»

(«Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка», с. 2), в архивных материалах представлены в том числе и явления устного народного творчества, что определило использование составителями Словаря пометы *Фольк*.

Коло́дечек, м. *Фольк. Ласк. Колодец. Ой, у кустарника да было у ракитного, у ракитного, ох и у колодечка было у студеного* (былина). Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

При разработке слов, употребляемых в загадках, перед толкованием приводится формула *В загадке*. Например:

Кромóушка, ж. Горбушка хлеба. В загадке. *Над бабушкиной избушкой хлиба кромушка (мисяц)*. Кириш., д. Большая Будогощь, 1939.

6. Иллюстрации

Иллюстрации располагаются в хронологическом порядке и приводятся обычно в современной орфографии с сохранением основных фонетико-морфологических особенностей говоров.

Упря́жка, ж. Промежуток времени работы от отдыха до отдыха (о сельскохозяйственных работах). *Сделал работу, говоря — на упряжке были*. Паш., д. Спирово, 1937. Оят., д. Вачукенцы, 1938. Капшин., д. Никульское, 1938. *В эту упряжку будем делать тое, а в ту упряжку тое*. Лычков., д. Вольная Берёзна, 1939. Тихв., 1939. *Поработал упряжку*. Полав., д. Дворец, 1940. Волосов., с. Местаново, 1941. Пожер., д. Поречье, 1941. Осьмин., 1945. Ефимов., 1946. Капшин., с. Ерёмина Гора, 1946. ◇ Большая упряжка. То же, что вторая упряжка. *Упряжка бывает большая и малая*. Паш., д. Спирово, 1937. ◇ Вечерняя упряжка. Время работы с обеда до ужина. Оят., д. Вачукенцы, 1938. Волосов., с. Местаново, 1941. ◇ Вторая упряжка. То же, что вечерняя упряжка. *С перехватки до обеда упряжка, с обеда до ужина вторая упряжка*. Полав., д. Дворец, 1940. ◇ Малая упряжка. Время работы с утра до обеда. Паш., д. Спирово, 1937. ◇ Первая упряжка. Время работы до завтрака. *Первая упряжка до завтрака. Давайте первую упряжку до завтрака поработаем, после обеда поедемте до пабедка поработаем*. Тихв., 1939. ◇ Средняя упряжка. То же, что вторая упряжка. Оят., д. Вачукенцы, 1938. ◇ Утренняя упряжка. То же, что малая упряжка. *Их день имеет три упряжки: утренняя упряжка, средняя, вечерняя*. Оят., д. Вачукенцы, 1938. Волосов., с. Местаново, 1941.

2. *Время с раннего утра до 11-ти часов дня. А то было по упряжкам богатым косили. Косишь, косишь и за 25к. упряжку откосишь*. Кириш., д. Большая Будогощь, 1939. ◇ Откосить упряжку.

Провести в косьбе определенное время. Кириш., д. Большая Будогощь, 1939.

Цепёц, м. То же, что Кепец. *Части цепа: ручка, цепец, путо*. Тихв., 1939. *Приузь: цевина, цепец, ремень*. Полав., д. Дворец, 1940. Пожер., д. Поречье, 1941.

Цевина, ж. Рукоятка цепа. *Приузь: цевина, цепец, ремень*. Полав., д. Дворец, 1940. Пожер., д. Поречье, 1941.

Для каждой описываемой в Словаре единицы приводятся точные географические данные: район, деревня. После географической характеристики после запятой обозначается год сбора материала (при наличии необходимых данных в архивных материалах).

Приу́з, м. Ручное орудие для молотьбы, состоящее из рукоятки и прикрепленного к ней ремнём короткого деревянного била; цеп. *Молотили приузам*. Вознесен., д. Посад, 1937. Паш., д. Спирово, 1937. Тихв., 1939. Волхов., с. Немятово, 1939. *Приузам молотили*. Волхов., д. Вольково, 1941. Ефимов., 1946. Волосов., д. Голятицы, 1947.

Приу́зь, ж. То же, что приуз. Лычков., д. Вольная Берёзна, 1939. *Приузь: цевина, цепец, ремень*. Полав., д. Дворец, 1940.

Свёклишный и **свёклышный**, а (ая), о (ое). Относящийся к свёкле. Свёклишный. *Свёклишна ботва*. Волосов., д. Голятицы, 1947. Свёклышный. *Свёклышный листовняк*. Полав., д. Дворец, 1940.

В целом авторы Словаря учитывают традиции отечественной лексикографии, опираясь на основные принципы составления «Словаря русских народных говоров» в сочетании с критериями регионального словаря диалектной лексики.

Список сокращений районов Ленинградской области (по рукописным материалам 30–40-х гг.)

Винницк. — Винницкий; Вознесе — Вознесенский; Волосов. — Волосовский; Волхов. — Волховский; Вытегор. — Вытегорский; Демьян. — Демьяновский; Ефимов. — Ефимовский; Кадуйск. — Кадуйский; Капшин. — Капшинский; Кингисеп. — Кингисепский; Крестец. — Крестецкий; Лодейноп. — Лодейнопольский; Лычков. — Лычковский; Маловишер. — Маловишерский; Мшин. — Мшинский; Новолодож. — Новолодожский; Ораниенб. — Ораниенбаумский; Осьминск. — Осьминский;

Оят. — Оятский; Паш. — Пашковский; Подпорож. — Подпорожский; Пожер. — Пожеревицкий; Полав. — Полавский; Тихв. — Тихвинский

Литература

- Административно-территориальное деление 1966 — Т. А. Бадина (сост.). Административно-территориальное деление Ленинградской области: справ. Л.: Лениздат, 1966.
- Административно-территориальное деление 1990 — В. В. Пылин (сост.). Административно-территориальное деление Ленинградской области: справ. Л.: Лениздат, 1990.
- Административно-территориальное деление 2007 — В. А. Скоробогатов, В. В. Павлов (ред.). Административно-территориальное деление Ленинградской области. СПб.: Комитет по взаимодействию с органами местного самоуправления Ленинградской области, 2007.
- Атлас 1957 — Р. И. Аванесов (ред.). Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы: Вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957.
- БАС — В. И. Чернышев (ред.). Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- Вопросник 1936 — Ф. П. Филин (ред.). Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка. Л.: ИЯМ, 1936.
- Лингвистический атлас района озера Селигер 1949 — М. Д. Мальцев, Ф. П. Филин (сост.). Лингвистический атлас района озера Селигер. М. — Л.: Академия наук СССР, 1949.
- МАС — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз. — Полиграфресурсы, 1999.
- Программа 1945 — Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. Приложение к Отчету о работе научной диалектологической конференции в г. Вологде 20–28 июля 1944 г. Вып. 1. 1945. Вологда: Типография издательства «Красный Север», 1945.
- Русская диалектология 1990 — В. В. Колесов (ред.). Русская диалектология. М.: Высшая школа, 1990.
- Славянская лексикография 2013 — М. И. Чернышева (отв. ред.). Славянская лексикография. Международная коллективная монография. М.: ИЦ Азбуковник, 2013.

М. А. Холодилова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

(ТО,) ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ: МЕЖДУ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИЕЙ И УСТОЙЧИВЫМ ВВОДНЫМ ОБОРОТОМ¹

1. Введение

В настоящей работе рассматриваются конструкции с оборотами *что называется* и *то, что называется*, подобные представленным в (1)–(2), и обсуждаются свойства, сближающие их с одной стороны с относительными конструкциями и с другой стороны с устойчивыми вводными оборотами.

(1) Он был, *(то,) что называется*, дурак.

(2) ... теперь они *то что называется* нашли себя ...

[Л. Р. Кабо. Повесть о Борисе Беклешове (1962)] (НКРЯ³)

В рассматриваемом типе конструкций присутствует некоторая группа, которая может рассматриваться как предикат при глаголе *называться* в относительной конструкции или как составляющая главной клаузы, поясняемая вводным оборотом, — *дурак* и *нашли себя* в примерах выше. Ниже такие группы условно называются «**наименование**».

Исследуемые конструкции допускают различные аналитические трактовки, обсуждаемые в **разделе 2**. Для определения грамматического статуса конструкций рассматриваются синхронные (**раздел 3**) и диахронические (**раздел 4**) данные. В **разделе 5** приводятся выводы.

¹ Исследование поддержано РГНФ (№ 14–04–00264, «Семантико-синтаксический компонент интегрированного корпусного описания русской грамматики»). Я благодарю за комментарии анонимного рецензента.

³ Национальный корпус русского языка, ruscorpora.ru. Подсчеты по данным корпуса производились в апреле 2015 г. и июне — июле 2016 г.

Здесь и далее сохраняется пунктуация источника цитирования. Нормативных рекомендаций по пунктуационному оформлению конструкции *то, что называется* не существует, однако ниже в сконструированных примерах ставятся запятые как с обеих сторон от оборота, так и внутри него, после слова *то*.

2. Возможные способы анализа

В литературе *что называется* рассматривается как вводный оборот или даже вводное слово [Розенталь и др. 1998: 118; Валгина 2000; Шведова, Лопатин (ред.) 2002: § 586; Онипенко (рукопись)]. Оборот *то, что называется*, насколько мне известно, в литературе не упоминается и, по всей видимости, считается частным случаем относительной конструкции с вершиной *то*⁴.

Очевидной альтернативой является единообразное рассмотрение данных конструкций — в качестве относительных или в качестве вводных.

Из относительных конструкций оборот *что называется* близок к безвершинным относительным предложениям (3), оборот *то, что называется* — к относительным предложениям с легкой вершиной (*light-headed*)⁵ (4).

(3) Окончив, **что** было нужно, погулял под дождем.
[Николай II. Дневники 1904–1907 (1904–1907)] (НКРЯ)

(4) Окончив *то*, **что** было нужно, погулял под дождем.

Помимо обычных относительных конструкций, изучаемые обороты демонстрируют некоторое сходство с прозрачными (*transparent*) относительными предложениями, т. е. конструкциями, в которых семантические и некоторые синтаксические свойства вершины проявляет именная часть предиката относительной клаузы при таких глаголах, как *seem* ‘казаться’, *call* ‘называть’, *be* ‘быть’ (например, в сочетании *was once* ‘некогда был’) и т. п. [Grosu 2003], как в примере (5).

(5) *He is a what many would call corpulent man.* [van Riemsdijk 2000]

⁴ Рассматриваемый в статье оборот *то, что называется* в функции, приближенной к вводной, по всей видимости, является более разговорным, чем *что называется*. Далее в статье этот вопрос не обсуждается.

⁵ Данный термин предложен Б. Цитко [Citko 2004]. Та же группа примеров часто описывается в литературе как ложные безвершинные относительные предложения (*false free relatives*) [de Vries 2002].

В литературе рассматриваются только прозрачные безвершинные предложения и не обсуждается возможность существования прозрачных относительных предложений с вершиной (см. [Grosu 2003; Schelfhout et al. 2004; van Riemsdijk 2006; Kim 2011] и др.). В то же время, предварительно можно допустить, что конструкции вида *то, что называется* могли бы также относиться к этому типу и в таком случае должны рассматриваться в качестве прозрачных относительных конструкций с легкой вершиной.

Основные ожидаемые различия между вводными оборотами и относительными конструкциями сводимы к следующему.

Во-первых, от вводного оборота в большей степени, чем от относительной конструкции, можно ожидать, что его свойства будут регулироваться «малым синтаксисом» и иметь лексические и морфологические ограничения, не предсказываемые общими правилами, иными словами, вводные обороты могут быть в той или иной мере устойчивыми.

Во-вторых, в случае, если конструкции рассматриваются как вводные, наименование должно быть частью главной клаузы, тогда как для обычного относительного предложения ожидается, что его предикативная позиция должна быть заполнена, следовательно, естественно предполагать, что наименование находится в зависимой клаузе.

Ожидания, связанные с прозрачными относительными предложениями, менее очевидны, поскольку этот тип конструкций исследован на материале малого количества языков. В существующей литературе для таких конструкций не отмечаются явления, связанные с устойчивостью. Синтаксическая позиция наименования в прозрачных относительных конструкциях является предметом обсуждений, см. [Grosu 2003: 277]. Данный тип конструкций сближается иногда с обычными безвершинными конструкциями [Grosu 2003], иногда с вводными оборотами [Schelfhout et al. 2004].

Наиболее общие ожидания об устройстве вводных оборотов и обычных («непрозрачных») относительных предложений собраны в Таблице 1.

Данным двум параметрам — устойчивости и положению наименования — соответствуют следующие более частные признаки, которые и будут проверяться для исследуемого материала.

Таблица 1. Возможное устройство вводных оборотов и «непрозрачных» безвершинных относительных предложений

	устойчивость	наименование вне клаузы
относительное предложение	–	–
вводный оборот	+/-	+

1. Устойчивость

1.1. Лексические ограничения на глагол в конструкции

1.2. Лексические ограничения на наличие и типы зависимых при глаголе

1.3. Грамматические ограничения на возможные глагольные формы

2. «Внешнее» положение наименования

2.1. Свободная синтаксическая позиция наименования в главной клаузе

2.2. Отсутствие ограничений на одушевленность

2.3. Согласование наименования в главной клаузе

2.4. Вхождение в состав идиомы в главной клаузе

2.5. Постпозиция оборота по отношению к наименованию

2.6. Невозможность постпозитивных зависимых глагола после наименования

2.7. Наличие паузы (и соответствующей ей запятой) перед оборотом

2.8. Наличие паузы (и соответствующей ей запятой) между оборотом и наименованием

В качестве оснований для сравнения ниже будут использоваться следующие типы конструкций:

- ⇒ наиболее близкий по значению вводный оборот *как говорится*;
- ⇒ бесспорные относительные конструкции: безвершинные и с вершиной *то*;
- ⇒ прозрачные безвершинные предложения других языков (прежде всего, английского) по данным существующих описаний;
- ⇒ диахронически более ранние варианты изучаемых конструкций (см. раздел 4).

В обычном случае признаки, перечисленные выше, характерны для вводных оборотов, но не для относительных предложений, см. данные в Таблице 2.

Таблица 2. Рассматриваемые свойства у вводного оборота и относительного предложения

	<i>как говорится</i>	<i>(то), что выглядит как</i>
1.1. лексические ограничения: глагол	+	—
1.2. лексические ограничения: зависимые	—/+	—
1.3. фиксированные грамматические формы	+/-	—
2.1. свободная синтаксическая позиция наименования в главной клаузе	+	—
2.2. отсутствие ограничений на одушевленность	+	—
2.3. согласование в главной клаузе	+	—
2.4. допустимость вхождения в состав идиомы	+	—
2.5. постпозиция по отношению к наименованию	+	—
2.6. невозможность зависимых глагола после наименования	+	—
2.7. запятая перед наименованием	+	—
2.8. запятая перед оборотом	+	—

3. Синхронные данные

3.1. Устойчивость

Исследуемые обороты отличает **лексическое ограничение на возможные глаголы**: в данных конструкциях используется только глагол *называться*. Так, в близких условиях не используется ни

деривационно связанный глагол *называть* (6), ни близкие по значению и модели управления *именоваться* и *величаться* (7а-б)⁶

(6) Он, (то) что **называется** / ?? **называют**, дурак⁷

(7а) Споры о причинах моего, что **называется**, успеха.
[Сергей Довлатов. Переводные картинки (1990)] (НКРЯ)

(7б) ?? Споры о причинах моего, что **именуется** / **величается**, успеха.

Зависимые в конструкциях фиксируются (8)–(9).

(8) ... он теперь **норовил**, что **у нас называется**, в каждый горшок плюнуть... [Вячеслав Пьецух. Русские анекдоты // «Знамя», 2000] (НКРЯ)

(9) **Иначе просто был бы несчастный случай**, или, что **называется на нашем языке**, юридический казус.
[Владимир Тендряков. Суд (1960)] (НКРЯ)

В то же время, такие выражения не в полной мере естественны и, по всей видимости, в разной степени возможны для различных зависимых, ср. (9) и менее приемлемое (10).

(10) ? **Иначе просто был бы несчастный случай**, или, что **красиво называется**, юридический казус.

Примеры, в которых используется **грамматическая форма** глагола *называться*, отличная от *называется*, фиксируются, однако представляются не в полной мере грамматичными:

(11) ... **выходило**, что **называлось**, «один к одному»...
[Андрей Макаревич. Все очень просто (1990)] (НКРЯ)

⁶ В текстах изредка встречается оборот *что говорится*, однако он представляется не вполне грамматичной контаминацией конструкций *как говорится* и *что называется*:

(i) *И все-таки мы шли, мы, что говорится, кожей чувствовали силу и чистоту Арктики.* [Анатолий Грешневиков. Зов Арктики (2002) // «Наш современник», 2002.08.15] (НКРЯ)

⁷ Предложение сравнительно допустимо при изменении паузации — в этом случае, по всей видимости, представлено обычное относительное предложение с вершиной *то*.

Ограничения названных выше типов не отмечаются ни для обычных, ни для прозрачных относительных предложений.

3.2. Положение наименования

В случае если наименование находится в главной клаузе — если оборот анализируется как вводный, — естественно ожидать, что зависимая клауза не будет накладывать **ограничений на** его возможную **синтаксическую позицию**. В случае с (обычной) относительной конструкцией можно было бы ожидать, что при отсутствии явной интонации цитирования (на письме отмечаемой кавычками) в позиции предиката будут выступать только формы, возможные при глаголе *называться* вне данной конструкции, например, при подлежащем *это*. Для русского языка это именные группы в формах именительного и творительного падежа. Эти формы именного предиката допустимы при нейтральной интонации (12а), другие же формы требуют особого интонационного и пунктуационного оформления при подлежащем *это* (12б-в), но не в конструкции с подлежащим *что* (7а-б).

(12а) *Это называется успех / успехом.*

(12б) ^{OK} *Споры о причинах моего... это называется «успеха».*

(12в) [?] *Споры о причинах моего... это называется успеха.*

Рассматриваемые конструкции возможны при наименовании, занимающем почти произвольную синтаксическую позицию: при именной группе в любой форме, а также при группе прилагательного, наречия, глагола (13).

(13) *Мы, что называется, пошли по следу.*

[«Совершенно секретно» (2003) (НКРЯ)]

Для английских прозрачных относительных конструкций отмечается широкая сочетаемость с группами, отличными от обычных именных предикатов, однако несочетаемость с финитными глагольными формами [Kim 2011], — как видно из (2) и (13), в обеих рассматриваемых русских конструкциях не действует и это ограничение.

Для оборота *то, что называется* использование при группах, отличных от обычных именных предикатов, является менее частотным, см. данные в Таблице 3. Различие статистически значимо, $\chi^2, P < 0,01$.

Таблица 3. Частотность составляющих различного типа в конструкциях с (то,) что называется (Яндекс)

	ИГ	прочее
<i>был что называется</i> (последние 50)	17	33
<i>был то, что называется</i>	37	11

Для первой конструкции рассматриваются наиболее поздние по дате написания 50 примеров в Яндексе. Для второй — все представленные при поиске в Яндексе и сортировке по дате 48 примеров.

Ограничения, связанные с **одушевленностью предиката**, в конструкции отсутствуют, что верно и для прозрачных относительных предложений.

- (14) ... *Фокины были, что называется, **дылды**...*
 [Андрей Белый. Серебряный голубь (1909)] (НКРЯ)
- (15) *Сейчас пришли, что называется, **белые люди**, которые начали воевать по правилам военного искусства.* (Яндекс)

Впрочем, данный признак, по-видимому, не всегда невозможен и для относительных конструкций, см., во-первых, [Grosu 2003: 285], во-вторых, примеры (16)–(17), в которых ограничения на одушевленность отсутствуют, несмотря на то, что вершина *то* получает творительный падеж из главной клаузы, т. е. едва ли может быть частью вводного оборота.

- (16) *Среднего роста, со светлыми волнистыми волосами, прямым носом, высоким лбом, он был лишен расплывчатой детской милловидности, а был тем, что называют — **человеком** приятной наружности.*
 [Давид Самойлов. Общий дневник (1977–1989)] (НКРЯ)
- (17) *Впрочем, Дубков и в самом деле был тем, что называют «**un homme comme il faut**».*
 [Л. Н. Толстой. Отрочество (1854)] (НКРЯ)

Впрочем, в (17) используются кавычки, а (16) представляется не в полной мере грамматичным.

Согласование с наименованием в рассматриваемых конструкциях наблюдается (18a)–(19a), как и в прозрачных относительных конструкциях.

(18а) *Но затем **наступили**, что называется, серые будни нового, слегка изменившегося, но все-таки буржуазного мира...* (Яндекс)

(19а) *В каждой стране **были** и есть то, что называется «социальные проблемы».* [Раддай Райхлин. Как захватить власть (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.08.04] (НКРЯ)

Для безвершинных конструкций при сохранении интонации согласование с наименованием обязательно:

(18б) **Но затем **наступило**, что называется, серые будни...*

Для конструкций с вершиной *то* в близких контекстах возможно согласование по единственному числу и 3 лицу или среднему роду (19а), однако можно предположить, что в таких случаях представлены обычные относительные конструкции с легкой вершиной, а не изучаемая конструкция.

(19а) *В каждой стране **было** и есть то, что называется «социальные проблемы».*

В том же случае, если контекст является неестественным для обычных относительных конструкций с подлежащим *что*, как в (20а-б), где предикат является одушевленным, согласование обязательно:

(20а) *Сейчас **пришли**, то, что называется, белые люди, которые начали воевать по правилам военного искусства.*

(20б) **Сейчас **пришло**, то, что называется, белые люди, которые начали воевать по правилам военного искусства.*

Как известно, некоторые синтаксические структуры не допускают разбиение **идиом** на две клаузы. При обороте *что называется* наименование может составлять идиому с несомненной частью главной клаузы (21а). Это является косвенным аргументом в пользу того, что наименование является частью главной клаузы.

(21а) *Сразу **берет**, что называется, **быка за рога**...* [Виталий Пищенко. Замок ужаса // «Техника — молодежи», 1991] (НКРЯ)

Данный признак отмечался для английских прозрачных безвершинных предложений [van Riemsdijk 2000], см., впрочем, [Grosu 2003: 286], где показано, что это свойство наблюдается не во всех случаях.

Как кажется, для оборота *то, что называется* такие структуры менее допустимы:

(21б) [?]Сразу **берет**, *то, что называется, быка за рога...*

Правила **порядка слов** при конструкции *что называется* допускают постановку оборота после наименования:

(22а) *Я коммунист и поэтому спрашиваю «в лоб», что называется.* [Анатолий Чубайс. Больше наглости! (2003) // «Советская Россия», 2003.09.01] (НКРЯ)

Для конструкции *то, что называется* такой порядок слов менее грамматичен:

(22б) ^{??}*Я коммунист и поэтому спрашиваю «в лоб», то, что называется.*

Важно отметить, что, несмотря на допустимость постпозиции для оборота *что называется*, эта позиция менее характерна для него, чем для квазисинонимичного *как говорится*. Подтверждающие это данные приведены в Таблице 4, различие статистически значимо ($\chi^2, P < 0,01$).

Таблица 4. Частотность конечной и неконечной позиции у оборотов *что называется* и *как говорится* (НКРЯ)

	в конце	перед запятой	% в конце
<i>что называется</i>	30	1969	1,5%
<i>как говорится</i>	177	3597	4,0%

Как отмечалось выше, зависимые у глагола *называться* ограниченно возможны, ср. также (23а). В то же время, **зависимые, следующие за наименованием**, значительно менее приемлемы (23б).

(23а) *Он был ещё вчера, что называется на языке судебной системы, «на пути к исправлению».* (Яндекс)

(23б) ^{??}*Он был ещё вчера, (то) что называется «на пути к исправлению» на языке судебной системы.*

Подобный порядок слов возможен для прозрачных относительных предложений в английском и некоторых других языках [Grosu 2003] и является сильным аргументом за то, что наименование

является в таких конструкциях частью зависимой клаузы, — однако, как видно из (23б), у рассматриваемых оборотов этот признак отсутствует.

Запятые, служащие обособлению оборота, при конструкции *что называется* чаще всего присутствуют, однако встречаются и примеры без таких запятых перед оборотом и /или после него:

- (24) *Был он что называется дылда, с бледным востроносым лицом и ужасно беспокойными глазами*⁸.

[В. В. Набоков. Королек (1933)] (НКРЯ)

Отдельные такие случаи могут быть связаны с опечатками, случайными ошибками или неточностями при переводе изданий в цифровой формат, однако существенно, что отсутствие запятых более характерно для выражения *что называется*, чем для семантически близкого *как говорится*. Данные приведены в Таблицах 5–6⁹, различия в обоих случаях статистически значимы ($\chi^2, P < 0,01$).

Таблица 5. Частотность отсутствия знаков препинания перед выражениями *что называется* и *как говорится* (НКРЯ, 1951–2000)

	без знаков препинания	после запятой	% без знаков препинания
<i>что называется</i>	13	815	1,5%
<i>как говорится</i>	4	1749	0,2%

Таблица 6. Частотность отсутствия знаков препинания после выражений *что называется* и *как говорится* (НКРЯ, 1951–2000)

	без знаков препинания	после запятой	% без знаков препинания
<i>что называется</i>	45	819	5,2%
<i>как говорится</i>	12	2160	0,6%

⁸ В примере (24) сохранена пунктуация, представленная в НКРЯ. В печатных источниках наличие обособляющих запятых в данном предложении различается по изданиям, однако кажется более правдоподобным, что редактор того или иного издания добавил запятые (что соответствует прескриптивным правилам), а не убрал запятые (что прескриптивные правила нарушает).

⁹ В Таблице 5 ниже из рассмотрения исключены контексты в начале предложения и после союзов, в Таблице 6, а также в Таблице 10, — в конце предложения.

4. Диахронические данные

В настоящем разделе рассматриваются только те из ожидаемых признаков вводных оборотов, для которых в период с XVIII в. по настоящее время обнаружены значимые изменения.

4.1. Устойчивость

Как отмечено выше, в современном языке глагол *называть* в рассматриваемой конструкции не используется, однако в XIX в. такие примеры фиксируются:

- (25) *Она, то что **называют**, опустилась.* [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том четвертый (1867–1869)] (НКРЯ)

Подобные примеры немногочисленны, однако не единичны. Данные в Таблице 7 показывают, что для языка XVIII–XIX вв. использование в рассматриваемой конструкции глагола *называть* по крайней мере более характерно, чем для XX — начала XXI в. Различие статистически значимо, двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$.

Таблица 7. Диахронические изменения в частотности конструкции *что называют*

	что называют	что называется	% что называют
1700–1900	7	588	1%
1901–2012	0	1794	0%

Изменения наблюдаются и в использовании **зависимых** при глаголе *называться*. Так, примеры, подобные (26), с зависимым внутри оборота в течение наблюдаемого периода стали значительно менее частотными.

- (26) *Молнии не прекращались ни на мгновение; была, что называется **в народе**, воробьиная ночь.*

[И. С. Тургенев. Первая любовь (1860)] (НКРЯ)

Данные приведены в Таблице 8, различие между первым и вторым периодами статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,05$).

Таблица 8. Наличие зависимых в конструкции *что называется* (НКРЯ)

	с зависимым	всего	% с зависимым
1700–1850	5	108	4%
1851–1900	5	458	1%
1901–1950	1	310	0%
1951–2000	2	790	0%
2001–2012	3	666	0%

4.2. Положение наименования

В течение наблюдаемого периода отсутствуют изменения в наборе **синтаксических позиций**, доступных для наименования. В то же время, их частотность значительно меняется. Данные представлены в Таблице 9, различие статистически значимо $\chi^2, P < 0,01$.

Таблица 9. Частотность составляющих различного типа в конструкции *с что называется* (НКРЯ)

	именная группа	прочее	% именных групп
1700–1900	53	144	27%
1901–2012	33	267	11%

В таблице для каждого периода, отмеченного в Таблице 8, рассматриваются случайные выборки по 100 примеров, кроме первого периода, для которого рассматриваются все 97 примеров, представленные в корпусе.

Косвенно на изменение позиции наименования указывают также данные о частотности **запятых** перед названием. Так, в текстах XVIII–XIX вв. более частотны примеры, подобные (27), без запятой между оборотом *что называется* и наименованием.

- (27) *Итак, в одном департаменте служил один чиновник; <..> с морщинами по обеим сторонам щёк и цветом лица **что называется** геморроидальным...* [Н. В. Гоголь. Шинель (1842)] (НКРЯ)

Данные приведены в Таблице 10, различие статистически значимо ($\chi^2, P < 0,01$).

Аргументом в пользу более внутреннего положения вершины может служить также следующий пример, приведенный анонимным рецензентом:

- (28) *Брат его средний был, **что называют** у нас, мизантроп, а в деревне — нелюдим.*

[Н. А. Полевой. Мешок с золотом (1829)] (НКРЯ)

Таблица 10. Частотность отсутствия знаков препинания после выражений *что называется* и *как говорится* (НКРЯ)

	без знаков препинания	перед запятой	% без знаков препинания
1700–1900	57	487	10%
1901–2012	84	1763	5%

В (28) за наименованием следуют слова *а в деревне*, которые естественно считать частью относительного предложения. Таким образом, **порядок слов** в этом примере указывает на положение наименования внутри зависимой клаузы. Для современного языка данный пример представляется неграмматичным.

5. Выводы

Большая часть синхронных и диахронических данных, обсуждаемых в статье, собрана в Таблице 12 в приложении. Столбец с данными по прозрачным относительным конструкциям в английском заполнен на основании существующих описаний.

Собранные данные позволяют сделать следующие обобщения.

1. Обороты *что называется* и *то, что называется* проявляют промежуточные свойства между устойчивыми вводными оборотами и относительными конструкциями.

2. Выражение *что называется* в соответствии с традиционными описаниями крайне близко к устойчивому вводному обороту. К числу немногих свойств, отличающих его от устойчивого оборота, относятся ограниченная допустимость зависимых и изменяемость глагола в конструкции, тяготение к позиции перед наименованием, сравнительно частое отсутствие запятой — и, предположительно, паузы — перед оборотом и в особенности после него.

3. Выражение *то, что называется* дальше от вводного оборота: оно в большей степени тяготеет к именным группам в позиции предиката, менее допустимо в идиомах и неграмматично в постпозиции к наименованию. В то же время, оно несколько ближе к устойчивому вводному обороту, чем английские прозрачные относительные предложения: оно ограничено лексически и морфологически, совместимо с наименованием, выраженным финитным глаголом, не допускает зависимых глагола после наименования, сравнительно

часто встречается с запятой перед оборотом и/или после него, как в примере (20а-б).

4. Все обнаруженные диахронические изменения указывают на то, что конструкция *что называется* в течение рассматриваемого периода (с XVIII в. до начала XXI в.) сближалась по свойствам с устойчивым вводным оборотом. За это время стали более строгими ограничения на глагол и зависимые в конструкции, стали более частотными наименования, отличные от именных групп¹⁰, и более редкими — вхождения конструкции без запятой перед наименованием.

Таким образом, можно предположить, что оборот *то, что называется*, оборот *что называется* в XVIII в. и тот же оборот в современном синхронном срезе образуют несколько различных промежуточных этапов изменения от обычной относительной конструкции к устойчивому вводному обороту. Можно предположить также, что одной из более ранних стадий их развития могла быть конструкция, близкая к английским прозрачным безвершинным предложениям.

Некоторые более дробные типы могут быть выделены и внутри обсуждаемых конструкций на синхронном срезе. Так, существует корреляция между наличием зависимых в обороте и именной группой в предикате. Данные приведены в Таблице 11, различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$). Как обсуждалось выше, и наличие зависимых, и использование в предикате именной группы являются признаками, характерными скорее для относительных предложений, а не вводных оборотов. Следовательно, можно говорить о том, что среди конструкций вида *что называется* выделяется подтип с глагольными зависимыми, проявляющий свойства, более характерные для относительного предложения¹¹.

Таким образом, можно предположить, что широко обсуждаемые в литературе прозрачные безвершинные относительные предложения образуют лишь один из промежуточных этапов изменения от относительной конструкции к вводному обороту.

¹⁰ Ср. известное расширение в сочетаниях типа *sort/kind of* от употреблений при существительных к глаголам и наречиям, см., например, [Denison 2002].

¹¹ Можно, разумеется, утверждать и то, что некоторый подтип с «менее вводными» свойствами образуют конструкции с именными группами в предикате.

Таблица 11. Частотность составляющих различного типа при конструкции *что называется* в зависимости от наличия зависимых при слове *называется* (НКРЯ, 1701–1900)

	именная группа	прочее	доля именных групп
есть зависимые	6	2	0,8
нет зависимых	53	144	0,3

Важно отметить также, что в русском языке *то* в конструкции *то, что называется* не мешает некоторой «прозрачности» конструкции в целом — не меньшей, чем в прозрачных относительных предложениях. По всей видимости, это свойство — еще одно указание на высокую степень интеграции вершин, состоящих из указательных местоимений *то, тот* в зависимые клаузы. Другие свойства, также указывающие на такую интеграцию, отмечались как для синтаксических актантов с вершиной *то* [Коротаев 2013], так и для некоторых типов относительных предложений [Холодилова 2015].

Литература

- Валгина 2000 — Н. С. Валгина. Синтаксис современного русского языка. М.: Агар, 2000.
- Коротаев 2013 — Н. А. Коротаев. Полипредикативные конструкции с *то что* в непубличной устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 324–331.
- Онипенко (рукопись) — Н. К. Онипенко. Вводные слова. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (Русграм, <http://rusgram.ru>). Рукопись.
- Розенталь и др. 1998 — Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо, 1998.
- Холодилова 2015 — М. А. Холодилова. Согласование с вершиной относительных конструкций и обособленных именных оборотов в русском языке // Русский язык в научном освещении 2, 2015. С. 74–97.
- Шведова, Лопатин (ред.) 2002 — Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин (ред.). Краткая русская грамматика. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2002.
- Citko 2004 — В. Citko. On headed, headless, and light-headed relatives // Natural Language & Linguistic Theory 22, 1, 2004. P. 95–126.
- Denison 2002 — D. Denison. History of the *sort of* construction family. Paper presented at ICCG2 Second International Conference on Construction Grammar. Helsinki, 2002.

- Grosu 2003 — A. Grosu. A unified theory of ‘standard’ and ‘transparent’ free relatives // *Natural Language & Linguistic Theory* 21, 2003. P. 247–331.
- Kim 2011 — J.-B. Kim. English transparent free relatives: interactions between the Lexicon and Constructions // *English Language and Linguistics* 172, 2011. P. 153–181.
- van Riemsdijk 2000 — H. van Riemsdijk. Free relatives inside out // B. Rozwadowska (ed.). *PASE Papers in Language Studies — Proceedings of the 8th Annual Conference of the Polish Association for the Study of English*. Wrocław: University of Wrocław, 2000. P. 223–233.
- van Riemsdijk 2006 — H. van Riemsdijk. Free relatives // M. Everaert, H. van Riemsdijk, R. Goedemans, B. Hollebrandse (eds.). *The Blackwell Companion to Syntax*. Vol. 2. Oxford: Blackwell, 2006. P. 338–382.
- Schelfhout et al. 2004 — C. Schelfhout, P.-A. Coppen, N. Oostdijk. Transparent free relatives // *Proceedings of CONSOLE XII*, 2004. P. 81–90.
- de Vries 2002 — M. de Vries. *The Syntax of Relativization*. PhD Thesis. University of Amsterdam, Amsterdam, 2002.

* * *

Приложение

Таблица 12. Признаки вводных оборотов у конструкций
что называется и то, что называется

	<i>что называется</i>			<i>то, что на- зывается</i>	прозрачные конструкции в английском	
	усиление с XVIII в.	синхронно				
1.1	лексические ограничения: глагол			+	>	-
	+	+				
1.2	лексические ограничения: зависимые			+/-	>	-
	+	+/-				
1.3	фиксированные грамматические формы			+/-	>	-
		+/-				
2.1	свободная синтаксическая позиция наименования в главной клаузе			+/-	>	+/-
	+	+	>			
2.2	отсутствие ограничений на одушевленность			+		+
		+				
2.3	согласование в главной клаузе			+		+
		+				
2.4	допустимость вхождения в состав идиомы			+/-		+/-
		+	>			
2.5	постпозиция по отношению к наименованию			-		-
		+	>			
2.6	невозможность зависимых глагола после наименования			+	>	-
		+				
2.7	запятая перед наименованием			+/-	>	-
		+/-				
2.8	запятая перед оборотом			+/-	>	-
	+	+/-				

В таблице используются следующие обозначения:

- + признак присутствует.
- признак отсутствует.
- +/- признак присутствует не в полной мере (существует вариативность, или соответствующие структуры не могут быть оценены как полностью грамматичные или полностью неграмматичные, или из соответствующих структур часть грамматична, а часть неграмматична).
- > большая близость к вводному обороту по данному признаку конструкции, находящейся в таблице левее.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айденайер Ханс (Eideneier Hans) — доктор, профессор, почетный доктор Салоницкого университета им. Аристотеля, Кёльн.

Электронная почта: eideniki@t-online.de.

Архангельский Тимофей Александрович — кандидат филологических наук, старший преподаватель Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

Электронная почта: timarkh@gmail.com.

Балчюнене Ингрида — PhD, Assoc. Prof., Vytautas Magnus University, Department of Lithuanian language, Kaunas, Lithuania.

Электронная почта: ingrida.balciuniene@vdu.lt.

Барина Юлиа Владимировна — кандидат филологических наук, эксперт Учебно-консультативного центра по русскому языку филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Электронная почта: julk@inbox.ru.

Венгранович Марина Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы АНО ВО «Поволжский православный институт имени святителя Алексия, митрополита Московского».

Электронная почта: wmaphil@mail.ru.

Васильева Виктория Владимировна — Кандидат филологических наук, доцент. Доцент кафедры речевой коммуникации СПбГУ.

Электронная почта: viktirija@mail.ru.

Волошина Оксана Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры Общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова Москва, Ленинские горы, 1-ый гум. корпус, филологический факультет, кафедра ОСИЯ.

Электронная почта: oханав2005@mail.ru.

Геккина Елена Николаевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

Электронная почта: gekkinar@rambler.ru.

Герд Лора Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент кафедры библеистики Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.

Электронная почта: loragerd@gmail.com.

Голант Наталия Геннадьевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела европеистики Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

Электронная почта: natalita1977@yandex.ru.

Горина Мария Михайловна — аспирант филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра славянской филологии, Москва..

Электронная почта: maruszya@mail.ru.

Даниэль Михаил Александрович — кандидат филологических наук, профессор Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

Электронная почта: mdaniel@hse.ru.

Домосилецкая Марина Валентиновна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.

Электронная почта: marinaling@mail.ru.

Дугушина Александра Сергеевна — аспирант Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

Электронная почта: dygi@inbox.ru.

Дускаева Лилия Рашидовна — Доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации СПбГУ с возложением обязанностей заведующего кафедрой.

Электронная почта: lrd2005@ya.ru.

Ермолин Денис Сергеевич — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела европеистики Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

Электронная почта: denis.ermolin@gmail.com.

Ефремов Валерий Анатольевич — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка РГПУ им. А. И. Герцена.

Электронная почта: vafef@mail.ru.

Иваненко Галина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет», г. Челябинск.

Электронная почта: gala.april@mail.ru.

Истратий Виктория Викторовна — аспирант Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН..

Электронная почта: v.istraty@gmail.com.

Казаковская Виктория Владиславовна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН.

Электронная почта: victory805@mail.ru.

Каминская Лариса Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.

Электронная почта: larkam@mail.ru.

Кара-Мурза Елена Станиславовна — Кандидат филологических наук, доцент, лингвист-эксперт ГЛЭДИС, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Электронная почта: Kara-murza-elena@yandex.ru.

Катышев Павел Алексеевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

Электронная почта: katpa@rambler.ru.

Кисилиер Максим Львович — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета, директор Греческого института Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.

Электронная почта: m.kisilier@spbu.ru.

Конёр Дарья Владимировна — аспирант ИЛИ РАН.

Кочаров Петр Александрович — к. ф. н., с. н. с. ИЛИ РАН.

Электронная почта: peter.kocharov@gmail.com.

Круглов Василий Михайлович — доктор филологических наук, заведующий лабораторией Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.

Электронная почта: vmkruglov@yandex.ru.

Крюкова Дарья Борисовна — научный сотрудник отдела редких книг Российской Национальной библиотеки, Санкт-Петербург.

Электронная почта: daria.kryukova@gmail.com.

Кузнецова Ирина Евгеньевна — научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН.

Электронная почта: kuznetsova4irina@rambler.ru.

Лаврик Эльвира Петровна — кандидат филологических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры русского языка.

Литвин Евгения Александровна — аспирант Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета, преподаватель Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва.

Электронная почта: evgenya.litvin@gmail.com.

Морозова Мария Сергеевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН, старший преподаватель кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.

Электронная почта: morozovamaria86@gmail.com.

Новик Александр Александрович — кандидат исторических наук, заведующий отделом европейстики Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, доцент кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.

Электронная почта: njual@mail.ru.

Оленев Станислав Владимирович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

Электронная почта: stanislav.olenev@gmail.com.

Оленников Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета.

Электронная почта: s.olennikov@spbu.ru.

Панов Владимир Александрович — кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, Москва.

Электронная почта: panovmeister@gmail.com.

Русаков Александр Юрьевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН, профессор кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.

Электронная почта: ayugusakov@gmail.com.

Русанова Светлана Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск.

Электронная почта: rusanowa_7@mail.ru.

Сергей Борисович Клименко — младший научный сотрудник лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН.

Электронная почта: sergeybklimenko@gmail.com.

Садова Татьяна Семёновна — Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка СПбГУ.

Электронная почта: tatsad_90@mail.ru.

Соболев Андрей Николаевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН, профессор кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, außerplanmäßiger Professor der Philipps-Universität Marburg, Marburg, Deutschland.

Электронная почта: sobolev@staff.uni-marburg.de.

Сорокин Анатолий Анатольевич — аспирант кафедры русской филологии, ФГБОУ ВПО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга».

Электронная почта: asorokin23@mail.ru.

Сьянова Елена Ивановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, доцент кафедры русского языка Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова МО РФ, Санкт-Петербург.
Электронная почта: syanovaei@mail.ru.

Третьякова Диана Викторовна — старший преподаватель кафедры «Русский язык и литература» ФГБОУ ВО ТГУ.
Электронная почта: dixi29@yandex.ru.

Федченко Валентина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.
Электронная почта: ilmen2005@yahoo.com.

Фомина Юлия Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего языкознания Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (БГПУ им. М. Акмуллы).
Электронная почта: ufom@mail.ru.

Хазимуллина Елена Евгеньевна — к. ф.н., доцент кафедры общего языкознания, руководитель Центра лингвистических экспертиз и редактирования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

Холодилова Мария Александровна — мл. н. с. Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН, преподаватель НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург.
Электронная почта: hol_m@mail.ru.

Чернышова Татьяна Владимировна — Доктор филологических наук, профессор. Зав. кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (г. Барнаул).
Электронная почта: labrlexis@mail.ru.

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Л. А. Герд, М. Л. Кисилиер. Акты из афонских монастырей как материалы по исторической диалектологии греческого языка.

Афонские монастыри с X в. были крупнейшими землевладельцами. В XVII–XVIII вв. они получили в дар огромные поместья в Молдавии и Валахии, доходы с которых позволили монастырям приобретать новые угодья в Македонии и на островах Эгейского моря. В монастырских архивах сохранилось множество договоров о купле-продаже земельных участков. В большинстве актов (как принято называть такие документы) указаны дата заключения договора и место расположения покупаемого участка. Как показывает пилотное исследование, проведенное на материале случайно отобранных шести документов (датируются от 1668 до 1727 гг.), в афонских актах встречаются интересные языковые особенности, которые могут быть важны и для исторической грамматики новогреческого языка, и для исторической диалектологии.

Ключевые слова: акты афонских монастырей, греческие диалекты, историческая диалектология греческого языка, история греческого языка.

Н. Г. Голант. Мифологические представления румын Олтении и Мунтении (по материалам экспедиций в Вылчу, Горж, Мехединць и Бузэу).

В статье изложена информация о некоторых сюжетах, связанных с румынской народной мифологией, из населенных пунктов округов Вылча, Горж и Мехединць (Олтения) и Бузэу (Мунтения). В частности, в тексте изложены представления местных жителей о вампирах, о существах, пожирающих луну, о демонах судьбы, демонах болезней и др. Все рассматриваемые в данном тексте сюжеты широко распространены и у румын, и у других балканских народов, однако уточнение ареала распространения рассмотренных явлений и связанной с ними лексики требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: мифология, мифологические представления, мифологический персонаж, терминология, термин, обычай.

М. В. Домосилецкая. Заметки по балканскому гербарии: мальва и артишок (к названиям молокосвертывающих растений в балканском лингвистическом контексте).

На материале девяти балканских языков и их диалектов прослеживаются закономерности в народном наименовании растений: *Malva silvestris* ‘мальва дикая’ и *Cynara (scolymus и cardunculus)* ‘артишок (посевной и дикий)’. Устанавливается, что такой реальный их признак, как способность к свертыванию молока, практически не закрепился в балканской фитонимии. Определяются иные, преобладающие, мотивационные признаки номинаций. На основе этимологического анализа делаются выводы о степени взаимовлияния языков в данном микрополе, а также о разных путях проникновения и адаптации *Cynara* на Балканах.

Ключевые слова: фитонимы, номинация, балканские языки, языковые контакты, мальва, артишок, молокосвертывающие растения.

А. С. Дугушина. Вредоносные силы и женщина в цикле родинной обрядности албанцев Приазовья.

В традиционной культуре цикл родинных обрядов и место женщины в нем неразрывно связаны с представлениями о злых силах и вредоносной магии. В статье рассматриваются представления албанцев Украины об опасности, которой подвергается женщина в состоянии беременности, во время родов и в послеродовой период. Также иллюстрируется полевой материал о ритуальных практиках албанцев в отношении женщины, применяемых в зависимости от того, является она источником или объектом опасных действий.

Ключевые слова: родинная обрядность, албанцы Приазовья, полевая этнография, мифология, вредоносная магия.

Д. С. Ермолин. Фотоколлекция Ю. В. Ивановой по албанцам Приазовья в Фотоархиве ИЭА РАН: перспективы изучения для лингвистов и этнографов.

Статья посвящена рассмотрению уникальной фотоколлекции, сделанной в 1949 г. в албанских селах Украинской ССР и хранящейся в настоящее время в Фотоархиве ИЭА РАН (собиратель — Ю. В. Иванова). Автор приводит полный перечень тематических сюжетов, на которые разбивается коллекция (свадебная обрядность, одежда, портреты и проч.). В статье также обсуждается возможность использования архивной фотографии в экспедиционной работе этнографов и полевых лингвистов

Ключевые слова: албанцы Украины, Приазовье, визуальная антропология, фотография, атрибуция, архивирование.

Л. Н. Каминская. Албанский материал в «Словаре» Петера Симона Палласа: особенности передачи фонетики.

В статье рассматривается албанская лексика, включенная в первый российский многоязычный словарь под редакцией Петера Симона Палласа «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы». Основное внимание уделено принципам фонетической интерпретации лексического материала, позволившим максимально адекватно, насколько этого позволяла лексикографическая наука того времени, отразить звуковой состав лексики, представленной в «Словаре».

Ключевые слова: словарь С. Палласа, история фонетических учений, лексикография, албанский язык.

М. Л. Кислиер. Аналитические формы настоящего времени и имперфекта в цаконском диалекте новогреческого языка.

Одной из отличительных особенностей цаконского диалекта новогреческого языка являются аналитические формы для выражения настоящего времени и имперфекта при отсутствии соответствующих синтетических форм. Вопрос о происхождении аналитических форм в цаконском до сих пор остается открытым. Нельзя исключать иноязычного влияния, однако несомненные предпосылки для появления таких форм были в греческом языке. Одиночные примеры употребления перифрастических конструкций со значением имперфекта обнаруживаются в древнегреческом, однако всплеск употребления подобных конструкций приходится на «Новый завет», откуда они проникают в т. н. **пѳднее койне** (греческий язык IV–X вв.). Можно предположить, что аналитические формы развились в цаконском в византийский период, однако неясно, почему данное явление затронуло именно цаконский. В статье предпринимается попытка рассмотрения цаконских аналитических форм как собственно греческого феномена, а также отмечаются особенности их употребления и семантики.

Ключевые слова: цаконский диалект, аналитические формы настоящего времени и имперфекта, новозаветное койне.

М. Л. Кислиер, А. А. Новик, А. Н. Соболев. Этнолингвистические и диалектологические наблюдения из Дропула (Албания). По материалам российской экспедиции 2009 года.

Статья основана на материалах российской экспедиции в район Дропул в Республике Албания. Представлены сведения о целях экспедиции, диалектных характеристиках языка проживающего в Дропуле греческого меньшинства, антропологические и этнолингвистические наблюдения. Публикуются транскрипции диалектных текстов

Ключевые слова: балканские языки, новогреческий язык, албанский язык, языковые меньшинства, греческие диалекты в Албании, новогреческая диалектология, этнолингвистика.

Е. А. Литвин. Колыбельные песни салентийских греков: мотивы и образы.

В статье содержится обзор мотивов колыбельных песен, записанных в Саленто (Италия, провинция Лечче, область Апулия), на местном диалекте итальянского языка, а также на местном диалекте новогреческого языка (так называемом *грико*). Кроме того, здесь представлены упоминающиеся в текстах топонимы, имена демонологических персонажей и католических святых, дальнейшее изучение которых может оказаться полезным для составления более полной картины мифологических представлений и народной религиозности в данной местности.

Ключевые слова: грико, колыбельные, музыкальный фольклор, фольклорные мотивы.

М. С. Морозова. Албанский говор села Жовтневого в условиях языкового контакта: по материалам экспедиций 2011–2013 годов.

В статье представлены некоторые результаты наблюдений над языковой ситуацией в полиэтничном селе Жовтневе / Жовтневом (Болградский р-н, Одесская обл., Украина), сделанных в ходе экспедиций 2011–2013 гг. В селе проживают представители нескольких этносов, преобладают албанцы, гагаузы и болгары. Особое внимание в статье уделено вопросу о степени сохранности и особенностях функционирования албанского говора с. Жовтневого в контакте с титульными языками других этносов, проживающих в селе, и под сильным доминирующим влиянием языков высокого социального престижа (прежде всего, русского языка). Кратко охарактеризован уровень языковой компетенции носителей разного возраста, представляющих разные поколения. Отражением контактов носителей албанского говора с представителями других этнических групп является его лексическая система, включающая большое количество заимствований,

различных по происхождению (общеалбанские заимствования из латыни, греческого, славянских языков, турецкого; заимствования из болгарского, гагаузского, русского языков), времени заимствования (ранние и поздние) и тематической отнесенности. Большая часть русизмов, а также общеалбанских турцизмов и грецизмов говора может быть отнесена к так называемым «культурным заимствованиям» (*englishcultural borrowings*), которые возникают в языке одновременно с появлением новых реалий. Заимствования из болгарского и гагаузского языков в албанском говоре с Жовтневого включают не только культурную лексику, но и базовый лексикон (*englishcore borrowings*) и представляют собой одно из главных последствий многоязычия и длительного албанско-гагаузско-болгарского контактного взаимодействия, которым с Жовтневого характеризуется до настоящего времени.

Ключевые слова: албанский язык, болгарский язык, гагаузский язык, русский язык, говор албанцев Украины, с. Жовтневе / Жовтневое, Каракурт, полиэтничное сообщество, билингвизм, полилингвизм, уровень языковой компетенции, лексические заимствования, культурные заимствования, базовые заимствования, терминология родства, обрядовая лексика.

М. С. Морозова, Т. А. Архангельский, М. А. Даниэль, А. Ю. Русаков. Албанский национальный корпус: основные направления работы.

В статье обсуждается ряд теоретических и практических вопросов и проблем, связанных с созданием Албанского национального корпуса (АНК), работа над которым ведется с 2011 г. Целью проекта является создание полного и представительного корпуса, включающего письменные тексты разных стилей, жанров и периодов, образцы разговорной речи и диалектные тексты. В связи с этим в статье уделено внимание вопросу о составе основного корпуса (хронологически организованные подкорпуса письменных текстов), а также способам будущего представления диалектных текстов, записанных в разное время с использованием различных графических систем. Обсуждается проблема диалектной лексической вариативности и связанные с ней вопросы лемматизации диалектных словоформ и их поиска в АНК по литературной и диалектной лемме. В разделе о результатах проделанной работы представлены сведения о действующей версии метатекстовой и лексико-морфологической разметки АНК, о морфологическом стандарте, разработанном создателями АНК на основе существующих грамматик албанского языка, и о принципах разметки текстов с помощью морфологического анализатора UniParser. Приводится обзор лексико-грамматических помет, используемых в АНК. Обсуждается проблема снятия грамматической омонимии, которая будет решаться создателями АНК в ближайшее время. В завершающем разделе освещены некоторые проблемы интерпретации албанской именной и глагольной

морфологии, которые решались при построении морфологической модели АНК. В частности, описан подход, применявшийся при составлении инвентаря падежей АНК. Он сочетает в себе принципы традиционной албанской грамматики (сохранение номенклатуры падежей, применяемой в албанистике) и дополнительные параметры, введенные создателями АНК для более эксплицитного отображения и обеспечения удобного поиска языковых особенностей, которые недостаточно подробно в ней описаны (аблатив II, беспризнаковый падеж)

Ключевые слова: Албанский национальный корпус (АНК), состав корпуса, представление диалектных текстов, вариативность диалектной речи, лемматизация, метатекстовая разметка, лексико-морфологическая разметка, принципы разметки текстов (пословный принцип разметки), морфологический стандарт корпуса, аблатив второй, беспризнаковый падеж, трактовка аналитических глагольных форм.

А. А. Новик. Акциональный код знахарских практик албанцев и гагаузов Приазовья: по материалам экспедиций 1998–2012 годов.

В Запорожской области Украины расположены три села с албанским и смешанным албанским и гагаузским населением: Гаммовка, Девнинское и Георгиевка. Названные поселения возникли в 1861–1862 гг. Традиционным способом врачевания детей и взрослых было и остается, в известной мере, до сих пор обращение к «знающим» людям. Навыки целительства и колдовства пытаются передать чаще женщинам. В общей статистике знахарей-мужчин было очень мало. Большинство «знающих» людей лечат от болезней тремя основными способами. Первый — с помощью *чивита* (*ma fivít*) — синьки, твердого мелообразного вещества темно-синего цвета (слово *чивит* обозначает в говоре албанцев Украины темно-синий цвет). Это был наиболее распространенный способ врачевания. Главной составляющей подобной практики было «шептание» речевых формул. Процесс сопровождался либо завершался нанесением пятен *чивитом* на теле пациента. Вторым способом врачевания было использование воска. Данный вариант являлся более действенным. К нему обращались тогда, когда «шептание» и *чивит* не помогали. Сеанс исцеления с помощью воска с технической точки зрения мог обставляться по-разному. Чаще всего расплавленный воск выливали в холодную воду, где он застывал. Третий способ врачевания — сыпать муку. Высыпая муку на заслонку печи, «знающие» находили причину заболевания и назначали лечение. Важным инструментом в борьбе с недугами был нож. Полиэтнический регион, в котором живут албанцы и гагаузы (совместно с русскими, украинцами, болгарями, греками и др.), наложил отпечаток на знахарские практики. Однако в них можно четко проследить балканские и тюркские мотивы как в плане обрядовой

составляющей, так и в плане лексики, использования родного языка как профессионального аргю.

Ключевые слова: албанцы, гагаузы, Украина, целительство, колдовство, знахарские практики, народная медицина, этнология, балканистика, традиционные обряды, полевая работа, профессиональное аргю.

В. А. Панов. Глагольные формы прогрессива греческого диалекта Саленто в ареально-типологической перспективе.

Романские идиомы крайнего юга Италии (южно-калабрийский и салентийский диалекты) вместе с сицилийским диалектом образуют особую группу итальянских диалектов, своеобразные черты которых (например: ограниченное использование инфинитива и аналитического перфекта) приписывались влиянию греческого субстрата. Находящиеся под угрозой исчезновения идиомы грекоязычных анклавов — греко-салентийский (грико) и греко-калабрийский — могут претендовать на роль исторического продолжения субстратного греческого языка. В статье делается фокус на одной структурной параллели между романским и греческим идиомом Саленто — на аналитической прогрессивной конструкции. В результате проведенного анализа удалось выяснить, что данная конструкция, а, возможно, и другие структурные параллели, являются результатом длительного контактного развития греческих и романских идиомов, и пока нет достаточных лингвистических данных, чтобы считать именно греческий язык языком субстрата.

Ключевые слова: грико, греческие диалекты, диалекты Италии, салентийский диалект, южно-калабрийский диалект, языковые контакты, прогрессив.

В. В. Федченко. Свидетельства о греческом языке Константинополя.

В статье рассматриваются основные языковые особенности греческого языка Константинополя новейшего периода. Язык Константинополя анализируется как переходный языковой вариант, который под влиянием пуристических тенденций утрачивает наиболее яркие диалектные черты. В устной речи носителей идиома сохраняются лексические и морфологические архаизмы, свидетельствующие о влиянии письменного стиля на язык города. Данные XIX в. приводятся по письменным источникам, фиксирующим диалектные черты, — произведениям художественной литературы, мемуарам, популярным печатным изданиям. Отдельно анализируется диалектная специфика ранних текстов Янниса Психариса и их более поздних исправленных версий. Сведения по языку XIX в. сопоставляются с современными диалектными записями устных интервью с константинопольскими греками.

Ключевые слова: новогреческая диалектология, языковая стандартизация, диалект Константинополя, контактные явления, глагольная морфология, лексические заимствования, диалект Янниса Психариса.

Hans Eideneier. «Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος» καὶ ἡ εὐρωπαϊκὴ παρεξήγησις.

Статья посвящена соотношению «устности» и «письменности» — проблеме, которая многократно в течение последних двадцати лет становилась предметом обсуждения в научной литературе. С точки зрения автора, греческая традиция представляла собой неразрывность связи гармонии, ритма и слова — иными словами синкретизм слова, мелодии и движения.

В статье подробно рассматривается семантическая трансформация греческих слов *ἀνάγνωσις* ‘чтение’ и *ἀναγιγνώσκω* ‘читаю’ в диахронии и делается вывод, что они не равнозначны латинскому *legere*, немецкому *lesen* и английскому *to read*. В работе анализируются точки зрения древнегреческих грамматиков, в частности, Дионисия Фракийского

Ключевые слова: устность, письменность, греческая литературная традиция, греческая поэтическая традиция, Дионисий Фракийский.

Ю. В. Барينو́ва. К вопросу о необходимости обоснования негативности информации.

Статья посвящена рассмотрению информации негативного характера, а именно тех случаев, когда сведения, изначально являющиеся нейтральными, в контексте речевого произведения в целом или внетекстовых данных предстают как сведения негативные. Заявлен и аргументирован тезис о необходимости обоснования негативности информации в таких случаях — при помощи анализа общего содержания и идейно-тематической направленности текста или же учета экстралингвистических факторов. Сделан вывод о том, что в лингвистических экспертизах по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации подобные сведения должны признаваться подлежащими проверке на соответствие действительности как негативные.

Ключевые слова: негативная информация, нейтральная информация, контекст, внетекстовые данные, субъективные суждения, объективная информация.

Е. Н. Геккина. Время и деньги в сложных грамматических условиях: выбор интерпретации.

В статье описываются лексико-грамматические особенности конструкций, использованных при обозначении кредитно-денежной операции и срока отчетного действия в двух официально-деловых текстах. Конструкции с компаративом *не позднее* рассматриваются в расширенном парадигматическом контексте. Анализ в аспекте интерпретаций декодификаторов показал, что к числу характеристик, провоцирующих вариантное толкование высказываний, относятся структурные и семантические свойства грамматического плана их фрагментов.

Ключевые слова: конструкция, именная группа, предложно-именная группа, лексическая семантика, грамматическая семантика, синтаксическая омонимия, официально-деловой стиль, темпоратив, компаратив.

В. А. Ефремов. оскорбление: наивная и юридическая картина мира.

Статья посвящена анализу семантического наполнения понятия *оскорбление* в наивной и юридической картине мира. Представление об оскорблении в языковой картине мира реконструируется с помощью анализа толковых и ассоциативного словарей; представление об одноименном правонарушении в профессиональной картине мира реконструируется с помощью анализа законодательных актов и работ лингвистов-экспертов. В результате проведенного анализа обнаруживаются зоны пересечения и зоны несовпадения (главная из них связана с чувством обиды, играющим важную роль в языковом сознании и отсутствующем в правовом поле). Смещение наивной и юридической картин мира в представлении юриста проиллюстрировано на конкретном лингвоэкспертном кейсе.

Ключевые слова: оскорбление, наивная и юридическая картина мира, лексикографические источники, законодательные акты, оскорбление при исполнении.

Г. С. Иваненко. Объективное и субъективное в конфликтном тексте: вопросы экспертной квалификации.

Статья посвящена спорным вопросам определения субъективного или объективного характера информации в лингвоэкспертной практике. В одной языковой единице может совмещаться объективный и субъективный компоненты смысла. Задача лингвиста-эксперта — разделить их, учитывая семантику высказывания, его грамматические особенности и контекст. Дифференциация объективного и субъективного должна учитывать обыденное восприятие высказывания, основанное на представлениях о реальности.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, объективная и субъективная информация, утверждение о фактах, оценка, мнение, предположение.

Т. С. Садова. Конфликтный потенциал наименования как предмет лингвистической экспертизы: номинация человека.

В статье рассматривается проблема лингвистической и юридической интерпретации наименования лица как конфликтной номинации. На двух примерах из экспертной практики демонстрируется необходимость разработки специальных методов экспертного исследования конфликтного речевого факта. Показано, что при анализе категории **оскорбление** в ряде случаев лексико-стилистический анализ номинации лица должен дополняться коммуникативно-социологическим. Утверждается, что лингвистическая экспертиза нуждается в специальных словарях и специальной терминосистеме, закреплённой юридически

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, наименование лица, конфликтная номинация, язык права, метод лингвистической экспертизы.

Т. В. Чернышова. Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблема выбора метода в современной лингвоэкспертной практике.

В статье рассматриваются основы аналитико-экспертной деятельности филолога как важная составляющая филологической деятельности в целом, ориентированной на практическое использование филологических знаний в правовой сфере. С учетом требований Федерального закона об экспертной деятельности в России определяются основные требования, предъявляемые к специалисту в области лингвистической экспертизы в аспекте создания экспертного исследования, выбора методов лингвистического анализа спорного текста и методик исследования на основе базовой лингвистической теории и практики

Ключевые слова: лингвоэкспертология, аналитико-экспертная деятельность, специальные знания, спорный текст, лингвистическое исследование, методы лингвистических исследований, методики анализа.

Е. С. Кара-Мурза. Проблемы лингвистической экспертизы произведений коммерческой рекламы.

Статья посвящена лингвистической экспертизе коммерческой рекламы — недостаточно разработанному направлению в российской лингвоэкспертологии. Автор — лингвист-эксперт ГЛЭДИС - обсуждает место данного вида экспертиз среди экспертиз других речевых деликтов, общие черты и специфику. В пределах этой подобласти прикладной лингвистики обнаруживается несколько форматов выполнения исследования, из которых главный — судебная экспертиза рекламы. Один из путей ее совершенствования — разработка алгоритмов экспертизы ненадлежащей рекламы. Впервые в лингвоэкспертологии подробно анализируются ее разновидности (реклама недостоверная, недобросовестная, неэтичная) с их лингвоправовыми признаками, а также некоторые другие запрещенные креативные стратегии. По материалам СМИ и по протоколам Экспертного совета по рекламе ФАС в лингвоэкспертной логике рассматриваются актуальные примеры спорной рекламы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза коммерческой рекламы, виды лингвистической экспертизы коммерческой рекламы, ненадлежащая реклама, недостоверная реклама, недобросовестная реклама, неэтичная реклама, лингвоправовые признаки ненадлежащей рекламы.

М. А. Венгранович, И. Е. Кузнецова, Д. В. Третьякова. Лингвистическая экспертиза наименований лекарственных средств.

Статья посвящена проблеме проведения лингвистической экспертизы особого типа товарных знаков — наименований лекарств, и поиску путей оптимизации этой процедуры. Анализ примеров показывает, что традиционное исследование сходства обозначений не является исчерпывающим в ходе экспертизы и требует учета дополнительных признаков. Постулируется необходимость выявления и анализа сильных элементов товарного знака.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, товарный знак в области фармацевтики, сходство до степени смешения, звуковое сходство, графическое сходство.

В. В. Васильева, Л. Р. Дускаева. Коммуникативный сценарий призыва в массмедийном поликодовом тексте: проявления экстремистского высказывания.

В статье рассматривается коммуникативный сценарий призыва в поликодовом медиатексте — плакате, размещенном в социальной сети. Анализируются два кейса: с эксплицитно и имплицитно выраженным призывом к агрессивным экстремистским действиям. Демонстрируются инструменты выявления вербально-визуального взаимодействия в плакате как методы экспертного исследования спорного текста.

Ключевые слова: призыв, коммуникативный сценарий, поликодовый текст, медиатекст.

П. А. Катыхиев, С. В. Оленев. К вопросу о судебной лингвистической экспертизе по делам, связанным с вовлечением в деятельность нелегальных организаций.

Институциональное исследование вовлечения как социально-дискурсивного феномена обычно осуществляется в рамках комплексных экспертиз. Это доказывает междисциплинарность категории вовлечения. Практика судебных лингвистических экспертиз показывает, что применение процедур лингвистического анализа для доказательства злоупотребления нелегальными группами интерактивной стороной общения предполагает расширенное понимание категории вовлечения. В этих условиях особую актуальность приобретает критическая методология дискурс-анализа, исходящая из системной мотивированности языка и речи как откликов на запросы социальной и когнитивной надсистем. В данной статье обращается внимание на особенности критической методологии, имеющей конечной целью проведение судебных лингвистических экспертиз по делам о вовлечении в деятельность нелегальных организаций. На основании аналитического обзора идей интеракционной социолингвистики (Дж. Гамперц), дискурс-анализа (У. Чейф, Д. Таннен) и этнографии речи (Н. Бесниер) о феномене вовлечения, а также с опорой на критическую методологию исследования коммуникации, формулируются принципиальные положения, значимые для проведения судебной лингвистической экспертизы по делам, связанным с деятельностью нелегальных организаций.

Ключевые слова: вовлечение, судебная лингвистическая экспертиза, критический дискурс-анализ.

Э. П. Лаврик. Маркеры имплицитных призывов в спорном тексте.

В статье исследуются приемы и способы выявления скрытых призывов в конфликтном тексте. Анализ большого количества текстов, содержащих призывы, позволяет сделать вывод о том, что в формировании скрытого смысла принимают участие средства различных уровней языковой системы: лексические, морфологические, синтаксические; большую роль играют также экстралингвистические факторы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, лингвопрагматика, коммуникативное намерение, эксплицитный и имплицитный призыв.

С. М. Оленников. Коммуникативно-риторический анализ как метод лингвистической экспертизы по делам о противодействии экстремизму.

Статья посвящена анализу методологических и правовых проблем исследования и экспертизы информационных материалов по делам о противодействии экстремизму. Лингвистическая экспертиза в делах о противодействии экстремизму является востребованным специальным исследованием, проводимым для целей судопроизводства. Единое научно-методическое обеспечение соответствующих исследований в настоящее время отсутствует. Многие используемые методики не позволяют получать доказательные и проверяемые выводы, а результаты исследования подменяются субъективным мнением конкретного эксперта. В статье рассмотрены правовые и теоретико-методологические аспекты, связанные с проведением соответствующих исследований и экспертиз. Автор предлагает конкретные рекомендации по совершенствованию методологии и методики экспертизы экстремистских материалов.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские материалы, лингвистическая экспертиза.

Ю. С. Фомина. Особенности реализации речевых актов побуждения в текстах экстремистской направленности.

В статье анализируется словесный экстремизм как особый вид речевого воздействия, который нередко приобретает форму речевого манипулирования, когда адресант речи вуалирует свои коммуникативные намерения. Показано, что побудительный потенциал текстов экстремистской направленности получает реализацию посредством речевого акта призыва и сопутствующих ему актов мольбы, одобрения, предупреждения. Последние оказываются довольно действенными в отношении людей, которых отличает религиозное сознание.

Ключевые слова: словесный экстремизм, речевое манипулирование, речевой акт побуждения, призыв, мольба, одобрение, предупреждение.

Е. Е. Хазимуллина. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций.

Статья посвящена феномену экстремистской речевой деятельности, механизму вовлечения в нее, а также технологиям лингвоэкспертного анализа конфликтогенных текстов по результатам исследований около 3 000 печатных материалов, аудио- и видеозаписей экстремистских и террористических организаций. Вовлечение рассматривается как побуждение, приобщение людей (объектов вовлечения) к (со-)участию в какой-либо, в т. ч. противоправной, деятельности посредством трансляции, возбуждения либо формирования в их сознании специфической мотивационной установки в процессе речевого и иного воздействия субъекта (вовлекателя), осуществляемого в конкретных социальных условиях, реальном либо виртуальном дискурсе. Особое внимание уделяется взаимосвязи коммуникативных интенций, реализованных в структуре, семантике текста, и приемов манипулятивного воздействия, направленного на изменение сознания и поведения целевой аудитории; дается характеристика четырех этапов вовлечения и степени вовлеченности в деятельность экстремистских организаций.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, методы, анализ текста, вовлечение, речевая манипуляция, скрытый призыв, коммуникативные намерения, интенция, мотивация, побуждение.

О. А. Волошина. Шива-сутры как важнейший элемент метаязыка грамматики Панини.

Настоящая статья посвящена роли Шива-сутр — списка звуков санскрита в грамматике Панини. Автор сравнивает единицы, представленные в алфавите санскрита, фонемы санскрита и классы Шива-сутр. Использование в грамматике Панини символов — технических обозначений звуков, построенных на базе Шива-сутр, показывает морфонологическую природу классов в Шива-сутрах. Анализ Шива-сутр позволяет утверждать, что классификация фонем в Шива-сутрах, пратьяхары и звуки-индикаторы (анубандхи) являются элементами метаязыка грамматики Панини.

Ключевые слова: список Шива-сутр, метаязык грамматики Панини, звуки, фонемы, морфонемы.

М. М. Горина. Оценка реформы словацкого литературного языка 1852 года в работах лингвистов.

В статье рассматриваются точки зрения лингвистов на реформу словацкого литературного языка 1852 года, к которой непосредственно восходит его современная версия. Несмотря на то, что реформа оказалась успешной, ее оценки в трудах ученых существенно различаются от полного неприятия до признания объективной необходимости осуществленных изменений. При этом обнаруживается эволюция оценок реформы в разное время от конфронтационных (особенно в 30-е гг. XX в.) к консенсусным (до начала 70-х гг.) и до сдержанно-критических (по настоящее время).

Ключевые слова: словацкий литературный язык, кодификация, реформа литературного языка, диалект, диалектная база.

В. В. Истратий. Наименования преступлений в русском переводе трактата У. Блэкстона «Истолкования аглинских законов».

Статья посвящена истории словарного состава русского литературного языка. Анализируются обозначения, которые во второй половине XVIII в. были объединены понятием 'преступление' и выступали в роли гиперонимов разной степени обобщенности. Это слова и устойчивые сочетания, указывавшие на 1) убийство (*смертоубийство, человекоубийство*), 2) уголовное преступление (*дело уголовное, дело криминальное, преступление смертное, преступление уголовное*) и 3) противозаконное действие (*преступление, дело уголовное, оскорбление, обида, злодеяние, грех*). Исследование выполнено на материале русского перевода трактата У. Блэкстона «Истолкования английских законов» (1780–1782, перевел с английского С. Е. Десницкий).

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология, XVIII век, юридическая терминология, У. Блэкстон.

В. В. Казаковская, И. Балчюнене. Вопросительные повторы реплик в русском и литовском инпуге (к проблеме избыточности).

Статья посвящена прагматическому и структурному аспектам вопросительных реплик-повторов, частотных в речи взрослого, обращенной к ребенку. Обсуждаются результаты сравнительного анализа, выполненного на материале двух индоевропейских морфологически богатых флективных языков (русского и литовского), в которых рассматриваемый регистр остается практически не изученным. Особое внимание уделяется избыточности раннего диалога «взрослый — ребенок», создаваемой повторами взрослого, а также функциям данных реплик в раннем речевом онтогенезе. Исследование показывает, что прагматические функции различающихся в

структурном отношении повторов существенны для становления системно-языкового и диалогического компонентов коммуникативной компетенции ребенка.

Ключевые слова: вопросительные реплики, реактивные реплики, повторы реплик, избыточность, речь взрослого, обращенная к ребенку (инпут), диалог «взрослый — ребенок», ранний речевой онтогенез, прагматический анализ, структурный анализ, онтолингвистика, сопоставительное исследование, русский язык, литовский язык.

С. Б. Клименко. Отрицание в йаттука и принципы построения типологии отрицания в филиппинских языках.

Исследование представляет собой описание системы отрицания в языке йаттука, принадлежащем ядерной южно-кордильерской подгруппе группы филиппинских языков, на котором разговаривают в двух деревнях провинции Ифугао на Севере Лусона. Описание включает инвентарь маркеров отрицания, их функции и дистрибуцию, а также обсуждение случаев асимметричности отрицательных конструкций соответствующим утвердительным и взаимодействие отрицания с другими категориями. Данные йаттука также сравниваются с системами отрицания в тагалог и тували ифугао для выявления случаев варьирования с целью определения объектов для сравнения, информация о которых необходима для построения типологии отрицания в филиппинских языках.

Ключевые слова: отрицание, филиппинские языки, кордильерские языки, йаттука, тагалог, тували, типология, взаимодействие категорий.

Д. В. Конёр. Лексическая реализация предметного кода карашевской свадьбы.

Карашевцы — славяноязычный микронород католического вероисповедания, компактно проживающий на территории Румынии в исторически мультинациональном и мультиконфессиональном регионе Банат. Идиом карашевцев восходит к некоему архаичному южнославянском говору (или, скорее, группе говоров) штокавского типа, а их этногенез и возможная прародина до сих пор остаются неизвестными науке. Жители Ябалчи, одного из семи карашевских сел, используют в повседневной коммуникации румынский язык. Анализ последовательности обрядов, а также славянской / карашевской и романской / ябалчанской румынской терминологии традиционной свадьбы показывает, что в этих двух идиомах в результате многовековых языковых контактов возник единый культурный код, представленный в виде двух различных, но тесно связанных между собой языковых воплощений.

Ключевые слова: карашевцы, Карашево, Банат, миграции, языковой сдвиг, смешение кодов, диалектология, балканские микронароды, славяно-романские контакты, свадебная обрядность, «феномен Ябалчи».

П. А. Кочаров. Древнеармянская результативная конструкция с *unel* 'иметь'.

В статье рассматриваются особенности употребления древнеармянской конструкции *unel* 'иметь' + прямое дополнение + причастие прошедшего времени. По сравнению с регулярным аналитическим перфектом, образующимся с помощью причастия прошедшего времени и бытийного глагола, конструкция с *unel* занимает маргинальное положение в грамматической системе древнеармянского языка. В статье предпринята попытка ответить на вопрос о степени ее грамматикализованности на материале ранних древнеармянских литературных памятников.

Ключевые слова: аналитические конструкции, древнеармянский язык, аналитический перфект, перфект с 'иметь'.

В. М. Круглов. О задачах изучения русского языка петровской эпохи (Статья первая).

В статье дается общая характеристика языковой ситуации Петровской эпохи, рассматриваются ее особенности. Формулируются задачи, основной метод и принципы ее изучения, которые заключаются в необходимости подробного и разностороннего анализа лингвистических особенностей и истории создания отдельных текстов, созданных в рассматриваемый период. На основе теоретических достижений, которые были получены историками русского литературного языка в последние десятилетия, в статье предлагается список параметров лингвистического анализа текстов.

Ключевые слова: русский язык, история литературного языка, XVIII век.

Д. Б. Крюкова. Парафраз и калькирование в нижненемецкой Псалтири.

В статье на материале рукописной нижненемецкой Псалтири XV в. (РНБ, ф. 955 оп. 2 № 46) рассматриваются примеры калькирования и парафразирования латиноязычного библейского текста на лексическом и синтаксическом уровне. При помощи анализа переводческих решений описывается стратегия и определяется функциональное предназначение исследуемого перевода.

Ключевые слова: средненижненемецкий язык, латинский язык, Псалтирь, Вульгата, парафраз, калькирование, средневековый библейский перевод.

С. В. Русанова. Термины *челобитная* и *прошение* в законодательных актах XVIII века.

В статье вопрос об особенностях функционирования в региональном делопроизводстве челобитной и возможности ее дублирования смежными жанрами, в частности *прошением*, рассматривается в тесной связи с историей отношения между соответствующими терминами, отраженной в законодательных актах XVIII в.

Ключевые слова: челобитная, прошение, конкуренция терминов, законодательные акты XVIII в.

А. А. Сорокин. О названиях видов рыб в языке нымыланов-алюторцев.

В статье проведен анализ семантической структуры наименований рыб в языке коренных жителей Камчатки — нымыланов-алюторцев. Описывается внутренняя лексическая структура названий видов лососевых пород в языке нымыланов-алюторцев, которая в значительной степени отличается от выделения этих же пород рыб с точки зрения научной картины мира. Названия видов рыб иллюстрируются соответствующими контекстами, а также общей таблицей, отражающей иерархическую структуру организации данной родо-видовой группы.

Ключевые слова: родо-видовая группа, названия видов рыб, рыболовецкая лексика, язык нымыланов-алюторцев, исконно-промысловая лексика.

Е. И. Сьянова. Лексикографическое описание русских говоров Ленинградской области: методы и принципы работы.

Коллектив сотрудников (И. В. Бакланова, Е. В. Колосько, О. Н. Крылова, Е. И. Сьянова) решает задачу лексикографического описания части рукописного архива ИЛИ РАН. Ими создается «Словарь говоров Ленинградской области» на основе уникальных рукописных материалов 1936–1947 гг. На сегодняшний день большинство диалектных группировок севернорусских говоров имеет репрезентацию своей лексической системы в различного рода лексикографических трудах. Очевидно, вследствие многочисленных преобразований административного характера говоры Ленинградской области не были представлены в отдельном лексикографическом проекте, они находили отражение в отдельных словарях, посвященных описанию севернорусских говоров.

В настоящей работе излагаются основные теоретические и методологические положения, используемые при составлении «Словаря говоров Ленинградской области 1936–1947 гг.».

Ключевые слова: оригинальные рукописные материалы 1936–1947 гг., говоры Ленинградской области, методы и принципы лексикографического описания диалектной лексики.

М. А. Холодилова. (То,) что называется: между относительной конструкцией и устойчивым вводным оборотом.

Конструкции *что называется* и *то, что называется* близки по своим свойствам как к вводным оборотам, так и к относительным предложениям, в особенности к так называемым прозрачным относительным предложениям. Конструкция *то, что называется* ближе к относительной тем, что она предпочитается при наименованиях, выраженных существительными, и менее свободно допускает постановку после наименования. На протяжении XVIII–XX вв. конструкция *что называется* по ряду характеристик сблизилась с вводным оборотом: усилились лексические ограничения, стали более частотными наименования, не относящиеся к классу существительных, и отмечаемые запятыми паузы перед оборотом. Наблюдаемые синхронные и диахронические данные позволяют заключить, что рассматриваемые конструкции и их более ранние варианты образуют несколько промежуточных случаев на пути изменения от относительных конструкций к вводным оборотам.

Ключевые слова: релятивизация, безвершинные относительные конструкции, относительные конструкции с легкой вершиной, прозрачные относительные конструкции, вводные обороты.

SUMMARIES AND KEY WORDS

L. A. Gerđ, M. L. Kisilier. Documents from Mount Athos as the source for Greek historical dialectology.

Monasteries from Mount Athos became rich landowners in the 10th century. About 700–800 years later rich lands were donated to them in Moldavia and Walachia. Because of the new income, it became possible for them to buy new terrains in Macedonia and islands in Aegean. Monastic archives still have many land sale agreements (so called “Acts”) in which the exact date of deal and location of the terrain is recorded. This paper presents some results of a preliminary study of six randomly chosen documents (dating from 1668 to 1727) and describes some linguistic features that are interesting and important for both historical grammar of Modern Greek and Greek historical dialectology.

Key words: documents from Mount Athos, Greek dialects, Greek historical dialectology, history of the Greek language.

N. G. Golant. Mythological representations of Romanians from Oltenia and Muntenia (based on the expeditions in Vâlcea, Gorj, Mehedinți and Buzău districts).

This article contains information about some subjects of Romanian mythology from the localities of Vâlcea, Gorj and Mehedinți districts (Oltenia) and Buzău district (Muntenia). The author represents local residents’ beliefs about vampires, creatures that eat the Moon, demons of fate and demons of disease etc. All of these subjects are common in the mythology of Balkan peoples, but their distribution area and vocabulary associated with them require further study.

Key words: mythology, mythological representations, mythological character, terminology, term, custom.

M. V. Domosiletskaya. Notes on the Balkan herbarium: wild mallow and artichoke (the names of milk-clotting plants in the Balkan linguistic context).

The paper addresses the popular plant names of 2 **milk-clotting** plants — *Malva silvestris* ‘wild mallow’ and *Cynara* (*scolymus* and *cardunculus*) ‘artichoke and cardoon’ — in 9 Balkan languages and their dialects. The onomasiological and etymological analysis shows that their ability to clot milk is reflected in their phytonyms to a varying degree: from the complete loss of the potential motivation (artichoke) to very few Dacoromanian words for wild mallow. The detailed classification of other phytonomastical patterns is given for both plants. At the same time some cases of structural isomorphism (“pattern replication”) were found: ‘mucus’, ‘sweet round cakes’ (for *Malva silvestris*), ‘to prick’, ‘thorn’, ‘thistle’ (for *Cynara*). As for *Malva silvestris* one can see the strong influence of the Greek lexemes (μαλάχη / μολόχα, κάμηλος / καμήλα) which can be explained especially by the priority of Greeks in the introduction of the wild mallow in the household activities and especially in the folk medicine. Greek borrowings for mallow cover the central and the western area of the Balkan Peninsula: Albanian, Aromanian, Western Macedonian and Bulgarian. The most “penetrable” for borrowings is the Balkan nomination of *Cynara* (Romanian *ARTICHOK and *CARD-, from the Apennines, Greek *ANGINAR, from the south of the peninsula and Turkish KENGE/GENGER, from the southeast). Viewed from a specific vantage point it proves the *Balkan Constant* once more — the opposition of the Balkan West to the Balkan East.

Key words: phytonyms, nomination, Balkan languages, language contacts, mallow, artichoke, milk-clotting plants.

A. S. Dugushina. Harmful forces and woman in the birth rites’ practices of Albanians near the Sea of Azov.

The cycle of birth rites and a woman’s role in it are closely related to conception of harmful forces and magic in the context of traditional culture. The article discusses some views of Albanians on danger risked by a woman when she is pregnant, during the childbirth and the postnatal period. The results of the ethnographic field work on ritual practices of Albanians concerning women as the source or object of dangerous acts are also tackled in the article.

Key words: birth rites, Albanians near the Sea of Azov, field ethnology, mythology, harmful magic.

D. S. Ermolin. Yulia V. Ivanova's photo collection on the Albanians of Ukraine in the Archive of IEA RAS: study perspectives for linguists and ethnographers.

The article is devoted to the analysis of a unique photographic collection that was done in 1949 in the Albanian villages in the Ukraine by Yulia V. Ivanova. Nowadays this collection is being stored in the Photo Archive of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow). The author enumerates the full list of topics into which the collection can be divided, such as the wedding ceremony, traditional costume, portraits, etc. The article also aims to discuss the value of archive photography for anthropologists and linguists.

Key words: Albanians in the Ukraine, Azov sea region, visual anthropology, photography, attributing, archiving.

L. N. Kaminskaia. Albanian data in multilingual dictionary by Peter Symon Pallas: interpretation of phonetic features.

Albanian words included in multilingual dictionary by Peter Symon Pallas *Linguarum Totius orbis Vocabularia Comparativa; Auguatissimæ cura collecta* are considered in the article. The article provides a detailed phonetic analysis of lexical material assembled in this dictionary.

Key words: dictionary by Pallas, history of studies in phonetics, lexicography, Albanian language.

M. L. Kisilier. Tsakonian analytic forms of Present and Imperfect.

Tsakonian is famous for its analytic forms of Present and Imperfect and it has no other means to express these tenses. The origin of these forms is still unclear. The foreign impact cannot be excluded as Tsakonian had contacts with Romance and Slavic languages. However, the Greek language definitely had its own mechanisms to develop analytic forms. Single examples of periphrastic constructions with the verb 'to be' and a participle for Imperfect are already found in Ancient Greek. They are widespread in New Testament koine and they are also sometimes used in Late koiné (the Greek language of the 4th–10th centuries A. D.). I presume that Tsakonian analytic forms appeared during the Byzantine period, but I cannot explain why these forms exist only in Tsakonian. In my paper I analyze Tsakonian analytic forms as an entirely Greek phenomenon and describe some peculiarities in their usage and semantics.

Key words: Tsakonian, analytic forms or Present and Imperfect, New Testament koine.

M. L. Kisilier, A. A. Novik, A. N. Sobolev. Ethnolinguistic and dialectological observations from Dropull, Albania. Some data of the Russian expedition in 2009.

The paper is based on the data collected by the Russian expedition in Dropull, Albania in 2009. Information on research goals is accompanied by dialectological characteristics of the Greek idioms spoken by the Greek minority in the area, as well as some anthropological and ethnolinguistic observations. The paper provides a transcription of several dialectal texts.

Key words: Balkan languages, Greek, Albanian, linguistic minorities, Greek dialects in Albania, Modern Greek dialects, ethnolinguistics.

E. A. Litvin. Lullabies of Salento Greeks: the motive structure.

The article provides an overview of the motives of lullabies recorded in Salento (Italy, province of Lecce, region of Puglia) in the local dialect of the Italian language and in a Greek dialect (so-called “*Griko*”). The analysis is also focused on the toponyms mentioned in the texts, demonological characters and Catholic saints that can be useful for creating a more complete picture of the mythological views and vernacular religion in the area.

Key words: lullabies, folk songs, areal studies, folk motives.

M. S. Morozova. Albanian subdialect of Zhovtnevoye in contact: a view of data from expeditions of 2011–2013.

The paper presents some results of the field study of the language situation in a multiethnic village of Zhovtneve / Zhovtnevoye (Bolgrad district, Odessa region, Ukraine), conducted between the years 2011–2013. The village is home to several ethnic groups, though predominated by Albanians, Gagauzians and Bulgarians. Special attention is paid to issues of preservation and functioning of the Albanian subdialect of Zhovtnevoye that coexists with languages of other ethnic groups living in the village, and is heavily influenced by dominating languages of “high social prestige” (mainly Russian). The article briefly describes the linguistic competences of speakers of different ages, as they pertain to different generations. Long-term contacts of the Albanian subdialect speakers with the other ethnic groups are reflected in its lexicon being abundant in borrowed words of different origin (Albanian borrowings from Latin, Greek, Slavic languages and Turkish; words borrowed from Bulgarian, Gagauz and Russian), time of occurrence in the subdialect (early and late) and semantic field. Most of the words are of Turkish and Greek origin (typical for all Albanian dialects) and the majority of borrowings from Russian adopted by the Albanian subdialect of Zhovtnevoye falls into the category of cultural borrowings, or words for objects and concepts new to the culture. As for the numerous words from Bulgarian and Gagauz integrated into the Albanian subdialect, they may pertain either

to cultural or core borrowings and have appeared in its lexicon as a result of multilingualism and Albanian-Gagauz-Bulgarian contact which remains typical of the village of Zhovtnevoje even today

Key words: Albanian, Bulgarian, Gagauz, Russian, Albanian subdialect of Ukraine, village Zhovtneve, Zhovtnevoje, Karakurt, multiethnic community, bilingualism, multilingualism, levels of linguistic competence, lexical borrowings, cultural borrowings, core borrowings, kinship terms, ritual terminology.

M. S. Morozova, T. A. Arkhangel'skiy, M. A. Daniel, A. Yu. Rusakov. Albanian National Corpus: main lines of work.

The article discusses a series of theoretical and practical issues and problems associated with the Albanian National Corpus that has been developed since 2011. The project aims at the creation of a comprehensive and representative corpus containing written texts of various styles, genres and periods, colloquial speech samples, as well as texts in Albanian dialects. To this end, the article pays attention to the issue of the main corpus composition (chronologically arranged subcorpora of written texts) and the ways of future representation of dialectal texts registered at different times and using different systems of graphics. The issue of the dialect speech variety is also discussed, along with the related problems of lemmatization of dialectal word forms and their search by standard and / or dialectal lemma. The section about the results of work provides information on the current version of metatext and lexical and morphological markup of the Albanian corpus, the morphological standard tailored for the Albanian corpus and based on the existing Albanian grammars, and on the basic principle of text annotation by the morphological parsing program UniParser. A tag list of the current version of the Albanian corpus is provided. Finally the section briefly revises the issue of grammatical disambiguation to be handled by the Albanian corpus developers in the near future. The final section of the article addresses some of the problems related to the interpretation of the Albanian noun and verb morphology in the morphological model developed for the Albanian National Corpus. In particular, the article describes the approach which was used to define the case inventory for the Corpus. It is a combination of "traditional" Albanian grammar principles (case terminology and inventory common for Albanian linguistics) with additional parameters introduced by the Albanian corpus developers in order to explicitly represent and easily search those language features that lack a detailed interpretation in the "classical" grammar, such as Ablative II and Unmarked Case

Key words: Albanian National Corpus, composition of the Albanian Corpus, transcription of dialectal texts, dialect speech variety, lemmatization, meta-text markup, lexical and morphological markup, text annotation principles

(word-by-word annotation principle), morphological standard of the Albanian Corpus, Ablative II, unmarked case, interpretation of analytical verb forms.

A. A. *Novik*. The actional code of the healers' practice among the Albanian and Gagauzian population near the Sea of Azov (expeditions 1998–2012).

There are three villages in the Ukraine (the region of Zaporozhye) inhabited by the mixed Albanian and Gagauz ethnic groups: Gammovka, Devninskoye and Georgiyevka founded in 1861–1862. Up through the present day, one can visit people who have a special “knowledge” as to how to perform cures in a traditional way for both children and adults. Healing and witchcraft skills are mostly passed on from one woman to another. Men have rarely been involved in such practice. There are three main means used by healers in treating people for an illness. The first means is a treatment with a solid chalk substance that has a dark blue colour (*ḡivít*). Moreover the word *ḡivít* also means ‘dark blue’ in this dialect of Albanian. Using this chalk was the most popular treatment among Albanian healers. The important part of the treatment was a “whispering” special speech formulas. This speech procedure was accompanied by spotting a patient’s body with *ḡivít*. The use of wax is the second method of treatment. This alternative way is considered to be more effective. Healers resorted to the help of wax in instances when “whispering” and *ḡivít* were useless. Technically the process of healing by wax was organized in different ways, but most often the melted wax was poured out into cold water, after which it set. The third means to cure the ill is to strew them with flour. By strewing the flour on an oven door, healers managed to find a cause of illness and put a person on medication. A knife was also an important tool to get over an illness. The specific character of the polyethnic region is reflected in the healers’ practice: Albanians, Gagauzians, Russians, Ukrainians, Bulgarians and Greeks share this territory with each other. Nevertheless we can easily find some Balkan and Turk motifs in the Albanian and Gagauzian traditional rites and in their lexicon as well, since they use their native languages as professional slangs

Key words: Albanians, Gagauzians, Ukraine, healing, witchcraft skills, healers’ practice, popular medicine, ethnology, Balkan studies, traditional rites, field work, professional slang.

V. A. *Panov*. Progressive forms in Salento Greek in light of areal typology.

Two Romance idioms spoken in the extreme South of Italy — South Calabro and Salentino — together with Sicilian form a special group of Italian dialects that are characterized by a set of particular features that include restricted use of the infinitive and of the analytical perfect. These features have been traditionally ascribed to a substrate influence, presumably a Greek one. Two endangered Greek enclave idioms — Salento Greek (*Griko*) and Calabrian Greek — could be the historical continuation of the supposed substrate Greek. The paper focuses on a structural parallel between Romance and Greek idioms of Salento — the analytical progressive construction. I come to the conclusion that the present construction, as well as other parallel constructions in Romance and Greek in Southern Italy, are the result of a contact development of the idioms, and there is not enough linguistic data to claim that it is Greek that had been the substrate idiom for Romance and not vice versa.

Key words: Griko, Greek dialects, dialects of Italy, Salentino dialect, Southern Calabro dialect, language contacts, progressive.

V. V. *Fedchenko*. About the Greek language of Constantinople.

This article aims at presenting the linguistic peculiarities of the Greek language of Constantinople in the 19th–20th centuries and their ideological interpretation by the native speakers of the idiom. It analyses the way language features can influence the emergence of linguistic ideologies. The language of Constantinople has played, on the one hand, an important role in the formation of a standard for Modern Greek; on the other hand, it has been formed in a situation of language contacts both with other Greek dialects and foreign languages. As a consequence, it is characterized by a number of distinct dialect features which explain why it is mostly considered a local linguistic variety. This double nature is studied in the present article, based on the material of literary works, memoirs and popular editions that demonstrate dialectal specificities, including the works of Ioannis Psycharis from different periods of his life. The data from the 19th century sources are compared to the results of the field research lead by native speakers of the idiom.

Key words: Modern Greek dialectology, language standardization, dialect of Constantinople, language in contact phenomena, verbal morphology, lexical borrowings, Ioannis Psycharis' dialect.

H. Eideneier. “In the beginning was the Word” and European misunderstanding.

The problem of “orality” and “literacy” was much discussed during the last twenty years. However it still remains unresolved at least the Modern Greek language and culture. Hans Eideneier, the author of this article, believes that the Greek tradition is actually a continuous combination of the Harmony, the Rhythm and the Word.

The article provides a detailed diachronical description of the semantical transformation of the Greek words *ανάγνωση* ‘reading’ and *αναγιγνώσκω* ‘I read’ and demonstrates that they differ from Latin *legere*, German *lesen* and English *to read*. An important part of the article is the analysis of the points of view of Ancient Greek Grammarians and in particular the one of Dionysius Thrax.

Key words: orality, literacy, Greek literary tradition, Greek poetic tradition, Dionysius Thrax.

Yu. V. Barinova. On the question of justification of negative information.

The article is devoted to the observation of the information of a negative character, namely, cases when the initially neutral information takes on negative connotation in the context of extra-textual data or speech product as a whole. In such cases there is the necessity to substantiate negative information by means of analysis of the general content and the basic thematic focus of the text or consider extra-linguistic factors. It is concluded that in linguistic expertise in cases concerning protection of honour, dignity and business reputation such information should be recognised as negative.

Key words: negative information, neutral information, context, extra-textual data, subjective judgements, objective information.

E. N. Gekkina. *Time and money* in complex grammatical conditions: choice of interpretation.

The article is devoted to the lexical and grammatical peculiarities of constructions used for marking the monetary transactions and the reporting period in two official texts. Constructions that include the comparative form *не позднее* are examined in the expanded paradigmatic respect. The paper presents four types of the constructions and their grammatical variations. The analysis results show structural and semantic properties of grammatical means that provoke the variational interpretations of utterances

Key words: language construction, noun phrase, preposition-noun phrase, lexical semantics, semantics of grammar, syntactic homonymy, official language, comparative form, temporative.

V. Efremov. Insult: naive and juristic worldview.

This article is devoted to the concept of insult in the natural and legal pictures of the world. In the linguistic picture of the world the idea of insult is reconstructed on the base of analysis of different dictionaries; in the professional world the idea of offence is reconstructed via analysis of the law acts and expert works. The analysis revealed zones of intersection and discrepancy of these two points of view (the main of them is associated with a feeling of resentment, which plays an important role in the naive outlook). The mixing of natural and legal points of view is illustrated by the particular expert case.

Key words: insult, naive and juristic picture of the world, lexicographical sources, law acts.

G. S. Ivanenko. Objective and subjective in a conflict context: questions of expert qualification.

The article considers the definition issues of the subjective and objective nature of the information in linguistic expertise. One linguistic unit can combine both objective and subjective components of the meaning. The task of the expert linguist is to separate them taking into consideration the semantics of the utterance, its grammatical features and context. Differentiation of the objective and the subjective needs to take into account the everyday perception of the statements, based on the concept of reality.

Key words: forensic linguistic expertise, objective and subjective information, statements about facts, assessment, opinion, supposition.

T. S. Sadova. Conflict potential of nomination as an object of linguistic expertise: name of the person.

The article studies the problem of legal and linguistic interpretation of name of the person as a conflict nomination. Two examples from the expert practice demonstrate the need to develop special methods of expert study of the conflict speech facts. It is shown that in a number of cases in the analysis of the **insult** category lexical and stylistic analysis of the category persons should be complemented by a communicational and sociological analysis. It is argued that linguistic expertise needs special dictionaries and special terminological system provided by law.

Key words: linguistic expertise, name of the person, conflict nomination, legal language, method of linguistic expertise.

T. V. Chernyshova. Analytical and expert activities of the linguist and the problem of method choice in modern lingvo-expert practice.

The article covers the basics of analytical-expert activity of the linguist as an important component of the linguistic activity in general, which is focused on the practical use of philological knowledge in the legal field. Subject to the requirements of the Federal Law on the expert activities in Russia there are determined basic requirements for a specialist in the field of linguistic expertise in the aspect of the creation of an expert study, of the choice of methods of linguistic analysis of the controversial text, and research methods based on the basic linguistic theory and practice.

Key words: forensic linguistic expertise, analytical-expert activities, special knowledge, controversial text, linguistic research, methods of linguistic research, analysis methods.

E. S. Kara-Murza. Problems of linguistic expertise of commercial advertisement.

The article is devoted to the linguistic expertise of commercial advertising, which is not sufficiently developed in the direction of the Russian linguoexpertology (forensic linguistics). The author, a linguist-expert of GLADIS, discusses the place of the sphere among other speech delicts, their common features and specifics. Within this sub-area of applied linguistics there are multiple formats for its implementation, the main of which is legal expertise of advertising. One of the ways of its improvement is the development of algorithms for examination of improper advertising. For the first in forensic linguistics the author analyses in detail its varieties (unreliable, unfair, unethical) and their legal linguistic characteristics, and also some other prohibited creative strategies. Examples of disputable advertisements are examined based on media reports and reports of the Expert Council on advertising of the Federal Antimonopoly Service.

Key words: linguistic expertise of commercial advertising; sorts of linguistic expertise of commercial advertising, improper advertising, unreliable advertising, unfair advertising, unethical advertising, forensic linguistic signs of the above.

M. A. Vengranovich, I. E. Kuznetsova, D. V. Tretyakova. Forensic enquiry of pharmaceutical names.

The article focuses on the topic of trademark's linguistic expertise in the fields of particular medication names and ways of the procedure improvement. The paper demonstrates that traditional research of similarity of medication names is not exhaustive during the linguistic expertise and demands the exploration of additional signs and features in the drug titles. The article claims the necessity of detection and analysis of the additional characteristics.

Key words: linguistic expert examination, pharmaceutical trademark, drug title, confusing similarity, graphic similarity.

V. V. Vasilyeva, L. R. Duskaeva. Communicative scenario of incitement in a polycode mass-media text: displays of extremist statements.

The article explores how the communicative script of incitement is realised in polycode media text posted in social networks. Two cases are analysed: examples with the explicit and implicit incitement to the aggressive extremist actions. Tools for identification of verbal-visual interaction in the poster are demonstrated as methods of expert examination of disputable texts.

Key words: incitement, communicative script, polycode text, media text.

P. A. Katyshev, S. V. Olenev. On the question of forensic linguistic expertise of the cases about illegal organizations involvement.

The institutional study of involvement as a social and discourse phenomenon is usually carried out within the comprehensive expert examination framework. This indicates that involvement is an interdisciplinary category. The reality is that the application of linguistic analysis procedures, which are used to prove the abuse of interactive communication by illegal groups, assumes an expanded understanding of the involvement category. In these circumstances, the methodology of critical discourse analysis becomes particularly relevant because it is based on understanding of language and speech as a response to requests of social and cognitive supersystems. The article is concerned with critical methodology features in the study of illegal organisations involvement. The ultimate purpose of study is to produce expert evidence of illegal organisations' activities. Based on analytical review of involvement phenomenon in interactional sociolinguistics (John J. Gumperz), discourse analysis (Wallace Chafe, Deborah Tannen) and ethnography of communication (Niko Besnier) the main principles relevant for forensic linguistic expertise of illegal organisations activities are phrased.

Key words: involvement, forensic linguistic expertise, critical discourse analysis.

E. P. Lavrik. Markers of implicit appeals in disputable texts.

Ways and means to identify hidden appeal in conflict texts are studied in the paper. Analysis of multiple texts containing appeals lets us make a conclusion that implicit meanings are also formed via elements of different language levels — lexical, morphological and syntactic; non-linguistic factors are also relevant.

Key words: forensic linguistic expertise, linguopragmatics, communicative intention, explicit and implicit appeal.

S. M. Olennikov. Communicative and rhetorical analysis as a method of linguistic expertise on anti-extremist cases.

The expert testimony is one of the main pieces of evidence in cases of countering extremist activities. The Judgment is based on the findings of experts considering the presence or absence of extremist speech activities in information materials. For this reason, the foregoing type of assessment is nowadays a technical study in demand conducted for the purposes of judicial proceedings. Currently there is no unified scientific and methodological maintenance for relevant investigations. Many contemporary techniques do not provide evidence-based and verifiable summary. Complex of methodological and legal problems of information materials research and examination on cases of counteraction to extremism is studied in the article. Legal and theoretical methodological aspects of the abovementioned research and examination are analyzed. The author suggests specific recommendations on extremist materials examination methodology and methods improvement.

Key words: extremism, extremist materials, linguistic examination.

Yu. S. Fomina. Features of verbal acts of motivation in extremist texts.

The article examines the verbal extremism, which is a public way to pass oral and written texts triggering the implementation of illegal actions of extremist content. This is the kind of speech influence, which often takes the form of verbal manipulation, when the producer conceals their communicative intentions. Incentive potential of extremism-oriented texts is realised by the speech act of appeal and the attendant acts of the plea, approval and warning. The last are quite effective in relation to people distinguished by religious mindset.

Key words: verbal extremism, verbal manipulation, speech act of motivation, appeal, plea, approval, warning.

E. E. Khazimullina. Mechanism of speech involvement by extremist organisations.

The article is devoted to the phenomenon and mechanisms of involvement in extremist activity, and technologies of lingvoexpert analysis of conflictogenic texts. The article is based on results of studies of about 3 000 printed materials, audio and videotapes of extremist and terrorist organisations. The involvement is considered here as an inducement, introducing people (objects of the involvement) to participation in any activity (including illegal) through the transmission, excitation or formation in their minds of specific motivational attitudes in the process of speech and other influence of the subject that is implemented in specific social contexts, in real or virtual discourse. Special attention is paid to the relationship of communicative intentions realised in the structure, text semantics, and techniques of manipulative influence aimed at the change of consciousness and behaviour of the target audience. In this article the characteristics is given for 4 stages of the involvement and degree of involvement in the activity of extremist organisations.

Key words: forensic linguistic expertise, methods, text analysis, involvement, speech manipulation, hidden appeal, communicative intentions, intension, motivation, inducement.

O. A. Voloshina. The Shiva-Sutra as the central element of the metalanguage of Pāṇini's grammar.

This article is devoted to the role of Shiva-Sutras — a list of Sanskrit sounds provided in Pāṇini's grammar. A comparison is made between the units of the Sanskrit alphabet, the Sanskrit phonemes, and the Shiva-Sutra classes. An analysis of the technical terms used in the Shiva-Sutras to denote groups of sounds demonstrates that the latter represent morphonological classes. It is further argued that the order of phonemes as presented in Pāṇini, *pratyāhāra* combinations and the indicatory sounds should be viewed as components of the metalanguage of Pāṇini's grammar.

Key words: a list of the Shiva-Sutras, the metalanguage of Pāṇini's grammar, sounds, phonemes, mophonemes.

M. M. Gorina. Linguists on the 1852 reform of Literary Slovak.

The paper proposes an analysis of linguists' attitude to the 1852 Literary Slovak reform which laid the foundation for the modern Literary Slovak. Although successful, the reform provoked widely varying opinions among language professionals. Some linguists expressed highly critical views about the new codification while others found the changes useful and necessary. Their opinions show an interesting evolution from absolute rejection (especially in the 1930s), to acceptance (before the early 1970s), to moderate criticism (today).

Key words: Literary Slovak, codification, reform of the literary language, dialect, dialect basis.

V. V. Istratiy. Crime names in the Russian translation of W. Blackstone's "Commentaries on the Laws of England".

The article examines usage of crime names with hypernym semantics in Russian in the second half of the 18th century. The words and word combinations analyzed represent various strata in Russian crime-related terminology and denote 1) 'homicide' (*смертоубийство, человекоубийство*), 2) 'felony' (*дело уголовное, дело криминальное, преступление смертное, преступление уголовное*) and 3) 'crime' (*преступление, делоуголовное, оскорбление, обида, злодеяние, грех*). The study is based on the Russian translation of William Blackstone's "Commentaries on the Laws of England" (accomplished from English by S. E. Desnitsky in 1780–1782).

Key words: Russian language, historical lexicology, the 18th century, legal terminology, W., Blackstone.

V. V. Kazakovskaya, I. Balčiūnienė. Interrogative repetitions in Russian and Lithuanian child-directed speech (redundancy issues).

The paper focuses on a pragmatic and structural analysis of interrogative repetitions that are typically frequent in child-directed speech (CDS).

The cross-linguistic analysis is based on longitudinal corpus data of Russian and Lithuanian, two highly inflected Indo-European languages with rich morphology. Despite the numerous studies of language acquisition in both languages, their CDS have so far escaped comprehensive analysis. A special focus of this study was on redundancy, a typical characteristic of CDS. In line with our previous studies, we proceeded from the idea that it is the caregivers' frequent repetition of children's utterances that may generally be a cause for the so-called CDS redundancy.

Our results highlighted numerous communicative similarities between the Russian and Lithuanian CDS, the pragmatics and structural diversity of repetitions among them. The majority of repetitions occur in conversation. It appears that both Russian and Lithuanian caregivers of various age, social

groups or kinship status intuitively use conversational repetitions for elaborating a conversation and thus stimulating children's communicative development.

Among all structural types of repetitions, expansions and reformulations seem to be the most frequent, i. e., both Russian- and Lithuanian-speaking caregivers prefer modification of the children's previous utterances to pure or focus-repetitions. Also, they seem to be similarly sensitive to children's grammatically correct vs. erroneous utterances. Specifically, they tend to expand children's grammatically correct utterances and to reformulate the erroneous ones (however, metadiscursive direct corrections were similarly rare in both corpora).

The results of the study confirm a prediction about the frequency of repetitions in CDS. However, we still assume that this kind of redundancy should be recognized as a natural and even necessary element of CDS, especially at early language acquisition stages. Repetitive redundancy might be closely related to a didactic communicative function and thus stimulate both children's dialogue and system-language skills.

The frequency and distribution of structural and pragmatic types of caregivers' repetitions seem to be dependent on the child's biological and linguistic age. At the age of 3;0 (when, according to A. N. Gvozdev, the basis of a native language is already acquired), the actually redundant elements vanish from the dialogue. Expansions, reformulations, and corrections are found much rarer compared to the early period. These dynamic changes reflect a so-called fine-tuning, i. e., caregivers' ability to intuitively modify their CDS according to the specific child's language development level and characteristics.

To sum up, our findings point to the importance of pragmatic and structural differences in child-directed repetitions. Redundancy based on the huge variety of pragmatic and structural (sub-)types of caregivers' repetitive reactions to children's speech plays a great role in the acquisition and further development of both system-language and proper dialogue competence.

Key words: interrogatives, reactions, repetitions, redundancy, child-directed speech (input), "adult – child" dialogue, early stages of language acquisition, pragmatic analysis, structural analysis, first language acquisition, cross-linguistic study, Russian, Lithuanian.

S. B. Klimenko. Negation in Yattuka and principles for building a typology of negation in Philippine languages.

The paper presents a description of the negation system of Yattuka, a previously undescribed Nuclear Southern Cordilleran Philippine language, spoken in two villages in the province of Ifugao in Northern Luzon. The study includes the inventory of negation markers, their functions and distribution, as well as a discussion of asymmetry cases between corresponding affirmative and negative constructions in the vein of Miestamo's approach and interaction of negation with other categories. The Yattuka data is compared to the negation systems of Tagalog and TawaliIfugao to provide a list of objects of comparison that can be employed for building a typology of Philippine negation systems. In the existing negation typological studies Tagalog and Tawali do not receive an adequate treatment due to the fact that certain phenomena have remained overlooked. On the basis of the data of the three Philippine languages in question, it should be stated that any typology of Philippine negation has to include data on such functions as: negation of substantive phrases, adjectives, nonperfective verbs, perfective verbs, prohibitives, existentials, desiderative constructions, and epistemic constructions, as well as other grammar phenomena which may manifest intra-language asymmetry or inter-language variation, including the following: limitations on the use of aspect forms in prohibitive and on compatibility of prohibitive with different lexical classes, use of the prohibitive marker in elliptic constructions with omitted predicate, prohibitive marking of a substantive predicate in equational constructions with an imperative verb in the subject position, constructional asymmetry in prohibitive and existential constructions, additional meanings of aspect forms in the negative paradigm, locative constructions with the existential negative predicate, use of negation markers in optative constructions, lexical classes of negation markers, scope of negation with pseudo-verbs, existence of nonnegatable forms and negative suggestive constructions. Thus, data provided in many descriptions and reference grammars of Philippine languages and some questionnaires on negation is not sufficient for establishing a definite position of a language in such a typology.

Key words: negation, Philippine languages, Cordilleran languages, Yattuka, Tagalog, Tawali, typology, interaction of categories.

D. V. Konyor. Object code in Krashovani wedding vocabulary and its lexical manifestation.

Krashovani is the name for a Catholic Slavic minority compactly residing in Romania in the multinational and multiconfessional historical region of Banat. Their idiom traces back to an archaic South Slavic Shtokovian dialect (or rather, a group of dialects), yet their ethnogenesis and hypothetical homeland remain unknown. Residents of Iabalcea (one of the seven Krashovani villages) use Romanian as the language of everyday communication. The sequence of their traditional wedding ceremonies and the Slavic/Krashovani and Romanian/Iabalcean wedding vocabulary demonstrate how centuries-old language contacts can produce a common cultural code presented in two different, but closely related language realizations.

Key words: Karashova, Krashovani, Banat, migrations, language shift, code-mixing, dialectology, Balkan minorities, Slavic-Romance contact, wedding rites, “the Iabalcea phenomenon”.

P. A. Kocharov. Classical Armenian resultative construction with *unel* ‘have’.

The paper is dedicated to the Classical Armenian construction *unel* ‘have’ + direct object + past participle. When compared to the productive Classical Armenian analytic perfect tense with the copula, the construction with *unel* is much more rare. The paper presents an account of the attestations of this construction in the early classical texts, and an analysis of its uses. Along with the uses that can be interpreted as expressing the purely possessive semantics, contexts are found where the resultative meaning is the dominant one, which demonstrates the first step towards the grammaticalization of the construction into the have-perfect. The Greek participial constructions with *ἔχειν* are taken into account as potential sources of influence onto the uses of the construction with *unel*.

Key words: periphrastic constructions, analytic perfect, Classical Armenian, have-perfect, grammaticalization.

V. M. Kruglov. Russia in the Age of Peter the Great.

The article provides a general overview of the language situation in the Petrine era dwelling on its specific features. The research goals, the basic method and principles of research are identified that are focused on detailed and comprehensive analysis of the linguistic characteristics and history of individual texts of the time. Based on theoretical findings by Literary Russian historians of the past decade, the article also provides a list of parameters for linguistic text analyses.

Key words: Russian language, standard language history, XVIII century.

D. B. Kryukova. Paraphrase and Calquing in the Hand-Written Low German Psalter.

The article concerns the usage of two different methods of medieval Bible translations, such as literal translation (calque) and paraphrase in the hand-written 15th century Psalter (Russian National Library, F. 955 op. 2 № 46). Cases of word-for-word translation and free paraphrase interpretation of the original Latin text are analyzed. A hypothesis about mixed type translations is confirmed through an analysis of translators' choices.

Key words: Middle Low German, Latin, Psalter, Vulgate, paraphrase, literal translation, Bible translations in the Middle Ages.

S. V. Rusanova. The terms *chelobitnaja* 'humble petition' and *proshenije* 'plea, application, solicitation' in Russian legislative acts of the 18th century.

The article addresses specific uses of *chelobitnajas* in Russian regional clerical procedures in the 18th century and possibilities for their duplication by adjacent genres. The issue of genre duplication is considered in close connection with the history of relationships between the two terms as reflected in legislative acts of the period.

Key words: *chelobitnaja*, petition, competition of terms, 18th century acts.

A. A. Sorokin. On names for fish in Alutor.

The article addresses the semantic structure of fish names in Alutor, an aboriginal language of Kamchatka. The internal lexical structure of salmon species' names in Alutor substantially differs from that of scientific names. According to my consultants, the Alutors do not include all of the scientifically recognized salmon species into "their" salmon subgroup. At the same time, Alutor shows a significant diversity of salmon names that reflect different stages of the species' biological development. The lexis used to denote other fish species is much less variegated, which demonstrates the importance of salmon as a food resource for the Alutors.

The names of fishes that used to make the Alutors' usual catch are simple lexical units, while the names for other fish species are incorporative complexes. These include stems denoting various animals which either carry resemblance to the fish species in question or usually hunt for these fish species; some of the incorporated verb stems describe the color of the fish. Also, Alutor names for fish can reflect the fish meat color, the form of fish scales, or other physiological traits of a given species. The paper provides corresponding contexts for the fish names and a summary table showing the hierarchy of this hypero-hyponymic group, as well as the synonymy relations within the group.

Key words: hypero-hyponymic group, names of fishes, fishing lexicon, Alutor, the Koryaks, traditional fishing lexicon.

E. I. Syanova. A lexicographic description of Russian dialects in the Leningrad Region: research methods and principles.

The paper outlines the status of the project undertaken by our research team (I. V. Baklanova, E. V. Kolosko, O. N. Krylova, and E. I. Syanova) to provide a lexicographic description of a portion of the manuscript archive stored at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. The goal is to compile a "Dictionary of the Leningrad Region Dialects" based on unique hand-written records dating back to 1936–1947. Although the lexical systems of most Northern Russian dialects have been described in various lexicographical publications, no separate lexicographic work focused exclusively on Leningrad Region dialects is at hand apart from individual entries in various dictionaries of Northern Russian dialects. This situation is obviously partly due to the many administrative division reforms the region has suffered. The paper outlines the basic theoretical and methodological concepts underlying the compilation of the "Dictionary of the Leningrad Region dialects of 1936–1947".

Key words: unique manuscript materials of 1936–1947, Leningrad Region dialects, theoretical and methodological concepts of dialectal lexicography.

M. A. Kholodilova. (To,) čto nazyvaetsja '(that) what is called': halfway between a relative construction and a set parenthetical expression.

The Russian constructions *čto nazyvaetsja* 'what is called' and *to, čto nazyvaetsja* 'that what is called' share common properties with both parentheticals and relative clauses (especially, with so-called transparent relative clauses). The highly lexicalized construction *čto nazyvaetsja* 'what is called' is very similar to parentheticals. The construction *to, čtonazyvaetsja* 'that what is called' patterns in some respects with relative clauses, e. g. it is more frequent where the designation is a NP and tends to be avoided in postposition to the designation. During the 18th–19th centuries the construction *čto nazyvaetsja* 'what is called' acquired some common features with parenthetical clauses. For instance, the lexical constraints became more strict and non-NP designations, more frequent. Mydata suggest that both constructions represent an intermediate stage on a cline of change from relative clauses to parentheticals.

Key words: relativization, free relatives, light-headed relatives, transparent relatives, parentheticals.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Исследования по балканистике

От редакторов	9
<i>Л. А. Герд, М. Л. Кисилиер (Санкт-Петербург)</i> Акты из афонских монастырей как материалы по исторической диалектологии греческого языка	13
<i>Н. Г. Голант (Санкт-Петербург)</i> Мифологические представления румын Олтении и Мунтении (по материалам экспедиций в Вылчу, Горж, Мехединць и Бузэу)	27
<i>М. В. Домосилецкая (Санкт-Петербург)</i> Заметки по балканскому гербарию: мальва и артишок (к назва- ниям молокосвертывающих растений в балканском лингвисти- ческом контексте)	41
<i>А. С. Дугушина (Санкт-Петербург)</i> Вредоносные силы и женщина в цикле родинной обрядности албанцев Приазовья	67
<i>Д. С. Ермолин (Санкт-Петербург)</i> Фотоколлекция Ю. В. Ивановой по албанцам Приазовья в Фотоар- хиве ИЭА РАН: перспективы изучения для лингвистов и этнографов	75
<i>Л. Н. Каминская (Санкт-Петербург)</i> Албанский материал в «Словаре» Петера Симона Палласа: осо- бенности передачи фонетики	83
<i>М. Л. Кисилиер (Санкт-Петербург)</i> Аналитические формы настоящего времени и имперфекта в ца- конском диалекте новогреческого языка	93

<i>М. Л. Кисилиер, А. А. Новик, А. Н. Соболев (Санкт-Петербург, Марбург)</i>	
Этнолингвистические и диалектологические наблюдения из Дропула (Албания). По материалам российской экспедиции 2009 года	111
<i>Е. А. Литвин (Москва)</i>	
Колыбельные песни салентийских греков: мотивы и образы	135
<i>М. С. Морозова (Санкт-Петербург)</i>	
Албанский говор села Жовтневого в условиях языкового контакта: по материалам экспедиций 2011–2013 годов	147
<i>М. С. Морозова, Т. А. Архангельский, М. А. Даниэль, А. Ю. Русаков (Санкт-Петербург, Москва)</i>	
Албанский национальный корпус: основные направления работы	169
<i>А. А. Новик (Санкт-Петербург)</i>	
Акциональный код знахарских практик албанцев и гагаузов Приазовья: по материалам экспедиций 1998–2012 годов	191
<i>В. А. Панов (Москва)</i>	
Глагольные формы прогрессива греческого диалекта Саленто в ареально-типологической перспективе	201
<i>В. В. Федченко (Санкт-Петербург)</i>	
Свидетельства о греческом языке Константинополя	215
<i>Hans Eideneier (Köln)</i>	
« <i>Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος</i> » και η ευρωπαϊκή παρεξήγηση	245
 II. Лингвистическая судебная экспертиза: типы, методы, решения	
<i>Е. С. Кара-Мурза, И. Е. Кузнецова (Москва, Санкт-Петербург)</i>	
Предисловие	257

1.

- Ю. В. Барина* (Томск)
К вопросу о необходимости обоснования негативности информации 265
- Е. Н. Геккина* (Санкт-Петербург)
Время и деньги в сложных грамматических условиях: выбор интерпретации 275
- В. А. Ефремов* (Санкт-Петербург)
оскорбление: наивная и юридическая картина мира 291
- Г. С. Иваненко* (Челябинск)
Объективное и субъективное в конфликтном тексте: вопросы экспертной квалификации 311
- Т. С. Садова* (Санкт-Петербург)
Конфликтный потенциал наименования как предмет лингвистической экспертизы: номинация человека 327
- Т. В. Чернышова* (Барнаул)
Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблема выбора метода в современной лингвоэкспертной практике 335

2.

- Е. С. Кара-Мурза* (Москва)
Проблемы лингвистической экспертизы произведений коммерческой рекламы 351
- М. А. Венгранович, И. Е. Кузнецова, Д. В. Третьякова* (Тольятти, Санкт-Петербург, Тольятти)
Лингвистическая экспертиза наименований лекарственных средств 389

3.

- В. В. Васильева, Л. Р. Дускаева (Санкт-Петербург)*
Коммуникативный сценарий призыва в массмедийном полико-
довом тексте: проявления экстремистского высказывания 395
- П. А. Катышев, С. В. Оленев (Москва / Кемерово, Кемерово)*
К вопросу о судебной лингвистической экспертизе по делам, свя-
занным с вовлечением в деятельность нелегальных организаций 407
- Э. П. Лаврик (Ставрополь)*
Маркеры имплицитных призывов в спорном тексте 421
- С. М. Оленников (Санкт-Петербург)*
Коммуникативно-риторический анализ как метод лингвистиче-
ской экспертизы по делам о противодействии экстремизму 431
- Ю. С. Фомина (Уфа)*
Особенности реализации речевых актов побуждения в текстах
экстремистской направленности 441
- Е. Е. Хазимуллина (Уфа)*
Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских
организаций 453

III. Varia

- О. А. Волошина (Москва)*
Шива-сутры как важнейший элемент метаязыка грамматики Па-
нини 473
- М. М. Горина (Москва)*
Оценка реформы словацкого литературного языка 1852 года в
работах лингвистов 499
- В. В. Истратий (Санкт-Петербург)*
Наименования преступлений в русском переводе трактата
У. Блэкстона «Истолкования аглинских законов» 513

<i>В. В. Казаковская, И. Балчюнене (Санкт-Петербург, Каунас)</i> Вопросительные повторы реплик в русском и литовском инпуге (к проблеме избыточности)	535
<i>С. Б. Клименко (Санкт-Петербург)</i> Отрицание в йаттука и принципы построения типологии отри- цания в филиппинских языках	573
<i>Д. В. Конёр (Санкт-Петербург)</i> Лексическая реализация предметного кода карашевской свадьбы	629
<i>П. А. Кочаров (Санкт-Петербург)</i> Древнеармянская результативная конструкция с <i>inel</i> 'иметь' . . .	651
<i>В. М. Круглов (Санкт-Петербург)</i> О задачах изучения русского языка петровской эпохи (Статья первая)	673
<i>Д. Б. Крюкова (Санкт-Петербург)</i> Парафраз и калькирование в нижненемецкой Псалтири	683
<i>С. В. Русанова (Новосибирск)</i> Термины <i>челобитная</i> и <i>прошение</i> в законодательных актах XVIII века	705
<i>А. А. Сорокин (Петропавловск-Камчатский)</i> О названиях видов рыб в языке нымыланов-алюторцев	717
<i>Е. И. Сьянова (Санкт-Петербург)</i> Лексикографическое описание русских говоров Ленинградской области: методы и принципы работы	731
<i>М. А. Холодилова (Санкт-Петербург)</i> (То,) что называется: между относительной конструкцией и устойчивым вводным оборотом	763
Сведения об авторах	781
Аннотации и ключевые слова	787

CONTENTS

I. Balkan Studies

Introduction	9
<i>L. A. Gerd, M. L. Kisilier</i>	
Documents from Mount Athos as the source for Greek historical dialectology	13
<i>N. G. Golant</i>	
Mythological representations of Romanians from Oltenia and Muntenia (based on the expeditions in Vâlcea, Gorj, Mehedinți and Buzău districts)	27
<i>M. V. Domosiletskaya</i>	
Notes on the Balkan herbarium: wild mallow and artichoke (the names of milk-clotting plants in the Balkan linguistic context)	41
<i>A. S. Dugushina</i>	
Harmful forces and woman in the birth rites' practices of Albanians near the Sea of Azov	67
<i>D. S. Ermolin</i>	
Yulia V. Ivanova's photo collection on the Albanians of Ukraine in the Archive of IEA RAS: study perspectives for linguists and ethnographers	75
<i>L. N. Kaminskaia</i>	
Albanian data in multilingual dictionary by Peter Symon Pallas: interpretation of phonetic features	83
<i>M. L. Kisilier</i>	
Tsakonian analytic forms of Present and Imperfect	93
<i>M. L. Kisilier, A. A. Novik, A. N. Sobolev</i>	
Ethnolinguistic and dialectological observations from Dropull, Albania. Some data of the Russian expedition in 2009	111

<i>E. A. Litvin</i>	
Lullabies of Salento Greeks: the motive structure	135
<i>M. S. Morozova</i>	
Albanian subdialect of Zhovtnevoye in contact: a view of data from expeditions of 2011–2013	147
<i>M. S. Morozova, T. A. Arkhangelskiy, M. A. Daniel, A. Yu. Rusakov</i>	
Albanian National Corpus: main lines of work	169
<i>A. A. Novik</i>	
The actional code of the healers’ practice among the Albanian and Gagauzian population near the Sea of Azov (expeditions 1998–2012)	191
<i>V. A. Panov</i>	
Progressive forms in Salento Greek in light of areal typology	201
<i>V. V. Fedchenko</i>	
About the Greek language of Constantinople	215
<i>H. Eideneier</i>	
“In the beginning was the Word” and European misunderstanding . .	245

II. Linguistic Expertise

Preface	257
-------------------	-----

1.

<i>Yu. V. Barinova</i>	
On the question of justification of negative information	265
<i>E. N. Gekkina</i>	
<i>Time</i> and <i>money</i> in complex grammatical conditions: choice of inter- pretation	275
<i>V. Efremov</i>	
<i>Insult</i> : naive and juristic worldview	291

<i>G. S. Ivanenko</i>	
Objective and subjective in a conflict context: questions of expert qualification	311
<i>T. S. Sadova</i>	
Conflict potential of nomination as an object of linguistic expertise: name of the person	327
<i>T. V. Chernyshova</i>	
Analytical and expert activities of the linguist and the problem of method choice in modern lingvo-expert practice	335

2.

<i>E. S. Kara-Murza</i>	
Problems of linguistic expertise of commercial advertisement	351
<i>M. A. Vengranovich, I. E. Kuznetsova, D. V. Tretyakova</i>	
Forensic enquiry of pharmaceutical names	389

3.

<i>V. V. Vasilyeva, L. R. Duskaeva</i>	
Communicative scenario of incitement in a plycode mass-media text: displays of extremist statements	395
<i>P. A. Katyshev, S. V. Olenev</i>	
On the question of forensic linguistic expertise of the cases about illegal organizations involvement	407
<i>E. P. Lavrik</i>	
Markers of implicit appeals in disputable texts	421
<i>S. M. Olennikov</i>	
Communicative and rhetorical analysis as a method of linguistic expertise on anti-extremist cases	431
<i>Yu. S. Fomina</i>	
Features of verbal acts of motivation in extremist texts	441

E. E. Khazimullina
 Mechanism of speech involvement by extremist organisations 453

III. Varia

O. A. Voloshina
 The Shiva-Sutra as the central element of the meta-language of
 Pāṇini's grammar 473

M. M. Gorina
 Linguists on the 1852 reform of Literary Slovak 499

V. V. Istratiy
 Crime names in the Russian translation of W. Blackstone's "Commen-
 taries on the Laws of England" 513

V. V. Kazakovskaya, I. Balčiūniė
 Interrogative repetitions in Russian and Lithuanian child-directed
 speech (redundancy issues) 535

S. B. Klimenko
 Negation in Yattuka and principles for building a typology of negation
 in Philippine languages 573

D. V. Konyor
 Object code in Krashovani wedding vocabulary and its lexical mani-
 festation 629

P. A. Kocharov
 Classical Armenian resultative construction with *unel* 'have' 651

V. M. Kruglov
 Russia in the Age of Peter the Great 673

D. B. Kryukova
 Paraphrase and Calquing in the Hand-Written Low German Psalter . . 683

S. V. Rusanova
 The terms *chelobitnaja* 'humble petition' and *proshenije* 'plea, appli-
 cation, solicitation' in Russian legislative acts of the 18th century . . . 705

<i>A. A. Sorokin</i>	
On names for fish in Alutor	717
<i>E. I. Syanova</i>	
A lexicographic description of Russian dialects in the Leningrad Re- gion: research methods and principles	731
<i>M. A. Kholodilova</i>	
(<i>To,</i>) <i>čto nazyvaetsja</i> '(that) what is called': halfway between a relative construction and a set parenthetical expression	763
Contributors	781
Summaries and Key words	807

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский.

Т. XII. Ч. 3. I. Исследования по балканистике. II. Лингвистическая судебная экспертиза: типы, методы, решения. III. *Varia* / Ред. М. Л. Кисилиер, И. Е. Кузнецова, А. Ю. Русаков. СПб.: Наука, 2016. — 837 с.

Утверждено к печати

Ученым советом Института лингвистических исследований РАН

Подписано к печати 23 июня 2017 г.

Формат 60x90 1/16

Гарнитура PT Serif

Усл. печ. л. 52, 4. Уч.-изд. л. 47, 5. Тираж 500 экз.

Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

main@nauka.nw.ru

www.naukaspb.com

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Технический редактор: А. В. Андреев

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21

тел./факс: (812)6220123

menager_nestor@list.ru

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН

https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XII_3.pdf